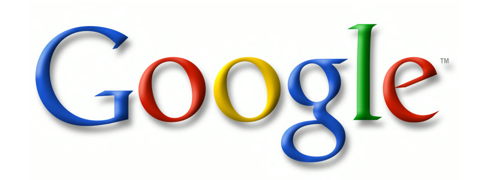

VE
RI
TAS

VE RI
TAS

ОБРАЗОВАНІЕ

ФЕВРАЛЬ

По Постановленію СПБ. Комитета по дѣламъ печати на первый номеръ журнала наложенъ арестъ. Подписчикамъ, не получившимъ этого номера, будутъ въ теченіе февраля мѣсяца выданы двѣ книги: № 2 и № 2а.

Содержаніе № 2.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

см. стр. 3.

XVI. 1907

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

№ 2

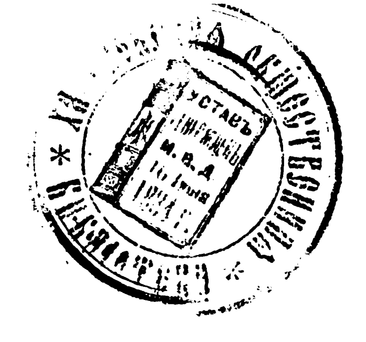

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126.
1907.

СОДЕРЖАНІЕ № 2.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Поручикъ Курнатовскій.

Разсказъ **Марка Волохова**.

I.

Въ второй половинѣ ноября молодой врачъ Павелъ Владиміровичъ Бураковъ уѣзжалъ изъ Кіева въ глухое мѣстечко къ женѣ и маленькому сыну. Павелъ Владиміровичъ, психіатръ по спеціальности, былъ ассистентомъ при извѣстномъ профессорѣ. Жену съ ребенкомъ онъ давно уже услалъ подальше отъ всѣхъ городскихъ ужасовъ, а теперь и самъ отправлялся „поотдохнуть нервами и позаняться". До отхода поѣзда оставалось еще минутъ пять, и Бураковъ, поднявъ узкія, худыя плечи и опустивъ голову въ воротникъ, стоялъ на перронѣ и слѣдилъ за вокзальной суетой. Пріятно было быть на людяхъ, среди яркаго свѣта электрическихъ фонарей. Люди суетились, бѣгали, кричали. И, глядя на толкающихся пассажировъ, на артельщиковъ, кричащихъ: „Берегись! Дорогу!", на монументальнаго жандарма, на начальника станціи, Буракову казалось, что всѣ они безъ различія знаютъ что-то общее, радостное и побѣдное, или унизительное и ужасное. Нужно было крикнуть, только крикнуть властное слово. И, думая о другихъ злобахъ дня, Бураковъ заглядѣлся на электрическій фонарь, въ которомъ что-то копошилось и жалобно гудѣло и отъ времени до времени прислушивался къ вою вѣтра, дувшему изъ-за вагоновъ со стороны открытаго поля такъ порывисто, словно онъ собрался потушить большое пламя или сорвать гдѣ-нибудь крышу. Но вотъ раздалось два отрывочныхъ, рѣзкихъ удара въ вокзальный колоколъ, и Бураковъ, вздрогнувъ, бросился къ своему вагону. Минутъ черезъ пять поѣздъ двинулся. Отъ Буракова стали уходить вправо столбы, окна, фонари, люди, ушелъ понурый, глубоко глядѣвшій въ землю начальникъ станціи, ушелъ монументальный жандармъ; какая-то старая женщина, истерически рыдая, бѣжала за поѣздомъ, крича:

„Злата! Злата!"; кто-то за спиной сказалъ: „Провожаетъ дочь въ Америку". Вдругъ стали раздаваться тревожные свистки. Бураковъ выглянулъ назадъ: за поѣздомъ бѣжалъ какой-то господинъ, въ черномъ пальто и мѣховой шапкѣ, съ желтымъ сакомъ въ правой рукѣ. Сзади доносились крики: „Нельзя! нельзя!". Кто-то даже схватилъ его за рукавъ, но онъ отмахнулся. Вотъ поровнялся онъ съ Бураковымъ; черезъ секунду былъ конецъ перрона; Бураковъ высунулся, протянулъ догонявшему руку и тотъ прыгнулъ въ вагонъ, чуть не сбивъ его съ ногъ.

Когда запоздавшій господинъ, глубоко и часто дыша, сталъ твердо на ноги, поѣздъ уже мчался во тьмѣ, мимо сигнальныхъ огней семафоровъ, мимо стрѣлочныхъ будокъ и мимо таинственно чернѣвшихъ вагоновъ.

— Простите,—задыхаясь промолвилъ онъ,—и отъ его дыханія понесло сильнымъ запахомъ спирта.—Я не ушибъ васъ? Позвольте пожать протянутую руку.

Бураковъ протянулъ ему руку, а онъ, все еще тяжело и часто вздыхая, приподнялъ плечи, склонилъ свой станъ, слегка опустилъ голову и, поднеся концы пальцевъ къ полямъ шляпы, проговорилъ:

— Курнатовскій.

Бураковъ назвалъ себя и внимательно посмотрѣлъ на него. Это былъ рослый и широкоплечій мужчина. Въ крупныхъ чертахъ его смуглаго лица было что-то добродушно-упрямое; маленькіе черные усики и нѣсколько курчавыхъ волосъ на щекахъ и подбородкѣ дѣлали его лицо совсѣмъ моложавымъ. Припухшія вѣки и мѣшки подъ глазами придавали ему не совсѣмъ здоровый видъ. Онъ никакъ не могъ отдышаться.

— Фу, усталъ! А зачѣмъ спрашивается? Мнѣ, собственно говоря, совершенно все равно было, уѣхать или не уѣхать. Просто такъ пріѣхалъ на вокзалъ: можетъ быть, уѣду, а, можетъ, и нѣтъ.

Лицо Буракова выразило недоумѣніе.

— Вы удивляетесь? Вамъ не знакомы такіе моменты въ жизни, когда все равно?

Бураковъ задумчиво покачалъ отрицательно головой.

— Не знаете? Поживете—увидите, а, впрочемъ, не дай Богъ! Бываетъ... Да вѣдь большинство уѣзжающихъ дѣлаетъ видъ, что имъ некогда.

Курнатовскій |какъ-то устало и болѣзненно улыбнулся однимъ ртомъ, и вдругъ широко и громко зѣвнулъ, показавъ большіе прекрасные зубы.

— Выѣхалъ я заблаговременно,—продолжалъ онъ апатичнымъ и придавленнымъ голосомъ,—но извочикъ по-

вался мнѣ ужасный. Лошадь у него побѣжитъ, побѣжитъ и станетъ; онъ ее похлещетъ, почмокаетъ—опять побѣжитъ и станетъ. Сначала я было сердился, а потомъ сталъ, знаете, на лошадиную точку зрѣнія или, если хотите, наоборотъ: со скотской точки перешелъ на человѣческую. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть, адская скука бѣгать теперь по городу: на дворѣ мокро, грязно, паршиво, какъ у самоубійцы на душѣ, а ты бѣгай и вези пьяницу и драчуна извозчика и сѣдока, которому все равно, что сегодня, что въ четвергъ; не поѣду—и кончено! Хлещетъ онъ ее, какъ говорится, и въ хвостъ, и въ гриву, а она—ни съ мѣста. „Не смѣй бить,—кричу я ему,—вѣдь больно скотинѣ, жаль!", а онъ мнѣ: „Нынче людей не жалѣютъ не то, что скотину; а только она у меня норовистая". Такъ и сказалъ,—Курнатовскій еще разъ повторилъ послѣднюю фразу извозчика и сталъ разсказывать дальше:

— Кое-какъ добрались мы до вокзала. Узнаю: ужъ два звонка дали. Сталъ я суетиться, бѣгать: позабылъ, значитъ, что мнѣ все равно. А какъ увидалъ, что поѣздъ тронулся, тутъ и загорѣлось: догнать, непремѣнно догнать. Спасибо, вы протянули руку, а то, пожалуй, мнѣ бы недолго и подъ колеса.

— Да и вы прыгнули очень ловко,—замѣтилъ Бураковъ. Опираясь тяжело всѣмъ тѣломъ о стѣнку вагона и засунувъ руки въ карманы, Курнатовскій ничего не отвѣтилъ и умолкъ, что-то думая про себя. Черезъ нѣсколько минутъ онъ какъ бы добавилъ къ своимъ послѣднимъ словамъ:

— Такъ, знаете, иногда жизнь мчится, какъ этотъ поѣздъ, на всѣхъ парахъ; запоздаешь, хочешь догнать ее, хорошо, если протянутъ руку, а не то подъ колеса,—и онъ махнулъ такъ рукой, будто дѣйствительно что-то швырнулъ подъ вагонъ,—можетъ, искалѣчитъ, можетъ, убьетъ, да...

При послѣднихъ многозначительныхъ словахъ Бураковъ насторожился и какъ-то сразу почувствовалъ, что этотъ грузно опершійся о стѣнку человѣкъ таитъ что-то тяжелое и мрачное. Въ это время прошли на площадку контролеръ и два кондуктора. Чтобы пропустить ихъ пройти по узкой площадкѣ, Бураковъ прижался къ стѣнѣ, а Курнатовскій отступилъ назадъ, быстро и ловко щелкнувъ каблуками. „Мигаево! Раздѣльная!"—проговорилъ громко контролеръ, поднося билеты къ свѣту и прорѣзывая ихъ.

— Мы съ вами, значитъ, почти до самаго конца попутчики,—замѣтилъ Бураковъ.

— Да, возможно,—отвѣтилъ глухо и неопредѣленно Курнатовскій, принявъ прежнюю вялую позу, и опять ши-

роко и протяжно зѣвнулъ.—Простите, это у меня нервная зѣвота.

Бураковъ снова услышалъ запахъ спирта, и, невольно поморщившись, онъ предложилъ Курнатовскому войти въ вагонъ посмотрѣть свои мѣста. Тотъ согласился. Въ вагонѣ было тепло и многолюдно; замѣтно было нѣсколько человѣкъ солдатъ, возвращающихся съ войны и изъ запаса, и совершенно не видно было интеллигентныхъ лицъ. Большинство пассажировъ располагалось поудобнѣе на ночлегъ и устраивало свои лежанки. Буракову и Курнатовскому пришлось пройти по всему вагону, такъ какъ мѣста ихъ были въ противоположномъ концѣ; мѣста ихъ оказались не рядомъ. Но сосѣдъ, лежавшій противъ Буракова, большой широкій человѣкъ въ картузѣ, услыхавъ разговоръ о мѣстахъ, любезно предложилъ помѣняться мѣстами, такъ какъ ему все равно нужно было ночью „слѣзать". Вошедшій кондукторъ переписалъ ихъ плацкарты, и дѣло было улажено. Въ вагонѣ было очень жарко и душно, и черезъ нѣсколько минутъ Буракова и Курнатовскаго снова потянуло на свѣжій воздухъ, на площадку. Въ одномъ мѣстѣ узкаго прохода вагона имъ нужно было пропустить проходившую барышню.—Виноватъ,—промолвилъ, сторонясь, Курнатовскій, щелкнулъ каблуками и какъ-то характерно поднесъ пальцы къ полямъ шапки. На площадкѣ Курнатовскій закурилъ; Бураковъ вообще не курилъ, но пожелалъ „испортить" папиросу. „Кто онъ такой?", подумалъ про себя Бураковъ и заглядѣлся на пламя свѣчи. Ему припомнился Конанъ-Дойль и его Шерлокъ-Хольмсъ, который всегда быстро угадывалъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Чему вы, позвольте спросить, улыбаетесь?—спросилъ его Курнатовскій.

— Чему? Я задалъ себѣ вопросъ: кто вы такой? И вспомнилъ Шерлокъ-Хольмса. Вы читали?

— Читалъ. Ну, и къ какимъ результатамъ вы пришли?— иронически спросилъ Курнатовскій.

— Скажите, пожалуйста, если позволите, вы, вѣрно, военный, недавно въ отставкѣ; быть можетъ, участвовали въ войнѣ и были ранены?

— Ну, а еще что?

— Еще?—Бураковъ смущенно замялся.—Подозрѣваю еще что-то, но думаю, что это съ моей стороны было бы грубо и неделикатно; впрочемъ, это не важно.

— Ничего, говорите, прошу васъ.

— Еще... еще... васъ гнететъ что-то.

— Гм... гм... а изъ чего вы все это заключили, позвольте

узнать?—какъ то равнодушно освѣдомился Курнатовскій, какъ будто это и не его касалось.

— Что вы изъ военныхъ, это заключилъ по вашей осанкѣ, манерѣ кланяться, пристукивать каблуками и характерно подносить руку къ полямъ шапки, точно къ козырьку фуражки. Во Франціи, напримѣръ, военные часто носятъ штатское платье, но и въ штатскомъ ихъ узнаютъ. Если манеры сохранились и вы молоды, слѣдовательно, вышли вы въ отставку недавно. Затѣмъ, когда человѣку „все равно" и онъ произноситъ такъ себѣ многозначительныя фразы, можно предположить, что на душѣ у него неладно; да, наконецъ, душевное состояніе чувствуется, и это вѣрнѣе всего.

— Такъ,—буркнулъ Курнатовскій неясно и про себя.

Все время онъ слушалъ Буракова, опустивъ глаза внизъ. Подъ конецъ онъ снова протяжно зѣвнулъ, ляскнувъ зубами.

— Значитъ, объектецъ для психологіи? А вы кто будете, позвольте узнать?—спросилъ Курнатовскій.

— А вы попробуйте угадать,—засмѣялся Бураковъ.

— Что же? Вѣдь вы больше молчали. Что интеллигентъ, это видно, и затѣмъ не психологъ я, не наблюдателенъ.

— Относительно себя могу вамъ сказать, что я врачъ, служу при Сергіевской больницѣ.

Бураковъ по инерціи хотѣлъ прибавить: „и состою ассистентомъ при профессорѣ Холодномъ", но ему показалось, что это похоже на рекламу.

— Гм... гм.,—отвѣтилъ Курнатовскій,—докторъ вы?—и лицо его озарила вымученная улыбка.—Вотъ вы говорите, что военный я въ отставкѣ. Ну, а, можетъ быть, я переодѣтый полицейскій чинъ, преслѣдующій какого-нибудь важнаго преступника. Мало того, мнѣ можетъ казаться, что этотъ преступникъ—вы. Или, быть можетъ, я переодѣтый жандармъ, выслѣживающій опаснаго революціонера, и революціонеръ этотъ—вы, господинъ докторъ. Вы улыбаетесь? Вы не революціонеръ и не обыкновенный убійца?

Курнатовскій оживился, заговорилъ быстрѣе обычнаго и въ первый разъ посмотрѣлъ прямо въ глаза Буракову.

— Конечно, сію минуту—нѣтъ, но развѣ въ нынѣшнее время вы можете поручиться за то, кѣмъ вы будете завтра, черезъ часъ? Вѣроятно, въ смутное время выдумали пословицу: отъ сумы да отъ тюрьмы не отрекайся. Положимъ, я сейчасъ отъ толчка, допустимъ, быстро протягиваю въ вашу сторону руки,—Курнатовскій положилъ свои внушительныя лапы на узкія, худыя плечи Буракова. По тѣлу Буракова прокатился невольный страхъ, и руки инстинктивно поднялись для самозащиты.

— Вотъ видите,—продолжалъ Курнатовскій, принимая руки,—вы вполнѣ естественно испугались. Допустимъ теперь, что выходная дверь открыта. Вы отбрасываете меня отъ себя и... выкидываете подъ колеса вагоновъ.

— Что вы сдѣлали!?—успѣваю я крикнуть, какъ пишутъ въ газетахъ, душу раздирающимъ голосомъ. И только... Какъ вы дальше поступаете, это не важно. Но недурное воспоминаньице, неправда ли?

— Это ужъ изъ другой оперы,—возразилъ Бураковъ,— это относится къ категоріи неумышленныхъ убійствъ, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія.

— Да, докторъ, но въ жизни, вмѣсто двухъ человѣческихъ рукъ, на васъ налагаетъ рука желѣзная дѣйствительность, и тогда,—много ли найдется умышленныхъ убійствъ? Ну... Ну, а насчетъ того, что я военный и былъ на войнѣ, такъ всѣ мы теперь, русскіе граждане, воюемъ. А на войнѣ,— прибавилъ онъ, вздохнувъ и уже снова апатично,—бываютъ раненые, раненые легко, тяжело и смертельно.

Они помолчали. Прислушиваясь къ мѣрному постукиванію вагона, Бураковъ чувствовалъ, что имъ овладѣваетъ сильное любопытство. Кто онъ? Что кроется, въ дѣйствительности, подъ его многозначительными словами?

— Послушайте, докторъ,—Курнатовскій, хитро улыбаясь и глядя Буракову въ грудь, приблизилъ очень близко свою голову къ его головѣ,—а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, преступникъ-то, именно, я. Благодаря вамъ, я успѣлъ удрать этимъ поѣздомъ и теперь разыгрываю отставного военнаго. Вотъ это будетъ поближе къ истинѣ, а? Можно сдѣлать такое предположеніе?

— Мало ли что можно,—смущенно отвѣтилъ Бураковъ, которому какъ-то сразу не понравился тонъ бесѣды. Курнатовскій принялъ прежнюю позу; съ лица у него сползла кривая улыбка, брови нахмурились, и онъ, сразу выровнявшись, сказалъ:

— Пойдемте, докторъ, на свои мѣста.

Бураковъ живо согласился. Хоть и любопытно было, но отъ страннаго разговора, въ уединеніи, на площадкѣ, ему захотѣлось уйти въ вагонъ, къ людямъ. Боясь показаться малодушнымъ самому себѣ, онъ замѣтилъ:

— Пойдемте, я ужъ продрогъ здѣсь: съ поля дуетъ сырой вѣтеръ.

Изъ черной тьмы внѣ вагона, изъ невидимаго лѣса, дѣйствительно, все время ползла острая струя холода.

Когда они вошли въ свое отдѣленіе, уже всѣ койки были подняты, но добрая половина людей еще не спала. Въ противоположномъ концѣ отдѣленія слышенъ былъ

громкій разговоръ и поминутно матерная ругань. На верхнихъ койкахъ было совсѣмъ свѣтло. Надъ Бураковымъ спалъ, подостлавъ пальто, съежившись и подобравъ колѣнки къ животу, человѣкъ въ пиджачкѣ, а надъ Курнатовскимъ — видно, крестьянинъ, не раздѣтый, на голой доскѣ, лицомъ внизъ. Его длинныя ноги не умѣщались на койкѣ, и два большихъ сапога готовы были задѣть носками голову прохожаго.

— Спятъ...—вздохнулъ Курнатовскій,—помните: сны беззаботные, сны мимолетные снятся лишь разъ... Кажется, такъ?

Бураковъ кивнулъ головой.

Но въ нижнихъ койкахъ было совершенно темно: верхнія заслоняли ихъ отъ свѣта. Бураковъ и Курнатовскій сняли пальто и шляпы, и оба посмотрѣли другъ на друга, и оба замѣтили это. Безъ шляпы Курнатовскій былъ гораздо интереснѣе. У него былъ красивый, чистый лобъ и довольно интеллигентная физіономія. Бураковъ подумалъ:

— Ничего себѣ лицо, типичнаго мало.—А Курнатовскому бросились въ глаза худоба и выразительность лица Буракова.

Буракову захотѣлось ѣсть. Онъ досталъ свертокъ съ припасами и сталъ предварительно упрашивать Курнатовскаго поддержать компанію, но тотъ отказался: у него совершенно не было аппетита. Обмѣниваясь изрѣдка отрывочными фразами, Бураковъ назвалъ свое имя Курнатовскому и узналъ, что его зовутъ Александромъ Ивановичемъ и что, дѣйствительно, онъ военный и находится теперь въ отпуску. Буракову хотѣлось спросить, почему же онъ въ штатскомъ платьѣ, но рѣшилъ, что это неудобно. Бураковъ замѣтилъ, что Курнатовскій иногда глубоко задумывался, разсѣянно отвѣчалъ. Отъ времени до времени онъ медленно и осторожно подымался, направлялся къ противоположному затуманенному окну, всматривался въ тьму, прикрывъ голову обѣими руками, и возвращался назадъ. Такъ какъ, очевидно, Курнатовскому хотѣлось очень молчать, то Буракову сдѣлалось какъ-то непріятно стѣснять его своимъ присутствіемъ; спать не хотѣлось, и онъ пошелъ посмотрѣть публику.

Въ противоположномъ концѣ шумъ не унимался. Кто-то началъ пиликать на скрипкѣ, повторяя безконечное число разъ нѣсколько жалкихъ тактовъ мазурки. И въ этой назойливой монотонности не было ничего задорнаго и веселаго. Бураковъ шелъ по вагону, заглядывая въ промежутки между скамьями. Въ сосѣднемъ промежуткѣ сидѣлъ солдатъ съ большой черной бородой, очевидно, запасной; надъ нимъ, на верхней койкѣ, солдатъ помоложе держалъ въ

рукахъ бутыль водки и поочередно пилъ, строилъ гримасу, сплевывалъ и ругался.

— Мы, господинъ, выборгскіе. Тамъ этого и за деньги не достанешь,—и солдатъ постучалъ по бутылкѣ казенной водки, улыбаясь во весь ротъ.—Все пиво да пиво, а чуть замѣтятъ, что того, сейчасъ къ чертовой матери. Вы какой губерніи будете?

— Херсонской,—отвѣтилъ Бураковъ.

— А мы съ Федутинымъ,—онъ указалъ на сидѣвшаго внизу солдата съ черной бородой,—съ Екатеринодара, запасные 1896 года.

А солдатъ съ черной бородой трезво и солидно разсказывалъ худому человѣку, раздѣвшемуся до сорочки и шарившему рукой за пазухой:

— Узнали мы, что вышелъ такой приказъ: отпустить запасныхъ, потому миръ и никакой въ насъ надобности. Ужинать мы ще раньше перестали, потому никакой возможности. Приходилъ ротный, ругался; всѣ молчатъ. Ждали мы, ждали: не пускаютъ и отправили полковнику письмо съ требованіемъ: „отпустить", а подъ конецъ письма-то сдѣлали гропъ и двѣ кости наперекрестъ. На другой день прибѣжалъ, какъ скаженный, кричалъ, что никакихъ правовъ отпустить не имѣетъ. Ну, поломался, поломался недѣльку и отпустилъ таки.

— Отпустилъ!—воскликнулъ худенькій человѣкъ и вытащилъ руку изъ-за пазухи,—ахъ, ты с... сынъ! Бураковъ пошелъ дальше. У третьяго окна собралось довольно многочисленное общество. Здѣсь было двое солдатъ, возвращавшихся съ войны. Одинъ изъ нихъ съ лицомъ, лишеннымъ всякой растительности, охрипшій и осипшій отъ простуды и водки, что называется, куражился на потѣху всей публикѣ. На каждой станціи онъ бѣгалъ въ одной фуфайкѣ въ буфетъ за выпивкой и возвращался, заявляя: „успѣлъ!". Онъ угощалъ всѣхъ „офицерскими" папиросами, т. е. папиросами съ длинными мундштуками.

— Вотъ, какъ во Владивостокѣ бунтъ былъ, вотъ такъ было. Пришелъ къ намъ управляющій отъ Кунстъ Альберсъ, магазинъ тамъ такой есть, нѣсколько домовъ—одинъ магазинъ, пришелъ и говоритъ: вотъ вамъ 50,000 рублей—не троньте. Послали мы его подальше, къ ..... Не нужно денегъ. Разгромили, ловко горѣло...—и голосъ его оборвался, какъ у молодого пѣтушка. А другой солдатъ препирался съ какимъ-то бойкимъ портовымъ рабочимъ изъ Петербурга. Въ лицѣ его было что-то милое и нѣжное; слегка охмелѣвъ, онъ сильно опускалъ верхнія вѣки, что придавало ему болѣзненный видъ. Языкъ ему плохо повиновался,

но онъ зналъ, что хотѣлъ сказать. Но пока онъ успѣвалъ сказать одно слово, распропагандированный бойкій и трезвый рабочій ухитрялся вставить десять словъ.

— Дай сказать, подожди, дай сказать,—просилъ солдатикъ, но видя, что рабочій не унимается, онъ обратился къ Буракову. Здѣсь, онъ видѣлъ, его не станутъ перебивать.

— Я, господинъ, говорю: не главнокомандующій виноватъ, а господа офицеры—вотъ кто. Разъ ты офицеръ, такъ ты долженъ мнѣ такъ духу дать, чтобы я на воздухъ полетѣлъ—вотъ какъ. Я тамъ былъ, собственными глазами видѣлъ—вотъ что. А то, какой это офицеръ, ежли снимаетъ онъ шапку и говоритъ: пропали мы съ вами, братцы! А? Самъ слышалъ, вотъ тебѣ истинный крестъ,—солдатикъ перекрестился.

Рабочій снова вступилъ въ споръ съ милымъ солдатикомъ, но Бураковъ, не дослушавъ, ушелъ въ слѣдующее отдѣленіе вагона, такъ какъ ему противно было выслушивать сальности и брань раскутившагося солдата. Въ слѣдующемъ отдѣленіи уже почти всѣ спали. Только гдѣ-то въ темнотѣ нижнихъ коекъ слышалась чья-то рѣчь, и по нѣсколькимъ долетѣвшимъ до Буракова словамъ можно было догадаться, что двое пассажировъ, лежащихъ другъ противъ друга, ведутъ интересную бесѣду. Бураковъ сталъ прислушиваться, а для отвода глазъ сталъ смотрѣть въ чернѣвшее окно. Говорилъ, должно быть, пожилой уже человѣкъ:

— Такъ, сказываютъ, пошелъ народъ говорить, что, значитъ, царю ничего про войну неизвѣстно. Сталъ это народъ разговоры разговаривать. Одно слово, другое, такъ да сякъ. Кто царя видѣлъ? Никто. Какъ такъ, а, можетъ... видимость...

Но тутъ поѣздъ остановился у станціи. Кто-то выходилъ, вошло двое пассажировъ, стуча сапогами, и внесли съ собой запахъ свѣжаго воздуха. Вотъ поѣздъ опять двинулся, и Бураковъ снова прислушался:

— Пусть знаетъ, какъ съ насъ кровь-то сосутъ, и рѣшили идтить всѣмъ до царя. Помолились, значитъ, Богу, надѣли что есть лучшее; впереди это священники съ иконами, а потомъ рабочіе съ царскимъ портретомъ, съ хлѣбомъ-солью, а потомъ народъ, народъ безъ конца. Прошли это такъ версты съ три, только стали подходить, какъ удругъ артиллерія—трахъ-трахъ... Побѣжалъ народъ... Убитыхъ-то сколько, народу-то сколько перепортили!..

— Ловко,—замѣтилъ собесѣдникъ.

— Такъ, сказываютъ, царь про войну и не знаетъ.

— Врешь!

— Ей-Богу, правда!—серьезно и убѣжденно побожился

разсказчикъ, слѣзая съ лежанки. Это былъ большой, сырой человѣкъ, съ бородой лопатой, ярославскаго типа, тотъ самый, что уступилъ Курнатовскому мѣсто.

— Позвольте узнать, который часъ?—обратился онъ къ Буракову.

Было уже около 12 часовъ.

— Благодарствуйте. Вамъ, можетъ, мѣстечко нужно? Я въ Казатинѣ слѣзаю.

Бураковъ поблагодарилъ и сталъ смотрѣть въ затуманенное, изрѣзанное блестящими струйками, окно. Приложившись лбомъ къ холодному стеклу, онъ долго смотрѣлъ въ черную холодную тьму, изрѣдка озарявшуюся то яркимъ шумнымъ встрѣчнымъ поѣздомъ, то жалкимъ, тихимъ огонькомъ стрѣлки. Онъ долго смотрѣлъ въ тьму и все думалъ о пестрой, могучей новой жизни. Простоявъ довольно долго, Бураковъ вдругъ почувствовалъ, что очень усталъ и хочетъ прилечь, и онъ опять вспомнилъ о своей странной немного встрѣчѣ съ Курнатовскимъ. Онъ пошелъ на свое мѣсто. Опять наигрывала гдѣ-то въ отдаленномъ углу скрипка. Играли теперь pas d'Espagne, въ рукахъ какого-то первобытнаго скрипача легкій, веселый мотивъ превратился въ грустную, монотонную пѣсню.

Выборгскіе солдаты уже спали, а симпатичный солдатикъ продолжалъ спорить съ рабочимъ:

— Какъ такъ, чтобы безъ начальства? Какой же порядокъ? Конечно, предѣлить надо, чтобы мнѣ, положимъ, рубль расходу въ день, или, въ случаѣ семейный, такъ и больше...

Бураковъ прошелъ мимо, не останавливаясь. Онъ тихо прошелъ къ своему мѣсту и только хотѣлъ усѣсться на свое мѣсто, какъ сразу привлекъ его вниманіе Курнатовскій. Курнатовскій, схватившись обѣими руками за грудь въ области сердца, сидѣлъ, опершись о стѣнку сидѣнья, съ запрокинутой назадъ головой. Сдвинутыя брови, страдальчески приподнятыя мышцы надъ глазами, болѣзненно искривленный полураскрытый ротъ—все выражало большое страданіе.

— Александръ Ивановичъ, что съ вами?—окликнулъ его Бураковъ, прикоснувшись къ его плечамъ.

— А, что?—и Курнатовскій моментально принялъ свой обычный видъ. — Это ничего, иногда покалываетъ вотъ здѣсь,—онъ указалъ на сердце,—но быстро проходитъ. Бываетъ каждый день, по вечерамъ, передъ сномъ.

— А давно это у васъ?

— Такъ, мѣсяца три... нѣтъ, четыре.

— Вы обращались къ врачу?

— Нѣтъ, незачѣмъ, не поможетъ.

— У васъ порокъ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Такъ почемъ же вы знаете, что не поможетъ?

— Знаю,—упрямо и безнадежно махнулъ рукою Курнатовскій. Курнатовскій сидѣлъ на скамьѣ, какъ-то тяжело опустившись и упираясь обѣими руками о сидѣнье. Опустивъ голову, онъ глядѣлъ внизъ, въ промежутокъ между сапогами широко раздвинутыхъ ногъ.

— Вы спать не собираетесь? Уже больше двѣнадцати.— спросилъ его Бураковъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, глядя въ землю,—хочу попозже лечь, чтобы больше утомить себя. Кстати, вы, какъ медикъ,—Курнатовскій на минуту поднялъ голову,—вѣроятно, знаете какое-нибудь средство отъ безсонницы.

— Средствъ много, и примѣняются они въ зависимости отъ различныхъ причинъ, вызывающихъ безсонницу. Классическое средство—морфій, но употребляется онъ только въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, и выдаютъ его только по предписанію врача. А вотъ вамъ я посовѣтывалъ бы брать ванны передъ сномъ, если ваша безсонница и колотья на нервной почвѣ.

— Вы думаете...—буркнулъ Курнатовскій про себя, снова уперясь взоромъ въ землю. Минуты на двѣ воцарилось молчаніе.

Бураковъ не такъ могъ доказать, какъ больше всего невольно чувствовалъ, что этотъ человѣкъ хранитъ что-то тяжелое, и ему неудержимо, чисто по-профессіональному, захотѣлось произвести давленіе на психику Курнатовскаго. Онъ началъ говорить ему такъ, какъ это случалось въ практикѣ: соблюдая извѣстную осторожность, и то, что нужно было, и само собой приходило въ голову.

— Жизнь, Александръ Ивановичъ, часто сравниваютъ съ пьесой, разыгрываемой на сценѣ. Участь же врачей такова, что ихъ большею частью приглашаютъ къ пятому акту классической жизненной трагедіи, къ развязкѣ. Передъ вами крики, стоны, проклятія, рыданія, самоубійство; словъ нѣтъ, есть вопль души и... и вы ничего не понимаете,— Бураковъ, когда говорилъ, размахивалъ длинными, худыми руками.

— Да,—продолжалъ онъ,—насъ призываютъ слишкомъ поздно. Между тѣмъ, необходимо предупреждать болѣзни, а не лечить ихъ. Это аксіома, потому что сами болѣзни неизлечимы: ну, напримѣръ, чахотка. Что касается физическихъ страданій, то публика, кажется, стала менѣе халатна,

ну, а насчетъ душевныхъ страданій, такъ, скажу вамъ, это такая terra incognita.

Бураковъ начиналъ увлекаться.

— Вѣдь когда у насъ начинаютъ лечить душевную болѣзнь? Тогда, когда человѣкъ станетъ на улицѣ вверхъ ногами и закричитъ: ку-ку-реку! А лечить надо было давно уже, потому что теперь онъ уже боленъ неизлечимо какой-нибудь навязчивой идеей, тяжелой меланхоліей и т. п. Главная бѣда, что, какъ говорится: чужая душа потемки; что тамъ творится—не увидишь, а если и замѣтишь, такъ тайна чужой души—это святыня, и задѣть, оскорбить ее своимъ вмѣшательствомъ боятся всѣ, въ особенности, близкіе. Возьмите, напримѣръ, самоубійства. Несомнѣнно, это по большей части быстро развивающійся психозъ, совершенно не попадающій въ руки врача, и три четверти изъ нихъ могло бы быть спасено,—надо было только знать, что душа субъекта больна.

Бураковъ передохнулъ и вспомнилъ о своемъ тайномъ намѣреніи произвести давленіе на Курнатовскаго.

— Душевные раны и нарывы, Александръ Ивановичъ, часто подобны физическимъ—они требуютъ немедленнаго, быстраго оперативнаго вмѣшательства; надо только знать, а знать можетъ только близкій другъ; вся же бѣда въ томъ, что у насъ такъ мало истинныхъ друзей.

— Какъ же, по-вашему, лечиться-то нужно?—спросилъ недовѣрчиво и угрюмо Курнатовскій.

Бураковъ отмѣтилъ про себя: сказалъ „лечиться“ и отвѣчалъ:

— Прежде всего нужно вырвать признаніе; чѣмъ оно пройдетъ бурнѣе, со слезами, криками, истерикой, тѣмъ лучше—нарывъ вскрытъ. Если что-нибудь хранятъ втайнѣ, то хранимое недоступно критикѣ и, такимъ образомъ, создается какая-то абсолютная цѣнность. Совершилъ преступленіе, положимъ,—да мало ли преступленій гораздо худшихъ? Измѣнила, напримѣръ, любимая женщина,—да мало ли другихъ красивыхъ, умныхъ, хорошихъ женщинъ? Нужно вырвать больного изъ сферы однообразно-больныхъ впечатлѣній, долбящихъ душу, какъ частое паденіе капель воды долбитъ камень. Впечатлѣнія должны быть разнообразны и жизнерадостны: путешествіе, морское купанье, женщины, смѣхъ, оперетка. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла и, когда душа меркнетъ, нужно возбуждать къ жизни тѣло.

— Такъ-то оно такъ въ теоріи,—вздохнувъ, замѣтилъ Курнатовскій.

А Бураковъ продолжалъ, совершенно позабывъ о своей задачѣ.

— Я теперь много думаю надъ особымъ методомъ леченія душевно-больныхъ. Когда мнѣ было лѣтъ 14, со мною случилась большая для моихъ лѣтъ непріятность. Я не выдержалъ экзаменовъ и долженъ былъ остаться на второй годъ въ томъ же классѣ. Общепринятое мнѣніе, что это позоръ. И вотъ тогда, подъ тяжестью нравственныхъ мукъ, я жаждалъ одного: заболѣть и впасть въ безсознательное состояніе.

— Да, состояніе знакомое,—отмѣтилъ Курнатовскій.

— Такъ вотъ, мнѣ кажется, организмъ самъ показываетъ, что ему нужно; нужна оттяжная банка на душу,—Бураковъ снова началъ жестикулировать руками.—Итакъ, допустимъ, передо мной тяжело-душевный больной, но до кризиса еще далеко. Я заражаю его бактеріями, возбуждающими высокую температуру и безсознательное состояніе, но средства отъ которыхъ мнѣ извѣстны. Медленно, въ теченіе трехъ, четырехъ недѣль лечу его, а за это время муки душевныя и разрядятся. Только опытовъ въ достаточной мѣрѣ нѣтъ возможности производить. Надъ живыми людьми опасно и страшно, а кролики и морскія свинки, кажется, не болѣютъ душою,—тихо засмѣялся Бураковъ, всталъ, потянулся и снова сѣлъ. Когда онъ усѣлся, Курнатовскій смотрѣлъ ему прямо въ глаза, и легкая улыбка скользила по его безусымъ губамъ, и все лицо его, казалось, говорило: „мы понимаемъ, понимаемъ васъ", и онъ сказалъ:

— Извините, пожалуйста, докторъ, мнѣ припомнился одинъ афоризмъ Кузьмы Пруткова, что всѣ спеціалисты подобны флюсу—они односторонни. Они часто видятъ то, что *намѣрены* видѣть. Слѣдователи, напримѣръ, страдаютъ тѣмъ же,—и Курнатовскій продолжалъ лукаво поглядывать на Буракова.

— Оставьте, Александръ Ивановичъ,—воскликнулъ Бураковъ, немного недовольный тѣмъ, что его тайное намѣреніе отчасти обнаружено,—вотъ, откровенно говоря, быть можетъ, вы страдаете маніей преслѣдованія и вамъ лечиться нужно.

— Что? маніей преслѣдованія?!—какъ-то сурово повторилъ Курнатовскій.

Нѣсколько секундъ у него на лицѣ стояло такое выраженіе, будто онъ сейчасъ что-то скажетъ. Помолчавъ немного, онъ тряхнулъ головой, словно что-то отогналъ отъ себя, и улыбаясь, коснулся колѣна Буракова.

— О женщинахъ и разбойникахъ не слѣдуетъ говорить

на сонъ грядущій. Попробуемъ спать, докторъ. Я вотъ попоходному.

Александръ Ивановичъ положилъ себѣ подъ голову свой желтый сакъ-вояжъ, подостлалъ пальто и улегся. Бураковъ послѣдовалъ его примѣру.

„Пустилъ какую-то фразу некстати,—подумалъ Бураковъ.— Что за странная встрѣча? Ты его боишься?—спросилъ онъ самого себя и отвѣтилъ:—Нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, а вдругъ онъ бросится ночью его душить? Но отчего ему не страшно? Уйти было бы очень неловко. Попробовать развѣ спать? Опять наигрываютъ безконечную мазурку“.

Стали—должно быть, станція. Пѣвуче гудятъ тормаза. Какъ сладко ноютъ уставшія за цѣлый день ходьбы ноги. Кто-то вошелъ въ вагонъ, и пробѣжала холодная струя. Кажется, его звалъ профессоръ. Что это, онъ засыпаетъ? Поѣхали. Курнатовскій спитъ. Вагонныя колеса отбиваютъ какой-то знакомый тактъ, какъ начало марша изъ „Пророка“. Тра-та! та-та-та-та... Тра-та! Чернобородый солдатъ говоритъ: ...„сдѣлали мы ему гропъ...“

II.

Отъ сильнаго толчка Бураковъ проснулся. Онъ быстро схватился и посмотрѣлъ на противоположную койку. Курнатовскаго тамъ не было. Въ вагонѣ царила полутьма. Темная ночь уходила, и въ окна глядѣлъ блѣдный осенній разсвѣтъ, такой мрачный и полный отчаянія, такой сѣрый и жалкій, виноватый и трусливый.

Большое желтое пламя догорающей свѣчи въ фонарѣ сильно прыгало и, казалось, боролось съ больнымъ разсвѣтомъ. Холодно; всѣ спятъ. Гдѣ Курнатовскій? Его пальто лежитъ. Бураковъ приподнялся и увидалъ большую фигуру Курнатовскаго, чернѣвшую темнымъ силуэтомъ на сѣромъ фонѣ противоположнаго окна. Вотъ онъ повернулся. Бураковъ быстро улегся и притворился спящимъ. Опустивъ вѣки, онъ сквозь щели рѣсницъ продолжалъ наблюдать. Вотъ Курнатовскій приблизился къ ихъ окну, постоялъ минуту и снова вернулся къ противоположному. Онъ ходилъ очень медленно, мелкими и долгими шагами. Прошелся взадъ и впередъ разъ десять. Сѣлъ. Какое сѣрое, усталое лицо! Какъ тяжело сидитъ, точно слабый больной, опираясь обѣими руками о сидѣнье. Посмотрѣлъ на Буракова и, прикрывъ все лицо руками, сталъ покачиваться изъ стороны въ сторону и стонать глухо и тупо, какъ отъ ноющей зубной боли: мм... мм.

Онъ было на минутку прилегъ, но снова поднялся, отдуваясь, словно сбрасывалъ что-то тяжелое. Посидѣвъ неподвижно еще немного, Курнатовскій медленно приподнялъ пальто, вынулъ желтый ручной сакъ-вояжъ, служившій ему изголовьемъ, и раскрылъ его. Сначала онъ оттуда вынулъ полотенце, затѣмъ гусиную зубочистку, коробку папиросъ, записную книжку — и все клалъ на столикъ у окна. Послѣднимъ былъ вытащенъ средней величины револьверъ, въ чехлѣ-кошелькѣ изъ желтой замши.

Бураковъ не переставалъ слѣдить за Курнатовскимъ, который медленно, словно нехотя, сталъ вынутыя вещи снова укладывать въ сакъ-вояжъ. Послѣднимъ остался на столикѣ револьверъ; взявъ его въ руки, Курнатовскій разстегнулъ чехолъ... Но тутъ, словно отъ электрическаго тока, что-то ударило Буракова съ головы до ногъ и, вскочивъ, онъ схватилъ Курнатовскаго за руки, бормоча дрожащими губами:

— Что вы, что вы? Александръ Иванычъ! не нужно...

Курнатовскій что-то слабо пролепеталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошиб...

На лицѣ его блуждала мучительная улыбка, но рукъ своихъ изъ рукъ Буракова онъ не принималъ. Потомъ улыбка исчезла и, пріоткрывъ опущенные глаза, онъ посмотрѣлъ прямо въ лицо Буракову. Въ его взглядѣ было столько жалкой муки и безысходнаго отчаянія. „Умирающая лошадь"—мелькнуло у Буракова. Не отрывая устремленныхъ другъ на друга взоровъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, показавшихся имъ долгими, тяжелыми минутами, они оба чувствовали, какъ растетъ между ними симпатія и, когда у зараженнаго чужимъ страданіемъ Буракова лицо изобразило тоже страданіе, когда глаза его, казалось, говорили: что съ тобой, тебѣ больно, ты страдаешь?—тогда Курнатовскій какъ-то снялся съ мѣста, прикоснулся дрожащими и холодными пальцами къ рукамъ Буракова и, приблизивъ свое лицо очень близко къ его лицу, заговорилъ, путаясь, перебиваясь и заикаясь, срывающимся голосомъ:

— Докторъ, Павелъ Владиміровичъ, симпатичнымъ показались вы мнѣ человѣкомъ и вообще... понимающій жизнь и... можетъ... можетъ...

Курнатовскій сбился, помолчалъ и сразу сказалъ:

— Заразите меня вашими бактеріями, умоляю васъ, потому что я не могу... Заразите...

Курнатовскій снова умолкъ, и Бураковъ чувствовалъ, что въ груди у него что-то быстро растетъ и растетъ. Курнатовскій вдругъ ясно и тихо выговорилъ:

— Я убилъ... убилъ одного, двухъ, трехъ, не все ли

равно... убилъ, какъ хочетъ убивать топоръ. Неправда ли, какъ это просто? Будто таракана раздавилъ. Люди спятъ, вагоны бѣгутъ, около васъ сидитъ убійца, и вамъ не страшно, вы не кричите, быть можетъ, смотрите на мою физіономію и не находите въ ней ничего звѣрскаго. И, главное, что никто ничего не знаетъ, не подозрѣваетъ. Проклятая жизнь!—и Курнатовскій, сжавъ кулаки, мотнулъ головой.

— Вотъ говорю я вамъ все это, а самъ говорю себѣ: что я дѣлаю? вѣдь это не нормально—выкладывать свою душу первому встрѣчному?! Черезъ часъ я пожалѣю, что разоткровенничался, но силъ моихъ больше нѣтъ молчать: три мѣсяца молчу. Пусть это безуміе, но минута пришла такая и... и надо ловить каждую минуту. Съ тѣхъ поръ, какъ случилось со мной это несчастье, думалъ я, думалъ много надъ своей несложной жизнью, подводилъ, такъ сказать, итоги, когда порой казалось, что не выдержу и уйду изъ этой мучительной жизни. Много разъ мнѣ казалось, что меня судятъ, и я произношу защитительную рѣчь, или что я оставляю послѣ смерти записку, адресованную на имя одной женщины.

Курнатовскій приподнялся и снова сѣлъ.

— Послушайте. Ну, учился я тамъ въ провинціальномъ городишкѣ въ реальномъ училищѣ. Ненавидѣлъ я и науку нашу, и все это училище, и учителей отъ всей души. И что же мнѣ въ самомъ дѣлѣ было дѣлать, если я неспособенъ былъ къ нѣкоторымъ наукамъ, вотъ такъ точно, какъ родился брюнетомъ, а не блондиномъ. Я ни за что не могъ запомнить, какъ сокращаются всѣ придаточныя предложенія, не могъ понять, какъ догадаться, какимъ способомъ рѣшить ариѳметическую задачу, или произвести разложеніе на множители. Естественную исторію, эту красивую науку, превратили въ скучнѣйшую долбежку семействъ числа тычинокъ, формы листьевъ и верхней или нижней завязи. Зато я не дурно занимался по языкамъ, хорошо рисовалъ, пѣлъ въ хорѣ и игралъ на скрипкѣ. Вообще меня тянуло къ искусству и можете себѣ представить, какъ я задыхался въ школѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ у учителей сложилось мнѣніе, что я лѣнтяй, началась травля: мнѣ ставили единицы, оставляли безъ обѣда, сажали по воскресеньямъ въ карцеръ, приглашали родителей, — ничего не помогало. Отецъ мой вспыльчивый былъ человѣкъ и, вернувшись изъ училища, иногда давалъ волю рукамъ, кричалъ, топалъ ногами, швырялъ стульями, чуть не выгонялъ изъ дому. Мать страдала, конечно, и каждый разъ устраивала примиренья между мною и отцомъ. Такъ было въ младшихъ классахъ. Меня

оставляли на второй годъ, но не исключали по одной очень простой причинѣ. Директоръ нашъ очень дорожилъ оркестромъ учениковъ для попечителя и церковнымъ хоромъ для себя, и ему жалко было разстаться съ скрипачемъ и хорошимъ голосомъ. Но вотъ въ старшихъ классахъ голосъ мой началъ мѣняться и грубѣть, пѣть нельзя было, скрипачей появилось много новыхъ, цѣнности, какъ видите, я уже не представлялъ. А между тѣмъ я самъ тоже измѣнился: сталъ лучше учиться, появилось болѣзненное самолюбіе и сознаніе своего человѣческаго достоинства, и, увы, родились страсти. Въ пятомъ классѣ большинство юнцовъ ругалось скверными словами, во время перемѣнъ или свободныхъ уроковъ читали что-нибудь скабрезное, напримѣръ, передѣлку „Горя отъ ума", пересыпанную сальностями и циничными выраженіями; большинство учениковъ курило, около половины мальчугановъ уже страдало тайнымъ порокомъ, а человѣкъ пять, шесть уже пили водку и бѣгали къ проституткамъ. Но кого же интересовала эта сторона нашей жизни? Читалъ я, если хотите, много, но вкусъ у меня былъ испорченъ, и цѣнилъ я въ книжкахъ больше всего тѣ страницы, гдѣ говорилось про любовь. И вообще я не понимаю, какая можетъ быть польза юнцу въ 15 лѣтъ, если онъ читаетъ сочиненія знаменитыхъ писателей, гдѣ описывается жизнь взрослыхъ людей и ихъ любовь, по преимуществу. Было и у насъ нѣсколько мальчиковъ развитыхъ и чистыхъ, но не сошелся я какъ-то съ ними. Съ однимъ, Рабиновичемъ, было подружилъ, но скоро разошлись изъ-за того, что я другого товарища обозвалъ жидомъ. Короче говоря, въ одинъ прекрасный вечеръ нашъ инспекторъ встрѣтилъ меня довольно поздно въ подозрительномъ переулкѣ съ папиросой въ зубахъ. На другой день онъ, въ присутствіи всего класса, обозвалъ меня шарлатаномъ, и я громко крикнулъ: „Вы не смѣете такъ называть меня". Попросили отца, и меня, какъ говорится, уволили „за громкое поведеніе и тихіе успѣхи". Вопреки моимъ ожиданіямъ, отецъ не кричалъ, не кипятился, только мать тихо плакала. Въ домѣ воцарилась такая тишина, какая бываетъ, когда случится большое несчастье.

Недѣли черезъ двѣ отецъ заговорилъ со мной о моемъ будущемъ: „Нужно же что-нибудь дѣлать,—говорилъ онъ,—дѣтей много, денегъ мало". Меня тронуло то, что онъ со мной говорилъ грустно и серьезно, какъ съ взрослымъ. Судили мы, рядили; какъ разъ пріѣхалъ къ намъ погостить дядя—капитанъ арміи и рѣшено было, что я подготовлюсь и поступлю въ юнкерское училище. Нашлась къ тому-же и протекція. И вотъ я уже юнкеръ.—Курнатовскій

вздохнулъ, сокрушенно покачалъ головой и сказалъ— О, если бы знать будущее! Какой-то, знаете, я всегда былъ здоровый человѣкъ, ни надъ чѣмъ не мучился, кромѣ женскаго вопроса. Любилъ я кататься на велосипедѣ, плавать, ходить, хохотать, любилъ выпить, но совершенно не умѣлъ ругаться грязными словами, любилъ красивыхъ женщинъ, но не умѣлъ бѣгать за ними и нахальничать. Не стѣснять себя ради физіологіи научился я еще въ училищѣ. И все-таки мнѣ удалось, за время моего юнкерства, сойтись и разойтись съ тремя, четырьмя женщинами. Не знаю, но какъ только онѣ сдавались и съ ними можно было сдѣлать что угодно, мнѣ онѣ переставали нравиться, и я осторожно расходился съ ними, сохраняя человѣческія отношенія. Послѣ каждой такой связи мнѣ становилось грустно, и въ эти дни я долго игралъ на скрипкѣ, рисовалъ какихъ то неприступныхъ, гордыхъ женщинъ, читалъ Тургенева и Чехова; особенно любилъ я тѣ мѣста, гдѣ они описываютъ природу. Проходило два, три мѣсяца, и я снова былъ Сашка Курнатовскій, какъ меня коротко звали товарищи.

Курнатовскій передохнулъ.

— Во всемъ этомъ, не правда ли, нѣтъ ничего интереснаго,—самая обыденная армейская исторія. Но въ томъ то, докторъ, и весь ужасъ, что самая обыкновенная, заурядная жизнь такъ складывается, что, въ концѣ концовъ, получается одно большое несчастье, и вся заурядная жизнь— страшная жизнь. Послушайте, что было дальше.

— Былъ я уже молодымъ офицеромъ, только что выпустили изъ юнкерскаго; все на мнѣ было новенькое, чистенькое; шелъ я, беззаботно напѣвая какую-то пѣсню, по солнечной сторонѣ улицы. Весна была, и пріятно было ощущать на себѣ солнечные лучи. Уже заглядѣлся я на открывшуюся передо мной синюю ширь моря и, какъ сейчасъ помню, поровнялись со мною студентъ съ барышней. Посмотрѣлъ я на нее и она на меня, и узнали мы другъ друга. Неужели это она? Я оглянулся, оглянулась и она и, кажется, улыбнулась. Конечно, она—Соня Выводцева. Что она здѣсь дѣлаетъ?—Курнатовскій вдругъ схватился:—Ахъ, досада, назвалъ имя женщины! Докторъ! Вы благородный человѣкъ, пожалуйста, пусть это имя останется между нами. И вспомнилъ я славнаго подростка Выводка, подругу моей сестры по гимназіи. Выводцевы были наши сосѣди и Выводокъ, какъ мы называли ее, часто прибѣгала къ намъ такая худенькая и застѣнчивая. Я, впрочемъ, не обращалъ на нее тогда никакого вниманія, развѣ только иногда надоѣдалъ и ей, и сестрѣ мальчишескими выходками. А теперь—какая стройная, бѣлокурая и такое тонкое, умное и красивое

лицо! Хорошо что-то бывало прежде, докторъ.—Курнатовскій спряталъ лицо въ рукахъ, и въ голосѣ его зазвучали теплыя ноты.—Когда оглядываешься назадъ, то кажется, что во всей прошедшей жизни было только нѣсколько минутъ, такихъ дорогихъ и высокихъ,—и только въ эти нѣсколько минутъ и было настоящее счастье.

— Прошло нѣкоторое время, опять мы встрѣтились съ нею, и опять переглянулись и улыбнулись; я не поклонился—мнѣ показалось, что это будетъ нахальствомъ—мало ли что было когда-то. Потомъ потерялъ я ее изъ виду. Однажды послѣ какого-то парада натолкнулся я на нее лицомъ къ лицу; она была одна и вся покраснѣла, и я тоже чувствовалъ, что краснѣю, и пропали вокругъ меня всѣ люди, и я только видалъ красивое, зардѣвшееся лицо и сѣрые, сверкающіе на солнцѣ глаза. Стою это я возлѣ нея, какъ дуракъ; тутъ она меня выручила и говоритъ такъ серьезно: „Какъ вы возмужали, Александръ Ивановичъ".

— Пошли мы съ ней по улицамъ, разговорились, вспоминаемъ дѣтство, припоминаемъ общихъ знакомыхъ. Узналъ я, что она на здѣшнихъ высшихъ курсахъ, что мать у нея умерла и живетъ она здѣсь съ отцомъ. Проводилъ я ее до дому, простились мы, и она попросила меня бывать у нихъ: по субботамъ къ нимъ собиралась молодежь. Пришелъ я въ ближайшую субботу; познакомила она меня съ отцомъ. Отецъ ея еще у насъ въ городишкѣ слылъ умницей; врачъ онъ былъ, не занимавшійся практикой, говорили, что вышелъ у него какъ-то по его винѣ смертный случай и съ тѣхъ поръ онъ бросилъ практику. Такой онъ былъ высокій, толстый человѣкъ съ большимъ животомъ и большой классической головой, какъ у артиста: бритыя губы и большая шевелюра. И сколько разъ я потомъ ни приходилъ къ нимъ, всегда у него подъ рукою были или „Русскія Вѣдомости", или какая-нибудь книжка толстаго журнала. Познакомился онъ со мной и сейчасъ началъ такъ серьезно и сердечно разспрашивать о начальствѣ, солдатахъ и т. п. Гости у нихъ были все изъ интеллигентовъ: студенты, курсистки, технологъ, молодой врачъ. И, знаете, скверно я себя чувствовалъ въ ихъ средѣ; такъ точно, должно быть, какъ кто-нибудь изъ штатскихъ въ компаніи офицеровъ. Все боялся я, какъ бы кто-нибудь не ругнулъ военныхъ. Ихъ разговоры, споры, всякія идеи—все это было очень интересно, но какъ-то сторонились они меня, чувствовалъ это и я и тоже сторонился. Раза два только и былъ я у нихъ по субботамъ. Потомъ перевели насъ въ лагери куда-то очень далеко, и я не видалъ Выводцевой все лѣто, а осенью взялъ я отпускъ и поѣхалъ къ матери, уже вдовѣ,

повидаться и показаться въ офицерскомъ. Радовалась-то какъ, глядя на меня! Въ январѣ, какъ помните, началась война съ Японіей. Заразился я общимъ настроеніемъ, царившимъ въ арміи, думалось, что какъ въ китайскую— поѣдешь и сдѣлаешь карьеру, и поѣхалъ такъ, будто ѣхалъ на праздникъ. Не стану вамъ разсказывать о войнѣ—всѣ это прекрасно знаютъ. Долго не хотѣлъ я сдаваться и разочаровываться въ Россіи, которую, хоть и по-своему, а любилъ. Все надѣялся: вотъ, вотъ, покажемъ себя. Подъ Ляояномъ я окончательно убѣдился, что все проиграно, а чтобы я это не забылъ, осколокъ снаряда тяпнулъ меня въ лѣвую ногу. И за этакую храбрость дали мнѣ Станислава съ мечами.

Курнатовскій поднялъ ногу и указалъ рукою на мѣсто раны.

— И какъ-то вышло это у меня блѣдно, скучно, безо всякаго геройства, вотъ такъ, какъ споткнешься на улицѣ. Эвакуировали меня въ Харбинъ, а потомъ, такъ какъ рана не проходила, въ Иркутскъ. Тѣло у меня что ли такое скверное, только рана моя все не затягивалась. Думалъ я, что придется ногу отрѣзать и отъ этого въ ужасъ приходилъ и согласенъ былъ лучше умереть; а то находила на нѣсколько дней тоска; противно было смотрѣть на ухаживанія офицеровъ за сестрами милосердія, хотѣлось на югъ, жизни, любви, и вспоминалъ я о чистой, недоступной, съ сѣрыми лучистыми глазами, Софьѣ Выводцевой.

Курнатовскій на минуту задумался.

— Какъ только стало возможнымъ мнѣ становиться на ноги, хоть и съ помощью костыля, я выхлопоталъ себѣ отпускъ. Поѣхалъ я на родину къ матери, пожилъ тамъ съ мѣсяцъ и совсѣмъ поправился—сталъ недурно ходить. Посовѣтовали мнѣ врачи принимать морскія ванны, и я съ радостью поѣхалъ на югъ, къ морю, въ родной мнѣ по юнкерскому училищу городъ. Отпуску моему приходилъ конецъ и ѣхать назадъ не хотѣлось, какъ не хочется пріѣзжать въ скучную кампанію къ шапочному разбору. Удалось мнѣ добиться, чтобы меня назначили въ нашу запасную пѣхотную дивизію; тутъ же произвели меня и въ поручики. И, представьте себѣ, только-что я въѣхалъ въ городъ и сталъ всматриваться въ хорошо знакомыя чистенькія улицы, какъ вдругъ передо мной выросла Выводцева, тоже на извозчикѣ. „Въ добрый часъ"—мелькнуло у меня и, повѣрите, я даже незамѣтно перекрестился. Она спѣшила къ трамваю, чтобы поѣхать на дачу, торопилась и взяла слово: завтра же пріѣхать къ нимъ. Жизнь иногда

любитъ преподносить удивительныя совпаденія, чтобы потомъ было побольнѣе, поядовитѣе.

Курнатовскій помолчалъ и, вздохнувъ, продолжалъ:

— Ну, да что тамъ размазывать, Павелъ Владиміровичъ; извѣстное дѣло: возрастъ между 25 и 30 годами, какъ показываетъ статистика, самый опасный у мужчинъ. Сталъ я бывать у Выводцевыхъ очень часто. Домъ у нихъ былъ—полная чаша; вѣчно у нихъ гостили студенты, курсистки, молодые врачи. Послѣ войны ли это, или природа виновата,—но теперь я себя чувствовалъ въ ихъ обществѣ недурно. Галдѣли, спорили, купались въ морѣ, обѣдали, дурачились. Только самъ Выводцевъ былъ всегда ровенъ, слегка грустенъ и безъ конца читалъ. Когда я приходилъ къ нимъ на террасу, онъ неизмѣнно приговаривалъ: „А вотъ и кавалеръ!“ или: „А вотъ и инфантерія!“ А Софья—странная она была дѣвушка и какая гибкая, богатая натура. То на нее нападала жажда дѣятельности: ѣздила она по тюрьмамъ, устраивала разныя мелкія порученія партійныхъ людей; то она увлекалась декадентами, Ницше, Эдгаромъ По; въ спорахъ она была ярой соціалъ-демократкой, а дружбу водила съ соціалистами-революціонерами. Иногда на нее находила тоска, и она вставала съ темными кругами подъ глазами, не умывалась, неряшливо напяливала на себя первое попавшееся платье и отъ времени до времени, послѣ глубокаго молчанія, громко заявляла: „Не то, не то!“ Въ эти дни только и бралась она за фортепіано, или вдругъ громко всѣмъ заявляла: „Философы, моралисты, проповѣдники, буржуа, соціалисты всѣхъ направленій и фракцій, всѣ надтреснутые и дребезжащіе, дѣлайте, что вамъ угодно, а я „ухожу отъ васъ я въ горы“, ухожу отъ васъ я къ морю. Мой рыцарь и тѣлохранитель, извѣстный герой Курнатовскій, сопровождаетъ меня“,—и она брала мою руку и уходила со мной. А я... мнѣ казалось, что всѣ они такіе ничтожные и только я знаю, что ей, этой красивой Софьѣ, нужно. Мы долго ходили молча по берегу моря, ходили до усталости и ни о чемъ не говорили. Потомъ садились мы отдыхать куда-нибудь въ тѣнь, и слово-за-слово она разговорится и говоритъ много и хорошо. Она была много разъ развитѣе меня и каждый разъ всовывала мнѣ какую-нибудь интересную книгу. Что находила она во мнѣ—не знаю. То она называла меня „первобытнымъ человѣкомъ“, или говаривала мнѣ: „Ахъ, какой вы еще цѣльный человѣкъ“, или: „Вотъ вы—человѣкъ дѣла“, или: „Честный офицеръ, какъ вы, да вѣдь передъ нимъ такая благодарная работа“. Или, быть можетъ, она черезъ меня думала пойти въ офицеры; вѣдь она, между прочимъ, высказывала оригинальную

и смѣлую мысль, что революціонеры должны теперь идти не въ народъ, не къ рабочимъ, а въ офицеры. А, впрочемъ, вѣрнѣе всего, ей, этой красивой, развившейся женщинѣ съ сѣрыми глазами, нужно было, чтобы любилъ ее я—высокій и сильный мужчина. Такъ это нужно было; и здѣсь не цинизмъ, а священный голосъ природы. А для этого она захотѣла поднять меня до себя, развить меня. Ну, случилось это... была сырая, теплая лунная ночь. Всегда бурливое море притихло и что-то нашептывало берегамъ. И брели мы по скаламъ, и оба уже знали и думали о томъ, что нужны мы другъ другу. Но мы брели и молчали. И вдругъ... „Софья...—сорвалось у меня съ губъ,—Софья...“ и я схватилъ ее за плечи... Она не сопротивлялась,—Курнатовскій всталъ и снова усѣлся и продолжалъ дрогнувшимъ голосомъ:—Я вернулся домой пронизанный съ головы до ногъ неизъяснимымъ счастьемъ и въ ушахъ моихъ стояли ея слова:—Саша! Мы будемъ хорошими, честными... Правда, честными?!

Онъ снова всталъ, прошелъ нѣсколько разъ отъ окна до окна, постоялъ минутъ пять и вернулся назадъ.

— Въ одинъ прекрасный день всѣ мои грезы о счастьѣ разлетѣлись, какъ дымъ. И очень даже скоро. Да и спрашивается еще, заслуживалъ ли я этого счастья, по справедливости, когда кругомъ погибало столько гораздо лучшихъ людей? Я никогда прежде не думалъ надъ жизнью. Если что назойливо и лѣзло въ глаза, такъ я отмахивался, какъ лѣтомъ отъ мухи; ну, вотъ такъ, какъ всѣ отдѣлываются отъ нищаго на улицѣ. Только послѣ Ляояна и раны въ ногу и со времени моихъ частыхъ встрѣчъ съ Выводцевой сталъ я больше думать и читать. А со времени моего послѣдняго несчастья сталъ я совсѣмъ ужъ философомъ. Оправданіе, понимаете, нужно было мнѣ во что бы то ни стало найти.

— Навѣрное, кто-нибудь уже давно додумался до моихъ мыслей, но вѣдь я очень мало читалъ и вышло это у меня самостоятельно. Я вотъ вѣрю, что существуетъ на землѣ справедливость, помимо воли Бога и людей. Богъ, напримѣръ, хоть и захотѣлъ бы потушить имъ же зажженное солнце, да не можетъ; хоть и хотѣлъ бы въ одинъ день сдѣлать всѣхъ людей хорошими, да тоже не можетъ. И все идетъ своимъ порядкомъ. Если бы люди даже совсѣмъ не проповѣдывали бы въ книжкахъ и на словахъ о справедливости и правдѣ, а только мучились бы,—такъ все равно справедливость въ свое время восторжествовала бы. И все это потому, что и люди, и государства исправляются только несчастіями. Да, несчастіями, и оттого, вѣрно, ска-

зано въ Библіи, что „за грѣхи отцовъ“ жизнь медленно, но вѣрно расплачивается до седьмого или девятаго колѣна. Возьмемъ, напримѣръ, войну. Тысячи людей погибло до войны по каторгамъ и тюрьмамъ за правду, за требованія справедливости, и только когда искалѣчили неизвѣстно зачѣмъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, только тогда настало время справедливости въ Россіи. А будь даже цѣль войны самой высокой и святой, такъ все равно несправедливы тѣ человѣческіе законы, по которымъ милліоны сидятъ дома въ то время, какъ тысячи умираютъ. На войну должны идти всѣ, и тогда войнъ, быть можетъ, и не было бы. Такъ вотъ, по справедливости, за сгнившихъ въ тюрьмахъ, за невинно павшихъ на войнѣ, теперь здѣсь, на каждомъ шагу, проливается кровь среди будто бы невинныхъ, мирно живущихъ людей, среди тѣхъ людей, которые молчаніемъ своимъ позволили совершиться этимъ убійствамъ. Вы присутствовали въ Кіевѣ теперь, при избіеніяхъ?

Бураковъ кивнулъ головой.

— Что же вы сдѣлали, чтобы воспрепятствовать имъ? Кого спасли вы?

Бураковъ растерянно и виновато посмотрѣлъ на него, и Курнатовскій понялъ его.

— Ничего, никого? Ну, да, то, что дѣлало большинство людей: и я, и вы, и всѣ наши знакомые и родные. Мы молчали, и всѣ, сознательно. Жизнь—это бой, а въ то время, какъ на передовыхъ позиціяхъ люди стонутъ и гибнутъ, большинство людей въ тылу человѣческой арміи развратничаетъ, пьянствуетъ, объѣдается и тупо глядитъ на проѣзжающія санитарныя телѣги съ ранеными. Я былъ въ этомъ большинствѣ и вмѣстѣ съ другими зналъ и чувствовалъ силу многихъ хорошихъ словъ, но не зналъ я еще благороднаго дѣла. А когда меня обошли и внезапно ударили съ тылу, я растерялся и... и сподличалъ. Да, оказался подлецомъ; и какъ было имъ не оказаться, если я тридцать лѣтъ думалъ, что мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла. Я ни разу не подумалъ серьезно, что если на Уралѣ офицеръ Ивановъ стрѣлялъ въ рабочихъ, то завтра вѣдь это можетъ быть здѣсь со мной. Послушайте же, что было дальше..

Курнатовскій откашлянулся и провелъ рукой по волосамъ.

— Прошло всего двѣ недѣли, какъ я былъ счастливъ. Счастливъ до нахальства Если вы любили, вы меня поймете. Мнѣ хотѣлось громко говорить, пѣть, бѣгать, мнѣ хотѣлось разливать счастье вокругъ себя по всему міру, какъ нравится барахтаться и брызгаться въ хорошемъ про-

зрачномъ необъятномъ морѣ. По утрамъ я не могъ спать и рано утромъ уже аккуратно и чисто одѣвался и шелъ побродить въ рощѣ. Мнѣ казалось, что форменное платье сидитъ на мнѣ хорошо и удобно, какъ никогда, что сапоги обхватываютъ мои ноги такъ легко и мягко, что самъ я такой ловкій и хорошій, и, главное, буду стараться быть еще лучше; мнѣ казалось, что цвѣты, деревья, небо, мой денщикъ, прыгающая собачонка, поѣзда трамвая, Софья, ея отецъ, всѣ хорошіе люди, солнце, я—все это было одно, одно—мое счастье.

Курнатовскій поднялъ высоко голову, выровнялся и, глядя въ окно, устремилъ свои глаза куда-то далеко, далеко. По лицу его скользнулъ робкій желтый лучъ и, сверкнувъ въ широко раскрытыхъ глазахъ, исчезъ.

— Такъ вотъ было такое счастливое утро. Былъ я въ рощѣ. Вдругъ прибѣгаетъ въ рощу денщикъ и говоритъ, что отъ командира полка присланъ вѣстовой по важному дѣлу. Что такое? Суббота—ученья нѣтъ. Отъ вѣстового я только и могъ узнать, что нашъ полковникъ проситъ меня немедленно пожаловать въ офицерское собраніе, и что послано за всѣми офицерами полка. Прибѣжалъ я въ собраніе, а уже всѣ почти въ сборѣ: и ротные командиры, и поручики, и подпоручики. На всѣхъ лицахъ недоумѣніе и ожиданіе: никто ничего не знаетъ. Полковникъ Гертвигъ ходитъ изъ угла въ уголъ, опустивъ свою бритую узколобую физіономію, такъ что видны одни волосы ежикомъ. Не любилъ я его: сухой и узкій былъ это человѣкъ. Не любилъ и онъ меня, моего Станислава съ мечами, казалось мнѣ, презиралъ и часто сердился на меня за мое обращеніе съ солдатами: „Это, молъ, вамъ не институтъ благородныхъ дѣвицъ, они безъ матюка ничего не понимаютъ!“ Когда адъютантъ доложилъ ему, что всѣ собрались, онъ остановился у своего предсѣдательскаго мѣста и сухимъ, дѣловымъ голосомъ объявилъ: „Гг. офицеры, мною получена отъ главнокомандующаго телеграмма. Въ городѣ царитъ возстаніе. Нужны немедленно войска, такъ какъ только нашъ полкъ и имѣется въ распоряженіи. Вся надежда на васъ, господа. Я даю вамъ часъ времени на приведеніе вашихъ частей въ боевую готовность. Причина вызова войскъ должна остаться въ секретѣ. Пожалуйста“.

Онъ сдѣлалъ рукой и принялся снова шагать по залу. Началась суета; и, знаете, чѣмъ мы были первыя минуты недовольны? Мы были недовольны тѣмъ, что нарушили нашъ покой. Я подумалъ о томъ, что пропало мое свиданіе съ Софьей, а мой ротный, низенькій, толстый человѣкъ съ короткой шеей, капитанъ Селезневъ, расправляя бороду,

только и сказалъ: „Вотъ тебѣ и воскресная рыбная ловля!“ Пришелъ я къ солдатамъ, а тамъ вольноопредѣляющійся-технологъ, съ которымъ я запросто встрѣчался въ обществѣ, подходитъ ко мнѣ и серьезно такъ говоритъ: „Александръ Ивановичъ, вчера въ городѣ забастовали всѣ заводы; на площади бросили бомбу“.

— Э,—говорю ему,—все ограничится пустяками. Разобьемся на патрули—и все тутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ кажется, что будетъ серьезное дѣло. Зачѣмъ велѣно взять боевые патроны?

— Бросьте, — говорю, — пугаютъ, — и пошелъ дальше.

Среди запасныхъ солдатъ былъ у меня одинъ такой тихій, невзрачный солдатишко, но стоило ему поднять свои голубые глаза, какъ все лицо озарялось какимъ-то свѣтомъ; любилъ я его, и всегда по глазамъ угадывалъ, что онъ хочетъ или сказать что-нибудь, или спросить. Посмотрѣлъ онъ на меня, вытянулся, а глаза, безпокойные, спрашиваютъ: куда и зачѣмъ мы идемъ?

— Что, Харченко?—спрашиваю я, дѣлаю ему рукой, чтобы не отдавалъ чести, и приказываю идти за собой. Когда мы отошли отъ солдатъ, я сказалъ ему: „Въ городѣ безпорядки, вѣроятно, разобьемся на патрули“—и отпустилъ.

— Въ 12 часовъ дня мы были ужъ въ городѣ. Почти всѣ магазины уже закрыты; кое-гдѣ слышно еще было рявканье желѣзныхъ шторъ. Жара стояла страшная. На тротуарахъ толпилась публика, и первое впечатлѣніе отъ улицъ и этой массы людей похоже было на праздничное, но постепенно становилось видно, что всѣ возбуждены, что всѣ говорятъ и думаютъ объ одномъ и томъ же. Въ городѣ мы расположились на центральной площади. Намъ дали получасовой отдыхъ, а Гертвигъ уѣхалъ къ губернатору. Я поспѣшилъ отправить телеграмму Софьѣ, чтобы она не безпокоилась.

— Когда я припоминаю тѣ дни, въ головѣ моей становится такой сумбуръ, такой безсвязный хаосъ мыслей и впечатлѣній, и въ то же время мнѣ кажется, что я ничего не помню. Въ памяти стоятъ такія впечатлѣнія: жарко, невыносимо жарко; нѣтъ воздуха, небо нечистое, сѣроватое отъ пыли и зноя; мы, т. е. я и Селезневъ, ходимъ съ ротой по городу съ барабаннымъ боемъ. Ходимъ, ходимъ... Рубашка мокрая; поминутно хочется пить и чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше жажда не удовлетворяется. Роздыхъ. Подбѣжитъ кое-кто изъ знакомыхъ. Что будетъ? Что слышно? Съ крыши одного дома бросили бомбу въ казаковъ. И въ насъ бросятъ? Не думаешь. Опять ходимъ, ходимъ или

стоимъ на солнцепекѣ. Въ вой:кахъ большой недостатокъ: мы должны быть повсюду. Забѣжалъ во дворъ, приложился къ крану, пью воду и въ это время въ головѣ пронеслось такъ нѣжно и мягко: Сонюша... Снова идемъ. Ненавистны эти тротуары, ненавистны кубики мостовой; идешь и считаешь. сколькимъ кубикамъ равняется твой шагъ: вотъ 4, вотъ 5, 4, 5, 5, 5, 4. Зачѣмъ столько публики, зачѣмъ они не сидятъ дома?! Иногда можно поймать сухой, презрительный взглядъ. Они ненавидятъ насъ... И снова такой же день. Вечеръ, душный и тяжелый. Офицеры въ сборѣ; пьютъ пиво; городъ во тьмѣ; опять пронеслось изъ тьмы такъ нѣжно и съ жалобой: Сонюша. Она теперь сидитъ грустная... и вдругъ... Трр...-ахъ-тахъ... бумъ...!

— Это взрывъ, несомнѣнно взрывъ! Черезъ пять минутъ конный городовой скачетъ къ намъ: „Снова бросили бомбу; требуются войска“. Проклятіе! Мы встаемъ, двигаемся, суетимся во тьмѣ, какъ привидѣнія. И вдругъ надъ городомъ зарево, громадное зарево; грандіозное розовое облако пѣны изъ дыму и огня; въ полутьмѣ красные блики на лицахъ, блескъ зарева въ глазахъ и ликующія, освѣщенныя окна верхнихъ этажей. Пожаръ разростается; городъ вымеръ. Красиво таинственно, странно и страшно.

— Безпокойная ночь. Въ тѣхъ двухъ ротахъ, гдѣ Гертвигъ, безпрестанно слышны ружейные залпы; сухой и короткій трескъ: та-та-та-та-та... Гертвигъ отличается! Только подъ утро въ гостиницѣ два часа сна. Денщикъ стучитъ въ дверь; просыпаюсь, трубятъ походъ и снова такъ нѣжно и кротко: Сонюша. Гертвигъ уже на ногахъ. Получилась телеграмма: подавить возстаніе, чего бы это ни стоило. Гертвигъ отзываетъ меня и Селезнева въ сторону и говоритъ:—Вамъ, господа, дается важное порученіе. Демонстранты, по полученнымъ свѣдѣніямъ, двинутся сегодня съ двухъ сторонъ, чтобы соединиться на Большой улицѣ. Вы должны, слышите, должны воспрепятствовать ихъ соединенію!..

— Мнѣ кажется, что онъ съ ненавистью смотритъ на моего Станислава. О, какъ я ненавижу его тусклые, упрямые глаза. Онъ продолжаетъ:

— Капитанъ Селезневъ, вы возьмете себѣ полуроту, станете у начала Спасской улицы и загородите ее всю, отъ дома до дома. Поручикъ Курнатовскій, вы возьмете другую половину роты и расположитесь у памятника Екатерины. Чтобы не пропустить демонстрантовъ, вамъ, господа, предоставляется полное право истощить всѣ имѣющіяся у васъ средства, всѣ... Городъ на военномъ положеніи...—Положеніе, видите, становилось серьезнымъ,—Курнатовскій по

смотрѣлъ мелькомъ въ глаза Буракову,—нѣтъ, понимаете, возможности передать всѣ затѣснившіяся тогда мысли и чувства: все такъ было быстро, что опомниться нельзя было. Отдали мы честь; Гертвигъ ушелъ; провожаю взглядомъ его сухой затылокъ и стриженую голову. „Всѣ средства, всѣ“, стоитъ въ ушахъ. Какъ? стрѣлять! Я долженъ буду отдать приказъ—стрѣлять? Но вѣдь я думалъ, я думалъ... въ томъ и несчастье, что я не думалъ. Все казалось, что обойдется. И тутъ только я понялъ, что не только нельзя совершать преступленій, но нельзя о нихъ слышать, видѣть ихъ. И вдругъ мнѣ захотѣлось, чтобы хоть начальство надо мной взялъ или Гертвигъ, или ротный Селезневъ, а я чтобы былъ, какъ обыкновенный рядовой. Глупый, говорю себѣ, развѣ отъ этого легче? Но Гертвигъ кричитъ: „Господа, торопитесь!“ Селезневъ зоветъ меня подъ ворота, въ сторону, чтобы никто не видѣлъ, и хочетъ что-то сказать, но вдругъ обнимаетъ меня, быстро цѣлуетъ и уходитъ; я тупо гляжу ему въ спину и думаю: какой онъ офицеръ? Гертвигъ его третируетъ; если его раздѣть, то онъ похожъ на много разъ рожавшую старую женщину.

— Мы идемъ. Что же мнѣ дѣлать? Подать рапортъ о болѣзни—нельзя, поздно; подать въ отставку безсмысленно, не поможетъ; если я откажусь, меня будутъ судить и тогда—каторга или разстрѣлъ. Можетъ быть, сдѣлать себѣ что-нибудь, нечаянно ранить... Мнѣ нужно было, какъ видите, сдѣлать рѣшительный шагъ, а я метался въ нерѣшительности. Какъ знать, можетъ быть, я и рѣшился бы, если бы увидалъ вдругъ Софью. Но внезапно мнѣ приходитъ въ голову мысль: „Ахъ, да, можетъ быть, мнѣ удастся уговорить ихъ?“ Они поймутъ. И вотъ мы уже стоимъ подъ палящимъ солнцемъ, у памятника. Отъ зноя небо сѣрое. Пожаръ еще продолжается и надъ городомъ виситъ большое облако чернаго дыма.

— Жарко, жарко, на кителѣ подмышками большія, величиною съ блюдце, мокрыя пятна отъ поту.

— Пить хочется, пить! Уйти нельзя; посылаю солдата за водой; пью, пью изъ ведра, какъ лошадь; вижу свое лицо и думаю о ней: сѣрые глаза и блестящіе русые волосы. Сонюша! Честное слово, я стрѣлять не буду! Я сажусь въ коротенькую полуденную тѣнь отъ памятника и смутно размышляю. Кто они такіе, эти революціонеры? Тѣ, что идутъ сознательно на смерть, въ каторгу? Неужели такіе же святые, какъ тѣ, что умирали на кострахъ, крестахъ и аренахъ? Всегда—обыкновенные люди, хорошіе и скверные, грязные и чистые, и все-таки на одну минуту святые?

— Я поднялъ глазъ: на меня въ упоръ смотрѣли вольноопредѣляющійся-технологъ и Харченко. Ихъ глаза спрашиваютъ: зачѣмъ мы здѣсь стоимъ? Я опускаю глаза. Вдругъ пѣсня хоромъ.—Курнатовскій выровнялся, глаза его заблестѣли и голосъ зазвучалъ возбужденно.—Идутъ... идутъ... сколько народу... высоко нѣсколько красныхъ знаменъ... Идутъ, идутъ... На рукахъ у меня холодный потъ. Блестящая мысль! Я возьму въ руки бѣлый платокъ, будто для пота, и пойду къ нимъ... и скажу имъ, что я не могу, не могу, не смѣю ихъ пропустить. И еще, еще... командую: „Ребята, если буду командовать „пли!", стрѣлять надъ головой!" Возбужденный Харченко и блѣдный технологъ смотрятъ на меня безпокойно и одобрительно. Идутъ, идутъ... Поютъ:

Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ...

— Выстраиваю солдатъ; беру небрежно платокъ, будто вытираю лобъ, и иду къ нимъ. Я иду съ сознаніемъ, что я хорошо поступаю. Сердце бьется, бьется, вотъ я стою передъ ними, мелькомъ прочитываю на повиснувшемъ красномъ знамени изъ кумача обрывокъ фразы: аріи—няйтесь. Передо мной много людей, но я никого не вижу, кромѣ стоящихъ впереди дѣвушки и бородатаго рабочаго. Я говорю имъ и думаю о томъ, не дрожитъ ли у меня голосъ: „Господа, я военный человѣкъ. Мнѣ приказано не пропустить васъ, и я васъ не пропущу. Здѣсь солдатъ небольшое количество и только массой я не въ состояніи васъ остановить. Выберите другой путь, иначе... иначе... я не хочу этого, но я вынужденъ буду употребить оружіе". Громкій ропотъ, свистъ... Крики: „нѣтъ другой дороги! мы должны идти! мы васъ не боимся! идите съ нами!" Я ухожу и за спиной слышу надъ толпой проносится: „Товарищи! Я иду спокойно, спокойно и вдругъ бѣгу къ солдатамъ. Оборачиваюсь: они идутъ. Они идутъ! Да что же это такое, развѣ они не понимаютъ, что я не могу?!"

— Въ барабаны! Трескотня. Смолкли. Они идутъ...

Намъ не нужно иного кумира,
Нена..

— И „въ барабаны!". Затрещали и смолкли. Идутъ... Что это? Толпа кричитъ и бѣжитъ; треснуло что-то по рукѣ. Камень! А, они сломить насъ хотятъ! Въ груди начинаетъ закипать нетерпѣніе и злоба. Вдругъ чьи-то провокаторскіе выстрѣлы въ нашу сторону; лица солдатъ стали суровыми. Еще 20 шаговъ, и они насъ опрокинутъ...

— А-а-а... я ненавижу васъ! Полу-рота пли! Знамя упало. Крики мужчинъ и женщинъ. Побѣжали назадъ, давя другъ друга, разрывая платья. И надъ всей толпой пронзительный истерическій крикъ... Площадь опустѣла. Только посрединѣ кто-то копошится. Бѣгу туда—лежитъ въ крови рабочій, не движется; на лбу кругленькое отверстіе и по лицу тоненькая струйка крови. Нѣсколько шаговъ подальше: бьется въ корчахъ, видно, интеллигентная женщина и около нея Богъ вѣсть откуда взявшійся растоптанный мальчикъ лѣтъ 10-ти. Немного поодаль сидитъ на землѣ дѣвушка, схватившись за колѣно. Подхожу—молчитъ и смотритъ на меня большими черными глазами; волосы распустились, легкая лѣтняя блузка вся изорвана; видна вся шея. Приложивъ одну руку къ виску, она шепчетъ, глядя на меня глазами, полными ужаса: „Какой подлецъ! Боже мой, какой подлецъ!" Курнатовскій всталъ, прошелся отъ окна до окна и обратно и снова присѣлъ. Глубоко вздохнувъ, онъ продолжалъ:

— Впослѣдствіи я узналъ, что пострадало, т. е. умерло, три человѣка: рабочій, женщина и мальчикъ, у дѣвушки была легкая рана. Какимъ образомъ попали пули въ людей, когда я отдалъ приказъ стрѣлять надъ головой—не знаю. Дрогнули у кого-нибудь руки, что ли? Обозлили ли людей провокаторскіе выстрѣлы? Вообще же что было дальше, я помню слабо, пятнами. Помнится, что сейчасъ послѣ этихъ роковыхъ минутъ я страшно ослабъ и мнѣ казалось, будто я прожилъ въ другомъ мѣстѣ много лѣтъ. И было мнѣ странно видѣть около себя солдатъ, деревья, памятникъ; мнѣ ужъ совершенно не было жарко, но я валялся подъ выросшею тѣнью памятника, лежалъ съ пустой головой, смотрѣлъ на носки сапогъ—и только и думалъ: вотъ мои сапоги, вотъ мои сапоги, и отчего мнѣ ихъ не жалко, вотъ мои сапоги...

— Къ вечеру пріѣхалъ Гертвигъ; машинально что-то рапортовалъ я ему. Онъ благодарилъ меня и солдатъ и распорядился накормить людей; я и забылъ, что мы сегодня еще ничего не ѣли. Помню еще къ вечеру, когда мы собирались двинуться къ сборному пункту, я взглянулъ на Харченко и технолога; они опустили глаза, какъ виноватые; потомъ я почувствовалъ на себѣ одновременно ихъ взгляды, какъ-то слѣпо скользнулъ я по ихъ лицамъ и въ свою очередь опустилъ глаза. Мы всѣ были виноватые: и этотъ простой, честный солдатъ, и этотъ, только-что соскочившій со студенческой скамьи технологъ, и я—мы всѣ были участниками страшнаго дѣла.

— Этотъ вопросъ долженъ былъ быть давно уже рѣшенъ.

каждымъ про себя, и на смѣлый шагъ мы должны были рѣшиться еще тамъ, въ лагерѣ. Но мы уговаривали себя, говорили, надѣялись: авось, ничего не будетъ. Потомъ, разъ вступили мы уже на эту дорогу, мы, какъ трусливые преступники, стали думать, что самое страшное сдѣлаютъ другіе Я думалъ—другіе офицеры; технологъ и Харченко—другіе солдаты.

— Когда мы возвращались на сборный пунктъ, я сначала было пошелъ отдѣльно отъ солдатъ по тротуару, но потомъ мнѣ стало жутко вдали отъ нихъ и, когда я нагонялъ ихъ сзади, я слышалъ, какъ одинъ бородатый солдатъ говорилъ сосѣдямъ: „Ежели они въ моихъ товарищей стрѣляютъ, такъ...“ Провокаторскій выстрѣлъ давалъ ему оправданіе, безъ высшаго оправданія никто не могъ существовать. Развѣ и я не оправдывалъ бы себя тѣмъ, что у меня не было злой воли, что произошелъ несчастный случай, если бы... вообще это имѣло для меня значеніе. Вечеромъ я узналъ, что у Селезнева обошлось, какъ онъ сказалъ: „благополучно“, т. е. подоспѣли казаки и сдѣлали то, что нужно. Всегда скучный, обремененный большой семьей и удрученный придирками Гертвига, Селезневъ былъ положительно веселъ. Всю ту ночь я проспалъ тяжелымъ и глубокимъ сномъ. Когда меня утромъ разбудили и я, надѣвая сапоги, впервые припомнилъ ту площадь и яркое, жаркое солнце, и залитые ужасомъ глаза, и обнаженную шею, и шопотъ: „Подлецъ, Боже мой, какой подлецъ!“,—вдругъ я увидалъ, что не вспоминалъ Софьи почти сутки. И тотчасъ снова забылъ.

Курнатовскій торопливо досталъ изъ сакъ-вояжа папиросы, спички, закурилъ жадными, большими глотками и умолкъ, окруживъ себя цѣлымъ облакомъ синеватаго дыма. Выкуривъ папиросу, онъ продолжалъ:

— То, что дальше было, докторъ, совсѣмъ ужъ трудно передать послѣдовательно, —это можно перечувствовать или сыграть. Понимаете: яркая вспышка сознанія, какъ молніей, тебя пронзаетъ переживаніе съ головы до ногъ и потомъ глубокіе, темные провалы, полное отсутствіе мыслей. Такъ вотъ прошло еще дня два. Безпорядки подавлены. Жара стоитъ африканская; душно, душно... Кругомъ говорятъ: быть грозѣ. Мы сидимъ въ кафе за столиками, скоро назадъ въ лагери. Всѣ, всѣ, кажется, рады. Даже Гертвигъ шутитъ. Отчего никто со мной не говоритъ? Отчего никто на меня не смотритъ? Мы пьемъ—кто пиво въ высокихъ кружкахъ янтарно-желтое съ бѣлой пѣной, кто вино темнокрасное въ маленькихъ рюмкахъ.

— А люблю, люблю встряхнуться, поработать,—автори-

тетно заявляетъ Гертвигъ,—вотъ если бы мнѣ поручили справиться съ этой жидовщиной. Безъ всякихъ словъ, дѣло, дѣло! Поручикъ Курнатовскій видѣлъ, къ чему приводятъ разговоры.—Мнѣ хочется пожевать губами, плюнуть ему въ лицо. Нашъ адъютантъ, изъ породы лизоблюдовъ, смотритъ на серебряный перстень на мизинцѣ въ видѣ черепа и говоритъ: „А говорятъ, изъ десяти убитыхъ женщинъ шестеро жидовки".

— Душно, душно мнѣ... и я вскакиваю и, хлопнувъ по столу кружкой пива, кричу:

— А все-таки мы убійцы, да, убійцы, всѣ убійцы...

Воцарилась на мигъ тишина.

— То есть кто?—холодно и насмѣшливо цѣдитъ сквозь зубы адъютантъ.

— Убійцы, убійцы!—кричу я и схватываю кружку, чтобы швырнуть ее ему въ физіономію. Меня схватываютъ за руки мои сосѣди и мнѣ хочется раскрыть широко, широко глаза и я такъ и дѣлаю, и шепчу: „Какой подлецъ, Боже мой, какой подлецъ!" И въ туже минуту налетаетъ сильный порывъ вѣтра, ударъ грома, туча пыли и на лицѣ у меня капли. Всѣ поспѣшили спрятаться, а я, вырвавшись изъ пріятельскихъ рукъ, стою подъ дождемъ.

— Разразилась сильная гроза. Къ вечеру я вдругъ почувствовалъ, что я долженъ видѣть Софью, долженъ. Возьму извозчика и поѣду, если даже Гертвигъ не пуститъ. Иду къ нему.

— Отпустите,—говорю,—меня къ невѣстѣ на весь вечеръ и всю ночь.

Я не прошу, а требую; это слышно въ каждомъ моемъ словѣ.

— Къ невѣстѣ? А? Если это васъ успокоитъ, а то офицеръ, герой и... истерика. Хорошо, хорошо...—Мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ лично убѣдился, что я умѣю убивать людей, онъ началъ ко мнѣ относиться болѣе милостиво.

Только сажусь на извозчика, меня нагоняетъ Селезневъ:

— Слышалъ, что ѣдете на дачу. Дорогой, Александръ Ивановичъ, мои-то, вѣрно, страшно безпокоятся. Заѣзжайте, голубчикъ, мимоходомъ къ нашимъ и скажите, что благополучно, что... что и я никого и меня никто.

— Ладно, ладно,—и я ѣду, ѣду подъ дождемъ и гляжу на дома, на прохожихъ и думаю: „всѣ, всѣ—храбрые, благородные. Ихъ никто и они никого".

Я ѣду цѣлый часъ по страшно грязной дорогѣ и съ любопытствомъ, точно въ первый разъ увидѣлъ, смотрю на колеи въ грязи. По дорогѣ заѣзжаю домой, сажусь въ

пальто на постель, зачѣмъ не знаю, встаю и вижу на столѣ клочокъ бумаги и на немъ: „Была у тебя, видѣла, какъ ты живешь. Софья. Воскресенье". Видѣть, видѣть! Ахъ, да... надо къ Селезневымъ. „Знаемъ, все знаемъ"—кричатъ они мнѣ навстрѣчу. Селезнева, громадная, худая женщина, знающая всѣ полковыя сплетни, назначенія, перемѣщенія, провожаетъ меня и говоритъ· „А у васъ не обошлось безъ несчастія; времена, времена..."

Скорѣе, скорѣе къ Выводцевымъ. Снова часъ ѣзды. Уже поздно; темно, холодно и жутко. Знаютъ ли и они, или не знаютъ? И если не знаютъ, тогда что? Кажется, я промокъ. Сердце замираетъ страшно. Вотъ ихъ дача. Духъ захватываетъ. Расплачиваюсь и бѣгу по аллеѣ и вижу, какъ сапоги мои оставляютъ глубокіе слѣды на мокромъ гравіи. У террасы я останавливаюсь. А, можетъ быть, совсѣмъ сегодня не пойти? „Кто тамъ?"—безпокойно спрашиваетъ Софья. Я взбѣгаю по тремъ ступенькамъ на террасу. На террасѣ Выводцевъ за книгой и Софья, вся закутанная въ теплый платокъ.

— А, артиллерія!—восклицаетъ по привычкѣ Выводцевъ и сидитъ на мѣстѣ и смотритъ смущенно куда-то мнѣ въ сапоги. А Софья вскочила и стоитъ застывшая, уткнувъ лицо по самые глаза въ платокъ.

Безконечная, тяжелая минута. „Знаютъ, знаютъ", думаю я и сажусь тутъ же на верхнюю мокрую ступеньку и гляжу въ чернѣющій мокрый садъ. Вдругъ рыданія, тяжелыя рыданія и крикъ: „папочка, папочка, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ!"

Я сижу и думаю: кончено, кончено, кончено...

Нѣсколько минутъ просидѣлъ Курнатовскій, прикрывъ лицо обѣими руками.

— Между мною, Софьей и отцомъ не было сказано ни слова. Я вернулся домой къ разсвѣту, пробродивъ цѣлую ночь по грязи и подъ дождемъ. Тяжело спалъ. На другой день я снова къ вечеру поспѣшилъ къ Выводцевымъ. Еще у воротъ дачи на мой вопросъ „дома?" кухарка отвѣтила мнѣ: „уѣхали". На городской квартирѣ я узналъ, что они уѣхали въ Кіевъ. Черезъ недѣлю, уже изъ лагерей, я на колѣняхъ выпросилъ, на колѣняхъ предъ этимъ кретиномъ Гертвигомъ, выпросилъ отпускъ и уѣхалъ за ними въ Кіевъ. Въ Кіевѣ долго искалъ—не могъ найти. Наконецъ, нашелъ, случайно встрѣтилъ въ саду; самъ я испугался, какъ увидѣлъ, губы трясутся, всѣ мольбы и мысли, приготовленныя заранѣе, пропали и шепчу только: одно слово, одно слово. А она, какъ задрожитъ вся. „Простите меня, простите, я не могу, я не могу, оставьте меня"—и бросилась вонъ. Я искалъ снова встрѣчи съ Выводцевыми, нашелъ квартиру

и тамъ узналъ, что они уѣхали куда-то въ деревню. Деревень на Руси много.

— Вотъ и все, докторъ! Вы вотъ сравнивали жизнь съ пьесой, въ которой вы являетесь къ пятому акту. Мы тоже явились къ нему, но наше положеніе хуже—мы должны быть живыми дѣйствующими людьми, когда всю жизнь были манекенами, одѣтыми въ мундиръ и державшими шпагу. Вся жизнь куется между молотомъ и наковальней, и по мнѣ пришелся ударъ. Но обыкновенные люди, сидящіе по квартирамъ и глядящіе, съ благородными чувствами въ груди, черезъ окно на улицу, гдѣ происходитъ бой, не судьи мнѣ. Они не смѣютъ судить меня; *ихъ* честность неискушенная. Теперь мало сказать „да" или „нѣтъ"—надо сдѣлать. И даже если бы эти люди и судили меня, то, быть можетъ, они нашли бы, что я заслуживаю снисхожденія. Но меня смѣютъ судить только борцы, тѣ, съ которыми я столкнулся лицомъ къ лицу. Меня осудила, наконецъ, сама жизнь и ужъ не дала никакого снисхожденія. И такъ это и нужно, чтобы были такіе, какъ Гертвигъ, какъ я, какъ революціонеры. Безъ него, безъ нихъ, безъ меня революція была бы полонезомъ. Однако, все это философія, которой не хочетъ знать сердце. Во всѣхъ романахъ лучшихъ писателей идеальнѣйшіе люди переживаютъ страшныя драмы изъ-за любви къ женщинѣ; поймите, что у меня, обыкновеннаго человѣка, драма въ квадратѣ. Куда мнѣ дѣться? Выйти въ отставку? Да что я умѣю дѣлать? А чтобы начать новую жизнь, она мнѣ, понимаете, нужна, она... Вы говорите, признаться на дружеской груди. Нѣтъ у меня ея. Три мѣсяца уже, какъ я избѣгаю всякихъ разговоровъ съ людьми, и сейчасъ, простите, не выдержалъ. Кто страшно страдалъ, тотъ пойметъ меня. Вы понимаете, по ночамъ мнѣ иногда хочется рыдать долго, долго, въ голосъ, какъ маленькія дѣти. А у меня нѣтъ слезъ и не передъ кѣмъ. Докторъ, Павелъ Владиміровичъ, дорогой вы мой, пожалѣйте меня, заразите вы меня тифомъ, дифтеритомъ, чѣмъ хотите, но дайте забыться...

Холодными и дрожащими пальцами Курнатовскій жалъ руки растерявшагося Буракова и глядѣлъ на него жалко и умоляюще и лицо его, брови, губы были искривлены какой-то обшей судорогой. Потомъ какъ-то онъ ослабѣлъ, отодвинулся и легъ ничкомъ на скамью. Не сказавъ ему ни слова, Бураковъ продолжалъ лежать въ томъ же положеніи.

Такъ лежали они, два встрѣтившихся человѣка, одинъ съ хаосомъ чужихъ мыслей и чувствъ, и другой съ пустой головой и пустой душой. А въ вагонъ ужъ глядѣло уми-

рающее, слабое, блѣдное солнце. И—неизвѣстно откуда и куда—мчался на всѣхъ парахъ со свистомъ поѣздъ, полный новой жизни, среди старыхъ угрюмыхъ и холодныхъ полей.

Такъ лежали они долго, одинъ—лицомъ внизъ, вытянувшійся, широкій и тяжелый, другой—худой и узкій съ приподнятыми колѣнями, съ лицомъ вверхъ, прикрывъ глаза длинными пальцами. И одному было тяжело отъ пустоты, вдругъ наполнившей его душу, отъ того, что даже тайна его страданія не принадлежала уже только ему, и въ безсильную душу вслѣдъ за пустотой уже пробѣжались острой струей досада и злоба на самого себя за ненужную и глупую, какъ ему казалось, исповѣдь. А другой, полный мыслей, образовъ и впечатлѣній, чувствовалъ, что на него что-то навалилось пестрое и тяжелое, и ему казалось, что онъ въ чемъ-то виноватъ передъ этимъ человѣкомъ, что онъ въ долгу передъ нимъ. Бураковъ чувствовалъ, что что-то нужно сказать, сдѣлать и что, въ сущности, ни того, ни другого не нужно, и, если бы онъ обмолвился, хотя однимъ жалкимъ словомъ, онъ совершилъ бы большую безтактность.

Когда черезъ два часа проходившій по вагону кондукторъ крикнулъ протяжнымъ голосомъ: „Кто ѣдетъ въ Рудницу?! Рудницу!“, Курнатовскій всталъ, присѣлъ и задумался. Бураковъ промежъ пальцевъ сталъ внимательно смотрѣть на его помятое, обрюзгшее, небритое лицо и ему казалось, что онъ въ первый разъ видитъ этого человѣка. Курнатовскій вдругъ схватился, бросилъ взглядъ на Буракова и сталъ одѣвать пальто и шляпу.

— Куда вы?—спросилъ Бураковъ, спуская ноги и усаживаясь.

— Я въ Рудницѣ слѣзу на двое сутокъ: съ матерью повидаться,—отвѣтилъ холодно и не глядя въ глаза Курнатовскій.

Бураковъ ничего не сказалъ и, приподнявшись, сталъ глядѣть черезъ окно на безконечныя поля, тонувшія въ туманѣ. „Какъ же это,—думалъ онъ,—какъ же? Неужели больше мы не скажемъ другъ другу ни слова? А вѣдь нужно сказать что-то важное, хорошее...“

Бураковъ чувствовалъ, что сзади Курнатовскій глядитъ ему въ спину недоумѣвающимъ, робкимъ взоромъ. Вотъ мелькнула деревенька. Скоро, вѣроятно, должна была быть станція.

— Ну, докторъ, прощайте!—какъ-то вздохнувъ и собравшись съ силами, сказалъ Курнатовскій въ спину Бура-

кова. Бураковъ оглянулся: передъ нимъ стоялъ Курнатовскій съ протянутой правой рукой и съ желтымъ сакомъ въ лѣвой.

— Я... я... съ вами пойду,—отвѣтилъ Бураковъ, чувствуя, что нужно оттянуть время, потому что онъ ни за что не могъ допустить, что они простятся по-обыкновенному, по-пошлому, какъ простые попутчики. Бураковъ прошелъ съ Курнатовскимъ на площадку. Поѣздъ уже несся мимо какихъ-то станціонныхъ строеній и вагоновъ на запасныхъ путяхъ.—Ну, ну,—торопилъ себя Бураковъ.

— Послушайте, Александръ Ивановичъ,—и голосъ его задрожалъ,—мы не можемъ такъ разстаться; ну, да, не можемъ,—его худое лицо строго морщилось.—Я знаю, простите меня, если кажется, но чувствую: вы думаете о самоубійствѣ. Не нужно, Александръ Ивановичъ, не нужно... такъ думать. Вы хотите умереть... если изъ-за женщины, то... ей-Богу, это кажется. Вотъ я любилъ крѣпко, страшно, прямо молился, цѣловалъ ея слѣдъ... ну, да, конечно, годъ счастья, но, но... Знаете, я ѣду сейчасъ къ женѣ, которую не видалъ два съ половиною мѣсяца, но вѣдь мнѣ почти все равно, сейчасъ или черезъ мѣсяцъ я ее увижу. Развѣ это любовь? И еще, еще,—Бураковъ схватилъ Курнатовскаго за пуговицу пальто,—ну, умрите для себя, умрите, но обществу, людямъ вы нужны. Такіе люди теперь страшно нужны. Вы провинились передъ людьми, но теперь вы должны расплатиться, сдѣлать доброе дѣло, совершить подвигъ что ли, да такой, чтобы о васъ заговорили.

Бураковъ волновался и, переводя духъ, продолжалъ:

— Не уходите въ отставку, не уходите. Вы можете принести много пользы; такіе именно, какъ вы, и должны остаться и, можетъ быть, кто знаетъ, можетъ быть, она услышитъ про васъ и... и вернется...

Въ это время поѣздъ, попрыгивая на стрѣлкахъ, подкатилъ къ станціи. Курнатовскій и Бураковъ стали прощаться: жали другъ другу руки и говорили обычныя, избитыя прощальныя слова, но смущенными глазами они внимательно заглядывали другъ другу въ душу и скользили по лицамъ, запоминая другъ друга.

Когда Курнатовскій прошелъ уже по станціи нѣсколько шаговъ, его догналъ Бураковъ:

— Александръ Ивановичъ, я забылъ сказать. Мы теперь не чужіе люди, не чужіе... такъ если нужно будетъ, въ особенности, если что тяжелое, телеграфируйте, напишите просто, лучше всего сами пріѣзжайте... Помните, мой адресъ простой: Мигаево, Буракову, или Кіевъ, Сергіевская больница.

Бураковъ еще разъ пожалъ бормотавшему благодарности Курнатовскому руку и побѣжалъ, не оглядываясь, въ вагонъ. Изъ окна вагона онъ увидалъ только спину Курнатовскаго, входившаго въ залъ I-го класса.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ, полный новой, жгучей жизни, снова мчался среди сѣдыхъ и старыхъ холодныхъ полей.

А. И. Герценъ, какъ соціалистъ [1]).

Соціализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на путяхъ революціи и науки.

А. И. Герценъ. Былое и Думы. Ч. I, гл. VII.

I.

Вождь бельгійскихъ соціалъ-демократовъ Э. Вандервельдъ издалъ нѣсколько лѣтъ назадъ брошюру подъ заглавіемъ „Золотая свадьба международнаго соціализма". Теперь пришла и наша очередь—праздновать 50-лѣтнюю годовщину первой вліятельной пропаганды соціалистическихъ идей на русской почвѣ, юбилей начала широкой публицистической дѣятельности нашего великаго „лондонскаго изгнанника" А. И. Герцена.

Въ 1853 г. Герценъ основалъ въ Лондонѣ первую вольную русскую типографію. Благодаря этой типографіи, въ 1855 г., какъ только стали разсѣиваться свинцовыя тучи Николаевскаго царствованія, какъ только между ними показались первые просвѣты, вновь засвѣтила тридцать лѣтъ скрывавшаяся за этими тучами „Полярная Звѣзда", а въ 1857 г., когда начало налаживаться дѣло русской реформы, оттуда полились призывные удары „Колокола".

И вотъ теперь какъ разъ исполняется 50 лѣтъ со времени этихъ событій. И какъ въ „юбилейный годъ" евреевъ, когда погашались сдѣланные за полвѣка долги и отношенія возвращались къ тому, чѣмъ они были въ первый годъ юбилейнаго цикла, такъ и у насъ многое, очень многое вернулось,—конечно, съ значительными отличіями отъ бывшаго прежде. Вернулся Севастополь—съ геройствомъ рядового войска и неспособностью и хищничествомъ распорядителей, вновь и вновь обнажилась вся

[1]) Часть настоящей статьи была прочитана въ 1906 году, въ качествѣ публичной лекціи, въ Казани, въ Петербургѣ и въ Вышнемъ-Волочкѣ.

правительственная система организованнаго насилія, произошелъ новый переломъ во всемъ настроеніи русскаго общества: явилось опять сознаніе необходимости радикальныхъ реформъ; заволновались крестьяне... Большая историческая волна такъ же регулярно нахлынула на нашу родину, какъ прикатываются къ берегу одна за другой волны на берегу моря—каждая по-своему, каждая въ новомъ, такъ сказать, составѣ, но все же съ роковой правильностью и неизбѣжностью.

И вмѣстѣ съ прочимъ достояніемъ нашего юбилея къ намъ вернулся и Герценъ—правда, въ значительной степени изуродованный нашей цензурой, но все же еще не совсѣмъ добитый, еще живой [1]): весной 1905 г. вышло (въ 7 томахъ) первое въ Россіи собраніе его сочиненій. Несомнѣнно, въ скоромъ времени Герценъ оживетъ для насъ и окончательно, и мы будемъ имѣть дѣйствительно полное и подлинное собраніе всего имъ написаннаго.

II.

Такая личность, такой писатель, какъ Герценъ, не могли, конечно, не привлекать къ себѣ вниманія критики, и она дѣйствительно имъ занялась, какъ только оказалась и поскольку была къ этому внѣшняя возможность. Надо помнить, что въ теченіе приблизительно сорока лѣтъ самое имя Герцена было „строжайше" запрещено упоминать въ русской печати, такъ что тѣ, кто изрѣдка писали о немъ, указывали на него намеками, говоря о „властителѣ думъ", о „лондонскомъ изгнанникѣ", или называя его по его литературному псевдониму Искандеромъ.

Мы имѣемъ очень немного попытокъ понять Герцена въ цѣломъ, дать его общую характеристику. Я остановлюсь здѣсь ненадолго на двухъ попыткахъ этого рода: на статьѣ покойнаго русскаго „самобытника" Н. Н. Страхова и на пониманіи „Душевной драмы Герцена" проф. С. Н. Булгаковымъ. Оба эти писателя пользуются Герценомъ, въ сущности, лишь какъ средствомъ для выясненія и защиты своихъ собственныхъ взглядовъ и убѣжденій; обоимъ мало дѣла до Герцена „въ немъ самомъ", до того, чтобы охарактеризовать его болѣе или менѣе объективно.

Н. Н. Страховъ былъ горячимъ защитникомъ русской самобытности, оправдывавшейся у него теоріей „культурно-историческихъ типовъ" [2]), и одушевленнымъ пропагандистомъ „борьбы

---

[1]) Объ этихъ подвигахъ цензуры, въ лицѣ цензора г. Соколова, см. замѣтку М. Лемке въ одномъ изъ №№ „Нашей Жизни" за 1905 г. и „Критическія замѣтки"—въ январьской книжкѣ 1906 г. „Міра Божьяго".

[2]) Теорія эта, созданная, къ стыду для русской самобытности—увы!—нѣмецкимъ мыслителемъ Рюккертомъ, была перенесена на русскую почву Н. Я. Данилевскимъ (книга: „Россія и Европа"). По поводу книги Дани-

съ Западомъ"—необходимости намъ „лицомъ повернуться къ Обдорамъ", по выраженію Алексѣя Толстого.

Развитіе народовъ и государствъ совершается не по общимъ для всѣхъ нихъ соціологическимъ законамъ, а по нѣкоторымъ „культурно-историческимъ" типамъ, говоритъ теорія русской самобытности. Внутри каждаго „типа" есть своя логика, есть своя послѣдовательность фазисовъ, ступеней... Надо идти „своей дорогой", не поддаваясь вліянію другихъ „типовъ", не заимствуя ничего у „чужихъ"... „Начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ ему, предшествовавшихъ или современныхъ, цивилизацій" — такъ гласитъ 3-й историческій законъ Данилевскаго [1]).

Теорія культурно-историческихъ типовъ — съ ея предполагаемыми вѣчными и неподвижными (разъ онѣ выработаны) особенностями каждаго типа—есть формула консерватизма на націоналистической подкладкѣ. Она поступаетъ по издавнему рецепту всѣхъ консервативныхъ теорій: она объявляетъ „вѣчными" и необходимыми не тѣ *отношенія* борьбы и мира, вражды и любви, соперничества и солидарности, которыя, мѣняясь въ формахъ ихъ проявленія, постепенно все усложняясь и смягчаясь, дѣйствительно составляютъ то, что можно назвать „вѣчной сущностью" общества, а мертвыя *формы*, выработанныя одною изъ стадій общественнаго процесса, ороговѣвшій эпителій живого соціальнаго организма. Несомнѣнно, было время, когда и эти формы были разумны и цѣлесообразны, когда и онѣ отвѣчали на запросы и потребности момента,—ибо безъ этого онѣ бы вовсе не выработались въ историческомъ процессѣ. Но теперь измѣнились условія общественности, а съ ними вмѣстѣ должны измѣниться и результаты процесса—общественныя формы...

Почетная кличка „консерватизма", въ сущности, только по недоразумѣнію монополизируется тѣмъ направленіемъ, которое мы называемъ собственно „консервативнымъ". Всякая прогрессивная теорія, всякое стремленіе къ измѣненію въ основѣ своей также консервативны: только они ставятъ своей задачей „охраненіе" не результатовъ жизненнаго процесса, не внѣшнихъ „формъ", въ которыя отливается исторія, а „охраненіе" *человѣка*, человѣчной и человѣческой жизни вообще и тѣхъ *отношеній*, при которыхъ эта жизнь, по меньшей мѣрѣ, не регрессируетъ, если не прямо развивается и обогащается. Обыкновенный же, вульгар-

---

левскаго смотри: Н. Н. Страховъ. „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ", кн. II; Вл. С. Соловьевъ, „Національный вопросъ въ Россіи", 2 изд., 1888; П. Н. Милюковъ, „Разложеніе славянофильства".

[1]) Цитирую по Вл. Соловьеву.—„Національный вопросъ въ Россіи". Спб., 1888, стр. 166.

ный „консерватизмъ" представляетъ собою полную параллель такому врачу, который, вмѣсто усиленія жизнедѣятельности организма, заботливо сохранялъ бы потъ, углекислоту, слюну и всѣ другіе продукты его отдѣлительныхъ и выдѣлительныхъ функцій.

Итакъ, Страховъ исходилъ изъ теоріи „культурно-историческихъ типовъ". Въ своемъ стремленіи охранять русскую самобытность Страховъ и началъ умственную борьбу съ Западомъ. „Коренное наше зло—говоритъ Страховъ въ предисловіи къ I книгѣ своей „Борьбы съ Западомъ" [1])—состоитъ въ томъ, что мы не умѣемъ жить своимъ умомъ... Вліяніе Европы постоянно отрываетъ насъ отъ нашей почвы... Намъ слѣдуетъ проникнуться тѣмъ духомъ, который искони живетъ въ нашемъ народѣ и содержитъ въ себѣ всю тайну роста, силы и развитія нашей земли. Народъ, какъ огромный балластъ, лежащій въ глубинѣ нашего государственнаго корабля, одинъ даетъ этому кораблю его прямое и могучее движеніе... Эту безсознательную жизнь, эту духовную силу, исполненную такого смиренія и такого могущества, намъ слѣдуетъ привести къ сознанію и ею одушевить наше просвѣщеніе"...

Поэтому для Н. Н. Страхова было въ высшей степени цѣнно всякое проявленіе „борьбы съ Западомъ". И естественно, что онъ посвятилъ большую статью Герцену, котораго дѣйствительно не трудно, при желаніи, изобразить въ видѣ „борца съ Западомъ", со всѣмъ Западомъ—безъ различія національностей, общественныхъ группъ и классовъ.

Политическую дѣятельность Герцена Страховъ считаетъ недоразумѣніемъ со стороны Герцена. „Роль агитатора была,—говоритъ онъ,—неудачная и несчастная роль, принесшая немало вреда намъ, немало горя и раскаянія самому Герцену"... И Страховъ говоритъ о „преступныхъ увлеченіяхъ Герцена, о его измѣнѣ дѣлу русскаго народа, о пагубномъ вліяніи, которое онъ произвелъ на нашу молодежь"... Однако, изъ-за всего этого Страховъ проситъ не забывать другой стороны дѣятельности Герцена—рѣшительнаго „отрицанія имъ европейскихъ началъ".

„Борьба съ европейскими понятіями—вотъ главная задача и заслуга Герцена... Европа раздѣляется на старую, отживающую, и на новую, передовую, будущую". Наши обыкновенные западники, продолжаетъ Страховъ, тоже возстаютъ противъ Европы, но именно противъ старой, и тѣмъ ревностнѣе стоятъ за новую. Герценъ же нашелъ, что „новая Европа есть прямое, кровное порожденіе старой" и что, слѣдовательно, надо вообще „низвергнуть этотъ авторитетъ (т. е. Европы, Запада), самый опасный и привлекательный". Тогда „рушатся всѣ идеальныя построенія

[1]) Сборники статей подъ общимъ заглавіемъ: „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ". 3 книги. Спб. 1882 и сл. г.

новаго порядка, окажутся нелѣпыми, невозможными всѣ мечты республиканизма и соціализма“ [1])... Таковы тенденціи Страхова.

Объясняетъ же онъ „борьбу“ Герцена съ Западомъ очень простымъ психологическимъ основаніемъ: Герценъ былъ „пессимистъ“ и потому во всемъ видѣлъ ту изнанку, темную, оборотную сторону, которой не были способны замѣтить другіе.

Такое объясненіе, оторванное отъ общей почвы русской и видѣнной Герценомъ иностранной жизни, сводящее цѣлое крупное общественное явленіе на простую психологическую особенность личности, на психологическій курьезъ, до такой степени поверхностно, что не заслуживаетъ и разбора.

III.

Какъ Страховъ пытается обратить всю дѣятельность Герцена въ аргументъ въ пользу своей излюбленной теоріи русской самобытности, такъ С. Н. Булгаковъ хочетъ заставить нашего великаго писателя свидѣтельствовать въ пользу реформированнаго православія—въ пользу Достоевскаго и Вл. Соловьева.

При этомъ Булгаковъ повторяетъ очень многія изъ положеній Страхова. „Литература, писательство,—говоритъ Булгаковъ,—собственно и было истиннымъ призваніемъ Герцена,—все остальное явилось для него какъ бы родомъ историческаго недоразумѣнія“, хотя тутъ же прибавляетъ ограничивающее (но въ то же время совершенно противорѣчащее дальнѣйшимъ его же собственнымъ утвержденіямъ) положеніе, что „Герценъ, какъ публицистъ, соединилъ самый пылкій паѳосъ гражданина съ трезвостью ума и практичностью требованій“.

Исходное положеніе г. Булгакова („Отъ марксизма къ идеализму“, 161—194) таково: *человѣка* въ каждомъ человѣкѣ составляетъ *религія*, „понимаемая, конечно, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова: *чѣмъ* онъ живетъ, что онъ считаетъ для себя самымъ святымъ и дорогимъ, и *какъ* живетъ, какъ онъ служитъ своей святынѣ“... Булгаковъ утверждаетъ, что Герценъ былъ натурою религіозной— религіознымъ искателемъ, и начинаетъ разсматривать послѣдовательные объекты религіозной вѣры Герцена.

Прежде всего Булгаковъ заявляетъ, что съ точки зрѣнія идеалистической метафизики и положительнаго религіознаго ученія идеалъ совершенства находится на „небѣ“, въ области „трансцендентнаго“, и считаетъ такое пониманіе религіознаго идеала *единственно правильнымъ* [2]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) При этомъ онъ не замѣчаетъ, что онъ либо впадаетъ въ противорѣчіе съ ранѣе имъ самимъ даннымъ, болѣе широкимъ опредѣленіемъ

У тѣхъ же, говоритъ Булгаковъ, кто принципіально отвергаетъ самую область трансцендентнаго, для кого нѣтъ „неба", а есть только „земля",—у такихъ людей недостижимый небесный идеалъ искажается въ нѣкоторую земную „цѣль" прогресса, принимаетъ форму „соціальнаго утопизма". Соціальный утопизмъ проистекаетъ, по словамъ Булгакова, изъ незаглушимой религіозной (теперь уже въ узкомъ смыслѣ этого термина. *В. И.*) потребности духа. Одною изъ формъ соціальнаго утопизма („типичнѣйшею") является представленіе современнаго соціалъ-демократизма о Zukunftstaat'ѣ—объ идеальной общественной организаціи будущаго.

Въ такого же рода утопіи религіозно вѣровалъ, по мнѣнію Булгакова, и Герценъ: сначала онъ религіозно вѣрилъ въ Западъ, а затѣмъ, разочаровавшись въ Западѣ, столь же религіозно увѣровалъ въ Востокъ, въ Россію. А такъ какъ Герценъ былъ „атеистъ", „нигилистъ", то въ Россію онъ могъ увѣровать не съ ея религіозной стороны, не со стороны трансцендентныхъ идеаловъ русскаго народа, а лишь со стороны грубой, физической, матеріальной: онъ увѣровалъ въ русскую *общину*—въ то, что именно Россія „призвана осуществить идеи Запада потому, что въ Россіи сохранилась всѣми правдами и неправдами поземельная община и признаніе права всѣхъ на землю (довольно проблематическое)". И вотъ приговоръ Булгакова надъ Герценомъ: „Огромная нравственная проблема, міровой вопросъ въ полномъ смыслѣ слова—вопросъ о возможности настоящей, т. е. не-мѣщанской, цивилизаціи—вульгаризируется такимъ до дѣтскости наивнымъ и до мѣщанства матеріалистическимъ отвѣтомъ... *Философія Герцена ниже его личности*; умственный мѣщанинъ, резонеръ здраваго смысла душитъ Прометея, постоянно палимаго тѣмъ внутреннимъ огнемъ, который былъ имъ похищенъ съ неба"... И Герценъ, „если не своими мнѣніями, то своими исканіями, своими бореніями и душевными ранами, паденіями и разочарованіями ведетъ къ идеалистическому и религіозному міровоззрѣнію, къ признанію того, что за міромъ явленій есть область истинно сущаго бытія, міръ идеальный, царство абсолютной истины, добра и красоты ведетъ къ .... Достоевскому и Соловьеву". Такимъ путемъ приходитъ г. Булгаковъ къ мѣсту своего успокоенія, пользуясь Гер-

---

религіи, какъ вообще того, „*чѣмъ* живетъ человѣкъ, что онъ считаетъ для себя самымъ святымъ и дорогимъ, и *какъ* онъ живетъ, какъ служитъ своей святынѣ" — безотносительно къ тому, помѣщаетъ ли человѣкъ свой религіозный идеалъ „на небѣ" или не „на небѣ", либо же ставитъ—на мѣсто своего прежняго, очень широкаго, но дѣйствительно способнаго согласить всѣхъ опредѣленія,—свое личное, ни для кого не обязательное...

ценомъ, въ качествѣ отрицательной инстанціи, для доказательства своихъ тезисовъ [1]).

Изъ другихъ попытокъ истолковать смыслъ жизни и дѣятельности Герцена я укажу на В. Д. Смирнова, В. Богучарскаго и проф. Овсянико-Куликовскаго. У всѣхъ троихъ есть удачныя объясненія отдѣльныхъ моментовъ и сторонъ дѣятельности Герцена. Такъ, напр., г. Смирновъ правильно, какъ мнѣ кажется, объясняетъ смыслъ переворота въ воззрѣніяхъ, пережитаго Герценомъ подъ вліяніемъ событій 1848 г.; г. Богучарскій въ статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ: „Изъ прошлаго русскаго общества", правъ, опредѣленно заявляя, что Герценъ былъ первымъ родоначальникомъ и основоположникомъ нашего русскаго народническаго соціализма; во вдумчивыхъ статьяхъ проф. Овсянико-Куликовскаго много вполнѣ основательныхъ замѣчаній о западничествѣ и славянофильствѣ, о націонализмѣ и соціализмѣ Герцена... Однако, какъ мнѣ кажется, ни одинъ изъ этихъ трехъ писателей не даетъ общей картины, не выясняетъ систематически общаго смысла „душевной драмы" Герцена [2]).

Довольно давно уже начавъ заниматься сочиненіями Герцена, я—независимо отъ этихъ трехъ писателей—пришелъ къ пониманію Герцена, въ частностяхъ сходному съ ихъ истолкованіями, но въ цѣломъ принадлежащему лично мнѣ. Часть результатовъ моихъ занятій я и предлагаю въ настоящей статьѣ.

IV.

Сейчасъ еще не настало время для попытокъ изобразить внѣшнюю и внутреннюю жизнь А. И Герцена во всей ихъ полнотѣ и богатствѣ. Далеко еще не всѣ матеріалы къ его біографіи обнародованы; не издана даже одна, „важнѣйшая" часть „Былого и Думъ"—та, ради которой, какъ говоритъ самъ Герценъ, было написано имъ все это сочиненіе.

Однако, и теперь уже есть мѣсто для работъ двоякаго рода: во-первыхъ, для изслѣдованій, тѣсно связанныхъ съ тѣми или другими новыми матеріалами и на нихъ основывающихся, а во-вторыхъ, для предварительныхъ характеристикъ отдѣльныхъ сторонъ воззрѣній или дѣятельности Герцена. Къ работамъ перваго рода относятся печатающіеся сейчасъ въ „Мірѣ Божьемъ" матеріалы,

---

[1]) Нѣкоторыя изъ положеній г. Булгакова я разобралъ въ статьѣ: „А. И. Герценъ и одинъ изъ его критиковъ" въ „Сынѣ Отечества", отъ 3-го авг. 1905 г.

[2]) Укажу еще на появившійся въ самое послѣднее время очеркъ г. М. Гершензона „Соціально-политическіе взгляды А. И. Герцена" и на краткую біографію Герцена г. А. Діесперова (въ серіи „Современная библіотека"). Брошюра г. Діесперова составлена толково, но общая оцѣнка въ ней результатовъ жизни и дѣятельности Герцена слаба.

собранные г. М. Лемке; моя статья преслѣдуетъ задачу второго рода. Я хочу прослѣдить исторію отношенія Герцена къ соціальному вопросу, намѣтить и связать другъ съ другомъ главные ея этапы. И я имѣю въ виду сдѣлать это съ точки зрѣнія собственно исторической, не обращая Герцена въ средство для пропаганды тѣхъ или другихъ воззрѣній и теорій.

При этомъ я буду только отъ времени до времени касаться собственно *дѣятельности* Герцена и его вліянія на разрѣшеніе текущихъ русскихъ вопросовъ—на освобожденіе крестьянъ и другія реформы. Меня здѣсь больше интересуютъ его воззрѣнія, чѣмъ дѣла, ибо мнѣ кажется, что именно эта сторона часто превратно понималась критиками. Я постараюсь доказать, что Герценъ, во-первыхъ, вовсе не такъ рѣшительно разорвалъ съ Европой, съ ея культурой, ея либерализмомъ и соціализмомъ, какъ это обычно повѣствуется по старой памяти; во-вторыхъ, что Герценъ вовсе не въ такой степени былъ „романтикомъ" въ политикѣ, какъ опять же думаютъ иногда: въ вопросахъ общественныхъ онъ также былъ, въ концѣ концовъ, въ значительной мѣрѣ „реалистомъ".

Наконецъ, укажу еще на то, что я меньше останавливаюсь на среднихъ стадіяхъ исторіи общественныхъ воззрѣній Герцена, какъ на болѣе извѣстныхъ, и, напротивъ, стараюсь оттѣнить крайнія: зачатки соціалистическаго міровоззрѣнія, которые можно найти у Герцена въ юношескій періодъ, и то, что я назвалъ (въ статьѣ въ „Сынѣ Отечества") „поворотомъ къ реализму" въ концѣ его жизни.

Гдѣ возможно, я беру характеристики отдѣльныхъ моментовъ или сторонъ дѣятельности Герцена изъ существующей литературы, разъ я нахожу ихъ правильными и удачными....

Сначала я попытаюсь набросать общіе контуры личности и таланта нашего великаго трибуна.

V.

„Немного найдется среди русскихъ людей такихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, жизнь которыхъ по богатству внѣшнихъ событій, по разнообразію впечатлѣній и обилію яркихъ красокъ могла бы сравниться съ жизнью Александра Ивановича Герцена. Какою-то сверкающею полосою проходитъ она среди замѣчательнѣйшихъ событій русской жизни и европейской исторіи... Обломки придворнаго міра Екатерины, мелькавшіе вокругъ отца Герцена, и отголоски декабрьской драмы 1825 г., московскій университетъ и странствованіе по Перми, Вяткѣ, Владиміру и Новгороду, Бѣлинскій и К. Аксаковъ, Хомяковъ и Чаадаевъ, Бакунинъ и Катковъ, Грановскій и Самаринъ,—все это и многое другое составляло содержаніе міра, въ которомъ вращался Герценъ

до 35-лѣтняго возраста... А затѣмъ? Затѣмъ поѣздка въ Европу, бури 1848 г. въ Италіи и Франціи, „Voix du peuple“, Прудонъ, Викторъ Гюго, Луи Бланъ, бѣгство въ Женеву, переѣздъ въ Лондонъ, Ледрю-Ролленъ, Кошутъ, Маццини, Ворцель, Марксъ, Гарибальди, Орсини, „Полярная Звѣзда“, „Колоколъ“ и его колоссальный успѣхъ, паломничество выдающихся русскихъ людей на берега Темзы къ „властителю думъ“, польское возстаніе, паденіе „Колокола“, скитальчество по Европѣ и смерть въ Парижѣ“ [1])...

Прибавимъ къ этому сенъ-симонизмъ съ его „новымъ евангеліемъ“ и философію Гегеля, поэзію Шиллера и антропологизмъ Фейербаха, дружбу и вражду съ Огаревымъ, Тургеневымъ, Некрасовымъ, Кавелинымъ, Чичеринымъ, Чернышевскимъ...

И рядомъ со всѣмъ этимъ, въ основѣ всего этого—богатая, яркая личная жизнь, дававшая Герцену своими сложными и запутанными переливами то огромное счастье и чувство необычайной полноты существованія, то ощущенія муки, раскаянія, невозвратимыхъ утратъ и безпросвѣтнаго сиротства и одиночества...

Наконецъ, удивительный литературный талантъ, въ которомъ эпиграмма слита съ лиризмомъ, юморъ съ горечью негодованія, риторика съ самой подлинной непосредственностью... Таланту этому были доступны и популяризаціи отвлеченныхъ темъ, и написанныя прозрачнымъ языкомъ повѣсти, гдѣ бьется и стонетъ сама жизнь, и рецензіи книгъ и театральныхъ представленій, и публицистическія статьи, и прокламаціи... Высшаго своего расцвѣта талантъ этотъ, какъ всѣ согласны, достигъ въ удивительныхъ мемуарахъ Герцена—въ его знаменитомъ „Быломъ и Думахъ“...

Каково же внутреннее содержаніе этой богатой и интересной жизни?

Вѣдь на даромъ авторъ одной изъ газетныхъ статей, написанныхъ по поводу выхода въ свѣтъ изданія сочиненій Герцена [2]), говоритъ, что изъ бывшихъ доселѣ нелегальными русскихъ писателей многіе выше Герцена по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія они могутъ сообщить, но нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы равное съ нимъ *воспитывающее* вліяніе.

Нѣкоторые изъ критиковъ приписываютъ это воспитывающее вліяніе сочиненій Герцена, повидимому, преимущественно тому, что Герценъ въ высшей степени ярко переживалъ свои впечатлѣнія и чувства, думы и настроенія и блестяще выражалъ эти переживанія. Такъ, проф. Овсянико-Куликовскій относитъ Герцена „къ числу тѣхъ избранниковъ, къ которымъ по преимуществу относится вѣщее слово Шиллера:

---

[1]) *В. Богучарскій.* „Изъ прошлаго русскаго общества“, стр. 140—141.
[2]) Г. Горнфельдъ въ „Сынѣ Отечества“.

Wer hat gelebt für seine Zeit,
Der hat gelebt für alle Zeiten!..

„Такіе дѣятели,—говоритъ проф. Овсянико-Куликовскій,—пріобрѣтаютъ право на будущее, на безсмертіе тѣмъ, что были кровно связаны со своимъ настоящимъ, пережили всѣ—важнѣйшія—муки и радости своей эпохи, выстрадали ея историческую страду и ея—очередной— идеалъ... *Даръ жить полнотою жизни своего времени—это рѣдкій и цѣнный даръ*“...

Въ этой характеристикѣ есть значительная доля справедливаго: Герценъ дѣйствительно жилъ полнотою жизни своего времени, отзывался на всѣ запросы жизни.

Однако, по моему убѣжденію, одной этой черты мало. Въ Герценѣ необходимо отмѣтить и нѣчто другое: поразительную умственную чуткость, истинное творчество его живой мысли—черты, позволявшія ему не просто „жить полнотою жизни своего времени“, пассивно (хотя и ярко) отражая тѣ или другія настроенія и теченія своей эпохи, но дѣлавшія его *активнымъ* творцомъ, безстрашнымъ піонеромъ новыхъ точекъ зрѣнія, новыхъ путей мысли и жизни... Онъ отзывался не только на настоящее, но и на *будущее*, былъ не только баловнемъ современности, но и пророкомъ и страдальцемъ грядущаго...

При всемъ своемъ „романтизмѣ“, за который его часто упрекаютъ (и проф. Овсянико-Куликовскій въ статьяхъ въ „Нашей Жизни“), Герценъ часто поражаетъ глубиной своего ясновидѣнія—счастливаго, интуитивнаго пониманія вопросовъ, съ которыми онъ сталкивался. Благодаря этому, Герценъ и до сихъ поръ, въ сущности, еще очень мало устарѣлъ въ своихъ основныхъ чувствахъ и настроеніяхъ. Устарѣло въ немъ по большей части, такъ сказать, „выводное“; но рядомъ съ этимъ какъ много свѣжаго и живого въ главномъ, основномъ!..

VI.

Ключомъ къ объясненію источника общественнаго міровоззрѣнія Герцена и смысла его „душевной драмы“ является, по моему убѣжденію, одна его фраза, одна мысль, къ которой онъ часто возвращается въ своихъ сочиненіяхъ. „Соціализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ,—говоритъ онъ,—пробными камнями, брошенными на путяхъ революціи и науки“ [1])...

Иначе говоря, реформа общественная, которую раньше понимали только какъ политическую, расширяется—при своемъ логическомъ проведеніи, при вѣрности своимъ же исходнымъ принципамъ—до реформы всего соціальнаго строя; а идея истины, принципъ

[1]) Въ 7-й главѣ I части „Былого и думъ“.

науки—при такомъ же логическомъ продумываніи—переходитъ въ то, что Герценъ называетъ „реализмомъ“...

И эти логическіе выводы изъ ранѣе принятыхъ посылокъ являются, какъ говоритъ Герценъ, „пробными камнями, брошенными на путяхъ рев люціи и науки“: безстрашнымъ принятіемъ этихъ принциповъ люди твердые и сильные отдѣляются отъ людей, хотя бы и благородныхъ, умныхъ и добрыхъ, но не рѣшающихся идти до конца, до послѣднихъ логическихъ выводовъ изъ своихъ же собственныхъ посылокъ...

И первый въ Россіи имѣлъ смѣлость перейти „отъ либерализма къ соціализму“ и „отъ науки къ реализму“ именно Герценъ. Рядомъ съ нимъ, и отчасти подъ его вліяніемъ, шли Бѣлинскій и Огаревъ... А если мы прибавимъ къ этимъ тремъ именамъ еще Бакунина, перешедшаго къ соціализму (анархическому) позже ихъ, то у насъ будутъ почти всѣ русскіе соціалисты перваго поколѣнія—изъ людей 40-хъ годовъ.

VII.

Для нашего русскаго развитія характерно то, что у насъ не было эпохи, въ которую побѣда въ общественной борьбѣ принадлежала бы „либерализму“. Русскій либерализмъ, существовавшій „въ скрытомъ состояніи“ и раньше, сталъ замѣтно проявляться вскорѣ послѣ начала царствованія Екатерины II. Время съ 1769 по 1825 г. можно назвать эпохой русскаго—чистаго, безпримѣснаго либерализма.

Но неудача декабрьскаго возстанія 1825 г. и свинцовая реакція, наступившая послѣ этого, совершенно перервали преемственность того общественнаго движенія, которое началось со временъ Екатерининской „комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія“ (1767—1774 гг.) и сатирическихъ журналовъ 1769 и слѣдующихъ годовъ, осложнилось впечатлѣніями отечественной войны и закончилось декабристами. Это движеніе, либеральное по своему содержанію, ютившееся въ небольшихъ кружкахъ при дворѣ, въ высшей военной аристократіи, въ немногихъ журналахъ, окончательно замерло.

Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ иной общественной средѣ, въ средѣ совсѣмъ молодыхъ студентовъ университета, въ большинствѣ принадлежавшихъ къ среднему дворянству, начинается новая жизнь—зародышъ новаго общественнаго движенія...

Съ начала 30-хъ годовъ въ московскомъ университетѣ начинаютъ образовываться студенческіе кружки, интересующіеся общественными вопросами. Первымъ изъ такихъ кружковъ былъ

тотъ, который группировался около студента Сунгурова [1]). Вскорѣ послѣ сунгуровскаго образуются кружки Герцена и Станкевича. Въ кружкѣ Станкевича, занимавшемся сначала преимущественно эстетическими и философскими вопросами, главными членами были, кромѣ самого Станкевича, М. Бакунинъ и Бѣлинскій, позже Грановскій и В. П. Боткинъ. Около Герцена группировались Огаревъ, Сатинъ, Сазоновъ, Кетчеръ, братья Пассеки [2]). Здѣсь интересовались преимущественно „вопросами жизненными и чисто практическими". Однимъ изъ авторитетовъ этого кружка былъ Сенъ-Симонъ, великій мыслитель начала XIX в.—человѣкъ, созданный изъ геніальности и странностей.

Герценъ самъ разсказываетъ въ „Быломъ и Думахъ", какъ онъ, а съ нимъ и его ближайшіе друзья постепенно пришли къ сенъ-симонизму. На богатую и уже съ ранняго дѣтства подготовленную къ протесту почву падаютъ сѣмена, занесенныя декабрьской бурей, и въ пылкой душѣ мальчика загорается „дѣтскій либерализмъ", питавшійся уроками француза Бушо и русскаго студента изъ семинаристовъ И. Е. Протопопова, дружбой и бесѣдами съ „корчевской" кузиной [3]) и Огаревымъ, чтеніемъ Шиллера и Бомарше, Пушкина и Рылѣева... Революція 1830 г. усилила и развила это настроеніе (Герцену было тогда 18 лѣтъ). „Славное было время,—пишетъ онъ,—событія неслись быстро. Едва худощавая фигура Карла X успѣла скрыться за туманами Голируда, Бельгія вспыхнула, тронъ короля-гражданина качался, какое-то горячее, революціонное дуновеніе началось въ преніяхъ, въ литературѣ... Мы слѣдили шагъ за шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами и рѣзкими отвѣтами, за генераломъ Лафайетомъ и за генераломъ Ламаркомъ; мы не только подробно знали, но горячо любили всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей, разумѣется, радикальныхъ, и хранили у себя ихъ портреты..."

Но вотъ революціонная волна схлынула... Оказалось, что до Россіи она почти не докатилась, да и на Западѣ унесла далеко не такъ много, какъ надѣялись, какъ желали. И это разочарованіе заставило Герцена сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ въ

---

[1]) Преслѣдованія, постигшія членовъ этого кружка, разсказаны Герценомъ. „Ихъ обвинили въ *намѣреніи* составить тайное общество, въ преступныхъ разговорахъ; за то ихъ отправляли въ солдаты въ Оренбургъ" („Былое и Думы", ч. I, гл. VI). Тамъ же Герценъ разсказываетъ объ отношеніяхъ своего кружка къ сосланнымъ сунгуровцамъ и о трагической судьбѣ Сунгурова, который послѣ неудачнаго побѣга сдѣлалъ попытку перерѣзать себѣ горло, а затѣмъ былъ сосланъ въ каторжныя работы и умеръ въ Нерчинскѣ.

[2]) Пассеки были лично близки съ Герценомъ, но интересы наиболѣе извѣстнаго изъ нихъ—Вадима—скоро ушли въ другую сторону,—онъ углубился въ изученіе русской исторіи.

[3]) Впослѣдствіи (Татьяной Петровной) Пассекъ.

своемъ міровоззрѣніи, поглядѣть на дѣло глубже. „Время, слѣдовавшее за усмиреніемъ польскаго возстанія,—говоритъ Герценъ [1]),— быстро воспитывало. Мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что и въ Европѣ, и особенно во Франціи, откуда ждали пароль политическій и лозунгъ, дѣла идутъ неладно... Теоріи наши становились намъ подозрительны. Дѣтскій либерализмъ 1826 г., сложившійся мало-по-малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафайетъ и Бенжаменъ Констанъ, пѣлъ Беранже, терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу...“ Тогда часть московской молодежи изъ товарищей Герцена засѣла за „глубокое и серьезное изученіе русской исторіи“; другая бросилась изучать нѣмецкую философію. „Мы съ Огаревымъ,—говоритъ Герценъ,—не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы слишкомъ сжились съ иными идеями, чтобы скоро поступиться ими...“ И вотъ, въ этотъ-то моментъ, „середь этого броженія, середь догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки сенъ-симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессъ. Они поразили насъ...“

Дѣло было сдѣлано: началась новая эпоха въ душевной жизни Герцена и его друзей, а черезъ нихъ—и въ жизни всего русскаго народа.

„То, что мы называемъ экономическимъ матеріализмомъ,—говоритъ авторъ біографіи Герцена В. Д. Смирновъ,—ведетъ свое существованіе, въ сущности, отсюда. Сенъ-Симонъ первый провозгласилъ, что наука и промышленность, трудъ и знаніе, а не что-нибудь другое, являются основами современности, что они питаютъ общественную жизнь, опредѣляютъ ея богатство или бѣдность, счастье или несчастье отдѣльныхъ людей. Къ наукѣ С.-Симонъ относился съ чисто религіознымъ уваженіемъ: онъ ставилъ Ньютона выше пророковъ, principia—выше Библіи. Онъ требовалъ, чтобы государство обезпечивало ученыхъ и дало имъ ту власть, то значеніе, которымъ пользуются государи и министры. Праздникъ въ честь Ньютона долженъ былъ сдѣлаться праздникомъ всего человѣчества.

„Прибавьте къ этому рѣзкія выходки противъ аристократіи и духовенства, требованіе, чтобы жизнь служила полезному, а не мистическому, чтобы всякій пользовался уваженіемъ и занималъ мѣсто сообразно своимъ дѣламъ и заслугамъ передъ обществомъ; прибавьте рѣзкій языкъ, раздраженную фантазію, неподдѣльную ненависть, тонъ пророка, иронію искренней злобы, — и вы поймете, почему горячій, обуреваемый жаждой дѣятельности Герценъ такъ увлекся сенъ-симонизмомъ“ [2]).

[1]) „Былое и Думы“, ч. I, гл. 7.

[2]) *В. Д. Смирновъ*. „Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена“ (Спб., 1897) стр. 49.

Изъ сочиненій Сенъ-Симона особенный эффектъ производила небольшая статья подъ названіемъ „Парабола", съ злымъ остроуміемъ и классической ясностью иллюстрирующая любимую мысль Сенъ-Симона о противоположности между нетрудящимися и трудящимися классами общества. Надо замѣтить, что Сенъ-Симонъ въ составѣ своихъ „трудящихся" классовъ не различалъ хозяевъ-предпринимателей отъ рабочихъ; къ трудящимся онъ относилъ всѣхъ вообще прикосновенныхъ къ какой бы то ни было индустріи. Только ученики С.-Симона—правда, уже очень скоро послѣ его смерти—стали различать среди индустріальныхъ классовъ капиталистовъ и рабочихъ.

Чтобы дать болѣе отчетливое понятіе объ этомъ важномъ фазисѣ духовной жизни Герцена, я приведу существенное содержаніе „Параболы" [1]).

Въ „Параболѣ" Сенъ-Симонъ разсматриваетъ результаты двухъ слѣдующихъ предположеній. „Мы предполагаемъ,—говоритъ онъ,—что Франція вдругъ потеряетъ своихъ 50 первыхъ физиковъ, своихъ 50 химиковъ... (далѣе идетъ длинный списокъ профессій. *В. И.*)—всего 3,000 человѣкъ своихъ первыхъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ..." Что тогда будетъ? Тогда „нація сдѣлается тѣломъ безъ души... она упадетъ въ состояніе низшее сравнительно съ тѣми націями, съ которыми она теперь соперничаетъ, и она останется ниже ихъ до тѣхъ поръ, пока не вознаградитъ своей потери, пока у нея не выраститъ голова...

„Перейдемъ къ другому предположенію. Допустимъ, что Франція сохраняетъ всѣхъ геніальныхъ людей, которыхъ она имѣетъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, но что она имѣетъ несчастье потерять въ одинъ день мосье королевскаго брата, монсеньера герцога ангулемскаго, монсеньера герцога беррійскаго, монсеньера герцога орлеанскаго, монсеньера герцога бурбонскаго, герцогиню ангулемскую, герцогиню беррійскую, герцогиню орлеанскую, герцогиню бурбонскую и мадемуазель Конде. И пусть она потеряетъ въ то же время всѣхъ великихъ офицеровъ короны, всѣхъ министровъ государства, всѣхъ государственныхъ совѣтниковъ, всѣхъ рекетмейстеровъ, маршаловъ, кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, великихъ викаріевъ и канониковъ, всѣхъ префектовъ и подпрефектовъ, всѣхъ чиновниковъ министерствъ, всѣхъ судей и, кромѣ того, десять тысячъ собственниковъ самыхъ богатыхъ изъ тѣхъ, которые ведутъ благородный образъ жизни.

„Этотъ несчастный случай, безъ сомнѣнія, весьма опечалитъ французовъ, потому что они добры. Но эта потеря причинитъ имъ печаль по причинамъ, исключительно зависящимъ отъ ихъ чув-

---

[1]) „Парабола" почти цѣликомъ напечатана по-русски у г. Щеглова въ „Исторіи соціальныхъ системъ". Спб. 1871.

ствительности, потому что изъ этого несчастнаго случая не произойдетъ никакого политическаго зла для государства.

„Во-первыхъ, потому, что будетъ очень легко замѣстить всѣ эти мѣста, сдѣлавшіяся вакантными: есть множество французовъ, которые были бы въ состояніи столь же хорошо исполнять обязанности королевскаго брата, какъ и мосье; многіе столь же способны замѣнить мѣсто принцевъ, какъ и монсеньеръ герцогъ ангулемскій, монсеньеръ герцогъ орлеанскій, монсеньеръ герцогъ бурбонскій; многія француженки были бы столь же хорошими принцессами, какъ герцогиня ангулемская, какъ герцогиня беррійская, какъ герцогиня орлеанская, бургонская и Конде. Прихожія замка наполнены придворными, готовыми занять мѣста великихъ офицеровъ короны; армія имѣетъ множество военныхъ, которые были бы столь же хорошими предводителями войска, какъ и нынѣшніе маршалы. Какъ много приказчиковъ (commis), которые стоятъ нашихъ государственныхъ министровъ!.. Что же касается до десяти тысячъ собственниковъ, живущихъ благороднымъ образомъ, то ихъ наслѣдники не имѣли бы нужды ни въ какомъ ученьи, чтобы дѣлать въ своихъ салонахъ пріемы гостей столь же хорошо, какъ и они сами.

„Благосостояніе Франціи не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ вслѣдствіе успѣха наукъ, искусствъ и ремеслъ; но принцы, великіе офицеры короны, епископы, маршалы Франціи, префекты и праздные собственники не трудятся прямымъ образомъ для успѣха наукъ, искусствъ и ремеслъ; мало того, они даже вредятъ успѣху ихъ, потому что усиливаются придать перевѣсъ предположительнымъ теоріямъ надъ знаніями положительными; они необходимо вредятъ благосостоянію націи, лишая ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ первой степени уваженія, которая имъ принадлежитъ законнымъ образомъ; они ему вредятъ потому, что употребляютъ свои денежныя средства такимъ образомъ, который прямымъ путемъ не полезенъ для наукъ, искусствъ и ремеслъ; они ему вредятъ потому, что изъ налоговъ, платимыхъ народомъ, они ежегодно берутъ отъ трехсотъ до четырехсотъ милліоновъ подъ именемъ жалованья, пенсіоновъ, наградъ, вознагражденій и т. п. въ плату за свои труды, которые безполезны для націи".

Все это, по мнѣнію С.-Симона, доказываетъ, что современное общество имѣетъ порядокъ совершенно превратный, „потому что нація допустила, какъ основной принципъ, то, что бѣдные должны быть великодушны относительно богатыхъ, вслѣдствіе чего люди недостаточные ежегодно лишаютъ себя необходимаго, чтобы увеличить излишекъ большихъ собственниковъ; потому что наиболѣе виновные, главные воры, тѣ, которые давятъ всю массу гражданъ, которые отнимаютъ у нихъ отъ трехсотъ до четырехсотъ милліоновъ ежегодно, имѣютъ обязанность

наказывать незначительные проступки противъ общества; потому что невѣжество, суевѣріе, лѣнность и склонность къ удовольствіямъ составляютъ принадлежность лицъ, поставленныхъ во главѣ общества, а люди, способные, трудолюбивые и бережливые поставлены въ положеніе подчиненное, служатъ только орудіями въ рукахъ первыхъ; потому что, наконецъ, во всѣхъ родахъ занятій люди неспособные управляютъ людьми способными, а въ отношеніи нравственномъ люди безнравственные призваны къ тому, чтобы насаждать и укрѣплять добродѣтель въ обществѣ".

Надо замѣтить, что самъ Герценъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ сенъ-симонизмѣ ихъ, московскую молодежь 30-хъ годовъ, поразили всего болѣе не эти идеи, а идеи освобожденія женщины и реабилитаціи плоти. Такая постановка Герценомъ соціальныхъ интересовъ своего кружка на второй планъ сравнительно съ идеалами, скажемъ, „просвѣтительными", можетъ быть, является нѣкоторымъ преувеличеніемъ или ошибкой памяти съ его стороны. Что „новый міръ" не сводился преимущественно на идеи освобожденія женщины и реабилитаціи плоти, это видно и изъ огромной популярности въ кружкѣ Герцена той же „Пароболы", и изъ общаго уже тогда интереса у членовъ кружка ко всѣмъ широкимъ общественнымъ вопросамъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что и гуманно-просвѣтительныя идеи сенъ-симонистовъ имѣли въ глазахъ этой молодежи большое значеніе. „Поверхностные и неповерхностные люди довольно смѣялись надъ отцомъ Анфантеномъ [1]) и надъ его апостолами"—надъ этими „предтечами соціализма..." „Торжественно и поэтически являлись середь мѣщанскаго міра эти восторженные юноши съ своими неразрѣзными жилетами, съ отрощенными бородами. Они возвѣстили новую вѣру, имъ было что сказать и было во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей... Съ одной стороны, *освобожденіе женщины*, призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею, какъ съ равнымъ... Съ другой, оправданіе, *искупленіе* плоти, rehabilitation de la chair!... Великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно нравственный и потому нравственно чистый... Религія жизни шла на смѣну религіи смерти, религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы. Распятое тѣло воскресало въ свою очередь и не стыдилось больше себя; человѣкъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался, что онъ существо цѣлое, а не составленъ, какъ маятникъ, изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга, что врагъ, съ нимъ спаянный, исчезъ... Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворились ему. Сенъ-симонизмъ легъ въ

[1]) Глава правовѣрныхъ сенъ-симонистовъ.

основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ.

„Удобовпечатлимые, искренно молодые, мы легко были подхвачены мощной волной и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду—черезъ море!“

VIII.

И Герценъ разсказываетъ о томъ, какъ эти новыя воззрѣнія отдѣлили ихъ отъ представителей прежняго поколѣнія, которыхъ онъ прямо называетъ „либералами“, и отъ части ихъ собственныхъ сверстниковъ, — объ этомъ коренномъ переломѣ своей эпохи.

„Не всѣ рискнули съ нами. Соціализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на путяхъ революціи и науки. Группы пловцовъ, прибитыя волнами событій или мышленіемъ къ этимъ скаламъ, немедленно разстаются и составляютъ двѣ вѣчныя партіи, которыя, мѣняя одежды, проходятъ черезъ всю исторію, черезъ всѣ перевороты... Одна представляетъ логику, другая исторію, одна діалектику, другая эмбріогенію. Одна изъ нихъ *правѣе*, другая *возможнѣе*“.

Важенъ и глубокъ былъ этотъ разрывъ; изъ-за него расходились ближайшіе, задушевные друзья: изъ-за несогласія въ вопросахъ религіозно-философскихъ Герценъ разстался позже съ Грановскимъ, изъ-за вопросовъ общественныхъ — съ Кавелинымъ, Тургеневымъ и многими другими.

Вопросы эти уже въ 30-хъ годахъ начали раскалывать дотолѣ болѣе или менѣе однородную среду... Нѣкоторые уходили; но тогда „кругъ нашъ еще тѣснѣе сомкнулся,—говоритъ Герценъ.— Уже тогда, въ 1833 г., *либералы* [1]) смотрѣли на насъ исподлобья, какъ на сбившихся съ дороги“.

Передъ самой тюрьмой сенъ-симонизмъ поставилъ рубежъ между Герценомъ и Н. А. Полевымъ. И Герценъ даетъ короткую, но вполнѣ отчетливую характеристику личности Н. Полевого и разсказываетъ въ высшей степени многозначительный разговоръ свой съ нимъ. „Полевой былъ человѣкъ необыкновенно ловкаго ума, дѣятельнаго, легко претворяющаго всякую пищу; онъ родился быть журналистомъ, лѣтописцемъ успѣховъ, открытій, политической и ученой борьбы. Этотъ-то человѣкъ... при всей живости своего ума, не могъ понять сенъ-симонизма. Для насъ сенъ-симонизмъ былъ откровеніемъ; для него—безуміемъ, пустой утопіей, мѣшающей гражданскому развитію. Сколько я ни ораторствовалъ, ни развивалъ, ни доказывалъ, Полевой былъ

1) Курсивъ Герцена.

глухъ, сердился, становился желченъ. Ему была особенно досадна оппозиція, дѣлаемая студентомъ; онъ очень дорожилъ своимъ вліяніемъ на молодежь и въ этомъ преніи видѣлъ, что она ускользаетъ отъ него. Одинъ разъ, оскорбленный нелѣпостью его возраженій, говоритъ Герценъ, я ему замѣтилъ, что онъ такой же отсталый консерваторъ, какъ тѣ, противъ которыхъ онъ всю жизнь сражался... Полевой глубоко обидѣлся моими словами и, качая головой, сказалъ мнѣ: „Придетъ время, и вамъ въ награду за цѣлую жизнь усилій и трудовъ какой-нибудь молодой человѣкъ, улыбаясь, скажетъ: ступайте прочь, вы отсталый человѣкъ...“

Такъ отчетливо намѣтился уже въ первой половинѣ 30-хъ годовъ расколъ тѣхъ, кого Герценъ называетъ либералами, и тѣхъ, которые позже пришли къ соціализму.

IX.

Въ іюлѣ 1833 г. Герценъ сдалъ экзаменъ на кандидата физико-математическаго отдѣленія философскаго факультета московскаго университета; а черезъ годъ—въ ночь съ 19-го на 20-е іюля 34 г.—былъ арестованъ у себя на квартирѣ... Исторія ареста обстоятельно разсказана по новымъ даннымъ г. Лемке въ „Мірѣ Божьемъ“ за текущій годъ.

Десять мѣсяцевъ просидѣлъ Герценъ въ одиночномъ заключеніи; въ маѣ 1835 г. онъ поѣхалъ въ ссылку въ Пермь, а оттуда въ скоромъ времени былъ переведенъ въ Вятку и въ концѣ 1837 г. во Владиміръ. Наконецъ, въ 1840 г. Герценъ вернулся въ Москву. Въ годы изгнанія соціалистическое міровоззрѣніе Герцена не дѣлало дальнѣйшихъ шаговъ; за эти пять лѣтъ его главное вниманіе занимали личныя и семейныя дѣла (въ 1838 г. онъ женился), скромныя культурническія начинанія въ провинціи; наконецъ, по нему прошла въ это время, подъ вліяніемъ жены, полоса религіозности.

Въ Москвѣ въ 1840 г. Герценъ нашелъ многое измѣнившимся съ момента своей ссылки. Разгорѣлись уже тѣ знаменитые споры, которые раскололи московскую мыслящую молодежь на два враждебныхъ стана: на „славянъ“ и „западныхъ“ [1]). „Друзья Станкевича были на первомъ планѣ; Бакунинъ и Бѣлинскій стояли въ ихъ главѣ, каждый съ томомъ гегелевской философіи въ рукахъ и съ юношеской нетерпимостью..., безъ которой нѣтъ кровныхъ, страстныхъ убѣжденій“...

---

[1]) Герценъ указываетъ („Былое и Думы“, часть IV, гл. 30), что споры эти начались съ появленія знаменитаго „Философическаго письма“ П. Я. Чаадаева. Особенно же острый характеръ приняла борьба послѣ появленія критическихъ статей Бѣлинскаго.

Извѣстна та превосходная, блещущая юморомъ картина, въ которой изображаетъ Герценъ увлеченіе этого кружка философіей Гегеля. „Толковали о Феноменологіи и Логикѣ Гегеля безпрестанно. Нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ Логики, въ двухъ Эстетики, Энциклопедіи и проч., который не былъ бы взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа“, принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности и о ея *по-себѣ бытіи*“. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, паденія листовъ въ нѣсколько дней“... Молодые философы приняли и тотъ условный языкъ, который астрономъ Перевощиковъ называлъ „птичьимъ“...

И вотъ, попавъ въ этотъ кругъ, Герценъ начинаетъ чувствовать необходимость „пить изъ самаго источника“—ex ipsa fonte bibere—и серьезно садится за изученіе Гегеля.

Когда онъ привыкъ къ языку Гегеля и овладѣлъ его методомъ, онъ сталъ замѣчать, что Гегель гораздо ближе къ „нашему воззрѣнію“ (говоритъ про себя и своихъ Герценъ), чѣмъ къ воззрѣнію своихъ послѣдователей [1]). (Характерное совпаденіе: это увлеченіе Гегелемъ Герценъ пережилъ какъ разъ одновременно съ Марксомъ, который именно въ эти годы прошелъ черезъ школу Гегеля). „Философія Гегеля—алгебра революціи,—говоритъ Герценъ,—она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, переживших себя“ [2]). И Герценъ высказываетъ мнѣніе, что человѣкъ, *не пережившій* Феноменологіи Гегеля и противорѣчій политической экономіи Прудона [3]), не перешедшій черезъ этотъ горнъ и закалъ, не полонъ, не современенъ“.

---

[1]) Вѣроятно, Герценъ имѣетъ здѣсь въ виду такъ называемыхъ „правыхъ гегеліанцевъ“, склонявшихся въ вопросахъ религіозныхъ къ ортодоксіи и супранатурализму и въ общемъ сочувствовавшихъ ученіямъ церкви. „Лѣвые гегеліанцы“ придерживались, какъ извѣстно, пантеизма, не признавали безсмертія *индивидуальнаго* духа, а богочеловѣчество понимали, какъ идею человѣчества.

[2]) Характерно, что и тутъ Герценъ выдвигаетъ на первый планъ не собственно соціальную, а культурно-освободительную сторону вопроса (какъ и раньше—въ отзывѣ о сенъ-симонизмѣ).

[3]) Это писано въ 50-хъ годахъ. Прудономъ Герценъ занимался позже, чѣмъ Гегелемъ. Вопросъ о вліяніи Прудона на Герцена долженъ составить предметъ цѣлаго особаго изслѣдованія. Въ „Дневникѣ“ Герцена мы находимъ слѣдующія мѣста о Прудонѣ: „3-го дек. 1844 г. Наконецъ, я дочиталъ брошюру Прудона „*О собственности*“. Прекрасное произведеніе, не только не ниже, но выше того, что говорили и писали о ней. Разумѣется, для

Извѣстно, что на почвѣ пониманія гегелевской философіи у Герцена, быстро пришедшаго къ революціоннымъ выводамъ изъ нея, произошло рѣзкое столкновеніе съ Бѣлинскимъ, который въ это время (1840 г.) проходилъ одинъ изъ внутренно-необходимыхъ фазисовъ своей внутренней жизни—примиреніе съ конкретной дѣйствительностью. „Бѣлинскій... проповѣдывалъ тогда,—говоритъ Герценъ,—индѣйскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы. Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ; въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ; его совѣсть была чиста“... И когда Герценъ, „думая поразить его своимъ революціоннымъ ультиматумомъ“, сказалъ, что, исходя изъ такой точки зрѣнія, можно „доказать, что и самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно“, Бѣлинскій отвѣтилъ: „Безъ всякаго сомнѣнія“ и прочелъ *Бородинскую годовщину* Пушкина. Начались страстные споры; а когда Бѣлинскій, уже переѣхавъ жить въ Петербургъ, „далъ послѣдній залпъ статьей, которую назвалъ „Бородинской годовщиной“, Герценъ прервалъ съ нимъ всѣ сношенія“... [1]).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ томъ же 1840 году, переѣзжаетъ въ Петербургъ и Герценъ съ женой. Огаревъ устроилъ ему свиданіе съ Бѣлинскимъ, на которомъ они объяснились. „Ваша взяла,—сказалъ Бѣлинскій,—три-четыре мѣсяца въ Петербургѣ меня лучше убѣдили, чѣмъ всѣ доводы“... „Съ этой минуты и до кончины Бѣлинскаго мы шли съ нимъ рука въ руку“—заключаетъ Герценъ [2]).

думавшихъ объ этихъ предметахъ, для страдавшихъ надъ подобными соціальными вопросами главный тезисъ его не новъ; но развитіе превосходно, мѣтко, сильно, остро и проникнуто огнемъ“... „28-го февр. 1845 г. De la création dans l'ordre de l'humanité... чрезвычайно замѣчательное явленіе... Прудонъ рѣшительно поднимается въ спекулятивное мышленіе... Бездна яркихъ мыслей... Самая лучшая часть—это его доказательство невозможности религіи въ будущемъ“ и т. д.

[1]) Исторія съ тезисомъ „все дѣйствительное разумно“ и положеніе въ этомъ спорѣ Бѣлинскаго обстоятельно выяснено г. *Бельтовымъ* въ статьѣ „Бѣлинскій и разумная дѣйствительность“ (въ сборникѣ „За двадцать лѣтъ“) и *П. Н. Милюковымъ* („Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“ въ сборникѣ „Изъ исторіи русской интеллигенціи“).

[2]) И Герценъ прибавляетъ здѣсь нѣсколько превосходныхъ страницъ о Бѣлинскомъ, котораго онъ совершенно справедливо считаетъ „однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ николаевскаго періода“. „Бѣлинскій,—говоритъ онъ,—вовсе не оставилъ, вмѣстѣ съ одностороннимъ пониманіемъ Гегеля, его философію. Совсѣмъ напротивъ: отсюда-то и начинается его живое, мѣткое, оригинальное сочетаніе идей философскихъ съ революціонными... Послѣ либерализма, кой-какъ пережившаго 1825 годъ въ Полевомъ, послѣ мрачной статьи Чаадаева, является выстраданное, желчное отрицаніе и страстное вмѣшательство во всѣ вопросы Бѣлинскаго“... („Было

Куда же, по какому пути шли рука объ руку эти двѣ „центральныя“ натуры московскихъ кружковъ того времени? („натурою центральною“ опредѣлилъ Бѣлинскаго Тургеневъ, но проф. Овсянико-Куликовскій справедливо указываетъ, что въ извѣстномъ смыслѣ и Герценъ былъ натурою центральною не меньше Бѣлинскаго).

Относительно Бѣлинскаго мы это знаемъ изъ его собственныхъ заявленій. „Я теперь въ новой крайности,—пишетъ онъ Боткину 8-го сент. 1840 г.—Это идея соціализма, которая стала для меня идеей идей... альфою и омегою вѣры и знанія... Она для меня поглотила и исторію, и религію, и философію. И потому ею я объясняю теперь мою жизнь, твою и всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался я на пути жизни“...

Въ общемъ по тому же пути шелъ въ эти годы и Герценъ. Кромѣ того, въ это время онъ вырабатывалъ себѣ изъ споровъ въ московскихъ кружкахъ основы того компромисса между западничествомъ и славянофильствомъ, который легъ потомъ въ основаніе его народническаго соціализма.

Вл. Ивановскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

и Думы“, ч. IV, гл. 25). Г. Плеханову пришлось въ своей защитѣ Бѣлинскаго отъ разныхъ „мудрецовъ“, въ сущности, вернуться къ тому, что было много лѣтъ назадъ сказано Герценомъ.

Посв. В. * * *

Вы подарили мнѣ цвѣты,
Цвѣты зимы,—двѣ бѣлыхъ хризантемы.
Онѣ, какъ снѣжный день, и холодны, и нѣмы,
Но хороши, какъ гордыя мечты.

—

Вы говорили мнѣ шутя,
Что у меня онѣ завянутъ скоро,—
Капризныя, чужихъ онѣ не любятъ взоровъ...
Я ихъ взяла, смущаясь, какъ дитя.

—

Минули дни... Подъ ласкою моею
Въ любимомъ уголкѣ моемъ не вянетъ вашъ цвѣтокъ,
Я каждый робкій лепестокъ
Съ глубокой нѣжностью лелѣю.

—

Смотрю лишь изрѣдка, украдкою на нихъ—
Пусть не тревожатъ ихъ и любящіе взоры...
Но... расточая имъ всю страстность ласкъ моихъ,
Не забываю я—онѣ завянутъ скоро!

О. Боголюбова.

Изъ исторіи внѣшней политики самодержавія.

I.

Въ XVII ст. западно-европейскіе народы пустились въ заокеанскія страны за добычей золота, и стали тамъ попутно съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ отбивать другъ у друга открывшіеся имъ новые рынки. Въ это же приблизительно время торговая Россія, охваченная этимъ меркантильнымъ духомъ, тронулась въ Индію. Тогда уже (1669—1672 гг.), повѣствуютъ нѣкоторые документы московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, два астраханца, братья Семенъ и Борисъ Пазухины [1]), достигли со своими людьми Кабулъ, откуда и пустили по всей Руси слухъ о сказочныхъ индійскихъ богатствахъ, за каковыми сейчасъ же (1675 г) погнался, увы, неудачно, Алексѣй Михайловичъ. Исправить его неудачу взялся нѣсколько позже давно уже рѣшившій сдѣлаться хозяиномъ Средней Азіи Петръ Великій, отправившій (въ 1717 г.) съ этой цѣлью въ Хиву экспедицію въ 2500 человѣкъ съ княземъ Черкасскимъ во главѣ, которому онъ и ставитъ, между прочимъ, главной задачей отысканіе въ среднеазіатскихъ степяхъ удобнаго торговаго пути между Каспійскимъ моремъ и Индіей; экспедиція эта была цѣликомъ истреблена непріятелемъ. Такую же задачу, и съ такимъ же неуспѣхомъ выполненную, ставитъ онъ и Бековичу, имѣвшему въ своемъ распоряженіи 6000 человѣкъ. Но несмѣтныя индійскія богатства неудержимо влекутъ къ себѣ Петра, и въ 1772 г. онъ самолично съ 40000 арміей предпринимаетъ набѣгъ на Персію, лишивъ ее на сей разъ Баку и Дербенда. Его примѣру слѣдуетъ Екатерина II, она намѣревается предпринять въ 1796 году походъ на Индію, но, къ удовольствію англичанъ, изъ-за ея смерти онъ остается

---

[1]) Приблизительно двумя вѣками раньше подобное же путешествіе предпринялъ тверякъ Афанасій Никитинъ, похожденія котораго изложены въ написаніе Офонаса Тферетина, купца, что былъ въ Индѣи 4 года сказываютъ съ Василіемъ Папинымъ.

невыполненнымъ. Тогда Бонапартъ, первый консулъ Франціи, предлагаетъ вниманію ея сына, Павла, проектъ совмѣстной кампаніи въ Индію, но отъ него, въ силу начатой имъ въ промежуткѣ войны съ Австріей, вскорѣ самъ отказывается, предоставивъ своему союзнику дѣйствовать на свой собственный рискъ и страхъ. 11 января 1801 года выступилъ изъ Оренбурга по дорогѣ въ Индію атаманъ донского казачества князь Орловъ съ 22,500 казаками, какъ вдругъ Павелъ „умеръ". Его наслѣдникъ Александръ I вернулъ Орлова обратно, чтобы черезъ семь лѣтъ, по совѣту Наполеона, уже императора, снова приняться все за ту же Индію.

Такъ правящая Россія съ давнихъ уже поръ и по сей часъ мечтаетъ, въ общемъ до самаго послѣдняго времени съ довольно большимъ успѣхомъ, объ азіатскомъ рынкѣ, мѣняя лишь отъ времени до времени, и смотря по обстоятельствамъ, точку приложенія своихъ военныхъ силъ.

Одною изъ такихъ точекъ былъ въ 1877 году Балканскій полуостровъ, возстановившій, подобно Константинополю (въ крымскую кампанію), противъ Россіи всю западно-европейскую буржуазію. На берлинскомъ конгрессѣ, куда оффиціальная Россія была приглашена Европой для совершенія надъ ней экзекуціи, русское правительство, при каждомъ новомъ прикосновеніи дипломатической розги къ его политическому тѣлу, шагъ за шагомъ сокращало свои претензіи, слезно при этомъ умоляя, въ лицѣ своего представителя князя Горчакова, оставить за нимъ Эрзерумъ, Баязетъ и Батумъ, необходимые Россіи, по словамъ Горчакова, для преуспѣянія русско-персидскихъ торговыхъ сношеній.

И, дѣйствительно тамъ, въ Персіи, и въ лежащихъ между нею и Каспійскимъ моремъ государствахъ русскій торгово-промышленный людъ давно уже стремился заложить начало своей будущей азіатской карьеры.

Съ Персіей уже Петръ Великій въ 1715 г. заключилъ торговый договоръ, и въ тѣ же мѣста онъ пять лѣтъ спустя отправилъ своихъ консуловъ съ порученіемъ изучить персидскіе рынки, на которыхъ позже удачно орудовало „Персидское торговое общество" [1]), основанное въ 1755 г. и владѣвшее капита-

[1]) Это названіе общество получило въ 1758 году. Теперь подобныхъ обществъ много. Такъ, въ 1901 г. заключили между собою договоръ о совмѣстномъ введеніи торговыхъ операцій въ Персіи: „товарищество Эмиль Циндель", „товарищество Барановыхъ", „Викулы Морозова съ с-ями", „Знаменская мануфактура—Полякова", „товар. шерстяныхъ издѣлій Троптона". Въ 1900 г. основано въ Бухарѣ товар. „Шапиро и Бѣляковъ" (хлопчато-очистительный заводъ) и т. д. Далѣе существуетъ „общест. желѣзныхъ и конно-желѣзныхъ дорогъ въ Персіи", „Персидское страховое и транспортное общество", „общест. Энзели-Тегеранской дороги" и „Русское общество пароходства и торговли", поставившее

ломъ въ 600,000 рублей. Туда же зоветъ русскіе капиталы и основанное въ Москвѣ Р. Кудринымъ „Средне-азіатское торгово-промышленное товарищество", въ разосланномъ имъ циркулярѣ отъ 6-го января 1866 года. Туда, въ Среднюю Азію, увлекательно расписываетъ это воззваніе, гдѣ русское правительство въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ сдѣлало громадныя земельныя пріобрѣтенія, подчинивъ своей волѣ Ташкентъ, Кокандъ и Закаспійскую область, обративъ въ своихъ вассаловъ Хиву и Бухару, расширивъ такимъ образомъ отечественныя границы вплоть до Кашгара, Амуръ-Дарьи и Афганистана. Въ тѣ земли, продолжаетъ нашъ документъ, гдѣ къ услугамъ россійской промышленности большое количество покупателей ея товаровъ и откуда она можетъ вывозить необходимые ей сырые продукты. И если до сихъ поръ россійское купечество, взываетъ „Средне-азіатское торгово-промышленное товарищество", съ преступнымъ хладнокровіемъ относилось ко всѣмъ стараніямъ правительства открыть ему путь въ Азію, удовлетворяясь внутреннимъ рынкомъ, то, можетъ быть, теперь (1886 г.), когда русская промышленность переживаетъ кризисъ, конецъ которому не виденъ, когда фабрики, за неимѣніемъ сбыта внутри страны переполнены товарами и одна за другою закрываются, оно, наконецъ, пойметъ значеніе для себя Востока и поспѣшитъ укрѣпиться на его рынкахъ. Теперь или никогда, бьетъ тревогу наше общество. Вонъ уже строющаяся по направленію къ Афганистану англо-индійская желѣзная дорога приближается къ Аму-Дарьѣ и Тибету; уже нѣмцы заводятъ въ Персіи свои собственные фабрики и заводы, а россійское купечество все еще не хочетъ понять смысла русской желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря черезъ Мервъ, Бухару до Самарканда; оно хладнокровно къ желанію правительства открыть судоходство по Аму-Дарьѣ и апатично къ его готовности поддержать отечественную промышленность во всѣхъ ея начинаніяхъ. Такъ думалъ и великій князь Владиміръ, краснорѣчиво доказывавшій въ своей рѣчи нижегородскому торговому люду необходимость подготовить отечественной промышленности гегемонію на азіатскихъ рынкахъ. Такими же мотивами руководились и представители нижегородскаго ярмарочнаго купечества, когда въ 1889 году защищали проектъ постройки въ Сибири желѣзной дороги, ибо этою, какъ и желѣзными дорогами въ Персіи и на Дальнемъ Востокѣ, русское правительство имѣло,

---

себѣ задачей связать Одессу съ портами южной Персіи, пока находящейся въ рукахъ англичанъ. А чтобы сдѣлать возможной конкурренцію нашихъ товаровъ на южно-персидскихъ рынкахъ, министерство финансовъ субсидируетъ названное общество и своею субсидіей понижаетъ фрахты на цѣлые 50%, удешевляя такъ доставку товаровъ на еще не совсѣмъ завоеванные рынки и дѣлая этимъ успѣхъ конкурренціи очень вѣроятнымъ.

между прочимъ, въ виду и расширеніе круга дѣятельности нашей промышленности. Преслѣдуя интересы россійской буржуазіи, петербургское правительство съ юга напираетъ на Константинополь и Дарданеллы, ища выхода въ очень важное въ торговомъ отношеніи Средиземное море, а, убѣдившись въ невыполнимости этого проекта, переноситъ свое вниманіе на Абиссинію, откуда направляется черезъ Красное море и при помощи русскаго порта и угольной станціи на его западномъ прибережьи стремится попасть въ Средиземное, сокративъ себѣ такимъ образомъ морской путь въ Восточную Азію; изъ Афганистана оно, крадучись, подползаетъ къ Персидскому заливу, а изъ Сибири, Манчжуріи и Кореи постепенно подвигается къ Японскому и Китайскому морямъ. Въ интересахъ россійской промышленности оно создаетъ Владивостокъ, откуда питаетъ надежду завладѣть всѣмъ Востокомъ, и строитъ городъ Дальній, который намѣревается сдѣлать торговымъ центромъ всей сѣверной части Желтаго моря.

Эпизодъ же съ Абиссиніей настолько характеренъ для внѣшней политики самодержавія, что я хочу на немъ нѣсколько дольше остановиться.

Проживавшій въ Іерусалимѣ въ 1848 году въ качествѣ миссіонера русскій епископъ Успенскій познакомился тамъ съ нѣсколькими абиссинскими монахами, вѣра которыхъ, какъ онъ будто бы убѣдился, полностью совпадаетъ съ православной. Убѣдившись же въ этомъ, онъ предложилъ петербургскому правительству при помощи соединенія абиссинской и русской церкви заполучить вліяніе на Абиссинію и такимъ образомъ укрѣпиться въ Африкѣ. Его проекты были правительствомъ оставлены безъ вниманія. Тогда замѣнившій въ 1858 году умершаго Успенскаго архимандритъ Кириллъ снова поднимаетъ агитацію въ пользу абиссинскаго православія и начинаетъ пользоваться успѣхомъ въ высшихъ политическихъ сферахъ Петербурга. Въ 1885 году отправляется въ Абиссинію казакъ Ашиновъ, откуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ собою привозитъ пару абиссинскихъ монаховъ, якобы привезшихъ саморучное письмо отъ Негуса къ русскому Царю. Въ началѣ 1888 года Ашиновъ снова ѣдетъ въ Абиссинію, куда, однако, въ силу итальянско-абиссинской войны не попадаетъ и возвращается въ Іерусалимъ. Отсюда онъ въ сопровожденіи новыхъ двухъ абиссинскихъ монаховъ снова направляется въ Россію, гдѣ выдаетъ ихъ за спеціальныхъ делегатовъ абиссинской церкви, горящей-де нетерпѣніемъ объединиться съ православной. Разъѣзжая съ ними по всей Россіи, онъ повсюду умоляетъ отъ ихъ имени, какъ представителей абиссинскаго духовенства, русскій православный народъ оказать всяческое содѣйствіе скорѣйшему сліянію обѣихъ церквей и устраиваетъ нашимъ монахамъ черезъ посредство петербургскаго митрополита, въ промежуткѣ открывшаго подписку на постройку

православной церкви въ Абиссиніи, аудіенцію у русскаго императора. Въ сопровожденіи безграмотнаго русскаго іерусалимскаго монаха Паисія, на скорую руку посвященнаго петербургскимъ митрополитомъ въ архимандриты, которому святѣйшій синодъ вручилъ кучу драгоцѣнныхъ подарковъ для абиссинской церкви, и со 170 добровольцами, Ашиновъ въ декабрѣ 1888 г. опять отбылъ въ Абиссинію. Въ январѣ слѣдующаго года наши путешественники достигли форта Сагалло, который и заняли.

Укрѣпившисьздѣсь, Ашиновъ такимъ образомъ положилъ начало первой русской православной колоніи въ Абиссиніи. Какъ только это сдѣлалось извѣстнымъ въ Италіи, тогда воевавшей съ Абиссиніей, она сейчасъ же заявила въ Парижѣ протестъ противъ того, что Франція позволила русскимъ изъ мѣстъ, находившихся въ сферѣ ея политическаго вліянія, предпринять военную экспедицію на Сагалло. На это французское министерство отвѣтило посылкой канонерской лодки, бомбардировавшей ашиновскій фортъ, когда засѣвшіе въ немъ отказались добровольно его покинуть. Одна половина экспедиціи была перебита, а другая возвращена въ Россію. Подъ давленіемъ западно-европейскаго общественнаго мнѣнія и западно-европейской дипломатіи, Ашиновъ былъ сосланъ, больше для виду, въ одинъ изъ южно русскихъ городовъ; Паисій же заточенъ въ какой-то монастырь. Однако, русское правительство не было равнодушнымъ къ абиссинскимъ продѣлкамъ Ашинова, предпринимавшаго свои экспедиціи съ его вѣдома. Это слѣдуетъ уже изъ того, что когда въ 1889 году Меneликъ, сдѣлавшійся абиссинскимъ консуломъ, объявилъ надъ собою протекторатъ Италіи, то петербургскій кабинетъ этой сдѣлки не призналъ и ее оффиціально опротестовалъ, тутъ же отправивъ къ Менелику съ какимъ-то спеціальнымъ порученіемъ поручика Машкова. Въ 1891 году Машковъ вторично ѣздилъ туда для личныхъ переговоровъ съ Менеликомъ, а въ 1894 году прибыла въ Абиссинію новая экспедиція съ артиллерійскимъ офицеромъ Леонтьевымъ во главѣ, который тамъ навсегда и остался. Теперь онъ абиссинскій графъ, губернаторъ тамошней провинціи, владѣетъ большими помѣстьями, считается самымъ вліятельнымъ человѣкомъ при дворѣ Менелика и состоитъ, конечно, русскимъ агентомъ. При его-то содѣйствіи русское правительство, поддерживаемое Франціей, нѣсколько лѣтъ добивалось уступки Россіи порта на берегу Краснаго моря. Въ 1902 году Менеликъ посѣтилъ Парижъ, а одновременно съ этимъ прибыло въ Петербургъ спеціальное абиссинское посольство, съ которымъ Россія и вступила въ переговоры относительно уступки ей этого порта.

Но перейдемъ къ изложенію, прерванному этимъ большимъ отступленіемъ.

Россійская буржуазія давно уже свыклась съ мыслью, что для нашей промышленности западно-европейскіе рынки еще

долго будутъ оставаться недоступными, ибо успѣшная конкурренція продуктовъ ея производства съ европейскими и американскими фабрикатами на европейскихъ же и американскихъ рынкахъ предполагаетъ всестороннее развитіе народныхъ силъ и поднятіе всего культурнаго уровня россійскаго государства, т. е. нѣчто несовмѣстимое съ русскимъ абсолютизмомъ.

Понявъ это, наша буржуазія, вспоенная и вскормленная насчетъ русскаго народа царскимъ правительствомъ, преслѣдующимъ при этомъ фискальныя цѣли, не смѣла прекословить своему благодѣтелю и старалась лишь поудобнѣй устроиться въ рамкахъ абсолютизма, раздѣливъ при этомъ въ соотвѣтствующей пропорціи между собою и правящей Россіей бюрократіей экономическую и политическую власть надъ россійскимъ государствомъ. Тѣмъ не менѣе русской промышленности стало въ концѣ концовъ всетаки тѣсно въ четырехъ стѣнахъ абсолютизма, за что уже съ самаго начала ручалась сама сущность промышленнаго развитія. Наступили времена, когда промышленники на своихъ съѣздахъ и въ своей печати громко выражали недовольство по поводу вѣчныхъ голодовокъ въ деревняхъ, сокращающихъ сбытъ ихъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ, требуя при этомъ нѣкотораго облегченія деревенской жизни за счетъ государства; когда буржуазія открыто высказывалась за широкое распространеніе грамотности и протестовала противъ устраиваемой надъ ней опекой бюрократіей, требуя широкой экономической самодѣятельности; когда казенные заказы перестали ее удовлетворять; когда она стала косо поглядывать на то, что „русское правительство — самый крупный землевладѣлецъ, самый крупный капиталистъ, и владѣетъ самымъ крупнымъ хозяйствомъ въ мірѣ“, т. е. на то, что русское правительство въ интересахъ фиска и благополучія абсолютизма захватываетъ въ свои руки всѣ доходнѣйшія статьи государства, и когда она почувствовала потребность въ контролѣ дѣяній бюрократіи, т. е. необходимость конституціи. Но до тѣхъ поръ, пока это представлялось возможнымъ, наша промышленность должна была по расчетамъ абсолютизма оставаться такъ сказать азіатской, ибо буржуазія въ западно-европейскомъ смыслѣ шла вразрѣзъ съ интересами самодержавія и бюрократіи. Всячески покровительствуя и поддерживая нашу промышленность внутри страны, правительство одновременно съ этимъ добываетъ ей внѣшніе рынки въ Средней Азіи, гдѣ ея товары успѣшно конкуррируютъ съ англійскими. И чтобы, напримѣръ, совершенно завладѣть персидскимъ рынкомъ, петербургское правительство занимаетъ Персіи деньги и посылаетъ туда вмѣстѣ съ французскими капиталами своихъ казаковъ, чиновниковъ и таможенныхъ контролеровъ, о которыхъ коренные туркестанцы заявили какъ-то въ комиссіи, изучавшей условія улучшенія торгово-промышленной жизни въ туркестанскомъ краѣ, что имъ, туркестанцамъ, гораздо

легче жилось при старомъ режимѣ, когда налоги собирались не русскими чиновниками, а откупщиками, снимавшими сборъ налоговъ въ аренду. Но русская промышленность не только сбываетъ свои товары въ Среднюю Азію,—она и вывозитъ оттуда необходимые ей сырые продукты и главнымъ образомъ хлопокъ.

На одинъ Туркестанъ, на эту „жемчужину въ русской коронѣ", по выраженію Вышнеградскаго, русское правительство истратило уже около 150 милліоновъ рублей, не считая тратъ по завоеванію этого края и расходовъ по управленію имъ, до сихъ поръ уплачиваемыхъ казною. И лишь въ 1900 году государственный совѣтъ утвердилъ проектъ орошенія 45000 десятинъ земли въ „голодной степи", необходимыхъ для увеличенія площади посѣва хлопка, что должно было стоить около $2^1/_2$ мил. рублей; а въ 1903 году сельско-хозяйственный съѣздъ, имѣвшій мѣсто въ Ташкентѣ, нашелъ возможнымъ и необходимымъ увеличить въ Туркестанѣ такую же площадь посѣвовъ, что тѣсно связано съ искусственнымъ орошеніемъ новыхъ земель, и что, по приблизительному подсчету, сдѣланному съѣздомъ, должно будетъ стоить россійскому государству около 100 мил. рублей.

Изъ одной Ферганской области мы вывезли въ 1900 году 7,640,000 пудовъ, а въ слѣдующемъ 1901, несмотря на полнѣйшій неурожай, около $5^1/_2$ мил. пудовъ хлопка [1]), т. е. Ферганская область и другія центрально-азіатскія русскія колоніи даютъ россійской промышленности половину необходимаго ей количества этого продукта. Однако, не только азіатское сырье и азіатскій потребитель приковываетъ къ себѣ вниманіе русской буржуазіи. Въ Персіи нашли себѣ очень выгодное занятіе и наши горнопромышленники. На ихъ съѣздѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Харьковѣ въ 1900 году, Курмаковъ докладывалъ о блестящихъ видахъ горнопромышленнаго общества Горянова и Енакіева, арендовавшаго въ 1898 году у персидскаго правительства на 70 лѣтъ провинцію Карадача, площадь въ 9104 д. к. т., гдѣ очень успѣшно добываютъ цинкъ и свинцовую руду и гдѣ найдены большіе залежи каменнаго угля и нефти.

Компанія эта обязалась платить Персіи по 4 копейки вывозной пошлины за каждый пудъ руды, за что послѣдняя съ своей стороны согласилась на безпошлинный ввозъ въ теченіе 10 лѣтъ машинъ и орудій, необходимыхъ обществу. Въ Ферганской, Сыръ-Дарьинской и Самаркандской областяхъ было въ 1898 г. сдѣлано 34 заявки на добываніе минеральныхъ богатствъ, а въ 1901 г. этихъ заявокъ было уже около 190. Не даромъ, значитъ, наши газеты подняли большой шумъ, когда Персія въ 1898 году обратилась

---

[1]) Въ 1903 году всѣ провинціи Туркестанской области дали около 16 мил. пудовъ, а соотвѣтствующая площадь посѣва равнялась 322,000 десятинамъ.

къ Англіи за денежной и политической поддержкой, открыто приглашая правительство объявить „неблагодарнымъ" персамъ войну. Войны Россія, однако, не объявила, но при помощи французскаго банка предложила Персіи взаймы 10 мил. рублей (въ 1900 году Россія дала Персіи $22^1/_2$ мил. рублей [1]) безъ особо важныхъ гарантій, чего Англія не хотѣла сдѣлать.

За этимъ займомъ послѣдовало новыхъ три, которыми Россіи было предоставлено право оставаться вплоть до 1912 года единственнымъ кредиторомъ Персіи, русскимъ капиталистамъ дано исключительное право на постройку желѣзныхъ дорогъ въ персидскомъ государствѣ, а персіане вынуждены связать колесной дорогой Кавказскую границу черезъ Тавризъ съ Казвиномъ и выстроить такую же отъ Кашана до Сайстана, т. е. открыть россійскимъ товарамъ путь къ самому центру Персіи. Слѣдствіемъ этихъ займовъ было далѣе пониженіе пошлины на русскіе товары и повышеніе ихъ на западно-европейскіе. Въ то время, какъ на русскія хлопчато-бумажныя издѣлія пошлины были понижены на 4%, на чай, ввозимый въ Персію изъ британской Индіи, онѣ были повышены на 96%; русскимъ сахарозаводчикамъ было дано право безпошлиннаго ввоза въ персидскія владѣнія сахару, при томъ только условіи, что онъ тамъ будетъ обмѣниваться на хлопокъ. А въ 1901 году Россія добилась отмѣны персидскихъ пошлинъ на хлопокъ, очень невыгодныхъ для русской торговли.

Бережно и очень умѣло обхаживаютъ такъ же русскіе агенты бухарскаго эмира, которому Россія строитъ даромъ дворцы и даритъ царскіе поѣзда, за что безвозмездно получаетъ огромную площадь земли по верхнему теченію Аму-Дарьи. Туда наше правительство намѣревалось направить русскихъ переселенцевъ и тамъ оно думало настроить казармы, необходимыя ему для войска, которое имѣло въ виду туда перебросить; тамъ русское правительство приближалось къ границѣ Афганистана и къ афганистанскому рынку.

Такъ русская буржуазія надѣялась помаленьку и потихоньку проглотить по кусочкамъ азіатскіе рынки и создать себѣ въ Азіи колоніальное царство, въ самомъ дѣлѣ способное своими сырыми продуктами удовлетворить потребностямъ современной промыш-

[1]) Исторія и смыслъ этого займа таковы: въ 1890 г. англичане заполучили отъ персидскаго правительства исключительное право на разведеніе и продажу табаку, извѣстнаго въ Персіи подъ названіемъ „тумбаки". Пользуясь непопулярностью этой монополіи, русскіе агенты стали, опираясь на персидское духовенство, возбуждать народъ къ протесту противъ этой сдѣлки, заставивъ, наконецъ, персидскаго шаха отказаться отъ уже заключеннаго договора. Тогда англичане потребовали отъ персидскаго правительства неустойки въ 500,000 фун. стерл. И вотъ тутъ-то русское правительство и предложило Персіи взять у него деньги взаймы. Это былъ первый государственный долгъ Персіи, которымъ она себя на долгое время продала въ руки россійской буржуазіи.

ленности, въ надеждѣ, конечно, въ захваченныхъ ею мѣстахъ сдѣлать, путемъ высокихъ ввозныхъ пошлинъ, невозможной всякую конкурренцію западно-европейской промышленности.

Въ составъ такого царства должны были войти, по рѣшенію русскихъ имперіалистовъ, Персія, Индія, Китай, Турція, вся Азія, а по пути къ нимъ страны, расположенныя по Ефрату, Монголія, Манчжурія и Корея, Балканскій полуостровъ Малая Азія и т. д.

II.

Но если интересы фиска и запросы русской торговли и промышленности служили и теперь служатъ побудительными причинами нашего движенія въ Азію и нашихъ войнъ, то эти послѣднія еще кромѣ того никогда не переставали играть въ рукахъ власть имущихъ роль средства отвлеченія вниманія русскаго народа отъ истинныхъ причинъ его горькаго житья-бытья. Рядомъ со взаимной травлей національностей, входящихъ въ составъ россійскаго государства, россійскія войны всегда были функціей роста недовольства внутри страны, почему они почти всегда совпадаютъ съ нашими внутренними политическими броженіями. Недовольство и страхи русскаго правительства передъ внутренними политическими пертурбаціями почти всегда служили причиной тому, что наши послѣднія войны затѣвались либо раньше, либо позже наступленія соотвѣтствующихъ благопріятныхъ для Россіи моментовъ въ міровой политикѣ. Войны эти служили также и способомъ возвеличенія славы царскаго дома и затѣвались въ критическіе для него моменты. Для мишурнаго блеска короны, для укрѣпленія и поддержанія своего престижа какъ внутри, такъ и внѣ отечественныхъ предѣловъ, владѣющіе Россіей всегда готовы были начать ненужныя русскому трудящемуся народу войны. И измѣряя свои заслуги передъ „отечествомъ“ количествомъ земли, отвоевываемой ими у сосѣдей, они гордо указываютъ на безпрерывное расширеніе отечественныхъ предѣловъ, иллюстрируя это фактами вродѣ того, что съ 1676 по 1876 годъ площадь Россіи ими ежедневно увеличивалась на 4410 дкт., а съ 1856, года вступленія на престолъ Александра II, до ходынки, коронаціи Николая II, на 438 дкт. приблизительно, замалчивая, конечно, что расширенія эти куплены цѣною полнѣйшаго истощенія народныхъ силъ и дѣлались только въ интересахъ правящихъ и лишь постольку въ интересахъ народа, поскольку они служили средствомъ его политическаго одурманиванія. Такъ во времена вызваннаго декабрьскимъ возстаніемъ необыкновеннаго подъема духа, въ тѣ историческіе дни, когда русское правительство, по свидѣтельству Александра Кошелева [1]),

[1]) См. его мемуары, изданные въ Берлинѣ.

какими-то путями провѣдало о готовящемся въ Москвѣ надруганіи надъ тѣломъ Александра I; въ тѣ дни, когда сдѣлался возможнымъ слухъ о намѣреніи Москвы, выбросивъ усопшаго императора изъ гроба, проволочить его тѣло по улицамъ первопрестольной и этимъ наказать мертвеца за то, что онъ отдалъ судьбы Россіи въ руки Николая I, перепуганный Николай пустился въ поиски за громоотводомъ этому народному недовольству, найдя его, наконецъ, въ покровительствѣ турецкихъ христіанъ.

Въ 1827 году Россія предъявила Турціи эти требованія, а въ слѣдующемъ объявила ей войну, тогда имѣвшую постольку общаго съ русской жизнью, поскольку она была слѣдствіемъ знаменитаго 14 декабря.

Въ 1825 году Николай I присягнулъ польской конституціи. Но опасаясь ея, съ его точки зрѣнія, пагубнаго вліянія на Россію, мыслящая часть которой въ то время была очень воспріимчива къ либеральнымъ ученіямъ, тутъ же принялъ твердое и безповоротное рѣшеніе ее уничтожить. Онъ началъ преслѣдовать жалкую польскую самостоятельность. А въ это время на Западѣ стали приближаться іюньскіе дни. Испугавшись этого движенія, Николай I шлетъ въ Берлинъ и въ Вѣну генераловъ Дибича и Орлова съ порученіями сговориться съ австрійскимъ и прусскимъ правительствами насчетъ общаго похода противъ революціонной Франціи. 26 августа 1830 года Дибичъ прибылъ въ Берлинъ, а въ сентябрѣ Москву посѣтила холера. Николаю чудится уже красный призракъ русской революціи, предупредить которую онъ намѣревается войной въ Западной Европѣ, куда и хочетъ перенести вниманіе своихъ недовольныхъ подданныхъ. Изъ холерной Москвы, куда онъ лично отправился для успокоенія народнаго броженія, Николай даетъ (5 октября) военному министру подробнѣйшія инструкціи насчетъ мобилизаціи войска, передвиженія полковъ къ прусской границѣ и отправки солдатъ морскимъ путемъ на помощь нидерландскому королю, намѣревавшемуся поднять на русскіе штыки бельгійскую свободу. А одновременно (10 октября) съ этимъ распоряженіемъ графъ Несеельроде пишетъ Дибичу въ Берлинъ, что и Петербургъ со дня на день ждетъ къ себѣ въ гости холеру, парализовавшую всю россійскую торговую жизнь и сдѣлавшую невозможной мобилизацію войскъ во многихъ русскихъ губерніяхъ; что Россію посѣтилъ неурожай; что государственная казна пуста, что никто не платитъ податей и что предстоящая война грозитъ Россіи большой опасностью. Но Николай остается непоколебимымъ, онъ отдаетъ приказаніе держать польскую армію на готовѣ и извѣщаетъ Дибича въ своемъ письмѣ отъ 1-го ноября, что Россія хочетъ въ сообществѣ съ правящей Западной Европой показать „якобинцамъ“, что она ихъ не боится и что власть имущіе сойдутъ со сцены, „если это Всевышнему угодно будетъ“, лишь съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Несеельроде рисуетъ

(6 ноября) Дибичу, какъ на министерскомъ засѣданіи министръ Канкринъ представилъ русскіе финансы въ самомъ жалкомъ видѣ и рекомендуетъ ему быть въ своихъ рѣшеніяхъ очень осторожнымъ; въ то же время военный министръ Чернышевъ извѣщаетъ Дибича, что къ концу декабря онъ по приказанію Николая I во чтобы то ни стало закончитъ мобилизацію и будетъ готовымъ къ выступленію. Но раньше чѣмъ отдать это послѣднее распоряженіе, Николай еще пытается примирить съ собою поляковъ. Въ 1829 и 1830 гг. онъ посѣщаетъ Варшаву и обѣщаетъ, въ знакъ особеннаго расположенія, дѣлать это ежегодно; онъ расширяетъ свой варшавскій дворъ и приближаетъ къ себѣ польское дворянство, даже ненавистнаго ему Чарторыжскаго, и заставляетъ наслѣдника престола учиться польскому языку. Но было поздно. Польша, опираясь на симпатіи Франціи и Англіи, рѣшила отвѣтить на трехъ съ половинойлѣтнее преслѣдованіе Николая возстаніемъ. А когда къ этому же времени прусскій король отказался взять на себя иниціативу въ объявленіи войны революціонной Франціи, то Николай, сговорившись съ нимъ относительно защиты Россіи отъ нападенія извнѣ, со стороны польскихъ границъ, которыя и были заняты прусскими солдатами, а, можетъ быть, и относительно даже содѣйствія прусской арміи въ случаѣ революціоннаго движенія въ самой Россіи, поспѣшилъ отдать поляковъ на забаву возбужденному русскому народу.

Еще три года прошло [1],—и Николай ведетъ за собою легкомысленное русское общество снова въ Турцію, гдѣ на сей разъ въ союзѣ съ султаномъ останавливаетъ побѣдоносное шествіе на Константинополь воспитаннаго англичанами въ либеральномъ духѣ египтянина Ибрагима-Паши. Одна мысль, что наряду съ разными другими политическими комбинаціями Турція, подпавши подъ власть Ибрагима, рискуетъ съ тайнаго согласія Англіи сдѣлаться либеральной, а слѣдовательно и имѣть, между прочимъ, въ нежеланномъ для Николая смыслѣ вліяніе на Россію, заставляетъ его забыть всѣ традиціонные споры и дрязги съ султаномъ и послать ему, по его просьбѣ, въ апрѣлѣ 1733 года, на помощь русскую эскадру, бросившую якорь въ Босфорѣ vis-a-vis султанскаго дворца, и 10,000 русскихъ солдатъ. Этотъ фактъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Великобританію, что англійское правительство предложило Франціи совмѣстно пойти на Севастополь и сжечь тамъ весь черноморскій флотъ. Но Луи-Филиппъ еще не настолько крѣпко сидѣлъ на своемъ тронѣ, чтобы затѣять войну, въ которой Николай, опираясь на австрійскую и прусскую дружбу, могъ остаться побѣдителемъ. Ибрагимъ былъ вынужденъ

[1]) Не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ этомъ же году (1833) въ Польшѣ была снова сдѣлана попытка поднять возстаніе, попытка, окончившаяся повѣшеніемъ 24 человѣкъ.

вернуться обратно въ Египетъ, а русскій царь, „покровитель турецкихъ христіанъ“, заключилъ съ султаномъ тайный договоръ, по третьему параграфу котораго обязался поддерживать султана противъ его внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, т. е. христіанъ, на морѣ и на сушѣ, за что султанъ соглашается при первомъ требованіи Россіи закрыть западно-европейскимъ государствамъ входъ въ Дарданеллы.

Дальше наступаютъ 50-е годы. Въ Россіи снова неспокойно. Россію снова посѣтила холера. Въ деревняхъ крестьяне устраиваютъ бунты, а въ городахъ народъ не слушается начальства. А передъ императорскимъ дворцомъ появляется толпа, требующая царя на очную ставку и на вопросъ Николая, чего ей угодно, получаетъ въ отвѣтъ: „Остановить холеру и дать намъ нѣчто подобное тому, что было въ Парижѣ“ [1]). Снова россійская мысль чревата либеральными и соціалистическими ученіями, а на Западѣ царствуютъ февральскіе и мартовскіе дни.

На этотъ разъ Николай ставитъ себѣ задачей съ корнемъ вырвать такъ часто его безпокоющую революцію и готовитъ распоряженіе закрыть всѣ русскіе университеты. Вскорѣ, однако, онъ отъ этого дикаго проекта, подъ давленіемъ своихъ ближайшихъ, болѣе дальновидныхъ сподручниковъ, отказывается. Тяжелое время переживало въ тѣ годы русское правительство. Его настроеніе полностью отразилось въ секретномъ циркулярѣ отъ 24 октября 1849 года, на поляхъ котораго Николай I сдѣлалъ помѣтку: „совершенно вѣрно“; въ циркулярѣ, разосланномъ ректорамъ и деканамъ всѣхъ юридическихъ и философскихъ факультетовъ, въ которомъ обращалось ихъ вниманіе на то, что въ „наше неспокойное время“, когда большая часть „такъ называемой“ просвѣщенной Европы потрясаетъ троны и провозглашаетъ высшимъ принципомъ народный суверенитетъ, должно приложить всѣ свои усилія къ тому, чтобы русская учащаяся молодежь осталась незатронутой этими вѣяніями. Это настроеніе отразилось также и въ отношеніи (отъ 2 апрѣля 1848 г.) Бутурлина къ военному министру князю Чернышеву, въ которомъ предписывалась отъ имени Императора необходимость сосредоточить все свое вниманіе на томъ, чтобы „низшимъ классамъ“ остались неизвѣстными „вредныя ученія“. Тщетныя надежды! 23 апрѣля 1849 года были арестованы при помощи Липранди петрашевцы, о которыхъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ носились очень тревожные слухи. Говорили, что петрашевцы собираются во время

[1]) См. Bernhard. „Unter Nicolaus I und Friedrich Wilhelm IV“. Авторъ этихъ въ высшей степени интересныхъ мемуаровъ занималъ въ Россіи видный постъ и былъ близокъ къ русскому двору. Вѣренъ ли этотъ фактъ—не берусь судить, но думаю, что о немъ можно во всякомъ случаѣ сказать: „Si ne vero—ben trovato“.

майскаго парада уничтожить всю царскую фамилію и провозгласить Россію республикой [1]).

Итакъ, въ причиненномъ русскому абсолютизму безпокойствіи повинна Западная Европа. Ей Николай и собирается опять объявить войну. Въ это-то время онъ и сказалъ: я не потерплю, чтобы сосѣдніе съ моимъ государствомъ народы управлялись парламентскимъ режимомъ. И дѣйствительно, саморучно составляетъ проекты возстановленія въ Пруссіи абсолютизма, которые и предлагаетъ вниманію прусскаго короля и его наслѣдника Вильгельма I, тогда бѣжавшаго въ Лондонъ. Его планы просты и не сложны. Онъ предлагаетъ прусскому королю объявить въ манифестѣ къ своимъ подданнымъ, что онъ-де, король, въ февральскіе и мартовскіе дни потому лишь согласился на вынужденныя у него реформы, что не хотѣлъ проливать крови дорогихъ своихъ подданныхъ и потому что надѣялся, что большинство ихъ съ негодованіемъ отвергнетъ и откажется отъ недобровольно сдѣланныхъ прусской короной уступокъ. Но теперь онъ, король, беретъ все имъ подписанное обратно и сводитъ на нѣтъ все то, чему онъ присягалъ. И тутъ же Николай I поименно называетъ тѣхъ прусскихъ генераловъ и тѣ русскіе полки и корпуса, которые король долженъ вести на Берлинъ, съ своей стороны, конечно, обѣщая всяческую поддержку. Позже, осенью 1848 года, когда присутствовавшій на русскихъ маневрахъ прусскій фельдмаршалъ графъ Дона восхищался шагистикой нашихъ солдатъ, Николай снова дѣлаетъ предложеніе этими полками уничтожить результаты мартовскихъ революціонныхъ дней въ Берлинѣ.

А петрашевцы, существованіе которыхъ правительству давно уже было извѣстно, но трогать которыхъ оно изъ-за боязни передъ неспокойными умами русскаго интеллигентнаго общества, пока еще не хотѣло, были правительствомъ, убоявшимся нападенія съ тылу во время венгерскаго похода, арестованы лишь за нѣсколько недѣль до полученія просьбы Австріи помочь ей подавить венгерское освободительное движеніе. И они были умышленно судимы лишь послѣ окончанія похода на венгерскихъ борцовъ за свободу, въ надеждѣ, что счастливымъ исходомъ этой кампаніи Николаю удастся отбить охоту у лицъ, въ той или другой степени симпатизировавшихъ петрашевцамъ, къ неспокойствію и бунтарству.

Къ тому же русское правительство сильно боялось, чтобы венгерское движеніе не вызвало новаго польскаго возстанія, пре-

[1]) Надо еще замѣтить, что въ 1843 году, какъ утверждали, готовилось покушеніе на жизнь Николая I; что въ 1844 году по дѣлу тайныхъ обществъ было сослано вь Сибирь 30 человѣкъ; что въ 1846 году дѣлались попытки поднять возстаніе въ Польшѣ и Литвѣ и что въ томъ же году было покушеніе Каменскаго на Пашкевича-Эриванскаго.

дупредить которое Николай надѣялся возстановленіемъ „порядка" въ Венгріи. Травлею же русскаго народа на Польшу, съ каковою цѣлью и былъ пущенъ съ легкой руки австрійскаго князя Шварценберга слухъ о томъ, что венгерское революціонное движеніе есть дѣло рукъ „истинныхъ" враговъ Россіи, т. е. поляковъ, которыхъ въ рядахъ венгерскихъ повстанцевъ насчитывалось будто бы до 20,000 человѣкъ, имѣлось въ виду затемненіе проснувшагося было сознанія у царскихъ рабовъ. Такъ Николай, давшій свое тайное согласіе на распространеніе слуха въ средѣ народа, что предстоящимъ походомъ на Венгрію русскій царь намѣревается освободить западныхъ славянъ изъ-подъ австрійскаго ига и объединить ихъ съ Россіей, уводитъ въ Венгрію неокрѣпшіе умы русской массы.

И это было въ томъ самомъ 1848 году, въ которомъ Россію посѣтилъ большой неурожай; въ которомъ пожары уничтожили до тла цѣлыя деревни, въ которомъ, какъ мы уже выше упомянали, свирѣпствовала холера, и въ которомъ русскіе финансы сильно хромали. Это, впрочемъ, не помѣшало Николаю I, перебросившему въ Венгрію 150,000 тысячную армію, гордо отказаться отъ предложенія Австріи покрыть ему расходы по этой кампаніи.

И въ крымскую кампанію Николай I не защищалъ,—впрочемъ, никѣмъ не затронутые,—народные интересы. Въ 1853 году дѣло шло лишь о поддержаніи престижа русскаго абсолютизма въ Европѣ. Но такъ какъ этого факта не было достаточно для возбужденія необходимаго энтузіазма въ массахъ, не перестававшихъ въ деревняхъ устраивать бунты [1]), то и было снова прибѣгнуто къ покровительству все тѣхъ же турецкихъ христіанъ, во-первыхъ, и къ защитѣ какихъ-то попранныхъ правъ православія на іерусалимскія святыя мѣста, во-вторыхъ. Поводъ къ этому подалъ Наполеонъ III. Наканунѣ учиненнаго имъ политическаго переворота Наполеонъ III, чтобы занять вниманіе французскаго народа какими-нибудь успѣхами въ своей внѣшней политикѣ и привлечь на свою сторону французское духовенство, отправилъ въ Константинополь гонца съ категорическими требованіями возстановленія теоретическихъ правъ католицизма на нѣкоторыя іерусалимскія святыни. Добившись же желаннаго, онъ немедленно извѣстилъ Англію и Россію, что готовъ съ ними подѣлиться своими привилегіями и что онъ не думаетъ притѣснять въ Іерусалимѣ лютеранскую или православную церковь.

Но Николаю I не этого было нужно. Только наша церковь утверждаетъ, что давно уже оффиціальное православіе имѣетъ право считать себя единственной наслѣдницей храма Гроба Господня, на томъ, молъ, основаніи, что она была заложена въ 326 году

[1]) Въ 1853 году носились даже упорные слухи насчетъ покушенія группой раскольниковъ на жизнь Николая I.

Еленой, матерью Константина, основателя Константинополя. Однако, эти претензіи абсолютно не признаются католиками, возражающими, что прежде всего Елена, провозглашенная въ святыя католической церковью, никогда не была православной и что сама же православная церковь была основана 700 лѣтъ спустя послѣ смерти Елены и ея сына. А сверхъ того католическое духовенство полагаетъ, что было бы вообще большимъ святотатствомъ отдать какія бы то ни было святыни въ полнѣйшее распоряженіе церкви, сыны которой не остановились даже передъ срываніемъ оловяныхъ крышъ съ Виѳлеемскаго храма Господня, крышъ, проданныхъ ими туркамъ, которыми эти, превративъ ихъ предварительно въ пули, изгоняли венеціанцевъ съ острова Кандія; приверженцамъ той вѣры, продолжали они, которые во время своего богослуженія отъ 1-го ноября 1847 г. не постѣснялись стащить большую серебряную звѣзду съ латинской надписью, находившуюся въ часовнѣ, построенной на мѣсторожденіи Христа. О характерѣ же всѣхъ оффиціальныхъ документовъ, имѣвшихся въ рукахъ греческой церкви и на которыхъ эта послѣдняя и выѣзжала, можно судить по той очень важной бумагѣ, изъ которой видно было, что будто бы магометъ при посѣщеніи своемъ Виѳлеема засталъ уже тамъ православныхъ монаховъ и саморучно возжогъ лампадку въ выстроенномъ имъ храмѣ въ честь Христа. Документъ этотъ оказался подложнымъ, въ чемъ признался, въ присутствіи французскаго, австрійскаго и венеціанскаго пословъ, написавшій его архидіаконъ. Такъ вотъ эти-то мѣста, откуда, по увѣренію православныхъ монаховъ, католиками давнымъ-давно были увезены останки дѣвы Маріи, проданные ими за большія деньги одному изъ римскихъ папъ [1]), и должны были служить возбуждающимъ средствомъ къ войнѣ.

„Не завоевательными цѣлями руковожусь я,—говорилъ Николай I 11-го января 1852 года англійскому посланнику Leymyz'у,—при наступленіи Россіи на Турцію, а лишь своею исторической ролью защитника тамошнихъ православныхъ христіанъ, какъ и правъ православной церкви. Впрочемъ, Турція,—замѣтилъ онъ дальше,—это больной человѣкъ, лежащій на смертномъ одрѣ, и не мѣшало бы намъ съ вами заблаговременно подумать о богатомъ наслѣдствѣ“. Онъ, Николай, не думаетъ на продолжительное время завладѣть Константинополемъ и не позволитъ этого сдѣлать и другимъ. Онъ полагаетъ, что Сербію можно было бы сдѣлать, подъ его протекторатомъ, независимымъ государствомъ и т. д., и что Англія могла бы себѣ взять Египетъ и Кандію; но что онъ во всякомъ случаѣ не позволитъ разбить Балканскій полуостровъ

---

[1]) См. По поводу пререканій между католиками и православными: Boré „Question des lieux saints“. Hammer „Исторія турецкаго государства“ (во франц. изданіи.) Mislin. „Les saints lieux“ и др.

на рядъ независимыхъ республикъ, которыя служили бы убѣжищемъ Кошутовъ, Мацини и другихъ революціонеровъ.

Въ то время, какъ Николай I предлагалъ Англіи раздѣлить между собой Турцію, изъ Петербурга выѣхалъ съ порученіемъ будто бы сосватать турецкую принцессу за одного изъ нашихъ великихъ князей, въ Константинополь князь Меньшиковъ съ проектомъ оборонительно-наступательнаго русско-турецкаго союза противъ всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. По смыслу этого же проекта султанъ долженъ былъ оффиціально и открыто признать Россію покровительницей всѣхъ своихъ греческихъ подданныхъ, а Россія предоставить, въ случаѣ надобности, въ распоряженіе султана 400,000 солдатъ и весь русскій флотъ. А одновременно съ Меньшиковымъ князь Горчаковъ, тогда штутгартскій посолъ, дѣлалъ по порученію своего правительства черезъ Беарна, французскаго посла въ Штутгартѣ же, оффиціальное предложеніе Наполеону III покинуть Англію и объединиться съ Россіей противъ Турціи.

За такое коварное поведеніе Николая I, „защитника правъ православной церкви и турецкихъ христіанъ“, Россія заплатила Севастополемъ. Николаю же подсказало простое чувство самосохраненія, что послѣ севастопольскаго разгрома ему для возстановленія своего реномэ въ Европѣ, а главное въ глазахъ своихъ подданныхъ, необходимы какіе-нибудь военные успѣхи. И вотъ, въ томъ же злосчастномъ 1854 году, когда еще не успѣла заглохнуть кононада подъ Севастополемъ и тонувшіе русскіе военные корабли еще не достигли дна Чернаго моря, онъ придумалъ планъ завоеванія Константинополя окольнымъ путемъ, черезъ Афганистанъ, отдавъ сейчасъ же распоряженіе двинуть сухопутныя войска къ устью Сыръ-Дарьи. Увы, онъ умеръ раньше, чѣмъ его приказаніе было приведено въ исполненіе. Его планы унаслѣдовалъ Александръ II.

III.

Въ Парижѣ, гдѣ послѣ крымской кампаніи Россія, опозоренная Николаемъ I, была судима, Франція и Англія лишили русское государство Чернаго моря, заставивъ Александра II подписать 30-го марта 1856 года договоръ, сдѣлавшій это море нейтральнымъ. Въ Парижѣ, Россіи и Турціи было запрещено строить какія бы то ни было береговыя укрѣпленія на Черномъ морѣ, а число русскихъ и турецкихъ судовъ было доведено до 6-ти большихъ длиною въ 50 метровъ и вмѣстимости въ суммѣ до 800 тоннъ и 4-хъ небольшихъ вмѣстимости до 20,000 тоннъ. Въ Парижѣ же царское правительство втихомолку твердо рѣшило снова укрѣпить Севастополь и вскорѣ стало вырабатывать планъ постройки черноморскаго добровольнаго флота при помощи „національной

подписки", такъ какъ парижскій трактатъ лишилъ русскихъ самодержавцевъ права строить военные корабли безъ соизволенія на это Европы. Этотъ флотъ долженъ былъ по его проекту въ каждую данную минуту быть превращеннымъ въ военно-морской. Съ этого момента оффиціальная Россія стала поджидать случая и придумывать политическія комбинаціи, съ помощью которыхъ ей удалось бы избавиться отъ наложеннаго на нее Западной Европой наказанія.

Въ 1870 году Бисмаркъ задумалъ насильственно, при помощи внѣшней войны, объединить Германію подъ скипертомъ прусскаго короля, и сталъ готовиться къ нападенію на Францію. Запросивъ русское правительство черезъ посредство нѣмки Елены, жены великаго князя Михаила, тетки Александра II, за какой гонораръ оно готово остаться нейтральнымъ въ случаѣ франко-нѣмецкой кровавой схватки, Бисмаркъ получилъ лаконическій отвѣтъ: за уничтоженіе парижскаго трактата. Сдѣлка состоялась. 29-го октября 1870 года палъ Метцъ, а 31-го того же мѣсяца князь Горчаковъ далъ знать кабинетамъ западно-европейскихъ великихъ державъ, что Александръ II разорвалъ договоръ, подписанный его представителемъ въ 1856 году въ Парижѣ. Австрія, не успѣвшая еще оправиться послѣ войны 1866 года съ Германіей, и изолированная Англія не протестовали. Версальцевъ же петербургскій кабинетъ извѣстилъ, что онъ ничего не будетъ имѣть противъ установленія во Франціи буржуазно-республиканскаго режима, если они признаютъ расторженіе парижскаго договора совершившимся фактомъ.

Однако, не только возстановленіе своихъ старыхъ правъ на Черное море имѣла въ виду правящая Россія, когда поддерживала Германію противъ Франціи. Ея тайные планы были куда замысловатѣе. Позволивъ Германіи разгромить Францію и поссоривъ ее съ Австріей и Англіей изъ-за даннаго ею согласія на расторженіе парижскаго трактата, Россія являлась единственной возможной союзницей и заступницей объединенной Германіи, сильно опасавшейся реванша со стороны третьей французской республики. Поставивъ такимъ образомъ Германію въ полнѣйшую зависимость отъ себя, Россія имѣла въ ея лицѣ защитницу своихъ границъ со стороны Европы и могла, слѣдовательно, спокойно обратить свои политическіе взоры на Востокъ. И, дѣйствительно, въ тотъ же 1870 годъ константинопольскій посолъ Игнатьевъ добился независимости болгарской церкви отъ греческой духовной іерархіи, т. е. сдѣлалъ еще одинъ очень важный шагъ въ направленіи русской политики на Балканскомъ полуостровѣ, увѣнчавшійся въ 1877 году Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Но вскорѣ Бисмаркъ, сообразивъ свое щекотливое положеніе, сталъ подумывать о томъ, какъ-бы сдѣлаться менѣе зависимымъ отъ Россіи. Съ этой цѣлью онъ и уговорилъ въ 1872 году трехъ императоровъ, русскаго,

австрійскаго и прусскаго, заключить между собою союзъ, ставившій себѣ задачей защиту—между прочимъ, и Германіи—отъ нападенія со стороны Франціи. Такъ Бисмаркъ нѣсколько ослабилъ для себя значеніе Россіи и приблизился къ Австріи. Такая комбинація была Россіи только на руку, ибо плѣненная Россіей и Германіей Австрія становилась безвредной и безопасной для русской политики на Ближнемъ Востокѣ. Но вотъ сверхъ всякаго ожиданія на голову разбитая Франція стала послѣ Седана быстро поправляться, и французская буржуазія заплатила Германіи военную контрибуцію въ 5 милліардовъ франковъ, раньше чѣмъ Мольтке и Бисмаркъ на это разсчитывали. Съ большимъ безпокойствомъ сталъ Мольтке слѣдить за реорганизаціей французской арміи и забилъ сильную тревогу, когда французская палата депутатовъ приняла предложеніе военнаго министра увеличить мирный составъ французской арміи. Настаивая на необходимости дать французской республикѣ сраженіе раньше еще, чѣмъ она успѣла закончить свои новые военные планы, Мольтке, въ сообществѣ съ Бисмаркомъ, отправляетъ въ Петербургъ Радовица съ предложеніемъ дать Россіи carte blanche на Ближнемъ Востокѣ, если она себя и въ 1875 году будетъ вести такъ, какъ вела себя въ 1870. Этимъ предложеніемъ Бисмаркъ лишь повторилъ уже однажды имъ сказанныя слова петербургскому правительству, а именно: что Россіи нечего искать на Западѣ, гдѣ она только встрѣтится съ непріятностями, а что ея миссія въ Азіи, гдѣ она является представительницей цивилизаціи и культуры [1]).

Допущеніе, однако, окончательнаго разгрома Франціи было бы большой политической ошибкой со стороны Россіи. Снова выйдя побѣдительницей, Германія сдѣлалась бы центромъ европейской политики, умаливъ так. образ. значеніе, между прочимъ, и Россіи. Вотъ почему Англія и Россія помѣшали новому нападенію нѣмцевъ на Францію и вотъ почему петербургскій кабинетъ сейчасъ же извѣстилъ французское правительство о сдѣланномъ ему Германіей предложеніи, и Александръ II сталъ настойчиво увѣрять генерала Фло, французскаго посла при русскомъ дворѣ, въ своихъ симпатіяхъ къ его отечеству. Но продолжая все-таки пугать Германію Франціей, а Франціи подавая надежды, русскій абсолютизмъ создалъ въ 1875 году необыкновенно напряженную политическую атмосферу. Воспользовавшись этимъ, онъ захватилъ Сахалинъ, считая его очень важнымъ стратегическимъ пунктомъ на Дальнемъ Востокѣ, двинулся на Кокандъ и поднялъ въ Герцоговинѣ возстаніе, хотя Горчаковъ и увѣрялъ Радовица, что Россія будто-бы не имѣетъ никакихъ „grands projets en Orient“. Все это

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что эту теорію излагалъ Россіи Бисмаркъ еще далеко до появленія на ту же тему такъ сильно нашумѣвшей брошюры князя Ухтомскаго.

было въ томъ самомъ 1875 году, въ который Турція объявила свое банкротство и прекратила всякіе платежи своимъ кредиторамъ, т. е. въ годъ, когда Россія надѣялась воспользоваться этимъ замѣшательствомъ Турціи въ цѣляхъ своей политики на Ближнемъ Востокѣ, куда она вскорѣ и двинулась.

IV.

Послѣ безславной крымской кампаніи однимъ изъ первыхъ политическихъ шаговъ новаго русскаго царя, Александра II, была попытка примиренія самодержавія съ русской Польшей. Слѣдуя примѣру своего отца, Александръ II посѣтилъ въ 1856 г. Варшаву, гдѣ амнистировалъ героевъ возстанія сороковыхъ годовъ и вскорѣ также принялся за осуществленіе оставленнаго на бумагѣ въ 1831 году Николаевскаго „органическаго устава". Для установленія же мира внутри страны Александръ II амнистировалъ декабристовъ и принялся за „либеральныя" реформы, начавъ ихъ съ уничтоженія крѣпостного права, которому все равно не сегодня—завтра былъ бы положенъ конецъ самимъ крестьянствомъ. Разсчетъ былъ, однако, невѣренъ. „Эпоха великихъ реформъ" не имѣла послѣдствіемъ желаннаго успокоенія умовъ. Начиная съ 1857 года, студенческія волненія то въ Харьковѣ, то въ Петербургѣ, Москвѣ и т. д. не прекращались. Отдѣльныя земства и разныя группы дворянъ стали громко требовать крупныхъ политическихъ реформъ и открыто говорили о конституціи, крестьяне же, недовольные „освобожденіемъ", бунтовали въ деревняхъ. Русская жизнь обогатилась демонстраціями, и на ея поверхности въ первый разъ появились политическія прокламаціи. Напряженіе протестующаго русскаго духа, казалось, достигло своего максимума и произвело въ правительственныхъ рядахъ большое замѣшательство. Въ сентябрѣ 1861 года имѣли мѣсто крупные студенческіе безпорядки, наведшіе на правительство такую панику, что оно серьезно намѣревалось объявить Петербургъ на военномъ положеніи и поспѣшило сдѣлать заявленіе на столбцахъ оффиціозной газеты „Сѣверная Почта", органѣ Валуева, о предстоящихъ реформахъ разнаго рода. Въ февралѣ 1862 года земства и дворянство, толкаемыя „радикалами", требовали конституціи, а въ маѣ того же года запылалъ Петербургъ, что правительствомъ, поставившимъ пожары въ тѣсную связь съ майскими прокламаціями „Молодой Россіи", считалось сигналомъ къ соціальной революціи. Аресты происходили во всѣхъ концахъ Россіи, оппозиціонно настроенные элементы которой почему-то считали 7 сентября 1862 г., день 1000-лѣтняго юбилея россійскаго государства, первымъ днемъ русской конституціи. Такія наивныя ожиданія были, конечно, продуктомъ ихъ напряженнаго воображенія и всей тогдашней политической атмосферы. Консти-

туціи русскій Царь, само собой разумѣется, своему „возлюбленному народу“ не „даровалъ“, а вмѣсто нея русское правительство преподнесло ему новое польское возстаніе.

Въ Варшавѣ, расшаркнувшись передъ поляками, Александръ II и его правительство наивно полагали, что этимъ положено начало концу польско-русскихъ треній. Убѣдившись же вскорѣ въ ошибочности своихъ разсчетовъ и испугавшись солидарности русско-польскихъ оппозиціонныхъ элементовъ, правительство, чтобы предупредить нападеніе на себя съ двухъ сторонъ, рѣшило ускорить польское возстаніе. Считая, что Польша болѣе Россіи созрѣла къ революціонному акту и зная, что въ нѣкоторыхъ польскихъ кругахъ упорно держатся мнѣнія, что сигналомъ польскому возстанію должно послужить такое же движеніе въ Россіи, правительственныя сферы справедливо считали для себя очень опаснымъ дальше медлить, ибо рисковали, разсуждали они, въ промежуткѣ позволить русскому оппозиціонному движенію вылиться въ опредѣленныя формы. Поэтому правительство задумало задушить Польшу раньше еще, чѣмъ ей успѣла прійти на помощь Россія. Таковъ былъ стратегическій планъ похода русскаго самодержавія на революціонную Польшу и революціонную Россію. И этимъ-то планомъ оно руководилось, когда снарядило въ Польшу цѣлую свору реакціоннѣйшихъ изъ его реакціонныхъ помощниковъ вродѣ князя Черкасскаго, Милютина, Муханова, Селиванова и имъ подобныхъ „миссіонеровъ національнаго дѣла“, превратившихъ Польшу въ арену издѣвательствъ и надругательствъ „миссіонеровъ“ надъ цѣлымъ народомъ [1]). Пять разъ оффиціальная Россія мѣняла съ 1861 по 1863 годъ своихъ польскихъ намѣстниковъ, всякій разъ посылая туда все болѣе и болѣе реакціонныхъ. Литву же она отдала Назимову и Муравьеву-Вѣшателю.

Но нужно было еще возстановить русское общественное мнѣніе противъ поляковъ, чѣмъ и занялись Катковы, Погодины и Аксаковы, обвинившіе даже великаго князя Константина, послѣдняго польскаго намѣстника, въ либерализмѣ и въ намѣреніи сдѣлаться независимымъ польскимъ королемъ. А роль связующаго звена между этой кликой и императорскимъ домомъ взяла на себя графиня Блудова, организовавшая при дворѣ нѣчто вродѣ комитета для сбора денегъ и т. д. въ пользу широкой агитаціи противъ Польши и противъ министровъ, вродѣ Валуева, не цѣликомъ раздѣлявшихъ взгляды Каткова и его сподручниковъ.

---

[1]) Въ планъ этихъ „миссіонеровъ“ входило, между прочимъ, и привлеченіе польскаго крестьянства на сторону русскаго правительства, и возстановленіе его противъ польскаго дворянства и духовенства, которыхъ оно рѣшило разорить и уничтожить.

Однако, справиться съ Польшей правящая Россія считала для себя дѣломъ далеко не легкимъ, и въ особенности растерялась, когда либеральныя партіи французской и англійской палаты депутатовъ потребовали отъ своихъ правительствъ вмѣшательства въ пользу повстанцевъ, къ каковымъ требованіямъ, преслѣдуя при этомъ свои особыя цѣли, отнеслась довольно симпатично даже и Австро-Венгрія. Подъ давленіемъ своихъ парламентовъ Австрія, Франція и Англія требуютъ отъ Россіи возстановленія польской конституціи 1832 года. Европѣ угрожаетъ всемірная война. А тутъ еще критическое положеніе Россіи осложнили финляндцы. Когда весною 1863 г., т. е. не задолго до польскаго возстанія, съ легкой руки „Московскихъ Вѣдомостей“ всею русской націоналистической прессой была поднята агитація противъ Финляндіи, которую, конечно, обвиняли въ сепаратическихъ стремленіяхъ и во враждебномъ настроеніи къ Россіи, то финляндская печать въ одинъ голосъ отвѣтила, что въ случаѣ войны между Россіей и западно-европейскими государствами, намѣревавшимися заступиться за Польшу, она, Финляндія, гдѣ въ это время имѣли мѣсто кровавыя стычки между русскими офицерами и финляндскимъ населеніемъ, останется не только нейтральной, т. е. не только откажется въ случаѣ надобности придти Россіи на помощь, но даже открыто станетъ выражать свои симпатіи ея противнику. Но вотъ за нѣсколько мѣсяцевъ до польскаго возстанія въ Пруссіи сдѣлался министромъ-президентомъ Бисмаркъ, вскорѣ потерпѣвшій большое фіаско въ борьбѣ съ либерализмомъ и точно такъ же, какъ и русское правительство нуждавшійся въ средствѣ отвлеченія вниманія народа отъ внутреннихъ порядковъ своего отечества. Съ Бисмаркомъ-то, всегдашнимъ противникомъ всякихъ польскихъ правъ и свободъ, Россія и сговорилась насчетъ поддержки ея въ подавленіи польскаго возстанія, и опираясь на его-то дружбу и на прусско-русскую военную конвенцію, заключенную противъ Польши по порученію Бисмарка въ Петербургѣ въ февралѣ 1863 года генераломъ Алфенелебеномъ, она съ „негодованіемъ“ отвергла требованіе западно-европейскихъ государствъ признать за повстанцами право считать себя воюющей стороной.

Лишь только въ Берлинѣ были получены первыя извѣстія о началѣ польскаго возстанія, какъ Бисмаркъ сейчасъ же отдалъ генералу Вердеру приказаніе двинуть 4 прусскихъ полка, подкрѣпленныхъ черезъ короткій промежутокъ времени резервистами, на польскую границу, со стороны Познани. И это, несмотря на оффиціальное заявленіе центральнаго революціоннаго комитета въ Варшавѣ, что онъ объявляетъ войну одной лишь Россіи, а не Пруссіи или Австріи. Заключеніемъ договора съ Бисмаркомъ относительно посылки прусскихъ солдатъ въ Россію русскій абсолютизмъ обезпечилъ себѣ побѣду надъ Польшей,

гдѣ не могъ сконцентрировать всѣ свои войска, ибо они ему нужны были для отраженія возможнаго нападенія со стороны Финляндіи, и менѣе возможной революціи въ самой Россіи.

Такъ правящая Россія польскимъ возстаніемъ заняла вниманіе русскаго народа, а игрою въ либерализмъ ей удалось удовлетворить одну часть протестующей русской интеллигенціи, съ молчаливаго согласія которой были пущены въ ходъ жестокія преслѣдованія другой ея половины, не хотѣвшей примириться съ половинчатостью „великихъ реформъ". Радикальная часть русской интеллигенціи, не могшая хладнокровно относиться къ приближенію реакціонныхъ николаевскихъ временъ, вызвала тогда самодержавіе на поединокъ и снова нарушила спокойствіе внутри страны.

Оставаясь вѣрнымъ себѣ, самодержавіе въ эти для себя критическіе дни рѣшило, къ удовольствію отечественныхъ промышленниковъ, опять двинуться въ Азію. Въ 1865 году былъ завоеванъ Ташкентъ, и Россія обогатилась теркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ; въ 1867 г. взятъ Хаджентъ; въ 1868 г. Самаркандъ и побѣждена Бухара, а въ 1873 г. отправлена военная экспедиція въ Хиву. Англійскій парламентъ, встревоженный приближеніемъ Россіи къ Индіи, немедленно тогда потребовалъ отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыхъ разъясненій насчетъ смысла хивинской экспедиціи, но что лордъ Гранвилъ (11 января 1873 года) отвѣтилъ, что русскій посланникъ въ Лондонѣ поручилъ ему торжественно заявить отъ имени русскаго Царя и его правительства, что хивинская экспедиція, состоящая всего изъ $4^1/_2$ батальоновъ, имѣетъ лишь цѣлью наказать нѣкоторыя тамошнія разбойничьи шайки. Парламентъ успокоился, чтобы вскорѣ къ своему ужасу узнать, что экспедиція состояла не изъ безобидныхъ $4^1/_2$ батальоновъ, а изъ цѣлыхъ 15,000 челов. и 20,000 верблюдовъ и увѣнчалась превращеніемъ хивинскаго хана въ русскаго вассала, заплатившаго Россіи большую военную контрибуцію, уступившаго ей часть своей территоріи, на которой Россія немедленно построила Петро-Александровскую крѣпость, и обязавшагося уничтожить всякія пошлины на русскіе товары. Еще одинъ и пока послѣдній шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ 1876 году. 27-го февраля русскія войска вступили въ Кокандъ, а 2-го марта это ханство императорскимъ указомъ было присоединено къ Россіи подъ именемъ Ферганской области.

И пошли оргіи и ликованія въ правящемъ станѣ. „Бѣлый Царь", писали тогда наши патріоты, захлебываясь, увеличилъ площадь россійскаго государства новыми 1100 квадр.милями. И, увѣнчавъ успѣхомъ 300-лѣтнія попытки русскихъ царей сдѣлаться властелинами земель между Чернымъ и Каспійскимъ морями, онъ очистилъ себѣ путь къ дальнѣйшему движенію въ

Азію. Сторицей, пѣли они, Россія заплатила Европѣ за нанесенныя ей обиды въ Крымскую кампанію. И радостямъ ихъ не было конца.

Но это было въ ту пору, когда россійская соціалистическая мысль дописывала предисловіе къ первому тому новѣйшей исторіи Россіи въ частности и всего человѣчества въ общемъ. Это было тогда, когда русскіе революціонеры привели въ большое замѣшательство правительственные ряды и пошатнули царскій тронъ. Успѣхи соціалистическаго движенія отодвинули на задній планъ азіатскія побѣды и омрачили празднества въ правящемъ станѣ. И полетѣли тогда со всѣхъ сторонъ по адресу Его Величества всевозможнѣйшіе проекты отвода народныхъ глазъ, одинъ изъ которыхъ былъ выработанъ, въ компаніи съ Побѣдоносцевымъ и Катковымъ, славянофильствомъ, начавшимъ заниматься политикой не задолго до Крымской компаніи, когда его лидера, профессора Погодина, осѣнила мысль объединить весь Востокъ подъ скипетромъ русскаго царя. Проектъ этотъ былъ: „Рѣшеніе славянскаго вопроса", обсуждавшагося уже на московскомъ славянофильскомъ конгрессѣ 1867 года, „освобожденіемъ балканскихъ славянъ". Шагъ за шагомъ славянофилы требовали отъ правительства открытой поддержки герцоговинскаго возстанія 1875 г., признанія сербско-турецкой войны, въ которой подъ предводительствомъ генерала Черняева принимали участіе тысячи русскихъ добровольцевъ, дѣломъ русскаго народа, и поддержки болгаръ противъ Турціи. А къ нимъ присоединились Игнатьевъ, канцлеръ Горчаковъ, наслѣдникъ русскаго престола Александръ III, великій князь Николай и имъ подобные, заклинавшіе Александра II не забывать „дорогихъ русскому сердцу тысячелѣтнихъ традицій" и, воспользовавшись представляющимся ему прекраснымъ случаемъ, сыграть на этой народной струнѣ хвалебный гимнъ царствующему дому. Александръ II колебался. Его сомнѣнія раздѣляли министръ финансовъ фонъ-Рейтернъ, военный министръ Милютинъ, нѣкоторые слои высшаго петербургскаго чиновничества и большое количество членовъ государственнаго совѣта, опасавшіеся, чтобы русско-турецкая война не превратилась во всемірную, и предупреждавшіе царя, что война послужитъ лучшимъ агитаціоннымъ средствомъ русскаго освободительнаго движенія, все равно, выйдетъ ли изъ нея Россія побѣдительницей или побѣжденной. Русскіе революціонеры, правильно разсуждали они, сумѣютъ воспользоваться всѣми отрицательными и слабыми сторонами абсолютизма, скрыть которыя во время войны будетъ внѣ всякой политической и физической возможности. Тогда первые выдвинули свой послѣдній, съ точки зрѣнія абсолютизма совершенно неотразимый, аргументъ, находившійся въ тѣсной связи со слѣдующимъ очень знаменательнымъ историческимъ фактомъ. Подъ вліяніемъ турецкихъ либе-

раловъ и отчасти доживавшаго въ Ниццѣ свои послѣдніе дни бывшаго либеральнаго министра Турціи Fuad-Паши [1]), султанъ, руководимый въ то время извѣстнымъ турецкимъ либеральнымъ дѣятелемъ министромъ Мидхадъ-Пашей, отдалъ 16-го декабря 1876 года распоряженіе подготовить выборы въ турецкій парламентъ. А черезъ недѣлю была торжественно объявлена турецкая конституція. Вотъ этимъ-то фактомъ и воспользовались Катковъ, Побѣдоносцевъ и К⁰, доказывая Александру II, что Россія не можетъ позволить, чтобы въ Турціи укрѣпился либерализимъ, могущій своими реформами примирить съ собою турецкихъ христіанъ и сдѣлать такимъ образомъ излишними ихъ упованія и ихъ надежды на Россію. Въ этомъ случаѣ, разсуждали они, мы лишили бы себя въ глазахъ Европы и русскаго народа одного изъ главнѣйшихъ поводовъ русско-турецкихъ треній, а слѣдовательно и всегда имѣющагося у насъ въ запасѣ средства отвлеченія вниманія народа отъ внутреннихъ порядковъ россійскаго государства; константинопольскій парламентъ можетъ еще, кромѣ того, продолжали они, вызвать себѣ въ Россіи подражаніе и дать новую пищу нашимъ либеральнымъ умамъ. Поэтому-то Россія должна поспѣшить объявить войну не столько самой Портѣ, сколько турецкой конституціи [2]). Понявъ эту „опасность“, Александръ II началъ сдаваться. Напрасно бомбардировалъ его письмами и докладными записками хорошо знавшій русскую революцію англійскій посолъ и бывшій шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ и тщетно обращалъ онъ вниманіе Царя на грозившую ему опасность послѣ войны со стороны революціи. 24-го апрѣля 1877 г. была на скорую руку объявлена война Турціи, четвертая по счету въ теченіе XIX вѣка. На скорую руку, вѣдь военное министерство настолько не было подготовлено къ войнѣ, что не только не успѣло снабдить офицеровъ необходимыми географическими картами, но даже не имѣло въ своемъ распоряженіи хотя бы въ общихъ чертахъ выработаннаго стратегическаго плана. Оплошность эта оправдывается тѣмъ, что военное министерство въ недалекомъ будущемъ вести войны совсѣмъ не собиралось, тѣмъ болѣе, что милютинскія новыя военныя реформы не были еще закончены и что введенная всеобщая воинская повинность не успѣла еще въ достаточной степени привиться къ жизни. Правда, въ кругахъ власть имущихъ шли на эту тему страстные и ожесточенные споры, но никто не думалъ, что рѣшеніе вопроса—быть или не быть войнѣ—будетъ зависѣть отъ случайностей каприза...

Никто не думалъ, что Александръ II, вчерашній против-

---

[1]) См. его письма къ султану въ „La Revue de Paris“, sexième volume. Novembre, decembre 1896 г.

[2]) См. интересную книгу Мидхадъ-Паши: „La Turquie, son passé, son avenir“. Paris, 1878 г.

никъ проекта великаго князя Николая и Каткова, сегодня подпишется подъ нимъ абсолютическимъ „быть по сему". И даже когда война была уже объявлена, то военное министерство разсчитывало, что все закончится лишь простою угрозой, ибо кто же въ самомъ дѣлѣ начинаетъ серьезное военное дѣйствіе лишь четырьмя мобилизованными корпусами [1])? Военное министерство, однако, ошиблось. Предполагаемая угроза превратилась въ правильную войну, о чемъ своевременно позаботились славянофилы и славянскіе комитеты, имѣвшіе въ карманѣ готовый планъ, подготовленный дипломатіей подпольной агитаціи на Балканскомъ полуостровѣ „освобожденія славянскихъ странъ" и управленіе ими княземъ Черкаскимъ.—Russia's Works in Turkey" of. Giacometti (by Edgard Whitaker. London) та книга, въ которой собраны секретные документы, купленные Рабиль-Пашею, турецкимъ посломъ въ Петербургѣ. Ихъ 49 штукъ, и всѣ онѣ аттестуютъ славянскіе комитеты, какъ истинныхъ „подпольныхъ агитаторовъ", ни передъ чѣмъ не останавливающихся для достиженія своихъ цѣлей. „На основаніи предписанія центральнаго комитета,—телеграфируетъ въ декабрѣ 1872 г. болгарскій генеральный консулъ Шишкинъ вѣнскому комитету (его предсѣдателемъ былъ вѣнскій посолъ Новиковъ),—я имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія, что мною организовано „Общество Свободы" съ господиномъ Ристичемъ, въ качествѣ предсѣдателя, во главѣ.... Сегодня я отправилъ въ Сараево (Боснія) Ирановича съ порученіемъ заняться тѣмъ же самымъ". Въ январѣ 1873 г. телеграфируетъ сараевскій консулъ тому же комитету: „Все готово для раздачи послѣ праздниковъ какъ полученныхъ мною денегъ изъ Бѣлграда, такъ и огнестрѣльнаго оружія, хранящагося въ извѣстной вамъ пещерѣ". Въ концѣ ноября 1872 г. салоникскій консулъ Лаговскій получаетъ изъ Петербурга телеграмму слѣдующаго въ высшей степени интереснаго содержанія: „Центральный комитетъ имѣетъ честь извѣстить Васъ, что, по распоряженію нашего августѣйшаго предсѣдателя, русское агентство на Аѳонѣ превращается въ организаціонный Комитетъ, коему ставятся слѣдующія задачи: 1) устройство при монастырѣ, носящемъ названіе „Руссиконъ", склада оружія и т. п. вещей; 2) организація комитетовъ въ Македоніи, Ѳракіи, Болгаріи и старой Сербіи, черезъ посредство своихъ агентовъ, раздающихъ деньги, вербующихъ послѣдователей славянскаго дѣла и добровольцевъ для патріотическаго движенія; 3) насажденіе на аѳон-

---

[1]) Циркулировавшая въ 1890 году въ высшихъ петербургскихъ сферахъ исторія начала войны 1877 г., написанная для министерства иностранныхъ дѣлъ Іонинымъ, бывшимъ дипломатическимъ агентомъ въ Софіи, Цетиньѣ и Бернѣ, разсказывала много интереснаго относительно неподготовленности и растерянности военнаго министра.

скомъ полуостровѣ русскихъ и болгарскихъ колоній съ цѣлью превращенія его въ мѣсто, исключительно населенное славянами. При этомъ вамъ рекомендуется, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, вытѣснить въ теченіе одного года всѣхъ грековъ изъ всѣхъ ими владѣемыхъ монастырей. Упомянутому комитету отпускается ежегодно сумма въ 50,000 рублей; расходы же контролируются русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ". „Благодаря энергіи Іонина, русскаго консула въ Рагузѣ, въ нашемъ распоряженіи имѣются: 12,000 ружей, 4500 берданокъ, 6800 американскихъ пистолетовъ, 7000 драгунскихъ сабель и три горныя батареи. Какъ только нами будутъ получены обѣщанные императорскимъ правительствомъ митральезы и 25000 американскихъ карабиновъ съ патронами, мы окончательно будемъ готовы къ нападенію на врага, имѣя въ своемъ распоряженіи 30,000 хорошо вооруженныхъ и обученныхъ солдатъ". Это пишетъ черногорскій князь великому князю Николаю въ своемъ письмѣ отъ 22-го декабря 1872 года. „Если министерство иностранныхъ дѣлъ не сдержитъ даннаго имъ слова редактору тріестской газеты и князь (Горчаковъ) поскупится на нѣсколько тысячъ рублей, то я готовъ заплатить эту сумму (5000 руб.) изъ своего собственнаго кармана, такъ какъ считаю необходимой поддержку тріестской газеты, пользующейся гораздо большимъ вліяніемъ на турецкихъ христіанъ, чѣмъ всѣ болгарскія, сербскія и румынскія газеты, вмѣстѣ взятыя". „Нашъ рущукскій консулъ сдѣлалъ большую оплошность, выбравъ въ свои политическіе агенты человѣка, принимавшаго участіе въ обворовываніи одной турецкой почты. Что, если полиціи удастся арестъ этого субъекта! Я боюсь, что онъ своими разоблаченіями насъ сильно скомпрометтируетъ". Оба эти послѣдніе документа писаны Игнатьевымъ, русскимъ посломъ въ Константинополѣ, Новикову. Такъ славянскіе комитеты вмѣстѣ съ представителями нашего министерства иностранныхъ дѣлъ подготовляли освобожденіе „братьевъ-славянъ". Освобождали же они „нашихъ братьевъ" для того, чтобы отдать ихъ въ полнѣйшее распоряженіе русскихъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, уѣздныхъ начальниковъ и полиціймейстеровъ, выбранныхъ и назначенныхъ ихъ шефомъ, княземъ Черкаскимъ, и не только получившихъ подъемные въ 7000, 3500, 2000, 1500 рублей и секретные фонды отъ 6—10,000 руб., но и свои годовые оклады за цѣлый годъ впередъ, еще до вступленія русскихъ солдатъ въ Болгарію. Готовившаяся же эмансипація „братушекъ" должна была быть, по опредѣленію петербургскихъ чиновниковъ, „русской нагайкой". Это, впрочемъ, не помѣшало Александру II на берлинскомъ съѣздѣ трехъ императоровъ увѣрять своихъ коронованныхъ собратьевъ, что онъ-де, Александръ II, добивается отъ Турціи лишь только либеральныхъ реформъ на Балканскомъ

полуостровѣ, чѣмъ будто бы и вполнѣ удовлетворится. Легкомысленная западно-европейская пресса, повѣрившая этому заявленію, разнесла его по всему свѣту, сильно обезпокоивъ славянскіе комитеты, пришедшіе въ себя лишь послѣ того, какъ „августѣйшій предсѣдатель (Александръ III) телеграфировалъ вѣнскому послу Новикову: „Сообщите циркулярно депешей нашимъ субкомитетамъ, что всѣ слухи, распространяемые насчетъ берлинскаго съѣзда императоровъ, ложны и исходятъ отъ нашихъ враговъ, и что Россія не измѣнила своихъ плановъ относительно славянскаго вопроса“. Въ то время, какъ Александръ II увѣрялъ Европу въ безкорыстіи Россіи, Александръ III возвѣстилъ славянскимъ комитетамъ сущую правду. Оффиціальная Россія, дѣйствительно, не измѣнила своимъ планамъ насчетъ славянскаго вопроса и объявила Турціи, какъ мы раньше видѣли, войну, вести которую поручила великимъ князьямъ, пользовавшимся какой угодно славой, но только не славой военачальниковъ. Подражая Гогенцоллернамъ, Александръ II роздалъ великимъ князьямъ начальство надъ отдѣльными частями арміи, копируя Вильгельма I во время франко-нѣмецкой войны, разсчитывая, что они своею храбростью и своими успѣхами на полѣ битвы усилятъ народную любовь къ царскому дому. Но сильно ошибся. Съ первыхъ же шаговъ россійскіе главнокомандующіе обнаружили свою непригодность, и, не поспѣши имъ на помощь румынскіе солдаты, турки потопили бы цѣлую русскую армію вмѣстѣ съ генеральнымъ штабомъ и самимъ Царемъ въ дунайскихъ волнахъ. Тѣ самые турки, которыхъ наша офиціозная и оффиціальная пресса наканунѣ войны характеризовала варварами, совершенно отставшими въ военномъ искусствѣ та же пресса усиленно подчеркивала финансовое банкротство ихъ отечества. Однако, и у русскихъ на этотъ счетъ дѣло обстояло не лучше. И не кто иной, какъ самъ министръ финансовъ Рейтнернъ, приглашенный Царемъ въ 1876 году въ Ливадію для изложенія своихъ взглядовъ на русскіе финансы, заявилъ Царю въ упоръ, что Россія войны вести не можетъ и тутъ же просилъ позволить ему отказаться отъ своего пустого министерскаго портфеля. Никакія затрудненія и запрещенія, сдѣланныя въ 1877 году, незадолго до открытія военныхъ дѣйствій, относительно вывоза золота за-границу не помогали,—золото уплывало туда, несмотря на все и вся. Въ теченіе первыхъ 5-ти мѣсяцевъ войны циркулировавшая въ Россіи сумма въ 779 милліон. бумажныхъ рублей была еще на 140 милл. увеличена, чѣмъ и было вызвано сильное паденіе курса русскаго рубля. До войны за него платили нѣмецкими деньгами 2 марк. 52 пфеннига, въ іюнѣ мѣсяцѣ 2 м. 15, въ августѣ 2 м. 10 пф., а позже даже 1 м. 90 пф., что принесло громадные барыши лишь близко стоявшимъ къ министерству финансовъ и тѣмъ немногимъ патріо-

тамъ-помѣщикамъ, отъ имени которыхъ „Московскія Вѣдомости“ доказывали цѣлесообразность увеличенія количества бумажныхъ денегъ; тѣмъ патріотамъ, которые, получая за вывезенный ими хлѣбъ за границу западно-европейское золото, перепродавали его въ Россіи по очень дорогой цѣнѣ. „Блестящіе“ русскіе финансы насчитывали къ первому февраля 1876 года, значитъ еще до войны, 1800 милліон. рублей государственнаго долга. А казначейство и государственные банки, блиставшіе пустотою своихъ кассъ, вынуждены были въ ноябрѣ того же года обратиться къ патріотическимъ сердцамъ съ просьбой о займѣ ста милліон. рубл., въ полной увѣренности, что воинственно настроенная Россія предложитъ правительству во много разъ большую сумму. Увы, патріотизма хватило всего на 123 милліона, а этотъ ничтожный излишекъ воочію доказалъ безнадежность попытокъ къ новымъ внутреннымъ займамъ. Поэтому-то когда спустя нѣсколько мѣсяцевъ казначейство снова опустѣло, правительство прибѣгло, но еще съ большимъ неуспѣхомъ, къ внѣшнему займу, получивъ 7-го іюня 1877 года отъ европейской буржуазіи лишь третью часть просимой у нея суммы. Такъ россійскіе „блестящіе финансы“ вынуждены были приняться за повышеніе налоговъ и искать спасенія въ выпускахъ бумажекъ, которыхъ къ концу 1877 г. набралось уже 293,850,000, рублей. Начальствовавшіе же въ компаніи съ Варшавскимъ, Горвицемъ, Грегеромъ, Хвощинскимъ и др. тѣмъ временемъ безпощадно крали. И не пріостанови Александръ II императорскимъ указомъ одесскаго судебнаго процесса противъ Горвица съ товарищами,—правящіе Россіей создали бы себѣ и въ глазахъ мало посвященной широкой массы русскаго народа большую славу заурядной мошеннической и воровской шайки.

Съ головы до ногъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, обворованный, голодный и до послѣдней степени истощенный, русскій солдатъ, съ колыбели уже мачехой-судьбой пріученный фаталистически относиться къ невзгодамъ своей жизни, все прощалъ. И переступая черезъ десятки тысячъ труповъ ему подобныхъ, онъ покорно и безропотно слѣдовалъ велѣніямъ своего бездарнаго начальства, все сильнѣе напирая своей грудью на турка, котораго и заставилъ, наконецъ, согласиться на игнатьевскій проектъ, знаменитый Санъ-Стефанскій договоръ, состоявшійся 3-го марта 1878 года и поставившій на ноги всю западно-европейскую дипломатію. Санъ-Стефанскимъ договоромъ Турція признала свою зависимость отъ Россіи, а эта приблизилась къ захвату Дарданельскаго прохода. Овладѣвъ имъ, Россія лишила бы Европу возможности въ моментъ грозящей ей опасности закрыть русскому флоту, съ помощью Турціи, выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, превращеніе котораго, по выраженію Кристи, тогдашняго итальянскаго премьеръ-министра, въ „московское“ было бы только

вопросомъ времени. Изъ Константинополя Россія охватила бы желѣзнымъ кольцомъ Балканскій полуостровъ, Грецію, Австро-Венгрію и отчасти Италію. Въ Азіи она создала бы для себя новое „славянское государство“. Въ Балтійскомъ морѣ она имѣла бы Ригу, въ Черномъ и Средиземномъ Константинополь, въ Бѣломъ Архангельскъ, и сдѣлалась бы такъ самодержавной въ Европѣ. И сбылись бы опасенія Тьера, сказавшаго однажды, что въ тотъ моментъ, въ который Россія одною ногою укрѣпится на Зундѣ, а другою на Босфорѣ, Европа сдѣлается рабыней Россіи и все либеральное должно будетъ эмигрировать въ Америку. Но страхъ Европы передъ самодержавной Россіей сдѣлалъ первую солидарной съ Англіей, гдѣ нерѣшительное министерство лорда Дерби было замѣнено на все готовымъ министерствомъ Салюсбери. Новый лондонскій кабинетъ взялъ на себя же иниціативу умалить, на большую половину, значеніе Санъ-Стефанскаго договора. При первыхъ уже опасныхъ для Европы побѣдахъ русскаго солдата, Англія категорически потребовала отъ Россіи остановиться въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи въ сторону Константинополя. И 24-го января 1878 года англійское правительство заявило верхней и нижней палатамъ, что черезъ четыре дня оно потребуетъ отъ нихъ кредита въ 6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, необходимыхъ ему для предстоящей войны съ Россіей. Требованіе было удовлетворано. 13-го февраля вошелъ британскій флотъ, при слабыхъ протестахъ Порты, въ Дарданеллы и сталъ между Россіей и Константинополемъ; а черезъ 14 дней былъ въ Англіи окончательно готовъ проектъ увеличенія сухопутныхъ войскъ съ 70 на 135 тысячъ человѣкъ. 24-го марта русское правительство гордо и съ „негодованіемъ“ отвергаетъ предложеніе Великобританіи обсудить въ сообществѣ съ другими государствами на конгрессѣ Санъ-Стефанскій договоръ, а 29-го лондонскій кабинетъ сообщаетъ своимъ парламентамъ о принятомъ имъ рѣшеніи мобилизовать резервныя войска и спустя нѣсколько недѣль двинулъ часть своего индійскаго войска на островъ Мальту. Кипятилась же такъ англійская буржуазія потому, что, между прочимъ, боялась, какъ бы Россія, засѣвъ въ Константинополѣ, не закрыла бы ей входа въ Суэцкій каналъ, т. е. не отрѣзала бы ее отъ богатой Индіи и не лишила бы ее Малой Азіи. Санъ-Стефанскимъ договоромъ Турція, во-первыхъ, обязалась заплатить Россіи военную контрибуцію въ размѣрѣ 310 милліоновъ рублей; во-вторыхъ, Санъ-Стефанскимъ договоромъ въ Европейской Турціи султану былъ оставленъ, и то лишь на время, только Константинополь; въ-третьихъ, надъ Болгаріей, гдѣ русское правительство намѣревалось посадить своего князя, увеличенной частью Трекіей и Македоніей и растянувшейся отъ береговъ Дуная до Эгейскаго моря, былъ признанъ, равно какъ и надъ Арменіей, протекторатъ Россіи; въ-четвертыхъ, Россія получила въ Азіи Батумъ, Арданонъ, Карсъ

и Баязетъ, а въ Европѣ Добруджу, которую потомъ обмѣняла на Бессарабію, придвинувшую россійскія границы до самыхъ береговъ Дуная; въ-пятыхъ, Румелія, Сербія и Черногорія сдѣлались независимыми, причемъ послѣдняя получила часть Босніи и два порта на берегу Адріатическаго моря; а въ послѣднихъ, Санъ-Стефанскій договоръ былъ надгробнымъ словомъ Турціи.

Замѣтивъ, что Англія, поддерживаемая Австро-Венгріей, не на шутку собирается помѣриться силой съ Россіей, царское правительство, чтобы сдѣлать Англію болѣе сговорчивой, отправило въ Афганистанъ тайнаго агента, вступившаго съ эмиромъ Ширъ-Али въ переговоры насчетъ нападенія на Индію. Задѣтая за самое больное мѣсто, Великобританія умѣрила нѣсколько свой пылъ и 22-го мая 1878 года графу Шувалову удалась подходящая для Россіи формула созыва берлинскаго конгресса. Но раньше чѣмъ отправить туда своихъ делегатовъ, Россія напомнила Бисмарку о своихъ старыхъ услугахъ и просила поддержки.

Еще въ 1876 г. Александръ II съѣздилъ въ Рейхштадтъ, чтобы тамъ на всякій случай сговориться съ Францемъ-Іосифомъ насчетъ условій, при какихъ Австро-Венгрія готова остаться нейтральной, если между Россіей и Турціей на самомъ дѣлѣ загорится война. Но Францъ-Іосифъ соглашался вступить въ переговоры на эту тему лишь послѣ того, какъ русское правительство обяжется не навязывать ни одной изъ турецкихъ провинцій своего протектората, не трогать Константинополя, не дѣлать захватовъ на правомъ берегу Дуная и въ случаѣ счастливаго исхода войны не диктовать Турціи условій безъ державъ, подписавшихъ парижскій и лондонскій трактаты 1856 и 1871 гг. Результатомъ рейхштадтской встрѣчи былъ секретный договоръ, подписанный въ Вѣнѣ Новиковымъ и Андраши, причемъ Австріи была обѣщана за ея нейтралитетъ Боснія и Герцоговина. Зачѣмъ же, спрашивается, Россія объявила Турціи войну, когда Австрія еще до начала военныхъ дѣйствій предписала ей невыгодныя условія мира и сдѣлала возможныя уступки равными нулю? Зачѣмъ? А затѣмъ, что въ то время абсолютизмъ объявлялъ войну не Турціи, а главнымъ образомъ русскому революціоному движенію. Война ему нужна была во что бы то ни стало, ибо ею онъ разсчитывалъ сказать шахъ и сдѣлать матъ русскому освободительному движенію. Что же касается результатовъ войны, то онъ положился на хитрость своихъ дипломатовъ, неоднократно уже надувавшихъ Западную Европу. Естественно, что Австрія наряду съ Англіей подняла необыкновенный шумъ и гамъ, когда Россія, вопреки даннымъ ею обѣщаніямъ, заставила Порту подписать Санъ-Стефанскій договоръ и естественно также, что теперь Австро-Венгрія уже не хотѣла удовлетвориться только Босніей и Герцоговиной, а потребовала для себя протектората надъ Сербіей и Черногоріей, чтобъ имѣть открытымъ путь въ Салоники. Въ эти-то

тяжелыя минуты для русскаго правительства князь Горчаковъ предложилъ Бисмарку не давать Австріи ходу противъ Россіи и этимъ предоставить ему, Горчакову, возможность на берлинскомъ конгрессѣ справиться съ Великобританіей. Бисмарку, слѣдовательно, оставалось одно изъ двухъ: либо взять сторону Россіи противъ Австріи, либо идти рука объ руку съ послѣдней противъ Россіи, такъ какъ оставаться въ серединѣ между этими двумя государствами не было никакой возможности, ибо слишкомъ уже были противоположны ихъ интересы.

Онъ предпочелъ послѣднюю комбинацію и предпочелъ ее по тому, что теперь Бисмаркъ чувствовалъ себя настолько окрѣпшимъ, что не нужна уже была ему русская дружба въ той мѣрѣ, въ какой онъ нуждался въ ней тотчасъ послѣ франко-нѣмецкой войны. Онъ зналъ, что купи онъ дружбу Россіи на счетъ Австріи, онъ вынужденъ будетъ въ концѣ концовъ согласиться на присоединеніе всѣхъ славянскихъ земель къ Россіи, что было не послѣднимъ пунктомъ тогдашней русской внѣшней политики, т. е. вынужденъ будетъ позволить стереть съ лица земли австрійское государство. Въ этомъ-же случаѣ судьба нѣмецкой имперіи всецѣло зависѣла бы отъ Россіи, которая распоряжалась бы ею по своему личному усмотрѣнію. Безъ Австріи, говорилъ Бисмаркъ въ началѣ января 1887 и февраля 1888 г., Германія, отрѣзанная на континентѣ отъ Италіи, очутится между двухъ огней, между Франціей и Россіей. Слѣдовательно, сильное австрійское государство, опирающееся на нѣмецкую имперію и ея дружбу, могущее въ каждую опасную минуту служить тормазомъ русской завоевательной политики, было тогда въ интересахъ Германіи. Поэтому-то Бисмаркъ и поддерживалъ на берлинскомъ конгрессѣ австро-венгерскую политику на Ближнемъ Востокѣ, чѣмъ и заслужилъ одобреніе и симпатію Англіи, Франціи и Италіи и возстановилъ противъ себя Россію.

На берлинскомъ конгрессѣ восторжествовала политика англійскаго правительства, заключавшаяся въ недопущеніи изчезновенія Оттоманской имперіи по крайней мѣрѣ не раньше, чѣмъ балканскія княжества не окрѣпли и не объединились для совмѣстнаго отпора поползновеній Россіи. Съ этой цѣлью англійскій премьеръ министръ Биконсфильдъ предлагалъ въ февралѣ 1878 г. Франціи, Италіи и Греціи объединиться съ Великобританіей для оказанія совмѣстной помощи австро-венгерскому государству въ его спорахъ съ Россіей изъ-за политическаго преобладанія на Ближнемъ Востокѣ; и съ этой цѣлью онъ предлагалъ Австро-Венгріи заключить съ Англіей союзъ для защиты турецкой территоріи какъ въ Европейской Турціи, такъ и въ Малой Азіи.

Такъ правящая Россія, истратившая на русско-турецкую войну 2 милліарда рублей и потерявшая около 200,000 человѣкъ, ушла съ берлинскаго конгресса, на которомъ Турціи были возвращены $^2/_3$

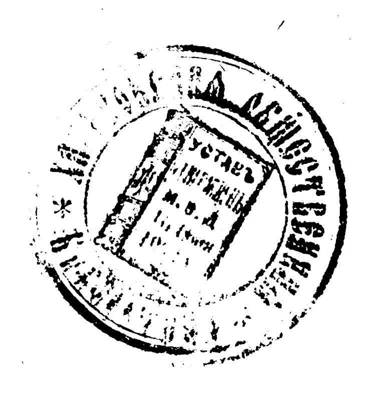
отнятыхъ у ней земель Россіей по Санъ-Стефанскому договору, приблизительно по 30,700 дкт., безъ Эгейскаго моря и безъ Константинополя.

А чтобы у русскаго правительства отбить всякую охоту въ недалекомъ будущемъ снова сдѣлать нападеніе на Турцію, Англія предложила Портѣ за островъ Кипръ, въ высшей степени важную морскую станцію въ Средиземномъ морѣ, съ которой Англія можетъ въ 48 часовъ двинуть свой флотъ въ Суэцкій каналъ, взять на себя защиту Малой Азіи, Сиріи и Месопотаміи.

Соотвѣтствующій договоръ былъ Турціей подписанъ 4-го іюня 1878 г., а въ немъ значилось, что Англія обязуется вооруженной силой защищать турецкія земли въ Азіи отъ нападенія со стороны Россіи.

Политикусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Аграрный вопросъ.

Разсказъ **Александра Кипенъ**.

I.

Общее собраніе членовъ N-скаго сельскохозяйственнаго общества, противъ обыкновенія, было довольно многолюднымъ. Предстояло чтеніе отчета ревизіонной комиссіи и „слушаніе“ доклада земскаго агронома „Объ особенностяхъ аграрнаго вопроса въ N-ской губерніи“. Былъ уже девятый часъ, но, несмотря на приглашеніе пожаловать въ $7^1/_2$ часовъ вечера, засѣданіе еще не начиналось. Ждали прибытія графа Сергѣя Николаевича Юрасова, одного изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ уѣздѣ, недавно избраннаго единогласно въ число почетныхъ членовъ общества.

Въ большомъ, ярко освѣщенномъ залѣ чувствовалось то особенно приподнятое настроеніе, какое всегда бываетъ при многолюдныхъ встрѣчахъ русскихъ хозяевъ, когда каждый можетъ вдоволь наболтаться, разругать своихъ сосѣдей и похвастать порядками, заведенными въ собственной экономіи.

У большого кожанаго кресла, разведя локти и упершись вывернутыми ладонями въ поясницу, стоялъ короткій толстенькій предсѣдатель общества съ выбритыми усами и подбородкомъ, очень похожій на англійскаго дипломата. Щуря близорукіе глаза и шевеля губами, онъ благодушно слушалъ долговязаго директора сельскохозяйственнаго училища, спеціалиста по метеорологіи, критиковавшаго способы предсказанія погоды, придуманные Демчинскимъ. Лицо у директора было худое, желчное; говорилъ онъ злобно и рѣзко, недружелюбно оглядывая постороннихъ слушателей. Стоявшій тутъ же уполномоченный министра земледѣлія, человѣкъ хитрый и подозрительный, насмѣшливо переглядывался съ предсѣдателемъ, такъ какъ считалъ директора несвѣдущимъ болтуномъ и нахаломъ. Самъ онъ былъ извѣ-

стенъ въ городѣ, какъ большой знатокъ музыки, а въ должности своей, по общимъ отзывамъ хозяевъ, былъ совершенный бездѣльникъ.

Недалеко отъ нихъ, тяжело сопя и съ брезгливой гримасой прихлебывая горячій чай, сидѣлъ баронъ Зигель, предсѣдатель земской управы, разслабленный, слюнявый старичокъ съ куцыми сѣдыми бровями. Баронъ съ жаднымъ любопытствомъ слушалъ неприличные анекдоты, которые очень выразительно разсказывалъ Милярскій, начальникъ лѣсоохранительнаго комитета, высокій, блѣдный человѣкъ, изъ поляковъ, въ молодости принявшій православіе и давно уже состоявшій на государственной службѣ.

Не успѣвшіе еще разъѣхаться послѣ губернскихъ выборовъ мелкопомѣстные хозяева, любители собакъ, охоты и всякой игры на интересъ, люди безпечные и добродушные, но черезчуръ развязные, занимали всю сторону стола противъ предсѣдательскаго кресла. Всѣ они были превосходно настроены, шутили, смѣялись, усердно пили чай, разносившійся благообразнымъ служителемъ въ пиджакѣ и крахмальной сорочкѣ съ бѣлымъ галстухомъ. Каждый старался перещеголять другихъ непринужденностью манеръ и остроуміемъ; всѣ говорили черезчуръ громко, не столько для удобства собесѣдника, сколько затѣмъ, чтобы ихъ слышали сидѣвшіе напротивъ настоящіе помѣщики, пухлые, выхоленные господа съ надутыми, недовольными лицами.

— Вся бѣда, изволите видѣть, отчего?—говорилъ одинъ изъ мелкопомѣстныхъ, скашивая глаза и фамильярно подмигивая богачу Ширяеву, извѣстному коннозаводчику и знатоку бѣгового спорта.—Оттого, что у насъ нѣтъ путей сообщенія! Дайте намъ пути сообщенія, и все пойдетъ, какъ по маслу...

— Какъ разъ! Помогутъ вамъ пути сообщенія, если сами вы безпутный человѣкъ...

— Природа, батенька!.. Русскій человѣкъ—ничего не подѣлаешь... Широкая, какъ говорится, натура...

— Было-бы что вывозить, и безъ путей обойдемся!—съ безпричинной веселостью заявилъ какой-то усачъ въ венгерской курткѣ, оглядывая собраніе внезапно просвѣтленнымъ взглядомъ.

— Позвольте... Это все не то... Посредники все дѣло портятъ. Кто у насъ, позвольте спросить, цѣну сбиваетъ?..

— Вѣрно!.. Ты мнѣ настоящаго потребителя дай. Я его, можетъ, никогда въ глаза не видалъ... живого...

— Вотъ возьмите, напримѣръ, всѣ эти аграрные такъ называемые бунты...

— У меня, знаете, такой характеръ: я строгъ, дѣйстви-

тельно, но я справедливъ! Мнѣ, душа моя, всѣхъ этихъ казаковъ не нужно... Я самъ тебѣ такой аграрный бунтъ устрою, что всѣ бунтари попрячутся...

— А я вамъ говорю, что главное—это граница. Намъ безъ границы невозможно существовать... Помилуйте! Дайте намъ границу, и тогда никакой Америки бояться нечего...

Нѣсколько подгородныхъ хозяевъ-мѣщанъ, занимающихся въ N-скѣ выгоднымъ промышленнымъ садоводствомъ, степенно расхаживали по залу, стараясь не стучать тяжелыми сапогами, и шопотомъ переговаривались другъ съ другомъ. На каждомъ поворотѣ они останавливались и молча разсматривали висѣвшіе на стѣнахъ старые портреты покойныхъ учредителей общества, людей, повидимому, сановитыхъ, съ надменными, восковыми лицами.

Укрѣпленные надъ дверью восьмигранные канцелярскіе часы пробили девять. Предсѣдатель лѣниво свѣрилъ ихъ со своими и вдругъ заторопился. Онъ извинился передъ директоромъ и, добродушно смѣясь, какъ будто кто-то пощекоталъ его подъ мышками, медленно опустился въ кресло. Слѣва отъ него точно выросла никѣмъ не замѣчавшаяся раньше длинная зализанная фигура секретаря, съ блѣднымъ измятымъ лицомъ и подстриженными щетинистыми усами.

Предсѣдатель позвонилъ и пригласилъ всѣхъ занять мѣста. Онъ началъ шептаться съ секретаремъ и съ озабоченнымъ видомъ разсматривать лежавшія передъ нимъ бумаги. Потомъ, точно желая посовѣтоваться о чемъ-то очень важномъ, наклонился вправо къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ Ширяеву.

— Ваши недавно опять бѣжали?—спросилъ онъ шопотомъ.

— Не спрашивайте. „Кретморъ“ проскакалъ на императорскомъ...

— Что вы говорите?..

— Сначала пошелъ хорошо. Послѣ трехъ фальстартовъ сразу взялъ переда и сдѣлалъ первый конецъ безъ двѣнадцати. На верстѣ далъ сбой, но былъ голова въ голову съ графской „Фатиницей“... И вотъ проскакалъ на прямой... Испугался зонтиковъ, которыми дамы начали махать съ трибуны... Безобразіе, чортъ бы ихъ побралъ!.. Вообще не повезло...

— Ну, однако жъ, на другихъ брали призы?

— Какое! „Винтерсетъ“ съ перваго дня былъ снятъ съ круга. Каналья-наѣздникъ былъ пьянъ и сплечилъ лучшую лошадь...

— „Винтерсетъ“ сплеченъ?

— До сихъ поръ стоитъ на глинѣ. „Атласная" выручала все время на классовыхъ призахъ...

— Чудная кобылица... Отъ души жаль „Винтерсета..." Ужасно жаль... Такая лошадь... Н-но... простите...

Предсѣдатель позвонилъ еще разъ и поднялся съ кресла. Выпрямившись и поднявъ голову, онъ медленно обвелъ глазами присутствующихъ, терпѣливо ожидая, пока всѣ займутъ мѣста и прекратятъ разговоры.

— Милостивые государи!..—началъ онъ, когда въ залѣ, наконецъ, наступила тишина.—Графъ обманулъ насъ и, повидимому, не пріѣдетъ. Мы ждали часъ, ждали полтора часа... Конечно, очень жаль... э... э... мы крайне сожалѣемъ... Тѣмъ не менѣе, какъ говорится, семеро одного не ждутъ и такъ далѣе... Мм... поэтому я полагаю... я полагалъ бы, что мы можемъ открыть засѣданіе... Сначала намъ прочтутъ протоколъ предыдущаго засѣданія, послѣ котораго еще предстоитъ заслушать отчетъ ревизіонной комиссіи. Затѣмъ, послѣ отчета... э... э... господинъ Рахмановъ сдѣлаетъ сообщеніе на тему... э... э... какъ?.. по вопросу...

— Объ особенностяхъ аграрнаго вопроса въ N-ской губерніи,—подсказалъ секретарь.

— Да, да... въ N-ской губерніи... Господинъ Рахмановъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ намъ подѣлиться плодами своихъ трудовъ и наблюденій... своихъ, такъ сказать, изысканій и такъ далѣе... э... э... гдѣ же господинъ Рахмановъ? Господинъ Рахмановъ, прошу васъ сюда, поближе къ намъ... Что?.. Нѣтъ?.. Но гдѣ же онъ въ такомъ случаѣ?

— Подать сюда господина Рахманова...—небрежно протянулъ баронъ Зигель и забарабанилъ по столу пальцами.

— Онъ въ канцеляріи...—заявилъ секретарь,—просматриваетъ докладъ... въ послѣдній разъ передъ чтеніемъ...

— Ага, ну, вотъ и прекрасно...

— Передъ смертью не надышишься!..—сказалъ кто-то изъ мелкопомѣстныхъ и сразу насмѣшилъ все собраніе.

Предсѣдатель сдѣлалъ строгое лицо, потомъ переглянулся съ Ширяевымъ, и оба снисходительно улыбнулись.

— Ну-съ, такъ мы приступимъ пока къ чтенію протокола... Прошу васъ... — сказалъ онъ секретарю и, снова обведя взглядомъ собраніе, медленно опустился въ кресло.

Секретарь всталъ, сипло откашлялся и замогильнымъ голосомъ началъ читать протоколъ.

II.

Антонъ Федоровичъ Рахмановъ уже пятый годъ служилъ въ N-скомъ земствѣ. По окончаніи курса въ Ново-Александрійскомъ институтѣ онъ побывалъ за границей, работалъ въ Клостернейбургѣ и въ Тироли, проѣхалъ по Рейну, осмотрѣлъ много образцовыхъ хозяйствъ и, возвратившись въ Россію, сталъ искать земской службы въ южныхъ губерніяхъ. Искать пришлось недолго. Заболѣвшій товарищъ уступилъ ему свое мѣсто въ N-скѣ. Антонъ Федоровичъ ѣхалъ туда съ большимъ запасомъ всевозможныхъ плановъ, мечталъ объ устройствѣ опытныхъ полей и виноградниковъ, собирался организовать земскіе склады сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій для раздачи крестьянамъ на льготныхъ условіяхъ. Предстоящая работа казалась ему очень интересной и увлекательной. Онъ ясно представлялъ себѣ, какъ, благодаря его дѣятельности, быстро преобразится край, повысится благосостояніе населенія, откроются больницы, школы, измѣнятся обычаи и нравы.

— Нужно только любить дѣло,—говорилъ онъ,—не отставать, слѣдить за наукой. Не будемъ увлекаться высокими теоріями, а лучше сдѣлаемъ хорошо свое маленькое дѣло. Мы приготовимъ пашню, тогда пусть придутъ другіе и засѣютъ поле...

Въ N-скѣ Рахманову все очень понравилось. Предсѣдатель управы произвелъ впечатлѣніе ласковаго старика, немного капризнаго, но, въ сущности, довольно добродушнаго. Правда, Антона Федоровича покоробило немного, когда баронъ, увидѣвъ его въ первый разъ, развелъ руками и сказалъ, нимало не стѣсняясь:

— Ну, вотъ пріѣхали... А что же вы у насъ будете дѣлать?.. Вы, я вижу, маленькаго роста, такъ вотъ карликовые сады—это какъ разъ по вашей части... Хэ, хэ, хэ!.. Впрочемъ, и то хорошо. Другіе у насъ все больше бобы разводили...

Антонъ Федоровичъ не нашелся тогда, что сказать на такое привѣтствіе и только потомъ ему пришелъ въ голову довольно удачный отвѣтъ. Слѣдовало сразу срѣзать барона, можно было просто отвѣтить пословицей: „Велика Федора, да дура“...

Непріятны были также нѣкоторые пріемы предсѣдателя, примѣнявшіеся, впрочемъ, ко всѣмъ служащимъ управы. Когда ему нужно было пригласить агронома въ свой кабинетъ, онъ звонилъ и, не оборачиваясь, говорилъ входившему служителю:

— Подать сюда господина Рахманова.

Иногда баронъ ни съ того, ни съ сего вмѣшивался въ работу Антона Федоровича, выражалъ неудовольствіе и посылалъ его совершенно безъ всякой надобности къ какому-нибудь помѣщику какъ разъ въ такое время, когда Рахмановъ собирался объѣхать сосѣдній уѣздъ.

— Пожалуйста, прошу васъ всѣ эти ваши изслѣдованія оставить... Поймите, что намъ это не нужно... статистическія карточки и всякія тонкости... и... діаграммы... Вотъ пишетъ графъ, что у него жукъ появился... Понимаете: жукъ!.. Хлѣбный жукъ!..

— Да вѣдь во всемъ уѣздѣ то же самое... Это кузька, Anisoplia Austriaca...

— Ну, ужъ я тамъ не знаю... Австріяка—такъ австріяка, но только чтобы у меня этой австріяки больше не было. Вѣдь это же ваше дѣло... Кому же еще этимъ заниматься?..

Рахмановъ возражалъ, спорилъ, но баронъ не слушалъ его, звонилъ и говорилъ служителю:

— Подать сюда дѣлопроизводителя.

За послѣднее время отношенія между ними обострились еще болѣе. Происходили частыя пререканія по поводу несовпаденія ихъ политическихъ взглядовъ. Рахмановъ уже не удовлетворялся маленькими дѣлами и вдругъ обнаружилъ склонность къ высокимъ теоріямъ.

— Помилуйте, — говорилъ онъ, — теперь не то время... Крестьянскіе банки,—все это только для отвода глазъ... Нужно дополнительное надѣленіе землей, а въ будущемъ даже національзація... Что жъ?.. Я понимаю соціалистовъ...

Баронъ считалъ планы Рахманова неосуществимыми, бывалъ очень грубъ въ спорахъ и позволялъ себѣ оскорбительныя насмѣшки:

— Все это, батенька, утопія...—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ.—Ну, хорошо... ну, тамъ земскіе начальники... Я понимаю... Я самъ либералъ... народное образованіе... и... и санитарный надзоръ... Но вы у насъ просто якобинецъ какой-то!.. Просто бѣда! Флибустьеръ да и только!.. Занимайтесь, батенька, лучше вашимъ дѣломъ. Ей-Богу, это лучше будетъ...

Однако, несмотря на всѣ непріятности, Рахмановъ считалъ, что работать здѣсь все-таки можно. За четыре года своей службы онъ собралъ очень обширный матеріалъ, относящійся къ выясненію особенностей мѣстнаго крестьянскаго хозяйства. Матеріалъ былъ обработанъ для сообщенія земскому собранію, но предварительно Рахмановъ рѣшилъ сдѣлать докладъ въ обществѣ сельскаго хозяйства.

Съ тѣхъ поръ, какъ были разосланы повѣстки и назначенъ день общаго собранія членовъ, Антонъ Федоровичъ

совершенно потерялъ спокойствіе духа и очень волновался. Ему казалось, что докладъ черезчуръ длиненъ и сухо изложенъ, что всѣ заснутъ прежде, чѣмъ онъ дочитаетъ его до конца; тревожило также и то, что въ собраніи могутъ найтись знатоки, которые вдребезги разобьютъ его выводы во время преній. Иногда эта тревога проходила и смѣнялась увѣренностью въ успѣхѣ. Тогда онъ видѣлъ себя въ ярко освѣщенномъ залѣ, окруженнымъ внимательными слушателями, пораженными неожиданно интереснымъ докладомъ... Даже баронъ и тотъ былъ въ восторгѣ и говорилъ ему по окончаніи чтенія:

— Ну, прошу прощенія, Антонъ Федоровичъ... Я васъ не понималъ. Только теперь вижу, чего вы добивались... Наше земство должно поздравить себя съ такимъ работникомъ, какъ вы...

Рахмановъ тщательно переписалъ докладъ на четвертушкахъ плотной глянцевитой бумаги. Передъ уходомъ на засѣданіе онъ переодѣлся въ черную сюртучную пару и долго смотрѣлъ на себя въ зеркало. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень небольшого роста, и въ этомъ было что-то не только маленькое, но и унизительное. Лицо тоже было недостаточно представительное — худое, скуластое, съ широкимъ носомъ и жидкой козлиной бороденкой, съ непослушными торчавшими вихрами волосъ на головѣ.

III.

Антонъ Федоровичъ вошелъ въ залъ какъ разъ въ то время, когда Милярскій кончалъ чтеніе отчета ревизіонной комиссіи. Появленіе его послужило поводомъ къ нѣкоторому оживленію среди совсѣмъ было заскучавшихъ слушателей. Даже Милярскій, не прерывая чтенія, обернулся въ сторону Рахманова и сразу повысилъ тонъ.

— Это что же за фруктъ такой?—шопотомъ спросилъ одинъ изъ мелкопомѣстныхъ своего сосѣда.

Тотъ сдѣлалъ небрежную гримасу.

— Не знаю... Шишка, должно быть, небольшая... Въ прошедшемъ году билъ я одного такого самаго въ Грандъ-Отелѣ...

Оба собесѣдника прыснули такъ громко, что предсѣдатель счелъ нужнымъ протянуть руку къ звонку. Полусонный баронъ поднялъ голову и, глупо раскрывъ ротъ, растерянно замигалъ глазами Увидѣвъ Рахманова, онъ пальцемъ поманилъ его къ себѣ. Антонъ Федоровичъ на цыпочкахъ обошелъ Ширяева и, захвативъ у стѣны стоявшій стулъ, подсѣлъ къ барону

— Что у васъ тамъ въ докладѣ?.. Много?..—спросилъ тотъ срывающимся хриплымъ шопотомъ и, повернувшись бокомъ къ столу, уставился въ Рахманова выцвѣтшими, неподвижными глазами.

Антонъ Федоровичъ смутился и покраснѣлъ.

— Мм... ээ... долго вы эту музыку разводить будете?..

— Здѣсь чтенія часа на полтора...

— Ну это вы, батенька, оставьте... Сократите... непремѣнно... того... ээ... сократите...

— Невозможно, баронъ...

— Ну, нечего, нечего тамъ... Невозможно!.. А не то я уйду... Полтора часа!.. Чортъ знаетъ что такое!..

Рахмановъ отошелъ обиженный и возмущенный. Баронъ былъ ему теперь глубоко противенъ, хотѣлось избить его, ударить тяжелымъ подсвѣчникомъ по большой отполированной лысинѣ, услышать трескъ отъ пролома этого отвратительнаго черепа.... Онъ сѣлъ на одинъ изъ кожаныхъ диванов, разставленныхъ вдоль стѣнъ, и оттуда смотрѣлъ на всѣхъ съ плохо скрываемымъ огорченіемъ... Антонъ Федоровичъ уже предчувствовалъ, что докладъ провалится и никого не заинтересуетъ... Не стоило и огородъ городить... Лучше бы сказать прямо, что читать не буду... Однако, это неудобно сдѣлать.... всѣ подумаютъ, что онъ боится... Рахманову было очень тяжело, сосало подъ ложечкой, хотѣлось скорѣе кончить все и уйти отсюда...

Когда Милярскій окончилъ чтеніе, предсѣдатель предложилъ желающимъ высказаться по поводу прочитаннаго и утвердить отчетъ. Этого предложенія никто не слышалъ. Всѣ точно обрадовались наступившей передышкѣ и спѣшили подѣлиться мыслями, пришедшими имъ въ голову во время столь продолжительнаго молчанія. Залъ снова наполнился шумнымъ трескучимъ говоромъ, скрипомъ и стукомъ передвигаемыхъ стульевъ, звономъ стакановъ и ложечекъ.

— Дай-ка, братецъ, еще чаю...

— При такихъ дѣлахъ разъѣздишься... Чего я тамъ не видалъ за границей?..

— ...Были у меня, батенька, киргизы тоже... Одно время четверку держалъ... Нельзя сказать, чтобы показныя, но добрыя лошади...

— Низкорослы, знаете, но зато выносливы...

— Ну, нѣтъ, не говорите. Въ дугу очень хороши, тройкой... а въ шоры, разумѣется, не годятся.

— Господинъ секретарь,—нерѣшительно говорилъ садоводъ-мѣщанинъ, осторожно подойдя къ столу и тыкая пальцемъ въ сукно.—Тутъ поправочку маленькую надоть, въ протоколѣ-съ...

— Что-о?.. Оставьте, пожалуйста... Что вы пальцемъ тычете?.. Сукно испортите...

— Хм... Ну, все одно-съ... Извините-съ... Думалъ, какъ... чтобы, то есть, вѣрнѣе...

— А вы не думайте...

— Господа, ставлю вопросъ на баллотировку,—объявилъ предсѣдатель, не переставая звонить и стараясь перекричать слитный шумъ множества голосовъ.—Господа, тѣхъ, которые стоятъ за отчетъ, прошу встать, кто же ничего не имѣетъ противъ, тѣхъ прошу сидѣть...

Всѣ, за исключеніемъ Ширяева и барона Зигеля, встали.

— Мы тоже присоединяемся...—равнодушно протянулъ баронъ.

Предсѣдатель сдѣлалъ глазами особое движеніе, свидѣтельствовавшее о томъ, что заявленіе барона принято къ свѣдѣнію, и громко заявилъ собранію:

— Отчетъ принятъ единогласно. Объявляю перерывъ на десять минутъ...

— Позвольте, господа,—кипятился какой-то мелкопомѣстный, разводя руками.—Какъ же это единогласно?.. Я противъ утвержденія...

— Зачѣмъ же вы встали?..

— Да вѣдь сидѣть должны были тѣ, что стояли... Фу, чортъ!.. Сидѣли, стояли!.. Ничего не понимаю... Я подамъ особое мнѣніе...

IV.

Послѣ перерыва, когда всѣ снова заняли свои мѣста, предсѣдатель пригласилъ Рахманова приступить къ чтенію доклада. Антонъ Федоровичъ, блѣдный, съ мучительно напряженнымъ лицомъ, прошелъ къ стоявшей въ сторонѣ высокой конторкѣ, на которой былъ приготовленъ стаканъ съ водой и горѣли свѣчи. Развернувъ рукопись, онъ сразу почувствовалъ непреодолимую робость и, опустивъ глаза, не рѣшался взглянуть на лица своихъ слушателей. Казалось, тамъ сидѣли совершенно незнакомые, бездушные люди, отъ которыхъ нельзя было ждать никакого сочувствія. Стараясь скрыть волненіе, Рахмановъ часто закашлялъ, странно повелъ шеей, точно его душилъ тѣсный воротникъ, погладилъ усы и дрожащимъ, срывающимся голосомъ началъ чтеніе. Однако, робость его скоро прошла, голосъ сдѣлался болѣе ровнымъ и выразительнымъ. Онъ прочелъ всю вступительную часть доклада и уже началъ сыпать цифрами изъ составленныхъ имъ статистическихъ таблицъ, когда за дверью, ведущею въ вестибюль, послышались какая-то

возня, кряхтѣнье, чей-то громкій разговоръ и почтительные отвѣты швейцара. Въ залѣ началось движенье.

— Графъ!.. Графъ пріѣхалъ!..

Всѣ шумно поднялись съ мѣстъ. Рахмановъ, прерванный на полусловѣ, замолчалъ и, не отходя отъ своей конторки, съ любопытствомъ ждалъ появленія графа. Предсѣдатель, Ширяевъ и баронъ Зигель прошли къ дверямъ, чтобы встрѣтить почетнаго гостя. Въ это время дверь широко распахнулась, и въ залъ вошелъ высокій, породистый старикъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ бутоньеркой фіалокъ въ петлицѣ. Оттопыривъ немного нижнюю губу, онъ медленно обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ.

— Господа,—сказалъ онъ здоровымъ, зычнымъ голосомъ, пожимая руки предсѣдателю, Ширяеву и Зигелю.— Благодарю васъ, господа, за избраніе. Графа Юрасова всѣ знаютъ!.. Надѣюсь, никто не станетъ говорить, что козла въ огородъ пустили... Я начну съ извиненій за опозданіе. Это мое больное мѣсто... Покойный князь Сокальскій часто говорилъ: „Когда графу Юрасову назначаютъ срокъ, онъ всегда опаздываетъ...“ Таковъ мой характеръ... Однако... у васъ занятія, и я не хочу мѣшать... Познакомьте меня въ самыхъ общихъ чертахъ, въ чемъ дѣло, о чемъ идетъ рѣчь...

— Вы застаете насъ, графъ, такъ сказать, въ разгарѣ работы...—объяснилъ предсѣдатель, усаживая графа на свое мѣсто и садясь съ нимъ рядомъ.—Господинъ Рахмановъ, нашъ земскій агрономъ, дѣлаетъ намъ сообщеніе...

— Объ особенностяхъ аграрнаго вопроса въ N-ской губерніи...—подсказалъ секретарь.

Графъ, улыбаясь, посмотрѣлъ на Рахманова, потомъ снисходительно качнулъ головой въ знакъ того, что онъ тоже не прочь послушать.

— Это очень кстати...—сказалъ онъ, вдругъ оживляясь.— Тема такая интересная... Я очень радъ, что поспѣлъ къ докладу... Предупреждаю васъ, господа, что это вопросъ животрепещущій, такъ сказать, чрезвычайной важности... Поэтому я долженъ предварительно сказать вамъ два слова. Къ сожалѣнію, въ этомъ вопросѣ у насъ многіе сдѣлались просто анархистами и все рубятъ съ плеча. Они говорятъ, что народу нужна земля. Малоземелье, какая-то тамъ національзація, эмансипація и всякіе фу-ты, ну-ты... Однимъ словомъ: земля! Замѣтьте: не просто земля, а вся земля... Имъ надо всю землю!.. Ну, хорошо... Они, конечно, умники и все знаютъ... Н-но! мы вѣдь не соціалисты и будемъ рѣшать этотъ вопросъ иначе, просто и справед-

ливо, по глупому нашему разумѣнію... Неправда ли, господа, такъ будетъ лучше?..

— Совершенно вѣрно, ваше сіятельство!—съ убѣжденіемъ сказалъ одинъ изъ мѣщанъ-садоводовъ и серьезно переглянулся со своими сосѣдями.

— Наполеонъ первый...—продолжалъ графъ, выпрямляясь въ креслѣ и протягивая руку по направленію къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Рахмановъ,—Наполеонъ первый сказалъ: „Та страна богата, которая имѣетъ хорошее земледѣліе“. Какъ видите, главное тутъ не земля, а земледѣліе. Но тутъ, понимаете ли, есть маленькій секретъ. Какъ сдѣлать, чтобы земледѣліе было хорошимъ?.. Теперь я это говорю такъ, между прочимъ потому, что моя рѣчь еще впереди, и тогда я объясню вамъ, какъ рѣшается эта задача... Н-но!.. Мм... не знаю имени... прошу васъ продолжать...

— Пожалуйста, господинъ Рахмановъ, мы васъ слушаемъ...—съ преувеличенной учтивостью сказалъ предсѣдатель.

Графъ снова откинулся къ спинкѣ кресла и, наклонивъ голову немногу на-бокъ, приготовился слушать. На большой красивой головѣ его серебряные волосы были острижены по-русски въ кружокъ; пушистая сѣдая борода покоилась на богатырской покатой груди, незамѣтно переходившей въ пухлый животъ, туго обтянутый жилетомъ.

V.

Рахманова снова охватило волненіе, еще болѣе сильное, чѣмъ прежде. Ему было очень трудно читать, странно онѣмѣли челюсти, ежеминутно хотѣлось сплюнуть, но онъ глоталъ слюну, то и дѣло прерывая чтеніе продолжительными передышками. Теперь всѣ смотрѣли на него въ упоръ, лишь изрѣдка переводя взглядъ на графа Юрасова для того, чтобы угадать отношеніе почетнаго гостя къ докладу. Сначала Юрасовъ слушалъ внимательно, съ озабоченнымъ видомъ, наморщивъ лобъ и скосивъ глаза куда-то подъ столъ. Потомъ ему, повидимому, сдѣлалось скучно. Онъ началъ нетерпѣливо ворочать головой и нѣсколько разъ съ удивленіемъ взглядывалъ на докладчика.

Рахмановъ невольно замѣчалъ всѣ движенія графа и страшно торопился. Навалившись руками и грудью на покатую доску конторки, Антонъ Федоровичъ напоминалъ теперь задыхающагося пловца, тщетно старающагося пристать къ берегу. У него ныло подъ ложечкой, дрожали пальцы; онъ началъ странно сюсюкать и говорить въ носъ.

— При существующихъ условіяхъ,—читалъ онъ,—по-

левое хозяйство едва удовлетворяетъ продовольственныя нужды населенія...

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ Юрасовъ предсѣдателя шопотомъ,—что онъ у васъ?.. немного, кажется, косноязычный?..

Тотъ сдержанно засмѣялся и наклонился къ графу.

— Черезчуръ волнуется...—отвѣтилъ онъ вполголоса и насмѣшливо взглянулъ на докладчика черезъ плечо своего сосѣда.

Рахмановъ слышалъ вопросъ графа и отвѣтъ предсѣдателя. На одно мгновеніе всѣ буквы доклада запрыгали передъ нимъ и вдругъ сдѣлались красными; онъ чувствовалъ, какъ кровь сразу прилила къ его лицу, запылали щеки. Вялый, мокнущій голосъ его сразу сдѣлался пронзительно-рѣзкимъ, болѣзненно взвизгивающимъ и непріятнымъ.

— Мелкое виноградное хозяйство и винодѣліе являются единственнымъ источникомъ платежныхъ средствъ нашего крестьянства... При арендной цѣнѣ, доходящей до двадцати рублей за десятину...

При этихъ словахъ Юрасовъ быстро повернулся въ креслѣ и вопросительно посмотрѣлъ на предсѣдателя. Тотъ неопредѣленно пожалъ плечами, не понимая, въ чемъ дѣло, но, чувствуя, что графъ недоволенъ докладомъ. Тотчасъ же среди остальныхъ слушателей, замѣтившихъ неудовольствіе Юрасова, пронесся сдержанный ропотъ и началось движеніе. Милярскій подобострастно взглянулъ на графа и громко сказалъ:

— Все это одна теорія!..

Насмѣшливо улыбаясь, графъ обернулся къ докладчику и, протянувъ къ нему руку, сдѣлалъ въ воздухѣ какое-то непонятное движеніе пальцами.

— Виноватъ, позвольте...—сказалъ онъ.—Я никакъ не могу съ вами согласиться... Малоземелье, малоземелье!.. Этимъ словомъ намъ уже прожужжали уши... Господа, нельзя упускать изъ виду, что крестьяне зарабатываютъ большія деньги въ нашихъ экономіяхъ. Я плачу тридцать пять копеекъ въ день поденнымъ, дѣвкамъ четвертакъ... Казалось бы, есть, изъ чего платить подати. Я знаю, вы скажете, что мужикъ хочетъ пьянствовать... А-а, это другое дѣло. Но кто же виноватъ въ этомъ?..

Едва замѣтная, не то презрительная, не то горестная усмѣшка появилась на губахъ Рахманова, но въ глазахъ гое все еще оставалось выраженіе прежней растерянности. Онъ нерѣшительно возразилъ Юрасову:

— Я стараюсь доказать въ моемъ докладѣ, что дѣло

не въ улучшенiи культуры, когда хозяйство ведется на четверти десятины...

Графъ грубо оборвалъ его:

— Ну, да... Это не важно... Культуры и... четверть десятины... Господа! Вотъ здѣсь говорятъ: народъ, народъ!.. Но что такое народъ? Мы съ вами, господа, тоже, надѣюсь, народъ. Затѣмъ: „земля—божья"... Вздоръ! Все это выдумали евреи и армяне... и греки для своихъ гешефтовъ. Нашъ русскiй народъ никогда не создавалъ себѣ подобную идею... Поймите, что хозяйство нужно сдѣлать образцовымъ—это единственный выходъ... Но какъ этого добиться? Вотъ вы говорите, что у насъ есть винодѣлiе и такъ далѣе... Но тутъ весь вопросъ въ удачномъ выборѣ сортимента...

Рѣчь графа Юрасова производила на всѣхъ очень сильное впечатлѣнiе, потому что онъ разрѣшилъ, наконецъ, всѣ сомнѣнiя и опасенiя хозяевъ. Онъ стоялъ у стола и, плавно жестикулируя кистью правой руки, то задавалъ собранiю какiе-то вопросы, то самъ же отвѣчалъ на нихъ зычнымъ голосомъ, точно командуя военнымъ строемъ.

— Господа,—кричалъ онъ, все болѣе и болѣе увлекаясь,—крестьяне бѣдны, не отрицаю! Но пусть они сажаютъ Пти-Вердо, Каберне-Совиньонъ, Пино-Жардоннэ, и тогда вы увидите, что они станутъ богаты... Если вы хотите разводить Арамонъ и разные Буше, разводите. Вѣрю, что вы получите шестьсотъ, даже тысячу ведеръ съ десятины, но это будетъ вода, а не вино. Найдутся, конечно, охотники и на воду, но я такой дряни пить не стану. Не гонитесь, господа, за большими урожаями—вы неизбѣжно получите скверное вино. Вотъ вамъ примѣръ: возьмите нашъ коньякъ,—это дрянь! Я не могу пить русскiй коньякъ. Почему? Потому что его дѣлаютъ чортъ знаетъ, изъ какихъ сортовъ. Но сажайте Фоль-Бланшъ, и тогда вы увидите, какой получится коньякъ. Пальчики будете облизывать!.. Затѣмъ еще вотъ что: говорятъ, что у насъ нельзя достигнуть высокаго качества вина. Неправда! Мои вина сервировались къ высочайшему столу... Но я не стану хвастать... Вотъ вамъ другой примѣръ: на-дняхъ я былъ приглашенъ къ графу Марабути на освященiе новаго погреба. Я осмотрѣлъ все. Не спорю: и тамъ есть гадость, но зато у нихъ есть превосходные образцы. Я пилъ у нихъ Каберне девяноста шестого года. Прелесть! Полное, мягкое вино... Ну, совершенный бархатъ. Чудный рубинъ и тонкiй благородный букетъ! Я давалъ по пятьдесятъ рублей за бутылку, но они не продаютъ этого вина ни за какiя деньги... Вотъ!.. Это я понимаю... Господа, намъ нехватаетъ одного—па-

тріотизма. Мы все еще боимся конкурренціи французовъ, но я знаю, что такое теперешняя Франція...

Юрасовъ началъ подробно объяснять собранію, что такое Франція, и уже не обращалъ на Рахманова никакого вниманія. Антонъ Федоровичъ сначала даже обрадовался неожиданной передышкѣ, хотя и былъ нѣсколько обиженъ вмѣшательствомъ графа, такъ безцеремонно прервавшаго чтеніе. Теперь можно было отдохнуть, прійти въ себя, собраться съ мыслями. Первоначальная робость его сразу прошла. Онъ вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ и сталъ слушать Юрасова. Тотъ говорилъ, не умолкая ни на одну минуту, и апломбомъ своимъ даже насмѣшилъ Рахманова.

— Это не опасный противникъ...—подумалъ онъ, проникаясь увѣренностью въ справедливости своихъ заключеній, сдѣланныхъ въ концѣ доклада.

— Господа,—кричалъ между тѣмъ графъ,—не бойтесь Франціи! Все это величіе—въ прошломъ. Сорокъ лѣтъ назадъ всѣ пили Романею. Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, я пилъ Романею. Но тогда это было прекрасное вино... Romanée!.. Бургундія!.. Этого было достаточно!.. Теперь совсѣмъ другое дѣло. Дайте мнѣ полцарства, я такого вина въ ротъ не возьму. Вы спросите: почему? А очень просто: они подсахариваютъ сусло, и, такимъ образомъ, вмѣсто винограда получается какая-то дрянь, свекла!.. Нюи, Шамбертенъ, Помаръ—все это въ такомъ же родѣ... Господа! Къ устрицамъ мы попрежнему требуемъ Шабли. Не спорю,—прекрасное, легкое вино, но еще вопросъ, останется ли оно такимъ и въ будущемъ... Да, господа, Франція уже не та!.. Есть у нихъ всякія демократическія идеи, дѣло Дрейфуса, у нихъ есть и республика, но хорошаго вина что-то остается мало... Между тѣмъ это ведетъ къ уничтоженію богатства страны... Но это не касается, впрочемъ, всей Франціи. Есть исключенія. Напримѣръ—Жиронда. Жиронда—это совсѣмъ другое дѣло. Тамъ, слава Богу, уже нѣтъ жирондистовъ, но зато есть превосходный Медокъ. Да-а... это вамъ не Романея!.. Нѣтъ!.. Бургундскія вина, вообще, стали плохи. Выпиваешь полбутылки, и чувствуешь, что мало; выпиваешь бутылку—пьянъ... И послѣ этого какое-то странное нездоровье... Кто изъ васъ, господа, не испыталъ этого ощущенія тяжелой желѣзной маски, наложенной на мозгъ... Жметъ, давитъ... Чортъ знаетъ что такое!.. Это не вино, а какая-то инквизиція... Другое дѣло, Шато-Лафитъ. Вы выпиваете за обѣдомъ двѣ бутылки и чувствуете себя превосходно... Теперь дальше: Мутонъ-Ротшильдъ?.. Прекрасная марка!.. Почему? Потому что тамъ не ищутъ большихъ урожаевъ... Съ другой стороны,

возьмите, господа, южную Францію: всѣ эти Salins du Midi и такъ далѣе... все это производитъ массу вина, но какого?.. Vin démocratique!.. Они предпочитаютъ гадость... Что вы хотите?.. Они демократы!..

Онъ еще долго ругалъ Францію, указывая на упадокъ винодѣлія въ Шарантѣ и въ Лангедокѣ. На лицахъ слушателей было замѣтно утомленіе. Баронъ Зигель громко зѣвалъ, считая, однако, нужнымъ при этомъ кивать графу головой въ знакъ того, что вполнѣ раздѣляетъ его мнѣніе. Многіе украдкой посматривали на часы.

Рахмановъ, мрачный и угнетенный, понималъ уже, что его докладъ останется недоконченнымъ, и что послѣ рѣчи Юрасова предсѣдатель закроетъ засѣданіе. Чувство обиды смѣшивалось въ немъ съ тягучей тоской разочарованія. Онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на здоровую барскую фигуру Юрасова, слышалъ его голосъ, гремѣвшій въ залѣ съ прежней силой, и не понималъ ни слова изъ его рѣчи. И вся сдѣланная за пять лѣтъ работа казалась теперь Антону Федоровичу скучной, ненужной и глупой. Онъ медленно собралъ листки своего доклада и, отойдя отъ конторки, присѣлъ въ сторонѣ на диванѣ.

— Господа,—попрежнему грохоталъ Юрасовъ,—я вижу, что немного уже надоѣлъ вамъ. Но вѣдь меня всѣ знаютъ: когда графъ Юрасовъ говоритъ о винодѣліи, онъ можетъ говорить двадцать четыре часа безъ передышки. Что дѣлать? Таковъ, господа, мой характеръ. Когда я говорю, я увлекаюсь, но зато я умѣю убѣдить противника. Вотъ вамъ примѣръ: я былъ въ Парижѣ во время выборовъ. Выставлялась кандидатура моего пріятеля, маркиза Перье де ла Бати... Убѣжденный монархистъ... и... вообще очень хорошій человѣкъ... Мнѣ захотѣлось помочь... Я принялъ участіе въ предвыборной агитаціи. Я пріѣхалъ на собраніе и два часа кряду говорилъ рѣчь избирателямъ... Они были въ восторгѣ. Все время апплодировали... На слѣдующій день были выборы. Маркиза провалили съ трескомъ. Громаднымъ большинствомъ голосовъ они избрали меня въ палату депутатовъ... Недоразумѣніе, разумѣется, скоро выяснилось, и выборы были кассированы... Но!.. я это разсказываю вамъ для того, чтобы вы знали, что такое Франція...

При послѣднихъ словахъ графа въ залѣ раздались апплодисменты, одобрительный смѣхъ и говоръ.

— Ловко! Здорово, ваше сіятельство, французовъ въ дуракахъ оставили!—съ восторгомъ заоралъ какой-то мелкопомѣстный.

Графъ строго посмотрѣлъ на него, потомъ снова обратился къ собранію:

— Господа, позвольте... Я сейчасъ кончаю... Еще два слова!.. Я немного уклонился въ сторону... Какое же можно сдѣлать заключеніе изъ всего, что я здѣсь сказалъ? А вотъ какое: наши крестьяне вмѣсто вина производятъ какую-то дрянь. Вмѣсто бордо выходитъ бурда. Почему? Они бьютъ на урожай. Теперь они дѣлаютъ въ нашей губерніи десять милліоновъ ведеръ вина. Говорятъ—малоземелье... Ну, хорошо. Мы имъ дадимъ землю. Что же изъ этого выйдетъ? Выйдетъ, господа, не десять, а сто милліоновъ ведеръ дряни. Какъ видите, будетъ отъ этого только хуже, и, значитъ, не въ землѣ дѣло. Я знаю ихъ хозяйства. Видѣлъ ихъ виноградники. Все это никуда не годится. Эти виноградники нужно сжечь или вырубить и начать все сначала. Тутъ я самъ, господа, становлюсь анархистомъ. Жандармовъ здѣсь нѣтъ, и я готовъ сознаться въ этомъ. Да! Крестьянскіе виноградники нужно уничтожить, какъ это ни грустно... уничтожить совершенно!.. то-есть au ras du sol, какъ говорятъ французы. На ихъ мѣстѣ слѣдуетъ развести хорошіе сорта, и вы увидите, что тогда крестьяне заживутъ прекрасно... Вотъ это, въ краткихъ чертахъ, моя программа... мой, такъ сказать, законопроектъ... Теперь вѣдь все законопроекты!.. Такъ вотъ... Уже первый часъ, господа... многіе, вѣроятно, хотятъ бай-бай... но, прежде чѣмъ нашъ предсѣдатель закроетъ засѣданіе, я долженъ вамъ сказать, что я провелъ съ удовольствіемъ этотъ вечеръ въ вашемъ обществѣ... съ удовольствіемъ и, надѣюсь, съ пользою.. Благодарю, господа!..

Юрасовъ поклонился и, съ шумомъ отодвинувъ стоявшее позади кресло, быстро прошелъ къ выходу. Сѣменя ножками, за нимъ устремился предсѣдатель общества. Милярскій тоже пошелъ провожать почетнаго гостя. Мелкопомѣстные шумной гурьбой потянулись за ними и, столпившись у порога, смотрѣли, какъ графъ одѣвалъ пальто въ вестибюлѣ.

VI.

Послѣ отъѣзда графа предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ. Всѣ шумно вышли въ вестибюль, смѣясь, споря, обмѣниваясь впечатлѣніями.

— Помилуйте,—взволнованно говорилъ Милярскій, тщательно заправляя сѣрое полосатое кашнэ подъ воротникъ форменнаго пальто,—графъ Юрасовъ, это... это Гамбетта!.. Блестящій ораторъ... Я никогда не ожидалъ...

— Все время какъ-то чувствуешь, что находишься въ средѣ вліятельнаго, умнаго человѣка...—многозначительно

объяснялъ директоръ сельскохозяйственнаго училища, обращаясь къ группѣ мелкопомѣстныхъ хозяевъ, очень оживленныхъ и жизнерадостныхъ.

— Да-а!.. вотъ это я понимаю...

— Посадилъ агронома въ калошу!.. Ха, ха, ха!..

— Ха, ха, ха!.. Вотъ тебѣ и аграрный вопросъ!..

— Антонъ Федоровичъ, Антонъ Федоровичъ!..—громко звалъ секретарь, выбѣгая въ переднюю.—Господа, не видали Рахманова?..

— Ну?.. Чего вамъ?..—мрачно отозвался Рахмановъ, показываясь изъ-за вѣшалки.

— Подождите меня минутку... Я сейчасъ... Что такое?.. Ха, ха, ха!.. Плюньте вы на эту исторію... Ну, стоитъ ли обращать вниманіе?.. Пойдемте ужинать...

— Онъ думаетъ, что онъ графъ, такъ ему все позволяется...

— Ну, вотъ!.. Говорятъ вамъ, плюньте—и баста... Пойдемъ въ Пале-Рояль... а?.. Такъ какъ же?.. Подождете?..

— Ну, ладно... подожду...—покорно отвѣтилъ Рахмановъ послѣ непродолжительнаго колебанія.

Роль деревни и города въ политической жизни.

Научное изученіе эволюціи и организаціи политическихъ партій представляетъ еще очень мало разработанную отрасль обществовѣдѣнія. Въ безконечныхъ трактатахъ объ общей и прикладной соціологіи вы рѣдко встрѣтите сколько-нибудь обстоятельное изслѣдованіе политическихъ партій и еще рѣже встрѣтите широкое использованіе данныхъ избирательной статистики, какъ матеріала для соціалистическихъ обобщеній. А между тѣмъ какой богатѣйшій и почти непочатый соціологіей матеріалъ представляютъ эти данныя избирательной статистики! Какими дѣтскими или старческими забавами являются по сравненію съ соціологіей всеобщаго голосованія туманныя картины, устраиваемыя соціологами съ помощью волшебнаго фонаря—„народнаго духа".

Нѣсколько милліоновъ человѣкъ, нѣсколько милліоновъ взрослыхъ и сознательныхъ гражданъ въ день всеобщаго голосованія опускаютъ въ избирательныя урны записки, по которымъ опытный и проницательный соціологъ по кускамъ и частямъ можетъ кропотливо возсоздать общую картину политическаго міровозрѣнія даннаго народа. Слѣдя внимательно на продолженіи долгихъ лѣтъ, на примѣрѣ многочисленныхъ всеобщихъ голосованій за движеніемъ избирательной статистики, изслѣдуя внимательно вопросъ, почему голоса избирателей то бурно приливаютъ къ избирательнымъ урнамъ, а то испуганно отъ нихъ отливаютъ, движутся зигзагами, отклоняясь то влѣво, то вправо, но всегда при этомъ вырисовывая извѣстную „кривую", соціологъ можетъ установить на этомъ основаніи гораздо болѣе надежные и точные соціальные законы, чѣмъ на основаніи темныхъ разсужденій объ особенностяхъ народнаго „духа" и народной „души".

Дальнѣйшая детализація данныхъ избирательной статистики раскрываетъ еще болѣе богатый источникъ плодотворныхъ соціологическихъ обобщеній. Изслѣдованіе вопроса, почему жители городовъ голосуютъ иначе, чѣмъ жители деревень, почему въ

промышленныхъ округахъ господствуетъ одна партія, а въ земледѣльческихъ другая, изслѣдованіе всѣхъ этихъ вопросовъ позволяетъ установить соціальный составъ различныхъ политическихъ партій и тѣмъ самымъ обнажаетъ самые корни всей политической жизни страны.

Конечно, тайна голосованія является громаднымъ препятствіемъ для научнаго изслѣдованія данныхъ избирательной статистики, такъ какъ при тайномъ голосованіи устранена возможность регистраціи, возможность статистическаго подсчета, кто, какіе соціальные элементы голосовали за ту или иную политическую партію. Но, какъ мы уже указывали на страницахъ „Образованія“ [1]), путемъ сопоставленія данныхъ избирательной статистики съ данными промысловой статистики, съ соціальною переписью населенія открывается извѣстная возможность такъ сказать дешифрировать тайну голосованія и добыть этотъ матеріалъ огромной и еще далеко не оцѣненной соціологической цѣнности.

Само собою разумѣется, что подобное дешифрированіе тайны голосованія имѣетъ значеніе лишь въ примѣненіи къ такъ называемымъ большимъ числамъ. Вы не сумѣете съ помощью этого метода дешифрировать, раскрыть тайну голосованія настолько, чтобы установить, за кого, за какую партію подалъ свой голосъ Ивановъ и за какую Петровъ, но вы установите, за какую политическую партію голосуютъ тѣ или иные соціальные элементы, вы установите, словомъ, соціальный составъ политическихъ партій.

Новизна дѣла, а въ еще большей степени примитивность состоянія избирательной статистики и профессіональной переписи населенія многихъ странъ дѣлаютъ въ настоящее время подобную работу еще чрезвычайно трудной и кропотливой.

Но мы убѣждены, что въ недалекомъ будущемъ этой отрасли обществовѣдѣнія предстоитъ научный расцвѣтъ, а пока возможна лишь разработка отдѣльныхъ вопросовъ, связанныхъ съ нею.

Пока мы будемъ игнорировать тѣсную причинную связь эволюціи и организаціи политическихъ партій съ эволюціей и организаціей соціальной структуры общества, до этихъ поръ процессъ рожденія и умиранія, борьбы и сотрудничества политическихъ партій будетъ представляться намъ какою-то капризною игрою соціальнаго калейдоскопа, не подающеюся никакому научному обобщенію. Съ этой точки зрѣнія будетъ казаться, что личное честолюбіе, недомысліе, прекрасные глаза красавицы, фантазіи того или иного барона рождаютъ безконечную вереницу политическихъ партій, благодаря этой случайности своего появленія ускользающей отъ всякаго научнаго изученія.

---

1) Ср. нашу статью „Соціальный составъ нѣмецкой соц.-дем. партіи“. „Образованіе“, 1906, № 1.

Авторъ обстоятельной и тяжеловѣсной исторіи политическихъ партій, проф. Ваксмутъ, пришелъ въ результатѣ къ самоубійственному въ научномъ отношеніи заключенію, что партійная борьба коренится въ области капризныхъ и необузданныхъ человѣческихъ страстей.

„Генезисъ партійныхъ образованій,—пишетъ онъ,—ведетъ къ извилинамъ и глубинамъ человѣческихъ чувствъ и при этомъ рѣже всего мы встрѣчаемся съ волею человѣка, руководимою и просвѣтленною разумомъ. Духъ партійныхъ группировокъ коренится въ темныхъ и глухихъ областяхъ человѣческихъ страстей, онѣ и доставляютъ ему пищу. А эти страсти въ свою очередь зарождаются и развиваются въ сферѣ неисчерпаемаго разнообразія внѣшнихъ побужденій... Страсть къ наживѣ и честолюбіе, чувство мести, любви и ненависти, стремленіе къ наслажденію, необузданность и гордость, преступныя наклонности, личныя симпатія и антипатіи служатъ рычагами и пружинами духовной жизни партій“ [1]).

Если бы подобный взглядъ на политическія партіи соотвѣтствовалъ истинѣ, то ни о какомъ научномъ изученіи политическихъ партій не могло бы быть и рѣчи, какъ не можетъ быть никакой рѣчи о научномъ изученіи фантазіи каждаго барона. Но, по счастью, взглядъ ученаго нѣмецкаго изслѣдователя исторіи политическихъ партій скользитъ лишь по поверхности политической жизни, не углубляясь въ ея корни. Конечно, если считать „политическими партіями“ всѣ прихотливыя политическія фантазіи и интриги кучки разныхъ власто-често-деньго и женолюбцевъ, то вся исторія политическихъ партій представится какимъ-то сумасброднымъ калейдоскопомъ, изъ изученія которой ничего кромѣ головокруженія не вынесешь. Но если политическія партіи разсматривать лишь, какъ массовое движеніе, выдвигающее опредѣленное политическое знамя, тогда борьба политическихъ партій изъ борьбы личностей съ помощью политическихъ интригъ ради личныхъ цѣлей превращается въ борьбу безличныхъ соціальныхъ силъ съ помощью политической власти ради соціальнаго и политическаго переустройства.

Только съ этой точки зрѣнія эволюція и организація политическихъ партій представляетъ законосообразный характеръ и можетъ быть предметомъ научнаго изученія. Если затѣмъ мы съ этой точки зрѣнія приступимъ къ научному изученію процесса образованія и развитія политическихъ партій, то мы лично замѣтимъ, что поскольку дѣло идетъ о крупныхъ и прочныхъ политическихъ партіяхъ и длительномъ историческомъ періодѣ, постольку борьба партій есть лишь политическое выраженіе ки-

---

[1]) Dr. W. Wachsmuth. „Geschichte der politischen Parteiungen.“ т. I. Braunschweig. 1853, стр. 27.

нящей внутри всякаго общества борьбы разнородныхъ соціальныхъ элементовъ. Политическія партіи, если можно такъ выразиться, находятся на привязи у соціальныхъ классовъ и выростаютъ на почвѣ расхожденія соціальныхъ интересовъ различныхъ общественныхъ круговъ.

Практическіе заправилы политической жизни если и не всегда отчетливо сознавали, то всегда инстинктивио чувствовали причинную зависимость между соціальнымъ положеніемъ данной группы населенія и ея политическою позиціей. Возьмите хотя бы такое явленіе, какъ установленіе имущественнаго ценза при выборахъ, или установленіе права на два и на три голоса для избирателей, принадлежащихъ къ верхнимъ ступенямъ соціальной лѣстницы. Что выражаетъ собою это явленіе, какъ не сознаніе хозяевъ политической сцены, что принадлежность къ данной соціальной группѣ неизбѣжно—конечно, поскольку дѣло идетъ о большихъ числахъ—толкнетъ въ ряды именно данной политической партіи? Остановитесь далѣе на такомъ явленіи, какъ такъ называемая избирательная геометрія. Взгляните на распредѣленіе избирательныхъ округовъ, напр., въ Италіи и въ Германіи. Вамъ тотчасъ же бросится въ глаза, что люди, въ рукахъ которыхъ находилось распредѣленіе избирательныхъ округовъ, навѣрное, принадлежали къ такъ называемымъ историческимъ матеріалистамъ, ибо при распредѣленіи округовъ они принимали, какъ за аксіому, что избиратели тѣхъ округовъ, гдѣ слабо развита промышленность, гдѣ преобладаетъ земледѣльческое населеніе, что эти округа дадутъ свои голоса консервативнымъ и умѣреннымъ партіямъ, а округа съ высокою степенью развитія промышленности будутъ голосовать за демократическихъ и соціалистическихъ кандидатовъ. И увѣренною рукою они кроили избирательную карту такъ, чтобы на долю земледѣльческихъ и отсталыхъ въ промышленномъ отношеніи округовъ пришлось непропорціонально большое количество депутатовъ. Здѣсь въ грубомъ видѣ сказалось пониманіе или инстинктивное сознаніе, что политическая группировка населенія уходитъ своими корнями въ соціальную группировку, въ экономическую организацію и ею обусловливается. Научное изученіе политическихъ партій вскрываетъ эту зависимость политическихъ партій отъ соціальныхъ классовъ, вскрываетъ, конечно, методичнѣе и тоньше, чѣмъ это дѣлалось, какъ мы только что видѣли, административнымъ путемъ.

И чѣмъ ближе, при изученіи эволюціи политическихъ партій, мы будемъ приближаться къ нашей эпохѣ, тѣмъ явственнѣе и обнаженнѣе будетъ проступать эта зависимость политическихъ партій отъ соціальныхъ классовъ. Объясняется это тѣмъ, что чѣмъ ближе мы къ нашему времени, тѣмъ мы встрѣчаемся съ болѣе развитымъ самосознаніемъ различныхъ соціальныхъ классовъ. Дѣло въ томъ, что между соціальными классами и поли-

тическими партіями знакъ равенства можно было бы поставить только тогда, если бы всѣ элементы политическихъ и соціальныхъ классовъ обладали вполнѣ развитымъ и опредѣлившимся самосознаніемъ, чего въ дѣйствительности не наблюдается. Одна принадлежность къ данному соціальному классу сама по себѣ еще не предопредѣляетъ принадлежности къ данной политической партіи, такъ какъ вопросъ еще въ томъ, насколько развито политическое сознаніе тѣхъ или иныхъ членовъ класса, насколько они сознаютъ свою принадлежность къ особому соціальному классу и насколько они сознаютъ обособленность политическихъ интересовъ своего класса.

И поэтому, чѣмъ ближе мы подходимъ къ нашимъ днямъ, тѣмъ все явственнѣе, все оголеннѣе выступаетъ причинная зависимость политическихъ группировокъ отъ экономическаго строенія общества. Подобно Мольеровскому герою, прожившему сорокъ лѣтъ и только послѣ этого впервые съ изумленіемъ узнавшему, что онъ говоритъ прозою, подобно этому и десятки лѣтъ просуществовавшія политическія партіи теперь, порою съ искреннимъ изумленіемъ, убѣждаются, что онѣ говорятъ прозою...

Изслѣдователи и дѣятели самыхъ различныхъ убѣжденій и воззрѣній начинаютъ теперь сознавать, что борьба политическихъ партій вращается вокругъ оси соціальныхъ интересовъ, что, по крайней мѣрѣ въ новѣйшую эпоху, эта борьба можетъ быть понята и объяснена только по сведенію ея къ борьбѣ различныхъ хозяйственныхъ группъ общества.

При такихъ условіяхъ понятенъ тотъ громадный интересъ, который представляетъ изученіе соціальнаго состава различныхъ политическихъ партій. Только это изученіе, съ одной стороны, даетъ намъ возможность изучить истинную соціальную „природу“ различныхъ политическихъ партій, раскрывая ея соціальную подоплеку, а съ другой стороны, оно позволяетъ намъ судить, насколько развито или отстало политическое сознаніе различныхъ соціальныхъ слоевъ населенія.

Какъ только мы приступаемъ къ изученію соціальнаго состава политическихъ партій, то прежде всего и рѣзче всего намъ бросается въ глаза распаденіе всего населенія на земледѣльческое и промышленное. Какъ ни смѣшанъ соціальный составъ различныхъ политическихъ партій, какъ ни прихотливо разбросаны по всей странѣ голоса, получаемые данной партіей, но—поскольку дѣло идетъ о большихъ числахъ,—мы всегда замѣчаемъ тяготѣніе въ различныя политическія стороны людей земледѣльческаго и людей промышленнаго труда.

Остановимся на консервативной партіи Германіи. Во время послѣднихъ выборовъ нѣмецкіе консерваторы провели въ рейхстагъ 52 своихъ кандидата, изъ которыхъ на долю одной Пруссіи приходится 46 кандидатовъ, а на долю всѣхъ остальныхъ нѣмец-

кихъ государствъ, вмѣстѣ взятыхъ, всего 6 кандидатовъ. Изъ 46 консерваторовъ, выбранныхъ въ 1903 г. въ Пруссіи, 13 были выбраны въ Восточной Пруссіи и 16 въ провинціи Бранденбургъ и Помераніи. Уже изъ этихъ данныхъ видно, что оплотомъ консервативной партіи являются въ Германіи восточныя провинціи съ подавляющею массою земледѣльческаго населенія и слабо развитою промышленностью и, что связано одно съ другимъ, слабо развитою городскою жизнью. Особенно надежнымъ оплотомъ нѣмецкой консервативной партіи является Восточная Пруссія, гдѣ консерваторамъ удалось, какъ мы видѣли, провести 13 своихъ кандидатовъ. Если мы теперь разсмотримъ соціальный составъ населенія этихъ восточныхъ избирательныхъ округовъ, то намъ тотчасъ бросится въ глаза преобладаніе земледѣльческаго населенія надъ промышленнымъ, преобладаніе деревни надъ городомъ. Избирательный округъ Мемель Гейденругъ. Въ немъ насчитывается 74,439 душъ земледѣльческаго населенія и 28,183 городского. Въ этомъ округѣ неизмѣнно проходитъ консерваторъ. Слѣдующій избирательный округъ Лабилау-Велау. Въ немъ городское населеніе состоитъ изъ 17,421 человѣка, а сельское—97,413. Избранъ консерваторъ. И въ двухъ слѣдующихъ избирательныхъ округахъ сельское населеніе сильно преобладаетъ надъ городскимъ и оба эти округа посылаютъ въ рейхстагъ консервативнаго депутата. Но среди этой массы сельскаго населенія выростаетъ въ Восточной Пруссіи крупный промышленный городъ Кенигсбергъ, и картина сразу мѣняется. Соціалъ-демократическій кандидатъ получаетъ 16,569 голосовъ и проходитъ въ рейхстагъ. За околицей города Кенигсберга вновь тянутся безконечныя поля съ рѣдкими городами. И вновь всплываетъ старая картина. Лишь порою тотъ или иной округъ пошлетъ въ рейхстагъ національ-либерала или члена центра, а затѣмъ снова тянутся ряды консерваторовъ.

Въ провинціи Бранденбургъ промышленность болѣе развита и городское населеніе многочисленнѣе, и здѣсь мы уже присутствуемъ при упорной борьбѣ консерваторовъ, опирающихся на отсталое сельское населеніе восточныхъ провинцій, съ соціалъ-демократами, опирающимися на рвущееся впередъ городское населеніе. Берлинъ, относящійся къ провинціи Бранденбургъ, сдѣлался, какъ извѣстно, оплатомъ соціалъ-демократіи, изъ шести его избирательныхъ округовъ завоевавшей пять. Въ сельскихъ округахъ консервативныя партіи держатся еще крѣпко, но города соціалъ-демократы все болѣе и болѣе отвоевываютъ. Помимо Берлина, въ провинціи Бранденбургъ въ рукахъ соціалъ-демократовъ оказываются города Бранденбургъ, Франкфуртъ на Одерѣ, Штетинъ.

Въ избирательномъ округѣ Бранденбургской провинціи Рандовъ-Грайфенгагенъ нѣтъ крупныхъ городовъ, но зато очень много мелкихъ городовъ и въ общемъ городское населеніе на

11 тысячъ превышаетъ сельское. И въ этомъ округѣ проходитъ соціалъ-демократъ, тогда какъ въ сосѣднихъ округахъ, гдѣ преобладаетъ сельскохозяйственное населеніе, проходятъ повсюду консерваторы.

Такимъ образомъ, въ Восточной Пруссіи благодаря ея экономической отсталости, гдѣ процессъ индустрализаціи еще слабо проникъ въ деревни, мы можемъ очень явственно наблюдать связь между хозяйственною структурою общества и политическими партіями. Но если бы мы вздумали широко обобщать тѣ данныя, которыя доставляетъ намъ избирательная статистика Восточной Пруссіи, если бы мы вздумали возвести эти данныя въ рангъ соціологической теоріи, гласящей, что деревенское населеніе по необходимости выбираетъ консервативныхъ депутатовъ, а городское по необходимости соціалистическихъ, то мы бы, конечно, перебравшись за предѣлы Восточной Пруссіи, тотчасъ же бы встрѣтились съ цѣлымъ рядомъ политическихъ явленій, опровергающихъ только-что сдѣланное обобщеніе.

Восточная Пруссія со стороны избирательной статистики интересна въ томъ отношеніи, что въ ней съ поразительною ясностью и рѣзкостью обособляются политическія идеологіи сельскаго и городского населенія: сильно преобладаетъ сельскохозяйственное населеніе, и избирательный округъ посылаетъ въ рейхстагъ консервативнаго депутата; преобладаетъ городское населеніе, и въ рейхстагъ отправляется соціалъ-демократическій депутатъ.

Но въ Восточной Пруссіи мы имѣемъ передъ собою деревню въ ея еще неотесанномъ промышленнымъ развитіемъ видѣ, деревню, гдѣ еще свято чтутъ стародавнія традиціи, боятся и слушаютъ „барина" и живутъ, какъ велѣли дѣды.

Въ Восточной Пруссіи мы встрѣчаемъ деревню такъ сказать въ чистомъ видѣ, изолированномъ отъ мощнаго воздѣйствія на нее промышленнаго развитія. Но въ такомъ видѣ деревни встрѣчаются все рѣже и рѣже.

Деревни не остались въ сторонѣ отъ большой дороги промышленнаго прогресса. Промышленная жизнь, городская культура все болѣе и болѣе рѣзко и шумно врывается въ деревни и расшатываетъ ея дѣдовскіе устои. А параллельно съ этимъ проникновеніемъ промышленнаго духа въ деревни революціонизируется и ея политическая идеологія и начинаетъ выдѣлять элементы, голосующіе вмѣстѣ съ „городомъ". Это и вноситъ въ политическую физіономію деревни осложняющія и видоизмѣняющія начала, придающія всей политической жизни страны несравненно болѣе сложный и запутанный видъ, чѣмъ это рисуютъ данныя избирательной статистики Восточной Пруссіи.

Обнищеніе и обезземеливаніе широкой крестьянской массы при отсутствіи ея забитости и запуганности неизбѣжно создаетъ въ деревняхъ благопріятную почву для воспріятія „городскихъ"

идей. Острые зубы нужды будятъ мысль деревенскаго труженика и сближаютъ его политическое настроеніе съ политическимъ настроеніемъ городскихъ центровъ. При этомъ подобное сближеніе происходитъ, съ одной стороны, тамъ, гдѣ крестьяне при болѣе или менѣе свободномъ политическомъ строѣ государства, раскрывающемъ возможность и пропаганды среди крестьянъ, и самоорганизаціи крестьянъ, продолжаютъ, однако, служить предметомъ самой жестокой и беззастѣнчивой эксплоатаціи; съ другой же стороны, мы наблюдаемъ успѣшное проникновеніе соціалистическихъ идей и въ тѣ сравнительно зажиточныя деревни, которыя, однако, втянулись въ капиталистическій фазисъ, которыя уже захвачены и увлечены маховымъ колесомъ промышленнаго круговорота.

Примѣромъ перваго рода могутъ послужить хотя бы венгерскіе крестьяне.

Въ Венгріи, при замѣчательномъ плодородіи земли, при демократическомъ политическомъ строѣ, крестьяне находятся подъ тяжелою властью земельныхъ магнатовъ, жестоко ихъ эксплоатирующихъ. Крупные землевладѣльцы сосредоточили въ своихъ рукахъ колоссальныя земельныя богатства, тогда какъ мелкій земельный собственникъ очутился въ положеніи пролетарія, съ огромнымъ напряженіемъ не знающаго отдыха труда изо дня въ день борющагося за свое скудное существованіе.

Процессъ обезземеливанія сельскихъ рабочихъ зашелъ въ Венгріи очень далеко. „Положеніе мелкаго сельскаго собственника въ Венгріи,—пишетъ г. Звѣздичъ,—еще болѣе безвыходное, чѣмъ гдѣ-либо. Промышленность лишь въ самой малой степени можетъ поглотить освободившіяся отъ земледѣльческаго труда рабочія руки; въ сельскохозяйственной же промышленности, въ виду единообразія господствующаго въ Венгріи типа хозяйства, главныя работы производятся и заканчиваются почти повсюду въ одно и то же время, такъ что на работу полевой рабочій можетъ разсчитывать только въ теченіе нѣсколькихъ недѣль за весь годъ, все же остальное время онъ долженъ бороться съ грозною безработицей.

„Въ области сельского хозяйства мы имѣемъ передъ собою, такимъ образомъ, въ Венгріи совершенно тѣ же контрасты и непримиримыя противорѣчія, которыя въ другихъ странахъ знаетъ только индустріальная промышленность, явившаяся удобною почвою для зарожденія соціалистическаго движенія. Съ одной стороны, богатѣйшіе лендлорды, съ другой—не имѣющіе твердыхъ устоевъ подъ собою мелкіе собственники, не имѣющіе возможности просуществовать насчетъ дохода съ собственнаго надѣла и вынужденные работать на помѣщика и еще болѣе обездоленные беззе-

мельные батраки, все существованіе которыхъ зависитъ отъ наемнаго труда“ [1]).

Благодаря подобному экономическому положенію крестьянства въ Венгріи, въ ея деревняхъ создалась благодарная почва для воспріятія соціалистической идеи, уже давшей настолько богатые всходы, что многіе черезчуръ торопливые люди поспѣшили огуломъ занести венгерскихъ крестьянъ въ число соціалистовъ и этимъ посрамить „доктрину Маркса“. Но „доктрина Маркса“ не только не терпитъ никакого посрамленія отъ успѣховъ соціализма въ венгерскихъ деревняхъ, но только эта доктрина и въ состояніи объяснить эти успѣхи, поставивъ ихъ въ причинную зависимость отъ растущаго процесса индустріализаціи сельскаго хозяйства и сельскохозяйственныхъ отношеній.

Въ Даніи, гдѣ мелкіе земельные собственники пользуются несравненно болѣе высокимъ экономическимъ благосостояніемъ, чѣмъ венгерскіе, мы тоже замѣчаемъ, что то строго консервативное настроеніе, которое мы отмѣтили, какъ сплошное явленіе въ деревняхъ Восточной провинціи Пруссіи, здѣсь совершенно отсутствуетъ. Въ Даніи мы встрѣчаемъ массоваго мелкаго крестьянина, какъ члена не консервативныхъ, а радикальныхъ и даже соціалистическихъ партій. И опять-таки объясненіе этого явленія мы находимъ въ общемъ экономическомъ положеніи датской деревни.

Какъ мы уже подробнѣе писали въ другомъ мѣстѣ [2]), мелкій датскій крестьянинъ очень сильно отличается отъ того типа мелкаго крестьянина, котораго мы привыкли видѣть во всѣхъ европейскихъ странахъ, а въ особенности во Франціи. Французскій мелкій, но притомъ экономически крѣпкій крестьянинъ, отличается крайнимъ индивидуализмомъ, ограниченностью своего кругозора, ненавистью къ новшествамъ и своими реакціонными стремленіями. Въ несравненно меньшей степени встрѣчаются подобнаго рода черты въ датскомъ мелкомъ крестьянинѣ и если прослѣдить ходъ развитія сельскаго хозяйства Даніи, то легко убѣдиться, что этимъ чертамъ неоткуда было взяться у датскаго крестьянина. Если онѣ и достались ему въ качествѣ историческаго наслѣдія, то новыя времена и новыя условія должны были ихъ вытравить. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ датскіе крестьяне сумѣли выйти изъ тяжелаго сельскохозяйственнаго кризиса только благодаря тому, что перешли отъ зерновой культуры къ скотоводству и, въ особенности, къ усовершенствованному молочному хозяйству. А этотъ переходъ могъ быть со-

---

[1]) Ср. П. Звѣздичъ. Изъ Венгріи. „Образованіе“, августъ 1906 г. Стр. 102—103.

[2]) Ср. нашъ очеркъ о политическихъ партіяхъ въ Даніи въ III томѣ сборника „Государственный строй и полит. партіи“.

вершенъ только благодаря тому, что мелкіе датскіе крестьяне объединились въ коопераціи, что дало имъ возможность въ складчину пріобрѣсти сложныя и дорогія машины. Перебирая тѣ факторы, которые вывели датскаго крестьянина изъ тяжелаго матеріальнаго положенія и обезпечили ему сравнительное благосостояніе, мы видимъ, что факторы эти были не индивидуалистическаго, а соціальнаго характера. Кооперація, сыгравшая такую крупную роль въ дѣлѣ упроченія матеріальнаго положенія датскаго крестьянина, не могла, конечно, содѣйствовать развитію узкаго индивидуализма, а тѣ техническія усовершенствованія и та коренная ломка всего традиціонаго хозяйственнаго уклада, которую продѣлалъ датскій крестьянинъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ и которыя такъ сильно содѣйствовали поднятію его благосостоянія, не могли, конечно, воспитать въ немъ ненависть къ новшествамъ. Наконецъ, датскій крестьянинъ принужденъ былъ работать на широкій міровой рынокъ, принужденъ былъ постоянно приспособлять свое хозяйство къ капризнымъ запросамъ избалованнаго англійскаго рынка, причемъ въ молочномъ хозяйствѣ роль стихійныхъ безсознательныхъ силъ природы была несравненно скромнѣе, чѣмъ въ зерновомъ хозяйствѣ, и благопріятный результатъ несравненно больше зависѣлъ отъ человѣка и машинъ, чѣмъ отъ земли и погоды.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ датское мелкое и среднее крестьянство не могло послужить надежнимъ оплотомъ, не говоря реакціонныхъ, но даже и консервативныхъ партій.

Трудно съ большею яркостью и силою изобразить ту перемѣну міровоззрѣнія извѣстной части крестьянства подъ вліяніемъ измѣнившихся условій экономическаго существованія, чѣмъ это сдѣлалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Жорэсъ.

Слова Жорэса съ удивительнымъ краснорѣчіемъ и мѣткостью изображаютъ тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ извѣстная часть крестьянства изъ страдательнаго залога реакціи превращается въ дѣйствительный залогъ прогресса. Мы позволимъ себѣ нѣсколько длинную выписку изъ рѣчи, произнесенной Жорэсомъ въ 1897 г. во французской палатѣ депутатовъ

„Слишкомъ долго,—говорилъ знаменитый ораторъ,—крестьянинъ замыкался въ своемъ узкомъ и слѣпомъ индивидуализмѣ: онъ зналъ свой клочокъ земли, онъ любилъ его дикой любовью, но внѣ его для него ничего не существовало. Какое дѣло было ему до вселенной! И движеніе солнца, и вѣтеръ, и облака, весь порядокъ, и весь безпорядокъ вещей онъ приноровлялъ къ своему клочку земли —и только къ нему... И не только эта безконечная природа не расширяла его умственнаго кругозора,—наоборотъ, онъ ее уменьшалъ и приноровлялъ къ своему узкому мірку, къ еще болѣе узкому кругу своей мысли. Да и къ чему эти тщет-

ныя волненія, эти тщетные поиски, разъ онъ не могъ распоряжаться силами природы, смотря по надобности своего посѣва?

„Но вотъ по его нивѣ начинаютъ проноситься не только силы природы, но силы экономическія, силы соціальныя, силы человѣческія. Онъ пашетъ, онъ сѣетъ, онъ жнетъ и относитъ свою жатву на сосѣдній рынокъ. Но изъ года въ годы, при одинаковомъ трудѣ, цѣна на его пшеницу падаетъ почти постоянно, а также цѣна на его скотъ, на его вино, на его ленъ, на его маслины и на его молоко. И крестьянинъ уже не преклоняется теперь, какъ онъ преклонялся передъ фатальностью града и грозы, засухи и мороза. Въ немъ зарождается смутное сознаніе, что это колебаніе есть явленіе соціальное, явленіе человѣческое, которое можно, можетъ быть, измѣнить,—и онъ спрашиваетъ, отчего это происходитъ—да, отчего? Со всѣхъ сторонъ государственные люди, финансисты, экономисты, депутаты, кандидаты отвѣчаютъ ему, что въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ экономическія отношенія сильно измѣнились, что въ огромныхъ долинахъ Индіи, Южной Россіи, Западной Америки другіе люди работаютъ, какъ и онъ, но съ меньшими издержками и что всѣ продукты производства, перевозимые на скорыхъ пароходахъ, постоянно давятъ его.

„И вотъ далекіе народы и континенты выплываютъ передъ его взоромъ изъ тумана, уже не какъ смутные фантомы школьной географіи, но какъ грозная и тяжелая дѣйствительность, и на его дальнѣйшіе вопросы ему отвѣчаютъ, что, быть можетъ, отъ количества золота, извлеченнаго изъ рудниковъ Южной Африки или Австраліи, отъ заработной платы разныхъ поденщиковъ Индіи и еще отъ таможенныхъ ставокъ, отъ налоговъ и монетныхъ системъ всѣхъ частей свѣта будетъ зависѣть завтра на рынкѣ сосѣдняго города цѣна на его пшеницу, на его труды, его свободу, быть можетъ, и его собственность.

„И вотъ крестьянинъ въ первый разъ смутно чувствуетъ странную солидарность человѣческаго міра, и онъ, котораго невѣжество, ревность, эгоизмъ, изолировали на его клочкѣ земли, за каменной оградой, короткая тѣнь которой закрывала для него весь міръ,—онъ впервые чувствуетъ, что его жизнь связана съ жизнью другихъ людей. Уже не атмосферическія теченія проносятся надъ его полемъ,—теперь проносятся уже надъ нимъ теченія экономическія, вышедшія изъ самыхъ глубинъ человѣческой жизни и то склоняющія, то поднимающія колосья; новыя вѣянія, еще безпорядочныя и грубыя, наполняютъ пространство, и удивленный крестьянинъ прислушивается и начинаетъ размышлять; и впервые онъ, одинокій эгоистъ, пройдя черезъ чистилище долгихъ страданій, входитъ въ живое общеніе съ человѣческимъ родомъ.

„Нѣтъ, всѣ его страданія не прошли безполезно!

„Какъ бы для того, чтобы обнаружить идеалистическую силу, заключающуюся въ экономическихъ фактахъ, всемiрная и тяжелая конкурренцiя выжигаетъ въ крестьянскомъ сознанiи узко-эгоистическiя связи, которыхъ не могли разъединить ни моральныя увѣщеванiя, ни религiозныя проповѣди и тогда какъ церковные колокола тщетно старались расшатать античное мiровоззрѣнiе и восточную мечтательность, набатъ нужды и разоренiя, огласивъ широкiя равнины, впервые пробудилъ крестьянина къ болѣе возвышеннымъ мыслямъ, къ болѣе широкимъ заботамъ. Да, не напрасно прошелъ онъ черезъ длинный рядъ лѣтъ кризисовъ и страданiй: онъ выйдетъ лучше подготовленнымъ къ воспрiятiю болѣе широкаго пониманiя собственности, къ новымъ судьбамъ. Нужно ему начать понимать кое-что и внѣ того, что его окружаетъ, потому что то, что его окружаетъ, начинаетъ исчезать, потому что сама крестьянская собственность медленно, но навѣрно вошла въ состоянiе агонiи.

„Да, въ состоянiе агонiи".

Въ настоящее время промышленный духъ во все растущемъ масштабѣ врывается въ деревни и быстро разлагаетъ всѣ патрiархальныя деревенскiя идеи и отношенiя, а подъ влiянiемъ этого деревенскiе люди измѣняютъ и черты своей политической физiономiи.

Надо къ тому же замѣтить, что по мѣрѣ роста большихъ городовъ, съ одной стороны, и по мѣрѣ проникновенiя началъ соцiальной политики въ область желѣзнодорожнаго сообщенiя сталъ наблюдаться процессъ разселенiя рабочаго населенiя изъ крупныхъ городовъ въ прилегающiя деревни. Необычайная дороговизна городскихъ квартиръ, съ одной стороны, и сильное пониженiе желѣзнодорожнаго тарифа въ спецiально устроенныхъ „рабочихъ поѣздахъ", съ другой стороны, повели къ тому, что значительная масса городскихъ рабочихъ отлила въ пригородныя села и деревни. Подобное явленiе замѣчается въ особенности въ Бельгiи, гдѣ во многихъ деревняхъ массами живутъ городскiе рабочiе, ежедневно отправляющiеся въ „рабочихъ поѣздахъ" въ городъ, а вечеромъ въ тѣхъ же поѣздахъ возвращающiеся назадъ въ деревню.

Благодаря этому, деревня по своему соцiальному составу все болѣе и болѣе перестаетъ представлять однородное соцiальное цѣлое, въ ней во все растущемъ количествѣ появляются соцiальные элементы и по роду своихъ занятiй, и по образу своего мiровоззрѣнiя тѣсно связанные съ городской культурой. Насколько эти новыя городскiя или капиталистическiя начала, врываясь въ деревню, видоизмѣняютъ всю ея духовную физiономiю,—это хорошо можно прослѣдить въ той же Бельгiи. Возьмемъ, напримѣръ, сахарную промышленность, какъ извѣстно, по необходимости связанную съ сельскимъ хозяйствомъ. О сахарной промышленности

и культурѣ свекловицы мы читаемъ у Вандервельда: „Площадь распространенія этой культуры точно совпадаетъ съ тѣми сельскими округами, въ которыхъ соціализмъ получилъ наибольшее развитіе. Это явленіе прекрасно объясняется тѣми глубокими преобразованіями, которыя эта культура вызвала въ мышленіи и матеріальномъ положеніи занятыхъ ею лицъ. Прежде всего свекловица требуетъ болѣе значительнаго количества рабочей силы, чѣмъ воздѣлываніе хлѣбовъ или травосѣяніе; земледѣльческіе рабочіе составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ рабочій персоналъ сахароваренныхъ заводовъ; послѣдній состоитъ изъ небольшого ядра годовыхъ рабочихъ, но сильно увеличивается въ рабочій сезонъ и такимъ образомъ доставляетъ занятіе земледѣльческимъ рабочимъ, закончившимъ полевыя работы". Само собою разумѣется, что этотъ смѣшанный, полупромышленный, полуземледѣльческій пролетаріатъ легко воспринимаетъ идеи фабричныхъ рабочихъ въ собственномъ смыслѣ слова.

„Кромѣ того, постоянное и вынужденное общеніе сельскихъ хозяевъ съ служащими инженерами и директорами сахарныхъ заводовъ и съ продавцами удобренія или фуража для скота, развитіе путей сообщенія, которому свекловичная культура сильно способствовала благодаря подвозу массы матеріаловъ для сахарныхъ заводовъ,—все это содѣйствуетъ умственному развитію сельскаго населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ капиталистическій характеръ сельскаго хозяйства. Рабочіе на крупныхъ фермахъ подвергаются такому же обращенію и ведутъ себя такъ же, какъ промышленные рабочіе. Что касается мелкихъ земледѣльцевъ (собственниковъ или фермеровъ), то они всецѣло находятся во власти сахарозаводчиковъ, которые принуждаютъ ихъ соглашаться на крайне невыгодные контракты, сплошь и рядомъ оставляютъ за собою право *безконтрольно* опредѣлять вѣсъ и тару доставленнаго продукта,—однимъ словомъ, заставляютъ ихъ на собственной шкурѣ извѣдать всѣ прелести капиталистической эксплоатаціи.

Всѣ эти обстоятельства въ связи съ общими причинами, ведущими къ пролетаризаціи крестьянства, естественно создаютъ благопріятную среду для развитія соціализма среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ и мелкихъ крестьянъ" [1]).

Если мы еще прибавимъ сюда, что во многихъ странахъ и самая промышленность, т. е. крупные фабрики и заводы, стали перекочевывать въ села и деревни, то мы получимъ рядъ крупныхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ радикальныя и соціалистическія идеи начинаютъ проникать и въ „антиколлективистическій черепъ" крестьянина.

---

[1]) Ср. Э. Вандервельдъ и Ж. Дестрэ. „Соціализмъ въ Бельгіи" Москва, 1906, стр. 295—296.

Въ Швейцарія этотъ процессъ разсѣянія промышленныхъ заведеній совершается подъ вліяніемъ природныхъ факторовъ—изобиліемъ горныхъ водъ и водопадовъ, доставляющихъ безплатные двигатели. Около этихъ-то безплатныхъ природныхъ двигателей, зачастую заброшенныхъ въ глухія деревни, и вырастаютъ промышленныя заведенія.

Въ Бельгіи же, во фламандскихъ деревняхъ, фабриканты понастроили сотни фабрикъ въ погонѣ за болѣе дешевыми рабочими руками и менѣе строптивыми рабочими головами.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ обостренія соціальныхъ противорѣчій въ современныхъ деревняхъ произошло смягченіе того рѣзкаго политическаго конфликта между городомъ и деревней, который наблюдается въ иныхъ отсталыхъ мѣстностяхъ, вродѣ уже знакомой намъ Восточной Пруссіи. Въ Италіи, напр., провинціи Эмилія и Романья, служащія оплотомъ итальянской соціалистической партіи, являются въ то же самое время по преимуществу земледѣльческими, а не промышленными округами.

Такимъ образомъ нынѣшнее крестьянство не входитъ цѣликомъ въ какую-либо одну политическую партію, а дробится на десятки политическихъ партій, такъ сказать расползается по своимъ классовымъ швамъ, ибо оно представляетъ собою не единый и нераздѣльный классъ, а совокупность нѣсколькихъ классовъ (крупная буржуазія, мелкая буржуазія и пролетаріатъ) съ расходящимися и сталкивающимися соціальными интересами.

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что во время выборовъ голоса, подаваемые деревенскими избирателями, перепадаютъ на долю рѣшительно всѣхъ политическихъ партій. Но какъ далеко ни зашелъ процессъ пролетаризаціи и соціальнаго размежеванія деревенскаго населенія, однако, еще и теперь деревня въ политическомъ отношеніи является обыкновенно болѣе консервативной и отсталой, чѣмъ городъ.

Объясняется это двоякаго рода причиной—причиною объективнаго и причиною субъективнаго характера. Объективная причина политической отсталости деревни отъ города заключается въ томъ, что въ деревнѣ, по сравненію съ городомъ и промышленными центрами, собственники представляютъ болѣе многочисленный слой населенія. Нѣтъ нужды въ томъ, что многіе деревенскіе собственники по своему экономическому положенію порою ничѣмъ не отличаются отъ пролетаріевъ, а нерѣдко и работаютъ и бѣдствуютъ больше послѣднихъ. Все-таки они остаются собственниками, и эта жалкая собственность тяжелою гирею давитъ на сознаніе ея обладателя и мѣшаетъ ему выработать психологію безхозяйнаго производителя.

Конечно, и рабочій можетъ въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя улучшить свое матеріальное положеніе, т. е. поднять свою заработную плату, но при этомъ какой бы

высоты эта заработная плата ни достигла, рабочій все-таки останется пролетаріемъ и его соціальные интересы все-таки останутся противоположными соціальнымъ интересамъ капиталистовъ. Такимъ образомъ улучшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ ни мало не устраняетъ антагонизма между классомъ капиталистовъ и классомъ пролетаріевъ и поэтому рабочіе, поскольку они являются сознательными, какъ бы ни было различно ихъ матеріальное благосостояніе, если еще не въ дѣйствительности, то въ тенденціи обнаруживаютъ стремленіе сплотиться въ одну цѣльную и нераздѣльную политическую партію.

Иное дѣло—мелкіе собственники. Поскольку эти мелкіе собственники надѣются въ настоящемъ въ рамкахъ капиталистическаго строя улучшить свое матеріальное положеніе, постольку они являются въ потенціи средними или даже крупными буржуа. Мелкій собственникъ является какъ бы двуликимъ Янусомъ, одно лицо котораго испещрено морщинами отчаянія и обращено въ сторону пролетаріата, о другое лоснится радостью и обращено къ буржуазіи. Часть мелкихъ собственниковъ твердо и долго лелѣютъ надежду со временемъ „выбиться въ люди“ и перейти въ разрядъ среднихъ и крупныхъ буржуа. Такъ какъ при этомъ дальнѣйшій соціальный прогрессъ подрываетъ благосостояніе мелкихъ городскихъ и деревенскихъ собственниковъ и угрожаетъ поѣданіемъ тощихъ капиталовъ толстыми, то и въ извѣстной части собственниковъ складывается глубокая непріязнь по всякимъ „новшествамъ“, „выдумкамъ“, и они тоскливо вспоминаютъ прошлое, когда мелкая собственность была „золотымъ дномъ“. Эти элементы мелкихъ собственниковъ густо заполняютъ ряды реакціонныхъ и консервативныхъ партій и съ особенною яростью работаютъ въ рядахъ антисемитскихъ партій.

Другая часть мелкихъ собственниковъ, напротивъ, надѣятся съ помощью „коренныхъ“ соціально-политическихъ реформъ, вмѣщающихся, однако, въ рамки капиталистическаго хозяйства выйти изъ тяжелаго экономическаго положенія. Эти элементы идутъ въ радикальныя и демократическія партіи.

Наконецъ, третьи элементы мелкихъ собственниковъ отчаялись въ своемъ положеніи, не видятъ изъ него выхода. Они скопили жгучую злобу ко всему нынѣшнему капиталистическому строю и поняли, что въ его предѣлахъ имъ нѣтъ спасенія. Они все растущей массой устремляются въ ряды соціалистическихъ партій.

Къ тому же и условія деревенской жизни и характеръ крестьянскаго труда таковы, что политическое сознаніе низшихъ и обездоленныхъ слоевъ не находитъ благопріятныхъ условій для развитія. Болѣе или менѣе изолированный трудъ, большая или меньшая зависимость отъ слѣпыхъ и непокорныхъ силъ природы, отсутствіе напряженной умственной жизни, переходное состояніе между собственникомъ и пролетаріемъ,—все это вмѣстѣ взятое

создаетъ такую соціальную обстановку и атмосферу, въ которыхъ туго и медленно зарождается и назрѣваетъ политическое самосознаніе.

Такимъ образомъ и современная деревня, хотя и медленнѣе, чѣмъ современный городъ, но все же неуклонно приспособляетъ свою политическую физіономію сообразно съ измѣнившимися и обострившимися взаимоотношеніями составныхъ соціальныхъ элементовъ. По мѣрѣ того, какъ промышленный духъ и городская культура проникаютъ въ деревню, исчезаетъ старый рѣзкій политическій антагонизмъ между городомъ и деревней и возникаетъ рѣзкій политическій антагонизмъ между различными соціальными элементами самой деревни. Какъ въ химіи соединяются элементы, обладающіе химическимъ сродствомъ, такъ и въ политической жизни объединяются въ одно цѣлое элементы, обладающіе соціальнымъ сродствомъ. А по мѣрѣ развитія современной культуры все сильнѣе обнаруживается это соціальное сродство между соотвѣтствующими группами деревенскаго и городского населенія.

Различіе въ соціальномъ составѣ враждующихъ политическихъ партій перестаетъ обусловливаться принадлежностью населенія, съ одной стороны, къ деревенскимъ, а съ другой—къ городскимъ жителямъ. Оно во все растущей степени начинаетъ опираться на расхожденіе соціальныхъ интересовъ различныхъ классовъ и группъ населенія. Одной принадлежности къ данному соціальному классу еще недостаточно для того, чтобы быть такъ сказать врожденнымъ членомъ именно данной политической партіи. Для того, чтобы членъ даннаго соціальнаго класса сталъ членомъ данной политической партіи, защищающей интересы этого класса, необходима не только принадлежность къ этому послѣднему, но и сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ. Только это сознаніе можетъ превратить классъ въ партію, и отсутствіе или недоразвитіе этого сознанія объясняетъ намъ чрезвычайную черезполосицу и пестроту соціальнаго состава политическихъ партій по сравненію съ однородностью и простотою классовой группировки общества.

Но медленно ли, туго ли, однако, самосознаніе всѣхъ общественныхъ элементовъ развивается и по мѣрѣ этого развитія устанавливается все больше и больше соотвѣтствіе между принадлежностью къ опредѣленному соціальному классу и принадлежностью къ опредѣленной политической партіи.

Установленіе этого соотвѣтствія является главнѣйшей тенденціей въ развитіи политическихъ партій. Вооруженный самосознаніемъ, членъ даннаго соціальнаго класса всегда сумѣетъ разыскать ту политическую партію, которая выражаетъ интересы его класса. Совершается перетасовка избирателей по ихъ классовымъ мастямъ и параллельно съ этимъ упрощается и соціаль-

ный составъ политическихъ партій. Политическія партіи по своему соціальному составу становятся болѣе однородными.

Въ настоящее время этотъ процессъ еще далеко не завершился, но онъ уже повсюду начался. Антагонизмъ сословій, областей, національностей все болѣе заслоняется антагонизмомъ классовъ внутри сословій, внутри областей, внутри національностей. Сближаются между собою и входятъ въ одну и ту же политическую партію члены одного и того же класса различныхъ сословій, областей и національностей, рѣзко расходятся и распредѣляются по различнымъ политическимъ партіямъ члены различныхъ классовъ одного и того же сословія, одной и той же области, національности.

Такова тенденція развитія политическихъ партій.

П. Берлинъ.

ДВА МІРА.

Романъ Корнелій Гюйгенсъ.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной.

Дѣло было вечеромъ въ ноябрѣ 1880 года.

Въ столовой одного аристократическаго дома въ Амстердамѣ, за большимъ столомъ изъ массивнаго дуба, сидѣли два мальчика и ихъ маленькая сестренка. Надъ столомъ висѣла античная бронзовая газовая люстра, нѣсколько зажженныхъ лампочекъ которой слабо освѣщали комнату.

Это была большая, низкая комната въ старо-голландскомъ стилѣ. Темный дубовый потолокъ коричневые кожаные обои по стѣнамъ, массивный античный буфетъ съ раскрашенными стекляными дверцами, большой каминъ, уставленный фарфоромъ и богемскимъ хрусталемъ, придавали всему помѣщенію чинный, старо-голландскій характеръ.

Рѣзкую противоположность всему этому представлялъ собой зато большой столъ, весь покрытый бумагами, книгами, тетрадями, чернильницами и разными другими школьными принадлежностями; здѣсь царилъ полнѣйшій безпорядокъ, который увеличивался еще болѣе, когда младшій мальчикъ нервными движеніями принимался искать что-нибудь на столѣ и при этомъ еще болѣе разбрасывалъ вещи.

— Да перестань же, наконецъ, Бертольдъ!—крикнулъ погруженный въ свою работу старшій братъ младшему, когда тотъ, вдругъ, ударилъ кулакомъ по своей тетради и, схватившись руками за голову и устремивъ дикій взглядъ на свою работу, изобразилъ собой картину полнѣйшаго отчаянія.

Бертольдъ только на секунду поднялъ глаза на своего брата, Іоганна, какъ будто онъ считалъ всякое его замѣчаніе ниже своего достоинства.

— Дай сюда твою работу, если ты совсѣмъ не можешь съ ней справиться!—сказалъ старшій тономъ превосходства

и затѣмъ добавилъ,—Я охотно помогу тебѣ, но только ты веди себя спокойно!

— Думай, пожалуйста, о своихъ дѣлахъ!—крикнулъ въ отвѣтъ мальчикъ.

— Я бы совсѣмъ не думалъ о тебѣ, если бы не мѣшалъ мнѣ! Успокойся же, пожалуйста, наконецъ!—Очень довольный тѣмъ, что онъ сегодня такъ скоро окончилъ школьныя занятія, Іоганнъ сложилъ свои книги и сталъ насвистывать шансонетку.

Удары кулакомъ по столу заставили его скоро смолкнуть.

— Въ послѣдній разъ я тебѣ говорю, Бертольдъ, иначе...—пригрозилъ мальчику старшій братъ съ спокойнымъ, но достаточно понятнымъ жестомъ, нисколько не измѣнивъ, впрочемъ, выраженія своего лица. Маленькая семилѣтняя сестренка, сидѣвшая на другомъ концѣ стола, хранила глубокое молчаніе. На ея спокойномъ, хорошенькомъ личикѣ не было и слѣда удивленія. Невинные, голубые глазки смотрѣли то на одного брата, то на другого.

Вдругъ Іоганнъ замѣтилъ въ глазахъ Бертольда огонекъ, не предвѣщавшій ему ничего хорошаго, и такъ какъ ему предстояла опасность примѣнить по отношенію къ своему младшему брату физическое превосходство своихъ 14-ти лѣтъ, то онъ внезапно измѣнилъ свою тактику. Спокойно откинулся онъ на спинку стула, протянулъ ноги, засунулъ руки въ карманы и замѣтилъ небрежно:

— Это чистое несчастье имѣть брата съ такими слабыми нервами! Ты—чистая дѣвчонка!

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ ему въ физіономію полетѣла линейка.

На этотъ разъ Іоганнъ вскочилъ и хотѣлъ схватить драчуна, но тотъ уже обѣжалъ кругомъ стола, поднялъ тяжелый, дубовый стулъ и, раскачивая имъ съ невѣроятной силой для слабаго девятилѣтняго ребенка, крикнулъ:

— Если ты только тронешь меня, я убью тебя! Слышишь! Я убью тебя!—повторилъ онъ такъ свирѣпо, что Іоганнъ нѣсколько поколебался, несмотря на то, что угрозы маленькаго Бертольда были просто смѣшны по отношенію къ его крупной фигурѣ.

Какъ только началась ссора, маленькая дѣвочка съ негодованіемъ выбѣжала изъ комнаты, заявивъ:

— Я скажу это мамѣ!—и, прежде чѣмъ Іоганнъ пришелъ къ какому-либо рѣшенію, „мама“ уже показалась на порогѣ комнаты.

— Перестанете ли вы, наконецъ? Поставь сейчасъ же стулъ на мѣсто! Изъ-за чего вы опять ссоритесь?

— Онъ меня обругалъ дѣвчонкой!—пробормоталъ, задыхаясь отъ ярости, Бертольдъ; затѣмъ онъ топнулъ ногой и, грозя брату кулакомъ, снова крикнулъ:

— Трусъ, если бы я былъ такой же большой и сильный, какъ ты, ты не посмѣлъ бы этого сдѣлать!

— Если бы я не былъ такимъ ужасно сильнымъ, то я давно бы тебя побилъ, такъ что ты на полу валялся. Но съ такимъ маленькимъ, слабымъ мальчишкой я долженъ быть великодушенъ!—насмѣшливо возразилъ Іоганнъ, пожалъ плечами и сѣлъ на стулъ, ногами обороняясь отъ нападавшаго на него брата.

— Вы опять принимаетесь за прежнее?—строго замѣтила мать. Затѣмъ она притянула къ себѣ маленькаго забіяку и откинула ему со лба спутавшіеся волосы.

— Фу, Бертольдъ! Какъ же можно такъ сердиться!

— Я не позволю оскорблять себя... и ужъ особенно ему!..

Іоганнъ отвѣтилъ на это вызывающимъ смѣхомъ. Молодая женщина снова строго взглянула на своего старшаго сына. Но строгій взглядъ, повидимому, стоилъ много труда кроткимъ, голубымъ глазамъ, совершенно похожимъ на глаза маленькой дѣвочки, и онъ не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Эта маленькая, изящная женская фигура, склонившаяся надъ страшно возбужденнымъ мальчикомъ, гораздо больше походила на старшую сестру, чѣмъ на мать троихъ дѣтей.

Въ эту минуту въ передней послышались сильные мужскіе шаги, и, прежде чѣмъ успѣла раскрыться дверь, выраженіе лица у всѣхъ четверыхъ сразу измѣнилось. Іоганнъ сильно покраснѣлъ и наклонился надъ своими книгами, молодая женщина выпрямилась со вздохомъ облегченія; маленькая дѣвочка усѣлась съ намѣреніемъ продолжать писать на грифельной доскѣ, а Бертольдъ, сразу успокоившись, съ ожиданіемъ устремилъ свой взоръ на дверь.

Дверь быстро отворилась, и вошелъ хозяинъ дома. Не спрашивая ни о чемъ, онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ обоихъ мальчиковъ.

— Іоганнъ, возьми свои книги и иди сейчасъ же въ классную!—коротко и рѣзко приказалъ онъ.

— Тамъ очень холодно, оттого дѣти и сидятъ сегодня вечеромъ здѣсь!—робко замѣтила жена.

— Это ему не вредно! Онъ отъ этого не умретъ! Когда ты кончишь свою работу, Іоганнъ, то ты сейчасъ пойдешь спать!

— Хорошо, папа!—тихо отвѣтилъ мальчикъ.

Молча собралъ онъ свои вещи и тихо вышелъ изъ ком-

наты. Мать тоже замолчала. Маленькая дѣвочка не сводила глазъ съ отца, а Бертольдъ, блѣдный и печальный, смотрѣлъ теперь въ раскрытую передъ нимъ и всю покрытую цифрами книгу.

По знаку мужа вышла и молодая женщина. Тогда, взглянувъ на большіе стѣнные часы, онъ наклонился къ своей хорошенькой дочкѣ и спросилъ:

— А что, глазки не спятъ еще у моей милой Бэби? Ты знаешь, который теперь часъ?—Его голосъ, отъ природы рѣзкій и обрывистый, сдѣлался вдругъ кроткимъ и нѣжнымъ, и онъ снова спросилъ:

— Ну, который же часъ?

— Только половина восьмого, папа!—отвѣтилъ ребенокъ тоненькимъ, пѣвучимъ голоскомъ.

— Половина восьмого и... сколько минутъ?—Ребенокъ смотрѣлъ своими голубыми глазками то на часы, то на отца.

— Она этого никогда не выучитъ!—вполголоса замѣтилъ братъ.

Въ семьѣ всѣ, за исключеніемъ Бертольда, всегда шутили и смѣялись надъ тѣмъ, что Бэби на седьмомъ году жизни все еще не знала часовъ. Іоганнъ съ мальчишескимъ задоромъ умѣлъ разнообразить свои шутки. Какъ только ребенокъ началъ разбирать положеніе стрѣлокъ, Іоганнъ намѣренно приводилъ ихъ въ безпорядокъ, такъ что въ маленькой головкѣ окончательно все спуталось относительно большихъ и маленькихъ стрѣлокъ, часовъ, минутъ и секундъ.

Въ то время, какъ отецъ игралъ и занимался съ Бэби, взявъ ее на руки и заставляя ее пальчикомъ считать секунды на большихъ стѣнныхъ часахъ, Бертольдъ смотрѣлъ на нихъ съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія, которое въ немъ вызывали такія необыкновенно глупыя созданія, какъ маленькія дѣвочки. Съ гордостью вспоминалъ онъ, что уже трехъ лѣтъ онъ правильно опредѣлялъ время; этотъ фактъ онъ зналъ твердо, потому что его мать разсказывала его при каждомъ удобномъ случаѣ своимъ друзьямъ и знакомымъ.

Когда Бэби, получившая при крещеніи имя Маргариты, но все еще называвшаяся Бэби, въ сотый разъ отвѣтила свой урокъ и, навѣрное, тотчасъ же забыла его, ей было позволено, къ ея великой радости, пойти еще на четверть часика въ комнату матери, гдѣ ее ждалъ сладкій тортъ. Бертольдъ остался съ отцомъ одинъ.

— Разскажи же мнѣ, мальчикъ, почему ты такъ сердился?—спросилъ Меріанъ, только теперь обратившійся къ

сыну.—Я слышалъ ужасный шумъ, какъ будто бы здѣсь все летѣло на полъ, и твой голосъ раздавался громче всѣхъ. Что тебѣ сдѣлалъ Іоганнъ?

— Онъ обругалъ меня дѣвчонкой,—при этихъ словахъ мальчикъ снова весь вспыхнулъ отъ одного воспоминанія объ упомянутомъ оскорбленіи. Отецъ, повидимому, вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Бертольда, что большаго оскорбленія, вообще, не можетъ быть.

— Но почему же онъ это сдѣлалъ?

— Сначала онъ упрекнулъ меня за мои слабые нервы.

— Развѣ ты, въ самомъ дѣлѣ, былъ немножко нервнымъ? Можетъ быть, ты не могъ справиться со своими работами, и тебя это взволновало?

— Да, папа, это какъ разъ такъ и было! Я считалъ, считалъ, а сумма все выходила невѣрной. Навѣрно, гдѣ-нибудь тутъ ошибка... въ самой книгѣ.

— Въ книгѣ?...—повторилъ отецъ удивленно, но безъ малѣйшаго сомнѣнія, какое вызвало бы у всякаго другого утвержденіе девятилѣтняго мальчика.—Покажи-ка мнѣ!

— Здѣсь въ концѣ книги помѣщены рѣшенія задачъ, папа! Когда мы кончаемъ какую-нибудь задачу, то мы всегда можемъ справиться здѣсь, вѣрно ли она рѣшена, или нѣтъ. И вотъ тутъ стоитъ совсѣмъ другая цифра, чѣмъ у меня. Я все сосчиталъ вѣрно, а результатъ совсѣмъ не сходится съ книгой. Вѣдь просто съ ума можно сойти!

Онъ говорилъ все съ большимъ волненіемъ, какъ будто слова его выходили изъ какой-то пропасти отчаянія. Потомъ онъ поднялъ на отца свои печальные, задумчивые глаза и взглянулъ на него съ глубокимъ уваженіемъ Для дѣтскихъ глазъ выраженіе это было совершенно необычнымъ. Въ немъ соединялась безграничная привязанность съ безграничнымъ довѣріемъ, вся сила любви углубленной въ себя дѣтской души, которая знаетъ только одинъ объектъ для своей непреодолимой душевной потребности.

Отецъ понялъ этотъ взглядъ и сумѣлъ на него отозваться. Онъ не сказалъ ничего, взялъ книгу и внимательно прочелъ задачу.

— Ну, посмотримъ, въ чемъ здѣсь дѣло!—съ этими словами онъ подвинулъ стулъ къ столу. Меріанъ говорилъ съ мальчикомъ не какъ взрослый съ ребенкомъ, а какъ съ равноправнымъ себѣ. Опытный глазъ директора торговаго предпріятія, обнимающаго цѣлые полміра, быстро пробѣгалъ длинный рядъ цифръ, а мальчикъ напряженно слѣдилъ за его взглядомъ, какъ будто отъ этого изслѣдованія зависѣла жизнь или смерть.

Непреклонность, сила воли и авторитетность составляли

основныя черты характера Меріана, строгія и тонкія очертанія лица котораго теперь оживились. Въ глазахъ отражалась та же рѣзкость стали, какая звучала и въ металлическомъ звукѣ его голоса. Голосъ и глаза вполнѣ отвѣчали другъ другу. Кто внимательно изучилъ этого человѣка, тотъ не удивлялся больше, что съ его сжатыхъ губъ срываются рѣзкіе и отрывистые звуки. Выраженіе его лица было очень характерно. Черные усы не вполнѣ закрывали четырехъугольныя линіи рта и немного слишкомъ широкую нижнюю челюсть. Несмотря на всю суровость и строгость очертаній, лицо его принимало иногда ласковое выраженіе. Въ волосахъ Меріана виднѣлась уже сѣдина, но вся его фигура принадлежала человѣку еще въ полномъ блескѣ мужественныхъ силъ. Невысокій, широкоплечій корпусъ вполнѣ отвѣчалъ общему впечатлѣнію его фигуры, носившей отпечатокъ самоувѣренной силы и вполнѣ оправдывающей уваженіе сына.

Наконецъ, онъ кончилъ считать и сдѣлалъ Бертольду нѣсколько короткихъ вопросовъ; когда тотъ тотчасъ же удачно отвѣтилъ, въ глазахъ его показалось удовлетворенное выраженіе.

— Я начинаю тоже думать, что ты вѣрно сосчиталъ, Бертольдъ!—замѣтилъ отецъ, просматривая работу во второй разъ.—Но въ книгѣ врядъ ли возможна ошибка.

Съ неистощимымъ терпѣніемъ сталъ онъ просчитывать еще разъ и, наконецъ, улыбнулся. Затѣмъ онъ слегка ударилъ по лбу сына линейкой, которую держалъ въ лѣвой рукѣ.

— Эта умная головка не виновата, но вина все-таки твоя! Ты ошибся въ перепискѣ; счелъ вѣрно, но неясно написалъ одну цифру... смотри: здѣсь, вмѣсто нуля, должно стоять девять. Эта черточка написана недостаточно ясно, и это мы съ тобой оба просмотрѣли; въ этомъ вся и ошибка. Теперь мы придемъ къ вѣрному результату.

— Можно мнѣ сосчитать?—спросилъ Бертольдъ хриплымъ отъ волненія голосомъ.

Отецъ подалъ ему перо и смотрѣлъ на него, пока онъ не нашелъ, наконецъ, вѣрнаго рѣшенія. Съ громкимъ „ура!“ бросилъ Бертольдъ книгу вверхъ и съ той же несдержанностью, съ какой раньше выражалось его отчаяніе, онъ нѣсколько разъ перекувыркнулся съ такой ловкостью, какая сдѣлала бы честь даже клоуну.

Онъ былъ неудержимо веселъ, глаза его блестѣли, но веселой улыбки не было замѣтно на этомъ дѣтскомъ личикѣ. Послѣ краткаго взрыва возбужденнаго веселья глаза его сдѣлались снова серьезными, какъ прежде.

Отецъ всталъ, намѣреваясь идти въ свой кабинетъ.

— Когда ты вечеромъ не можешь справиться съ своей работой, приходи всегда тотчасъ же ко мнѣ! Ты вѣдь знаешь, что ты всегда можешь ко мнѣ войти!

— Я лучше всего хотѣлъ бы всегда справляться самъ, папа! Но если ты думаешь, что лучше сейчасъ же идти къ тебѣ, то я буду такъ дѣлать.

— Я считаю, мой мальчикъ, что тебѣ лучше не волноваться такъ, какъ это было сегодня. Развѣ ты другого мнѣнія?

Рѣзкій голосъ отца теперь совершенно смягчился. Онъ положилъ обѣ руки на плечи мальчика, который стоялъ передъ нимъ, все еще наклонившись и весь погруженный въ свои цифры, надъ которыми ему пришлось столько поломать голову.

— Не сиди за работой дольше половины девятаго! — сказалъ отецъ тѣмъ же убѣждающимъ тономъ, какъ будто бы онъ говорилъ съ равнымъ ему по возрасту другомъ.—Ты мнѣ это обѣщаешь, не правда ли?

— Конечно, папа.

Слова эти были произнесены почти торжественно. Меріанъ, улыбаясь, повернулся къ двери и вышелъ изъ комнаты.

Едва только дверь за нимъ затворилась, все еще стоявшій въ раздумьи около стола мальчикъ вдругъ точно проснулся и побѣжалъ за отцомъ.

— Папа... Я собственно больше былъ виноватъ, чѣмъ Іоганнъ. Я первый началъ мѣшать ему, когда я такъ страшно взволновался отъ своей задачи.

Съ минуту оба молчали. Въ ярко освѣщенной передней взоры отца снова встрѣтились съ тѣмъ же нѣжнымъ, непреодолимымъ дѣтскимъ взоромъ, и онъ въ волненіи взялъ голову мальчика и нѣсколько разъ поцѣловалъ его.

— Это тебѣ дѣлаетъ честь, Бертольдъ, что ты такъ искренно признаешь свою вину. Іоганнъ не будетъ тебя больше дразнить. Ну, покойной ночи! Больше не приходи ко мнѣ, потому что у меня еще очень много дѣла сегодня! Спи спокойно, милый мальчикъ!

Быстрыми шагами Меріанъ поспѣшилъ въ свой рабочій кабинетъ, гдѣ онъ усердно работалъ до полуночи.

* * *

Между тѣмъ Бертольдъ, пунктуально исполнившій свое обѣщаніе идти спать, нѣсколько часовъ лежалъ въ постели безъ сна. Въ тишинѣ и во мракѣ ночи ссора съ Іоганномъ

не выходила у него изъ головы. Онъ снова переживалъ безсильную ярость отъ одного воспоминанія, что братъ обругалъ его дѣвчонкой. Даже и теперь онъ испытывалъ странное ощущеніе сухости въ горлѣ и какого-то необыкновеннаго чувства въ затылкѣ, которое чуть не лишило его сознанія и... довело его до того, что онъ поднялъ стулъ, чтобы убить своего брата.

Если бы онъ былъ больше и сильнѣе, если бы у него хватило силы, чтобы убить Іоганна... можетъ быть, онъ тогда не поступилъ бы такъ?

Этотъ вопросъ лишалъ его сна.

Безпокойно метался онъ на своей постели. Когда его ярость нѣсколько улеглась, ему страшно стало при одной мысли, что если бы онъ не былъ такъ малъ, то, можетъ быть, онъ... въ эту минуту былъ бы убійцей своего брата,—братоубійцей, какъ Каинъ. И тогда, вмѣсто того, чтобы лежать въ теплой постели, онъ бродилъ бы гдѣ-нибудь во мракѣ ночи, пока...

Вдругъ легкій шумъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ спалъ Іоганнъ, возбудилъ его вниманіе. Онъ приподнялся, чтобы послушать, и скоро замѣтилъ изъ-подъ двери свѣтъ. Мальчикъ презрительно пожалъ плечали и снова легъ, потому что очень хорошо зналъ, что это за свѣтъ. Іоганнъ читалъ ночью, при восковой свѣчѣ, всевозможныя... книги, которыя онъ пряталъ въ своей школьной сумкѣ, никому ихъ не показывалъ и больше всего на свѣтѣ боялся, чтобы ихъ не увидалъ отецъ.

Бертольдъ однажды совершенно случайно засталъ брата при свѣчѣ и надъ его книгами, и Іоганнъ такъ этого испугался, что обѣщалъ исколотить мальчика, если только онъ скажетъ про него родителямъ.

Развѣ онъ, Бертольдъ, фискалъ какой-нибудь? Если бы онъ захотѣлъ жаловаться на Іоганна, ему незачѣмъ было бы дожидаться этого случая. Іоганнъ вѣдь всегда дѣлалъ то, что ему запрещалось и что могло бы повести къ строгому наказанію. Фискалятъ только дѣвчонки. Бэби очень это любитъ. Отецъ всегда сердился за это, но мать никогда не бранила ее, конечно, потому что она сама женщина, и когда была ребенкомъ, то тоже фискалила.

Но какъ только на минуту отвлекшій его мысли свѣтъ пересталъ занимать его вниманіе, къ нему снова вернулись укоры совѣсти.

Желаніе убить Іоганна и раньше уже лежало на его совѣсти. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — онъ это такъ хорошо помнитъ, какъ будто это случилось только вчера,— онъ съ ножомъ гнался за своимъ братомъ и ранилъ его въ

руку, потому что Іоганнъ дразнилъ его любимаго кролика и толкалъ его ногой. Бертольда за это строго наказали: два дня и двѣ ночи провелъ онъ въ заключеніи на чердакѣ, на хлѣбѣ и водѣ и на соломенномъ матрацѣ. Само наказаніе было для него совсѣмъ не хуже всего. Когда отцу разсказали объ его преступленіи и показали раненую руку, мальчикъ видѣлъ, что онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и лицо его такъ измѣнилось, что ему только тогда сдѣлалась ясной вся тяжесть его преступленія. Заключеніе было для него скорѣе пріятно, такъ какъ онъ не смѣлъ показаться на глаза отцу. Два дня на хлѣбѣ и водѣ онъ охотно жертвовалъ своему любимому кролику, который бѣгалъ за нимъ, какъ собачка, и, навѣрное, тоже, въ свою очередь, защитилъ бы Бертольда отъ всякаго насилія.

Больше всего боялся онъ того, что послѣдуетъ за наказаніемъ. Отецъ самъ свелъ его внизъ и держалъ себя такъ, какъ будто бы ничего не случилось.

— Теперь твое наказаніе кончено, и мы прощаемъ тебя, Бертольдъ! Я не буду требовать отъ тебя обѣщанія никогда не дѣлать ничего подобнаго. Я думаю, что въ этомъ абсолютно нѣтъ никакой необходимости, не правда ли?

Съ этими словами отецъ подалъ ему руку, и мальчикъ отвѣтилъ ему:—Нѣтъ, папа!—Потомъ онъ спустился внизъ, и мать поцѣловала его со слезами на глазахъ, а также и Бэби. Іоганнъ подалъ ему только свою перевязанную руку. Тогда у него сдавило горло, онъ опять побѣжалъ на чердакъ и плакалъ тамъ цѣлый часъ. Потомъ у него сдѣлалась такая головная боль, что пришлось позвать врача. Лекарство успокоило его, и онъ глубоко заснулъ. Проснувшись, онъ почувствовалъ себя совершенно оправившимся и уже не вспоминалъ больше о своемъ наказаніи.

Какъ живо встало это теперь передъ его умственнымъ взоромъ и какъ подробно вспоминалъ онъ все, что думалъ тогда! Ему казалось, что теперь онъ такъ же и даже гораздо больше виноватъ, чѣмъ тогда, потому что сегодня онъ не защищалъ никакого маленькаго, слабаго кролика, а чувствовалъ только себя оскорбленнымъ.

Онъ ненавидѣлъ Іоганна, ненавидѣлъ его и раньше и хорошо зналъ, что это очень дурная сторона его натуры. Но ненависть и убійство все-таки совсѣмъ не одно и то же.

Нѣсколько дней тому назадъ онъ слышалъ, что отецъ сказалъ за обѣдомъ гостямъ, какъ удивительно строго-логически началъ уже мыслить Бертольдъ. Замѣтивъ, что гости при этомъ удивленно посмотрѣли на него, онъ спросилъ послѣ изъ любопытства, что собственно значитъ „логически мыслить". Отецъ отвѣтилъ, что это немножко трудно разъ-

яснить ему, но что онъ попробуетъ это сдѣлать. Логическое мышленіе значитъ разумное, правильное мышленіе. Есть два рода мышленія: одно основывается преимущественно на разумѣ, а другое—на чувствѣ. Второй родъ мышленія нелогиченъ, онъ встрѣчается обыкновенно у женщинъ и очень рѣдко у мужчинъ. Нелогичное мышленіе часто даетъ поводъ къ ошибкамъ и несправедливостямъ.

— Что же мнѣ дѣлать, чтобы всегда мыслить логически?— спросилъ онъ тогда.

— Нужно именно учиться мыслить по опредѣленнымъ, установленнымъ законамъ, а не такъ, какъ это всего пріятнѣе и удобнѣе. Слова „логическій“ и „логика“ происходятъ отъ греческаго слова „логосъ“, что значитъ „разумъ“. Поэтому логически мыслить значитъ мыслить разумно. А разумъ есть высшее благо, которымъ природа надѣлила человѣка.

Какъ жадно слушалъ онъ тогда эти объясненія! Логическое мышленіе было, слѣдовательно, такимъ важнымъ, труднымъ и мужественнымъ, и онъ, Бертольдъ, повидимому, въ состояніи этого достигнуть. Не мало гордясь собой, онъ рѣшилъ мыслить всегда логически... не потому, чтобы это было всего пріятнѣе и удобнѣе, но только потому, что это правильнѣе всего, даже, если и направляется противъ самого себя.

На этомъ основаніи онъ усердно обдумывалъ и взвѣшивалъ теперь въ постели всѣ свои вечернія мысли и въ концѣ концовъ пришелъ къ заключенію, что желая даже одну минуту убить Іоганна, онъ не менѣе виновенъ, чѣмъ дѣйствительный убійца, такъ какъ только недостатокъ физической силы помѣшалъ убійству брата.

Онъ пришелъ въ ужасъ отъ этого результата своей логики. Онъ не только не хотѣлъ быть убійцей, но стремился быть вообще добрымъ, совершенно исключительно добрымъ. Съ нимъ сдѣлался лихорадочный жаръ, и, несмотря на ноябрьскій холодъ, онъ сбросилъ съ себя всѣ одѣяла.

Неужели ему такъ трудно... быть добрымъ! А между тѣмъ онъ хотѣлъ быть такимъ добрымъ, какъ никто другой... какъ Христосъ... или какъ его отецъ.

Быть такимъ добрымъ, какъ отецъ, казалось ему невозможнымъ... но такимъ, какъ Христосъ, можетъ быть, еще возможно, если постараться.

Бертольдъ считалъ Христа, въ сущности, не вполнѣ совершеннымъ. Онъ совсѣмъ не могъ понять, почему всѣ прежде считали Христа за сына Божія, а не просто за хорошаго человѣка? Ему казалось, что Христосъ иногда несправедливо сердился, напримѣръ, на хананейскую женщину,

которая умоляла его спасти ея одержимую бѣсомъ дочь. Только потому, что она не была израильтянкой, онъ не хотѣлъ ей даже отвѣтить. Когда же она продолжала умолять его, то слова Христа: „Не подобаетъ взять хлѣбъ у дѣтей и бросить его псамъ“—отнюдь не казались ему ни ласковыми, ни милосердными. Она-то вѣдь ничуть не была виновата въ томъ, что она—хананеянка, а не израильтянка. Это Христосъ долженъ былъ знать и не сравнивать ее съ собакой. Если бы у него, Бертольда, хватило смѣлости, то онъ сказалъ бы, что Христосъ въ данномъ случаѣ поступилъ очень нелогично.

И во многихъ другихъ случаяхъ великій человѣкъ Христосъ казался ему чуждымъ и достойнымъ порицанія. Онъ часто думалъ объ этомъ и ставилъ себѣ вопросъ, какъ бы онъ, Бертольдъ Меріанъ, поступилъ на мѣстѣ Христа?

Причиной всѣхъ этихъ мыслей и сравненій съ основателемъ христіанства было то обстоятельство, что у Меріановъ каждое утро за завтракомъ прочитывалась глава изъ Библіи. Отецъ семейства ввелъ этотъ обычай, когда онъ счелъ своего старшаго сына достаточно развитымъ, чтобы понимать Новый Завѣтъ. Этотъ обычай удержался въ семьѣ, хотя отъ Меріана не могло укрыться полное равнодушіе того, для кого собственно предназначалось это чтеніе. Къ счастью, аудиторія не ограничивалась только семьей, но при чтеніи присутствовала и вся домашняя прислуга. Важно и степенно, съ опущенными глазами, безшумно появлялись каждое утро въ столовой шесть человѣкъ слугъ и разсаживались вдоль стѣнъ на рѣзныхъ стульяхъ, не отдавая себѣ опредѣленнаго отчета, чѣмъ собственно отличались эти четверть часа отъ всего остального дня. Меріанъ строго придерживался нѣкоторыхъ фамильныхъ традицій, и у его родителей такъ же регулярно по утрамъ читалась Библія. По его мнѣнію, для духовнаго развитія дѣтей было очень важно съ самаго ранняго возраста познакомиться съ моральными красотами и высокимъ литературнымъ достоинствомъ этой книги всѣхъ книгъ.

Будучи сторонникомъ свободнаго изслѣдованія въ религіозной области и либеральныхъ идей 48-го года въ политическомъ отношеніи, Меріанъ послѣ долгой внутренней борьбы порвалъ со всѣми религіозными и политическими догматами, въ которыхъ его воспиталъ его строго вѣрующій и консервативный отецъ; однако, Библія осталась для него дорогой реликвіей со дня его юности. Онъ уважалъ Библію, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ,—не какъ божественное откровеніе, но какъ грандіозный и достойный идей-

ный памятникъ древности и высшаго проявленія благороднѣйшей человѣческой души, которая когда-либо существовала на землѣ.

Въ этомъ смыслѣ началъ онъ говорить о Библіи и объ Евангеліи и съ своимъ меньшимъ сыномъ, когда тому исполнилось восемь лѣтъ. Глубокое благоговѣніе, съ которымъ мальчикъ по утрамъ слушалъ его чтеніе, сначала доставило большое удовольствіе отцу. Потомъ онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ тщательно просматривать каждую главу Библіи, чтобы лучше приспособить чтеніе для слишкомъ внимательнаго мальчика. Вначалѣ онъ говорилъ, чтобы каждый слушатель, который что-нибудь не пойметъ изъ прочитаннаго, сейчасъ же прерывалъ бы его и спрашивалъ. Но никто не пользовался этимъ разрѣшеніемъ за исключеніемъ Бертольда, вопросы и замѣчанія котораго часто очень затрудняли отца, въ виду слишкомъ смѣшаннаго круга слушателей.

Однажды онъ читалъ XIX главу отъ Матѳея и остановился на ст. 21, гдѣ Іисусъ говоритъ богатому юношѣ: „Если хочешь быть совершеннымъ, поди, продай все, что имѣешь, и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ; тогда приходи и слѣдуй за мной!"

Бертольдъ насторожилъ уши, и, когда отецъ прочелъ слѣдующій стихъ: „Истинно говорю вамъ, трудно богатому войти въ царство небесное!", онъ не могъ больше удержаться и спросилъ:

— Развѣ дурно быть богатымъ?

На этотъ вопросъ сначала послѣдовало тягостное молчаніе. Слуги смущенно смотрѣли въ землю. Затѣмъ отецъ разъяснилъ, что Іисусъ хотѣлъ этимъ только указать на долгъ богатыхъ дѣлиться съ бѣдными.

Но съ этого дня Меріанъ заявилъ своему единственному интерпеллянту, что онъ будетъ отвѣчать на всѣ его вопросы послѣ ужина, въ тѣ минуты, которыя онъ посвящалъ вполнѣ своимъ дѣтямъ. Онъ шутилъ и возился тогда съ Бэби, игралъ и читалъ съ мальчиками, говорилъ о Библіи и разъяснялъ ея притчи, которыя большей частью очень нравились Бертольду. Иногда мальчикъ не соглашался со словами Христа, и въ такихъ случаяхъ онъ это совершенно откровенно высказывалъ. Однажды у него цѣлый день не выходили изъ головы слова Христа изъ главы XII отъ Луки: „Думаете ли вы, что я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына, и сынъ противъ отца, мать противъ дочери, и дочь противъ матери, свекровь противъ невѣстки своей, и невѣстка противъ

свекрови своей“.—Сѣять такой раздоръ въ семьяхъ, ради исполненія воли Божіей, не могло быть добрымъ дѣломъ,—подумалъ Бертольдъ, и вечеромъ, когда послѣ ужина наступилъ для него самый любимый часъ дня, онъ громко высказалъ свою мысль.

Къ его великому удивленію, отецъ почти разсердился на это. Съ нѣкоторымъ раздраженіемъ заявилъ онъ мальчику, что онъ еще слишкомъ малъ, чтобы высказывать свое сужденіе о такой сложной по содержанію книгѣ, какъ Библія, и о такой высокой, благородной личности, какъ Христосъ. Величайшіе ученые не были въ состояніи вполнѣ понять эту старинную книгу, написанную въ образномъ стилѣ индусскихъ народовъ. Апостолы изложили впослѣдствіи слова Христа такъ, какъ они ихъ понимали, и поэтому нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Христосъ выражался гораздо умѣреннѣе. Никому не придетъ въ голову понимать Библію буквально.

Отецъ многое еще говорилъ о Библіи и коснулся ближе и хананейской женщины. Бертольдъ съ величайшимъ вниманіемъ и почтеніемъ выслушалъ его, но все-таки не убѣдился вполнѣ. Какъ онъ ни старался представить себѣ безгрѣшнымъ ту личность, которую онъ такъ глубоко уважалъ, все-таки Христосъ не казался ему вполнѣ совершеннымъ.

Часто вопросы о Библіи вертѣлись на языкѣ у мальчика, но онъ не предлагалъ уже ихъ больше отцу, чтобы не задѣть его этимъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ теперь онъ просилъ разъяснить ему только то или другое мѣсто, котораго онъ не понялъ, но дѣлать какія-либо критическія замѣчанія онъ болѣе не рѣшался.

Но сегодня вечеромъ, въ сознаніи своей великой вины и при воспоминаніи о прочитанномъ утромъ въ Евангеліи отъ Іоанна явленіи Христа передъ Пилатомъ, благородный образъ Его стоялъ передъ умственнымъ взоромъ мальчика во всемъ Его кроткомъ величіи и спокойствіи; и Бертольдъ почувствовалъ себя безконечно далекимъ отъ своего идеала.

Раскаяніе произвело въ немъ внутреннюю перемѣну. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что его слѣдовало бы сегодня, собственно, опять наказать, и онъ принялъ самыя благородныя рѣшенія. Съ своимъ братомъ Іоганномъ онъ будетъ теперь всегда кротокъ.

Если Іоганнъ, злоупотребляя превосходствомъ своей физической силы, станетъ его дразнить и оскорблять, то онъ будетъ все это переносить такъ же терпѣливо и кротко, какъ Христосъ въ совѣтѣ первосвященниковъ, гдѣ на Него плевали и били по лицу.

Но въ этомъ припадкѣ глубочайшаго смиренія ему вдругъ пришла въ голову мысль, держалъ ли бы себя Христосъ, который вѣдь тоже могъ разсердиться, такъ же спокойно и кротко, если бы Его врагамъ пришла въ голову мысль оскорбить Его такъ ужасно, какъ это сдѣлалъ Іоганнъ?

Этому онъ уже совсѣмъ не могъ повѣрить. Во всякомъ случаѣ, Бертольдъ гораздо охотнѣе далъ бы себя бить и распинать, чѣмъ еще разъ подвергнуться тому, что онъ пережилъ въ этотъ вечеръ.

Онъ прямо страдалъ отъ того, что не могъ найти въ Библіи ни одного мѣста, которое могло бы служить ему руководящей нитью въ данномъ случаѣ. Что сдѣлалъ бы, въ самомъ дѣлѣ, Христосъ, если бы у него былъ такой братъ, какъ Іоганнъ?

Глубокое размышленіе по поводу этого вопроса и взвѣшиваніе возможности такого обстоятельства усилили, наконецъ, въ немъ чувство своей вины и успокоили его, такъ что, когда около половины двѣнадцатаго въ комнату вошла, по своему обыкновенію, его мать, чтобы осмотрѣть, все ли въ порядкѣ у дѣтей, Бертольдъ спалъ уже крѣпкимъ сномъ.

При видѣ своего младшаго сына, молодая женщина покачала своей дѣтской, бѣлокурой головкой. Старшій, Іоганнъ, услышавъ шаги матери на лѣстницѣ, быстро спряталъ книгу, погасилъ свѣчу и, притворившись спящимъ, представлялъ собой образцовую картину здороваго сна; у Бертольда же вся постель была въ полномъ безпорядкѣ и говорила о волненіи мальчика передъ тѣмъ, какъ заснуть. Всѣ простыни и одѣяла были сброшены или сбиты къ ногамъ; мальчикъ лежалъ поперекъ кровати почти совершенно раздѣтымъ, темные волосы его сбились на лобъ, кулаки были сжаты.

Мать поставила свѣчу въ сторону, чтобы она не безпокоила мальчика и сдѣлала то, что ей приходилось дѣлать каждый день. Прежде всего она осторожно положила спящаго ребенка вдоль постели, поправила простыни и одѣяла, тепло укрыла его, и, когда все было готово, она нѣсколько минутъ еще смотрѣла на сына; затѣмъ она нагнулась и тихонько поцѣловала его. Когда она своей неслышной походкой вышла за дверь, казалось, какъ будто въ комнатѣ оставался какой-то слѣдъ ея пребыванія, точно дыханіе мира спустилось къ безпокойному мальчику и укачало въ свѣтлыхъ сновидѣніяхъ тревожно вопрошающую и ищущую дѣтскую душу.

Всѣ, кто только былъ знакомъ съ семействомъ Мері-

ановъ, знали своеобразное отношеніе отца къ своему младшему сыну, и многимъ оно казалось крайне забавнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни отъ кого, кто только сколько-нибудь былъ посвященъ въ ихъ семейную жизнь, не могло укрыться, что какъ рѣзкій, металлическій голосъ, такъ и властныя манеры главы семьи при малѣйшемъ возраженіи ему тотчасъ же измѣнялись, какъ только открывалъ ротъ Бертольдъ.

Онъ слушалъ тогда, какъ человѣкъ, который обыкновенно считаетъ совершенно излишнимъ такое вниманіе и въ данномъ случаѣ относится совершенно исключительно; и когда ему приходилось противорѣчить мальчику, сжатыя губы его раздвигались въ улыбку и въ отвѣтахъ его чувствовалась какая-то боязливость, какъ будто бы онъ говорилъ съ человѣкомъ, стоявшимъ выше его въ духовномъ отношеніи.

Эта разница бросалась въ глаза даже мало внимательному наблюдателю. Но только немногіе замѣчали, съ какимъ почтительнымъ вниманіемъ слушалъ обычно угрюмый и неласковый мальчикъ, какъ только раздавался голосъ отца. Слишкомъ явная отцовская гордость Меріана не позволяла большинству видѣть истинную сущность ихъ отношеній, и поэтому они не могли замѣтить въ мальчикѣ ничего особеннаго.

Признанные авторитеты, лица, занимающія выдающееся положеніе въ политическомъ или промышленномъ мірѣ, съ которыми Меріанъ состоялъ въ дружескихъ или дѣловыхъ сношеніяхъ и которыхъ онъ гостепріимно принималъ въ своемъ роскошномъ домѣ, часто съ трудомъ удерживались отъ ироническаго пожатія плечъ, когда глава семьи съ величайшимъ вниманіемъ выслушивалъ замѣчанія мальчика, вмѣшивающагося въ разговоры, вмѣсто того, чтобы просто заставить замолчать „мальчишку", какъ они звали его за глаза. Досада ихъ еще болѣе увеличивалась тѣмъ обстоятельствомъ, что—при всемъ своемъ уваженіи къ интеллектуальнымъ и другимъ свойствамъ Меріана—они умышленно старались избѣгать всякихъ политическихъ споровъ, въ виду его опредѣленныхъ мнѣній; а Меріанъ очень рѣдко считался съ этой уступкой. Если принять въ соображеніе, какъ этотъ человѣкъ, съ которымъ всѣ обращались такъ осторожно, на ихъ глазахъ съ самымъ трогательнымъ вниманіемъ выслушивалъ прямолинейныя несообразности ребенка,—то терпѣніе ихъ часто подвергалось очень серьезному испытанію.

Однако, никто изъ друзей не позволялъ себѣ ни ма-

лѣйшаго намека на его своеобразный методъ воспитанія и на его непослѣдовательность въ этомъ отношеніи.

Съ старшимъ мальчикомъ обращались вѣдь совершенно иначе. Какъ только тотъ осмѣливался вставить слово, его сейчасъ же строго останавливали.

Меріану вообще всѣ охотно уступали, потому что его слишкомъ цѣнили, чтобы не сдѣлать ни малѣйшаго снисхожденія его властному характеру. Нѣкоторые, разумѣется, избѣгали общенія съ нимъ, считая его „невыносимымъ доктринеромъ".

Однажду къ Меріану пріѣхалъ съ своей женой одинъ изъ друзей его молодости, утрехтскій адвокатъ, съ которымъ онъ со времени своихъ университетскихъ лѣтъ въ Лейданѣ при случаѣ поддерживалъ сношенія. За обѣдомъ, къ которому было приглашено еще нѣсколько общихъ друзей, царило самое оживленное настроеніе. Меріанъ сидѣлъ рядомъ съ молодой, хорошенькой и нарядно одѣтой женой своего друга. Очень чувствительный къ женской красотѣ вообще и къ своеобразной прелести этой дамы въ особенности, онъ все время разговаривалъ преимущественно съ своей сосѣдкой, шутилъ и болталъ съ такимъ остроуміемъ, какъ это съ нимъ рѣдко когда бывало. Оба они сыпали остроумными мыслями и порадоксами,—это былъ настоящій перекрестный огонь насмѣшливыхъ замѣчаній и остроумныхъ возраженій, которыя и остальныя гости слушали со вниманіемъ, намѣреваясь также принять участіе въ разговорѣ, гдѣ обѣ стороны проявляли столько блестящаго остроумія.

Мало-по-малу разговоръ перешелъ въ логику, и здѣсь фейерверкъ словесной борьбы заблестѣлъ, кажется, еще ярче. Меріанъ, наконецъ, пересталъ возражать своей сосѣдкѣ, а только слушалъ ее съ своей скептической, смягченной учтивостью улыбкой, и размышлялъ про себя, какъ онъ сейчасъ разобьетъ весь карточный домикъ ея женскаго разума острой стрѣлой, пущенной изъ туго натянутаго лука его мужского интеллекта.

Вдругъ, во время короткой паузы, съ другого конца стола раздалось безаппеляціоннымъ тономъ:

— Женщины не могутъ мыслить логически.

Если бы бомба разорвалась въ залѣ, впечатлѣніе не было бы сильнѣе.

Безмолвно взглянули всѣ въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣли трое дѣтей, а затѣмъ раздался гомерическій хохотъ, въ которомъ не принимали, однако, участія самъ хозяинъ и его жена,—послѣдняя пыталась знаками дать понять Бертольду, что онъ поступилъ неприлично, а первый молчалъ по другимъ причинамъ.

Когда хохотъ смолкъ, Меріанъ бросилъ на злорадствующаго Іоганна строгій взглядъ, который тотчасъ же успокоилъ его и затѣмъ спокойно обратился къ своему меньшему сыну; мальчикъ вѣдь только повторилъ то, что какъ-то сказалъ ему отецъ и совершенно не могъ понять, что онъ сдѣлалъ такого смѣшного.

— То, что ты сказалъ, Бертольдъ, не совсѣмъ вѣрно. Вѣроятно, мысль твоя была правильнѣе, чѣмъ ты выразился. Разумѣется, женщины могутъ мыслить логически, если только онѣ этому учились, и есть немало мужчинъ, которые никогда не могутъ этому научиться... хотя логическое мышленіе и является специфически мужскимъ свойствомъ, которое усваивается при помощи науки.

— Какой науки?—тотчасъ же спросилъ Бертольдъ.

— Главнымъ образомъ, математики.

Бертольдъ не сказалъ больше ни слова, но онъ тутъ же рѣшилъ такъ же успѣвать по математикѣ, какъ онъ теперь уже успѣваетъ въ логикѣ; а гости неопредѣленно смотрѣли передъ собой, чтобы скрыть свое впечатлѣніе. Все происшествіе казалось имъ просто неслыханнымъ. Они считали, что Меріанъ такъ невозможно велъ себя, какъ хозяинъ и какъ отецъ, что имъ пришлось приложить немало усилій для того, чтобы наружно скрыть свое внутреннее негодованіе. Только молодая женщина съ нѣкоторымъ участіемъ взглянула на дѣтей и подумала, не представляетъ ли собой этотъ некрасивый, темноволосый мальчикъ съ мечтательными глазами чего нибудь необыкновеннаго. Что же касается до ея мужа, то онъ счелъ себя оскорбленнымъ за свою умную, хорошенькую жену и, внимательно разсматривая складки своей салфетки, сказалъ Меріану:

— Я и не зналъ, Меріанъ, что у тебя такой сынъ... Повидимому, мы имѣемъ дѣло съ будущимъ геніемъ.

Ироническій тонъ, которымъ были сказаны эти слова, сообщилъ глазамъ Меріана то выраженіе, которое обыкновенно служило предостереженіемъ.

— Ты не зналъ, что у меня есть достаточно интеллигентный сынъ?.. Къ счастью, онъ очень интеллигентенъ.

— И, вѣроятно, въ твою систему воспитанія входитъ позволять ребенку говорить о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ не можетъ имѣть еще ни малѣйшаго понятія?

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Бертольдъ говоритъ только о такихъ вещахъ, которыя онъ понимаетъ, и съ этимъ я безусловно согласенъ.

Его голосъ, звучавшій такъ, какъ будто бы ножомъ проводили по камню, дополнялся такимъ взглядомъ, что другъ его юности счелъ болѣе удобнымъ не продолжать

разговора. Но на обратномъ пути въ желѣзнодорожномъ купэ супруги наверстали свое, и Меріанъ, навѣрное, былъ бы очень удивленъ, если бы онъ могъ подслушать ихъ разговоръ. Онъ обыкновенно тотчасъ же забывалъ свои слова, которыя только благодаря такту и чувству приличія другихъ не приводили къ непріятному результату. Но тѣ, кто изъ такихъ соображеній удержались отъ надлежащаго отпора, рѣдко прощаютъ это и никогда не забываютъ.

Госпожа Меріанъ между тѣмъ имѣла самое неопредѣленное представленіе объ истинномъ положеніи дѣлъ. Она нерѣдко высказывалась передъ своими подругами, что мужъ ея исключительно строго обращается съ Іоганномъ, тогда какъ съ Бертольдомъ онъ слишкомъ снисходителенъ. При этомъ она всегда пыталась оправдать это различіе тѣмъ, что Бертольдъ съ самаго рожденія былъ въ высшей степени слабымъ ребенкомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ требовалъ самаго осторожнаго обращенія съ нимъ и, благодаря этому, сдѣлался нелюдимымъ и скучнымъ съ посторонними. Вслѣдствіе безграничной привязанности къ своимъ родителямъ, онъ естественно имѣетъ и большее право на ихъ доброту и снисходительность, чѣмъ старшій,— легкомысленный и шумный Іоганнъ, легко завязывающій дружбу съ первымъ встрѣчнымъ, повидимому, очень мало придавалъ значенія родительской привязанности.

Подруги соглашались съ этими разсужденіями но въ глубинѣ сердца онѣ считали изящнаго, бѣлокураго Іоганна, который въ 14 лѣтъ уже умѣлъ немного ухаживать за дамами, гораздо милѣе, тогда какъ Бертольдъ, почти неприличное равнодушіе котораго къ посѣтителямъ не разъ ими порицалось, внушалъ имъ такую антипатію, которую они часто съ трудомъ умѣли скрыть.

Только одна, немолодая, незамужняя дама, тетка госпожи Меріанъ, составляла исключеніе въ этомъ отношеніи. Со времени одного случая, показавшаго ей мальчика совершенно въ иномъ свѣтѣ, она всегда гордо заступалась за него, когда въ ея присутствіи поднималась рѣчь о „противномъ, невыносимомъ мальчишкѣ Меріановъ“.

Однажды въ морозный, зимній день, когда у Бертольда было свободное отъ школьныхъ занятій послѣобѣденное время, она пришла навѣстить свою племянницу и прислуга сказала ей, что госпожа Меріанъ въ классной съ дѣтьми.

Хорошо зная расположеніе комнатъ, она тотчасъ же поднялась во второй этажъ, но нашла въ классной не мать, а только обоихъ меньшихъ дѣтей: Бэби дремала блѣдная на софѣ, тепло закутанная въ домашнюю курточку Бертольда, а самъ Бертольдъ въ одной рубашкѣ и стуча зу-

бами отъ холода, окоченѣлыми пальцами рисовалъ карту. Каминъ давно уже потухъ.

— Ну, дѣти, а гдѣ же мама? Что это съ нашей милой Бэби?... и почему ты снялъ свою курточку, Бертольдъ?— удивленно спрашивала она.

— У Бэби болитъ голова, и ей холодно!—сказалъ Бертольдъ своеобразнымъ твердымъ и отрывистымъ тономъ, живо напомнившимъ отцовскую манеру говорить. Не поднимая глазъ и не обращая больше никакого вниманія на посѣтительницу, онъ продолжалъ спокойно работать.

— Развѣ тебѣ не холодно, мальчикъ?—спросила тетка.

— Нѣтъ!

Она невольно улыбнулась. Не чувствуя никакой особенной симпатіи къ ребенку, она все-таки иногда проявляла къ нему нѣкоторый интересъ. Желая знать, что собственно происходитъ въ его душѣ, она осталась еще на минуточку.

— Это очень хорошо съ твоей стороны, что ты терпишь холодъ за Бэби. Ты, навѣрное, очень любишь свою сестренку, не правда ли?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ коротко и рѣзко, ни на минуту не прерывая своей работы.

— Нѣтъ?.. Ты не любишь своей милой сестренки? Почему же это?

— Я не люблю дѣвочекъ, потому что онѣ очень глупы!— сказалъ онъ съ явнымъ презрѣніемъ.

Гостья стала сзади него, какъ будто затѣмъ, чтобы посмотрѣть его работу. Несмотря на то, что она съ трудомъ удерживалась отъ смѣха, у ней показались на глазахъ слезы, и она боялась, чтобы онъ не замѣтилъ ихъ.

— Если ты не любишь Бэби, то тѣмъ болѣе хорошо съ твоей стороны, что ты о ней заботишься и укрываешь ее своей курткой.

Бертольдъ въ это время такъ сердито рисовалъ извилины Мааса, что проткнулъ карандашомъ бумагу. Онъ ясно почувствовалъ, что къ нему отнеслись покровительственно, какъ къ ребенку, и сентиментальныя слова глубоко задѣли его впечатлительную душу.

— Ты—старая сплетница! — подумалъ онъ про себя и чуть не высказалъ этого вслухъ.

— Ничего въ этомъ хорошаго нѣтъ. Если Бэби мерзнетъ, то ее просто нужно одѣть. Вѣдь у Бэби болитъ голова.

Дѣвочка не говорила ни слова и совершенно апатично лежала на диванѣ. Старая тетка смотрѣла на сердитаго мальчика съ тайнымъ желаніемъ, чтобы мать не стала бы разъяснять ему безпомощность его героической жертвы и не указала бы ему на то, что гораздо благоразумнѣе было

бы принести платокъ или подтопить каминъ. Такое отрезвленіе было бы очень печально, подумала она.

Затѣмъ она поспѣшила найти мать, чтобы та какъ можно скорѣе обратила вниманіе на то, что происходитъ въ классной.

Къ сожалѣнію, послѣдствія не замедлили проявиться. Бертольдъ сильно простудился и долженъ былъ почти цѣлую недѣлю пролежать въ постели. Когда отецъ узналъ, въ чемъ дѣло, онъ счелъ необходимымъ,—осторожно, правда,— прочесть ему наставленіе, къ чему Бертольдъ отнесся съ стоическимъ спокойствіемъ.

Съ этихъ поръ у Бертольда, среди знакомыхъ его семьи, была вѣрная защитница, которая съ интересомъ слѣдила за его дальнѣйшимъ развитіемъ и вступалась за него всякій разъ, когда на него нападали.

* * *

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ вечерней ссоры обоихъ мальчиковъ, которая имѣла то вліяніе на Бертольда, что онъ торжественно поклялся себѣ со всей энергіей бороться съ желаніемъ убить Іоганна, въ домѣ Меріановъ случилось нѣчто, сильно поколебавшее его довѣріе къ себѣ.

Однажды вечеромъ отецъ засталъ Іоганна за чтеніемъ въ постели. По какой-то роковой случайности горничная забыла спустить вечеромъ шторы въ его комнатѣ, и, возвращаясь поздно ночью съ какого-то засѣданія, Меріанъ съ улицы замѣтилъ у него въ окнѣ свѣтъ. Страшно разсердившись, онъ тихонько поднялся наверхъ и засталъ преступника на самомъ мѣстѣ его преступленія читающимъ переводъ одного изъ романовъ Золя; всякое отрицаніе вины было совершенно безполезно.

Громкій голосъ отца разбудилъ въ сосѣдней комнатѣ Бертольда, и онъ тотчасъ же догадался, что случилось. Весь дрожа отъ волненія, Бертольдъ сталъ слушать. Напряженно, какъ будто дѣло это касалось его самого, пытался онъ себѣ представить, чѣмъ кончится дѣло. Онъ былъ совершенно подавленъ отъ того, что произошло, и при мысли, какъ ужасно долженъ былъ разсердиться на брата отецъ, холодъ пробѣжалъ у него по всему тѣлу.

Но рѣзкій голосъ смолкъ скорѣе, чѣмъ ожидалъ Бертольдъ. Скоро онъ услышалъ тяжелые шаги удалявшагося отца и стукъ затворяемой имъ двери. Съ нѣсколько облегченнымъ сердцемъ онъ снова легъ въ постель, раздумывая о томъ, каково теперь на душѣ у Іоганна. Напрасно

онъ снова приподнимался и, затаивъ дыханіе, прислушивался, не слышно было ни малѣйшаго шума. Тогда онъ опять легъ въ постель и лежалъ такъ съ открытыми глазами, пока, около полуночи, не вошла, по своему обыкновенію, мать.

— Развѣ ты не спишь, Бертольдъ?—спросила она, замѣтивъ, что глаза мальчика были открыты.

— Нѣтъ, я проснулся, когда отецъ былъ у Іоганна.

— Іоганнъ сдѣлалъ очень, очень дурной поступокъ. Онъ читалъ книгу, которую тайкомъ досталъ себѣ. Мы оба этимъ сильно огорчены.

Дѣтски-наивное лицо 35-лѣтней женщины было блѣдно и печально; Бертольдъ вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Іоганна, навѣрное, очень строго накажутъ?—спросилъ онъ съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія, что та, съ которой онъ говорилъ, не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на степень наказанія и что въ этомъ отношеніи они оба равны.

— Я боюсь, что да, потому что онъ поступилъ чрезвычайно дурно!—прозвучалъ отвѣтъ.—Онъ вѣдь всегда такъ дѣлалъ, и я это давно зналъ!—подумалъ Бертольдъ, и онъ почувствовалъ укоры совѣсти не по отношенію къ своей матери, которую онъ, правда, очень любилъ, но скорѣе какъ равную себѣ и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшаго почтенія,—а по отношенію къ отцу, котораго онъ вѣдь собственно помогалъ обманывать.

Намѣренно преувеличивая преступность Іоганна, мать надѣялась поселить въ душѣ мальчика спасительное отвращеніе къ подобнымъ поступкамъ и ничуть не подозрѣвала, какія тяжелыя мысли вызвала она этимъ въ душѣ мальчика. Когда она вышла, онъ сталъ ломать себѣ голову надъ вопросомъ, что было хуже,—помогать ли обманывать, или доносить.

Онъ прекрасно сознавалъ, что при помощи всей своей логики ему все-таки не рѣшить этой трудной задачи; поэтому онъ попытался прибѣгнуть къ примѣру Христа. Если бы Христосъ, спрашивалъ онъ себя, встрѣтилъ грѣшника, сталъ ли бы онъ разсказывать объ его грѣхахъ Богу,—если предположить, что онъ, какъ прежде думали,—сынъ Божій и ежедневно можетъ разговаривать съ нимъ? Вспомнивъ, какъ, несмотря на свои гнѣвныя рѣчи, Христосъ былъ ласковъ съ грѣшниками, онъ сразу отвѣтилъ отрицательно на этомъ вопросъ, и всѣ сомнѣнія его исчезли. Тогда онъ снова сталъ думать о самомъ грѣшникѣ.

— Бѣдный Іоганнъ!

Онъ, Бертольдъ, младшій братъ, котораго всегда драз-

нили и обижали, испытывалъ теперь по отношенію къ Іоганну совершенно незнакомое ему чувство превосходства, а вслѣдствіе этого и нѣкотораго рода состраданіе, желаніе помочь ему, острую потребность быть съ нимъ добрымъ и благороднымъ.

Случайно отецъ читалъ въ это утро какъ разъ нагорную проповѣдь,—„самое прекрасное во всей библіи", какъ онъ заявилъ,—Бертольду особенно запомнились слова: „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ и гонящихъ васъ".

Мысленно онъ тотчасъ же привелъ эти слова въ связь съ Іоганномъ и подумалъ, можно ли примѣнять это жизненное правило по отношенію къ тому, кого отъ всей души ненавидишь. И къ удивленію... ему теперь было совсѣмъ не трудно любить своего брата. Для него самого было неясно, почему, но въ эту минуту онъ даже вполнѣ хорошо относился къ нему.

Что будетъ, если онъ пойдетъ къ нему, утѣшитъ его и скажетъ, что онъ, Бертольдъ, завтра утромъ замолвитъ за него слово отцу?

Сказано—сдѣлано. Онъ вылѣзъ изъ своей постели и, ощупью добравшись до двери, осторожно отворилъ ее, чтобы не разбудить никого въ домѣ. и тихонько крикнулъ:

— Іоганнъ, слушай-ка!

Никакого отвѣта не послѣдовало.

Онъ еще разъ шепнулъ:—Іоганнъ!—Но подойдя ближе, онъ по ровному дыханію брата понялъ, что тотъ спалъ крѣпко и спокойно, и всякое утѣшеніе было, повидимому, совершенно излишнимъ.

Совершенно отрезвившись, съ неопредѣленнымъ чувствомъ собственной наивности и духовнаго превосходства Іоганна, прокрался онъ обратно въ свою комнату, снова залѣзъ въ постель и скоро заснулъ.

На другое утро гроза разразилась. Іоганну было приказано цѣлую недѣлю оставаться наверху, въ классной, ему надавали цѣлую кучу работы въ наказаніе и не позволили ходить въ школу. Обѣдъ носили ему наверхъ, и никто въ домѣ не смѣлъ разговаривать съ нимъ.

Бертольдъ шелъ всегда первымъ въ классѣ, но въ это утро онъ былъ крайне невнимателенъ и разсѣянъ. Такое долгое наказаніе казалось ему невыносимымъ для Іоганна. Весь день онъ былъ въ какомъ-то странномъ настроеніи. Даже не сердиться на брата, не желать больше мстить ему ни за что, но, напротивъ, любить его,—такія мысли

наполняли теперь его душу и производили въ ней цѣлую путаницу.

Недавно онъ читалъ въ хрестоматіи разсказъ объ одномъ мальчикѣ, который благодаря раскаянію и молитвамъ былъ помилованъ Богомъ. Самъ онъ никогда объ этомъ не молился, потому что не считалъ себя вообще ни дурнымъ, ни безбожнымъ. Но, можетъ быть, благодать Божія сама, безъ всякой молитвы снизошла на него, потому что онъ возлюбилъ врага своего?

Такъ какъ онъ во время занятій виталъ въ этихъ высокихъ сферахъ, то онъ былъ страшно невнимателенъ, и учитель нѣсколько разъ дѣлалъ ему строгія замѣчанія. Но это произвело на него только то впечатлѣніе, что онъ сталъ чувствовать себя равнымъ по смиренію Христу.

Въ 4 часа пополудни онъ вернулся домой и дождался отца въ передней, когда тотъ возвращался изъ своей конторы.

— Я хотѣлъ попросить тебя простить Іоганна, папа!— сказалъ онъ ему, густо покраснѣвъ.

— Да?.. Ты этого хочешь? — возразилъ Меріанъ спокойнымъ, но менѣе рѣзкимъ, чѣмъ обыкновенно, тономъ и удивленно взглянувъ на мальчика:—Я опасаюсь только, что онъ не будетъ жалѣть о своемъ проступкѣ, если я сниму съ него наказаніе.

Его голосъ звучалъ нѣсколько нерѣшительно. Вѣроятно, онъ забылъ, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, когда его огорченная жена просила смягчить наказаніе, онъ отказалъ ей въ этомъ властнымъ тономъ самодержца.

Бертольдъ, отъ котораго не ускользнула легкая перемѣна въ голосѣ, отвѣтилъ ему въ свою очередь вопросомъ:

— Развѣ наказаніе вызываетъ раскаяніе?

Онъ въ это время подумалъ объ Іудѣ, который, предавъ Христа, повѣсился отъ укоровъ совѣсти. Бертольду было совершенно ясно, что Іуда чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ оттого, что Христосъ никогда не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго упрека.

Меріанъ улыбнулся. Сознаніе, что онъ имѣетъ сына, который такъ необыкновенно легко умѣетъ найти самую сущность труднѣйшихъ душевныхъ проблемъ, наполнило его сердце радостнымъ чувствомъ, и ему стоило нѣкотораго напряженія сохранить спокойный, объективный тонъ. Чтобы не отвѣчать на трудный вопросъ, онъ просто устранилъ его.

— Если кто-нибудь совершенно лишенъ чувства раскаянія, то я не думаю, чтобы его можно было вызвать од-

нимъ наказаніемъ, но такъ какъ ты просишь за Іоганна, то я сокращу ему наказаніе на половину. Вмѣсто недѣли, онъ будетъ подъ арестомъ только три дня.

— Одинъ день уже почти прошелъ, остается, слѣдовательно, только два дня! —И Бертольдъ, сдѣлавшись вдругъ совершеннымъ ребенкомъ, подпрыгнулъ отъ радости, потомъ побѣжалъ черезъ корридоръ въ комнаты, бросился на шею матери; затѣмъ онъ схватилъ свою маленькую сестренку, спокойно игравшую съ большой куклой, и протанцовалъ съ ней и съ куклой нѣсколько разъ черезъ всю комнату и, въ концѣ концовъ, бросился наверхъ къ Іоганну.

— Онъ попросилъ меня за Іоганна,—сказалъ Меріанъ на вопросительный взглядъ жены.

Она не спрашивала больше, такъ какъ шумная веселость Бертольда все ей уже объяснила. Она нисколько не удивилась, что его заступничество привело къ бóльшимъ результатамъ, чѣмъ ея собственное; радость за старшаго сына была ея единственнымъ чувствомъ.

— Я убавилъ ему наказаніе наполовину, — пояснилъ Меріанъ.—Слѣдовательно, онъ останется наверху еще два дня.

Когда что-нибудь особенно живо интересовало Меріана, онъ, самъ того не сознавая, говорилъ въ такихъ случаяхъ еще болѣе властнымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно. Жена его, благодаря многолѣтнему общенію съ нимъ, лучше знавшая его особенности, чѣмъ это было бы возможно даже самому внимательному наблюдателю, спеціально изучавшему его характеръ, постепенно привыкла къ этому.

Когда супругъ ея поднялся наверхъ, чтобы одѣться къ обѣду, мысли ея перенеслись къ обоимъ мальчикамъ, такъ непохожимъ другъ на друга; особенно рѣзко проявлялось это различіе между ними тогда, когда то или другое домашнее событіе нарушало обычное теченіе жизни.

Какихъ только заботъ ни приносило воспитаніе обоихъ мальчиковъ! Взглядъ ея упалъ на Бэби, тихо и спокойно игравшую около нея въ куклы. Что же касается до Бертольда... при мысли о немъ она только глубоко вздохнула. Несмотря на всю его вспыльчивость, онъ велъ себя все-таки гораздо лучше Іоганна, но его странный характеръ причинялъ ей много горя. Въ виду его все возрастающей антипатіи къ брату, она считала его заступничество передъ отцомъ такимъ неестественнымъ, что ей было это почти непріятно. Что бы она дала за то, чтобы Бертольдъ былъ обыкновеннымъ, грубоватымъ, легкомысленнымъ мальчикомъ, немного завистливымъ и эгоистичнымъ, какъ большинство дѣтей, которыхъ за это можно бранить и наказывать,

когда нужно! Она любила все только самое обыкновенное, и все исключительное было ей непріятно.

Поговорить о томъ, что ей не нравилось въ мальчикѣ, съ тѣмъ человѣкомъ, съ которымъ она прежде всего должна бы подѣлиться этимъ, ей и въ голову не приходило.

Она никогда также не спрашивала его, на какомъ основаніи примѣняетъ онъ къ Бертольду такую необыкновенную систему воспитанія. Вѣроятно, онъ поступаетъ правильно, думала она со свойственнымъ ей оптимизмомъ.

Основной чертой ея характера было во всемъ полагаться на самый ходъ жизни, и ея супругъ вполнѣ считался съ этимъ. Поэтому они почти никогда не говорили о натурахъ своихъ дѣтей. Только когда она при случаѣ какимъ-нибудь замѣчаніемъ относительно Бертольда проявляла полное незнаніе дѣтской души, тогда онъ своимъ рѣзкимъ, недопускающимъ никакихъ возраженій тономъ указывалъ ей на правильную точку зрѣнія и доказывалъ, что по отношенію къ Бертольду ничто не ускользало отъ его вниманія и что онъ убѣжденъ, что, кромѣ него, никто не въ состояніи понять истинныя чувства мальчика.

Нисколько не сомнѣваясь въ правильности его взглядовъ, которые часто и въ самомъ дѣлѣ оправдывались, она тогда тотчасъ же умолкала.

Когда Бертольдъ въ радостномъ возбужденіи бросился наверхъ, чтобы объявить брату о смягченіи наказанія, Меріану очень хотѣлось послушать и понаблюдать обоихъ мальчиковъ такъ, чтобы они его не видѣли. Къ счастью для Іоганна, онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ все, что ему пришлось бы увидѣть и услышать, меньше всего предназначалось для отца.

Войдя въ комнату, Бертольдъ тотчасъ же былъ разочарованъ. Іоганнъ, веселый и довольный, лежалъ на окнѣ и пытался при помощи знаковъ сговориться съ стоявшимъ внизу на улицѣ товарищемъ по гимназіи насчетъ книги, которую онъ держалъ въ рукѣ.

Встрѣтить несчастнаго заключеннаго въ такомъ состояніи было... такъ неожиданно для Бертольда, что ему показалось смѣшной и самая цѣль его прихода, и онъ хотѣлъ тихонько уйти, не говоря ни слова. Но Іоганнъ крикнулъ ему:

— Поди сюда, Бертольдъ, и выручи насъ! Необходимо передать эту книгу Карлу де Масту, который стоитъ внизу. Если я ему брошу ее внизъ, то она разорвется, а если я спущу ее по веревкѣ, то отецъ можетъ замѣтить это изъ своего окна. Бѣги же скорѣе внизъ и отнеси ему эту книгу, и тогда я буду видѣть въ тебѣ мальчика, котораго можно уважать!

Бертольдъ стоялъ, какъ прикованный, и безмолвно смотрѣлъ на темно-мраморный снабженный номеромъ переплетъ книги, одно прикосновеніе къ которой внушало ему ужасъ.

— Если ты этого не сдѣлаешь и опять будешь разыгрывать изъ себя паиньку-мальчика, то у насъ произойдутъ ужасныя вещи, я тебя предупреждаю объ этомъ! Эта книга гораздо хуже той, которая была вчера вечеромъ,—Іоганнъ громко расхохотался,—и кромѣ того, ее сегодня же непремѣнно нужно отнести въ библіотеку, иначе нельзя и предвидѣть всѣхъ послѣдствій, и это будетъ на твоей совѣсти. Будь же на этотъ разъ не маменькинымъ сынкомъ, а проворнымъ и веселымъ малымъ, съ которымъ можно имѣть дѣло!

Не говоря ни слова, Бертольдъ протянулъ руку, взялъ книгу и хотѣлъ удалиться.

— Спрячь ее подъ куртку, дуракъ! Вѣдь ты же можешь съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться на лѣстницѣ!—крикнулъ Іоганнъ своему совершенно потерявшему волю брату. Тотъ спряталъ ее подъ куртку и быстро побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, не встрѣчаясь ни съ кѣмъ. Затѣмъ онъ осторожно отворилъ дверь дома и передалъ поджидавшему уже его гимназисту книгу. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ забрался въ темный корридорчикъ, куда никто не заходилъ днемъ.

Тамъ онъ легъ на полъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто ему нужно было скрыться отъ свѣта и въ темнотѣ гораздо было лучше.

Онъ не пытался теперь мыслить „логически" и не думалъ разбирать, было ли необходимо такъ поступить, какъ поступилъ онъ, и что сдѣлалъ бы въ данномъ случаѣ Христосъ. Чувство глубокаго стыда, охватившаго его, вытѣснило всѣ эти мысли. Онъ ясно понималъ, почему онъ отнесъ книгу... Онъ хотѣлъ, чтобы Іоганнъ считалъ его „проворнымъ" малымъ, который, хотя и маленькій, но можетъ быть такимъ же дурнымъ, какъ и его старшій братъ, такъ же обманывать и устраивать разныя штуки, если хотѣлъ. Но послѣ того, какъ онъ это сдѣлалъ, вся исторія показалась ему крайне глупой и вульгарной. Онъ просто готовъ былъ выцарапать глаза Іоганну. Теперь ему хотѣлось, чтобы Іоганнъ навсегда остался бы наверху.

— Ты передалъ Іоганну, что ему уменьшили наказаніе?— спросила его мать, когда полчаса спустя они сидѣли за столомъ.

— Нѣтъ!

— Зачѣмъ же тогда ты такъ быстро побѣжалъ наверхъ?

— Я теперь не знаю, зачѣмъ!—коротко отвѣтилъ мальчикъ.

Лицо его вспыхнуло густымъ румянцемъ, и отцу его казалось, что онъ понялъ причину этого возбужденія. Но въ данномъ случаѣ онъ былъ безконечно далекъ отъ истины.

* * *

Прошло нѣсколько лѣтъ, и въ обычной жизни и въ домашнихъ отношеніяхъ Меріановъ почти ничего не измѣнилось. Все шло своимъ обычнымъ порядкомъ, и дѣти подростали. Іоганнъ окончилъ гимназію и изучалъ теперь въ Лейденѣ юридическія науки. Бертольдъ, намѣревавшійся сдѣлаться инженеромъ, быстро проходилъ одинъ за другимъ различные классы высшей городской школы.

Еще до разлуки прежнія отношенія между обоими братьями измѣнились въ томъ смыслѣ, что на мѣсто прежнихъ ссоръ и дракъ между ними постепенно установилось нѣкоторое равнодушіе другъ къ другу. Разница лѣтъ, которая мало чувствовалась ими прежде, съ теченіемъ лѣтъ пріобрѣтала все больше значенія и слишкомъ раннее знакомство Іоганна съ жизнью сравнительно съ Бертольдомъ, остававшимся слишкомъ долго ребенкомъ въ этомъ отношеніи, поставили между ними все болѣе и болѣе возрастающую преграду.

При вступленіи въ юношескій возрастъ, когда Іоганнъ началъ понимать, что въ жизни есть гораздо болѣе интересныя вещи, чѣмъ дразнить и мучить младшаго брата, онъ сталъ къ нему относиться съ нѣкоторой покровительственной снисходительностью, вызывавшей у него сознаніе собственнаго превосходства. Какъ мужчина, онъ могъ теперь только пожимать плечами или улыбаться на страннаго школьника, на его странности и нелѣпости такъ же, какъ и на смѣшное предпочтеніе отца, которое портило Бертольда уже въ его дѣтскіе годы. Іоганнъ уважалъ въ своемъ отцѣ естественную, поставленную надъ нимъ судьбой власть и, по мѣрѣ того, какъ онъ становился старше и начиналъ понимать практическій смыслъ вещей, юноша началъ уважать его и какъ знатнаго и богатаго человѣка и гордился быть сыномъ такого отца и называться Меріаномъ, именемъ, въ которомъ выражалось все, что было связано съ отцомъ.

Въ этомъ отношеніи онъ гордился своимъ отцомъ,—во всемъ же остальномъ онъ скорѣе боялся его, чѣмъ любилъ. Желѣзная дисциплина, выпавшая на его долю въ юности, оставила на немъ свои слѣды и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Онъ ни минуты не чувствовалъ себя спокойнымъ въ присутствіи отца и всегда старался какъ можно больше

скрыть свою душу отъ даннаго ему природой ментора и выйти изъ-подъ его вліянія. Хотя поводья теперь и были сильно ослаблены, и отецъ, довольный его успѣхами и прилежаніемъ, относился теперь къ нему съ довѣріемъ, которое онъ, повидимому, оправдывалъ, однако, впечатлѣнія дѣтства остались еще свѣжи въ его воспоминаніяхъ. Онъ уважалъ отца, но питалъ больше симпатіи къ матери, которая, точно старшая сестра, часто помогала ему скрывать отъ главы семьи его маленькіе, юношескіе проступки.

Онъ любилъ также свою сестру, потому что она была хорошенькой, и ея необыкновенная наивность и милыя глупости забавляли его такъ же, какъ тогда, когда она на седьмомъ году жизни еще не умѣла опредѣлять время по часамъ.

Вообще Іоганнъ развился именно такъ, какъ этого ждалъ отъ него отецъ. Благодаря своей красивой наружности и изящнымъ манерамъ, ему всюду были рады, а его пріятный, веселый и уступчивый характеръ создавалъ ему много друзей. Онъ хорошо сознавалъ, что благодаря своимъ духовнымъ и матеріальнымъ преимуществамъ, онъ еще немалаго достигнетъ въ жизни. Земная юдоль печали уже не такъ плоха, думалъ онъ, хотя множество близорукихъ и желчныхъ субъектовъ, вѣроятно, страдающіе дурнымъ пищевареніемъ или смотрящіе на міръ сквозь черные очки своего душевнаго зрѣнія, и пытаются распространять подобные взгляды.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Національный вопросъ и марксизмъ.

Діалектическій методъ есть рычагъ марксистскаго міровоззрѣнія. И въ пониманіи природы, и въ пониманіи исторіи центромъ тяжести марксизма является матеріализмъ, матеріализмъ философскій, матеріализмъ историческій. Только свое матеріалистическое міропониманіе марксисты, въ противоположность французскимъ матеріалистамъ конца XVIII вѣка, пересѣкаютъ не въ метафизическомъ фокусѣ, а въ діалектическомъ.

Марксизмъ—это діалектическій матеріализмъ. Основой діалектическаго матеріализма является положеніе: нѣтъ абстрактной истины, ибо всякая абстрактная истина вѣчна и абсолютна. А современная наука во всеоружіи законовъ вѣчности матеріи и сохраненія энергіи отвергаетъ существованіе абсолютнаго вѣчнаго.

Ничто не вѣчно, кромѣ матеріи и энергіи; также нѣтъ вѣчныхъ, абсолютныхъ истинъ; нѣтъ абсолютнаго права, абсолютной справедливости.

Въ мірѣ явленій, какъ въ природѣ, такъ и въ жизни царствуетъ строгая причинность, жестокая закономѣрность.

Жестоки законы природы, жестоки законы исторіи. А на жестокость этихъ законовъ мы можемъ отвѣчать только знаніемъ законовъ. Когда мы разсматриваемъ національный вопросъ, мы не должны измѣрять его масштабомъ вѣчнаго права и абсолютной справедливости; оставимъ метафизикамъ говорить о мірской неправдѣ, о человѣческой несправедливости, о злѣ, которое царитъ въ мірѣ.

Наша цѣль—не изрекать этическія сентенціи, а изслѣдовать явленіе, не возмущаться и негодовать, а анализировать; наша цѣль—познать общественныя явленія и законы, ими управляющіе; только познавъ законы, мы сумѣемъ уничтожить тѣ причины, которыя вызвали къ жизни то или другое общественное явленіе, мы сумѣемъ бороться противъ тѣхъ или другихъ историческихъ аномалій.

Знаніе рождаетъ борьбу, а борьба рѣшаетъ дѣло.

I.

Національный вопросъ! Посмотрите на картину всемірной исторіи, вы увидите непрерывную войну народовъ, постоянные національные раздоры, вѣчныя національныя тренія. Древнее время, средніе вѣка, новое время—одна сплошная національная іеремiада—вѣчная война. Эта война всѣхъ народовъ противъ всѣхъ народовъ, сильнаго противъ слабаго, слабаго противъ сильнаго—и есть національный вопросъ. Войны древняго Востока—вотъ національный вопросъ, войны древней Греціи и древняго Рима—вотъ національный вопросъ, войны средне-вѣковыя—вотъ національный вопросъ, войны капиталистическаго вѣка—вотъ національный вопросъ. Если смотрѣть на исторію съ птичьяго полета, если смотрѣть на поверхность исторіи, мы узнаемъ, что національный вопросъ существовалъ во всѣ историческія эпохи, если же спустимся съ поверхности въ глубь всемірной исторіи, если совершимъ экскурсію въ философію исторіи, тогда мы узнаемъ, почему національный вопросъ, трансформируясь и принимая различную окраску въ ту или другую эпоху, продолжаетъ до настоящаго времени висѣть надъ головой человѣчества.

Вся исторія человѣческихъ войнъ и битвъ народовъ есть не что иное, какъ олицетвореніе національной борьбы, постоянно потрясавшей народы. Чтобы понять причины, ихъ обусловливавшія, чтобы понять, какія причины вовлекали человѣчество въ кровопролитія, намъ нужно изслѣдовать характеръ того общества, среди котораго проявлялась національная борьба, намъ нужно изслѣдовать пружины, на которыхъ держится соціальный механизмъ.

Причины, вызвавшія національную борьбу въ древнемъ мірѣ, отличаются отъ причинъ, вызвавшихъ эти войны въ средніе вѣка; въ средніе вѣка причины не тѣ, что въ новое время.

Причины, вызывавшія національныя войны, причины, создавшія тотъ или другой національный вопросъ, различны въ разныя историческія эпохи; но причина, создававшая національныя войны, вообще причина, породившая національный вопросъ, вообще одна и та же на протяженіи всей человѣческой исторіи. Эта причина—желѣзный соціологическій законъ исторіи, она коренится въ соціальной исторіи всего человѣчества. Вотъ какъ Марксъ объясняетъ общественную эволюцію: „Вся исторія общества до сихъ поръ была исторіей борьбы классовъ. Свободный и рабъ, патрицій и плебей, помѣщикъ и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье,—словомъ угнетатель и угнетенный питали другъ къ другу вѣчную вражду и вели непрерывную борьбу, то явную, то скрытую, война эта всегда кончалась либо кореннымъ переустройствомъ всего общественнаго строя, либо гибелью обоихъ борющихся классовъ“ [1]).

---

[1]) Марксъ и Энгельсъ. „Коммунистическій манифестъ“.

Вся исторія общества до сихъ поръ была исторіей борьбы классовъ, это значитъ, что вся соціальная, политическая, экономическая и умственная жизнь обусловливалась борьбой классовъ. Только борьбой классовъ!—восклицаетъ Вернеръ Зомбартъ. А борьба націй?

Если смотрѣть на поверхность исторіи, то видишь, что съ одной стороны исторія общества есть исторія борьбы классовъ, а съ другой—борьбы націй. Такъ смотрѣлъ на исторію Вернеръ Зомбартъ. Если смотрѣть въ глубь исторіи, то видишь, что вся исторія общества была исторіей борьбы классовъ, что борьба классовъ обусловливала всякую соціальную борьбу, также борьбу націй. Такъ смотрѣли на исторію Марксъ и Энгельсъ. По Зомбарту борьба классовъ и борьба націй—это два параллельно совершающихся явленія, другъ отъ друга стоятъ совершенно особнякомъ, другъ съ другомъ не связаны, другъ друга не пересѣкаютъ. По Марксу борьба націй перпендикулярна борьбѣ классовъ; борьба націй пересѣкаетъ борьбу классовъ, борьба націй, какъ и всякая соціальная борьба, невозможна безъ борьбы классовъ. По Зомбарту классовая борьба и національная борьба—двѣ равноправныхъ сестры, по Марксу классовая борьба—мать, національная борьба—дочь. Классовая борьба—причина, національная борьба—слѣдствіе.

Исторія излагаетъ, философія исторіи объясняетъ, исторія рисуетъ внѣшнюю картину, философія исторіи—внутреннюю. Медику мало посмотрѣть на человѣка, чтобъ поставить діагнозъ болѣзни. Медицина изучаетъ анализы человѣческой крови, чтобы по тѣмъ или другимъ симптомамъ опредѣлить наличность той или другой болѣзни.

Философія исторія изучаетъ структуру общественнаго развитія, чтобы по тѣмъ или другимъ симптомамъ объяснить причину той или другой соціальной болѣзни. Единственнымъ симптомомъ всѣхъ соціальныхъ болѣзней является классовое господство, единственнымъ симптомомъ всякой соціальной борьбы—классовая борьба. Классовое угнетеніе обусловливаетъ собой всякое угнетеніе, классовая борьба—всякую борьбу.

Тамъ, гдѣ борьбы классовъ не было, какъ въ первобытномъ коммунизмѣ, не было борьбы народовъ. „Бѣдныхъ и нуждающихся у такихъ племенъ не могло существовать,—говоритъ Энгельсъ,—коммунистическое хозяйство и родъ хорошо знали свои обязанности по отношенію къ старымъ, больнымъ и пострадавшимъ на войнѣ. Всѣ были равны и свободны, въ томъ числѣ и женщины. Рабамъ еще нѣтъ мѣста въ этой организаціи, нѣтъ мѣста въ большинствѣ случаевъ и подчиненію чужихъ племенъ“ (Энгельсъ: „Происхожденіе семьи, собственности и государства“). Бѣдныхъ и нуждающихся не было, а потому въ большинствѣ случаевъ существовалъ между племенами мирный договоръ. „Тамъ,

гдѣ не существовало,—продолжаетъ Энгельсъ,—формальнаго мирнаго договора, между племенами царила война, и война эта велась съ жестокостью, которая отличаетъ человѣка среди всѣхъ прочихъ животныхъ" (Ibid.) Между первобытнымъ коммунизмомъ и возникновеніемъ частной собственности долженъ былъ существовать мостъ, и этимъ мостомъ явилась борьба племенъ (націй въ нашемъ смыслѣ этого слова тогда еще не существовало). Прекраснымъ Эдемомъ считается патріархальный коммунизмъ; это была счастливая, блаженная Аркадія. Племенная борьба есть начало его грѣхопаденія. Въ охотничьемъ періодѣ происходила борьба племенъ за охотничій плацъ, въ пастушескомъ періодѣ за пастбище, въ земледѣльческомъ періодѣ за пашню. Въ горнѣ племенной борьбы родилась частная собственность, возникли матеріальныя противорѣчія, родились классы, возникли классовыя противорѣчія. Явилась потребность въ организаціи государства, образовались восточныя деспотіи. Въ государственномъ котлѣ выварились восточные народы. Миновалъ періодъ дикости, наступилъ періодъ исторіи.

Патріархальный коммунистическій строй раскалывался, на сваяхъ, племенной борьбы выросталъ классовый строй; классовый строй родился. Миновалъ періодъ племенной исторіи, начался періодъ національной исторіи.

Родилась классовая борьба, родилась борьба народовъ. И эта борьба народовъ, мѣняя свой цвѣтъ и окраску, красной нитью проходитъ черезъ всю исторію человѣчества. Древнее время, средніе вѣка, новое время—все это особые міры съ различной хозяйственной структурой, съ различными производственными и общественными отношеніями.

Рычагомъ античнаго міра было рабство, рычагомъ средне-вѣкового феодальнаго міра было крѣпостничество, рычагомъ капиталистическаго общества является наемный рабочій трудъ, но при алгебраической суммѣ всѣхъ слагаемыхъ міровъ замѣтно нѣчто единое, нѣчто общее, нѣчто такое, что можетъ быть вынесено за скобки: это эксплоатація человѣка человѣкомъ. Чистое рабство превращалось въ рабство крѣпостное, крѣпостное рабство въ рабство наемное, но рабство, какъ Протей, видоизмѣняясь и превращаясь, постоянно оставалось самимъ собой.

Пройдемъ мимо мало изслѣдованной исторіи Востока, посмотримъ на исторію древняго міра. Вотъ Эллада. Маленькая Греція ведетъ борьбу съ обширнѣйшей Персидской монархіей. Греки побѣдили персовъ, наступаетъ блестящій періодъ греческой исторіи. Аѳины становятся центромъ міровой цивилизаціи; здѣсь беретъ свое начало европейская наука, искусство, философія, поэзія. Но кто явился субъектомъ греческой культуры—весь греческій народъ, или незначительное меньшинство? Тутъ на фонѣ греческой дѣйствительности показывается рабство.

Греческое общество было обществомъ рабовладѣльческимъ. Въ теченіе полутораста лѣтъ шла перманентная борьба демократіи съ аристократіей. Эта борьба была классовой борьбой.

Побѣдилъ демосъ, была провозглашена демократія. Но и демократія не уничтожила рабства. Только физическому труду рабовъ Греція обязана существованіемъ своей высокой культуры и цивилизаціи. А положеніе рабовъ было невыносимое, и рабы прибѣгали къ единственному средству борьбы, къ возстанію. Правда, эти возстанія были направлены не противъ самаго института рабства, а исключительно противъ рабовладѣльцевъ, но они характеризуютъ собой ожесточенный классовый антагонизмъ, имѣвшій мѣсто въ греческомъ обществѣ. „Вышелъ бы длинный кровавый списокъ, если бы мы захотѣли приводить примѣры того ожесточенія, которымъ сопровождалась борьба между господствующимъ и подчиненнымъ классами въ греческомъ обществѣ“ [1]).

И эта война между господствующими и подчиненными, между свободными и рабами въ конечномъ счетѣ окончилась „гибелью обоихъ борющихся классовъ“.

Греція пала подъ ударами Македоніи. Греки побѣдили персовъ, то европейская цивилизація побѣдила азіатское варварство. Побѣдила европейская цивилизація, т.-е. субъектъ европейской цивилизаціи, т.-е. господствующій классъ Греціи. И только потому, что плодами греко-персидскихъ войнъ воспользовались имущіе классы, греки впослѣдствіи были побѣждены македонянами. Греція пала подъ ударами Македоніи, то было возмущеніе рабства противъ присвоенія греческой цивилизаціи немногими, то исторія отмстила господствующему классу Греціи. А пока греки воевали съ македонянами, на историческую сцену выступалъ новый народъ—римляне. Посмотримъ на фасадъ Рима. Это великій колоссъ, который распростеръ свои провинціи на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ; войдемъ внутрь, изслѣдуемъ его соціальную структуру, мы увидимъ ожесточенную классовую борьбу, сначала между плебеями и патриціями, затѣмъ между свободными и рабами.

И римское общество было рабовладѣльческимъ. Пока происходили массовыя возстанія рабовъ, Римъ велъ войну съ Карѳагеномъ и справлялъ тріумфъ побѣды. Лавры рабскихъ вѣнковъ Карѳагена не давали спать господствующему классу Рима. Римъ рабства создалъ Римъ классовой борьбы, Римъ классовой борьбы создалъ Римъ національной борьбы, Римъ національной борьбы создалъ Римъ имперіализма, Римъ имперіализма рѣшилъ судьбу Рима, подъ ударами германцевъ палъ Римъ.

Итакъ, главной причиной паденія какъ Греціи, такъ и Рима

---

1) Проф. В. Василевскій. „Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка“.

былъ несвободный трудъ, было рабство. Рабство создало классовую борьбу, а эта классовая борьба не была борьбой сознательнаго класса, класса, познавшаго свои интересы, противъ извѣстнаго общественнаго строя, это не была борьба угнетенныхъ рабовъ противъ самаго инстутута рабства, вродѣ современной борьбы пролетаріата противъ института наемнаго труда, противъ капиталистическаго общества, какъ таковаго,—это была только борьба рабовъ противъ рабовладѣльцевъ, это была борьба угнетенныхъ за улучшеніе своего положенія въ предѣлахъ существовавшаго строя, а потому эта борьба окончилась не побѣдой одного класса надъ другимъ и „переустройствомъ всего общественнаго строя", а „гибелью обоихъ борющихся классовъ".

Палъ античный міръ, пало рабство, кончилось первое дѣйствіе всеміpной исторіи. Мы видѣли, что классовая борьба порождала національную борьбу, безпрерывная борьба имущихъ съ неимущими внутри страны порождала безпрерывную борьбу народовъ на театрѣ дѣйствій античнаго общества. Но національная борьба въ древнемъ обществѣ проявлялась не только въ борьбѣ націй, господствовавшихъ въ томъ или другомъ государствѣ, античное общество вкусило также отъ древа познанія междоусобныхъ національныхъ войнъ; такъ, напр., Пелопонесская война, война между двумя греческими разновидностями, между аѳинянами и спартанцами. Эта борьба, какъ національная борьба между чехами и нѣмцами въ современной Австріи, кончалась то побѣдой аѳинянъ, то побѣдой спартанцевъ. Экономическое могущество Греціи было рѣшено греко-персидскими войнами; теперь вопросъ шелъ о политической гегемоніи. Къ политической гегемоніи стремились и аѳиняне, и спартанцы; вѣрнѣе говоря, господствующій классъ аѳинянъ и спартанцевъ; вѣдь не стремились же къ политической гегемоніи спартанскіе илоты и аѳинскіе рабы, то и дѣло подымавшіе возстанія противъ своихъ угнетателей; наоборотъ, именно существованіемъ илотовъ и рабовъ и была вызвана борьба за политическую гегемонію. И междоусобныя національныя войны имѣли своимъ источникомъ внутреннія классовыя противорѣчія.

> Борьба націи внутри государства и внѣ государства, порожденная классовой борьбой между имущими и неимущими,—вотъ національный вопросъ древняго міра.
>
> Былъ ли разрѣшенъ національный вопросъ въ древнемъ мірѣ? Да, его разрѣшило паденіе античнаго міра и разложеніе древнихъ народовъ. Классовая борьба, окончившаяся гибелью обоихъ боровшихся классовъ, иначе и не могла разрѣшить національный вопросъ.

Разложеніе древняго міра есть великая соціальная революція. Еще до паденія Западной Римской имперіи и образованія Византіи христіанство возвѣстило въ набатъ о великихъ соціаль-

ныхъ пертурбаціяхъ. Но идея не могла побѣдить желѣзной силы историческаго процесса, христіанство не могло спасти Рима, сила естественно-исторической необходимости задавила своимъ жерновомъ христіанскія идеи равенства. Германцы завоевали Римъ; на историческую сцену выступили новые народы, родилось новое общество.

Всякая соціальная революція есть возстаніе производительныхъ силъ даннаго общества противъ данныхъ производительныхъ отношеній; соки этого противорѣчія питаютъ классовую борьбу, а классовая борьба кончается то перестройкой всего даннаго общественнаго строя, то паденіемъ самаго общества. Соціальная революція въ античномъ обществѣ окончилась паденіемъ античнаго общества.

Но гдѣ же таились производительныя силы, возставшія противъ античнаго способа производства,—въ нѣдрахъ самаго античнаго общества или внѣ его? Что представлялъ собой вообще античный способъ производства? По мнѣнію Бюхера, античное производство не выходило за предѣлы домашняго хозяйства; по мнѣнію Эд. Мейера, античное производство вкусило отъ древа не только городского, но и народнаго хозяйства. Такъ или иначе, производительныя силы античнаго общества не были настолько развиты, чтобы не умѣститься въ плоскости античнаго способа производства, античныхъ производственныхъ отношеній. Гдѣ же тѣ производительныя силы, которыя возстали и произвели соціальную революцію? На это даетъ отвѣтъ великое переселеніе народовъ. Что такое великое переселеніе народовъ? Это возстаніе азіатскихъ производительныхъ силъ противъ античныхъ производственныхъ отношеній. Внѣшнія силы возстали противъ внутреннихъ отношеній. Внѣшнія производительныя силы—это азіатскіе народы; античныя производственныя отношенія—это локализація античной культуры и изоляція ея отъ широкихъ народныхъ массъ. Дикіе народы заявили о своемъ существованіи, ихъ увеличившіяся потребности превзошли степень ихъ потребленія, имъ стало узко жить въ скорлупѣ животнаго существованія.

Ни Греція, ни Римъ не думали ихъ цивилизовать, не думали давать имъ вкусить плодовъ ихъ культуры; этому мѣшала патріархальная техника производства и низкопробный способъ транспорта. А народонаселеніе все росло и росло, прокормиться при помощи собственныхъ орудій производства было невозможно, рано или поздно пришлось оставить бродячій образъ жизни. Естественно-историческая необходимость выбросила на европейскій берегъ всѣхъ этихъ гунновъ, вандаловъ, готтовъ и другихъ, имя имъ легіонъ. Въ круговоротѣ этой грозной феерии борьбы народовъ потонула вся классическая культура, была зарыта въ землю на цѣлое тысячелѣтіе. Но изъ мертвыхъ костей дикихъ

ордъ выросли европейскіе народы, выросъ новый міръ, выросло новое общество.

Возстаніе азіатскихъ народовъ противъ Рима является предпосылкой образованія европейскихъ націй. И въ этомъ заключается особенность соціальной революціи древняго міра; не производительныя силы въ лицѣ орудій производства, обрѣтавшіяся въ нѣдрахъ римскаго общества, возстали противъ римскихъ производительныхъ отношеній, а производительныя силы въ лицѣ производителей народовъ возстали противъ отношеній производства въ римскомъ обществѣ. И поэтому эта соціальная революція закончилась не перестройкой античнаго общества, а паденіемъ античнаго міра и водвореніемъ новаго общества. Въ борьбѣ дикихъ племенъ выросли восточные народы, также въ борьбѣ дикихъ ордъ и варварскихъ племенъ выросли западноевропейскіе народы. Востокъ сказалъ свое слово, уступилъ свое мѣсто Греціи и Риму, Греція и Римъ сказали свое слово, уступили мѣсто европейскимъ народамъ.

На развалинахъ Римской Имперіи сложилась имперія Карла Великаго, на развалинахъ имперіи Карла Великаго сложились современныя европейскія государства. На историческую сцену выступаютъ новые народы. Новое общество требуетъ новаго способа производства, новая организація общественныхъ силъ требуетъ новой организаціи производственныхъ отношеній; на фундаментѣ крѣпостничества водворяется феодальный порядокъ. Новое общество создало новыя международныя отношенія. Каковы же были національныя взаимоотношенія въ средніе вѣка, былъ ли миръ между народами, или царствовалъ тотъ же національный антагонизмъ, та же національная борьба? Да, вся исторія общества въ средніе вѣка была также исторіей борьбы народовъ; англичане-британцы воюютъ съ французами-романцами, Алыя Розы воюютъ съ Бѣлыми,—то война между націями-государствами; англичане-британцы столѣтія воюютъ съ кельтами-ирландцами, — то партизанская война между націями внутри государства. Но это опять только фасадъ средневѣковья. Зайдемъ внутрь этого безвыходнаго историческаго лабиринта, именуемаго средневѣковьемъ, мы увидимъ безпрерывную борьбу классовъ, борьбу ожесточенную борьбу отчаянную. Крѣпостные борются съ помѣщиками, подмастерья съ цеховыми мастерами, горожане съ феодалами,— вся исторія средневѣковья была исторіей борьбы классовъ. Великое переселеніе народовъ возвѣстило о наступленіи новаго общества, родился феодализмъ. Уже къ тому времени, которое совпадаетъ съ началомъ завоеваній германцами различныхъ частей римской территоріи, начинаютъ создаваться крупныя землевладѣнія въ видѣ особой собственности, такъ называемыхъ ленныхъ владѣній. „Землевладѣніе,—говоритъ Лассаль, — есть тотъ цементъ, который въ средніе вѣка во всѣхъ отноше-

ніяхъ господствовалъ въ обществѣ, который накладывалъ свой специфическій отпечатокъ на всѣ учрежденія, на всю жизнь того времени. Оно должно быть признано господствующимъ принципомъ того времени [1])." . . . .

Землевладѣніе, т. е. феодальная организація производства, накладываетъ свой отпечатокъ на всю жизнь того времени. Феодальныя производительныя силы создали феодальныя имущественныя отношенія, феодальныя имущественныя отношенія создали классовую борьбу, классовая борьба создала національную борьбу. Война Алой и Бѣлой Розы, война національная, была порождена классовой борьбой нарождавшейся буржуазіи съ феодальнымъ дворянствомъ.

„Во время этой войны феодальное дворянство было уничтожено и замѣнено новоиспеченной знатью, отлично понимавшей потребности капитализма [2])". Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ. Подъ ударами тяжкаго млата національныхъ войнъ ломался феодализмъ, получалъ свое крещеніе могучій капиталъ.

А въ нѣдрахъ феодальнаго общества зрѣли новыя производительныя силы, старый способъ производства отказывался удовлетворять новымъ назрѣвшимъ потребностямъ. Производство для потребленія—рычагъ феодализма—уступалъ мѣсто товарному производству; товарное производство создало потребность въ новыхъ рынкахъ для сбыта товаровъ, родился новый классъ, классъ купечества. Крестовые походы—это первое предостереженіе нарождавшейся буржуазіи феодальному дворянству, феодальному способу производства. Революціонизированію промышленности способствовали великія географическія открытія. „Открытіе Америки и морского пути вокругъ Африки создало для нарождавшейся буржуазіи новое поле дѣятельности. Остъ-индійскій и китайскій рынки, колонизація Америки, колоніальная торговля, умноженіе орудій обмѣна, а также товаровъ дали безпримѣрный толчокъ развитію торговли, мореплаванія и промышленности, а тѣмъ самымъ обезпечили быстрое развитіе элементовъ разложенія феодальнаго общества [3])". Господствующими классами въ средніе вѣка были дворянство и духовенство, на дворянство опиралась королевская власть государства, на духовенство—папская власть церкви. Римская церковь была главнымъ препятствіемъ развитію буржуазнаго способа производства, развитію торговли и промышленности. Буржуазія возстала противъ римской церкви—произошла реформація. Буржуазное общество родилось. Торговый капиталъ сталъ гигантскими шагами развиваться въ Италіи, Испаніи

---

1) Лассаль. „Программа работниковъ".

2) Каутскій. „Революція въ прошломъ и теперь". „Еврейская жизнь". № 1.

3) „Коммунистическій манифестъ. „Марксъ и Энгельсъ".

и Франціи, выросли крупные города, начинается упорная борьба городскихъ коммунъ съ феодалами. Торговый капиталъ не терпитъ феодальнаго политическаго партикуляризма, онъ требуетъ политическаго центра, онъ требуетъ центральной власти.

Въ своемъ стремленіи къ абсолютной власти короли должны были выдержать сопротивленія феодаловъ, горожане стали на сторону королей. Феодалы потеряли свою силу, буржуазія не пріобрѣла еще силы—вотъ тайна появленія абсолютной монархіи. „Старый способъ производства не могъ уже удовлетворять потребностямъ, которыя съ открытіемъ новыхъ рынковъ стали возрастать. Ремесло, опутанное феодальными привилегіями, уступило свое мѣсто мануфактурѣ. Мелкая промышленная буржуазія вытѣснила цеховыхъ мастеровъ. Раздѣленіе труда между отдѣльными цехами исчезло и замѣнилось раздѣленіемъ труда внутри мастерской. Но рынки росли непрерывно, и спросъ не переставалъ увеличиваться. И мануфактура въ свою очередь перестала удовлетворять всѣмъ потребностямъ, и вотъ паръ и машина произвели революцію въ промышленномъ производствѣ. Мануфактуру вытѣснила современная крупная промышленность, мелкая буржуазіи эпохи мануфактуры уступила мѣсто современнымъ промышленнымъ буржуа, милліонерамъ, командирамъ цѣлыхъ армій рабочихъ. Крупная промышленность создала міровой рынокъ, для котораго была подготовлена почва открытіемъ Америки. Міровой рынокъ въ сильнѣйшей степени ускорилъ развитіе торговли, мореплаванія и всякаго рода путей сообщенія. Развитіе же этихъ факторовъ въ свою очередь воздѣйствовало на развитіе промышленности; а соотвѣтственно развитію промышленности, торговли, мореплаванія и желѣзныхъ дорогъ росла буржуазія, росли ея капиталы, и она отодвигала на задній планъ классы, перешедшіе въ новое общество отъ эпохи средневѣковья“ [1]). Росла буржуазія, росли ея капиталы, абсолютная монархія со всѣми ея институтами мѣшала развитію буржуазнаго производства, капиталъ требовалъ свободы. Произошла Великая французская революція. Конецъ среднихъ вѣковъ и начало новаго времени относятъ къ реформаціи. „Это,—говоритъ Лассаль,—вѣрно въ томъ смыслѣ, что въ теченіе двухъ непосредственно слѣдующихъ за реформаціей столѣтій медленно, постепенно и незамѣтно совершалась перемѣна, измѣнявшая основательно внѣшній видъ общества и произведшая внутри его переворотъ, который былъ въ 1789 году превозглашенъ, но не созданъ французской революціей“ (Лассаль. „Программа работниковъ“). Уже со времени реформаціи производительныя силы, таившіяся въ нѣдрахъ феодальнаго общества, перестали соотвѣтствовать феодальнымъ производственнымъ отношеніямъ; эту буржуазную соціальную рево-

---

[1]) Марксъ и Энгельсъ. „Коммунистическій манифестъ“.

люцію реформація и начала. Великая французская революція только развязала Гордіевъ узелъ двѣсти лѣтъ накоплявшагося противорѣчія.

Молодой капиталъ справлялъ крупную побѣду надъ феодальнымъ варварствомъ. Вѣковая классовая борьба между буржуазіей и представителями стараго порядка—дворянствомъ и духовенствомъ—закончилась въ пользу буржуазіи. Нѣтъ, это еще не была полная побѣда, это было только начало побѣды. Раньше буржуазія побѣдила римскую церковь—то произошла реформація, затѣмъ она побѣдила феодальное дворянство—возникла абсолютная монархія, затѣмъ подъ давленіемъ крѣпостного крестьянства она заставила абсолютную монархію вступить на путь соціальныхъ и политическихъ реформъ—наступила эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, затѣмъ она побѣдила абсолютную монархію—произошла Великая французская революція. Палъ старый порядокъ во Франціи, а наполеоновскія войны впослѣдствіи взорвали феодальный порядокъ въ Европѣ. 48-ой годъ продолжалъ дѣло 89-го года; разрушались стойла феодализма; генеральную чистку всѣхъ оставшихся феодальныхъ пережитковъ теперь производитъ Великая россійская революція.

Феодальное общества умерло, на его развалинахъ сложилось современное буржуазное общество, общество капиталистическое. Развившіяся производительныя силы распилили феодальныя цѣпи, классовая борьба ихъ размолола въ порошокъ. Господствующимъ принципомъ въ феодальномъ обществѣ было землевладѣніе, господствующими классами—дворянство и духовенство. Землевладѣніе, какъ центръ историческаго притяженія, и та классовая борьба, которая сложилась на его почвѣ, клали свой отпечатокъ на всю общественную жизнь того времени. Въ феодальномъ рефлекторѣ также отразилась и международная жизнь. Рекогносцировка восточныхъ народовъ, вызванная измѣнившимися экономическими отношеніями, погоней за торговыми рынками купеческой буржуазіи вызвала національныя войны крестовыхъ походовъ, реформація вызвала національныя войны, извѣстныя подъ названіемъ религіозныхъ войнъ. Съ другой стороны, національная политика временъ абсолютной монархіи, эта притязательная политика мегаломаніи, имѣвшая своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ нескончаемыя и разорительныя войны. Міровая гегемонія достигалась путемъ подавленія всѣхъ національныхъ вольностей внутри государства и безконечныхъ внѣшнихъ войнъ. Кровью и желѣзомъ, мечомъ и огнемъ создавались крупныя абсолютныя монархіи. А въ крупныхъ абсолютныхъ монархіяхъ подавлялось все специфическое, все національное. Абсолютная монархія требовала инквизиціи, абсолютная монархія требовала войны, войны и войны. Крестовые походы—національная война, реформація—національная война, абсолютная монархія—національная война.

> Борьба націй внутри государства и внѣ государства, порожденная классовой борьбой буржуазіи съ аристократіей, буржуазнаго общества съ феодальнымъ—вотъ національный вопросъ въ феодальномъ обществѣ.

Былъ ли разрѣшенъ національный вопросъ съ разложеніемъ феодальнаго общества? Если соціальная революція въ античномъ обществѣ кончилась гибелью обоихъ общественныхъ классовъ и тѣмъ разрѣшила національный вопросъ, то соціальная революція въ феодальномъ обществѣ кончилась побѣдой одного класса надъ другимъ, побѣдой буржуазіи надъ аристократіей; современное же буржуазное общество не уничтожило антагонизма классовъ. „Антагонизмъ классовъ только упростился, нынѣ все общество все больше и больше раздѣляется на два обширные вражескіе лагеря, на два враждующіе класса—буржуазію и пролетаріатъ" („Коммунистическій манифестъ"). Нынѣшнее буржуазное общество только замѣнило старые классы, старыя условія угнетенія и старыя формы борьбы новыми; оно вырыло глубокую, непроходимую пропасть между двумя классами: представителемъ труда—пролетаріатомъ и представителемъ капитала—буржуазіей. А такая соціальная революція, которая посадила на тронъ капиталъ, а скипетръ правленія дала буржуазіи, революція, которая санкціонировала непримиримую классовую борьбу, такая революція не могла разрѣшить національнаго вопроса. Національная борьба не прекращается съ паденіемъ „стараго порядка", наоборотъ, она разрастается вширь и вглубь, она принимаетъ новыя формы, она прорѣзываетъ новыя русла; національный вопросъ вступаетъ въ новую фазу своего развитія. „Повсюду господствующіе классы,—говоритъ Августъ Бебель,—стараются сохранить вѣру, что существуютъ народы, настроенные другъ противъ друга, какъ смертные враги и ждущіе лишь момента, чтобы броситься одинъ на другого и уничтожить другъ друга. Конкурренція класса капиталистовъ отдѣльныхъ странъ между собой принимаетъ на международной почвѣ характеръ борьбы класса капиталистовъ одной страны противъ класса капиталистовъ другой страны и, поддерживаемая политической слѣпотой рабочихъ массъ, вызываетъ соперничество военными вооруженіями, какихъ еще никогда не видалъ міръ. Это соперничество создало арміи небывалой величины, оно создало орудія массоваго убійства и разрушенія для сухопутной и морской войны, настолько совершенныя, насколько эта возможно въ нашъ вѣкъ техническаго прогресса [1])". Природа капитала требуетъ простора, свободы внѣшней и свободы внутренней. Капиталъ по природѣ ненасытенъ и жаденъ, какъ волкъ. Колоніальныя войны—слѣдствіе его жадности; милитаризмъ—слѣдствіе колоніальныхъ войнъ. На базѣ колоніальныхъ войнъ завое-

[1]) Бебель Августъ. „Женщина и соціализмъ".

вывается гегемонія на міровомъ рынкѣ. Это національный вопросъ такъ называемой внѣшней политики.

Съ другой стороны, въ наслѣдіе отъ феодальнаго строя капитализмъ получилъ національный вопросъ внутренней политики. Это національный вопросъ Россіи, Турціи и Австріи. Эти государства, представляющія многонаціональные аггрегаты, служатъ ареной національныхъ треній, національнаго угнетенія и національной борьбы. Тутъ виноватъ главнымъ образомъ политическій строй государствъ. Отсутствіе политическихъ свободъ въ Россіи и Турціи создало національныя угнетенія, напоминающія еще средневѣковую инквизицію съ ея застѣнками, съ ея пытками, съ ея ауто-да-фе. Въ Австріи такъ же сильны пережитки стараго порядка. Правда, этотъ порядокъ доживаетъ свои послѣдніе дни. Надъ Европой занимается заря демократическаго строя. Этого требуетъ соціалистическое движеніе пролетаріата. Классовое движеніе пролетаріата громаднымъ пламенемъ загорается на континентѣ и за океаномъ... А въ тактъ классовой борьбы пролетаріата данной національности противъ буржуазіи той же національности происходитъ борьба буржуазіи одной національности противъ буржуазіи другой національности, происходитъ борьба буржуазіи за расширеніе сферы своего вліянія, борьба за расширеніе внѣшняго товарнаго рынка, борьба за огражденіе внутренняго рынка.

Борьба націй внутри государства и внѣ государства, порожденная эластичностью и растяжимостью капиталистическаго общества, общества, все содержаніе котораго наполнено борьбой буржуазіи съ пролетаріатомъ,—вотъ національный вопросъ буржуазнаго общества.

Будетъ ли разрѣшенъ національный вопросъ въ предѣлахъ существующаго капиталистическаго строя, или его ликвидація послѣдуетъ за ликвидаціей капитализма? Мы видѣли, что національный антагонизмъ между народами обусловливается классовымъ антагонизмомъ, національная борьба—классовой борьбой. Правда, какъ мы увидимъ ниже, прекратится война съ ея смертоносной жестокостью, съ ея каннибализмомъ, прекратится національная борьба внутри государства съ ея некультурностью, съ ея дикостью. Международные вопросы будутъ разрѣшаться не огнемъ и мечомъ, а третейскимъ судомъ; внутри государства стягъ демократіи будетъ сдерживать національный миръ, этого потребуетъ, какъ увидимъ ниже, само капиталистическое общество, развившіяся классовыя взаимоотношенія. Подъ вліяніемъ грознаго призрака солидарнаго международнаго рабочаго движенія національный антагонизмъ между буржуазными классами различныхъ государствъ будетъ атрофироваться, буржуазная солидарность всѣхъ

странъ и народовъ будетъ укрѣпляться. Но національный антагонизмъ окончательно не исчезнетъ, пока не исчезнетъ классовый антагонизмъ, пока не произойдетъ соціальная революція, которая уничтожитъ существованіе самыхъ классовъ.

Соціальная революція въ античномъ обществѣ окончилась гибелью обоихъ боровшихся классовъ, соціальная революція въ феодальномъ обществѣ—побѣдой одного класса надъ другимъ и водвореніемъ кристалльно-чистаго классоваго общества, соціальная революція въ буржуазномъ обществѣ окончится побѣдой одного класса надъ другимъ и уничтоженіемъ самаго классоваго общества. Современное буржуазное общество вырыло своего „собственнаго могильщика“ въ лицѣ рабочаго класса, въ лицѣ пролетаріата. Грядущая соціальныя революція будетъ революціей пролетарской. Пролетаріатъ завоюетъ политическую власть—то будетъ побѣда одного класса надъ другимъ, пролетаріатъ произведетъ экспропріацію эспропріаторовъ—то будетъ конецъ существованія классовъ. „Въ настоящій моментъ борьба классовъ дошла до той ступени, на которой эксплоатируемый и угнетенный классъ (пролетаріатъ) можетъ освободиться изъ тисковъ эксплоатирующаго и угнетающаго его класса (буржуазіи) не иначе, какъ освободивши разъ навсегда все общество отъ эксплоатаціи, угнетенія и классовой борьбы“. Соціальная революція пролетаріата уничтожитъ всякій классовый антагонизмъ, и вмѣстѣ съ нимъ и всѣ соціальныя противорѣчія, которыя возникаютъ на почвѣ этого антагонизма. Мы видѣли, что вся исторія общества до сихъ поръ была исторіей борьбы классовъ, мы видѣли, что на почвѣ этой классовой борьбы происходила борьба народовъ. Мѣнялись общественныя отношенія, мѣнялось само общество, а соціальное рабство только трансформировалось: античное рабство уступало мѣсто феодальному крѣпостничеству, феодальное крѣпостничество—наемному труду пролетаріата, а за скобками непоколебима была эксплоатація человѣка человѣкомъ. Классовый антагонизмъ во всякой соціальной плоскости будетъ рождать національный антагонизмъ. Классовая борьба—вотъ единственная *соціальная* причина національной борьбы. Классовая борьба на протяженіи всей исторіи переживала различныя модификаціи, и національная борьба только видоизмѣнялась. Различны были цѣли, различны были средства, но сущность была одна и та же. Грядущая соціальная революція пролетаріата разрѣшитъ классовый вопросъ, соціальный вопросъ, также и національный вопросъ.

II.

Все течетъ, все развивается, все превращается; мѣнялись общественныя отношенія, мѣнялся способъ производства, мѣнялся способъ мышленія, мѣнялись и международныя взаимоотношенія.

Каждая историческая эпоха, покоящаяся на данной ситуаціи производительныхъ силъ, на данномъ способѣ производства, имѣетъ свой особый рабочій вопросъ—рабочій вопросъ имѣетъ свою исторію; каждая классовая эпоха, имѣющая тѣ или другія классовыя взаимоотношенія, имѣетъ тѣ или другія международныя взаимоотношенія—національный вопросъ имѣетъ свою исторію. Въ предыдущей главѣ я старался доказать, что классовый вопросъ есть величина постоянная, если смотрѣть на него сквозь призму соціальнаго строя, основаннаго на частной собственности на средства производства, основаннаго на той или иной эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, т. е. что классовый вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только соціализмомъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, я доказывалъ, что національный вопросъ есть величина постоянная, если смотрѣть на него сквозь призму классоваго строя, т. е. что національный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только съ паденіемъ классоваго строя, т. е. соціализмомъ. Теперь я постараюсь доказать, что подобно тому, какъ классовая борьба въ различныя историческія эпохи въ зависимости отъ способа производства, соотвѣтствовавшаго той или другой ступени развитія производительныхъ силъ, была величиной перемѣнной, т. е. принимала ту или другую окраску,—такъ рабовладѣльческое общество имѣло свою классовую борьбу, феодальное общество—свою, капиталистическое общество—свою, точно также происходящая на почвѣ классовой борьбы національная борьба есть величина перемѣнная, т. е. національная борьба въ зависимости отъ характера классовой борьбы принимала въ ту или другую эпоху ту или другую окраску; такъ, рабовладѣльческое общество имѣло свою національную борьбу, феодальное общество—свою, капиталистическое—свою.

Для того, чтобы жить, нужно производить, для того, чтобы производить, нужно вступать въ извѣстныя отношенія производства. Сумма данныхъ производственныхъ отношеній и представляетъ ту экономическую структуру общества, на почвѣ которой складывалась вся соціальная, политическая, умственная, также международная жизнь. Въ зависимости отъ состоянія производительныхъ силъ въ данномъ обществѣ создается извѣстная экономическая и политическая физіономія; въ зависимости отъ данной экономической и политической физіономіи общества складываются извѣстныя классовыя взаимоотношенія, на почвѣ классовыхъ взаимоотношеній складываются извѣстныя національныя взаимоотношенія. Національная борьба окрашивается въ цвѣтъ классовой борьбы, національный вопросъ принимаетъ окраску рабочаго вопроса. Древнее античное общество, какъ извѣстно, было обществомъ рабовладѣльческимъ, его моторомъ было рабство. Является вопросъ, что же является причиной рабства, откуда взялся классъ рабовъ? „Классъ рабовъ въ Римѣ и Греціи со-

стоялъ большей частью изъ тѣхъ взятыхъ въ плѣнъ варваровъ, которыхъ захватывали на поляхъ битвъ цѣлыми тысячами, которыхъ продавали потомъ по дешевой цѣнѣ и которые, привыкши къ независимости, горѣли нетерпѣніемъ разорвать свои узы и отмстить за нихъ. Противъ такихъ внутреннихъ враговъ, не разъ своими отчаянными возстаніями ставившихъ республику на край гибели, самыя строгія постановленія и самое жестокое обращеніе, повидимому, оправдывались верховнымъ закономъ самоохраненія“ [1]). Рабство въ древнемъ мірѣ было порождено національными войнами; иначе говоря, племенныя національныя войны въ древнемъ мірѣ имѣли своей цѣлью завоеваніе рабовъ.

„Въ этой нескончаемой борьбѣ подвластныхъ народностей съ господствующими мы имѣемъ предъ собой на самомъ дѣлѣ классовую борьбу въ истинномъ смыслѣ этого слова, борьбу между эксплоататорами и эксплоатируемыми, *но эта борьба выросла и развилась на почвѣ племенного различія* (курсивъ автора). Борьба велась не потому, что эксплоатируемые вообще не желали допустить чрезмѣрной эксплоатаціи своихъ силъ; также мало борьба велась изъ-за того, что эксплоатируемые были вообще противъ эксплоатаціи, какъ таковой; борьба велась главнымъ образомъ потому, что эксплоататоры принадлежали къ другому племени; въ предѣлахъ же собственнаго племени эксплоатація не только допускалась эксплоатируемыми, но послѣдніе въ свою очередь безъ зазрѣнія совѣсти эксплоатировали принадлежащихъ къ другому племени или національности“ [2]). Побѣдители образовали господствующій классъ. По отношенію къ нимъ покоренные оказались въ подчиненіи. Въ горнѣ междуплеменныхъ войнъ высѣкались граниты греческой и римской національности. Іонійцы, Дорійцы, Пеласги, Фригійцы, съ одной стороны, съ другой—Латины, Сабины, Этруски, Галлы объединялись въ самостоятельные народы, развивались національные греческій и римскій языки, національная греческая и римская литература. Закончился періодъ первоначальнаго накопленія рабства, рабство приняло характеръ устойчиваго равновѣсія; началось укрѣпленіе національныхъ позицій. Укрѣпить соціально-экономическую базу государства—значило углублять и расширять рабство, потому что на фундаментѣ рабства выстроилась величайшая и красивѣйшая богиня классическаго міра. На одномъ полюсѣ—физическій трудъ рабовъ, на другомъ—вся умственная жизнь состоятельныхъ классовъ—такова картина древняго міра. Поэтому борьба за рабскіе рынки была вмѣстѣ съ тѣмъ борьбой за расширеніе сферы цивилизаціи. Та-

---

[1]) Каутскій и другіе экономисты. „Рабочій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ“.

[2]) Райхесбергъ. „Рабочій вопросъ въ прошлое и настоящее время“.

кова была судьба благотворнѣйшихъ въ исторіи греко-персидскихъ войнъ.

Къ національнымъ войнамъ между націями-государствами прибавились еще междоусобныя національныя войны; борьба той или другой національной разновидности за политическую гегемонію. Общенаціональная война за экономическое могущество влечетъ за собой партизанскую войну за политическое верховенство. За греко-персидскими войнами слѣдуетъ Пелопонесская война. Національныя войны, имѣвшія культурно-экономическій характеръ—погоня за рынками рабовъ и національныя войны, имѣвшія политическій характеръ, окрашивались въ цвѣтъ рабства. Величайшіе философы древности, Платонъ и Аристотель, считали рабство естественнымъ явленіемъ. „Какъ естественно существованіе тѣла и души у человѣка,—говорилъ Аристотель,—такъ и естественно существованіе свободныхъ и рабовъ въ націи". Все человѣчество они дѣлили на эллиновъ и не-эллиновъ, т. е. варваровъ. Рабы набираются изъ чужихъ національностей, эллины не могутъ быть рабами. Расовое различіе между греками и варварами древніе мыслители дѣлали исходной точкой своей защиты рабства. Національный антагонизмъ признавался разъ навсегда даннымъ отъ природы, національныя противорѣчія признавались естественными.

Не сознаніе опредѣляетъ общественное бытіе, а бытіе опредѣляетъ сознаніе. Въ головахъ оправдывавшихъ рабство греческихъ и римскихъ философовъ отразилась реальная античная дѣйствительность. Отъ этой философіи такъ и вѣяло открытымъ, здоровымъ, по выраженію Ницше, язычествомъ. Эти ученія, въ противоположность ученіямъ христіанскихъ отцовъ церкви и протестантскихъ деистовъ, были незамаскированными ученіями, не прикрытыми никакими фиговыми листиками. Будучи экономической категоріей, рабство окрашивалось въ цвѣтъ язычества, будучи вызваны экономическими и политическими причинами, національныя войны въ древнемъ мірѣ принимали языческій характеръ, онѣ были открытыми войнами, не затянутыми въ тогу религіи, какъ войны средневѣковыя и религіозныя войны временъ реформаціи, ни въ тогу культуры, какъ современныя войны капиталистическаго общества.

> Національный вопросъ античнаго общества окрашивался въ цвѣтъ тогдашней экономической и политической формаціи: рабовладѣльческой конституціи общества; національныя войны явились продуктомъ борьбы господствующихъ классовъ той или другой національности за экономическое и политическое могущество; идеологомъ національныхъ противорѣчій явилась греческая и римская философія.

Средневѣковое общество, какъ извѣстно, было обществомъ феодальнымъ; его основу составлялъ крѣпостной трудъ. Крѣпост-

ничество уже существовало въ Греціи и Римѣ, но рычагомъ общественнаго строя оно стало въ средніе вѣка. Крѣпостное общество начало свой циклъ развитія подъ перекрестнымъ огнемъ двухъ крупныхъ историческихъ батарей: римской католической церкви, оставшейся въ наслѣдство отъ Западной Римской имперіи, и византійской государственности. И борьба этихъ двухъ силъ наполняетъ собой все средневѣковое общество. Главнымъ рычагомъ всей общественной жизни въ средніе вѣка была церковь. Церковь—это тотъ цементъ, который спаялъ воедино всѣ стороны общественной жизни въ средніе вѣка. „Въ средніе вѣка,—говоритъ Каутскій,—вся матеріальная, а вмѣстѣ съ ней и духовная жизнь людей была эманаціей церкви. Неудивительно, что она овладѣла всѣмъ человѣкомъ, что она стала опредѣлять не только его мысли и чувства, но и всю его дѣятельность. Не только рожденіе, бракъ, смерть давали ей поводъ вмѣшиваться въ частную жизнь, она регулировала, контролировала также трудъ, отдыхъ, праздникъ" [1]). Церковь регулировала и контролировала всю жизнь, внѣ ея вліянія также не остались и національныя отношенія. Феодальный способъ производства, гдѣ продукты производились главнымъ образомъ для непосредственнаго потребленія, гдѣ товарный обмѣнъ былъ только въ зачаточномъ состояніи, создалъ изъ средневѣковаго государства конгломератъ различнѣйшихъ общинъ, областей и марокъ, сцѣпленіе частицъ которыхъ было очень незначительно. Общинный партикуляризмъ, съ одной стороны, съ другой—католическій универсализмъ; національной полноты и цѣльности не было. Не было національныхъ кристалловъ, была національная аморфность, былъ національный хаосъ. Но ничто не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Мало-помалу кооперація и мануфактура революціонизировали производство. „Торговыя сношенія съ Востокомъ развили въ Европѣ жажду обогащенія, придали особое значеніе деньгамъ и выдвинули на первый планъ торговый классъ. Вмѣстѣ съ ними проникли въ общество новые взгляды, возникла новая жизнь, національность нашего времени родилась" [2]). Развитіе обмѣна требовало широкихъ рынковъ. Въ погонѣ за рынками разрушалась община, разрывались преграды, мѣшавшія общинамъ синтезировать изъ разрозненныхъ клѣтокъ единый національный аггрегатъ, въ борьбѣ общественныхъ молекулъ кристаллизовались недѣлимые національные элементы. „Чтобы національная жизнь стала возможной, нужно было разрушить общину, ослабить экономическія организаціи, стоявшія между индивидуумомъ и націей, такъ, чтобы національная организація регулировала всю экономическую жизнь

---

[1]) Каутскій. „Вѣкъ гуманизма и реформаціи" (Очерки и этюды).
[2]) Каутскій. „Національность нашего времени".

народа. Это разрушеніе первобытной общины и совершилось, когда товарное производство и обмѣнъ товаровъ достигли извѣстной высоты.

Но и въ то время нужны были особыя условія, чтобы могла возникнуть современная національность. Торговля должна была развиться до извѣстныхъ размѣровъ, она могла дать занятіе особому классу, классу купцовъ. Интересы торговаго класса заставили его все больше и больше расширить кругъ своихъ дѣйствій. Въ погонѣ за наживой купецъ устремился въ чужія страны; по мѣрѣ развитія внѣшней торговли интересы купцовъ различныхъ общинъ приходили во все большее противорѣчіе на иноземномъ рынкѣ. Явилась настоятельная потребность образованія большихъ, сильныхъ общественныхъ организмовъ, въ развитіи націй. Такимъ образомъ, торговые интересы стали національными интересами, а противоположности интересовъ купцовъ на чужеземномъ рынкѣ—національными противоположностями“ [1]). Борьба за біологическое существованіе создала органическіе виды; борьба за соціально-экономическое существованіе создала крупные національные организмы. Національная борьба феодальнаго строя есть борьба за торговые рынки. Преломляясь сквозь призму католической церкви, національныя войны принимали религіозный колоритъ. Только въ средніе вѣка война Англіи съ Франціей могла породить легенду съ Орлеанской дѣвой. Іоанна д'Аркъ—это символъ католицизма; ея побѣды—это символъ побѣды католицизма. А стѣны экономическаго развитія расширялись все дальше и дальше; центростремительныя силы торговаго капитала разрывали феодальный партикуляризмъ, онѣ бѣжали по направленію къ политическому централизму. Въ это же время на противоложномъ полюсѣ центробѣжныя силы церкви разрывали католическій универсализмъ, онѣ стремились по направленію къ церковному націонализму. Центростремительныя силы торговаго капитала, которыми управляла буржуазія, шли навстрѣчу центробѣжнымъ силамъ церкви, которыми управляла та же буржуазія,—произошла реформація.

Реформація—это возстаніе нарождавшейся буржуазіи противъ римскаго католическаго универсализма и феодальнаго общиннаго партикуляризма; это борьба за національзацію церкви и національзацію государства. Начались религіозныя войны. Религіозныя войны были національными войнами; постольку, поскольку онѣ были національными войнами, онѣ были торговыми войнами, а постольку, поскольку онѣ были торговыми войнами, онѣ имѣли своей цѣлью экономическую централизацію производства перенесеніемъ центра экономической тяжести изъ общины въ крупные города и политическую централизацію государства перенесеніемъ центра тяжести отъ кня-

1) Каутскій. Ibid.

зей и феодальнаго дворянства къ абсолютной императорской власти. Родились крупные города, вмѣстѣ съ ними абсолютная монархія. Религіозныя войны—это были войны между католицизмомъ и протестантизмомъ, борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ—это борьба буржуазіи съ дворянствомъ и духовенствомъ. Борьба буржуазіи съ дворянствомъ и духовенствомъ была классовой борьбой; всякое классовое противорѣчіе обостряется и ожесточается, если совпадаетъ съ различіемъ національностей. Національное различіе становится національнымъ антагонизмомъ; національный антагонизмъ проходитъ сквозь призму классоваго антагонизма. Реагировавшіе другъ на друга элементы дали гремучую смѣсь религіозныхъ войнъ. Ирландскія религіозныя войны—это войны кельтовъ противъ германцевъ, католиковъ противъ протестантовъ. Англія съ ея нарождавшейся буржуазіей боролась противъ Ирландіи съ ея лендлордизмомъ. Протестантская церковь, какъ господствующая, боролась противъ католицизма. Эти войны въ концѣ концовъ привели къ эмансипаціи католиковъ и къ паденію господствующей церкви. Тридцатилѣтняя война въ Германіи—это война католической церкви съ протестантской, это была борьба германскихъ императоровъ съ территоріальной автономіей князей. Эта борьба пресѣклась сквозь національную призму; религіозная война, т. е. классовая война, стала національной войной. Въ этой войнѣ участвовали протестанты и католики, нѣмцы чехи и шведы. Классовыя противорѣчія перемѣшивались съ религіозными, религіозныя съ національными. Тутъ боролись два міра: буржуазный съ феодальнымъ. Реформаціонныя войны могутъ быть названы протестантскими войнами, такъ какъ онѣ закончились пораженіемъ іезуитизма и побѣдой протестантизма. Тутъ наступательную роль игралъ воинствующій протестантизмъ. На обратной сторонѣ медали религіозныя войны въ Испаніи были католическими войнами; тутъ наступательную роль игралъ воинствующій католицизмъ. Нивеллировались всѣ національныя отличія, подавлялась всякая противоположная католицизму религіозность: такъ испанско-маврскія войны, такъ инквизиція. Католицизмъ побѣдилъ, и послѣ реформаціонныхъ войнъ возродился въ Европѣ въ лицѣ іезуитизма. Протестантскія войны закончились побѣдой реформаціи, католическія—разложеніемъ государства. Такъ Германія послѣ Тридцатилѣтней войны пошла по пути промышленнаго и культурнаго прогресса, такъ Испанія послѣ инквизиціи пошла къ упадку, упадку экономическому, политическому и культурному. Германія выросла, Испанія разложилась—вотъ двѣ стороны одного и того же процесса—религіозныхъ европейскихъ войнъ.

Non est dubitum религіозныя войны были національными войнами, національныя войны были классовыми войнами: средневѣковый феодальный міръ состязался съ нарождавшимся буржуазно-

капиталистическимъ міромъ. И по ту, и по другую сторону реформаціи доминировала церковь. Церковь, выражаясь словами Каутскаго, являлась эманаціей всей матеріальной и духовной жизни средневѣковья. Національныя войны въ качествѣ реактивнаго лакмуса окрашивались въ цвѣтъ дѣйствовавшей въ историческомъ растворѣ кислоты, именно церкви: національныя войны стали религіозными.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ римскій папизмъ побѣдилъ византійскую государственность, церковное каноническое право побѣдило римское государственное право. Въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ началѣ новаго времени государственность побѣдила папизмъ; возродилась идея римскаго государственнаго права. Палъ политическій феодализмъ, родилось національное государство нашего времени.

А торговый капиталъ росъ вширь и вглубь, феодальныя имущественныя отношенія со всѣми средневѣковыми заставами, таможенными и цеховыми рогатками сковывали буржуазный способъ производства; промышленная революція въ Англіи свидѣтельствовала о дальнѣйшей невозможности подобнаго существованія; накопившіеся пары не выдержали внутренняго напора, Великая французская революція забила въ набатъ. Исторія присудила старый порядокъ къ смерти, и рано или поздно старый порядокъ долженъ былъ быть похороненнымъ. Съ французской революціей закончилась эпоха первичнаго національнаго накопленія. Начали ломаться троны, начали свергаться съ пьедестала превилегированные классы; на сцену исторіи выступила нація. Первичное національное накопленіе абсолютной монархіи уступаетъ мѣсто вторичному національному накопленію революціи.

Буржуазно-капиталистическое производство создало новые классы. Прошелъ революціонный туманъ, буржуазія познала самое себя, третье сословіе завоевало экономическую и политическую власть. На сцену исторіи выступилъ новый классъ въ лицѣ экспропріированнаго рабочаго класса, въ лицѣ пролетаріата классовая борьба приняла иной характеръ, рабочій вопросъ вступилъ въ новую стадію развитія, національный вопросъ окрасился въ новый цвѣтъ.

Національный вопросъ феодальнаго общества окрашивался въ цвѣтъ феодальной экономической и политической организаціи. Рычаги средневѣковья: партикуляризмъ общинъ и универсализмъ церкви потеряли свою динамическую силу; внутренняя энергія движенія изсякла. Національнаго государства не было, былъ конгломератъ общинъ и областей; національной церкви также не было, былъ единый католицизмъ. Религіозныя войны были національными войнами;

онѣ создали національную церковь и національное государство: будучи таковыми, онѣ были войнами первичнаго національнаго накопленія. Дѣйствительное развитіе національно-политическаго самосознанія началось только въ эпоху революціи, когда былъ провозглашенъ суверенитетъ націи. Вся послѣреформаціонная эпоха—это борьба между накоплявшимися производительными силами и тормазившими ихъ развитіе производственными отношеніями. Борьба между протестантизмомъ и католицизмомъ—это только умственное отраженіе реальныхъ общественныхъ отношеній: протестантизмъ во всѣхъ его разновидностяхъ—это олицетвореніе буржуазно-капиталистическаго прилива, католицизмъ—олицетвореніе феодальнаго отлива. Войны принимали религіозный колоритъ; будучи резонансомъ реформаціи, онѣ должны были пропитываться религіозной влагой. Идеологомъ національныхъ войнъ была религія христіанства.

III.

XVI вѣкъ открылъ капиталистическую эру. Быстрый ростъ торговаго капитала противорѣчилъ феодальнымъ имущественнымъ отношеніямъ. Это противорѣчіе впервые проявилось въ реформаціи; оно открыто сказалось въ Великой французской революціи. 89-й годъ еще не разрѣшилъ этого противорѣчія, этотъ Гордіевъ узелъ былъ развязанъ XIX вѣкомъ. На долю XX вѣка выпало вымести послѣдніе стогны феодальнаго мусора, еще таящіеся въ Восточной Европѣ и азіатскихъ странахъ.

За политической революціей во Франціи послѣдовала промышленная революція въ Англіи. Такъ началась заря истинно-капиталистическаго общества. Старый порядокъ рухнулъ, старые классы слетѣли со своего пьедестала, медовый вѣкъ аристократіи кончился. На тронъ вступила буржуазія. Буржуазія разрывала всѣ сословныя перегородки, всѣ заставы привилегій, цеховыя клѣтки и таможенные столбы. Пали всѣ юридическія неравенства, всѣ религіозныя и національныя привилегіи, этого требовалъ его величество капиталъ. Капиталъ безудержно мчался по теченію, по пути разрывая всѣ шлюзы и плотины, заливая берега, онъ смывалъ всѣ скалы. И капиталъ побѣдилъ. Капиталу нужно было сломить силу церкви, интенсифицировать силу государства. Экономическую силу церкви сломила реформація, секуляризировавши церковныя имущества, политическую силу церкви сломила французская революція, провозгласивши на мѣсто божественнаго права королей и императоровъ естественное право личности и гражданина. Вмѣсто непогрѣшимаго католицизма провозглашенъ культъ разума, вмѣсто монархическаго абсолютизма — культъ народа. Руссо въ своемъ „Общественномъ договорѣ“ провозглашаетъ су-

веренитетъ націи. Декларація правъ человѣка и гражданина его санкціонируетъ. „Принципъ всякой верховной власти,—гласитъ 3-й пунктъ деклараціи,—принадлежитъ націи. Ни одна коллегія, ни одно лицо не могутъ отправлять власти, не исходящей непосредственно отъ націи“. Французская революція провозглашаетъ естественныя, неотчуждаемыя права человѣка и гражданина. Ея девизъ—свобода, равенство, братство. Конвентъ провозглашаетъ единую и нераздѣльную республику. Его лозунгъ—интернаціонализмъ. „И въ своемъ побѣдоносномъ шествіи революція переступила границы народовъ! Не только въ самой Франціи была провозглашена единая и недѣлимая республика“, будто въ ея предѣлахъ не было ни басковъ, ни бретонцевъ, ни нѣмцевъ; большія пространства нѣмецкихъ, итальянскихъ и южно-славянскихъ земель далеко за границами Франціи были къ ней присоединены; затѣмъ испанцы, голландцы, нѣмцы и итальянцы были осчастливлены тѣмъ, что имъ поставили королей и вице-королей изъ дома Бонапарта, а Австрія, Пруссія и остальныя нѣмецкія государства, поскольку они вообще сохранили свое существованіе, были низведены на роль французскихъ вассаловъ. Вся Европа должна была насильно получить въ подарокъ свободу, общечеловѣческую свободу, какъ о ней говорили, а на самомъ дѣлѣ свободу специфически французскаго типа“ [1]). Что же это за свобода специфически французскаго типа, о которой говоритъ соціологъ? Это наполеоновскія войны революціонной Франціи съ феодальной Европой... Агентъ революціи—третье сословіе—хотѣло создать новый міръ по образу и подобію своему; завоеванія французской революціи оно хотѣло сдѣлать международнымъ достояніемъ, французскую свободу—общеевропейской свободой. Оно создало творца своей воли въ лицѣ Наполеона. Разламывались феодальныя гнѣзда Имперіи германскаго народа, выжигались всѣ сорныя феодальныя травы, политическая карта Европы изрѣзывалась, какъ желѣзнодорожная сѣть, испещрялась разнообразными красками. Наполеонъ символизировалъ буржуазную волю. Буржуазія познавала міръ, какъ свою волю и свое представленіе... Но капиталъ судилъ иначе. Логика дѣйствительности оказалась крѣпче логики разума, логики воли. Прошелъ революціонный туманъ, началась кристаллизація классовъ. Если раньше частные классовые интересы утопали въ общихъ интересахъ всего народа, то сейчасъ же, какъ только повязка была снята, классовые интересы громко заговорили, классовые интересы тотчасъ же выступили противъ маскированныхъ обще-національныхъ интересовъ. Общіе интересы всего французскаго народа оказались частными интересами одного класса, буржуазіи. Свобода, равенство, братство

---

[1]) Гумѣловичъ. „Національизмъ и интернаціонализмъ въ XIX вѣкѣ“. Пер. съ нѣм.

оказались пустыми звуками, сословно феодальный строй уступилъ мѣсто не свободному строю, а буржуазно-классовому. Политическая революція кликнула кличъ объ освобожденіи капитала. Громкимъ эхомъ на этотъ кличъ отозвалась промышленная революція... Въ Англіи вся Европа получила въ подарокъ свободу, но не общечеловѣческую свободу, о которой думали французскіе философы и мыслители, а свободу „специфически-французскаго“ типа, свободу капиталистическую. XIX вѣкъ—вѣкъ машины, вѣкъ пара и электричества, вѣкъ капитализма... Рудиментарные государственные органы дореволюціонного и послѣреволюціоннаго политическаго феодализма были недостаточны для того, чтобы пропитать своей кровью капиталистическія волокна. Какъ гусеница въ свою раковину, такъ капиталъ опоясывается въ твердую роговую политическую оболочку. Начинается борьба за національное объединеніе, съ одной стороны, съ другой—за національное отдѣленіе. Капиталъ въ своемъ зачаточномъ состояніи—интернаціоналистъ въ идеѣ, націоналистъ въ дѣйствительности; сфера дѣйствія капиталистическаго хозяйства—широкій внутренній рынокъ; государство должно быть единымъ, цѣльнымъ и самостоятельнымъ. Широкій внутренній рынокъ влечетъ за собой широкій внѣшній рынокъ, широкій внѣшній рынокъ—гегемонію на міровомъ рынкѣ. Міровой рынокъ—вотъ путеводная національная звѣзда. И капиталистическій вѣкъ становится національнымъ вѣкомъ. Въ мукахъ національныхъ войнъ рождаются политическіе организмы нашего времени. Въ горнѣ національныхъ войнъ высѣкаются политическіе граниты; объединяются Германія и Италія: историческія области объединяются въ самостоятельные политическіе аггрегаты. Угнетенные народы подымаютъ знамя возстанія противъ угнетателей. Греція и Сербія возстаютъ противъ турецкаго владычества, создаются національныя греческое и сербское государства; Бельгія отдѣляется отъ Нидерландовъ, Венгрія борется за независимость, происходятъ польскія возстанія. Кавказъ и Финляндія завоевываются русскимъ мечомъ и огнемъ на противоположномъ полюсѣ. Канада и Австралія становятся англійскими автономными колоніями. Въ горнѣ національныхъ войнъ спаиваются въ одинъ политическій организмъ цѣлый рядъ національностей, бывшихъ когда-то политически-самостоятельными, складывается „больной организмъ нашего времени“—Австрія... Происходитъ перестройка всей политической карты Европы; національная борьба создаетъ вавилонское національное столпотвореніе. Народы освобождаются, народы теряютъ свою самостоятельность, народы угнетаютъ, народы возстаютъ противъ угнетенія. Въ этомъ головокружительномъ хаосѣ, въ этомъ обширномъ историческомъ круговоротѣ выдѣляются яркіе контуры политической и національной ситуаціи, въ одномъ случаѣ образовываются одногранныя государства-націи путемъ объединенія (Германія, Италія), во второмъ—образовы-

ваются государства націи путемъ отдѣленія (Бельгія, Греція, Сербія), въ третьемъ завоевывается политическая автономія (Канада, Австралія), въ четвертомъ приближеніе къ политически-національной федераціи (Австрія); образуются Nationalstätenstaat...; наконецъ, націи лишаются своей политической самостоятельности, происходитъ политическая ассимиляція (Польша, Кавказъ).

А капитализмъ растетъ вширь и вглубь. Закончилось первоначальное капиталистическое накопленіе, начался медовый мѣсяцъ капитализма, закончилось первоначальное національное накопленіе, начался медовый мѣсяцъ національизма. Буржуазно-капиталистическое общество конституируется во всей Европѣ, капитализмъ перебрасывается по ту сторону океана въ Америку. Захвативъ въ свои руки всѣ орудія и средства производства, всю экономическую власть, буржуазія захватываетъ всѣ орудія государственной власти, буржуазія становится у политическаго руля. Капитализмъ создалъ промышленную буржуазію, онъ создалъ также его противоположность въ лицѣ наемныхъ рабочихъ, лишенныхъ орудій и средствъ производства, въ лицѣ пролетаріата. На почвѣ политической свободы, провозглашенной французской философіей и революціей, на почвѣ экономической свободы, провозглашенной буржуазной политической экономіей, началась бѣшеная капиталистическая конкурренція, внутри государства—свободная игра свободныхъ экономическихъ силъ, внѣ государства—свободная борьба національностей за внѣшніе рынки. Экономическая и политическая физіономія общества сложилась, начинается классовая борьба пролетаріата. А подъ аккомпаниментъ классовой борьбы, происходящей между пролетаріатомъ данной національности и буржуазіей той же національности, происходитъ національная борьба. Національная борьба, какъ извѣстно, принимаетъ двоякій характеръ: происходитъ національная борьба между государствами-націями и борьба между націями внутри государства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ національная борьба есть не что иное, какъ борьба за рынокъ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ національная борьба ведется между буржуазіей одной національности и буржуазіей другой. Капитализмъ есть высшая точка развитія товарнаго производства; товары производятся въ неограниченномъ количествѣ; для ихъ сбыта требуются все новые и новые рынки; также капиталъ требуетъ новыхъ точекъ приложенія силъ. Начинается колоніальная политика. Въ началѣ развитія капитализма представителями колоніальной политики являются одиночныя страны; по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія старѣйшина передаетъ колоніальный жезлъ своимъ младшимъ братьямъ. Такъ классическая страна капитализма, Англія, уступаетъ гегемонію на міровомъ рынкѣ Германіи и Соединеннымъ Штатамъ Америки. А вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности

совершается прогрессъ техники и науки. Новѣйшія открытія и изобрѣтенія: паръ и электричество, телефонъ и телеграфъ, желѣзная дорога и всемірная почта, облегчили сношенія между народами, жизненная необходимость сдѣлала ихъ неизбѣжными; въ круговоротъ капитализма втягиваются всѣ страны, въ товарообращеніи принимаютъ участіе всѣ народы; націи задыхаются въ узкой сферѣ народнаго хозяйства, народы выносятъ продукты своего производства на міровой рынокъ. Всѣ страны накладываютъ на него свою лапу; всѣ страны изъявляютъ претензію на господство, всѣ стремятся занять преобладающее положеніе, играть на немъ первую скрипку Такъ возникаетъ имперіализмъ и его родныя дѣтища: протекціонизмъ и милитаризмъ. Колоніальную политику ведутъ всѣ капиталистическія страны, въ первыхъ рядахъ идутъ крупныя національныя государства. Такъ „терпимые" ко всѣмъ угнетеннымъ національностямъ англичане борются съ бурами, отказывая имъ въ автономіи, такъ та же Англія отказывается дать home rule Ирландіи, такъ Соединенные Штаты борются съ испанцами за Филиппинскіе острова, такъ африканскіе рынки въ Марокко чуть не порождаютъ европейской войны. Колоніальная политика есть національная политика, колоніальная борьба есть національная борьба. Такъ, рабская политика въ античномъ обществѣ порождала національную политику, такъ торговая политика въ феодальномъ обществѣ порождала національную политику, такъ промышленная міровая политика порождаетъ національную политику. Видимый національзмъ буржуазіи вступаетъ въ противорѣчіе съ интернаціонализмомъ капитала, такъ національзмъ капитала вступилъ въ противорѣчіе съ интернаціонализмомъ революціи. „Благодаря существованію міроваго рынка буржуазія придаетъ производству во всѣхъ странахъ космополитическій характеръ. Къ величайшей досадѣ реакціонеровъ она лишила промышленность національной почвы. Старыя національныя отрасли промышленности исчезли или близки къ гибели, онѣ вытѣснены новыми отраслями промышленности, введеніе которыхъ становится условіемъ существованія для всѣхъ цивилизованныхъ націй; новая промышленность потребляетъ сырые матеріалы уже не мѣстнаго происхожденія, но привозимые изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; равнымъ образомъ ея продукты потребляются не только населеніемъ данной страны, но проникаютъ во всѣ уголки земного шара" [1]). Хозяйство становится міровымъ, капиталъ становится міровымъ, капиталъ становится интернаціональнымъ. Да, становится, онъ только находится въ процессѣ становленія (Werden). А пока онъ становится, неизбѣжна національная борьба за гегемонію. Пока не всѣ страны пріобщены къ капитализму, пока есть еще свободные рынки,

[1]) „Коммунистическій манифестъ". Марксъ и Энгельсъ.

которые еще обладаютъ силой капиталистическаго притяженія, колоніальная политика будетъ переживать періодъ горячки. Но все преходяще, и колоніальныя войны, продуктъ капиталистическаго общества, въ предѣлахъ же капиталистическаго общества перейдутъ въ свою собственную противоположность. Но объ этомъ ниже.

Я говорилъ до сихъ поръ о внѣшнемъ, если можно такъ выразиться, національномъ вопросѣ, проявлявшемся въ международныхъ войнахъ. Это были войны огнемъ и мечомъ, желѣзомъ и кровью; всѣ эти войны являются слѣдствіемъ однихъ и тѣхъ же соціальныхъ условій, цѣль ихъ одна и та же. Но капиталистическій вѣкъ принято называть вѣкомъ цивилизаціи, и печать цивилизаціи лежитъ на національныхъ войнахъ. Такъ, каждое общество имѣетъ свой фиговый листъ, которымъ господствующій классъ прикрываетъ свои грубые матеріальные интересы; такъ религія являлась фиговымъ листомъ національныхъ войнъ въ эпоху реформаціи, такъ культура является маской національныхъ войнъ капиталистическаго общества. Тамъ были религіозныя войны, тутъ культуртрегерскія войны. Европейскія страны огнемъ и мечомъ захватываютъ африканскія земли, грабятъ Китай, ведутъ хищническую политику на завоеванныхъ земляхъ,—и все во имя культуры и цивилизаціи и еще во имя европейской культуры. Миновалъ вѣкъ религіозныхъ войнъ, минуетъ вѣкъ такъ называемыхъ культурныхъ войнъ. Объ этомъ поговоримъ ниже.

А пока посмотримъ, что представляетъ собой въ наше время внутренній національный вопросъ, національный вопросъ многоплеменныхъ государствъ. Австрія, Россія, Турція такъ и бросаются въ глаза, когда говоришь объ этомъ національномъ вопросѣ. Въ границахъ одного государства живетъ цѣлый рядъ націй, говорящихъ на различныхъ языкахъ, имѣющихъ свою особую національную физіономію, въ прошломъ исторію, въ настоящемъ культуру. И что же? Другъ друга колютъ, рубятъ, рѣжутъ, постоянныя состязанія на рапирахъ одной націи съ другой, другой съ третьей. Я разумѣю Австрію. Что касается Турціи и Россіи, то тамъ даже нѣтъ національной борьбы—тамъ только есть доходящее до виртуозности національное угнетеніе, исходящее изъ одного центральнаго фокуса деспотически-самодержавнаго строя. Тамъ еще культивируется цезаристскій принципъ: divide et impera и на фонѣ общаго политическаго и гражданскаго безправія старая національная инквизиція, только облеченная въ культурную тогу, тѣ же національныя пытки, тѣ же національные костры. Это окончится съ паденіемъ самодержавнаго порядка. Я буду говорить объ Австріи, этой сокровищницѣ внутреннихъ національныхъ треній, этомъ больномъ организмѣ нашего времени.

Что же такое современная Австрія?

Австрія—это конгломератъ механически связанныхъ національныхъ областей, представлявшихъ когда-то политическія недѣлимыя, подъ руководствомъ Габсбурговъ. Австрія—страна конституціонная; ея конституція гарантируетъ всѣмъ національностямъ право на саморазвитіе. 19-й параграфъ основного государственнаго закона о правахъ гражданъ гласитъ: „Всѣ народности государства равноправны, и каждая народность имѣетъ неприкосновенное право на сохраненіе и развитіе своей національности и своего языка.

Государство признаетъ равноправность всѣхъ мѣстныхъ языковъ въ школѣ, въ учрежденіяхъ, въ общественной жизни.

Въ земляхъ, гдѣ имѣется нѣсколько народностей, государственныя учебныя заведенія должны быть такъ устроены, чтобы, не будучи вынуждаемы къ изученію второго мѣстнаго языка, принадлежащіе къ каждой изъ этихъ народностей были поставлены въ возможность получить образованіе на родномъ языкѣ".

Такъ гласитъ австрійская конституція. А дѣйствительность гласитъ иначе. Какой сыръ-боръ загорѣлся въ австрійскомъ парламентѣ изъ-за указа о языкахъ; въ Вѣнѣ происходятъ безпорядки, въ Прагѣ вводится военное положеніе, парламентъ закрывается изъ-за предложенія ввести обученіе на словенскомъ языкѣ въ начальныхъ школахъ Штиріи; падаетъ министерство Виндишгреца въ 1848 году. Изъ-за открытія итальянскаго университета происходятъ уличныя схватки. Австрія превращается въ какой-то котелъ кипѣнія національныхъ паровъ. Подобно международнымъ войнамъ, національныя войны внутри государства принимаютъ культурный характеръ борьбы, тамъ онѣ ведутся во имя абстрактной европейской культуры, тутъ во имя конкретной національной культуры. Защита національной культуры становится національной идеей. Такъ нѣмцы во имя нѣмецкой культуры, то бишь нѣмецкой національной идеи, ведутъ политику онѣмеченія славянъ; такъ славяне въ тѣхъ областяхъ Австріи, гдѣ они составляютъ компактное большинство, во имя Slaventhum, во имя славянской національной идеи, ведутъ политику славянозированія, такъ во главу угла ставится національный духъ, такъ культивируются идеи пангерманизма, панславизма, панполонизма. Возникаетъ идея призванныхъ національностей; возникаетъ система такъ называемой исторической миссіи; польскій мессіанизмъ, русское славянофильство, нѣмецкое „Deutchland, Deutchland über alles". „Единъ Аллахъ, а я его пророкъ"—говоритъ господствующая національность. „Nichts ist uber mir"—говоритъ она словами Штирнера.

Но національная идея—это скрытая энергія буржуазіи, національный духъ—это только внѣшній плащъ. Теорія расовой борьбы потеряла въ наукѣ всякій кредитъ. Современная соціологія от-

крыла новые философскіе камни познанія законовъ. Этотъ философскій камень—матеріалистическое пониманіе исторіи.

Не столкновеніе національныхъ идей порождаетъ національную борьбу, а столкновеніе національныхъ матерій, если можно такъ выразиться. Это мы видѣли раньше, когда говорили о національно-государственныхъ войнахъ, то же и въ національныхъ войнахъ внутри государства.

Господствующая нація борется за экономическую гегемонію, экономическая гегемонія влечетъ за собой политическую гегемонію. Цѣль господствующей націи—монополизировать внутренній рынокъ, средства—политическое верховенство въ законодательной власти. За монополизаціей насыщеннаго внутренняго рынка слѣдуетъ монополія на внѣшнемъ рынкѣ. Чѣмъ однороднѣе составъ населенія, тѣмъ большимъ вліяніемъ пользуется господствующая нація на внѣшнемъ рынкѣ, тѣмъ успѣшнѣе она борется со своими конкуррентами. Поэтому буржуазія господствующей націи стремится къ раствору всѣхъ составнымъ національныхъ частей, къ нивеллированію всѣхъ культурныхъ особенностей.

Національная борьба принимаетъ характеръ политической борьбы. Чего требуетъ рынокъ? Свободы обмѣна. Противъ чего возстаетъ рынокъ? Противъ таможенныхъ заставъ. Таможенными заставами въ многонаціональномъ государствѣ является языкъ. Обиліе языковъ препятствуетъ монополіи рынка господствующей національностью, борьба за монополію рынка принимаетъ характеръ борьбы за нивеллированіе языковъ. Широкій рынокъ требуетъ широкаго распространенія языка, такъ возникаетъ борьба за монополію языка и культуры. Борьба за монополію языка и культуры есть борьба за монополію рынка, борьба за монополію рынка представляется національной борьбой, національная борьба является въ дѣйствительности только борьбой буржуазіи. Не національность борется за рынки, за нихъ борется только буржуазія, не національность выигрываетъ отъ борьбы за рынки, отъ нихъ выигрываетъ только буржуазія. Вотъ подноготная національной борьбы, вотъ ея субстанція. Эта субстанція сама себя выдаетъ, она рельефно обрисовываетъ контуры, она ясно обнаруживаетъ рѣзко бьющее въ глаза противорѣчіе, противорѣчіе sine qua non національной борьбы. Эта борьба ведется подъ двумя флагами; съ одной стороны, подъ флагомъ освобожденія, съ другой—подъ флагомъ угнетенія; флаги то и дѣло мѣняются мѣстами. Такъ, мадьяре борются противъ Австріи за свободу Венгріи, у себя дома они угнетаютъ сербовъ, кроатовъ, румынъ; поляки, борющіеся за свободу въ русской Польшѣ и прусской Познани, ведутъ политику угнетателей въ Галиціи, тамъ, гдѣ они господствуютъ. Такъ, два діаметрально противоположныхъ теченія, борьба за національное освобожденіе и борьба противъ національнаго освобожденія, совершается въ плоскости одной и

той же націи во имя одной и той же національной идеи, во имя національзма.

Da ist der Hund begraben.

Утопистъ-метафизикъ, мыслящій по формулѣ да—нѣтъ, для котораго вещь или существуетъ, или не существуетъ, но никогда не можетъ представлять самое себя и другую вещь, просто и прямолинейно рѣшаетъ вопросъ. Національзмъ нѣмцевъ, скажетъ онъ, реакціоненъ, національзмъ мадьяръ прогрессивенъ. Абстрагируя явленіе отъ опыта, метафизикъ санкціонируетъ національзмъ угнетателей, какъ преходящій, временный, національзмъ угнетенныхъ, какъ вѣчную категорію, незыблемую, независимую ни отъ времени, ни отъ пространства.

Марксистъ-діалектикъ, мыслящій по формулѣ да—нѣтъ—да, для котораго вещь одновременно существуетъ и не существуетъ, иначе смотритъ на этотъ вопросъ. Марксистъ мыслитъ по ту сторону добра и зла: въ національзмѣ національностей, борющихся за освобожденіе, онъ по другую сторону видитъ національзмъ угнетателей, и наоборотъ—

Въ вихрѣ движенія, въ волнахъ бытія
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь.
Жизнь и движенье—вѣчное море,
Смерть и рожденіе въ вѣчномъ просторѣ.

Національзмъ угнетенной національности и національзмъ угнетающей—это двѣ стороны одного и того же процесса, борьбы буржуазіи за экономическую и политическую гегемонію.

Когда капитализмъ начинаетъ свой процессъ развитія, буржуазія срываетъ внутренніе таможенные столбы; она очищаетъ свободное поле для внутренняго рынка, отъ внѣшняго рынка она защищается покровительственными пошлинами; когда онъ достигаетъ высшей ступени развитія, буржуазія разрываетъ внѣшніе столбы въ видѣ покровительственныхъ пошлинъ, она провозглашаетъ свободу торговли. Капитализмъ начинаетъ дни своего восхода, его путь освѣщаетъ протекціонизмъ; капитализмъ въ зенитѣ—его освѣщаетъ свобода торговли. Если въ Германіи, несмотря на развитой капитализмъ, еще проводится протекціонистская политика, то это показываетъ только, что аграріи и юнкера имѣютъ еще огромнѣйшее вліяніе въ германской политикѣ. Остатки феодализма и абсолютизма еще даютъ о себѣ знать въ Германіи. Тѣмъ болѣе въ Австріи; вѣдь конституція Австріи еще полна феодальнаго и абсолютистскаго мусора. „Новый центральный парламентъ,—говоритъ Каутскій,—основывался на избирательномъ правѣ, которое не только не было всеобщимъ, но даже не было равнымъ, такъ какъ вполнѣ согласно феодальному прообразу сохранило еще сословныя избирательныя группы. Сперва

центральный парламентъ былъ только исполнительнымъ органомъ отдѣльныхъ ландтаговъ, которые избирали членовъ рейхсрата. Только въ 1873 году были введены прямые выборы по отдѣльнымъ избирательнымъ округамъ. Австрія не стала не только демократическимъ, но даже и буржуазнымъ государствомъ“ [1]). И теперь на капиталистической канвѣ Австріи еще много феодальныхъ узоровъ; еще нѣтъ всеобщаго избирательнаго права, та же куріальная система выборовъ, тотъ же бюрократизмъ. И этими феодальными соками питается національная борьба въ Австріи. „Мы видимъ,—говоритъ Каутскій,—въ отсталомъ характерѣ Австрійской имперіи, въ ея феодальныхъ и абсолютистскихъ развалинахъ главную причину того, что національныя стремленія разожгли такую несчастную и безумную рознь, и единственнымъ средствомъ, которое можетъ положить конецъ этой розни, по нашему мнѣнію, является уничтоженіе остатковъ феодализма и абсолютизма. Австрія еще до сихъ поръ не доросла до положенія современнаго единаго государства. Она въ сущности еще до сихъ поръ является конгломератомъ большихъ и малыхъ государствъ, объединенныхъ одной общей территоріей и связанныхъ между собой только исключительно династіей“ [2]).

Австрія уже становится современнымъ государствомъ, т. е. безпримѣсно буржуазнымъ, буржуазнымъ „pur sang. Всеобщее избирательное право уже рѣшено въ принципѣ и въ Австріи, и въ Венгріи. Съ паденіемъ всѣхъ феодальныхъ пережитковъ падетъ и тотъ пережитокъ прошлаго, создавшій австрійскій національный вопросъ, именно національныя привилегіи, которыхъ нѣтъ въ бумажной конституціи, но которыя существуютъ тамъ при соотношеніи общественныхъ силъ.

Такъ, паденіе феодальныхъ пережитковъ послѣ междоусобной войны между сѣверными и южными штатами Америки привело къ освобожденію негровъ. Негрскій національный вопросъ былъ разрѣшенъ. Демократическая Австрія должна провозгласить свободу націи. 19-й параграфъ австрійской конституціи о равноправіи національностей не былъ проведенъ въ жизнь и лишній разъ доказалъ, что „конституція—не бумажка, а соотношеніе общественныхъ силъ“. Измѣнится удѣльный вѣсъ общественныхъ силъ, и національный вопросъ будетъ разрѣшенъ. А въ настоящее время мѣняется удѣльный вѣсъ общественныхъ силъ не только въ Австріи, но и во всей Европѣ, не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ.

Капиталъ свободенъ an und für sich. Онъ безжалостно вырываетъ всѣ межевые столбы, мѣшающіе его свободному развитію. Рвутся всѣ абсолютистскіе и феодальные пережитки. Къ числу

1) „Національная борьба и государственное право Австріи“. Каутскій,
2) Ibid.

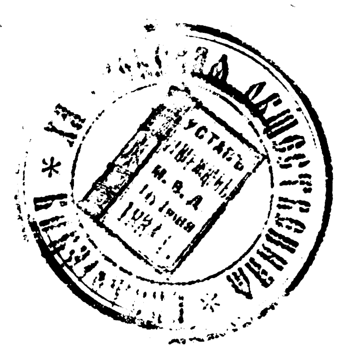
феодальныхъ пережитковъ принадлежитъ національное и религіозное угнетеніе. Религіозные костры и пытки были сметены и повергнуты въ прахъ либерализмомъ. Національные костры и пытки культурнаго содержанія и некультурной формы будутъ повергнуты въ прахъ либерализмомъ высшей степени, именно демократіей.

Новыя историческія силы активно вмѣшиваются въ міровую политику. Подъ аккомпаниментъ Россійской революціи заговорилъ пролетаріатъ всего міра, заговорилъ словомъ и дѣломъ. А буржуазный либерализмъ уже окончательно полинялъ, зрѣлый капитализмъ нуждается въ новой идеологіи. Принципъ laisser faire, laisser passer уже давно потерялъ у буржуазіи всякій кредитъ; его мѣсто заступаетъ буржуазное сотрудничество. Возникаетъ соціалъ-реформизмъ, соціалъ-либерализмъ, соціалъ-радикализмъ. Государство вмѣшивается въ рабочую политику; возникаетъ государственное страхованіе рабочихъ, развивается фабричное законодательство. За завоеваніями въ области соціально-экономической слѣдуютъ завоеванія въ области политической. Пролетаріатъ завоевываетъ въ Европѣ и Америкѣ, въ Австраліи и далекой Новой Зеландіи всеобщее избирательное право; прямое, равное и тайное во многихъ странахъ уже завоевано, въ другихъ является вопросомъ дня. Подъ давленіемъ рабочаго класса демократизируется культура, политика. Падаетъ клерикализмъ, падаетъ юнкерство. Доживаетъ свои послѣдніе дни международный жандармъ—русское самодержавіе. Величайшая историческая драма начала XX вѣка—Великая Россійская революція—возвѣщаетъ зарю новой жизни. На барабанный зовъ россійскаго пролетаріата откликнулись пролетаріи всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ.

В. Инсаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Горе дяди Пито.

Разсказъ Октава Мирбо.

Переводъ съ французскаго **О. Н. Черносвитовой.**

I.

Дядя Пито собирался ѣхать пахать; онъ чистилъ лошадей на конюшнѣ, ворчалъ, сыпалъ проклятiями и отплевывался. Тусклый огонь фонаря съ роговыми стѣнками слабо освѣщалъ досчатый потолокъ, сквозь трещины котораго висѣли растрепанные клочья сѣна; на грязныхъ стѣнахъ, забрызганныхъ жидкимъ навозомъ, двигались несообразно большiя тѣни животныхъ. У входа въ конюшню появилась работница Луиза.

— Хозяинъ,—позвала она,—хозяинъ!

— Ну, что еще тамъ? — спросилъ дядя Пито, собирая веревочныя постромки и завязывая ихъ въ одинъ большой узелъ.—Что еще надо?

— Пожалуйте сами поскорѣе. Не знаю я, что съ Перепелкой сдѣлалось. Вовсе не хочетъ подыматься. Ужъ я ее въ задъ-то колочу башмаками, что есть силы, — не двигается. А пыхтитъ-то!.. пыхтитъ-то!.. Боже мой, какъ пыхтитъ!..

— Гм! Гм! Такъ ты говоришь, не хочетъ подыматься животное?

— Нѣтъ.

— Гм, гм!.. Ну подожди же...

Дядя Пито снялъ фонарь и пошелъ за работницей. На дворѣ едва брезжило утро, холодное и блѣдное, все окутанное ноябрьскимъ туманомъ, въ которомъ небо и земля сливаются вмѣстѣ, а дома и деревья то выступаютъ мутными силуэтами, то пропадаютъ въ густомъ, безцвѣтномъ воздухѣ,—словно погружаются въ небытiе. Во дворѣ фермы куры, уже разбуженныя пѣтухомъ, подбирали зерна въ навозѣ; около грязной лужи утки чистили свои перышки. Въ то время, какъ пастухъ со своимъ стадомъ удалялся, постепенно пропадая въ туманѣ, какъ призракъ, — изъ хлѣва

медленно и тяжеловѣсно выходили коровы, и, направляясь къ выгону одна за другой, терлись боками о стволъ орѣховаго дерева, съ голыхъ вѣтвей котораго дождемъ капала на землю ночная сырость.

Пито первый вошелъ въ открытую дверь и увидалъ слѣдующую картину. Въ темной глубинѣ сарая, на ложѣ изъ грязныхъ папоротниковыхъ листьевъ лежала корова; отъ нея несло тепломъ, какъ отъ печки, и шелъ острый и сладкій запахъ навоза и молока. Ея громадные бѣлые бока вздувались и опадали подобно работающему кузнечному мѣху; ноги, испещренныя рыжими пятнами, были запачканы уриномъ и зеленоватымъ коровьимъ навозомъ, а морда, лежавшая на грязной подстилкѣ, издавала звукъ свистящаго и короткаго дыханія. Пито передалъ фонарь Луизѣ, и, пока она свѣтила ему, наклонился, тщательно изслѣдуя корову; онъ ощупалъ ея члены своими большими сине-красными руками, раздвинулъ вѣки, за которыми показались глаза, добрые и безъ мысли, горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ.

— Ну что, моя Перепелка,—обратился онъ ласково къ больному животному, — что моя красавица?.. Скажи, гдѣ болитъ, моя королева?.. Скажи же...

Онъ взялъ свеклу въ ясляхъ, разломилъ пополамъ и, понюхавъ, предложилъ поочередно оба куска коровѣ, которая отвернулась и оставалась попрежнему неподвижной.

— Охъ!.. охъ!..—пробормоталъ онъ.

Лицо его, напоминавшее глыбу земли, прикрытую фуражкой, вдругъ стало озабоченнымъ. Нѣсколько разъ принимался дядя Пито почесывать затылокъ и погрузился въ глубокое, тягостное раздумье, между тѣмъ какъ Луиза, покачивая крѣпкими боками, разсѣянно смотрѣла на пустое стойло и тяжелыя бревна сруба, уходившія въ темный уголъ крыши. Бросивъ куски свеклы обратно въ ясли, онъ опустился въ навозъ на колѣни, приложился ухомъ къ груди коровы и закрылъ глаза, желая лучше сосредоточиться и слышать. Отвратительная крыса пробѣжала по косяку, подпиравшему рѣшетку яслей, и быстро шмыгнула въ расщелину глиняной стѣнки; куры заполнили стойло.

— Боже мой, какъ она хрипитъ!—воскликнулъ Пито, поднимаясь.—У ней въ легкомъ кипитъ и клокочетъ, словно новый сидръ въ боченкѣ... Да, заболѣло животное, сильно заболѣло!.. Боже милостивый!.. Да что же это съ ней, Луиза?

— Вамъ чего?

— Ступай-ка, принеси изъ хлѣбопекарни мѣшки изъ-подъ яблоковъ да старый парусинный чехолъ съ повозки...

знаешь, онъ сейчасъ направо, около кадки... Господи, какъ она дышитъ!

Работница передала фонарь хозяину и вышла, постукивая деревянными башмаками.

Наморщивъ брови, въ сильномъ безпокойствѣ похаживалъ Пито вокругъ коровы, бока которой вздымались все чаще и сильнѣе.

Боязнь потерять ее, увидѣть ее скоро тутъ бездыханной съ окоченѣлыми членами, сжала тоской его сердце, и дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Такая прекрасная корова, лучшая изо всего стада! Вѣдь она давала ежедневно шестнадцать литровъ молока, а каждый годъ приносила по теленку, котораго онъ продавалъ за девяносто франковъ на ярмаркѣ въ Эшоффурѣ. И съ чего она заболѣла? По какому праву собиралась она теперь лишить его вѣрной и чистой прибыли?

Развѣ плохо ходили за ней? Развѣ не было у ней всегда вдоволь свѣжей травы, моркови и свеклы? Ощупывая ей хребетъ, брюхо, подгрудокъ, вымя, поднимая опущенныя вѣки, Пито и самъ хорошенько не зналъ, сердиться ли ему на животное, или жалѣть его. Все же изъ боязни увеличить ея болѣзнь грубымъ обращеніемъ онъ говорилъ съ ней кротко, осыпалъ ласками.

— Ну же, моя Перепелочка? Ну, моя королева, птичка моя маленькая!..

Между тѣмъ какъ въ глубинѣ души онъ охотно назвалъ бы ее „грязной животиной", хорошенько потрясъ бы ее за рога, напустилъ бы собакъ, которыя искусали бы ей всѣ поджилки.

Вошла Луиза съ мѣшками и чехломъ. Вдвоемъ они тщательно закутали корову тряпками, словно ребенка запеленали.

— Ну, вотъ, моя бѣдная Перепелочка!—говорилъ Пито.

На что Луиза всякій разъ отвѣчала:

— Вотъ, мой ангелъ, моя цыпочка, мой поросеночекъ... Вотъ такъ, моя Перепелочка!

II.

— Да замолчишь ли ты, дряной мальчишка!—кричала тетка Пито, которая, присѣвъ передъ большимъ котломъ и засучивъ по локоть рукава, разминала руками картошку и поливала ее отрубями и кислымъ молокомъ.

— Вотъ подожди ужо! Такъ нашлепаю! Я тебѣ покажу, какъ орать!

Но крики, которые неслись изъ маленькой плетеной люльки, помѣщавшейся тутъ же между двумя большими постелями, все продолжались, обрываясь по временамъ сиплымъ звукомъ, напоминавшимъ предсмертное хрипѣніе ребенка, котораго душатъ.

— Ахъ, проклятый мальчишка! Ишь, подлый, надрывается!—бранилась фермерша—Да замолчишь ли ты?

Передъ высокимъ каминомъ, почернѣвшимъ отъ сажи, сидѣла любимая собака хозяйки Рике; она пристально глядѣла на догоравшую вязанку хворосту; тутъ же, растянувшись на теплой золѣ, спали двѣ кошки.

Госпожа Пито подошла къ люлькѣ, въ которой продолжалъ плакать ребенокъ. Среди тряпокъ едва можно было разглядѣть его худенькое, блѣдное, сморщенное личико. Дряблая кожица прикрывала глаза, и почти соединявшіяся линіи вѣкъ казались сочившейся раной. Крики съ трудомъ вырывались изъ судорожно - сжатаго горла, а тѣльце конвульсивно сжималось подъ сѣрыми холщевыми пеленками.

— Когда же ты перестанешь пищать, злой мальчишка?—проговорила фермерша, наклоняясь надъ люлькой и взбивая весь промоченный тюфячекъ изъ мякины.—Ну, смотри же, спи теперь!—прибавила она, укладывая его обратно.—Если тебя слушать, такъ только и дѣла будетъ, что вокругъ тебя...

Она отошла отъ люльки, присѣла опять передъ каминомъ и раздула погасавшій уже огонь. Собака встала и закружила по комнатѣ, обнюхивая полъ; разбуженныя кошки начали потягиваться и полѣзли на стулъ. Въ эту минуту вошелъ дядя Пито съ Луизой.

— Боюсь, что Перепелка заболѣла,—сказалъ онъ покачивая головой,—сильно заболѣла.

Фермерша, раздувавшая головешки, быстро обернулась:

— Что ты говоришь?.. Да что же случилось?..—спросила она, слегка поблѣднѣвъ.

— Я говорю, что Перепелка больна. Вотъ что я говорю!.. Сильно больна!..

— Да что же съ ней?

— Не знаю... Ее что-то въ легкихъ мучаетъ. Не ѣстъ совсѣмъ и распухла!

— И какъ дышитъ!—прибавила Луиза.

— Что и говорить,—совсѣмъ больна!—заключилъ Пито, бросивъ съ отчаяньемъ свою фуражку на столъ.

Опечаленная, госпожа Пито молчала. Неожиданное извѣстіе о томъ, что ея прекрасная молочная Перепелка хрипѣла, распухла, перестала ѣсть и была „больна“, со-

всѣмъ ее обезкуражило. Однако, она скоро оправилась и принялась кричать на мужа, кидая ему злобные взгляды:

— Она распухла!.. она хрипитъ, а ты сидишь здѣсь, какъ сычъ, да затылокъ скребешь!.. Ты можетъ, болванъ, думаешь, что ветеринаровъ-то только къ собакамъ зовутъ!.. По-твоему, пускай дохнетъ скотина, меньше работы будетъ... Словно пень къ мѣсту приросъ... Да догадался ли ты хоть соломы свѣжей ей подостлать? Ахъ, Господи, Господи!

Ребенокъ опять принялся плакать, и подъ вліяніемъ усилій маленькаго существа, отбивавшагося отъ страданій, скрипѣла колыбель. Его голосъ, то слабый и жалобный, то раздирающе-рѣзкій, то глухой и хриплый казалось мучительно молилъ о помощи. Но ни отецъ, ни мать не слыхали этихъ призывовъ, выражавшихся нечленораздѣльными звуками.. Оба продолжали ругаться. Госпожа Пито, разсвирѣпѣвъ, махала руками и кричала:

— Вѣдь ей не полегчаетъ отъ того, что ты тутъ сидишь, да, разинувъ ротъ, на меня глаза пучишь?

И, обращаясь къ работницѣ, она завопила еще сильнѣе:

— А все ты виновата, мерзкая тварь... Ты, небось, водила ее на пастбище въ орѣшникъ? Тамъ она и наѣлась дурной травы...

Тутъ, шлепнувшись на стулъ, она закрыла лицо фартухомъ и заплакала.

— Бѣдная моя Перепелка! отравили тебя! Охъ, охъ, охъ!

Ребенокъ задыхался въ припадкѣ кашля; казалось, что тѣльце его разрывается въ предсмертной икотѣ. Пито кинулъ взглядъ на скрипѣвшую люльку, изъ-за краевъ которой высовывались двѣ скрюченныя, худыя ручонки.

— Да это мальчишка такъ кричитъ? И съ чего это онъ?

— Да ни съ чего... Просто зубы... Бѣдная моя Перепелка, ухъ, ухъ!

— Ну, перестань, пойду за ветеринаромъ... Вѣдь она еще не подохла. Нечего заранѣе-то убиваться.

— Бѣдная моя Перепелка!.. Ужъ никогда мнѣ такой коровы не найти, никогда!.. Да замолчишь ли ты, проклятый поросенокъ!.. Ну, погоди, вотъ я тебя кнутомъ...

Но Луиза взяла ребенка, и, пока дядя Пито надѣвалъ свою куртку, она старалась кормить его густой, вонючей кашей; малютка отбивался, выплевывалъ все назадъ и хрипѣлъ.

III.

Докторъ Рагэнъ, тепло укрывшись мѣховой полостью, правилъ своимъ кабріолетомъ. Онъ старательно избѣгалъ глубокихъ колей и большихъ камней, круглыя головки ко-

торыхъ тамъ и сямъ высовывались по дорогѣ. Но, несмотря на осторожность доктора и кроткій нравъ его лошади, колеса все-таки нерѣдко упирались въ камни или проваливались въ ямы, и пролетка прыгала на рессорахъ, какъ судно на волнахъ. Моросилъ дождь. Высоко-высоко въ сѣромъ небѣ пролетали вороны; перепуганныя стаи дроздовъ, ютившихся на изгороди изъ остролиста и шиповника, окаймлявшей дорогу съ обѣихъ сторонъ, поднимались и садились на вѣтви сосѣднихъ яблонь.

— Здравствуйте, господинъ Рагэнъ,—сказалъ плотный человѣкъ, который, перешагнувъ проломъ изгороди, появился вдругъ на проселочной дорогѣ. На немъ была очень короткая куртка, грязные панталоны и стоптанные, покрытые грязью сапоги.

Докторъ остановилъ лошадь.

— А, господинъ Торель!—сказалъ онъ.—Здравствуйте, господинъ Торель! Раненько же вы гуляете по деревнѣ.

Господинъ Торель съ минуту отдувался, потомъ снялъ сѣрый шерстяной шарфъ, которымъ была обмотана его шея, и отвѣчалъ:

— Да, приходится, господинъ Рагэнъ... Въ Эпинѣ у меня годовалая телка больна сапомъ; оттуда я пробираюсь теперь полями къ дядѣ Пито; у него корова захворала воспаленіемъ легкихъ, вотъ уже четыре дня лечу. Сейчасъ много скотины болѣетъ этой болѣзнью.

— А я тоже вѣдь ѣду къ дядѣ Пито.

— Да, какъ же знаю... къ его ребенку. Это я указалъ ему послать за вами. А ребенокъ-то его плохъ... Но ѣзжайте, я не задерживаю васъ, господинъ Рагэнъ.

— Поѣдемте вмѣстѣ, господинъ Торель, подсаживайтесь...

— У меня сапоги очень ужъ грязны, господинъ Рагэнъ.

— Что за пустяки, господинъ Торель.

— Въ такомъ случаѣ съ удовольствіемъ, господинъ Рагэнъ.

На поворотѣ показался мужикъ, быстро шагавшій по дорогѣ.

— Смотрите! Да это дядя Пито!—воскликнулъ господинъ Торель, соскочившій одной ногой на подножку кабріолета.—Эй! дядя Пито!.. Здравствуйте, дяди Пито!..

— Доброе утро и вамъ, господинъ Торель съ компаніей,—почтительно кланяясь, сказалъ фермеръ.

— Ну какъ дѣла? Что коровка? — спросилъ ветеринаръ.

— Спасибо за вниманіе, господинъ Торель... Только она

нынче утромъ подохла!.. Только успѣлъ новую доску въ боченокъ вставить... а тутъ она и подохни!.. Я было къ вамъ шелъ, хотѣлъ просить не безпокоиться... Ничего не подѣлаешь, околѣла!

У него вырвался жестъ досады.

— И не везетъ мнѣ! Три года тому назадъ, позвольте доложить вамъ, я потерялъ двухъ жеребятъ и телку!.. Въ прошломъ году подохла жеребая кобыла... Нынѣшнимъ лѣтомъ всѣ куры перевелись и почему? Богъ ихъ знаетъ; наконецъ, теперь такая прекрасная корова околѣваетъ!.. Гдѣ же онъ, Господь Богъ, господинъ Торель? Право, думается, что нѣтъ его, а только одна злая судьба надъ нами!.. Право, такъ это и не выходитъ у меня изъ мыслей—злая судьба!

Пито топалъ ногой и хватался за волосы.

— А ужъ сколько денегъ на всемъ этомъ пропало, сколько денегъ!.. Къ тому же хлѣбъ весь остался на рукахъ, яблоки почти что непочемъ нынче. Послѣ засухи скотина совсѣмъ отощала... Плакали наши денежки... Боже мой, Боже мой! И кто жъ это намъ такую судьбу посылаетъ?

— А какъ ребенокъ?—спросилъ господинъ Рагэнъ.

Дядя Пито взглянулъ удивленно на доктора, какъ бы не соображая сразу, о чемъ его спрашиваютъ.

— Вы о чемъ изволите?—переспросилъ онъ.

— Какъ здоровье ребенка, къ которому я ѣду? Что съ нимъ?

— А это вы про нашего мальчишку хотѣли узнать?

— Ну да же.

— Такъ бы и сказали. Онъ тоже померъ...

* * *

I.

Я видѣлъ, какъ отецъ благословляетъ дочь.
Куда? Должно быть, на вѣнчанье?
Она изъ гнѣздышка уходитъ, вѣрно, прочь,
И я засталъ послѣднее прощанье.
Нѣтъ! Я ошибся, и не потому
Такъ распростерты старческія руки:
Онъ отпускаетъ дочь свою въ тюрьму.
Вотъ отчего предъ ужасомъ разлуки
Не потупился вдохновенный взоръ,
И старые, горящіе глаза
Молчатъ про муки и позоръ,
А крупная, прозрачная слеза
Сверкаетъ гнѣвомъ просвѣтленнымъ
И говоритъ, что въ мірѣ обновленномъ
Готовится послѣдняя гроза!

II.

Я видѣлъ юношу. Онъ шелъ
Походкою увѣренной и твердой.
И о безмѣрной радости прочелъ
Я на челѣ возвышенномъ и гордомъ.
И ни слѣда могильныхъ, мрачныхъ думъ,
И ни слѣда печали иль страданья.
Душа прозрачна, ясенъ умъ.
Онъ шелъ, должно быть, на свиданье?
Но я ошибся—онъ на казнь идетъ,
И на кладбищѣ ужъ готово мѣсто.
Петля готова и палачъ ужъ ждетъ,
И смерть сама—она его невѣста.
Вотъ отчего по юному лицу
Прекрасное сіяніе разлито!
О чемъ рыдать безстрашному борцу?
Борьба идетъ къ желанному концу,
И въ каждой смерти месть сокрыта!

Семенъ Омскій.

О теоретическихъ основахъ муниципализаціи земли.

I. Буржуазные проекты муниципализаціи и аграрный ревизіонизмъ.

1.

Муниципализація земли не числится пунктомъ аграрной программы западно-европейскаго пролетаріата [1]). Среди соціалистовъ-утопистовъ буржуазнаго общества насчитывается случай своеобразной муниципализаціи, придуманной англійскимъ утопистомъ Томасомъ Спенсомъ. Приведенный въ отчаяніе безправіемъ англійскаго пролетаріата и закабаленностью народныхъ массъ англійскому лорду, Томасъ Спенсъ рѣшилъ сбросить иго лэндлордизма и передать землю въ распоряженіе общины (англійскаго прихода). Планъ Спенса оказался утопіей, и когда иго лэндлордизма было свергнуто, а крупные и мелкіе собственники получили доступъ къ избирательнымъ урнамъ, англійская буржуазія не захотѣла всеобщаго благоденствія по рецепту Спенса. Это не помѣшало, конечно, другимъ утопистамъ время отъ времени возвращаться къ проектамъ земельнаго устройства по типу муниципализаціи. И любопытно, что особенно много прожектерскаго зуда обнаруживаетъ на этомъ поприщѣ нѣмецкій бюргеръ.

Дѣло въ томъ, что въ Германіи и до сей поры очень даютъ себя чувствовать пережитки феодализма. Мѣстное самоуправленіе живетъ тамъ подъ присмотромъ полиціи. Демократизація самоуправленія—умѣренная, разумѣется,—считается необходимой во всѣхъ политическихъ фракціяхъ нѣмецкой буржуазіи. Нѣмецкій аграрій надоѣлъ бюргеру не менѣе, чѣмъ лордъ англійскому мѣщанству XVIII вѣка. Стараясь сбросить съ себя и отечественной индустріи жадную лапу аграрія, бюргеръ въ своихъ мечтахъ о будущемъ выходитъ иногда изъ пре-

---

[1]) Въ программѣ Бельгійской рабочей партіи наряду съ муниципализаціей земли стоитъ національзація земли.

дѣловъ благоразумія. И тогда являются мятежные планы „коренной реформы“. Безъ помощи пролетарія въ борьбѣ за „реформу“ не обойтись. И вотъ, чтобы соблазнить четвертое сословіе, нашъ реформаторъ старается доказать ему всю неотложность своихъ плановъ. Въ защитѣ муниципализаціи фигурируетъ и „любовь горожанъ къ „капустѣ, посаженной въ своемъ садикѣ“, и примиреніе индивидуализма съ соціализмомъ, и средство противъ всеобщаго обнищанія,—словомъ, весь аппаратъ нищенски скромной аргументаціи, которымъ оперируетъ обычно мѣщанинъ, ублажая меньшого брата [1]).

Самъ по себѣ капитализмъ въ глазахъ буржуазнаго реформатора не имѣетъ, разумѣется, ничего отталкивающаго. Правда, онъ сопровождается развитіемъ соціальной нищеты и пауперизма. Но капитализмъ здѣсь не при чемъ. Накопленіе капиталистическаго богатства на ряду съ ростомъ нищеты происходитъ отъ недостатка потребленія. Итакъ, средство для того, чтобы обезвредить капитализмъ, найдено. „Если бы люди могли купить то, въ чемъ нуждаются, перепроизводство исчезло бы въ мгновеніе ока“. Но какъ установить контроль надъ производствомъ, поставить его въ соотвѣтствіе съ ростомъ потребностей? Неужели для того, чтобы установить контроль, придется увѣровать въ „марксистскій коммунизмъ“? Буржуазный реформаторъ не прочь установить этотъ контроль, котораго требуетъ „марксистскій коммунизмъ“, но только въ сельскомъ хозяйствѣ, а не въ индустріи и при томъ контроль не надъ производствомъ, а надъ формами земельной собственности. И капитализмъ, и коммунизмъ не удовлетворяютъ сторонника аграрной реформы. Слабая сторона капитализма въ томъ, что онъ одинаково распространяетъ свою деспотію и въ селѣ, и въ городѣ. Коммунизмъ же грѣшитъ тѣмъ, „что стремится разсматривать все общественное производство съ той точки зрѣнія, которая примѣнима только къ земледѣлію“. Чтобы устранить недочеты капиталистическаго хозяйства, „необходимъ контроль общины надъ землей и ея богатствами“....

Такъ какъ „марксистскій коммунизмъ“ обосновываетъ свою программу научными данными, то буржуазные глашатаи аграрной реформы выступаютъ во всеоружіи научнаго метода, конечно, во вкусѣ чисто-буржуазномъ. Они насчитываютъ три фактора производства: капиталъ, трудъ и землю. Капиталъ, по ихъ разумѣнію, „есть накопленный трудъ, долженствующій облегчить новую работу“. И посему противъ капитала ничего возразить нельзя: онъ облегчаетъ трудъ общества. Трудъ есть также весьма почтенная категорія общественнаго производства. Остается, слѣ-

---

[1]) См. A. Damaschke. „Bodenreform“. Berlin. 1902. Русск. переводъ— „Земельная реформа“, изд. О. Н. Поповой и „Трибуны“.

довательно, земля или, вѣрнѣе, земельная собственность. Она-то и есть источникъ всего зла. „Куда дѣвался весь прогрессъ культуры? — негодуетъ буржуазный реформаторъ. — Онъ захваченъ третьимъ факторомъ—земельной рентой“. Вырвать прогрессъ культуры изъ жадныхъ рукъ владѣльцевъ земли и составляетъ задачу „аграрной реформы“.

Развитіе капиталистическаго хозяйства въ индустріи не возбуждаетъ сомнѣній среди жрецовъ буржуазной науки. Съ паденіемъ мелкаго производства въ индустріи и пролетаризаціей городского населенія она мирится, какъ съ фатумомъ и необходимымъ условіемъ капитализма. Для устраненія всѣхъ золъ городской индустріи, выпадающихъ на долю городского производителя, единственной вѣрной мѣрой является муниципализація земли. Безъ этой реформы всякія начинанія безсильны. Вѣдь даже въ опредѣленіи размѣровъ заработной платы, этого главнѣйшаго источника жизни рабочаго, роль господина и вершителя судебъ пролетаріата играетъ собственникъ земли. И даже тогда, когда повышается заработная плата, возвышеніе арендной и квартирной платы съѣдаетъ и поглощаетъ всѣ завоеванія, которыя дѣлаетъ рабочій для улучшенія своей участи. „Горожанинъ требуетъ земли, жаждетъ ея. Посѣять капусту въ своемъ садикѣ—развѣ объ этомъ не мечтаетъ большинство городскихъ жителей?“, спрашиваетъ съ паѳосомъ сторонникъ земельной реформы. И вотъ, чтобы удовлетворить эту жажду имѣть капусту въ своемъ огородѣ, предлагается муниципализація земли, которая призвана уничтожить все зло капитализма, оставивъ, разумѣется, въ полной сохранности капиталъ капиталисту.

Вліяніе пережитковъ феодализма въ городѣ чувствуется слабо и промышленный капиталъ съ успѣхомъ борется съ нимъ. Въ деревнѣ феодализмъ держится прочно. И потому сторонникъ буржуазной реформы заявляетъ: „Всякая соціальная реформа въ городѣ будетъ призрачна до тѣхъ поръ, пока будутъ сохранены тѣ ненормальности и патологическія явленія, въ которыхъ находится земледѣліе... Условія жизни крестьянъ опредѣляютъ условія жизни горожанъ. И эти условія жизни крестьянъ станутъ „нормальными“ (для капиталистическаго хозяйства. *М. О.*) тогда, когда „будутъ выкинуты за бортъ старыя формы поземельнаго права“. Устраните эти старыя (феодальныя) формы права, и мелкое производство успѣшно будетъ отстаивать свое существованіе, ему придется приспособиться окончательно къ нуждамъ капитализма. А затѣмъ оно должно будетъ нести отвѣтственную службу, стать главнымъ оплотомъ противъ всеобщей пролетаризаціи, нависшей Дамокловымъ мечомъ надъ буржуазнымъ обществомъ.

Изъ всего хозяйственнаго строя, цѣлаго ряда производственныхъ отношеній, обнимающихъ сложные и простые хозяйствен-

ные организмы, буржуазная реформа свои взоры обращаетъ на простѣйшую хозяйственную форму—на крестьянское производство[1]). Вмѣсто изслѣдованія производственныхъ отношеній, буржуазный анализъ со всей кропотливостью мѣщанства ходитъ вокругъ да около этого пережитка феодальнаго общества. И все это для того, чтобы вдохнуть жизнь въ крестьянское хозяйство и тѣмъ доказать, что развитіе буржуазнаго общества происходитъ „не по Марксу".

Но какъ ни изощряется буржуазная критика „марксистскаго коммунизма" въ поискахъ фактовъ, опровергающихъ прогнозъ Маркса о бренности капиталистическаго строя, она не осмѣливается переступать завѣтную черту, отдѣляющую теорію отъ практики. Она остается въ области чистой теоріи не потому, что „марксистскій коммунизмъ" отличается „крайней непримиримостью именно въ теоретической части", а потому, что примиреніе „антагонизма города и деревни" буржуазный реформаторъ можетъ провести только въ теоріи. И какъ только нашъ реформаторъ отъ своего теоретическаго отрицанія частной собственности на землю переходитъ къ условіямъ „контроля общины надъ землей и ея богатствами", оказывается, что его „свобода въ выборѣ труда", т. е. свобода капиталистической эксплоатаціи, и земельная реформа въ видѣ муниципализаціи земли живетъ въ мирѣ и согласіи съ бюрократическимъ строемъ капиталистическаго государства [2]). И если бы сторонники буржуазной реформы дерзнули наряду съ поправками къ ученію о ростѣ и концентраціи капитала предложить свои дополненія къ соціалъ-демократической программѣ, ихъ ждалъ бы суровый окрикъ „руки прочь".

Но и чисто-теоретическая критика „марксистскаго комму-

---

[1]) Главный аргументъ защиты крестьянства пропитанъ чисто-буржуазной гуманностью и прямо свидѣтельствуетъ, что лежитъ въ корнѣ работъ капиталиста о крестьянствѣ: „развитіе промышленности зависитъ отъ степени организованности и способностей рабочаго населенія. Международная конкурренція невозможна съ рабочими. неразвитыми въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ. А такъ какъ условія жизни крестьянъ опредѣляютъ въ концѣ концовъ жизнь горожанъ, то ясно, что вся экономическая жизнь страны сильно заинтересована въ томъ, какъ живется земледѣльцу". Сверхъ того, „земледѣльческій классъ является источникомъ молодости всего народа"... говоря точнѣе—источникомъ рабочей силы капитала.

[2]) „Сырые продукты должны находиться подъ строгимъ контролемъ общины; это необходимо для того, чтобы содѣйствовать свободной эволюціи экономіи, чтобы предоставить каждому, кто хочетъ и можетъ работать, извлекать всю выгоду изъ производства, чтобы освободить такимъ образомъ трудъ". Итакъ, нужно „освободить трудъ". Это правило буржуазной реформы терпитъ большія исключенія: „копи, нефтяные источники, залежи угля—вотъ что еще можно эксплоатировать бюрократическимъ путемъ". Очевидно, на сыромъ продуктѣ нѣмецкаго аграрія лежитъ та печать отверженности, которая пропадаетъ, когда этотъ продуктъ добывается въ рудникахъ и шахтахъ капиталиста.

низма“ буржуазныхъ реформаторовъ осталась не безъ результата. Сверхъ ожиданія, иные послѣдователи Маркса отличаются не столь крайней непримиримостью въ теоріи, какъ это казалось буржуазнымъ критикамъ Маркса.

Само собой разумѣется, что было бы слишкомъ много чести приписать буржуазнымъ реформаторамъ и ихъ „критикѣ Маркса“ причину „критицизма“ среди послѣдователей Маркса. На Западѣ муниципализація земли слишкомъ отдаетъ буржуазнымъ реформаторствомъ и политическими вожделѣніями капитала, чтобы возбудить сочувствіе среди идеологовъ пролетаріата. Но не только въ сферѣ практики и программы, а и въ сферѣ чисто теоретической источникъ критицизма сторонниковъ Маркса значительно глубже, чѣмъ у буржуазныхъ реформаторовъ.

Марксистъ не можетъ удовлетвориться, подобно буржуазной критикѣ, простымъ констатированіемъ факта хозяйственнаго развитія и благополучнаго роста капитализма. Нарожденіе, а равно и смерть опредѣленной формы хозяйства стоитъ въ тѣсной связи со всѣмъ строемъ общественнаго производства, со всей суммой производственныхъ отношеній, имѣющихся на лицо. Если мелкое хозяйство въ селѣ — какъ завѣряютъ буржуазные реформаторы—обнаруживаетъ всѣ признаки благоденствія, несмотря на развитіе классовыхъ противорѣчій, то гдѣ же причина „консерватизма“, спасающаго капитализмъ отъ гибели? Причина этого консерватизма была скора найдена. Виновными оказались тѣ самыя производительныя силы, развитіе коихъ, по мнѣнію Маркса, и создаетъ необходимыя условія для смѣны производственныхъ отношеній, для наступленія момента, когда долженъ пробить послѣдній часъ буржуазнаго строя.

Слѣдствіе, которое предприняли критически настроенные ученики, чтобы обнаружить изъянъ въ методѣ Марксова анализа (въ ученіи о развитіи производительныхъ силъ), велось, конечно, въ духѣ Маркса. Благодаря этому, попыткамъ буржуазнаго анализа былъ приданъ законный видъ и толкъ. Ревизіонисты придумали поправку къ закону о развитіи производительныхъ силъ въ обществѣ и поставили на научный пьедесталъ ученіе о безсмертіи въ селѣ мелкой формы хозяйства.

Каждая изъ этихъ поправокъ находится въ коренномъ противорѣчіи съ научнымъ обоснованіемъ аграрной программы рабочаго класса. И мы должны хотя бы вкратцѣ коснуться ревизіонистской теоретизаціи въ области аграрнаго вопроса. Сдѣлать это необходимо уже потому, что западный ревизіонизмъ находится въ прямомъ родствѣ съ русской теоріей сторонниковъ аграрной программы, именующейся муниципализаціей земли.

2.

Для марксиста эпоха капиталистическаго производства и буржуазный строй есть только необходимая стадія роста производительныхъ силъ, историческій періодъ производственныхъ отношеній. Ни развитіе производительныхъ силъ, ни строй производственныхъ отношеній не является для марксиста фетишемъ. Фетишъ буржуазнаго сознанія—капиталъ—въ марксистскомъ анализѣ теряетъ свою вещественную оболочку и представляетъ собой просто-на-просто извѣстную сумму орудій и средствъ производства, результатъ накопленія и роста производительныхъ силъ. Производственныя отношенія при свѣтѣ геніальныхъ работъ Маркса также теряютъ свой характеръ лабиринта, въ которомъ такъ легко запутывается идеологъ буржуазіи. Производственныя отношенія капитализма—это отношенія людей другъ къ другу, отношенія общественнаго свойства, гдѣ въ каждомъ случаѣ мы находимъ, по крайней мѣрѣ, представителей двухъ общественныхъ классовъ, капиталиста и пролетарія.

Въ силу этого, ростъ производительныхъ силъ и классовое разслоеніе общества составляютъ исходный пунктъ анализа всякаго явленія, которое подлежитъ изученію марксизма.

Начиная свой анализъ въ духѣ Маркса, ревизіонизмъ исполненъ благихъ намѣреній и начинаетъ съ начала всѣхъ началъ, съ роста производительныхъ силъ. Тутъ-то и оказывается, по заявленію ревизіонистовъ, первый камень преткновенія. Оказывается, что развитіе производительныхъ силъ идетъ не во всѣхъ частяхъ одинаково. Приложеніе орудій и средствъ производства, которое идетъ безпрепятственно въ обрабатывающей промышленности (во всѣхъ отрасляхъ индустріи), наталкивается въ земледѣліи на непреодолимыя затрудненія. Развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ заключено въ извѣстныя границы, черезъ которыя капиталъ перешагнуть не можетъ. Эту границу образуетъ та ступень приложенія капитала, за которой начинается прямое паденіе производительности затратъ труда. И въ то время, какъ въ индустріи царство техники безпредѣльно, земледѣліе наталкивается на особый „законъ", мѣшающій использовать всю силу техники, всю мощь производительныхъ силъ капитала. Законъ этотъ не терпитъ исключеній, и онъ всей тяжестью ложится на распространеніе капитализма въ земледѣліи. Этотъ „законъ паденія плодородія почвы" составляетъ первое изобрѣтеніе ревизіонистовъ, попытавшихся объяснить „консерватизмъ" сельскаго хозяйства.

Уже въ самомъ началѣ „критическаго" похода ревизіонистамъ было указано, что ихъ дѣтище „законъ паденія плодородія почвы" цѣликомъ заимствованъ у буржуазныхъ агрономовъ, что паденіе производительности при новыхъ затратахъ капитала встрѣчается

наряду съ земледѣліемъ и въ промышленности. Въ индустріи есть также свой предѣлъ приложенію капитала, свой законъ плодородія капитала. Уровень техники въ индустріи, какъ и въ земледѣліи, всегда и неизмѣнно повышается. Но прогрессъ техники обязателенъ для капиталистическаго предпріятія тогда лишь, когда измѣненіе техническаго строя такъ или иначе отзывается на ростѣ барышей капиталиста. И если прибыль капиталиста не окупитъ новой затраты капитала, капиталиста нисколько не смутитъ отсталость его хозяйства. Возможно, что развитіе техники въ земледѣліи отстаетъ отъ роста производительныхъ силъ въ индустріи. Но отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, что виновны въ этомъ земля и ея плодородіе. И не будетъ ли признаніе особаго „закона плодородія“ земли своего рода фетишизаціей силъ природы, фетишизаціей не менѣе нелѣпой, чѣмъ обожаніе капитала въ устахъ буржуа?

Никто не сдѣлалъ такъ много, какъ Марксъ, чтобы развѣнчать боговъ буржуазнаго сознанія. И не подлежитъ сомнѣнію, что сторонники „консерватизма“ и особыхъ „законовъ“ земледѣлія были бы легко выбиты изъ этой позиціи ревизіонизма, если бы первый ложный шагъ не повелъ за собою другого, еще болѣе ложнаго. Исходя изъ „закона о паденіи плодородія“ и раздобывъ корень „консерватизма“ въ сельскомъ хозяйствѣ, ревизіонисты безъ труда обрѣли ту форму производственныхъ отношеній, которая какъ нельзя лучше подходитъ къ консерватизму матери-земли. Фетишъ въ видѣ „закона паденія плодородія почвы“ освободилъ фантазію ревизіонистовъ отъ всякихъ узъ догмы, и вслѣдъ за измѣненіями въ ученіи о ростѣ производительныхъ силъ вошло въ моду новаторство въ ученіи о производственныхъ отношеніяхъ. Какъ и въ критикѣ метода Маркса (въ ученіи о ростѣ производственныхъ отношеній въ зависимости отъ роста производительныхъ силъ), въ своей измѣнѣ принципу классовой борьбы, ученію о классовомъ строеніи производственныхъ отношеній, ревизіонисты смѣло слѣдовали за буржуазной наукой.

„Законъ паденія плодородія земли“ сдѣлался заповѣдью буржуазной агрономіи оттого, что она всякое производство понимаетъ, какъ производство прибыли. Озабоченный увеличеніемъ доходности земли, буржуазный экономистъ интересуется лишь внѣшними признаками современнаго хозяйства. Крестьянинъ ведетъ денежное хозяйство, крестьянинъ производитъ продуктъ на продажу, слѣдовательно, крестьянское хозяйство есть маленькій уголокъ капиталистическаго производства. Сдѣлавъ такое допущеніе, буржуазный экономистъ принимается искать въ крестьянскомъ доходѣ тѣ части, безъ которыхъ капиталистическое хозяйство немыслимо. И онъ безъ труда находитъ ихъ. Въ рукахъ крестьянина оказывается и заработная плата, и прибыль. Мелкое хозяйство дѣлается полноправнымъ гражданиномъ капиталистиче-

скаго міра. Весь строй крестьянскаго хозяйства выворачивается на изнанку. И мелкій производитель демонстрируется съ лучшей, казовой стороны.

Противно всѣмъ мрачнымъ предсказаніямъ „марксистскаго коммунизма", крестьянинъ благоденствуетъ. Смѣшно говорить о вымираніи мелкаго хозяйства, когда съ точки зрѣнія роста производительныхъ силъ крестьянское хозяйство поставлено прямо въ идеальныя условія. Начать съ того, что поле крестьянина не знаетъ грознаго и неумолимаго закона паденія плодородія. Въ среднемъ крестьянину не приходится дѣлать новыхъ затратъ капитала. А первыя затраты съ лихвой окупаютъ крестьянскій трудъ и потъ. Затѣмъ и вся обстановка производства у крестьянина благопріятствуетъ нормальнымъ требованіямъ всякаго хозяйства. Здѣсь отсутствуютъ всѣ отрицательныя стороны капитализма и его главнаго института—наемнаго труда. Крестьянинъ въ хозяйствѣ человѣкъ вольный, а вѣдь извѣстно, что никто себѣ не врагъ.

Но этого мало. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ, если данное хозяйство ведется на своей землѣ, есть постоянный источникъ дохода—рента, которая остается въ кошелькѣ крестьянина-собственника. Въ силу этого, три части, на которыя распадается обычно общественный доходъ, заработная плата, прибыль и рента, цѣликомъ достаются крестьянину. Отсюда и получается особая устойчивость крестьянскаго хозяйства. Конечно, крестьянское хозяйство не есть конечный идеалъ общественнаго производства. Но оно все же приближается къ этому идеалу. И остается только закрѣпить эту хозяйственную форму новымъ ученіемъ о производственныхъ отношеніяхъ, какъ бы плохо ни мирился этотъ хозяйственный идеалъ съ ученіемъ Маркса о борьбѣ классовъ внутри буржуазнаго общества.

3.

До анализа Маркса идеаломъ для буржуазныхъ экономистовъ былъ капитализмъ вообще, независимо отъ его хозяйственныхъ формъ. Стремясь къ воплощенію своего идеала, буржуазный экономистъ находилъ капиталъ въ палкѣ первобытнаго дикаря, даже въ камнѣ, которымъ бьетъ свои орѣхи обезьяна. Послѣ Маркса такая стремительность въ поискахъ хозяйственнаго идеала была, конечно, немыслима. Приходилось примѣнить узаконенныя Марксомъ основныя категоріи, строго соблюдая законъ о развитіи производственныхъ отношеній. Придерживаясь закона о производственныхъ отношеніяхъ, экономисту приходилось всякую форму хозяйства разсматривать въ связи со всѣмъ строемъ общественнаго производства. И какъ бы хороша ни была данная форма хозяйства, которую изслѣдователю угодно счесть идеальной, для

закрѣпленія этой идеальной формы необходимо было доказать еще и закономѣрность ея существованія въ настоящемъ и будущемъ, установить ея мѣсто въ производственныхъ отношеніяхъ капиталистическаго строя.

Для буржуа крестьянское хозяйство есть та соломинка, за которую должно ухватиться буржуазное общество въ процессѣ пролетаризаціи народныхъ массъ при растущемъ обостреніи противорѣчій труда и капитала. Для буржуа крестьянское хозяйство есть баловень капиталистическаго развитія, не знающій всѣхъ грозныхъ послѣдствій паденія плодородія земли и паденія прибыли на капиталъ. Для буржуа крестьянское хозяйство есть полноправный членъ капиталистическаго производства. Буржуа, будучи сторонникомъ крупнаго производства и прогресса культуры, дѣлаетъ для крестьянства исключеніе, какъ и для ремесленника въ городѣ. И причина такого пониманія вещей у буржуа понятна: капиталъ въ селѣ эксплоатируетъ мелкое хозяйство, выжимаетъ изъ крестьянина всѣ соки съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ и изъ ремесленника въ городѣ. Но то, что приличествуетъ буржуа, совсѣмъ не къ лицу марксисту. А, между тѣмъ, иные марксисты по методу своего анализа здѣсь, въ области производственныхъ отношеній, оказались еще болѣе буржуазны, чѣмъ въ своей критикѣ ученія Маркса о ростѣ производительныхъ силъ.

Какъ было сказано выше, критики Маркса изъ числа его учениковъ—нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли перейти въ разрядъ бывшихъ—увѣровали въ законъ паденія плодородія почвы. Безъ теоретической основы эта поправка къ Марксу, къ его ученію о ростѣ производительныхъ силъ, висѣла въ воздухѣ. Надлежало приладить ее къ строю общественнаго хозяйства и производственныхъ отношеній. И вотъ, чтобы раздобыть подходящую для этой цѣли форму производственныхъ отношеній, критики Маркса обратили свои взоры въ станъ буржуазной науки и нашли тамъ идеальную форму производства—крестьянское хозяйство. Но этой научной экскурсіи въ музей буржуазной науки, консервирующей всякія формы мелкаго хозяйства (и мелкую аренду въ селѣ, и парцеллу крестьянина-собственника, и потогонное ремесло, и мастерскую мелкаго хозяйчика) для обоснованія ревизіонистской теоріи хозяйства было недостаточно. Въ ученіи Маркса всегда и неизмѣнно подчеркивалась связь производственныхъ отношеній и роста производительныхъ силъ. И разъ форма крестьянскаго хозяйства призвана замѣнить весь строй производительныхъ отношеній въ деревнѣ, предъ ревизіонизмомъ вставалъ вопросъ: какова же роль формы крестьянскаго хозяйства въ развитіи производительныхъ силъ?

Ревизіонизмъ, по примѣру буржуазной агрономіи, видитъ въ паденіи плодородія почвы извѣстный предѣлъ, препятствіе для роста производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Итакъ,

въ какомъ отношеніи этотъ законъ паденія плодородія (т. е. законъ паденія прибылей) находится къ крестьянскому хозяйству?

Въ прямомъ и непосредственномъ—отвѣчаетъ ривизіонизмъ. Законъ паденія плодородія поражаетъ крупное хозяйство въ земледѣліи и щадитъ мелкое. Слѣдовательно, и развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи толкаетъ мелкое хозяйство на путь, отличный отъ городской индустріи. Въ силу этого, „нормальная“ форма хозяйства на землѣ—крестьянское хозяйство—выдѣляется изъ общаго строй производственныхъ отношеній капитализма. И въ зависимости отъ этого, вся картина развитія капитализма (начиная съ высшаго проявленія прогресса капиталистической техники-машины и кончая высшей формой производственныхъ отношеній труда и капитала—обостреніемъ классовой борьбы въ деревнѣ) совершенно измѣняется. Отсюда, помимо поправки къ ученію Маркса о ростѣ производительныхъ силъ въ видѣ закона паденія плодородія почвы вытекаетъ новая, еще болѣе важная, поправка къ доктринѣ его о производственныхъ отношеніяхъ.

Такъ какъ ревизіонизмъ выдѣляетъ крестьянское хозяйство, какъ счастливое исключеніе изъ „закона паденія плодородія“, предъ нимъ предстала новая задача. Пусть въ сферѣ стихійной, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ строеніе земной коры, ея поверхностнаго слоя—почвы, мелкое хозяйство въ деревнѣ имѣетъ свои преимущества передъ крупнымъ. Но гдѣ крестьянское хозяйство беретъ силы для борьбы съ нашествіемъ крупнаго, когда крупное выдвигаетъ сложный аппаратъ искусственнаго удобренія, своихъ машинъ, пара, электричества? Когда мелкое хозяйство города проходитъ чрезъ тиски капиталистическаго развитія, разложеніе его даетъ матеріалъ, которымъ питается крупное хозяйство. Въ борьбѣ двухъ основныхъ группъ капиталистическаго общества мелкій производитель либо самъ служитъ средствомъ капиталистической эксплоатаціи, либо живетъ крохами прибавочной цѣнности въ видѣ процента, прибыли и ренты. Въ чемъ же состоитъ этотъ консерватизмъ сельскаго хозяйства, который хранитъ подъ колпакомъ исключительныхъ, свойственныхъ одному земледѣлію, законовъ мелкое хозяйство крестьянина? Вѣдь допуская даже, что разложеніе общества и классовая борьба буржуазнаго періода пощадятъ мелкое хозяйство въ деревнѣ, нужно опредѣлить мѣсто его въ общественныхъ отношеніяхъ будущаго. Отношенія труда и капитала покрываютъ собой въ индустріи остатки производственныхъ формъ средневѣковья, ремесло и вообще мелкое хозяйство. Откуда же беретъ свое начало тепло и свѣтъ, охраняющіе, какъ въ теплицѣ, хилый строй крестьянскаго хозяйства?

Понимали-ли „критики“ Маркса все значеніе ихъ новаго шага „отъ марксизма“,—вопросъ иной. Но они упорно уклонялись все больше и больше отъ доктрины научнаго соціализма. Съ

упорствомъ ренегатовъ они вели свою линію по пути въ царство соціализма. Они не удовлетворились своимъ открытіемъ идеальной формы хозяйства, прямо заимствованной изъ буржуазнаго строя. И чтобы отрѣзать навсегда путь ортодоксальному анализу крестьянскаго хозяйства, они рѣшили выбросить за бортъ теорію ренты Маркса. Отказъ отъ теоріи ренты Маркса развязалъ имъ руки. Главная связь съ ученіемъ о производственныхъ отношеніяхъ всего капиталистическаго строя была порвана. И наряду съ поправкой къ методу Маркса („законъ паденія плодородія почвы") явилось новое ученіе о формахъ хозяйства. Ревизіонизму удалось, наконецъ, освободиться отъ „гнета" марксовой „догмы".

Естественное слѣдствіе нежеланія ревизіонистовъ разсматривать крестьянское хозяйство на общемъ фонѣ производственныхъ отношеній капитализма не заставило себя долго ждать. Надъ изолированнымъ хозяйствомъ, внѣ конкретныхъ условій современной ему эпохи общественнаго производства, оперировать весьма легко. Каждую черту и мелкую деталь можно тогда безвозбранно возвести въ степень коренного фактора хозяйства. Новыхъ факторовъ легко изобрѣсти множество, была бы только охота. И всѣ формы мелкаго хозяйства будутъ равно хороши. Парцелла и мелкое землевладѣніе, капиталистическая аренда, аренда исполу—всѣ эти хозяйственныя формы, лежащія въ разныхъ экономическихъ плоскостяхъ, сваливаются въ одну кучу. Если ревизіонистъ—человѣкъ малоразборчивый, онъ одинаково благодушно одобряетъ и мелкую собственность, и мелкую аренду въ селѣ. Болѣе разборчивые считаютъ нормальной формой хозяйства только мелкую собственность Третьи, наконецъ, цѣнятъ имѣющіяся налицо мелкія хозяйства только, какъ прототипъ идеальной формы будущаго. Но всѣ они—и въ этомъ общая черта всѣхъ ревизіонистскихъ поправокъ къ аграрной теоріи Маркса—всѣ они горой стоятъ за изученіе не производственныхъ отношеній, а формы хозяйства въ селѣ. Правда, подстановка на мѣсто производственныхъ отношеній—формы хозяйства (притомъ одной формы — мелкаго), есть искаженіе всей доктрины Маркса. И, право, вносить поправки куплено недешевой цѣной.

Буржуазная критика марксистскаго коммунизма хочетъ выбросить за бортъ отжившія формы поземельнаго права въ деревнѣ. Ученики критики выбрасываютъ за бортъ не только отжившія формы поземельнаго права, но и аграрную теорію Маркса, которая одна въ состояніи объяснить, что ждетъ эти отжившія формы права [1]). Въ силу этого, самоновѣйшіе про-

---

[1]) Въ основѣ аграрной теоріи Маркса лежитъ ученіе объ абсолютной рентѣ. О значеніи его для пониманія „аграрнаго вопроса" и обе-

дукты ревизіонистской теоріи по качеству даже ниже буржуазной науки. Но ревизіонистъ не унываетъ. Да здравствуетъ практика! Во славу ея нужно перекроить пролетарскую программу. И всѣмъ „ортодоксамъ“, всѣмъ стоящимъ за догму въ теоріи и практикѣ да будетъ вѣдомо, что и въ области метода (ученіе о ростѣ производительныхъ силъ), и въ области его практическаго приложенія (ученіе о производственныхъ отношеніяхъ) ревизіонизмъ несетъ съ собой новое слово.

Новое слово хочетъ сказать и членъ праваго крыла германской соціалъ-демократіи Давидъ, и бывшій марксистъ, нынѣ русскій глашатай христіанскаго соціализма, г. Булгаковъ. Отстаивая законъ паденія плодородія почвы и опираясь на „консерватизмъ“ земледѣлія, они, несмотря на всѣ различія своей политической позиціи, сходятся въ желаніи передѣлать программу „марксистскаго коммунизма“. Во славу этой новой программы они подвергаютъ ревизіи и методъ Марксова анализа (ученіе о ростѣ производительныхъ силъ), и основу его доктрины (ученіе о развитіи производственныхъ отношеній). И какъ ни вздорна сама по себѣ эта критика, ей все же нельзя отказать въ послѣдовательности. Извѣрившись въ принципѣ роста производительныхъ силъ, облюбовавъ изъ сложной сѣти производственныхъ отношеній капитализма только одну форму хозяйства (крестьянское хозяйство), они стараются выжать изъ нея теоретическій матеріалъ, потребный для обоснованія программы.

Теоретическая подоплека такого ревизіонизма ясна всякому. Въ этомъ, несомнѣнно, причина того, что практическаго успѣха такой ревизіонизмъ не имѣлъ и имѣть не будетъ. И такой ревизіонизмъ, выставляющій прямо напоказъ свое святая святыхъ, естественнѣй, чѣмъ тотъ видъ „критицизма“, который выступаетъ подъ флагомъ ортодоксальности и служитъ теоретической основой (страшно вымолвить!) недавно принятой у насъ программы... о муниципализаціи земли.

II. Экономическая теорія П. П. Маслова.

1.

О муниципализаціи земли у насъ сложилась уже своя исторія. Первый періодъ ея обнимаетъ проектъ программы о муниципализаціи и теоретическое обоснованіе проекта. Это то, что авторъ проекта называетъ „теоретическимъ предрѣшеніемъ вопроса“. Теоретическое предрѣшеніе старше самой программы. И это предрѣшеніе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что

снованія программы будетъ сказано ниже, гдѣ разсмотрѣна критика Маркса, порожденная его ортодоксальнымъ ученикомъ, авторомъ русскаго проекта о муниципализаціи земли.

раньше былъ только проектъ программы, предложенный Масловымъ, а теперь онъ сталъ программой партіи. Рамки предрѣшенія гораздо шире самаго проекта. Муниципализація земли стоитъ въ связи съ особой теоріей хозяйственнаго развитія, изложенной въ работѣ Маслова „Аграрный вопросъ въ Россіи“. Желая обстоятельно разсмотрѣть теоретическія основы муниципализаціи, мы принуждены привлечь къ дѣлу основную работу автора проекта о муниципализаціи, его „Аграрный вопросъ въ Россіи“. И мы это дѣлаемъ съ тѣмъ большимъ правомъ, что заключеніе этой большой работы посвящено прямо защитѣ муниципализаціи.

Начало анализа, на которомъ держится идея муниципализаціи, самое что ни на есть ортодоксальное. „Только анализируя состояніе производительныхъ силъ населенія и ихъ развитіе,— говорится въ введеніи „Аграрнаго вопроса“,—можно въ связи съ нимъ наблюдать значеніе различныхъ сторонъ хозяйственной жизни“ [1]).

Итакъ, развитіе производительныхъ силъ прежде и выше всего. Ученіе о развитіи производительныхъ силъ въ земледѣліи примѣнилъ впервые послѣ Маркса Каутскій. И Масловъ одобряетъ Каутскаго: „его (т. е. Каутскаго. *М. О.*) методъ изученія вопроса, заключающійся въ томъ, что разсматривается вліяніе всего хозяйственнаго строя на аграрныя отношенія, вполнѣ правиленъ и наученъ“. Слѣдовательно, и въ области ученія о производственныхъ отношеніяхъ все, повидимому, обстоитъ благополучно. Вся суть „аграрнаго вопроса“ поставлена также согласно „догмѣ“. „Крестьянское хозяйство находится въ плохомъ положеніи и должно найти выходъ. Въ чемъ же оно при совершающейся эволюціи найдетъ выходъ?“ [2]).

Казалось бы, разъ Масловъ признаетъ и принципъ роста производительныхъ силъ, и зависимость аграрныхъ отношеній отъ „всего хозяйственнаго строя“,—и слава Богу. Ростъ производительныхъ силъ и развитіе производственныхъ отношеній заключаютъ крестьянское хозяйство въ опредѣленныя научныя рамки. И тутъ ужъ для ревизіонизма, для его недовѣрія къ принципу роста производительныхъ силъ, для его излюбленнаго виляніе отъ производственныхъ отношеній въ сторону формы хозяйства, гдѣ воскресается и ученіе Рикардо, и ученіе Мальтуса, —словомъ, всѣмъ ревизіонистскимъ настроеніямъ и стремленіямъ не будетъ мѣста. Увы! И ревизіонизму Масловъ отдаетъ свою дань.

Отвѣшивая поклонъ по адресу догмы, Масловъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ большое тяготѣніе и къ ревизіонизму.

---

[1]) П. Масловъ „Аграрный вопросъ въ Россіи“. II, 1906, стр. 3.

[2]) Тамъ же, стр. 9.

Марксъ установилъ связь между ростомъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. „Мы же,—заявляетъ Масловъ,—указываемъ на другую не менѣе важную связь производительныхъ силъ съ формой и съ типами хозяйства".

Замѣна всего строя производственныхъ отношеній какой-либо формой хозяйства очень любезна сердцу какъ критиковъ изъ бывшихъ учениковъ Маркса, такъ и буржуазныхъ противниковъ Маркса. Но у Маслова эта замѣна, повидимому, не грозитъ „догмѣ" никакими непріятными сюрпризами. Ревизіонисты разнаго рода, подставляя на мѣсто производственныхъ отношеній свою форму хозяйства, обычно изучаютъ ее внѣ всякой связи съ развитіемъ производительныхъ силъ. Между тѣмъ у Маслова „развитіе производительныхъ силъ является... основной нитью". И онъ силится все же установить связь роста производительныхъ силъ съ типомъ и формой хозяйства.

Конечно, сама по себѣ задача Маслова, его попытка связать ростъ производительныхъ силъ и форму хозяйства принадлежитъ къ числу вполнѣ благонамѣренныхъ. По существу своему она даже не нова, ибо подобными же благими намѣреніями вымощена уже отчасти дорога въ адъ ревизіонизма. Примѣромъ ихъ можетъ служить хотя бы Вернеръ Зомбартъ. Въ „Современномъ капитализмѣ" онъ ставитъ своей главной цѣлью изученіе „формъ хозяйства". По долгу „критика" Маркса, Зомбартъ очень подозрительно относится къ развитію производительныхъ силъ. Онъ подставляетъ форму хозяйства на мѣсто производственныхъ отношеній, преслѣдуя излюбленныя цѣли буржуазной критики— „замѣнить неорганическое, революціонное пониманіе Маркса органическимъ, эволюціоннымъ". Но вѣдь на то онъ и Вернеръ Зомбартъ.

Схема Маслова: производительныя силы—форма хозяйства [1]). также отличается своимъ эволюціоннымъ характеромъ. И въ этомъ, по Маслову, даже состоитъ отличіе схемы: производительныя силы—форма хозяйства, отъ схемы Маркса: производительныя силы—производственныя отношенія. Такимъ образомъ, сходство схемы Маслова съ схемой Зомбарта сказывается даже на методѣ изслѣдованія. Какъ и Зомбартъ, Масловъ оперируетъ надъ данными не революціоннаго типа, а эволюціоннаго, гдѣ имѣется „постепенная смѣна". Но намѣренія Маслова, конечно, иного сорта. Вѣдь онъ всю-то реформу предпринялъ, чтобы „найти выходъ" для крестьянскаго хозяйства. И ни для кого не тайна теперь, что этотъ выходъ не имѣетъ ничего общаго съ „эволюціей".

Какъ бы то ни было, приходится признать, что сопоставленіе:

---

[1]) Точнѣе—соотношеніе между ростомъ производительныхъ силъ и развитіемъ формы хозяйства.

„развитіе производительныхъ силъ—смѣна формъ хозяйства" въ буржуазно-ревизіонистской теоріи вещь, хорошо и всѣмъ извѣстная [1]). Но это бы еще пол-бѣды. Вся бѣда въ томъ, что попытка установить связь между развитіемъ производительныхъ силъ и ростомъ формы хозяйства представляетъ собой одно сплошное недоразумѣніе. Связь эта не только не дополняетъ Маркса, его схемы (ростъ производительныхъ силъ—развитіе производственныхъ отношеній). Она не уживается со схемой Маркса, со всей теоріей научнаго соціализма.

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ говоритъ намъ „важная связь" состоянія производительныхъ силъ съ формой и типами хозяйства?.. Когда рѣчь идетъ о состояніи производительныхъ силъ, то мы всегда должны знать, о какомъ хозяйствѣ идетъ рѣчь, въ какомъ хозяйствѣ имѣются эти силы. Состояніе производительныхъ силъ внѣ каждаго даннаго случая есть чисто отвлеченное понятіе. И это отвлеченное понятіе (столь же отвлеченнное, какъ, наприм., сумма міровой энергіи, сила тяготѣнія и проч.) облекается экономической матеріей только тогда, когда состояніе производительныхъ силъ опредѣляется названіемъ хозяйства, причемъ самое названіе хозяйства опредѣляетъ его строй, какъ часть всего общественнаго производства извѣстной эпохи [2]). Показателемъ роста производительныхъ силъ служатъ орудія и средства производства. Современный пулеметъ свидѣтельствуетъ о гигантскомъ

---

[1]) У Зомбарта развитіе капитализма складывается изъ хозяйства городского ремесла, зародышевой формы капиталистическаго хозяйства и развитой формы капиталистическаго хозяйства. Значеніе этой схемы Зомбарта состоитъ вотъ въ чемъ. „Спеціалистъ,—говоритъ Зомбартъ,—легко замѣтитъ сходство этой эволюціонной схемы съ Марксовой. Но онъ замѣтитъ также преимущества, которыя даетъ моя точка зрѣнія. Онъ увидитъ, надѣюсь, что мною сдѣлана попытка ввести въ теорію вмѣсто образнаго языка Маркса понятія безъ прикрасъ, и тѣмъ навсегда замѣнить неорганическое, революціонное пониманіе Маркса органическимъ, эволюціоннымъ". Приведя извѣстную цитату изъ предисловія „Къ критикѣ" Маркса о зависимости производственныхъ отношеній отъ развитія производительныхъ силъ, Масловъ продолжаетъ: „К. Марксъ формулировалъ взаимоотношенія развитія производительныхъ силъ и тѣхъ формъ (настроекъ), въ которыя укладываются экономическія отношенія. Мы же въ данномъ случаѣ указываемъ на другую не менѣе важную связь состоянія производительныхъ силъ съ формой и съ типами хозяйства. Послѣднія также „изъ формъ развитія производительныхъ силъ становятся ихъ оковами", но тогда наступаетъ не кризисъ, а постепенная смѣна другими типами и формами хозяйства". Зомбартъ хочетъ замѣнить революціонное пониманіе Маркса эволюціоннымъ. Задача Маслова проще, Масловъ хочетъ дополнить революціонное пониманіе Маркса ученіемъ о „постепенной смѣнѣ".

[2]) Производительныя силы растутъ и для всего общественнаго хозяйства, и въ рамкахъ каждой хозяйственной единицы. Но каждая хозяйственная единица такъ же мало характеризуетъ форму и типъ общественнаго хозяйства, какъ мало гиря вѣсомъ въ 1 фунтъ характеризуетъ силу тяготѣнія.

развитіи производительныхъ силъ, о которомъ не снилось владѣльцу бумеранга. Производительныя силы паровой ткацкой фабрики прямо колоссальны по сравненію съ ткацкой мастерской, которой владѣла жена Одиссея. Но было бы чистѣйшимъ фетишизмомъ видѣть въ пулеметѣ и ткацкой фабрикѣ признакъ, характеризующій форму даннаго хозяйства, а не всего общественнаго хозяйства. Мы смѣемся вмѣстѣ съ Марксомъ надъ наивностью буржуазныхъ экономистовъ, увидѣвшихъ въ палкѣ дикаря капиталъ. Нелѣпо видѣть въ мертвомъ орудіи производства неизмѣнный и постоянный признакъ производственныхъ отношеній. Но еще бóльшая нелѣпость—по состоянію производительныхъ силъ судить о формѣ или типѣ хозяйства.

Само собою разумѣется, что сумма извѣстныхъ средствъ и орудій производства имѣетъ громадное значеніе для даннаго хозяйства. Чѣмъ больше производительныхъ силъ въ распоряженіи хозяйства, тѣмъ больше и крѣпче хозяйство. Ростъ производительныхъ силъ вліяетъ на форму хозяйства, увеличиваетъ его размѣры. Увеличеніе по размѣрамъ—это единственный случай, когда ростъ производительныхъ силъ вліяетъ на форму и типъ хозяйства. Всѣ другія измѣненія суть измѣненія не формы хозяйства, а всего хозяйственнаго строя, производственныхъ отношеній общества.

Возьмемъ простѣйшій случай измѣненія типа хозяйства, когда вмѣсто удовлетворенія своихъ потребностей, хозяйство съ ростомъ производительныхъ силъ начинаетъ производить продукты, напр., на продажу. Измѣненіе типа хозяйства не подлежитъ сомнѣнію. Не подлежитъ сомнѣнію и ростъ производительныхъ силъ. Но значитъ ли это, что измѣненіе типа хозяйства мы можемъ приписать росту производительныхъ силъ, именно, въ данномъ хозяйствѣ? Вѣдь для того, чтобы произошло измѣненіе типа хозяйства и оно изъ натуральнаго стало товарнымъ, необходимо, чтобы ростъ производительныхъ силъ носилъ общественный характеръ. Необходимо, слѣдовательно, чтобы хозяйство вообще стало производить для обмѣна.

Внѣ общественныхъ отношеній производства легко сочинить для „связи“ Маслова особую Робинзонаду и сказать: жилъ былъ Робинзонъ и сталъ онъ замѣчать, что производительныя силы въ его хозяйствѣ прибываютъ. Сдѣлавъ это важное наблюденіе, онъ сталъ измѣнять форму и типъ хозяйства. Во 1-хъ, онъ началъ вести обмѣнъ съ сосѣдями-дикарями, и при этомъ благополучно измѣнился типъ хозяйства. Когда производительныя силы въ хозяйствѣ разрослись (можетъ быть, оттого, что у его острова опять погибли соотечественники), онъ задумалъ измѣнить самую форму хозяйства. Прежде онъ работалъ одинъ съ Пятницей. Теперь онъ устроилъ у себя, по примѣрамъ капиталистовъ Европы, кооперацію и завелъ что-то въ родѣ мануфактуры. Дальше—

больше, и чѣмъ больше росли производительныя силы у Робинзона, тѣмъ все больше измѣнялся типъ и форма его хозяйства.

Въ сказкахъ о Робинзонѣ не возбраняется устанавливать какія угодно связи между состояніемъ производительныхъ силъ и смѣной формы или типа хозяйства. На островѣ Робинзона форма и типъ хозяйства стоятъ совершенно особнякомъ, за тысячи миль отъ всякихъ признаковъ общественнаго производства. Здѣсь ростъ производительныхъ силъ въ данномъ хозяйствѣ прямо вліяетъ на форму даннаго хозяйства. Попробуйте учесть въ хозяйствѣ Робинзона ростъ производительныхъ силъ, и вы найдете основную причину его: гибель корабля его соотечественниковъ, на которомъ оказались ружье, топоръ и пила, и блестящія побрякушки для мѣновой торговли Робинзона. По существу и этотъ важный факторъ—гибель корабля—носитъ чисто-мѣстный и временный характеръ. И если благодарное потомство не сохранитъ въ своемъ сердцѣ воспоминаніе о счастливой находкѣ Робинзона, дальнѣйшее измѣненіе формъ хозяйства на островѣ Робинзона придется выводить уже не изъ гибеля корабля, а изъ менѣе романтической исторіи. Эта сухая исторія есть развитіе производительныхъ силъ въ человѣческомъ обществѣ, ростъ производительныхъ силъ и развитіе производственныхъ отношеній.

Наука пользуется иногда признаками роста производительныхъ силъ для опредѣленія формы хозяйства. Различаютъ каменный вѣкъ, желѣзный и проч. По находкамъ оружія и всякихъ остатковъ первобытной культуры судятъ о кочевомъ, осѣдломъ хозяйствѣ. Путемъ всякаго рода раскопокъ, изслѣдованій и проч. можно установить даже типъ хозяйства: натуральнаго, мѣнового и т. д. Но эти находки, во 1-хъ, неизмѣнно и всегда носятъ слѣды производственныхъ отношеній (частная собственность на одни орудія, общая на другія). Если же такихъ слѣдовъ производственныхъ отношеній не имѣется, то орудія и средства производства (ростъ производительныхъ силъ) указываютъ только, насколько данное племя (народъ) ушло отъ состоянія подчиненія стихійнымъ силамъ природы. И даже тогда, когда мы сталкиваемся съ жизнью народа, стоящаго на порогѣ между дикостью и первобытной культурой, важнѣе всего для насъ изучить не самую форму хозяйства (она можетъ быть чисто случайной и мѣстной), а строй общественнаго производства.

Если держаться строго ученія Маркса о производственныхъ отношеніяхъ, то форма и типъ хозяйства не заключаютъ въ себѣ ничего таинственнаго. Съ ростомъ производительныхъ силъ общества форма хозяйства можетъ значительно измѣниться. Вмѣсто производства продуктовъ для собственнаго потребленія, оно начинаетъ производить на продажу. Простое сотрудничество въ немъ можетъ замѣниться сложнымъ; ручной трудъ уступитъ мѣсто машинѣ и т. д. Но какъ ни глубоко всѣ такія измѣненія за-

дѣнутъ строй даннаго хозяйства, вліяніе ихъ приходится приписать росту производительныхъ силъ не въ данномъ хозяйствѣ, а во всемъ общественномъ производствѣ, какъ цѣломъ. Вся сила Марксовой доктрины въ томъ, именно, и заключается, что его анализъ строится въ строго монистическомъ духѣ. Ни одно явленіе жизни хозяйства,—все равно главное или второстепенное—не ускользаетъ отъ такого соціологическаго подсчета. Въ каждомъ данномъ случаѣ и для всей системы общественнаго хозяйства ученіе о развитии производственныхъ отношеній дѣлаетъ строгій и точный учетъ всѣмъ теченіямъ хозяйственной жизни. И только, благодаря этому строгому монизму Марксовой доктрины, мы вѣримъ и знаемъ, что эволюція производственныхъ отношеній ведетъ къ грядущему торжеству соціализма.

Этотъ принципъ монизма обязателенъ для марксиста, все равно идетъ ли дѣло объ освобожденіи всего человѣчества въ царствѣ соціализма, или о „выходѣ“ для русскаго крестьянина, освобождении его отъ кабалы и гнета. Что же дѣлаетъ Масловъ, улавливая соотношеніе роста производительныхъ силъ и развитія формы хозяйства и предрѣшая своей теоріей условія освобожденія крестьянскаго хозяйства? Онъ отказывается отъ монизма Марксова анализа.

2.

Не удовольствовавшись изобрѣтенной имъ „важной связью“ между ростомъ производительныхъ силъ и формой хозяйства, Масловъ начинаетъ искать новыхъ факторовъ хозяйственной эволюціи. Онъ сразу находитъ цѣлыхъ два. Во 1-хъ, такимъ факторомъ оказывается „потребленіе“, затѣмъ „ростъ населенія“. Такимъ образомъ по инициативѣ Маслова вызывается изъ гроба тѣнь буржуазной экономической науки, которая съ такой любовью учитываетъ и распредѣленіе продукта, и его потребленіе, и ростъ населенія, и которая столь близка по духу своему „критическимъ“ исканіямъ западнаго ревизіонизма.

Потребленіе, распредѣленіе продукта и ростъ населенія,—все это излюбленныя темы, которыя преподносятся въ буржуазныхъ учебникахъ экономической науки подъ соотвѣтствующимъ соусомъ изъ „критики“ Маркса. Онѣ предназначены по преимуществу для замѣны „революціоннаго пониманія Маркса“—эволюціоннымъ, которое, конечно, болѣе къ лицу буржуазной наукѣ. Всѣ эти стороны хозяйства (потребленіе, распредѣленіе продукта и проч.), несмотря на пространныя схоластическія толкованія буржуазныхъ экономистовъ, не снимаютъ со счетовъ злободневной темы о процессѣ развитія не данной формы хозяйства, а всего общественнаго производства. И здѣсь-то,—все равно, путемъ эволюціи или революціи,—замѣна капитализма высшей формой производства

неизбѣжна. И Богъ вѣсть, какъ долго буржуазная схоластика безплодно возилась бы съ потребленіемъ, распредѣленіемъ продукта, если бы за это дѣло не взялся русскій марксистъ Масловъ, изслѣдующій условія „постепенной смѣны хозяйственныхъ формъ".

Установивъ свою „важную связь роста производительныхъ силъ и формы хозяйства", Масловъ пишетъ свою схему съ начала и разсматриваетъ „распредѣленіе производительныхъ силъ общества подъ вліяніемъ развитія его производительныхъ силъ; соотношеніе условій производства и потребленія". Затѣмъ онъ пишетъ свою схему съ конца и изучаетъ „вліяніе условій потребленія продуктовъ на развитіе производительныхъ силъ; различныя схемы условія производительныхъ силъ подъ вліяніемъ условій потребленія" [1]).

Всѣ эти теоретическія упражненія Маслова, имѣющія цѣлью создать свою экономическую теорію, весьма любопытны. Рамки крестьянскаго хозяйства узки. На его горизонтѣ, въ прош-

[1]) П. Масловъ. „Аграрный вопросъ", стр. 25, глава II. „Развитіе производительныхъ силъ, какъ факторъ хозяйственной эволюціи. 1. Направленіе хозяйственной дѣятельности въ сторону наименьшей затраты. Соотношеніе свободной воли и хозяйственной необходимости. 2. Распредѣленіе производительныхъ силъ общества подъ вліяніемъ развитія его производительныхъ силъ и т. д". Слѣдуетъ замѣтить, что Масловъ исполняетъ большую работу, доводитъ до конца задачу буржуазной политической экономіи. Всѣ эти Бэмъ-Баверки и Зомбарты, изучая форму хозяйства, центръ тяжести вопроса переносятъ на неподдающіяся соціологическому учету хозяйственныя цѣли, стремленія въ распредѣленіи, потребленіи продуктовъ хозяйства. Изъ всѣхъ сторонниковъ изученія хозяйственной психологіи лучше всего ставится вопросъ у Зомбарта, который все же не исключаетъ заранѣе принципа Маркса о вліяніи роста производительныхъ силъ на производственныя отношенія (см. о Зомбартѣ Мих. Оленовъ. „Такъ называемый кризисъ марксизма". С.П.Б. 1906, стр. 5—28). У Зомбарта развитіе производительныхъ силъ есть только одинъ изъ факторовъ общественной эволюціи. Главнымъ же фактомъ Зомбартъ считаетъ „принципы хозяйственной психологіи и цѣль хозяйства". Какъ у Зомбарта, у Маслова фигурируетъ „стремленіе къ развитію производительныхъ силъ", причемъ это стремленіе только спица въ колесѣ хозяйственнной психологіи: „развитіе производительныхъ силъ является однимъ изъ частныхъ проявленій стремленія человѣка къ экономической энергіи". Между тѣмъ, какъ по ученію Маркса, развитіе производительныхъ силъ суммируетъ и интегрируетъ всѣ теченія хозяйственной дѣятельности человѣка. Само собою разумѣется, что дуализмъ Маслова (стремленіе найти связь между ростомъ производительныхъ силъ и формой хозяйства, наряду со связью между ростомъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній) по происхожденію своему отличенъ отъ дуализма Зомбарта. Но въ результатѣ онъ даетъ не больше чѣмъ методъ Зомбарта. Зомбартъ, отказываясь отъ метода Маркса, не обѣщаетъ дать исчерпывающую теорію хозяйственнаго развитія: „для различныхъ эпохъ хозяйственной жизни,—заявляетъ онъ,—формулируются и разныя теоріи." И ничего, кромѣ разныхъ теорій для разныхъ надобностей, не можетъ дать и дуалистическій методъ Маслова, захотѣвшаго связать строй хозяйства (его ростъ, распредѣленіе, потребленіе продукта) съ формой и типомъ хозяйства.

ломъ—нужда и голодъ, въ настоящемъ—незавидное положеніе „свободнаго“ мелкаго собственника. Въ разнообразныхъ формахъ своего приспособленія къ капитализму мелкое хозяйство не устраняетъ, а въ лучшемъ случаѣ отсрочиваетъ свою гибель. И чѣмъ бѣднѣе инвентарь крестьянина, тѣмъ меньше для него средствъ спасенія. Главнымъ изъ нихъ является способность жить впроголодь. Поставьте эту выносливость въ голодухѣ въ рамки „теоріи“, и получится „вліяніе потребленія на ростъ производительныхъ силъ. Несмотря на ужасающую смертность крестьянскихъ дѣтей, населеніе русской деревни увеличивается. Свяжите этотъ ростъ населенія съ все растущимъ дробленіемъ крестьянскаго надѣла—и налицо новый „факторъ“, ростъ населенія, вліяющій на развитіе производительныхъ силъ. Теорій въ этомъ родѣ можно построить множество. И всѣ такія „теоріи“ будутъ страдать однимъ маленькимъ недочетомъ: каждая теорія будетъ толковать о будущемъ крестьянскаго хозяйства, а „выхода“ для него все не будетъ видно.

По словамъ Маркса, каждая эпоха общественнаго производства имѣетъ свой законъ народонаселенія. То же можно сказать о всѣхъ другихъ явленіяхъ хозяйственной жизни. Какъ опредѣленная стадія общественнаго производства, хозяйство русскаго крестьянина имѣетъ свои „законы“ потребленія, народонаселенія и т. д. Но всѣ эти „законы“ имѣютъ цѣнность только, какъ деталь и выводъ изъ общей теоріи. Голодъ русской деревни и смертность крестьянскихъ ребятишекъ протекаетъ по правиламъ. И если уже нужно открыть эти правила, если это содѣйствуетъ „выходу“ изъ рабства русскаго крестьянства, то для этого требуется найти основную теорію, мать всѣхъ прочихъ и вторичныхъ теорій.

Такой основной теоріей будетъ, конечно, теорія производственныхъ отношеній. Между тѣмъ Масловъ никакъ не можетъ разстаться со своей важной связью производительныхъ силъ и формы хозяйства. И такъ какъ эта „важная связь“ ничего, кромѣ законовъ потребленія и дать не можетъ, то въ концѣ концовъ его теоретизація оканчиваетъ своего рода самоубійствомъ. Начавъ во здравіе Марксовой теоріи о развитіи производительныхъ силъ въ общественномъ производствѣ, Масловъ кончаетъ за ея упокой.

Мало того, что у Маслова, помимо роста производительныхъ силъ, въ теоріи дѣйствуетъ свой факторъ (потребленіе, ростъ населенія). И самый ростъ производительныхъ силъ въ концѣ концовъ берется Масловымъ подъ сомнѣніе. Масловъ недоволенъ ростомъ производительныхъ силъ въ земледѣліи. По мнѣнію Маслова, развитіе производительныхъ силъ въ индустріи и земледѣліи идетъ неодинаково, и между ними есть „различіе“. „Въ земледѣліи „увеличеніе затраты капитала и труда дѣлаетъ трудъ менѣе производительнымъ“. „Это обусловливается особенностью земледѣлія, въ развитіи котораго до настоящаго времени мы мо-

жемъ констатировать фактъ паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ капитала и труда". Итакъ, стоило Маслову приняться за развитіе своей теоріи—и призракъ ревизіонизма съ его „исключительными" законами тутъ какъ тутъ [1]).

Точно понимая всю зыбкость почвы, куда переносится основа новой экономической теоріи, Масловъ всячески старается показать, что онъ не думаетъ здѣсь открывать новыхъ „законовъ" [2]). Масловъ просто-напросто констатируетъ „фактъ", отличающій земледѣліе отъ индустріи. „Фактъ" этотъ есть знакомый уже намъ, открытый ревизіонистами, фактъ паденія производительности силъ въ земледѣліи. И притомъ не только въ капиталистическомъ хозяйствѣ. „Фактъ паденія производительности затратъ,—оговаривается Масловъ,—имѣетъ мѣсто при всѣхъ формахъ хозяйства". Если бы дѣло шло только о затратахъ капитала, тогда самый фактъ насъ не печалилъ бы. Пусть капиталистъ считается съ этимъ паденіемъ производительности. Но разъ Масловъ признаетъ этотъ „фактъ" при всякихъ затратахъ, то все принимаетъ дурной, чисто-ревизіонистскій оборотъ. Маслову не хочется возвести этотъ фактъ въ степень „закона". Это слишкомъ отдаетъ ревизіонизмомъ. Но если этотъ фактъ паденія производительности труда въ земледѣліи и притомъ въ отличіе отъ индустріи дѣйствительно существуетъ, то этотъ фактъ слѣдуетъ по всей справедливости считать закономъ: вѣдь, онъ встрѣчается, по мнѣнію Маслова, во всѣхъ формахъ общественнаго хозяйства.

Къ счастью для человѣчества, нѣтъ ни „закона", ни „факта" паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ труда, какъ постояннаго и неизмѣннаго явленія. Въ земледѣліи, какъ и въ индустріи, наблюдается фактъ паденія производительности затратъ

---

[1]) „Главное отличіе земледѣлія отъ индустріи заключается въ томъ что количество земледѣльческихъ продуктовъ опредѣляется не только количествомъ труда и капитала, приложенныхъ для производства продуктовъ, но и размѣромъ площади обрабатываемой земли, совокупностью естественныхъ условій, климата, почвы и проч. Между тѣмъ какъ въ индустріи увеличеніе количества производимыхъ продуктовъ достигается увеличеніемъ капитала, труда и площади обрабатываемой земли. Увеличеніе затраты капитала и труда безъ увеличенія площади земли дѣлаетъ трудъ менѣе производительнымъ. Это обусловливается особенностью земледѣлія, въ развитіи котораго до настоящаго времени мы можемъ констатировать фактъ паденія производительности, послѣдовательныхъ затратъ капитала и труда". П. Масловъ. „Аграрный вопросъ въ Россіи". Глава IV стр. 61.

[2]) Чтобы не очутиться въ обществѣ ревизіонистовъ, Масловъ предусмотрительно указываетъ, что „фактъ" паденія производительности затратъ труда и капитала не исключаетъ развитія производительности труда въ земледѣліи („Агр. вопр.", стр. 72, 98) и не ведетъ неизбѣжно къ мальтузіанству.

капитала. А для марксиста паденіе производительности затратъ капитала и паденіе производительности послѣдовательныхъ затратъ труда — это вещи разныя. Смѣшать ихъ—значитъ сдѣлать рѣшительный шагъ въ сторону ревизіонизма. И вотъ почему.

Если бы точно производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ падала при увеличеніи затратъ его на землѣ, и притомъ въ отличіе отъ индустріи, то весь прогрессъ сельскаго хозяйства, всѣ пріобрѣтенія современной земледѣльческой культуры пошли бы на смарку. Источникомъ всѣхъ производительныхъ силъ является земля, ея нѣдра и поверхность, получающая солнечную энергію. Правда, новыми затратами труда не всегда можно увеличить количество продукта, полученнаго съ даннаго участка земли. Но въ такомъ же положеніи находится и ткацкая фабрика, машиностроительный и сахарный заводы. Приложеніе техники и машины въ индустріи во много разъ увеличиваетъ количество продукта. Однако, и въ индустріи никто не строитъ фабричныхъ зданій до облаковъ, не нагромождаетъ безъ конца фабричныя зданія на данномъ участкѣ земли. Развитіе производительныхъ силъ въ индустріи сильно опередило прогрессъ техники въ сельскомъ хозяйствѣ. Но различіе здѣсь только количественное. И не нужно забывать, что ростомъ своей техники индустрія обязана, именно, деревнѣ. Благодаря росту производительныхъ силъ въ деревнѣ стали расти первые города, расцвѣла городская культура.

Какъ бы высоко ни стоялъ въ данный моментъ уровень техники, все равно въ индустріи или въ земледѣліи, приложеніе техники натолкнется на извѣстный предѣлъ. За нимъ начинается паденіе производительности затратъ труда. Это паденіе производительности является, такимъ образомъ, общей чертой для индустріи и земледѣлія и есть несомнѣнный „фактъ". Но этотъ „фактъ" не то, о чемъ горюетъ Масловъ, констатируя свой „фактъ" паденія производительности капитала и труда.

По уровню техники въ той или иной отрасли можно судить о томъ, какія затраты слѣдуетъ сдѣлать, чтобы получить наибольшій эффектъ при использованіи средствъ и орудій производства. Но для того, чтобы средства и орудія производства были использованы по послѣднему слову техники, необходимо соблюсти еще одно условіе. Хозяйство должно производить свободно, не наталкиваясь ни на какія затрудненія, ничего общаго не имѣющія съ прогрессомъ техники. Необходимо, слѣдовательно, такое хозяйство, которое преслѣдуетъ одну цѣль: использовать вполнѣ свои производительныя силы.

Между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ въ общественномъ производствѣ на первый планъ выдвинулась техника, такой свободы нѣтъ налицо. Прогрессъ и ростъ техники, созданный капиталистическимъ хозяйствомъ, не устраняетъ ни соціальныхъ оковъ, ни

классовыхъ противорѣчій буржуазнаго общества. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ и въ селѣ, и въ городѣ границей производства служитъ не уровень техники, а уровень прибыли. Капиталистъ производитъ обычно при условіи, что новыя затраты такъ же принесутъ свою прибыль. Если прибыль ниже извѣстнаго предѣльнаго размѣра, приложеніе средствъ и орудій производства для него невыгодно. Образуется особая граница приложенія капитала, ничего общаго не имѣющая съ границей, которую опредѣляетъ ростъ производительныхъ силъ.

Вотъ эту-то границу, опредѣляемую не ростомъ производительныхъ силъ общества, а размѣромъ прибылей капиталиста, Масловъ и обозначилъ, какъ свой „фактъ". И все равно, какъ ни назвать его, фактомъ ли, закономъ ли (какъ это дѣлаютъ ревизіонисты—Давидъ, Булгаковъ), съ нимъ связанъ другой фактъ, уготовленный ревизіонистамъ всѣхъ оттѣнковъ.

Опуская связь роста производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, ревизіонизмъ нагромождаетъ факты и законы, чтобы огородить себя отъ вліянія „догмы". Въ „законѣ" паденія плодородія Давидъ и другіе усматриваютъ главную причину, сохранившую мелкое хозяйство въ деревнѣ. Препятствія, которыя ставитъ уровень прибыли капиталиста, они причисляютъ къ стихійнымъ силамъ природы. Законъ паденія плодородія у критиковъ Маркса обнимаетъ всю сѣть производственныхъ отношеній [1]).

---

[1]) Масловъ говоритъ все время о „фактѣ" и ставитъ законъ уменьшающагося плодородія въ ковычки (стр. 114). По его мнѣнію, „общая производительность труда въ земледѣліи можетъ увеличиваться и дѣйствительно увеличивается, но различіе между первыми и послѣдующими затратами труда на ту же площадь остается" (стр. 98). Въ „фактѣ" паденія производительности затраты труда въ земледѣліи Масловъ видитъ главнѣйшій факторъ, ведущій земледѣліе къ разсѣянію, т. е. переходу отъ интенсивной системы хозяйства къ экстенсивной), факторъ, создающій земельную ренту и т. д. Видѣть въ „разсѣяніи" хозяйства продуктъ факта уменьшающейся производительности труда въ земледѣліи—значитъ вернуться къ аграрной теоріи Рикардо. Рикардо считалъ, что „законъ" паденія производительности затратъ труда и капитала есть слѣдствіе разсѣянія земледѣлія, перехода отъ лучшихъ участковъ земли къ худшимъ. Масловъ видитъ въ „фактѣ" паденія производительности затратъ причину, создающую разсѣяніе земледѣлія. Такимъ образомъ то, что у Рикардо является причиной, у Маслова фигурируетъ въ качествѣ слѣдствія. Несмотря на такую, видимо, прямо противоположную постановку вопроса о „фактѣ" и „законѣ", теоретизація Маслова есть только русская копія доктрины Рикардо. Одно изъ двухъ: либо „фактъ" Маслова вытекаетъ изъ дѣйствія стихійныхъ силъ природы въ сельскомъ хозяйствѣ, и тогда онъ есть настоящій „законъ" природы, безсмертный и всесильный, какъ стихія; или же фактъ Маслова есть частный случай приложенія капитала на землѣ, и тогда земледѣліе имѣетъ такое же сомнительное право на „исключительные" законы, какъ и вообще вся добывающая промышленность (напр., горное дѣло, гдѣ также наблюдается разсѣяніе по площади). Масловъ не разрѣшилъ этой простой дилеммы.

У Маслова путь, повидимому, иной. Масловъ не вѣритъ въ жизненныя силы мелкаго хозяйства. Масловъ былъ настолько остороженъ, что не рѣшился строить новаго закона и удовольствовался „фактомъ". Но общей участи критиковъ Маркса ему избѣжать не удалось.

Такъ какъ у Маслова связь производительныхъ силъ и формы хозяйства разсматривается внѣ фона производительныхъ отношеній, онъ не могъ объяснить своего „факта" исторически. Онъ перенесъ свой фактъ во всѣ эпохи общественнаго производства. Въ силу этого, второстепенный признакъ капиталистическаго производства (производство при условіи заполученія средней прибыли) сталъ грозой на пути развитія производительныхъ силъ. Эта злополучная „поправка" въ ученіи о ростѣ производительныхъ силъ повлекла за собой еще болѣе злополучную.

Вслѣдъ за пересмотромъ ученія о развитіи производительныхъ силъ, насталъ чередъ и производственныхъ отношеній. Опираясь на свой фактъ, Масловъ подвергъ громовой критикѣ всю аграрную теорію Маркса. И, какъ мы дальше увидимъ, критика эта окончилась очень печально для ...Маслова. Его исканія въ области метода („связь между состояніемъ производительныхъ силъ и формой хозяйства") привели его къ факту. „Фактъ" Маслова увлекъ его въ самую глубь критически-ревизіонистскаго болота. Онъ породилъ аграрную теорію Маслова, всецѣло построенную на „фактѣ" (паденія производительности затратъ капитала въ земледѣліи) и на критикѣ Марксовой теоріи ренты.

III. Теорія ренты и аграрная программа.

1.

До Маркса не было настоящей и полной теоріи аграрнаго развитія. Аграрная теорія до Маркса охватывала обычно только извѣстную часть сельско-хозяйственныхъ явленій, извѣстный рядъ вопросовъ, интересующихъ даннаго экономиста. Больше всего занимало экономистовъ происхожденіе и развитіе земельной ренты. И каждый изъ нихъ старался на свой ладъ опредѣлить источникъ происхожденія и причину роста ренты. Тюрго (французскій эко-

---

Подобно Рикардо, онъ призналъ, что „фактъ" составляетъ принадлежность земледѣлія въ отличіе отъ индустріи. Благодаря этому, онъ упустилъ изъ виду, что и въ индустріи наблюдается сплошь и рядомъ и паденіе производительности затратъ капитала и труда (паденіе прибыли), и разсѣяніе индустріи (переходъ отъ прядильной фабрики къ производству мелкихъ хозяйчиковъ, которыхъ эксплоатируетъ владѣлецъ той же фабрики). Неудивительно поэтому, что и далѣе, въ своей критикѣ Маркса, Масловъ не можетъ порвать заколдованнаго круга, имъ самимъ начерченнаго, никакъ не можетъ подвинуться дальше черты, обозначенной „фактомъ", отдѣляющей земледѣліе отъ индустріи.

номистъ конца XVIII в.) связывалъ ренту съ закономъ естественнаго плодородія почвы, Рикардо (Англія XVIII—XIX в.) видѣлъ источникъ ренты въ разсѣяніи земледѣлія и переходѣ отъ плодородной земли къ худшимъ участкамъ ея. Въ Германіи на научную почву пытался поставить вопросъ о рентѣ Родбертусъ. Онъ разсматривалъ землю, какъ сырой матеріалъ капиталистическаго земледѣлія. Но рѣшилъ загадку о рентѣ только Марксъ.

Своей теоріей ренты Марксъ положилъ разъ навсегда конецъ всякимъ „исключительнымъ" законамъ въ земледѣліи и при томъ—что особенно важно—не только для современнаго ему періода производства, но всего капиталистическаго развитія. Разсматривая земледѣліе, какъ отрасль хозяйства, равную по значенію индустріи, онъ уничтожилъ слѣды фетишизаціи стихійныхъ силъ природы и капитала, которую внесъ было Родбертусъ своимъ ученіемъ о землѣ, какъ сыромъ матеріалѣ и капиталистической цѣнности. Колебанія въ ростѣ ренты Марксъ связалъ съ исторіей всемірнаго рынка и вымираніемъ отсталыхъ формъ хозяйства. А самую сущность и источникъ ренты онъ открылъ въ развитіи производительныхъ силъ въ земледѣліи и индустріи.

Марксъ разсуждалъ такъ. Все то, что такъ занимало теоретиковъ ренты (измѣненіе плодородія, роль земли, какъ сырого матеріала и проч.) суть явленія вторичныя, которыя въ сельскомъ хозяйствѣ могутъ быть или не быть.

Главнымъ признакомъ роста производительныхъ силъ служитъ количество орудій и средствъ производства и сумма живой энергіи, которая затрачивается при примѣненіи этихъ средствъ и орудій. Съ такой точки зрѣнія, и для индустріи, и для сельскаго хозяйства мѣриломъ роста производительныхъ силъ служитъ преобладаніе одного изъ факторовъ: или средствъ производства, или труда человѣка. Въ феодальномъ обществѣ, когда основой общественнаго хозяйства служитъ земледѣліе, преобладаетъ живая сила крѣпостныхъ. Капиталистическое производство, напротивъ, выдвигаетъ на первый планъ технику и мертвое орудіе. Благодаря своему техническому превосходству техника индустріи быстро и значительно опережаетъ производство въ земледѣліи. Но и земледѣліе подчинено общему закону роста производительныхъ силъ. Вслѣдъ за преобладаніемъ средствъ и орудій производства въ индустріи, начинается постепенное пропитываніе техникой и земледѣлія. И хотя земледѣліе отстаетъ въ прогрессѣ своей техники отъ индустріи, различіе между индустріей и земледѣліемъ ощущается все меньше и меньше. Это различіе даетъ себя знать особенно сильно лишь при первыхъ шагахъ капитала въ области сельскаго хозяйства и является причиной возникновенія земельной ренты.

Теорія ренты Маркса выводится изъ связи, какая существуетъ между индустріей и земледѣліемъ уже въ первую эпоху капита-

листическаго господства. Различіе въ ростѣ производительныхъ силъ въ городѣ и деревнѣ обусловливаетъ полученіе ренты земледѣльцемъ. Но это же различіе дѣлаетъ изъ ренты институтъ, существованіе котораго всецѣло зависитъ отъ роста производительныхъ силъ капитализма.

Развитіе производительныхъ силъ характеризуется преобладаніемъ орудій и средствъ производства надъ рабочей силой человѣка. Въ индустріи, какъ и въ земледѣліи, для опредѣленія роста производительныхъ силъ мѣриломъ у Маркса служитъ отношеніе живой рабочей силы къ мертвымъ орудіямъ производства, отношеніе: $\frac{\text{живая рабочая сила}}{\text{мертвыя орудія и средства производства}}$.

Въ капиталистическомъ обществѣ цѣнность рабочей силы опредѣляется заработной платой рабочаго (перемѣнный капиталъ капиталиста); цѣнность орудій и средствъ производства составляетъ постоянный капиталъ капиталиста. И потому для опредѣленія роста производительности труда въ капиталистическомъ обществѣ служитъ отношеніе: $\frac{\text{перемѣнный капиталъ}}{\text{постоянный капиталъ}}$. Въ земледѣліи, благодаря нѣкоторой отсталости сельско-хозяйственной техники, преобладаетъ перемѣнный капиталъ; въ индустріи—постоянный. Марксъ по отношенію: $\frac{\text{перемѣнный капиталъ}}{\text{постоянный капиталъ}}$ опредѣлялъ строеніе капитала въ общественномъ хозяйствѣ. Чѣмъ больше возрастаетъ знаменатель (постоянный капиталъ), тѣмъ строеніе капитала по Марксу выше. Такъ какъ въ земледѣліи въ среднемъ преобладаетъ перемѣнный капиталъ, то строеніе капитала въ немъ ниже, чѣмъ въ индустріи. Это-то различіе въ строеніи капитала и составляетъ причину происхожденія излишка прибыли въ земледѣліи, который и представляетъ собой земельную ренту. Эта форма земельной ренты, зависящая исключительно отъ различнаго строенія капитала въ земледѣліи и индустріи и не стоящая въ связи ни съ большимъ или меньшимъ плодородіемъ, ни съ разстояніемъ участка земли отъ рынка, есть абсолютная рента Маркса. Всѣ другія формы ренты, на размѣръ которыхъ вліяютъ и плодородіе земли, и мѣстоположеніе (разстояніе отъ рынка), словомъ, самыя различныя условія сельскаго хозяйства суть не первичныя формы и не имѣютъ асболютнаго значенія.

Такъ какъ развитіе производнтельныхъ силъ въ селѣ и подъемъ сельско-хозяйственной техники приближаютъ строеніе земледѣльческаго капитала къ строенію капитала въ индустріи, абсолютная рента не есть величина постоянная и неизмѣнная. Порожденная условіями капиталистическаго развитія въ селѣ, и отсталымъ сравнительно съ городомъ хозяйствомъ, абсолютная рента должна убывать по мѣрѣ того, какъ строеніе капитала въ земледѣліи повышается. И здѣсь-то лежитъ причина, которая позволяетъ капиталистическому обществу своевременно устранить съ соціальныхъ

счетовъ ренту, это печальное наслѣдіе крѣпостничества, которое мѣшаетъ развитію производительныхъ силъ въ земледѣліи.

Какъ ни проста теорія ренты Маркса, ея цѣнность громадна, особенно для цѣлей практики, при построеніи аграрной программы. Всѣмъ теоретикамъ ренты, отъ физіократовъ и до Рикардо, не было никакого дѣла до будущаго аграрнаго вопроса. Всѣ они были, конечно, политиками, и можно сказать даже, что и теорія ихъ главной задачей имѣла оправдать политику капитала. Родбертусъ стоялъ выше физіократовъ и Рикардо. Онъ хотѣлъ понять строй буржуазнаго производства. Задача Маркса была гораздо смѣлѣй и шире. Ему казалось, что мало познать строй капитализма. Настала пора, заявилъ онъ, этотъ строй передѣлать. И Марксъ далъ все, чтобы знать, какъ это сдѣлать.

Въ „Коммунистическомъ манифестѣ", для обоснованія котораго служатъ всѣ теоретическія работы Маркса, Марксъ предложилъ національзацію ренты. Изъ всѣхъ странъ Европы законченныя формы капиталистическаго хозяйства имѣла одна только Англія. Но для Маркса не было тайной, что капиталъ заставитъ капитулировать отсталое земледѣліе всей Европы и навяжетъ ему техническія пріобрѣтенія Англіи. Развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи должно было далеко подвинуть земледѣльческое производство, замѣнить господствовавшее тамъ мелкое хозяйство техническими силами крупнаго. Этотъ процессъ подъема производительныхъ силъ земледѣлія, который въ Англіи произошелъ за счетъ крестьянина, связь и сближеніе, которыя должны были установиться между земледѣліемъ и индустріей континента Европы, не сулили крестьянину ничего радостнаго. И вотъ, чтобы уменьшить муки нарожденія капиталистической ренты и вмѣстѣ удержать элементы, связанные съ раскрѣпощеніемъ нѣмецкаго крестьянина, Марксъ предложилъ національзацію земли.

Революція 48-го года воочію показала всю безплодность всякихъ попытокъ сохранить территоріальное дѣленіе дореволюціоннаго періода, а равно и господство мелкаго хозяйства этой эпохи. Необходимо было использовать творческія силы революціи 48-го года и положить конецъ абсолютистско-крѣпостнической эксплоатаціи, неразрывно связанной съ территоріальной дробленностью Германіи и натуральнымъ производствомъ германскаго крестьянина. „Коммунистическій манифестъ" призналъ неизбѣжнымъ дальнѣйшее развитіе капитализма въ селѣ и въ городѣ. Но мирясь съ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ роста экономическихъ силъ, создавшихъ единую Германію, Марксъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ рѣшили экспропріировать у капиталистовъ тѣ выгоды, которыя приносило капиталистическое развитіе, сдѣлать ихъ достояніемъ всей демократической Германіи.

Подъемъ техническаго строя сельскаго хозяйства не могъ

совершаться съ такой быстротой, какъ это слѣдовало ожидать въ индустріи. Поэтому земельная рента, поскольку ея ростъ зависѣлъ отъ этого различія въ ритмѣ подъема производительныхъ силъ въ городѣ и деревнѣ, была отдана государству. Съ тѣхъ поръ для всѣхъ послѣдователей научнаго соціализма теорія ренты Маркса служитъ исходной точкой аргументаціи при построеніи аграрной программы для всѣхъ..., кромѣ русскихъ сторонниковъ муниципализаціи земли и, въ частности, Маслова.

2.

У Маслова есть свое „пониманіе земельной ренты“. Это „пониманіе“, по мнѣнію Маслова, отличается „большей правильностью“, чѣмъ у „наиболѣе высокихъ авторитетовъ политической экономіи“—Маркса и Родбертуса. Но прежде чѣмъ перейти къ этому „пониманію“ теоретиковъ муниципализаціи, посмотримъ, чѣмъ нехороша теорія высокихъ авторитетовъ.

„И Марксъ, и Родбертусъ,—заявляетъ Масловъ,—во 1-хъ, отрицаютъ фактъ паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ труда на ту же площадь земли, какъ условіе образованія ренты.

2) Марксъ и Родбертусъ признаютъ существованіе абсолютной ренты, образующейся вслѣдствіе различнаго строенія земледѣльческаго и промышленнаго капитала“. Таковы исходныя положенія „критики“ Маслова. Его аргументація такова:

„Въ главѣ объ условіяхъ образованія капиталистической земельной ренты мы достаточно подробно разсматривали значеніе паденія производительности труда при послѣдовательныхъ затратахъ капитала. Изъ приведенныхъ нами соображеній неизбѣжно вытекаетъ выводъ, что безъ паденія производительности труда при послѣднихъ затратахъ капитала земельной ренты не можетъ существовать... Абсолютной ренты въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ Марксъ, не существуетъ; ея обосновка, поскольку она сдѣлана Марксомъ въ III мъ томѣ „Капитала“, противорѣчитъ всему третьему тому. При условіяхъ капиталистическаго производства она не можетъ существовать“. (П. Масловъ. „Аграрный вопросъ въ Россіи“. О теоріи земельной ренты Родбертуса и Маркса, стр. 106—107; 108—109). Такъ Масловъ критикуетъ Маркса, доказывая большую правильность своего „пониманія земельной ренты“.

Въ этихъ „критическихъ“ тирадахъ Маслова почти столько же ошибокъ, сколько критическихъ положеній и утвержденій. Во-первыхъ, неправильно уже самое сопоставленіе Маркса и Родбертуса. И не въ томъ смыслѣ, что ихъ авторитеты не равно высоки. А въ томъ, что ихъ теоріи ренты относятся другъ къ другу, какъ старый пень и отточенный топоръ, который рубитъ

его корень. Родбертусъ своей теоріей ренты и опредѣленіемъ земли, какъ сырого матеріала въ капиталистическомъ хозяйствѣ, пытался установить гармонію между буржуазнымъ городомъ и феодальной деревней. Марксъ своимъ анализомъ показалъ непримиримыя противорѣчія, которыя создаетъ ростъ земледѣльческаго капитала. Гармонія, которую Родбертусъ жаждалъ найти въ старомъ буржуазномъ обществѣ, Марксъ искалъ въ будущемъ обществѣ. Такимъ образомъ, вынести Родбертуса и Маркса за однѣ „критическія" скобки позволительно, пожалуй, буржуазной критикѣ, но никакъ не ортодоксу. Но сопоставленіе Родбертуса и Маркса еще не Богъ вѣсть какая ошибка и сдѣлана, возможно, въ порывѣ „критицизма". Въ критической тирадѣ Маслова есть еще болѣе крупные „критическіе" перлы.

Мы укажемъ на два изъ нихъ. Перлъ № 1.

Масловъ заявляетъ, что Марксъ „отрицаетъ фактъ паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ труда на ту же землю, какъ условіе образованія ренты". („Агр. вопр.", 106). Такое заявленіе—грубая ошибка и противорѣчитъ теоріи дифференціальной ренты Маркса, съ помощью которой онъ вскрылъ всю ложь буржуазныхъ аграрныхъ теорій. Марксъ этого „факта" не отрицалъ.

Разбирая ренту Рикардо, который связывалъ свою теорію ренты съ паденіемъ плодородія почвы, Марксъ постарался освободить теорію отъ вліянія „закона убывающаго плодородія". Марксъ установилъ, что разница въ плодородіи участковъ земли вызываетъ измѣненіе производительности труда. Признавая, вслѣдствіе этого, „фактъ" паденія производительности затратъ труда, Марксъ, однако, не сдѣлалъ изъ него фетиша, какъ это случилось у Рикардо. Рядомъ съ вліяніемъ плодородія онъ поставилъ расположеніе участковъ земли. Плодородіе и расположеніе участка земли (его удаленность отъ рынка)—двѣ причины, которыя, по Марксу, могутъ оказывать „вліяніе въ противоположномъ направленіи". Въ силу этого, экономическое значеніе „факта" было поставлено въ зависимость не отъ стихійныхъ силъ природы, а отъ условій капиталистическаго рынка. Но это не помѣшало Марксу использовать „фактъ" гораздо шире и глубже, чѣмъ это сдѣлали буржуазные теоретики. Сверхъ дифференціальной (разностной) ренты I рода, вытекающей изъ сравнительнаго состава почвы или положенія двухъ участковъ земли, Марксъ далъ еще теорію дифференціальной ренты II рода.

Къ половинѣ XIX вѣка успѣхи земледѣльческой техники позволили значительно расширить затраты капитала на землѣ. И такъ какъ каждая новая затрата должна была оплатить ренту, Марксъ разсмотрѣлъ вліяніе этихъ новыхъ дополнительныхъ затратъ капитала (на томъ же участкѣ земли) на колебанія ренты. Колебанія ренты въ данномъ случаѣ, въ случаѣ дифференціальной

ренты II рода, какъ и въ случаѣ ренты I рода, не служатъ у Маркса показателемъ паденія производительности труда, ставшаго фетишемъ у Рикардо. Не отрицая этого факта (паденія производительности затратъ труда) въ каждомъ данномъ случаѣ, Марксъ связалъ его вліяніе съ колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ и расширеніемъ капиталистическаго рынка. Благодаря этому, у Маркса всѣ случаи паденія производительности затратъ труда оказались на строгомъ учетѣ. И такъ какъ колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, ростъ капиталистическаго рынка и интенсификація (развитіе техники) сельскаго хозяйства представляютъ собой только частные случаи развитія капиталистическаго производства, обѣ формы дифференціальной ренты (I и II рода) у Маркса играютъ подчиненную роль по сравненію съ его общей теоріей капиталистическаго земледѣлія.

Эта общая теорія капиталистическаго земледѣлія есть теорія абсолютной ренты Маркса. Ея-то „критика" и породила второй перлъ критицизма у Маслова.

„При условіяхъ капиталистическаго производства,—поучаетъ Масловъ,—абсолютная рента не можетъ существовать". Она-де противорѣчитъ всему третьему тому „Капитала". Отлично. Что-же тогда остается для пониманія теоріи ренты? Остается, разумѣется, „болѣе правильное пониманіе" Маслова.

Въ чемъ же оно состоитъ?

Оно довольно безхитростно, это „правильное пониманіе".

„Рента,—полагаетъ, Масловъ—можетъ существовать только тогда, когда послѣднія затраты капитала на ту же площадь земли даютъ меньшее количество продукта, чѣмъ предыдущія затраты.... Капиталистическое земледѣльческое хозяйство не можетъ дать землевладѣльцу ничего, кромѣ дифференціальной ренты, получающейся благодаря различію производительности затратъ капитала".

Фактъ паденія производительности затратъ труда стоитъ въ центрѣ всей теоріи Маслова и преподносится подъ различными соусами. Этотъ „фактъ" объясняетъ у Маслова не только дифференціальную ренту, но и служитъ для опроверженія абсолютной ренты Маркса.

„Если послѣдній капиталъ, затрачиваемый на ту же площадь земли, можетъ давать только нормальную прибыль, то очевидно, абсолютной ренты не можетъ существовать, такъ какъ абсолютной считается рента на наименѣе производительно затрачиваемый капиталъ.... Размѣръ ренты ничуть не опредѣляется характеромъ ея происхожденія, а единственно только вышеуказаннымъ различіемъ производительности труда при различныхъ условіяхъ".

Допустимъ, что пониманіе Маслова правильно, не правильнѣй чѣмъ у высокихъ авторитетовъ (разумѣй Маркса и Родбертуса),

а вообще правильно. Но куда и къ чему ведетъ оно? Примемъ вмѣстѣ съ Масловымъ, что теорія ренты должна быть построена на фактѣ убывающей производительности затратъ труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Такая „теорія" усматриваетъ причину и источникъ происхожденія ренты въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для провѣрки ея вы можете обратиться къ любому хозяйству собственника или арендатора въ деревнѣ и несомнѣнно получите отвѣтъ, подтверждающій „теорію" Маслова. Нельзя безъ конца дѣлать затраты на данномъ участкѣ земли, будетъ гласить отвѣтъ хозяина-практика.

Такимъ образомъ „фактъ", положенный въ основу теоріи Маслова, есть, повидимому, подлинный фактъ, взятый изъ жизни деревни. И это свидѣтельство хозяйственной практики тѣмъ болѣе цѣнно, что въ прямой связи съ нимъ находится и вся экономическая теорія Маслова, его ученіе о связи производительныхъ силъ и формъ хозяйства. Правда, эта „важная связь", по замыслу Маслова, не должна была вытѣснить ученіе о связи производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Правда, отрицая теорію ренты Маркса, устанавливающую законъ развитія производительныхъ силъ въ индустріи и земледѣліи, Масловъ въ концѣ концовъ пытается поставить на мѣсто доктрины Маркса свою „важную связь".

Но да не смутитъ насъ это. И мы, отмѣтивъ мимоходомъ это фатальное (для Маркса или Маслова, мы сейчасъ увидимъ) совпаденіе „факта" и новой экономической теоріи, продолжимъ нашу анкету насчетъ паденія производительности труда при послѣдовательныхъ затратахъ его и перейдемъ для этой цѣли изъ деревни въ городъ, а отъ земледѣлія къ индустріи. И здѣсь, въ индустріи, мы встрѣтимъ хозяина-практика. Практикъ пойметъ насъ, разумѣется, съ первыхъ словъ и подтвердитъ всей своей бухгалтеріей, что „фактъ" Маслова отнюдь не является прискорбной привилегіей земледѣлія. Несмотря на весь прогрессъ техники, нашъ практикъ, подобно своимъ собратьямъ-аграріямъ, принужденъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не перешагнуть извѣстныхъ границъ. Граница приложенія труда (и капитала) въ индустріи стоитъ ниже успѣховъ техники. Съ приложеніемъ каждой новой затраты производительность ея убываетъ. Подтвержденіемъ этого факта служитъ то, что съ ростомъ техники наблюдается очень печальный фактъ: паденіе прибыли.

Итакъ, небу споспѣшествующу, мы обрѣли цѣлую массу фактовъ, связанныхъ, съ одной стороны, съ „фактомъ", открытымъ (черезъ сто лѣтъ послѣ физіократовъ) Масловымъ въ земледѣліи, а съ другой, какъ нельзя лучше уживающихся съ экономической теоріей Маслова. Между практикой и теоріей устанавливается трогательное согласіе. Имѣется, скажемъ, хозяйство. Оно развиваетъ свои производительныя силы и съ ихъ развитіемъ мѣняетъ

свою форму. Если наше хозяйство земледѣльческое, то оно даетъ намъ картину паденія производительности труда при послѣдовательныхъ затратахъ его. Хотя и въ индустріи этотъ фактъ встрѣчается сплошь и рядомъ, но не въ такой степени. Въ силу этого часть прибавочнаго труда, который достается капиталисту въ видѣ прибыли, остается собственнику земли. Словомъ, все устраивается къ лучшему. Ошибка, которую допустилъ Марксъ, отрицая „фактъ" паденія производительности затратъ капитала въ земледѣліи, Масловымъ исправлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, открыта рента, которая можетъ существовать при какихъ угодно условіяхъ капиталистическаго производства.

Очень, очень хорошо. Но прежде, чѣмъ разстаться съ теоріей ренты Маслова, выяснимъ еще одинъ пунктъ.

По ученію Маслова, всѣ виды ренты суть слѣдствіе „факта" паденія производительности затратъ труда и капитала въ земледѣліи. Имѣется у насъ столько-то и столько-то хозяйствъ, и въ каждомъ рента есть слѣдствіе „факта". И если бы задача экономическаго анализа ограничилась просто обозрѣніемъ этой массы хозяйствъ, то все въ теоріи Маслова было бы ладно. Но вѣдь для марксиста это обозрѣніе кунсткамеры общественнаго производства дѣлается не изъ любопытства. Не форма хозяйства интересуетъ прежде всего марксиста, не козявки, мушки и таракашки, а слонъ этой кунсткамеры—производственныя отношенія. И вотъ эти-то производственныя отношенія въ теорію Маслова не укладываются. Слона-то Масловъ и не примѣтилъ, предвкушая, вѣроятно, успѣхъ своей критики абсолютной ренты Маркса.

Абсолютная рента Маркса вытекаетъ изъ всей доктрины Маркса о производственныхъ отношеніяхъ. Теорія ренты Маркса, признавая фактъ паденія производительности затратъ труда для опредѣленія размѣра разностной ренты (I и II рода), обобщаетъ этотъ фактъ меньшей, чѣмъ въ индустріи производительности труда для всего сельскаго хозяйства въ видѣ ученія объ абсолютной рентѣ. Какъ мы видѣли выше, Марксъ признавалъ, что въ цѣломъ земледѣліе (какъ и вообще сельское хозяйство и добывающая промышленность) по росту техники отстаетъ отъ индустріи. Но разстояніе между уровнемъ, на которомъ стоитъ техника въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ, для Маркса не есть нѣчто неизмѣнное. Съ ростомъ производительныхъ силъ это разстояніе уменьшается, и въ этомъ залогъ соединенія индустріи и земледѣлія, двухъ сестеръ, которыхъ раздѣляло феодальное производство и сдѣлалъ врагами буржуазный строй. И если отказаться отъ теоріи абсолютной ренты Маркса, то не остается ничего лучшаго, какъ искать, по примѣру Маслова, „фактовъ" и наклеивать на нихъ ярлыкъ теоріи.

Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ „правильное" пониманіе ренты Маслова для пониманія аграрнаго развитія?

Ничего, ровнехонько ничего. И не потому, разумѣется, что его находка („фактъ") перезрѣлая и была на пользованіи еще у физіократовъ. Не потому, конечно, что построить теорію ренты на „фактѣ" Тюрго—значитъ опуститься ниже даже Родбертуса. Изъ факта Маслова нельзя выжать подобія теоріи, по той причинѣ, что теорія Маслова есть по существу своему отрицаніе всякой теоріи.

Не такъ давно одинъ ревизіонистъ (г. Булгаковъ) заявилъ, что по его-де мнѣнію, самое лучшее опредѣленіе хозяйства есть отсутствіе всякаго опредѣленія [1]). Масловъ не отказывается отъ опредѣленія ренты. Онъ только не признаетъ теоріи ренты Маркса. Но опредѣленіе ренты у Маслова такъ же содержательно, какъ и отсутствіе всякаго опредѣленія. И результатъ критики Маслова, положившаго въ основу своего опредѣленія ренты свой „фактъ", нисколько не уступаетъ критическимъ попыткамъ ревизіонистовъ, выбрасывающихъ „за бортъ" теорію ренты.

Заполучивъ свой „законъ паденія плодородія земли", ревизіонисты обычно принимаются за реформы ученія Маркса. Они не даютъ критики теоріи ренты, а попросту, въ виду „особыхъ законовъ" и „консерватизма" сельскаго хозяйства, выбрасываютъ вонъ производственныя отношенія капитализма и скрѣпляютъ ростъ производительныхъ силъ, соотвѣтствующихъ капитализму, съ формой хозяйства, освобожденной отъ балласта аграрной доктрины Маркса.

Плоды такой реформы, какъ мы видѣли выше, очень осязательны. Изученіе формы хозяйства внѣ всего строя производственныхъ отношеній заводитъ ревизіонистовъ въ станъ буржуазныхъ ученій. Выбраться оттуда имъ не удастся. Они изучаютъ при этомъ западнаго крестьянина, извѣдавшаго всѣ прелести капиталистической культуры. И такъ какъ выдѣленіе изъ общаго строя капитализма скрадываетъ всѣ отрицательныя стороны крестьянскаго хозяйства, крестьянское хозяйство въ ихъ изображеніи благоденствуетъ.

Хозяйство русскаго крестьянина есть юдоль плача и скорби. Такимъ его рисуетъ и Масловъ. Онъ не вѣритъ въ счастливую звѣзду мелкаго хозяйства въ селѣ, не видитъ выхода для него въ томъ, что кажется столь желаннымъ западнымъ ревизіонистамъ. По этой-то причинѣ Масловъ и затѣялъ опредѣленіе своей важной связи между состояніемъ производственныхъ силъ и формой (типомъ) хозяйства. Вѣра въ неизбѣжность гибели и неустойчивость мелкаго хозяйства отдѣляетъ Маслова отъ ревизіонистовъ. Но способъ, помощью котораго Масловъ старается обосновать свою вѣру ортодокса, чисто-ревизіонистскій, ибо въ его распоряженіи послѣ отреченія отъ абсолютной ренты Маркса, остался

[1]) С. Булгаковъ. „Отъ марксизма къ идеализму".

лишь ревизіонистскій „фактъ“ (паденія производительности затратъ труда на землѣ) и „важная“ связь роста производительныхъ силъ и формы хозяйства.

Благодаря отсталости русскаго крестьянина, его хозяйство не носитъ всѣхъ признаковъ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, не вовлечено цѣликомъ въ порочный кругъ капитализма. Разслоеніе однороднаго мелкаго хозяйства, которымъ держалось крѣпостничество на Западѣ и держится на Руси, было искусственно задержано законодательными мѣрами стараго порядка. Но и въ этомъ своемъ однородномъ видѣ русское крестьянское хозяйство не опредѣляется связью его производительныхъ силъ и формой хозяйства. А для его пониманія ничего не даетъ фактъ паденія производительности затратъ труда въ сельскомъ хозяйствѣ.

Поставивъ на мѣсто абсолютной ренты Маркса свое „болѣе правильное“ пониманіе, вытекающее изъ „факта“ Тюрго, Масловъ, естественно, получилъ пустое мѣсто. Чтобы заполнить его, онъ, какъ иллюстрацію своей теоріи, далъ теорію продовольственной и капиталистической ренты. Первая трактуетъ о кабальной формѣ эксплоатаціи, сохранившейся всюду, гдѣ остались пережитки феодализма (Пруссія, Россія, Австрія). Вторая разбираетъ условія капиталистическаго хозяйства. Но такъ какъ теорія ренты Маслова связана съ „фактомъ“ и оторвана отъ строя производственныхъ отношеній, ни продовольственная, ни капиталистическая рента, не даютъ и не могутъ дать ничего для опредѣленія того, гдѣ лежитъ корень аграрнаго переворота, который ждетъ русскую деревню [1]). И самый „фактъ“ Тюрго, и продовольственная, и капиталистическая рента касаются каждаго отдѣльнаго хозяйства. Всѣ теоретическія положенія на этотъ счетъ, возможно, съ большимъ успѣхомъ используетъ крупный землевладѣлецъ. Рѣшая, какъ ему вести свое хозяйство, онъ, пользуясь теоріей Маслова,

---

[1]) Не останавливаемся на критикѣ продовольственной и капиталистической ренты Маслова потому, что вся аргументація Маслова основана на отрицаніи абсолютной ренты Маркса, отрицаніи, совершенно несостоятельномъ. Критическія соображенія Маслова сводятся къ слѣд: „противорѣчіе теоріи абсолютной ренты всей теоріи распредѣленія, изложенной въ III томѣ, настолько рѣзко бросается въ глаза, что его можно объяснить лишь тѣмъ, что III томъ—посмертное изданіе, куда вошли и черновые наброски автора. Это единственная глава (объ абсолютной рентѣ), гдѣ противники экономической теоріи Маркса могли бы выловить и „фетишизмъ“ цѣнности, гдѣ на одной, двухъ страницахъ своего трехтомнаго труда авторъ какъ будто допускаетъ вліяніе строенія капитала въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ на норму прибыли отдѣльныхъ предпринимателей“. П. Масловъ „Агр. вопросъ“, стр. 108—109. Третій томъ „Капитала“—посмертное изданіе,—это вѣрно. Ну, а „Нищета философіи“, вышедшая за 35 лѣтъ до смерти Маркса, въ счетъ не идетъ? Въ „Нищетѣ философіи“ Марксъ, хотя онъ признавалъ тогда теорію ренты Рикардо, сказалъ о рентѣ: „рента есть результатъ общественныхъ отношеній, среди

высчитаетъ, что для него выгоднѣе: эксплоатировать ли крестьянина исполу, или въ видѣ денежной ренты.

Но когда мы отъ отдѣльнаго хозяйства, все равно крупнаго или мелкаго, перейдемъ ко всему строю русской деревни, то „правильное" пониманіе ренты Маслова не позволитъ идти дальше заявленія: въ Россіи процвѣтетъ капиталистическое земледѣліе. И если это положеніе не блещетъ особенной глубиной и прозорливостью, то оно зато имѣетъ свои большія удобства: къ нему можно пристроить какую угодно аграрную программу.

Пока къ нему пристроена программа о муниципализаціи земли и эта пристройка, подобно всѣмъ продуктамъ аграрнаго ревизіонизма, основана на простомъ отрицаніи аграрной теоріи Маркса [1]).

Разумѣется, строить аграрную программу можно по разному и положить въ ея основу самые различные положенія, взгляды, теоріи и проч. Но тогда сторонникамъ муниципилизаціи придется сдѣлать рѣшительный поворотъ въ сторону ревизіонизма, соединить несоединимое, связать пролетарскую программу и научныя откровенія буржуазной идеологіи.

Подведемъ итоги.

Муниципализація земли, которая кажется столь желанной буржуазнымъ сторонникамъ земельной реформы на Западѣ, до сей поры теоретически марксистами не обоснована. Буржуа, отстаивая муниципализацію, сулитъ пролетаріату всѣ блага земныя, начиная съ капусты своего огорода и кончая смягченіемъ классовой борьбы. Такія посулы не увлекли идеологовъ пролетаріата, и они предприняли на собственный страхъ пересмотръ аграрной теоріи Маркса. Практическихъ результатовъ въ аграрномъ вопросѣ (да и не только въ аграрномъ) ревизіонизмъ не далъ. Нельзя же счесть практическимъ результатомъ тяготѣніе къ буржуазнымъ теоріямъ, стремленіе идти „назадъ къ Тюрго, къ Рикардо!", которое замѣчается у такихъ „учениковъ" Маркса, какъ Давидъ, Бернштейнъ и К°.

которыхъ совершается обработка земли. Она не можетъ быть слѣдствіемъ болѣе или менѣе прочной, болѣе или менѣе вѣчной природы земли. Рента обязана своимъ происхожденіемъ не землѣ, а обществу". Въ этихъ словахъ—зародышъ теоріи абсолютной ренты Маркса. И если критики Маркса указываютъ на „одну, двѣ страницы" III-го тома, то имъ слѣдуетъ заглянуть въ три недавно вышедшихъ тома „Theorien über d. Mehrwerth" (I II, Bd. II. II Th.) Маркса, изданныхъ Каутскимъ. Въ нихъ цѣлые десятки страницъ посвящены исключительно истолкованію абсолютной ренты.

1) Что на аграрной теоріи Маслова можно выстроить какую угодно аграрную программу, видно изъ его проекта программы, гдѣ имѣется и національзація земли, и муниципализація, и превращеніе земли (крестьянской) въ частную собственность. Вопросъ о томъ, насколько муниципализація можетъ быть обоснована съ точки зрѣнія научнаго соціализма, выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи. Къ нему мы вернемся въ другой разъ.

Русскій теоретикъ и сторонникъ муниципализаціи, Масловъ по духу и цѣлямъ своего анализа не имѣетъ ничего общаго ни съ буржуазнымъ реформаторствомъ, ни съ западнымъ ревизіонизмомъ. Тѣмъ не менѣе, Маслову не удалось избѣжать всѣхъ погрѣшностей ревизіонизма. Задумавъ дополнить доктрину Маркса о производственныхъ отношеніяхъ своимъ ученіемъ о связи производительныхъ силъ и формы хозяйства, Масловъ забылъ о производственныхъ отношеніяхъ. Связь между ростомъ производительныхъ силъ и ростомъ хозяйства имѣетъ смыслъ тогда, когда форма хозяйства заключена въ рамки всего производственнаго строя. Главная ошибка западнаго ревизіонизма, сбитаго съ толку буржуазной критикой, именно въ томъ и заключалась, что онъ изучалъ форму хозяйства въ себѣ, вырванную изъ конкретныхъ условій капиталистическаго производства. Чтобы исправить эту ошибку ревизіонизма, Масловъ, продолжавшій работу ревизіонистовъ, долженъ былъ съ самаго начала связать свой анализъ съ основой всего общественнаго хозяйства, съ ученіемъ о ростѣ производственныхъ отношеній. Между тѣмъ Масловъ, думая своей теоріей о формахъ хозяйства дополнить Маркса, началъ построеніе своей аграрной теоріи съ „факта“ паденія производительности затратъ труда и капитала въ земледѣліи. Этотъ „фактъ“ Масловъ поставилъ пограничнымъ камнемъ между индустріей и земледѣліемъ. Выдѣливъ, такимъ образомъ, земледѣліе изъ общаго строя производственныхъ отношеній и приписывая происхожденіе „факта“ стихійнымъ силамъ природы, Масловъ поневолѣ долженъ былъ связать судьбу своей экономической теоріи съ „фактомъ“, а затѣмъ и отказаться отъ аграрной теоріи Маркса. Ибо основной предпосылкой аграрной теоріи Маркса является, во 1-хъ, полное отсутствіе какихъ бы то ни было постоянныхъ границъ для побѣднаго шествія промышленной техники, и во-2-хъ, рѣшительное отрицаніе такихъ фетишей буржуазной науки, какъ законъ паденія производительности затратъ труда и капитала въ земледѣліи.

Въ „критикѣ“ Маркса труденъ только первый шагъ. „Критики“ Маркса изъ числа его бывшихъ учениковъ, пытаясь построить свою аграрную теорію, отправнымъ пунктомъ ея берутъ „фактъ“, послужившій пограничнымъ камнемъ теоріи и у Маслова. Отряхнувъ прахъ марксовой доктрины отъ ногъ своихъ и облюбовавъ крестьянское хозяйство, какъ идеальную форму хозяйства, эти ученики придумали вѣрное средство отъ пролетаризаціи мелкаго хозяйства. И съ точки зрѣнія аграрной теоріи ревизіонизма средство отъ пролетаризаціи дѣйствуетъ вѣрно и быстро.

Разъ связь съ аграрной теоріей Маркса порвана,—а ревизіонисты объ этомъ только и стараются,—для оцѣнки ревизіонистскаго средства отъ пролетаризаціи ничего другого не остается, какъ пользоваться аграрной теоріей ревизіонизма. А при свѣтѣ

этой теоріи, изучающей не производственныя отношенія, а изолированную форму хозяйства, всѣ кошки сѣры, всѣ формы хозяйства хороши, если можно примѣнить къ нимъ средство отъ пролетаризаціи и рѣшенія „аграрнаго вопроса". Составъ же спасительнаго средства ревизіонистовъ и характеръ ихъ рѣшенія аграрнаго вопроса зависитъ отчасти отъ условій мѣста, отчасти отъ ихъ личнаго вкуса [1]).

Масловъ не ищетъ философскаго камня ревизіонистовъ, который, по заявленію послѣднихъ, способенъ превратить самыя отсталыя формы мелкаго хозяйства деревни въ чистое золото будущаго соціалистическаго строя. Въ качествѣ ортодокса Масловъ не вѣритъ въ силы мелкаго хозяйства. Но такъ какъ его теорія аграрныхъ отношеній основывается исключительно на разборѣ изолированнаго хозяйства, то съ его анализомъ аграрнаго вопроса повторилась та же непріятность, которая постигла его экономическую теорію.

Экономическая теорія Маслова, пристегнутая къ изолированному хозяйству, породила ученіе о „фактѣ" паденія производительности затратъ капитала и труда. Для рѣшенія „аграрнаго вопроса" Масловъ примѣнилъ свою экономическую теорію и получилъ теорію ренты, построенную на „фактѣ", какъ на фундаментѣ. Если бы Масловъ держался ученія Маркса объ общественныхъ отношеніяхъ производства, если бы Масловъ распространилъ вліяніе своего „факта" на все сельское хозяйство, онъ неизбѣжно пришелъ бы къ ученію о строеніи капитала въ земледѣліи и индустріи, т. е. къ теоріи абсолютной ренты Маркса [2]). Теорія абсолютной ренты Маркса дала бы Маслову надежную нить, которая провела бы его чрезъ лабиринтъ русской деревни, гдѣ кабальная аренда крѣпостничества смѣшивается съ культурой капиталистическаго и машиннаго земледѣлія.

---

[1]) Нѣмецкій ревизіонистъ Давидъ стоитъ за сохраненіе мелкаго хозяйства и въ видѣ аренды, и въ видѣ частной собственности крестьянина. Русскій ревизіонизмъ въ лицѣ г. Булгакова отстаивалъ частную собственность.

[2]) Паденіе производительности послѣдовательныхъ затратъ капитала и труда есть терминъ буржуазной теоріи. На языкѣ Маркса этотъ терминъ означаетъ меньшую производительность труда въ земледѣліи. Показателемъ производительности труда служитъ отношеніе: $\frac{\text{живой трудъ}}{\text{овеществленный трудъ}}$ а для капиталистическаго хозяйства: $\frac{\text{рабочая сила (перем. капиталъ)}}{\text{мертвыя орудія пр—ва (постоян. капиталъ)}}$. Такимъ образомъ, даже признавая „фактъ" паденія производительности затратъ труда, для всего земледѣлія можно установить такое же отношеніе. Въ сельскомъ хозяйствѣ это отношеніе будетъ больше. Въ индустріи производительность труда выше, и отношеніе меньше. Переведя это отношеніе на термины Маркса, мы и получимъ разное строеніе капитала въ земледѣліи и индустріи—исходное положеніе абсолютной ренты Маркса.

Но Масловъ предпочелъ пойти по тропѣ, ведущей свое начало отъ пограничнаго камня, раздѣляющаго, какъ китайская стѣна, земледѣліе и индустрію, и пришелъ къ своей теоріи ренты. И подобно тому, какъ признаніе „факта" (паденія производительности затратъ труда въ земледѣліи) есть замаскированный отказъ отъ общей экономической теоріи Маркса, такъ и теорія ренты, связанная съ „фактомъ", необходимымъ слѣдствіемъ имѣетъ отрицаніе аграрной теоріи Маркса, а затѣмъ практическихъ положеній, вытекающихъ изъ этой теоріи.

Абсолютная рента Маркса это вѣнецъ его теоретизаціи. Ученіе абсолютной ренты, ея ученіе о ростѣ производительныхъ силъ въ земледѣліи и индустріи, о совпаденіи строенія капитала въ селѣ и въ городѣ съ развитіемъ буржуазной исторіи вскрываетъ всю суть аграрнаго вопроса. Аграрная теорія Маркса позволяетъ пролетаріату согласиться на передачу земли въ распоряженіе демократическаго государства, внести въ свою аграрную программу пунктъ о національзаціи земли. Въ развитіи буржуазнаго хозяйства капиталъ ломаетъ всѣ перегородки и дѣленія прежнихъ формъ производства, превращаетъ жизнь города и деревни въ одну деспотію машины и капиталистической техники. И пролетарій не отстаетъ ни на шагъ отъ завоевательнаго шествія капитала. И тамъ, гдѣ общественное производство не развертывается въ арену классовой борьбы труда и капитала, гдѣ мелкій производитель еще кое-какъ выдерживаетъ натискъ капитала (крестьянское хозяйство), идеологъ пролетаріата спѣшитъ обезсилить капиталистическую эксплоатацію, передавъ ренту демократическому государству. При такихъ условіяхъ, когда демократическое государство распоряжается и землей и земельной рентой, развитіе капитализма въ деревнѣ теряетъ почву для созданія чисто хищническихъ формъ земельной спекуляціи и эксплоатаціи мелкаго хозяйства въ селѣ. Но чтобы имѣть принципіально-обоснованное право на истинно-пролетарскую идеологію, чтобы имѣть право на лозунгъ: „національзація земли", нужно признать абсолютную ренту Маркса, его аграрную теорію.

Масловъ отрицаетъ всю аграрную теорію Маркса, а въ частности и его теорію абсолютной ренты. И неудивительно, что отвергнувъ аграрную теорію Маркса и построивъ свою аграрную теорію по буржуазнымъ образцамъ (Тюрго и Рикардо), Масловъ и въ сферѣ практики пришелъ къ плодамъ буржуазнаго прожектерства, вписалъ въ исторію пролетарской идеологіи свою страницу, имя которой—„муниципализація земли".

Мих. Оленовъ.

Одинъ!

Разсказъ В. І. Дмитріевой.

Стрѣльба началась съ 10 часовъ утра. Тяжко, съ натугой, ухали пушки; назойливо и торопливо трещали пулеметы, и на фонѣ этого гула и треска непрерывно сыпалась сухая ружейная дробь. Стрѣляли изъ-за угла въ каждаго прохожаго, неосторожно высунувшаго носъ на улицу; палили въ окна домовъ и церквей, и старыя, обомшѣлыя стѣны Кремлевскія вздрагивали и стонали отъ грохота канонады, которой онѣ не слышали даже во времена нашествія Наполеона въ 12-мъ году.

Городъ имѣлъ необычный видъ. Магазины были заперты и наглухо забиты досками; конки давно уже не ходили; весь обычный порядокъ жизни нарушился. Присмирѣвшіе, напуганные обыватели въ страхѣ прятались за стѣнами домовъ; изрѣдка извозчикъ, нахлестывая лошадь вожжами, проносился по опустѣвшей улицѣ, пугливо прислушиваясь къ свисту пуль, да любопытныя кухарки, накинувъ платки на головы, выглядывали изъ-за воротъ и переговаривались другъ съ другомъ.

— Опять стрѣляютъ?

— Стрѣляютъ, матушка моя! Страсть Господня! И что такое будетъ, что такое будеть, ажно душа обмираетъ... За провизіей нельзя пройдтить,—такъ пули обáполъ и свищутъ!

— И не говори,—чисто въ крипостѣ живемъ! Вчерась мои господа такъ цѣльный день и сидѣли не обѣдамши и не ужинамши,—попили чайку, да и все тутъ. Баринъ и на службу не ходилъ.

— Какая служба, милая моя, того и гляди подстрѣлятъ. Куда ни сунься,—либо изъ пушекъ палятъ, либо казаки рыщутъ. Третеводня мой баринъ пошелъ было, а на сустрѣчь они... Какъ зачали хлестать, какъ зачали хлестать,—

насилу убѣгъ... И сейчасъ весь въ пластыряхъ сидитъ, да плачетъ.

— Гу-у-ухъ!—прогудѣло гдѣ-то вверху, и вслѣдъ затѣмъ послышался короткій, глухой ударъ, стѣны сосѣдняго дома вздрогнули, и карнизъ съ шумомъ обвалился на мостовую. Кухарки съ визгомъ исчезли подъ воротами.

Канонада гудѣла, сыпалась ружейная дробь. Казалось, тысячи злобныхъ бѣсовъ съ хохотомъ и ревомъ носились надъ громаднымъ городомъ, все ломая, все разрушая въ свирѣпомъ весельи. И горе было тому, кто попадался имъ на дорогѣ!

Вотъ черезъ улицу, безпечно насвистывая, бѣжитъ мальчикъ съ корзиной на головѣ. Ему недалеко надо, сейчасъ свернуть направо, и онъ будетъ дома. Но злобные бѣсы уже подстерегаютъ его... Изъ-за стѣны осторожно, точно нащупывая, высунулось ружейное дуло... Сверкнулъ огонекъ, грянулъ выстрѣлъ. Мальчикъ съ удивленьемъ оглянулся, потомъ высоко подпрыгнулъ, какъ бы играя, и свалился въ снѣгъ. Ружейное дуло втянулось назадъ; снова все тихо, спокойно. Мальчикъ не шевелился. Только красная жижа, чуть-чуть дымясь, растекалась по снѣгу все шире и шире. И гудѣли пушки.

Въ сосѣднемъ переулкѣ что-то оглушительно грохнуло и вслѣдъ затѣмъ пронзительный крикъ острымъ ножемъ прорѣзалъ крѣпкій, морозный воздухъ. У извозчичьей лошади осколкомъ вырвало пахъ... Она судорожно билась на мостовой, силясь подняться, но кровь горячей струей била изъ раны, и движенія животнаго становились все слабѣе и слабѣе, и взглядъ его большихъ, умныхъ глазъ тускнѣлъ и подергивался смертнымъ туманомъ. Надъ нею стоялъ извозчикъ и кричалъ крикомъ безумія и злобы:

— Убили! Убили...

Лошадь рванулась въ послѣдній разъ и вытянула ноги. Извозчикъ вылъ.

— Уходи!—крикнули ему откуда-то сверху.—Уходи скорѣе, а то и тебя убьютъ!..

Извозчикъ безумными глазами глядѣлъ на убитую лошадь.

— Убьютъ? Пущай убьютъ!.. Проклятые!.. Душегубы! Всю Рассею изничтожить хотятъ! Врешь, не изничтожишь! Велика Россея! На баррикады пойду!.. Глотки перегрызу убивцамъ!..

Онъ отшвырнулъ въ сторону кнутъ, который держалъ въ рукѣ, снялъ затѣмъ шапку и тоже бросилъ ее на земь, потомъ, все такъ же безумно крича и грозясь, побѣжалъ куда-то.

Пушки ревѣли. Злобно хохотали пулеметы. И жалобно стонали и охали старыя Кремлевскія стѣны, разбуженныя отъ своего вѣкового сна.

Стрѣляли весь день. Гвардейцы, пьяные отъ водки и крови, нѣсколько разъ ходили брать приступомъ баррикады. Но онѣ росли, какъ грибы, и, разрушивъ одну, солдаты натыкались на другую, запутывались въ проволокѣ и падали, разъяренные, отступали назадъ, опять шли и опять останавливались передъ неожиданно выросшею стѣной, перегородившею имъ дорогу. Революціонеры были неуловимы и скрывались, неизвѣстно куда, такъ что солдаты теряли голову и не знали, съ кѣмъ они дерутся и кто такой этотъ невидимый, таинственный врагъ. По временамъ имъ начинало казаться, что никакихъ революціонеровъ нѣтъ и что всѣ эти баррикады—одно дьявольское навожденіе. Суевѣрный страхъ заползалъ въ ихъ простыя души... хотѣлось бѣжать, хотѣлось поскорѣе кончить эту безсмысленную, непонятную войну съ невѣдомымъ непріятелемъ на улицахъ и переулкахъ большого города, среди домовъ и церквей съ золочеными крестами. Но мѣткія пули, летѣвшія въ нихъ съ баррикадъ и, подобно маленькимъ злымъ осамъ, жужжавшія надъ ними, пробуждали въ солдатахъ слѣпую ярость, и суевѣрный страхъ смѣнялся животнымъ страхомъ смерти, и они снова устремлялись въ загроможденные переулки, снова лѣзли на баррикады, ломали, жгли, стрѣляли, сами не зная, куда, сами не зная, зачѣмъ...

Одна баррикада особенно отличалась упорствомъ своихъ защитниковъ, мѣткостью ихъ выстрѣловъ. Это было солидное сооруженіе, воздвигнутое съ большимъ искусствомъ изъ мѣшковъ, набитыхъ снѣгомъ. Мѣшки были облиты водою, которая, замерзнувъ, спаяла ихъ между собою и образовала настоящую ледяную стѣну. А за этой непроницаемой стѣной высилась другая, составленная изъ обломковъ разной мебели, воротъ, лѣстницъ, срубленныхъ телеграфныхъ столбовъ и бочекъ. Тройная паутина мѣдной проволоки опутывала ее съ наружной стороны, а на вершинѣ гордо и весело развѣвалось широкое, красное знамя съ надписью: „Да здравствуетъ свобода!“ Нѣсколько разъ драгуны аттаковали баррикаду, но маленькія злыя осы съ коварнымъ жужжаньемъ летѣли имъ навстрѣчу, впивались то въ одного, то въ другого, поражали людей и лошадей, и съ проклятьями драгуны мчались назадъ, волоча за собою раненыхъ товарищей и въ безсильной злобѣ разстрѣливая по дорогѣ мирныхъ прохожихъ. А ледяная баррикада стояла все такая же гордая и неприступная, и красное знамя весело трепетало надъ

нею, бросая въ воздухъ свой молчаливый кличъ: „Да здравствуетъ свобода!“

— Надо непремѣнно взять эту проклятую баррикаду!— говорилъ гвардейскій офицеръ отряду солдатъ, который угрюмо пробирался среди путаницы переулковъ, загроможденныхъ полуразрушенными баррикадами. — Это самый скверный пунктъ: тамъ, навѣрное, засѣло самое главное гнѣздо этихъ негодяевъ.

Солдаты молчали, искоса поглядывая по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ засады. Твердый снѣгъ звучно похрустывалъ подъ ихъ ногами, и мѣрный топотъ глухо отдавался въ предательской тишинѣ пустынныхъ переулковъ. Вечерѣло, но нигдѣ не было ни огонька,—все точно вымерло. Густой сумракъ чернѣлъ во впадинахъ запертыхъ воротъ, тая въ себѣ что-то загадочное и зловѣщее. Въ домахъ, еще недавно полныхъ жизни, звуковъ и свѣта, царило глубокое молчаніе; за окнами тускло бѣлѣли спущенныя шторы. Казалось, оттуда глядѣла сама смерть—жадная, злая, торжествующая смерть...

Солдаты молчали.

— Вотъ что, ребята!—продолжалъ офицеръ ласково, чуя смущенной душой тревожное настроеніе солдатъ.—Вы, ребята, ужъ постарайтесь! Сами знаете, надо хорошенько наказать измѣнниковъ. Послужите батюшкѣ-царю... получите хорошую награду! Разнесемъ въ дребезги эту подлую шайку!

— Рады стараться, ваше благородіе!—негромко отозвались солдаты.

Чу!.. что-то зашевелилось подъ воротами одного дома и кубаремъ покатилось черезъ улицу. Солдаты шарахнулись въ сторону; офицеръ помертвѣлъ и схватился за револьверъ.

— Тьфу, подлая! — сказалъ, наконецъ, одинъ изъ солдатъ.—Это собачонка!.. Пришибить бы ее, вѣдьму!..

Они выстроились и снова пошли, косясь на дома, которые угрюмо смотрѣли на нихъ тусклыми бѣльмами своихъ завѣшанныхъ оконъ. Почемъ знать, можетъ быть, за однимъ изъ этихъ оконъ притаился кто-нибудь изъ *тѣхъ* и злорадно ждетъ удобной минуты, что бы пустить въ крадущагося врага предательскую пулю. Тошное ощущеніе смертельнаго страха леденитъ солдатскія сердца; они ежатся и замедляютъ шагъ. Ноги подламываются; мышцы слабнутъ; въ рту — отвратительная, вязкая горечь. Одинъ спотыкается; прикладъ съ сухимъ стукомъ ударяется въ твердый снѣгъ.

— Падай!.. ч-чортъ...—зашипѣли на него товарищи.

Споткнувшійся оправился и что-то сердито пробурчалъ. Дома молчали; тусклыя бѣльма изъ оконъ стали еще угрю-

мѣе, еще загадочнѣе. Казалось, тамъ кто-то кривлялся и хохоталъ беззвучнымъ, торжествующимъ смѣхомъ. Если бы *ихъ* увидать, схватиться съ *ними* лицомъ къ лицу, грудь съ грудью,—это было бы весело, это совсѣмъ не страшно,—въ такомъ открытомъ бою есть смыслъ и красота. Но идти въ потемкахъ, на встрѣчу молчанію и пустотѣ, ждать пули изъ-за угла и самому бить неизвѣстно кого, неизвѣстно зачѣмъ,—это было отвратительно и страшно... Кто *они* такіе, эти смѣлые люди, загромоздившіе городъ своими баррикадами? Чего *они* хотятъ? Почему *они* возстали на порядокъ и законъ?..

— Смир-рно!..—скомандовалъ вдругъ офицеръ хриплымъ шопотомъ.

Отрядъ замеръ. Вотъ она, эта проклятая баррикада! Безобразнымъ чудовищемъ расползлась она на перекресткѣ двухъ длинныхъ, кривыхъ переулковъ, и съ побѣднымъ шумомъ трепещетъ надъ нею красное знамя, точно громадная огненная птица. Такъ же, какъ и вездѣ, ни одного огонька не было здѣсь,—всѣ фонари были срублены и пошли на постройку баррикады. Но гдѣ-то далеко на темнѣющемъ небѣ взвилось пламя пожара, и багряные переливы зарева играли на яркомъ, какъ кровь, лоскутѣ кумача. И золотыя слова: „Да здравствуетъ свобода!"—струились сверкающей зыбью, бросая искры въ темноту и холодъ угрюмаго декабрьскаго вечера.

Офицеръ вполголоса отдавалъ быстрыя, короткія приказанія. Солдаты разсыпались въ цѣпь и стали осторожно, по-кошачьи подползать къ безмолвной баррикадѣ. Но тамъ уже были на-сторожѣ. Внезапно вспыхнулъ короткій, желтый огонекъ, щелкнулъ сухой выстрѣлъ, и одинъ изъ нападавшихъ со стономъ приникъ къ землѣ.

— Пли!—бѣшено закричалъ офицеръ, хватаясь за саблю.

Туча пуль понеслась на встрѣчу одинокому выстрѣлу съ баррикады. Пули звучно щелкались въ дерево, съ визгомъ впивались въ ледяную стѣну; что-то шуршало и сыпалось кругомъ. Баррикада не торопилась отвѣчать, но каждый разъ, какъ тамъ вспыхивалъ огонекъ, сопровождавшійся негромкимъ звукомъ, на этой сторонѣ кто-нибудь вскрикивалъ и отползалъ къ стѣнамъ домовъ, зажимая рукой лившуюся изъ раны кровь.

Кровь и злоба опьянили гвардейцевъ. Офицеръ обнажилъ саблю.

— На приступъ, ребята!—закричалъ онъ.—Перебьемъ измѣнниковъ... За мной!

Солдаты съ проклятіями ринулись впередъ и, цѣпляясь руками за проволоку, разрывая ее прикладами и штыками,

яростно опрокидывая куски дерева и льда, начали карабкаться на ледяную стѣну. Еще двое упали по дорогѣ, но товарищи уже не обращали на нихъ вниманія и, топча ногами ихъ тѣла, ворвались въ непріятельскую крѣпость.

— Ур-ра!..

Крѣпость была взята, и побѣдители, одинъ за другимъ перепрыгивая черезъ опрокинутые телеграфные столбы, вошли въ ея предѣлы. Зарево пожара становилось все ярче и ярче и кровавымъ отблескомъ обливало ихъ искаженныя злобой лица.

— Гдѣ они? Бей ихъ! Коли! Не давай пощады!—въ какомъ-то безуміи ревѣлъ офицеръ, размахивая саблей, которая въ свѣтѣ разгоравшагося пожара казалась обагренной кровью.

Но, спрыгнувъ на землю, онъ остановился и съ удивленіемъ оглядѣлся кругомъ. Гнѣздо измѣнниковъ было въ ихъ рукахъ, но гдѣ же они сами? Торчатъ изъ груды обломковъ оглобли опрокинутыхъ саней; тускло поблескиваютъ громадныя буквы какой-то вывѣски, поставленной стоймя,—и больше ничего и никого...

Баррикада была пуста.

— Мерзавцы... Трусы!—пробормоталъ смущенный офицеръ.—Попрятались канальи..

Онъ не договорилъ. Грянулъ выстрѣлъ; офицеръ ахнулъ и сабля выпала у него изъ рукъ.

— Вотъ они! Вотъ они!—закричали солдаты, бросаясь въ уголъ баррикады, примыкавшій къ высокой каменной оградѣ какого-то сада.

Тамъ, скрытый густой тѣнью, падавшей отъ стѣны, стоялъ только одинъ человѣкъ и спокойно цѣлился въ офицера, готовясь повторить выстрѣлъ.

— Держи его... Хватай! Отберите у него револьверъ...—командовалъ офицеръ, съ болѣзненной гримасой стискивая лѣвой рукой раненое правое плечо.

Человѣкъ выстрѣлилъ еще разъ. Пуля съ визгомъ пронеслась подъ головой офицера и сбила съ него фуражку.

На мгновеніе солдаты растерялись, но потомъ всей грудой навалились на стрѣлявшаго, обезоружили его, толкали, били и одинъ изъ нихъ уже поднялъ прикладъ надъ его головой, готовясь размозжить ему черепъ.

— Стой, погоди, ребята!—крикнулъ офицеръ.—Раздѣлаться съ нимъ еще успѣемъ. Надо его допросить. Взяли у него револьверъ?

— Здѣсь, ваше благородіе!—отозвался одинъ изъ солдатъ, съ торжествомъ побѣдителя подымая надъ головой револьверъ.

— Ну... ведите его сюда.

Солдаты, потные, красные, тяжело дыша отъ неудовлетворенной злобы, потащили революціонера къ офицеру.

— Иди, дьяволъ... Сколько народу загубилъ... Еще валандаться съ нимъ... Прикончить бы на мѣстѣ, какъ бѣшеную собаку!..

Кто-то не вытерпѣлъ и ударилъ революціонера по шеѣ. Озлобленные, голодные, уставшіе солдаты едва сдерживались, чтобы не растерзать его на части. Офицеръ прикрикнулъ на нихъ:

— Говорятъ вамъ, не трогайте его!

Солдаты, глухо ворча, подвели къ нему плѣнника. Теперь они стояли лицомъ къ лицу,—представители двухъ чуждыхъ міровъ,—аристократъ и сынъ народа, офицеръ и революціонеръ, оба молодые, оба—дѣти одной матери, Россіи, но страшно далекіе, страшно чужіе другъ другу. Они обмѣнялись взглядами,—одинъ тонкій, блѣдный, съ нѣжными, какъ у женщины, руками, съ надменнымъ и капризнымъ лицомъ; другой—коренастый, широкоплечій, съ сильными, упругими мышцами, съ темною обвѣтренною кожей, привыкшей къ воздуху и огню. И если офицеръ своей наружностью напоминалъ хрупкую фарфоровую статуэтку, то защитникъ баррикады казался вылитымъ изъ стали и желѣза. Большіе черные глаза весело и дерзко сверкали на его смугломъ лицѣ; шапка во время свалки съ него свалилась, и короткіе, густые русые волосы вздымались надъ крутымъ четырехугольнымъ лбомъ. Чуть-чуть насмѣшливая улыбка подергивала его губы, опушенныя небольшими рыжеватыми усами. Одѣтъ онъ былъ въ короткую кожаную куртку, синюю рубаху безъ пояса и высокіе валеные сапоги.

Съ минуту офицеръ и плѣнникъ смотрѣли другъ на друга: офицеръ—съ брезгливою гримасой, плѣнникъ — вызывающе и насмѣшливо.

Потомъ офицеръ опустилъ глаза.

— Это ты стрѣлялъ въ меня?—спросилъ онъ отрывисто и враждебно.

— Я!—съ усмѣшкой отвѣчалъ революціонеръ.

— Н-негодяй...—морщась, промолвилъ офицеръ и потуже перетянулъ носовымъ платкомъ раненую руку.—Гдѣ же твои сообщники?

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Какъ видите, я здѣсь одинъ.

— Лжешь!—закричалъ офицеръ раздраженно и топнулъ ногой.—Они попрятались, твои милые товарищи! Гдѣ они? Говори.

— Я одинъ!—спокойно повторилъ революціонеръ, и въ его прищуренныхъ глазахъ мелькнули веселые, злые огоньки.

— Одинъ! Ты еще скажешь, что ты одинъ перестрѣлялъ моихъ людей? Ты одинъ строилъ эту баррикаду? Ты одинъ палилъ отсюда въ казаковъ и драгунъ?

— Одинъ!—сказалъ молодой человѣкъ, и губы его задрожали отъ беззвучнаго смѣха.

Офицеръ взглянулъ ему въ лицо, и этотъ молчаливый смѣхъ привелъ его въ бѣшенство. Точно какая-то гранитная скала стояла передъ нимъ, и онъ чувствовалъ свое полное безсиліе сдвинуть ее съ мѣста. Кровь ударила ему въ голову. Онъ сжалъ кулакъ и сдѣлалъ порывистое движеніе къ революціонеру, какъ бы желая его ударить.

— Я тебя заставлю говорить, мерзавецъ! Я все выколочу изъ твоей глотки!..

Тотъ стоялъ и улыбался, гордо и презрительно глядя въ упоръ на своего врага. Офицеръ отступилъ и снова потупилъ глаза.

— Обыщите его!—хрипло проговорилъ онъ.

Солдаты тѣснымъ кольцомъ окружили молодого человѣка и закопошились около него, точно собаки надъ падалью. Они выворачивали сами его карманы, шарили у него за пазухой, стащили съ него валенки и вытрясли ихъ, но, кромѣ коробки папиросъ и спичечницы, ничего не нашли. Окончивъ обыскъ, они вопросительно поглядѣли на своего начальника, который стоялъ, отвернувшись, и хмуро наблюдалъ, какъ пятна крови расползались по бѣлому платку, перетягивавшему его рану.

— Ничего нѣтъ, ваше благородіе, окромя что папиросы да спички.

— Разстрѣлять...—сказалъ офицеръ, и это коротенькое слово прозвучало въ багровой тишинѣ, какъ ударъ топора.

Солдаты схватили революціонера за руки, но онъ повелъ плечами и отстранилъ ихъ отъ себя.

— Не надо! Я могу умереть и безъ поддержки.

Оторопѣлые солдаты переглянулись. Молодой человѣкъ твердыми шагами отошелъ къ каменной оградѣ и, повернувшись къ ней спиною, выпрямился все такой же спокойный, смѣлый и улыбающійся. Розоватый свѣтъ пожара озарялъ его темное лицо съ упрямыми вихрами волосъ, вздымающимися надо лбомъ. Солдаты взяли винтовки на руку; звучно щелкнули затворы.

— Слушай, ты!—крикнулъ офицеръ.—Вотъ... я даю тебѣ одну минуту жизни... Скажешь ты, кто съ тобою здѣсь былъ?

Молодой человѣкъ взглянулъ на далекое небо, охвачен-

ное полымемъ пожара, на красное знамя, трепетавшее надъ баррикадой, и лицо его озарилось восторгомъ и торжествомъ, какъ будто онъ былъ не побѣжденный, а побѣдитель. Онъ поднялъ руки вверхъ.

— Прощайте, братья! За васъ умираю! За землю и народную волю! Да здравствуетъ свобода!

— Пли!—скомандовалъ офицеръ.

Багровая тишина вздрогнула отъ залпа. Гулкій рокотъ промчался по глухимъ переулкамъ и замеръ гдѣ-то далеко.

Революціонеръ упалъ, — смерть была мгновенна. Но и мертвый онъ улыбался, и одна рука его такъ и осталась поднятой къ небу, точно онъ грозился кому-то...

На баррикадѣ стало тихо,—тихо, какъ въ могилѣ. Кровавыя волны перекатывались молчаливо на далекомъ небѣ; кровавое знамя молчаливо трепетало среди груды обломковъ. И было тихо...

— Снимите это...—сказалъ офицеръ.

Солдаты безтолково затоптались на мѣстѣ, вполголоса переговариваясь и косясь на мертвеца. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, спотыкаясь и съ шумомъ за что-то задѣвая, взобрался наверхъ и сорвалъ съ древка красное знамя. Потомъ, подумавъ, онъ скомкалъ его и бросилъ на покойника.

На лету ткань развернулась, съ нѣжнымъ шелестомъ упала на трупъ и царственнымъ пурпуромъ одѣла его съ ногъ до головы.

Темное лицо стало еще темнѣе; отблескъ пожара отражался въ остеклѣвшихъ зрачкахъ; тускло блестѣли бѣлые зубы. Мертвецъ смѣялся и грозилъ кому-то окоченѣвшею рукой.

И вдругъ странная жуть напала на всѣхъ. Молчаливые и смущенные, побѣдители поспѣшно выбрались изъ-за баррикады и пошли, не оглядываясь, назадъ. И чудилось имъ, что въ жуткой, красной тишинѣ встаютъ безчисленныя полчища желѣзныхъ людей, подобныхъ тому, который лежалъ тамъ у стѣны одинъ, съ простреленной грудью и грозно поднятой рукой. И чьи-то торжествующіе клики гремѣли имъ вслѣдъ:

— Да здравствуетъ свобода!

Смерть Христа.

Часто снится мнѣ соборъ старинный...
Черный куполъ въ дымныхъ облакахъ...
Входъ закрытый колоннадой длинной,
Сѣрый мохъ и плѣсень на стѣнахъ...

Тишина... Спятъ дряхлыя знамена...
Потускнѣли царскія врата..
У подножья золотого трона
Кровь струею алой разлита...

Умирали боги всѣ, какъ люди...
Такъ-же умеръ тихій Назорей
И теперь лежитъ онъ въ пыльной грудѣ
Старыхъ ризъ и восковыхъ свѣчей...

Въ даль уходятъ медленные годы
И на все кладутъ свою печать...
И никто подъ сумрачные своды
Не придетъ, какъ прежде, отдыхать...

В. Башкинъ.

Идейныя теченія современнаго народничества.

Въ ходѣ русскаго освободительнаго движенія крестьянскія волненія выдвинулись какъ-то внезапно и сразу заняли первенствующее мѣсто на фонѣ политической жизни, заставивъ съ собою серьезно считаться. Взоры всѣхъ политическихъ партій и правительственныхъ сферъ устремились на деревню, откуда раздаются — вотъ уже около двухъ лѣтъ, то стихая, то вновь вспыхивая — раскаты народнаго возстанія. Правительство спѣшитъ провести одну реформу за другой, чтобы успокоить поднявшееся крестьянство; либеральная буржуазія, преслѣдуя ту же цѣль, стремится раздвинуть рамки своихъ программныхъ требованій и т. д. Словомъ говоря, при всякихъ политическихъ разсчетахъ приходится теперь серьезно считаться съ выступленіемъ крестьянскихъ массъ, и вполнѣ понятно, если партійныя платформы претерпѣли подъ вліяніемъ этого обстоятельства извѣстное измѣненіе.

Измѣненіе это было произведено рѣшительно всѣми партіями, но обычно предпочитаютъ не замѣчать этого обстоятельства и выдвигаютъ напоказъ тѣ поправки, какія внесла въ свою программу по аграрному вопросу соціалъ-демократія. И конституціоналисты-демократы, и соціалисты-революціонеры усиленно пользуются такимъ пріемомъ и не упускаютъ случая послать соціалъ-демократіи упрекъ въ „приспособленіи". Но одна ли с.-д. повинна въ этомъ, и не больше ли страдаютъ этимъ другія партіи, подчеркивающія свою проницательность и послѣдовательность въ программныхъ вопросахъ? Такъ, напр., одинъ изъ обличителей, г. Якобій, полагаетъ, что с.-р. „жизнь побудила лишь къ большей детализаціи аграрныхъ требованій программы, с.-д. же пришлось отказаться отъ старыхъ рѣшеній и искать новыя" [1]).

Мы могли бы привести безконечное число подобныхъ торжествующихъ заявленій, но при этомъ почти не встрѣтились бы съ попыткой объективно

---

[1]) М. Якобій. „Къ аграрному вопросу", стр. I.

разобраться въ томъ, такъ ли все благополучно обстоитъ въ лагерѣ самихъ обвинителей, какъ это кажется имъ, и не измѣнили ли они кореннымъ образомъ своихъ взглядовъ подъ вліяніемъ крестьянскаго движенія послѣдняго времени?

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду остановиться на этомъ вопросѣ, причемъ совершенно оставляю въ сторонѣ к.-д. и обращаю свое вниманіе исключительно на тотъ весьма интересный съ психологической стороны вопросъ, какую деформацію претерпѣли подъ вліяніемъ „жизни“ взгляды народничества. Я не ставлю себѣ полемическихъ цѣлей. Моей задачей будетъ прослѣдить эволюцію взглядовъ идеологовъ мелкой буржуазіи подъ вліяніемъ активнаго выступленія крестьянскихъ массъ и перемѣнъ, происшедшихъ въ группировкѣ общественныхъ силъ,—иначе говоря, я желаю прослѣдить, какъ отразились измѣненія въ объективномъ ходѣ вещей въ головахъ „сознательныхъ личностей“, и какъ деформировалось подъ вліяніемъ этого обстоятельства сознаніе „творцовъ активнаго прогресса“.

I.

Народникамъ-утопистамъ не разъ приходилось становиться лицомъ къ лицу съ суровой дѣйствительностью и подвергать испытанію свою теорію самобытнаго развитія Россіи, долженствующаго якобы привести ее къ соціализму помимо капиталистической стадіи. Шагъ за шагомъ жизнь пробивала одну брешь за другой въ этой когда-то стройной теоріи. Такъ, напр., съ теченіемъ времени перестало подвергаться сомнѣнію капитализированіе городской промышленности, но земледѣлію и понынѣ приписываются еще самобытные пути эволюціи, некапиталистической, и въ русскомъ мужикѣ попрежнему многими усматривается „врожденный соціалистъ“.

Затѣмъ поблекъ энтузіазмъ къ общинѣ, „артельнымъ начинаніямъ“ и т. д., но сохранилась все-таки вѣра въ самобытныя формы хозяйственной жизни,—осталась еще увѣренность въ томъ, что путь къ соціализму лежитъ черезъ общину, артельныя хозяйства и т. д.

Факты внѣдренія буржуазныхъ тенденцій въ крестьянскую среду съ теченіемъ времени перестали оспариваться, но имъ не придавалось существеннаго значенія, такъ какъ крестьянство въ массѣ своей есть и будетъ „трудовымъ“ элементомъ, а „психологія каждаго труженика по существу соціальна“ [1]),— слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній опасаться за ближайшую эволюцію въ деревнѣ: крестьянство, незараженное собственническими инстинктами, скоро восприметъ пропаганду „сознательныхъ лич-

[1]) Е. Таг—инъ. „Принципы трудовой теоріи“, стр. 49,

ностей“ относительно „соціализаціи“ и проч. и откроетъ дорогу къ соціализму.

Въ такихъ радужныхъ краскахъ положеніе дѣла и настроеніе „трудящихся массъ“ рисуется еще и донынѣ едва ли не большей части народниковъ.

Крестьянское движеніе послѣднихъ 1-2 лѣтъ произвело новыя трещины въ зданіи народнической утопіи и заставило поколебаться самыя основы народнической догмы — вѣру въ соціалистическія чаянія русскаго мужика: по всѣмъ направленіямъ эсъ-эрства идетъ ломка прежнихъ устоевъ, совершается ревизія старыхъ взглядовъ, а не только того или другого пункта программы.

И раньше, конечно, голоса изъ деревни должны были бы наводить на невеселыя размышленія сторонниковъ „самобытныхъ путей“, и раньше они могли бы видѣть, какое исключительное мѣсто въ крестьянскомъ сознаніи занимаютъ партикуляристическіе, а не „общенародные“ интересы. Словомъ, они могли бы видѣть, если бы не закрывали глаза передъ дѣйствительностью, буржуазный характеръ идеологіи обнищавшихъ бунтарей. Но они были ослѣплены народническими предразсудками, а то обстоятельство, что движеніе до самаго послѣдняго времени не выходило изъ рамокъ единичныхъ вспышекъ, оставляло еще мѣсто для оптимистическихъ надеждъ въ указанномъ выше направленіи.

Теперь имѣется налицо опытъ широкаго крестьянскаго возстанія; крестьянство такъ или иначе возвысило свой голосъ, и въ немъ явственно зазвучали отнюдь не соціалистическія ноты.

Въ происходящихъ бунтахъ, въ этомъ стихійно-разрушительномъ движеніи изголодавшагося крестьянства, при самой пылкой фантазіи нельзя усмотрѣть ничего, кромѣ протеста противъ отживающаго крѣпостного строя, закабалившаго крестьянина и держащаго его на положеніи, граничащимъ съ полнымъ разореніемъ. „Мы хотѣли и хотимъ есть“, отвѣчали властямъ курскіе крестьяне (въ началѣ 1905 г.). Подъ этимъ лозунгомъ совершалось все погромное движеніе крестьянства за послѣднее время; при этомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе примѣшивался элементъ злобы и жажда мести „усмирителямъ“.

Крестьянское движеніе, какъ извѣстно, не ограничилось „бунтами“, этой стихійной формой протеста. Наряду съ погромами, поджогами и т. п. все сильнѣе и сильнѣе пробивалась струя сознательнаго, болѣе или менѣе организованнаго, движенія. Для насъ въ настоящее время это движеніе представляетъ интересъ лишь постольку, поскольку оно вылилось въ форму сколько-нибудь опредѣленныхъ требованій политическаго и соціальнаго характера. Богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи даютъ многочисленные приговоры, наказы, петиціи, а также резолюціи крестьянскихъ съѣздовъ.

Посмотримъ же, въ какомъ видѣ представляются чаянія бунтующихъ крестьянъ на основаніи указанныхъ выше заявленій.

Отбрасывая всѣ частности, мы можемъ свести содержаніе этихъ заявленій къ двумъ основнымъ требованіямъ: къ требованію демократизаціи политическаго строя и къ скорѣйшему осуществленію земельной реформы въ смыслѣ удовлетворенія крестьянской нужды въ землѣ.

По поводу требованій перваго рода намъ нечего особенно распространяться. Можно спорить о томъ, насколько масса населенія прониклась сознаніемъ необходимости „воли", но нельзя отрицать того, что эти требованія болѣе или менѣе удачно формулируютъ тѣ демократическія задачи, которыя выдвигаются передъ крестьянствомъ,—сознаетъ оно это въ своей массѣ или нѣтъ—безразлично.

Гораздо сложнѣе обстоитъ дѣло съ требованіемъ „земли". Вкладываютъ ли крестьяне въ него тотъ же смыслъ, что и эсъ-эры, которымъ въ каждомъ бунтующемъ мерещится соціалистъ, добивающійся „національзаціи" и „уравнительнаго землепользованія"? Достаточно поверхностнаго взгляда на крестьянскіе приговоры, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Въ этихъ заявленіяхъ наиболѣе „сознательной" части крестьянства недвусмысленно проглядываетъ буржуазный характеръ требованія „земли". Ни о національзаціи, ни о соціализаціи, ни объ уравнительномъ пользованіи въ нихъ, за единичными исключеніями, не упоминается ни слова. Лейтмотивомъ всѣхъ ихъ звучитъ одно и то же: „добывайте намъ землю", „твердо стойте за землю", „требуйте земли".

„Крестьяне страстно желаютъ получить землю, но прежде всего каждый крестьянинъ, каждая деревня — для себя... Наряду съ этимъ необходимо отмѣтить довольно *равнодушное отношеніе* крестьянскихъ массъ къ формамъ, въ какихъ онѣ могутъ получить землю". Мало того. Имѣется на-лицо и прямо враждебное отношеніе къ „уравнительному землепользованію", къ поравненію. Поэтому „представляется опаснымъ даже... давать поводъ думать, что предполагается осуществлять нѣчто подобное" [1]).

Все это говоритъ не кто иной, какъ г. Пѣшехоновъ, вчера еще, можно сказать, исповѣдывавшій догматъ о соціалистическомъ черепѣ русскаго мужика. Отказываясь отъ „поравненія", г. Пѣшехоновъ, по мнѣнію своего бывшаго товарища по партіи В. М. Чернова, вынимаетъ „душу" у народническаго „идеализма" [2]). Мы вполнѣ можемъ понять поэтому, насколько г. Чернову „больно констатировать" [3]) отказъ своего соратника отъ „души идеализма", а также признаніе г. Пѣшехонова, что крестьяне враждебно настроены къ „уравнительному землепользованію", что они лишь „желаютъ получить землю, а не отдать ее", что эсъ-эры „вынуж-

[1]) См. „Русское Богатство", 1906 г., августъ, стр. 202 и 205.
[2]—[3]) См. „Сознательная Россія", № 3, стр. 32 и 29.

дены считаться съ привитыми уже ей (крестьянской массѣ) чувствами собственности по отношенію къ надѣльнымъ землямъ" [1]).

Къ такому заключенію г. Пѣшехонова привелъ анализъ всего крестьянскаго движенія послѣдняго времени. Мы не можемъ не согласиться съ г. Пѣшехоновымъ въ этомъ взглядѣ. Соціалъ-демократія постоянно указывала, насколько народническія представленія относительно якобы соціалистическихъ стремленій крестьянской массы грѣшатъ предвзятымъ мнѣніемъ, утопизмомъ. Такую именно оцѣнку эсъ-эрства пришлось, между прочимъ, давать намъ лично на страницахъ „Образованія" [2]) не далѣе, какъ за мѣсяцъ до появленія покаянной статьи г. Пѣшехонова. Я указывалъ тамъ, что „крестьянство не задумывается надъ проектами водворенія уравнительнаго землепользованія, а тѣмъ болѣе не стремится къ соціализаціи земли". Я говорилъ также о томъ, что „уравнительныя тенденціи въ крестьянскомъ движеніи выдвигаются не въ смыслѣ урегулированія пользованія землей, а лишь въ отношеніи захвата ея".

Къ такому выводу приводятъ не только анализъ крестьянскихъ приговоровъ, но и резолюцій крестьянскихъ съѣздовъ, участники которыхъ, какъ казалось, должны были бы больше быть подвержены вліянію „сознательныхъ личностей", чѣмъ рядовые крестьяне. Мы видимъ, однако, что и тутъ о „соціализаціи" не заходитъ даже и рѣчи, такъ же, какъ и объ „уравнительномъ землепользованіи",—этихъ двухъ китахъ ортодоксальнаго эсъ-эрства. Какъ въ приговорахъ, такъ и въ резолюціяхъ съѣздовъ (исключая областного сѣвернаго, носившаго интеллигентскій—эсъ-эрскій характеръ) выдвигался „трудовой", а не „уравнительный" принципъ: землей долженъ пользоваться только тотъ, кто трудится на ней съ своей семьей, безъ наемнаго труда. При этомъ у крестьянъ существуетъ убѣжденіе, что если отобрать землю у помѣщиковъ, удѣловъ и пр., то ея съ избыткомъ хватитъ всѣмъ „трудящимся". „Сколько нужно, столько и получай", говорилъ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ делегатъ Владимірской губерніи.

Вотъ эта-то именно надежда получить при передѣлѣ помѣщичьихъ и пр. земель въ „общенародную собственность" „сколько нужно" и составляетъ основной тонъ большинства крестьянскихъ заявленій. По этому поводу г. Громанъ вполнѣ основательно замѣчаетъ: „Классъ самостоятельныхъ производителей, мелкихъ и среднихъ хозяйственныхъ мужичковъ ищетъ наиболѣе удобной и выгодной ему формы земельнаго строя, находитъ ее въ правѣ каждаго, желающаго обрабатывать землю, на пользованіе землей" [3]).

---

[1]) См. „Народно-соціалистическое обозрѣніе", № 2, стр. 15.

[2]) „Образованіе", 1906 г., № 8, стр. 16—17.

[3]) „Матеріалы къ крестьянскому вопросу", стр. 13.

Намъ придется еще дальше остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе, пока же лишь отмѣтимъ, что буржуазныя тенденціи проявлялись въ крестьянскомъ движеніи на каждомъ шагу: въ петиціяхъ, въ резолюціяхъ съѣздовъ, наконецъ, въ Думѣ, гдѣ образовалась сплоченная масса крестьянскихъ депутатовъ, пришедшихъ „не отдавать, а получать" землю и отвергнувшихъ аграрный проектъ эсъ-эровъ.

Это теченіе признаютъ теперь основнымъ и многіе народники. О мнѣніи г. Пѣшехонова я говорилъ уже выше. Послушаемъ теперь другихъ, не-значащихся въ спискахъ оппортюнистовъ. Такъ, напр., одинъ изъ анонимныхъ максималистовъ утверждаетъ, что хотя „малоземельные и безземельные крестьяне хотятъ земли, но чтобы они ясно понимали соціализацію земли такъ, какъ понимаютъ это соціалисты-революціонеры, — про большинство крестьянъ, не увлекаясь, нельзя сказать" [1]).

Въ словахъ лидера ортодоксальнаго эсъ-эрства, г. Чернова, также звучитъ сомнѣніе. По его признанію, „индивидуалистическія тенденціи... представляютъ опредѣленную опасность для судебъ крестьянскаго движенія, угрожая расколоть его на мелкія группы, расхватывающія земли въ свое исключительное достояніе — кто что себѣ достанетъ, каждый за себя, а Богъ за всѣхъ" [2]).

Наряду съ такими болѣе или менѣе осторожными оцѣнками движенія изъ среды народниковъ продолжаютъ раздаваться прежніе восторженные гимны коллективистскому черепу крестьянина. Въ противоположность г. Пѣшехонову, который полагаетъ, что крестьяне встрѣтятъ въ колья всякаго, кто вздумаетъ заикнуться о „поравненіи" надѣльныхъ земель,— г. Новоторжскій, напр., категорически настаиваетъ на томъ, что крестьяне единогласно утверждаютъ, „что надѣльныя земли надо „смѣшать", пустить „въ смѣсь", причемъ всѣми (съ кѣмъ сталкивался г. Н.) ясно сознавалась неизбѣжность и послѣдовательность такого рѣшенія". „Да и въ тысячахъ крестьянскихъ приговоровъ,—говоритъ онъ,—нигдѣ нѣтъ оговорки, что надѣльныя земли должны хотя бы временно остаться на старомъ основаніи" [3]). По словамъ г. Новоторжскаго, всѣ крестьяне—сознательные сторонники „соціализаціи".

Также и по мнѣнію максималиста Е. Таг—ина, „факты работы среди трудового крестьянства наглядно, лучше цифръ и „науки", показываютъ, съ какой жадностью впитываетъ въ себя крестьянинъ мысли объ общественной организаціи хозяйства" [4]).

---

[1]) „Прямо къ цѣли", стр. 14.

[2]) См. „Сознательная Россія", кн. III, стр. 31.

[3]) „Значеніе права на землю", стр. 12.

[4]) „Принципы трудовой теоріи", стр. 59.

Другой максималистъ полагаетъ, что „крестьяне въ своихъ приговорахъ, союзахъ, наказахъ членамъ Думы стоятъ за соціализацію земли" [1]).

По убѣжденію г. Рощина, „соціализація земли соотвѣтствуетъ основному міросозерцанію трудового крестьянства" [2]).

Мы могли бы привести немало подобныхъ противорѣчивыхъ утвержденій относительно склонности крестьянъ къ „соціализаціи", „уравнительному землепользованію" и т. д., но и указанныхъ выше, намъ думается, достаточно, чтобы видѣть, какая путаница царитъ въ умахъ народниковъ по поводу оцѣнки крестьянскаго движенія и его перспективъ. Тутъ сколько головъ, столько и рѣшеній, причемъ разногласія выходятъ изъ рамокъ фракціонныхъ группировокъ. А вѣдь это и есть основной вопросъ, это „душа идеализма" народниковъ и, если вынуть эту душу, какъ дѣлаетъ, напр., г. Пѣшехоновъ и пр., то народническая догма расползется по всѣмъ швамъ, придется признать тогда, что пресловутая община отнюдь не воспитывала въ крестьянахъ соціалистическій духъ. Мало того,—придется, какъ это и дѣлаетъ г. Пѣшехоновъ, отрясти прахъ соціалистическихъ мечтаній изъ боязни напугать крестьянина, думающаго лишь о расширенія своихъ владѣній на счетъ помѣщичьихъ земель.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что современное крестьянское движеніе ребромъ поставило передъ народниками тотъ вопросъ, который всегда задавали имъ „буржуазные" соціалъ-демократы: вопросъ о „типѣ аграрной эволюціи". То, что не могли сдѣлать доводы логики, совершили факты жизни, и часть народниковъ, продолжая упрекать соціалъ-демократовъ въ „буржуазности" [3]),—открыто повернула свой руль въ море оппортюнизма, начертавъ на своемъ знамени: защита собственническихъ инстинктовъ крестьянскихъ массъ [4]). Другая часть народниковъ еще колеблется и продолжаетъ вдыхать „душу идеализма" въ умирающую догму; наконецъ, третья часть, драпируясь въ громкія фразы, спѣшитъ „прямо къ цѣли", чтобы теперь же осуществить анархическій мѣщанскій соціализмъ.

Крестьянское движеніе, выступленіе массъ на политическую сцену, дослужило, такимъ образомъ, самымъ лучшимъ реактивомъ для разоблаченія мелкобуржуазнаго характера народническихъ утопій.

Очертивъ въ общихъ штрихахъ тѣ основныя теченія, которыя возникли въ настоящее время въ средѣ народничества, перейдемъ теперь къ болѣе подробному анализу психологическихъ элементовъ этихъ теченій.

Начнемъ съ *максималистовъ*.

---

1) „Прямо къ цѣли", стр. 3.

2) „Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р.", стр. 121.

3) См. статью Пѣшехонова въ „Трудовомъ Народѣ", № 1, стр. 10—11.

4) См. статью А. Пѣшехонова. „Русское Богатство". 1906 г., августъ, стр. 203.

II.

Пылкая фантазія народолюбивой интеллигенціи всегда была склонна опережать ходъ событій. Медленными и ненужными казались ей переходныя стадіи экономическаго развитія; ея мечты о будущемъ „справедливомъ устройствѣ общества“ питались вѣрой въ своеобразной укладъ русской деревни, въ воспитательное значеніе общины и п. т. пережитки „самобытности“.

Съ этой точки зрѣнія между капитализмомъ и соціалистическимъ строемъ не только не мыслилось преемственной связи, но усматривался даже рѣзкій антагонизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, торжественное шествіе капитализма лишь подтачиваетъ самобытныя, якобы полусоціалистическія, формы жизни,—не приближаетъ, а лишь удаляетъ моментъ наступленія соціалистической эры. Вся философія народника, поэтому, подсказывала ему, что *нужно* миновать капиталистическую стадію искупленія. Данныя для такого минованія имѣлись, по убѣжденію народника, налицо; все дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы развить сознаніе „трудящихся массъ“ и подвинуть ихъ на борьбу за соціализмъ. Въ этомъ направленіи и должна была работать „сознательная личность“, творецъ „активнаго“, а не „механическаго“ прогресса. Народникамъ-утопистамъ казалось, что достаточно воспламенить сознаніе массъ относительно несправедливости существующаго строя, достаточно даже просто вызвать стихійное возстаніе „трудящихся“, и гнилой буржуазный строй рушится, а на останкахъ его расцвѣтетъ „соціализмъ“, предпосылки для котораго заложены въ хозяйственномъ укладѣ деревни и въ психологіи крестьянина-труженика.

Въ такой атмосферѣ пышнымъ цвѣтомъ распускались „самобытныя“ формы анархизма, бунтарства и пр., и пр. Особенно богата въ этомъ отношеніи исторія 60-хъ и 70-хъ гг. Въ послѣдующее время, подъ вліяніемъ суровой дѣйствительности, оптимизмъ народниковъ поблекъ: русскій мужикъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ по части водворенія „соціализма“; предстояло поэтому еще не мало работать надъ проясненіемъ сознанія этого „природнаго соціалиста“,—и мы видимъ, что въ 80—90-ые годы анархическія и бунтарскія теоріи перестаютъ быть властителями думъ народолюбивой интеллигенціи, хотя основная философія бунтарства продолжаетъ оставаться фундаментомъ народническихъ утопій.

И вотъ теперь, когда казалось уже, что анархическая стадія, въ ея чистомъ видѣ, давно уже отошла въ область преданій, она снова рѣзко и опредѣленно всплыла на общественную сцену. Могучее революціонное движеніе послѣдняго времени подняло самую муть народнической утопіи, долго лежавшую подъ спудомъ. Возстаніе крестьянъ, котораго не удалось вызвать „сознательнымъ личностямъ“ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому

назадъ,—теперь разразилось съ небывалой стихійной силой и вскружило экспансивныя головы, продолжавшія исповѣдывать символъ вѣры „самобытности“ и возможности для Россіи миновать капиталистическую стадію развитія. Опять, какъ и 30 лѣтъ тому назадъ, раздались призывы итти „прямо къ цѣли“, въ царство „соціализма“ и отрясти прахъ „буржуазности“ отъ ногъ своихъ.

Знамя это поднято и теперь анархической вѣтвью народничества (максималистами), которая ничему не научилась, но многое позабыла за истекшее время.

Реальное значеніе максимализма,—этого перелицованнаго на современный ладъ анархическаго народничества,—само по себѣ невелико, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ для насъ мало интереса: это лишь накипь на бурномъ революціонномъ движеніи, всколыхнувшемъ самые низы населенія.

Для насъ гораздо интереснѣе разобрать указанное теченіе съ его психологической стороны и прослѣдить тѣ метаморфозы, какія претерпѣла въ данномъ случаѣ философія народничества.

Уже самое поверхностное знакомство съ максималистской философіей сразу вводитъ насъ въ кругъ идей „русской субъективной школы“. Всѣ основныя предпосылки взяты ею изъ арсенала стараго народничества и выводы изъ нихъ сдѣланы весьма послѣдовательно. Не вина максималистовъ, если они, отправляясь логическимъ путемъ отъ этихъ предпосылокъ, пришли къ абсурдному заключенію.

Вѣрные народническимъ традиціямъ, максималисты представляютъ себѣ процессъ общественнаго развитія, какъ непрестанную борьбу „личности“ за сохраненіе и развитіе своей „индивидуальности“. „Общество,—говоритъ Е. Таг—нъ,—стремится уничтожить въ немъ (въ человѣкѣ) всѣ индивидуальныя проявленія“. Достигнуть вполнѣ этой цѣли оно, однако, не можетъ, такъ какъ „этого не допуститъ вѣчная, бдительная мысль и созидающая воля человѣка“. Несмотря, такимъ образомъ, на противодѣйствіе „общества“, въ жизни совершается „прогрессъ“, который является „результатомъ дѣйствія имманентныхъ (внутренне-присущихъ) законовъ, лежащихъ въ конечномъ счетѣ въ природѣ человѣка“ [1]).

Въ центрѣ историческаго развитія находится „сознательная личность“, которая „творитъ прогрессъ“, опираясь на массы. „Роль единичныхъ личностей въ освобожденіи трудового класса огромна,—говоритъ тотъ же г. Таг—инъ,—но она не все. Борьбу рѣшаютъ массы“. Назначеніе „сознательныхъ личностей“ заключается въ томъ, чтобы подавать „примѣры борьбы“ и развивать такимъ образомъ „не только сознаніе, но и волю и настроеніе массъ“ [2]). Развитію объективныхъ факторовъ,—

[1]) Е. Таг—инъ. „Принципы трудовой теоріи“, стр. 11.
[2]) Е. Таг—инъ. „Принципы трудовой теоріи“, стр. 73—74 и 18.

производительныхъ силъ, техникѣ, максималисты придаютъ, конечно, самое второстепенное значеніе, потому что, „если бы даже техника оставалась болѣе или менѣе на одномъ уровнѣ, сознаніе общности и однородности людей все равно просачивалось бы въ массы, только значительно медленнѣе“ [1]).

Итакъ, рано или поздно, но независимо отъ степени хозяйственнаго развитія страны, происходитъ „возмущеніе сознательныхъ силъ“. Въ этомъ, по мнѣнію максималистовъ, и заключается смыслъ всякой революціи. Историческій процессъ мыслится ими, какъ постепенное накапливаніе „сознательности“, какъ развертываніе имманентныхъ силъ, заложенныхъ въ природѣ человѣка. На извѣстной стадіи этого накапливанія совершается „возмущеніе сознательныхъ силъ“, прогрессъ совершается усиленнымъ темпомъ, иначе говоря, наступаетъ революція [2]).

Въ сущности, такая конструкція „прогресса“ обща всѣмъ оттѣнкамъ народничества [3]), разница заключается только въ томъ, что одни приписываютъ больше, другіе меньше значенія объективнымъ факторамъ, какъ тормазу историческаго процесса [4]).

Чтобы наглядно демонстрировать различіе этихъ оттѣнковъ, возьмемъ, напр., вопросъ объ оцѣнкѣ текущаго момента различными теченіями народнической мысли.

Исходя изъ субъективныхъ предпосылокъ, народники убѣждены въ томъ, что

Россію аршиномъ общимъ не измѣрить;
. . . .
Въ Россію надо вѣрить.

---

[1]) Свѣтловъ. „Задачи грядущаго“, стр. 9.

[2]) По мнѣнію максималистовъ, теперь наступилъ моментъ соціальной революціи; теперь, благодаря извѣстному накопленію сознательности, „надежды (народниковъ) на то, что революціоннымъ путемъ удастся круто поворотить развитіе нашей земледѣльческой страны на путь развитія трудового, а не буржуазнаго хозяйства, начинаютъ осуществляться“ (См. „Протоколы 1-го съѣзда партіи с.-р.“, стр. 110).

[3]) Л. Шишко. „По программнымъ вопросамъ“, стр. 33 и 108.

[4]) Интересныя пренія о роли „экономическаго фактора“ и „сознательной личности“ въ историческомъ процессѣ возникли на первомъ съѣздѣ с.-р. Часть делегатовъ съѣзда рѣзко нападала на выработанный бюро проектъ *введенія* къ программѣ. Въ немъ она усматривала „явно матеріалистическій характеръ, какъ результатъ вліянія марксизма“ (Рѣчь г. Павлова, см. стр. 101 „Протоколовъ“). Авторамъ проекта пришлось оправдываться и клясться въ непричастности къ марксистской ереси и въ вѣрности народнической догмѣ. *Г. Тучкинъ* полагалъ, что хотя въ проектѣ экономическіе факторы занимаютъ видное мѣсто, но, если посмотрѣть въ корень дѣла, то общаго у марксистовъ съ этимъ проектомъ ничего не окажется — имѣется лишь общая „терминологія“ (стр. 136).— Въ результатѣ съѣздъ постановилъ „рѣзче подчеркнуть этическое обоснованіе соціалистическаго идеала“ (стр. 241).

И народники „вѣрятъ", что Россіи суждено пріобщиться къ соціализму не въ примѣръ прочимъ странамъ, вслѣдствіе „самобытныхъ началъ". Такъ, напр., одинъ изъ правовѣрныхъ эсъ-эровъ, г. Л. Шишко, полагаетъ, что „соціалистическій переворотъ... не можетъ быть обоснованъ научно исключительно изъ условій успѣшнаго и безпрепятственнаго развитія капиталистическаго способа производства". Даже наоборотъ, „сила сопротивленія, встрѣчаемая рабочимъ движеніемъ со стороны буржуазіи въ *слабо промышленныхъ* странахъ, пропорціонально гораздо меньше, чѣмъ въ странахъ развитого капитализма". Иначе говоря, „слабо-промышленныя страны" (читай: Россія) должны открыть путь къ соціализму.

Такого же мнѣнія держатся минималисты и максималисты народничества. Разница между ними заключается лишь въ оцѣнкѣ момента; весь вопросъ сводится къ тому: настало для Россіи такое время или еще нѣтъ, когда крестьянство должно проявить, наконецъ, свою „самобытность" и шагнуть въ царство „соціализма". Одни рѣшаютъ этотъ вопросъ положительно, другіе отрицательно. Къ числу первыхъ принадлежатъ, между прочимъ, максималисты.

По мнѣнію максималистовъ, въ Россіи имѣются всѣ данныя налицо для того, чтобы теперь же совершилась соціальная революція. Доводы ихъ таковы:

Во-первыхъ,—и это самое главное,—„стремленіе народа покончить съ гнуснымъ старымъ существованіемъ и водворить новую (?) жизнь" стало „неодолимымъ импульсомъ, надъ которымъ уже самъ народъ не властенъ" [1]).

„Весь народъ,—говоритъ г. Энгельгардтъ,—сверху до низу охваченъ революціоннымъ процессомъ", „недовольство и мятежный духъ проникаютъ даже въ такую среду, какъ дворники, монастырскіе послушники, духовенство, городовые и, наконецъ, казаки" [2]). Такія эпохи, какъ настоящая, характеризуются „поразительно быстрымъ ростомъ революціоннаго настроенія и почти молніеноснымъ распространеніемъ революціонныхъ идей" [3]). Особенно слѣдуетъ имѣть въ виду, что почва для воспріятія этихъ идей подготовлена всѣмъ „самобытнымъ" прошлымъ Россіи, что „психологическія предпосылки для перехода къ болѣе совершенному человѣческому общежитію безусловно назрѣли" [4]).

Эта „новая жизнь" и „болѣе совершенное человѣческое общежитіе", подлежащія немедленному водворенію,—суть соціалистическій строй. „Кто считаетъ русскій народъ способнымъ къ творчеству,—обращается г. Энгель-

---

1) М. Энгельгардтъ. „Задачи момента". стр. 10.
2) Тамъ же, стр. 12.
3) Тамъ же, стр. 13.
4) А. Свѣтловъ, стр. 15.

гардтъ съ упрекомъ къ эсъ-эрамъ,—а въ то же время утверждаетъ, что наша революція будетъ буржуазной... тотъ впадаетъ въ глубочайшее противорѣчіе съ самимъ собой". Творчество русскаго народа *должно* проявиться въ созданіи теперь же соціалистическаго строя" [1]).

Во-вторыхъ, хотя „буржуазный строй безусловно изжилъ все свое духовное содержаніе", но „сила и организованность буржуазіи могутъ легко вырасти до непобѣдимости, и тогда уже будетъ поздно" [2]). Настоящій моментъ, слѣдовательно, является наиболѣе благопріятнымъ для осуществленія соціальной революціи.

Въ-третьихъ, русскій народъ не имѣетъ „упованія на представительныя учрежденія". А это-то именно „упованіе" и „излишняя довѣрчивость" къ представительнымъ учрежденіямъ „весьма серьезно вредятъ пролетаріату на Западѣ" въ его борьбѣ за соціализмъ [3]).

Наконецъ, *въ-четвертыхъ*, „случайное играетъ въ высшей степени важную роль въ исторіи революціи... роль и вліяніе отдѣльныхъ лицъ здѣсь также велики [4])".

Принимая во вниманіе всѣ эти „самобытности" и „случайности", максималисты полагаютъ, что „по матеріальнымъ и инымъ условіямъ она (соціальная революція) уже и теперь осуществима" [5]). „Соотношеніе силъ въ настоящій моментъ въ Россіи и въ Западной Европѣ,—говоритъ г. Таг—инъ,—таково, что задачей дня является... созданіе новаго трудового царства". Также и по мнѣнію г. С. Максимова, въ наличности имѣются всѣ данныя для того, чтобы ставить „своей практической задачей немедленный соціальный переворотъ" (см. „Сущность максимализма", стр. 6). Особенно подготовлена къ рѣшенію этой задачи, какъ мы уже знаемъ изъ заявленій максималистовъ, Россія, такъ какъ въ ней „соціалистическое сознаніе сдѣлалось господствующимъ и руководящимъ въ борьбѣ", и такъ какъ въ ней имѣется налицо кадръ „соціалистической интеллигенціи, богатой опытомъ другихъ странъ" [6]).

И какъ вы думаете, почему „соціалистическое сознаніе" сдѣлалось вдругъ господствующимъ въ Россіи, когда, по признанію самого же г. Таг—ина, развитіе классоваго самосознанія задерживалось здѣсь „тысячелѣтнимъ плѣненіемъ во тьмѣ невѣжества, предразсудковъ и т. п." [7]). Для объясненія этого выдвигается слѣдующій доводъ: въ такіе

---

[1]) Энгельгардтъ, стр. 19.

[2]) Е. Таг—инъ. „Принципы трудовой теоріи", стр. 93.

[3]) Е. Таг—инъ. „Принципы трудовой теоріи", стр. 76.

[4]) Ib., стр. 81, а также „Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р.", стр. 146 и 248 (слова Базарова).

[5]) Ib., стр. 76.

[6]) Ib., стр. 75.

[7]) Ib., стр. 49.

бурные періоды, какъ настоящій, быстро наростаетъ „воля и настроеніе“ массъ, живущихъ „въ крайне однообразной средѣ“ [1]).

Итакъ, вотъ гдѣ корень всей русской „самобытности“ и предрасположенія мужика къ „соціализму“. Старая знакомая теорія! Она хорошо извѣстна читателю со временъ Н. К. Михайловскаго. Теперь понадобилось снова вытянуть на свѣтъ Божій залежавшуюся теорію эпидемичности распространенія идей, „психической заразы,“—на почвѣ „крайняго однообразія среды“. Само собой разумѣется, что тутъ открывается широкій просторъ для „сознательныхъ личностей“ (героевъ) воспитывать „волю, сознаніе и настроеніе“ толпы,—главное, настроеніе,—культурный уровень которой не высокъ и индивидуумы которой живутъ въ отупляюще-однообразныхъ условіяхъ.

Эта вѣра въ возможность, при нѣкоторыхъ усиліяхъ со стороны „сознательныхъ личностей“, перердить психологію, поднять настроеніе „общества“, толпы, и составляетъ гвоздь всей пылкой философіи максималистовъ. Всѣ ихъ надежды питаются, въ сущности, разсчетомъ на „психическую заразу“, которая, авось, охватитъ массы, пришедшія въ броженіе въ настоящую революціонную эпоху. А такъ какъ „психологія каждаго труженика, въ сущности, соціалистична“ [2]), то отсюда остается лишь одинъ шагъ до признанія „соціальной революціи задачей текущаго момента“. И, дѣйствительно, мы видимъ, какую огромную роль въ максималистскихъ настроеніяхъ играетъ эта увѣренность въ томъ, что „сознательной личности“ удастся вызвать взрывъ *стихійнаго* возстанія „толпы“. „Сознательное“ воздѣйствіе личности и „стихійная“ реакція со стороны толпы,—вотъ альфа и омега реставрированной максималистами теоріи „героевъ и толпы“, или, какъ говоритъ г. Таг—инъ, „теоріи массовыхъ увлеченій при наличности подходящей почвы“ [3]) въ видѣ „крайняго однообразія среды“.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что оцѣнка роли „сознательной личности“ у максималистовъ нѣсколько иная, чѣмъ у др. теченій народничества. Въ „сознательной личности“ максималистъ цѣнитъ прежде всего „застрѣльщика революціонно-соціалистической борьбы“. Всему складу души его противна фигура „обывателя-интеллигента“, играющаго въ общественномъ движеніи лишь „роль сводника“ между буржуазіей и „трудовыми элементами“. „Образованное общество,—говоритъ г. Таг—инъ,—плохая опора въ борьбѣ за соціализмъ... Для него всего важнѣе правовое равенство, а не экономическое“. Поэтому „око и око имѣйте за этимъ классомъ, рабочіе!“, призываетъ г. Таг—инъ [4]).

---

[1]) Ib. стр. 83.

[2]) Е. Таг—инъ, стр. 62.

[3]) Ib. стр. 95.

[4]) См. стр. 96.

Къ этому весьма понятному протесту революціоннаго чувства противъ „обывательско-интеллигентскаго“ руководительства у максималистовъ примѣшиваются специфическія ноты демагогіи анархическаго пошиба. „Дѣло борьбы трудового класса должно находиться цѣликомъ въ рукахъ трудящихся,—заявляетъ тотъ же г. Таг—инъ,—остальные могутъ лишь помогать, но не управлять. Поэтому мы за лишеніе всѣхъ нетрудовыхъ элементовъ въ организаціи права рѣшающаго голоса... Они могутъ имѣть лишь совѣщательный голосъ. Чуждые труду, эти элементы слишкомъ легко склонны смотрѣть на него только, какъ на силу, и нерѣдко очень мало считаются съ его интересами“ [1]).

Народничество вѣчно отмахивалось отъ того, чтобы подойти къ понятію „интеллигенція“ съ классовой точки зрѣнія. Еще недавно, напр., изъ авторитетныхъ круговъ заявлялось, что „соціалисты-революціонеры никогда... не соглашались разсматривать интеллигенцію, какъ классовый межеумокъ, или даже какъ извѣстный наростъ или придатокъ буржуазнаго общества... чѣмъ дальше, тѣмъ все больше проникающійся его идеологіей“. Теперь, по крайней мѣрѣ, часть народниковъ (напр., максималисты) отрѣшилась отъ этого взгляда и сопричислила интеллигенцію къ разряду „классоваго межеумка“. Но, витая въ области субъективныхъ построеній, максималисты не сумѣли избѣгнуть демагогіи самаго низкаго калибра, и ихъ отрицательное отношеніе къ „интеллигенціи“, составляющей „наростъ“ у буржуазіи, перенеслось на всѣ „нетрудовые“ элементы безъ исключенія.

Рѣзче всего анархическая подкладка максималистской философіи сказалась, однако, не въ этомъ, а въ вопросѣ объ отношеніи къ политической борьбѣ. Мы говорили уже, что по мнѣнію максималистовъ задачей текущаго момента является осуществленіе соціальной революціи. По условіямъ даннаго момента, говорятъ они, это вполнѣ разрѣшимая для Россіи задача. Каковъ тотъ „соціализмъ“, къ которому должна привести „соціальная революція“ максималистовъ,— это вопросъ иной, и мы разсмотримъ его дальше; а пока для насъ важно лишь отмѣтить, что максималисты видятъ въ происходящемъ на нашихъ глазахъ движеніи „соціальную революцію“ и съ негодованіемъ отвергаютъ всякую мысль о томъ, что совершается „буржуазная революція“. А разъ это такъ, разъ дѣло идетъ о захватѣ „трудящимися“ въ свои руки всѣхъ средствъ производства, то причемъ тутъ „политическая борьба“, борьба за какія-то тамъ свободы? Это дѣло нетрудовыхъ элементовъ; „осуществленіе демократическихъ реформъ должны брать не соціалистическія партіи, а демократическія (русскіе радикалы, к.-д., лѣвые к.-д. и имъ подобные). Для соціалистовъ же добиваться политической свободы—значитъ „брать

[1]) См. стр. 95.

на себя чужую миссію", такъ какъ всякій соціалистъ, по мнѣнію г. Таг—ина, долженъ быть „убѣжденъ въ осуществимости соціализма теперь же" [1]). Кто не имѣетъ такой вѣры, тотъ не соціалистъ.

Изъ такого отрицательнаго отношенія къ политической борьбѣ вообще вытекаетъ также отрицательное отношеніе къ парламентской формѣ ея [2]). Мы видѣли уже, что, по мнѣнію максималиста г. Свѣтлова, западно-европейскому пролетаріату много вредитъ „излишняя довѣренность и упованіе на представительныя учрежденія" [3]). Эта „довѣрчивость" мѣшаетъ пролетаріату ринуться въ бой, „прямо къ цѣли", за соціализмъ. Ослабляя боевую энергію массъ, парламентаризмъ, съ другой стороны, не даетъ имъ практическихъ выгодъ. По крайней мѣрѣ „въ Западной Европѣ, гдѣ парламентаризмъ существуетъ много лѣтъ.... онъ ничего еще не далъ" рабочимъ [4]). „Представительныя учрежденія... лишь разряжаютъ отмосферу революціонной ненависти и злобы, культивируютъ въ массакъ мѣщански-консервативную психологію" (Максимовъ, стр. 7 и 13).

У насъ же, въ Россіи, „при значительномъ преобладаніи сельскаго населенія, еще меньше чѣмъ на Западѣ, рабочіе сумѣютъ провести свою программу-минимумъ" [5]). Ближайшимъ лозунгомъ момента должно быть выставлено поэтому требованіе не буржуазной, „демократической республики", а „республики трудовой" [6]): немедленно же „вся власть, вся земля, всѣ фабрики, заводы, рудники,—все, что служитъ въ рукахъ частныхъ лицъ источникомъ порабощенія, должно перейти въ руки всего трудящагося народа для общаго пользованія, для общаго блага".

Итакъ, вотъ ближайшая цѣль соціалистовъ, цѣль, осуществимая теперь же,—это „трудовая республика". Программа же минимумъ, кромѣ своего характера „соглашенія" съ буржуазіей, еще вдобавокъ и труднѣе осуществима, чѣмъ программа-максимумъ. Въ этомъ порукой опытъ Западной Европы, гдѣ рабочіе не умѣютъ „провести свою программу-минимумъ", и „самобытный" характеръ русской жизни.

Посмотримъ теперь, что представляетъ изъ себя „соціализмъ" максималистовъ.

Не кто другой, какъ именно народники, показали, насколько разнообразный смыслъ можно вкладывать въ это понятіе. Это разнообразіе вполнѣ согласуется въ субъективизмомъ народнической философіи.

Оставаясь вѣрными этой философіи, максималисты трактуютъ соціализмъ, какъ „теорію наиболѣе справедливаго общественнаго устройства,

---

[1]) См. „Принципы трудовой теоріи", стр. 93—94.
[2]) См. С. Максимовъ. „Сущность максимализма", стр. 7.
[3]) См. Свѣтловъ, стр. 12.
[4]) См. „Принципы трудовой теоріи", стр. 88.
[5]) „Прямо кѣ цѣли", стр. 13.
[6]) Ib., стр. 16—5.

которое наиболѣе справедливо воплощаетъ въ себѣ интересы трудовой личности" [1]).

Все дѣло тутъ заключается въ „справедливости", „формы же соціализма могутъ быть различны". Такъ, напр., „соціализмъ мыслимъ, какъ артельное хозяйство" и какъ „кооперація сложнаго сотрудничества". „Интересный опытъ соціализма въ формѣ коопераціи простого сотрудничества,—говоритъ г. Таг—инъ,—мы видимъ у духоборовъ-земледѣльцевъ" въ Канадѣ [2]).

Въ этихъ немногихъ словахъ выпукло очерченъ тотъ „соціализмъ", какой значится въ *максимальной* программѣ народниковъ-анархистовъ. Послѣ вышеуказаннаго заявленія мы вовсе не должны удивляться заявленію г. Таг—ина, что возможно „ввести соціализмъ въ одной коммунѣ, не вводя его въ то же время въ другихъ". Весь вопросъ заключается въ томъ, „достаточно ли у коммуны силъ для противодѣйствія, чтобы отстоять себя". Осуществить этотъ коммунальный соціализмъ (соціалистическій строй) возможно, „если врагъ достаточно дезорганизованъ". Вѣдь ввели же „соціализмъ", по мнѣнію г. Таг—ина, канадскіе духоборы, — такъ почему же нельзя ввести его въ нѣсколькихъ волостяхъ, напр., царевококшайскаго уѣзда [3])? Вѣдь для огражденія отъ внѣшняго „врага" можно пустить въ ходъ „временно ...пошлины". Максималисты и заявляютъ, что они „будутъ стоять за нихъ, за пошлины" [4]). А дезорганизовать „врага" возможно путемъ „примѣрныхъ" покушеній на царевококшайскаго околоточнаго!

Мелкобуржуазный, анархическій характеръ „соціализма" максималистовъ выступаетъ въ этомъ прожектерствѣ очень ярко. За громкими словами скромно ютятся проекты тмутараканскихъ „трудовыхъ республикъ", планы артелей „трудовыхъ личностей" и т. п. хламъ, приходящійся сродни старымъ народническимъ утопіямъ. Въ этомъ отношеніи максималисты только послѣдовательнѣе и откровеннѣе доводятъ до конца свою мысль, чѣмъ правовѣрные эсъ-эры и минималисты народно-соціалистической партіи, стремленіе которыхъ причудливо связать „соціализмъ" съ „самобытными" формами русской жизни—въ видѣ общины, артелей и пр. — носитъ на себѣ такую же печать мѣщанскаго прожектерства.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ: за революціонной фразой у максималистовъ скрывается самая

---

1) См. „Принципы трудовой теоріи", стр. 51.

2) Ib., стр. 52.

3) По мнѣнію максималиста Горецкаго (см. „Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р.", стр. 116), соціальная революція начнется съ востока. Мы должны предвидѣть, говорилъ онъ, „что на Уралѣ... захватъ фабрикъ и заводовъ будетъ почти всеобщимъ".

4) Ib. стр. 85—86.

мирная мѣщанская утопія артельнаго „соціализма“ въ деревнѣ (да и то не обязательно повсюду; можно ограничиться пока что „мѣстнымъ соціализмомъ“) и „сложнаго сотрудничества“ въ городахъ.

Программу-минимумъ (а она у нихъ почти та же, что и у эсъ-эровъ) максималисты не выставляютъ лишь потому, что боятся, какъ бы „толпа“ не соблазнилась „сдѣлкой съ буржуазіей“. Такая „сдѣлка“ лишь „усыпитъ“ рабочихъ. „Урѣзавъ свои требованія,—говоритъ одинъ изъ максималистовъ,— рабочіе своими собственными руками погубятъ свое дѣло и, проливъ кровь свою, для себя не получатъ ничего,—ни 8-часового рабочаго дня, ни прочихъ благъ, обѣщанныхъ въ программѣ-минимумъ с.-д. и с.-р., за исключеніемъ, конечно, политической „свободы“, и то, можетъ быть, значительно урѣзанной“ [1]).

Какимъ-то торгашескимъ духомъ вѣетъ отъ этой мѣщанской философіи! Нужно запрашивать больше, тогда больше и дадутъ, причемъ въ роли маклера выступаетъ „сознательная личность“, которая прячетъ отъ непросвѣщенной черни свою минимальную программу, да и врагамъ не подаетъ виду, что въ крайнемъ случаѣ „максималисты не откажутся и отъ куцой конституціи, если не окажется силъ для захвата большаго“ [2]). Какъ будто бы успѣхъ борьбы зависитъ отъ маклерства „героевъ“, а не отъ того или иного соотношенія силъ борющихся классовъ! Спрашивается, къ чему понадобилось городить весь огородъ?

Не проще ли было бы сказать такъ: мы, максималисты, возлагаемъ всѣ свои надежды на стихійный бунтъ толпы. Попытаемся же бросить въ массы огонь „молніеносныхъ идей“, спрячемъ отъ нихъ истину относительно того, что полнота побѣды опредѣляется извѣстнымъ соотношеніемъ силъ и т. д. Авось, удастся такимъ путемъ перешагнуть прямо въ царство соціализма, миновавъ всякія „политическія свободы“, „демократическія республики“ и пр., и пр.

А не удастся,—унывать не приходится: вѣдь максималисты не откажутся отъ куцой конституціи, не потребуютъ возвращенія къ временамъ царя Гороха. А „куцая конституція“—все-таки шагъ къ „трудовой республикѣ“, хотя она и знаменуетъ „сдѣлку“ буржуазіи съ пролетаріатомъ“!

Такъ, по крайней мѣрѣ, была бы яснѣе выражена идея максимализма, этого „программнаго импрессіонизма“, какъ удачно замѣтилъ г. Вадимовъ [3]), чѣмъ всѣми мнимо-революціонными фразами объ осуществленіи „соціализма“ теперь же.

Анализъ философскихъ построеній и психологическихъ предпосылокъ максимализма хорошо показалъ намъ, съ кѣмъ въ данномъ случаѣ мы

---

1) „Прямо къ цѣли“, стр. 12.

2) См. Таг—инъ, стр. 91.

3) См. „Сознательная Россія“, вып. I, стр. 34.

имѣемъ дѣло [1]). Въ научномъ арсеналѣ максималистовъ помѣщаются всѣ киты народничества: тутъ и активный прогрессъ, и борьба сознательной личности съ обществомъ за свою индивидуальность; имѣются также чернь и толпа; превозносится на словахъ „сознательность", а на дѣлѣ—грубое преклоненіе передъ стихійностью [2]), подчиненіе „самобытному" развитію. Имѣется также общинный и артельный „соціализмъ" и т. д.

Основа, какъ видимъ, та же, что и у народниковъ. Разница заключается лишь въ томъ, что у максималистовъ всѣ эти построенія носятъ болѣе импрессіонистскій характеръ и поэтому рѣзче бросаются въ глаза мѣщанскія черты народнической идеологіи, идеологіи „трудовой личности".

Максималистамъ вскружило голову быстрое развитіе революціоннаго движенія, — вскружило настолько, что они злоупотребили народнической манерой объективировать свои симпатіи и настроенія.

Марксъ какъ-то сказалъ, что всѣ великія всемірно-историческія событія и личности повторяются дважды: въ первый разъ они фигурируютъ въ трагическомъ видѣ, а второй — въ комическомъ. Это справедливо и относительно максималистовъ, утрировавшихъ до смѣшного и доведшихъ до абсурда предпосылки стараго народничества съ его отрицательнымъ

[1]) О тактикѣ максималистовъ намъ нѣтъ надобности много распространяться: она всецѣло вытекаетъ изъ той оцѣнки, какая дается ими „сознательной личности" въ ходѣ историческаго процесса. „Сознательная личность" должна создавать „настроеніе", своимъ примѣромъ, борьбой и т. д. Все зависитъ въ концѣ концовъ отъ этихъ „героевъ, такъ какъ „ростъ самосознанія (массъ) *цѣликомъ* обусловленъ личными усиліями творцовъ мысли, пропагандистовъ идей, возбудителей и координаторовъ воли, дѣйствующихъ на объективной почвѣ интересовъ класса" (См. г. Таг—инъ, стр. 43). Естественно, поэтому, что въ глазахъ максималистовъ особое значеніе пріобрѣтаетъ „партизанская война" (Таг—инъ, стр. 96), имѣющая цѣлью устрашить „наиболѣе видныхъ эксплоататаровъ (стр. 96) и осуществить „принудительную частную экспропріацію средствъ производства въ общую собственность" (стр. 17).

Затѣмъ, подобно анархистамъ-синдикалистамъ, максималисты придаютъ особенное значеніе пропагандѣ идеи всеобщей экономической стачки (см. Максимовъ, стр. 14).

Не малое значеніе придаютъ максималисты также разработкѣ плановъ будущаго устройства. „Не мѣшало бы готовиться къ этой работѣ теперь же,—говоритъ г. Энгельгардтъ,—составляя планы техническаго осуществленія новой общественной организаціи" (См. „Задачи момента", стр. 22).

[2]) Одинъ изъ максималистовъ, г. Базаровъ, говорилъ, напр., на первомъ съѣздѣ партіи с.-р.: „Въ революціонный моментъ народныя массы взволнованы до самыхъ низовъ... Революціонеры должны дорожить такими моментами, такъ какъ только тогда бываетъ возможно радикальное разрѣшеніе назрѣвшихъ общественныхъ вопросовъ,—въ другое время массы легко идутъ на компромиссы, удовлетворяясь половинчатыми уступками" (См. „Протоколы", стр. 329).

отношеніемъ къ политической борьбѣ и пристрастіемъ къ самобытному „соціализму“ [1]).

Старое народничество, кромѣ того, не было проникнуто демагогіей (объ отдѣльныхъ личностяхъ этого направленія рѣчь, конечно, не идетъ), и въ этомъ отношеніи оно выгодно отличается отъ максимализма, имѣющаго самое тѣсное соприкосновеніе съ вульгарнымъ анархизмомъ, съ этимъ, какъ извѣстно, тоже въ значительной степени „самобытнымъ“ явленіемъ русской жизни.

Оставимъ теперь на время импрессіонистовъ народничества и обратимся къ оппортюнистическому крылу его, къ „народнымъ соціалистамъ“.

III.

Съ психологической стороны типъ „народнаго соціалиста“ не менѣе интересенъ, кѣмъ типъ народника-импрессіониста. Помимо того, народники-соціалисты имѣютъ много данныхъ стать выразителями интересовъ значительныхъ слоевъ крестьянскаго населенія, по крайней мѣрѣ тогда, когда спадетъ революціонная волна и когда будутъ отброшены революціонныя декораціи мелкобуржуазной идеологіи, а на сцену выступитъ реальная политика мелкихъ собственниковъ, обезпечившихъ себя землей подъ флагомъ „трудового“ принципа. Это обстоятельство заставляетъ насъ остановиться нѣсколько подробнѣе на „оппортюнистическомъ“ теченіи въ народнической средѣ.

Было время, когда догматъ о внѣклассовомъ характерѣ интеллигенціи, особенно русской интеллигенціи, считался въ народническихъ кругахъ не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію. Это было то время, когда въ русской дѣйствительности отсутствовало разнообразіе классовыхъ группировокъ, когда на фонѣ общественности фигурировали главнымъ образомъ два элемента: „баринъ“ и „мужикъ“. Усложненіе жизни, увеличеніе силы и значенія др. классовъ (капиталистовъ рабочихъ и т. д.), словомъ, усложненіе классовыхъ группировокъ—не могло не отразиться и на разслоеніи интеллигенціи.

Затѣмъ, послѣднее время усиленное развитіе революціоннаго движенія провело еще болѣе рѣзкія грани въ когда-то однородной, по представленію народниковъ, средѣ интеллигентовъ. Мы были свидѣтелями послѣдніе годы массоваго перехода „народолюбивой“ интеллигенціи въ станъ либеральной буржуазіи, идеологами и руководителями которой становились эти вчерашніе народники.

Процессъ этотъ—во всемъ его объемѣ—представляетъ крупный интересъ съ психологической стороны, но всестороннее изслѣдованіе его выхо-

[1]) Напоминаемъ, что рѣчь въ данномъ случаѣ касается лишь *теоретическихъ* основъ максимализма.

дить изъ предѣловъ нашей задачи. Мы попытаемся лишь освѣтить уголокъ этого великаго передвиженія интеллигенціи снизу вверхъ, или, какъ принято говорить, справа налѣво; именно,—мы оставимъ въ сторонѣ эволюцію обывательскаго народничества и перейдемъ къ разсмотрѣнію деформаціи „революціонно-соціалистической интеллигенціи".

Мы видѣли, какъ максималисты прячутъ подъ сукно всю минимальную программу эсъ-эровъ, полагая, что теперь совершается уже соціальная революція или что таковую можно вызвать въ ближайшемъ будущемъ.

Принципіально противъ минимальной программы они ничего не имѣютъ, но признаютъ возможнымъ выставлять ее лишь въ „мирное время", такъ какъ „указаніе пути, по которому происходитъ дѣйствительное сокращеніе размѣровъ эксплоатаціи... очень плодотворно". Но сейчасъ не такое время, говорятъ максималисты, чтобы выступать съ минимальными требованіями. Діаметрально противоположная оцѣнка текущаго момента дается другимъ крыломъ народничества, лидерами народно-соціалистической партіи. „Герои" максималисты считаютъ опаснымъ выставлять передъ „толпой" свои минимальныя требованія, „герои" же минималисты полагаютъ, что они не должны даже „давать поводъ думать" толпѣ, что ими предполагается, хотя и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ „нѣчто подобное" всеобщему поравненію, соціализаціи земли и т. д. [1]). Передъ массами опасно въ настоящее время фигурировать даже и съ нѣкоторыми пунктами минимальной программы (напр., съ идеей демократической республики, замѣны постоянной арміи милиціей, съ безвозмезднымъ отчужденіемъ помѣщичьихъ земель и пр.). „Толпа" не пойметъ этихъ требованій и, испугавшись, перейдетъ на сторону реакціи. Въ общемъ итогѣ, такимъ образомъ, „требованіе демократической республики, напр.,—говоритъ г. Рождественскій,—въ русскихъ условіяхъ отдаляетъ партію отъ жизненной работы" [2]).

Г. Пѣшехоновъ, произведя цѣлый рядъ подобныхъ самоурѣзываній, утѣшается тѣмъ, что „программы-минимумъ (с.-р. и с.-д.) разсчитаны, въ сущности, на длительный и даже очень длинный періодъ". Отсюда, т. е. изъ невозможности одновременнаго немедленнаго осуществленія требованій минимальной программы, г. Пѣшехоновъ какимъ-то образомъ приходитъ къ заключенію, что „герои", „сознательныя личности" должны скрывать отъ „толпы" свое credo и выступать лишь съ *платформой*, разсчитанной на самое „ближайшее время" [3]).

„Мы желали бы,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—перенести въ платформу основныя... положенія нашей программы: вся воля и вся земля всему на-

---

[1]) См. статью Пѣшехонова. „Русское Богатство". 1906 г. августъ, стр. 205.

[2]) См. „Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р.", стр. 93.

[3]) „Русское Богатство", стр. 196 и 195.

роду... Дѣло, однако, не въ нашихъ желаніяхъ только, но и въ возможностяхъ" [1]).

Каковы же тѣ соображенія, которыя заставляютъ „сознательную личность" г. Пѣшехонова отказаться отъ проясненія сознанія „толпы" относительно максимальной и большей доли минимальной программы? Къ этому его побудили два обстоятельства: во-первыхъ, опасеніе не получать ничего, если будешь требовать слишкомъ много, и во-вторыхъ, убѣжденіе, что русскій мужикъ ни о какой соціализаціи не думаетъ, объ уравнительномъ землепользованіи не мечтаетъ и объ эсъ-эрскихъ утопіяхъ слышать не хочетъ. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводятся доводы г. Пѣшехонова противъ выставленія въ данный моментъ широкихъ программныхъ требованій.

„Русская революція,—говоритъ онъ,—представляетъ, въ сущности, неопредѣленную задачу...; въ ней двѣ искомыхъ величины, но одно уравненіе". Искомыя величины суть—„вся земля и вся воля всему народу", а извѣстные (?) члены уравненія—это участвующія въ революціи силы. И вотъ спрашивается, если требовать много воли (одно неизвѣстное), то не останешься ли безъ земли (другое неизвѣстное), и наоборотъ. Пѣшехоновъ разрѣшаетъ этотъ глубокомысленный вопросъ въ положительномъ смыслѣ [2]). По его выходитъ такъ: требуй меньше земли, тогда больше получишь воли, и обратно. Такимъ образомъ, „неопредѣленная задача" революціи приведена софизмами г. Пѣшехонова къ одному вполнѣ опредѣленному рѣшенію: требуй меньше, и ты получишь тогда, въ воздаяніе твоей скромности, больше. Будь умѣренъ въ своихъ желаніяхъ, и добродѣтель твоя возваградится сторицей. Ты получишь землю за выкупъ (это ариѳметическое значеніе алгебраической величины: вся земля всему народу), получишь куцую конституцію вмѣсто всей воли (это другая подстановка опредѣленнаго рѣшенія).

Другой доводъ г. Пѣшехонова въ пользу урѣзанія программы эсъ-эровъ („на практикѣ", конечно, а не въ теоріи) болѣе убѣдителенъ и звучитъ нѣсколько трагично. Въ немъ слышится нота разочарованія въ соціалистическомъ черепѣ крестьянина, этого „природнаго соціалиста",—подвергаются сомнѣнію народническія иллюзіи на счетъ провиденціальнаго назначенія общины и т. д. „Крестьяне страстно желаютъ получить землю, но прежде всего каждый крестьянинъ, каждая деревня—для себя" [3]).

Развѣ легко было народнику во всеуслышаніе покаяться въ своемъ изначальномъ грѣхѣ? Г. Пѣшехоновъ, надо отдать ему справедливость, на-

[1]) Ib., стр. 194.

[2]) Ib., стр. 193.

[3]) Ib., стр., 202. Подобное настроеніе крестьянъ съ прискорбіемъ констатировалъ на съѣздѣ с.-р. г. Пашинъ. Онъ призналъ, что у крестьянъ-общинниковъ „уже развито чувство собственности" и поэтому „захваченную (у помѣщиковъ) землю они не будутъ склонны отдать въ народное обладаніе" (см. „Протоколы", стр. 184).

мелъ въ себѣ мужество не покривить душой. Послушаемъ же его исповѣдь дальше.

„Наряду съ этимъ необходимо отмѣтить,—говоритъ онъ,—довольно равнодушное отношеніе крестьянской массы къ формамъ, въ какихъ она можетъ получить землю... Самый переходъ земли рисуется при этомъ, какъ переходъ отъ нетрудящихся къ трудящимся.“ Собственническіе инстинкты настолько укрѣпились въ сознаніи крестьянъ, что г. Пѣшехонову представляется „даже опаснымъ возбудить вопросъ о перераспредѣленіи земли между трудящимися“.

Не правда ли, такое откровенное признаніе дѣлаетъ честь еще вчерашнему стороннику „поравненія“, „уравнительнаго землепользованія“ и т. п. утопій, находящему въ себѣ мужество прямо посмотрѣть дѣйствительности въ глаза. А эта дѣйствительность, какъ мы уже говорили, такова, что даже правовѣрные народники, которые вчера еще со всей энергіей настаивали на томъ, что русскіе мужики спятъ и видятъ, какъ бы подѣлить промежъ себя, уравнительно, по ѣдокамъ землю,—даже эти народники впали въ меланхолическій тонъ. Такъ, напр., г. В. Черновъ выражаетъ серьезное опасеніе за судьбы крестьянскаго движенія, въ виду того, что въ крестьянствѣ существуютъ сильныя „индивидуалистическія тенденціи“ [1]).

Крестьянство не хочетъ воспринять идею „соціализаціи земли“, „уравнительнаго землепользованія“ и т. п. жупелы интеллигентскаго прожектерства. Какъ же должна реагировать на это „сознательная личность“,—приспособиться или бороться съ косностью толпы? Первый путь избрала народно-соціалистическая партія, по второму пошли правовѣрные эсъ-эры или, какъ говоритъ лидеръ ихъ г. В. Черновъ, „интегралисты“. Цѣли у насъ однѣ и тѣ же, но пути различные: г. Пѣшехоновъ и его народно-соціалистическіе товарищи хотятъ итти къ „соціализму“ „размѣреннымъ шагомъ“ [2]), лѣвые же народники разсчитываютъ, по выраженію г. Пѣшехонова, сдѣлать скачокъ въ царство „соціализма“. Ни для тѣхъ, ни для другихъ не существуетъ, въ конечномъ счетѣ, необходимости въ экономическихъ предпосылкахъ для соціалистическаго строя.

Посмотримъ же, куда ведутъ оппортюнистовъ народничества ихъ „размѣренные шаги“: въ царство ли соціализма, или въ объятія буржуазіи? Ближайшіе „размѣренные шаги“ народно-соціалистической партіи таковы: *во-первыхъ*, она отказывается пропагандировать идею конфискаціи земли и предпочитаетъ ей... въ данный моментъ выкупъ „трудовыми элементами“ помѣстій и вотчинъ „нетрудовыхъ“; *во-вторыхъ*, она отказывается не только пропагандировать, но даже „давать поводъ думать предполагать“,

---

[1]) „Сознательная Россія“, вып. III, стр. 31.

[2]) „Трудовой Народъ“, вып. I, стр. 11.

что въ ея максимальной программѣ значится „уравнительное землепользованіе“, „соціализація“ и т. д.

Нельзя заикаться даже о томъ, что „въ конечномъ счетѣ“ надѣльныя земли пойдутъ въ общій передѣлъ, „поравненіе“; теперешнее status quo— неодинаковое обезпеченіе „трудовыхъ хозяйствъ“—должно быть сохранено. *Въ-третьихъ*, народно-соціалистическая партія отказывается проводить лозунги: демократической республики, замѣны постоянной арміи народной милиціей и т. д.

Перекидывая первый мостъ для „размѣреннаго“ шествія, т. е. высказываясь противъ конфискаціи помѣщичьихъ земель, за выкупъ ихъ, г. Пѣшехоновъ полагаетъ, прежде всего, что самый „вопросъ о выкупѣ не можетъ считаться для крестьянской массы достаточно уясненнымъ“, и поэтому-то онъ, г. Пѣшехоновъ, считаетъ *опаснымъ* звать массы *къ конфискаціи*. Съ другой стороны, оказывается, что *конфискація* помѣщичьихъ земель будетъ даже и *не въ интересахъ* пропаганды соціалистическихъ идей, т. е. *приближенія къ соціализму*. Путь къ нему лежитъ черезъ выкупъ латифундій „трудовымъ народомъ“ [1]).

Въ доказательство этого категорическаго утвержденія г. Пѣшехоновъ ссылается на весьма осторожныя слова Каутскаго, относящіяся къ тому же не къ періоду „буржуазной революціи“, а къ моменту „экспропріаціи экспропріаторовъ“. Приводимые Каутскимъ доводы за то, что *„пролетарскій режимъ* постарается избрать путь выкупа, т. е. вознагражденіе капиталистовъ и землевладѣльцевъ за отходящую отъ нихъ собственность“ [2]),— совершенно отпадаютъ въ данномъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ отобраніи земель у *крупныхъ* владѣльцевъ крестьянской бѣднотой, огромной массой населенія. При этомъ, конечно, пострадали бы нѣкоторые мелкіе собственники, вложившіе свои капиталы въ закладныя земельныхъ банковъ, но объ оппозиціи этихъ элементовъ едва ли приходится заботиться, когда рѣчь идетъ о ликвидаціи всего стараго режима, о борьбѣ съ реакціей феодальныхъ круговъ. Конфискація *крупнаго* землевладѣнія есть въ данномъ случаѣ, вопреки утвержденію г. Пѣшехонова, наиболѣе прямой путь къ ликвидаціи этого режима. Интересно отмѣтить, между прочимъ, что въ недавно вышедшей брошюрѣ Каутскаго („Движущія силы и перспектива русской революціи“, стр. 20) категорически утверждается, что „конфискація крупной земельной собственности (въ Россіи) неизбѣжна, если хотятъ дѣйствительно помочь крестьянамъ“. Какъ видимъ, г. Пѣшехоновъ слишкомъ поспѣшилъ опереться на авторитетъ Каутскаго въ своей защитѣ выкупа земли.

Далѣе г. Пѣшехоновъ надѣется, что выкупъ земли сыграетъ роль троянскаго коня: благодаря ему, крестьянамъ будетъ легче воспринять идею

---

1) См. „Н.-с. обозрѣніе“, № 2, стр. 15.

2) К. Каутскій „Соціальный переворотъ“. Изд. „Молота“, стр. 15—16.

„соціализаціи“ земли [1]), а буржуазія, растроганная великодушіемъ плебса, дастъ ему компенсацію въ области „правовъ“. Вѣдь, по словамъ г. Пѣшехонова, между требованіями земли и воли существуетъ „жизненное противорѣчіе“: чѣмъ больше дадутъ одного, тѣмъ меньше отпустятъ другого [2]).

Для г. Пѣшехонова кажутся неубѣдительными доводы его недавнихъ товарищей по партіи—гг. Чернова, Грея, Вадимова и др., которые полагаютъ, что „выкупъ противорѣчитъ идеѣ обобществленія земли при господствѣ трудовыхъ хозяйствъ“ [3]). „Проповѣдь выкупа—говоритъ г. Черновъ,—есть косвенная проповѣдь уваженія къ земельнымъ правамъ землевладѣльца, въ то время, какъ именно отсутствіе такого уваженія и взглядъ на частныхъ собственниковъ, какъ на узурпаторовъ земли, долженъ во что бы то ни стало поддерживаться и логически развиваться нашей программой“ [4]).

Такую же позицію заняли указанныя два теченія и въ остальныхъ отмѣченныхъ выше вопросахъ: „уравнительнаго землепользованія“, „соціализаціи“ и пр. *Минималисты* выдвигаютъ на первый планъ практическія соображенія и защищаютъ лишь „ближайше осуществимый“ минимумъ, отводя остальнымъ требованіямъ роль „уходящей въ даль перспективы“. *Интегралисты* же, согласно заявленію г. Чернова, поддерживаютъ „цѣлостную и единую концепцію, равно далекую и отъ фантастическаго прыжка прямо въ соціалистическій элизіумъ однихъ, и отъ урѣзанія программы примѣнительно къ балансу силъ другихъ“ [5]).

„Наша программа-минимумъ,—говоритъ другой „интегралистъ“ г. Вадимовъ,—строится не на зыбкой почвѣ постоянно измѣняющагося соотношенія силъ... Наша минимальная программа совершенно не зависитъ отъ того, въ какой моментъ намъ приходится дѣйствовать: въ моментъ революціи или затишья, и какими средствами: мирными или революціонными—намъ приходится ее осуществлять“ [6]).

Тактику минималистовъ „приспособляться“ къ колеблящемуся соотношенію силъ подвергъ рѣзкому и заслуженному бичеванію г. Черновъ въ своей статьѣ: „О народно-соціалистической партіи“ [7]). Онъ хорошо показалъ тамъ, что гг. Пѣшехоновы, идя „размѣреннымъ шагомъ“ по пути приспособленія, потеряли всякіе принципіальные критеріи и придали программѣ („платформѣ“) гибкость тактики, поступились „программной опредѣленностью въ угоду тактической гибкости“ [8]).

Это смѣшеніе *платформы* и *тактики* является чрезвычайно ха-

---

1) См. „Народ.-соц. обозрѣніе“, № 2, стр. 12.

2) См. „Русское Богатство“ 1906 г., августъ, стр. 194.

3) И. Грей. „Рабочій вопросъ и земельная реформа“, стр. 77.

4) См. „Вопросъ о выкупѣ“, стр. 13—14.

5) „Сознательная Россія“, № 3, стр. 19.

6) Тоже, № 1, стр. 32—33.

7—8) Тоже, № 3, стр. 14 и др.

рактернымъ для народно-соціалистической партіи. Приспосабливаясь къ колеблющемуся соотношенію силъ, народные соціалисты не дѣлаютъ различія между программой и тактикой; по ихъ мнѣнію, „программа намѣчаетъ... важнѣйшія принципіальныя основы тактики" [1]).

Признаться сказать, мы не можемъ проникнуться глубокимъ смысломъ этого заявленія лидера народно-соціалистической партіи. Тактика, какъ норма поведенія партіи, должна, конечно, находиться въ соотвѣтствіи съ ея программой, но *намѣчается* тактика обычно не программой, а сравнительной оцѣнкой борющихся силъ. Рѣчь идетъ вѣдь о тактикѣ въ данный моментъ, а не о тактикѣ вообще.

Подвергая рѣзкой критикѣ оппортюнизмъ гг. Пѣшехоновыхъ, интегралисты не затронули совсѣмъ одинъ, наиболѣе существенный, вопросъ; а именно: чѣмъ вызванъ этотъ „оппортюнизмъ", это приспособленіе? А въ этомъ вѣдь и заключается вся суть.

Мы уже видѣли, какъ факты крестьянскаго движенія и большее знакомство съ психологіей крестьянина привели народныхъ соціалистовъ къ пессимистическому выводу относительно склонности „трудящихся массъ" къ восприятію соціалистическихъ идей. Дѣло пропаганды „соціализма" въ деревнѣ кажется г. Пѣшехонову до того безнадежнымъ, что онъ призываетъ строить зданіе будущаго „справедливаго устройства"... на собственническомъ инстинктѣ крестьянской массы. Крестьянство, говоритъ онъ, боится поравненія, каждый добивается земли только для себя, и народные соціалисты должны „считаться съ привитыми уже ей (массѣ) чувствами собственности по отношенію къ надѣльнымъ землямъ" [2]). Крестьянство до сихъ поръ только и жило, по увѣренію народниковъ, тѣмъ убѣжденіемъ, что „земля ничья, божья", а тутъ вдругъ оказывается, что крестьяне еще „не уяснили себѣ": нужно ли конфисковать помѣщичьи земли, или платить за нихъ выкупъ.

И вотъ, „этотъ камень, приготовленный для насъ жизнью, мы должны положить во главу угла нашей платформы" [3]). Надо признаться, интересную работу беретъ на себя н.-с. партія, когда хочетъ построить на фундаментѣ собственнническихъ инстинктовъ крестьянина зданіе соціализма!

Противъ приспособленія зданія соціализма къ „камнямъ", приготовленнымъ жизнью, и ратуютъ интегралисты.

Пусть такъ, говорятъ они: пусть мужику непонятна наша „соціализація" и т. п.; пусть въ крестьянствѣ сильны „собственническія тенденціи",— но мы *должны* высоко нести знамя „соціализаціи", *должны* сохранить душу народническаго идеализма—требованіе „поравненія" земли. „Мы должны", но можемъ ли мы, даетъ ли намъ жизнь какія-либо данныя

---

1) См. статью В. Мякотина въ „Н.-с. обозрѣніи", № 1, стр. 7—8.
2) См. „Народно-соціалистическое обозрѣніе", № 2, стр. 15.
3) См. „Русское Богатство" 1906 г., августъ, стр. 203.

итти съ успѣхомъ въ этомъ направленіи, не сведется ли вся наша работа къ донкихотству, къ отстаиванью принципа, отвергаемаго жизнью? Вотъ надъ чѣмъ должны были бы задуматься интегралисты; а между тѣмъ, нападая на минималистовъ, они очень и очень осторожно обходятъ этотъ вопросъ. Мы не сомнѣваемся, что жизнь рано или поздно поставитъ передъ гг. интегралистами этотъ вопросъ еще острѣе, еще рѣзче и категоричнѣе потребуетъ отъ нихъ отвѣта и заставитъ подвергнуть испытанію всю философію „сознательной личности“, народническіе взгляды о самобытныхъ формахъ развитія и т. д. Будутъ ли они тогда по-донкихотски сражаться за сохраненіе народническихъ традицій, или же откровенно повернутъ въ сторону „собственническихъ инстинктовъ“ массы, откажутся отъ тумана соціалистической фразеологіи и явятся въ своемъ настоящемъ обличьи защитниковъ интересовъ крестьянской буржуазіи,—это покажетъ намъ будущее.

Въ заключеніе этой главы я хочу отмѣтить одно интересное обстоятельство. Минималисты-народники, „отступая въ порядкѣ“ „размѣреннымъ шагомъ“ съ одной позиціи на другую въ области аграрныхъ и общеполитическихъ требованій,—продолжаютъ обстрѣливать соціалъ-демократію за ея „буржуазныя“ тенденціи. Оппортюнисты съ головы до ногъ, отказавшись отъ всей почти своей программы по земельному вопросу, чтобы подладиться подъ „соотношеніе силъ“ и не испугать буржуазію и деревенскихъ кулаковъ, минималисты, въ лицѣ г. Пѣшехонова, заявляютъ, что ихъ программа „не только въ конечномъ пунктѣ, но и на всемъ пути... по отношенію къ существующему строю революціонна“... „Въ этомъ отношеніи,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—заключается главное отличіе ея отъ программы соціалъ-демократической партіи“, такъ какъ въ с.-д. программѣ-минимумъ не найдется ни одного требованія, „которое было бы принципіально непріемлемо для буржуазіи“ [1]).

Интересно было бы знать, кого думаетъ увѣрить г. Пѣшехоновъ, что н.-с. „партія намѣрена итти прямо къ своей конечной цѣли“. По мнѣнію максималистовъ, они также идутъ къ цѣли „прямо“. Очевидно, „*прямо* къ цѣли“ можно итти различными путями и, вопреки геометрической аксіомѣ, между двумя точками можно провести нѣсколько „прямыхъ“: и дѣйствительно, г. Пѣшехоновъ проводитъ нѣсколько „прямыхъ“ изъ одной точки (текущаго момента) въ другую („соціализація“ и пр.). Одна изъ этихъ „прямыхъ“ идетъ въ плоскости рабочаго вопроса, другая— аграрнаго вопроса (черезъ выкупъ латифундій), и, наконецъ, третья „прямая“ проводится черезъ куцую конституцію къ „трудовой республикѣ“.

---

[1]) См. „Трудовой Народъ“, № 1, стр. 11 и 13, а также „Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р.“, стр. 113.

Всякая революціонная партія, незараженная оппортюнизмомъ, проводитъ въ программныхъ вопросахъ лишь одну прямую линію, хотя *сила можетъ заставить* ее иной разъ сбиться на кривую—отказаться отъ немедленнаго проведенія того или иного пункта минимальной программы. Но подъ вліяніемъ силы отказываться отъ программныхъ требованій вообще, безъ относительной возможности проведенія его въ данный моментъ, могутъ лишь оппортюнисты.

Не болѣе, какъ смѣшными, кажутся слова г. Пѣшехонова, гордо возвѣщающаго,—послѣ сдѣланнаго оппортюнистскаго скачка,—что „нужна не компромисская, а принципіальная партія; не ощупью должна искать она дорогу,—ея путь съ самаго начала и до конца долженъ быть ясенъ“ [1]).

Нелѣпо было бы ловить г. Пѣшехонова въ противорѣчіяхъ: настолько они очевидны сами по себѣ. Мы позволимъ себѣ указать лишь еще одно изъ нихъ, отмѣчающее собой новую эволюцію теоріи героевъ и толпы. „Партія,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—должна итти по пути, который съ самаго начала и до конца долженъ быть ясенъ“. Это вѣрно. Но къ чему же тогда скрывать отъ массы требованіе демократической республики, и соціализація земли, и уравнительности земли и проч. и проч.;—почему „опасно даже давать поводъ думать, что предполагается осуществить нѣчто подобное“ [2])? Выходитъ такъ, что въ „партіи“ г. Пѣшехонова имѣются два отдѣленія: одно для массъ, которымъ „опасно давать поводъ думать“, и другое—для „сознательныхъ личностей“, для которыхъ все „съ самаго начала и до конца должно быть ясно“.

Вотъ это-то дѣленіе „партіи“ на два департамента—для героевъ и для простого народа—и породило, между прочимъ, вполнѣ законный протестъ максималистовъ противъ этого интеллигентскаго дирижерства, которое толкаетъ массы „размѣреннымъ шагомъ“ въ объятія буржуазіи.

IV.

Оппортюнизмъ „народныхъ соціалистовъ“ пришелся по душѣ многимъ „безпартійнымъ интеллигентамъ, которыхъ давно уже тяготила „прямолинейность и догматичность“ лѣвыхъ [3]). Теперь народно-соціалистическая партія дала имъ „платформу“, въ достаточной мѣрѣ гибкую, на которой они могутъ съ спокойной совѣстью продѣлывать разнообразныя передвиженія „размѣреннымъ шагомъ“, не считаясь съ какой-то тамъ максимальной программой, отъ которой всегда, какъ извѣстно, вѣетъ „прямолинейностью и догматичностью“.

[1]) Тамъ же, № 2, стр. 15.

[2]) См. „Русское Богатство“, 1906 г., августъ, стр. 205.

[3]) М. Туганъ-Барановскій. „Націонализація земли“, стр. 152.

Такихъ прозелитовъ новой партіи не будетъ тревожить то обстоятельство, что народно-соціалистическіе лидеры таятъ гдѣ-то въ глубинѣ своей народнической совѣсти эсъ-эровскую программу: вѣдь они имѣютъ ее лишь про себя и считаютъ „опаснымъ даже давать поводъ думать", что скрывается у нихъ на душѣ.

Эта таинственность накидываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ покровъ яко бы „принципіальности" хотя бы... въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ." Послушаемъ, напр., что говоритъ г. Туганъ-Барановскій. По его мнѣнію, программа с.-р., „чтобы стать жизненной, должна быть введена въ рамки *возможнаго* и осуществимаго, должна быть приспособлена къ реальнымъ условіямъ момента" [1]). Онъ цѣнитъ эсъ-эровскую программу лишь постольку, постольку она „вѣрно намѣчаетъ то *общее направленіе*, ту руководящую цѣль, которую неизбѣжно должна поставить себѣ великая земельная реформа, предстоящая Россіи".

Развѣ не то же почти слово въ слово говоритъ г. Пѣшехоновъ, развѣ не пытается этотъ лидеръ народническаго оппортюнизма убѣдить читателей въ томъ, что „дѣло... не въ нашихъ желаніяхъ только, но и *въ возможностяхъ*", и поэтому онъ предлагаетъ отказаться пока-что отъ выставленія требованія уравнительнаго землепользованія, конфискаціи помѣщичьихъ земель, демократической республики и т. д.

По мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго, предстоящая „великая реформа" должна совершиться лишь „въ направленіи уравнительности", причемъ сама „уравнительность эта по необходимости будетъ весьма и весьма неполной и несовершенной". Такъ же, какъ и Пѣшехоновъ, Туганъ-Барановскій ратуетъ за выкупъ помѣщичьихъ земель. Онъ полагаетъ даже, что при конфискаціи „земля обойдется крестьянину дороже, чѣмъ при выкупѣ ея обычнымъ капиталистическимъ способомъ" [2]).

Г. Пѣшехоновъ пока еще не идетъ такъ далеко „въ направленіи" приспособленія: онъ считаетъ лишь, какъ мы видѣли, что нужно меньше запрашивать въ земельномъ вопросѣ для того, чтобы больше получить политической свободы.

Въ общемъ, и „бывшіе марксисты" гг. Туганъ-Барановскіе и бывшіе столпы народничества гг. Пѣшехоновы быстро, совсѣмъ уже не „размѣреннымъ шагомъ", идутъ въ одномъ направленіи: они спѣшатъ, *отъ имени* „трудящихся массъ", „трудового народа", вступить въ сдѣлку съ буржуазіей, жаждущей умиротворенія и опасающейся расширенія рамокъ революціоннаго движенія.

Послѣ долгихъ скитаній „сознательная личность" народника-интеллигента обрѣла, наконецъ, свое тихое пристанище. Она выступаетъ теперь уже не въ роли борца, подающаго примѣръ массамъ, заражающаго ихъ своимъ

[1]) Тамъ же.

[2]) См. М. Туганъ-Барановскій, стр. 164.

идеализмомъ. Нѣтъ, она мирно и скромно начинаетъ взвѣшивать, сколько слѣдуетъ запросить „воли", чтобы буржуазные классы согласились уступить столько-то „земли", конечно, за выкупъ. Она скромно удаляется въ кабинетъ, чтобы рѣшать „неопредѣленную задачу" революціи,—а затѣмъ выйдетъ на политическую биржу и представитъ свои выкладки буржуазіи, которая изъ уваженія къ умѣренности маклера отпуститъ массамъ извѣстную дозу воли и земли.

„Сознательная личность" находится теперь на пути полнаго ликвидированія народническихъ утопій,—практическіе шаги ею уже сдѣланы, она вступила въ область „реальной политики".

Не однихъ, однако, разочарованныхъ въ революціонности крестьянъ интеллигентовъ привлечетъ народно-соціалистическая партія въ свои ряды. Когда схлынетъ подъемъ революціоннаго возбужденія въ деревнѣ и когда самый острый земельный голодъ обнищавшаго населенія будетъ удовлетворенъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстныя въ неопредѣленной задачѣ получатъ еще меньшую величину,—тогда н.-с. партія водрузитъ свое знамя среди хозяйственныхъ мужичковъ, приходившихъ уже въ первую Государственную Думу „получить землю, а не отдать ее", не пустить въ общій передѣлъ ради какихъ-то тамъ народническихъ утопій.

Отказываясь отъ проведенія принципа „уравнительнаго землепользованія" и подставляя на мѣсто его „трудовой" принципъ, н.-с. спѣшатъ учесть вліяніе именно этого класса. Вѣдь ему принадлежитъ будущее, съ его вкусами и желаніями больше всего должны считаться народные соціалисты!

Въ лицѣ „Трудовой Группы" первой Государственной Думы мы имѣли уже прообразъ этой грядущей сельской демократіи. Не въ угоду ли ей гг. Пѣшехоновы поспѣшили пойти „въ направленіи" отказа отъ старыхъ народническихъ традицій и вынули, по выраженію г. Чернова, „душу народническаго идеализма", отказались отъ всеобщаго поравненія?

Пусть гг. Пѣшехоновы продолжаютъ увѣрять своихъ читателей, что соціалъ-демократія воспѣваетъ силу „кулака", что „капитализмъ является для нея богомъ, на котораго она молится". Они никого уже не введутъ этимъ въ заблужденіе; читатель легко разберется въ томъ, кому навстрѣчу идутъ полнымъ ходомъ народные соціалисты, спѣшно сжигающіе то, чему они вчера еще поклонялись!

Подведемъ теперь нѣкоторые итоги слишкомъ затянувшейся статьѣ.

Мы видѣли, что русское народничество переживаетъ въ настоящее время глубокій кризисъ. Поставленные лицомъ къ лицу съ усложнившейся дѣйствительностью, народники начинаютъ теперь, наконецъ, отказываться отъ нѣкоторыхъ утопій.

Часть народниковъ отказалась отъ проектовъ насажденія „соціализаціи“, „уравнительнаго землепользованія“ и, идя навстрѣчу крѣпнущей буржуазной демократіи, спѣшитъ подвести идеологическій фундаментъ подъ буржуазныя требованія этихъ мелкихъ собственниковъ, которые не хотятъ и слышать о „поравненіи“ и т. п. утопіяхъ. Пройдетъ немного времени, и мы будемъ свидѣтелями того, какъ эта часть интеллигенціи окончательно станетъ во главѣ мелкой крестьянской буржуазіи, отбросивъ въ сторону революціонныя и соціалистическія фразы. Таковы *минималисты*. Другая часть „сознательныхъ личностей“ — *максималисты* — восприняла у стараго народничества его бунтарскія стремленія и, окрасивъ ихъ еще больше интеллигентскимъ анархизмомъ, — спѣшитъ использовать моментъ. Пользуясь всколыхнувшимъ самые низы революціоннымъ движеніемъ, эти рыцари безъ страха и упрека и... безъ логики, но съ большимъ темпераментомъ, надѣются провести контрабандой свои утопіи, представляющія воплощеніе мѣщанской обособленности и ограниченности. Дни этого „импрессіонистскаго“ народничества сочтены.

Наконецъ, остается еще одно промежуточное теченіе народничества,— именно *интегралисты*, правовѣрные эсъ-эры. Ихъ догма о соціалистическомъ черепѣ русскаго мужика, о самобытныхъ путяхъ развитія Россіи поставлена теперь на карту ходомъ событій, разоблачившихъ окончательно классовую расчлененность крестьянскихъ массъ и буржуазную психологію „трудовыхъ“ крестьянъ.

Вся философія правовѣрнаго народничества покоится на вѣрѣ въ „самобытные пути“ и т. п. предразсудки. Жизнь рѣзко и безпощадно разрушаетъ эти иллюзіи, но хранители священнаго огня народническихъ утопій все еще пытаются сопротивляться, все еще настаиваютъ на томъ, что гора должна подойти къ Магомету, а не наоборотъ. Такимъ образомъ, то, что не въ состояніи были сдѣлать доводы марксистовъ, этихъ „доктринеровъ“, ничего якобы не смыслящихъ въ жизни русской деревни, то сдѣлало само крестьянское движеніе: оно окончательно подрываетъ сказку о соціалистическихъ чаяніяхъ мужика, о провиденціальномъ назначеніи общины и т. п. „Догма“ оказалась болѣе вѣрнымъ руководителемъ, чѣмъ вѣра въ „самобытный укладъ“ русской деревни“.

Б. Веселовскій.

О суррогатѣ государственной росписи.

Болѣе сорока лѣтъ, изъ года въ годъ, перваго января опубликовывалась во всеобщее свѣдѣніе роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. Этотъ обычай былъ впервые нарушенъ 1-го января 1907 года, когда вмѣсто государственной росписи появился въ печати документъ, скромно озаглавленный: „отъ министерства финансовъ“. Этотъ документъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, а потому онъ со всѣхъ сторонъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Правительство, почему-то скрывшееся за спиной министерства финансовъ, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что государственная роспись доходовъ и расходовъ появится только тогда, когда соберется народное представительство и утвердитъ государственный бюджетъ. Государственная Дума, какъ извѣстно, соберется 20-го февраля. Предположимъ, что 21-го февраля она откроетъ свои дѣловыя засѣданія и сразу же перейдетъ къ изученію и обсужденію государственной росписи. Если вторую Думу не постигнетъ злая участь первой, то можно предполагать, что обсужденіе и окончательное утвержденіе государственной росписи послѣдуетъ приблизительно къ іюлю мѣсяцу. До іюля, слѣдовательно, въ теченіе полугода, правительство будетъ расходовать казенныя деньги на тѣхъ основаніяхъ, о которыхъ оно говоритъ въ документѣ со скромнымъ заголовкомъ: „отъ министерства финансовъ“.

Правительство заявляетъ, что, опираясь на законъ, оно будетъ тратить въ мѣсяцъ одну двѣнадцатую часть годовой суммы бюджета по росписи 1906 года. Одна двѣнадцатая бюджета 1906 года это—168 милл. руб. Нужно замѣтить, что правительству довольно трудно будетъ соблюсти имъ же самимъ сочиненный законъ о послѣдовательномъ ежемѣсячномъ расходованіи $^1/_{12}$ годового бюджета въ теченіе шести мѣсяцевъ, вплоть до момента утвержденія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ народнымъ представительствомъ и послѣдующими инстанціями. Дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности ежемѣсячные расходы государства никогда не представляютъ изъ себя величины, равной одной двѣнадцатой части годового бюджета государства. Въ 1906 году въ январѣ мѣсяцѣ прави-

тельствомъ было израсходовано 224 милл. руб., въ февралѣ—135 милл., въ мартѣ—190 милл., въ апрѣлѣ—153 милл. и т. д., а одна двѣнадцатая часть государственнаго бюджета въ 1906 году, какъ мы говорили, составляла 168 милл. руб. Но предположимъ, что правительство, изъ-за „уваженія къ закону", побѣдитъ солидныя техническія затрудненія и препятствія и до момента утвержденія государственной росписи 1907 года будетъ тратить въ теченіе перваго полугодія текущаго года ни больше, ни меньше, какъ по 168 милл. руб. въ мѣсяцъ. Помножая 168 милл. руб. на 6, получимъ сумму въ 908 милл. руб., которые и будутъ истрачены правительствомъ въ текущемъ году до момента утвержденія росписи. 908 милліоновъ—почти половина государственнаго бюджета, и эта половина будетъ истрачена на тѣхъ основаніяхъ, которыя оглашены въ документѣ, носящемъ названіе: „отъ министерства финансовъ". Такъ важенъ этотъ документъ, явившійся на свѣтъ 1-го января 1907 года въ качествѣ временнаго суррогата государственной росписи...

Роспись прошлаго года, существованіе которой неожиданно продолжено до іюля 1907 года, заключала въ себѣ слѣдующее мѣсто: „Высочайшими манифестами 6-го августа и 17-го октября 1905 года населенію Имперіи даровано право участія черезъ своихъ выборныхъ въ обсужденіи финансовыхъ смѣтъ и росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Представляемая Вашему Императорскому Величеству роспись доходовъ и расходовъ на 1906 годъ является поэтому послѣднею, разсмотрѣнною въ прежнемъ порядкѣ, безъ участія выборныхъ отъ населенія".

Какъ бы отвѣчая на это всенародное заявленіе, оффиціальный документъ 1907 года—„отъ министерства финансовъ"—говоритъ слѣдующее: „Нормальный порядокъ разсмотрѣнія росписи на 1907 годъ и установленные для этого сроки не могли быть, однако, соблюдены за воспослѣдовавшими по Высочайшему указу 8-го іюля 1906 года роспускомъ Государственной Думы и отсрочкою занятій государственнаго совѣта до 20-го февраля 1907 г. *За отсутствіемъ законодательныхъ учрежденій* (курсивъ нашъ) роспись доходовъ и расходовъ не можетъ быть разсмотрѣна и утверждена въ установленномъ порядкѣ къ вышеуказаннымъ срокамъ, а, слѣдовательно, и не можетъ быть опубликована въ обычное время—въ первый день наступающаго года".

Въ настоящее время у насъ, въ Россіи, наряду съ другими „урегулированіями" дарованныхъ свободъ и „конституціонныхъ правъ" появилось и обширное по своимъ размѣрамъ „урегулированіе" бюджетнаго права, „октроированнаго" народному представительству. Къ области этого „урегулированія" относятся: „рядъ статей изъ апрѣльскихъ „основныхъ законовъ", манифестъ съ приложеніями отъ 20-го февраля 1906 года „о измѣненіи учрежденія государственнаго совѣта и о пересмотрѣ учрежденія Государственной Думы", бюджетныя правила 8-го марта 1906 года, указъ

28-го марта 1906 года „о компетенціи и составѣ комитета финансовъ“.

При такомъ обиліи „регулирующихъ“ законовъ, превратившихъ бюджетное право въ бюджетное безправіе, казалось, легко можно найти соотвѣтствующую статью закона, которая разрѣшаетъ опредѣленный конкретный случай: какъ поступать съ государственными доходами и расходами въ томъ случаѣ, когда „законодательныя учрежденія отсутствуютъ“? Что и кто уполномочиваетъ при такихъ условіяхъ правительственную и административную власть собирать государственные доходы и производить государственные расходы?

Обстановка даннаго случая очень конкретна и опредѣленна: законъ предписываетъ въ осенніе и зимніе мѣсяцы каждаго года представить на утвержденіе законодательныхъ учрежденій государственную роспись доходовъ и расходовъ. Указъ 8-го іюля прошлаго года создалъ другое конкретное и опредѣленное условіе для даннаго случая, названное въ документѣ 1-го января 1907 г. „отсутствіемъ законодательныхъ учрежденій“. Слѣдовательно, для опредѣленныхъ и конкретныхъ условій, совершенно не поддающихся ни распространительной, ни суживающей интерпретаціи, долженъ быть точный отвѣтъ въ бюджетныхъ законахъ, которыхъ, къ сожалѣнію, такъ много появилось за послѣднее время. Этотъ отвѣтъ долженъ быть точнымъ выводомъ для всѣхъ данныхъ посылокъ.

Если читатель возьметъ на себя трудъ внимательно перечитать всѣ новые бюджетные законы, ведущіе свою родословную отъ манифеста 17-го октября, то онъ не найдетъ тамъ ни одной строчки, которая отвѣчала бы прямо и ясно на поставленный выше вопросъ: что уполномочиваетъ исполнительную власть собирать государственные доходы и расходовать собранныя деньги въ томъ случаѣ, если государственная роспись не могла быть утверждена вслѣдствіе „отсутствія законодательныхъ учрежденій“? Странно, но это—неоспоримый и несомнѣнный фактъ.

Изучая русскіе бюджетные законы, невольно поражаешься той изобрѣтательности и изворотливости бюрократическихъ авторовъ нашего многословнаго законодательства, съ какими сочинены эти законы. Пущены въ оборотъ всѣ ухищренія для того, чтобы всячески обезвредить бюджетное право въ рукахъ терпимаго народнаго представительства. Послѣ всѣхъ этихъ ограниченій отъ бюджетнаго права Государственной Думы, собственно говоря, ровно ничего не остается, кромѣ затяжной формальности: такъ ревниво, тщательно и предусмотрительно россійская бюрократія оберегаетъ свое наслѣдственное право безконтрольнаго и самовольнаго распоряженія колоссальнымъ государственнымъ бюджетомъ. При той скрупулезной и мелочной предусмотрительности, съ какою законодательствующая бюрократія обрѣзывала рядомъ послѣднихъ законовъ бюджетныя права народнаго представительства, фактъ умолчанія закона о способахъ разрѣшенія вышеуказан-

наго конкретнаго случая на первый взглядъ становится прямо-таки поразительнымъ. Въ чемъ же, въ действительности, дело? Чемъ объясняется это краснорѣчивое молчаніе „основныхъ“ и всякихъ иныхъ законовъ по поводу такого конкретнаго случая, который былъ созданъ тогда, когда нашему „конституціонализму“ было безъ году недѣля?

Дѣло объясняется очень просто: въ бюджетныхъ законахъ есть точныя указанія относительно тѣхъ сроковъ, когда народное представительство ежегодно должно обсуждать и утверждать государственную роспись. Это—октябрь и ноябрь мѣсяцы. Но въ „основныхъ законахъ“ есть статья 105-ая, согласно которой Государственная Дума можетъ быть распущена въ любое время. Слѣдовательно, это любое время можетъ упасть на ноябрь мѣсяцъ. Такъ и случилось въ 1906 году. Оставалось ввести еще одинъ законъ, по которому государственная роспись, „вслѣдствіе отсутствія законодательныхъ учрежденій“ въ октябрѣ—ноябрѣ, должна слѣдовать такимъ-то и такимъ порядкомъ. Тогда „законность“ несомнѣнно восторжествовала. Но ввести такую статью—значило произвести слишкомъ большой соблазнъ, значило—въ корень подорвать во всемъ мірѣ довѣріе къ россійской конституціи. Тогда со всѣхъ сторонъ закричали бы: „Стало-быть, вы собираетесь каждый годъ разгонять Думу на октябрь—ноябрь мѣсяцы?“. „Вы не желаете серьезно подчинить русскіе финансы контролю народнаго представительства, какъ вы обѣщались передъ иностранной денежной публикой въ апрѣлѣ 1906 года, если вводите такую черезъ-чуръ „предусмотрительную“ статью?“...

Подобныхъ возгласовъ со стороны русскихъ гражданъ, хотя и крещенныхъ въ своемъ гражданствѣ огнемъ и желѣзомъ, правительство, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, могло и не бояться; но когда подобные возгласы послышались бы изъ-за границы, то смущеніе было бы не малое: вѣдь наше правительство, при современномъ финансовомъ положеніи, хронически стоитъ „накануне кредитныхъ операцій“... Не даромъ министерство финансовъ и „освѣдомительное бюро“ чуть не каждую недѣлю опровергаетъ „слухи о новомъ займѣ“: вороны каркаютъ—будетъ дождь... Вотъ почему, думаемъ мы, законодательствующіе бюрократы рѣшились не „предусматривать“ въ „основныхъ законахъ“ такого конкретнаго и при данныхъ условіяхъ развитія русской „конституціи“ вполнѣ мыслимаго случая, характерно окрещеннаго въ оффиціальномъ документѣ: „вслѣдствіе отсутствія (!) законодательныхъ учрежденій“...

Но какимъ же образомъ можно ухитриться истратить миллiардъ казенныхъ денегъ при полномъ умолчаніи закона о полномочіяхъ на такую крупную денежную операцію? Это вѣдь не Лидвалю выдать 800 тыс. рублей, и для израсходованія милліарда рублей одной храбрости Гурко какъ будто бы и мало...

Здѣсь нужно различать двѣ стороны: строго фактическую и юридическую. Остановимся прежде всего на фактической сторонѣ дѣла.

Открыть бюджетный годъ безъ законнаго бюджета, израсходовать на сомнительныхъ основаніяхъ около милліарда рублей народныхъ денегъ, сдѣлать все это въ обстановкѣ такъ называемаго правового государства— значитъ рѣшиться на очень многое, значитъ предпринять весьма рискованный шагъ. Такой шагъ въ условіяхъ современнаго западно-европейскаго конституціоннаго государства былъ бы очень чреватъ сложными послѣдствіями. Прежде всего никто изъ гражданъ не могъ быть принужденъ къ платежу налоговъ. Но если въ современной русской обстановкѣ нарушеніе основныхъ бюджетныхъ законовъ проходитъ для финансовыхъ и правовыхъ условій и отношеній безслѣдно, то это только потому, что бюджетное правонарушеніе,—пусть оно будетъ самымъ возмутительнымъ, вопіющимъ,—не можетъ ничего ни прибавить, ни убавить къ тому общему хаосу, который переживается современной Россіей. Лучшимъ доказательствомъ, весьма наглядной иллюстраціей къ нашему утвержденію можетъ послужить слѣдующее несомнѣнное обстоятельство: годъ тому назадъ Россія имѣла совершенно законный бюджетъ, но такая очевидная законность нисколько, ни на одну іоту, не улучшила финансоваго положенія государственнаго казначейства. Напротивъ, финансовая разруха не только не прекратилась, но, наоборотъ, по откровенному признанію министра финансовъ, усилила свое дѣйствіе... Но нужно ли говорить, что само по себѣ отсутствіе законнаго бюджета является нагляднымъ признакомъ неурядицы не только въ области финансоваго управленія, но и въ сферѣ общаго управленія, общей внутренней политики? Это обстоятельство несомнѣнно сильно смущало правительство, свидѣтельствомъ такого смущенія и явился новогодній документъ: „отъ министерства финансовъ“.

Этотъ документъ констатируетъ, что вопросъ о томъ, какъ поступать въ виду нарушенія „нормальнаго порядка разсмотрѣнія росписи на 1907 годъ за отсутствіемъ законодательныхъ учрежденій“, подвергался *обсужденію* совѣта министровъ. Если бы указанія закона для даннаго случая были бы ясны и опредѣленны, то и обсуждать было бы нечего: нужно было бы просто примѣнить статью закона и быть увѣреннымъ въ своей формальной правотѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что соотвѣтствующей статьи въ законахъ не оказалось, поэтому и потребовалось обсужденіе вопроса въ совѣтѣ министровъ.

Такое обсужденіе, очевидно, происходило въ началѣ осени прошлаго года, потому что соображенія совѣта министровъ на данную тему 19-го сентября 1906 года получили уже высочайшее утвержденіе. Въ № 41 „Вѣстника финансовъ“ за прошлый годъ есть статья, излагающая „руководящія начала составленія росписи на предстоящій смѣтный періодъ, которыя,

по предложенію г. министра финансовъ, были обсуждены и приняты совѣтомъ министровъ и 19-го сентября высочайше утверждены".

Было сдѣлано предложеніе издать государственную роспись въ порядкѣ гутапперчевой 87-ой статьи „основныхъ государственныхъ законовъ". Какъ извѣстно, совѣтъ министровъ, подъ общимъ дирижерствомъ г. Столыпина, очень склоненъ пользоваться этою статьею даже для осуществленія величайшихъ соціальныхъ реформъ, какъ, напр., уничтоженіе крестьянской общины. Но подходитъ ли эта статья къ бюджету? Буквально 87-ая статья гласитъ слѣдующее: „Во время прекращенія занятій Государственной Думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, совѣтъ министровъ представляетъ о ней Государю Императору непосредственно... Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если надлежащимъ министерствомъ не будетъ внесенъ въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ". Очевидно, что государственная роспись не подходитъ къ даннымъ условіямъ: во-первыхъ, она вызывается не „чрезвычайными обстоятельствами", а самыми нормальными условіями веденія государственнаго хозяйства; во-вторыхъ, конецъ статьи 87-ой, въ случаѣ примѣненія этой статьи къ государственной росписи, грозитъ правительству непріятнымъ сюрпризомъ: если Дума не приметъ росписи, изданной въ порядкѣ 87-ой ст., то вѣдь такая роспись исчезаетъ совершенно безслѣдно! Правительство теряетъ тогда все!.. Если вотъ Дума обсуждаетъ роспись, представленную въ законномъ порядкѣ, и не приметъ ея, то правительство можетъ выдвинуть на сцену предусмотрительно заготовленную статью 116-ую тѣхъ же „основныхъ законовъ" и тѣмъ спасти свое положеніе...

Статья 116-ая, спасающая правительство въ „присутствіи" законодательныхъ учрежденій, оказалась неожиданно такъ же гутапперчевой, какъ и пресловутая 87-я статья. Оказывается, какъ это видно изъ новогодняго документа, что ст. 116-ая спасаетъ правительство не только въ „присутствіи" законодательныхъ учрежденій, но и въ ихъ отсутствіе! Документъ 1-го января 1907 года по этому поводу говоритъ слѣдующее: „По вопросу о томъ, на какихъ основаніяхъ правительство можетъ производить государственные расходы въ періодъ времени съ 1-го января 1907 года до утвержденія росписи, совѣтъ министровъ принялъ къ руководству ст. 116-ую основныхъ законовъ. Статья эта гласитъ: „Если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная, роспись, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній. Впредь до обнародо-

ванія новой росписи, по постановленіямъ совѣта министровъ, въ распоряженіе министерствъ и главныхъ управленій открываются постепенно кредиты въ размѣрахъ дѣйствительной потребности, не превышающіе, однако, въ мѣсяцъ во всей ихъ совокупности одной двѣнадцатой части общаго по росписи итога расходовъ".

Таково то законное основаніе, на которое будетъ опираться „конституціонное" правительство, собирая въ теченіе шести мѣсяцевъ государственные доходы и расходуя милліардъ рублей народныхъ денегъ.

Обратимся къ разсмотрѣнію этого „законнаго основанія".

Когда законодательствующая бюрократія сочиняла бюджетныя правила, то, безъ сомнѣнія, всѣ ея помыслы были обращены на „сегодня" и на „завтра". Сегодня царствовала бюрократія съ „послѣдней въ установленномъ порядкѣ утвержденной росписью"; завтра приходитъ настоящій хозяинъ финансовъ. Приходилось выдумывать способы, какъ бы сохранить „послѣднюю" роспись, составленную при руководствѣ принципа „своя рука—владыка". Вотъ откуда такъ много ссылокъ въ бюджетныхъ законахъ и въ основныхъ законахъ на „послѣднюю роспись", причемъ эта „послѣдняя" роспись часто прямо называется росписью 1906 года. Предусмотрительность бюрократическихъ авторовъ бюджетныхъ законовъ и правилъ прямо-таки поразительна. Если, напримѣръ, Государственная Дума не захочетъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ и основаніямъ, утвердить представленной на ея разсмотрѣніе государственной росписи, то что должно сдѣлать правительство?

Въ странахъ, обладающихъ дѣйствительнымъ конституціоннымъ устройствомъ, истинными конституціонными правами, такой случай можетъ быть разрѣшенъ двумя способами: или весь министерскій кабинетъ подаетъ въ отставку, или будетъ распущенъ парламентъ. Въ первомъ случаѣ въ основу политики будетъ положено такъ ясно и рѣзко выраженное недовѣріе къ правительству со стороны парламентскаго большинства; во второмъ случаѣ это недовѣріе будетъ провѣрено правительствомъ черезъ новые выборы (послѣдній случай—роспускъ германскаго рейхстага изъ-за неутвержденія колоніальнаго бюджета). Тотъ и другой способъ одинаково забракованы русской законодательствующей бюрократіей: дѣйствительно, оба эти способа страшно „неудобны" для русскаго „конституціоннаго" правительства...

Русское правительство выбрало совершенно иной путь, весьма удобный для тѣхъ, кому всего дороже самовластье, кто стремится всяческими способами ограничить права народнаго представительства и принизить его значеніе. Въ мартовскихъ бюджетныхъ правилахъ есть для этого спеціальная статья 13-ая, буквально повторенная въ „основныхъ законахъ" подъ № 116. Текстъ ея выше процитированъ.

Контекстъ закона, именно, связь ст. 13-ой со ст. ст. 10, 11 и 12 тѣхъ же правилъ указываетъ безспорно на то, что означенная статья разсматриваетъ тотъ случай, когда Государственная Дума не хочетъ утвердить бюджета, выражая этимъ прежде всего свое недовѣріе къ правительству. Этотъ опредѣленный смыслъ статьи 13-ой мартовскихъ правилъ (она же—статья 116 основныхъ законовъ) настолько ясенъ, что не требуется обращеній къ мотивамъ закона, хотя въ этихъ мотивахъ есть недвусмысленныя указанія на выразительную опредѣленность этихъ двухъ статей въ только-что приведенной интерпретаціи.

Существованіе такой статьи въ бюджетномъ законодательствѣ равносильно полному отрицанію бюджетнаго права: если народное представительство захочетъ, напримѣръ, только видоизмѣнить бюджетъ въ нѣкоторыхъ его частяхъ, а другія инстанціи пожелаютъ провести бюджетъ въ томъ его видѣ, какъ онъ приготовленъ въ бюрократическихъ лабораторіяхъ, то угроза статьей 116-ой „основныхъ законовъ“ способна парализовать всякую самодѣятельность парламента. Изъ рукъ парламента въ данномъ случаѣ вышибаются всѣ конституціонныя средства, что невольно толкаетъ его на „неконституціонный“ путь, а это, какъ извѣстно, влечетъ послѣдствія, заботливо предусмотрѣнныя въ ст. 105 „основныхъ законовъ“, т. е. роспускъ Думы.

Читатель видитъ, что статья 116-ая—орудіе спеціальное, направленное для цѣлей. Это — двѣнадцатифутовая пушка, созданная для того, чтобы ломать стѣны упорства, проявляемаго народными представителями. Но это — не дубинка, которой можно размахивать во всѣ стороны и при всѣхъ обстоятельствахъ. Только развѣ при чрезвычайныхъ условіяхъ, переживаемыхъ современной Россіей, возможны такія метаморфозы, какъ превращеніе пушки въ универсальную дубинку. Только этими чрезвычайными обстоятельствами и можно объяснить на первый взглядъ довольно-таки неожиданное обстоятельство, что Государственная Дума еще ни разу не занималась обсужденіемъ имперскаго бюджета, а административная практика уже использовала въ своихъ интересахъ статью 116-ую „основныхъ законовъ“. Хотя въ условіяхъ случая съ бюджетомъ на 1907 годъ не было существенно важнаго признака пригодности къ данному случаю статьи 116-ой, именно, не было засѣдающей Думы, которая отказала бы въ утвержденіи государственной росписи, однако, совѣтъ министровъ, по представленію министра финансовъ, притянулъ за уши ст. 116-ую, открывъ на этомъ основаніи временные кредиты и продолживъ дѣйствіе росписи 1906 г. съ соотвѣтствующими измѣненіями.

Въ документѣ 1-го января 1907 года правительство прибѣгаетъ къ выраженію: „на точномъ основаніи ст. 116-ой“, позабывъ увѣдомить налогоплательщиковъ о томъ, что самый документъ „отъ министерства финансовъ“ совершенно не предусмотрѣнъ закономъ и использованіе статьи

116-ой, влекущее за собою расходованіе половины всего бюджета, т. е. по меньшей мѣрѣ 1 милліарда народныхъ рублей, явно противорѣчитъ тѣмъ самымъ законамъ, которые—о, иронія судьбы!—изобрѣтательная бюрократія сама придумала для своего обихода, для своихъ собственныхъ удобствъ и благополучія...

Небывалый случай съ государственною росписью является великолѣпной иллюстраціей къ характеристикѣ русскаго бюджетнаго безправія. Писанные законы и неописанное беззаконіе претворяются въ вопіющіе факты голой, неприкрашенной дѣйствительности. Тщетно старается бюрократическое самовластіе прикрыть эту голую дѣйствительность пустыми фразами о „точномъ основаніи“. Точное основаніе для расходованія милліарда народныхъ денегъ безъ законныхъ разрѣшеній заключается въ томъ, что Россія, несмотря на гетакомбы жертвъ и бездну растраченной революціонной энергіи, все-же не овладѣла бюджетнымъ правомъ, а получила „октроированное“ бюджетное безправіе...

Финансистъ.

Происхожденіе современнаго синдикализма.

Французская рабочая соціалистическая партія въ современномъ смыслѣ этого понятія возникла въ 1879 году. Но прежде чѣмъ я стану говорить о ея отношеніяхъ къ экономическимъ организаціямъ и обратно, мнѣ приходится сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ царствованіе Наполеона III считались подозрительными *всѣ* рабочія организаціи, преслѣдовалось огромное большинство изъ нихъ. Для этихъ преслѣдованій Наполеону не нужно было придумывать новыхъ законовъ, незачѣмъ было ковать новаго оружія. Арсеналъ французскаго законодательства былъ необычайно богатъ оружіемъ этого сорта, и безъ всякаго предварительнаго напряженія ума можно было приступить къ дѣлу.

Декретъ 25-го марта, 2-го апрѣля 1852 г. возстановилъ ст. 291, 292, 293, 294 уголовнаго кодекса, которыми запрещались собранія свыше 20 чел., требовались предварительное разрѣшеніе и присутствіе полиціи на собраніяхъ. Тотъ же декретъ возстановилъ законъ 10-го апрѣля 1834 г., которымъ запрещались собранія и союзы въ 20 и менѣе человѣкъ и союзы, раздѣленные на секціи въ 20 и менѣе человѣкъ. Петли сѣти были сдѣланы настолько узкими предусмотрительнымъ королемъ-буржуа, что сквозь нихъ не могли проскользнуть самыѐ крохотные союзы, самыя ничтожныя организаціи.

Если вспомнить при этомъ, что эти мѣропріятія были пущены въ ходъ послѣ того, какъ Парижъ пережилъ подавленіе іюньскаго возстанія 1848 г., бойню 4-го и 5-го декабря 1851 г., разгромъ всѣхъ организацій и изгнаніе всѣхъ сколько-нибудь видныхъ людей въ послѣдующіе дни, если вспомнить все это, то станетъ ясно, почему въ первую половину правленія Наполеона III такое мертвенное молчаніе царило во Франціи.

Но время залечиваетъ всякія раны. Наполеонъ очень хотѣлъ убить всякую крамолу, но онъ не могъ убить промышленности, машиннаго производства, классоваго устройства общества.

Наоборотъ, эпоха его царствованія была настоящей длительной экономической революціей. Сѣть желѣзныхъ дорогъ увеличилась съ 1832 кил. до 17,500 кил.; ввозъ съ 219 милл. франковъ до 761 мил.; вывозъ съ 746 мил. до 1640 мил. [1]). Потребности производства сказались скоро. Необходимость организацій, необходимость хоть какой-нибудь свободы собраній были почти одинаково велики для хозяевъ и для рабочихъ. Не даромъ рядомъ съ робкими попытками рабочихъ выступленій сталъ оживать пришибленно молчавшій либерализмъ. Пришлось разрѣшить собранія, хотя и съ ограниченіями (законъ 6-го іюня 1868 г.); пришлось, если не разрѣшить, то терпѣть рабочія организаціи. Если нельзя предупредить и запретить, быть можетъ, можно направить и руководить?.. Попытка была сдѣлана. Начата была кампанія въ пользу устройства обществъ взаимнаго страхованія на случай болѣзни, смерти, увѣчья. Правительство открыто покровительствовало этимъ обществамъ и самъ Наполеонъ подписывался не разъ при сборахъ на организацію ихъ. Правда, онъ забывалъ потомъ внести подписанную сумму, но здѣсь уже, навѣрно, былъ не дорогъ подарокъ, дорога была любовь. Всѣ общества подобнаго рода и кромѣ того производительныя товарищества (довольно щедро субсидируемыя), многочисленные банки особенно процвѣтали, вѣрнѣе, процвѣли, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ.

Правительство Наполеона надѣялось такимъ образомъ канализовать вновь подымающуюся волну рабочаго движенія, т. е. надѣялось путемъ системы каналовъ отчасти направить ее въ опредѣленное русло, отчасти разбить на небольшіе потоки и отвести въ сторону, словомъ, лишить волну ея силы и спастись отъ ея стремительнаго натиска не постройкой громоздскихъ и раздражающихъ плотинъ, а наоборотъ—предусмотрительнымъ удаленіемъ препятствій съ пути ея, какъ это могло, по крайней мѣрѣ, показаться съ перваго взгляда. Невольнымъ, быть можетъ, идеологомъ этихъ правительственныхъ мѣропріятій явился Прудонъ съ его проповѣдью всевозможныхъ обществъ взаимопомощи [2]).

Съ другой стороны, во всѣхъ этихъ обществахъ естественно рекрутировались избиратели для правительственныхъ кандидатовъ, такъ называемыхъ—candidats officiels. Съ третьей,—правительство покрывалось лакомъ либерализма. Короче, предпріятіе было выгодное и обѣщало много; но это мимоходомъ.

Рядомъ съ этимъ оффиціальнымъ рабочимъ движеніемъ существовало и усиливалось другое, свободное отъ опеки и революціонное; я говорю о движеніи, развившемся подъ знаменемъ Интернаціонала. Къ концу шестидесятыхъ годовъ не было во Франціи почти ни одного значительнаго промышленнаго города, въ которомъ не было бы секціи Интернаціонала. Въ

[1]) Paul Louis. „Histoire du socialisme francais", 226 p.

[2]) См. Prudhom. „De la capacité politique des classes ouvriéres"..

Парижѣ ихъ было 16. Кромѣ того Федеральная Палата, объединявшая сорокъ рабочихъ организацій, федеративная касса 5 сантимовъ (устроенная по иниціативѣ типографовъ, спеціально для поддержанія стачекъ) [1]) и не мало другихъ организацій примыкало къ Интернаціоналу.

Уже въ эту эпоху мы видимъ двѣ вѣтви рабочаго движенія: одну—ищущую своей эмансипаціи внѣ политической борьбы, другую—ярко политическую, прообразъ грядущихъ соціалистическихъ партій.

Но обѣ эти формы рабочаго движенія не успѣли окристаллизоваться; наполеоновская Франція огромными шагами приближалась къ своей гибели, въ которую она увлекла съ собой массу жизнеспособныхъ, много обѣщавшихъ ростковъ. Военный разгромъ Франціи, неудача героической попытки парижскихъ рабочихъ оспорить побѣду нѣмецкой арміи и въ то же время ограничить власть финансовой и сельской аристократіи надъ нарождающейся республикой расширеніемъ правъ пролетаріата и мелкой буржуазіи (самоуправляющаяся коммуна); неслыханно жестокое подавленіе парижскаго возстанія,—все это, вся эта почти исключительная въ исторіи современныхъ народовъ катастрофа смела всѣ начинанія, измѣнила, если можно такъ сказать, все устройство поверхности французской жизни, сдѣлавъ изъ нея сѣрую, угрюмую, безнадежную равнину; и должно было пройти нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ на этомъ однотонномъ пейзажѣ можно было различить образованіе новыхъ возвышенностей, утесовъ... пропастей.

Ускоренію этого процесса содѣйствовалъ необычайный подъемъ промышленнаго развитія Франціи. Этотъ подъемъ былъ неизбѣженъ послѣ ликвидаціи политическихъ авантюръ. Достаточно—оставивъ въ сторонѣ другія причины—перечислить только войны, которыя имѣли мѣсто въ царствованіе Наполеона III и въ большинствѣ которыхъ принимала участіе Франція, чтобы понять, какой огромный гнетъ связывалъ всѣ ея экономическія силы, какое громадное препятствіе ставилось развитію промышленности и торговли, основнымъ, необходимымъ условіемъ котораго является увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. На протяженіи какихъ-нибудь полутора десятковъ лѣтъ мы видимъ цѣлый рядъ кровавыхъ столкновеній: Китайская экспедиція, Мексиканская экспедиція, войны—севастопольская, итальянская, датско-прусская, австро-прусская, франко-прусская... Разумѣется, исчезновеніе режима авантюръ должно было развязать всѣ экономическія возможности. Укажу, напр., что вывозъ изъ Франціи, равнявшійся въ 1866 г. 2.430 милл., поднялся въ 1876 г. до 3.307 милл.

Итакъ, если событія экономическаго характера дѣлали необходимымъ возрожденіе рабочаго движенія, то историческое „вчера“, только что пережитое и еще не забытое, вмѣстѣ съ мало отличавшимся отъ него „сегодня“ оказывали свое вліяніе на его формы.

---

[1]) Testut (Oscar). L'Internationale, 3-ième éd. 1871.

Глава I.

Первые шаги рабочаго движенія послѣ Коммуны.

Какъ и послѣ 1848 года, революціонное рабочее движеніе было опять обезглавлено, болѣе того—оно было обезкровлено. Побѣда крупной буржуазіи въ союзѣ съ несознательной, реакціонной, руководимой черными людьми, деревней, символизировалась горой труповъ въ нѣсколько *десятковъ тысячъ человѣкъ*. На время руководителями движенія становятся умѣренные сторонники третейскихъ судовъ и взаимопомощи (мютюэллисты), проповѣдники кооператизма и моральнаго самосовершенствованія, рѣшительные враги рѣзкихъ заявленій и рѣзкихъ выступленій. По своему философскому вѣроисповѣданію это были, въ большинствѣ случаевъ, прудонисты, рѣдко позитивисты; по своимъ политическимъ воззрѣніямъ—республиканцы. Между прочимъ, однимъ изъ самыхъ вѣскихъ доводовъ ихъ въ пользу умѣренности и противъ стачекъ было указаніе на необходимость спасти республику, и такъ какъ это возможно только въ союзѣ съ буржуазіей, то нужно употребить всѣ мѣры, чтобы не напугать, не озлобить, не толкнуть эту послѣднюю въ объятія монархической реакціи. Эти вожди были маленькими Гамбеттами рабочаго класса.

Разумѣется, здѣсь ихъ вліяніе не могло быть продолжительнымъ, но въ эти первые годы послѣ разгрома Коммуны оно было все-таки преобладающимъ. Правительство съ своей стороны усиливало это вліяніе, тщательно устраняя всякое иное. Не надо забывать, что синдикаты попрежнему не были разрѣшены, но только терпимы, союзы же синдикатовъ преслѣдовались съ необычайной строгостью; что противъ международныхъ союзовъ вообще и особенно противъ Интернаціонала былъ созданъ спеціальный законъ 14-го марта 1872 г., грозившій членамъ и должностнымъ лицамъ подобныхъ союзовъ тюремнымъ заключеніемъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 5 лѣтъ, штрафомъ до 5000 франковъ и полицейскимъ надзоромъ до 10 лѣтъ; что, наконецъ, въ борьбѣ со стачками совсѣмъ ни передъ чѣмъ не останавливались, какъ объ этомъ можно судить хотя бы по слѣдующей телеграммѣ, посланной Тьеромъ префекту Па-де-Кале по поводу стачки углекоповъ: „Тѣ, которые въ настоящій моментъ волнуютъ умы и угрожаютъ кредиту Франціи,—враги освобожденія территоріи. Ихъ надо немедленно покорить силой и справедливостью" [1]). Конечно, правительство, сочувствуя дѣятельности умѣренныхъ и дѣлая невозможной какую-либо другую, не только усиливало ихъ вліяніе въ настоящемъ, оно дѣлало неизбѣжнымъ гибель этого вліянія въ будущемъ. Но такова, очевидно,

---

[1]) Цитир. по Вейлю. „Исторія соціальнаго движенія во Франціи". Русск. перев. Борисовича, стр. 184.

печальная судьба всѣхъ современныхъ правительствъ: они дѣлаютъ подозрительныхъ все то, къ чему они относятся съ симпатіей и благосклонностью.

Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему возрождавшееся движеніе приняло почти исключительно мирныя формы. Характеръ движенія сталъ очевиднымъ для всѣхъ, когда въ 1876 г. удалось собрать первый рабочій конгрессъ въ Парижѣ. Наиболѣе характернымъ для него является заявленіе делегата изъ Рубэ, Шарля Бонна, что онъ не намѣренъ идти на приступъ крѣпости капитала, что, наоборотъ, по его мнѣнію, капиталъ и трудъ солидарны. Итакъ, если установлена принципіальная, такъ сказать, солидарность между трудомъ и капиталомъ, остается только соединить ихъ на дѣлѣ, или проще—нужно рѣшить вопросъ, какимъ образомъ рабочіе могутъ достать капиталъ. Конгрессъ отвѣчаетъ на это просто и категорично—необходимо устройство всякихъ видовъ кооперативовъ; внѣ коопераціи нѣтъ спасенія; но тѣмъ самымъ онъ призналъ, что въ рамкахъ современнаго общества рабочій классъ *можетъ* найти спасеніе, хотя только въ коопераціи. Мнѣ кажется, что лучшимъ изложеніемъ дѣйствительно господствовавшихъ на конгрессѣ воззрѣній являются двѣ странички брошюры, изданной по поводу конгресса коммунарами, жившими въ Лондонѣ. Онѣ цѣнны для насъ не только, какъ указаніе на характерную черту этого перваго рабочаго конгресса, онѣ цѣнны еще болѣе тѣмъ что говорятъ, какую позицію заняли по отношенію къ дѣятелямъ движенія, подводившаго свои итоги на конгрессѣ, если не соціалистическая партія, еще не сорганизовавшаяся, то, по крайней мѣрѣ, предшественники соціалистовъ. Вотъ эти страницы: „Кажется чудовищнымъ, чтобы въ городѣ революціи, черезъ пять лѣтъ послѣ борьбы Коммуны, у могилы убитыхъ, при переполненныхъ тюрьмахъ и Нушейской каторгѣ, могли найтись люди, осмѣливающіеся взять на себя роль представителей пролетаріата для того, чтобы отъ его имени принести повинную буржуазіи, отказаться отъ революціи, отречься отъ Коммуны. Такіе люди нашлись, это синдикалисты, которые только что закончили свой конгрессъ.

Уже по одному тому, что для коммунаровъ революція является безпрестанной борьбой, ведущейся повсюду, гдѣ только это возможно, они не отрицаютъ необходимости и цѣнности движенія, въ результатѣ котораго возникаютъ синдикальныя палаты, кассы и общества сопротивленія, стачки, союзы объединенныхъ по профессіямъ рабочихъ и т. д. Совсѣмъ напротивъ, они видятъ во всемъ этомъ оборонительное оружіе, которымъ пользуется угнетенный трудъ въ своей повседневной борьбѣ; они видятъ въ этомъ проявленіе растущаго классоваго сознанія рабочаго, проявленіе увеличивающагося сознанія тяготѣющаго надъ нимъ гнета и стремленія его къ освобожденію; они видятъ въ этомъ начало и отправный пунктъ той боевой организаціи, которая, создавая силу въ рукахъ пролетаріата, одна

только можетъ обезпечить ему побѣду посредствомъ настоящей, рѣшительной борьбы: борьбы вооруженной.

Но когда инициаторы этого движенія предлагаютъ въ качествѣ цѣли, въ качествѣ рѣшенія то, что на самомъ дѣлѣ есть только необходимость, только первый шагъ, отправный пунктъ, мы вправѣ ихъ спросить, откуда они пришли? Кто они? Чего они хотятъ? Сорвать съ нихъ маску является обязанностью" [1]).

И дальше, опять указавъ на неестественность такого мирнаго настроенія послѣ кровавыхъ ужасовъ подавленія Коммуны, оставшіеся въ живыхъ защитники ея пишутъ: „Они (синдикалисты) явились объявить отъ имени—узурпированнаго ими имени—пролетаріата, того самаго пролетаріата, который вчера еще съ оружіемъ въ рукахъ стремился ниспровергнуть строй, который они хотятъ сохранить,—они явились объявить, что они принимаютъ современное общество съ его учрежденіями, съ его классами, его собственностью; что они удовлетворяются имъ, что они хотѣли бы, чтобы соблаговолили разрѣшить имъ реформировать его, усовершенствовать и затѣмъ возможно лучше приспособиться къ нему. Они объявили, что уже не ждутъ болѣе своего освобожденія отъ силы и борьбы, но отъ дарованной свободы, всеобщаго голосованія, прогресса идей и нравовъ, отъ собственнаго благоразумія и расположенія ихъ господъ. Они объявили въ своемъ рабскомъ усердіи, что они жаждутъ только возможности найти мѣстечко у очага буржуазіи, отъ котораго ихъ отогнало несправедливое недовѣріе; что ихъ поведеніе является достаточнымъ залогомъ для будущаго, чтобы привилегированные пригласили ихъ на общій совѣтъ и не изготовляли бы безъ нихъ законовъ, „которые они умѣютъ уважать даже тогда, когда эти законы не соотвѣтствуютъ справедливости" (выраженіе одного конгрессиста). Они объявили, что, питая ужасъ къ насилію и революціямъ, они пришли добровольно предложить тѣ гарантіи порядка, безопасности, спокойствія, которыхъ безполезно ищутъ въ кровавыхъ репрессіяхъ; что они не хотятъ оставаться долѣе непризнанными, не хотятъ, чтобы ихъ смѣшивали съ возставшими; что они хотятъ не разрушенія, а союза, примиренія классовъ, соглашенія труда и капитала; что, если они стремились войти въ законно существующее общество, то для того, чтобы защищать его; что, наконецъ, они устроили этотъ конгрессъ только для того, чтобы разсѣять незаслуженныя подозрѣнія и протянуть успокоенной буржуазіи братскую руку во имя общаго союза противъ Революціи, союза, блестящимъ свидѣтельствомъ котораго было слѣдующее заявленіе: „Хотя мы представляемъ собою массу и силу, мы не собираемся насиловать ничье сознаніе; нужно подтвердить блестящую истину, вышедшую изъ нѣдръ этого

---

[1]) Брош. Les syndicaux et leur Congrès 1876. London. Signé: La Commune révolutionnaire.

конгресса: мы не революціонеры, мы умиротворители (тройной взрывъ аплодисментовъ" [1]).

Я привелъ эту длинную цитату потому, что, по моему мнѣнію, въ ней, кромѣ понятнаго, негодующаго чувства авторовъ ея, коммунаровъ, въ ужасѣ спрашивавшихъ себя, къ чему были всѣ огромныя усилія, всѣ неоцѣнимыя жертвы, если такъ скоро рабочій классъ, повидимому, потерялъ себя; кромѣ, говорю я, этого чувства, здѣсь выражена съ приблизительной точностью та точка зрѣнія, на которую впослѣдствіи *фактически, на дѣлѣ* стали многочисленныя соціалистическія партіи Франціи. Мнѣ кажется, что въ противоположности позицій, занятыхъ коммунарами и конгрессистами, заключается уже зерно того огромнаго *историческаго недоразумѣнія*, за неумѣніе разрѣшить которое до сихъ поръ платится французское рабочее движеніе. Конечно, я не хочу сказать, что это недоразумѣніе создано волей какихъ-нибудь злокозненныхъ личностей или что оно могло быть разрѣшено исключительно усиліями тѣхъ или иныхъ группъ. Я знаю, что огромную роль сыграли необычайно сложная политическая исторія Франціи, ея революціонное прошлое, ея экономическая отсталость, либерализмъ ея государственныхъ формъ и реакціонность, я сказалъ бы, феодализмъ въ отношеніяхъ общественныхъ классовъ.

Но въ этой статьѣ меня занимаетъ вопросъ не о причинахъ появленія этого „недоразумѣнія", закономѣрность котораго я признаю, называя его *историческимъ*. Нѣтъ, я просто хотѣлъ отыскать въ предѣлахъ отмежеванной нашей дѣятельности свободы слѣды воздѣйствія сознательнаго элемента, я хотѣлъ найти синтезирующее вліяніе этого элемента, изучающаго явленія жизни при помощи правильнаго научнаго метода и провидящаго новые пути. Я искалъ все это, но почти не находилъ.

Возвратимся къ конгрессу. Чего хотѣлъ онъ? Онъ пытался—худо ли, хорошо ли—заложить основы пролетарской организаціи. Правда, онъ направлялъ ее на ложный путь,—въ этомъ его огромный недостатокъ, но онъ имѣлъ и свои хорошія стороны: это, во-первыхъ, чисто пролетарскій составъ, въ которомъ сказались классовая обособленность и классовое недовѣріе къ буржуазіи, несмотря на всѣ *рѣчи* о примиреніи; это, во-вторыхъ, указаніе на необходимость помочь себѣ исключительно собственными силами, въ которомъ выразилось инстинктивное пониманіе различія интересовъ и своей классовой силы, хотя и это не мѣшало *говорить* о солидарности интересовъ; это, въ третьихъ, рѣшеніе посылать въ качествѣ своихъ представителей въ парламентъ исключительно рабочихъ, рѣшеніе, тоже мало гармонировавшее съ положеніемъ объ общности интересовъ. Достаточно указать на эти три характерныя черты интересующаго насъ конгресса, чтобы стало понятнымъ, что фактически члены его плохо служили дѣлу соціаль-

---

[1]) Тамъ же, стр. 6—7.

наго примиренія и вовсе не заполняли пропасти, отдѣляющей пролетаріатъ отъ буржуазіи, если не предположить, что эта пропасть можетъ быть заполнена словами. Правда, эти слова были опасны тѣмъ, что могли ввести въ заблужденіе рабочую массу, и мы должны признать всю огромность услуги, оказанной рабочему движенію критикой и дѣятельностью соціалистовъ. Но если коммунары въ своей брошюрѣ блестяще охарактеризовали какъ самую позицію, занятую, главнымъ образомъ, на словахъ, конгрессистами, такъ и опасность ея, они не избѣгли сами другой опасности, опасности недооцѣнить значенія экономической борьбы пролетаріата, опасности не усмотрѣть въ соотвѣтствующихъ организаціяхъ его ничего другого, кромѣ небольшой и подчиненной части, ничего кромѣ „начала и отправного пункта той боевой организаціи, которая... одна только можетъ обезпечить пролетаріату побѣду посредствомъ настоящей, рѣшительной борьбы: борьбы вооруженной“.

Дальше мы не разъ еще будемъ имѣть случай указать, къ чему приводили на дѣлѣ эти неправильныя точки зрѣнія обѣихъ сторонъ. Здѣсь же оговорюсь: я не думаю, конечно, что коммунары, писавшіе цитированную мною брошюру, являются родоначальниками современныхъ французскихъ соціалистовъ, но я настаиваю на томъ, что нельзя найти особаго различія въ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ къ экономической борьбѣ пролетаріата.

Никакихъ особенно важныхъ событій въ экономической жизни Франціи между первымъ и вторымъ конгрессомъ не произошло. Политическое же положеніе не благопріятствовало распространенію соціалистическихъ идей: необходимость защитить республику отъ реакціонныхъ поползновеній заставляла рабочихъ выступать въ качествѣ республиканцевъ, не позволяла дробить силы. Сознаніе этой необходимости создавало въ рабочей массѣ психологическую атмосферу, въ которой съ трудомъ отстаивали свое существованіе немногочисленные ростки боевого соціализма. Конечно, это положеніе вещей было временнымъ, и незадолго до второго конгресса, собравшагося въ Ліонѣ въ январѣ 1878 г., всякая опасность для существованія республики была уже устранена. Но этотъ фактъ не успѣлъ еще въ достаточной степени отразиться на участникахъ съѣзда. Вы попрежнему видите передъ собой людей, считающихъ себя равноправными гражданами своего отечества, видите рабочихъ, у которыхъ общая съ либеральной буржуазіей борьба за республику поддерживаетъ иллюзію объ общности интересовъ. Нѣсколько выписокъ подтвердятъ мою мысль. Секретарь организаціонной комиссіи, повторивъ, что рабочій классъ, находящійся дѣйствительно въ ужасномъ положеніи, ищетъ выхода изъ него посредствомъ исключительно мирныхъ способовъ, возражаетъ противъ обычныхъ и несправедливыхъ обвиненій, которыя „заставляютъ предположить, будто рабочіе, дорожащіе своими интересами, гордые своимъ зва-

ніемъ французскихъ гражданъ, дѣйствуютъ на пользу какихъ-то посторонних лицъ и провозглашаютъ Интернаціоналъ; противъ обвиненій, которыя стараются представить рабочихъ лишенными всякаго здраваго смысла и состраданія, тогда какъ за ними раздаются, быть можетъ, жалобные крики—„папа, мама, мнѣ холодно, я ѣсть хочу!“ [1]). И дальше: „успѣхъ нашихъ работъ дастъ намъ возможность сдѣлать изъ нашихъ дѣтей честныхъ, интеллигентныхъ ремесленниковъ и хорошихъ гражданъ... Порядокъ, спокойствіе и умѣренность въ нашихъ работахъ насъ возвысятъ въ глазахъ всѣхъ“. Не менѣе характернымъ является заявленіе предсѣдателя перваго засѣданія, сказавшаго въ своей рѣчи: „Мы не безумные утописты, ненавидящіе все существующее“... Наконецъ, чтобы не скрыть ни одного изъ темныхъ пятенъ этого конгресса, нужно упомянуть, что предложеніе резолюціи въ пользу амнистіи коммунарамъ вызвало такіе дебаты, что авторы взяли ее обратно; ихъ заявленіе объ этомъ было встрѣчено горячими аплодисментами [2]). Этотъ поступокъ конгрессистовъ не можетъ не вызвать глубокаго негодованія: имъ показалось недостаточнымъ для „реабилитаціи“ рабочихъ въ глазахъ буржуазіи отвергнуть огромнымъ большинствомъ коллективистскую резолюцію о собственности, они сочли необходимымъ не подымать даже вопроса о коммунарахъ, не возвысить голоса противъ отвратительной жестокости побѣдителей, терзавшихъ уже седьмой годъ своихъ побѣжденныхъ враговъ.

Но зато на этомъ конгрессѣ еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ на предыдущемъ, замѣчаются признаки недалекаго разрыва съ теоріей гармоніи интересовъ и солидарности классовъ. На этомъ конгрессѣ впервые раздались рѣчи о необходимости обобществленія орудій производства, рѣчи, встрѣченныя аплодисментами. Правда, *на слѣдующій день* начались протесты; такъ, Безансонскій делегатъ заявилъ, что они съѣхались для того, чтобы „попытаться улучшить участь рабочихъ при помощи немедленныхъ честныхъ и практическихъ средствъ. Протестовала и организаціонная комиссія... „après avis de l'administation supérieure“ [3]).

На этомъ конгрессѣ опредѣленно указывалось на существованіе двухъ классовъ (283 стр.), на то, что „союзъ между трудомъ и капиталомъ является самой большой химерой, какой когда-либо увлекался человѣческій умъ“. На этомъ конгрессѣ съѣхавшіеся делегаты услышали настоящую обвинительную рѣчь буржуазіи; они услышали и слушали съ затаеннымъ дыханіемъ, что „нѣтъ такого закона, котораго бы буржуазія не нарушила, когда что-либо грозитъ ея интересамъ, такого способа голосованія, которымъ она не сумѣла бы злоупотребить, тюремъ, какихъ бы она не создала,

---

[1]) Séances du Congrès ouvriers de France. Deuxiéme session, tenue à Lyon de 28 Janv. au 8 Fevr. 1878, p. 13.

[2]) Тамъ же, стр. 613.

[3]) Тамъ же, стр. 475.

гоненій, какихъ бы она не организовала, рѣзни, предъ которой она бы остановилась" (стр. 335). Наконецъ, весь конгрессъ былъ единодушенъ въ протестѣ противъ духовенства и религіи, этихъ лучшихъ слугъ буржуазнаго господства. Раздавались протесты противъ обученія дѣтей закону Божію; указывалось на необходимость, для возможности прочной связи городскихъ рабочихъ съ рабочими деревни, вырвать этихъ послѣднихъ „изъ когтей гнуснаго чудовища, голова котораго въ Римѣ, а огромныя руки давятъ весь міръ" (417).

Глава II.

Вліяніе соціалистической пропаганды.

Эволюція влѣво, эволюція въ сторону яснаго классоваго самосознанія медленно, но неуклонно дѣлала свое дѣло. Соціалистическая проповѣдь, ведущаяся съ неутомимой энергіей, вмѣстѣ съ измѣнившимися политическими и экономическими условіями, видимо, ускоряли ее. Два слова объ этихъ объективныхъ условіяхъ. Конецъ семидесятыхъ годовъ является концомъ огромнаго промышленнаго подъема, наступившаго послѣ паденія Второй Имперіи. Промышленный кризисъ, начавшійся во второй половинѣ 78-го года, сразу отразился на профессіональной дѣятельности рабочихъ: съ большимъ трудомъ организуются синдикаты, все чаще кончаются пораженіемъ стачки, съ угрожающей быстротой растетъ армія безработныхъ и десятками погибаютъ общества взаимопомощи и кооперативныя общества. Эти послѣднія, какъ предпріятія, наиболѣе слабыя въ экономическомъ отношеніи, падаютъ первыми жертвами промышленной эпидеміи. Если въ періодъ процвѣтанія кооперативныя общества обвинялись и справедливо, въ томъ, что они раздѣляютъ рабочій классъ, создавая группы привилегированныхъ, что вся ихъ роль сводится къ тому, что они немногихъ рабочихъ превращаютъ въ мелкихъ собственниковъ, а многимъ прививаютъ вредныя иллюзіи на счетъ возможности такого превращенія для массъ, то въ эпохи кризисовъ, наоборотъ, они безжалостно разбиваютъ эти иллюзіи, однимъ ударомъ превращая сотни вчерашнихъ хозяевъ въ нищихъ. Въ эпохи кризисовъ рабочіе легче всего отдаютъ себѣ отчетъ въ жалкой непригодности этой буржуазной панацеи. Такъ было и теперь: прежніе защитники кооперации изъ рабочихъ открыто признавались въ своей ошибкѣ, больше того—они поняли, почему ее проповѣдывала буржуазія, почему въ свое время поощрялъ образованіе всякихъ производительныхъ товариществъ Наполеонъ III. Эту перемѣну во взглядахъ въ остроумной формѣ отмѣтилъ Исидоръ Финансъ: „какъ Наполеонъ I убаюкивалъ своихъ солдатъ, убѣждая ихъ, что у каждаго изъ нихъ въ ранцѣ имѣется маршальскій жезлъ; только немного храбрости, самопожертвованія—и вчерашній

солдатъ надѣнетъ расшитый золотомъ мундиръ маршала, — такъ и Наполеонъ Маленькій убаюкивалъ рабочихъ сказкой, говоря имъ: „милліонъ, къ которому ты стремишься, у тебя въ карманѣ, ты можешь добыть его своимъ умомъ и энергіей... при помощи кооперацін“. Разочарованіе ждало убаюкиваемыхъ въ обоихъ случаяхъ: въ началѣ вѣка сотни тысячъ убитыхъ и искалѣченныхъ, погибшихъ, не успѣвъ достать изъ ранца завѣтной палочки,—и десятокъ маршаловъ; въ концѣ—тысячи обнищавшихъ, выбитыхъ изъ колеи и оторванныхъ отъ общепролетарской борьбы рабочихъ— и десятокъ мелкихъ хозяйчиковъ!

Политическія условія тоже измѣнились—существованію республики не грозила никакая опасность, исчезла необходимость союза между пролетаріатомъ и буржуазіей, и пролетаріатъ опять получилъ полную свободу дѣйствій. Но теперь не только исчезла необходимость союза, наоборотъ, становилась все болѣе очевидной необходимость борьбы. Поведеніе республиканскаго правительства при возникновеніи стачекъ вызывало гнѣвъ и негодованіе рабочаго класса. Не было ни одной сколько-нибудь крупной стачки, при которой бы не посылались въ „угрожающую“ мѣстность войска. Для подавленія стачекъ все пускалось въ ходъ—аресты, высылки, судебные процессы за „покушенія на свободу труда“, всѣ виды устрашенія, всѣ способы давленія.

Соціалисты, пользуясь благопріятно (для пробужденія классоваго самосознанія) складывающимися обстоятельствами, повели самую рѣшительную кампанію, знакомя рабочій классъ съ теоріей научнаго соціализма (и знакомясь съ нею въ то же время сами), борясь съ сильными еще въ его средѣ предразсудками, увлеченіями и иллюзіями. Работа, совершить которую предстояло имъ, была по-истинѣ огромна. Нужно было уничтожить остатки вѣры во всеисцѣляющую мощь кооперацін; нужно было бороться съ воздержаніемъ отъ голосованія однихъ и съ желаніемъ голосовать за „республиканцевъ вообще“ другихъ; нужно было доказать всю непрочность надеждъ на государственное вмѣшательство для борьбы съ кризисами и безработицей; нужно было вообще уничтожить вѣру въ возможность придумать какое бы то ни было всеисцѣляющее лекарство. Правда, какъ я уже сказалъ, французскіе соціалисты, уча другихъ, въ то же время учились сами. Въ ихъ статьяхъ вы встрѣчаете колебанія, къ ихъ марксистскимъ взглядамъ примѣшивается еще нѣкоторая доля анархистскихъ воззрѣній, но въ общемъ они идутъ по правильному пути, дѣйствуя примѣромъ и убѣждающимъ словомъ на рабочихъ.

Первые французскіе соціалисты-марксисты группировались вокругъ газеты „Egalité“, главнымъ редакторомъ которой былъ Жюль Гэдъ. Ихъ было не много, у нихъ не было почти никакихъ средствъ, но это скорѣе увеличивало ихъ энергію. Цѣлью ихъ было созданіе во Франціи соціалистической рабочей партіи, партіи класса. Въ этомъ своемъ стремленіи они

натолкнулись въ области экономической на вѣру въ кооперацію, въ области политической на непониманіе необходимости классовыхъ кандидатуръ у широкихъ слоевъ рабочихъ и на нежеланіе участвовать въ избирательной борьбѣ у наиболѣе передовыхъ изъ нихъ.

Доводы соціалистовъ противъ коопераціи сводились къ указаніямъ на то, что производительныя кооперація возможны только въ отсталыхъ производствахъ, что кредитныя товарищества могутъ оказаться полезными только для начинаній мелкихъ собственниковъ, что нѣкоторый raison d'être имѣютъ только потребительныя общества, но и то не слѣдуетъ забывать, что при сколько-нибудь серьезномъ расширеніи ихъ операцій неизбѣжно паденіе заработной платы. Впрочемъ, опытъ гораздо убѣдительнѣе всѣхъ разсужденій заставлялъ французскихъ рабочихъ отказаться отъ этой панацеи. Гораздо болѣе трудной оказалась борьба съ заблужденіями въ области политической, трудной особенно потому, что въ самой редакціи „Egalité“ не существовало единаго отношенія къ политической борьбѣ, не было общаго всѣмъ ея членамъ взгляда на значеніе и цѣль этой борьбы.

Уже въ первомъ номерѣ, вышедшемъ 18-го ноября 1877 г. „Egalité“ указываетъ на необходимость для рабочихъ именно въ интересахъ экономической борьбы не оставлять политической власти въ рукахъ буржуазіи. „Наемный рабочій находится въ полной зависимости отъ буржуазіи не только потому, что въ ея рукахъ концентрируется исключительное владѣніе земельнымъ и промышленнымъ капиталомъ, что она владѣетъ орудіями труда, но еще и потому, что она является хозяиномъ всей правительственной машины, что она располагаетъ могучимъ аппаратомъ репрессивныхъ мѣръ, при помощи которыхъ она безпощадно подавляетъ всякую попытку къ освобожденію.

Рабочаго гнететъ не только экономическій произволъ, но и произволъ финансовый, административный, судебный, полицейскій и онъ не могъ бы надѣяться избавиться отъ этого многообразнаго произвола, продолжая примѣнять гибельную систему воздержанія“ [1]).

Если изъ этой выдержки можно заключить, что будущая рабочая партія должна поставить своей задачей завоеваніе политической власти, то нужно признаться, что это соображеніе, *этотъ* доводъ въ пользу участія въ политической борьбѣ встрѣчается рѣже всего среди ряда доводовъ, выдвинутыхъ соціалистами. Чаще встрѣчаются указанія на то, что классовыя кандидатуры даютъ возможность противопоставить пролетаріатъ буржуазіи, даютъ поводъ вести пропаганду и агитацію, революціонизирующее вліяніе которыхъ неоспоримо. Такой взглядъ получилъ свое выраженіе въ статьѣ „О прямомъ представительствѣ“.

Но въ ней же очень горячо оспариваются возможные выводы изъ вы-

1) „Egalité“, 30—XII—1877.

шеприведеннаго отрывка. Авторъ ея подчеркиваетъ, что пролетаріатъ не можетъ надѣяться на то, что представители когда-нибудь окажутся въ большинствѣ въ парламентѣ. Если будетъ недостаточно давленія на избирателей буржуазныхъ капиталовъ, правящіе классы пустятъ въ ходъ противъ избранныхъ и противозаконныя средства, о которыхъ даже такія событія, какъ 18 Брюмера и 2 декабря могутъ дать лишь слабое представленіе.

„Армія, чиновничество, полиція, администрація—всѣ репрессивные органы современнаго государства—были созданы и существуютъ съ единственной цѣлью не допустить къ власти трудящееся большинство. Съ другой стороны, если даже допустить невозможное и предположить, что представители пролетаріата окажутся въ большинствѣ въ парламентѣ, то и этотъ фактъ не подвинетъ ни на шагъ дѣла соціальной революціи, потому что парламенты могутъ подъ давленіемъ обстоятельствъ только освятить, санкціонировать новый экономическій порядокъ, но создать его они безсильны“ [1]). Наконецъ, что касается свободы печати, собраній, союзовъ и пр., то всего этого можно добиться и отъ буржуазныхъ радикаловъ.

Къ концу перваго періода существованія „Egalité“ оговорки, слѣдующія постоянно за основнымъ положеніемъ—„мы являемся горячими сторонниками политической борьбы и представительства пролетаріата въ парламентѣ“—становятся все многочисленнѣе и первая серія газеты заканчивается совсѣмъ абстенціонистскимъ аккордомъ. Въ статьѣ подъ названіемъ „Приманка“ вы находите уже рядъ доводовъ противъ участія въ выборахъ. Участіе въ избирательной кампаніи раздѣляетъ пролетаріевъ, не могущихъ сойтись при выборахъ своихъ политическихъ господъ, придаетъ внѣшность законности теперешнему порядку вещей, внушаетъ ложныя надежды на возможность постепенно, мирно и законно освободиться отъ угнетенія... Правда, классовыя кандидатуры могли бы принести нѣкоторую пользу, концентрируя въ себѣ все негодованіе, весь гнѣвъ пролетаріата, онѣ, пожалуй, дали бы возможность—не захватить, разумѣется, организованную противъ рабочаго класса государственную власть,—но подсчитать силы, выбрать подходящій моментъ, онѣ могли бы дать толчокъ къ организаціи, но на самомъ дѣлѣ, несмотря на соотвѣтствующія резолюціи Парижскаго и Ліонскаго конгрессовъ, подобныхъ результатовъ не замѣчается. Выводъ: необходимость бороться съ избирательными увлеченіями массъ [2]).

Само собой понятно, что крайности и неправильности этого взгляда не раздѣлялись всей редакціей, что появленіе ихъ на столбцахъ „Egalité“ обязано тому обстоятельству, что въ то время соціалисты и анархисты работали еще вмѣстѣ. Разгромъ Коммуны и торжество буржуазіи заставили

[1]) „Egalite“, 13—I—1878.

[2]) „Egalité“, 14—VII—1878 г.

соединиться всѣхъ враговъ существующаго порядка, тѣмъ болѣе, что ихъ было не такъ много. Но не менѣе ясно и то, что и соціалисты того времени не возлагали особыхъ надеждъ на парламентскую дѣятельность. Они считали необходимымъ участіе въ политической борьбѣ, но не особенно надѣялись и дорожили непосредственными результатами. Это становится вполнѣ очевиднымъ, когда присматриваешься къ дѣятельности ихъ *послѣ* разрыва съ анархистами, разрыва именно по вопросу объ участіи или не участіи въ политической борьбѣ. Но объ этомъ дальше. Здѣсь же я хочу объяснить, почему я считаю нужнымъ въ статьѣ объ отношеніяхъ соціалистовъ къ экономической борьбѣ пролетаріата останавливаться на ихъ отношеніи къ политической борьбѣ. Дѣло въ томъ, что въ исторіи французской соціалистической партіи отношенія соціалистовъ къ той и другой формѣ пролетарской борьбы находятся въ такой тѣсной зависимости другъ отъ друга, что отдѣлить ихъ невозможно. Скажу больше,—мнѣ представляется, что усиленіе политической борьбы заставляло забрасывать экономическую и наоборотъ, т. е. умѣренное отношеніе къ политической борьбѣ давало возможность правильно отнестись и оцѣнить все огромное значеніе экономической борьбы и экономическихъ организацій.

Къ разсмотрѣнію отношенія группы „Egalité“ къ этой борьбѣ и соотвѣтствующимъ организаціямъ я перехожу.

Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ газеты названная группа пишетъ: „Въ экономической области организація наемныхъ рабочихъ для сопротивленія капиталистамъ явится единственно полезной дѣятельностью; стачка, тщательно подготовленная и во-время начатая, явится единственнымъ барьеромъ, который можно будетъ противопоставить капиталистической эксплоатаціи, единственнымъ способомъ обуздать ее. Итакъ, рабочіе, за дѣло, за созданіе обществъ сопротивленія“ [1]). Этотъ призывъ повторяется постоянно.

Призывая рабочихъ къ организаціи и самодѣятельности, соціалисты признавали полезнымъ даже созданіе кооперативовъ; они боролись только съ иллюзіей, что всѣ эти организаціи *сами по себѣ* могутъ избавить пролетаріатъ отъ эксплоатаціи, боролись съ предположеніемъ, что онѣ *достаточны* для эмансипаціи его, что онѣ являются *альфой и омегой* пролетарской борьбы. Въ тоже время всякія экономическія организаціи они считали безусловно необходимыми, считали условіемъ sine qua non освобожденія рабочаго класса. И для того, чтобы сдѣлать эту свою мысль вполнѣ ясной, они пишутъ въ статьѣ „Организуйтесь!“: „Именно отсутствіе организаціи той массы, которая представляетъ собою четвертое сословіе, и сдѣлало безплодными всѣ предшествовавшія революціи, совершенныя, однако, при содѣйствіи, или даже только пролетарскими руками“. Чтобы

---

[1]) Egalité. 30—XII—1877.

не было сомнѣній на счетъ того, о какой организаціи они говорятъ, они продолжаютъ: „Чѣмъ же являются на самомъ дѣлѣ, чѣмъ должны быть синдикаты и всякія кооперативныя общества... какъ не тѣмъ организмомъ, котораго всегда недоставало французскому пролетаріату и внѣ котораго онъ, конечно, может быть массой, но никогда не будетъ силой?“ Наконецъ, указавъ еще разъ на опасныя стороны кооперативовъ, они заключаютъ: „Что касается другихъ формъ группировки пролетаріата, особенно группировки профессіональной, то сколь бы консервативенъ, сколь робокъ ни былъ бы проникающій ихъ въ данный моментъ духъ, мы считаемъ ихъ столь существенными, что если бы не боязнь слишкомъ успокоить наши правящіе классы, мы заявили бы, что покуда такая группировка не будетъ достаточно развита, ихъ привилегіи не подвергаются никакой опасности“.

Не знаю, нужно ли упоминать, что больше всего мѣста занималъ вопросъ объ обобществленіи орудій производства, что ему удѣлялся maximum вниманія, посвящалось наибольшее количество силъ. Но этому вопросу не было разногласій въ редакціи „Egalité“, и неустанная пропаганда соціалистическаго идеала скоро принесла плоды.

Итакъ, вы видите, что несмотря на нѣкоторую невыдержанность взглядовъ, соціалисты въ общемъ и цѣломъ правильно указывали французскому пролетаріату великую цѣль и пути для достиженія ея. Этотъ періодъ ихъ дѣятельности можно было бы изобразить круто поднимающейся линіей. Съ невольнымъ уваженіемъ останавливаешься передъ этой маленькой группой, совершившей такую огромную работу. Все влечетъ къ ней,—широта взглядовъ, чисто юношеская энергія, отсутствіе личныхъ столкновеній, ни предъ чѣмъ не останавливающаяся преданность дѣлу. Членамъ этой группы тѣсно было въ рамкахъ маленькой газеты, и борьбу съ существующимъ порядкомъ они со столбцовъ ея переносятъ въ самую жизнь. Они пробѣгаютъ Францію изъ конца въ конецъ, повсюду устраивая митинги, собранія, читая доклады, распространяя брошюры. Они посылаютъ вызовы инакомыслящимъ и съ принимающими ихъ устраиваютъ настоящіе словесные поединки. Они съ соціалистической точки зрѣнія разсматриваютъ всѣ вопросы современной дѣйствительности, освѣщаютъ самые темные уголки жизни буржуазнаго общества. Они, наконецъ, безпощадно критикуютъ правительство и развѣнчиваютъ авторитеты, презрительной и ядовитой насмѣшкой отвѣчаютъ на преслѣдованія и замолкаютъ, уступая только грубому насилію.

Случай подсчитать результаты этой лихорадочной дѣятельности представился скоро. Во второй половинѣ 1879 года собрался въ Марсели третій рабочій съѣздъ. И по настроенію, и по содержанію онъ рѣзко отличался отъ предшествующихъ. Огромнымъ большинствомъ принимается на немъ резолюція объ обобществленіи орудій производства, земли и нѣдръ ея. Точно также принимается резолюція, гласящая, что „кооперативныя

общества ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться средствами, достаточными для освобожденія пролетаріата". Подтверждается необходимость прямого представительства пролетаріата въ парламентѣ. Наконецъ, признается необходимость основать рабочую партію. Какъ будто нарочно для того, чтобы подчеркнуть огромную перемѣну, происшедшую во взглядахъ французскихъ организованныхъ рабочихъ за истекшіе три года, жившіе въ Лондонѣ коммунары прислали привѣтственный адресъ конгрессу. Итакъ, эволюція почти закончена. Оставалось только выработать программу и сумѣть провести ее въ жизнь. Оговорюсь, впрочемъ: эволюція была черезчуръ быстрой. Нѣкоторые слои даже организованныхъ рабочихъ не могли поспѣть за ея, почти головокружительной, быстротой, и расколъ, предвѣстники котораго замѣтны были на Марсельскомъ съѣздѣ, сдѣлался неизбѣжнымъ. Онъ и произошелъ на конгрессѣ въ Гаврѣ, принявшемъ программу новой рабочей партіи. Положимъ, этотъ расколъ правильнѣе назвать отпаденіемъ дѣйствительно отсталыхъ элементовъ и, чтобы ни говорили буржуазные историки (см., напр., Seilhac „Les congrès ouvriers de France"), онъ никакого вліянія на дальнѣйшее развитіе движенія не оказалъ. Отпавшіе устроили еще два конгресса, но число участниковъ ихъ сократилось до смѣшного; такъ, въ Бордо было всего 27 представителей, изъ нихъ отъ рабочихъ города 23 и отъ остальной Франціи 4, и они разошлись, не имѣя возможности создать какую-либо организацію. Взгляды ихъ совершенно ясно объясняютъ причины ихъ неудачи: они отрицали самое существованіе пролетаріата, какъ класса, какъ четвертаго сословія; они объявили утопіей стремленіе пересоздать общество; они заявили, что рабочимъ необходимо только завоевать довѣріе, чтобы добыть нужные капиталы, а эта задача еще облегчается тѣмъ, что благодаря накопленію капиталовъ процентъ понижается настолько, что капиталъ скоро станетъ доступенъ рабочимъ. Въ качествѣ шедевра можно указать на тѣ соображенія, по которымъ они отрицательно отнеслись къ организаціи пенсіонныхъ кассъ. Оказывается, что онѣ не выгодны не только потому, что въ конечномъ итогѣ рабочіе будутъ на свой счетъ поддерживать ихъ, но еще и потому, что „онѣ уменьшаютъ въ человѣкѣ заботу о будущемъ, ослабляютъ чувства привязанности и доброты... Нужно улучшать нравы, а не издавать законы. Признательныя и преданныя дѣти— вотъ настоящія пенсіонныя кассы на случай старости!"

Во Франціи конца XIX столѣтія среди рабочаго класса, надъ пробужденіемъ сознанія котораго такъ энергично и такъ успѣшно работали французскіе соціалисты, подобныя идеи не могли найти послѣдователей. И причина пораженія „умѣренныхъ" именно въ этомъ, а не въ козняхъ „соціалистическихъ вожаковъ".

Гаврскій конгрессъ въ 1880 г. принялъ, какъ я уже упомянулъ, программу новой партіи, выработанную Гэдомъ вмѣстѣ съ Марксомъ и Эн-

гельсомъ. Но этотъ моментъ является кульминаціоннымъ пунктомъ плодотворной дѣятельности первыхъ французскихъ соціалистовъ-марксистовъ, т. е. если онъ является результатомъ, увѣнчивающимъ всю предшествовавшую работу ихъ, то въ то же время онъ же есть и отправная точка паденія.

Глава III.

Увлеченіе политической борьбой.

„Французскіе рабочіе-соціалисты, ставя цѣлью своихъ усилій политическую и экономическую экспропріацію класса капиталистовъ и возвращеніе обществу всѣхъ средствъ производства, рѣшили, *какъ средство организаціи и борьбы* (курсивъ мой), принять участіе въ избирательной кампаніи, выставивъ слѣдующія непосредственныя требованія...“ [1]).

Средствомъ организаціи и борьбы является участіе въ избирательной кампаніи. Это ясно и безспорно. Участіе избирательной кампаніи безусловно является средствомъ организаціи; несомнѣнно, является одной изъ формъ борьбы. Но достаточно только повторить нѣсколько пространнѣе это положеніе, чтобы замѣтить, что, будучи слишкомъ сжатымъ, такимъ, какимъ оно формулировано въ программѣ, оно даетъ мѣсто двумъ совершенно различнымъ толкованіямъ: участіе въ избирательной кампаніи является *однимъ изъ средствъ* или является *единственнымъ* средствомъ... Если принять послѣднее толкованіе, становится само собой понятнымъ, каково будетъ отношеніе людей и группъ, стоящихъ на такой точкѣ зрѣнія, къ экономическимъ организаціямъ пролетаріата. Какое же толкованіе принято было французскими соціалистами? Сперва не возникало никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Самая программа, изъ которой сдѣлана вышеприведенная выдержка, называлась *Избирательной Программой*, чѣмъ подчеркивалось, что она не претендуетъ выразить въ себѣ всѣ формы классовой борьбы. Далѣе, въ резолюціи областного съѣзда, на которомъ впервые была принята эта программа (Congrès de la région du Centre), сказано, что „политическая дѣятельность подчинена соціалистическому движенію и служитъ ему только средствомъ“. Наконецъ, въ самой программѣ говорится, что „для организаціи пролетаріата въ отдѣльную политическую партію должно употребить всѣ средства, какими пролетаріатъ располагаетъ, *включая сюда всеобщее голосованіе*“ (курсивъ мой. *Вл. Ш.*).

Итакъ, ясно, что политическая организація пролетаріата оставляетъ мѣсто еще другой, по крайней мѣрѣ, столь же необходимой; что политическая борьба не исчерпываетъ собою всѣхъ формъ борьбы. Наряду съ

[1]) La programme de la Partie ouvriére, ses considerants et ses articles par Jules Guesde et Paul Lafargue, 6 éd. Lille, 1902 г., стр. 8.

такимъ пониманіемъ политической дѣятельности пролетаріата мы встрѣчаемъ соотвѣтственное отношеніе и къ парламентской борьбѣ. Ее соціалисты считаютъ составной и подчиненной частью всей пролетарской борьбы. Такъ, сообщая о благополучномъ выходѣ въ свѣтъ номера „Народной Воли" отъ 14-го января 1880 г., „Egalité" пишетъ по поводу напечатанной въ немъ программы Исполнительнаго Комитета: „Эти надежды на законодательную дѣятельность парламента послѣ революціоннаго ниспроверженія теперешняго правительства кажутся намъ менѣе цѣнными, чѣмъ рѣшительное провозглашеніе соціалистическихъ принциповъ, которое мы находимъ въ началѣ программы" [1]). Въ комментаріяхъ къ своей программѣ французскіе соціалисты выражались не менѣе ясно: „Рабочая партія вступаетъ въ избирательную кампанію не для того, чтобы добыть себѣ мѣста совѣтниковъ и депутатовъ, которыя она предоставляетъ гемо-ройнымъ буржуа всѣхъ цвѣтовъ [2]), но ради пропаганды своихъ идей и разоблаченія буржуазныхъ вождей. Если же случайно нѣкоторымъ соціалистамъ удастся проникнуть въ представительныя собранія, то они этимъ воспользуются *только* въ интересахъ той же пропаганды. Соціалистическая печать вполнѣ раздѣляла эти взгляды, и ихъ развивала особенно убѣдительно редакція „Egalité", хотя, какъ я уже упоминалъ, въ это время анархисты ушли изъ нея.

Но это умѣренное отношеніе къ политической борьбѣ продолжалось не долго. Скоро она поглотила всѣ мысли, всѣ силы французскихъ соціалистовъ. А недостаточно ясная формулировка основного положенія „избирательной программы", быстро утерявшей первую половину своего названія, какъ бы освящала неправильное толкованіе этого положенія. Нѣкоторую роль здѣсь сыгралъ все тотъ-же кризисъ, при которомъ стачечная борьба стала почти невозможной. Эта невозможность ощущалась такъ остро, что анархисты, оказавшіеся въ большинствѣ на Марсельскомъ областномъ конгрессѣ, вынесли резолюцію, отвергающую стачки, какъ безсильныя улучшить положеніе пролетаріата. Съ другой стороны, сказались увлеченія борьбой, становившейся все болѣе ожесточенной, съ анархистами, еще усерднѣе, чѣмъ стачки, отвергавшими участіе въ избирательной кампаніи. Наконецъ, рѣшающимъ моментомъ надо признать успѣхъ одной соціалистической кандидатуры въ провинціальный Окружной Совѣтъ. Трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ на соціалистовъ этотъ, въ сущности малозначительный, фактъ. Какъ ни грѣшимъ мы, русскіе соціалъ-демократы, оптимизмомъ, какъ охотно ни перепрыгиваемъ мы отъ буржуазной революціи черезъ „перманентную" къ соціальной, наши увлеченія объясняются все-таки переживаемымъ революціоннымъ моментомъ. Увлеченія же французскихъ соціалистовъ въ 1880 г., въ сѣрую эпоху консо-

---

1) „Egalité", 11-го февр. 1880 г.

2) La programme de la partie ouvrière, стр. 30—31.

лидаціи буржуазной республики, остаются необъяснимыми. Въ „Egalité" по поводу этихъ удачныхъ выборовъ появляется статья „Начало конца", которая своимъ названіемъ говоритъ объ огромномъ полетѣ фантазіи. Авторъ ея утверждаетъ, что на ближайшихъ законодательныхъ выборахъ коллективисты соберутъ не больше, не меньше, какъ *1 милліонъ голосовъ*. Напомню, что теперь, по истеченіи четверти вѣка, коллективисты все еще не собрали этого желаннаго и, казалось, столь близкаго милліона. Въ зависимости отъ этихъ радужныхъ предвидѣній измѣнилась и оцѣнка политической борьбы. Избирательная кампанія является для партіи теперь „полемъ для маневровъ, на которомъ можно собрать свои войска, упражнять ихъ, дисциплинировать, пріучить къ ежедневной борьбѣ и подготовить ихъ къ борьбѣ революціонной". Дальше—больше: „Мы—сторонники участія въ избирательной борьбѣ, ибо *только оно* (курсивъ мой. *Вл. Ш.*) дастъ намъ возможность создать свою армію и дать административный опытъ рабочимъ, призваннымъ, на слѣдующій день послѣ революціи, взять въ свои руки завѣдываніе производительными силами". Параллельно съ измѣненіемъ отношенія къ политической борьбѣ, рядомъ съ эволюціей взгляда, по которому „первымъ актомъ организаціи класса неизбѣжно является отдѣленіе пролетаріата отъ буржуазныхъ политическихъ партій, отдѣленіе, долженствующее произойти на избирательной почвѣ, при помощи того самаго избирательнаго бюллетеня, который создалъ политическое смѣшеніе классовъ", рядомъ съ эволюціей этого взгляда въ сторону признанія перваго акта—единственнымъ, происходило измѣненіе отношенія къ экономической борьбѣ и соотвѣтствующимъ организаціямъ. Въ номерѣ той же „Egalité", въ третій разъ выступавшей на арену борьбы, въ номерѣ отъ 8-го января 1882 г. Гэдъ писалъ по поводу стачекъ: „Не въ борьбѣ на экономической почвѣ, не въ качествѣ все болѣе и болѣе зависимыхъ наемныхъ рабочихъ борющіеся пролетаріи добьются своего освобожденія. Они смогутъ создать свободу для себя и для всего человѣчества только на политической почвѣ, выступивъ на борьбу въ качествѣ гражданъ и овладѣвши политической властью съ цѣлью экспропріировать своихъ эксплоататоровъ".

Не приходится удивляться тому, что это перенесеніе центра тяжести въ теоріи должно было на практикѣ выразиться въ ослабленіи вниманія къ экономической борьбѣ. Словесныя оговорки много помогали дѣлу. Точно такъ же, какъ *избирательная* программа партіи превратилась въ программу просто—по крайней мѣрѣ никакой другой не было,—такъ и утвержденіе, что „завоеваніе центральной власти должно быть единственной *политической* задачей партіи", превратилось чуть ли не въ свою противоположность благодаря незамѣтному исчезновенію подчеркнутаго слова. Измѣняя такимъ образомъ свою физіономію, партія дѣлала все болѣе непрочными свои связи съ массой. Она указывала на новые пути, она все

рѣшительнѣе заявляла, что *только* они ведутъ къ освобожденію, она съ вѣрой неофита сокращала ихъ длину и намекала на возможность реализаціи соціалистическаго идеала въ самомъ недалекомъ будущемъ. Повторяю, эта ея вѣра является одной изъ причинъ пониженія интереса къ экономической борьбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если черезъ какой-нибудь годъ партія соберетъ подъ свои знамена милліонъ избирателей, отчего черезъ пять лѣтъ ей не собрать вдвое больше? Если это такъ—а это, разумѣется, такъ, разсуждали соціалисты—черезъ нѣсколько лѣтъ политическая власть перейдетъ отъ буржуазіи къ намъ, быть можетъ, даже безъ особенныхъ осложненій. Зачѣмъ же тогда растрачивать свои силы, заниматься дѣлами *второстепенной* важности и, такимъ образомъ, только тормазить дѣло эмансипаціи пролетаріата?! Кто рѣшится осудить людей, которые, видя предъ собой прекрасный идеалъ, зная путь для достиженія его и вѣря въ то, что этотъ путь можетъ быть пройденъ въ одинъ историческій день, пожалуй, въ одинъ историческій часъ, пошли по этому пути... если, конечно, ихъ вѣра была на чемъ-нибудь основана? Къ сожалѣнію, она была основана на заблужденіи, и самое скверное заключалось въ томъ, что, когда факты доказали ошибочность всѣхъ предположеній, соціалисты стали искать причинъ неудачи далеко не тамъ, гдѣ онѣ были на самомъ дѣлѣ. Наоборотъ, они продолжали вѣрить, что нашли, наконецъ, ту, упоминаемую еще коммунарами, „боевую организацію, которая одна только можетъ обезпечить пролетаріату побѣду“ и для которой организаціи экономической борьбы являются только „началомъ и отправнымъ пунктомъ“.

Политическая борьба съ необычайной быстротой завоевываетъ все вниманіе партіи, скоро она становится единственнымъ ея raison d'être. Съ этого-же момента начинается распаденіе, почти распыленіе французской соціалистической партіи. Поводомъ послужила, какъ и слѣдовало ожидать, неудача, постигшая партію на муниципальныхъ и законодательныхъ выборахъ 1881 г. На муниципальныхъ выборахъ партія получила 40 тысячъ голосовъ, на законодательныхъ вмѣсто одного милліона—50 тысячъ. Ударъ былъ жестокій, и всѣ члены партіи стали искать причинъ пораженія. Лафаргъ, казалось, подошелъ очень близко къ основной причинѣ; онъ писалъ въ одномъ частномъ письмѣ: „потому что мы во все горло кричали о нашей партіи, о рабочей партіи, то вы думали, что дѣло сдѣлано, что партія дѣйствительно существуетъ и представляетъ полный организмъ съ руками, ногами, животомъ и головой; партія имѣетъ пока только глотку, стоющую, правда, четырехъ, рабочая партія не существуетъ“ [1]). Несомнѣнно, причина указана вѣрно, но какъ помочь дѣлу? Лафаргъ, Гэдъ и группировавшіеся вокругъ нихъ соціалисты рѣшили, что надо удвоить

---

[1]) Цит. у Вейль: „Исторія соціальнаго движенія во Франціи“, перев. Л. Борисовича, стр. 237.

энергію, интенсифицировать пропаганду и агитацію и вести работу въ томъ же направленіи, но въ большемъ масштабѣ и въ ускоренномъ темпѣ. Остальные же члены партіи съ Бруссомъ, Аллеманомъ и Малономъ во главѣ винили во всемъ программу партіи, которая, съ одной стороны, пугаетъ избирателя, съ другой, не указываетъ ему никакихъ непосредственныхъ выгодъ отъ избранія соціалистовъ, и требовали поэтому, чтобы кандидаты партіи имѣли право измѣнять ее въ согласіи съ поддерживающими ихъ кандидатуру федераціями и избирательными комитетами. Какъ всегда бываетъ, это коренное различіе взглядовъ осложнилось личными столкновеніями, ускорившими расколъ. Въ 1882 году во Франціи образовалось уже двѣ соціалистическихъ партіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ партія Брусса (поссибилиста) раскололась въ свою очередь. Отъ нея отпали аллеманисты, обвинявшіе поссибилистовъ въ томъ же, въ чемъ этихъ послѣднихъ, въ свое время, обвиняли гэдисты, т. е. въ отказѣ отъ усиленной пропаганды, въ погонѣ за мѣстами депутатовъ и муниципальныхъ совѣтниковъ, въ приниженіи принципіальныхъ положеній программы въ угоду неразвитымъ избирателямъ, въ отсутствіи дисциплины въ партіи и т. д. Приблизительно въ то же время организовалась партія бланкистовъ и нѣсколько позже группа независимыхъ соціалистовъ.

Но здѣсь меня не интересуетъ этотъ процессъ постепеннаго распада партіи, процессъ, конечно, самъ по себѣ интересный и въ высокой степени поучительный; для моей цѣли достаточно только указать на него и на обстоятельства, его вызвавшія. Не менѣе важно указать на то, что въ свои распри названныя политическія партіи увлекали связанныя съ ними экономическія организаціи. Здѣсь слова еще разъ разошлись съ дѣломъ, хотя всѣ соціалистическія партіи признавали необходимость нейтральности профессіональныхъ союзовъ, всѣ онѣ имѣли *свои* профессіональныя организаціи. Эти послѣднія также утверждали, что онѣ безпартійны, но ужъ одно то, что онѣ не сливались, доказывало обратное. Легко понять, конечно, какъ все это отражалось на веденіи экономической борьбы.

Влад. Шахъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Община и указъ 9-го ноября [1]).

Условія, при которыхъ состоялся разгонъ Думы, совершенно ясно отвѣчаютъ на вопросъ о конституціонности „законодательной" дѣятельности кабинета Столыпина, и не съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать указъ 9-го ноября. Для анализа отдѣльныхъ актовъ этой дѣятельности указанная точка зрѣнія совершенно безплодна: стать на нее—значило бы отказаться отъ такого анализа и остаться при голомъ отрицаніи дѣятельности современнаго кабинета.

Никого не обманетъ и та плохо скрытая политическая мысль, которая руководила правительствомъ при изданіи этихъ актовъ. Потрясеніе, испытанное Россіей благодаря революціи, таково, что сохраненіе стараго строя, долго сковывавшаго развитіе страны, стало невозможнымъ. Въ частности, въ области крестьянскаго законодательства нельзя уже было поддерживать прежнюю обособленность „податного" сословія, скрѣпленную рядомъ мѣръ, въ числѣ которыхъ замкнутая община и неотчуждаемость надѣловъ играли не послѣднюю роль. Оставаться цѣликомъ на старой почвѣ не могъ и совѣтъ министровъ, но контръ-революціонному правительству нужно было сохранить наибольшее число старыхъ позицій. Поэтому мѣры, проводимыя имъ, не могутъ удовлетворить общества.

Будущія законодательныя учрежденія должны пересмотрѣть „временныя" законодательныя мѣры совѣта министровъ съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ и отвергнуть то, что противорѣчитъ этимъ послѣднимъ. Иначе говоря, они должны будутъ разсмотрѣть эти мѣры *по существу*.

Съ этой точки зрѣнія взглянемъ на нихъ и мы и прежде всего прослѣдимъ ту юридическую почву и тѣ хозяйственныя потребности, которыя необходимо имѣть въ виду при пересмотрѣ нормъ, регулирующихъ общинныя отношенія.

---

[1]) Настоящая статья представляетъ докладъ, читанный въ Вольно-экономическомъ обществѣ 13-го декабря 1906 г. Въ него внесены лишь редакціонныя исправленія, а нѣкоторыя мысли его развиты подробнѣе, въ связи съ замѣчаніями, которыя онъ вызвалъ.

I.

Земельныя права крестьянъ опредѣляются далеко не однороднымъ переплетомъ различныхъ нормъ, въ которыхъ есть не мало пробѣловъ. Однако, основной тонъ въ этой области дается законодательными актами 19-го февраля 1861 года, касающимися бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Положеніе 1861 года сводило до минимума роль крестьянъ въ опредѣленіи размѣра и цѣнности выкупаемыхъ земель. Но зато оно признавало за крестьянами право полной собственности на эти земли по окончаніи ихъ выкупа. До уплаты ненормально высокаго выкупного долга права крестьянъ еще подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ для обезпеченія фискальныхъ интересовъ государства. Но съ уплатой долга ограниченія эти падаютъ. „По уплатѣ сей ссуды распространяются на выкупленныя земли правила, установленныя въ общемъ положеніи о крестьянахъ въ отношеніи земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность“ (ст. 106 пол. о вык., изд. 1902 г. [1]). При этомъ права отдѣльныхъ членовъ общины вовсе не поглощались общимъ правомъ ея. Напротивъ, имъ отдавалось предпочтеніе. Сообразно съ этимъ, по уплатѣ выкупной ссуды „каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ его долей участія въ пріобрѣтеніи сей земли“ (ст. 12 общ. полож., изд. 1902 г. [2]).

То обстоятельство, что земли отводились цѣлымъ обществамъ, было лишь формой поземельнаго надѣленія и нисколько не опредѣляло преимущественныхъ правъ общества передъ отдѣльными домохозяевами. Такъ, статья 107-ая Пол. вык. (изд. 1902), по которой земля, „выкупленная цѣлымъ обществомъ, признается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки оной между своими членами“, вполнѣ аналогична статьѣ 10-ой общ. пол. (того же изд.), предоставляющей совершенно тѣ же права обществамъ, пріобрѣтающимъ землю въ собственность, независимо отъ своего надѣла, причемъ эти права нисколько не поглощаютъ правъ отдѣльныхъ общинниковъ, установленныхъ цитированной уже статьей 12-ой того же положенія.

Перечисленныя нормы опредѣляли условія выкупа не только по законамъ 19-го февраля 1861 г., 27-го іюня 1862 г., но и по закону 28-го декабря 1881 г., сдѣлавшему выкупъ общеобязательнымъ.

Какъ извѣстно, удѣльные крестьяне, какъ и помѣщичьи, перешли на выкупъ по законамъ начала 60-хъ годовъ, и ихъ право на выкупленныя земли одинаково съ правомъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ иномъ положеніи находятся государственные крестьяне, которымъ земли были первона-

---

[1]) Ст. 159 Пол. о вык. 1861 г.

[2]) Ст. 36 Общ. пол. 1861 г.

чально уступлены на условіи уплаты постоянной оброчной подати. Въ мѣстностяхъ общиннаго владѣнія досрочное погашеніе этой подати и выдѣлъ участковъ въ подворное владѣніе допускался лишь по постановленію $^2/_3$ членовъ общества. Послѣдовавшій позднѣе переводъ государственныхъ крестьянъ на выкупъ преслѣдовалъ преимущественно фискальныя цѣли, принципіальные вопросы имъ забывались—и законъ 12-го іюня 1886 года былъ настолько неполонъ въ этомъ отношеніи, что не опредѣлилъ ясно даже того, что выкупу подлежитъ именно земля, благодаря чему нѣкоторые публицисты до послѣдняго времени утверждали, что собственно выкупается оброчная подать, земля же, какъ и раньше, остается собственностью государства. Точно такъ же не были опредѣлены и права отдѣльныхъ домохозяевъ на выкупленную землю, на основаніи чего еще въ истекшемъ году „Русскія Вѣдомости" утверждали, что эти права опредѣляются уже цитированными нормами первоначальнаго Положенія о госуд. крестьянахъ 1866 г. (ст. 4 б.—нынѣ ст. 33 полож. кр. каз., изд. 1902 года).

Но несмотря на пробѣлы и противорѣчія дѣйствующаго законодательства, общее обозрѣніе его позволяетъ установить то направленіе, въ какомъ эти пробѣлы должны заполняться. Тѣ отношенія къ надѣльной землѣ, въ которыя первоначально были поставлены одни помѣщичьи крестьяне, постепенно распространялись и на государственныхъ крестьянъ, которые также перешли на выкупъ. Если законъ, опредѣляющій земельныя права государственныхъ крестьянъ, не полонъ, то пробѣлы его разрѣшаются нормами болѣе полнаго акта 1861 г., которому этотъ послѣдующій актъ лишь подражалъ; неполнота послѣдующаго акта не можетъ толковаться въ томъ смыслѣ, что навсегда сохраняется раздѣленіе крестьянства на два разряда съ разными правами, обусловливаемыми лишь историческимъ прошлымъ этихъ разрядовъ. Наоборотъ, съ уничтоженіемъ сословнаго строя должны пасть не только эти различія внутри крестьянства, но и земельное право всѣхъ крестьянъ вообще станетъ тожественно съ земельнымъ правомъ остальныхъ гражданъ. Какъ извѣстно, эта идея лежала, между прочимъ, и въ основѣ актовъ 1861 года.

Изложенныя положенія представляютъ уже прочное пріобрѣтеніе крестьянскаго права. Сенатъ призналъ, что надѣленныя государственнымъ крестьянамъ земли „со дня выдачи владѣнныхъ записей перестали быть собственностью казны, а переходятъ въ собственность крестьянъ" (рѣш. гражд. кассац. деп. сената 1890 г., № 110). И комиссія по составленію гражданскаго уложенія также признаетъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ *крестьянами-собственниками*, причемъ она ссылается на преобразованіе оброчной подати въ выкупные платежи [1]). Статья 33 пол. кр. каз.

[1]) Проектъ третьей книги, т. III, стр. 112.

(изд. 1902 года), допускающая выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ лишь съ согласія $^2/_3$ членовъ общества, какъ видно изъ ея заключительной части, относится лишь ко времени, когда выкупные платежи еще не уплачены. Теперь она теряетъ свое значеніе и на ея мѣсто должна выступить ст. 12-ая Общ. положенія.

Постепенно „Общее положеніе“ сдѣлалось законодательнымъ актомъ, опредѣляющимъ права *всѣхъ* разрядовъ крестьянъ, и эту роль оно уже играетъ въ послѣднемъ изданіи свода законовъ („Особ. прилож.“, т. IX, изд. 1902 г.). То же значеніе имѣетъ теперь и ст. 12-ая, опредѣляющая права отдѣльныхъ общинниковъ на землю. Поэтому, важно выяснить, какими мотивами руководствовался законодатель при установленіи этихъ правъ, отдавая имъ преимущество передъ правами общинъ.

Въ „Матеріалахъ редакціонныхъ комиссій“ по освобожденію крестьянъ находимъ эти мотивы: „вопросъ объ общинѣ и личномъ владѣніи долженъ быть въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи предоставленъ естественному ходу вещей“; „законъ въ этомъ случаѣ долженъ служить только точкой опоры для постепенно развивающагося сознанія народнаго“.

Итакъ, несомнѣнно, что права общинниковъ на землю твердо установлены дѣйствующимъ законодательствомъ, что съ этими правами придется считаться всякому будущему законодательству и что установленіе этихъ правъ вызвано не враждебностью къ общинѣ, а мыслью о необходимости дать исходъ развитію формъ народной жизни.

Въ какомъ же отношеніи къ этой почвѣ стоитъ указъ 9-го ноября? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ г. Кауфманъ, съ которымъ въ данномъ случаѣ нельзя не согласиться: „Фактъ, что составители указа 9-го ноября дѣйствительно стоятъ на почвѣ дѣйствующаго закона и только „устраняютъ затрудненія“ къ проведенію въ жизнь указаній этого закона“ („Р. В.“, № 280).

Но тотъ-же авторъ въ послѣдующихъ статьяхъ отводитъ этотъ доводъ: „Не положенія 19-го февраля,—говоритъ онъ,—создали крестьянскую общину; они такъ или иначе, правильно или неправильно отнеслись къ уже до нихъ существовавшимъ общиннымъ формамъ владѣнія землей“ („Вѣстн. нар. св.“, № 41). Такой отводъ могъ бы показаться сильнымъ, но онъ смѣшиваетъ двѣ вещи: порядки землепользованія и право собственности. Дѣло въ томъ, что общинное пользованіе возможно не только на земляхъ, принадлежащихъ общинѣ на правѣ собственности,—оно возможно и на земляхъ, принадлежащихъ на правѣ собственности другому лицу, которыя община держитъ на иномъ правѣ, напримѣръ, арендуетъ. И до освобожденія крестьянъ въ Россіи несомнѣнно существовало общинное пользованіе, но оно практиковалось на землѣ, которая принадлежала на правѣ собственности не крестьянскому міру, состоявшему изъ крѣпостныхъ, а помѣщику.

Положенія 1861 года одинаково являются основаніемъ существующей собственности не только для крестьянъ, но и для помѣщиковъ, и этого не слѣдуетъ забывать. Крестьянскую собственность на землю они создали; для помѣщичьей опредѣлили ея размѣры, и не согласіе съ народнымъ сознаніемъ, а именно согласіе съ положеніями 1861 года опредѣляютъ признаніе правъ собственности и ихъ судебную защиту.

Такъ какъ доводы, о которыхъ идетъ рѣчь, высказаны лицомъ, принадлежащимъ къ партіи народной свободы, то намъ легче будетъ пояснить нашу мысль примѣромъ.

Несомнѣнно, что размѣры помѣщичьей собственности, какъ они были установлены положеніями 1861 года, далеко не отвѣчали народному сознанію. Въ народномъ сознаніи всѣ земли, бывшія въ пользованіи крестьянъ, являлись крестьянскими. Тѣмъ не менѣе, положеніе отрѣзало у крестьянъ въ пользу помѣщиковъ болѣе 5-ти милліоновъ десятинъ, и партія народной свободы считаетъ возможнымъ отчудить ихъ лишь на условіи выкупа „по справедливой оцѣнкѣ", т. е. признаетъ права помѣщиковъ на эту землю. Права общинниковъ на выкупавшуюся ими землю, вѣроятно, болѣе соотвѣтствуютъ народному сознанію. Во всякомъ случаѣ, они твердо установлены положеніями 1861 года. Ясно, что конституціонно-демократическая партія не имѣетъ основанія отрицать правъ отдѣльныхъ крестьянъ, основанныхъ на тѣхъ-же положеніяхъ 1861 г., которыя явились основаніемъ и для признаваемыхъ ею правъ помѣщиковъ.

Для насъ несомнѣнно, что ни указъ 9-го ноября, ни будущее законодательство, признающее право собственности вообще, не могутъ отрицать правъ общинниковъ на землю, ихъ права требовать укрѣпленія за ними въ личную собственность причитающейся имъ части общинной земли.

Но еще важнѣе для насъ другой вопросъ: отвѣчаетъ ли такое право дѣйствительно существующимъ хозяйственнымъ потребностямъ. Для ясности скажемъ два слова о хозяйственномъ значеніи общины.

II.

Не касаясь вопроса о происхожденіи общины, необходимо, однако, отмѣтить, что она постоянно и неуклонно исполняла функціи органа финансоваго и политическаго господства государства. Съ этой точки зрѣнія она являлась весьма удобнымъ институтомъ. Подъ ея покровомъ проходила политика земельнаго обдѣленія крестьянства; она „гарантировала" непомѣрно высокій выкупной долгъ и обезпечивала исправное поступленіе платежей по нему. Въ періодъ полнаго несоотвѣтствія платежей съ доходностью земли она скрѣпляла воедино готовое разсыпаться населеніе и объединяла его въ удобный объектъ фискальной обработки. Поскольку финансовая система была основана на высокомъ обложеніи массъ, хотя бы

и малоимущихъ, и на пробѣлахъ въ обложеніи болѣе богатыхъ слоевъ,—передѣльная функція и общинное равненіе являлись полезной деталью въ этой системѣ.

Въ виду сказаннаго, община являлась обязательной и поддерживаемой, хотя и не всегда любимой, организаціей. Выходъ изъ нея на сторону былъ по возможности затрудненъ и, во всякомъ случаѣ, былъ обставленъ существенными невыгодами для выходящаго. Такимъ образомъ, внѣшняя организація общины въ значительной мѣрѣ обусловливалась фискальной ролью, которую она должна была играть. Но, помимо этой стороны, община тѣснѣйшимъ образомъ связана съ хозяйственной жизнью населенія.

Я совершенно отрицаю точку зрѣнія абсолютнаго вреда или абсолютной пользы общины. Она болѣе, чѣмъ какой-либо другой общественный институтъ,—явленіе относительное. Въ частности это справедливо по отношенію къ состоянію техники крестьянскаго хозяйства.

Нельзя считать справедливымъ часто высказывавшееся мнѣніе, что общинная форма землепользованія можетъ явиться абсолютной преградой для развитія земледѣльческой техники, препятствіемъ, его-же не прейдеши. Она можетъ играть такую роль при извѣстныхъ условіяхъ и нѣкоторое время, напримѣръ, когда необходимость удобренія полей назрѣваетъ, но еще не стала повелительной. Въ большинствѣ случаевъ, наоборотъ, общинная жизнь и распорядки сами слѣдуютъ за состояніемъ техники крестьянскаго хозяйства [1]).

При низкомъ уровнѣ техники, при полной зависимости результатовъ хозяйства отъ силъ природы, община еще долго будетъ необходима, содѣйствуя равномѣрному распредѣленію между общинниками естественныхъ выгодъ и страхуя до извѣстной степени отъ неравномѣрно дѣйствующихъ стихійныхъ бѣдствій. Общій выпасъ по пару и жнивью усиливаетъ выгодность общины при данныхъ условіяхъ. Передѣльная община весьма хорошо уживается въ районѣ наиболѣе экстенсивнаго крестьянскаго хозяйства. Географически наиболѣе „жизненныя" формы передѣльной общины совпадаютъ съ райономъ все учащающихся голодовокъ. Переходя къ сѣвернымъ и западнымъ частямъ полосы общиннаго землевладѣнія, замѣчаемъ другое. Въ районѣ постояннаго и обязательнаго удобренія и болѣе высокой техники крестьянскаго хозяйства передѣловъ почти не

[1]) Тутъ надо отмѣтить и довольно распространенный предразсудокъ въ пользу общины. Говорятъ нерѣдко, что община не только не препятствуетъ, но даже содѣйствуетъ переходу къ высшимъ формамъ хозяйства, напр., переходу къ травосѣянію. Факты этого не подтверждаютъ. Община, правда, не можетъ задержать такого перехода, но и серьезнаго содѣйствія ему оказать не можетъ. Травосѣяніе на крестьянскихъ земляхъ гораздо сильнѣе распространено въ районахъ подворнаго землевладѣнія, чѣмъ въ земской и общинной Великороссіи.

бывает, и крестьяне владѣютъ землей на правѣ семейно-участковомъ. То же отчасти замѣчается и въ черноземномъ центрѣ, на западѣ общинной области, гдѣ земли очень дороги и гдѣ крестьяне за нихъ крѣпко держатся.

Если принять во вниманіе оговорку о мѣстностяхъ, переходящихъ къ удобренію, нужно признать, что въ большинствѣ случаевъ община совершенно неповинна въ низкомъ состояніи техники крестьянскаго хозяйства. Но въ той формѣ, въ которую она сложилась, она является соціальнымъ институтомъ, во всякомъ случаѣ не безразличнымъ для развитія хозяйственной жизни.

Если общинное землевладѣніе далеко не вездѣ сопровождается уравнительными передѣлами, этой—по выраженію „Русскаго Богатства"—самой дорогой чертой русской общины, или—по выраженію А. А. Чупрова—„своеобразной формой взаимнаго страхованія противъ многосемейности", то вездѣ оно является формой, приспособленной къ опредѣленному, неподвижному укладу жизни: русская община признаетъ интересы только населенія, остающагося на мѣстѣ, при этомъ не выходящаго изъ обычныхъ рамокъ веденія хозяйства. При сохраненіи ихъ, подъ покровомъ общины, населеніе могло терять свое хозяйство, сдавать свои надѣлы богачамъ за безцѣнокъ; разслоеніе его въ этомъ отношеніи не задерживалось общиной. Но для всѣхъ, выходящихъ изъ этихъ рамокъ, община являлась не матерью, а мачехой.

Въ этомъ смыслѣ характерно отношеніе общины къ земледѣльческимъ переселенцамъ и къ лицамъ, ушедшимъ на заработки. Община не принимаетъ никакихъ мѣръ къ облегченію переселенія на сторону и хозяйственному обзаведенію переселенцевъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, община гернгутеровъ. Наоборотъ, переселенцы изъ общинныхъ мѣстностей менѣе всѣхъ обезпечены, такъ какъ должны были бросить свои земли безъ всякаго вознагражденія. Ушедшіе на сторонніе заработки (особенно малосемейные) самое большее могутъ сдать свои земли въ аренду за ничтожную плату или запустить ихъ, но не найти въ нихъ опору для сторонней дѣятельности.

Между тѣмъ оба эти явленія—неизбѣжныя, и имъ предстоитъ еще развиваться. Существовавшая доселѣ община ихъ не устраняетъ, она только обездоливаетъ ослушниковъ обычнаго уклада. Наконецъ, надо отмѣтить еще одно безусловно жизненное явленіе. При извѣстной площади землепользованія и извѣстномъ уровнѣ хозяйственныхъ силъ, хозяйство на отрубномъ участкѣ представляетъ несомнѣнныя преимущества. До сихъ поръ образованію ихъ по индивидуальному почину ставились непреодолимыя преграды.

Но и при сохраненіи черезполосицы можетъ быть важно укрѣпленіе за хозяиномъ опредѣленныхъ полосъ. Мы уже отмѣтили выше этотъ мо-

ментъ. Когда назрѣваетъ потребность въ переходѣ къ удобренію полей,— а эта задача стоитъ предъ громадной частью нашего трехпольнаго чернозема, а затѣмъ станетъ на очередь и для переложнаго чернозема,—тогда висящій надъ головами передѣлъ безусловно задерживаетъ всякія попытки къ такому переходу, и общинныя порядки тормазятъ удобреніе полей. Нельзя преувеличивать значенія этого факта, теперь общепризнаннаго.

Подводя итоги сказанному нами о хозяйственномъ значеніи общины, мы должны сдѣлать слѣдующіе выводы.

Поскольку общинные порядки сами слѣдуютъ за состояніемъ хозяйства, нужно признать вредными, а отчасти и безнадежными, всѣ попытки искусственно „разрушить общину“.

Но община не можетъ считаться вѣчной формой, и современная ея организація не должна являться препятствіемъ къ хозяйственному развитію страны. Между тѣмъ, современная принудительная община несомнѣнно играетъ такую роль то въ томъ, то въ другомъ отношеніи. Необходима замѣна принудительной общины общиной свободной. А достиженіе этой цѣли возможно лишь при признаніи правъ отдѣльныхъ общинниковъ на землю.

Необходимо особенно подчеркнуть эту задачу, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо отмѣтить условія ея выполненія. Ясно, что почти всегда въ каждый данный моментъ тѣ представители деревни, которые выходятъ изъ-подъ власти общины, будутъ въ меньшинствѣ. Оградить ихъ права необходимо, такъ какъ этого требуютъ интересы развитія страны. Но такое огражденіе вовсе не связано съ нарушеніемъ правъ остающихся въ общинѣ ея членовъ, съ помѣхами въ веденіи ими собственнаго хозяйства.

Таковы задачи будущаго законодательства въ этой области. Государственная Дума должна будетъ имѣть ихъ въ виду при пересмотрѣ указа 9-го ноября, и критика указа съ этой точки зрѣнія крайне необходима. При этомъ обнаруживаются огромные недостатки указа.

Важнѣйшимъ вопросомъ явится опредѣленіе доли, на которую имѣетъ право выходящій изъ общины домохозяинъ. На вторую очередь станетъ вопросъ о выдѣлѣ земель такого домохозяина къ одному мѣсту, и, наконецъ, мы разсмотримъ остальныя части указа.

III.

По уже цитированной 12-й статьѣ Общаго положенія, каждый членъ сельскаго общества, требующій укрѣпленія въ частную собственность своей доли изъ общественной земли, имѣетъ право на участокъ, „соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли“. Этотъ принципъ легко осуществить по отношенію къ землямъ, купленнымъ обществами. Но по отношенію къ надѣлу задача много труднѣе.

Послѣ многихъ лѣтъ выкупа, послѣ частныхъ и, можетъ быть, общихъ передѣловъ, измѣнившихъ доли землепользованія, а, стало быть, и доли въ платежахъ; послѣ того, какъ вопросъ объ участіи въ платежахъ осложнялся неравномѣрно накоплявшимися недоимками и перекладкой платежей по круговой порукѣ и, наконецъ, при отсутствіи—какъ общее правило—записей объ этихъ платежахъ невозможно точно опредѣлить указанную долю.

Остается лишь одинъ способъ разрѣшить вопросъ: опредѣлить причитающійся каждому общиннику участокъ по тѣмъ принципамъ, которые практикуются и общиной при распредѣленіи землепользованія. Другого способа не указалъ ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ по этому вопросу.

Остановимся прежде всего на общинахъ, гдѣ практикуются общіе передѣлы.

Здѣсь, повидимому, легко констатировать принципъ, которымъ руководствуется община при распредѣленіи земли: это основаніе разверстки при послѣднемъ передѣлѣ. Это единственная твердая почва, на которую можетъ опереться и община, и общинникъ при опредѣленіи своихъ правъ.

Но если выдѣлъ участка происходитъ не одновременно съ передѣломъ, а по истеченіи нѣкотораго срока послѣ него, то къ этому моменту можетъ перемѣниться какъ общее число разверсточныхъ единицъ въ общинѣ, такъ и наличное число разверсточныхъ единицъ въ данномъ дворѣ. Нельзя предоставить отдѣльному домохозяину права требовать выдѣла всей той земли, которою онъ владѣетъ по передѣлу. Это значило бы поощрять выдѣлъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ имѣется земли больше, чѣмъ они имѣютъ право по наличному составу ихъ семьи; это значило бы на соотвѣтствующую величину обезземелить остальныхъ членовъ общины. Чтобы оградить интересы остающихся (а также выходящихъ) членовъ общины, надо сдѣлать слѣдующее. Сохраняя установленное послѣднимъ передѣломъ основаніе разверстки, необходимо пересчитать число разверсточныхъ единицъ во всей общинѣ въ моментъ выдѣла; опредѣлить, сколько земли причитается на каждую единицу и отвести данному домохозяину угодій на столько разверсточныхъ единицъ, сколько ихъ имѣется налицо въ его дворѣ [1]).

Указъ 9-го ноября какъ бы признаетъ несправедливость выдѣла по фактическому владѣнію. Онъ принимаетъ исходъ, средній между фактическимъ владѣніемъ и изложеннымъ выше „мысленнымъ передѣломъ“ г. Чупрова. Не требуя пересчета разверсточныхъ единицъ во всей общинѣ и новаго опредѣленія размѣра разверсточной доли, онъ требуетъ, однако,

[1]) Точнѣе другихъ формулировалъ пріемы этого „мысленнаго передѣла“ доцентъ петербургскаго политехникума г. Чупровъ (ср. статьи въ №№ 283 и 287 „Рус. Вѣдомостей“).

пересчета наличнаго количества разверсточныхъ единицъ во дворѣ выдѣляющагося домохозяина. Послѣдній имѣетъ безусловное право лишь на участокъ, причитающійся на наличное количество разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ.

Въ качествѣ практическаго исхода, менѣе сложнаго, чѣмъ „мысленный передѣлъ", такой разсчетъ могъ бы еще показаться пріемлемымъ. Но и этотъ принципъ не выдержанъ указомъ. Во-первыхъ, община все-таки не можетъ сохранить за собою этого излишка фактическаго владѣнія надъ тѣмъ количествомъ земельныхъ „душъ", на который домохозяинъ имѣетъ право по указу. Этотъ излишекъ во всякомъ случаѣ поступаетъ выдѣляющемуся хозяину, онъ обязанъ только за него заплатить. Эта несправедливость еще усугубляется способомъ оцѣнки: платежъ сообразуется со средней стоимостью земли по разсчету выкупной ссуды; вмѣсто дѣйствительной цѣны домохозяинъ платитъ выкупную, которая во всякомъ случаѣ ниже дѣйствительной; мало того, выкупая, какъ увидимъ, главнымъ образомъ пашню, платитъ по средней стоимости всей земли вообще. Наконецъ, и это правило о доплатѣ касается лишь угодій, находящихся въ постоянномъ пользованіи. Въ угодьяхъ, передѣляемыхъ на особомъ основаніи, напр., сѣнокосныхъ, лѣсныхъ и т. д., выдѣляющійся хозяинъ сохраняетъ право пользованія въ неизмѣнной долѣ, которая опредѣляется уже прямо по фактическому владѣнію.

Такимъ образомъ, признавая фактическое владѣніе несправедливымъ основаніемъ для выдѣла изъ передѣльной общины, указъ тѣмъ не менѣе почти цѣликомъ принимаетъ это основаніе. Домохозяевамъ, имѣющимъ случайно сравнительно много земли въ фактическомъ владѣніи, тѣмъ самымъ выдается незаслуженная премія за выдѣлъ. Этимъ извращается весь смыслъ выдѣла. Вмѣсто того, чтобы руководиться соображеніями удобства веденія своего хозяйства, при такой постановкѣ дѣла выдѣлъ часто будетъ опредѣляться случайной возможностью захватить побольше земли и обезземелить (частично) своихъ однообщественниковъ.

Трудно сомнѣваться, что такая редакція указа продиктована чисто политическими цѣлями: правительство разсчитывало, повидимому, поощрить выдѣлъ общинниковъ изъ общины, искусственно ускорить ея разложеніе и внести раздоры въ крестьянскую среду.

Эта политическая цѣль указа необычайно грубо и съ полнымъ презрѣніемъ къ праву подчеркнута позднѣйшимъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ циркуляръ останавливается на томъ случаѣ, когда тотъ или другой домохозяинъ заявитъ желаніе выйти изъ общиннаго владѣнія въ то время, когда общество уже рѣшило произвести новый общій передѣлъ и постановило о томъ приговоръ.

Несмотря на то, что въ этомъ случаѣ уже имѣется приговоръ о передѣлѣ, постановленный независимо отъ желанія общинника выйти изъ общины,

несмотря на то, что приговоръ о передѣлѣ и приговоръ объ укрѣпленіи земли въ частную собственность выходящаго общинника должны пройти совершенно одинаковыя инстанціи, а, стало быть, ранѣе постановленный приговоръ о передѣлѣ долженъ и раньше войти въ законную силу,—несмотря на все это, циркуляръ предписываетъ другой порядокъ: „когда заявленіе о выходѣ изъ общиннаго владѣнія сдѣлано *до вступленія въ законную силу* общиннаго приговора о новомъ передѣлѣ", расчетъ количества земли, укрѣпляемой въ личную собственность домохозяина, „долженъ производиться на основаніяхъ разверстки, дѣйствующей до составленія приговора", т. е. по предпослѣднему, а не по послѣднему приговору о передѣлѣ. Такой порядокъ позволяетъ земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ съѣздамъ тормазить утвержденіе приговоровъ о передѣлахъ, прямо помогаетъ крестьянамъ-широкодачникамъ нарушать волю міра и укрѣплять въ свою личную собственность участки земли, которыми они уже не могутъ пользоваться по ясно выраженному правильному сознанію общества. Это, дѣйствительно, только пріемъ для искусственнаго разрушенія общины.

Эта часть указа, въ связи съ ея толкованіемъ въ циркулярахъ, безусловно должна быть исправлена при первой возможности.

Надо отмѣтить еще, что споръ о правѣ на землю между общиной и отдѣльнымъ домохозяиномъ, по существу гражданскій споръ, разрѣшается въ концѣ концовъ земскимъ начальникомъ и уѣзднымъ съѣздомъ, которыхъ никто не признаетъ компетентнымъ судебнымъ органомъ. Компетенція земскихъ начальниковъ въ этихъ дѣлахъ также немедленно должна быть уничтожена.

Перейдемъ къ безпередѣльнымъ общинамъ.

Ясно, что въ безпередѣльныхъ общинахъ критеріемъ для опредѣленія размѣра выдѣла можетъ служить лишь размѣръ постояннаго землепользованія домохозяина. Земли, находящіяся въ фактическомъ пользованіи хозяина, въ такихъ общинахъ очень часто находятся въ пользованіи даннаго домохозяина и его наслѣдодателей съ самаго момента перехода на выкупъ. Указъ относитъ къ безпередѣльнымъ общинамъ тѣ, въ которыхъ не было передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ, предшествующихъ выдѣлу. Какъ практическій исходъ изъ запутаннаго донынѣ положенія, срокъ этотъ, вѣроятно, придется принять. Его нельзя считать слишкомъ короткимъ. Споръ, поднятый относительно этого срока, я не считаю существеннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, для настоящаго момента срокъ этотъ охватываетъ весь періодъ, когда выкупъ сдѣлался общеобязательнымъ, а также весь періодъ усиленнаго передѣльнаго движенія среди общинъ. Въ дальнѣйшемъ общины, въ которыхъ вопросъ о передѣлѣ уже назрѣлъ, могутъ имѣть въ виду этотъ срокъ и не допускать зачисленія себя въ разрядъ безпередѣльныхъ, производя своевременно передѣлъ. Мы должны напомнить при этомъ,

что выше мы уже высказались противъ всякихъ циркуляровъ и законовъ, затрудняющихъ общинамъ передѣлы.

До недавняго времени дѣло осложнялось вопросомъ о частныхъ передѣлахъ. Въ рукахъ домохозяина въ „безпередѣльной“ (въ смыслѣ указа) общинѣ могли находиться надѣлы, данные ему общиной лишь во временное пользованіе. Спрашивается, не можетъ ли онъ потребовать укрѣпленія въ личную собственность также и этихъ участковъ?

Упомянутый циркуляръ разъясняетъ, что укрѣпляться въ собственность могутъ лишь надѣлы, находящіеся въ постоянномъ пользованіи, т. е. предоставленные хотя бы по частнымъ передѣламъ „въ постоянное владѣніе безъ указанія срока или впредь до слѣдующаго общаго передѣла“. Надѣлы же, данные на опредѣленный срокъ или на особыхъ условіяхъ, къ участкамъ постояннаго пользованія причислены быть не могутъ. Такимъ образомъ своевременно выраженная воля общины признана подлежащей удовлетворенію, и потому такой исходъ мы считаемъ правильнымъ. Кромѣ того, къ участкамъ постояннаго пользованія въ безпередѣльныхъ общинахъ причислены надѣлы, пріобрѣтенные покупкою, что также нельзя оспаривать.

Въ статьѣ, которою отозвался г. Чупровъ на этотъ циркуляръ („Рус. Вѣд.“, № 2, 1907 г.), онъ говоритъ: „Мы не возражаемъ по существу противъ рѣшенія г. Столыпина. Напротивъ, признаніе частныхъ передѣловъ вполнѣ отвѣчаетъ нашей точкѣ зрѣнія. Какъ мы надѣемся, оно во многихъ случаяхъ оградитъ интересы малоземельныхъ членовъ общины противъ притязаній ихъ сосѣдей, стремящихся къ выдѣлу“.

Такъ какъ насъ интересуетъ главнымъ образомъ существо нормъ, опредѣляющихъ права общинниковъ, мы можемъ ограничиться тѣмъ, что отмѣтимъ совпаденіе нашей точки зрѣнія съ точкой зрѣнія г. Чупрова и выскажемъ пожеланіе, чтобы указанный порядокъ былъ закрѣпленъ Государственною Думой [1]).

Этотъ отдѣлъ мы закончимъ пожеланіемъ, чтобы Государственной Думой было возстановлено право обществъ замѣнять денежнымъ вознагражденіемъ выдѣлъ участковъ въ натурѣ для хозяевъ, которымъ этотъ выдѣлъ нуженъ не для веденія хозяйства на мѣстѣ.

---

[1]) Нападки на циркуляръ за то, что онъ узаконяетъ частные передѣлы, запрещенные якобы закономъ 8-го іюня 1893 г., мы считаемъ преувеличенными. Законъ 8-го іюня ограничилъ, но не запретилъ частныхъ передѣловъ. По дѣйствующему законодательству, надѣлы могутъ попадать въ руки общества (или прямо отбираться имъ) по цѣлому ряду поводовъ, и общество можетъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, въ томъ числѣ и передавать другимъ домохозяевамъ (см. ст. 33 и 34 Общ. полож., изд. 1902 г.).

Это право надо пополнить еще правомъ преимущественной покупки общиною тѣхъ надѣловъ, которые поступятъ въ продажу. Не затрудняя выхода изъ общины, эти права могутъ быть полезны для остающихся въ ней членовъ.

IV.

Вопросъ о выдѣлѣ участковъ къ одному мѣсту въ указѣ 9-го ноября совершенно отдѣленъ отъ укрѣпленія полосъ въ частную собственность. Укрѣпленіе надѣловъ во всякомъ случаѣ предшествуетъ выдѣлу; за укрѣпленіемъ полосъ въ частную собственность можетъ и не послѣдовать выдѣлъ ихъ къ одному мѣсту.

Напомнимъ правила о выдѣлѣ. Въ моментъ совершенія передѣла право требовать перехода на отрубной участокъ принадлежитъ какъ выдѣляющемуся домохозяину, такъ и обществу. Требованіе домохозяина и общества одинаково подлежитъ обязательному удовлетворенію. Такимъ образомъ, черезполосность укрѣпленныхъ въ личную собственность и общинныхъ земель вовсе не представляется безысходной для общества, какъ это доказывали нѣкоторые публицисты. Наоборотъ, право общины при этомъ абсолютно. Какъ бы давно ни произошло укрѣпленіе полосъ въ частную собственность (хотя бы, напр., по ст. 165 пол. вык. въ старой редакціи), община при передѣлѣ можетъ свести ихъ къ отрубному участку (ст. 14 и 17, отд. I указа 9-го ноября). Правда, такъ же право общины можетъ осуществиться лишь одинъ разъ: когда выдѣлъ къ одному мѣсту уже произошелъ, община теряетъ всякую власть надъ землями выдѣлившагося домохозяина.

Внѣ момента передѣла указъ 9-го ноября не только не преумаляетъ правъ общины соглашаться или отказывать въ выдѣлѣ, какъ этого, повидимому, многіе боятся, но даже отдаетъ безусловное преимущество правамъ общины передъ правами отдѣльныхъ общинниковъ. Правда, въ указѣ сказано, что домохозяину, укрѣпившему свои надѣлы въ личную собственность, предоставляется право во всякое время требовать выдѣла ихъ къ одному мѣсту. Но такое право требованія подлежитъ существеннѣйшимъ ограниченіямъ. Во-первыхъ, общество можетъ отвести хозяину участокъ въ любомъ мѣстѣ, причемъ право отказа отъ участка домохозяину не предоставлено. Во-вторыхъ, общество можетъ и совсѣмъ отказать въ выдѣлѣ такого участка. Тогда домохозяинъ можетъ или совсѣмъ отказаться отъ земли и требовать за нее вознагражденія, опредѣляемаго волостнымъ судомъ, или остаться при прежней черезполосицѣ.

Мы думаемъ, что права выходящихъ изъ общины членовъ ея требовать выдѣла участковъ къ одному мѣсту должны быть не сужены, а расширены въ томъ смыслѣ, что община обязана удовлетворить ихъ требованіе, когда число

требующихъ выдѣла достигаетъ по крайней мѣрѣ 1/4 части общаго числа членовъ общины.

Отдѣлъ о выдѣлѣ участковъ къ одному мѣсту закончимъ разсмотрѣніемъ вопроса о черезполосности укрѣпленныхъ въ собственность полосъ съ общинными землями.

Мы уже отмѣтили выше, что и безъ такого выдѣла на отрубной участокъ укрѣпленіе полосъ въ частную собственность можетъ представлять извѣстныя хозяйственныя выгоды. Хозяинъ фиксируетъ положеніе своихъ полосъ, что можетъ имѣть значеніе при переходѣ къ удобренію, не говоря уже о томъ, что хозяину можетъ представляться важной фиксація размѣровъ его владѣнія.

Указъ 9-го ноября, какъ извѣстно, допускаетъ укрѣпленіе полосъ въ личную собственность, безъ выдѣла ихъ къ одному мѣсту.

Противъ этого высказался цѣлый рядъ авторовъ. Соображенія ихъ о вредѣ такой черезполосицы представляются намъ не только преувеличенными, но и прямо невѣрными. Такая черезполосица нисколько не можетъ быть вреднѣй, чѣмъ существующая общинная черезполосица.

Образцомъ такихъ преувеличеній являются разсужденія московскаго земскаго статистика и профессора г. Каблукова. При вводимыхъ указомъ порядкахъ, „каждое отдѣльное лицо можетъ поступить такъ, что сосѣди его разорятся, лишатся возможности вести хозяйство, держать скотину“. Для этого ему достаточно „построиться на нихъ (укрѣпленныхъ за нимъ полосахъ) около полосъ сосѣда или сосѣдей и поставить тѣхъ въ полную невозможность вести хозяйство“ (журн. „Самоуправленіе“, № 1).

Авторъ не обращаетъ вниманія на то, что на этихъ полосахъ не всегда возможно поставить избу, что на нихъ можетъ не быть воды и другого проѣзда, кромѣ проѣзда черезъ полосы сосѣдей. Допустимъ, однако, что авторъ говоритъ о какомъ-нибудь исключительномъ случаѣ, напр., о желаніи поставить трактиръ на полевыхъ полосахъ, пересѣкаемыхъ большой дорогой. Это могло бы быть дѣйствительно неудобнымъ для сосѣдей. Но, рисуя свои ужасныя перспективы, авторъ просто обнаруживаетъ незнаніе закона. Изображаемыя имъ перспективы неосуществимы уже потому, что законъ категорически воспрещаетъ крестьянамъ не только при общинномъ, но и при подворномъ землевладѣніи застраивать полевую землю безъ согласія общества [1]).

Не болѣе правдоподобны другія картины этого сорта. Нѣкоторые авторы высказали предположеніе, что выходящіе изъ общины домохозяева станутъ сѣять на своихъ полосахъ вику или клеверъ, когда у остальной общины данное поле паруетъ.

---

[1]) Соотвѣтствующія нормы авторъ найдетъ во всѣхъ почти мѣстныхъ положеніяхъ (см. Пол. крест. влад., изд. 1902 г., ст. ст. 12, 74, 98, 145, 197 и 309, п. 2).

Намъ кажется, что этимъ авторамъ охрана такихъ полосъ и возбужденіе исковъ о потравахъ представлялись слишкомъ ужъ легкими. Г. Масловъ переноситъ тѣ же страхи въ районы экстенсивнаго хозяйства. „Тамъ, гдѣ часть пашни на время запускается подъ выгонъ и обратно, гдѣ выгонъ идетъ подъ распашку, выдѣленіе одного-двухъ домохозяевъ можетъ создать *среди* общинной земли такую ловушку, что крестьянамъ-общинникамъ невозможно будетъ выпустить курицу на *свой* выгонъ, такъ какъ она можетъ попасть на поле выдѣлившагося домохозяина. Помѣщичьи отрѣзки, ловушки и проч. покажутся шуткой передъ этими новыми ловушками, которыя создаются новымъ закономъ. При такихъ условіяхъ одинъ домохозяинъ заставитъ всю деревню или перейти къ подворному владѣнію, или къ другой системѣ полеводства“ („Соврем. Міръ“, дек., 1906 г., отд. II, стр. 5).

При мелкомъ черезполосномъ владѣніи въ той формѣ, въ какой оно можетъ сложиться подъ вліяніемъ указа, абсолютно невозможно избѣгнуть проѣзда и прогона скота через земли чужого владѣнія, и это одинаково справедливо не только по отношенію къ членамъ общины, но и по отношенію къ выдѣлившимся общинникамъ; право общаго выпаса необходимо какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. Поэтому нарисованная г. Масловымъ картина абсолютно неправдоподобна, тѣмъ болѣе, что его иски о потравахъ относятся къ парамъ, жнивьямъ и залежамъ, т. е. къ угодьямъ ничтожной доходности, и никому не могутъ быть страшны.

Черезполосица земель личнаго и общиннаго землевладѣнія уже существовала при досрочномъ выкупѣ по 165 ст.; подобная ей черезполосица существуетъ въ районѣ подворнаго черезполоснаго владѣнія, и никакихъ исковъ о потравахъ никогда не возникало, такъ какъ они невозможны при условіяхъ крестьянскаго хозяйства.

Благодаря этой невозможности, и законодательству не приходилось касаться этого вопроса. Но ему приходилось говорить о черезполосицѣ съ помѣщичьими землями и тогда оно устанавливало право прогона, выпаса и общаго сѣвооборота.

Въ положеніи главн. комитета по кр. дѣлу, выс. утв. 4-го апрѣля 1865 г., находимъ: „Едва ли справедливо будетъ лишать крестьянъ такого права (права прогона), пока ихъ земли не будутъ вымежеваны къ однимъ мѣстамъ отъ находящихся въ общемъ съ ними сѣвооборотѣ помѣщичьихъ полей, а тѣмъ болѣе налагать на нихъ штрафы за потравы въ подобныхъ случаяхъ“ (дѣло идетъ о Юго-Западномъ краѣ).

Въ положеніи о межеваніи малороссійскомъ (27-го окт. 1859 г.) прямо постановлено (ст. 115) относительно оставшихся въ общихъ смѣнахъ мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ, чтобы они въ пользованіи отводимыми имъ землями подчинялись общему сѣвообороту.

Мы еще можемъ понять, что абсолютные защитники общины думали

страшными перспективами совершенно задушить вопросъ о правѣ общинниковъ на землю. Для чего понадобилось г. Маслову рисовать его фантастическую картину—намъ непонятно.

V.

Разсмотримъ вкратцѣ прочія постановленія указа. Они относятся къ подворному землевладѣнію.

Отдѣлъ II указа имѣетъ технически юридическое значеніе и не затрагиваетъ существа дѣла. Онъ облегчаетъ порядокъ удостовѣренія правъ собственности на предназначенныя къ продажѣ земли подворнаго владѣнія. Если закономъ допускается вообще продажа надѣльныхъ земель,—а она была только ограничена, но не запрещена даже закономъ 1893 года,—то нельзя возражать противъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы поставить такую продажу на твердую законную почву.

Должны быть принципіально одобрены и остальные отдѣлы указа о семейной собственности и правѣ подворныхъ владѣльцевъ подѣлиться на отрубы (III и IV отдѣлы указа).

Громкое заглавіе одной журнальной статьи: „Разрушеніе общей семейной собственности" („Рус. Бог.", ноябрь, 1906 г.) способно вызвать опасеніе, что братья (и другіе родственники въ боковой линіи) совладѣльцы въ общей семейной собственности лишаются земельныхъ правъ. И дѣйствительно, въ засѣданіи Вольно-экономическаго общества г. Пѣшехоновъ уже оплакивалъ судьбу этихъ братьевъ-совладѣльцевъ. Но это обусловлено лишь незнакомствомъ съ указомъ 9-го ноября.

Недоразумѣніе это легко разсѣивается при прочтеніи 2-й ст. II отд. указа, по которой участки, находящіеся во владѣніи домохозяина и его родственниковъ въ боковой, линіи, „составляютъ общую ихъ собственность". Что касается до нисходящихъ родственниковъ, то, если институтъ семейной собственности такъ хорошъ, то справедливо потребовать его введенія въ общее гражданское уложеніе, а не оставлять его однимъ крестьянамъ. Но защитниковъ такого института теперь мало.

По отдѣлу IV указа подворные владѣльцы получаютъ право переходить отъ черезполоснаго владѣнія къ отрубному по постановленію $^2/_3$ членовъ общества. Черезполосица въ связи съ принудительнымъ сѣвооборотомъ и общимъ выпасомъ до сихъ поръ дѣйствительно почти уничтожала выгоды подворнаго владѣнія. Выгодность отрубного владѣнія часто сознавалась, но тормазилась необходимостью единогласнаго рѣшенія всѣхъ безъ исключенія владѣльцевъ. Теперь единичные владѣльцы лишены возможности тормазить такой переходъ, если польза его сознана громаднымъ большинствомъ общества. Печать почти единодушно привѣтствовала эту мѣру, и считаемъ мы ее также необходимой. Нельзя не отмѣтить здѣсь

совершенно нераціональнаго заявленія одного изъ утрированныхъ защитниковъ общины (г. Леонтьева изъ „Рус. Бог."). Стоя на точкѣ зрѣнія абсолютнаго права собственности для общины, онъ отстаиваетъ такую же абсолютность и личнаго права собственности. Онъ требуетъ для каждаго отдѣльнаго владѣльца права тормазить раздѣлъ, полезный для всѣхъ остальныхъ хозяевъ, забывая, что теорія абсолютнаго и неограниченнаго права собственности давно утратила всякій кредитъ въ наукѣ права.

Резюмируемъ основной выводъ нашей статьи. Мы считаемъ нужнымъ уничтоженіе условій, стѣсняющихъ выходъ изъ общины, и необходимымъ созданіе свободной общины на почвѣ признанія правъ не только общины, но и отдѣльныхъ общинниковъ.

Такая постановка вопроса вполнѣ отвѣчаетъ не только почвѣ закона, но и потребностямъ хозяйственнаго развитія страны.

Эту почву имѣлъ въ виду указъ 9-го ноября, но связалъ практическое осуществленіе этой задачи съ принудительнымъ отчужденіемъ отъ общины за принудительную цѣну излишковъ надѣльныхъ земель, случайно находившихся въ рукахъ отдѣльныхъ дворовъ въ моментъ изданія указа.

Послѣднюю часть указа должна отбросить Государственная Дума, но выливая изъ ванны грязную воду, она не должна выбрасывать и ребенка.

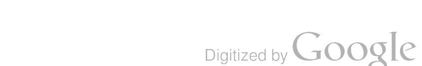
Еще одно слово. Вопросъ о выдѣленіи участковъ общинной земли въ частную собственность иные связываютъ съ вопросомъ о возможномъ обезземеленіи части крестьянства.

Мы думаемъ, что деревенская Россія не можетъ избѣжать образованія крѣпкаго крестьянства на развалинахъ крестьянствъ натуральнаго типа. Процессъ „усвоенія" крестьянствомъ частновладѣльческихъ земель ясно подчеркиваетъ такой исходъ. Съ этой точки зрѣнія мы высказываемся за свободную мобилизацію надѣльныхъ земель.

Но если бы даже мы признали необходимость ограниченій въ мобилизаціи мелкихъ владѣній, нельзя связывать этого вопроса съ общиной. Онъ долженъ быть разрѣшенъ внѣ сословныхъ и общинныхъ рамокъ. Оказывая въ этомъ дѣлѣ довольно сомнительныя услуги, община, приноровленная къ исполненію этой задачи, бьетъ далеко дальше поставленной цѣли, безусловно стѣсняя хозяйственное развитіе страны.

Возлагать указанную задачу на общину—значитъ поддерживать принудительную, крѣпостную организацію ея. Какъ видно изъ предыдущаго, мы безусловно противъ такой постановки вопроса.

А. Лосицкій.

Изъ жизни и литературы.

„Они идутъ!"

Но — чу! Слышенъ топотъ. Идутъ. Словно десятки гигантскихъ барабановъ отбиваютъ густую тревожную дробь. Трамъ-трамъ-трамъ. Идутъ предмѣстья. Трамъ-трамъ-трамъ. Идутъ защищать свободу!.. Рамъ-рамъ-рамъ. Горе измѣнникамъ! Трамъ-трамъ-трамъ. Горе предателямъ!...

Л. Андреевъ. „Такъ было".

Въ этомъ году въ „Осеннемъ Салонѣ" въ Парижѣ особенное вниманіе широкой публики привлекли двѣ вещи: огромное полотно художника Редона (№ 1453) и скульптура Сортини (1568).

„Марсельеза" и „Выходъ изъ Биржи Труда" — вотъ названія этихъ глубоко прочувствованныхъ произведеній.

Первое принадлежитъ кисти француза, второе — рѣзцу итальянца, уроженца Сициліи, одно относится къ 1793 году, второе — къ нашимъ днямъ.

Художникъ и скульпторъ посвятили свои краски и рѣзецъ *толпѣ*, не толпѣ-черни, а толпѣ-вершителю историческихъ судебъ, въ тотъ моментъ, когда она, охваченная энтузіазмомъ, идетъ навстрѣчу будущему и творитъ новую жизнь.

Тонъ картины какой-то необычный, точно огонь и кровь разлились въ воздухѣ, слились съ солнечнымъ свѣтомъ, насытили собой атмосферу и бросили свой отблескъ на одежды и лица.

Они идутъ!

Впереди идетъ величественная, прекрасная женщина, въ рукахъ ея знамя, „буря духа" отражается въ каждой черточкѣ ея лица, въ каждой складкѣ ея развѣвающейся одежды. Старики, юноши, дѣвушки, пики, косы, ружья...

Они поютъ „Марсельезу".

Пылающія лица, горящіе глаза и огненные звуки.

Кажется, что великій гимнъ борьбы вселился въ эту толпу, въ этотъ „марширующій хаосъ", въ этихъ „одержимыхъ" однимъ великимъ героическимъ порывомъ.

Это не отдѣльные люди, не множество лицъ, это грядетъ сама „Марсельеза" въ силѣ славы своей.

Вамъ даже начинаетъ казаться, что вы не видите картину, а слышите, слышите гордые звуки неумирающей пѣсни возставшихъ народовъ.

Изъ „Биржи Труда" по широкой лѣстницѣ спускается громадная толпа рабочихъ и работницъ. Повидимому, только что закончился митингъ, и теперь „они идутъ" въ предмѣстья. Они тоже поютъ, поютъ новый гимнъ угнетенныхъ—„Интернаціоналъ", великій гимнъ, возвѣщающій освобожденіе пролетаріямъ всѣхъ странъ.

Ихъ много. Кто они? Итальянцы или французы, нѣмецкіе или русскіе рабочіе?

Скульпторъ-итальянецъ изобразилъ не націю, а классъ и массу угнетенныхъ, которымъ „нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей", но которые сознаютъ, что они—сила и что они могутъ „пріобрѣсти весь міръ".

Ораторъ, котораго они несутъ на плечахъ, вѣроятно, только что говорилъ имъ объ этомъ, только что бросилъ въ этотъ „міръ голодныхъ и рабовъ" великую мечту о лучезарномъ будущемъ. Отблескъ этого будущаго озаряетъ изможденныя, блѣдныя лица.

„Они идутъ" къ этому будущему и поютъ: „Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой".

Не ищите въ этихъ произведеніяхъ отдѣльныхъ лицъ, красивыхъ позъ, тщательно отдѣланныхъ фигуръ. Передъ вами великое и могучее цѣлое, въ которомъ одна мысль, одно чувство, одинъ порывъ.

Въ этомъ цѣломъ отдѣльная личность не чувствуетъ себя, а зритель не чувствуетъ этой отдѣльной личности.

Когда я всматривался въ произведенія художника и скульптора, въ моей памяти звучали гимны угнетенныхъ массъ, и вставало вѣщее слово художника-писателя: „Но—чу! Слышенъ топотъ. Идутъ. Словно десятки гигантскихъ барабановъ отбиваютъ густую тревожную дробь. Трамъ-трамъ-трамъ... Идутъ предмѣстья"...

Этотъ „*топотъ*", это грозное „идутъ" слышатся все громче и громче и въ жизни, и въ искусствѣ, отражающемъ жизнь. Этотъ „топотъ", это „идутъ" наполняютъ собою наши комнаты, отражаются на нашей психикѣ, воспроизводятся въ краскахъ и мраморѣ, звукахъ и словахъ.

„Не столпы общества", прогнившіе насквозь и гордые своей мѣщанской пошлостью и не „Враги народа", состоящаго изъ тѣхъ же благора-

зумно добродѣтельныхъ мѣщанъ, а движеніе массъ—вотъ, что привлекаетъ съ особенной силой художника нашихъ дней.

Не такъ давно художникъ былъ въ положеніи доктора Шевырева изъ разсказа Л. Андреева „Призраки“, когда онъ шелъ изъ загороднаго увеселительнаго дома „Вавилона“ въ лечебницу для умалишенныхъ въ пять часовъ утра послѣ нѣсколькихъ бутылокъ шампанскаго. Докторъ шагалъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему „попадались люди съ котомками, тѣ загадочные люди, которые всю жизнь куда-то идутъ, на зоряхъ, ранними утрами“...

Теперь отъ „людей съ котомками“ никакой докторъ Шевыревъ никуда не уйдетъ, ни въ лечебницу, ни въ „Вавилонъ“,—люди съ котомками заполнили своими массами всю дорогу, они уже перестали быть загадочными, и уже не трудно видѣть, куда они идутъ „на зоряхъ, ранними утрами“.

Первымъ произведеніемъ, въ которомъ угнетенная масса выступаетъ со своимъ языкомъ, требованіями и борьбой, была геніальная драма Гауптмана „Ткачи“, появившаяся около десяти лѣтъ тому назадъ.

Уже тогда графъ Л. Н. Толстой привѣтствовалъ новое дѣйствующее лицо въ новой драмѣ. Послѣ „Ткачей“ Гауптмана читателю попадались десятки произведеній, рисующихъ съ большей или меньшей талантливостью жизнь массъ.

Искусство, какъ и знаменитый пасторъ Гёре, пошло на фабрику, туда, гдѣ между молотомъ и наковальней выковывается лучшая доля.

„Дурные пастыри“ Октава Мирбо, „Бартель Туразеръ“ Лангманна, „Сверхъ силъ“ Бьернсона подходятъ вплотную къ толпѣ, ставятъ ее лицомъ къ лицу съ тѣми, кто благоденствуетъ тамъ на верхахъ.

Въ нашей литературѣ за послѣдніе два года „стихійное неудержимое движеніе“ массъ стало обычной темой художниковъ.

Пересмотрите всѣ 12 сборниковъ Знанія, начавшихъ выходить съ 1903 года.

Въ первыхъ книжкахъ едва чувствуется глухое, скрытое недовольство, но его отмѣчаетъ даже Бунинъ въ своемъ разсказѣ „Черноземъ“, описывающій и „тишину—хоть отбавляй“, и тревожные „сны“, которые безпокоятъ навойливо деревенскаго жителя.

Разсказы Серафимовича „Въ пути“ и Гусева-Оренбургскаго—„Въ приходѣ“, помѣщенные все въ томъ же первомъ сборникѣ, говорятъ, что гроза собирается, надо ждать бури. Но покуда еще нѣтъ выступленія массъ. Покуда задаетъ тонъ „Мирное житіе“, а читатель явственно слышитъ звукъ только топора—это рубятъ „Вишневый садъ“.

Но вотъ въ четвертой книжкѣ „Знанія“ появляется „Страна отцовъ“ Гусева-Оренбургскаго. Сильно и ярко написанная повѣсть указываетъ на порогъ русской революціи, и на этомъ порогѣ передъ завѣсой мы видимъ

не одинокую фигуру, не „русскую дѣвушку“, оторванную отъ народа, а тысячную толпу народа... Вспомните крестьянскую массу на громадной площади базара, бросающуюся освобождать, а не вязать своихъ борцовъ.

Въ VII книжкѣ „Знанія“ „Полевой судъ“ Скитальца (его же „Кандалы“ въ V книжкѣ) и „На островѣ“ Густава Даниловскаго рисуютъ великана, который пробуждается и начинаетъ борьбу, не вполнѣ отдавая отчетъ себѣ въ цѣляхъ и средствахъ этой борьбы.

„Кто за насъ, иди за нами“, поетъ поэтъ отъ лица поднявшейся толпы угнетенныхъ.

Въ своей драмѣ „Дѣти солнца“ М. Горькій рисуетъ оторванныхъ ученыхъ искателей истины отъ темной, измученной массы, въ холерный годъ избивающей докторовъ у оконъ того самаго дома, гдѣ мысль ученаго уносится отъ земли „къ звѣздамъ“.

Восьмой сборникъ почти весь посвященъ голодной, обездоленной, безправной толпѣ.

„Голодъ“ С. Юшкевича, „Мужики“ Е. Чирикова, „Лѣсъ разгорался“ Скитальца свидѣтельствуютъ уже объ огромности движенія и о томъ, что уставшая терпѣть масса начинаетъ борьбу по всей линіи.

И здѣсь передъ лицомъ толпы, ставшей дѣйствующимъ лицомъ, отъ великаго „ожиданія“ перешедшей въ область великаго „дѣланія“, отдѣльная одинокая личность теряется и забываетъ свои гордыя слова.

И у Е. Чирикова, и у Скитальца люди, которые всю жизнь говорили и дѣйствовали за народъ и отъ имени народа, куда-то стушевываются, когда, наконецъ, „они идутъ“, когда, наконецъ, появляется на зовъ великій незнакомецъ со своими „неизбывными муками“.

Историческій моментъ оказывается въ положеніи Аэндорской волшебницы, которая вызвала тѣнь Самуила и до смерти напугала Саула...

Лѣсъ, наконецъ, разгорѣлся въ деревнѣ, все громче заявляли о своихъ священныхъ правахъ истинные хозяева жизни въ городѣ.

„Съ ослѣпительной ясностью встало передъ ними животворящее, объединяющее слово „товарищъ“, это слово родила и принесла въ жизнь угнетенная масса.

„Ужъ мы не стадо людей закованныхъ, ужъ мы стихіи, ужъ мы народъ“—могли о себѣ сказать тѣ, шаги которыхъ властно отдавались въ сердцахъ.

IX, X, XI, XII книжки „Знанія“ спѣшатъ угнаться за огромнымъ потокомъ, художники даютъ цѣлый рядъ сценъ, картинъ и набросковъ изъ октябрьскихъ, ноябрьскихъ и декабрьскихъ дней. Тутъ и великія надежды, и страшное отчаянье, и зарево пожаровъ, и кровавое пятно, Марсельеза и „Вы жертвою пали“, баррикады и погромы—и надъ всѣмъ этимъ царитъ масса.

Можно сказать словами С. Юшкевича, что „толпа сидитъ въ душѣ“.

Но какимъ блѣднымъ и немощнымъ кажется слово художника передъ дѣломъ этой толпы! Ея говоръ, топотъ ея шаговъ заглушаютъ одинокіе голоса. Тутъ нужна эпопея, самъ народъ долженъ сложить пѣсни пѣсней о пережитыхъ дняхъ и увѣковѣчить каждый шагъ на своемъ пути.

„Надзиратель"—Телешева (IX кн. „Знанія"), „Похоронный маршъ", „Среди ночи" (IX), „На Прѣснѣ" (X), „Въ семьѣ" (XII)—Серафимовича, „Въ октябрѣ" А. Кипенъ, наконецъ, двѣ драмы Л. Андреева—„Савва" (XI) и „Зори"—Верхарна (XI), поэта, близкаго душѣ русскаго читателя,—вотъ произведенія художниковъ, попытавшихся опередить движенія массъ и возвѣстить міру то, чѣмъ переполнены „милліоны возставшихъ изъ мрака горящихъ сердецъ"...

Если прежде русская жизнь страшно отставала отъ образовъ художника, то теперь чувствуется наоборотъ: художникъ точно боится отстать отъ „бѣшеной тройки", спѣшитъ, надрывается, хрипитъ, но не можетъ создать ничего сильнаго, что было бы достойно пережитаго, не можетъ перекричать бурю...

Изъ всѣхъ художниковъ, подошедшихъ къ толпѣ и посвятившихъ ей свое „слово", только одинъ, думается мнѣ, не ограничился робкимъ описываніемъ факта и „осанной" въ честь толпы. Только одинъ попытался разработать сырой матеріалъ и дать художественную сводку богатаго матеріала.

Я говорю о драмѣ Э. Верхарна „Зори".

На этомъ произведеніи я бы хотѣлъ остановить вниманіе читателя. (О драмѣ Л. Андреева „Савва" мы поговоримъ особо).

„Зори" Эмиля Верхарна—это глубоко проникновенное произведеніе, это не голое описаніе, а пытливое допрашиваніе будущаго и смѣлое обобщеніе.

Отъ драмы Э. Верхарна вѣетъ древней античной трагедіей съ ея „таинствомъ великихъ и высшихъ силъ", съ ея хорами и народными трибунами.

Просматривая указатель „дѣйствующихъ лицъ" драмы, вы на первомъ мѣстѣ читаете:

„Толпа".

„Группы рабочихъ, нищихъ, фермеровъ, солдатъ, женщинъ, юношей, прохожихъ, мальчишекъ, стариковъ".

Оканчивается это оглавленіе замѣчаніемъ автора: „Группы дѣйствуютъ, какъ одно многоликое и разнорѣчивое существо".

Вотъ это многоликое и разнорѣчивое существо и выступаетъ передъ вами въ тотъ моментъ, когда „страна—въ огнѣ, огромное зарево вдали, набатъ", когда и толпа и ея трибунъ стоятъ „на порогѣ грядущихъ временъ".

Художникъ самъ какъ бы подчеркиваетъ, что *толпа* у него главное дѣйствующее лицо.

Въ первомъ дѣйствіи, къ сожалѣнію, нѣсколько оторванномъ отъ послѣдующихъ, передъ вами проходятъ, какъ древніе хоры, разнообразныя „соціальныя группы“: нищіе, фермеры, рабочіе. У каждой свое прошлое, свой языкъ, свои идеалы.

Всѣ эти группы выступаютъ со своими обособленными интересами, тутъ городъ и деревня, мелкій собственникъ и батракъ готовы выместить другъ на другѣ свои вѣковыя обиды даже въ тотъ моментъ, когда ихъ городъ Оппидоманъ осажденъ непріятелемъ, а въ самомъ городѣ готовится грозное возстаніе.

„Послѣднее отчаянье“ отражается на лицахъ фермеровъ и крестьянъ, этихъ жителей „опустошенной страны галлюцинирующихъ равнинъ“.

Группа нищихъ съ злорадствомъ смотритъ на пожары фермъ. „О, прекрасное неожиданное мщенье! Теперь изгнаны тѣ, которые насъ выгоняли“...

Ненависть къ арендаторамъ сквозитъ въ каждомъ словѣ „нищихъ“: „Я ненавижу этихъ людей, что достойны дубинъ и камней“, говоритъ одинъ изъ нищихъ о фермерахъ.

Причина этой ненависти выясняется самими „нищими“.

„Въ дни, когда мы бунтарями-бродягами стали, всѣхъ насъ и ночью и днемъ фермеры мучили тяжкимъ трудомъ, бѣдностью насъ угнетали, яствами были они, голодомъ алчнымъ мы были“.

Эта ненависть, однако, не содержитъ въ себѣ творческаго начала. Оторванные отъ производства, „выгнанные“, эти бунтари-бродяги только объ одномъ и помышляютъ, гдѣ бы и чѣмъ имъ поживиться, чтобы *потребить*. Они говорятъ о себѣ: „Скупую *землю мы съ налета расхищаемъ*, какъ вороны, которыхъ гонятъ прочь“.

Эти „вороны“ ни къ чему иному не стремятся, ни съ кѣмъ не связаны. „Мы покончили съ прошлымъ и настоящее принадлежитъ намъ“— вотъ каковъ ихъ лозунгъ.

Въ то время, какъ въ городѣ возстаніе, а самый городъ обложилъ непріятель, бунтари-бродяги занимаютъ промежуточную позицію между городомъ и лагеремъ врага.

Въ послѣднемъ дѣйствіи одинъ изъ нищихъ откровенно заявляетъ, что онъ съ другими бродягами былъ „попеременно на службѣ у двухъ партій... предавая тѣхъ и другихъ“.

Наша россійская исторія тоже знаетъ не мало такихъ „перелетовъ“, когда-то совершившихся и нынѣ совершаемыхъ.

Если говорить о темнотѣ и нелѣпыхъ толкахъ, то ихъ надо искать въ этой средѣ „бродягъ-бунтарей“.

„Молчи,—говоритъ рабочій одному изъ такихъ бродягъ-бунтарей,— каждый зубъ твоей челюсти лжетъ. Вотъ такіе люди, какъ ты, распространяютъ гнусныя сплетни“.

Къ сожалѣнію, художникъ бросаетъ только нѣсколько черточекъ, но и

этого достаточно, чтобы обрисовалась соціальная физіономія люмпенъ-пролетаріата, физіономія „лохмотниковъ“, этихъ шакаловъ народныхъ движеній.

Крестьянство—болѣе сложная соціальная группа—и у художника она выступаетъ на фонѣ агоніи и гибели мелкой собственности...

Не врагъ, а самъ фермеръ поджигаетъ свою усадьбу. Его врагъ—не эти иноземные солдаты, а „время огня, чугуна и свинца“.

„Землѣ и пашнѣ пой же *пѣснь свершенья*. Судьба послѣдняя пришла... Звоните—гей—въ колокола! въ колокола! И пойте міру погребенье“.

Скорбную повѣсть своего разоренья передаетъ въ цѣломъ рядѣ діалоговъ фермеръ дядя Гислэнъ. „Ліардъ по ліарду копилъ мой отецъ, и то что онъ спряталъ, зарылъ, сохранилъ, какъ скупецъ, я нынѣ проѣлъ, потерялъ“.

Праздникъ посѣва давно уже уступилъ мѣсто суровымъ буднямъ. Когда-то „почва покорна была и животнымъ, и людямъ, нынѣ же почва страшитъ“... „Рельсы звено за звеномъ пролагаютъ свой путь по равнинамъ... Дымъ поглотилъ небеса“.

Почва истощена, натуральному хозяйству пришелъ конецъ, уже не проживешь „трудами рукъ своихъ“, земля уже больше не женщина, а публичная дѣвка“, земля продается, „земля—достояніе капитала и капиталъ вызвалъ на борьбу силы неба; силы производства выступили противъ силъ стихіи“. „Люди не чтутъ болѣе своей нивы, убиваютъ сѣмена, искусственно выращивая ихъ“... „Почвѣ не нужны ни дождь, ни роса, почвѣ не нужны снѣга на горахъ съ ясными, нѣжными днями и солнцемъ. Лучше покончить ударомъ однимъ, сельскій весь міръ уничтоживъ“.

Для Гислэна нѣтъ никакой надежды, онъ видитъ какое-то огромное неумолимое бѣдствіе въ каждомъ шагѣ исторіи, раньше онъ боролся, но теперь и для него „*возсіялъ ужасный смѣхъ*“. Онъ понялъ, что фермеры со своими прежними надеждами и старыми иллюзіями „клали ничтожную, слабую палку своего здраваго смысла въ ужасныя колеса судьбы“.

Городъ въ воображеніи крестьянъ выростаетъ въ ненавистную враждебную силу и крестьяне на него обрушиваютъ свои проклятья, на него, превратившаго ихъ сыновей въ солдатъ, дочерей—въ проститутокъ, а клочекъ земли—въ мертвую петлю.

Но и городъ видитъ въ равнинахъ страшную угрозу для себя, вѣдь оттуда, изъ глубины полей, идутъ крестьяне „жадною толпой“ и заполняютъ „мало-по-малу всѣ конторы земли“; горожане въ жителяхъ равнинъ видятъ „тѣсто, замѣшанное посредственностью“, причину „медленнаго паденія, косности, неподвижности“.

Самъ художникъ, однако, смотритъ на крестьянъ далеко не такъ безнадежно. Огромный процессъ разрушенія фермы не только порождаетъ типы вродѣ дяди Гислэна, но и другіе.

Народный трибунъ Эреньенъ—сынъ крестьянина, и всѣ свои силы отдаетъ грядущему, съ возставшими рабочими связываетъ свою судьбу, онъ въ городъ принесъ „любовь и кровь и ревностное пламя", съ нимъ вмѣстѣ сражается во имя перерожденія міра. Его отецъ до конца своихъ дней оставался въ равнинахъ, но все же онъ умеръ на пути къ городу, онъ хочетъ, чтобы трупъ его былъ перенесенъ туда, отецъ понялъ, что нужно уничтожить „всѣ старыя сѣмена: они покрыты затхлой пылью; они испорчены, загнили. Не съ ними земля будетъ праздновать свое обрученье", онъ знаетъ, что пашню надо засѣять „новыми сѣменами". Свой послѣдній угасающій взоръ старикъ обращаетъ къ пылающему городу, тамъ, въ бурномъ пламени, онъ предвидитъ зарю будущаго, ощущаетъ „*благой и побѣдоносный свѣтъ*", его принимаетъ за солнце, и отъ него ждетъ „обновленья единственно возможнаго".

Этотъ гимнъ „обновленья" можетъ противопоставить крестьянинъ тѣмъ изъ своихъ собратій, которые поютъ землѣ и пашнѣ „пѣснь свершенья" и пророчатъ „міру погребенье".

Здѣсь же въ этой толпѣ нищихъ и крестьянъ мы видимъ группу рабочихъ, поджидающую Эреньена, „учителя народа".

Если бродяги-бунтари говорятъ о настоящемъ и живутъ только на часъ, а послѣ нихъ „хоть потопъ", если большинство крестьянъ переносятся мечтой въ золотое время прошлаго, то группа рабочихъ всѣмъ сердцемъ отдается будущему, полна только имъ. Одинъ изъ этого хора рабочихъ, какъ бы запѣвало въ своемъ отзывѣ объ Эреньенѣ, въ бесѣдѣ съ пастухомъ прекрасно выражаетъ основную черту своей группы: по его словамъ, Эреньенъ—

И въ этотъ мрачный часъ живетъ
Для будущихъ вѣковъ, рукой ихъ осязая.
Онъ лучше всѣхъ умѣетъ разсудить,
Гдѣ нуженъ разумъ, гдѣ безумье
Для покоренья новыхъ дней.
И книги ясныя его *сознанье наше озаряютъ,*
Въ нихъ съ очевидностію видишь,
Что къ лучшему ведетъ,
Что дѣлаетъ людей богами въ мигъ иной.

Пастухъ спрашиваетъ этого рабочаго: „Вы, вѣрно, одинъ изъ сторонниковъ его тамъ, въ городѣ?"... На это рабочій съ гордостью отвѣчаетъ:

Есть сотни, тысячи людей,
Готовыхъ слѣдовать за нимъ *до той черты,*
Гдѣ воплощаются завѣтныя мечты.

Итакъ, передъ нами не одноликая толпа, конгломератъ различныхъ соціальныхъ группъ,—„многоликое, разнорѣчивое существо".

Но что же собрало ихъ вмѣстѣ? „Мрачный часъ".

Старыя сѣмена загнили, въ городѣ голодъ и тяжелый трудъ, въ равнинахъ—разореніе.

Пожаръ войны освѣтилъ этотъ мракъ, обнаружилъ прорѣхи стараго міра, война своимъ страшнымъ кровавымъ ножомъ вскрыла гнойныя язвы прошлаго и настоящаго, она же, по волѣ монарха и его камарильи стравившая людей, какъ звѣрей, зачла и породила на свѣтъ великую идею о братствѣ всѣхъ угнетенныхъ, о борьбѣ противъ угнетателей, противъ угнетателей всего міра.

Повивальной бабкой явилась сила возставшаго городского пролетаріата и части солдатъ; народный трибунъ Эреньенъ облегчилъ муки родовъ.

Въ городѣ всеобщая забастовка.

Въ городѣ лицомъ къ лицу столкнулись два міра, прошлое и будущее, народъ и власть, опирающаяся на преторіанцевъ.

Городъ переживаетъ необычайный моментъ, время „наивныхъ жертвъ, трагическихъ рѣшеній, быстрыхъ исполненій. Презрѣніе къ жизни царствуетъ надъ всѣми“.

Во всѣхъ трехъ остальныхъ дѣйствіяхъ выступаетъ огромная толпа возставшихъ рабочихъ въ городѣ.

Художникъ не идеализируетъ толпу, онъ изображаетъ быструю смѣну ея настроеній, ея надеждъ и отчаянья, ея поклоненія и проклятій, ея отваги и малодушія, ея „товарищеской вѣрности“ и ея раздоровъ. Но художникъ, какъ и Эреньенъ, каждой сценой своей драмы говоритъ: „Никогда не нужно отчаяваться въ народѣ“—и не отчаивается: онъ увѣренъ въ побѣдѣ и въ великомъ героическомъ подъемѣ тѣхъ, кому нечего терять, „кромѣ цѣпей“.

У этой толпы цѣлый рядъ вождей: Эно, Ле-Брэ, Эреньенъ, приходятъ къ толпѣ и провокаторы, подосланные властью, но истиннымъ народнымъ трибуномъ является только одинъ Эреньенъ—онъ умѣетъ вернуть народу его душу.

Типы вождей, особенно Эно и Эреньена, очерчены превосходно.

Эно и Эреньенъ, это представители двухъ тактикъ, двухъ укладовъ, двухъ точекъ зрѣнія.

Эно—это мечтатель террористъ. Весь старый порядокъ для него олицетворенъ въ нѣсколькихъ лицахъ. Онъ никогда не считается съ соотношеніемъ силы, никогда не изслѣдуетъ обстоятельствъ, но онъ вѣчно строитъ планы, отъ которыхъ быстро отказывается: „необходимъ былъ планъ, хладнокровно выработанное рѣшеніе“, говоритъ онъ.

Онъ не знаетъ толпы, не умѣетъ подойти къ ея душѣ, минутами онъ ее ненавидитъ, а она его; тамъ, гдѣ нужно опираться на массы, онъ опирается на свои декреты и остается одинъ.

Когда уже необходимо отступить и собраться съ силами, предотвратить отчаянье и раздоры, какъ дѣлаетъ это Эреньенъ, для того, чтобы

нанести новый и смертельный ударъ непріятелю, Эно носится со своимъ планомъ „продлить возстаніе, принять гражданскую войну, обострить нищету, завладѣть банками силою, казенными учрежденіями силою и судьбою силою же“.

Эреньенъ могъ бы противопоставить этимъ *словамъ о силѣ*, этому насилію *дѣйствительную силу*, на которую онъ и опирается.

„Онъ смотритъ всегда дальше настоящаго, я его никогда не понимаю“, жалуется Эно на Эреньена.

Эреньенъ—не рабъ обстоятельствъ, а изслѣдователь ихъ. Нужно знать, чтобы предвидѣть, предвидѣть, чтобы дѣйствовать, и Эреньенъ—великій ученый и великій учитель, онъ руководитъ событіями, потому что предвидитъ ихъ, онъ, по его словамъ, „помогаетъ обстоятельствамъ“.

Новыя слова, свѣтлымъ витяземъ которыхъ является онъ въ борьбѣ съ отжившей славой прошлаго, новыя слова *неизбѣжны*, она на *порогѣ* и Эреньенъ видитъ носителя этой славы въ толпѣ, даже въ тотъ моментъ, когда эта толпа на моментъ его проклинаетъ и кричитъ: „смерть ему“.

„Вы и я, мы живемъ лишь на половину, когда мы не вмѣстѣ“, говоритъ онъ толпѣ, и толпа въ восторгѣ его привѣтствуетъ.

Эно разрушаетъ, Эреньенъ создаетъ, Эно—заговорщикъ, Эреньенъ—трибунъ народа. Онъ и толпа принадлежатъ другъ другу. „Я вижу себя въ другихъ, я въ другихъ себя чувствую, я во многихъ повторяю себя, я имъ уподобляюсь“.

Но Эреньенъ не оппортюнистъ, отдающій великую цѣль движенія въ обмѣнъ на мелкую монету повседневности. Онъ всегда и всецѣло „во власти великой надежды, которая проходитъ черезъ міръ“.

Великая сила жизни, которой преисполненъ Эреньенъ, покоряетъ даже и Эно, и этотъ заговорщикъ въ послѣдній моментъ идетъ за Эреньеномъ.

Ле-Брэ очерченъ слабо и занимаетъ среднюю позицію...

Художникъ заканчиваетъ драму торжествомъ братства народовъ и пораженіемъ войны.

Вчерашніе враги, обездоленные, измученные люди обнимаются, „занимаются зори“, толпа Оппидомана поглощаетъ новую толпу вчерашнихъ враговъ.

Эреньенъ убитъ въ день торжества пулей провокаторовъ, но идеалы и надежды его не убиты, ихъ наслѣдуетъ его маленькій сынъ, ихъ понесетъ въ жизнь и завоюетъ та толпа, въ душѣ которой Эреньенъ и послѣ своей смерти „желаетъ, думаетъ, надѣется, дѣйствуетъ“.

Занимаются зори... Они идутъ!

В. Львовъ.

II

Апоѳеозъ догматовъ.

(По поводу произведеній г-жи Вербицкой.)

Есть два типа беллетристики. Одна—поучающая, по формѣ своей давно опредѣленная, давно безъ колебаній и праздныхъ сомнѣній вошедшая въ рамки; другая—вѣчно измѣнчивая, ищущая. Первая почти не выбираетъ словъ, довольствуясь первымъ попавшимся выраженіемъ, презираетъ настроенія и никогда не пытается выражать чего-нибудь такого, что не сразу конкретизируется всѣми пятью чувствами. Она проста и въ наши мятежные дни, какъ была проста при Карамзинѣ и, подобно курсисткѣ старыхъ временъ, носитъ безцвѣтныя одежды. Другая ищетъ какихъ-то новыхъ формъ, не останавливаясь надолго на одной, требуя новыхъ отвѣтовъ, гоняясь за призракомъ, нерѣдко падая. Эта часто бываетъ фальшива и бываетъ одинаково похожа какъ на размалеванную комедіантку, такъ и на безумную съ горящимъ взоромъ.

Чѣмъ дороже идея, тѣмъ упорнѣе она въ своихъ поискахъ и, будто стремясь запечатлѣть вѣчное, суммируя мимолетное, отбрасываетъ заслушанныя слова, намѣчаетъ новыя, штрихуя слегка, мѣняя пріемы, идя впередъ съ великой вѣрой найти то вѣчное, что должно поднять искусство на высшую ступень и воплотить жизнь во всемъ ея цѣломъ. *Она мечтаетъ перелить жизнь въ слово.* Къ сожалѣнію, попытки ея слишкомъ часто бываютъ неудачны. Наши художники-искатели часто — вмѣсто легкаго абриса—въ нетерпѣніи спѣша, надавливаютъ кисть до опредѣленно вульгарной черты, что уже само по себѣ преграждаетъ путь къ исканіямъ. Новое искусство, какъ живопись, такъ и беллетристика, напоминаетъ первобытныя попытки пробудившихся дикарей—угловатыя, нечленораздѣльныя—крики скорѣе, нежели слова, но это драгоцѣнныя попытки, которыя, быть можетъ, являются зачатками будущей понорамы или симфоніи. Пусть новыя дороги неизвѣстны и скользки, пусть цѣль ихъ туманна и многимъ кажется недостижимой, но надо помнить, что къ будущему ведутъ непройденныя тропы.

Брандесъ говоритъ, что „языкъ похожъ на инструментъ, который долженъ отъ времени до времени настраиваться“. „Ибо подобно тому, какъ новое поколѣніе не можетъ удовлетвориться мыслями предыдущаго поколѣнія, и новую группу писателей не можетъ удовлетворять языкъ, на которомъ писала предшествующая группа. Она научается безконечно многому отъ своихъ предшественниковъ, но въ то же время она должна съ усиліемъ или безъ него внутри себя самой создать свой языкъ, а первый шагъ для этого заключается въ томъ, чтобы настроить наново

языкъ. Въ области слова встрѣчаются виртуозы, обладающіе призваніемъ настройщика: они-то и настраиваютъ умы и литературу на цѣлую эпоху".

Жизнь выдвигаетъ событія для всѣхъ и для каждаго въ отдѣльности; переживанія слишкомъ многообразны и не могутъ быть вылиты въ той формѣ, въ какой выливались 50 лѣтъ назадъ. Сегодня русскій языкъ обладаетъ бо́льшимъ количествомъ словъ, нежели при Рюрикѣ, и „новыя слова", которыя черезъ 200 лѣтъ станутъ первобытными, хотя, можетъ быть, и рождаются съ усиліемъ, какъ говоритъ Брандесъ, но рожденіе ихъ—естественное слѣдствіе прошлаго, какъ это ни непріятно нашимъ консерваторамъ...

Импрессіонисты не выдумываютъ новыхъ словъ. Кто умѣлъ читать старую беллетристику, непремѣнно отмѣтилъ въ ней зерна новаго. И лишь тотъ просмотрѣлъ эволюцію, думая, что новый стиль упалъ къ намъ съ неба, кто читалъ нашихъ старыхъ художниковъ ради развлеченія—на сонъ грядущій. Жизнь не признаетъ прыжковъ, а лишь одну непрерывную цѣпь безконечнаго развитія, но, конечно, въ посмѣненной эволюціи бываютъ періоды, когда творчество вспыхиваетъ ярче и мятежнѣй, отбрасывая старое слишкомъ ощутительно для вялыхъ умовъ. Для этихъ пріятнѣе имѣть дѣло съ спредѣленнымъ и знакомымъ, не требующимъ напряженія, нежели съ крикливымъ, новымъ искусствомъ. Они способны уснуть на словѣ, написанномъ кровью, и судятъ они объ искусствѣ съ высоты своей мудрости. Они и не пойдутъ искать вмѣстѣ съ нимъ, потому что они все нашли. Но, къ счастью, есть другой типъ читателей. Эти и въ старой беллетристикѣ сумѣли отмѣтить драгоцѣнныя блестки исканій и въ новой отдѣляютъ подражаніе отъ истинныхъ вспышекъ творчества. Эти готовы вмѣстѣ съ художникомъ задуматься надъ теплымъ смысломъ случайнаго намека, угадывать творчество, которое, не довольствуясь указанной колеей, ищетъ и рвется—вѣчно мятежное, ненавидящее рамки.

Въ прошломъ году „Вопросы жизни" печатали произведеніе Ремизова „Прудъ". Мѣстами эта беллетристика—поистинѣ уродливая фурія, доходящая до постыдныхъ тѣлодвиженій, до выкриковъ и стенаній, очень похожихъ на гаерство. Но вотъ, въ одномъ изъ приложеній „Нашей Жизни" была напечатана беллетристика того же автора „Въ секретномъ". Сорвавшаяся съ цѣпи, ищущая приняла въ рукахъ художника, на одно мгновеніе, истинно прекрасную форму. Она не удовлетворится и опять порветъ сегодняшнія путы и много разъ, быть можетъ, упадетъ въ безобразныхъ потугахъ, но минутами—въ мигъ правды—красота ея затмитъ многіе томы сѣрой добропорядочной беллетристики.

Передо мной восемь книжекъ г-жи Вербицкой. Я упоминаю о маленькомъ перлѣ Ремизова только для уясненія своей мысли. Это, можно сказать, два антипода. Однажды кто-то кого-то спросилъ: почему такъ расходятся романы Вербицкой? И послѣ небольшой паузы послѣдовалъ ковар-

ный отвѣтъ: „Тамъ очень много разговоровъ и сколько угодно о любви". Этихъ двухъ моментовъ, конечно, достаточно для спроса на рынкѣ, но разсказы г-жи Вербицкой имѣютъ и другія, болѣе положительныя достоинства, и даже въ свое время по идеѣ своей они имѣли общественный интересъ. Что же касается формы, то съ этой стороны данный авторъ далеко не является „настройщикомъ". Скромная, добропорядочная беллетристика г. Вербицкой не дѣлаетъ никакихъ попытокъ къ поискамъ. Пріемы ея обыденны и общи и даже у самаго строгаго читателя не заслужатъ упрека въ кривляніи. Она довольствуется старыми словами, а можно сказать, что старое здѣсь усугублено до послѣдней степени. Существуютъ, напримѣръ, давнишнія манеры—описывать наружность героинь во всѣхъ подробностяхъ, причемъ авторъ награждаетъ обыкновенно свою любимицу ослѣпительной красотой. Г-жа Вербицкая всѣхъ дѣлаетъ красавицами. На первой же страницѣ ея повѣсти вы непремѣнно найдете двухъ красавицъ и одного красавца. Если даже, вспомнивъ о справедливости равномѣрнаго распредѣленія физическихъ силъ, авторъ и рѣшается заявить, что героиня его дурна собой, все же при каждой новой встрѣчѣ онъ награждаетъ ее всякими прелестями, такъ что, противъ воли автора, героиня оказывается красивой.

Однако, имѣя въ своемъ употребленіи только примелькавшіяся слова, авторъ не даетъ „*чувствовать*" ихъ наружность, а только позволяетъ *знать*. Въ старой школѣ много такихъ беллетристовъ, разсчитывающихъ на вѣру и мало заботящихся о томъ *знакѣ слова*, который долженъ быть выжженъ въ мозгу читателя. Вербицкая принадлежитъ къ нимъ. Сгущеніе недостатковъ ведетъ къ реакціи на нихъ. Художнику не мѣшаетъ почитать повѣсти г-жи Вербицкой, чтобы начать искать. Я пока имѣю въ виду только форму, что же касается содержанія, то оно свидѣтельствуетъ о добрыхъ принципахъ автора. Но не обладая способностью претворять идеи и образы и не научившись вырывать у жизни ея характерныхъ выраженій, авторъ заставляетъ своихъ персонажей произносить лишь то, что необходимо въ интересахъ данной темы. Благодаря такой служебной роли, беллетристика г-жи Вербицкой не даетъ ея персонажамъ яркихъ красокъ и они стираются изъ памяти читателя спустя нѣсколько дней. Г-жа Вербицкая принадлежитъ къ тому особому типу авторовъ-деспотовъ, которые не позволяютъ читателю дѣлать собственныхъ выводовъ. Тенденція ея доминируетъ съ первыхъ же страницъ, и отношеніе интеллигентнаго читателя ограничивается легонькимъ любопытствомъ: какими путями на сей разъ героиня добилась эмансипаціи? Женская эмансипація—ея конекъ. Подчинившись всецѣло этому догмату, авторъ заставляетъ дѣйствующихъ лицъ говорить въ защиту его. Но выросшему изъ вопроса о равноправіи скучно съ хорошенькими неистовствующими героинями. Кто не замѣтилъ, что спеціальныя заявленія женщинъ на недавнихъ

митингахъ встрѣчали улыбку у самихъ женщинъ по адресу ораторшъ? Это значитъ ломиться въ открытую дверь. Женщина стала уже въ ряды шествія, которое влечетъ за собою народы и отбрасываетъ всѣ мелкіе вопросы. Да, наконецъ, *женскаго вопроса* уже не существуетъ. Съ одной стороны—его величество пролетаріатъ, съ другой—Ибсенъ рѣшили этотъ вопросъ. Рѣшеніе остается только комфирмовать. Въ Финляніи оно уже комфирмовано, у насъ пока еще нѣтъ. Но очереди ждать намъ остается недолго—несмотря на то, что въ скалѣ умственнаго развитія Россія занимаетъ сороковую ступень и стоитъ между Колумбіей и Египтомъ. Но XX вѣкъ не соблюдаетъ очереди. Это вѣкъ событій... И когда одинъ изъ самыхъ угнетенныхъ народовъ требуетъ самоуправленія, когда рабскія одежды пали и пробужденная толпа ежечасно выбрасываетъ на поверхность своихъ Муціевъ и Шарлоттъ Корде; когда женщина съ улыбкой встрѣчаетъ приговоръ о казни,—въ эту эпоху безумія храбрыхъ говорить о равноправіи женщинъ не стоитъ... Потому что нельзя „говорить", окунувшись въ кровь. Потому что идея, принятая большинствомъ, перестаетъ быть идеей,—женщина идетъ отъ эшафота къ трибунѣ, и намъ остается только отмѣтить это побѣдное шествіе. Но надо отдать справедливость г-жѣ Вербицкой, напомнивъ, что ея повѣсти о борьбѣ женщинъ за равноправіе писались въ то время, когда русская женщина пребывала въ полудремѣ. Тогда ея произведенія дѣйствительно служили толчкомъ—и въ этомъ ихъ заслуга. Тогда соціалистическія идеи прокрадывались къ намъ съ опасностью жизни и прорывались подобно живительнымъ подземнымъ ключамъ. И теперь, когда смыта вся верхняя толща, когда великое знамя охватило міръ, теперь выдѣлять женскій вопросъ, объявляя такимъ образомъ войну *товарищу*-мужчинѣ, было бы неумѣстно. Читателю остается отдѣлить только произведенія, затрагивающія темы преходящія, отъ другихъ, вѣчныхъ, поскольку вѣчность можетъ быть охвачена размахомъ его мысли.

Отодвинувъ вопросъ о равноправіи, намъ необходимо разсмотрѣть, въ какомъ положеніи находятся другіе вопросы у того же автора, хотя бы въ его лучшемъ романѣ,—„Первыя ласточки". Если беллетристика должна служить средствомъ для человѣка развить свой кругозоръ, провѣрить сложившіяся воззрѣнія, то съ этой стороны беллетристика даннаго автора по этимъ другимъ вопросамъ оказывается несостоятельной. Въ „Первыхъ ласточкахъ" женская эмансипація топчетъ подчасъ лучшія свойства человѣческія—свободу духа. Въ борьбѣ за матеріальную независимость героиня доходитъ до крайностей, которыя можно бы назвать геройскими, если бы онѣ не были отчасти вымышленіемъ героически настроеннаго автора, отчасти—наложеніемъ кандаловъ на непосредственность порыва.

„Съ дѣтства Камелева мечтала быть писательницей". Личная жизнь мѣшала ей въ достиженіи этой цѣли, и мы застаемъ ее въ зрѣломъ возрастѣ

съ тѣми же мечтами. Человѣкъ, съ которымъ она сошлась по долголѣтней взаимной страсти, скептически относится къ этимъ мечтаніямъ. О нарождающемся типѣ эмансипированной женщины онъ имѣетъ свое особое мнѣніе, выше всего ставя культъ семьи и обязанность жены облегчать трудовую жизнь мужу. На этой почвѣ создается конфликтъ между любовниками. Становясь на сторону героини (что не подлежитъ сомнѣнію), авторъ дѣлаетъ изъ ея возлюбленнаго нѣкоторымъ образомъ тормазъ на ея пути. Тѣмъ не менѣе, изъ-подъ пера автора Чагинъ выступаетъ съ натурой мягкой, „жаждущей духовно слиться съ любимой женщиной". Ему, казалось бы, не трудно привить болѣе широкіе взгляды, но авторъ очень ярко умѣетъ описывать борьбу чувственности съ принципами и потому, вмѣсто того, чтобы объяснить и внушить, героиня порываетъ со своимъ возлюбленнымъ. Получается цѣлая драма съ воплями и припадками. На мольбу Чагина жить вмѣстѣ героиня кричитъ, что онъ ее оскорбляетъ предложеніемъ идти „въ содержанки". Будучи нѣкоторымъ образомъ въ курсѣ дѣла и зная объ интимныхъ ласкахъ двухъ возлюбленныхъ, читатель недоумѣваетъ—почему такъ вдругъ?..

„Побойся Бога,—говоритъ Чагинъ,—вѣдь мы любимъ другъ друга!" На это кроткое воззваніе героиня отвѣчаетъ бранью: „Подлый человѣкъ! Отдыхать въ объятіяхъ! Платить за объятія... не деньгами, конечно, это грубо... а ласками... Какъ вы смѣли! Да развѣ я похожа на женщину, ласка которой покупается?" Кроткія мольбы возлюбленнаго заставляютъ ее только „задыхаться отъ оскорбленія". Наконецъ, она уѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы „сдѣлаться писательницей". Здѣсь-то авторъ проводитъ не первую писательницу по тернистому литературному пути къ нищетѣ и чахоткѣ. Газеты, въ которыхъ она работаетъ, закрываются, редакторы ее эксплоатируютъ, повѣсти ея не имѣютъ успѣха. Когда все тотъ же любящій и любимый Чагинъ предлагаетъ ей денежную помощь, ничего не требуя взамѣнъ, она отталкиваетъ дружескую руку, стоя уже на краю могилы. Во всемъ этомъ авторъ видитъ геройство. Читатель не рѣшается безъ автора назвать вещи своими именами... но у него остается право недоумѣвать.

Чагинъ „жаждалъ отдаться ей всей душой"—самъ авторъ это говоритъ. *Товарищеская* помощь отвергнута *принципіально*, и принципъ разрастается въ какое-то чудовище, которое давитъ порывъ и накладываетъ вериги на непосредственное чувство. Замѣтила ли героиня, а также и самъ авторъ, что все ея настроеніе сводится къ мечтѣ „показать ему цифру своего мѣсячнаго заработка?" Это и только это противопоставляется дружбѣ и любви и—увы!—беретъ верхъ. Героиня, очевидно, не доросла еще въ дни „Первыхъ ласточекъ" до принципа товарищества, а также и до высшаго подъема чувства, которое уже само по себѣ претворяется въ идею, отбрасывающую все мелкое и взвинченное. Нѣтъ, героиня яв-

чуть не сомнѣвается въ совершаемомъ подвигѣ, и авторская рука не устаетъ держать надъ ея головой сіяющій ореолъ. За нѣсколько дней до смерти Каменева пишетъ, не отрываясь, коченѣющими пальцами исторію вдохновенной борьбы за женскую эмансипацію. Послѣ ея смерти Чагинъ издаетъ повѣсть, которая имѣетъ успѣхъ. Въ общей сложности получается умилительный образъ первой ласточки, пришибленный морозомъ. Получается также впечатлѣніе, будто идею тащили за волосы читателю въ назиданіе. Да, эмансипація—хорошая вещь, имѣть собственный заработокъ—положительно рекомендуется, но почему не прибавить ко всему этому немножко справедливости?

Если бы тенденція автора не выпячивалась такъ назойливо, если бы высшая санкція автора всѣхъ несообразностей героини не была такъ очевидна, романъ не требовалъ бы объясненія—мало ли нелѣпыхъ женщинъ! И при несомнѣнномъ писательскомъ талантѣ г-жи Вербицкой мы просто считались бы съ однимъ изъ ея образовъ. Но къ сожалѣнію, г-жа Вербицкая не можетъ не выглядывать изъ-за спинъ своихъ персонажей. Потому приходится замѣтить самому автору, что когда энергія превращается въ упрямое біеніе стѣнки лбомъ, а естественное стремленіе къ матеріальрой независимости—въ истерическое попираніе сокровищъ души; когда принципы накладываютъ вериги на непосредственное чувство,—тогда цѣль становится сомнительной, и пути къ ней загромождаются.

Но въ этой повѣсти есть много живыхъ и яркихъ мѣстъ, а затронутый въ ней вопросъ былъ въ свое время настолько острымъ, что, естественно, затемнялъ у болѣе горячихъ приверженцевъ другіе вопросы.

Въ повѣсти „Злая роса" авторъ отходитъ уже отъ своей излюбленной темы и занятъ неврастениками конца вѣка. Не отыскавшіе смысла жизни, переутомленные въ сладострастіи, они заигрываютъ ницшевскіе мотивы, какъ шарманки заигрываютъ великія симфоніи.

Главнымъ героемъ—Бородинымъ, занятымъ почти исключительно сладострастіемъ, авторъ иллюстрируетъ красивыя слова, повторяемыя слишкомъ часто на всемъ протяженіи повѣсти: „Мы жатву собрали, но отчего всѣ плоды были блеклы и гнилы? Какая злая роса упала на нихъ въ послѣднюю ночь?"

Такъ любятъ охарактеризовывать себя герои данной повѣсти, въ тайной гордости, что они думаютъ такими красивыми словами. Фальшь, которая чувствуется въ этомъ типѣ, вѣроятно, происходитъ отъ потугъ автора сдѣлать изъ своего персонажа нѣчто огромное, но надломленное безвременьемъ. На мой взглядъ—это скучающій недоучка-позеръ. Злая роса, упавшая на его маленькую голову, есть не что иное, какъ отсутствіе знаній—гибельная привычка хватать верхи и выѣзжать на афоризмахъ; не что иное, какъ неумѣніе думать самостоятельно—и даже хотя бы на помочахъ

тѣхъ же философовъ, лѣнь ума, которую всю до капли исчерпалъ Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ и отъ которой разбудилъ Россію голодъ и благодѣтельный режимъ. Фигура Бородина нарисована авторомъ очень неровно—иногда рельефно, иногда слишкомъ громоздко—будто на нее навалено еще нѣсколько фигуръ. Здѣсь также крупной помѣхой является неспособность автора отрѣшиться отъ себя. Но курьезная неустойчивость отношенія къ своему герою особенно вредитъ. То авторъ какъ бы любуется тѣмъ, кого принципіально отрицаетъ, то вдругъ сгущаетъ краски во спасеніе свое. Сейчасъ передъ нами красавецъ Бородинъ—циникъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова, фатъ и чувственникъ; вдругъ вмѣсто „черноброваго лица" на туловищѣ Бородина появляется холодное, тоскующее лицо Андрея Болконскаго, углубленнаго въ себя,—и снова исчезаетъ, чтобы дать мѣсто недоучкѣ съ головой, наполненной афоризмами.

Въ этой повѣсти бережно упоминается имя Маркса и есть нѣсколько туманныхъ словъ о классовой борьбѣ. Но публика все ничтожная и если мужчины, хотя въ промежуткахъ между любовными эксцессами, цитируютъ философовъ и говорятъ стихи, зато женщины всѣ будто забыли о догматахъ, о которыхъ писала г-жа Вербицкая много лѣтъ, и заняты исключительно физіологическими переживаніями. Съ внѣшней стороны есть одинъ большой недостатокъ въ этой повѣсти. Это—бредо-фантазія, растянутая на 15 страницахъ и долженствующая раскрыть красоты души Бородина. Наивенъ пріемъ, которымъ пользуется авторъ въ данномъ случаѣ. Онъ, напримѣръ, заставляетъ бредить своего героя о XXX вѣкѣ. Передъ началомъ бреда авторъ выбрасываетъ аншлагъ: „XXX вѣкъ". Затѣмъ слѣдуетъ содержаніе бреда. Изъ него мы узнаемъ, что въ XXX вѣкѣ Бородинъ проведетъ черезъ Сахару желѣзную дорогу; что по вертикальной линіи вагоны будутъ проваливаться изъ Стараго въ Новый Свѣтъ, и пр. и проч. Продолжая такимъ образомъ купаться въ собственной фантазіи, авторъ выбрасываетъ одинъ аншлагъ за другимъ: „Греція временъ Перикла"—слѣдуетъ бредъ на эту тему и такъ далѣе на протяженіи 15 страницъ. Вѣроятно, нужно о бредѣ писать какъ-нибудь иначе! Но только не выкрикивать, подобно служителю у кинематографа, содержаніе каждой картины: „Бросаніе въ море съ высоты трехъ саженей!", „Сахара съ гориллами"...

Но опять-таки и въ этой повѣсти встрѣчаются хорошія мѣста, какъ, напримѣръ, символизація умственной спячки и безволія.

Бородинъ со своими пріятелями живетъ въ подвальномъ этажѣ, темномъ и сыромъ. Мы разстаемся съ нашими неизлечимыми неврастениками у распахнутыхъ дверей подвала, который поглотитъ ихъ.

Но, главное, въ повѣсти нѣтъ неистовства догматовъ—болѣзни всѣхъ героинь въ произведеніяхъ г-жи Вербицкой.

Впрочемъ, въ повѣсти „Чья вина?“ и мужчина оказывается не менѣе женстовымъ. Я остановлюсь подольше на этой повѣсти, такъ какъ мимоходомъ въ ней затрагивается вопросъ, далеко еще не рѣшенный,—дѣтскій вопросъ.

Въ заглавіи какъ нельзя больше сказывается склонность автора. Призракъ судіи уже стоитъ за спиной автора. Все же вопросительная форма—нѣкоторымъ образомъ обѣщаніе *не поучать*, а *искать*—подкупаетъ насъ. Авторъ вопрошаетъ, его берутъ сомнѣнія, этотъ великій рычагъ, который столько разъ оказывалъ истинѣ неоцѣнимую услугу. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли что жизнедѣятельнѣй прекраснаго „я сомнѣваюсь!“ Вѣдь только мудрый стоитъ на мѣстѣ... Но, съ другой стороны, есть ли что безотраднѣе этого сыска виновнаго, этого ржанія: держи его!.. Потому что взысканная вина всегда вѣдь взваливается на голову маленькаго двуногаго, только послушнаго маленькаго преступника, все преступленіе котораго заключается въ добросовѣстномъ исполненіи роли, возложенной на него тысячелѣтіемъ. Я не знаю ничего безотраднѣе одной поговорки, начинающейся словами: „говорила тебѣ я!..“ Эта поговорка имѣетъ хлопающіе глаза и лобъ, уставленный въ землю. Впервые ее произнесла супруга приказчика изъ Гостинаго двора. „Не послушалъ и покушалъ—вотъ теперь вина твоя!“ Впослѣдствіи, въ значительно измѣненной формѣ, но въ томъ же духѣ, поговорка эта перешла и окончательно утвердилась на страницахъ нашей старой беллетристики... Вотъ „чья вина“—держи его!.. Но вѣдь авторъ вопрошаетъ и зоветъ насъ къ поискамъ...

Нѣкій Станскій (красавецъ, какъ и всѣ герои г-жи Вербицкой), учитель словесности, былъ человѣкъ строгихъ, даже суровыхъ правилъ и принадлежалъ къ той категоріи людей, которые на всемъ протяженіи жизненнаго пути подхлестываютъ себя двумя кнутами: долгомъ и правомъ. Онъ стоитъ за эмансипацію женщины. Онъ горячо говоритъ о ея будущемъ, о непочатомъ сокровищѣ ея душевныхъ силъ и считаетъ, что единственный путь къ развитію этихъ сокровищъ это — курсы, учительство, медицина, и одна изъ обязанностей человѣка,—не выдѣляясь изъ толпы, слившись съ ней, строить великое зданіе будущаго маленькими дѣлами. Когда невѣста заявляетъ ему о желаніи поступить на сцену, онъ требуетъ „служенія людямъ, а не искусству“, горячо доказывая, что театръ опошляетъ человѣка, и что служить искусству—значитъ служить сытой толпѣ и „своему самолюбивому „я“. Въ пылу спора съ Вѣрой онъ съ такой завидной памятью приводитъ длинныя цитаты изъ Милля и другихъ умныхъ писателей, а возраженія Вѣры такъ безцвѣтны, что мы начинаемъ усматривать солидарность автора съ героемъ. Вѣдь сидя за своимъ письменнымъ столомъ, авторъ имѣетъ время выписать всѣ эти длинныя цитаты и раздать тому, кому находитъ нужнымъ! Читатель съ узенькимъ кругозоромъ, естественно, становится на сторону краснорѣчиваго Станскаго. Этого-то и нужно автору.

Вмѣстѣ съ Станскимъ онъ очень неодобрительно относится къ стремленіямъ Вѣры „къ чему-то выше обывательскаго счастья“. Сколько сокровищъ пропадаетъ даромъ благодаря этимъ суетнымъ стремленіямъ! Вопросъ *о служеніи искусству* рѣшенъ безповоротно... И мы не будемъ спорить. Споръ—вещь, по большей части, безполезная, особенно споръ въ пользу искусства, которое само по себѣ такъ высоко поднимаетъ человѣка надъ „обывательскимъ счастьемъ“, что даже умныя цитаты строгаго Станскаго кажутся ему дѣтскимъ лепетомъ. И принципы автора и Станскаго не помѣшали Вѣрѣ поступить на сцену.

Съ помощью своего писательскаго таланта авторъ очень искусно подчеркиваетъ суетность женщины, имѣющей ребенка и такого мужа, какъ Станскій, и стремящейся къ самоуслажденію на театральныхъ подмосткахъ. Онъ позволяетъ читателю видѣть одну только сторону медали: прекраснаго мужа, нужнаго для общества, ребенка, жизнь, полную смысла, когда жена можетъ быть другомъ и помощницей, и рядомъ съ этимъ какія-то суетныя стремленія. Въ лицѣ мужа Вѣра встрѣчаетъ такую непримиримость, такое неистовство, что о соглашеніи и рѣчи быть не можетъ. „Если бы она просилась на курсы, онъ отпустилъ бы ее, хотя это ему и неудобно“, на сцену же—ни въ какомъ случаѣ! Тогда она для него умерла. И не только для него, но, главное, и для ребенка. Вѣра хотѣла пріѣзжать въ семью на время прекращенія спектаклей; она хотѣла бы жить въ одномъ городѣ, но все это отвергается съ великимъ страданіемъ, но непреклонно. Жена для него погибла.

Ошибка Станскаго, полагаетъ авторъ, „только въ томъ, что онъ вздумалъ перевоспитать женщину въ 22 года“. И теперь для него „чтобы поддержать слабѣющія узы семьи, необходимо, по мнѣнію автора, кому-нибудь стушеваться, похоронить свое „я“. Такимъ образомъ, служеніе искусству обусловливается жертвоприношеніемъ—другихъ выходовъ нѣтъ. Введеніемъ новаго персонажа—пошлой maman, т. е. тещи, которая покровительствуетъ „безумствамъ Вѣры“, авторъ окончательно подтверждаетъ наши подозрѣнія въ солидарности его съ прямолинейнымъ Станскимъ. У нихъ нѣтъ сомнѣній. Ребенку заявлено, что мать его умерла—„честной“ и „чистой“, но—умерла. Спустя нѣсколько лѣтъ Станскій ищетъ забвенія и сходится съ другой женщиной. Ребенокъ растетъ въ тоскѣ по матери. Страданія его, рельефно описанныя авторомъ и нужныя ему для того, чтобы подчеркнуть легкомысліе матери, наталкиваютъ, наконецъ, автора на сомнѣнія.

Очень часто заглавіе произведенія подыскивается послѣ того, какъ оно написано. Я думаю, что, дописавъ до этого мѣста, перо авторское дрогнуло и онъ внесъ въ заголовкѣ своей повѣсти вопросъ „Чья вина?“ Но это былъ единственный моментъ и единственная дань „великому рычагу“.

Вѣра сдѣлалась знаменитостью. Такъ заманчиво для беллетриста написать знаменитую пѣвицу, у которой отняли ребенка. „Знаменитость“ собственно мѣшаетъ развитію главной идеи автора. Слава не даромъ дается, слава импонируетъ и, пожалуй, требуетъ пересмотра кой-какихъ принциповъ, но авторъ не выдерживаетъ искушенія. Къ тому же принципы его незыблемы. Теперь авторъ не можетъ не вложить въ уста пѣвицы краснорѣчивыхъ словъ. Но Вѣра-Лола защищаетъ не право матери, у которой отняли ребенка, а все тотъ же скучный вопросъ о правѣ женщины служить искусству. А какъ же быть съ ребенкомъ, когда люди расходятся?

Кто этотъ верховный судія, который въ теченіе цѣлаго дѣтства держитъ своего ребенка въ состояніи тоски по мнимо-умершей матери? Смѣетъ ли одинъ изъ супруговъ, проникшись сознаніемъ собственнаго превосходства, поднять на „виновнаго“ карающую руку? Авторъ не внушилъ читателю сомнѣнія въ непогрѣшимости поступковъ Станскаго. Напротивъ, ореолъ суроваго долга неизмѣнно сіяетъ надъ его головой. И надо полагать, что въ осужденіи и выполненіи приговора было участіе автора. Но кто смѣетъ окутать жизнь ребенка ложью? Какіе человѣческіе законы выше чувства ребенка къ отцу? Какой „вины“ достаточно для того, чтобы задушить принципами трепетную дѣтскую жизнь?

Вѣра виновна въ томъ, что предпочла сцену медицинѣ. Этого и для автора достаточно, чтобы при свѣтѣ ореола санкціонировать право отнять ребенка и заживо похоронить любимое имъ существо. Съ точки зрѣнія какой-либо г-жи Ивановой для такого же возмездія достаточно вины ея мужа, проигрывающаго свой заработокъ въ карты. Съ чьей-нибудь еще точки зрѣнія, вообще допускающей право „убить“ и опирающейся на какой-нибудь догматъ, есть еще болѣе вопіющія вины... Слѣдующая, напримѣръ, комбинація въ нашу эпоху обостренія политическихъ настроеній признаетъ достаточно правъ и основаній для экспериментовъ надъ дѣтской душой и надъ „виновнымъ“. Мать—либералка и даже—лѣвая, отецъ—консерваторъ и даже совсѣмъ правопорядочный.

Если для Станскаго достаточно основаній отнять ребенка у Вѣры, то не достаточно ли основаній у революціонно-настроенной матери отнять ребенка у правопорядочнаго отца?

Когда писался романъ „Чья вина?“. Пять-шесть лѣтъ тому назадъ. Свѣтлый человѣкъ не остановился передъ вопіющимъ насиліемъ и отнялъ у матери ребенка за ея служеніе искусству. Въ наше время тѣ же принципы насилія примѣняются при другихъ условіяхъ. Мы хотимъ устранить ребенка отъ дурного вліянія—развѣ это не прекрасная цѣль?—и мы не останавливаемся передъ средствами. У насъ даже нѣтъ сомнѣній. Но увѣрены ли мы, что черезъ 20 лѣтъ человѣчество не выработаетъ другихъ принциповъ,

порицающихъ бомбы во всѣхъ видахъ и разрѣшающихъ *дѣтскій вопросъ* свободной прививкой ребенку критическаго взгляда на обѣ враждующія стороны? И, можетъ быть, тотъ первый, кто сдѣлаетъ эту рискованную пробу; кто не оторветъ сына отъ виновной матери и способомъ разъясненій и свободнаго выбора противопоставитъ дурному вліянію свое; кто упразднитъ классъ ищеекъ и судій,—можетъ быть, этотъ новаторъ внесетъ свѣжую струю въ жизнь дѣтей и сдѣлаетъ первый шагъ къ разрѣшенію дѣтскаго вопроса... Потому что женскаго вопроса нѣтъ, а есть только дѣтскій вопросъ. Потому что только этотъ *дѣтскій вопросъ* давитъ и накладываетъ прежнія цѣпи на людей, разлюбившихъ другъ друга. И будетъ давить до тѣхъ поръ, пока надъ ребенкомъ и надъ „виновнымъ" производится насиліе... Этотъ человѣкъ долженъ быть фанатикомъ свободы внутренней и не побояться широко распахнуть двери передъ своимъ ребенкомъ. Онъ не задавитъ тогда ни одной мысли. Ему не придется лгать своему ребенку подобно герою романа г-жи Вербицкой, и онъ не выскочитъ вдругъ изъ всѣхъ своихъ принциповъ при первомъ же испытаніи. Это испытаніе судьба преподнесла Станскому въ лицѣ знаменитой Лолы-Вѣры, ослѣпившей его своей славой. Онъ готовъ уже сойтись съ отвергнутой женой ...но автору необходимо спасти догматъ—увы, увы!—на сей разъ не равноправія, а... цѣломудрія. Авторъ придерживается старинныхъ мнѣній о сценѣ. Для того, чтобы стать знаменитой артисткой, надо сдѣлаться публичной женщиной. Авторъ заставляетъ Вѣру сознаться въ своихъ паденіяхъ. Хотя ослѣпила взоры и потрясла мудрыхъ, хотя и талантъ, и доказала свое право на искусство, а все-таки—пала... „Говорила тебѣ я!" Говорилъ Станскій, что сцена опошляетъ!.. Ему осталось еще разъ сдѣлать надъ собой усиліе воли и ретироваться съ гордо поднятой головой. Клятвы Вѣры, что она любила только его одного, не помогаютъ. Надо спасти цѣломудріе! Мягкотѣлые и безкровные всегда остаются вѣрны себѣ. Страсти какъ не бывало. Это уже не защита женскаго вопроса, а апофеозъ догматовъ—наперекоръ самой природѣ. Сначала требовали отъ женщины, чтобы она презрѣла искусство и слилась съ толпой, но талантъ оказался сильнѣй—и у нея отняли ребенка. Затѣмъ у нея требуютъ вѣрности къ тому, кто ее вышвырнулъ и самъ сошелся съ другой женщиной—во имя цѣломудрія ей запрещено забвеніе. Авторъ спрашиваетъ: чья вина? Мы спрашиваемъ: гдѣ свобода? Отступивъ отъ спеціальной темы, авторъ вдругъ запутывается въ принципахъ и пишетъ романъ чуть не въ духѣ Домостроя. Мы не совѣтуемъ автору указывать перстомъ на кого-либо изъ своихъ героевъ. Пусть авторъ сдѣлаетъ шире кругъ—отъ себя и къ себѣ... потому что „герои", какъ и всякое маленькое двуногое, есть продуктъ... И потому еще, что есть образы, которые слишкомъ прикрѣплены къ автору, они даже не творенія его, а части его...

Произведенія г-жи Вербицкой расходятся повторными изданіями—въ

этомъ, конечно, виновать ея писательскій талантъ; но когда писатель специалисть смотритъ однимъ глазомъ, когда за отсутствіемъ художественнаго чутья онъ ограничивается „умѣніемъ“,—можно сказать навѣрняка, что даже при самыхъ строгихъ принципахъ и спеціальный, любимый вопросъ можетъ вдругъ оказаться разрѣшеннымъ вкривь. И читателю остается тогда искать и сомнѣваться.

О. Миртовъ.

На Западѣ.

(изъ франціи).

Стачка французскихъ рабочихъ.

Стачка—это гражданская война.
Жюль Симонъ.

Установленіе нормальнаго рабочаго дня есть результатъ болѣе или менѣе скрытой гражданской войны между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ.
К. Марксъ.

Всеобщая Конфедерація Труда.

Люди часто бываютъ склонны переоцѣнивать значеніе нѣкоторыхъ событій общественной жизни и, наоборотъ, проходятъ иногда мимо другихъ, не замѣчая ихъ глубокой соціальной важности. То, что производитъ больше шума, или то, что затрагиваетъ непосредственно интересы минуты, привлекаетъ къ себѣ обыкновенно больше вниманія поверхностныхъ наблюдателей жизни, чѣмъ явленія, смыслъ которыхъ скрытъ въ ихъ буду-щемъ.

Къ такого рода событіямъ надо отнести широкую стачку французскихъ рабочихъ, съ необыкновенной силой развернувшуюся въ маѣ 1906 года на пространствѣ всей Франціи. Пока буржуазія со страхомъ и трепетомъ ожидала къ 1-му мая предсказаннаго реакціонными пророками крушенія міра и принимала всѣ мѣры, чтобы спасти свое достояніе отъ ожидавшагося разгрома,—можно было думать, судя по газетамъ, что человѣчество находится наканунѣ грандіозныхъ событій. Но какъ только день перваго мая прошелъ, вопреки всѣмъ предсказаніямъ и провокаціямъ реакціи безъ открытаго выступленія пролетаріата на улицахъ, безъ сраженія на баррикадахъ,—филистеры немедленно же успокоились и стали равнодушно взирать на начавшееся послѣ этого широкое стачечное движеніе. Выборы въ парламентъ, покушеніе на испанскаго короля, пріѣздъ Камбоджскаго царька съ его танцовщицами, побѣда англійской лошади на скачкахъ въ Лоншанъ стали больше интересовать такъ называемое общественное мнѣніе, чѣмъ глухая, но упорная борьба рабочихъ за 8-ми ча-

совой день. Такое отношеніе къ майской стачкѣ вполнѣ понятно. Передъ 1-мъ мая буржуазія со страхомъ спрашивала себя, на что способенъ выросшій и воспитавшійся въ прежней борьбѣ рабочій классъ, въ теченіе почти двухъ лѣтъ готовившійся опредѣленно къ забастовкѣ въ маѣ 1906 г., и недовѣрчиво смотрѣла на ближайшее будущее. Майская стачка ясно показала, что рабочіе и въ ней еще только готовятся къ болѣе рѣшительной борьбѣ и что часъ послѣдняго суда еще не пробилъ. И люди, для которыхъ принципъ „довлѣетъ дневи злоба его“ опредѣляетъ все содержаніе ихъ жизненныхъ интересовъ, немедленно же перешли въ свое обычное безпечное состояніе.

Но тотъ, кто привыкъ смѣло и увѣренно смотрѣть впередъ и видѣть за моремъ человѣческихъ страданій, „за далью непогоды“ современной жизни „блаженную страну“ лучшаго будущаго, долженъ совершенно иначе оцѣнить майское движеніе рабочихъ во Франціи.

Его главный смыслъ заключается въ томъ, что оно отмѣчаетъ крупный этапъ въ исторіи борьбы французскаго пролетаріата, является новымъ исходнымъ пунктомъ для ея дальнѣйшаго развитія и усиленія. Майская стачка, вмѣстѣ съ тѣмъ,—и прекрасный примѣръ, на которомъ теоретики и практики соціалистическаго движенія могутъ многому поучиться: міровое рабочее движеніе рѣдко еще выдвигало такіе наглядные образцы классовой борьбы широкихъ массъ пролетаріата. Настоящая статья является посильной попыткой познакомить съ майскими событіями русскихъ читателей. Но прежде чѣмъ перейти къ ихъ изложенію, необходимо въ краткихъ чертахъ охарактеризовать современное состояніе организованнаго рабочаго движенія во Франціи.

Отсталость французскаго рабочаго движенія давно уже стала у насъ ходячей поговоркой. Но это положеніе далеко не такъ вѣрно, какъ это принято думать. Если, говоря о слабости французскаго движенія, имѣютъ въ виду соціалистическую партію или партіи, такъ какъ лишь очень недавно многочисленныя фракціи французскаго соціализма объединились въ одну организацію, то это положеніе болѣе, чѣмъ вѣрно. Оппортюнизмъ, глубоко внѣдрившійся въ теорію и практику французскихъ соціалистовъ, ихъ вѣчныя братоубійственныя распри, какъ неизбѣжное слѣдствіе, поразительная организаціонная слабость достаточно объясняютъ это.

Но глубоко заблуждается тотъ, кто заключаетъ отсюда о слабости рабочаго движенія вообще. Такое заключеніе, невѣрное само по себѣ, въ особенности невѣрно по отношенію къ Франціи. Благодаря особымъ спеціальнымъ условіямъ, французское организованное рабочее движеніе пошло—и въ особенности идетъ за послѣднее время—далеко не тѣмъ путемъ, который предначертали ему слишкомъ упрощенныя формулы вульгаризаторовъ марксизма. Бѣглый историческій очеркъ можетъ дать представленіе о томъ, какъ постепенно создавалась во Франціи независимая *рабочая партія*,

которая объединеніе пролетаріата строила на объединеніи его профессіональныхъ организацій.

Поль Луи въ своей „Исторіи французскаго соціализма“ отмѣчаетъ, что хронологически возрожденіе синдикальнаго, какъ его называютъ во Франціи, движенія предшествовало возрожденію соціализма.

Почти на другой день послѣ Коммуны, говоритъ онъ, рабочія организаціи пытаются возстановить свое существованіе и расширить свою дѣятельность [1]).

Въ 1872 году былъ образованъ 12-ю парижскими профессіональными организаціями „Союзъ синдикатовъ“, немедленно же распущенный правительственной властью, несмотря на всю умѣренность и скромность его программы. Но профессіональныя организаціи, вызываемыя къ жизни мощной силой тѣхъ условій, въ которыхъ находится рабочій классъ, продолжали образовываться и расти, вопреки всѣмъ препятствіямъ, вопреки тому, что законодательство не обезпечивало тогда свободы ихъ существованія. Въ 1876 году состоялся съѣздъ представителей различныхъ корпорацій рабочихъ, на которомъ приняли участіе 360 делегатовъ. Послѣ этого подобные съѣзды стали повторяться ежегодно и именно на этихъ съѣздахъ соціализмъ сдѣлалъ свои первыя завоеванія. Соціализмъ, какъ теорія, пришелъ къ рабочему классу черезъ посредство профессіональныхъ союзовъ; въ нихъ онъ нашелъ единственно существовавшія тогда организаціонныя ячейки пролетаріата, на которыя могла и должна была опереться соціалистическая доктрина.

Пропаганда соціалистовъ принесла свои первые плоды на корпоративномъ съѣздѣ рабочихъ 1878 года въ Ліонѣ, гдѣ среди делегатовъ насчитывалось 8 коллективистовъ. Въ слѣдующемъ году на съѣздѣ въ Марселѣ соціалистическая программа была уже принята 73 голосами противъ 27 [2]).

Я не буду продолжать дальше подробнаго историческаго анализа, такъ какъ онъ слишкомъ далеко увлекъ бы насъ въ сторону. Исторія рабочихъ организацій и соціалистическихъ партій съ 1880 года представляетъ собою исторію постоянныхъ расколовъ, вѣчнаго дробленія силъ; рисуетъ намъ картину чрезвычайно запутанныхъ и смутныхъ соотношеній между многочисленными фракціями. Но въ этомъ хаосѣ борьбы партій и борьбы отдѣльныхъ вождей не трудно выдѣлить двѣ основныя тенденціи.

Съ одной стороны, соціалистическая партія, впервые выработавшая опредѣленную программу въ 1880 году, постоянно раскалывалась на

---

1) Paul Louis. „L'histoire du socialisme français“. 1901.

2) Необходимо при этомъ замѣтить, что марсельскій конгрессъ не былъ уже только съѣздомъ профессіональныхъ организацій,—на немъ получили представительство и политическія группы.

враждовавшія между собою фракціи и, по мѣрѣ того какъ вступала на путь парламентской дѣятельности, она постепенно ослабляла свою связь съ массовымъ движеніемъ рабочихъ. Происходила своего рода пульверизація соціалистическихъ силъ.

Съ другой стороны, организованное профессіональное движеніе постепенно обособлялось отъ страшно ослабленныхъ такой пульверизаціей политическихъ соціалистическихъ партій. Первоначально, какъ это было въ 1880 году на съѣздѣ въ Гаврѣ, отъ нея отказались наиболѣе отсталые элементы рабочаго движенія, не желавшіе связывать судьбу своихъ организацій съ революціонной дѣятельностью соціалистовъ. Но затѣмъ это соотношеніе совершенно измѣнилось. Соціалистическія фракціи теряли связь съ массовымъ движеніемъ параллельно и въ зависимости отъ того, какъ постепенно суживали свою работу рамками исключительно-парламентской дѣятельности и связанными съ нею выборами. Веденіе классовой борьбы стало переходить въ руки рабочихъ синдикатовъ, получившихъ послѣ изданія въ 1884 году закона о профессіональныхъ союзахъ чрезвычайно широкое развитіе, обособившихъ мало-по-малу свои организаціи отъ политическихъ партій и смѣло взявшихъ въ свои руки знамя революціонной пролетарской борьбы. Ростъ синдикатовъ достаточно краснорѣчиво говоритъ о мощности этого движенія. Въ 1885 году ихъ было всего 221, въ 1890—1.066, въ 1900—3.287. Число объединенныхъ въ нихъ рабочихъ опредѣлялось въ 1890 году въ 139.692 человѣка, въ 1900 оно возросло до 588.832 [1]). Къ 1 января 1903 года оффиціальная статистика насчитывала уже 4.934 синдиката съ 643.657 членами [2]).

Попытка соціалистическихъ организацій объединить профессіональное движеніе подъ флагомъ политическихъ партій закончилась полной неудачей. Въ 1886 году была образована гэдистами такъ называвшаяся „Федерація рабочихъ синдикатовъ Франціи", но она окончательно распалась въ 1895 г., не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ печальнаго воспоминанія.

Между тѣмъ объединеніе синдикатовъ въ одну общую организацію, что лишало профессіональное движеніе неизбѣжнаго иногда въ первой стадіи его развитія кастоваго духа, шло своей самостоятельной дорогой. Синдикальное движеніе все болѣе и болѣе принимало характеръ широкаго классоваго движенія.

Объединеніе началось, главнымъ образомъ, съ образованія широкихъ мѣстныхъ союзовъ, группировавшихъ различные профессіональные синдикаты около получившихъ во Франціи широкое развитіе „Биржъ Труда". Параллельно же съ этимъ, но болѣе медленно и съ большимъ трудомъ происходило объединеніе однородныхъ профессіональныхъ организацій въ широкія „національныя федераціи".

---

1) H. Lagardelle. „L'évolution des syndicats". 1901.

2) L. Barthau. „L'action syndicale", стр. 15.

Эти двѣ самостоятельно развившіяся вѣтви получили скоро и общія организаціи.

Въ 1892 году была уже образована „Федерація Биржъ Труда", объединившая всѣ подобныя учрежденія Франціи. Черезъ 10 лѣтъ, на съѣздѣ въ Алжирѣ, эта Федерація представлена была 83 Биржами Труда, объединившихъ въ общей сложности 1.112 синдикатовъ [1]). Это была уже очень внушительная сила, въ особенности, если принять во вниманіе широкую дѣятельность Биржъ Труда, играющихъ очень крупную роль въ развитіи французскаго рабочаго движенія.

Въ 1895 году на съѣздѣ профессіональныхъ союзовъ въ Лиможѣ было положено основаніе новой широкой организаціи—„Всеобщей Конфедераціи Труда", которая составилась изъ нѣсколькихъ десятковъ „національныхъ федерацій", т. е. союзовъ, объединявшихъ рабочихъ по профессіямъ. Въ 1900 году въ нее входили уже 16 такихъ федерацій и больше 50 изолированныхъ синдикатовъ [2]). Но первое время существованія конфедераціи не было для нея особенно благопріятнымъ. Только послѣ состоявшагося съѣзда въ Монпелье [3]), гдѣ произошло объединеніе Конфедераціи Труда съ болѣе жизненной Федераціей Биржи, открывается настоящая эра усиленной дѣятельности и еще болѣе усиленнаго роста сплотившихся, наконецъ, въ одну общую организацію синдикатовъ. На слѣдующемъ конгрессѣ въ Буржѣ въ 1904 году Конфедерація Труда состояла уже изъ 53 федерацій и въ общей сложности изъ 1860 синдикатовъ. Въ настоящее время эта организація включаетъ въ себя, по приблизительному подсчету, до $^2/_3$ всѣхъ организованныхъ въ профессіональные союзы рабочихъ, именно около 450.000 человѣкъ.

Конечно, всѣ эти данныя не могутъ еще отвѣтить вполнѣ на вопросъ, какую же роль играетъ Всеобщая Конфедерація труда въ ходѣ рабочаго движенія. Но одно уже сравненіе приводимыхъ мною цифръ съ оффиціальной статистикой соціалистической партіи, которая къ 1 іюня 1906 года насчитывала всего на всего 46.000 членовъ, можетъ дать извѣстное представленіе о значеніи той и другой организаціи.

Что касается программы Конфедераціи Труда, то она, конечно, не можетъ удовлетворить тѣхъ, кто хотѣлъ бы видѣть въ ней полное выраженіе принциповъ научнаго соціализма. Первый параграфъ ея устава говоритъ очень кратко о томъ, что Конфедерація объединяетъ рабочихъ для защиты всѣхъ ихъ интересовъ, ведетъ борьбу за „уничтоженіе наемнаго труда и института хозяевъ".

---

1) X congrès de la féderation des Bourses du Travail. Compte-rendu. Paris. 1901.

2) „Mouvement socialiste". 1904. Октябрь-декабрь.

3) „Mouvement socialiste", январь 1903. „Congrès de la Confédération generale de Travail".

Но о Всеобщей Конфедераціи Труда, болѣе чѣмъ о чемъ-либо другомъ, надо судить не по ея словамъ, а по ея дѣламъ. Все дальнѣйшее изложеніе должно подтвердить вѣрность этой мысли. Оно покажетъ намъ, что Конфедерація Труда организовала и блестяще провела первую грандіозную стачку французскаго пролетаріата, выставивъ ея лозунгомъ уменьшеніе рабочаго дня. Оно же покажетъ намъ, что соціалистическая партія не имѣла никакого отношенія къ этому движенію. Майская стачка 1906 года была приведеніемъ въ исполненіе рѣшенія съѣзда Конфедераціи Труда. Вотъ почему, описывая эту стачку, нельзя было не начать со Всеобщей Конфедераціи Труда и ея краткой исторіи.

Борьба за уменьшеніе рабочаго дня.

Рабочее законодательство французской республики, какъ это ни кажется страннымъ съ перваго взгляда, значительно отстало не только отъ большинства западно-европейскихъ странъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже отъ Россіи. Въ области законодательнаго ограниченія рабочаго дня это обстоятельство сказывается особенно ярко.

Декретомъ временнаго революціоннаго правительства въ 1848 году продолжительность рабочаго дня была ограничена 10 часами для Парижа и 11 часами для провинціи. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Національное Собраніе отмѣнило этотъ декретъ, установивъ норму рабочаго дня въ промышленности въ 12 часовъ. Съ тѣхъ поръ эта норма продолжаетъ существовать, подвергаясь лишь нѣкоторымъ частичнымъ измѣненіямъ и, что всего хуже, продолжаетъ существовать въ значительной мѣрѣ лишь на бумагѣ. Законъ 30-го мая 1900 года уменьшилъ рабочій день для женщинъ и для рабочихъ, не достигшихъ 18 лѣтняго возраста—до 10 часовъ. Законъ 29-го мая 1905 года ограничилъ продолжительность работъ въ рудникахъ 9 часами [1]).

Но наряду съ этимъ законодательство допускаетъ цѣлый рядъ исключеній въ обратную сторону. Ристъ въ своей монографіи о продолжительности рабочаго дня во Франціи утверждаетъ слѣдующее: „Законъ даетъ возможность при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ занимать рабочихъ именно въ промышленности по 14 и даже по 15 и 16 часовъ въ сутки“ [2]). Тотъ же Ристъ замѣчаетъ, что законъ фактически можетъ быть примѣненъ къ очень незначительному количеству предпріятій, что на практикѣ осуществленіе его встрѣчаетъ, кромѣ того, цѣлый рядъ препятствій и что часто фабричные инспектора даже не могутъ, если бы они этого и хотѣли,

---

[1]) Это уменьшеніе производится постепенно и къ 1909 году должно достигнуть окончательной нормы въ 8 часовъ. Но англійскіе углекопы какъ, напримѣръ, въ Дуркгаймѣ работаютъ уже по 6 часовъ.

[2]) Rist. „La journée du travail en France“. 1898. Стр. 92.

строго контролировать предпринимателей. Дѣйствительно, отчеты фабричныхъ инспекторовъ постоянно констатируютъ многочисленные случаи злоупотребленій, доходящихъ иногда по своему характеру до настоящихъ преступленій. Такъ, въ 1895 году инспекторъ Биэзъ обнаружилъ въ Нормандіи одну бумажную фабрику, на которой рабочихъ заставляли работать по 24 часа подрядъ. Въ Бретани въ 1896 году фабричнымъ инспекторомъ были констатированы въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ рабочіе дни продолжительностью въ 15, 18, 20 и даже 36 часовъ! [1]).

Если правительственный контроль вскрываетъ отъ времени до времени подобнаго рода нарушенія закона, то легко себѣ представить, насколько онъ распространенъ вообще и въ особенности въ той области, куда не заглядываетъ глазъ мало любопытнаго въ этомъ отношеніи фабричнаго инспектора.

Что касается, напримѣръ, тѣхъ отраслей труда, которыя законъ совсѣмъ лишаетъ своего покровительства, то даже оффиціальная статистика даетъ достаточно краснорѣчивыя цифры. Служащіе въ магазинахъ и базарахъ работаютъ по 12, 14 и 16 часовъ въ сутки. Парикмахеры бываютъ заняты отъ 14 до 18 часовъ. Булочники, кондитеры, служащіе въ колбасныхъ и съѣстныхъ лавочкахъ работаютъ по 12, 15, 18 и даже 20 часовъ [2]), лакеи въ ресторанахъ и кафе по 13—18 часовъ въ сутки [3]).

Не менѣе продолжительна также и работа извозчиковъ, кондукторовъ на омнибусахъ и трамваяхъ, работа прислуги, и, наконецъ, всей той многочисленной арміи тружениковъ, занятыхъ въ мелкихъ предпріятіяхъ, тяжелыя условія жизни которыхъ ускользаютъ отъ наблюденія оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ статистиковъ.

Но уже одно то, что даютъ намъ эти статистики, позволяетъ сдѣлать опредѣленное заключеніе о продолжительности рабочаго дня во Франціи. Именно, онъ гораздо длиннѣе, чѣмъ въ цѣломъ рядѣ другихъ промышленныхъ странъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи или Соединенныхъ Штатахъ [4]). Съ одной стороны, рабочій день длиннѣе, такъ какъ выше установленная закономъ норма, съ другой—явленіе общеизвѣстное въ рабочемъ движеніи всѣхъ странъ—рабочій день длиннѣе вопреки этому закону.

Здѣсь, конечно, не приходится останавливаться на томъ, какое значеніе имѣетъ вообще уменьшеніе рабочаго дня въ жизни рабочаго класса. Наивозможно короткій рабочій день—это своего рода прямая линія, соединяющая

---

[1]) Rapports pour 1895, стр. 196. Rapports pour 1896, стр. 192 и 288.

[2]) Conseil superieur du travail. Rapports, documents. 1901, стр. 49, 58, 104.

[3]) Bulletin d' office du travail. 1903, стр. 827.

[4]) См. Pelloutier. „La vie ouvrière en France“ и L. March. „Les salaires et la durée du travail dans l'industrie française“. 1898.

Къ такому же выводу приходитъ и авторъ недавно вышедшей брошюры. M. Lecoq. „vers la journée des 8 heures“. 1906, стр. 89—106.

двѣ точки—исходный и конечный пункты рабочаго движенія,—и, такъ же, какъ въ геометріи, для насъ является нетребующей доказательствъ аксіомой та истина, что эта линія есть кратчайшее разстояніе, отдѣляющее эксплоатируемаго пролетаріата отъ свободнаго члена трудового общества. Но я хочу еще остановить вниманіе читателей на томъ, какую роль вообще играетъ борьба за уменьшеніе рабочаго дня въ процессѣ организаціи пролетарскихъ силъ. На мой взглядъ нельзя оцѣнить вполнѣ правильно майскую стачку французскихъ рабочихъ, не установивъ предварительно вполнѣ опредѣленную точку зрѣнія на этотъ вопросъ.

Марксъ въ главѣ „Капитала“ о рабочемъ днѣ даетъ такое опредѣленіе этой борьбы: „Въ исторіи капиталистическаго развитія,—говоритъ онъ,—нормировка рабочаго дня представляетъ собою борьбу между совокупнымъ капиталистомъ, т. е. классомъ капиталистовъ и совокупнымъ рабочимъ, т. е. классомъ рабочихъ“ [1]). Несомнѣнно, уменьшеніе рабочаго дня, неизбѣжно влекущеее за собою уменьшеніе резервной арміи безработныхъ и пониженіе нормы прибыли, гораздо сильнѣе затрагиваетъ общіе интересы капиталистовъ, чѣмъ, напримѣръ, частичныя повышенія заработной платы. Поэтому, какъ мы это увидимъ дальше на примѣрѣ майской стачки, борьба пролетаріата за короткій рабочій день оказывается достаточно сильнымъ стимуломъ для объединенія капиталистовъ въ союзы. Въ своихъ широкихъ проявленіяхъ эта борьба является своего рода „погромами“ капиталистической системы, противъ которыхъ немедленно же вооружается „самооборона“ капитала.

Еще большее значеніе имѣетъ организація рабочихъ силъ для успѣшной борьбы пролетаріата за нормированіе рабочаго дня. Въ силу самаго своего характера и значенія, эта борьба для рабочихъ представляетъ выполненіе чрезвычайно трудной задачи и они не могутъ браться за нее, не организовавшись предварительно въ широкіе и прочные союзы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, а отчасти и вслѣдствіе этого, стремленіе уменьшить рабочій день есть стремленіе нѣсколько высшаго порядка, чѣмъ, напримѣръ, возникающее въ первой же стадіи рабочаго движенія, въ моментъ его появленія, стремленіе увеличить заработную плату. Борьба за короткій рабочій день предполагаетъ уже извѣстный культурный уровень массъ рабочихъ, извѣстную необходимость имѣть больше свободнаго времени для удовлетворенія возросшихъ и усложнившихся потребностей. И если борьбу рабочихъ за увеличеніе заработка можно сравнить съ первоначальной школой, въ которой они получаютъ свое пролетарское воспитаніе, то борьбу за короткій рабочій день можно назвать средней школой, которая даетъ имъ соціалистическое образованіе.

Исторія стачекъ во Франціи является блестящимъ подтвержденіемъ вѣрности этого положенія: исторически оправдывается то, что сейчасъ

---

[1]) „Капиталъ“, т. I, стр. 175.

намъ представлялось вѣрнымъ теоретически. Мы видѣли только-что, какой чрезмѣрной продолжительностью отличается рабочій день во Франціи. И между тѣмъ, въ первой стадіи своего развитія рабочее движеніе, поскольку проявлялось въ стачкахъ, было направлено главнымъ образомъ въ сторону увеличенія заработной платы.

Въ періодъ 1868—1870 годовъ Франція впервые была охвачена сильной стачечной лихорадкой. Одинъ изъ публицистовъ того времени такъ опредѣляетъ ихъ характеръ: „Стачки почти всегда имѣютъ своей цѣлью увеличеніе заработной платы“ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поскольку уже тогда выдвигалось рабочими требованіе уменьшить продолжительность ихъ работы, оно стремилось принять форму болѣе широкихъ, болѣе обобщенныхъ и координированныхъ дѣйствій. Нѣкій Надо, останавливаясь въ своихъ статьяхъ на этомъ вопросѣ, совѣтовалъ въ то время рабочимъ предъявить свое требованіе одновременно въ 20—30-ти городахъ [2]). Но время для такой широкой манифестаціи тогда еще не пришло и долго еще послѣ того стачки съ требованіемъ уменьшить рабочій день занимали въ общемъ незначительное мѣсто въ общей стачечной борьбѣ пролетаріата. За періодъ съ 1875 года по 1889 во Франціи было въ общей сложности 1.404 стачки [3]). Изъ 1.080 этихъ стачекъ можно выдѣлить слѣдующія ихъ группы: 447 стачекъ были вызваны требованіемъ увеличить заработную плату, въ 267 случаяхъ рабочіе боролись противъ уменьшенія платы и только въ 62 стачкахъ ими было выставлено требованіе уменьшить рабочій день; остальныя стачки были вызваны другими поводами, которые мы сейчасъ оставляемъ въ сторонѣ. Такимъ образомъ, лишь 5,7% общаго количества стачекъ приходится на борьбу рабочихъ за нормированіе рабочаго дня. Этотъ ничтожный процентъ станетъ вполнѣ объяснимымъ, если мы вспомнимъ, что движеніе было въ то время еще очень слабо и плохо организовано и что за тотъ же періодъ въ среднемъ 59% стачекъ оканчивались полной неудачей рабочихъ и лишь 21% ихъ можетъ быть отнесенъ къ числу вполнѣ успѣшныхъ попытокъ рабочихъ улучшить свое положеніе.

Но и въ дальнѣйшемъ борьба за уменьшеніе рабочаго дня продолжаетъ занимать второстепенное мѣсто въ общемъ стачечномъ движеніи. Ристъ приводитъ, классифицируя стачки по вызвавшимъ ихъ поводамъ, слѣдующія данныя для періода 1890—1896 годовъ: [4]).

---

[1]) Musée Social. „Les grèves de la periode 1869—1870“. Статья изъ неизвѣстной газеты отъ 22-го іюня 1869 г., подписанная Ch. Gaumont.

[2]) „Reveil“. 1869 г., декабрь.

[3]) Заимствую эти данныя у Victor Turquam. „Statistique des grèves“.

[4]) Rist. „La journée du travail en France“, стр. 128,

Увеличеніе заработной платы	322.735	стачечниковъ
Другіе вопросы заработной платы . .	134.711	„
Уменьшеніе рабочаго дня	100.064	„

Общее количество стачечниковъ за тотъ періодъ было—795.654 и такимъ образомъ уменьшеніе рабочаго дня требовали 12,5% ихъ. Наконецъ, имѣется статистика стачекъ за самое послѣднее время, составленная на основаніи оффиціальныхъ данныхъ [1]). Группируя ихъ, я получилъ слѣдующіе характерные результаты. Изъ общаго количества 4.270 стачекъ, имѣвшихъ мѣсто за время съ 1899 по 1904 годъ, 2.407, или 56,3% были направлены къ увеличенію заработной платы. Изъ 1.119.050 стачечниковъ, бастовавшихъ за тотъ же періодъ, 457.780, или 38,4%, приняли въ нихъ участіе. Характерно, что процентъ стачечниковъ ниже процента стачекъ: это показываетъ, что въ среднемъ каждая такая стачка охватывала сравнительно небольшое количество рабочихъ. Совершенно обратное отношеніе получается для стачекъ, направленныхъ къ уменьшенію рабочаго дня. Число ихъ опредѣляется за тотъ же періодъ всего въ 557, или 13% общаго количества стачекъ. Число принявшихъ въ нихъ участіе рабочихъ достигаетъ 378.512, или 318%, общаго количества стачечниковъ. Ясно, какъ Божій день, что каждая такая стачка носитъ болѣе широкій, чѣмъ предыдущія, характеръ, охватывая въ среднемъ гораздо большее количество рабочихъ [2]).

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ росли и крѣпли рабочія организаціи, по мѣрѣ того, какъ возрастали сила и сознаніе организованнаго пролетаріата, борьба за нормированіе рабочаго дня принимала болѣе широкій, болѣе интенсивный характеръ. Мы видѣли, что за періодъ 1875—1889 гг. процентъ стачекъ, требовавшихъ этого нормированія, составляли всего 5,7%. Для періода съ 1899 по 1904 годъ этотъ процентъ возросъ до 13. Но одновременно съ этимъ повысился и процентъ успѣшныхъ стачекъ, что означало собою усиленіе рабочаго движенія, тогда какъ полныя неудачи стали составлять всего 42,13% общаго числа стачекъ вмѣсто прежнихъ 59%.

Нетрудно показать при помощи статистическихъ данныхъ, на которыхъ я здѣсь не стану останавливаться, что это усиленіе борьбы за короткій рабочій день приходится (и должно приходиться) на долю тѣхъ профессій, гдѣ продолжительность рабочаго дня сравнительно съ другими меньше, гдѣ заработная плата выше и гдѣ рабочіе лучше организованы [3]).

Такимъ образомъ, передовые элементы рабочаго класса оказываются,—

---

[1]) „Mouvement socialiste". 1906, мартъ. Статья секретаря Конфедераціи Труда Гриффюэля.

[2]) Одна стачка углекоповъ 1902 года, требовавшихъ тогда 8-ми часового дня, охватила 115. 240 рабочихъ.

[3]) Ср. Rist, стр. 134.

что, впрочемъ, надо было предположить и заранѣе,—наиболѣе энергичными борцами за нормированіе рабочаго дня, и вовлеченіе въ эту борьбу все болѣе и болѣе широкихъ массъ отмѣчаетъ собою всегда усиленіе и развитіе этихъ передовыхъ элементовъ пролетаріата, который стремится слиться съ ними въ одно неразрывное цѣлое.

Выступленіе международнаго пролетаріата въ день 1-го мая выдвигаетъ каждый годъ, какъ лозунгъ, объединяющій рабочій классъ всего міра, требованіе 8-ми часового дня. Нѣтъ другого такого лозунга, который бы на почвѣ немедленныхъ реформъ такъ осязательно и реально объединялъ бы всѣхъ рабочихъ и противопоставлялъ бы ихъ, какъ отдѣльный классъ, всему буржуазному обществу. Поэтому борьба за 8-ми часовой день является и превосходной школой, въ которой пролетаріатъ получаетъ свое боевое воспитаніе. Но, понятно, ея воспитательное значеніе тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ болѣе дѣйствительно и самостоятельно принимаютъ въ ней участіе широкія массы рабочихъ.

Принципіально требованіе 8-ми часового рабочаго дня принималось на съѣздахъ всѣхъ широкихъ профессіональныхъ организацій Франціи чуть ли не съ момента ихъ возникновенія. Но поскольку за этими съѣздами не стояли достаточно широкія массы организованныхъ рабочихъ, ихъ воты оставались платоническими пожеланіями избранниковъ рабочаго класса, не давая положительныхъ воспитательныхъ результатовъ. Наконецъ, въ 1904 г. на съѣздѣ въ Буржѣ Всеобщая Конфедерація Труда постановила подготовить и начать съ мая 1906 года широкое движеніе съ цѣлью понизить продолжительность рабочаго дня и объединить его однимъ общимъ лозунгомъ „8 часовъ!..“

Дальнѣйшее изложеніе покажетъ намъ, какое значеніе эта кампанія организованной классовой борьбы имѣла для французскаго пролетаріата. Сейчасъ же мы можемъ, руководствуясь всѣмъ вышесказаннымъ, сдѣлать слѣдующее заключеніе: попытка начать широкое движеніе въ пользу уменьшенія рабочаго дня говоритъ уже о томъ, что объединеніе рабочихъ синдикатовъ около Конфедераціи Труда, дѣйствительно, создавало своего рода рабочую партію, партію класса, силы которой выростали не только количественно, что мы констатировали въ предыдущей главѣ, но и качественно.

Въ теченіе 18 мѣсяцевъ пролетаріатъ готовился показать эту силу къ 1 мая 1906 года. Въ этомъ заключается сущность майской стачки французскихъ рабочихъ, и буржуазный міръ очень быстро и правильно оцѣнилъ всю серьезность, всю революціонность готовившагося движенія. Я не смогу лучше изобразить создавшагося тогда положенія, чѣмъ это сдѣлалъ одинъ сотрудникъ довольно консервативной газеты „Temps“. Незадолго до 1-го мая онъ писалъ въ ней: „Въ нашей странѣ желаніе не создавать затрудненій для правительства превратило день перваго мая въ праздникъ. Рабочіе

почти не бастовали, а собирались по вечерамъ въ театральныхъ залахъ... Такимъ образомъ, оправдывались слова Бриддазона: первое мая угрожаетъ превратиться въ праздникъ пѣсенъ. Но Конфедерація Труда бодрствовала. Она приняла священное знамя изъ рукъ обанкротившихся соціалистовъ и на конгрессѣ въ Буржѣ заявила, что возьметъ въ свои собственныя руки соблюденіе покинутыхъ традицій. Съ нею первое мая перестаетъ быть шуткой" [1]).

Подготовительная работа.

Международный соціалистическій конгрессъ 1889 года постановилъ устраивать 1-го мая во всѣхъ странахъ манифестацію пролетарскихъ силъ, сдѣлавъ однимъ изъ ея лозунговъ 8-ми часовой рабочій день. Въ слѣдующемъ же году французская соціалистическая партія сдѣлала первую попытку провести въ жизнь это рѣшеніе. Руководимая Ж. Гэдомъ „Федерація рабочихъ синдикатовъ Франціи", о созданіи и гибели которой я уже говорилъ въ первой главѣ, организовала 1-го мая 1890 года забастовку и, помимо этого, постановила предъявить къ законодательной власти требованіе введенія 8-ми часового дня. Манифестъ федераціи, выпущенный по этому поводу въ концѣ апрѣля, говорилъ: „Всѣ борющіеся за независимость рабочаго класса, къ какой бы политической школѣ они ни принадлежали, должны объединиться вмѣстѣ и обратиться къ палатѣ депутатовъ съ тѣмъ, чтобы получить отъ народныхъ представителей рѣшительный отвѣтъ на наши справедливыя требованія".

1-го мая депутація изъ 12 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были Вальянъ и Гэдъ, прошла по переполненной народомъ и полиціей площади Согласія, проникла благополучно въ палату депутатовъ, была очень любезно принята президентомъ ея Флокэ и вручила ему петицію, требовавшую 8-ми часового дня и подписанную 82 рабочими синдикатами. Но затѣмъ все быстро вошло въ обычную колею, петиція была положена подъ сукно и на слѣдующій годъ, въ день 1-го мая, снова пришлось посылать новую делегацію, писать новую петицію. И снова парламентъ не простеръ своей внимательности дальше желанія выслушать петиціонеровъ. Хуже того. Когда въ 1891 году во время майской манифестаціи въ Фурми былъ произведенъ разстрѣлъ безоружной и мирной толпы рабочихъ, то министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣчая на запросъ соціалистовъ и защищая офицера, отдавшаго приказаніе стрѣлять, заявилъ съ министерской трибуны: „Я посылаю тому, кто для выполненія своего долга вынужденъ былъ, къ несчастью, сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, выраженіе своего глубокаго уваженія". Большинство палаты апплодировало этимъ словамъ и, когда соціалистъ Эрнестъ Рошъ среди грома апплодисментовъ крикнулъ въ отвѣтъ

[1]) „Temps", 27-го апрѣля 1906.

министру: „Этотъ человѣкъ—убійца!“, то они же исключили его временно изъ своего состава [1]). Таковъ былъ „рѣшительный отвѣтъ народныхъ представителей“, котораго ждала федерація рабочихъ синдикатовъ.

Я привелъ эту историческую справку не съ тою, конечно, цѣлью, чтобы доказать невозможность или ненужность законодательнаго вмѣшательства въ нормированіе рабочаго дня. Противъ такого анархическаго, по своему существу, разрѣшенія вопроса протестуетъ вся исторія рабочаго движенія, и теоретически соціалисты были совершенно правы, указывая пролетаріату на необходимость закрѣпить законодательнымъ путемъ короткій рабочій день [2]). Но въ то же время ихъ историческій опытъ позволяетъ намъ сдѣлать другой крайне поучительный выводъ.

Всякій законъ можетъ быть провотированъ парламентомъ и, болѣе того, можетъ войти въ жизнь и не остаться мертвой буквой только въ томъ случаѣ, если рабочій классъ *внѣ парламента* представляетъ собою достаточно серьезную, организованную силу, способную оказывать воздѣйствіе на всю совокупность политическаго организма страны. Никакія делегаціи, никакіе представители, какими бы выдержанными соціалистами они ни были, не въ состояніи замѣнить эту коллективную силу организованныхъ рабочихъ массъ. Между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта сила въ началѣ девяностыхъ годовъ находилась еще только въ зачаточномъ состояніи.

Затѣмъ—и это самое главное—перенесеніе центра тяжести борьбы за 8-ми часовой день на посылку делегацій въ парламентъ, что являлось логически неизбѣжнымъ послѣдствіемъ слабости организованнаго рабочаго движенія, лишало тогда майскія манифестаціи ихъ самаго главнаго смысла—ихъ воспитательнаго значенія. Классовое революціонное воспитаніе пролетаріатъ получаетъ только въ процессѣ своей собственной борьбы, только по мѣрѣ того, какъ растетъ и развивается его *самодѣятельность*. Это, конечно, азбука революціонной пролетарской педагогики. Но противъ этой азбуки погрѣшила—мы не можемъ обвинять въ этомъ вождей—исторія французскихъ соціалистическихъ организацій. По мѣрѣ того, какъ они отрывались отъ массоваго движенія, дробились на фракціи и переносили центръ тяжести своей борьбы въ плоскость парламентской дѣятельности, они теряли возможность руководить воспитаніемъ пролетаріата въ его майскихъ выступленіяхъ.

Уже въ 1891 году, вслѣдствіе обострившихся расколовъ среди соціалистовъ, въ палату депутатовъ явилось сразу три депутаціи. По мотивамъ чисто формальнаго характера ихъ отказались принять всѣхъ вмѣстѣ и депутаты ушли, выразивъ свой протестъ и унося съ собой свои петиціи.

---

1) „Journal des Debats“, 3-го мая 1892 г.

2) Смотри манифестъ „Французской рабочей партіи“, выпущеный въ апрѣлѣ 1891 г. и подписанный Гэдомъ и Лафаргомъ.

Дальнѣйшее раздробленіе соціалистическихъ силъ еще болѣе ослабило ихъ первомайскія выступленія. Въ 1893 году „Journal des Débats“ пишетъ: „Еще одно такое первое мая—и соціалистическій праздникъ исчезнетъ окончательно“. Въ 1895 году соціалисты оставляютъ, наконецъ, совершенно посылку делегацій въ парламентъ и ограничиваются устройствомъ собраній „при закрытыхъ дверяхъ“, какъ характеризуютъ ихъ нѣкоторыя газеты того времени.

Правда, то было время, когда во Франціи свирѣпствовало реакціонное министерство Шарля Дюпюи, когда подавляли всякія широкія проявленія рабочаго движенія и когда роялисты устраивали большіе митинги, кончавшіеся при крикахъ „да здравствуетъ король“ [1]). Но съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ, сила реакціи окончательно сломлена и республика спасена, а участіе соціалистической партіи въ майскихъ манифестаціяхъ еще болѣе уменьшилось. Не трудно показать, что въ 1906 году это участіе фактически свелось къ нулю: партія ограничилась выпускомъ наканунѣ перваго мая традиціоннаго манифеста—и это было все. Ни одного собранія не было устроено соціалистами въ Парижѣ въ день 1-го мая. Да и не для кого было ихъ устраивать, такъ какъ рабочіе шли на собранія, устроенныя ихъ синдикатами. Парламентскій соціализмъ оказался въ этотъ день внѣ организованнаго рабочаго движенія.

Послѣ этой небольшой экскурсіи въ область исторіи намъ станетъ вполнѣ понятной та тактика, которую приняла конфедерація труда въ подготовкѣ майской стачки. Мысль объ обращеніи съ петиціями къ законодательной власти была совершенно отброшена синдикалистами. И дѣйствительно, если это обращеніе нужно только для того, чтобы освѣдомить палату депутатовъ о требованіяхъ рабочихъ, то это происходитъ само собою, и нѣтъ нужды организовывать движеніе около такого лозунга. Наоборотъ, его успѣхъ зависитъ цѣликомъ отъ концентраціи всего вниманія пролетаріата на широтѣ и размахѣ общерабочей манифестаціи. Это единственно надежный способъ вырвать у буржуазныхъ парламентовъ необходимые законы [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ это единственно правильный путь революціоннаго воспитанія и развитія классоваго самосознанія пролетаріата. Съѣздъ въ Буржѣ, принявъ опредѣленное рѣшеніе подготовить къ 1 мая 1906 года широкое движеніе въ пользу 8 часового дня, назначилъ спеціальную комиссію „восьми часовъ“, задачей которой было

[1]) 30-го апрѣля 1895 г. въ Тулузѣ на одномъ такомъ митингѣ присутствовало болѣе 1000 человѣкъ. Въ то же время энергично дѣйствовала подъ покровительствомъ министерства „лига антисемитовъ“.

[2]) Яркимъ примѣромъ можетъ служить стачка австрійскихъ углекоповъ 1900 года. Въ результатѣ отчаянной борьбы 60.000 рабочихъ, не бывшихъ въ состояніи добиться уступокъ отъ предпринимателей, парламентъ провотировалъ неожиданно для всѣхъ 9-ти часовой рабочій день. См. докладъ амстердамскому конгрессу.

изученіе вопроса и подготовки пропаганды. Надо замѣтить, что вся организація конфедераціи труда построена на принципѣ федерализма и что каждая ея составная часть пользуется самой широкой автономіей. Конфедеральный комитетъ, ея исполнительный органъ, и комиссія „восьми часовъ“ не имѣла поэтому въ числѣ своихъ задачъ организаціонное руководство всѣмъ готовившимся движеніемъ. Они должны были только объединить его, внося извѣстное единство дѣйствія въ пропаганду и агитацію. Синдикаты же и ихъ федераціи оставались совершенно свободными и самостоятельными въ организаціи своихъ выступленій.

Такое положеніе вещей принесло прекрасные результаты и значительно опредѣлило собой широту майской стачки. Подготовка движенія фактически была перенесена на периферію Всеобщей Конфедераціи Труда, толкая и развивая такимъ образомъ самодѣятельность составляющихъ ея элементовъ. Съ сентября 1904 года по май 1906 всѣ съѣзды отдѣльныхъ профессій обсуждали и вырабатывали свою программу дѣйствій, всѣ отдѣльные союзы опредѣляли болѣе точно, примѣнительно къ мѣстнымъ и спеціальнымъ условіямъ, ту почву, на которой они могли попытаться осуществить общій лозунгъ.

Восьмичасовой рабочій день былъ, да и долженъ былъ быть, только общей формулой, за которой скрывалось требованіе немедленнаго уменьшенія рабочаго дня. Синдикалисты не могли скрывать отъ себя, что переходъ въ нѣкоторыхъ профессіяхъ отъ 15 и 16 часового дня къ 8-ми часовому не можетъ быть дѣломъ одной стачки [1]). Но это не должно было уничтожать агитаціоннаго значенія лозунга „восьми часовъ“, который конфедерація труда несла по всѣмъ профессіямъ, по всѣмъ группамъ рабочихъ. Этотъ лозунгъ долженъ былъ стать принципіально лозунгомъ всего движенія, всѣхъ его элементовъ, и въ этомъ синдикалисты добились полнаго успѣха. Отдѣльныя группы рабочихъ видоизмѣняли предъявлявшіяся ими требованія. Такъ, напримѣръ, съѣздъ федераціи рабочихъ книжнаго дѣла въ 1905 году постановилъ добиваться въ маѣ мѣсяцѣ немедленнаго введенія 9-ти часового дня, но въ принципѣ выставилъ требованіе „восьми часовъ“. Извѣстное разнообразіе вносило и то обстоятельство, что нѣкоторые синдикаты, какъ, напримѣръ, рабочихъ, занятыхъ въ винодѣліи на югѣ Франціи и сейчасъ уже работающихъ *меньше* 8 часовъ, выдвинули требованіе 6-ти часового дня [2]). Но это разнообразіе цифръ нисколько, конечно, не уничтожало основного характера всей задачи, которую ставили себѣ рабочіе. Я не стану нагромождать примѣровъ, показывающихъ, насколько оживленную дѣятельность развила за этотъ періодъ

---

[1]) Такъ стоялъ вопросъ, напримѣръ, передъ многочисленными синдикатами дровосѣковъ центра Франціи. См. „La Voix du Peuple“, 12-го марта 1905.

[2]) „La voix du peuple“, декабрь, 1905.

периферія профессіональныхъ организацій. Приведу лишь нѣсколько наиболѣе характерныхъ. Биржа Труда въ Ніеврѣ, съ цѣлью вовлечь въ движеніе возможно болѣе широкія массы, организовала въ августѣ мѣсяцѣ съѣздъ изъ представителей всѣхъ рабочихъ союзовъ цѣлаго департамента. Этотъ съѣздъ обсуждалъ исключительно вопросъ о майской стачкѣ. Федерація рабочихъ металлургической промышленности за нѣсколько мѣсяцевъ устроила около 150 агитаціонныхъ собраній болѣе, чѣмъ въ ста различныхъ городахъ. Федерація рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ пищевыхъ продуктовъ, гдѣ рабочій день отличается особенной продолжительностью, выдвинула вопросъ о праздничномъ отдыхѣ, этомъ необходимомъ дополненіи короткаго рабочаго дня. Цѣлый рядъ большихъ митинговъ, устроенныхъ въ Парижѣ, Мишѣ, Реннѣ, Тулузѣ и другихъ городахъ, постановляетъ присоединиться къ майскому движенію съ требованіемъ установленія обязательнаго праздничнаго отдыха [1]).

Каковы были результаты такой широкой и усиленной работы въ массахъ, можетъ дать нѣкоторое представленіе тотъ фактъ, что количество синдикатовъ, примыкающихъ къ конфедераціи труда, возрасло съ 1800 до 2500. За одинъ этотъ подготовительный періодъ.

Съ своей стороны конфедеральный комитетъ и комиссія „восьми часовъ" исполняли въ это же время возложенныя на нихъ задачи. Ими было выпущено нѣсколько манифестовъ и брошюръ спеціально по вопросамъ 8-ми часового дня и праздничнаго отдыха. Центральный органъ конфедераціи—„Голосъ Народа"—служилъ информаціоннымъ и агитаціоннымъ изданіемъ, обслуживавшимъ готовившееся движеніе. Наконецъ, начиная съ декабря 1905 года Конфедеральный комитетъ предпринялъ устройство повсемѣстныхъ митинговъ, для чего были разосланы по всей Франціи профессіональные агитаторы. Спеціально было обращено также вниманіе на устройство собраній для рабочихъ, которые не были объединены въ союзы и оставались поэтому внѣ организаціоннаго воздѣйствія синдикатовъ.

Такъ, напримѣръ, въ Парижѣ были устроены митинги спеціально для иностранныхъ рабочихъ, на которыхъ говорили ораторы всевозможнѣйшихъ національностей и на всевозможнѣйшихъ языкахъ.

Для поддержки всей этой пропаганды синдикаты вносили въ теченіе 18 мѣсяцевъ въ кассу конфедеральнаго комитета особые взносы, не превысившіе, правда, въ общемъ 14.000 франковъ. Въ отношеніи денежныхъ средствъ французскіе синдикаты вообще гораздо бѣднѣе какъ германскихъ профессіональныхъ союзовъ, такъ, конечно, и англійскихъ трэдъ-юніоновъ, этихъ плутократовъ пролетарскаго міра.

[1]) Надо замѣтить, что во Франціи закономъ такой отдыхъ для рабочихъ не установленъ и что проектъ его, принятый палатой депутатовъ еще въ 1902 году, до сихъ поръ не получилъ санкціи сената.

Таковы преимущества двухпалатной системы!

Но этотъ недостатокъ въ деньгахъ французскіе синдикаты съ избыткомъ возмѣщаютъ своей революціонной энергіей, которой такъ бѣдны нѣмецкіе и англійскіе союзы. И надо признать, что для пролетаріата имѣетъ гораздо больше дѣйствительной цѣнности именно эта монета, безъ помощи которой онъ никогда не сумѣетъ купить себѣ полное освобожденіе.

Правительство французской республики прекрасно поняло, что начавшееся движеніе сильно содѣйствуетъ повышенію этой цѣнности и немедленно же приняло мѣры. Биржи Труда, которыя служили повсюду очагами броженія и при большинствѣ которыхъ были образованы мѣстные комитеты „восьми часовъ", обратили на себя особенное вниманіе властей. Пользуясь тѣмъ, что всѣ эти Биржи существуютъ на выдаваемыя имъ субсидіи, противъ нихъ начали въ 1905 году настоящій походъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ это было въ Санъ-Рафаэлѣ, дѣло доходило до закрытія Биржи; въ другихъ- изъ нихъ изгонялись „неблагонадежные элементы". Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года изъ парижской Биржи Труда была удалена имѣвшая до тѣхъ поръ тамъ свое постоянное помѣщеніе Всеобщая Конфедерація Труда и всѣ ея учрежденія. Это совершенно достаточно оцѣниваетъ роль и значеніе этой организаціи. Встревоженный буржуазный міръ увидѣлъ въ ней корень зла, главнаго виновника того, что на парижской Биржѣ Труда красовалась гордая надпись, формулировавшая своими большими красными буквами весь революціонный смыслъ начинавшагося движенія: „Съ 1-го мая 1906 года мы не будемъ работать больше 8-ми часовъ въ сутки".

Мѣсяцъ гражданской войны.

Чѣмъ болѣе приближался день перваго мая, тѣмъ больше увеличивался страхъ буржуазіи. Реакціонная и консервативная печать въ одинъ голосъ кричала о приближающемся крушеніи общества. „*C'est la revolution qui vient*"—озаглавливаетъ свои статьи по этому поводу одна большая газета. Въ этихъ пророчествахъ, несомнѣнно, была значительная доля провокаторской политики. Подымавшаяся волна рабочаго движенія настолько пугала друзей порядка, что они стремились сами вызвать безпорядки, въ надеждѣ на ихъ кровавое подавленіе и усмиреніе борющагося пролетаріата. Только этимъ можно объяснить тѣ экстраординарныя предохранительныя мѣры, которыя были приняты правительствомъ. Повсюду во Франціи города съ большимъ рабочимъ населеніемъ были превращены въ военные лагери. Въ одинъ Парижъ было переведено 50.000 войскъ и гарнизонъ его вмѣстѣ съ полиціей былъ доведенъ до 90.000 вооруженныхъ людей. Торжественно было объявлено заранѣе, что всякая попытка устроить уличную манифестацію будетъ безпощадно подавлена. Характерно то, что по соглашеніи съ русскимъ и германскимъ правительствами были

взяты даже войска отъ границъ Германіи. И въ самомъ дѣлѣ, что означала опасность вторженія пруссаковъ, которой такъ часто шовинисты пугаютъ страну, передъ опасностью выступленія внутренняго врага—рабочаго класса! Но мало было того, что рабочихъ заранѣе пугали вооруженной силой и размѣщали войска въ обычныхъ помѣщеніяхъ рабочихъ собраній; мало было приготовленнаго свинца и пороха, и правительство пустило въ ходъ обычный козырь всѣхъ шулеровъ политической игры, всегда держащихся извѣстнаго правила: „Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose". Противъ рабочихъ организацій была пущена въ оборотъ клевета. За нѣсколько дней до 1-го мая были арестованы два секретаря конфедераціи труда—Гриффюэль и Леви—и секретарь комиссіи „восьми часовъ" Монатъ. Такой выборъ достаточно краснорѣчиво говоритъ о настоящей цѣли арестовъ. Но для отвода глазъ одновременно съ обыскомъ въ Конфедераціи Труда были произведены обыски и аресты нѣкоторыхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ претендентомъ на французскій престолъ, какъ, напримѣръ, графъ Борегаръ и редакторъ монархической газеты „Autorité" Биберъ. Въ обращеніе пускается грязный слухъ о тайныхъ сношеніяхъ синдикалистовъ съ бонапартистами и поддержкѣ послѣдними рабочаго движенія. Ясно, конечно, что призракъ монархіи былъ вызванъ съ единственной цѣлью спасти буржуазную республику отъ рабочей революціи [1]). Но игра была слишкомъ откровенна, ею никого нельзя было обмануть, и Гриффюэль былъ вполнѣ правъ, когда, говоря о миѳическомъ заговорѣ, писалъ:

„Pas fort Clemenceau; ça manque d'esprit".

Если у правительства нехватило разума на болѣе тонкую игру, то у него оказалось достаточно смѣлости, чтобы пустить противъ мирнаго, по своей формѣ, движенія рабочихъ всю собранную имъ военную и полицейскую силу и всѣми средствами затормазить начинавшуюся стачку. Кампанія, которую нельзя иначе назвать, какъ „скрытой гражданской войной", началась съ первомайской манифестаціи.

Парижъ, гдѣ движеніе было, конечно, особенно сильнымъ, представлялъ собой въ день 1-го мая видъ города, покинутаго жителями и осажденнаго непріятелемъ. Буржуазія заранѣе приготовилась къ этому. Капиталисты перевели часть своихъ капиталовъ въ заграничные банки, обыватели запаслись провизіей на цѣлыя недѣли и боялись выглянуть дальше порога своей квартиры. Но если въ главныхъ частяхъ города царили тишина и безмолвіе [2]), еще болѣе увеличенныя всеобщей забастовкой извозчиковъ,

---

[1]) Такой методъ борьбы съ рабочимъ движеніемъ далеко не новъ. Въ 1890 году была также распространена клевета объ участіи бонапартистовъ въ подготовкѣ майской манифестаціи.

[2]) Насколько въ городѣ остановилась въ этотъ будничный день нормальная жизнь, показываютъ, между прочимъ, слѣдующія цифры. Метро-

то въ рабочихъ кварталахъ господствовало необычайное оживленіе. Отряды войскъ и полиціи занимали тамъ, по выраженію одного администратора, „всѣ стратегическіе пункты". Флаги Краснаго Креста развѣвались надъ заботливо устроенными въ громадномъ числѣ походными медицинскими пунктами. Недоставало, однимъ словомъ, только пулеметовъ...

Толпы рабочихъ, въ громадномъ числѣ бросившихъ въ этотъ день работу, двигались по улицамъ, направляясь къ мѣстамъ своихъ собраній. На площади Республики, расположенной около Биржи Труда, центра всѣхъ собраній, въ теченіе цѣлаго дня ходили (стоять было строго запрещено) буквально сотни тысячъ людей. Это была внушительная манифестація, какъ ни старалась полиція, разгоняя и избивая собравшихся зрителей, помѣшать ея осуществленію. Насколько были велики старанія полиціи, можно судить по тому, что за одинъ этотъ день было арестовано до 900 человѣкъ, 60 получили серьезные ушибы отъ кулаковъ и сапогъ разсвирѣпѣвшихъ полицейскихъ, около 15 человѣкъ были ранены холоднымъ оружіемъ въ то время, какъ разгоняли толпу мирно выходившихъ изъ Биржи Труда рабочихъ. Арестованныхъ, девять десятыхъ которыхъ были въ тотъ же вечеръ освобождены, за неимѣніемъ какихъ бы то ни было уликъ, пропускали на чисто русскій маперъ сквозь строй, продѣлывали то, что французы называютъ „passage au tabac". Таково было празднованіе перваго мая въ демократической республикѣ. Правда, въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ, какъ, напримѣръ, въ Лиллѣ, Брестѣ, Марселѣ состоялись настоящія манифестаціи и по улицамъ ходили кортежи изъ 2000—3000 человѣкъ. Но это не измѣняло общаго характера дня перваго мая. Повсюду—аттаки кавалеріи, многочисленные аресты, избіенія манифестантовъ и цѣлый рядъ другихъ мѣръ, не имѣвшихъ иного назначенія, какъ провоцированіе рабочихъ на эксцессивные поступки. Тысячу разъ правъ былъ одинъ товарищъ, когда онъ писалъ на другой день въ „L'Humanité": „Можно только удивляться тому, какъ рабочіе вели себя, несмотря на все это, относительно спокойно".

Такое спокойствіе было проявленіемъ организованной силы пролетаріата, и ей должны мы отдать дань своего удивленія. Менѣе, чѣмъ чего либо другого, хотѣли въ этотъ день рабочіе вооруженныхъ схватокъ съ полиціей; менѣе всего готовились они къ возстанію и революціи. Синдикалисты даже не разсматривали готовившагося движенія, какъ попытки устроить всеобщую стачку, такъ какъ не скрывали своихъ дѣйствительныхъ силъ. И своимъ спокойствіемъ рабочіе съ достоинствомъ отвѣтили на провокаторскую политику властей: у насъ есть сейчасъ опредѣленная цѣль и мы пойдемъ къ ней своимъ путемъ, а не тѣмъ, на который насъ хотятъ

политэнъ 29-го апрѣля выручилъ 88.519 фр., 1-го мая 46.559 фр. Компанія омнибусовъ въ тотъ же день сдѣлала только половинную, по сравненію съ обычной, выручку.

толкнуть наши враги. Возникшая вслѣдъ затѣмъ грандіозная стачка прекрасно доказала это.

Такимъ образомъ, первое мая не оправдало надеждъ реакціи и только обнаружило лишній разъ позорную трусость и слабость буржуазіи. Ничего не можетъ быть характернѣе въ этомъ отношеніи, какъ откровенное признаніе одной очень распространенной буржуазной газеты. „Это бѣгство изъ города передъ возможностью безпорядковъ,—писала она черезъ два дня послѣ 1-го мая,—эти запасы провизіи, сдѣланные точно передъ долгой осадой, обнаружили, къ сожалѣнію, удивительное моральное безсиліе“ [1]).

Первое мая, однако, было только первымъ шагомъ къ тому, что давно готовила Всеобщая Конфедерація Труда. Въ этотъ день бастовали нѣкоторыя группы рабочихъ, какъ, напримѣръ, парижскіе извозчики только для выраженія своей солидарности, не имѣя возможности начать тогда же борьбу за дѣйствительное уменьшеніе рабочаго дня. Они, такимъ образомъ, только заявили о своемъ требованіи.

Но уже за нѣсколько дней до 1-го мая другія профессіи, какъ, напримѣръ, федерація рабочихъ печатнаго дѣла, синдикатъ ювелировъ и пр. начали стачку за сокращеніе рабочаго дня. Со 2-го мая это долго готовившееся стачечное движеніе начинаетъ съ необычайной силой распространяться по всей Франціи, охватывая многочисленныя и самыя разнообразныя профессіи, проникая въ самые глухіе углы.

Интересно, что въ этомъ движеніи приняли участіе также и сельскохозяйственные рабочіе. Въ департаментѣ Сены и Марны, въ центрѣ и на югѣ Франціи, возникаетъ цѣлый рядъ сельско-хозяйственныхъ стачекъ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочими было выставлено требованіе 8-ми и даже 6-ти часового дня.

Къ 10-му мая число стачечниковъ, постепенно увеличивавшееся, въ одномъ Парижѣ достигло 150.000. Немного позднѣе оно уже превышало 200.000. Общее количество рабочихъ, принявшихъ участіе въ движеніи, сейчасъ не можетъ быть опредѣлено точно, за отсутствіемъ статистическихъ данныхъ. Но во всякомъ случаѣ, приблизительное число ихъ должно быть очень недалеко отъ *милліона*, въ особенности, если принять во вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто принялъ въ немъ участіе лишь выраженіемъ солидарности — однодневной забастовкой перваго мая,—а также тѣхъ, кто, не устраивая забастовки, какъ, напримѣръ, парикмахеры, булочники, энергично дѣйствовали въ это же время въ пользу осуществленія обязательнаго еженедѣльнаго отдыха. Кромѣ того, не надо забывать, что въ стачкѣ принимали участіе послѣдовательно различныя корпораціи и что на мѣсто оставившихъ борьбу являлись новыя

[1]) „Petit Parisien“, 3-го мая 1906.

группы стачечниковъ. Къ 25-му мая полиція опредѣлила число бастовавшихъ въ Парижѣ рабочихъ въ 43.274. Но того же 25-го мая только что начали борьбу за 10-ти часовой день многочисленные рабочіе и работницы прачечнаго дѣла.

Для того, чтобы дать нѣкоторое представленіе о грандіозности этой борьбы, можно сравнить ее съ среднимъ количествомъ стачечниковъ, зарегистрированныхъ оффиціальной статистикой за прежніе года, Именно, за періодъ 1890—1898 годовъ это среднее количество составляло 83.085 чел. [1]) за періодъ 1899 по 1904 это число было 186.508 [2]). Въ 1904 году, когда число стачечниковъ было выше, чѣмъ за всѣ предыдущіе года, оно достигло 271.097. Ничего равнаго, такимъ образомъ, майской стачкѣ Франція никогда еще не видала.

Въ первыхъ числахъ іюня стачечное движеніе уже замѣтно пошло на убыль, и къ 10-му іюля число бастовавшихъ рабочихъ не превышало уже обычной нормы, свойственной спокойнымъ періодамъ никогда не останавливающейся борьбы пролетаріевъ. Движеніе было окончено.

Полная исторія его можетъ быть темой для цѣлой монографіи. Нѣтъ возможности дать въ краткой статьѣ достаточно наглядную картину этой грандіозной стачки, тѣмъ болѣе, что, въ сущности, это не была одна стачка, а скорѣе безчисленное количество отдѣльныхъ и разнообразныхъ стачекъ, объединенныхъ по времени и по одной общей цѣли, которую онѣ преслѣдовали. Въ Парижѣ, Сентъ-Этьенѣ, Ліонѣ, Марселѣ, Лиллѣ, Тулузѣ, Брестѣ, Лиможѣ и тысячѣ другихъ городовъ Франціи рабочіе бросали работу и предъявляли требованія съ внѣшней, формальной стороны, отдѣльно и независимо отъ своихъ товарищей другихъ профессій и другихъ мѣстностей. Но организуя *врозь* свою борьбу, они, по существу, *вмѣстѣ* нападали на общаго врага, выставляя повсюду одинъ и тотъ же лозунгъ—уменьшеніе рабочаго дня. Кромѣ того, поскольку Конфедерація Труда объединяла все это движеніе, постольку оно носило и характеръ организаціоннаго единства. Можетъ быть, можно было пожелать вообще, чтобы этого единства было больше, но такое пожеланіе для даннаго момента было бы совсѣмъ нежелательно. Нужна очень и очень высокая степень организованности для того, чтобы извѣстная централизація руководства не тормазила самостоятельной дѣятельности отдѣльныхъ частей организаціи и не препятствовала проявленію съ ихъ стороны максимума энергіи. Кромѣ того, поскольку существуетъ разнообразіе входящихъ въ нее частей, постольку неизбѣжно должно сохраниться и разнообразіе дѣйствій.

Впрочемъ, результаты, достигнутые майской стачкой, достаточно крас-

---

[1]) Uhry. „Les grèves en France". 1903, стр. 55.

[2]) „Mouvement socialiste", мартъ 1906 г.

норѣчиво говорятъ о томъ, что при всей своей раздробленности она имѣла полный возможный успѣхъ. Она была фактически настоящей гражданской войной между двумя непримиримо-враждебными классами и ясно опредѣлила позицію каждаго изъ нихъ. Незадолго до перваго мая Клемансо сказалъ довольно откровенно представителямъ Конфедераціи Труда: „Мы не находимся съ вами по одну сторону баррикадъ“. Дальнѣйшія событія только подтвердили эти слова, воздвигнувъ своего рода баррикаду между буржуазной республикой и соціалистическимъ пролетаріатомъ. Въ этомъ—все значеніе майскаго движенія.

Правительство, во главѣ котораго, точно по ироніи судьбы, стояли радикалъ-соціалистъ Клемансо и соціалистъ Бріанъ, постаралось дать рабочему классу хорошій политическій урокъ. Послѣ перваго мая войска не только не были удалены, а, наоборотъ, подкрѣплены новыми отрядами, и на всемъ пространствѣ Франціи, вмѣстѣ съ полиціей, обращены въ орудіе подавленія стачки. По улицамъ разъѣзжали патрули, заводы охранялись войсками, малѣйшія группы стачечниковъ на улицахъ разгонялись полиціей. Аресты, избіенія, высылки иностранныхъ рабочихъ, жестокіе судебные приговоры,—все было пущено въ ходъ для того, чтобы подъ флагомъ такъ называемой „свободы труда“ защитить „свободу эксплоатаціи“. До чего доходило дѣло, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, Пюто, гдѣ было всего 2.000 стачечниковъ, власти размѣстили, по просьбѣ маркиза Діона и другихъ предпринимателей, не болѣе не менѣе, какъ 6.000 солдатъ. 3 вооруженныхъ человѣка на одного безоружнаго рабочаго,—развѣ это не достаточное подтвержденіе того, что сказалъ во время парламентскихъ дебатовъ Жорэсъ: „Никогда за все время существованія третьей республики рабочій классъ не былъ такъ лишенъ свободы, какъ при министерствѣ Клемансо-Бріана“.

Это же сказали себѣ и всѣ стачечники.

Не менѣе, если не болѣе, поучительнымъ было для рабочаго класса его столкновеніе съ капиталистами въ борьбѣ за восьмичасовой день. Буржуазные экономисты много кричали о томъ, что 8-ми часовой день неизбѣжно долженъ разорить всю промышленность и вызвать торговый кризисъ. Этимъ утвержденіямъ можно противопоставить слѣдующія достаточно краснорѣчивыя цифры. По довольно скромному разсчету, сдѣланному Жорэсомъ [1]), общая сумма богатствъ всей Франціи опредѣляется въ 175 милліардовъ франковъ. Изъ нихъ 105 милліардовъ принадлежатъ всего 221.000 лицамъ, тогда какъ болѣе 10 милліоновъ не имѣютъ ничего, кромѣ дневного заработка—если еще имѣютъ!—и умираютъ, не оставляя послѣ себя ни одной копейки.

Совсѣмъ недавно послѣдній русскій заемъ былъ покрытъ во Франціи

¹) „L'Humanité“, 18-го іюня 1906. „La statistique sociale“.

подпиской 21 разъ. Это означаетъ, что на рынкѣ было предложено *тридцать миллiардовъ* франковъ свободныхъ денегъ. Эти 30 миллiардовъ франковъ составляютъ приблизительно *годовой заработокъ* миллiона рабочихъ, требовавшихъ въ маѣ мѣсяцѣ 8-ми часового дня. Multum et multa!

Таковъ счетъ, который рабочiе могли предъявить капиталистическому обществу. Но уменьшенiе рабочаго дня—это пониженiе нормы прибыли и увеличенiе силы рабочихъ организацiй. Поэтому всѣ силы буржуазiи были направлены къ тому, чтобы оказать отчаянное сопротивленiе майскому рабочему движенiю.

Всеобщая Конфедерацiя Труда предложила рабочимъ два способа борьбы. Во-первыхъ, стачку до удовлетворенiя требованiя и, во-вторыхъ, тамъ, гдѣ это возможно, революцiонный захватъ восьмичасового дня, т.-е. прекращенiе работъ по истеченiи этого срока.

На послѣднюю мѣру капиталисты повсюду отвѣтили локаутомъ, какъ было это, напримѣръ, въ Парижѣ съ попыткой землекоповъ и каменщиковъ по постройкѣ метрополитэна. Локаутъ же оказался слишкомъ сильнымъ орудiемъ въ рукахъ капиталистовъ, и рабочiе не въ состоянiи были справиться съ нимъ. Дѣйствительно, какъ это еще разъ показалъ опытъ французскихъ рабочихъ, самовольный захватъ можетъ принести практическiе результаты только въ томъ случаѣ, если онъ примѣняется въ широкомъ масштабѣ и если рабочiя организацiи достаточно сильны и богаты для того, чтобы выдержать очень продолжительную борьбу. Ни того, ни другого не было въ данномъ случаѣ въ наличности, и немногочисленныя попытки окончились неудачей.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ рабочiе употребляли только стачку, и этой мѣрой они все же успѣли, хотя, конечно, и не въ такихъ размѣрахъ, какъ этого желали, добиться практическихъ результатовъ. Несмотря на сильное сопротивленiе предпринимателей и цѣлый рядъ полныхъ неудачъ, рабочiе въ довольно многочисленныхъ случаяхъ сумѣли добиться пониженiя рабочаго дня и другихъ улучшенiй своего положенiя. Почти двухмѣсячная стачка рабочихъ печатнаго дѣла, федерацiя синдикатовъ которыхъ является одной изъ наиболѣе сплоченныхъ и богатыхъ организацiй, привела къ уменьшенiю рабочаго дня въ этой профессiи съ 10-ти до 9-ти часовъ болѣе, чѣмъ въ 90 городахъ Францiи и въ 350 типографiяхъ одного Парижа. Такое же сокращенiе достигнуто въ рядѣ отдѣльныхъ предпрiятiй другихъ профессiй, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—по большей части въ сравнительно некрупныхъ предпрiятiяхъ,—рабочiе добились и 8-ми часового дня.

Наряду съ этимъ увѣнчалось извѣстнымъ успѣхомъ и движенiе въ пользу еженедѣльнаго отдыха. Парикмахеры въ Парижѣ, булочники въ

Марселѣ, Бордо, Лиможѣ и другихъ городахъ добились обязательнаго недѣльнаго отдыха [1]).

Такимъ образомъ, съ несомнѣнностью можно утверждать, что въ результатѣ майской стачки средняя норма рабочаго дня во Франціи была фактически понижена. Сохраненіе этой нормы и ея дальнѣйшее пониженіе зависитъ, конечно, лишь отъ дальнѣйшаго роста рабочихъ организацій и ихъ усиленія. Воспитательное значеніе майской стачки, которое должно быть ясно читателю послѣ всего вышеизложеннаго, не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что ростъ и развитіе рабочаго движенія получили въ ней могучій толчокъ для своего дальнѣйшаго усиленія и что будущее должно оправдать надежды синдикалистовъ. Не надо только забывать, что дѣятели Конфедераціи Труда и заранѣе въ этомъ воспитательномъ значеніи видѣли главный смыслъ всего майскаго движенія. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Бобуа писалъ о немъ: „Прежде всего, задача заключается въ томъ, чтобы въ надлежащей плоскости направить весь рабочій классъ противъ всего класса буржуазіи, для того, чтобы дать ему почувствовать и осознать весь антагонизмъ классовъ и революціонную цѣль, неизбѣжно присущую его движенію" [2]).

Майская стачка, эта „скрытая гражданская война", какъ выразился однажды Марксъ, принесла въ этомъ отношеніи блестящіе результаты. Наилучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить образованіе во время ея хода и подъ ея вліяніемъ нашумѣвшей уже во Франціи „Конфедераціи хозяевъ". Цѣлый рядъ синдикатовъ предпринимателей механическаго производства объединились въ одинъ общій союзъ борьбы со стачками. Каждый изъ нихъ долженъ вносить въ общую кассу 2% съ уплачиваемой заработной платы—новый налогъ на рабочихъ!—что составитъ въ общемъ около 6 милліоновъ франковъ въ годъ Такова новая сила, которую хотятъ противопоставить рабочему движенію. И эта попытка—логическое слѣдствіе майской стачки: противъ класса—классъ, противъ конфедераціи труда—конфедерація капитала.

„Это война,—пишетъ одинъ буржуазный органъ, по поводу майской стачки,—это печально, но это такъ. Капиталисты должны поэтому организоваться" [3]).

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой организаціи капитала будетъ, во-первыхъ, разореніе болѣе мелкихъ предпріятій и, слѣдовательно, дальнѣйшая концентрація производства, и, во-вторыхъ, дальнѣйшее усиленіе ра-

---

1) Характерно, что въ іюнѣ сенатъ довольно спѣшно приступилъ къ пересмотру проекта закона о еженедѣльномъ отдыхѣ, лежавшаго безъ движенія съ 1902 года.

2) „Mouvement socialiste", 1906, № 173.

3) „Le monde economique", 26-го мая 1906 г.

бочихъ организацій. Центральный органъ Конфедераціи Труда совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу:

„Концентрація силъ капиталистовъ неизбѣжно вызоветъ концентрацію силъ пролетаріата“ [1]). Что и требовалось доказать. И находятся еще философы, утверждающіе, что классовая борьба ведетъ къ притупленію антагонизмовъ!

Выводы.

Во всемъ предыдущемъ изложеніи я стремился, попутно съ передачей фактовъ, выяснять и ихъ основное значеніе. Поэтому мнѣ остается теперь сказать лишь нѣсколько словъ для того, чтобы заключить тѣ выводы, къ которымъ приводитъ насъ изученіе майской стачки французскихъ рабочихъ.

Эта стачка является, конечно, только эпизодомъ въ общемъ развитіи рабочаго движенія. Но главный ея интересъ—и въ этомъ заключалась главная задача моей статьи—мы должны искать, прежде всего, въ той роли, которую сыграла въ ней широкая синдикальная организація—Всеобщая Конфедерація Труда. Если въ теченіе этого мѣсяца гражданской войны существовала и проявила себя партія рабочаго класса, то это была только Конфедерація. Если майская стачка подвела извѣстный итогъ всей прежней организаціонной работѣ французскаго пролетаріата, то это былъ, въ значительной мѣрѣ, итогъ дѣятельности Конфедераціи. Если эта же стачка,—что для насъ несомнѣнно,—послужитъ, въ свою очередь, отправнымъ пунктомъ въ дальнѣйшемъ усиленіи рабочаго движенія и ростѣ рабочихъ организацій, то въ этомъ же будущемъ кроется и дальнѣйшіе усиленіе и ростъ Конфедераціи Труда. Словомъ, мы не можемъ теперь отдѣлить рабочаго движенія отъ этой организаціи, въ своемъ настоящемъ и будущемъ онѣ неразрывно связаны между собою.

Съ самыхъ различныхъ сторонъ на Конфедерацію Труда сыплются упреки въ томъ, что она руководится анархической тактикой. Но это совершенно невѣрно. Невѣрно уже по одному тому, что широкое рабочее движеніе, по существу своему, не можетъ быть анархическимъ, и примѣръ майской стачки—наглядное тому доказательство. То же обстоятельство, что среди синдикалистовъ, дѣйствительно, имѣются, можетъ быть, анархисты, столько же измѣняетъ общій характеръ движенія, какъ то, что во главѣ нѣкоторыхъ синдикатовъ стоятъ чистѣйшей воды реформисты.

Революціонный синдикализмъ—то, что можно назвать теоріей современнаго синдикальнаго движенія во Франціи—по существу своему, не имѣетъ ничего общаго съ анархизмомъ. Одинъ изъ основныхъ его принциповъ—непосредственное воздѣйствіе, action directe—въ примѣненіи къ

---

[1]) „La Voix du peuple“, № 234, 27-го мая 1906 г.

широкому рабочему движенію не имѣетъ и не можетъ имѣть другого смысла, какъ тотъ, что центръ тяжести всего дѣйствія организованнаго пролетаріата лежитъ въ его коллективномъ вліяніи на всю совокупность общественной жизни; что непосредственно, своими массовыми выступленіями, рабочій классъ завоевываетъ себѣ новыя права и въ то же время развивая, такимъ образомъ, свою самодѣятельность, готовитъ себя къ окончательной побѣдѣ надъ буржуазнымъ обществомъ. Стихійно развитіе рабочаго движенія можетъ идти только такимъ путемъ, и всякія попытки теоретиковъ анархизма или реформизма не могутъ увлечь его на ложную дорогу. Каждое сколько-нибудь широкое выступленіе пролетаріата начисто сметаетъ всѣ ихъ построенія [1]).

Другой упрекъ, бросаемый часто Конфедераціи Труда, заключается въ томъ, что она противъ политической борьбы. Но въ этомъ упрекѣ несомнѣнно заключается смѣшеніе двухъ вопросовъ. Если мы будемъ говорить о парламентской дѣятельности и выборной борьбѣ, то это совершенно вѣрно. Конфедерація, какъ гласитъ первый параграфъ ея устава, находится внѣ политическихъ партій, и ея выборные представители не могутъ быть депутатами, тогда какъ каждому входящему въ нее отдѣльному члену нисколько не возбраняется вести и принимать участіе въ политической борьбѣ. Въ этомъ, однако, нѣтъ ничего совершенно отрицающаго политическую борьбу,—здѣсь мы видимъ только вполнѣ закономѣрно возникшее и, добавлю я, вполнѣ законное для даннаго момента и при данныхъ условіяхъ стремленіе оградить самостоятельность экономическихъ рабочихъ организацій отъ парламентской дѣятельности и ея вдохновителей.

Но если мы будемъ разсматривать политическую борьбу болѣе широко, какъ постоянное воздѣйствіе рабочаго класса на весь ансамбль политической жизни,—и если мы будемъ видѣть главную силу пролетаріата въ его вліяніи на законодательные органы *извнѣ* парламентовъ, то мы можемъ утверждать, что Конфедерація Труда сейчасъ уже ведетъ такую политическую борьбу. Это—логическое послѣдствіе ея классоваго характера.

Напомню для примѣра, что наканунѣ угрожавшей войны съ Германіей Конфедерація не только обратилась съ воззваніемъ къ французскому пролетаріату, призывая его не допустить этой войны, но и вступила въ переговоры съ нѣмецкими рабочими организаціями по вопросу о подготовкѣ совмѣстныхъ координированныхъ дѣйствій. Какъ проявленіе поли-

---

[1]) Интересно, что реформистъ Кейферъ, секретарь федераціи рабочихъ книжнаго дѣла, во время майской стачки ничего не могъ подѣлать съ дотолѣ умѣренными и послушными рабочими. Фактически они руководили имъ во время стачки.

тической дѣятельности, это имѣло, конечно, гораздо большее значеніе, чѣмъ любой запросъ или блестящая рѣчь въ палатѣ депутатовъ.

Въ настоящее время во Франціи—и это характерный симптомъ—среди соціалистовъ серьезно возбужденъ вопросъ объ объединеніи съ Конфедераціей Труда.

Здѣсь, конечно, не мѣсто разрѣшать его. Замѣчу только, что для правильнаго разрѣшенія надо прежде всего заняться изслѣдованіемъ, какъ и почему произошло раздѣленіе того, что теперь хотятъ объединить.

И какъ бы мы ни смотрѣли на политическую борьбу и ея роль въ подготовкѣ соціальнаго переворота, это изслѣдованіе должно насъ неизбѣжно привести къ тому, что широкое объединеніе рабочаго класса немыслимо въ рамкахъ такъ называемой политической партіи [1]). Организаціонно классовая борьба пролетаріата не можетъ быть объединена на почвѣ парламентской дѣятельности. Исходнымъ и всеопредѣляющимъ пунктомъ рабочаго движенія является, конечно, экономическая борьба рабочихъ.

Эта борьба опредѣляетъ также и ту плоскость, въ которой пролетаріатъ прежде всего и сильнѣе всего сталкивается съ буржуазнымъ обществомъ, какъ непримиримо-враждебная сила. Вотъ почему экономическія организаціи рабочихъ въ своемъ развитіи не только могутъ, какъ показываетъ примѣръ Конфедераціи Труда, но и должны, въ конечномъ счетѣ, вести революціонную и широкую классовую борьбу.

Наконецъ, въ ихъ развитіи кроется и необходимый залогъ возможности осуществленія будущаго строя.

Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ Западной Европы, все съ большей настойчивостью выдвигается жизнью вопросъ объ организаціи пролетаріата въ такую силу, которая могла бы, дѣйствительно, готовиться къ соціальному перевороту, которая, на другой день послѣ него, смогла бы взять въ свои руки все общественное производство. Экономическія же организаціи пролетаріата однѣ будутъ въ моментъ этой революціи представлять собою необходимый базисъ для организаціи новаго способа производства.

Въ этомъ отношеніи вполнѣ правъ Сорель, когда онъ говоритъ: „Все будущее соціализма зависитъ отъ самостоятельнаго развитія рабочихъ синдикатовъ“ [2]). Иначе, дѣйствительно, нельзя понимать того, что освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ рукъ только самихъ рабочихъ.

---

[1]) Нельзя считать *организаціонно* объединенными тѣхъ 895.000 избирателей, которые подали въ 1906 году свои голоса за соціалистическихъ депутатовъ. На одного члена соціалистической партіи приходится 19 такихъ не связанныхъ съ нею организаціонно „соціалистовъ“. Въ Парижѣ это соотношеніе выражается, какъ 1 къ 27, въ департаментѣ сѣвера, наиболѣе благопріятномъ для партіи, какъ 1 къ 11.

[2]) Sorel. „L'avenir socialiste des syndicats“. Conclusions.

Все это должно намъ давать основной критерій для оцѣнки каждаго отдѣльнаго эпизода пролетарскаго движенія.

Разсматриваемая съ такой точки зрѣнія майская стачка французскихъ рабочихъ принимаетъ еще большее значеніе. Въ ней мы можемъ открыть серьезные шаги къ подготовкѣ „послѣдняго и рѣшительнаго боя", разогрѣваніе того желѣза, изъ котораго пролетаріатъ Франціи сумѣетъ въ надлежащій моментъ выковать себѣ прочную свободу. И—повторяю еще разъ это—основнымъ элементомъ этой подготовительной работы явилось, конечно, перенесеніе центра тяжести всего движенія въ область самостоятельной борьбы рабочихъ организацій.

Нельзя лучше оттѣнить майское движеніе 1906 года, какъ сравнивъ его съ первой такой манифестаціей 1890 года. Тогда—толпы народа собирались около палаты депутатовъ, на Площади Согласія, гдѣ онѣ провожали въ парламентъ рабочихъ делегатовъ, несшихъ туда свои петиціи; тогда—Биржа Труда, по постановленію соціалистическихъ организацій, для выраженія солидарности со стачечниками, была закрыта.

Теперь—былъ закрытъ парламентъ, Площадь Согласія была совершенно пуста, но зато была открыта Биржа Труда и находящаяся около нея Площадь Республики была переполнена тысячными толпами рабочихъ.

Тогда—пассивная стачка-манифестація и ожиданіе законовъ отъ народныхъ представителей. Теперь—въ сотни разъ болѣе внушительная стачка вплоть до удовлетворенія требованій и активнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь буржуазной республики.

Тогда—попытка освободить рабочихъ черезъ посредство делегацій, теперь—угроза рабочихъ освободить себя своими собственными руками и новый крупный шагъ впередъ въ подготовкѣ этого освобожденія.

О. Езерскій.

Критика и библіографія.

Ю. Айхенвальдъ. *Силуэты русскихъ писателей.* Выпускъ перв. Изд. Науч. Сл. Цѣна 1 р. 50 к.

Чужое художественное созданіе, говоритъ Айхенвальдъ, уже само по себѣ становится природой, и, набрасывая силуэтъ какого-нибудь писателя, онъ пользуется собственными словами этого писателя, какъ пользуется художникъ синевой моря для выраженія своего внутренняго „я“. Временами фраза нашего критика сливается съ фразой поэта, отчего получается впечатлѣніе слiянія двухъ творчествъ—нѣчто удивительно красивое, какъ пѣсня, которую поэтъ изъ далекаго прошлаго приноситъ намъ въ объясненіе незамѣченнаго или непонятаго. Айхенвальдъ умѣетъ выдвинуть самое характерное въ чужомъ творчествѣ—съ удивительной мягкостью погружаетъ онъ перо въ сердце художника и пишетъ о немъ его же кровью, его же вдохновеніемъ. Это называется—брать сердцевину. Можетъ быть, благодаря такому оригинальному пріему личность характеризуемаго писателя выступаетъ впередъ такъ торжествующе - радостно, словно впервые ему отведено мѣсто на жизненномъ пиру. Интересно, что для этихъ своихъ художественныхъ характеристикъ авторъ не пользуется ни интимной перепиской, ни случайно открытыми обстоятельствами изъ личной жизни. Что такое личная жизнь рядомъ съ творчествомъ? Какъ часто эта личная жизнь есть только внѣшняя оболочка, которую человѣкъ тщетно пытается сбросить... И критикъ идетъ за человѣкомъ лишь въ тѣ минуты, когда человѣкъ восходитъ на высоты, когда онъ погружается въ глубины творчества. И онъ не навѣшиваетъ художнику ярлыковъ. Вѣдь изъ исторіи литературы мы давно узнали о значеніи того или другого писателя, развѣ, напримѣръ, Михайловскій не объяснилъ намъ, что такое полезный и что такое вредный писатель? Айхенвальдъ подходитъ къ художнику съ иной стороны: онъ старается отдѣлить въ общемъ обликѣ художника человѣка, въ этомъ чудномъ фокусѣ бытія, вѣчное отъ преходящаго.

Къ тонкому фотографическому портрету, приложенному къ каждому очерку, онъ прибавляетъ силуэтъ художника, написанный *словомъ*—этой

самой тонкой кистью жизни, которою такъ искусно пользуется нашъ критикъ. Онъ знаетъ, что лучшее отраженіе души писателя — это его слово и онъ ищетъ глубокія слова въ чужомъ созданіи, эти падающія къ намъ искры, часто невидимыя нами; онъ подчеркиваетъ ихъ свѣтлой чертой безкорыстнаго служенія искусству, и *любовь къ слову* сквозитъ въ каждой его строчкѣ. Одно творчество преломляется въ другомъ—вотъ почему силуэты русскихъ писателей у Айхенвальда такъ странно-живы, почти подвижны, какъ трепетное марево въ пустынѣ, которое является лучшимъ отраженіемъ сокровеннаго души. Вотъ Пушкинъ—„это эхо міра", послушное и пѣвучее. Эхо, которое несется изъ края въ край, чтобы страстно откликнуться на все, чтобы не дать безслѣдно замереть ни одному достойному звуку вселенской жизни. Эхо—не только вѣрное міру, но и любящее—Пушкинъ, кому презрѣніе къ пошлости толпы не мѣшало любить человѣчество; кто придалъ этическій духъ своей поэзіи; кто сказалъ людямъ, что „ничто не можетъ насъ среди мірскихъ печалей успокоить, едино развѣ—совѣсть".

Вотъ силуэтъ Тютчева, — кто видѣлъ вѣщіе сны и не умѣлъ оцѣнивать шумы политическихъ волненій. Вотъ трогательный силуэтъ Аксакова, этого старожила съ удочкой надъ тихимъ озеромъ, этого милаго чудака, ненавидящаго слово „бургъ" и убѣдившаго насъ, „что всякая жизнь интересна, даже необразованныхъ оренбургскихъ помѣщиковъ, и что ни одна жизнь не заслуживаетъ смерти, ни одна смерть не права передъ человѣчествомъ". Онъ роднитъ насъ съ чужими родными и заставляетъ грезить о зеленыхъ берегахъ Бугуруслана, о тихой старинѣ надъ тихими прудами...

А вотъ и Огаревъ — „блѣдный спутникъ блестящаго свѣтила", живущій только воспоминаніями о прошломъ. Вотъ Гончаровъ—„литераторъ полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными, глазами". Въ своихъ произведеніяхъ онъ далъ намъ свою внутреннюю автобіографію. „Стиль его напоминаетъ комнату съ мягкими коврами, гдѣ умѣряются диссонансы и волненія страстей". А рядомъ—Успенскій, кричащій объ ужасѣ обыденности. У этого нехватило спокойствія и объективности для созданія законченной художественной галлереи и „палъ подъ нимъ въ жизненной борьбѣ крылатый конь поэзіи". Здѣсь, по выраженію Айхенвальда, художнику перешелъ дорогу публицистъ и художникъ сложилъ свои кисти передъ человѣкомъ.

Можно сказать, что силуэтъ Успенскаго написанъ самыми проникновенными словами любви къ искусству и человѣку. Въ очеркѣ о Гаршинѣ—объ этомъ „чистомъ родникѣ грусти"—и, особенно, о Короленкѣ, о „честномъ Короленкѣ", тонъ этихъ словъ значительно пониженъ. Даже въ статьѣ о Короленкѣ есть что-то рѣзкое, что-то несвойственное обычной манерѣ нашего критика—какъ будто святая объективность наблюдателя на время оставляетъ его, будто онъ *сожалѣетъ* о томъ, что Короленко

не то, чѣмъ онъ могъ бы быть. Въ цѣляхъ безпристрастной характеристикѣ Айхенвальдъ заставляетъ себя не забыть ничего цѣннаго въ произведеніяхъ этого писателя, кладущаго на все отпечатокъ человѣческаго... „узко-человѣческаго", добавляетъ Айхенвальдъ, и это маленькое добавленіе сразу дѣлаетъ тонъ. Съ прямолинейностью, свойственной только людямъ касты и ненужной, пожалуй, для наброска „силуэта", онъ варьируетъ этотъ мотивъ „узко-человѣческій" и неожиданно, можетъ быть, благодаря именно именно этой рѣзкости, „силуэтъ" Короленки уступаетъ мѣсто скульптурному изваянію. Вотъ передъ нами воплощеніе честности, гуманности и, увы! восклицаетъ Айхенвальдъ, требовательности, деспотической требовательности къ читателю—любить то, что любитъ Короленко, сострадать къ тому, чему сострадаетъ онъ. Короленко лишаетъ читателя права быть замкнутымъ и суровымъ, онъ требуетъ, чтобы читатель приходилъ въ волненіе, чтобы читатель былъ добръ, и требуетъ этого не грубо, а „назвячиво". И въ своей кастовой неудовлетворимости метафизика-индивидуалиста, нашъ критикъ заявляетъ, что въ человѣческой сферѣ, которую Короленко взялъ предметомъ творчества, онъ избралъ не самое глубокое, не самое существенное. Драмамъ его героевъ недостаетъ тонкости, страданія ихъ элементарны. Имъ недостаетъ едва уловимыхъ откликовъ чувствъ, ирраціональныхъ волненій мятежной души. Человѣкъ у него страдаетъ только отъ другого человѣка и настроенія его носятъ характеръ „слишкомъ человѣческій". И Айхенвальдъ противопоставляетъ этому трагедію неслышную, незримо созрѣваемую въ сердцѣ человѣческомъ на почвѣ сокровенныхъ впечатлѣній.

Что сказать о силуэтѣ Чехова? Нужно любить слово, нужно такъ узнать найти самое важное, чтобы написать *такой* силуэтъ. Но къ этому высоко-художественному образу, воскресшему еще разъ изъ-подъ пера Айхенвальда, мы отсылаемъ читателя. „Сердце человѣка обречено на то, чтобы разрываться"... Эти слова нашъ авторъ могъ бы вырѣзать на мраморной доскѣ у могилы Чехова. О Чеховѣ писали много—и хорошо и дурно, порицающе и восторженно. При жизни его всегда старались пристроить къ какой-нибудь партіи, всегда услужливо держали на-готовѣ какой-нибудь ярлыкъ; послѣ его жизни, т. е. послѣ его физической жизни, всѣ партіи разомъ безъ зазрѣнія совѣсти перетягивали его къ себѣ. Всѣ толстые журналы съ рѣзко-выраженными противоположными направленіями признали его своимъ. Съ неподражаемымъ глубокомысліемъ каждый присяжный критикъ вопилъ: Чеховъ—„эсь-декъ", Чеховъ—„эсъ-эръ". Но какъ ни благозвучна для каждаго собственная кличка, она отпадала отъ Чехова къ тайному завистливому недоумѣнію предпринимателя. Кому же достанется эта звѣзда?

Чеховъ—художникъ, говоритъ Айхенвальдъ, „писатель сумерекъ, онъ страстно любилъ солнце".

Чеховъ—человѣкъ, „сердце человѣческое обречено на то, чтобы разрываться". Критикъ не осмѣлился прилѣпить къ спинѣ Чехова преходящаго ярлыка. *Онъ взятъ искусствомъ, и потому онъ вѣченъ...* И Айхенвальдъ не сожалѣетъ о томъ, что Чеховъ не эсъ-эръ.

О. Миртовъ.

Иванъ Рукавишниковъ. *Стихотворенія*. Кн. IV. Изд. „Содружества". Ц. 1 р. 50 к.

„Мои слова—упорный взглядъ сквозь стѣну черную, проклятую"—такъ рекомендуетъ г. Рукавишниковъ свою поэзію. Въ этихъ словахъ много правды: дѣйствительно, вниманіе поэта въ этой книгѣ стиховъ, какъ и въ предшествующихъ трехъ книгахъ, фиксировано на одной и той же „черной, проклятой стѣнѣ"—на безднѣ. Съ болѣзненнымъ любопытствомъ и пугливымъ содроганіемъ поэтъ упорно, не отрываясь, смотритъ туда, откуда нѣтъ исхода—въ тьму кошмаровъ, въ глубь паденія, на вершину гордости, на крутизну самовозвеличенія, въ тайну смерти. И еще одна правда есть въ приведенныхъ словахъ: поэтъ именно смотритъ, упорно и неподвижно, не подымаясь и не падая, и приближаясь, и не отходя. Психологически это роднитъ его съ По, но у г. Рукавишникова нѣтъ того проникновенія и остроты, того безстрашія и отваги, какими великъ и силенъ „безумный Эдгаръ". У Эдгара По есть безпредѣльная, обнаженная искренность, которая захватываетъ и плѣняетъ, а г. Рукавишниковъ не свободенъ отъ ходуль, фразы и выдумки.

Упоминаніемъ объ Эдгарѣ По мы хотѣли только иллюстрировать сферу вниманія г. Рукавишникова, сравнивать же размѣры таланта обоихъ поэтовъ было бы, конечно, странно. Впрочемъ, поэтическіе рессурсы нашего автора больше, чѣмъ они обнаруживаются: въ угоду мономанической идеѣ, онъ противъ своей воли обезцвѣчиваетъ свою палитру и обезпложиваетъ свои порывы. Однообразіе формы его стиха заходитъ такъ далеко, что кажется нарочитымъ:

Къ безднѣ, ужасомъ зіяющей,
Къ черной безднѣ подойди,
Къ безднѣ, жизнь уничтожающей,
Къ безднѣ, душу увлекающей,
Къ голодной безднѣ подойди,
Гордо въ бездну погляди,
Погляди душой страдающей,
Погляди душой рыдающей,
Голой истины не знающей,
Долго въ бездну погляди
И отъ бездны отойди.

Вотъ какъ авторъ засушиваетъ трепещущею жизнью богиню—любовь:

Да, я хочу тебя любить,
Но чтобы ты могла со мною жить
    Въ моей странѣ,
    Гдѣ все во снѣ,
Гдѣ правда смотритъ въ душу мнѣ,
Да, чтобы ты была во мнѣ,
Я сдѣлаю тебя богиней вдохновенія,
Я сдѣлаю тебя восторгомъ сновидѣнія,
Я сдѣлаю тебя строкой стихотворенія.
И ты, раба законовъ примиренія,
Ты, какъ богиня вдохновенія,
Ты, какъ восторгъ ночного сновидѣнія,
Ты, какъ строка стихотворенія,
Сверкая искрами свободнаго огня,
    Войдешь въ меня.

Вообще авторомъ слишкомъ часто владѣютъ внѣшніе консонансы, поверхностныя созвучія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ внутренней музыкой стиха. Возьмите, напр., „Изъ смерти въ смерть“:

Я не солнце восходящее,
Красной радостью кричащее,
Я не солнце, степь палящее,
Въ полдень съ тишью говорящее,
Я не солнце заходящее,
Краснымъ сномъ конца горящее, и т. д.

Или эти назойливыя, упрямыя и нисколько не усиливающія впечатлѣнія повторенія: „Будь же сказкой, сказкой, сказкой, только сказкой, только сказкой, тихой сказкой, бѣлой сказкой“; ...„и слова мои—только сны весны, золотой весны, неземной весны, чуть понятной мнѣ“...

Въ результатѣ—не простого, фанатическаго и вмѣстѣ разсудочнаго характера своей поэзіи авторъ остается одинъ съ этой послѣдней, не увлекая, не волнуя, не очаровывая. И это—не гордое одиночество орла, который промѣнялъ людей на холодныя высоты: это—болѣзненное самоотторженіе себя отъ міра во имя—не смерти даже, а разложенія... Отъ всей души жаль хорошее и искреннее дарованіе, которое сознательно уродуетъ и калѣчитъ себя.

—ій.

З. Н. Гиппіусъ. *Новые люди*. Разсказы. 2-ое изд. СПБ. 1907 г. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 50 к. 432 стр.

Въ этой книжкѣ собраны лучшіе разсказы г-жи Гиппіусъ, которые могутъ дать понятіе не только о ея большомъ, цвѣтистомъ и яркомъ талантѣ, но и о весьма привлекательныхъ чертахъ ея внутренняго писатель-

скаго облика. Въ нихъ нѣтъ и признака той искусственности, манерности и ходульности, которыми окрашенъ ея послѣдній сборникъ: „Алый мечъ“. Нѣтъ и той специфической, узенькой, тепличной нео-христіанской философіи, которая является послѣднимъ словомъ идеалистическихъ исканій автора. Правда, къ одной изъ наиболѣе характерной вещи—сказкѣ „Время“ эпиграфомъ взяты слова Апокалипсиса, но родникъ философіи, проникающей ее, какъ и другіе разсказы этого сборника, несравненно глубже христіанства. Онъ—въ вѣковѣчныхъ запросахъ человѣческаго духа, надъ которыми „злой старичокъ Время“ дѣйствительно безсиленъ. Они были бы одинаково присущи людямъ и въ томъ случаѣ, если бы не существовало не только христіанства, которое теперь такъ стремятся возрождать, но и Христа.

Разсказы носятъ названіе „Новыхъ людей“, но, въ сущности, повѣствуютъ не о новыхъ людяхъ, а о *новомъ* въ людяхъ. Это „новое“ состоитъ въ необычайномъ пробужденіи у современнаго человѣка души и ея внутреннихъ сокровенныхъ запросовъ. Такъ долго опутанный цѣпями обыденности, человѣкъ затосковалъ въ нихъ, запротестовалъ, быть можетъ, впалъ въ противоположную крайность—пожелалъ того, „чего не бываетъ“... Съ внѣшней близорукой точки зрѣнія это можетъ даже показаться смѣшнымъ—желать того, чего не бываетъ. Но если вдуматься, что жъ тутъ смѣшного? А если меня не удовлетворяетъ то, что бываетъ и какъ бываетъ? Почему жъ мнѣ не пожелать, чтобъ это было иначе, чѣмъ бываетъ, если мой умъ, мое сердце говорятъ мнѣ, что можетъ быть иначе?.. Эта требовательность и непримиримость въ большей или меньшей степени свойственны всѣмъ сложнымъ, утонченнымъ натурамъ. Но отсюда еще далеко имъ до права на названіе новыхъ людей. Дѣло въ томъ, что обыденность вѣдь продолжаетъ полновластно царить надъ жизнью. Причины этого отчасти носятъ временный соціальный характеръ, а отчасти внѣвременный—связаны съ неизбѣжностью прозы. И герои Гиппіусъ прекрасно сознаютъ эту роковую власть обыденной пошлости. Они почти не пытаются вступать съ нею въ борьбу, а только отмежевываются отъ нея и обыкновенно живутъ тягостною *двойною* жизнью. Отсюда ихъ безволіе и крайняя пассивность, созерцательное отношеніе къ жизни. Въ этой же книгѣ помѣщено очень красивое стихотвореніе „Безсиліе“, могущее служить ключомъ для разгадки психологіи этихъ героевъ:

Смотрю на море жадными очами—
Къ землѣ прикованный, на берегу.
Стою надъ пропастью, надъ небесами—
Но улетѣть къ лазури не могу!
Не вѣдаю, возстать иль покориться,
Нѣтъ смѣлости ни умереть, ни жить.
Мнѣ близокъ Богъ—но не могу молиться,
Хочу любви—и не могу любить.

Я тщетно къ солнцу руки простираю—
И вижу пологъ блѣдныхъ облаковъ...
Мнѣ кажется, что истину я знаю—
И только для нея не знаю словъ!

Наиболѣе полнымъ воплощеніемъ авторскихъ настроеній является поэтическая сказка о сиреневой принцессѣ, которая была всецѣло охвачена идеалистической тоской по томъ, „чего не бываетъ“. „Если есть время, значитъ нѣтъ ни радости, ни горя, значитъ, жизни нѣтъ,—разсуждала принцесса.—И въ душѣ человѣческой нѣтъ ни одного чувства, ни одного ей принадлежащаго, потому что ни одного нельзя удержать. На что мнѣ сирень, если она отцвѣтетъ? На что мнѣ солнце, если оно закатится? Куда уйти отъ времени? Гдѣ найти то, что сильнѣе времени?“ Своему юному поклоннику Челавѣ она предъявляетъ требованіе любить ее такою любовью, какою еще никто никого не любилъ. „Каждое мгновеніе вашей жизни пусть будетъ полно только любовью,—говоритъ она,—*и пусть не будетъ разницы между первымъ и послѣднимъ мгновеніемъ.* Такая любовь—чудо, и если есть чудо на землѣ—значитъ, есть еще много, много чудеснаго и прекраснаго“. Челава не оказался достойнымъ довѣрія принцессы. Она постепенно зачахла оттого, что ея мечта не исполнилась. Но, умирая, она осталась вѣрна ей, вѣрна надеждѣ, что „есть такое, что есть всегда“...

Родственные другъ другу „новые“ люди больше всего цѣнятъ гармонію душъ, общность вкусовъ, эмоцій, возможность полнаго пониманія до дна. Узнавая другъ друга, иногда случайно—по одному, двумъ словамъ, они трепещутъ отъ восторга, отъ глубокой душевной радости (см. поэтичный разсказъ „Голубое небо“). Но эти чувства почти всегда сопровождаются другими, ихъ отравляющими,—мучительной боязнью *ошибиться*, разрушить свою иллюзію. Героиня „Голубого неба“, послѣ пережитаго съ своимъ героемъ момента душевной близости, подъ вліяніемъ такого мнительнаго страха, настойчиво проситъ его не добиваться дальнѣйшаго сближенія, а уѣхать, оставивши ей радость иллюзіи. „Теперь я васъ не знаю (я вѣдь только угадываю), вы не знаете меня. Мы—чужіе. Богъ вѣсть, что будетъ послѣ. Но такъ хорошо, какъ теперь, какъ сегодня, не будетъ. Хочу, чтобъ это воспоминаніе осталось нетронутымъ. Мы ошибаемся—пускай! Ошибка не мучительна, когда все кончается раньше, чѣмъ отниметъ жизнь... Не испортимъ дѣйствительностью, какова бы она ни была, наши мечтанья... Мнѣ слишкомъ дороги вотъ эти нѣсколько минутъ, когда я подумала... Оставьте мнѣ эту радость. Потомъ все испортится. Вѣдь не вѣрю я въ то, что мнѣ кажется, не могу вѣрить... И вы, какъ всѣ... Но дайте мнѣ вспоминать о васъ, какъ объ иномъ“... Любопытно разобраться въ этой щепетильной боязни разочарованій. Объясняется ли она только утонченнымъ складомъ героевъ, ихъ непримиримою требовательностью и созна-

ніемъ, что въ дѣйствительности возможны только мгновенія *настоящей* красоты, любви и добра,—или еще и чѣмъ-нибудь другимъ? Быть можетъ, все неизбѣжно „портится“ потому, что въ насъ самихъ много случайнаго, и что желаніе гармоніи охватываетъ насъ не вполнѣ искренно и глубоко? Дѣйствительно, *найдя*, трудно разочароваться, и ради основного созвучія можно примириться съ множествомъ дефектовъ. У героевъ же Гиппіусъ созвучія часто носятъ чисто случайный, внѣшній характеръ. Объ этомъ говоритъ и ихъ чрезмѣрный страхъ передъ всѣмъ вульгарнымъ, грубымъ и смѣшнымъ—вообще, несовершеннымъ, иногда по чисто внѣшнимъ, даже временнымъ причинамъ, онъ напоминаетъ капризный эстетизмъ Гедды Габлеръ, желавшей, чтобы любимый человѣкъ застрѣлился красиво—непремѣнно въ грудь или високъ. Герой разсказа „Богиня“ очень близокъ по психологіи къ Геддѣ. Онъ лелѣялъ мечту, что его избранница—существо совершенно особенное, изысканное, не похожее на другихъ—„вся оттуда“. Но послѣ того, какъ она во время прогулки упала въ воду, откуда онъ ее самъ вытащилъ мокрую, жалкую, смѣшную, да и самъ былъ смѣшонъ, все очарованіе мгновенно разсѣялось, какъ дымъ. Если онъ былъ затронутъ въ ней чѣмъ-нибудь дѣйствительно основнымъ, глубокимъ и важнымъ—отраженіемъ вѣчной красоты—то неужели это основное могло померкнуть отъ пустой случайности?

Безвольные герои Гиппіусъ придаютъ огромное значеніе своимъ тонкимъ сокровеннымъ вкусамъ и потребностямъ. Но, будучи рабами обыденности, они устраиваютъ свою жизнь помимо ихъ, вопреки имъ. Таинственныя созвучія и волшебное счастье, пережитое съ *ней*, не мѣшаетъ герою разсказа „Миссъ Май“ заключить пошлый бракъ и потомъ годами дряхлѣть съ тупой и вульгарной женой. Да и тѣ изъ героевъ, которые не склонны къ компромиссамъ, всегда проповѣдуютъ одно и тоже: *покорность*. Это покорность не передъ незыблемыми законами и сокровенными тайнами природы и жизни (была любовь, теперь ея нѣтъ; была жизнь, а за ней наступила смерть), а передъ несправедливостью людей, передъ ихъ ограниченностью и пошлостью, передъ тѣми несовершенствами, которыя ими вносятся въ жизнь. Она напоминаетъ теорію Толстого о непротивленіи злу и совершенно не соотвѣтствуетъ психикѣ дѣйствительно новыхъ людей. Понимать—не значитъ покоряться. Въ опредѣленіи основныхъ свойствъ новыхъ людей—счастливыхъ и могучихъ людей будущаго—гораздо болѣе правъ Пшибышевскій, приписывающій имъ большую активность—силу воли, страстность желаній и жажду творчества. „Новые“ же люди Гиппіусъ предаются только пассивному созерцанію жизни, брезгливо отворачиваясь отъ всякаго участія въ ней. Ихъ внутренняя красота сама по себѣ, а занимаемое ими мѣсто въ жизни само по себѣ. Приторную покорность передъ „несправедливостями“ жизни испытываютъ всѣ ея герои, даже самая искренняя и живая изъ нихъ, „цыганка“ Аня.

Сказаннаго достаточно, чтобъ судить о содержаніи разсказовъ г-жи Гиппіусъ. Но они захватываютъ читателя не только интереснымъ и поэтичнымъ содержаніемъ, а и свѣжими своеобразными художественными пріемами—умѣніемъ автора просто и неожиданно подойти къ самой сути внутренней драмы его героевъ. Языкъ разсказовъ красивъ, но недостаточно лириченъ и сжатъ, и потому не всегда соотвѣтствуетъ ихъ интенсивному настроенію.

Е. Колтоновская.

Библіотека великихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгерова. Байронъ. Т. III. Изд. Брокгауза-Ефрона. Спб.

Третій—послѣдній—томъ сочиненій Байрона, изданный подъ ред. С. А. Венгерова, достойнымъ образомъ завершаетъ изданіе произведеній великаго англійскаго поэта. Та же, что и въ первыхъ двухъ томахъ, тщательность въ выборѣ критическихъ переводовъ, изъ которыхъ иные впервые переведены для настоящаго изданія, такой же умѣлый подборъ иллюстрацій къ тексту, художественно исполненный, то же обиліе примѣчаній, разъясняющихъ многое непонятное для русскаго читателя и, наконецъ—это едва ли не важнѣйшее достоинство изданія—рядъ умѣло составленныхъ историко-литературныхъ предисловій къ отдѣльнымъ важнѣйшимъ произведеніямъ Байрона. На этихъ предисловіяхъ о руководящихъ статьяхъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Перу Э. Л. Радлова принадлежитъ предисловіе къ мистеріи „Небо и земля". Отмѣтивъ поэтическія достоинства пьесы, г. Радловъ вполнѣ вѣрно указываетъ на отсутствіе въ ней широкаго драматическаго интереса и на полную оригинальность творчества Байрона. Затѣмъ критикъ указываетъ на автобіографическіе элементы, отразившіеся въ поэмѣ, и основательно видитъ въ Анѣ отображеніе Терезы Гвиччіоли. Сопоставляя пьесу Байрона съ произведеніями Мура и Деля, г. Радловъ отмѣчаетъ превосходство творчества Байрона. Сопоставляя „Каина" и „Небо и земля", Э. Л. Радловъ вполнѣ основательно указываетъ на ослабленіе въ послѣдней мистеріи того безпросвѣтнаго тона отчаянія, которымъ отличается „Каинъ". „Смѣшеніемъ субъективныхъ и реальныхъ элементовъ съ объективными и идеальными объясняется, мнѣ кажется, то двойственное впечатлѣніе, которое оставляетъ въ читателѣ „Небо и земля". Съ этимъ заключеніемъ почтеннаго критика слѣдуетъ согласиться.

Предисловія къ „Вернеръ или наслѣдство" и „Преображенный уродъ" составлены Е. В. Аничковымъ. Авторъ вполнѣ удовлетворительно указалъ литературные источники пьесъ и остроумно пользуется содержаніемъ „Преображеннаго урода" для опредѣленія психологіи поэта въ періодъ, когда у него назрѣла идея разсматриваемаго драматическаго фрагмента.

Н. И. Карѣевъ въ небольшомъ, но весьма обстоятельномъ этюдѣ характеризуетъ дѣятельность Веронскаго конгресса 1822 г. и политику Священнаго Союза. Этотъ этюдъ составляетъ введеніе къ „Бронзовому вѣку“ Байрона.

Предисловіе къ „Острову“ составлено г. Вяч. Ивановымъ. Статья подраздѣляется на главы: I. Замыселъ произведенія. II. Анархическая идея и III. Музыка и миѳъ „Острова“. Въ первой главѣ г. Ивановъ указываетъ, что поэма была задумана во время періода творческаго затишья Байрона. Разсказъ о мятежѣ экипажа капитана Блэя въ связи съ идеями Руссо внушили Байрону мысль изобразить часть общества, чуждую „яда гражданственности“, и идиллическія отношенія, чуждыя всякой фальши и условности. „Островъ“ Байрона своего рода „утопіи“. Во II гл. г. В. Ивановъ доказываетъ, что въ основѣ идей Байрона, когда онъ писалъ „Островъ“, были анархическія идеи и представленія, навѣянныя литературой предмета о неиспорченности и чистотѣ некультурнаго человѣка. Въ III гл. критикъ анализируетъ музыкальную сторону „Острова“ и находитъ въ ней высокія достоинства. Кромѣ того, г. Ивановъ отмѣчаетъ миѳическую и историческую основу поэмы.

Весьма обстоятельную статью посвятилъ Н. П. Данилевичъ „Донъ-Жуану“ Байрона.

Опредѣляя участіе субъективныхъ элементовъ поэта въ героѣ его поэмы, г. Данилевичъ приходитъ къ такому выводу: „Это герой, выношенный въ душѣ самого поэта, взлелѣянный ея болѣзненной чувствительностью, скорбнымъ скептицизмомъ, и вмѣстѣ сынъ своего времени, англійскаго общества времени Георга III. Это былъ также отчасти двойникъ поэта, отражавшій отношеніе послѣдняго къ міру и испытывающій ту самую глубокую моральную болѣзнь, которая снѣдала самого поэта и порождала взрывы его смѣха“. Указавъ на главныя стадіи эволюціи типа Донъ-Жуана во всемірной литературѣ, г. Данилевичъ переходитъ къ характеристикѣ Байроновскаго героя и даетъ анализъ поэмы, исходя изъ положенія Гете, что Донъ-Жуанъ Байрона является одновременно и самымъ безнравственнымъ, и самымъ геніальнымъ произведеніемъ. Надлежащимъ образомъ отмѣченъ г. Данилевичемъ элементъ общественной и поэтической сатиры въ поэмѣ.

По мнѣнію критика, Байронъ „попытался охватить весь міръ человѣческой жизни со всѣмъ его разнообразіемъ“. „Сила Байрона—въ его описаніяхъ“. Г. Данилевичъ согласенъ со словами Гете: „Байронъ великъ, пока остается поэтомъ, а когда разсуждаетъ, уподобляется ребенку“.

Редакторъ изданія не могъ остановиться на болѣе компетентномъ критикѣ для опредѣленія сущности байронизма, какъ Н. А. Котляревскій. Его обширный этюдъ даетъ полную характеристику того явленія, которое принято называть байронизмомъ. Г. Котляревскій исходитъ отъ того правильнаго общаго положенія, что байронизмъ есть сочетаніе „торжеству

ющаго индивидуализма“ и „міровой скорби“. Подробному анализу этихъ положеній посвящено нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ. Не менѣе удачно переданы авторомъ перипетіи байроновскаго настроенія по его произведеніямъ, а также роль личныхъ, индивидуальныхъ обстоятельствъ жизни Байрона.

Критикъ приходитъ къ заключенію, что байронизмъ—явленіе, отошедшее въ прошлое и отошедшее навсегда. Очень интересно сопоставленіе г. Котляревскаго идей Байрона съ идеями Ницше.

Послѣдней статьей третьяго тома соч. Байрона является обстоятельная біографія поэта, принадлежащая перу Е. В. Аничкова. Послѣ біографіи Байрона А. Н. Веселовскаго русскій читатель не найдетъ въ этюдѣ г. Аничкова новыхъ данныхъ, но критикъ въ совершенствѣ использовалъ переписку Байрона и весьма умѣло воспользовался свидѣтельствами современника, а также признаніями самого поэта для воспроизведенія не только внѣшней, но и внутренней жизни Байрона. Очеркъ проникнутъ искренней симпатіей къ великому поэту, борцу за свободу личности и народовъ.

Нельзя не порадоваться окончанію прекраснаго изданія Байрона и пожелать ему самаго широкаго распространенія.

Л. Шепелевичъ.

О. Мирбо. *Дневникъ горничной*. Изд. С. Скирмунта, перев. А. Чеботаревской. Спб. 1906 г. Ц. 1 р.

Книга Мирбо, долго находившаяся у насъ подъ своеобразнымъ цензурнымъ запретомъ—изъ-за боязни оскорбить чистоту нравовъ, пользуется совершенно несправедливой репутаціей. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ о ней было принято говорить съ двусмысленными улыбочками, „на ушко“, какъ объ остроумномъ порнографическомъ произведеніи. Между тѣмъ въ ней нѣтъ ничего порнографическаго. Правда, сцены буржуазной „любви“, изображаемыя авторомъ съ очень удобнаго пункта наблюденій, отличаются большою откровенностью, непривычной для русскаго читателя. Но ими не исчерпывается содержаніе книги. Цѣль ея—обычное для Мирбо страстное обличеніе не только нравовъ ненавистной ему, теперь господствующей буржуазіи, но и всего современнаго соціальнаго строя.

Нѣкоторымъ недостаткомъ книги является ея искусственная форма дневника, въ которой трудно выразить такое яркое и богатое общественное содержаніе, какимъ располагалъ авторъ. О томъ, что героиня его лицо, созданное его фантазіей, а не существовавшее въ дѣйствительности, нечего и говорить. Это ясно, хотя Мирбо въ своемъ предисловіи и говоритъ, что дневникъ „дѣйствительно написанъ“ какой-то горничной, Селестиной Р., а имъ только подвергнутъ обработкѣ. Можетъ быть, какая-нибудь наблюдательная горничная и сообщила ему свои интересныя впечатлѣнія.

Но отъ ея образа не осталось почти ничего. Въ началѣ книги авторъ еще старается примѣняться къ языку „горничной“ и ея точкамъ зрѣнія, но постепенно о ней забываетъ и иногда на цѣлыхъ страницахъ произноситъ свои гнѣвныя рѣчи прямо отъ себя; забываетъ иногда о ней и читатель, захваченный чувствомъ автора...

Детальная и правдивая обрисовка одной изъ сторонъ современной жизни—безысходно тяжелаго положенія домашней прислуги—лишь частность въ интересной книгѣ Мирбо. Онъ даетъ въ ней смѣлыми штрихами болѣе широкую картину современнаго строя жизни, такъ рѣзко раздѣлившаго людей на двѣ половины: незаслуженныхъ властителей и голодныхъ рабовъ, которые даже въ мясныхъ лавкахъ за свои трудовые гроши получаютъ худшій кусокъ, чѣмъ собаки богачей. Онъ показываетъ, какъ деморализующе этотъ строй вліяетъ на обѣ половины. Особенно удались автору многочисленные образы современныхъ буржуа, почти утратившихъ, отъ пресыщенія, человѣческій обликъ и вкусъ къ жизни. Капиталы, давшіе имъ внѣшнее преобладаніе, помогутъ имъ изощриться въ забавахъ и развлеченіяхъ, чтобъ какъ-нибудь уйти отъ собственной пустоты и искусственно оживить дряхлое существованіе, вообще скоротать жизнь, но вдохнуть въ нихъ душу, сознаніе и творчество безсильны. Ихъ разрушеніе неизбѣжно. На смѣну ихъ должны придти другіе люди съ болѣе здоровыми тканями и творческимъ отношеніемъ къ жизни.

Не менѣе интересна вложенная авторомъ въ уста его героини характеристика класса прислуги. „Прислуга—не есть нормальное, общественное существо... Это что-то нелѣпое, составленное изъ обрывковъ и кусочковъ, которые не могутъ ни соединиться, ни разорваться... Это даже что-то еще худшее, какой-то чудовищный человѣческій ублюдокъ. Онъ уже не принадлежитъ народу, изъ котораго вышелъ, ни тѣмъ болѣе буржуазіи, среди которой живетъ и къ которой льнетъ. Онъ утратилъ первобытную силу и широкую душу народа, отъ котораго онъ ушелъ. У буржуазіи онъ позаимствовалъ всѣ постыдные недостатки, наклонности, но не получилъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Онъ получилъ отъ буржуазіи также низкія чувства, гнусную трусливость, преступные аппетиты, но безъ внѣшнихъ данныхъ, а слѣдовательно и безъ смягченій, которыми прикрываются богатые. Загрязнивъ себѣ душу, онъ постоянно вращается въ этой „честной“ средѣ, и отъ одного убійственнаго запаха этихъ гнилыхъ клоакъ онъ утратилъ твердость мысли, опредѣленность собственнаго *я*“. Далѣе Селестина даетъ весьма тонкій анализъ тѣхъ „холопскихъ“ чувствъ, которыя побуждаютъ бѣдняковъ преклоняться передъ богатыми, несмотря на презрѣніе къ нимъ и сознаніе, что тѣ располагаютъ богатствомъ незаслуженно и случайно.

Свою благородную ненависть Мирбо съ одинаковымъ искусствомъ вложилъ и въ рисуемыя имъ картины жизни, и въ образъ героини, ко-

торая является смѣлой протестанткой противъ гнета и несправедливостей современной жизни.

Книга Мирбо появилась у насъ одновременно въ нѣсколькихъ переводахъ. Лучшій изъ нихъ—въ смыслѣ точности и литературности—принадлежитъ г-жѣ Чеботаревской. Но и ея переводъ нельзя назвать безупречнымъ. Мѣстами онъ грѣшитъ несвойственными русскому языку оборотами, что сказывается въ особенности при передачѣ разговоровъ, очень тонкихъ у Мирбо. Инкриминированныя „пикантныя“ мѣста тоже слишкомъ „смягчены“, что нѣсколько обезцвѣтило книгу.

Е. Колтоновская.

Г. Энгель и В. Гороховъ. *Изъ исторіи студенческаго движенія 1899—1906 гг.* СПБ. Ц. 50 к.

Исторія студенческаго движенія въ Россіи—одна изъ самыхъ интересныхъ страницъ русской общественности. Чуткій барометръ общественныхъ движеній, русское студенчество, въ силу особенности русской дѣйствительности и условій университетскаго быта, всегда отражало жизнь съ необыкновенной полнотой, яркостью и стремительностью. Вмѣстѣ съ обществомъ, производнымъ котораго оно является, студенчество безсильно и тускло пережило восьмидесятые и почти цѣликомъ девяностые годы; вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ оно воспрянуло и зашевелилось къ концу 90-хъ гг. 1899 г. былъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи студенчества; разразившіеся въ этомъ году такъ называемые „безпорядки“ были первымъ широкимъ проявленіемъ протестующаго духа; волненія сразу же охватили почти всѣ высшія учебныя заведенія и съ этой минуты уже никогда не прекращались, а лишь затихали временно. Понадобились сотни жертвъ, самыя суровыя кары вплоть до знаменитыхъ „Врем. Правилъ“ съ отдачей студентовъ въ солдаты, понадобились закрытія университетовъ, безчисленный рядъ забастовокъ и пр., пока былъ изданъ указъ Ванновскому о „сердечномъ попеченіи“. Принципіально важный, какъ признаніе негодности строя всей высшей школы, этотъ указъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть никакихъ практическихъ послѣдствій. Началась новая героическая борьба, въ результатѣ которой за высшими учебными заведеніями была признана автономія. Въ короткій періодъ „дней свободы“ и растерянности правительства, прошлой зимой, автономные университеты сыграли видную роль въ жизни страны и самая автономія была сравнительно полной и подлинной. Но долго продолжаться такое положеніе дѣлъ не могло: въ странѣ произвола и насилія не можетъ быть обособленнаго свободнаго островка, не можетъ быть оазиса гарантированныхъ правъ и свободы,—и на нашихъ глазахъ автономія высшей школы испытываетъ все большія и большія искаженія, нарушенія и ломку.

Авторы рецензируемой книги останавливаются главнымъ образомъ на

исторіи студенческаго движенія петербургскаго университета; въ разсматриваемый ими періодъ, 1899—1906 гг. петербургское студенчество, говоря вообще, стояло во главѣ движеній, какъ въ смыслѣ инищіативы, такъ и въ смыслѣ глубины идейнаго вліянія. Авторы прослѣживаютъ различныя стадіи студенческихъ настроеній. Сначала идетъ періодъ академизма, т.-е. періодъ, когда малосознательная масса студенчества добивалась достиженія академическихъ задачъ, не понимая ихъ непосредственной интимной связи съ общими вопросами жизни страны. За этой полосой идетъ періодъ радикализма, когда въ массы студенчества проникло убѣжденіе въ политическомъ характерѣ всякаго студенческаго движенія. Наконецъ, въ послѣдніе годы студенческое движеніе получило рѣзко выраженный политическій, революціонный характеръ; студенчество разслоилось, дифференцировалось и въ лицѣ болѣе активный части своей примкнуло къ различнымъ внѣ-университетскимъ политическимъ организаціямъ; студенческое движеніе, какъ таковое, перестало существовать и потонуло въ широкомъ революціонномъ потокѣ, залившемъ всю страну.

Книжка гг. Энгеля и Горохова интересна главнымъ образомъ своимъ сырымъ матеріаломъ; здѣсь приведены резолюціи студенческихъ съѣздовъ и болѣе важныхъ сходокъ, различные циркуляры, свѣдѣнія о пресловутомъ профессорскомъ судѣ и пр. Факты эти интересны сами по себѣ, хотя изложены они довольно безпорядочно. Не всѣ части книги достаточно полны также: періодъ 1904—1906 гг., наиболѣе интересный періодъ, изложенъ здѣсь непропорціонально бѣдно и отрывисто.

Л. Вас—ій.

Проф. Г. Еллинекъ. *Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія.* Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ вступительной статьей Б. А. Кистяковскаго. Спб. 1907. Изд. маг. „Право“. 93 стр. Ц. 30 к.

Книжка извѣстнаго нѣмецкаго государствовѣда Г. Еллинека посвящена чрезвычайно интересному вопросу объ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ конституцій въ новѣйшей исторіи. Авторъ останавливается на цѣломъ рядѣ явленій конституціонной жизни западно-европейскихъ государствъ, явленій, уже достаточно и рельефно опредѣлившихся въ самой жизни, но еще чрезвычайно мало освѣщенныхъ и истолкованныхъ учеными.

Первая половина чрезвычайно содержательной книжки Еллинека посвящена формальной сторонѣ измѣненій и преобразованій конституцій. Какъ мѣтко замѣчаетъ проф. Еллинекъ, „мы уже знаемъ, что законы обладаютъ гораздо меньшей силой, чѣмъ думали сто лѣтъ тому назадъ; что они всегда обозначаютъ только должное, которое въ полной мѣрѣ никогда не превратится въ сущее; что, поэтому, реальная жизнь постоянно порождаетъ явленія не соотвѣтствующія разумному плану, начертанному законодателемъ. И эта ирраціональная дѣйствительность свидѣтельствуетъ не только о не-

согласованности нормъ съ жизнью,—она направлена противъ нормы, какъ таковой. Законодатель имѣетъ дѣло съ силами, управлять которыми онъ считаетъ своимъ призваніемъ; но очень часто онѣ совершенно незамѣтно подымаются противъ него и дерзаютъ даже занять его мѣсто. И эти силы не останавливаются даже передъ наивысшими и глубочайшими законами. Признаемъ ли мы это, или нѣтъ, но основные законы, подобно всѣмъ другимъ, съ неотвратимою необходимостью вовлечены въ потокъ историческихъ явленій" (4 стр.).

Уже Лассаль въ своей превосходной рѣчи „О сущности конституціи" блестяще показалъ, что вопросы конституціи—суть вопросы соотношенія реальныхъ общественныхъ силъ, и съ измѣненіемъ этого соотношенія мѣняется и „сущность конституціи". Но крупной научной заслугой Еллинека надо признать систематическое и методически построенное доказательство измѣненія конституціи путемъ практики законодательныхъ учрежденій.

Авторъ прежде всего отмѣчаетъ то чрезвычайно любопытное явленіе что давно уже отмѣненныя конституціи продолжаютъ жить и въ правосознаніи, и въ законодательной практикѣ, если только онѣ оказались жизненны. Такъ, напр., политическая жизнь нынѣшней Франціи опирается на конституцію 1875 г. Въ этой конституціи совсѣмъ не упоминается о знаменитой деклараціи правъ, о неотъемлемыхъ основныхъ правахъ, провозглашенныхъ въ революціонную эпоху, но эти права настолько прочно и настолько неотъемлемо вошли въ общее сознаніе, что несмотря на непризнаніе ихъ конституціей, съ ними и практики, и даже теоретики французскаго государственнаго права продолжаютъ считаться, какъ съ существующими. Во французской конституціи 1870 г. былъ провозглашенъ принципъ несмѣняемости судей, въ конституцію 1875 г. онъ уже не былъ включенъ, но это нисколько не мѣшаетъ считаться съ нимъ, какъ съ существующимъ.

Относительно конституцій нѣмецкихъ государствъ не спеціалисту, по словамъ Еллинека, трудно себѣ и представить, „до какой степени имперскіе законы изрѣшетили ихъ".

Конституціи Вюртенберга, Бадена, Гессена и др. до сихъ поръ еще торжественно провозглашаютъ эти государства „гостями нѣмецкаго союза" и предоставляютъ монарху право опубликовывать постановленія въ качествѣ союзныхъ законовъ, постановленія давнымъ-давно скончавшагося франкфуртскаго сейма!

„Очень часто,—говоритъ Еллинекъ,—положенія конституціи не ясны и растяжимы, и только законодатель послѣдующими законами, изданными на основаніи конституціи, придаетъ имъ опредѣленный смыслъ, точно такъ же, какъ лишь судья выясняетъ содержаніе законовъ, которые ему приходится примѣнять. Судебные приговоры при одинаковомъ текстѣ законовъ мѣняются въ зависимости отъ преходящихъ воззрѣній и потребностей человѣка. Въ такой же зависимости отъ этихъ воззрѣній и потребностей находится и

законодатель, когда онъ истолковываетъ конституцію. Что для даннаго времени является противнымъ государственнымъ установленіямъ, то въ слѣдующую эпоху представится согласнымъ съ государственными установленіями; такимъ путемъ конституція преобразуется по мѣрѣ того, какъ измѣняется ея интерпретація. И не только законодатель можетъ вызвать такое преобразованіе: практика парламента точно такъ же, какъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій, можетъ это сдѣлать и, дѣйствительно, дѣлаетъ. Имъ приходится интерпретировать законы—значитъ и конституціонные законы,—и въ ихъ рукахъ конституціонный законъ можетъ мало-по-малу пріобрѣсти совершенно иное значеніе въ правовой системѣ, нежели то, которое ему первоначально было присуще" (13 стр.).

Во второй половинѣ своей книжки Еллинекъ затрагиваетъ еще болѣе интересный вопросъ о вліяніи внѣ-парламентскихъ соціальныхъ факторовъ на измѣненіе и преобразованіе конституцій. Разсужденія автора здѣсь не полны; онъ совершенно не останавливается на роли классовой борьбы. Но онъ приводитъ массу примѣровъ, очень интересныхъ и самихъ по себѣ, и въ качествѣ симптомовъ проникновенія новыхъ соціальныхъ вѣяній въ консервативную и формалистическую юриспруденцію.

Русскій переводъ снабженъ интереснымъ предисловіемъ Б. Кистяковскаго.

П. Берлинъ.

Р. Энзоръ. *Современный соціализмъ* Перев. съ англ. А. Смирнова. Москва. 1906. Изд. Граната. 474 стр. Ц. 1 р.

Книга Энзора представляетъ собою соціалистическую хрестоматію, въ которой приведены отрывки рѣчей, воззваній, программъ и статей различныхъ соціалистическихъ писателей, дающіе въ совокупности общую картину современной соціалистической мысли и практики. Авторъ ограничилъ свою задачу преимущественно *политическою* стороною вопроса, т. е. онъ излагаетъ современный соціализмъ главнымъ образомъ постольку, поскольку онъ выступаетъ въ качествѣ политической партіи. Философскіе, соціологическіе и т. п. вопросы, связанные съ соціализмомъ, авторомъ совершенно не разсматриваются.

Авторъ предпослалъ своей хрестоматіи введеніе, гдѣ онъ общими чертами обрисовываетъ положеніе соціалистическихъ партій во всѣхъ европейскихъ странахъ.

Въ это предисловіе ворвались кое-какія недоразумѣнія.

Авторъ, напр., совершенно справедливо замѣчаетъ, что характеръ тактики соціалистическихъ партій различныхъ странъ находится въ зависимости отъ характера политическаго строя данной страны.

Но при этомъ у автора Германія оказывается отнесенной къ группѣ

странъ съ „парламентарскимъ“, „но“ не демократическимъ представительствомъ“. Подобная классификація, кромѣ недоразумѣнія, ничего не можетъ породить. Парламентаризмъ—понятіе, вполнѣ установленное и опредѣленное: это конституціонный порядокъ, при которомъ министры выбираются изъ среды господствующей въ парламентѣ партіи и отвѣтствены передъ послѣднимъ. Въ Германіи же министры назначаются короною внѣ всякой зависимости отъ парламентскаго большинства и выходятъ въ отставку опять-таки лишь въ зависимости отъ распоряженій короны. Это конституціонный, но не парламентарный строй.

Нельзя также не признать преувеличеніемъ, когда Энзоръ утверждаетъ, будто кабинетъ Вальдека-Руссо и Комба „отличались плодотворною дѣятельностью съ точки зрѣнія рабочей партіи“ или что „во Франціи, Италіи и Даніи представители рабочихъ партій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оказывали рѣшающее вліяніе и даже господствовали въ правительствѣ“ (3 стр.).

Хорошо переведенная и прекрасно изданная книжка Энзора сослужитъ очень полезную службу всякому, знакомящемуся съ соціалистическими партіями на Западѣ.

П. Б.

Фр. Мерингъ. *Исторія германской соціалъ-демократіи.* Томы 1, 2, 3. Пер. М. Ландау. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“. М. 1906. — *Исторія германской соц.-демократіи.* Пер. Я. Г. А—она, вып. 1 и 2. Книгоизд. „Просвѣщеніе“. СПБ.

Неизбѣжная логика вещей всякую классовую борьбу, непосредственно направленную на защиту экономическихъ интересовъ, превращаетъ въ борьбу политическую. Такъ и экономическая борьба рабочаго класса неизбѣжно должна была принять форму борьбы за политическую власть. Но эта борьба въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ ведется въ организованной формѣ, путемъ организаціи политическихъ партій. (Замѣтимъ кстати, что организованность борьбы нелѣпо отождествлять съ ея легальностью или исключительно парламентскими формами). Не разъ указывалось на тѣ условія, въ силу которыхъ рабочій классъ легче и удачнѣе всякаго иного класса (напр., крестьянства) справляется съ задачей веденія правильной политической борьбы. Въ Германіи эти условія оказались особенно благопріятными. Германскому пролетаріату удалось создать поистинѣ удивительную по своей сплоченности, выдержанности и послѣдовательности политическую партію. Нѣмецкая соціалъ-демократія въ настоящее время заслуженно занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ тѣхъ отрядовъ международной арміи пролетаріата, какими являются рабочія партіи отдѣльныхъ странъ. Не мало этому способствовало и то, что Германія была колыбелью современнаго научнаго соціализма, хранитель-

ницей принциповъ коего—опять же съ наибольшимъ правомъ—считаетъ себя германская соціалъ-демократія.

Если добавить къ этому значеніе соціализма, какъ центральнаго историческаго явленія XIX и XX вѣковъ, то легко понять, какой огромный смыслъ получаетъ исторія германской рабочей партіи. Но при этомъ выясняется также и трудность задачи—дать научную исторію этой партіи. Несомнѣнно, надлежащее выполненіе такой задачи составляетъ настоящій литературный подвигъ. Его и совершилъ извѣстный нѣмецкій публицистъ Францъ Мерингъ.

Мерингъ (род. въ 1846 г.) считается однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ „ортодоксовъ". Тѣмъ не менѣе первый трудъ его по исторіи германской с.-д. „Zur Geschichte der Social-Demokratie", изданный въ 1877 г., написанъ враждебно этой партіи съ точки зрѣнія нѣмецкихъ прогрессистовъ. Изъ другихъ литературныхъ работъ Меринга извѣстна его „Die Lessing-Legende", помѣщенная въ научномъ органѣ германской с.-демократіи „Neue Zeit" въ 1891 г., а также памфлеты противъ придворнаго проповѣдника Штекера и вождя свободомыслящихъ Евг. Рихтера. Первое изданіе (въ 2-хъ томахъ) теперешней „Исторіи германской с.-демократіи" появилось въ свѣтъ въ 1897—98 г.; въ 1903—04 г. вышло второе изданіе (въ 4-хъ томахъ), съ котораго и сдѣланы русскіе переводы.

Весь матеріалъ расположенъ Мерингомъ въ такомъ порядкѣ. Первый томъ обнимаетъ періодъ до мартовской революціи 1848 г. Но такъ какъ „нѣмецкое рабочее движеніе и нѣмецкій соціализмъ съ самаго начала отличались интернаціональнымъ характеромъ", то въ первомъ томѣ мы находимъ іюльскую революцію 1830 г. и англійскій билль о реформѣ, утопическій соціализмъ и очеркъ по исторіи англійскаго и французскаго рабочаго движенія. Все это составляетъ введеніе къ „Исторіи". Первая же *книга* (всѣ 4 тома дѣлятся на 6 книгъ) носитъ заглавіе—современный научный коммунизмъ. Мерингъ изображаетъ какъ ту общественную обстановку, въ которой зародился научный соціализмъ, такъ и тѣ идейныя теченія, которыя послужили для него исходнымъ пунктомъ (нѣмецкая классическая философія). Заканчивается 1-ая книга изложеніемъ содержанія знаменитаго коммунистическаго манифеста. Второй томъ охватываетъ періодъ съ революціи 1848 г. до прусскаго конституціоннаго конфликта 1862 года съ общимъ заглавіемъ „Мартовская революція и ея результаты". Тутъ мы находимъ очеркъ революціи 1848 г. въ Германіи съ точки зрѣнія столкнувшихся въ ней классовыхъ интересовъ. Многочисленными цитатами изъ газеты „Neue Rheinische Zeitung", которую издавалъ Марксъ, Мерингъ характеризуетъ отношеніе Маркса къ совершавшимся событіямъ и создаваемымъ ими положеніямъ. Затѣмъ появляется крупная историческая фигура истиннаго основателя современной гер-

манской соціалъ-демократіи, какъ политической партіи, фигура Фердинанда Лассаля. Третій томъ доводитъ исторію до франко-прусской войны 1870 г. и посвященъ описанія и характеристикѣ политической дѣятельности Лассаля, а во второй половинѣ—описанію борьбы двухъ фракцій—борьбы лассальянцевъ съ „эйзенахцами“. Наконецъ, въ четвертомъ томѣ Мерингъ даетъ исторію партіи за послѣдніе 30 лѣтъ, описывая объединеніе ея двухъ фракцій, жизнь и работу объединенной партіи подъ тяжестью закона о соціалистахъ, изданнаго въ 1878 г. и послѣ его отмѣны въ 1891 году.

Этотъ краткій и голый перечень можетъ показать, съ какимъ обширнымъ матеріаломъ имѣлъ дѣло Мерингъ. Характеръ предмета заставлялъ историка—если онъ правильно понялъ свою задачу - выйти далеко за предѣлы простого описанія разныхъ партійныхъ направленій, ихъ борьбы, смѣны и проч.

Поэтому нѣкоторыя главы въ книгѣ Меринга и представляютъ какъ бы самостоятельные историческіе очерки (укажемъ хотя бы на описаніе до-мартовской Германіи или мартовской революціи). Затѣмъ, не мало мѣсто удѣлено Мерингомъ исторіи развитія теоретическихъ принциповъ, которыми руководствуется современная с.-д., исторіи развитія научнаго соціализма. Читатель найдетъ тутъ изложеніе главнѣйшихъ сочиненій Маркса, Энгельса, Лассаля, а также вообще тѣхъ писателей, которые оказали вліяніе на разработку соціалистическихъ принциповъ. Почти всѣ идейныя теченія (литературныя, философскія) въ германской жизни второй половины XIX вѣка нашли отраженіе въ „Исторіи“ Меринга. Богатый, а—главное - недоступный для современнаго читателя матеріалъ даетъ Мерингъ въ выдержкахъ и цитатахъ изъ различныхъ періодическихъ изданій. Слѣдуетъ сказать еще о характеристикахъ отдѣльныхъ лицъ, которыя даетъ въ своей книгѣ Мерингъ, но это, пожалуй, относится уже не къ сырому историческому матеріалу, а къ его освѣщенію и къ его обработкѣ. Что касается послѣднихъ, то, конечно, Мерингъ стоитъ на точкѣ зрѣнія историческаго матеріализма. Но, какъ неоднократно онъ и самъ заявляетъ въ своей книгѣ, это не обязываетъ его принимать безъ критики все, что бы ни изрекли „отцы церкви“. Утопическія иллюзіи, которымъ поддавались даже сами основатели научнаго соціализма, встрѣчаютъ со стороны Меринга критическое отношеніе. Даже житейское поведеніе Маркса, его подчасъ рѣзкіе, но далеко не безпристрастные приговоры о томъ или иномъ лицѣ, вовсе не исторгаютъ изъ груди „ортодокса“ Меринга умиленныхъ восклицаній, какъ это бываетъ съ другими „ортодоксальными марксистами высшей марки“. Добросовѣстное отношеніе къ своей задачѣ, безпристрастіе въ сужденіяхъ, основанныхъ на положительныхъ данныхъ, создавало для Меринга подчасъ даже нѣсколько натянутыя отношенія съ его партійными товарищами, какъ это можно видѣть

изъ его полемическихъ замѣчаній по адресу К. Эйснера въ примѣчаніяхъ къ 3-ему тому. Съ этой стороны задача Меринга была, несомнѣнно, не изъ легкихъ; вѣдь ему приходилось касаться такихъ фактовъ (и быть въ нихъ до извѣстной степени судьей), которые могли больше затрагивать еще живыхъ людей.

Впрочемъ, Меринга не покидаетъ нѣсколько наивное стремленіе во всякомъ конфликтѣ (идейномъ или даже личномъ), какими богата жизнь крупной политической партіи,—найти такую примиряющую позицію, которая позволяла бы считать всѣхъ спорящихъ „товарищей“ людьми безупречными и только немного увлекающимися [1]). Психологически это, быть можетъ, и понятно, но не лучше ли и здѣсь на мѣсто психологіи поставить неумолимую логику? Не лучше ли безпристрастно оцѣнить отношенія Маркса къ Лассалю и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы о характерахъ обоихъ великихъ людей? Историку партіи нѣтъ нужды канонизировать кого бы то ни было: это нехитрое дѣло можно бы предоставить блюстителямъ партійной „нравственности“...

Когда-то—и не такъ еще давно—защитники такъ называемой партійной централизаціи приводили на ряду съ другими въ пользу своихъ „принциповъ“ еще слѣдующаго рода доводъ. Для русской публики, а, слѣд., и для широкой массы партійныхъ работниковъ недоступна большая часть произведеній по теоріи и исторіи научнаго соціализма. Непосредственно изъ этого источника могутъ черпать лишь лидеры партіи. А посему—слѣдовалъ выводъ—необходимо въ видахъ сохраненія чистоты ученія и правильности его примѣненія на практикѣ отдать все руководство партіей въ руки всемогущаго центра, составленнаго изъ такихъ „просвѣщенныхъ“ лидеровъ. Какъ ни нелѣпа такого рода аргументація—она имѣла раньше нѣкоторый призракъ доброкачественности: для русской публики многія сочиненія Маркса и др. соціалистовъ, дѣйствительно, не были доступны. Теперь однимъ изъ безспорныхъ завоеваній революціи является то, что всѣ важнѣйшіе труды этого рода появились въ русскомъ переводѣ. Въ числѣ этихъ переводовъ имѣется и рецензируемый трудъ Меринга, изданный къ тому же сразу двумя книгоиздательствами. Всѣ непосвященные могутъ теперь обратиться непосредственно къ источникамъ мудрости, могутъ самостоятельно искать теоретическіе и историческіе аргументы въ пользу своихъ практическихъ дѣйствій, прежде продиктованныхъ лишь здоровымъ классовымъ инстинктомъ. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ смыслѣ политическаго воспитанія, значеніе „Исторіи германской соціалъ-демократіи“ по-истинѣ громадно. Долголѣтняя практика такой партіи вообще не можетъ не быть весьма поучительной. Для русскаго читателя

[1]) То же можно сказать и про примѣчанія Меринга къ письмамъ Лассаля къ Марксу и Энгельсу.

она интересна еще по 2 причинамъ: во-первыхъ, потому, что судьба ставила германскій пролетаріатъ и его представителей въ правовую обстановку, весьма похожую на нашу, россійскую,—именно, когда надъ ихъ головами висѣлъ законъ противъ соціалистовъ; и во-вторыхъ, потому, что германской с.-демократіи много разъ приходилось разрѣшать какъ разъ тѣ самые тактическіе вопросы, изъ-за которыхъ идетъ борьба среди русскихъ с.-д. (вопросъ о выборахъ, о парламентаризмѣ, о соглашеніяхъ и др.). Германская соціалъ-демократія знала фракціонный расколъ, она переживала періодъ анархическихъ иллюзій, подобно русской партіи. Разница лишь въ томъ, что общественно-экономическая отсталость Россіи представляетъ болѣе благопріятную почву для *зарожденія* и *возрожденія* всякихъ вздорныхъ иллюзій, вродѣ безотлагательнаго скачка въ царство соціализма и т. под.

Конечно, сторонники такъ наз. „лѣваго“ крыла партіи не замедлятъ представить свои возраженія противъ правомѣрности проводить параллель между германской и русской с.-д. Они не преминутъ указать на несомнѣнно существующую разницу въ общественныхъ условіяхъ Германіи и Россіи. Но эта разница вовсе не исключаетъ возможности уловить тотъ „духъ германской соціалъ-демократіи“, которымъ проникнута ея тактика за все время существованія, начиная съ Лассаля и до нашихъ дней. Этотъ духъ заключается въ томъ, что всегда и во всемъ германская соціалъ-демократія остается партіей реальной политики, въ лучшемъ смыслѣ слова, въ основѣ которой лежитъ стремленіе къ развитію классоваго самосознанія и самодѣятельности пролетаріата. Этотъ духъ всегда и при всѣхъ условіяхъ не позволялъ трескучее, шаблонное фразерство и заговорщическія иллюзіи поставить на мѣсто трезвой, послѣдовательной *классовой* (а не групповой, интеллигентской) политической борьбы.

Конечно, со скорбью приходится признать, что при этомъ германская соціалъ-демократія погрязало въ конституціонныхъ иллюзіяхъ худшаго меньшевистскаго пошиба, но что же дѣлать? Самъ Мерингъ непреложно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Для примѣра можно бы указать на отношеніе германской с.-д. къ вооруженному возстанію. Тутъ германскіе товарищи и даже Либкнехтъ несомнѣнно впали въ полнѣйшую буржуазность, отрицая цѣлесообразность примѣненія старой баррикадной тактики въ современныхъ условіяхъ. Но самый фактъ постановки этого вопроса показываетъ, что и среди нѣмецкихъ с.-д. были свои „большевики“ (перекочевавшіе, впрочемъ, потомъ въ лагерь анархистовъ). Въ этомъ отношеніи поучительны слова старика Либкнехта, сказанныя имъ 17-го марта 1879 года, о томъ, что с.-демократія есть „партія реформы въ строжайшемъ смыслѣ слова“ и что дѣланіе революціи—безсмыслица; это говорилъ тотъ самый Либкнехтъ, который въ концѣ 60-хъ годовъ призывалъ пролетаріатъ къ бойкоту выборовъ... Столь же любопытна рѣчь Фальтейха,

сказанная имъ въ рейхстагѣ въ 1880 году, или постановленіе с.-галленскаго партейтага 1887 года.

Надо надѣяться, что бланкистское крыло русскихъ с.-д. черезъ подлежащіе органы занесетъ „Исторію" Меринга въ index librorum prohibitorum для своей вѣрующей паствы, дабы не соблазнился кто-либо изъ малыхъ сихъ.

Остается еще одна обязательная часть рецензіи: оцѣнка достоинствъ и недостатковъ перевода. На этотъ разъ оба перевода (по крайности, въ появившихся выпускахъ) надо признать по меньшей мѣрѣ выполненными добросовѣстно. Недостатокъ перевода М. Ландау (въ изданіи Граната)—чрезмѣрная близость къ подлиннику въ ущербъ литературности. Затѣмъ надо отмѣтить непозволительные для такого крупнаго изданія пропуски. Небольшіе пропуски отдѣльныхъ фразъ можно указать на стр. 16, 77, 132 перваго тома; но въ главѣ VII того же тома оставлено безъ перевода $1^1/_2$ страницы нѣмецкаго текста (послѣдніе абзацы главы)!

Изданіе библіотеки „Просвѣщенія", конечно, не можетъ идти въ сравненіе съ первымъ съ внѣшней стороны, но со стороны внутренней—также должно быть признано удовлетворительнымъ. Правда, въ этомъ переводѣ неточностей и даже искаженій больше, чѣмъ у г. Ландау, но все же читатель и по нему можетъ получить безусловно вѣрное представленіе объ „Исторіи" Меринга. Явныхъ и поистинѣ убійственныхъ искаженій, на какія отваживаются наши люберальные соотечественники, занимаясь переводами съ иностранныхъ діалектовъ, такихъ явныхъ искаженій въ переводѣ почти нѣтъ. Особенно богата, однако, всякими погрѣшностями трудная для перевода глава, посвященная классической философіи.

Б. Вологдинъ.

Лекціи и рефераты по вопросамъ программы и тактики соціалъ-демократіи:

Н. Рожковъ. Капитализмъ и соціализмъ. 10 к.

Аграрный вопросъ въ Россіи и его рѣшеніе въ программахъ различныхъ партій. 12 к.

А. Голубковъ. Утопическій и научный соціализмъ. 10 к.

М. М. Буржуазія и пролетаріатъ въ революціяхъ 1830 и 1848 гг. во Франціи. 20 к.

Станиславъ (А. Вольскій). Теорія и практика анархизма. 20 к.

Перечисленныя брошюры являются частью задуманной систематической серіи (изъ 12—15 книжекъ), задача которой—познакомить съ программой и тактикой с.-д. широкія массы.

Обѣ брошюры г. Рожкова были бы недурны, если бы не страдали

отъ обычной манеры автора—стремленія дать на нѣсколькихъ страницахъ исчерпывающее изложеніе вопроса. Отсюда—конспективность, которая, несмотря на ясность и простоту языка, дѣлаетъ брошюры довольно трудными для чтенія. Обиліе матеріала, подавляющаго читателя, особенно чувствуется въ книжкѣ объ аграрномъ вопросѣ. Здѣсь разсказана исторія землевладѣнія въ Россіи за 1000 лѣтъ, охарактеризовано теперешнее состояніе аграрныхъ отношеній, разсмотрѣнъ вопросъ о капитализмѣ въ сельскомъ хозяйствѣ, приведены и разобраны аргументы ревизіонистовъ, сторонникомъ мелкаго хозяйства и производительныхъ товариществъ и, наконецъ (послѣ рѣшительнаго заявленія на 28-ой стр.: „мы такимъ образомъ познакомились со всѣмъ, что надо знать для рѣшенія аграрнаго вопроса"), изложены и раскритикованы аграрныя программы всѣхъ политическихъ партій. Все это на 40 страничкахъ. Брошюра принимаетъ характеръ какой-то справочной книжки. Неудивительно, что при такой манерѣ письма встрѣчаются неточности (напр., что изъ Россіи переселяется „какъ разъ столько народа, сколько вновь нарождается каждый годъ"—29 ст.,—въ дѣйствительности во много разъ меньше), и неожиданныя для марксиста заключенія (аграрный вопросъ труденъ и *потому* разныя партіи разрѣшаютъ его по-разному — 1 ст.). Брошюра о капитализмѣ того же автора лучше.

Проще и доступнѣе книжки Голубкова. Г. Голубковъ для характеристики утопическаго соціализма останавливается на Оуэнѣ, Сенъ-Симонѣ и Фурье. Послѣдняя глава, объ основахъ научнаго соціализма, слишкомъ сжата и схематична. Отмѣчены причины, породившія утопическій и научный соціализмъ, дана оцѣнка значенія утопистовъ. Въ основу своей работы авторъ взялъ извѣстную брошюру Энгельса, котораго онъ мѣстами только перефразируетъ. Брошюра написана очень легко, это тѣмъ болѣе важно, что „Развитіе научнаго соціализма" Энгельса мало доступно для широкой массы.

Брошюра А. Вольскаго является наиболѣе интересной изъ серіи. Авторъ останавливается исключительно на такъ называемомъ „коммунистическомъ анархизмѣ", главнымъ образомъ, на Прудонѣ и Кропоткинѣ. Критика его резюмируется такъ: коммунистическій анархизмъ экономически невозможенъ, такъ какъ ведетъ къ раздробленію народнаго хозяйства; „уничтожая всякую власть надъ его отдѣльными членами, онъ даетъ просторъ не только товарищескимъ, но и буржуазнымъ наклонностямъ" и тѣмъ „уничтожаетъ самъ себя"; „привязывая личность къ маленькой общинѣ, а не къ человѣчеству, дѣлаетъ сознаніе человѣка мелкимъ, узкимъ, ограниченнымъ"; онъ не научнъ, такъ какъ въ своихъ построеніяхъ опирается на воображаемый, идеальный народъ и, наконецъ, онъ „насквозь буржуазенъ".

Вторая часть посвящена практикѣ анархизма. Осуществляя свои принципы на дѣлѣ, анархисты достигаютъ результатовъ, обратныхъ ихъ жела-

ніямъ. Стремясь свергнуть буржуазное владычество, они въ дѣйствительности сплачиваютъ буржуазію, обрушиваясь на государство, они своими дѣйствіями усиливаютъ государственную власть, давая ей въ руки новыя полномочія. Они вносятъ духъ разрушенія въ ряды пролетаріата. Для иллюстраціи своихъ утвержденій авторъ очень удачно использовалъ извѣстное испанское возстаніе 1873 года и барцелонскую стачку. Что касается блестящаго расцвѣта французскаго синдикализма, такъ онъ обусловленъ какъ разъ отказомъ отъ анархической теоріи и особенно отъ анархистской тактики. Увлекательную брошюру А. Вольскаго мы особенно рекомендуемъ читателю.

Въ концѣ каждой книжки (примѣръ, заслуживающій подражанія) указана литература для дальнѣйшаго изученія предмета. Не мѣшало бы отмѣтить, въ какой послѣдовательности читать рекомендованныя книги и что можно найти въ каждой изъ нихъ.

П. Л.

Л. Клейнбортъ. *Безработица и движеніе безработныхъ.* Изд. ред. „Образованія", стр. 72. Ц. 30 к.

Вотъ уже болѣе года (съ ноября — декабря 1905 г.), какъ хроническая безработица послѣднихъ 5—6 лѣтъ вступила въ острую фазу, и тѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе даетъ себя чувствовать. Существенная роль въ этомъ принадлежитъ, конечно, экономическимъ причинамъ: стѣсненію денежнаго рынка, сокращенію казенныхъ заказовъ и т. д. Однако, наиболѣе характерной чертой настоящей безработицы является ея „контръ-революціонный характеръ". Въ настоящее время, говоритъ г. Клейнбортъ, „выбрасываніе рабочихъ — актъ не чисто - экономическій. Оно является местью и правительства, и буржуазіи за революціонныя выступленія пролетаріата, за рядъ забастовокъ, заставившихъ ихъ пойти на уступки" и т. д. Въ интересной брошюрѣ г. Клейнборта хорошо подчеркнута и иллюстрирована фактами именно эта сторона теперешней безработицы— преслѣдованія рабочихъ предпринимателями и правительствомъ и обостреніе на этой почвѣ экономическаго кризиса. Съ другой стороны, и „движеніе безработныхъ" разсматривается авторомъ, какъ часть „революціоннаго выступленія пролетаріата", подчеркивается общность у насъ между движеніемъ безработныхъ и общепролетарскимъ движеніемъ.

Общій анализъ такого сложнаго явленія, какъ происходящая теперь въ Россіи „безработица", приводитъ г. Клейнборта къ вполнѣ основательной оцѣнкѣ тактическихъ задачъ пролетаріата въ данномъ отношеніи. Конечно, говоритъ г. Клейнбортъ, пролетаріатъ долженъ добиваться и общественныхъ работъ, и пріостановки заказовъ за-границу, но основнымъ лозунгомъ должно быть требованіе „уничтоженія политики искусственнаго голода".

Брошюра г. Клейнборта, трактующая одинъ изъ животрепещущихъ вопросовъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ попытка освѣтить современную „безработицу“ съ точки зрѣнія борьбы революціонныхъ и контръреволюціонныхъ силъ. Слѣдуетъ лишь пожалѣть, что авторъ не достаточно подробно коснулся фактовъ такой борьбы въ провинціи, особенно въ Польшѣ и на югѣ. Мало затронутъ также матеріалъ объ отношеніи провинціальныхъ городскихъ думъ къ безработнымъ; не мѣшало бы также подробнѣе остановиться на томъ, что и какъ дѣлалось городскими думами въ этомъ вопросѣ, привести соотвѣтствующій цифровой матеріалъ и т. п.

Б. В—ій.

Де-Воланъ. *Въ странѣ милліардовъ и демократіи.* Очерки и замѣтки. Съ 12 иллюстр. Изд. М. О. Вольфа. СПБ. 1907 г. Стр. 321. Ц. 2 р. 25 к.

Страна милліардовъ и демократіи это, конечно, Американскіе Штаты—страна желтаго дьявола, свѣтлыя и темныя стороны которой вызывали къ себѣ самое разнообразное отношеніе многочисленныхъ писателей, посвящавшихъ Штатамъ свое вниманіе и талантъ.

Контрасты въ соціальномъ строѣ, въ бытѣ и нравахъ достигли въ этой странѣ наивысшаго, не встрѣчающагося больше нигдѣ напряженія, но проницательнаго наблюдателя американской жизни формы „новаго“ развитія могутъ поразить лишь колоссальностью своего размаха. Въ этой высотѣ подъема и глубинѣ паденія, которыя нерѣдко совмѣщены въ одномъ и томъ же явленіи,—чѣмъ и создается впечатлѣніе рѣжущаго контраста—мы открываемъ все тѣ же знакомыя намъ силы, которыя видоизмѣняли формы развитія человѣческихъ обществъ въ процессѣ эволюціи не только въ Европѣ, но вездѣ въ мірѣ. Такимъ образомъ, проницательнаго наблюдателя въ Америкѣ поражаютъ лишь новыя формы, но не новыя силы, творчество и приспособленіе матеріальнаго рода, но не то, какое мы называемъ духовнымъ. Что касается наблюденій и впечатлѣній путешественника, который является въ Штаты безъ умѣнья вскрывать сущность явленій, не отметая отъ нихъ шелухи внѣшности, который изучаетъ страну мимолетно изъ окна вагона, съ балкона фэшенебельной гостиницы и схватываетъ скорѣе угловатости и острыя грани, выступающія въ изобиліи на фонѣ новой для него жизни и приступаетъ къ анализу ея съ очень мелкимъ содержаніемъ собственнаго міровоззрѣнія, то какое бы количество явленій ни вошло въ сферу его наблюденій, какую массу цифръ ни привелъ бы онъ изъ многочисленныхъ отчетовъ разныхъ официальныхъ и неофиціальныхъ учрежденій,—въ концѣ концовъ даваемое имъ изображеніе коснется лишь внѣшности явленій, въ которомъ въ мнимомъ величіи и великолѣпіи выступятъ „свѣтлыя“ стороны заатлантической жизни.

Такова и разбираемая нами книга. Авторъ посѣтилъ разныя части

Штатовъ, жилъ тамъ, былъ знакомъ съ выдающимися дѣятелями, наблюдалъ разнообразныя явленія во всей ихъ картинности (напр., выборы) и умѣетъ изложить свои впечатлѣнія въ безыскусственной, непритязательной, въ то же время въ занимательной и живой формѣ. Въ описаніи быта удѣлено много мѣста собственнымъ впечатлѣніямъ, приводится множество интересныхъ случаевъ, слышанныхъ авторомъ отъ другихъ лицъ или вычитанныхъ изъ газетъ, и потому эта часть книги покажется всякому читателю, желающему получить первыя свѣдѣнія о странѣ и народѣ, интересной. Другую часть составляютъ многочисленныя, часто очень свѣжія цифровыя данныя (статистика), вкрапленныя въ соотвѣтствующія главы, гдѣ авторъ помѣщаетъ также сплошь и рядомъ свои собственныя сужденія, которыя очень часто таковы, что изобличаютъ, съ одной стороны, поверхностное знакомство автора съ описываемымъ явленіемъ, съ другой—мелководіе его собственныхъ идеаловъ. Для того, чтобы убѣдиться въ первомъ, достаточно прочесть главы 31 и 32 (промышленные союзы, заработная плата, рабочіе союзы и другія рабочія организаціи, борьба капитала и труда, стачки, соціализмъ (и т. п.), о второмъ же свойствѣ автора даетъ хорошее представленіе глава 25 (университеты, женское образованіе, народные университеты, библіотеки). Напримѣръ, въ сужденіи своемъ о тактикѣ американскихъ рабочихъ авторъ болѣе чѣмъ наивенъ: такъ, онъ очень порицаетъ рабочихъ за стачки и разсуждаетъ объ ихъ упрямствѣ, тупости и лѣности такъ, какъ судилъ бы объ этомъ предметѣ, напр., генералъ Бетрищевъ. Сравнивая американскихъ студентовъ съ русскими, авторъ приходитъ то въ восхищеніе, то въ негодованіе: въ Америкѣ студенты передъ ученьемъ собираются на общую молитву, а наши придумали стачки, чтобы не учиться. Въ Америкѣ студентки, живущія въ общежитіи, должны возвращаться къ опредѣленному, довольно раннему часу домой, а на экскурсіи отправляются подъ наблюденіемъ надзирательницы. „Свобода такая, къ какой вообще привыкли американцы. И тутъ не всѣ студентки богаты, и бѣдныя прислуживаютъ за столомъ, пріискиваютъ работы, получаютъ стипендіи. Это не мѣшаетъ хорошимъ товарищескимъ отношеніямъ съ другими студентками, которыя побогаче". Такъ заканчиваетъ авторъ свое описаніе университетскаго общежитія для студентокъ. Автора не шокируетъ, что бѣдныя студентки прислуживаютъ за столомъ богатымъ безъ ущерба товарищескимъ отношеніямъ, такъ же не шокируетъ, какъ не шокируетъ то обстоятельство, что въ Америкѣ вообще бѣдные только и дѣлаютъ, что прислуживаютъ богатымъ, каковое обстоятельство не мѣшаетъ свободѣ и равенству въ ихъ взаимномъ обращеніи, въ чемъ и заключается американскій демократизмъ. Авторъ съ благоговѣніемъ повторяетъ въ вящщую похвалу милліардерамъ, служителямъ желтаго Ваала, лицемѣрную и американски-наглую ложь милліардера Карнеги, который приписываетъ всѣ свои успѣхи на почвѣ обогащенія Провидѣ-

нію! Подумаешь, не въ томъ ли тайна обогащенія и другого милліардера, Гульда, который на склонѣ дней своихъ содержалъ кругомъ себя стражу, ибо многочисленныя жертвы его мошенническихъ операцій, обобранныя до нитки, не разъ покушались на самую жизнь его?..

Необычайные успѣхи техники, кипучая промышленная дѣятельность, почти безграничная свобода личности, колоссальныя сооруженія и столь же колоссальныя затѣи и причуды, превосходныя школы, богатые университеты, общедоступность комфорта и тысячи другихъ явленій подкупаютъ иноземца и заставляютъ его снисходительно прощать американцамъ ихъ отрицательныя стороны и странности. Съ двойственнымъ чувствомъ восхищенія и снисходительнаго порицанія онъ любуется все растущей громадой, грозящей перерасти и задавить Европу. Онъ „не скрываетъ отъ себя темныхъ сторонъ", но болѣе всего пораженъ,—пораженъ размѣрами, въ какіе выливается всякое явленіе, и такъ какъ впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ перемѣшиваютъ всѣ остальныя, то въ концѣ концовъ грандіозность картины застилаетъ ясность критическаго взора и сжимаетъ углы зрѣнія на скрытыя подъ поверхностью жизни явленія. Впрочемъ, сами американцы охвачены самовосхищеніемъ, рѣдко случается, чтобы кто-нибудь рѣшилъ сорвать покровъ съ великолѣпія и обнажить хоть клочекъ зыбкой почвы, въ которую уходятъ все глубже и глубже считавшіеся нѣкогда незыблемыми великіе либеральные принципы, на которыхъ знаменитые дѣятели XVIII в. построили зданіе американской общественности. Если же находится смѣлый, то передъ читателемъ развертывается картина такой глубины паденія, равную которой не сыскать нигдѣ. Нѣкоторыя иллюстраціи всеобщей продажности (суда, прессы, администраціи) читатель найдетъ въ разбираемой книгѣ, но если ему захочется познакомиться ближе съ подноготной великой заатлантической республики, то мы рекомендуемъ ему прочесть романъ „Джунгли" (въ русскомъ сокращенномъ переводѣ въ „В. Е." за 1906 г. онъ озаглавленъ „Дебри"), который лучше книги де-Волана объяснитъ ему, какими неисповѣдимыми путями американскіе милліардеры наживаютъ милліарды и какова цѣнность демократіи, въ обстановкѣ которой возможны ихъ подвиги.

Н. Березинъ.

К. Н. Вентцель. *Свободное воспитаніе и образованіе.* Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 6.

— *Борьба за свободную школу.* М. 1907.

Теперь пробиваютъ себѣ дорогу къ осуществленію идеи единенія семьи и школы, педагогическаго оздоровленія вообще. И сборникъ г. Вентцеля, столь преданно и освѣдомленно тяготѣющаго къ обновленію школы, во всякомъ случаѣ можетъ служить какъ будущее подспорье для соотвѣтственныхъ обсужденій. Если не нова, то безусловно цѣнна основа „вступленія" книги: въ ребенкѣ „таится будущій творецъ новой жизни", „творческія силы и

есть то самое, высшее, что мы должны воспитывать въ каждомъ человѣкѣ". Далѣе идетъ нѣкоторый историческій очеркъ комиссіи 1903 г. при московскомъ педагогическомъ обществѣ по вопросу объ организаціи семейныхъ школъ. Такая „семейная школа основывается ассоціаціей родителей, соединившихся для того, чтобы общими усиліями организовать воспитаніе и образованіе дѣтей". Школа эта „не должна быть отрѣзана отъ жизни, отъ дѣйствительности, отъ природы". Она даже готовитъ „безкорыстныхъ общественныхъ работниковъ". Живыя и интересныя сообщенія и пренія комиссіи вращались,—пожалуй, по обыкновенію нашему,—въ довольно общихъ теоретическихъ рамкахъ и свѣтости тенденцій не обнаруживали. Въ высшей степени любопытную и содержательную часть книги составляютъ отзывы иностранцевъ - педагоговъ, высказавшихся о цѣляхъ комиссіи. Несравненно стройнѣе и конкретнѣе заговорила комиссія, перейдя въ слѣдующій, что ли, фазисъ, когда слово „семейная школа" окончательно „стало" для нея синонимомъ „свободная школа". Въ результатѣ—30-го апрѣля 1905 г. имѣло мѣсто учредительное собраніе „Союза Самообразованія". Самъ г. Вентцель уже видоизмѣнилъ свое отношеніе къ „основнымъ задачамъ семейной школы". Мы читаемъ на стр. 23 такую выноску: „Въ настоящее время авторъ придерживается другого взгляда, который подробно развитъ въ имѣющейся появиться въ скоромъ времени книгѣ „Какъ создать свободную школу". Въ послѣдней части сборника приведены выдержки „изъ сочиненій разныхъ писателей, касающіяся значенія принципа свободы въ дѣлѣ воспитанія и образованія". Цитируются Монтэнь, Коменскій, Руссо, Песталоцци, Спенсеръ, Гаральдъ, Гефдингъ и др. Изъ русскихъ—Сковорода, Новиковъ, Пироговъ, Ушинскій, Стоюнинъ, Лесгафтъ, Толстой и др.

А. Налимовъ.

Д-ръ Л. Котельманъ. *Основы школьной гигіены.* Переводъ съ нѣмецкаго Д. Королькова, директора московской гимназіи имени Григорія Шелапутина. Подъ редакціей, съ дополненіями и примѣчаніями д-ра В. О. Игнатьева. Москва. 1906. 436 стр. Цѣна 1 р. 75 к.

Русская публика знакома уже съ основными положеніями этого руководства по сокращенному переводу послѣдняго, сдѣланному д-ромъ Брейтманомъ и изданному въ 1901 г. редакціей журнала „Русская Школа".

Несмотря на надлежащее, повидимому, знакомство съ предметомъ автора, какъ бывшаго врача при среднемъ учебномъ заведеніи (Johanneum) въ Гамбургѣ и редактора перваго школьно-гигіеническаго журнала, означенное сочиненіе не представляетъ ничего ни особенно новаго, ни оригинальнаго, а является какъ бы копіей обычныхъ нѣмецкихъ руководствъ по школьной гигіенѣ.

Авторъ оказывается довольно узкимъ спеціалистомъ по глазнымъ

дѣтскимъ болѣзнямъ, но мало знакомымъ съ физіологіею и психологіею дѣтскаго возраста, равно и съ тѣлеснымъ воспитаніемъ. Онъ заботится собственно объ обстановкѣ ученика въ стѣнахъ школы, о внѣшней средѣ, но почти не входитъ въ подробности условій внутренней жизни ребенка, слабо выясняетъ значеніе умственной гигіены и совсѣмъ не касается гигіены нравственной.

Введеніе авторъ посвящаетъ исторіи школьной гигіены въ Германіи, забывая, что, кромѣ этой страны, о здоровьѣ учащихся заботились и въ другихъ странахъ, что подтверждается, впрочемъ, и самимъ авторомъ, когда онъ говоритъ о заслугахъ въ этомъ дѣлѣ іезуитовъ и славянина Амоса Коменскаго.

Книга дѣлится на два отдѣла: гигіена школы и гигіена учащихся.

Опуская подробности касательно мѣстности и постройки школьныхъ зданій, равно площади и объема классныхъ помѣщеній, авторъ не говоритъ ничего и объ интернатахъ. Къ этому, въ книгѣ не находимъ почти упоминанія ни о школьныхъ душахъ, ни о рекреаціонныхъ помѣщеніяхъ, ни о столовыхъ (cantines scolaires), ни о школьныхъ дворахъ и аренахъ для игръ, ни о гимнастическихъ залахъ, если не считать отрывочныхъ о нихъ замѣчаній, разбросанныхъ по книгѣ. Зато авторъ не забываетъ деталей, излюбленныхъ глазными врачами, и входитъ въ такія подробности обо всемъ, касающемся гигіены зрѣнія, что можно подумать, будто дѣло идетъ не объ учащемся или умственномъ рабочемъ, а объ какомъ-то писарѣ или чиновникѣ, ничего не знающемъ, кромѣ письма да чтенія. Такъ, объ искусственномъ освѣщеніи классовъ авторъ распространяется безъ нужды слишкомъ много, равно напрасно повторяетъ всѣмъ извѣстныя вещи о школьныхъ столахъ и скамьяхъ, не знакомя собственно читателя съ надлежащимъ ихъ распредѣленіемъ по возрастамъ и не дѣлая строгой оцѣнки имѣющимся ихъ образцамъ въ школахъ.

Во второмъ отдѣлѣ книги авторъ касается новѣйшихъ работъ психологовъ по утомленію учащихся, т. е. входитъ въ область психологіи, но, къ сожалѣнію, не говоритъ ничего о вліяніи умственнаго труда на чисто физіологическія отправленія, напр., на дыханіе, кровообращеніе и пр., на обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, т. е. упускаетъ изъ виду данныя, наиболѣе любопытныя и необходимыя для гигіениста, для школьнаго врача.

Имѣются въ книгѣ подробности объ умственномъ переутомленіи учащихся, но, къ удивленію, авторъ не говоритъ ни слова о вліяніи на переутомленіе гнетущаго настроенія дѣтей, о вліяніи неподходящихъ методовъ обученія, о характерѣ и распредѣленіи учебныхъ предметовъ, о недостаточности сна и т. д.

О нервности учащихся сообщается мало поучительнаго. Противъ неврастеніи (нервной слабости) авторъ совѣтуетъ физическій трудъ, между тѣмъ какъ большинство врачей считаютъ въ этомъ случаѣ лучшимъ средствомъ

полный отдыхъ, а не усиленное мышечное упражненіе. Проф. Моссо справедливо доказываетъ, что, „утомленіе бываетъ только одно, нервное, и что предлагать замѣнять умственный или мозговой трудъ мышечнымъ—значитъ къ мозговому напряженію присоединять еще новое напряженіе, съ нимъ одинаковое, и одинаково вредное для нервной системы“.

Не мало имѣется въ книгѣ свѣдѣній о мѣрахъ разныхъ германскихъ правительствъ къ улучшенію умственной гигіены учащихся, но авторъ не касается подобныхъ лучшихъ мѣръ, какія принимаются администраціею новѣйшихъ общеобразовательныхъ школъ, какъ, напр., аббатсгольмской, демелэновской и пр.

При описаніи нервныхъ болѣзней авторъ говоритъ о двухъ обычныхъ школьныхъ порокахъ: объ употребленіи учащимися спиртныхъ напитковъ и о куреніи табака. Авторъ не выясняетъ только причинъ увлеченія этими пороками, да не указываетъ собственно никакихъ мѣръ борьбы съ ними, между тѣмъ какъ борьба эта составляетъ одну изъ насущныхъ задачъ для педагоговъ и школьныхъ врачей во всѣхъ странахъ.

Авторъ посвящаетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, вниманія вопросу о близорукости и искривленіяхъ позвоночника, этихъ излюбленныхъ областяхъ гг. окулистовъ, приписывающихъ все зло болѣзней учащихся школѣ и ученію. Онъ повторяетъ подробности, давно извѣстныя, но забываетъ сказать, что̀ новаго въ означенныхъ областяхъ внесено современными врачами и гигіенистами. Равнымъ образомъ авторъ отрицаетъ законность косого почерка и упорно стоитъ за почеркъ прямой, отъ котораго отказываются теперь даже въ тѣхъ нюрнбергскихъ школахъ, гдѣ онъ былъ введенъ впервые.

Говоря о заразныхъ болѣзняхъ, авторъ приводитъ противъ нихъ только мѣры гигіеническія, забывая или, пожалуй, не желая упомянуть о мѣрахъ тѣлеснаго воспитанія (о закаливаніи), которыя обѣщаютъ не менѣе, если не болѣе, успѣха въ борьбѣ съ заразными болѣзнями.

Авторъ къ заразнымъ болѣзнямъ считаетъ цѣлесообразнымъ пріурочить онанизмъ, вмѣсто того, чтобы говорить о немъ въ связи съ обычными пороками учащихся: алкоголизмомъ и куреніемъ табака.

Авторъ не выясняетъ причинъ развитія этого порока, хотя въ настоящее время имѣется уже, по нашему мнѣнію, достаточно данныхъ для рѣшенія вопроса.

Переводъ книги тяжеловатъ и мѣстами недостаточно точенъ. Недостаетъ въ книгѣ подробнаго оглавленія. Внѣшность изданія (бумага, печать, рисунки) весьма удовлетворительная. Цѣна книги (1 р. 75 к.) крайне умѣренная.

Вообще для обыкновеннаго, не посвященнаго въ гигіену, читателя книга даетъ значительное количество свѣдѣній, для врачей же, въ особенности школьныхъ, далеко недостаточна.

А. Виреніусъ.

НОВЫЯ КНИГИ ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Евгеній Лексановъ. Стихотворенія. 1906 г. Ц. 40 к.

А. Амфитеатровъ. Сказанія времени. Ц. 1 р.

В. В. Розановъ. Легенда о Великомъ Инквизиторѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Берта Зуттнеръ. Долой оружіе! Романъ. Пер. съ нѣм. Юнаго Читателя. Ц. 15 коп.

О. К. Краве. Женскій вопросъ. Ц. 1 р.

П. Оленинъ. Какъ онъ жилъ... Психологическій романъ. Ц. 50 коп.

Юлій Словацкій. Ангелы. Перев. В. Высоцкаго. Ц. 25 к.

Джекъ Лондонъ. На днѣ. Очерки изъ жизни лондонскихъ бѣдняковъ. Перев. съ англ. Е. А. Гурвичъ. Ц. 75 к.

Изданія ред. журн. „Русское Богатство".

С. А. Савенкова. Годы скорби (Воспоминанія матери). Ц. 15 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. Безъ идей (Изъ разсказовъ о войнѣ). Ц. 75 к.

П. Лавровъ. Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Ц. 40 к.

В. Грагамъ. Соціализмъ, новый и старый. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Г. Адлеръ. Исторія соціализма и коммунизма. Ц. 15 к.

А. Шеффле. Сущность соціализма. Полн. перев. съ нѣм. Л. Чаплинскаго. Ц. 15 к.

Изданія Книгоиздательства „Дѣло".

Атлантикусъ. Государство будущаго. Перев. съ нѣм. А. Гродзинскаго, подъ ред. и съ предислов. прив.-доц. М. В. Бернацкаго. Ц. 40 к.

Вилльямъ Моррисъ. Вѣсти ни откуда. Утопія. Перев. съ англ. А. П. Ц. 50 к.

Людвигъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Перев. съ нѣмецк. Изд. Кн-ва „Мысль" А. Миллеръ. Ц. 2 р.

Итоги и перспективы. Сборникъ статей. Ц. 80 к.

Изданія Т-ва „Знаніе".

Евгеній Чириковъ. Разсказы. т. V. Ц. 1 р.

Иванъ Бунинъ. Стихотворенія. 1903—1906. Т. III. Ц. 1 р.

Марксъ и Энгельсъ. Манифестъ коммунистической партіи. Съ предисл. К. Каутскаго. Пер. съ нѣм. А. Орловскаго. Ц. 12 к.

Августъ Бебель. Постоянная армія и народная милиція. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. П. Орловскаго. Ц. 15 к.

Изданія Кни-ва „Молодая Россія".

Сергѣй Самыгинъ. Изъ прошлаго. Ц. 3 к.

И. Черновъ. Луи Бланъ. Пер. съ франц. Ц. 15 к.

М. Гоцъ (М. Рафаиловъ). Система правды и наши общественныя отношенія. Бѣглыя замѣтки. (О критикѣ и догмѣ). Ц. 18 к.

Свободное Воспитаніе и Образованіе Подъ ред. П. Горбунова-Посадова.

С. Дурылинъ. Въ школьной тюрьмѣ. Исповѣдь ученика. Ц. 15 к.

В. Ермиловъ. Дѣтская страда. Педагогическіе очерки. Ц. 20 к.

К. Н. Вентцель. Какъ создать свободную школу.

Его же. Освобожденіе ребенка. Ц. 10 к.

Эрнестъ Кросби. Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель. Перев. съ англ. Ц. 40 к.

Пятая книжка педагогической психологіи. Подъ ред. А. П. Нечаева. Ц. 70 к.

Н. И. Кулябко-Корецкій. Франція въ XIX вѣкѣ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 75 к.

К. Брешенковъ. Курсъ русскаго синтаксиса. Ц. 50 к.

Richard Dedekind. Непрерывность и ирраціональныя числа. Пер. съ нѣм. прив.-доц. С. Шатуновскаго. Ц. 40 к.

Проф. Дж. Перри. Вращающійся волчокъ. Перев. съ англ. 60 к.

Германъ Шубертъ. Элементарное вычисленіе логариѳмовъ. Перев. съ нѣм. А. Петрова. Изд. К. Тихомирова. Ц. 30 к.

Изданія Н. Е. Парамонова „Донская Рѣчь".

А. И. Новиковъ. Наши братья. Ц. 5 к.

Его же. Какъ должны писаться законы. Ц. 5 к.

Л. Толстой. Экзекуція. Стыдно. Ц. 2 к.
Его же. О смертной казни. (Глава изъ „Воскресенія"). Ц. 1 к.
Ольга Волькенштейнъ. Вопросъ о всеобщей забастовкѣ въ Германіи. Ц. 1 1/2 к.
Ея же. Для чего нужна свобода слова и собраній-сходокъ. Ц. 1 к.
Ея же. Почему у насъ требуютъ неприкосновенности личности и жилища. Ц. 1 к.
И. П. Бѣлоконскій. За что и почему?
Его же. На высотѣ своего призванія. Ц. 3 к.
Его же. Деревенская конспирація. Ц. 2 к.
Его же. Голодъ, вырожденіе, вымираніе и невѣжество русскаго народа, какъ слѣдствіе полицейскаго строя. Ц. 3 к.
Д. Сатуринъ. Германскій императоръ и народъ Ц. 3 к.
Его же. Исторія одной стачки. Ц. 4 к.
В. Измайловъ. Мать. Ц. 3 к.
Его же. Какъ мужичокъ нашелъ то, что ему было нужно (Сказка). Ц. 1 к.
Н. А. Кабановъ. Какъ улучшить крестьянское хозяйство. Ц. 4 к.
Послѣдній день Каляева. Ц. 3 к.
Министры—слуги народа. Вып. I. Министры въ самодержавномъ государствѣ. Ц. 3 к.
Взятіе Бастиліи. Ц. 1 1/2 к.
Хаимъ Гершковичъ. Ц. 5 к.
Обзоръ литературы по крестьянскому вопросу. Ц. 5 к.
Ирландецъ Джонъ и голодаевскіе мужики (Не сказка). Ц. 1 1/2 к.
Слово о крестьянской бѣднотѣ. Ц. 10 к.
М. Клочковъ. Крестьянство и воля. Ц. 6 к.
О. Кайданова. Декабристы. Ц. 10 к.
Л. П. Никифоровъ. Смертная казнь. Сборникъ. Ц. 6 к.
Г. К—ша. Національныя мастерскія во Франціи въ 1848 г. Ц. 5 к.
И. Дитятинъ. Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами и „народомъ". Ц. 20 к.
Ник. Рыбацкій. Шестипалый. Ц. 4 к.
Ежъ. На разсвѣтѣ. Состав. Л. А. Бессель. Ц 20 к.
Владиміръ Беренштамъ. Рѣчь защитника поякутскому процессу. Ц. 15 к.
Ав. Бебель. Государство будущаго. Ц. 10 к.
Вас. Брусянинъ. Заразные люди. Ц. 2 к.
Невмоготу. Изд. Н. Θ. Новожилова. Ц. 9 к.
Вкиторъ Гюго. Клодъ Ге. Перев. съ франц. Н. В. Ц 3 к.
Батракъ. Товарищъ, не измѣняй! Ц. 2 к.
Маньковскій. У подножія висѣлицы. Ц. 6 к.
М. Поповъ. Къ біографіи Ипполита Никитича Мышкина. Ц 5 к.
Алексѣй Народоволецъ. Почему крестьяне требуютъ земли и воли. Ц. 3 к.
В. Федоровъ. Къ вопросу о воинской повинности въ Россіи. Ц. 8 к.
О. Мирбо. Крестины. Проповѣдь (2 разсказа). Ц. 1 1/2 к.
П. Кропоткинъ. Что дѣлать? (Къ молодежи). Перев. съ франц. Н. Павловича. Ц. 4 к.
Георгъ Герронъ. Судный день капитализма. Ц. 6 к.
Мих. Львовичъ. Впередъ. Сборникъ стихотвореній и пѣсенъ. Ц. 20 к.
А. Пѣшехоновъ. Основныя задачи аграрной реформы. Ц. 3 к.
Н. Дубровскій. Франція Буржуазія и пролетаріатъ въ іюльскіе дни. (Очерки по исторіи 30 и 40 годовъ XIX ст. въ Западной Европѣ). Ц. 8 к.
С. Я. Надсонъ. Стихотворенія. Ц. 3 к.

Изд. „Донская Рѣчь".

Ламенне. Слово вѣрующаго, подъ ред. Л. П. Никифорова. Ц. 6 к.
И. Франка. Лѣса и пастбища. Ц. 2 к.
Мазовецкій. Политическія партіи въ Польшѣ. Ц. 12 к.
Энрико Малатеста. Въ кофейнѣ. Ц. 7 к.
С. Князьковъ. Какъ начался расколъ русской церкви. Ц. 25 к.
В. Алексѣевъ. Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Ц 20 к.
„Былое", журналъ, издававшійся за границею подъ ред. В. Л. Бурцева. Вып. I. (1900—1902 гг.) Вып II. (1903—1904 гг.). Ц. кажд. вып. 50 к.
Процессъ шестнадцати террористовъ. (1880 г.). Подъ ред. и съ прим. В. Бурцева. Ц. 60 к.

В. Θ Гертцъ. Ариѳметика. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній и самостоятельнаго изученія. Ц. 80 к.
М. Олейникъ. Какъ рѣшить аграрный вопросъ? (Очерки). Ц. 20 к.
М. Назаровъ. Итоги голоднаго года. Изъ журн. Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. 1906 г. № 5.
Юлій Гессенъ. О жизни евреевъ въ Россіи. Записка въ Государственную Думу. Изд. Т-ва „Общественная Польза". Ц. 75 к.

А. Салюччи. Теорія стачки. Перев. съ итальянск. Изд. С. Е. Коренева. Ц. 40 к.

К. Н. Вентцель. Цѣпи невидимаго рабства. Изд. Кн-ва „Посредникъ“. Ц. 5 к.

Ив. С. Абрамовъ. Деревенскіе очерки. Изд. Кн-ва „Свободная жизнь“. Ц. 7 к.

Мангеймскій партейтагъ германской соціалъ-демократіи. Доклады и пренія о массовой стачкѣ съ предисл. П. Орловскаго. Изд. Кн-ва „Интернаціоналъ“. Ц. 25 к.

Автономная организація средней школы.

Максимъ Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламенту. Т. II. Ц. 2 р.

Изданія М. В. Пирожкова.

П. М. Могилянскій. Интернаціоналъ. Ц. 15 к.

Эрнестъ Ренанъ. Апостолы. Пер. Е. В. Святловскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Александръ Трачевскій. Учебникъ новой исторіи. Ц. 1 р. 75 к.

А. П. Щаповъ. Сочиненія, т. I. Ц. 3 р.

В. П. Алексѣевъ. Начало и конецъ самодержавія въ Россіи. Изд. Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. Ц. 15 к.

Изд. Кн—ва „Трудъ и Борьба“:

Ю. Делевскій. Діалектика и математика. Ц. 20 к.

Его же. Къ вопросу о возможности историческаго прогноза. Ц. 25 к.

Карлъ Каутскій. Американскій и русскій рабочій. Перев. съ нѣм. А. Лурье, подъ ред. съ предисл. Б. Авилова. Изд. Т-ва „Знаніе“. Ц. 15 к.

П. Умбрейтъ. Значеніе и задачи центральныхъ бюро профессіональныхъ союзовъ. Перев. съ нѣм. Изд. Кн—ва „Молотъ“. Ц. 30 к.

Задачи соціалистической культуры. Изд. и перев. Б. Ревзина и I. Постмана въ Берлинѣ.

Эд. Давидъ. Соціализмъ и сельское хозяйство. Ц. 20 к.

Г. Линдеманъ. Коммунальная политика соціализма. Ц. 15 к.

А. фонъ-Эльмъ. Соціализмъ и профессіональное движеніе. Ц. 15 к.

Два закона. Изд. Кн—ва „Рабочій народъ“.

В. В. Брусянинъ. Судьба первыхъ депутатовъ. Изд. Кн—ва „Современникъ“. Ц. 20 к.

Эмво. Для чего нужно народное образованіе. Изд. Кн—ва „Вѣрный Путь“. Ц. 4 к.

Всеобщая политическая забастовка на мангеймскомъ партейтагѣ. Рѣчи Бебеля, Легина, Каутскаго, Р. Люксембургъ, Давида и Шмидта. Перев. съ нѣм. Ал. Витина и Л. Жбанкова. Изд. С. Н. Гаврилова. Ц. 25 к.

Іосифъ Дицгенъ. Завоеванія (аквизитъ) философіи и письма о логикѣ. Перев. съ нѣм. П. Дауге и А. Орлова, съ предислов. къ русск. перев. Евген. Дицгена. Изд. П. Г. Дауге. Ц. 1 р.

Сознательная Россія. Сборникъ на современныя темы. 1906 г. № 4. Ц. 20 к.

Книга. Еженедѣльный критико-библіографическій журналъ, № 1. Изд. Книжн. Склада „Земля“. Ц. 10 к.

Справочная книжка объ учрежденіяхъ и заведеніяхъ Дѣтской Помощи въ С.-Петербургѣ. Изд. Союза Учрежденій Дѣтской Помощи.

Экономическое изслѣдованіе маслодѣлія въ Сибири. Изд. Томскаго Юридическаго О—ва. Ц. 1 р.

Статистическія свѣдѣнія о состояніи среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа въ 1905 г.

Хозяйственно-статистическій Обзоръ Уфимской губ. за 1905 г. Матеріалы по текущей статистикѣ. Годъ X. Изд. Уфимской Губерн. Земск. Управы. Ц. 2 р. 25 к.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской Комиссіи народныхъ чтеній за 1905 г.

Отчетъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1905 г.

Отчетъ Херсонской Общественной Библіотеки и двухъ ея отдѣленій за 1905 г.

Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1904 г.

Изданія книгоиздат. „Просторъ“.

М. Пьерро. Синдикализмъ и революція. Пер. съ франц. И. Вѣтрова. Ц. 20 к.

П. Эльцбахеръ. Сущность анархизма. Пер. подъ ред. Мих. Андреева. Ц. 75 к.

Бадуро. Элементы современной механики. Пер. съ франц. А. Цѣхановичъ. Ц. 20 к.

С. Шарпантье. Нищій у порога Европы. Ц. 60 к.

Отклики русской жизни.

Бѣлый терроръ и партизанскія выступленія.

I.

Задача массоваго „нападенія“ ушла вглубь—не то, что силъ не хватило, — такъ можно было характеризовать декабрьскія событія,—просто фантазіи не хватило, просто „сѣрый мужикъ“, до Думы пропитанный насквозь конституціонными иллюзіями, а сейчасъ уже готовившійся къ „осенней кампаніи“, остался у разбитаго корыта. Не только „день оный“ не былъ назначенъ съ высоты, даже частичныя выступленія сколько-нибудь массоваго масштаба пошли на убыль. Разсыпалось то, что было затянуто однимъ узломъ, линія наибольшаго сопротивленія была потеряна...

Однако, если бы понадобилось словомъ охарактеризовать то, что сейчасъ происходитъ между правительствомъ и народомъ, едва нашлось бы понятіе болѣе подходящее, чѣмъ это: „нападеніе“. Движеніе распылилось, ударившись о желѣзо реакціи, — значитъ, не до открытыхъ формъ. Оно ушло въ подполье, какъ уходило въ него два-три года назадъ, какъ вмѣстѣ съ нимъ начинаетъ уходить въ подполье сама старая власть. Возстанія въ смыслѣ „осеннихъ кампаній“, вооруженнаго возстанія не произошло. Но тѣмъ не менѣе передъ нами война, именно вооруженная война.

Воздухъ, полный затаеннаго ужаса... таинственныя исчезновенія людей, зловѣщіе шопоты.. грохотъ адскихъ машинъ, открытые заговоры, способы осуществленія которыхъ совершенствуются съ каждымъ днемъ,—страшна всякая смерть, даже та, послѣ которой вырывается вздохъ облегченія, но что сказать о смерти, организованной въ законъ! Вотъ они, отцы отечества, вытирающіе окровавленныя руки о тексты закона... Точно только для этой цѣли государство мобилизовало всю мощь своей силы, и все дѣло только въ томъ, что у правительства не хватаетъ палачей, и вмѣсто того, чтобы коротко рѣшать „повѣсить“, приходится еще примѣнять „особую милость“...

„Милая мама,—стонуть на одномъ полюсѣ,—передай моимъ друзьямъ, чтобы они не выступали за меня мстителями. Я не хочу никакихъ новыхъ жертвъ" [1]). Исполнители циркуляровъ, эти хищные наслѣдники всего того, что осталось еще въ правительственномъ организмѣ, напротивъ, мстительно смакуютъ кровь, играютъ на нервахъ, берутся за ту роль, отъ которой отказываются послѣдніе отбросы общества... И льется кровь, и, кажется, наступилъ уже день, когда смерть сдѣлалась единственнымъ орудіемъ борьбы съ обѣихъ сторонъ...

Гдѣ же смыслъ этого момента? По словамъ гг. Щегловитыхъ, смыслъ въ томъ, что „революціонные соціалисты составляютъ гусеницу, а анархисты—бабочку, изъ нея образовавшуюся,—такова особенность „политическихъ преступленій",—значитъ отсутствіе казней было бы равносильно „отказу власти защищать своихъ вѣрныхъ слугъ" [2]). Казни, молъ, питаются терроромъ. Обратнаго мнѣнія держится обыватель. Ему кажется, что все дѣло въ пріемахъ власти, что не терроръ питаетъ акты правительственной мести, а правительственная месть терроръ, что если бы власть одумалась, смягчилась, и „онъ" бы пересталъ стрѣлять.

Я одинаково чуждъ и той, и другой точки зрѣнія. Конечно, въ смыслѣ „близости къ истинѣ" противъ этого взаимоотношенія ничего нельзя сказать. Но по существу оно сужаетъ вопросъ, лишая его той общности, въ перспективѣ которой вопросы только и могутъ быть поняты. Взаимоотношеніе вовсе не такъ непосредственно: если бы власть могла отказаться отъ роли палача, то еще вопросъ, стались ли бы прятаться бомбы, и наоборотъ. Вся наивность и казеннаго, и обывательскаго пониманія именно въ томъ, что ни старая власть, ни революціонный народъ въ томъ положеніи, какое сейчасъ создалось и для власти, и для народа, не въ состояніи отказаться отъ вооруженной войны... какъ бы это ни было грустно съ партійно-тактической точки зрѣнія.

II.

Начнемъ съ власти.

Старая власть искони понимала значеніе смертной казни, какъ средства уничтожить своихъ враговъ, борцовъ за свободу и счастье народа. Еще Елизавета Петровна „отмѣнила" смертную казнь за уголовныя преступленія. Разумѣется, въ административной практикѣ смертная казнь была такъ же упразднена, какъ въ свое время отмѣненная пытка. Попрежнему лизались языкомъ горячія печки, приковывались цѣпями,

---

[1]) „Народно-соціалистическое обозрѣніе", сборникъ Х. А. Воеводинъ. „Убійцы-дѣти", стр. 28. Спб. 1907 г.

[2]) „Государственная Дума". Стенографическіе отчеты. 1906 годъ. Сессія первая, томъ II, засѣданіе 29, стр. 1480.

существовали желѣзныя рогатки; попрежнему же палачи одинаковымъ, повидимому, ударомъ кнута умѣли чуть прикоснуться къ тѣлу или переломать спинной хребетъ осужденнаго, попрежнему же число ударовъ нерѣдко превышало не только узаконенную, но и смертельно-предѣльную норму. Удары при прогнаніи через строй давались иногда въ количествѣ 10—12000; между тѣмъ половины ихъ достаточно, чтобы забить на смерть... Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что Елизавета Петровна осудила смертную казнь, какъ такую, которая недостойна лишь убійцъ и воровъ, „съ которыми надо было бороться"—по мнѣнію ея, „не суровыми наказаніями, еще менѣе смертными казнями, а исправленіемъ народныхъ нравовъ". Эту „отмѣтку" подтвердилъ и Николай I. Только... одну категорію и Елизавета Петровна, и Николай I отказались включить въ свой законъ: крамольниковъ, тѣхъ, кто желалъ для народа свободу.

Не значило ли это сказать жителямъ злополучной страны—спрашиваетъ Бьерностерне-Бьернсонъ: „Если ты нарушаешь законъ съ цѣлью обогащенія, удовлетворенія ненависти, мщенія, низменныхъ аппетитовъ, похоти, жажды крови,—ты останешься въ живыхъ. Но если ты нарушаешь законъ, чтобы спасти общество, проникнутое убѣжденіемъ, что служишь милліонамъ людей, не заботясь объ опасности, какой себя подвергаешь, то за это ты умрешь" [1]). Едва ли тогдашніе законодатели такъ уже сознавали, что, присуждая къ смерти революціонеровъ, они тѣмъ самымъ вызываютъ уменьшеніе высокихъ чувствъ, принижаютъ духовный уровень націи. Приговаривая къ смерти такихъ людей, какъ Радищевъ, Оболенскій, Кюхельбекеръ, Волконскій, Никита Муравьевъ, Трубецкой, Пущинъ; вѣшая Пестеля, Рылѣева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, Каховскаго; разстрѣливая Бочарова, Голикова, Бондарева, добиваясь послѣ польскаго возстанія сразу 249 казней, тогдашняя власть такъ же мало уясняла себѣ истинный смыслъ этихъ „злодѣйствъ", какъ мало сомнѣвалась въ своихъ прерогативахъ. Она знала, что ей опасаться еще нечего, что это еще отдѣльныя лица. Вотъ, что читаемъ мы, напр., въ правительственномъ сообщеніи по дѣлу петрашевцевъ, по которому кромѣ самого Петрашевскаго, было приговорено еще 18 человѣкъ: „Въ Россіи, гдѣ святая вѣра, любовь къ монарху и преданность къ престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа и доселѣ хранятся неколебимо въ сердцѣ каждаго, только горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большей частью молодыхъ и безнравственныхъ, мечтала о возможности попрать священнѣйшія права религіи, закона и собственности. Дѣйствія злоумышленниковъ могли бы только тогда получить опасное развитіе, если бы бдительность правительства не открыла зла въ самомъ началѣ". Итакъ, и „природныя свойства народа",

---

[1]) „Противъ смертной казни". Сборникъ статей подъ редакціей М. Н. Гернета, О. Б. Гольбовскаго и И. Н. Сахарова. Письмо Бьернстерне-Бьернсонъ. Москва, 1906 г., стр. 295.

доселѣ хранящіяся неколебимо, и ничтожные размѣры зла, и если тѣмъ не менѣе и Елизавета Петровна, и Николай I оставляли себѣ право на жизнь именно „этихъ подданныхъ", то таковъ уже инстинктъ власти, которой менѣе подозрительна тысяча воровъ, тысяча грабителей, чѣмъ одинъ подданный, начавшій критиковать ея авторитетъ...

Таковъ былъ инстинктъ дореформенной власти. Таковъ онъ былъ и въ „освободительную" эпоху. „Великія реформы" не только не мѣшали вѣшать и разстрѣливать противниковъ старыхъ порядковъ. Наоборотъ, можно сказать, годы реформъ были годами наибольшаго примѣненія смертной казни. Первый годъ освобожденія открывается разстрѣломъ крестьянина Петрова за крестьянскіе безпорядки. За нимъ слѣдуютъ офицеръ Арнгольдъ, офицеръ Сливицкій, юнкеръ Востковскій, приговоренные въ 1862 году къ разстрѣлу за храненіе и распространеніе между солдатами брошюръ „возмутительнаго содержанія", не говоря уже о тѣхъ приговоренныхъ, которымъ казнь замѣнена каторгою. Въ 1863 году являются жертвы польскаго возстанія; офицеръ Ушаковъ приговаривается къ смерти „за распространеніе вредныхъ идей между рабочими". Въ 1864 году въ Казани разсматривается дѣло о такъ называемомъ „казанскомъ заговорѣ", по которому 6-го іюня были разстрѣляны штабсъ-капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ, подпоручикъ Станкевичъ и дворянинъ Кеневичъ. По тому же дѣлу въ 1865 г. былъ разстрѣлянъ оф. Черякъ. Наконецъ, въ 1866 году попадаетъ на висѣлицу Дм. Каракозовъ. Такъ, даже царь, который въ отличіе отъ другихъ русскихъ царей назывался „царемъ-освободителемъ, какъ и Елизавета Петровна, Александръ I, Николай I, даже въ минуты своихъ „увлеченій", превращалъ смерть въ орудіе политической борьбы, въ самыхъ „освободительныхъ" актахъ подчеркивая, что смерть въ Россіи есть не наказаніе, а образъ правленія, что послѣдній негодяй имѣетъ болѣе права на жизнь, чѣмъ тотъ, кто отрекся отъ этого образа правленія.

Такъ проявляло правительство свою власть надъ своими подданными въ доброе старое время. Согласитесь, теперь можемъ мы сказать, что можно даже вѣшать... добродушно. Это такъ, мы должны признаться, что „образъ правленія" добрыхъ старыхъ нашихъ правителей по сравненію съ теперешнимъ былъ именно добродушенъ. Режимъ Николая I или Александра II былъ силой, которая, какъ всякая сила, была увѣрена въ каждомъ своемъ шагѣ, которой стоило снять двѣ-три молодецкія головы для того, чтобы новыя долго-долго не выростали взамѣнъ отрубленныхъ. Ни отрубленныя, ни вновь выросшія не выдвигали еще серьезно вопросъ о смертной казни, какъ о методѣ, единственномъ въ своемъ родѣ. Власть не представляла собой еще военный станъ, не писала указы сатрапамъ завоеванныхъ областей: „молъ, плѣнныхъ не имѣть, живьми не брать", а если брать въ видѣ заложниковъ, то съ тѣмъ, чтобы при первомъ осложненіи между сторонами под-

вергнуть разстрѣлу. Увѣренной въ себѣ, въ своихъ слугахъ, на которыхъ она каждую данную минуту опиралась то здѣсь, то тамъ, то въ центрѣ, въ который только что поступилъ доносъ, то на мѣстахъ, никогда не санкціонированныхъ отъ всякаго рода неожиданностей, ей достаточно было обычнаго способа предупрежденія и пресѣченія преступленій, „удаленія изъ общества", всѣхъ этихъ предварилокъ, участковъ, клоповниковъ, затѣмъ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, крѣпостныхъ казематовъ, наконецъ, мѣстъ не столь отдаленныхъ вплоть до ледяныхъ тундръ включительно, чтобы обезвредить себя отъ кучки крамольниковъ, возстановить неприкосновенность той основы, которой грозила опасность быть поколебленной. Да и была ли еще опасность! Косна человѣческая личность; неимовѣрныхъ усилій, въ самомъ дѣлѣ неисчерпывающихся индивидуальной обстановкой, требуется для того, чтобы сколько-нибудь сдвинуть личность съ разъ сложившагося психическаго уклада. Если же такъ обстоитъ дѣло съ отдѣльной личностью, то что сказать о цѣломъ такъ называемомъ обществѣ, которое отдѣльные смѣльчаки пытались тогда сдвинуть съ насиженнаго обывательскаго благополучія въ водоворотъ борьбы. Власть не могла не понимать, что общество того времени или не понимало, или прямо не сочувствовало, напр., террористическимъ выступленіямъ революціонеровъ. Это была еще твердая власть...

Совершенно иное та политика кровавой анархіи, которая подготовлялась уже съ 9-го января и вступила въ полный разгулъ именно съ того дня, когда съ наибольшей яркостью обозначились шансы революціонной Россіи. Ошибается тотъ, кто держится того мнѣнія, что правительство всегда произносило свои приговоры надъ борцами народа безъ извѣстнаго разсчета. О, нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока оно чувствовало подъ собой сколько-нибудь твердую почву, пока оно разсчитывало, что есть еще возможность обходиться „своими средствіями", оно, конечно, не упраздняя самаго права — какъ можно упразднить „образъ правленія?"—тѣмъ не менѣе сознательно стремилось, по возможности, обходиться безъ смертныхъ приговоровъ. Мы видимъ цѣлыя десятилѣтія, въ теченіе которыхъ власть не произноситъ ни одного смертнаго приговора: таковы двѣнадцатилѣтіе съ 1846 по 1878 г., девятидесятые годы. Репрессіи не только не прекращались, но неизмѣнно росли. По ничтожному поводу люди ссылались въ Нарымскій край, запирались въ централки безъ суда, безъ срока, безъ слѣдствія, а все-таки было что-то, что задерживало на прокурорскихъ устахъ многіе смертные приговоры, что заставляло власть обставлять самые приговоры обстановкой особой „законности", точно власть сама не была въ полной мѣрѣ увѣрена въ таковой. Что-то какъ будто водя ея рукой всякій разъ, когда дѣло касалось жизни гражданина, сообщало кровавымъ подвигамъ того времени свою суровую, свою непреклонную закономѣрность...

Русское правительство, какъ всякая власть, конечно, достаточно плохо

видитъ даль, видитъ близоруко, но то, что дѣлалось подъ носомъ, оно всегда схватывало чисто практическимъ чутьемъ, котораго никогда не чужды реакціонеры, и если оно сейчасъ рѣшилось дѣлать то, что дѣлаетъ въ области репрессій, то это, безъ сомнѣнія, потому, что ему больше нечего терять, что это—единственный путь, какимъ оно въ состояніи еще поддерживать свои силы. Значитъ, пропасть, отдѣляющая сферы правящія и управляемыя, выросла въ такой степени, что приходится прямо ставить вопросъ—не о правительствѣ и народѣ, а о двухъ враждующихъ лагеряхъ, изъ которыхъ всѣ преимущества на сторонѣ одного, „нападающаго", потому что у него штыки и пулеметы, всѣ же недостатки на сторонѣ другого, обороняющагося, ибо у него все еще... лишь рѣчи. Значитъ, корабль реакціи, который вчера еще такъ гордо расправлялъ свои члены, сообщая мановеніемъ руки высочайшему революціонному акту значеніе героизма отчаянія, самъ потерялъ равновѣсіе подъ напоромъ этихъ самыхъ актовъ... Ему ли изображать изъ себя еще представителя „законности"? Логика взаимнаго столкновенія живыхъ политическихъ силъ подсказываетъ ему, что вопросъ идетъ лишь о жизни и смерти, лишь о крайнемъ отчаянномъ рѣшеніи, томъ безпредѣльномъ размахѣ, который проявляется на краю ямы. Такъ игрокъ рѣшается послѣдней ставкой оттянуть моментъ...

Вотъ краеугольное различіе между тогдашнимъ правительственнымъ терроромъ и современнымъ. Были смертныя казни, но не было политики смерти,—тогдашній разстрѣлъ лишь сообщалъ должный привкусъ обычнымъ способамъ пресѣченія...

III.

Обывательское толкованіе творчества гг. Дубасовыхъ, Миновъ, Меллеръ-Закомельскихъ сводится къ тому, что, молъ, цѣль ихъ — обуздать страхомъ революціонеровъ. Съ этой точки зрѣнія обыватель готовъ семь разъ въ недѣлю повторять, что это—глубокая ошибка, свидѣтельствующая о недомысліи, что ждать цѣлесообразныхъ результатовъ отъ такихъ наказаній нелѣпо; что жестокія кары не только не улучшали людей, а лишь озлобляли, не только не удерживали ихъ отъ нарушенія законовъ, человѣческихъ и божескихъ, но, наоборотъ, побуждали ихъ на повѣшеніе отвѣчать ножомъ, на массовыя казни—бомбой, доказывая тѣмъ самымъ, что мечомъ убивающій отъ меча и погибнетъ... Только гг. пулеметчики все не берутъ въ толкъ...?

Въ чемъ же недоразумѣніе? Что устрашеніе, какъ цѣль смертной казни, не достигаетъ цѣли, едва ли можетъ подлежать спору. Смерть могла бы пугать, если бы, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Э. Бернштейнъ, у приговариваемыхъ была еще та вѣра въ вѣчныя мученія ада, ко-

торая господствовала во времена средневѣковыхъ казней. Этого, конечно, нѣтъ. Во-вторыхъ, дѣйствительно, ничто такъ не научаетъ циничному презрѣнію къ жизни, какъ чужая кровь, никогда такъ мертвые не начинаютъ господствовать надъ живыми, какъ въ царствѣ крови. Смерть, какъ наказаніе, какъ средство возмездія, безсильно, безсмысленно съ самой утилитарной точки зрѣнія. Только что даетъ кому-либо право предполагать, что эти истины такъ уже малодоступны именно тѣмъ, кто имѣетъ непосредственный практическій опытъ? Вотъ уже 100 лѣтъ, какъ старая власть стремится потопить въ крови идею, ихъ носителямъ сообщить ореолъ мучениковъ,—развѣ былъ моментъ, когда бы кровь не рождала кровь, когда бы мертвецы не возвращались, развѣ такого опыта недостаточно для того, чтобы придти къ неизбѣжнымъ выводамъ? Дѣло въ томъ, что настоящія казни нельзя разсматривать съ *юридической* точки зрѣнія...

Было время, когда власть, казня, стремилась создать задерживающій центръ. Вспомните конецъ семидесятыхъ годовъ, затѣмъ восьмидесятые, процессы Ковальскаго, Соловьева, Осинскаго, событіе перваго марта, процессъ 16-ти, процессъ 193-хъ и пр., когда въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ были учреждены генералъ-губернаторства, а прежнимъ предоставлены новыя полномочія, когда открылись военные суды, приговоры которыхъ и утверждали эти генералъ-губернаторы,—тогда правительство ставило цѣлью устрашеніе революціонеровъ, только устрашеніе. Такова была система. Но обратите вниманіе хотя бы на внѣшнюю сторону. Какъ извѣстно, эти годы—годы кровавые по преимуществу. Что же мы видимъ? Вотъ цифры. Въ 1878 г. былъ разстрѣлянъ за вооруженное сопротивленіе жандармамъ одинъ Ковальскій, въ 1879 г. повѣшены офицеръ Дубровинъ, Брандиеръ, Антоновъ, Осинскій, Горскій, Бильчанскій, Федоровъ, Чубаровъ, Лизогубъ, Давиденко, Виттенбергъ, матросъ Логовенко, Малинка, Дробезгинъ, Майданскій, Соловьевъ. Въ 1880 г. были повѣшены пятеро: Розовскій, Лозанскій, Молодецкій, Квятковскій, Прѣсняковъ. Смертная казнь замѣнена каторгой восьмерымъ. Въ 1881 г. повѣшены: Желябовъ, Михайловъ, Кибальчичъ, Рысаковъ, Перовская, Легкій (за убійство тюремнаго надзирателя), не приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ четырьмя. Въ 1882 г. повѣшены трое:—отставной лейтенантъ Сухановъ, Желваковъ, Халтуринъ, замѣненъ приговоръ каторгой по отношенію къ 12 обвиняемымъ. Въ 1883 г. разстрѣлянъ учитель гимназіи Неустроевъ, семь приговорены къ заключенію въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ всѣ умерли. Въ 1884 г. разстрѣляны Мышкинъ и Минаковъ за оскорбленіе надзирателя въ Шлиссельбургской крѣпости, затѣмъ Рогачевъ, бар. Штромбергъ, шестеро приговоренныхъ заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ 1885 г. повѣшены Лисянскій, Бордовскій, мировой судья, быв. студентъ Куннукій, Петрусинскій, Оссовскій (послѣдніе два по дѣлу „Пролетаріата"), рабочій Оссовскій. Въ 1886 г. повѣшенъ раб. Ковалевскій, въ 1887 г.—за по-

кушеніе на жизнь Александра III—студенты: Генераловъ, Осипановъ, Ульяновъ, Андреюшкинъ и Шевыревъ, 7-ми обвиняемымъ по дѣлу Лопатина повѣшеніе замѣнено каторгой. Въ 1888 г. былъ приговоренъ къ повѣшенію Оржихъ, но ни одна смертная казнь не состоялась. Въ 1889 г. за вооруженное сопротивленіе властямъ повѣшены Зотовъ, Коганъ-Бернштейнъ, Гаусманъ. Вотъ цифры, которыя въ свое время казались небывалыми, грандіозными... Наибольшій процентъ приходится на 1879 годъ, когда было разстрѣляно 15 человѣкъ, затѣмъ онъ начинаетъ опускаться. Что же? Подавила власть молодую рѣшимость, утопила идею? Исторія даетъ на это вполнѣ недвусмысленный отвѣтъ: та грань, которая отдѣляла восьмидесятые годы отъ девятидесятыхъ, отдѣляла не только смертные приговоры отъ несмертныхъ. Она знаменуетъ совершенно новый идейный подъемъ, совершенно новую фазу движенія... Но... опять-таки не въ этомъ дѣло. Допустимъ, 3—4—5—6 казней въ годъ въ состояніи влiять на революціонное возбужденіе въ желательнымъ духѣ, что 3—4—5 казней въ годъ недостаточно, чтобы „подлецъ-человѣкъ“ привыкъ къ нимъ, какъ онъ ко всему привыкаетъ, по словамъ Достоевскаго. Но поставьте тогда рядомъ съ этими цифрами какой-нибудь „современный“ итогъ...

Ну, хотя бы тотъ періодъ революціи, который предшествовалъ первой Думѣ—періодъ съ 9-го января по 27-ое апрѣля. Возьмемъ единственно казни по приговорамъ, казни совершившіяся (о 27 приговорахъ, не приведенныхъ въ исполненіе, и 8, судьба которыхъ осталась намъ неизвѣстной, въ 1905 году и 48 приговорахъ отмѣненныхъ и 51, результатъ которыхъ намъ не удалось установить, за первые 4 мѣсяца въ 1906 году не говоримъ). 1905 г. *Разстрѣляны*: за покушеніе на убійство начальника дисциплинарнаго батальона въ Херсонѣ рядовыхъ; за безпорядки на „Прутѣ“ и пр. въ Севастополѣ 5 матросовъ; *повѣшены*: 12 человѣкъ, въ томъ числѣ Иванъ Каляевъ, Хаимъ Гершковичъ, рядовой Мочедлоберъ, покушавшійся на убійство командира полка. За 1906 г. янв., февр., мартъ, апрѣль *разстрѣляны*: за принадлежность къ боевой организаціи анархистовъ-коммунистовъ четверо, за вооруженное возстаніе лейт. Шмидтъ, кондукторъ Частникъ, командоръ Антоненко, машинистъ Гладковъ, кромѣ того, 26 человѣкъ. *Повѣшены*: за убійство Богдановича въ Тамбовѣ раб. Катинъ, за покушеніе на Курлова Пулиховъ, за убійство ген. Грязнова въ Тифлисѣ Джорбжіашвили, кромѣ 39 человѣкъ.

Вотъ... Въ теченіе одного 1905 были разстрѣляны 9 человѣкъ, повѣшены—12. За первые 4 мѣсяца 1906 года разстрѣляны 34 человѣка, повѣшены—37. Надо ли добавлять, что эти числа неточны, что нѣтъ никакой возможности возстановить имена всѣхъ казненныхъ даже по приговорамъ? Однако, полагаемъ, даже неточныя цифры достаточно имѣть передъ собой, чтобы убѣдиться, насколько мало можетъ здѣсь идти рѣчь о казни, въ смыслѣ наказанія. Самыя цифры вопіютъ противъ, свидѣтельствуя, что

если можно здѣсь говорить о чемъ-либо, то отнюдь не о боязни, а о небоязни смерти. Невольно приходится заподазривать иные мотивы, руководящіе явными и тайными пулеметчиками, стоящими во главѣ административной арміи, или плохо скрытый планъ заговора,—изъ тѣхъ, которые уже не разъ всплывали на поверхность, или, наконецъ, чувство мести, желаніе насладиться муками врага, котораго побѣдить въ равномъ бою нельзя, который поэтому рано или поздно неизбѣжно самъ одержитъ побѣду... Словомъ, безцѣльность юридической санкціи очевидна.

Но то, что кажется подозрительнымъ, становится прямымъ и яснымъ, когда вспомнишь, что разница въ приговорахъ лишь одна разница обоихъ моментовъ, которые подлежатъ нашему сравненію. Для того, чтобы въ полной мѣрѣ представить себѣ все различіе, вспомнимъ, что огромное большинство людей покончили земные счеты за этотъ періодъ отнюдь не по приговорамъ. Безъ разбора, безъ права протеста... Смертные приговоры приходились, ну, одинъ-два въ недѣлю, десять дней. Жертвы же Дубасова, Римана, Орлова, Ренненкампфа и пр. гибли ежечасно. По даннымъ московскаго медицинскаго бюро, съ 7 по 17 декабря однихъ убитыхъ въ Москвѣ было 548 чел., въ числѣ ихъ 10 маленькихъ дѣтей отъ 1—5 лѣтъ. По тѣмъ неполнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются, Риманомъ казнено: на ст. Сортировочной 33 чел., въ Перовѣ—73, въ Люберцахъ—14, въ Ашитковѣ—3, въ Голутвинѣ—27, итого 150 чел. Судя по одной прибалтійской газетѣ, лишь въ Лифляндской губ., лишь за январь казнено 400 чел. Попробуйте подвести итогъ всей дѣятельности ген. Орлова, всему, что творилось Ренненкампфомъ и Меллеръ-Закомельскимъ, приказывавшими въ Сибири на могилы казненныхъ вывозить нечистоты со станціи; Алихановымъ, разрушавшимъ на Кавказѣ города, мѣстечки, деревни до основанія... Только педантъ, который за внѣшней формой не видитъ живого содержанія, разрываетъ эти два потока карательнаго творчества—убійства по суду, по закону и убійства по прихоти флигель-адъютанта, генералъ-губернатора, даже полицейскаго или кавалерійскаго офицера. Какъ извѣстно, указаніе, которымъ руководились Минъ, Ренненкампфъ и пр., гласило: дѣйствовать безпощадно, арестованныхъ не имѣть, согласно циркуляру самого тогдашняго премьера:—крамольниковъ сотни и тысячи, а сотни и тысячи судить невозможно. Согласитесь, при такихъ указаніяхъ не можетъ быть иллюзій. Можетъ ли идти рѣчь о чемъ-либо, что предполагаетъ так или иначе исправленіе, возстановленіе добраго имени тамъ, гдѣ преслѣдуется цѣль одна—уничтоженіе ради уничтоженія. Ген. Алиханову въ деревню, изъ которой не являлся хоть одинъ новобранецъ, посылалъ отряды изъ 400 казаковъ при 4 пушкахъ, которые должны были бомбардировать селеніе до тѣхъ поръ, пока оно вмѣстѣ съ его обитателями не будетъ разрушено до основанія.—Согласитесь, и здѣсь трудно говорить о „правовомъ“ актѣ государственной власти. Это—война, гра-

жданская война. Это, съ одной стороны, „нападающая", съ другой—обороняющаяся сторона. На войнѣ ни одна сторона не ставитъ себѣ цѣлью „наказать" другую, а прямо беретъ область; на войнѣ никто не можетъ отказаться отъ пули и штыка, какъ единственныхъ орудій борьбы, ибо другого способа завоеванія военная техника не знаетъ. Такъ и здѣсь. Старая власть завоевываетъ область за областью, отказавшейся признать ея авторитетъ, такъ сказать, „собираетъ Русь", какъ говорили въ старину. Одно осталось, выражаясь медицинскимъ терминомъ,—кровопусканіе. И вотъ слѣдуютъ провокаторскіе акты, цѣль которыхъ выманить на улицу наиболѣе сознательные элементы революціонной Россіи для того, чтобы воспользоваться удобнымъ предлогомъ, перестрѣлять революціонеровъ. Вспомните день 9-го января, октябрьскіе дни, когда цѣлый рядъ исполнителей правительственныхъ предначертаній какъ бы по одному плану усѣивали улицы и площади россійскихъ городовъ трупами, вспомните еврейскіе погромы, пріобрѣвшіе столь яркій политическій смыслъ, наконецъ, „бостонки" жандармскихъ правленій, тайныя типографіи г. Вуича... Правительство воюетъ, можетъ быть, не совсѣмъ такъ, какъ оно воевало съ японцами, но тѣмъ не менѣе воюетъ... Это такъ ясно слѣдуетъ изъ подвиговъ гг. Миновъ и Орловыхъ. Почему же подвиги гг. Павловыхъ могутъ быть оцѣниваемы съ иной точки зрѣнія? Нѣтъ, смертные приговоры гг. Павловыхъ уже не имѣютъ прежнихъ цѣлей, цѣлей добраго стараго времени; они являются частью той анархіи, которую правительство несетъ взамѣнъ какого бы то ни было правового порядка.

IV.

Иллюстраціей нашей мысли является роль Думы въ вопросѣ о смертной казни, которая уже сконцентрировала около себя многія нити народной жизни, противопоставила правительственному механизму объединенный народный центръ.

Давно извѣстно, что собственно русскіе люди цѣнили и цѣнятъ свое правительство. Когда отъ края до края проносится какой-нибудь освободительный лозунгъ, вѣрьте, это кучка инородцевъ, это предательское золото, ничего общаго съ истинно-русскимъ духомъ не имѣющее. Русскій человѣкъ... бьетъ своихъ депутатовъ... Еще въ знаменитые октябрьскіе дни пронеслось по странѣ: „не обагряйте страну кровью защитниковъ свободы", и съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы въ печати ли, на митингѣ ли на съѣздѣ—всюду, гдѣ только люди получали возможность общенія—не раздавался этотъ кличъ. Вѣдь нѣтъ народа, который, сбрасывая съ себя цѣпи вѣкового самодержавнаго гнета, не вспомнилъ бы прежде всего объ отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія. Такъ была она отмѣнена во Франціи въ 1848 году, въ цѣломъ рядѣ германскихъ госу-

дарствъ до тѣхъ поръ, пока темныя силы не всплыли вновь на поверхность въ этихъ государствахъ. Такъ было въ Швейцаріи. Но... что нашему правительству примѣръ Франціи или Швейцаріи? Развѣ истинная Россія сливалась для нея въ одномъ крикѣ? То былъ революціонный пролетаріатъ, который во всѣхъ странахъ является прежде всѣхъ бойцомъ за отмѣну смертной казни. Но мнѣніе власти о пролетаріатѣ не нуждается въ комментаріяхъ. Не мнѣніе ли студентовъ и курсистокъ считать ему мнѣніемъ Россіи! Вѣдь рядомъ съ пролетаріатомъ протестъ энергично шелъ и изъ учащихся круговъ. Конечно, просматривая протесты противъ смертной казни, вы находите и прямыхъ представителей общества—союзъ союзовъ, группу гласныхъ Москвы, гражданъ Ялты и Алтики, партію „народной свободы" и пр., и пр., [1])—но что значили всѣ эти протесты, пока были гласные (московская дума), которые называли измѣнниками всѣхъ, требовавшихъ помилованія севастопольскихъ матросовъ! Вотъ мнѣніе страны... Каждый разъ, когда раздавалось по странѣ: „довольно крови!", гг. Щегловитовы и Павловы указывали на собраніе землевладѣльцевъ, „хладнокровно выслушивающее кровожадную рѣчь своего члена, который даже наше военное положеніе находитъ игрой и предлагаетъ вѣшать всякаго, кто потушитъ фонарь на улицѣ". Вотъ „достойнѣйшіе, довѣріемъ народа облеченные" люди! Кто убѣдитъ гг. министровъ въ противномъ?..

И вотъ пришлось убѣдиться осязательно, безповоротно...

§ 1. Смертная казнь отмѣняется.

§ 2. Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами (уголовное уложеніе, уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, воинскій и военно-морской уставы о наказаніи) установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ [2]).

Вотъ статьи, которыя были приняты, когда со всѣхъ концовъ страны собрались дѣйствительно „достойнѣйшіе", дѣйствительно облеченные довѣріемъ народнымъ. Вотъ два пункта, удовлетвореніе которыхъ требовалось сейчасъ, сію минуту, ибо „дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ является попраніемъ основныхъ нравственныхъ началъ и въ глазахъ страны будетъ не актомъ правосудія, а убійствомъ", и въ Думѣ, среди тѣхъ, кого самъ царь называлъ представителями страны, не нашлось ни одного оратора, который бы поднялъ голосъ въ защиту смертной казни. Вотъ когда старая и новая Россія, съ одной стороны, авторитетъ пули и штыка, съ

---

[1]) Протесты противъ смертной казни перечислены въ сборникѣ „Противъ смертной казни" (подъ редакціей М. Н. Гернета, О. Б. Гольбовскаго и И. Н. Сахарова). Москва. 1906 г.

[2]) „Государственная Дума". Стенографическіе отчеты. 1906 г. Первая сессія, т. II, засѣданіе 29-е. Спб. Государственная типографія.

другой—авторитетъ народной воли, авторитетъ центра, стянувшаго цѣлую сѣть народныхъ силъ, стали лицомъ къ лицу!

Такъ характерна самая сцена, разыгравшаяся 19-го іюня и облетѣвшая, благодаря новымъ „послабленіямъ“ въ области печати, всю Россію до „самаго сѣраго мужика“... Слово предоставляется главному военному прокурору генералу Павлову. Лишь только онъ появляется на трибунѣ, раздаются громкіе клики: „Палачъ, долой, не будемъ слушать вѣшателя, палача Шмидта! Долой, долой“. Прокуроръ неподвижно стоитъ на трибунѣ. Предсѣдатель усиленно звонитъ и говоритъ: „Если крики продолжатся, придется закрыть засѣданіе“. Шумъ и волненіе усиливаются, предсѣдатель прерываетъ засѣданіе. Депутаты встаютъ съ мѣстъ. Предсѣдатель и прокуроръ одновременно покидаютъ трибуну. Какъ только прокуроръ показывается изъ-за колонны, тѣ же крики наростаютъ съ новой силой. Наконецъ, прокуроръ подъ тѣ же крики: „вонъ долой“, покидаетъ залъ [1]). Вольно или невольно, даже „думское большинство“ проявило себя въ конкретномъ актѣ. Выйдя изъ „предѣловъ парламентаризма“, въ которыхъ оно все стремилось удержать Думу, противопоставило себя правительству рѣшительно, рѣзко... Да что большинство? Повторяемъ, ни одного „достойнаго“ не нашлось за смертную казнь...

Теперь допустите на мигъ невозможное, допустите, что это страна высказала правительству, которое еще держитъ бразды правленія по-настоящему, ну, 25-30 лѣтъ назадъ. Неужели слова такъ-таки никакого давленія не оказали бы? Неужели правительство, если бы не умѣрило свой пылъ, то стало бы удваивать, утраивать его? Вся дума вся страна—ясно...

Что же отвѣтило правительство г. Горемыкина?

Подобно тому, какъ въ стѣнахъ Таврическаго дворца въ свое время прозвучало: ни земли, ни воли, такъ теперь было заявлено прямо, открыто: какъ бы ни смотрѣла страна, въ глазахъ правительства смертная казнь была и останется символомъ его власти; оно, молъ, сумѣетъ доказать, насколько покуситься на это право, значитъ посягнуть на самую власть. Такъ оно заявило и, дѣйствительно, послѣ разгона Думы сумѣло дойти до такой степени совершенства, дальше которой идти уже, кажется, незачѣмъ. Такимъ образомъ, оказывается, Дума съ ея рѣшимостью не только не явилась какимъ-либо задерживающимъ центромъ, но совершенно наоборотъ: явилась тѣмъ факторомъ, который подлилъ масла въ огонь въ высшей мѣрѣ. Пока Дума продолжала засѣдать, министры лишь посмѣивались: напр., Дума дѣлаетъ запросъ о 8 рабочихъ, приговоренныхъ прибалтійскимъ ген.-губернаторомъ, а въ это время казнь уже оказывается

[1]) См. газеты отъ 20-го іюня. Въ стенографическій отчетъ эта сцена не попала, такъ что читатель не сразу оріентируется.

совершенной; то же по отношенію въ приговоренному военнымъ судомъ Яну Марчевскому [1]). Но министры еще сами не уяснили себѣ, каковы силы, которыми располагаетъ народная воля, представленная въ Думѣ, какова организація этихъ силъ. Не мало было споровъ и колебаній въ придворныхъ сферахъ, прежде чѣмъ вопросъ о разгонѣ былъ рѣшенъ. Но только вопросъ былъ рѣшенъ, какъ всѣ силы ада, кажется, собрались, чтобы совершить свой судъ, всѣ черныя звѣриныя силы, на царство коихъ были занесены руки разогнанныхъ депутатовъ. Полюбуйтесь, въ самомъ дѣлѣ.

Минуя знаменитый судъ въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ по дѣлу о безпорядкахъ послѣ разгона Думы, по которому 17 нижнихъ чиновъ и 3 штатскихъ были разстрѣляны, съ одной стороны, съ другой—поручики Емельяновъ и Каховскій, 24 нижнихъ чиновъ и 3 штатскихъ (кромѣ того, съ 13-го іюля по 26-ое августа казнено 29 человѣкъ, въ томъ числѣ 17 матросовъ въ Ревелѣ), наконецъ, цѣлый рядъ приговоровъ, судьба которыхъ намъ неизвѣстна, обратимся прямо къ истинно-русскому дѣтищу покойнаго Павлова, которое, съ Божьей помощью, продолжаетъ свою адскую работу разрушенія до сего дня. Пусть говорятъ цифры...

Чтобы перечень не затянулся, не будемъ называть именъ, но будемъ говорить о дѣлахъ. Итакъ, *августъ* [2]): 26-го казнены три человѣка въ Митавѣ, 28-го повѣшена Коноплянникова, 29-го казнены 13 человѣкъ въ Митавѣ, Ригѣ, Одессѣ, 31-го разстрѣляны двое въ Ригѣ.

Въ слѣдующей табличкѣ верхній рядъ цифръ обозначаетъ числа мѣсяца, остальные—число казней, падающихъ на данное число.

	1-го	2-го	3-го	4-го	5-го	6-го	7-го	8-го	9-го	10-го	11-го	12-го	13-го	14-го	15-го
Сентябрь. .	3	2	4	2	21	6	2	2	5	5	8	10	3	6	5
Октябрь. . .	2	1	25	12	6	6	4	4	8	3	1	2	4	11	5
Ноябрь . . .	9	15	6	—	—	7	13	6	5	4	20	4	10	6	10

	16-го	17-го	18-го	19-го	20-го	21-го	22-го	23-го	24-го	25-го	26-го	27-го	28-го	29-го	30-го	31-го
Сентябрь	2	1	9	11	17	35	14	4	13	1	5	19	9	2	12	—
Октябрь	5	1	16	6	4	5	16	6	20	5	6	5	1	5	1	2
Ноябрь	12	3	10	7	15	2	10	4	4	4	3	2	10	13	10	—

Но продолжить ли? Не поставимъ ли точку? За 3 мѣсяца 4 дня 685 казней, не считая приговоровъ, о судьбѣ которыхъ не сообщалось! Сравните по мѣсяцамъ: цифра іюня въ іюлѣ поднимается въ 4 раза,

---

[1]) Вслѣдъ за самымъ постановленіемъ былъ разстрѣлянъ Марковскій въ Либавѣ. Приговоры слѣдовали одинъ за другимъ.

[2]) Перечень составленъ по газетамъ, „Современной Лѣтописи" въ журналѣ „Былое" и сборникамъ „На очередныя темы" и „Новая Мысль".

затѣмъ въ 2, затѣмъ въ 3! Сравните по днямъ: на первые дни расправы въ среднемъ приходится по 3 казни, затѣмъ по 7, затѣмъ по 10, затѣмъ по 11 и т. д.! Разстрѣливаютъ лейтенанты, поручики, прокуроры, разстрѣливаютъ всѣхъ—дѣтей, женщинъ, стариковъ по „закону", безъ закона, по „печальному недоразумѣнію", разстрѣливаютъ за все—за нападенія на должностныхъ лицъ, за преступленія противъ собственности—т. н. „экспропріаціи", за агитацію, за безпорядки въ тюрьмахъ, за храненіе взрывчатыхъ снарядовъ. Что же это? Какъ же это Дума, въ „успокоительной" роли которой такъ было увѣрено цѣлое крыло русской соціалъ-демократіи,—почему такая Дума послужила тѣмъ пунктомъ, послѣ котораго старая власть сочла возможнымъ окончательно содрать фиговый листокъ, прикрывавшій священное право ея надъ жизнью каждаго крамольника, хотя бы для этого пришлось вступить въ бой со всѣмъ народомъ?

Очень просто. Значеніе Думы, которая какъ-никакъ собиралась даже опубликовать обращеніе къ народу, было въ томъ, что она открыто противопоставила себя старой власти. Какъ ни увѣряли себя кадеты, что такой шагъ присвоилъ бы Думѣ всѣ черты, присущія конвенту, даже они тянулись въ хвостѣ. Еще не звали народъ въ открытый бой—еще страна готовилась. Гдѣ, когда бой за свободу начинался по заранѣе назначенному плану? Ни разу еще правительство не чувствовало такъ конкретно близость катастрофы, не стояло такъ лицомъ къ лицу съ врагомъ. И оно „взыграло". Оно прямо выставило пулеметы противъ... Таврическаго творца, прямо водрузило открытое знамя, на которомъ огромными буквами красуется надпись: да истечетъ кровью тотъ народъ, достойнѣйшіе коего суть Аладьины и Рамишвили!..

V.

Если судить по телеграммамъ, приговоры падаютъ, главнымъ образомъ, на города—на города Прибалтійскаго края, потомъ Царства Польскаго, потомъ юга и т. д. Почему это? Во-первыхъ, потому, что телеграммы обозначаютъ мѣсто казни. Во-вторыхъ, ошибочно думать, что съ тѣхъ поръ, какъ надъ страной простерлась столь же скорая, сколь рѣшительная юстиція, некому стало убивать безъ „суда", безъ предварительнаго ареста—такъ, какъ „казнили" большіе и малые Дубасовы въ декабрьскіе дни. Въ деревняхъ главнымъ образомъ и практикуются они до сихъ поръ. Разстрѣливаютъ „нечаянно", „для острастки", „по подозрѣнію", подъ предлогомъ „попытки къ бѣгству". Арестовали, напр., солдаты неизвѣстнаго человѣка и, вмѣсто того, чтобы отвести его къ начальству, по дорогѣ убиваютъ; за это даже такса есть: по 3, по 5 р. за человѣка. Или затѣютъ стрѣльбу „вдоль улицы"... „шутки ради". Это продѣлывается вдоль улицъ Варшавы (4 и

30 окт.) или Лодзи (8 окт.),—отчего же въ деревнѣ это себѣ не позволить... тоже „шутя“. Вотъ, напр., картинка (отъ 13 окт.): „Арестованный мало смущался своимъ арестомъ и по дорогѣ въ участокъ все время смѣялся. Смѣхъ этотъ раздражалъ одного изъ солдатъ, и онъ выстрѣломъ изъ ружья убилъ арестованнаго“. Чего стоятъ набѣги стражниковъ, напр., на с. Жарково, на с. Колдансъ, Борщевскіе Пески, дер. Курево, с. Сокорницы [1]). Подвиги ген. Литвинова къ Ставропольской губ.! Новые итоги прибалтійскихъ усмирителей!.. Но... надо ли еще этими расправами уснащать цифры? Онѣ вѣдь уже не отличаются отъ „приговоровъ“ той „юстиціи“, согласно которой строевые офицеры замѣняютъ не только судебную палату, окружный судъ, но даже мировые суды, ничѣмъ. Выше мы еще проводили разницу между разстрѣломъ по приговору и разстрѣломъ по „спискамъ“ любого „патрэота“. Мы еще дѣлали уступку привычному взгляду, согласно которому произволъ, оформленный видимостью суда, все же не простой произволъ. Но что сказать о судѣ, въ составъ котораго не допускаются юристы, который лежитъ внѣ области юридической критики, который даже является исключеніемъ изъ судопроизводственнаго порядка, примѣняющагося на театрѣ военныхъ дѣйствій?

„Кротъ, ты славно роешь!“ Если кто-нибудь еще руководится критеріемъ „закона“ и „беззаконія“, тотъ долженъ, наконецъ, понять, какая разница была и будетъ между казнью по суду и простымъ убійствомъ; понять, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ шло дѣло не о наказаніи виновныхъ, а объ ихъ истребленіи, что судъ имѣлъ такое же право называть свое дѣло правосудіемъ, какъ стражникъ или казакъ, съ гикомъ и визгомъ проносящійся надъ дер. Горѣловой или Неѣловой...

Не осторожный разсчетъ, а азартъ игрока, потерявшаго голову; не политика „порядка“, а политика анархіи, на которую съ такимъ паѳосомъ любятъ обрушиваться сами игроки, не опора государства, а злокачественный наростъ на тѣлѣ его—вотъ что родило законъ, по которому смертные приговоры, исполняемые коллегіей дегенератовъ, должны прогрессировать въ прогресіи 1, 2, 4, 8 и пр. Пробѣгая налитые кровью параграфы, кто не воскликнетъ: нѣтъ, это не актъ власти, утверждающей законъ; это, въ лучшемъ случаѣ, планъ, которымъ побѣдитель будетъ руководиться по отношенію къ побѣжденному. Съ сего дня нѣтъ, не можетъ быть разницы между казнью по приговору и убійствомъ безъ приговора.

Во что превратились хотя бы тѣ основанія, которыя составляли содержаніе дѣйствующаго по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ уголовнаго уложенія? Безспорно, подъ смертную казнь у насъ всегда могли быть подводимы не только посягательство на жизнь монарха и членовъ императорскаго дома или государственная измѣна, — какъ это

[1]) Мы беремъ первыя попавшіяся названія деревень.

установляютъ 99, 100, 105 и 108-ая статьи,— но самыя разнородныя политическія преступленія: для того, чтобы кругъ ихъ былъ расширенъ, достаточно было гдѣ-нибудь ввести усиленную охрану. Но такъ или иначе, требовалось преданіе суду, внесеніе въ судъ обвинительнаго акта, предварительное слѣдствіе, облеченное въ письменную форму. Требовалась сущность доказательствъ и уликъ, врученіе подсудимому списка вызываемыхъ въ судъ лицъ, судей и прокурора, предоставленіе ему суточнаго срока на выборъ защитника, на вызовъ новыхъ свидѣтелей, на заявленіе объ отводѣ судей и прокурора. Запрещается казнить малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ—для замѣны смертной казни каторгой достаточно одного смягчающаго обстоятельства. При этомъ, если въ мѣстности, объявленной на положеніи чрезвычайной охраны, признано необходимымъ принять мѣру, не предусмотрѣнную статьями уложенія, то лишь главнокомандующій дѣлаетъ распоряженіе о принятіи такой мѣры, донося о томъ государю.

Теперь взгляните на то, что оставилъ отъ всего этого г. Павловъ. Прежде всего было объявлено недовѣріе гражданскимъ судьямъ, которые за все это время повинны въ крови лишь одного человѣка. Дѣло кровопусканія сосредоточилось въ военныхъ судахъ. Но и здѣсь оказалось не все одинаково. Хотя ни окружные, ни морскіе, ни прочіе военные суды ни въ комъ недовѣрія возбудить не могутъ своимъ поведеніемъ, тѣмъ не менѣе и они въ концѣ концовъ должны были „уступить", т. е. или вовсе уступить мѣсто полевымъ судамъ, или настолько усвоить себѣ ихъ физіономію со всѣми ихъ пріемами, что ни о какихъ иныхъ, кромѣ полевыхъ, судахъ уже не могло быть рѣчи. Итакъ... Гдѣ законъ, который лишаетъ подсудимаго защиты? Его нѣтъ, но защита не допускается, какъ нѣтъ и обвинителя. Гдѣ законъ, который обязываетъ судъ разбирать дѣло не медленнѣе, чѣмъ въ двое сутокъ? Его нѣтъ, но кому до этого дѣло? Даже не главнокомандующіе „дѣлаютъ распоряженіе", а тѣ, кому надлежитъ по „циркуляру"... [1]) простые строевые офицеры. Даже военныхъ юристовъ не полагается въ судѣ офицеровъ!.. Любой офицеръ рѣшаетъ, за что повѣсить, за что разстрѣлять. Ни кассаціи, ни конфирмаціи—что ужъ говорить о вызовѣ свидѣтелей, объ отводѣ судей, о какихъ-то смягчающихъ обстоятельствахъ! О малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ!.. Хватай, рѣжь, руби—чѣмъ больше простору, тѣмъ лучше: все дѣло не въ статьяхъ уложенія, которыя, можетъ быть, не вредно прочесть, а въ томъ, чтобы судомъ своихъ въ возможно меньшій срокъ отправить на тотъ свѣтъ возможно больше не своихъ... чтобы получился собственно не судъ, а маленькая карательная экспедиція...

Вотъ, что значатъ тѣ приговоры, къ которымъ такъ шагъ за шагомъ направлялась правительственная политика. Это—убійства, не только лежащія внѣ юридической плоскости, но убійства, въ которыхъ—при обычныхъ

---

[1]) См. циркуляръ ген. Павлова.

условіяхъ—содержатся всѣ признаки преступленія. Строевыхъ офицеровъ и ихъ „полевыхъ“ усмотрѣній законодательство не знаетъ, какъ, правда, ни широки его рамки въ области политическихъ пресѣченій. Передъ нами даже съ точки зрѣнія старой власти не организація „порядка“, каковъ бы ни былъ этотъ порядокъ, а организація анархіи, не образъ политики, а образъ завоеванія. Чѣмъ ближе къ концу, къ послѣдней линіи, къ которой старая власть приближается, тѣмъ ярче выступаетъ все это...

VI.

Бѣлый терроръ, поскольку онъ возникъ изъ революціи, рядомъ съ ея развитіемъ сталъ центральнымъ фокусомъ правительственной политики, выражаетъ агонію режима. Быть сейчасъ властью,—значитъ сумѣть оттянуть эту агонію, усидѣть на штыкахъ, имѣя противъ себя политическую силу всей страны. Да, исполнители правительственныхъ предначертаній такъ же въ состояніи сшить себѣ шубу изъ политическихъ совѣтовъ обывательскаго благоразумія, какъ тѣ активныя революціонныя силы, которыя являются могильщиками стараго режима, ставя уже его въ безвыходное положеніе, вызывая уже его ликвидацію...

Все течетъ въ этомъ мірѣ. Государственные мужи, которые вчера еще были столпами порядка, сейчасъ, оказывается, такіе же „потрясатели“ по отношенію къ нему, какъ революціонеры, которыхъ они разстрѣливаютъ. Политика режима выступитъ съ особой стороны, если мы рядомъ съ ней и поставимъ тѣ формы, въ которыхъ проявляются силы революціи.

Мы уже говорили, положительная работа у насъ сейчасъ отступила на задній планъ. Не разъ за массовымъ натискомъ у насъ наступала полоса затишья въ смыслѣ организаціи силъ революціи, и ей на смѣну выступали тѣ эффектныя выступленія, тѣ попытки дезорганизаціи защитнаго механизма командующихъ слоевъ, которыя извѣстны подъ терминомъ партизанскихъ выступленій. Но такой полосы еще не было. Ростъ террористическихъ выступленій послѣ разгона Думы таковъ, что получается даже внѣшнимъ образомъ аналогія съ войной. Почтово-телеграфный чиновникъ, выбитый изъ колеи, эмигрантъ, безработный пролетарій, крестьянинъ, укрывающійся отъ преслѣдованія, тысячи людей, можетъ быть, еще недавно чуждыхъ какого бы то ни было сознанія, политическаго интереса, затѣмъ втянутыхъ въ тотъ центръ, который уже пытался однимъ ударомъ скрѣпить общую волю, теперь наполняютъ партизанскіе отряды, говорятъ взрывчатыя рѣчи, готовятъ взрывчатыя вещества. Не мытьемъ, такъ катаньемъ, не столбовой дорогой, такъ мелкими тропинками—волна бурлитъ, волна катится и, присматриваясь къ этому потоку, при всемъ своемъ хаосѣ представляющемъ такую остроту напора, такое брыжжущее разнообразіе красокъ, невольно думаешь: неужели есть фантазеръ, который еще лелѣетъ въ душѣ мысль объ „устрашеніи“? Всѣ эти средства, со

всей ихъ экспансивностью и нетерпѣливостью становятся въ концѣ концовъ такими же единственными въ этой средѣ, какъ „приговоры" строевыхъ офицеровъ въ рукахъ режима. Вѣдь массы находятся въ такомъ состояніи, когда ружья, по одному выраженію, сами начинають стрѣлять. Нѣтъ, тутъ не то...

Политическія убійства были средствомъ политической борьбы и въ семидесятые, и въ восьмидесятые годы. Потерпѣвъ неудачу въ деревнѣ, отчаявшись вызвать массовое движеніе, русскіе революціонеры тотчасъ же вступили на путь террора. Вспомните покушенія партіи „Народной Воли" на жизнь Александра II 1879, 1880, 1881 гг., покушенія, закончившіяся днемъ 1-го марта. Вспомните вооруженныя сопротивленія Ковальскаго, Чубарова, Бронтнера, Осинскаго, Дубровина, Зотова, выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, убійство такихъ лицъ, какъ Мезенцовъ, военный прокуроръ Стрѣльниковъ, харьковскій губернаторъ Крапоткинъ, Судейкинъ, убійство ряда шпіоновъ. Тутъ и динамитъ, который вызываетъ столь скверныя предчувствія даже у либеральнаго гражданина. Но то ли это было, что мы видимъ сейчасъ? Судите. То былъ „дезорганизаторскій отрядъ", весьма небольшой, хотя и крѣпко сплоченный, не имѣвшій никакихъ корней въ массѣ, отрядъ революціонно настроенныхъ интеллигентовъ, которыхъ каждое выступленіе, требовавшее сколько-нибудь солидныхъ силъ и затратъ, сводили долго на нѣтъ и матеріально, и духовно. Покушенія создавали такую обстановку, въ которой всякая агитаціонная, всякая пропагандистская дѣятельность дѣлалась невозможной—на каждомъ шагу оказывались шпіоны. Что стоитъ переловить кружки интеллигентовъ? И правительство, безъ *сомнѣнія*, недалеко было отъ истины, считая террористовъ единицами и утѣшая себя тѣмъ, что общество, въ широкомъ смыслѣ, не захвачено движеніемъ. Тогдашнее „общество", конечно, едва ли стало бы скрывать террориста, оказывать ему матеріальную поддержку и пр. Стоило правительству справиться съ главными руководителями для того, чтобы все движеніе оказалось лишеннымъ почвы, не выйдя за ограду кружковыхъ чувствъ, кружковыхъ намѣреній. Теперь загляните-ка въ лабораторію текущихъ политическихъ убійствъ,—такъ ли они подготовляются, кѣмъ приводятся въ исполненіе, кто ихъ поддерживаетъ? Вотъ... Прежде всего статистика. Это статистика за додумскіе мѣсяцы [1]).

	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Мартъ.
Покушенія	72	3	20	31	34	18
Убійства	31	4	21	34	19	10
Бомбы	46	6	27	44	36	24
Подкопы и взрывы .	—	1	3	—	—	—
Итого . .	150	14	71	109	89	56

[1]) Викторъ Обнинскій. „Полгода русской революціи". Сборникъ матеріаловъ къ исторіи русской революціи (окт. 1905—окт. 1906 г.) Вып. I.

Теперь послѣдумскій. Перечислять за все время невозможно. Ограничимся хотя бы однимъ мѣсяцемъ—ну, октябремъ. За октябрь, оказывается, убито, въ рѣдкихъ случаяхъ ранено:

Отвѣтств. должн. лицъ (губ., нач. охр. и жанд. кар. отр. и пр., тюремъ, уч. зав.)	12
Директоровъ фабрикъ	3
Приставовъ и помощн.	22
Солдатъ.	8
Жандармовъ	28
Городовыхъ	40
Мастеровъ	4
Стражниковъ	28
Шпіоновъ	12
Черносотенцевъ	2

Таковъ октябрь. Да не подумаетъ читатель, что мы выбрали мѣсяцъ, изобилующій особенно нападеніями. Наоборотъ, на октябрь не приходятся ни такія событія, какъ на августъ (12-го—взрывъ на Аптекарскомъ островѣ, 13-го—убійство Мина, 14-го—Войнаральскаго, нѣсколько назадъ—покушеніе шестью бомбами на Скалона, Каульбарса, убійство губ. Блока, ген. Маркграфскаго и пр. [1]), ни такія, какъ на декабрь (убійства Игнатьева, Лауница, Павлова и пр.). Это даже... тихій мѣсяцъ. Но сравните эту тишину" съ трескомъ дней „Народной Воли"... Вооруженныя возстанія тогда приходились по одному на годы,—здѣсь вы насчитываете ихъ до полусотни въ мѣсяцъ. Однихъ бомбъ вы насчитываете до 15. Политическія убійства—сотнями. Ихъ не миновало ни одно жандармское управленіе, ни одинъ полицейскій участокъ, ни одинъ офицеръ, противъ которыхъ направленъ гнѣвъ народный. Вспомните варшавскую рѣзню, когда по сигналу одновременно истреблялись полицейскіе стражники цѣлаго города. Еще важнѣе составъ исполнителей. „Народная Воля" за все время своего существованія почти не знала рабочихъ. Совершенно обратное мы видимъ здѣсь: подавляющій процентъ здѣсь рабочіе, крестьяне. Если терроръ „Народной Воли" былъ чисто-интеллигентскимъ, то какъ ни осуждать этотъ пріемъ борьбы, принципіально нельзя не признать: настоящій терроръ есть выступленіе обывателя, стихійный, массовый. Что всего характернѣе, это то, что изъ всѣхъ этихъ сотенъ лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ террористамъ не удалось скрыться. Согласитесь, это было бы немыслимо, если бы нападающій не брался изъ нѣдръ населенія, если бы населеніе не только не сочувствовало, но не оказывало бы прямой поддержки. Со всѣхъ сторонъ чувствуется это покровительство, эти облегченные вздохи затравленныхъ людей, и въ этомъ вся сила, вся небывалая широта размаха партизановъ борьбы. Насколько это такъ, видно даже изъ того, какъ

[1]) См. Нашу „Хронику" за августъ прошлаго года.

чувствовала себя старая власть послѣ процессовъ „Народной Воли" и какъ чувствуетъ теперь. Смотрите, какъ мало увѣренности въ теперешнемъ торжествѣ, какъ жадно ищутъ побѣдители желающихъ изъ „лучшей части общества" раздѣлить это торжество и какъ мало охотниковъ усѣсться въ тріумфальную колесницу...

Нѣтъ того авторитета, въ силу котораго пріемы борьбы не дѣлались бы здѣсь и тамъ жесточе и жесточе, который могъ бы вернуть прежнія отношенія управленія и подчиненія. Все дѣло въ средствахъ. Въ рукахъ одного— финансы и войско, въ рукахъ другого—ночка темная да умъ изобрѣтательный, и нѣтъ мѣста даже тѣмъ условностямъ, которыя имѣютъ мѣсто на войнѣ. Люди, всего себя, всѣ помыслы, всѣ стремленія отдавшіе служенію народу, люди, чистотѣ которыхъ нѣтъ ничего равнаго въ мірѣ, при одномъ имени которыхъ тысячи готовы благоговѣйно обнажить голову,—посмотрите, какъ эти люди должны дѣлать свое дѣло, крадучись, пускаясь на всевозможныя хитрость, такъ, какъ приближаются къ гадинѣ съ цѣлью ее убить... Бывали—не знаю, будутъ ли еще—моменты, когда наступали своего рода передышки, когда правительство дѣлало какъ будто видъ, что оно готово отступить, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, такую уступку, послѣ которой борьба приметъ сколько-нибудь „легальный" характеръ. Но не успѣвали возникнуть 3—4 партійныхъ клуба, 3—4 профессіональныхъ рабочихъ организаціи, открыться нѣсколько независимыхъ органовъ печати, не успѣвалъ какой-нибудь революціонный кружокъ уже вынести постановленіе о томъ, съ какой стороны теперь подойти къ чудовищу, какъ это чудовище уже вновь держало мечъ въ рукахъ, и свистъ нагаекъ, и грохотъ пуль раздавался съ такой силой, какъ будто и партійные клубы, и профессіональные союзы, и независимая печать для того только и нужны были ему, чтобы возможно было удесятерить свои удары, виднѣе было, гдѣ жатву косить. И идетъ война, и все стихійнѣе становится революція...

VII.

Таковъ кровавый туманъ, не дающій опомниться вотъ уже мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Таковы силы режима въ этомъ туманѣ, съ одной стороны, силы революціи—съ другой. Такъ, значитъ, власть „нападаетъ", стремясь лишить революцію ея лучшихъ соковъ, такъ народъ „обороняется", стремясь „дезорганизовать" своихъ мучителей хоть вразсыпную, хоть по одиночкѣ, хоть какъ-нибудь...

Какъ же отнестись къ этой безконечной тратѣ силъ? Не съ точки зрѣнія простого констатированія, конечно, а съ точки зрѣнія сознательнаго вмѣшательства въ водоворотъ этихъ событій?.. Ни одинъ, ни другой конецъ не есть выходъ... долженъ я сказать...

Осуждать дѣйствія старой власти не приходится. Я могу лишь привесть

ихъ за данное, какъ ту наклонную плоскость, по которой она катится съ непреоборимостью историческаго процесса. Другое дѣло—терроръ революціонный. Я признаю всю объективную неизбѣжность его, въ силу которой отказаться отъ него—значитъ, сплошь и рядомъ отказаться отъ всякой борьбы. Тѣмъ не менѣе не могу не добавить: нѣтъ пріемовъ борьбы, болѣе нецѣлесообразныхъ съ точки зрѣнія соотношенія дѣйствующихъ силъ, чѣмъ этотъ терроръ. Прежде всего, если тактика правительства есть тактика выжиданія, когда обыватель, измученный, издерганный кровавой вакханаліей, всѣми ужасами террористическихъ эксцессовъ, будетъ обезсиленъ до того, что окажется неспособнымъ къ какимъ бы то ни было проявленіямъ, то въ интересахъ правительства этотъ—болѣе, чѣмъ всякій другой—родъ борьбы. Стоитъ ему опереться на то „огромное достоинство партизанской войны", которое, по мнѣнію г.г. большевиковъ, состоитъ въ томъ, что она „можетъ тянуться безконечно" [1]), чтобы получить такую поддержку въ борьбѣ, какую оно до сихъ поръ не имѣло. Затѣмъ, вѣдь положительной работы здѣсь нѣтъ. Идетъ дѣло разрушенія, одного разрушенія. Что же это за разрушеніе? Въ какой же формѣ оно происходитъ? Борьба идетъ не организованными силами, а отдѣльными натисками, не между реакціей и революціей, какъ таковыми, а между отдѣльными героями и отдѣльными вѣшателями. Не значитъ ли это—принижать революцію? размѣнивать ту же работу разрушенія? Вѣдь всякое дѣло, даже дѣло разрушенія, тѣмъ именно революціонно, что оно спаиваетъ, соединяетъ революціонные элементы? Что же здѣсь спаивается, синтезируется? Здѣсь идетъ разрушеніе въ два фронта: безъ сомнѣнія, „дезорганизуются" и власти разнаго рода, но еще больше дезорганизуется собственное дѣло. Такова уже роль стихійныхъ дезорганизаторовъ правительственнаго механизма...

Можетъ быть, такъ критиковать—значитъ забывать, что все еще тянется первая стадія русской революціи. Вѣдь сознаніе народа пробуждается въ крайне примитивныхъ формахъ; а оно только еще пробуждается; трудно свой хлѣбъ добываетъ человѣкъ, духовный еще труднѣе, чѣмъ физическій, и не скоро массы всходятъ съ одной ступени на другую. А такъ какъ въ концѣ концовъ внѣ народныхъ массъ, внѣ той энергіи, которая накоплена на днѣ народной жизни, этихъ поисковъ выхода съ такимъ напряженіемъ, съ такой страстностью, рѣшительностью, нѣтъ мѣста ни одной тактикѣ, разсчитывающей сколько-нибудь на успѣхъ, то не попытаться ли сначала взять въ свои руки народную стихію въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется? Безспорно, партизанскія выступленія въ извѣстной степени лежатъ совершенно въ иной плоскости, чѣмъ мой критерій. Но дѣйствительно ли ужъ такъ велика пропасть? Дѣйствительно ли все дѣло въ томъ, что люди не въ состояніи подняться на высшую сту-

[1]) „Пролетарій", № 4.

ней? Нѣтъ ли тутъ совершенно обратнаго процесса — пониженія политическаго разсчета, революціонной идеи, нѣтъ ли тутъ людей, которые спустились съ высоты на торную привычную линію, соотвѣтствующую примитивной стадіи народнаго движенія? Вѣдь при такихъ условіяхъ тактика замалчиванія явится тактикой простого приспособленія къ революціонному авантюризму... Дѣйствительно, теперь все болѣе устанавливается, что партизанскій лагерь кишитъ не только тѣми, которые до него возвысились, но и тѣми, которые до него опустились. Это, въ подавляющемъ большинствѣ, бывшіе члены революціонныхъ организацій, мало того, члены, которые еще недавно наиболѣе горячо относились къ дѣлу, — въ моментъ „передышки", когда организаціонная работа кипѣла во-всю и шла отъ нея кругомъ такая здоровая атмосферная волна, что переманить отсюда кого-нибудь не было никакой возможности. Но вотъ правительство, вспомнивъ, что малѣйшія организаціонныя проявленія, малѣйшая ихъ легализація его убиваетъ, устраиваетъ декабрь, устраиваетъ 13-ое іюля и пр. Для людей, такъ внезапно нашедшихъ примѣненіе своей энергіи и такъ внезапно же лишенныхъ его, отъ прежняго дѣла не остается ничего. Ударъ за ударомъ сыплется, какъ изъ рога изобилія, окончательно выбиваетъ почву. Гдѣ тѣ условія, которыя въ состояніи поддержать въ немъ вѣру въ то, что не все еще погибло, что, наоборотъ, все берется съ бою, что только тотъ, кто сто разъ потерпѣлъ пораженіе, чтобы въ сто первый разъ побѣдить, достоинъ настоящаго имени бойца? Положеніе рабочаго ужасно. Правительство не только путемъ кровопусканія истощаетъ революцію. Оно не менѣе стремится взять ее голодомъ. Составляется заговоръ съ капиталомъ, послѣ котораго сперва на казенныхъ, затѣмъ на частныхъ фабрикахъ и заводахъ разсчитываются тысячи сознательныхъ рабочихъ, которые буквально попадаютъ въ условія нищенства. Мысли и чувства становятся еще поэтичнѣе, еще дальше отступаетъ возможность прежней работы... Такъ партизанъ борьбы готовъ,— партизанъ по страсти, по убѣжденію. Глубоко ошибается тотъ, кто думаетъ, что такихъ вышедшихъ изъ серьезныхъ массовыхъ организацій въ партизанской средѣ мало. Они никогда не были строгими выразителями партійной дисциплины, ихъ міросозерцаніе всегда было чрезвычайно несложно и малопродуманно и въ самомъ ихъ настроеніи скрывалось что-то стихійное, безсознательное, что не прорывалось тогда лишь потому, что не было внѣшнихъ толчковъ къ этому, — пускай такъ, но развѣ не таковъ вообще средній рабочій? Не рискуемъ ли мы, блюстители сознательнаго политическаго разсчета, растерять еще столько же своихъ силъ, сколько уже потеряно, отсѣкая неустойчивые свои элементы, которые такъ легко порываютъ всѣ связи съ организаціей? Совершенно наоборотъ, мы должны идти за ними туда, куда ведетъ ихъ анархія, накаляя все выше и выше атмосферу, все приближаясь къ тѣмъ преждевременнымъ выступленіямъ, которыя пережиты въ декабрѣ; объяснять, какъ мало служатъ они инте-

росамъ классоваго движенія, и, наоборотъ, какъ много содѣйствуютъ ихъ пораженію, не пытаясь поднять до себя движеніе новыхъ массъ съ болѣе поверхностнымъ пониманіемъ политическихъ задачъ, даже прямо сливаясь съ ними, мѣняя дѣло истинной политической борьбы на суррогатъ ея, который всегда былъ признакомъ политической слабости и пассивности.

Отвлеченіе силъ отъ дѣйствительной борьбы и преслѣдуетъ правительство, не позволяя ему выбраться изъ этого русла. Это отнюдь не „ошибка“ съ его стороны, какъ причины „партизанскихъ выступленій“ не лежатъ лишь въ смертныхъ приговорахъ. Они лежатъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя мѣшаютъ движенію легализироваться. Съ этой точки зрѣнія совершенно совмѣстимы ростъ смертныхъ казней и паденіе революціоннаго террора. Дайте лишь одновременно выходъ массовой работѣ, организаціи народныхъ силъ около одного центра... Такіе моменты у насъ и наблюдались, напр., въ моментъ Думы, когда революціонныя организаціи рѣшили пріостановить терроръ, а правительство на это... отвѣчало новыми казнями...

Положеніе, создавшееся послѣ двухъ лѣтъ столь упорной борьбы, можетъ быть, еще дальше заведетъ въ тупикъ тѣ силы, которыя мобилизовала русская революція, дастъ возможность еще крѣпче удержаться на своихъ позиціяхъ правительственному механизму. Организація революціоннаго натиска неизмѣримо отстала отъ работы революціонной стихіи, которая выбьетъ, что угодно, только не „режимъ“ изъ создаваемаго имъ состоянія. Все дѣло въ положительной организаціи массъ; даже тѣ же террористическіе акты имѣли значеніе лишь постольку, поскольку за каждымъ изъ нихъ слѣдовала широкая волна массоваго движенія. Между тѣмъ длительные способы борьбы, требующіе терпѣнія, послѣдовательности, уступили мѣсто судорожнымъ, конвульсивнымъ вспышкамъ, направленнымъ въ обходъ силамъ режима, неспособнымъ внести въ движеніе ничего, кромѣ узко-кружковой изолированности. Вспомните судьбу „Народной Воли“. Какъ разъ въ то время, какъ готовятся главныя выступленія лучшихъ силъ ея, по всей Россіи разражается промышленный кризисъ, который въ высшей степени рѣзко отражается на самочувствіи рабочихъ. Рядъ стачекъ начинаетъ охватывать Петербургъ, Царство Польское, Прибалтійскій край, центральную Россію. Начинается рядъ бунтовъ, которые хотя и были направлены ловкой рукой въ сторону—именно, противъ евреевъ,—но на самомъ дѣлѣ имѣли чисто-соціальную подкладку. Дѣйствительно, правительство, въ началѣ милостиво отнесшееся къ движенію, вскорѣ замѣтило, что оно переходитъ на конкретную почву и немедленно приняло рѣшительныя мѣры. Затѣмъ росли рабочіе кружки. Несомнѣнно, если бы нашлись тогда силы, способныя воспользоваться моментомъ, создалась бы такая организація, съ которой правительство, можетъ быть, считалось бы не меньше, чѣмъ съ кружкомъ „Народной Воли“. Но до рабочихъ ли было тогдаш-

нымъ силамъ! Онѣ были поглощены подготовлявшимися убійствами. Даже всѣ прежнія связи въ рабочей средѣ пришли въ упадокъ. Такъ ими ничего и не было сдѣлано... Мы, конечно, далеки отъ предположенія, что и сейчасъ—при содѣйствіи г. Столыпина—партизанскій лагерь въ состояніи отвлечь лучшія силы революціонныхъ организацій. Но тѣмъ выше эти силы должны держать свое знамя, тѣмъ рѣшительнѣе бороться съ идеализаціей стихіи и ея послѣдствіями.

Л. Клейнбортъ.

(См. на оборотъ.)

Журналъ выходитъ еженедѣльно по четвергамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **на годъ** съ доставкой и пересылкой **2 р. 50 к., на полгода 1 р. 50 к.**, на 3 мѣс. **85 к.** и на 2 мѣс. **60 к.** (мѣсячная подписка не принимается). Цѣна отдѣльнаго № въ продажѣ **15 коп.**

Открыта подписка на 1907 годъ

на иллюстрированный еженедѣльный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 №№ художественно-литературнаго журнала.

Путешествія.—Этнографія.—Романы и повѣсти, изображающіе разныя приключенія на сушѣ и на морѣ.—Очерки и разсказы современныхъ иностранныхъ беллетристовъ.—Стихотворенія.—Научно-популярныя статьи о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ.—Біографіи научныхъ дѣятелей.—Обзоръ событій текущей иностранной жизни.—Библіографія.—Вопросы и отвѣты.—Спортъ.—Картины.—Иллюстраціи.—Портреты. **1.200 столбцовъ текста.**

ВЪ КАЧЕСТВѢ ПРЕМІИ ПОДПИСЧИКАМЪ „ВОКРУГЪ СВѢТА" БУДЕТЪ ДАНО

РѢДКОЕ ПО БОГАТСТВУ И РАЗНООБРАЗІЮ

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

12 КНИГЪ (до 2.500 стран.). иллюстрированное **СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ** извѣстнаго американскаго писателя-юмориста, блестящаго разсказчика, тонкаго наблюдателя человѣческой природы

МАРКА ТВЭНА,

произведеніями котораго ЗАЧИТЫВАЮТСЯ юноши и взрослые Стараго и Новаго свѣта.

„Принцъ и нищій". „Приключеніе Тома Сойера". „Приключенія Хэккльберри Финна". „Американскій истецъ". „Наши простаки дома". „Наши простаки за границей". „Жизнь на рѣкѣ Миссисипи". „Искры американскаго юмора", очерки и разсказы.

Въ отдѣльной продажѣ названныя книги стоятъ 9 руб.

12 выпусковъ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Полная иллюстрированная энциклопедія реальныхъ знаній.

НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА для всѣхъ и каждаго, дающая разъясненія непонятныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся при чтеніи газетъ, журналовъ и книгъ по всѣмъ отдѣламъ научнаго знанія, общественной жизни и домашняго быта.

Кромѣ того, съ приплатою **ОДНОГО РУБЛЯ** подписчики получатъ полное **ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ** изданіе хорошо извѣстнаго русской читающей публикѣ ПРОИЗВЕДЕНІЯ **В. М. ДОРОШЕВИЧА**

САХАЛИНЪ,

стоящаго въ отдѣльной продажѣ **3 р. 50 к.**

„Сахалинъ" будетъ данъ подписчикамъ въ теченіе перваго полугодія 6-ю выпусками.

ЦѢНА НА ГОДЪ без книги В. М. Дорошевича „САХАЛИНЪ" **4 Р.** съ перес. и доставкой.	**ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р., къ 1 іюля 1 р. Адресъ: Москва, Петровка, д. Матвѣевой. Редакція журнала „Вокругъ Свѣта". Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.	ЦѢНА НА ГОДЪ съ книгою В. М. Дорошевича „САХАЛИНЪ" **5 Р.** съ перес. и доставкой.

Отъ Самарскаго Комитета общественной помощи голодающимъ Самарской губ.

Въ г. Самарѣ организованъ Комитетъ общественной помощи голодающимъ, какъ мѣстный отдѣлъ центральнаго Московскаго и Петербургскаго Комитета. Во главѣ послѣднихъ стоятъ Всероссійское Пироговское Московское сельскохозяйственное, Петербургское вольно экономическое общества, широко популярныя по общей своей дѣятельности и работающія по борьбѣ съ голодомъ уже въ теченіе ряда лѣтъ. По мѣстнымъ условіямъ Самарскій Комитетъ возобновляетъ лишь дѣятельность Самарскаго частнаго кружка по оказанію помощи голодающимъ, работавшаго въ 1898—1899 году.

Размѣры наступившаго голода далеко оставляютъ за собою всѣ предыдущія голодовки. Уже съ августа мѣсяца наблюдается недоѣданіе крестьянскаго населенія во многихъ мѣстахъ: ѣдятъ черезъ день, ѣдятъ по очереди, примѣняютъ систему „лежанія“, какъ средство утоленія голода, ѣдятъ хлѣбъ съ лебедой, съ желудями. Положеніе голодающаго населенія ужасно—и съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ приближенія суровой зимы, оно будетъ ухудшаться. Оно тѣмъ болѣе ужасно, что условія борьбы съ настоящимъ голодомъ исключительны вслѣдствіе переживаемыхъ нами общихъ событій. Средства помощи въ настоящую голодовку также до крайности ничтожны. Все это вмѣстѣ взятое должно вызвать на помощь голодающимъ самые широкіе общественные слои населенія. Дорога каждая копейка, ибо за 1 руб. 50 коп. можно прокормить голодающаго въ теченіе мѣсяца. Самарскій Комитетъ общественной помощи голодающимъ и взываетъ къ самымъ широкимъ общественнымъ слоямъ о помощи.

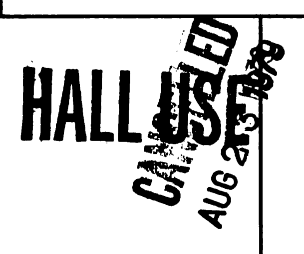
Граждане! Отбросьте всѣ соображенія, думы и размышленія. Прислушайтесь только къ голосу сердца—и памятуйте объ одномъ—Вашимъ братьямъ и сестрамъ грозятъ душевныя и физическія муки, болѣзнь и смерть отъ голода и Ваше сердце Вамъ повелительно скажетъ: ПРИДИТЕ НА ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМЪ!

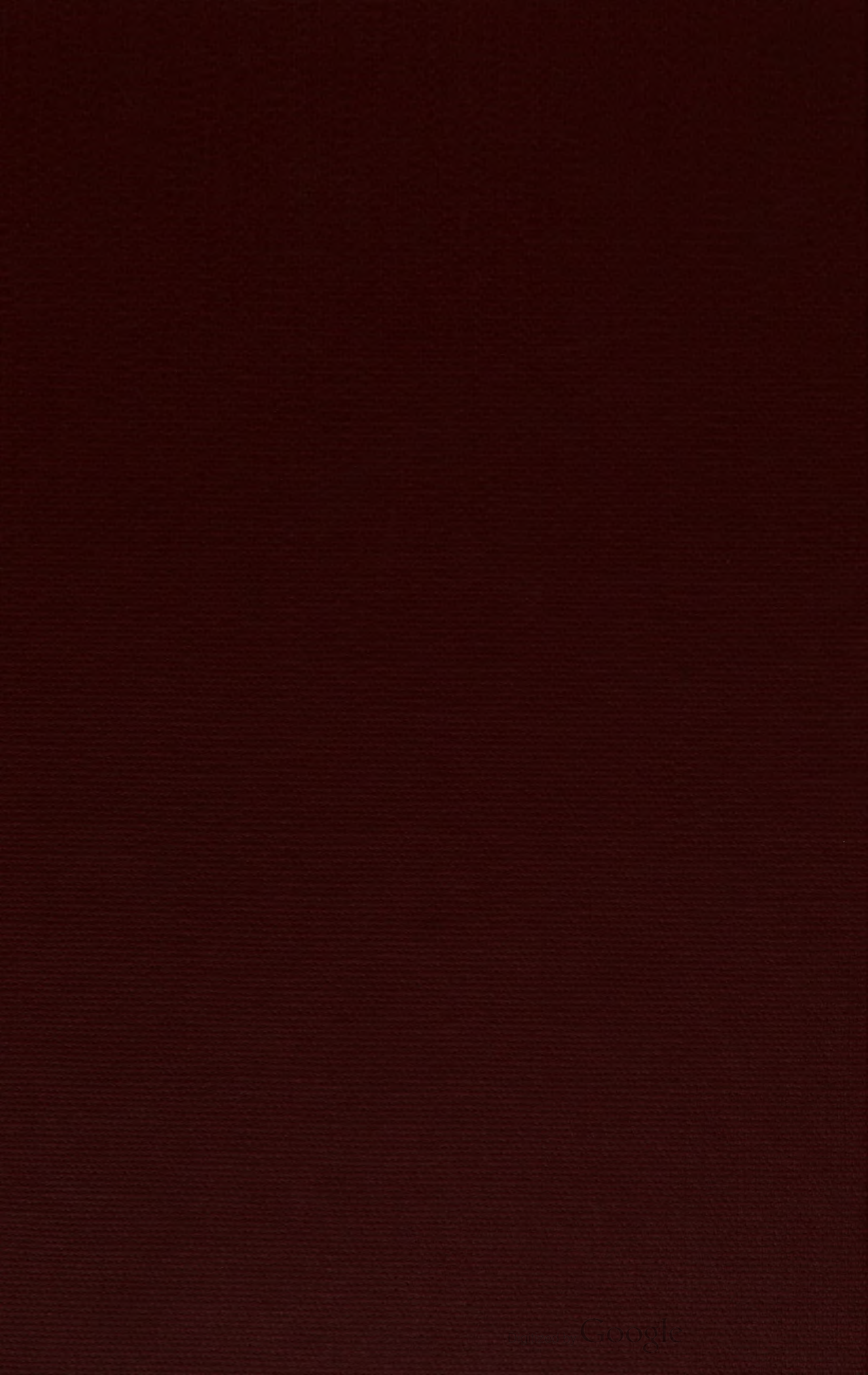
Помощь будетъ цѣнна въ какой бы мѣрѣ и какой-бы формѣ она ни была.

Пожертвованія деньгами, пищевыми продуктами, платьемъ просятъ направлять по адресу: г. Самара, Губернская Земская Управа, казначею Комитета общественной помощи голодающимъ В. К. Ромодановскому.

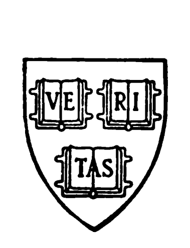
Бюро проситъ редакціи газетъ перепечатать настоящее воззваніе и открыть подписку въ пользу голодающихъ Самарской губерніи.

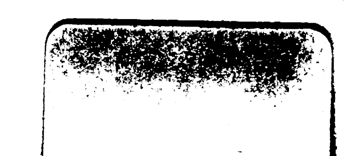
Бюро Комитета; г-жи Е. А. Бузкова, О. Б. Котельникова, Н. А. Хардина, гг.: Н. А. Гладышъ, М. М. Гранъ, А. Г. Кряжимскій. П. П. Крыловъ. В. Л. Ромодановскій.

HALL USE
CANCELLED
AUG 23 1979

VE RI
TAS

ОБРАЗОВАНІЕ

АПРѢЛЬ

Содержаніе № 4.

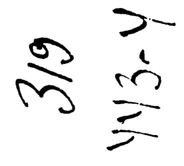
См. стр. 3.

XVI. 1907

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126.
1907.

16 Апрѣля.

СОДЕРЖАНІЕ № 4.

Ночь.

Разсказъ **А. Серафимовича.**

I.

Когда Курдюковъ проснулся и открылъ глаза, въ сѣромъ брезжущемъ утрѣ смутно рисовались нескончаемо теряющіеся ряды коекъ, натягивающіе сапоги казаки, и въ спертомъ тяжеломъ казарменномъ воздухѣ безтолково, разорванно и разрозненно носились тысячи просыпающихся голосовъ, выкриковъ, ругательствъ, смѣха и зѣвоты:

Дневальные ходили между койками, грубо съ циничными ругательствами толкали заспавшихся.

Курдюковъ, позѣвывая и потягиваясь, съ усиліемъ отгонялъ неотвязный, молодой, здоровый сонъ. Что-то вертѣлось надъ нимъ маленькое, странное и колышащееся. Онъ поднялъ глаза: на ниткѣ, спускающейся съ потолка, крутилась въ ту и другую сторону маленькая неуклюже сдѣланная изъ щепочки люлька съ фигурой ребенка изъ грязной тряпочки.

Курдюковъ смахнулъ, чтобъ оборвать, но она откачнулась и стала качаться надъ койкой. Раздался взрывъ хохота. Гоготали десятка два здоровеннѣйшихъ глотокъ, можно было подумать, что ржутъ лошади. Курдюковъ сорвалъ, сердито бросилъ на полъ, растопталъ и сталъ одѣваться.

— Ну, чего ржете, сволочи!..

— Го-го-го!.. теперича, небось, крестины...

— На радостяхъ выпьютъ, ѣшь тебя до самаго корня!,.

— Пріѣдетъ, анъ готовъ работничекъ...

— Эй... Курдюковъ, што сопли распустилъ, съ прибылью...

Казарма начинала жить обычной жизнью дня. Торопливо побѣжали къ умывальникамъ и размазывали грязь по лицу, торопливо вытирались грязными тряпицами и такъ же торопливо крестились на громадную икону въ углу, передъ которой желтѣли колеблющіеся огоньки свѣчей.

Раздавалась команда выходить и строиться во дворѣ на чистку. Почистили у коновязей лошадей, задали овса, напоили, потомъ на длинныхъ скамьяхъ позавтракали, потомъ выѣхали на конное ученіе. Послѣ ученія была словесность, и обѣдъ, пѣшее ученіе, — день вертѣлся, какъ колесо, не давая вздохнуть, не давая одуматься.

Прежде все это имѣло для Курдюкова смыслъ,—присяга, арестъ, розги, дисциплинарка, каторга и разстрѣлъ стояли кругомъ тѣсной, угрюмой и безпощадной стѣной, и никуда нельзя вырваться. Но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ близиться срокъ окончанія службы, тяжело и скучно было вертѣться въ заколдованномъ кругу привычнаго дня.

Левада, пашня, красные быки, базы, изба, вся домашность и молодая, крѣпкая черноброва хозяйка чаще и чаще заслоняли коновязи, казармы, ученія безпощадно требовательныхъ офицеровъ.

— Эй... ты, Курдюковъ...—сыпался чаще и чаще градъ ругательствъ и голова его вскидывалась отъ ударовъ въ зубы, когда онъ зѣвалъ въ строю и все не въ очередь приходилось становиться на часы.

— Э-эхх!.. жалмерочка... Курдюковская!..—говорилъ, плотоядно оскабляясь, казачекъ, недавно пришедшій изъ-за хутора, и прибавлялъ цинично-грязный комплиментъ.

Курдюковъ внѣшне не обращалъ вниманія на шутки, ехидныя замѣчанія, на куклы изъ тряпокъ, которыя то и дѣло находилъ у себя подъ подушкой, но когда затихалъ тяжелый гулъ засыпавшей въ густой атмосферѣ казармы, онъ долго ворочался и не могъ уснуть.

Старики пишутъ, что жена ведетъ себя честно и благородно, а онъ старикамъ вѣритъ, да и въ дѣвкахъ она не баловалась; то опять вставала передъ глазами люлька изъ щепочекъ, куклы изъ тряпья подъ подушкой и гоготаніе здоровыхъ глотокъ.

Курдюковъ тяжело ворочался. Въ дальнемъ углу сквозь тяжелый воздухъ тускло лучился желтый огонекъ свѣчи, и пошатывался, сидя на табуреткѣ, дежурный въ полной аммуниціи.

Ежели мужъ на службѣ, думалъ Курдюковъ, ложась лицомъ въ подушку, жалмеркѣ трудно утерпѣть. Вѣдь четыре года... Тутъ самъ-то тоже не святой... Къ жалмеркѣ-то всякій подъѣзжаетъ... Помнитъ, и онъ до женитьбы чуть не каждую ночь крался то надъ плетнями къ какой-нибудь жалмеркѣ. Но тогда это было естественно, весело и неизбѣжно, потому что это были чужія жены, а теперь...

Онъ скрипнулъ зубами и сѣлъ на кровати, упираясь въ тощій, набитый соломой, тюфякъ. Казарма спала. Въ густой

сизоватой полумглѣ терялись головы, раскрытые храпящіе рты, раскинутыя руки, сложенная одежда. Слышался скрежетъ зубами, придавленные стоны, кто-нибудь садился и торопливо и испуганно бормоталъ, глядя безумными глазами: „никакъ нѣтъ... ва...в...вв...вшск...блродіе...“, падалъ и его храпъ присоединялся къ густому на всѣ лады переливающемуся храпу сотни людей, которыхъ, казалось, мучилъ дьяволъ.

Курдюковъ снова ложился и снова охватывали его все тѣ же мысли о женѣ, о хозяйствѣ, и стоялъ въ ушахъ безсмысленный звѣриный храпъ, стонъ и скрежетъ.

II.

— Ра-а-авне-ні-е на пра-а-во...

Казаки стройными, вытянутыми, какъ по ниткѣ, шеренгами зашли съ четырехъ сторонъ. У аналоя стоялъ попъ съ дьячкомъ и дымилъ кадиломъ.

— Ша-а-апки да-лой!

Обнажились головы, попъ сталъ махать оставляющимъ сизовый дымный слѣдъ въ воздухѣ кадиломъ, и донесся дребезжащій голосъ.

— Го-о-оспод-у по-мо-о-лимся!..

Курдюковъ стоялъ въ строю, крестился, испытывая обычное ощущеніе сдавленности со всѣхъ сторонъ: давилъ попъ съ дьячкомъ, давили шеренги сѣрыхъ фигуръ, блестящіе перевязи и портупеи кучки офицеровъ, небрежно крестившихся. Такое же ощущеніе сдавленности онъ испытывалъ на ученіяхъ, на стрѣльбѣ, на молитвѣ, въ казармахъ, испытывалъ всѣ четыре года.

И теперь мысль, что это послѣдній разъ, что впереди дорога домой, блеснетъ изъ-за прибрежныхъ высотъ Донъ, зажелтѣютъ пески, наполняла его напряженно радостнымъ чувствомъ.

Часа черезъ два производилась посадка команды въ вагоны.

Лошади удивленно и осторожно поводя ушами, покачивались на гудящемъ качающемся полу. Казаки на каждой станціи покупали водку, и изъ вагоновъ безпрерывно неслись пѣсни. Дней пять шелъ воинскій поѣздъ. Зеленѣли родныя степи, замелькали хутора, слободы. Наконецъ, со сборнаго пункта потянулись на лошадяхъ и подводахъ.

Весь хуторъ вывалилъ навстрѣчу служивому. Поклонился онъ въ ноги отцу—матери, поклонилась ему до земли богоданная супруга, чернобровая, крѣпкая и здоровая, кровь съ молокомъ, и пошелъ угаръ разгула и похмѣлья. Только

черезъ недѣлю понемногу всѣ очнулись, и сейчасъ же, какъ зубьями шестерни, захватила и завертѣла неждущая, всего поглощающая жизнь хозяйства.

И, такъ въ казармѣ некогда было очнуться отъ ученій, чистки, „словесности" и тысячи никому ненужныхъ дѣлъ, такъ тутъ пашня, покосы, скотина, тысячи мелкихъ, но изъ которыхъ складывается жизнь, дѣлъ захватили.

Курдюковъ жилъ ладно съ женой, подозрѣнія, которыя отравляли жизнь на службѣ, не вспыхивали.

III.

По праздникамъ народъ сидѣлъ на завалинкахъ, лускали сѣмячки, точили зубы.

— Краснова со службы на побывку ждутъ...

— Ждутъ, а жена ему подарочекъ приготовила.

— Обойдется,—пороху попьетъ, вотъ те и никакихъ, не уличить.

— Стервы эти бабы!..

— Ну, я бы убилъ, кабы...—проговорилъ, насупившись Курдюковъ.

— Да ты свою убей.

— А ты не бреши.

— Чего брехать... извѣстно, жалмеркой какъ была, спуску не давала... съ Ипайткой краснымъ...

Крѣпкая затрещина прервала разоблаченіе. Дрались тяжело и сосредоточенно.

Черезъ недѣлю на свадьбѣ, напившись, Курдюковъ избилъ обидчика до полусмерти. А на другой свадьбѣ самъ былъ избитъ и лежалъ послѣ этого цѣлую недѣлю.

— Матрена, сказывай... сказывай всю правду,—говорилъ Курдюковъ, осунувшійся и похудѣвшій.

— Чего сказывать-то,—сердито блестя глазами, говорила Матрена, возясь возлѣ печи,—собаки брешутъ, вѣтеръ носитъ, а ты подбираешь.

— Матрена, не ковыряй ты моего сердца, скажи только, скажи правду, пальцемъ тебя не трону, только правду... чтобъ зналъ, больше мнѣ ничего, и не помяну никуда...

— Дуракъ, ты дуракъ...

Чаще и чаще сталъ онъ ее бить. А она ловкая, сильная, красивая и крѣпкая, выскальзывала и въ него летѣли горшки, миски.

Всѣ шутки, остроты, которыми сыпали казаки въ казармѣ, вдругъ пріобрѣли смыслъ и знаніе. Теперь ясно было, какъ Божій день, что и его жена, какъ всѣ женщины, не могла остаться вѣрной мужу. И все возрастающая злоба

мучила его. Казалось, только бы узнать правду, а тамъ бы помирился бы съ фактомъ,—прошлаго вѣдь не вернешь, но все также странно блестѣли глаза женщины, похудѣвшей и измученной, все также красивой и все также не находилъ Максимъ неопровержимыхъ доказательствъ ни за, ни противъ.

Жизнь наполнилась удушливой, подозрительной атмосферой, стала угрюмой и злой.

Когда Максимъ Курдюковъ встрѣчался съ Ипаткой Краснымъ, тотъ странно, съ сдерживаемой насмѣшкой поглядывалъ прищуренными глазами, и это подымало у Максима бурю бѣшенства. Разговоры же почти всегда кончались ожесточенной дракой.

Вокругъ Максима разрасталась угрюмая, холодная и черная ночь, и онъ напрасно бился, чтобы выбиться изъ нея.

Какъ-то Матрена возилась съ хлѣбами, повязанная вокругъ головы, какъ чепчикомъ, платкомъ, отъ котораго сзади заячьими ушами торчали концы. Максимъ подошелъ, держа въ рукѣ топоръ. Постоялъ.

— Нѣту мочи моей... во...—онъ поднялъ топоръ,—на мѣстѣ положу, ежели не скажешь правды.

Она спокойно мѣсила, и концы платка пошевеливались на головѣ.

— Муракъ ты, муракъ... отвяжись ты отъ мене.

Онъ опустилъ топоръ.

— Нѣтъ, я кажный день буду изъ тебе кровь понемногу выпускать, покеда не узнаю правды. А теперь пойду поговорю съ твоимъ полюбовникомъ...

Онъ вышелъ, выкатилъ изъ-подъ навѣса повозку, запрягъ лошадь, подошелъ къ плетню и крикнулъ:

— Игнатка!..

— А?

— Подь суды.

Игнатъ, пріятель и всегдашній собутыльникъ Максима, подошелъ, почесывая поясницу.

— Ну?

— Поѣдемъ на Кривую балку... Ипатка тамъ, на току, слышь?

— Ну?

— Ну... одинъ... трошки пощупаемъ ему бока... докеда же это будетъ...

Игнатъ поглядѣлъ на солнце.

— Вишь ты ось хотѣлъ выстругать.

— Брось, чортъ съ ней съ осью, а то уѣдетъ.

— Ладно.

Минутъ черезъ десять они выѣхали со двора.

Бѣлыя избы, вишневые сады, вербы левадъ понемногу спускались ниже и ниже, пока повозка выбиралась по извалинѣ, подернулись сизой дымкой и потонули въ степномъ просторѣ.

Маленькій буланый маштачекъ скоро бѣжалъ по укатанной дорогѣ.

— Чудно, что у тебя неловко сидѣть на повозкѣ,—говорилъ, примащиваясь, Игнатъ.

— А ты суды съ краю...

Уже солнце тронуло дальніе синѣвшіе на краю степи бугры, когда вдали за лощиной показались скирды и копны Ипаткина тока.

IV.

Рыжій Ипатъ, сидя на корточкахъ передъ небольшой кучкой горѣвшихъ кизяковъ, варилъ картошку. Онъ былъ одинъ на току.

Ипатъ попробовалъ, картошка еще не сварилась. Всталъ, подогналъ поближе къ стану быковъ, досталъ полость и разослалъ на землѣ подъ телѣгой. Съ дороги донесся звукъ подъѣзжавшей повозки.

Въ ту сторону, гдѣ садилось солнце, степь спускалась длинной отлогой горой, потомъ тянулось займище съ озерами, музгами, а за займищемъ на самомъ краю синѣли Донъ и лѣса за нимъ.

— Кубыть суда.

Ипатъ козырькомъ наставилъ руку.

Къ току подъѣхали двое, остановили лошадь, слѣзли и пошли къ Ипату.

— Здорово дневали.

— Добраго здоровья.

Помолчали. И было въ этомъ молчаніи что-то, отъ чего Ипатъ подозрительно и осторожно посмотрѣлъ имъ въ лица.

— На пашню что-ли?..

И, помолчавъ, хмуро прибавилъ:

— Пашня-то ваша не въ этой сторонѣ.

Максимъ побѣлѣлъ, какъ тогда въ курнѣ, шагнулъ и проговорилъ сдавленно, и усмѣшка дергала судорогой губы:

— Сказывай все... какъ и что было съ Матрешкой?..

Ипатъ глядѣлъ на него широко раскрытыми и изумленными глазами:

— Да ты обтрескался?!.

— Сказывай... все одно знаю... все знаю...

Ипатъ грубо выругался и повернулся снять котелокъ. Тупой и тяжелый ударъ едва ни свалилъ его. Онъ удержался на ногахъ, быстро повернулся.

— Да ты что... ты что!.. ты что?!.

Казаки кинулись.

— Нѣ-ѣтъ... ннѣ...ѣ... ннѣтъ...

Онъ хрипѣлъ, задыхаясь, хватая ихъ за ноги, за руки, за горло, стараясь впиться зубами.

— Ннѣ тъ... нне... здамся...

Боролись, напрягая нечеловѣческія силы, на голой землѣ, убитой и укатанной молотильными катками. Недалеко, отдуваясь, лежали быки. По горизонту розовой полоской протянулась зорька. Лошадь, волоча возжи, отъѣхала съ повозкой и стала спокойно и мѣрно жевать сѣно у копны. Картошка закипала, и поплескивавшая черезъ котелокъ вода съ шипѣніемъ тушила костеръ.

Ипатъ ослабѣвалъ, били, куда и какъ попало.

— Сказывай... скажи правду, отпустимъ, волоса не тронемъ, только признайся, а то забьемъ...

— Уйдите вы... бросьте... сволочи!..

Казаки навалились на Ипата, кости захрустѣли. Подняли, держа за горло, и поднесли къ дрогамъ.

— Въ послѣдній разъ сказывай: жилъ съ Матрешкой?

Онъ судорожно и злобно дергался.

Они раскачали и съ размаху ударили о колеса. Глухо, какъ мѣшокъ съ пескомъ, плюхнулся, колеса сдвинулись, лошадь безпокойно переступила, поводя ушами, фыркая.

Ипатъ разомъ опустился, потяжелѣлъ у нихъ въ рукахъ. Положили на землю. Максимъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— На, ѣшь!.. жри... полюбовницу...

Горловые, звѣриные звуки клокотали въ горахъ:

— Жри... на!..

Тотъ скосилъ изуродованный глазъ, запекшіяся губы шевельнулись:

— Не бы...ло... грѣ...ха... не тро...галъ я ее... будь ты прокл...

Неровно поднявшаяся грудь замедленнымъ движеніемъ опустилась, тускло глядѣлъ остеклѣвшій глазъ.

Максимъ стоялъ съ застывшимъ выраженіемъ ужаса: онъ никогда теперь не узнаетъ правды.

V.

Игнатъ, держась обѣими руками за голову, шелъ въ степь, качаясь, какъ пьяный и причитая воющимъ голосомъ:

— Да головушка ты моя бѣ-ѣдная!.. да куды я теперь дѣнусь...

Максимъ въ нѣсколько прыжковъ нагналъ его.

— Сто-ой!.. стой, дьяволъ... вмѣстѣ дѣлали, вмѣстѣ пропадать!..

— Пропала моя головушка!..

— Бери!

Они подняли съ земли убитаго, перевалили черезъ грядку повозки сначала голову и грудь, потомъ ноги, и онъ, тяжелый и грузный, скатился въ повозку, неуклюже переваливаясь.

Максимъ взялъ возжи и тронулъ лошадь, и тутъ увидѣлъ, что кругомъ стояла ночь. Повозка, слегка покачиваясь, поскрипывала.

Оба пошли рядомъ, толкаясь въ темнотѣ другъ о друга, и шло съ ними рядомъ нѣчто, чему они не умѣли дать имени.

Стали спускаться въ займище. Наверху было сухо и тепло, внизу сыро, обильная роса садилась на башмаки, но отъ дороги одинаково въ темнотѣ ничего не видно было, и надъ головой ярко горѣли и шевелились звѣзды.

Дорога пошла кочковатая, изрытая. Стали попадаться музги и круглыя озерца, и камыши вставали темной стѣной, вырастая у самой дороги. Повозка медленно ѣхала въ ночной темнотѣ, погромыхивая и поскрипывая плохо мазаными колесами на ухабахъ и по кочкамъ, и то, что лежало въ повозкѣ, переваливалось изъ стороны въ сторону, постукивая въ стѣнку. Люди шли, не говоря ни слова.

Старый Ерикъ долженъ былъ быть недалеко, надо было только, спустившись подъ гору со степи, взять вправо и проѣхать между Кривой Музгой и Поповымъ Садкомъ. И они взяли вправо, а все-таки Стараго Ерика не было.

Въ двухъ шагахъ не видно было ничего. Максимъ то и дѣло отходилъ въ сторону, нагибался и шуршалъ ногой по осокѣ, съ которой обильно сыпалась роса, стараясь признать берегъ Ерика, потомъ возвращался, и повозка продолжала медленно двигаться въ темнотѣ. Представлялось, что идутъ цѣлую ночь. Казалось, все перепуталось, и мѣстность стала неузнаваема.

Жалобный крикъ пронесся въ темнотѣ и повторился слабѣе гдѣ-то дальше. Сердце сжалось предчувствіемъ. Максимъ безпокойно сталъ всматриваться, но не могъ разобрать: смутная черта горизонта маячила передъ колыхавшейся дугой, въ другіе моменты гдѣ-то необыкновенно далеко отдѣляла черную землю отъ чуть-чуть свѣтлѣвшаго неба.

Снова въ высотѣ безнадежно прозвучала птичья жалоба. Кто-то потревожилъ. Они сами или кто-то, кто, быть можетъ, среди ночи ѣхалъ имъ навстрѣчу? Максимъ вслушался, но ночная тишина таила всѣ звуки. Опять тоскливо крикнула невидимо рѣявшая надъ головою птица.

Колеса пошли мягче, слабо постукивая во втулкахъ, повозка неслышно поскрипывала, и нога стала уходить въ мягкій грунтъ. Потянуло сыростью, и съ обѣихъ сторонъ уже не прерывались камыши. Вѣтерокъ пробѣжалъ по метелкамъ, и онѣ невидимо заколебались, закачались въ темнотѣ, и понесся шепотъ, о чемъ-то невнятно заговорили, въ глубинѣ камышей послышались шелестъ и вздохи.

Впереди и немного справа камыши порѣдѣли и сквозь просвѣтъ блеснула вода.

Лошадь стала вязнуть. Максимъ потерялъ одинъ башмакъ и шелъ возлѣ, помогая лошади за оглоблю.

— Кабы не загрузнуть!.

Лошадь остановилась. Это былъ Старый Ерикъ. Казаки порѣшили отнести убитаго до воды на рукахъ, такъ какъ тутъ было топко.

Теперь, когда повозка стояла, и не было слышно чмоканья лошадиныхъ копытъ, ночь точно ожила: камышъ шуршалъ и шелестѣлъ сухими листьями, метелки кланялись и шевелились, и чудились со всѣхъ сторонъ странные, неуловимые, непонятные звуки, точно кто-то тутъ былъ и что-то тутъ дѣлали, только скрывали свое присутствіе.

— Бери.

Но когда они стали подымать трупъ, Максимъ вдругъ опустилъ.

— Погоди трошки. Потить посмотрѣть. Вѣдь тутъ — бродъ, кабы не напороться на кого.

И Игнатъ остался одинъ съ повозкой.

Максимъ прошелъ, осторожно раздвигая камыши. Двѣ лягушки шлепнулись съ берега, вынырнули и поплыли, оставляя шевелящійся слѣдъ по темной водѣ.

Максимъ присѣлъ на корточки и сталъ всматриваться. Лошадиные и коровьи слѣды отпечатались на грязи. И чѣмъ больше онъ всматривался надъ водою, тѣмъ какъ будто виднѣй и виднѣй становилось. Звѣзды уже не отражались въ водѣ, и надъ водой ясно стояли камыши, чуть похилившись метелками. Выбравшаяся на тотъ берегъ дорога отчетливо обозначалась, и по свѣтлѣвшей водной глади то здѣсь, то тамъ выступали, неподвижно отражаясь, почки и островки осоки.

По мѣрѣ того, какъ кругомъ все больше и больше свѣтлѣло, тревога охватывала Максима. Свистя, пронеслись

утки. Подъ берегомъ заквакала лягушка. Ей отозвались съ той стороны, но она раздумала и угомонилась

Максимъ уже хотѣлъ идти и вдругъ остановился. Набѣжавшій вѣтерокъ зарябилъ воду, тронулъ плававшіе поверхъ кувшинки, погнулъ камышъ и осоку въ одну сторону. Камыши опять безпорядочно заговорили о чемъ-то непонятно и безпокойно, и сквозь эти звуки Максимъ уловилъ то, отъ чего у него волосы подъ шапкой стали дыбомъ: откуда смутно и неясно донесся людской говоръ.

Затаилъ дыханіе: нельзя было разобрать ни словъ, ни голосовъ, но сквозь шуршанье и шелестъ камыша явственно доносилось съ той стороны, какъ гомонѣлъ народъ.

— Пропали!—задыхаясь и хватая лошадь за уздечку, прерывающимся полушепотомъ проговорилъ Максимъ,—народъ...

— Откеда народъ?

Игнатъ все время стоялъ у повозки и до этого среди ночной тишины ничего не замѣчалъ и не слышалъ.

— Не слышишь что ль!.. на той сторонѣ... гляди, занимается!..

Это точно ударило Игната. Онъ тоже напряженно вслушался. Сначала только лепетъ, говоръ и шелестъ листьевъ камыша доносились, но потомъ почудилось то, какъ будто народъ возвращается или ѣдетъ на поле, и неспѣша поскрипывали телѣги, медленно тянутся волы, а народъ говоритъ и разсказываетъ, лежа на телѣгахъ. Казалось, что дѣйствительно кругомъ посвѣтлѣло. Камыши ясно выступали, пересѣкаясь въ разныхъ направленіяхъ, повозка, лошадь, мертвецы выдѣлялись рѣзче и опредѣленнѣе.

Безпокойство и страхъ охватили ихъ.

Они вмѣстѣ стали гнать и заворачивать лошадь, но она крутила гололой и не хотѣла идти отъ воды—ее не поили. Ноги у нея вязли глубже, глубже. Максимъ больно ударилъ ее подъ брюхо каблукомъ и сталъ тянуть за уздечку, а она осѣла на заднія ноги и стала наваливаться на оглоблю. Тѣ въ ужасѣ поддерживаля ее, упираясь руками.

— Ляжетъ... ей Богу ляжетъ!.. Микола Угодникъ!..—въ отчаяніи шепталъ Игнатъ.

Забѣжалъ напередъ, ухватилъ за морду и крѣпко зажалъ ей ноздри. Лошадь, сапя и задыхаясь, закинула головой, рванулась, выпростала ноги и повезла, вся вытягиваясь, чмокая и вытаскивая изъ тины копыта.

Завернули и поѣхали прочь, торопливо поспѣвая за повозкой, цѣликомъ, безъ дороги, ломая сухой камышъ и съ такимъ шумомъ и трескомъ, что было слышно за цѣлую версту. Кругомъ никого не было.

Только когда перестали шумѣть ложившіяся подъ повозкой камыши и выбрались на чистое мѣсто, вздохнули свободнѣе и перестали гнать лошадь.

VI.

Оттого ли, что они не присматривались такъ напряженно,—или отъѣхали отъ воды, или отъ чего другого, но стало гораздо темнѣе. Дороги не видно было, да и ѣхали они бездорожно. Вокругъ опять стояла ночная тишина.

Они шли въ темнотѣ, и возлѣ скрипѣли колеса, впереди смутно рисовались передокъ повозки, задъ лошади, потомъ сѣделка и темнымъ контуромъ подымавшаяся дуга, и въ ней качающаяся голова лошади. Надъ ними все то же звѣздное небо, тянувшееся во всѣ стороны надъ займищемъ и спускавшееся по краямъ къ темной и молчаливой землѣ.

— Куды же теперича?

Они остановились. Не знали, куда ѣхали, гдѣ была дорога и что надо было дѣлать. Мертвецъ неподвижно лежалъ въ повозкѣ, точно дожидаясь, что, наконецъ, съ нимъ сдѣлаютъ. Кругомъ было тихо, камыши не шуршали. Максимъ обошелъ лошадь, подтянулъ сѣделку, встряхнулъ и поправилъ дугу.

— Не иначе, какъ къ Дону ѣхать.

— Далече,—проговорилъ Игнатъ, чувствуя, что все продолжается слишкомъ долго, что пора бы уже кончиться, что онъ ослабѣваетъ отъ волненія, страха, отъ постоянной напряженности.

— Тамъ навяжемъ камень и въ воду—и тогда шабашъ.

Завернули, отыскали дорогу и опять тронулись среди молчанія и мрака.

Максимъ шелъ возлѣ повозки и чувствовалъ физическое разслабленіе. Не то, чтобы онъ боялся чего-нибудь сверхъестестественнаго, или чтобы его пугалъ убитый, или мучили мысли о послѣдствіяхъ,—онъ пока объ этомъ не думалъ,—но каждый разъ ужасъ охватывалъ его, когда представлялось, что надъ Старымъ Ерикомъ зачинался день.

И вся эта ночь, и все, что окружало его въ неподвижномъ безмолвіи, рѣзко, странно и загадочно выдѣлялось изъ всего, что ему приходилось прежде видѣть и испытывать.

Какъ будто все стояло на своемъ мѣстѣ и было такое же, какъ и всегда, но онъ все никакъ не могъ приладиться, освоиться съ этой какъ будто новой обстановкой, и внимательно присматривался вокругъ, все опасаясь, что онъ не то дѣлаетъ, не такъ, какъ слѣдуетъ, что нужно какъ-то иначе,

и тогда кончится все это и не будетъ его тяготить и стоять надъ нимъ постоянной угрозой. Всѣ мысли сосредоточились на томъ мѣстѣ, гдѣ среди песковъ, мелей и косъ рѣка несла въ темнотѣ свои воды, и гдѣ должно было кончиться это ужасное состояніе, эта ужасная ночь.

Сталъ попадаться песокъ, слабо выдѣляясь отъ чернѣвшей вокругъ земли, и колеса мягко уходили въ него, и онъ съ слабыми звуками сыпался сзади по шинамъ.

По сторонамъ чернѣли кусты тальника, каждый разъ обманывая, представляясь въ видѣ дерева, то въ видѣ человѣка. Но они продолжали подвигаться въ напряженномъ ожиданіи, что если только ничто не помѣшаетъ, наконецъ-то, съ нихъ свалится давившая ихъ тяжесть.

Песокъ пошелъ сплошной. Лошадь, торопливо ступавшая по немъ, осторожно поводя ушами, фыркая и потягивая воздухъ, вдругъ уперлась: впереди былъ обрывъ.

Въ полусумракѣ, выдѣляясь воднымъ просторомъ, открывалась рѣка. Вся поверхность ея сплошь подвигалась на низъ. Подъ глинистымъ обрывомъ слышно было, крутилось и шумѣло сильное теченіе, а съ той стороны сквозь сумракъ отлого тянулись въ рѣку пески, чернѣлъ лѣсъ.

Подъ обрывомъ у самаго берега на водѣ чернѣло что-что узкимъ и длиннымъ силуэтомъ, должно быть, бревно, оно качалось и понемногу поворачивалось, и нельзя было разобрать, шевелитъ ли и подмываетъ его теченіе или что-нибудь другое. Мерещилась темная тѣнь.

Максимъ и Игнатъ стали шарить по берегу, ища камня. Но камней тутъ не было, а ссохшіеся комья глины, которые они отрывали отъ обрыва, разсыпались и разваливались въ рукахъ. Тревога и безпокойство все возрастали. Надъ широкой гладью рѣки становилось свѣтлѣй.

— Пескомъ насыпемъ!

Трясущимися руками стали набивать песокъ за пазуху мертвецу. Песчаныя отмели и косы все яснѣе выступали изъ воды, и лѣсъ на томъ берегу казался совсѣмъ близко.

Бревно подъ берегомъ закачалось и тихонько повернулось вдоль берега, тихо колышась.

Игнатъ впился въ колесо, и губы беззвучно шептали:

— Да вѣдь это—лодка... день зачинается!...

Максимъ стоялъ, чувствуя, какъ зеледенѣло все внутри, и, такъ же едва шевеля губами, скорѣе подумалъ, чѣмъ прошепталъ:

— Молчи... молчи... уходи...

Ужасъ передъ этими выдѣлявшимися на той сторонѣ пескомъ и лѣсомъ, передъ этой свѣтлѣвшей гладью, все больше и больше яснѣвшей, сплошь подвигавшейся между

берегами съ перебѣгавшими по ней кругами и струйками и какъ будто дымившей слегка предутреннимъ паромъ, ужасъ передъ этимъ зачинавшимся утромъ все подавилъ.

Торопясь, трясущимися руками завернули лошадь и тронулись назадъ. И по мѣрѣ того, какъ свѣтлѣющій просторъ воды, пески и лѣсъ оставались позади и они углублялись въ займище, темнѣло. Придорожный чернобыя, солодикъ, репей смутно подымались въ темнотѣ, и нельзя было разобрать—кусты ли это, возвышеньица или сухая трава.

Кругомъ было такъ же пусто, молчаливо и одиноко, какъ бываетъ на лугу въ глухую ночь, а вверху, безмолвно играя и теряясь въ темной глубинѣ, горѣли безчисленныя звѣзды. Игнатъ шелъ у передка, подергивая вожжами, понукая и потрогивая лошадь. Максимъ молча шагалъ за повозкой, медленно поскрипывавшей дрогами, оглоблями и колесами во втулкахъ. Они не осмѣливались сѣсть въ повозку. А въ повозкѣ, встряхиваясь, безжизненно пошатываясь, болтаясь изъ стороны въ сторону, смутно обрисовывалось протянутое тѣло.

Они не говорили другъ съ другомъ, и повозка все такъ же одинаково подвигалась по кочковатой малоѣзженной дорогѣ. Надо было кончить такъ или иначе, но какъ-нибудь кончить. Они подвигались все дальше и дальше среди ночного мрака, и темныя неясныя очертанія возвышенности начинавшейся степи смутно обрисовывались впереди, но, когда подъѣзжали, это оказывалась музга или камыши, или кочки пересохшаго озерца.

Казалось, этому заимищу, этому мраку, этому состоянію не будетъ конца. Они шли, чувствуя надъ собой, съ боковъ, спереди, сзади что-то, которое тоже шло вмѣстѣ съ темнотой и молчаніемъ ночи, не оставляя ихъ ни на минуту, останавливаясь вмѣстѣ съ ними и опять продолжая, какъ только они трогались.

VII.

— Никакъ сбились...—проговорилъ Игнатъ, натягивая возжи.

Повозка остановилась. И какъ только скрипъ ея замолкъ, глубокая ночная тишина неподвижно воцарилась въ займищѣ, полная чего-то безмолвно совершавшагося въ глубинѣ стоявшей вокругъ темноты.

Максимъ пошелъ немного по дорогѣ, слабо выдѣлявшейся подъ ногами. Она чуть сѣрѣла. Онъ раза два хлопнулъ кнутомъ, слегка взбивая пыль.

— Такъ. Энто, стало быть, Старый Ерикъ, а энто— Мертвая Музга.

— Исажары высоко поднялись,—проговорилъ Игнатъ, немного отходя и чувствуя за собой неподвижно стоявшую на дорогѣ повозку,—должно, за полуночь...

Оба помолчали.

— Сдается мнѣ все, мы кружимъ...

Обоимъ вдругъ представилось, какъ занимался надъ Дономъ день и какъ гомонѣлъ надъ Старымъ Ерикомъ народъ. Опять страхъ охватилъ ихъ, страхъ чего-то невѣдомаго, что преслѣдовало и не отпускало ихъ,—и они заторопились дальше.

Максимъ тронулъ возжами, и лошадь влегла въ хомутъ разъ и другой и тогда только сдвинули повозку, напряженно ступая, какъ будто везли пудовъ тридцать. Повозка опять медленно заскрипѣла среди ночного молчанія. Максимъ видѣлъ, какъ не могла лошадь взять сразу и какъ тяжело она везла, и это наводило ужасъ.

Но онъ не останавливался и ничего не говорилъ Игнату, все равно, какъ ничего они не говорили другъ другу, когда среди ночи занимался день.

Они никого не встрѣтили за все время, ни проѣзжавшей мимо повозки, ни ночевавшаго въ займищѣ табуна или стада,—ни одинъ звукъ ни откуда не доносился. И чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ незнакомѣе и, казалось, еще пустыннѣе становилась мѣстность. Теперь уже перестали попадаться музги, озера и камыши. Равное незнакомое поле разстилалось кругомъ, и ничего нельзя было разобрать.

Максимъ вспоминалъ всѣ свертки, всѣ перекрестки, музги и озера, которые онъ зналъ, какъ пять пальцевъ, соображая, въ которой они сторонѣ займища и куда ѣдутъ. „Донъ... отъ Дону—Ерикъ, потомъ Поповъ Садокъ, потомъ Мертвая Музга, теперича степь должна зачинаться, подняться на гору—тутъ и станъ, а ничего нѣту"... И они продолжали идти въ темнотѣ рядомъ съ повозкой.

— Стой!..—послышался вдругъ надъ ухомъ Максима сдавленный взволнованный шепотъ Игната, ухватившаго его за руку.

Максимъ, что было силы налегъ на возжи, лошадь осѣла на заднія ноги, переднія колеса подвернулись подъ повозку, повозка накренилась, мертвецъ наполовину вывалился, болтаясь свѣсившейся головой и рукой.

— Хуторъ!..

Максимъ замеръ: впереди смутными силуэтами стояли хаты. Оба нѣсколько секундъ напряженно вслушивались.

— Собакъ не слыхать.

Но то, что было хатами, вдругъ зашевелилось.

— Да вѣдь это—народъ!..

Максимъ снялъ шапку и вытеръ потъ со лба.

— Все одно!..—рѣшительно проговорилъ онъ, надѣвая шапку и тронулъ возжи.

Лошадь оправ"лась, дернула, повозка выправилась, мертвецъ было совсѣмъ вывалился, но его встряхнуло, и онъ скатился опять на дно повозки.

А „народъ" неподвижно лежалъ, выдѣляясь неясными контурами, тяжело вздыхая, сопя и отдуваясь, такъ что по степи было слышно.

— Нѣтъ, надыть пойтить посмотрѣть, — проговорилъ Максимъ и остановилъ лошадь.

Онъ прошелъ немного впередъ и сейчасъ же воротился.

— Глядика-сь... да вѣдь это токъ! Когда же мы на гору подымались?

Игнатъ вглядѣлся, это былъ дѣйствительно токъ. Вздыхая, жевали жвачку лежавшіе быки, погасшій костеръ слабо сѣрѣлъ пепломъ, и висѣлъ котелокъ съ остывшей водой и картошкой. Земля была укатана. Поодаль неподвижно и молчаливо стояли копна.

Схватили мертвеца, холоднаго, ставшаго подвижнымъ въ рукахъ, стащили и положили на земь. До этого все казалось, что надо только доѣхать до тока и свалить, чтобъ разомъ прекратить все то, что тянулось въ эту ночь. И вотъ они добрались, наконецъ, до мѣста, но оказывалось, что надо было сдѣлать еще что-то, чтобъ покончить съ тѣмъ состояніемъ, съ тѣмъ неуловимымъ, неосязаемымъ, что тяготило ихъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они выѣхали отсюда.

Игнатъ проговорилъ:

— Такъ, штоль? Хоть бы въ копну закопать... что же такъ на виду...

Максимомъ овладѣла страшное безпокойство. Онъ все срывался, не попадая развязавшимся ремнемъ на головку хомута.

— Гляди!!.

Они оба поглядѣли на востокъ: надъ темнымъ горизонтамъ протянулась красная полоса.

— Уходи!.. уноси ты свою голову!..

Хватаясь другъ за друга, вскочили въ повозку и погнали лошадь. Повозка покатилась, и уже видно, какъ пыль подымается отъ колесъ, уже обозначились верхушки дальнихъ кургановъ.

— Го-го-го-о!!!

Они гнали лошадь, сѣкли кнутомъ и гикали хриплыми, срывающимися голосами.

Забѣлѣла мыломъ шлея, вѣтеръ несъ навстрѣчу клочки пѣны, пыль крутилась и отставала, и съ грохотомъ прыгала, неслась повозка, будя просыпающуюся степь.

— Го-го-го-го-о!..

Кидаемые изъ стороны въ сторону, они оглядывались назадъ изуродованными лицами, туда, гдѣ все больше разгоралась красная полоса, гдѣ отчетливѣе проступали курганы, копны, гдѣ свѣтлѣла и свѣтлѣла степь. Кнутъ втянуло, изорвало и поломало въ колесахъ.

Вырывая другъ у друга возжи, они гнали тяжело скакавшую со сбившейся шлеей, съ свистящимъ дыханіемъ изъ кровавыхъ ноздрей опѣненную лошадь, бѣшено гнали въ ту сторону, гдѣ еще теменъ и неподвиженъ былъ горизонтъ, гдѣ смутно и молчаливо лежала невидимая степь, гнали въ стоявшую еще тамъ ночную темноту, и хриплые срывающіеся крики носились, какъ карканье черно-рѣющихъ надъ головами птицъ.

Въ городѣ.

Мнѣ тѣсно здѣсь, какъ въ тѣсной западнѣ.
Я о поляхъ мечтаю, какъ о чудѣ,
И съ ѣдкой болью мыслю о веснѣ.

Мнѣ надоѣли комнатные люди,
Я сталъ ночнымъ, ищу призывныхъ встрѣчъ,
Красиваго лица, манящей груди.

Меня пьянитъ прерывистая рѣчь,
Мгновенный пылъ, съ моимъ обмѣнно слитый,
Согласность губъ и содроганье плечъ.

Роскошенъ пиръ, такъ ярко пережитый,
Но при концѣ я, какъ неловкій воръ,
Смущенно пью свой кубокъ недопитый.

Я силюсь скрыть мой виноватый взоръ,
Притворный видъ, ненужныя движенья,
И ей и мнѣ ненужный разговоръ.

Меня стыдитъ намѣренность сближенья,
Я сознаю, что оправданья нѣтъ,
Пытливо жду и скорю замедленья.

Еще вопросъ, еще одинъ отвѣтъ.
Закрыта дверь и я бреду уныло.
Вновь смѣхъ колесъ и вкрадчивый разсвѣтъ...

Опять хочу забыть, какъ это было,
Но блѣдность ногъ при ламповомъ огнѣ,
Слова и трепетъ чувственнаго пыла...

Быть можетъ, сплю, быть можетъ, сонъ во снѣ,
Нѣтъ, явно—близко солнечное знанье...
Проклятье дню, здѣсь все, какъ въ западнѣ—

И каждый шагъ, и каждое желанье.

Александръ Рославлевъ.

Барельефъ.

Я видѣлъ барельефъ, и до сихъ поръ
Мнѣ сердце жжетъ о немъ воспоминанье...
Вотъ въ небо крикъ, вотъ каменный укоръ!

Подъ барельефомъ не было названья: —
Трупъ женщины, на немъ мужчины трупъ,
Ихъ змѣй сдавилъ и замеръ въ созерцаньи...

Взглядъ у обоихъ холоденъ и тупъ,
Но столько страсти въ жадномъ поцѣлуѣ
Отъ смертной боли искривленныхъ губъ!

Проклятый змѣй, чью силу роковую,
Не одолѣть, чьихъ чаръ не избѣжать,
Коварный змѣй, обвившій ось земную!

Земля, земля! Моя святая мать!
Вездѣ проползъ онъ, врагъ твой ненасытный,
На всемъ—его зловѣщая печать.

Неуязвимый, злобно-любопытный,
Слѣдившій жизнь несчетные года,
Онъ исказилъ твой обликъ первобытный:

Чуть не до неба встали города,
Гдѣ ровный свѣтъ... гудки автомобилей...
И гдѣ просторъ потерянъ навсегда...

Напрасны взрывы яростныхъ усилій
И крикъ: „свобода!“ смѣлыхъ бунтарей,—
Намъ не вернуться къ легендарной были,

Когда подъ солнцемъ—звѣри межъ звѣрей —
Бродили радостно Адамъ и Ева,
Прекрасны, мудры въ наготѣ своей...

Что жъ, сѣятель губительнаго сѣва?
Ты побѣдилъ — земля въ сѣтяхъ твоихъ,
Но чѣмъ еще насытишь алчность зѣва?

Духъ познаванья, темный богъ слѣпыхъ!

Александръ Рославлевъ.

Болѣзнь.

Разсказъ Бориса Лазаревскаго.

I.

Все кругомъ было чужое и мертвое. Вездѣ иней, тишина и холодъ. На берегу голыя, корявыя деревья мерзли и вспоминали милое лѣто, когда ихъ грѣло солнце. Грязный ледъ владивостокской бухты крѣпко держалъ огромный транспортъ „Агарь". Еще въ прошломъ году этотъ пароходъ стоялъ у береговъ Цейлона и назывался иначе; тогда синія, теплыя волны ласкали его борты.

Впереди, ближе къ рейду, дремали два трехмачтовые крейсера—остатки эскадры. Сотни людей, жившихъ внутри этихъ сѣрыхъ стальныхъ коробокъ, отлично понимали, что морская война уже кончена и что они больше никогда и никуда не пойдутъ. Тѣмъ не менѣе жили и служили, то есть продѣлывали каждый день церемонію поднятія и спуска флага, производили ученія и тревоги, а къ вечеру успокаивались. Затѣмъ, до слѣдующаго утра, на мостикѣ топалъ ногами вахтенный и слышно было, какъ гудитъ машина электрическаго освѣщенія.

Такъ жили и служили и на „Агари", и безумно, хоть и невидимо, тосковали. Тосковали о потерѣ флота, который крѣпко, чисто-инстинктивно любили. Тосковали безъ родины, безъ писемъ, безъ душевнаго тепла дорогихъ людей. Томились и мучались, какъ въ тюрьмахъ, и старались скрывать эти мученія другъ отъ друга. Хорошее видѣли только во снѣ. У матросовъ лица были сѣрыя, угреватыя, у офицеровъ—желтыя, обрюзгшія.

По воскресеньямъ въ каютъ-компаніи заказывали обѣдъ получше и старались пригласить хоть одну или двѣ дамы изъ немногихъ, оставшихся въ городѣ офицерскихъ или чиновничьихъ женъ. Чистили тужурки, надѣвали свѣжіе воротнички и, съ утра, ожидали гостей.

Меню всегда сочинялъ сорокалѣтній, всѣми любимый лейтенантъ Хлѣбниковъ. На дѣйствительную службу онъ

поступилъ добровольно изъ отставки и собирался воевать, но только просидѣлъ двѣнадцать мѣсяцевъ въ каютѣ и разжирѣлъ, какъ индюкъ въ мѣшкѣ. Борода у дяди Хлѣбникова была длинная, свѣтло-рыжая, будто смазанная іодомъ. Говорилъ онъ низкимъ басомъ и солидностью движеній напоминалъ духовную особу.

По его приказанію сегодня готовили: супъ съ пирожками, на второе поросенка съ кашей, за котораго заплатили пятнадцать рублей, а на сладкое—великолѣпный консервированный ананасъ, купленный за одинъ рубль. Поваръ былъ отличный, изъ запасныхъ, получавшій на волѣ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, а теперь, какъ матросъ второй статьи, всего рубль и сорокъ семь копеекъ.

До обѣда оставался еще часъ, но въ каютъ-компаніи уже былъ накрытъ столъ. Прапорщикъ запаса Хоменко объяснялъ вѣстовому, какъ нужно сворачивать салфетки. Другой прапорщикъ, Стельчинскій, настраивалъ гитару и едва слышно подпѣвалъ каждой струнѣ высокимъ, печальнымъ теноркомъ. Дядя Хлѣбниковъ, съ налитымъ кровью лицомъ, стоялъ передъ зеркаломъ и трясущимися руками силился застегнуть верхнюю запонку своей туго накрахмаленной сорочки.

У всѣхъ троихъ офицеровъ прошлая жизнь была нелѣпой и тяжкой, но каждому изъ нихъ казалось, что въ Россіи у него было какое-то огромное настоящее счастье и только теперь наступило время, когда приходится подогрѣвать свое существованіе искусственными мѣрами...

Въ половинѣ одиннадцатаго подвахтенный доложилъ, что на льду бухты показались: „дви барыни и два армейскихъ охвицера“.

Черезъ пять минутъ обѣ дамы—одна толстая, а другая тонкая—уже подымались по трапу. Кавалеры шли въ нѣкоторомъ отдаленіи. Всѣ они улыбались. Улыбались наверху и встрѣчавшіе. Подъ тяжестью четырехъ человѣкъ насквозь промерзшій трапъ закачался и заскрипѣлъ.

Въ каютъ-компаніи прапорщики не позволили вѣстовымъ снять съ дамъ ротонды и сдѣлали это сами. Обѣ женщины были некрасивыя, съ дряблыми, усиленно присыпанными пудрою лицами и жеманились, какъ дѣвочки; но послѣ ихъ прихода въ тѣсномъ, пропитанномъ табачнымъ дымомъ помѣщеніи, вдругъ повѣяло невидимой радостью. Чувствовалось, что теперь уже никто не выбранится трехэтажнымъ словомъ и никто не разскажетъ анекдота, послѣ котораго можетъ стошнить.

Мужья дамъ—армейскіе офицеры, оба капитаны, оба уже съ просѣдью, съ любопытствомъ осматривали мало

знакомую обстановку каютъ-компаніи, они все еще улыбались и были очень довольны, что попали въ тепло.

Сейчасъ же время побѣжало гораздо быстрѣе. Когдасъ ѣли закуску, съ берега пришелъ еще одинъ гость—лейтенантъ Охотинъ. Молодой, съ русой бородкой, блѣдный, съ безпокойными голубыми глазами, съ университетскимъ значкомъ на сюртукѣ, онъ наскоро поздоровался, сѣлъ за столъ и крѣпко потеръ рука объ руку.

— Что, Николай Федоровичъ, очень холодно?—спросилъ Стельчинскій.

— Да... морозъ звѣрскій... Иду я это сюда и вижу, два корейца выпилили огромный кусокъ льда, поставили этотъ кусокъ точно обелискъ и любуются его прозрачностью. Д-да... И вдругъ мнѣ пришло въ голову, что абсолютно нравственные люди потому и чисты, что холодны, какъ ледъ.

Охотинъ машинально поправилъ воротничокъ и тряхнулъ головою.

— Вы у насъ извѣстный философъ, — неодобрительно прогудѣлъ Хлѣбниковъ.

— Никогда я философомъ не былъ и всякой философіи терпѣть не могу, потому что люблю все самое обыкновенное и чисто-земное...

— Значитъ, слѣдуетъ выпить водки,—добавилъ Стельчинскій и налилъ двѣ большихъ рюмки. Охотинъ выпилъ не спѣша, немного оставилъ на днѣ и не закусилъ.

— Еще?—спросилъ Стельчинскій.

— Можно.

Снова чокнулись и выпили.

Оба прапорщика очень любили Охотина и имъ казалось, что онъ и дядя Хлѣбниковъ—единственные „желтопогонники“, которые не тычутъ имъ въ носъ своего общественнаго превосходства. Нравилось имъ также, что ни тотъ, ни другой никогда не старались овладѣть вниманіемъ ихъ дамъ.

Проглотивъ нѣсколько ложекъ супу, Охотинъ трясущеюся рукою снова потянулся къ графину и налилъ себѣ водки. Потомъ выпили еще по одной съ дядей Хлѣбниковымъ.

— Вы, monsieur Охотинъ, сегодня, кажется, склонны къ алкоголизму?—сказала толстая дама и снисходительно улыбнулась.

— Нѣтъ, это пустяки. Вернусь послѣ войны домой и тогда совсѣмъ брошу пить,—отвѣтилъ Охотинъ, тряхнулъ головою и подумалъ: „ахъ, какая дура, ахъ какая дура“...

— Конечно, пустяки,—отозвался Хоменко и, желая быть дипломатичнымъ и галантнымъ, добавилъ:—Слушайте, го-

спода, выпьемъ еще по одной за здоровье нашихъ прекрасныхъ дамъ.

— Я не желаю, чтобы мое здоровье пили водкой,— прощебетала тонкая барыня.

— Въ такомъ случаѣ мы выпьемъ мадеры.

— Мадеры можно...

II.

Послѣ обѣда подали кофе и ликеры. Закурили сигары. Въ синемъ дыму тѣсной каютъ-компаніи дребезжащіе голоса обѣихъ барынь казались офицерамъ звонкими и молодыми.

Толстая дама умильно посмотрѣла черезъ лорнетъ на прапорщика Стельчинскаго и сказала:

— Милый Петръ Петровичъ, пожалуйста, спойте намъ что-нибудь.

Стельчинскій покраснѣлъ, и на вискѣ у него ясно обозначилась синяя жилка.

— Я могу, только, право, не знаю, что вамъ нравится.

— Все, что хотите.

— Да не ломайсь...—пустилъ октавой Хлѣбниковъ.

Стельчинскій взялъ съ дивана гитару, побренчалъ на одной струнѣ, потомъ на другой, низко опустилъ голову и началъ:

Ни слова, о, другъ мой... ни вздоха...
Мы будемъ съ тобой молчаливы...

Голосъ у него былъ высокій, но мягкій. Въ каждомъ словѣ и въ каждой нотѣ, кромѣ голоса, пѣла еще невидимая искренность человѣка, чувства котораго совпали съ настроеніемъ композитора. Этой искренности не могли повредить ни тѣснота помѣщенія, ни табачный дымъ, ни выпитая водка. Аккомпанировалъ себѣ Стельчинскій мастерски, и подъ его пальцами каждая струна тоже пѣла.

Вѣдь молча надъ камнемъ,
Надъ камнемъ могильнымъ
Склоняются грустныя ивы...

Продолжалъ онъ. Лица всѣхъ слушавшихъ постепенно измѣнялись. Дамы прищурились и, видимо, наслаждались. Мужчины какъ будто встревожились и съ ихъ губъ исчезло выраженіе послѣобѣденнаго животнаго довольства.

Охотинъ испуганно глядѣлъ въ землю и ноздри его замѣтно шевелились. Такъ же испуганно смотрѣлъ стоявшій у дверей вѣстовой матросъ. И всѣмъ казалось, что это поетъ

не прапорщикъ Стельчинскій, а какой-то другой, необыкновенный человѣкъ, котораго они раньше не видали.

И только, склонившись, читают,
Какъ я въ твоемъ сердцѣ усталомъ,
Что были дни яснаго счастья,
Что этого счастья не стало...

Голосъ мягко изгибался, перешелъ въ нѣжное pianissimo и неутѣшно закончилъ:

Что этого счастья не стало...

Стельчинскій замолчалъ. Никто не сказалъ одного слова. Слышно было, какъ тяжело дышитъ Охотинъ. Ясно раздавались шаги ходившихъ на палубѣ матросовъ. Наконецъ, тонкая барыня несмѣло выговорила:

— Петръ Петровичъ, пожалуйста, пожалуйста, спойте еще что-нибудь...

И глаза у нея вдругъ стали добрыми и красивыми. Стельчинскій вздохнулъ.

— Видите ли, я не отказываюсь, но два такихъ романса подрядъ,—мнѣ тяжело пѣть. Лучше мы съ Хоменкой изобразимъ какой-нибудь дуэтъ...

Всѣ присутствовавшіе чувствовали, что его уже не нужно упрашивать, что теперь онъ и самъ не можетъ не пѣть и знаетъ, какая вещь выйдетъ у него лучше. Хлѣбниковъ, который слышалъ его голосъ чаще другихъ, зналъ, что прапорщикъ самъ взволнованъ своимъ искусствомъ и сказалъ слово „изобразимъ“ вмѣсто „споемъ“ только затѣмъ, чтобы не выдать этого волненія. Стельчинскій посмотрѣлъ на Хоменка и коротко произнесъ:

— Споемъ „Ночи безумныя“.

Хоменко молча всталъ съ дивана, заложилъ руки за спину и облокотился о стѣнку. Охотинъ поднялъ голову и ни съ того, ни съ сего пробормоталъ:

— Да... Музыка вещь ужасная, ужасная, ужасная...

Всѣ посмотрѣли на него съ недоумѣніемъ. Хлѣбниковъ раскрылъ ротъ и хотѣлъ что-то возразить, но въ это время баритонъ съ низкой ноты, а теноръ съ высокой начали:

Но-чи-безум-ныя, но-чи безсо-нныя...

Голоса точно на секунду сошлись, обнялись и, достигнувъ огромной, но не одинаковой силы, опять поплыли въ разныя стороны.

Хоменко пѣлъ спокойно, увѣренно, но было слышно, что это не увѣренность художника, а только человѣка, отлично разучившаго свою партію. Голосъ Стельчинскаго дѣлалъ

впечатлѣніе не одной точностью исполненія мелодіи. Слышалось въ немъ свое собственное, для всѣхъ новое и необыкновенно сердечное. Было понятно, что Хоменкѣ не все равно, слушаетъ ли его кто или нѣтъ, а Стельчинскому это безразлично. Особенно красиво вышелъ куплетъ

Пусть даже время рукой безпощадною
Мнѣ указало, что было въ васъ ложнаго...

На полъ-секунды голоса опять стихли и потомъ, будто прижавшись другъ къ другу, пошли къ концу.

Все же лечу я къ вамъ памятью жадною,
Въ прошломъ отвѣта ищу невозможнаго,
Ночи безумныя, ночи безсонныя!..

Стельчинскій положилъ гитару. Хоменко опять сѣлъ на диванъ. Зрачки Охотина были широко раскрыты. Хлѣбниковъ вздохнулъ и пробасилъ:

— Вѣстовые, дайте сельтерской.

Матросъ оторвался отъ двери и побѣжалъ въ буфетъ. Другой вѣстовой (никто не замѣтилъ, когда онъ вошелъ), осторожно нагибаясь черезъ спины офицеровъ, началъ убирать со стола лишнюю посуду.

Толстая дама долго смотрѣла на Стельчинскаго черезъ лорнетъ, потомъ вздохнула и сказала:

— Вы, Петръ Петровичъ, настоящій, большой артистъ.

— Да, вродѣ какъ Собиновъ,—отозвался одинъ изъ армейскихъ офицеровъ и добавилъ,—хотя я его слышалъ только въ граммофонѣ,—и громко засмѣялся, но никто другой не улыбнулся.

Охотинъ все еще не двигался и смотрѣлъ въ одну точку. Казалось, что онъ видитъ передъ собою что-то страшное, сверхъ-естественное, совсѣмъ непонятное для другихъ. Наконецъ, онъ всталъ, съ жадностью выпилъ сельтерской воды и, немного пошатываясь, какъ человѣкъ, у котораго вдругъ закружилась голова, ушелъ въ каюту Стельчинскаго.

— Отправился спать,—сказалъ Хлѣбниковъ, и по тону его голоса было слышно, что и ему самому уже хочется полежать.

Стельчинскому не сидѣлось. Дамы продолжали его хвалить, а онъ отвѣчалъ невпопадъ и принужденно. Когда его опять начали просить спѣть, Стельчинскій замоталъ головою и отвѣтилъ:

— Уже прошло настроеніе и ничего хорошаго не выйдетъ.

Онъ всталъ, взялъ гитару и понесъ ее въ свою каюту.

Охотинъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Плечи его потихоньку вздрагивали.

— Вы не спите?—спросилъ Стельчинскій.

Лейтенантъ не поднялъ головы и, должно быть, не слыхалъ вопроса. Его плечи опять передернулись. Стельчинскій рѣдко видѣлъ, какъ плачутъ офицеры. Ему вдругъ стало жарко и по всему тѣлу какъ будто пробѣжалъ электрическій токъ. Онъ положилъ гитару на столикъ и не зналъ, что нужно дѣлать. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда умерла его мать, онъ видѣлъ, какъ лежалъ въ такой же самой позѣ и такъ же вздрагивалъ отецъ и теперь подумалъ, что съ Охотинымъ случилось что-нибудь страшное и непоправимое. Онъ осторожно провелъ рукой лейтенанта по спинѣ и окликнулъ:

— Николай Федоровичъ, что съ вами?

Охотинъ поднялся и сѣлъ на койкѣ. Все его лицо было въ красныхъ пятнахъ, глаза припухли и жмурились на свѣтъ, какъ у больного. Онъ высморкался въ мокрый платокъ и съ досадой сказалъ:

— Притворите дверь, какъ слѣдуетъ.

Стельчинскій однимъ движеніемъ дернулъ къ себѣ мѣдное кольцо двери, сѣлъ возлѣ Охотина и опять спросилъ:

— Николай Федоровичъ, что съ вами?

— Да ничего особеннаго. Немножко нервы устали, а въ общемъ мнѣ очень стыдно. Со мной этого уже давно не случалось и теперь я самъ себѣ отвратителенъ.

Онъ замолчалъ и опять высморкался. Отъ мокрой подушки и отъ носового платка потянуло чѣмъ-то теплымъ и кислымъ. И весь воздухъ въ каютѣ былъ дымный, спертый, пропитанный запахомъ стоявшихъ въ углу смазныхъ сапогъ прапорщика.

III.

— Принести вамъ воды?—спросилъ Стельчинскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно.

Лейтенантъ махнулъ рукой и снова легъ на койку, потомъ улыбнулся и прошепталъ:

— Ты, Петя, хорошій человѣкъ...

Стельчинскій не удивился тому, что Охотинъ вдругъ перешелъ на „ты“,—въ пьяныхъ компаніяхъ это случалось часто. Онъ только отрицательно покачалъ головой и такъ же тихо и задумчиво отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я плохой человѣкъ.

— По сравненію со мной ты ангелъ,—настойчиво выговорилъ Охотинъ.—Я вижу тебя, не-то четвертый, не-то пятый

разъ въ жизни, а какъ будто знакомъ съ тобой уже давно... Если ты и дѣлаешь что-нибудь худое, такъ только то, что поешь съ огромнымъ чувствомъ. Дай папироску...

Помолчали. Охотинъ нѣсколько разъ съ наслажденіемъ затянулся и опять заговорилъ полушепотомъ.

— Твоя музыка, братъ, страшная... Ты почти художникъ. Я говорю почти, потому что не понимаю музыкантовъ, исполняющихъ чужое, да еще разученное. Настоящему музыканту можно сказать: сядь за рояль и сыграй мнѣ о томъ, какъ ты былъ сегодня счастливъ или несчастливъ. И онъ скажетъ мелодіей больше, чѣмъ словами, и каждый тактъ этой мелодіи здѣсь же, подъ руками, у него и родится. Если бы я былъ музыкантомъ, я бы только такъ и могъ играть. Вотъ эта вещь на слова Плещеева: „Ни слова, о, другъ мой"... она только и могла выйти изъ-подъ рукъ человѣка, который горькимъ опытомъ понялъ, что когда все потеряно, тогда уже говори—не говори... ничего не спасешь и не вернешь,—воистину какъ надъ могильнымъ камнемъ. Да-а... Или этотъ апухтинскій романсъ „Ночи безумныя". Господи, какой онъ затасканый, но каждое его слово попадаетъ прямо въ сердце, потому что любовь—это дѣйствительно безуміе, хоть и сладкое. Кто живетъ однимъ разсудкомъ и моралью, тотъ никогда не узнаетъ, что такое настоящее, всю душу потрясающее наслажденіе.. Когда вы съ Хоменкой удивительно проникновенно пѣли вотъ это мѣсто

Пусть даже время рукой безпощадною
Мнѣ указало, что было въ васъ ложнаго,
Все же стремлюсь я къ вамъ памятью жадною...—

тогда моя память стала дѣйствительно жадной. Дай спички...

Охотинъ долго раскуривалъ папиросу и, когда заговорилъ снова, голосъ его сталъ глуше.

— Ты знаешь—я женатъ. И жена Люся, и сынъ Боря у меня чудесные. Но... существовала такая семнадцатилѣтняя барышня Таня... Какъ мы познакомились—это я тебѣ потомъ разскажу. Красавицей ее нельзя было назвать, много въ ней чувствовалось животнаго, душа была исковерканная и въ достаточной мѣрѣ холодная, но тѣло у нея, когда-то, было гибкое, какъ у тигра, нѣжное, какъ атласъ, и горячее, какъ іюльскій день. Ради Бога, не подумай, что мы были съ нею въ связи. Нѣтъ. Но было нѣсколько моментовъ, когда я могъ цѣловать ея грудь, ноги, руки. Воля у нея была сатанинская и только благодаря этой волѣ я и не скатился въ пропасть... Да. И вотъ, знаешь, я—университетскій человѣкъ, семьянинъ вполнѣ удовлетворенный, какъ мужчина и, какъ меня называетъ дядя Хлѣбниковъ „философъ", ради Тани

исковеркалъ всю свою жизнь, растерялъ по мелочамъ всю свою порядочность и потерялъ уваженіе самыхъ дорогихъ мнѣ людей. И... если бы теперь самъ Господь Богъ спросилъ меня, желаю ли я начать свою жизнь опять сначала и прожить ее точно такъ же?..—я бы отвѣтилъ, что желаю. Я страшно мучился и физически, и морально, но готовъ мучиться еще, и въ десять разъ сильнѣе, только чтобы вернулись тѣ моменты... Время указало мнѣ какъ нельзя лучше, что въ моихъ отношеніяхъ съ Таней было ложнаго, можетъ быть, даже все было ложное, а вотъ съ памятью ничего не подѣлаешь. Каждый поцѣлуй, каждую ласку я помню, точно все это было не три года назадъ, а всего нѣсколько часовъ... Я больше такихъ женщинъ и не встрѣчалъ, то есть встрѣчалъ напоминавшихъ ее, но въ концѣ концовъ всѣ онѣ были похожи на Таню, по хохлацкому выраженію, такъ же, „якъ чорне теля на жиночью плахту". И тянется эта бѣда безъ конца,— иногда острѣе, иногда—легче.

У Охотина вдругъ опять показались на глазахъ слезы. Онъ сдѣлалъ глотокъ и продолжалъ:

— Сегодня я видѣлъ ее во снѣ, видѣлъ такою, какою она уже никогда не будетъ. Проснулся—и больше не могъ закрыть глазъ. До утра все ходилъ по комнатѣ и выкурилъ чуть не полъ-сотни папиросъ... Но какъ отчетливо, какъ ясно видѣлъ! Ты понимаешь, что я, напримѣръ, помню запахъ ея тѣла, тоненькіе волосики на ея рукѣ... Вѣдь это страшно... Усталъ я... Иди, братъ Петя, въ каютъ-компанію, а то неловко... Я свой, а тамъ гости. Я подремлю немного. Потомъ еще разскажу. Тебя мнѣ не стыдно. Человѣкъ, умѣющій такъ пѣть, не можетъ не понимать этихъ вещей. Иди, голубчикъ. Усталъ я страшно,—точно меня бамбуковыми палками избили, и разсказываю не такъ какъ слѣдуетъ. Теперь ужъ она совсѣмъ другая стала. Потомъ разскажу толковѣе. Иди, Петя, оставь меня одного...

Охотинъ отвернулся къ стѣнѣ и замолчалъ.

Стельчинскій вздохнулъ, захватилъ изъ коробки папиросъ и вернулся въ каютъ-компанію.

— Что вы тамъ такъ долго его исповѣдывали?—спросила толстая дама.

— Такъ. Ничего. Нездоровится ему немного...

— Выпилъ лишнее, вотъ и нездоровится. Воли у васъ всѣхъ очень мало,—опять сказала дама и съ укоромъ покачала головой.

— А у васъ ея слишкомъ много,—сердито отвѣтилъ Стельчинскій, но сейчасъ же спохватился, покраснѣлъ и забормоталъ:—Извините, ради Бога, я, право, не знаю, какъ это у меня вырвалось...

Отъ сознанія своей невѣжливости онъ покраснѣлъ еще сильнѣе и ему казалось, что онъ обидѣлъ не только даму, но и ея мужа, который потребуетъ отъ него непріятныхъ объясненій.

Но одинъ изъ армейскихъ капитановъ только вздохнулъ и произнесъ:

— Воля здѣсь ни при чемъ, и выпивка ни при чемъ. Мужчина устроенъ иначе, чѣмъ женщина, и жизнь его иная. Мы съ тобой сколько времени вмѣстѣ живемъ, а все-таки другъ друга не всегда понимаемъ...

Всѣмъ стало неловко. Хлѣбниковъ нахмурился и думалъ: „Эти прапоры, хоть ихъ въ десяти водахъ мой, все-таки невѣжами останутся". Тонкая дама покосилась на капитана и прощебетала:

— А я, Никаноръ Ивановичъ, съ вами не согласна. По-моему, и мужчина, и женщина созданы совершенно одинаково...

— Возможно, возможно,—отвѣтилъ капитанъ,—все возможно...

— Вы напрасно рѣшили, что я на васъ обидѣлась,— сказала толстая дама Стельчинскому.—Напротивъ, я люблю искренность, а кромѣ того вы сегодня доставили намъ такое огромное удовольствіе своимъ пѣніемъ, что я ничего, кромѣ благодарности, не могу къ вамъ чувствовать... И она пріятно улыбнулась.

„Слава Богу, слава Богу", думалъ Хлѣбниковъ. Онъ очень боялся всякихъ серьезныхъ разговоровъ, которые, какъ ему казалось, непремѣнно кончаются споромъ или крупной ссорой. Ему хотѣлось, чтобы гости въ его каютъ-компаніи всегда только наслаждались и веселились.

Подали чай. Хоменко попробовалъ разсказать нѣсколько анекдотовъ, но они никому не понравились. Стельчинскій упорно молчалъ. Чья-то невидимая тоска проникла въ каютъ-компанію и затуманила всѣхъ. Каждый думалъ свое. Въ каютъ-компаніи зажглось электричество и никто этого не замѣтилъ. Вошелъ весь покрытый инеемъ, бѣлый, какъ рождественскій дѣдъ, боцманъ, вытянулся передъ Хлѣбниковымъ и доложилъ, что до спуска флага осталось пятнадцать минутъ.

— Хорошо. Скажи барабанщику, чтобы билъ повѣстку. Ступай.

Хлѣбниковъ надѣлъ кортикъ и, уже обращаясь къ дамамъ, сказалъ:

— Замѣчательно рано теперь темнѣетъ, еще не зашло солнце, а уже читать нельзя.

— Это оттого, что будетъ снѣгъ,—отвѣтилъ одинъ изъ капитановъ и сталъ надѣвать шашку.

Гости знали, что послѣ спуска флага постороннимъ нельзя оставаться на „Агари“ и стали собираться. Хоменко тоже одѣлся, сдѣлалъ серьезное лицо и спросилъ Хлѣбникова:

— Разрѣшите мнѣ на берегъ до полуночи?

— Пожалуйста.

Сходить по трапу казалось гостямъ страшнѣе, чѣмъ подыматься. Дамы нерѣшительно топтались на площадкѣ. Хоменко пошелъ впередъ и тогда за нимъ двинулись остальные. Черезъ секунду ихъ спины потерялись въ сѣромъ холодномъ туманѣ. Хлѣбниковъ вздохнулъ и сказалъ:

— Петръ Петровичъ, пожалуйста, поприсутствуйте при спускѣ флага, а то у меня голова болитъ, я полежу.

— Есть.

Тяжко охнулъ съ флагманскаго судна пушечный выстрѣлъ.

— Флагъ спустить,—лѣниво скомандовалъ Стельчинскій матросу, потомъ выслушалъ рапортъ боцмана и пошелъ въ каюту.

IV.

Охотинъ спалъ непокойно. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку, иногда стоналъ и проводилъ рукой по лицу, точно сгонялъ мухъ. Стельчинскій осторожно прошелъ мимо него къ шифоньеру, досталъ табакъ и гильзы, сѣлъ и началъ дѣлать папиросы. Каждый шорохъ, каждый вздохъ спящаго лейтенанта раздавался въ его ушахъ особенно отчетливо, и ему стало жаль Охотина, какъ бываетъ жаль безнадежно-больного. Часы звучно чикали на стѣнѣ, но казалось, что стрѣлки на нихъ почти не двигаются.

Стельчинскому вдругъ захотѣлось оглянуться и, когда онъ повернулъ голову, то увидѣлъ, что Охотинъ уже сидитъ на койкѣ, протираетъ глаза и виновато улыбается.

— Ну, что? Подремалъ?—спросилъ Стельчинскій.

— Да-а...

— Хочешь сельтерской?

— Лучше горячаго чайку. А гости уже ушли?

— Давно ушли. Хлѣбниковъ спитъ...

— Ну, и слава Богу.—Охотинъ нагнулся всей фигурой впередъ, кивнулъ головой, опять улыбнулся и сказалъ:— Ты знаешь, Петя, это хорошо, что я началъ разсказывать тебѣ все,—на душѣ веселѣй стало. Вѣдь до сихъ поръ я только жарился въ своемъ собственномъ соку,—это, братъ, очень тяжелая марка...

Охотинъ на минуту замолчалъ, внимательно посмотрѣлъ на Стельчинскаго и по выраженію его глазъ понялъ, что онъ будетъ его слушать не изъ одного любопытства и никогда не станетъ вышучивать того, о чемъ узнаетъ.

Вѣстовой принесъ на подносѣ чай и не зналъ, куда его поставить. Охотинъ взялъ стаканъ и медленно выпилъ его ложечкой. Послѣ чая онъ съ удовольствіемъ выкурилъ папироску и заговорилъ очень спокойно:

— Ты знаешь, я вѣдь въ морскомъ корпусѣ не былъ. Я окончилъ университетъ, математическій факультетъ. Запрягаться сейчасъ же въ чиновничью лямку не хотѣлось, а хотѣлось увидѣть чужія страны и какъ тамъ живутъ люди. Я зачислился во флотъ юнкеромъ и проплавалъ шестнадцать мѣсяцевъ за границей. Хорошихъ мѣстъ видѣлъ много, но хорошихъ людей почти не встрѣчалъ. Каждый выдающійся человѣкъ въ концѣ концовъ непремѣнно оказывался или пьяницей, или сифилитикомъ, или звѣремъ, а всѣ тихіе, скромные оказывались недалекими, или такими мѣщанами, что стѣны вокругъ нихъ скучали. И тѣ и другіе мнѣ не нравились и потому друзей у меня не было. Послѣ производства въ мичманы я перевелся въ Крымъ. И здѣсь я увидѣлъ все то же: умный—такъ непремѣнно или мошенникъ, или разбиваетъ вдребезги матросскія физіономіи, а глупый—такъ глупый и есть и говорить съ нимъ тошно. Я сталъ присматриваться къ мѣстнымъ барышнямъ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ онѣ были изъ рукъ вонъ пусты, а которыя посерьезнѣе, тѣ скучны. И среди мужчинъ, и среди женщинъ я чувствовалъ себя чрезвычайно одинокимъ. Наконецъ, въ семьѣ одного отставного капитана перваго ранга я встрѣтилъ только-что окончившую гимназію дѣвушку—большую красавицу и при этомъ необыкновенно скромную, почти застѣнчивую. Сначала она отвѣчала на мои вопросы только: да и нѣтъ, и смотрѣла изподлобья. Черезъ мѣсяцъ мы стали говорить какъ слѣдуетъ и я увидѣлъ, что въ Люсѣ много человѣка, въ лучшемъ значеніи этого слова, и въ то же время въ ней много самой чарующей женственности и склонности къ материнству. Основной чертой ея характера была разсудочность. На все она смотрѣла, такъ сказать, съ точки зрѣнія естественника и потому рѣдко сердилась. Впрочемъ, о Люсѣ въ двухъ словахъ не скажешь. Я ее и самъ до сихъ поръ мало понимаю, ужъ очень она не банальная женщина,—ну, да изъ моего разсказа попутно самъ увидишь. Меня, главнымъ образомъ, поразила въ ней золотая середина,—между тѣмъ, что называется по латыни homo и femina,—всегда казавшаяся мнѣ недостижимымъ идеаломъ. Я не увлекся Люсей до безумія, но я былъ

похожъ на человѣка, увидѣвшаго въ провинціальномъ магазинѣ вещь, которую въ другомъ мѣстѣ нельзя достать ни за какія деньги; и вотъ его обуялъ страхъ, чтобы эту вещь не купилъ бы кто-нибудь другой. Люсю я заинтересовалъ, какъ не совсѣмъ обыкновенный офицеръ. Ея отецъ тоже относился ко мнѣ мягче, чѣмъ къ остальнымъ ея поклонникамъ, которыхъ онъ почти не пускалъ въ себѣ въ домъ. Строгій онъ былъ и большого благоразумія человѣкъ, съ такимъ лицомъ, какъ у Ницше. Меня онъ считалъ необыкновенно честнымъ. Кажется, это былъ единственный случай, когда старикъ ошибся... Цѣлую зиму я ходилъ къ нимъ обѣдать и чувствовалъ себя великолѣпно Весной я сдѣлалъ Люсѣ предложеніе, внесъ реверсъ и женился.

На бульварѣ нами любовались, а я гордо шелъ подъ руку съ женой и думалъ, что такъ моя жизнь будетъ продолжаться всегда. Лѣтомъ я плавалъ въ учебномъ отрядѣ. Четыре дня мы стояли въ бухтѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, а въ пятницу вечеромъ приходили на рейдъ и оставались здѣсь до понедѣльника. Прямо съ пристани я летѣлъ домой и задыхался отъ радости и отъ быстрой ходьбы.

Въ сентябрѣ мы окончили кампанію и перешли на зимнія квартиры. Я поселился съ тестемъ. У насъ было три чудесныхъ комнатки, отличная кухарка и преданный, какъ собака, вѣстовой Григоренко. Въ собраніи и въ гостяхъ мы бывали рѣдко. Многіе изъ товарищей считали меня ревнивцемъ, но эта была чепуха, тогда я не былъ знакомъ съ этимъ чувствомъ. Люсю не интересовало ничто и никто, кромѣ меня.

По вечерамъ, когда на бульварѣ играла музыка, мы спускались внизъ и сидѣли возлѣ моря, такъ что насъ никто не видалъ. Мы слушали музыку, слушали, какъ плещутъ волны, смотрѣли на далекіе огни, дышали прекраснымъ воздухомъ, и намъ было хорошо...

Наступила беременность. Люся немного подурнѣла и глаза у нея стали грустными. Конечно, это было вполнѣ естественно, и я не безпокоился. Развлечь ее было нечѣмъ,— ни оперы, ни драмы, ни популярныхъ лекцій,—ничего этого въ нашемъ городѣ не было. Я не грустилъ, но только мнѣ иногда приходила въ голову мысль: хорошо бы теперь на недѣльку съѣздить одному въ Петербургъ, но только я чувствовалъ, что объ этомъ желаніи не слѣдуетъ говорить Люсѣ.

Зимой служба отнимала времени немного,—я командовалъ одной ротой, состоявшей изъ сорока человѣкъ, остальные были въ плаваніи. По вечерамъ я читалъ, затѣмъ разговаривалъ съ Люсей о нашемъ будущемъ ребенкѣ. Послѣ

вечерняго чая играли съ тестемъ въ преферансъ. Потомъ мы съ женой уходили въ спальню. Люся засыпала быстро, а я лежалъ съ открытыми глазами, ворочался и бранилъ самого себя. Помилуй, какъ же было не бранить? Я обладалъ великолѣпнѣйшей женщиной, матеріально абсолютно не нуждался, жилъ въ чудесномъ климатѣ, въ теченіе сутокъ у меня было, по крайней мѣрѣ, десять свободныхъ часовъ, матросы меня обожали, тесть считалъ меня самымъ образованнымъ человѣкомъ во всемъ городѣ. И... тѣмъ не менѣе, душа моя тосковала. Казалось, что Люся—небесный человѣкъ, а я—земной; казалось, что я взялъ на себя миссію охранять огромную цѣнность, въ которой не понимаю толка. Попросту говоря, я началъ скучать. По ночамъ мнѣ грезилась разная чепуха вродѣ того, что я, еще студентъ перваго курса, играю на билліардѣ съ замѣчательнымъ игрокомъ и беру у него шесть рядовыхъ партій такъ на такъ, хотя это очень трудно. Но послѣ такого сна я вставалъ какъ будто удовлетвореннымъ.

Читая однажды объ успѣхахъ электротехники, которая всегда меня интересовала, я подумалъ о томъ, что можно выйти въ запасъ, переѣхать въ Петербургъ, выдержать экзаменъ въ электротехническій институтъ, окончить его и затѣмъ отдаться болѣе широкой, чисто-научной дѣятельности.

На слѣдующій день я подѣлился этой мыслью съ тестемъ, но онъ пришелъ въ ужасъ и доказалъ мнѣ, какъ дважды два—четыре, что на семьдесятъ рублей его пенсіи намъ втроемъ не прожить въ Петербургѣ, что придется Люсю, которая готовится быть матерью, поставить въ ужасныя условія, что сейчасъ мы живемъ на мои сто десять рублей, да его семьдесять, да еще съ казенной прислугой и все-таки ничего не можемъ откладывать... Я согласился съ нимъ и понялъ, что моя пѣсенка спѣта. Тѣмъ не менѣе однихъ поцѣлуевъ и сытости физической было мало, но какого мнѣ рожна еще нужно—я и самъ не зналъ.

Я сталъ дольше оставаться на службѣ, а по вечерамъ иногда заходилъ въ собраніе выпить рюмку водки и сыграть на билліардѣ. Люся противъ этого ничего не имѣла, и моя репутація идеальнаго мужа и великолѣпнаго офицера стояла высоко.

Въ мартѣ Люся родила прелестнаго мальчика Борю и вся отдалась любви къ нему. Я тоже искренно радовался, и скука моя прошла. Лѣтомъ три мѣсяца я плавалъ въ эскадрѣ—тамъ дѣла было много. Въ октябрѣ неожиданно скончался тесть. У Люси отъ потрясенія пропало молоко. Нашъ бюджетъ сразу уменьшился.

Я уже не тосковалъ, а только думалъ о томъ, какъ бы мамка не сошлась съ вѣстовымъ Григоренкой, думалъ о деньгахъ и о докторахъ. Люся была великолѣпной хозяйкой. Къ марту мы уплатили долги, и наша жизнь снова пошла гладко, какъ хорошій вельботъ по тихой водѣ.

V.

Лѣто въ Крыму—самое отвратительное время года. По улицамъ летаетъ пылища, отъ жары никуда не спрячешься, люди ходятъ лѣниво, море такое яркое, что глаза болятъ. Но зато весна и осень—это рай земной.

Съ начала марта уже можно было ходить въ одномъ сюртукѣ. Люся вывозила Борю въ колясочкѣ или выносила на рукахъ въ нашъ небольшой садикъ. Ей казалось, что на бульварѣ вѣтеръ можетъ простудить ребенка; она также боялась, чтобы ему не повредило и солнце. Я замѣтилъ, что большинство женщинъ вообще не любятъ солнца,—вѣдь это онѣ выдумали зонтики. Меня же тянуло къ морю и горячаго солнца я никогда не боялся, но любилъ и люблю его больше всего на свѣтѣ.

По цѣлымъ часамъ я сидѣлъ на бульварѣ, радовался веснѣ и наблюдалъ людей. Я зналъ ихъ всѣхъ,—даже помнилъ костюмы дамъ и шляпы мужчинъ. Но они (кромѣ офицеровъ) не знали, кто я и что я думаю,—и это было пріятно.

Въ апрѣлѣ появились новыя лица. Какъ-то невольно я заинтересовался вѣчно гулявшими на бульварѣ мамашей и дочкой. Иногда онѣ садились возлѣ меня и я невольно слушалъ ихъ разговоры. Черезъ недѣлю я уже могъ заключить, что мамаша совсѣмъ не интеллигентна, что дочь такъ же мало образована, но неглупа и командуетъ ею, какъ хочетъ. Узналъ я также, что мать зовутъ Александрой Петровной и она получаетъ послѣ мужа довольно большую пенсію, на которую онѣ и живутъ. Дочь звали Таней.

Тоненькая, стройная блондинка лѣтъ шестнадцати, съ черными бровями и длинными рѣсницами, съ несовсѣмъ правильнымъ носикомъ и сильно открытыми ноздрями, Таня всегда была въ свѣтло-зеленомъ или свѣтло-голубомъ, но очень простомъ платьицѣ и въ шляпочкѣ англійскаго фасона. Я замѣтилъ также, что она никогда не надѣвала корсета и носила изящные ботинки англійскаго фасона, почти безъ каблуковъ, хотя всѣ остальныя дамы уродовали свои ноги высочайшими-французскими...

Если Таня сидѣла отъ меня недалеко, то я всегда слышалъ, какъ отъ нея вѣяло тонкими, хорошими духами.

Однажды въ толпѣ вечеромъ я услышалъ этотъ запахъ и совсѣмъ невольно началъ поворачивать голову направо и налѣво, пока не увидѣлъ Таню. Увидѣлъ—и взволновался. Самъ ужасно испугался этого волненія, но дома ничего не сказалъ о немъ женѣ. Нужно сказать, что относительно обонянія я просто уродъ, по крайней мѣрѣ другихъ такихъ людей мнѣ встрѣчать не приходилось. Еще въ гимназіи я показывалъ изъ этой области фокусы; напримѣръ, мнѣ давали обернутый въ два чистыхъ платка ранецъ, набитый книгами. Я его обнюхивалъ и затѣмъ говорилъ, что онъ принадлежитъ такому-то, что тамъ есть одна совсѣмъ новая книга и, кромѣ книгъ, есть булка и ветчина. Всѣ удивлялись, а я не понималъ, чему тутъ удивляться и какъ это можно не различить запаха свѣжей типографской краски новой книги, или не запомнить, что отъ всѣхъ вещей какого-нибудь Иванова, отецъ котораго торгуетъ бакалейными товарами, всегда немножко пахнетъ рыбной сыростью; о запахѣ ветчины я уже не говорю,—конечно, его всякій слышитъ очень далеко и только прикидывается, будто не слышитъ. Впрочемъ, это все пустяки...

Однажды я шелъ на бульваръ и думалъ: сейчасъ увижу Таню и ея мамашу. Онѣ сдѣлаютъ четыре или пять туровъ и потомъ сядутъ недалеко отъ меня, потому что Таня мною уже интересуется и не прочь познакомиться.

Это было четыре года назадъ, тогда, какъ говорится у Пушкина: „моложе я и лучше, кажется, была“.

Все такъ и случилось. Таня сѣла ближе ко мнѣ.

На рейдъ входилъ какой-то огромный пароходъ вродѣ вашей „Агари“. Таня вдругъ обернулась ко мнѣ и, не улыбаясь, спокойнымъ, груднымъ голосомъ спросила:

— Скажите, пожалуйста, это броненосецъ?

Я покачалъ головою и какъ можно серьезнѣе отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это коммерческое судно.

— Какъ же вы узнали?

— Во-первыхъ, оно совсѣмъ не похоже на броненосецъ, а, во-вторыхъ, на кормѣ у него коммерческій флагъ...

Съ этого началась. Когда я хотѣлъ уйти съ бульвара, то оказалось, что и имъ пора обѣдать.

Я проводилъ Таню и ея мамашу до меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ онѣ поселились.

Дома я цѣлый часъ думалъ, сказать или не сказать Люсѣ о своемъ знакомствѣ, и рѣшилъ сказать, но заикнулся объ этомъ лишь поздно вечеромъ.

Люся только спросила:

— Хорошенькая?

— Какъ тебѣ сказать? У нея не совсѣмъ правильныя

черты лица, но самое лицо не шаблонно, вообще же она очень изящна и держитъ себя просто...

Люся помолчала и отвѣтила:

— Нужно пойти посмотрѣть на Борю, можетъ, онъ раскрылся. Мамка наужинается и затѣмъ спитъ, какъ зарѣзанная. Слава Богу, уже скоро освободимся отъ такого золота...

Люся поцѣловала меня въ лобъ и вышла. Я объ этомъ не пожалѣлъ. Хотѣлось остаться одному со своими мыслями о Танѣ. Трудно было отдать самому себѣ отчетъ: увлекся я ею или нѣтъ. Совѣсть моя не тревожилась. Хотѣлось рѣшить задачу, почему меня такъ заинтересовала мало знакомая и, собственно говоря, ничѣмъ не выдающаяся барышня. Вѣдь видѣлъ же я ихъ тысячи еще лучшихъ и на другой же день забывалъ, а забыть о Танѣ не могъ. Въ моей до сихъ поръ нормальной, прѣсной, сытой жизни появилось что-то новое. Будучи холостымъ, я всегда могъ себѣ представить, какъ стану добиваться взаимности какой-нибудь милой барышни, и потомъ она сдѣлается моей женой. Теперь же въ будущемъ я ничего не могъ себѣ представить, ровно ничего. Это было интересно. Да...

Къ Люсѣ меня потянуло тогда, когда я узналъ, что она добра, справедлива, сильно любитъ отца, ненавидитъ всякій внѣшній блескъ и человѣческую пустоту и, несмотря на окружавшую ее съ дѣтства офицерскую среду, чиста, какъ хрусталь...

Что представляетъ изъ себя Таня, я совсѣмъ не зналъ, а тянуло меня къ ней не менѣе сильно, чѣмъ къ Люсѣ, а, пожалуй, и сильнѣе.

Люсю я крѣпко любилъ, но въ отношеніяхъ съ ней моя воля оставалась свободной. Когда же я смотрѣлъ на Таню, то чувствовалъ, какъ эта воля шатается, точно высокій столбъ, который не глубоко вкопали въ землю.

Ну-съ, дальше.

Таню я видѣлъ почти каждый день, и всякій разъ мы встрѣчались какъ будто бы случайно, но, конечно, оба этого ожидали. Я сказалъ, что я женатъ, и думалъ, что на Таню это извѣстіе произведетъ непріятное впечатлѣніе, — но ничуть не бывало.

Не нравилось мнѣ ея отношеніе къ матери. Какъ это принято во многихъ буржуазныхъ семьяхъ, она говорила матери „вы“ и называла ее „мамаша“ и въ то же время третировала ее, какъ горничную. Но я скоро къ этому привыкъ, а главное увидѣлъ, что для самой мамаши исполнять роль Таниной рабыни было настоящимъ счастьемъ. Также, какъ будто случайно, встрѣтившись на бульварѣ, мы сей-

часъ же уходили внизъ къ морю, подальше отъ публики. Иногда Таня обращалась къ матери и произносила:

— Вы посидите здѣсь. Я хочу погулять съ Николаемъ Федоровичемъ одна.

И старуха покорно оставалась сидѣть, а мы располагались у самой воды на камняхъ и разговаривали, по большей части, о пустякахъ. Одинъ только разъ мы какъ будто разоткровенничались и сознались другъ другу, что съ самаго дѣтства мечтали устроить свою жизнь не по шаблону, но идетъ и складывается она все-таки самымъ обыкновеннымъ образомъ.

Въ концѣ апрѣля стало такъ жарко, какъ бываетъ въ средней Россіи только въ іюнѣ. Однажды Таня попросила меня поѣхать съ ней на слѣдующій день, въ семь часовъ утра, въ ближайшій монастырь посмотрѣть оттуда великолѣпнѣйшій видъ на море, съ такимъ разсчетомъ, чтобы вернуться въ городъ, пока еще солнце не будетъ палить во всю. Я, конечно, согласился и, самъ не зная почему, разволновался. Дома я нервничалъ, плохо обѣдалъ и выпилъ три бутылки нарзану.

Потомъ я спросилъ Люсю:

— Ты ничего не будешь имѣть противъ, если я завтра поѣду съ моими новыми знакомыми въ монастырь? Онѣ просятъ показать имъ окрестности.

— Конечно, нѣтъ.

— А, можетъ быть, и ты бы поѣхала съ нами?—спросилъ я и испугался, что покраснѣю, но не покраснѣлъ.

— Ну, вотъ, сказалъ! А Борю какъ я оставлю? Да и не люблю я по жарѣ ѣздить!

— Мы отправимся рано.

— Нѣтъ, все равно я не поѣду.

Люся говорила просто и такъ же просто и довѣрчиво смотрѣла на меня своими спокойными карими глазами.

Я очень обрадовался и не умѣлъ скрыть этой радости. Цѣлый вечеръ я носилъ на рукахъ Борю. Мечталъ вслухъ о томъ, какъ, когда онъ выростетъ, мы втроемъ поѣдемъ за границу; говорилъ о томъ, какъ радуюсь веснѣ и лѣту... Я чувствовалъ, что Люся любуется мною, и на душѣ у меня стало дѣйствительно весело. Уложивъ Борю, мы просидѣли съ женой почти до двухъ часовъ, а когда разошлись, я почувствовалъ, что не засну скоро и взялъ почитать Толстого „Въ чемъ моя вѣра". Религіозные вопросы всегда меня мучили, хотя самъ я и невѣрующій.

Когда я закрылъ книгу и потушилъ лампу, то увидѣлъ, что на дворѣ уже свѣтло. Часы пробили четыре, а встать я хотѣлъ въ шесть. Я снялъ только китель и рѣшилъ по-

дремать, не раздѣваясь. Я забылъ сказать Григоренкѣ, чтобы онъ меня разбудилъ, и, когда проснулся, то съ ужасомъ увидѣлъ, что уже пять минутъ восьмого. Какъ на зло, не встрѣтилось ни одного извозчика и я почти добѣжалъ до меблированныхъ комнатъ, гдѣ жила Таня. Постучался въ дверь.

— Можно.

Я вошелъ въ маленькую гостиную, въ которой никого не было, и прежде всего спросилъ:

— Не опоздалъ?

— О, нѣтъ,—прозвенѣлъ голосъ Тани изъ другой комнаты, дверь въ которую была не совсѣмъ притворена. Я замѣтилъ, что тамъ еще полумракъ.

— Ну, слава Богу,—сказалъ я и почувствовалъ, какъ застучало мое сердце.

— Можете не безпокоиться, ибо я еще въ постели, а мама только что ушла купить мнѣ на дорогу пирожковъ, — снова пропѣлъ голосъ Тани.

— Отлично,—отвѣтилъ я и заходилъ по комнатѣ. Вся она была насыщена тонкимъ запахомъ таниныхъ духовъ и ея тѣла. Во рту у меня въ одну секунду стало сухо, точно я проглотилъ горсть известковой пыли. Я зацѣпилъ ногой за стулъ и ужасно обрадовался, когда увидѣлъ на подоконникѣ графинъ съ водой и стаканъ. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, я пришелъ въ себя.

— Не пейте воды, скоро будемъ пить кофе, — отозвалась Таня и какъ-то нерѣшительно добавила.—Можно васъ попросить объ одной услугѣ?

— Конечно.

— Видите ли, я большая лѣнтяйка, и вставать мнѣ не хочется, но одѣваться я могу только тогда, если въ комнатѣ свѣтло, а потому войдите и подымите на окнѣ штору.

— Сейчасъ начнется мой конецъ,—подумалъ я.—Если я ее увижу, то могу умереть. Все равно...

VI.

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе и вошелъ ровными шагами. Слѣва я увидѣлъ что-то бѣлое, но не позволилъ себѣ туда смотрѣть и особенно старательно и медленно поднялъ штору. А потомъ обернулся...

Таня лежала подъ простыней съ закрытыми глазами, закинувъ руки подъ голову. Ахъ, эти руки!.. Не мнѣ ихъ описывать. Да и какъ ихъ ни описать, все равно—ни ты, и никто другой не понялъ бы моихъ ощущеній. Личико у нея было серьезное. Солнце, милое южное солнце, играло на

золотистыхъ, чуть рыжеватыхъ волосахъ. Обѣ маленькія груди ясно очерчивались на холстѣ и быстро подымались и опускались.

Въ комнатѣ вдругъ наступила абсолютная тишина. Съ минуту я не могъ ни повернуть головы, ни двинуться, будто меня параличъ разбилъ. И, умирать буду, не забуду этихъ моментовъ...

Потомъ я, совсѣмъ безъ всякаго участія воли, подошелъ, сталъ на колѣни и нѣсколько разъ поцѣловалъ ея ручку выше локтя. Таня не двигалась и не открывала глазъ, только тяжело дышала. Я приподнялъ простыню и прикоснулся къ ея лѣвой обнаженной груди; а потомъ цѣловалъ все ея горячее, какъ раскаленный песокъ, и нѣжное, какъ лепестки розы, тѣло. Цѣловалъ не порывисто,—повторяю, безъ всякаго участія воли и разсудка,—пока не услыхалъ сдавленнаго голоса Тани:

— Уйдите, пожалуйста, уйдите... больше не нужно...

Въ этотъ моментъ, вдругъ, вернулась моя воля. Я всталъ. Задыхаясь и покачиваясь, я вышелъ въ другую комнату и бросился къ графину. Потомъ мнѣ снова захотѣлось вернуться *туда*, но вошла съ ридикюлемъ мамаша и, улыбаясь, заговорила со мной. Не помню, что я ей отвѣчалъ...

Таня одѣлась быстро. Она вышла и поздоровалась со мной немного дрожавшей рукой. Такъ дрожатъ руки только у дѣвушки, къ тѣлу которой мужчина прикоснулся въ первый разъ. Въ этомъ сознаніи были и мой ужасъ, и моя радость безконечная.

Когда мы пили кофе, я только разъ взглянулъ на ея лицо и мнѣ показалось, что на глазахъ у Тани слезы. Она молча надѣла шляпу.

Такъ же молча мы вышли на улицу и сѣли въ извозчичью коляску съ парусиновымъ паланкиномъ.

Уже за городомъ Таня сказала совсѣмъ спокойнымъ голосомъ:

— Я знаю — вы невиноваты... Я никогда не испытывала этого... Вотъ что: дайте мнѣ честное слово, что какъ бы я себя съ вами потомъ ни вела, вы объ этомъ случаѣ никогда не скажете со мной ни одного слова. Слышите: никогда,—ни завтра, ни черезъ десять лѣтъ. Не потому, что мнѣ стыдно, а потому, что всякія слова и всякія мысли въ сравненіи съ ощущеніями—пустяки... Даете слово?

— Даю,—отвѣтилъ я.

Она успокоилась. Въ монастырѣ мы пробыли не больше часа. Сидѣли на какомъ-то старомъ могильномъ памятникѣ и смотрѣли со страшной высоты, какъ горитъ подъ солнцемъ синее, огромное море. Внизъ не спускались. На обрат-

номъ пути тоже почти не говорили. Вѣроятно, извозчикъ удивлялся, что это за молчаливые такіе пассажиры съ нимъ ѣдутъ. У себя въ номерѣ Таня сказала, что у нея страшно разболѣлась голова и попрощалась.

Не легко мнѣ было нажать кнопку звонка у своей квартиры. Мнѣ отворила Люся.

— Вотъ и отлично, что рано вернулся. Ты знаешь, у Бори въ животикѣ страшныя рѣзи, такъ что я даже думала посылать за докторомъ. Это значитъ—или мамка опять тайкомъ чего-нибудь объѣлась, или жара такъ дѣйствуетъ. А что будетъ лѣтомъ, я даже боюсь подумать...

Люся посмотрѣла на меня и почти вскрикнула:

— Ай, какъ ты загорѣлъ!..

Я снялъ фуражку и подошелъ къ зеркалу, въ немъ отразилось какъ будто чужое красное, усталое лицо, съ темными, отъ пыли, вѣками. До обѣда я мыкался по кабинету и думалъ, сказать или не сказать женѣ о томъ, что случилось. Все-таки не хватило духу... Послѣ обѣда я хотѣлъ заснуть, но вошла Люся и попросила съѣздить за докторомъ. Я обрадовался, что можно уйти изъ дому хоть на полчаса. У Бори ровно ничего опаснаго не оказалось.

Вечеромъ, когда онъ заснулъ, Люся попросила меня отправиться вмѣстѣ съ ней за покупками въ бакалейную лавку и въ аптечный складъ. Я думалъ о Танѣ, носилъ пакеты и отвѣчалъ невпопадъ. За вечернимъ чаемъ я сказалъ Люсѣ, что страшно усталъ и лягу спать раньше. Очень хотѣлось остаться одному и какъ можно скорѣе.

Спалъ я въ эту ночь, какъ застрѣленный, а когда проснулся, то мнѣ казалось, будто все пережитое утромъ произошло уже давно, а, можетъ быть, даже пригрезилось. Но такъ казалось только нѣсколько минутъ, а потомъ на меня вдругъ напалъ ужасъ. Именно, напалъ... И я не зналъ, какъ съ нимъ бороться. Дня три я такъ мучался, пока не увидѣлъ опять Таню. Встрѣтились мы совсѣмъ спокойно и поздоровались черезчуръ вѣжливо.

Какъ военный, я рѣшилъ, что для того, чтобы побѣдить своего врага, нужно прежде всего его хорошо узнать и старался изучить характеръ и душу Тани. Она была со мной привѣтлива, но отъ разговоровъ на серьезныя темы упрямо уклонялась. Тогда я рѣшилъ понаблюдать, какъ она будетъ держаться съ другими мужчинами и предложилъ ей познакомиться съ двумя молоденькими мичманами, о которыхъ она сама сказала, что они симпатичные.

Но Таня замотала головой и отвѣтила:

— Не желаю я слушать всякихъ объясненій и предложеній, безъ которыхъ не обойдется. Мнѣ все это еще и зи-

мой надоѣло. Въ Крымъ я пріѣхала съ цѣлью отдохнуть отъ глупыхъ словъ, съ вами я отдыхаю и больше никого мнѣ не нужно.

Отъ ея словъ: „и больше никого мнѣ не нужно", я чуть не упалъ. О томъ, что будетъ впереди, не хотѣлось думать. Но я чувствовалъ и зналъ навѣрное, что ей я дорогъ и что я былъ первымъ прикоснувшимся къ ея тѣлу. Я крѣпко держалъ свое слово и не разу не заикнулся ей объ этомъ. У нихъ я бывалъ часто, но вдвоемъ мы оставались рѣдко и очень не надолго. Выходило такъ, что мѣшала мамаша, но, конечно, это устраивала сама Таня.

Дома съ Люсей я былъ особенно нѣженъ и внимателенъ, и часто самъ укачивалъ Борю. Она была все время спокойна, хлопотала по хозяйству, возилась съ денежными счетами, а когда вечеромъ приходила ко мнѣ, то отдавалась тоже какъ-то дѣловито, наскоро, съ жаромъ, который сію секунду и улеталъ. Впрочемъ, это случалось очень рѣдко.

Меня тянуло къ Танѣ, какъ пьяницу въ кабакъ. Я видѣлъ ее почти каждый день, но очень не надолго и потомъ спѣшилъ домой, а самъ чуть не плакалъ.

Двѣ мысли меня давили: первая—что Люся рано или поздно узнаетъ... и вторая—что черезъ три недѣли мы начинаемъ кампанію и уходимъ въ крейсерство къ берегамъ Кавказа.

Когда я былъ съ Таней, мои мозги давила тоска отъ сознанія, что я съ ней послѣдніе дни. А когда я оставался одинъ, то разсудокъ радовался, что скоро всему конецъ и я, можетъ быть, опять стану такимъ же, какъ и былъ, чистымъ.

Время не шло, а бѣжало. Я сказалъ Танѣ о томъ, что черезъ недѣлю мы разстаемся; она чуть измѣнилась въ лицѣ и отвѣтила:

— Ну, что жъ? Значитъ, такъ нужно. Мы тоже скоро уѣдемъ домой,—въ Крыму становится невыносимо жарко...

Я замѣтилъ, что спокойный тонъ ея голоса былъ искусственнымъ, и огромная радость хлынула въ мою голову. Въ эти дни не было среднихъ ощущеній: я или замиралъ отъ счастья, или мнѣ хотѣлось застрѣлиться отъ глубокой увѣренности, что я не увижу Таню больше такою, какая она теперь.

Пятаго мая ночью мы должны были сняться съ якоря. Въ одиннадцать часовъ вечера съ пристани отходила послѣдняя шлюпка на судно. День пролетѣлъ замѣчательно быстро. Утромъ я былъ на кораблѣ, получилъ морское довольствіе и привезъ деньги Люсѣ. Она имъ очень обрадовалась. Разставались мы всего на мѣсяцъ—не больше. Горевать ей было не о чемъ. Люся любила нашего сына больше

всего на свѣтѣ, но ее угнетала мысль о возможности новой беременности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она оставила кормить...

Въ этотъ день дома я не обѣдалъ, а только позавтракалъ. Люся долго молча смотрѣла, какъ я ѣмъ, и вдругъ сказала:

— Я очень довольна, что ты уходишь въ плаваніе. За послѣднее время ты страшно похудѣлъ и глаза у тебя стали нехорошіе,—какіе-то невнимательные. Это весна на тебя такъ дѣйствуетъ...

Люся ничего не знала, но она любила меня и особое, никогда не обманывающее женщинъ, чутье ей подсказывало, что мнѣ полезно будетъ уѣхать.

— Можетъ быть...—отвѣтилъ я машинально и подумалъ:—А вдругъ я не застану ее дома?..—Кровь застучала въ моихъ вискахъ. Я не доѣлъ котлеты, взялъ фуражку и сказалъ, что пойду въ экипажъ. На улицѣ я взялъ извозчика и поѣхалъ къ Танѣ.

VII.

Старуха сидѣла въ первой комнатѣ и что-то шила. Какъ и всегда, она поздоровалась со мной очень привѣтливо и съ безпокойствомъ произнесла:

— А у Танюши сегодня голова болитъ.

— Ну, а я пришелъ попрощаться...

— Идите сюда,—окликнула меня Таня.

Какъ и въ тотъ памятный день, шторы въ ея комнатѣ были спущены. Таня лежала на постели въ легкомъ батистовомъ капотѣ.

Я поцѣловалъ ей руку и по обыкновенію заходилъ взадъ и впередъ.

— Не мотайтесь, пожалуйста—у меня отъ вашихъ шаговъ въ головѣ звенитъ, сядьте,—сказала Таня и указала мнѣ глазами на стулъ.

Я сѣлъ и молчалъ. Когда мы были вмѣстѣ, ея воля дѣлалась моей волей. Она была первой и послѣдней женщиной, повиноваться которой мнѣ доставляло острое наслажденіе.

— Мамаша, вы мнѣ купили жидкаго ментолу?—спросила Таня.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ, пожалуйста, сейчасъ же купите... и купите еще самыхъ лучшихъ константинопольскихъ черешень.

— Сейчасъ, сейчасъ пойду,—торопливо отвѣтила старуха и засуетилась.

Раньше я всегда называлъ Таню по имени и отчеству—Татьяна Сергѣевна. Теперь, когда мы остались одни, я взялъ ее руку и едва выговорилъ:

— Таня, сегодня мы уходимъ въ плаванье...

— Знаю,—отвѣтила она и не отняла руки. Личико у нея было грустное, озабоченное.

— Таня, черезъ мѣсяцъ или полтора эскадра опять придетъ сюда, мы опять станемъ на рейдѣ, я буду съѣзжать на берегъ...

— Черезъ недѣлю мы уѣдемъ...—отвѣтила она тихо.

— Но вѣдь если бы вы захотѣли, то могли бы и остаться.

— Я не хочу этого...—такъ же тихо сказала она и опустила свои длинныя, великолѣпныя рѣсницы.

Я не возражалъ. Кто-то настойчивый, тоскующій сидѣлъ у меня въ груди и безъ конца шепталъ: „Пользуйся случаемъ, бери, цѣлуй ее, жизнь человѣческая ужасно коротка и такую дѣвушку, какъ Таня, ты никогда больше не встрѣтишь“...

Я молча нагнулся и растегнулъ воротникъ танинаго капота, дальше онъ самъ раскрылся. Я обнажилъ ея бѣлоснѣжное плечо и цѣловалъ его нѣжно и долго; потомъ положилъ голову на ея грудь и не двигался. Таня дышала ровно, только сердечко стучало у нея черезчуръ отчетливо. Вдругъ она съ усиліемъ приподнялась и все тѣмъ же голосомъ, котораго я никогда не забуду, произнесла:

— Не нужно больше, пожалуйста, не нужно...

Я встрепенулся, посмотрѣлъ въ ея слегка затуманившіеся глаза, обнялъ ее за шею и прижался своими губами къ ея губамъ.

На секуду я оторвался и выговорилъ:

— Прощай, мое золотко!..

Она ничего не отвѣтила, но я почувствовалъ, какъ длинные, тонкіе пальцы ея руки нѣжно провели по моимъ волосамъ. Прошла еще минута.

Вдругъ Таня сильнымъ, но не грубымъ движеніемъ, освободила свою головку, быстро вскочила и подбѣжала къ зеркалу. Нѣсколькими движеніями она застегнула капотъ, распустила волосы и начала причесываться все еще дрожавшими, полуобнаженными руками.

Я видѣлъ ее въ зеркалѣ, но не двигался. Особымъ инстинктомъ Таня поняла, что все, что могло произойти дальше, только осквернило бы радость, которую мы пережили. Я это и самъ чувствовалъ и не стремился къ большему.

Будучи студентомъ и юнкеромъ, я принадлежалъ многимъ женщинамъ и въ Россіи, и въ Брестѣ, и въ Мар-

сели, и въ Лиссабонѣ... Но по сравненію съ тѣмъ, что дала мнѣ Таня, это были пустяки и мерзость. Не переживалъ я такихъ моментовъ и съ Люсей, которая принадлежала мнѣ съ головы до ногъ. Почему это?—я не могъ понять...

Таня быстро сдѣлала себѣ высокую прическу, вышла въ первую комнату и сейчасъ же меня позвала:

— Идите сюда.

Я вошелъ.

— Садитесь, курите... Говорить объ этомъ ничего не нужно...

Я и самъ понималъ, что не нужно; выпилъ воды и сѣлъ. Таня подошла къ окну, прислонилась лбомъ къ стеклу и глядѣла на улицу. Отъ перваго дня нашего знакомства и до этого момента ни я, ни она ни одного раза не произнесли слова „люблю". Уважать другъ друга намъ тоже было не за что...

Таня вдругъ обернулась, посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза и коротко сказала:

— Когда вернется мамаша, вы сейчасъ же попрощаетесь и уйдете.

— Хорошо,—такъ же коротко отвѣтилъ я и спросилъ:— Можно будетъ вамъ писать?

— Нѣтъ. Впрочемъ, какъ хотите... Я все равно отвѣчать не стану.

Мы опять замолчали. Часы на письменномъ столикѣ звонко чикали. Я посмотрѣлъ на нихъ и удивился: съ тѣхъ поръ, какъ я былъ здѣсь, прошло полтора часа, а мнѣ казалось, что не больше десяти минутъ. Становилось тяжело. Таня снова повернулась ко мнѣ. Личико у нея было скорбное и серьезное. Я больше никогда не видалъ у нея такого выраженія.

— Берите фуражку, мамаша идетъ...

Вѣроятно, заживо погребенный испытываетъ такое чувство, когда слышитъ, что на крышку гроба уже посыпалась земля. Сначала мнѣ хотѣлось закричать, умолять, доказывать, что нелѣпо разставаться изъ-за того, что сейчасъ войдетъ ея мать, что эскадрѣ нужно плавать, что у меня есть жена... Все это казалось пустяками передъ счастьемъ быть вмѣстѣ—и тѣмъ не менѣе я покорно надѣлъ кортикъ и взялъ фуражку.

Таня мелкими шажками подошла къ двери, отворявшейся внутрь, облокотилась о нее спиной и положила мнѣ руки на плечи.

Съ полъ-минуты она смотрѣла на меня все тѣми же скорбными глазами, потомъ тихо наклонилась. Мы въ послѣдній разъ поцѣловались. Право же, въ этомъ поцѣлуѣ

не было чувственности, а если это чувственность, то она лучшее, что есть у человѣка на землѣ...

Въ дверь легонько стукнулъ старушачій костлявый палецъ. Таня не отскочила, а спокойно отодвинулась въ сторону и отворила.

— Ну, вотъ тебѣ и ментолъ,—радостно выговорила мамаша, положила покупки на столъ и принялась развязывать ленты своей шляпки. Я ждалъ, пока она обернется, и, когда глаза наши встрѣтились, молча поклонился.

— Вы уже уходите?—спросила удивленно старуха.

— Да,—отвѣтила за меня Таня.

Потомъ лѣстница съ вылинявшимъ ковромъ. Потомъ знакомая улица. Извозчикъ... И еще пять тяжелыхъ часовъ дома.

Было неловко слушать заботливый голосъ Люси, но того, что называется упреками совѣсти, я не чувствовалъ. Почему?—тоже не знаю... Я велъ себя совершенно покойно, только иногда невпопадъ отвѣчалъ на ея вопросы. Угадывала ли она что-нибудь, но только, когда въ десять часовъ вечера мы садились въ извозчичій фаэтонъ, Люся снова повторила:

— Ты изнервничался, и я рада, что ты уходишь въ плаванье.

Чтобы ничего ей не отвѣтить, я посмотрѣлъ на стоявшаго на крыльцѣ Григоренка и сказалъ:

— Смотри же, братъ, береги барыню и панича.

— Есть, ваше благородіе.

— Ну, будь здоровъ.

— Счастливо оставаться...

На пристани ждали еще два офицера и жена командира. Мы весело поздоровались и такъ же весело начали болтать о предстоящемъ плаваніи. Покачивался зеленый фонарикъ гребного катера, и тихо хлюпала вода о доски пристани. Пахло моремъ. Я сталъ ближе къ Люсѣ. Хотѣлось сказать ей что-нибудь необыкновенно хорошее, серьезное и ласковое, но у меня не нашлось такихъ словъ.

Было тяжело. Наконецъ, изъ темноты вышелъ толстенькій командиръ, поздоровался и сказалъ шутливымъ сочнымъ баритономъ:

— Извините, господа,—начальство задержало. Мой вельботъ уже поднятъ, и потому я съ вами...

Я наскоро поцѣловалъ Люсю. Черезъ минуту катерный старшина уже гаркнулъ надъ самымъ моимъ ухомъ:

— Ат—валивай!.. Весла!.. Правая табань!..

Катеръ безшумно повернулъ и, вздрагивая, полетѣлъ къ темнымъ силуэтамъ броненосцевъ, усѣянныхъ свѣтлыми

электрическими точечками безчисленныхъ иллюминаторовъ. Каждый огонекъ отражался въ морѣ и дрожалъ тоненькой спиралью.

Каждое весло нашего катера мощно выворачивалось и вмѣстѣ съ водою выбрасывало золотисто-зеленое блѣдное пламя.

Я сидѣлъ и думалъ: „Какъ все это удивительно красиво, а между тѣмъ есть множество людей, которые никогда ничего подобнаго не видали. Какое огромное счастье прижаться щекой къ груди такой дѣвушки, какъ Таня, а между тѣмъ большинство людей думаетъ, что высшее счастье не въ такихъ моментахъ, а въ постоянномъ сожительствѣ...“

Мы должны были сняться съ якоря только на разсвѣтѣ, но я не могъ спать и, какъ мышь въ клѣткѣ, бѣгалъ по палубѣ. Городъ стоялъ на горѣ и дымился фосфорическимъ свѣтомъ. По линіямъ фонарей я угадывалъ ту улицу, гдѣ жила Таня.

Только моряки знаютъ, что такое: видѣть въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ жилье любимыхъ людей и не имѣть права очутиться тамъ!.. Иногда мнѣ хотѣлось броситься въ воду...

У меня не было никакихъ данныхъ, но я не чувствовалъ, а зналъ навѣрное, что въ эти самыя минуты Таня плачетъ — плачетъ горько и безнадежно обо мнѣ, но никогда не сознается въ этомъ не только матери, но даже и самой себѣ...

VIII.

Охотинъ вдругъ замолчалъ и недовѣрчиво поглядѣлъ на Стельчинскаго. Тотъ встрепенулся, сдѣлалъ рукой порывистое движеніе и жадно произнесъ:

— Ну, ну, что дальше?

— А тебѣ не скучно слушать всю эту исторію?

— Ей Богу, не скучно! Я, кажется, въ первый разъ въ жизни слушаю человѣка, который говоритъ о себѣ такъ искренно.

Охотинъ нагнулъ голову и засопѣлъ. Его лѣвое ухо горѣло, а глаза свѣтились, какъ у больного лихорадкой.

— Ну, хорошо, буду разсказывать дальше. Дай папиросочку и, кстати, посмотри, который часъ.

— Будто это не все равно?

— Положимъ, что все равно.

Охотинъ снова поднялъ голову, сдѣлалъ большую затяжку дыма и продолжалъ тѣмъ же голосомъ — человѣка, который разсказываетъ и боится забыть какую-нибудь подробность.

— Да... Такъ въ первые дни плаванія я ужасно тосковалъ, какъ будто я былъ не офицеръ, а закованный въ кандалы арестантъ, котораго везутъ на вѣчную каторгу. Я былъ младшимъ штурманскимъ офицеромъ и вахтеннымъ начальникомъ. Чтобы хоть немного освободиться отъ своихъ мыслей, я несъ всѣ свои обязанности болѣе, чѣмъ добросовѣстно, а въ свободное время писалъ дневникъ, вѣрнѣе, исторію своей жизни. Какъ-то мнѣ пришло въ голову: что будетъ, если я вдругъ умру, ну, если не отъ болѣзни, такъ утону во время паруснаго ученья? Тогда всѣ мои тетрадки отошлютъ ни въ чемъ неповинной женѣ, которая, читая ихъ, будетъ только мучиться. Эта мысль такъ прицѣпилась ко мнѣ, что я въ тотъ же день выбросилъ всѣ свои мемуары за бортъ. Зато я сталъ писать огромныя письма Танѣ, — изъ нихъ многихъ не отослалъ... Мы плавали возлѣ чудесныхъ кавказскихъ береговъ. На вахтѣ приходилось наблюдать такіе разсвѣты, о которыхъ милліоны людей и понятія не имѣютъ. Я наблюдалъ, какъ просыпались вершины горъ, и ихъ вѣчный снѣгъ вдругъ загорался золотымъ пламенемъ подъ первыми лучами солнца, какъ личико Тани послѣ моего перваго поцѣлуя.

Красота музыки меня всегда волновала, а красота цвѣтовъ только успокаивала.

Я старался уловить тѣ моменты, когда передъ вечеромъ дѣвственно-бѣлые зубцы горъ вдругъ становились нѣжно-лиловыми, а затѣмъ—голубыми, и если это мнѣ удавалось, то радовался и потомъ цѣлый вечеръ чувствовалъ себя какъ будто удовлетвореннымъ... Странно, когда мы шли обратно, я зналъ навѣрное, что не увижу Таню, и уже не мучился.

Люся, вмѣстѣ съ другими дамами, пріѣхала на броненосецъ. Она очень похорошѣла и обрадовалась мнѣ. Я тоже, право же, совершенно искренно, чувствовалъ себя великолѣпно; но какъ только въ головѣ рисовался подъѣздъ того дома, гдѣ жила Таня, мое сердце становилось тяжелымъ и я плохо слышалъ, что говорятъ окружающіе.

На берегъ я съѣхалъ только на другой день рано утромъ,—моя вахта пришлась ночью.

Прежде всего я взялъ извозчика и помчался въ меблированныя комнаты. Когда мелькнула мысль о томъ, что Таня еще можетъ быть здѣсь, мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Заспанный, знакомый швейцаръ удивительно равнодушно заявилъ мнѣ, что старая барыня и барышня уѣхали три недѣли назадъ и въ книгѣ записано, что въ Тверскую губернію, а въ какой городъ—неизвѣстно.

Страшно было только его слушать, а потомъ ничего—душа окаменѣла...

Боря уже начиналъ ходить и глазки его смотрѣли осмысленно. Люся радовалась. Я любовался ими обоими. Вмѣсто мамки у насъ уже была чудесная старушка-няня. Словомъ, все обстояло болѣе, чѣмъ благополучно. Вечеромъ я обнималъ жену и весь пылалъ, но потомъ мучился и мнѣ казалось, что этими объятіями я осквернилъ ее. Я заснулъ и мнѣ пригрезилась Таня...

Къ осени, когда мы окончили кампанію, нервы мои и фантазія мало-по-малу пришли въ порядокъ. Я совсѣмъ успокоился и даже рѣдко видѣлъ во снѣ Таню. Мало того, во мнѣ родилось убѣжденіе, что я одинъ изъ самыхъ счастливыхъ людей.

Въ концѣ октября вдругъ пошли дожди и стало холодно не по-крымскому. Наша немощеная улица обратилась въ кисель изъ жидкаго цемента. Мнѣ чуточку нездоровилось, я подалъ рапортъ о болѣзни и сидѣлъ дома. Уложивъ Борю спать, мы съ Люсей уходили въ кабинетъ, зажигали печку и разговаривали до глубокой ночи. Хорошо, уютно было! Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я сказалъ не своимъ голосомъ:

— Вотъ ты ласкаешь меня, любишь, но и не подозрѣваешь, какая я гадость по отношенію къ тебѣ.

— Ты не можешь быть гадкимъ, если бы и хотѣлъ,—увѣренно отвѣтила Люся.

— Къ сожалѣнію, могу, и скрывать могу, и обманывать, да еще такую чистую, прекрасную женщину, какъ ты...

Личико Люси стало серьезнымъ и покраснѣло.

Ея лобъ нахмурился. Она помолчала и неестественно спокойно спросила:

— Это было съ той барышней, съ которой ты познакомился весной?

Я кивнулъ головой.

— Разскажи, я не буду сердиться. Право, не буду...

Не щадя себя, я постарался возможно точно изложить все, что произошло съ Таней. Люся опять помолчала, потомъ облегченно вздохнула и спросила:

— Только?

— Только.

— Это еще не очень страшно. Въ морскихъ семьяхъ и не то бываетъ. Отчасти я сама виновата—я уходила отъ тебя. Ты сильный и здоровый, тебя тянуло къ женскому тѣлу. Вотъ и все. Такъ?

— Должно быть, такъ...

— Ну, нечего грустить.

Люся обняла меня и крѣпко поцѣловала сначала въ губы, потомъ медленно въ оба глаза, что всегда означало у нея большую нѣжность. Мы разошлись только въ четвертомъ часу ночи. Въ дверяхъ Люся остановилась и спросила:

— Она больше не пріѣдетъ?

— Не знаю, должно быть, нѣтъ.

— Ну, и слава Богу! А, впрочемъ, пускай пріѣзжаетъ—я не боюсь...—и она улыбнулась одновременно и губами, и своими добрыми карими глазами.

Жизнь пошла ровно—безъ сучка, безъ задоринки.

Кончилась зима. Мы опять ушли въ плаванье. Съ каждой стоянки я писалъ Люсѣ длинныя, нѣжныя письма. Не упоминалъ я въ нихъ только о томъ, что мнѣ иногда снилась Таня. Я не хотѣлъ ничего скрывать, а только боялся огорчить Люсю.

Помню одинъ такой сонъ. Я видѣлъ Таню во всемъ бѣломъ, полуобнаженную. Она протягивала ко мнѣ свои нѣжныя, великолѣпныя руки и шептала: „Милый, пріѣзжай, милый, спаси"... И отъ того, что она шептала, а не говорила, мнѣ стало такъ страшно, что я проснулся. Потомъ я цѣлую недѣлю ходилъ, какъ сумасшедшій...

Прошло еще два года.

Я растолстѣлъ. Мнѣ нравилось хорошо покушать, и Люся усердно объ этомъ заботилась. Я выучился играть въ винтъ и по вечерамъ часто ходилъ въ морское собраніе. Мы выписали „Ниву" и „Вѣстникъ Европы", но читали мало. Принимать у себя знакомыхъ мы избѣгали.

Близилось производство въ лейтенанты. Нашъ Боря выросъ и поумнѣлъ. Люся расцвѣла и передъ самымъ уходомъ въ плаванье сообщила мнѣ безъ всякой тревоги и даже съ радостью, что у насъ будетъ еще ребенокъ. Я потрепалъ ее по щекѣ и тоже обрадовался. Плавалось въ это лѣто благополучно и весело. Въ сентябрѣ я опять переѣхалъ съ корабля въ свою уютную квартиру.

Вспоминая Таню, я только удивлялся себѣ и не понималъ, какъ это изъ-за одного ея тѣла я могъ такъ быстро потерять всю волю?

Тогда я не сомнѣвался, что къ ней меня тянуло одно тѣло... Да...

Въ ясный октябрьскій день я возвращался со службы домой и думалъ о томъ, что нужно зайти въ магазинъ и купить къ обѣду брусничнаго варенья, которое очень любитъ жена. Мимо по улицѣ проѣхала извозчичья коляска, въ ней сидѣли армейскій офицеръ и дама въ большой красной шляпѣ. Я посмотрѣлъ и узналъ Таню... Нельзя

сказать, чтобы я испугался, но стало очень не по себѣ, и про варенье я забылъ. У меня не явилось желанія сейчасъ же поѣхать къ ней; „еще увижу", подумалъ я. Не знаю почему, во мнѣ вдругъ родилось глубокое убѣжденіе, что за эти два съ половиной года Таня сильно измѣнилась и теперь, навѣрное, принадлежитъ кому-нибудь другому... „Еще увижу", подумалъ я снова и пошелъ домой. Слишкомъ здоровы были у меня тогда и нервы, и воля.

— Знаешь, кого я встрѣтилъ?—спросилъ я Люсю.

— Ну, кого?

— Таню съ какимъ-то офицеромъ, можетъ быть, съ мужемъ.

— Взволновался?

— Ни, ни...—отвѣтилъ я и почувствовалъ, какъ дернулось мое сердце.

Люся вздохнула, потомъ улыбнулась и сказала:

— Какъ хорошо, что ты не сдѣлалъ изъ этого тайны. Знаешь, я тебѣ посовѣтую, не избѣгай ее, потому что тогда она будетъ казаться тебѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Держи себя просто, какъ добрый знакомый, и тогда все будетъ благополучно.

Я растегнулъ сюртукъ, развалился на диванѣ и преувеличенно спокойнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Конечно, ни избѣгать ее, ни стремиться къ ней я не буду,—да и того сумасшедшаго пыла во мнѣ уже нѣтъ. Весь онъ твой...

Люся улыбнулась.

— Ну, насчетъ пыла... вы всѣ одинаковы. Ты знаешь, что такой серьезный человѣкъ, какъ папа, чуть было не женился на барышнѣ, не многимъ старшей меня...

— Вотъ какъ?.. Это для меня новость.

Послѣ обѣда я, по обыкновенію, пошелъ въ кабинетъ спать, но не заснулъ, хотя и не мучился, а только немного безпокоился.

На слѣдующій день было воскресенье. Послѣ утренняго кофе я пошелъ на бульваръ. Я собирался сидѣть и смотрѣть на море, но какъ-то противъ воли все время ходилъ. Сначала людей было не много, но послѣ полудня публика стала прибывать. На главной аллеѣ я увидѣлъ Таню съ какимъ-то очень красивымъ студентомъ. Дыханіе мое участилось. Я рѣшилъ только поклониться, а потомъ мысленно сказалъ самому себѣ: „Если я не подойду къ ней, значитъ, я боюсь ее, но я не боюсь"...—и подошелъ.

— Здравствуйте, Татьяна Сергѣевна!

— Здравствуйте.

Мускулы ея лица едва замѣтно дрогнули. Она пред-

ставила меня своему кавалеру, я не разобралъ даже его фамиліи и сѣлъ.

Таня опять заговорила со студентомъ и часто, какъ-то принужденно, смѣялась. Я молчалъ, курилъ и только искоса поглядывалъ.

Наружность ея сильно измѣнилась. Кожа на щекахъ стала грубѣе, на подбородкѣ и на носу виднѣлась пудра. Прическа была съ претензіей на моду. Платье дорогое, но сшитое не просто и безвкусно отдѣланное. Особенно поразили меня ее глаза—холодные, равнодушные. Только голосъ остался такимъ же.

Она говорила о какомъ-то пикникѣ, потомъ о какомъ-то генералѣ, о конфектахъ...

А я сидѣлъ, слушалъ и наслаждался, потому что эти самые глаза когда-то смотрѣли на меня и этотъ самый голосъ когда-то произнесъ: „... и больше никого мнѣ не нужно".

Въ эти четверть часа я понялъ, что, если Таня станетъ продажной женщиной, или, если ее изуродуетъ оспа, или, если она, какъ жена или любовница, будетъ принадлежать кому-нибудь другому—все равно — для меня она останется такъ же дорога, какъ и три года назадъ. Понялъ и совсѣмъ упалъ духомъ. Потомъ взялъ себя, насколько возможно, въ руки и спросилъ ее:

— Ну, какъ же вы поживаете?

— Спасибо, ничего себѣ. Замужъ не вышла и не собираюсь. Вотъ здоровье стало хуже и докторъ прислалъ меня сюда на всю зиму... Намѣрена веселиться.

Я обрадовался, узнавъ, что она не замужемъ.

И, чтобы еще поговорить, спросилъ:

— Ну, а какъ здоровье вашей мамаши?

— Спасибо, хорошо. Мы здѣсь уже двѣ недѣли. Я успѣла пріобрѣсти много новыхъ знакомыхъ, а вотъ васъ до сихъ поръ и не видѣла. Гдѣ вы скрывались?

— Я рѣдко бываю въ городѣ. Или на службѣ, или сижу дома.

— Это хорошо,—задумчиво произнесла Таня, потомъ посмотрѣла на студента и уже совсѣмъ другимъ голосомъ сказала:

— Ну, Михаилъ Егоровичъ, намъ пора, а то генералъ будетъ ждать. До свиданія!..

Таня встала, подала мнѣ руку и, не оглядываясь, пошла рядомъ со своимъ кавалеромъ. Я поѣхалъ домой.

— Ну, что? Видѣлъ?—спросила меня Люся.

— Видѣлъ. Она немного подурнѣла, была съ какимъ-то студентомъ и говорила, что не намѣрена выходить замужъ;

собирается веселиться. Кажется, у нея теперь много поклонниковъ.

— Если говорила, что не выйдетъ замужъ, значитъ, скоро выйдетъ. Это всегда такъ бываетъ. Я въ годъ своего замужества особенно часто повторяла, что останусь дѣвицей. Могу тебя увѣрить, что теперь ты, какъ женатый, ей больше не интересенъ, а я во всѣхъ отношеніяхъ совершенно спокойна и даже совѣтую тебѣ видѣть ее почаще. Идемъ обѣдать. У насъ сегодня спаржа...

IX.

Погода держалась чудесная, не жаркая. По вечерамъ каждая волна въ морѣ свѣтилась. Дышалось легко и свободно. Мой организмъ чувствовалъ себя отлично, но въ душѣ чего-то не хватало, и впередъ я смотрѣлъ безнадежно. Каждая встрѣча съ Таней разстраивала. На бульварѣ она никогда не бывала одна и нельзя было съ ней поговорить откровенно, а мнѣ такъ этого хотѣлось. За ней ухаживали: отставной генералъ съ крашеной бородой; студентъ, который почему-то не ѣхалъ въ свой университетъ; молоденькій подпоручикъ и бывшій пѣвецъ императорскихъ театровъ, обрюзгшій, бритый, жирный, какъ іоркширскій кабанъ. Таня и ея мамаша жили въ тѣхъ же самыхъ двухъ меблированныхъ комнаткахъ. Я не вытерпѣлъ и пошелъ къ нимъ, но засталъ тамъ генерала и пѣвца. Пошелъ во второй разъ,— опять та же компанія плюсъ студентъ. Затѣмъ я уже ни на что не надѣялся, а бывалъ тамъ, только чтобы видѣть ея лицо и слышать ея голосъ.

Мамаша сильно постарѣла и была похожа на задерганную извозчичью клячу, но такъ же проворно бѣгала за всякими порученіями и такъ же привѣтливо улыбалась и всѣмъ одинаково.

Я наблюдалъ за Таней, какъ сыщикъ. Никакая женщина этого не выноситъ. Я зналъ, что падаю въ ея глазахъ, но мнѣ терять было нечего. Изъ кокетливой барышни и непосредственной натуры она обратилась въ женщину, красивую, окончательно созрѣвшую. Чувствовалось, что пройдетъ годъ, два и если она не выйдетъ замужъ, то начнетъ терять свое обаяніе, какъ теряетъ ароматъ скороспѣлое яблоко, пролежавшее всю зиму. Ни музыка, ни литература, ни общественная дѣятельность, ни даже замужество—все это абсолютно ее не интересовало. Она была только женщиной и, мнѣ кажется, поэтому къ ней такъ неудержимо тянуло каждаго, кто съ ней знакомился, какъ, напримѣръ, тянетъ человѣка увидѣть на сценѣ, въ исполненіи какой-нибудь серьезной роли,

профессіональнаго даровитаго актера, а не диллетанта. Затѣмъ въ характерѣ Тани появилась еще новая черта: любовь къ золоту На каждой рукѣ у нея было по браслету, а на груди непремѣнно медальонъ. На лѣвой рукѣ цѣлыхъ три кольца. Возвращаясь съ бульвара со своими поклонниками, она каждый разъ останавливалась возлѣ витрины ювелира и долго смотрѣла. Останавливались и кавалеры, закуривали папиросы и терпѣливо, какъ собаки, ждали. Однажды мнѣ пришло въ голову, что Таня могла бы на себя надѣть новенькую, блестящую чайную ложечку на золотой цѣпочкѣ и не рѣшилась бы она этого сдѣлать только потому, что такъ не дѣлаютъ другія женщины.

Охотинъ грустно улыбнулся, помолчалъ и добавилъ:—Ты вотъ думаешь, что я говорю пустяки, нѣтъ, не пустяки... Я изъ такихъ наблюденій, и не надъ одной Таней, сдѣлалъ два вывода, которые всегда оказывались вѣрными.

Во-первыхъ, пристрастіе къ золоту у женщинъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, выражаетъ душевную холодность и неспособность любить долго. Одна страсть ослабляетъ другую. Второй выводъ, что мужчина, зная объ этомъ, все-таки будетъ добиваться отъ такой дѣвушки любви, потому что въ дѣлѣ чувства стихійная сила всегда идетъ впереди логики. Такъ безотчетно люди стремятся только завоевать счастье обладать любимой женщиной и еще завоевать счастье для родины. Поэтому во всѣхъ остальныхъ бѣдахъ ихъ страданія бываютъ легче...

Главнымъ и несомнѣннымъ результатомъ моихъ наблюденій было открытіе, что Таня никому изъ своихъ поклонниковъ физически не принадлежала. Когда я пришелъ къ этому выводу, то какъ-то легче вздохнулось.

Я не ревновалъ ее, совсѣмъ не ревновалъ... Я зналъ, что первымъ, которому ей неудержимо хотѣлось отдаться, былъ я.. А двухъ первыхъ быть не можетъ. Все же остальное—объѣдки, вродѣ тѣхъ, которыми въ ресторанахъ лакомятся лакеи.

Однако, стремленіе къ чисто-физическимъ наслажденіямъ у нея было и она его несомнѣнно удовлетворяла. Вся ея страсть выливалась въ умѣніи причинять своимъ обожателямъ самыя утонченныя мученія. Она отлично знала, кого и чѣмъ можно взвинтить.

Въ присутствіи генерала Таня обыкновенно садилась на подоконникъ и болтала ножками. Пѣвцу она часто смотрѣла въ глаза съ такимъ выраженіемъ, точно хотѣла сказать: „я вся твоя“, но какъ только онъ дѣлалъ попытку къ ней приблизиться или взять ее за руку, Таня прикидывалась или не прикидывалась, но казалась глубоко оскорбленной.

Влюбленному больше всѣхъ студенту она весело разсказывала о своихъ новыхъ побѣдахъ. Однажды студентъ предложилъ ей пойти въ фотографію и вмѣстѣ сняться. Таня грустно покачала головкой и сказала:

— Нѣтъ!

— Почему?—спросилъ онъ.

Таня помолчала и такъ же грустно отвѣтила:

— Да видите ли, я суевѣрна, а существуетъ такая примѣта, если *любящіе* другъ друга молодой человѣкъ и барышня вмѣстѣ снимутся, то никогда не будутъ счастливы...

Она сказала ему много пріятнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ устроила такъ, что онъ больше не приставалъ къ ней съ этой просьбой. Оставаться со мной наединѣ она усиленно избѣгала, но если въ комнатѣ была мамаша и никого другого изъ мужчинъ, Таня непремѣнно ложилась на диванъ и, закинувъ руки назадъ, такъ что онѣ были видны до самыхъ плечъ, мѣрно дышала. И голосъ ея на нѣсколько минутъ дѣлался ласковымъ, задушевнымъ... Замѣтивъ, что я блѣднѣю и задыхаюсь, она сейчасъ же вставала и съ дѣловымъ видомъ начинала перебирать какія-то ненужныя вещицы возлѣ зеркала. Самую обыкновенную фразу она произносила уже другимъ тономъ, разсудочно-холоднымъ и жестокимъ, какъ морозъ для плохо одѣтаго бѣдняка.

Ручаюсь, чѣмъ угодно, что всѣ эти эксперименты доставляли ей острое наслажденіе. О прошломъ она мнѣ не позволяла заикнуться, да и я самъ, не знаю почему, молчалъ.

Было въ ней что-то кошачье. Не подумай, что я употребляю это избитое сравненіе такъ себѣ, зря, для красоты слога. Нѣтъ. Ты послушай.

Иногда, ни съ того, ни съ сего, она приказывала затопить каминъ, придвигала кушетку и ложилась къ огню близко, близко, щурила глаза и, повидимому, чувствовала большое наслажденіе. Ея маленькія ноги въ черныхъ чулочкахъ свѣшивались обѣ вмѣстѣ и были замѣчательно похожи на кошачьи лапки. Причесываясь передъ зеркаломъ, Таня накладывала волосы почти на самыя уши и потомъ долго приглаживала и поправляла ихъ то одной, то другой рукой,— вотъ точно такъ, какъ это дѣлаетъ кошка, когда умывается. Къ этому еще нужно добавить, что она до истерики боялась собакъ.

Однажды, уже въ самомъ концѣ ноября, я, измученный, не спавшій цѣлую ночь, пришелъ къ Танѣ.

Она сидѣла возлѣ окна и что-то вышивала.

Мать была въ спальнѣ. Личико Тани и особенно глаза показались мнѣ необыкновенно-грустными и выразительными. Я уже не искалъ сочувствія, ни восторговъ молчаливой стра-

сти,—мнѣ хотѣлось только самой маленькой нѣжности отъ дѣвушки, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ. Я подошелъ, протянулъ ей руку и сказалъ:

— Таня!

Къ моему огромному удивленію, она тоже протянула мнѣ свою бѣлую, покрытую тончайшими черными волосиками руку и... я сейчасъ же почувствовалъ острую боль отъ укола иголкой.

Таня склонила головку и улыбнулась, какъ дитя. Я испыталъ чувство страшнаго, невыразимаго словами оскорбленія и со слезами на глазахъ ушелъ домой съ твердымъ рѣшеніемъ не возвращаться сюда никогда.

Люсю я засталъ грустной и озабоченной. Она была очень блѣдна и у нея дрожали руки.

Я подошелъ, обнялъ ее за шею и сказалъ:

— Люсинька, я былъ тамъ, но между нами ничего нѣтъ и не будетъ,—увѣряю тебя.

— Я знаю. Нѣтъ, я не потому,—мнѣ просто нездоровится.

Вечеромъ съ ней случился сильный припадокъ рвоты, но въ ея положеніи это было естественно, и я не испугался.

А черезъ три часа я уже не помнилъ ни укола иголки, ни грустнаго личика жены и былъ увѣренъ, что Таня это не звѣрь, не кошка въ образѣ женщины, а богато одаренная натура, исковерканная нелѣпымъ воспитаніемъ и нелѣпою жизнью; и что сдѣлать эту дѣвушку человѣкомъ въ лучшемъ значеніи этого слова могу только одинъ я. Словомъ, сказка про бѣлаго бычка...

Съ этими мыслями я ушелъ въ свой кабинетъ Люся и Боря уже спали. Я тоже попробовалъ лечь, но не могъ закрыть глазъ. Пришлось снова зажечь лампу и одѣться. Неутѣшно такъ было на сердцѣ... Меня крутили: стыдъ передъ женой и тяжкое отчаяніе человѣка, узнавшаго навѣрное, что онъ неизлечимо заболѣлъ. Тишина кругомъ была удушливая и мнѣ казалось, что моя спиртовая лампа гудитъ слишкомъ громко. Изъ кухни доносился храпъ Григоренки.

Я ходилъ, ходилъ, потомъ взялъ первую попавшуюся книгу и сѣлъ. Это была библія, которую я никогда не читалъ. Мнѣ ее подарила покойная мать въ тотъ годъ, когда я уѣзжалъ изъ провинціи въ петербургскій университетъ.

Открылась „Пѣснь пѣсней“. Дѣйствительно, пѣснь пѣсней!.. Тамъ есть удивительныя мѣста, которыя послѣ нашей, на всѣ лады изломанной беллетристики, кажутся необыкновенно искренними, поэтическими и врѣзываются въ память навсегда:

„Кто это глядящая, какъ заря, прекрасная, какъ луна, свѣтлая, какъ солнце, грозная, какъ полки со знаменами?“.

„Я принадлежу другу моему и ко мнѣ обращено желаніе его. Пойди, другъ мой, выйдемъ въ поле, переночуемъ въ деревняхъ.

...Раннимъ утромъ пойдемъ въ виноградники, посмотримъ, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли цвѣты, раскрылись ли гранатовыя яблоки;—тамъ я окажу ласки мои тебѣ“...

По-моему, это геніально. Я задумался... Понимаешь, эта женщина производила на Соломона такое же впечатлѣніе, какъ будто на одного человѣка двигается цѣлая тысяча вооруженныхъ людей. Сопротивленіе безсмысленно... И казалось мнѣ еще, что современнымъ людямъ восторги Соломона уже не могутъ быть понятны. Но для меня каждое слово этой пѣсни было роднымъ, какъ будто я сказалъ его самъ...

Вдругъ кто-то дотронулся до моего плеча.

Я со страхомъ повернулъ голову и увидѣлъ няньку. Лицо у нея было испуганное, она что то шептала, и такъ порывисто, что я долго не могъ понять, въ чемъ дѣло. Но инстинктъ уже сказалъ мнѣ, что въ домѣ случилось что-то очень нехорошее. Я прошелъ въ спальню. Жена стонала. Возлѣ нея суетилась кухарка... Начались преждевременные роды...

Я самъ съѣздилъ за докторомъ.

Цѣлую ночь была суета. Бѣгали въ аптеку, бѣгали зачѣмъ-то въ больницу. Я перенесъ Борю къ себѣ въ кабинетъ и уложилъ его на диванѣ. Онъ почмокалъ губами и сейчасъ же уснулъ. Выносили какіе-то тазы съ водой, окрашенной кровью. Ставили самовары. Меня докторъ не пустилъ въ спальню.

Чтобы не стучать ногами, я надѣлъ туфли и до утра ходилъ взадъ и впередъ. Это была уже третья безсонная ночь. Если бы я могъ плакать или молиться, было бы легче. Душа оледенѣла...

Къ утру все обошлось сравнительно благополучно. Люся лежала безъ кровинки въ лицѣ, аккуратненько покрытая плюшевымъ одѣяломъ и грустно улыбалась, совсѣмъ какъ святая. Пахло лекарствами. Боря и нянька пили въ столовой чай...

Это случилось за три недѣли до Рождественскихъ праздниковъ. Никто не зналъ, что вина была моя. И съ женой мы объ этомъ не говорили. Я цѣлую недѣлю сидѣлъ возлѣ ея кровати, читалъ вслухъ газеты, разсказывалъ о служеб-

ныхъ дѣлахъ. И въ это время думалъ о Танѣ, но твердо рѣшилъ ее не видать.

Черезъ десять дней Люся уже встала и мы вмѣстѣ начали готовить для Бори елку.

На душѣ было тихо, но тяжело. Вѣроятно, я былъ похожъ на человѣка, у котораго ужасно болитъ зубъ, и вотъ, вся воля этого человѣка направлена на то, чтобы о его страданіяхъ никто изъ окружающихъ даже и не заподозрилъ.

Ужасное состояніе...

Я не позволялъ себѣ лѣнтяйничать. Къ службѣ сталъ относиться такъ внимательно, какъ ни одинъ изъ офицеровъ нашего экипажа.

Теперь я и Люся были особенно внимательны другъ къ другу, но въ этомъ вниманіи сквозило больше взаимной порядочности, чѣмъ теплоты. Большинство нашихъ знакомымъ продолжало считать насъ идеально счастливыми супругами. Послѣ Новаго года я не сомнѣвался, что уже совсѣмъ побѣдилъ свое горе.

— Кончено!—думалъ я.—Слава Богу, все кончено. Воля и разсудокъ взяли верхъ надъ стихіей.

Въ городъ пріѣхала очень хорошая драматическая труппа и мы съ Люсей часто посѣщали театръ.

Однажды шла „Нора“ Ибсена. Въ ложѣ я увидѣлъ Таню и показалъ ее женѣ, но самъ туда не пошелъ и даже не поклонился. Люся спокойно посмотрѣла на нее въ бинокль и потомъ сказала:

— Я нѣсколько разъ встрѣчала эту дѣвицу въ городѣ и всегда думала, что это именно она...

Тихо и спокойно вернулись мы въ свою квартирку.

Этотъ день былъ днемъ моего торжества. Но только день, потому что ночью мнѣ приснилась Таня. Она прижималась къ моему тѣлу и ласково шептала: „И больше никого мнѣ не нужно“...

Потомъ двое сутокъ невыносимая, точно предсмертная тоска не выходила изъ моего сердца. Я очень боялся, какъ бы не встрѣтить Таню на улицѣ...

X.

Двадцат девятаго января я шелъ на службу. Навстрѣчу мнѣ бѣжалъ мальчишка газетчикъ, размахивалъ пачкой телеграммъ и громко повторялъ слово „броненосцы“.

Я купилъ одну изъ нихъ и прочелъ, что японцы взорвали три нашихъ лучшихъ корабля. Въ ушахъ у меня зазвенѣло, какъ будто я самъ услышалъ громъ этихъ взры-

вовъ. Я понялъ, что война уже есть, что, такъ или иначе, я непремѣнно приму въ ней участіе и... что, пожалуй никогда больше не увижу Таню. Понялъ я также, какъ сильно еще люблю ее и что, озлобленная за мое прошлое счастье, судьба дала мнѣ только передохнуть, а теперь опять... начинается... Въ экипажѣ были разговоры только о войнѣ, дома тоже.

Люся, противъ моего ожиданія, казалась очень встревоженной, это значило, что событіе не тронуло ее глубоко.

На слѣдующій день я, уже ничего не говоря ни женѣ, ни своей совѣсти, пошелъ къ Танѣ.

Старухѣ нездоровилось и она лежала во второй комнатѣ. Таня въ легкомъ пеньюарѣ кончала передъ заркаломъ прическу.

Увидѣвъ меня, она только сказала:

— Не могу подать руки. Занята. Сейчасъ кончу...

Она даже не спросила, отчего я такъ долго не былъ. Я сѣлъ и молча наблюдалъ за движеніями ея гибкаго, все еще великолѣпнаго тѣла. Рукава пеньюара закатывались выше локтей, и это мучило.

Потомъ стало легче. Было тихо. Въ сосѣднемъ номерѣ играли на роялѣ. Таня продолжала возиться съ прической, Личико у нея было недовольное. Женщины всегда бываютъ недовольны, если кто-нибудь видитъ ихъ желанія. А я видѣлъ, что она хочетъ создать себѣ внѣшность живой дѣвушки, но въ сердцѣ у нея только: иней, тишина и холодъ...

Просидѣлъ я такъ минутъ десять, а передумалъ очень много. Зналъ я, что еще очень тяжко мнѣ придется, а, когда я уѣду, Таня будетъ мучить другихъ. Будетъ представляться красивой, элегантной дѣвицей, жаждущей любить, быть счастливой самой и сдѣлать счастливымъ другого.

Таня помочила слюной палецъ и примазала послѣднюю завитушку на лбу, потомъ сѣла и спросила съ тѣмъ же равнодушнымъ видомъ:

— Ну, что новаго?

— Въ моей личной жизни все старое. Но я собираюсь проситься на Востокъ и тогда будетъ новое...

— Какъ я за васъ рада... Ну, мнѣ нужно идти.

— Я васъ провожу.

— Нѣтъ, я въ другую сторону и на извозчикѣ.

Когда она одѣлась, я, задыхаясь, сказалъ:

— Таня, послушайте, а вамъ прошлаго не жаль?

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите...

Все во мнѣ задрожало и мнѣ вдругъ захотѣлось ее ударить больно, больно... Едва удержался.

Съ лѣстницы мы сошли молча.

— До свиданія,—сказала Таня, и не кивнувъ головой, сѣла въ извозчичій фаэтонъ.

По дорогѣ домой я... я уже не сердился на Таню. Я видѣлъ ея будущее. Скверное будущее... Пожелтѣетъ, подурнѣетъ, перебои сердца начнутся... Зеркало будетъ ей говорить, что она уже не та, а она не захочетъ ему вѣрить. Всѣ поклонники разбѣгутся, скучно ей станетъ. У кого тѣло старѣетъ, у того глубина души остается, а у кого души не было, у того ничего не можетъ остаться, кромѣ скучнаго чисто-физическаго существованія... Жалко мнѣ ее стало. Казалось, что вотъ она тонетъ, я бросаю ей спасательный кругъ, который купилъ дорогой цѣной, а она не хочетъ взять его въ руки...

Жаль мнѣ было и тѣхъ дураковъ, которые искали въ Танѣ чувства. Они мнѣ казались похожими на птицъ, принявшихъ нарисованные художникомъ Фидіемъ плоды за настоящіе, но когда птицы захотѣли ихъ клюнуть, то оказалось, что, вмѣсто плодовъ, тамъ одинъ холстъ и скверно пахнущія краски.

Глаза, личико, руки Тани имъ говорили, что эта прелестная женщина, созданная только для любви, но сама она любить никого не можетъ и не умѣетъ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ ни одна кошка не умѣетъ читать.

И вотъ нужно было сознаться, что, въ числѣ этихъ дураковъ, первымъ былъ я и... до сихъ поръ пребываю въ этомъ званіи... И все-таки мнѣ было ее жаль. Я зналъ, что судьба рано или поздно страшно отомститъ ей за мои страданія и за страданія другихъ такихъ же господъ...

Я началъ хлопотать, чтобы меня назначили на Востокъ. Хотѣлось умереть. Я разсуждалъ такъ: „Женѣ я радостей дать не могу; если меня убьютъ, то пенсію ей назначатъ довольно сносную, и Люся безъ меня воспитаетъ Борю не хуже. Жить же и видѣть, какъ опускается на дно Таня, невыносимо тяжело. Если она уѣдетъ, я поѣду за ней". Словомъ, безсрочная каторга... А на войнѣ (я никакъ не могъ себѣ представить, что эта война будетъ такою) цѣлый рядъ сильныхъ впечатлѣній потушитъ мою ненасытную жажду къ Танѣ. Если утону или убьютъ—каторгѣ конецъ...

Я не скрылъ отъ жены, что былъ у Тани.

Я всегда ненавидѣлъ ложь, и для меня всегда, чисто органически, очень тяжело было не только солгать близкому человѣку, котораго я уважаю, но даже скрыть отъ него правду, конечно, кромѣ мелочей, могущихъ оскорбить слухъ. А Люсю я такъ же уважаю, какъ искренно-вѣрующій мулла—Магомета...

Но уваженіе—это одно, а стихійная любовь—это совсѣмъ другое,—разсудокъ здѣсь мало значитъ.

Люся, повидимому, не огорчилась, она была только еще холоднѣе, хотя и старалась казаться привѣтливой.

Когда она узнала, что я уже назначенъ на Востокъ, то чуть поблѣднѣла, но совершенно спокойно отвѣтила:

— Ты самъ просилъ объ этомъ. Сомнѣваюсь, чтобы тебя влекло туда желаніе сражаться. Дѣлай, какъ знаешь. Если тебѣ будетъ легче—поѣзжай...

Сердце у меня сжалось. Почему-то хотѣлось, чтобы она заплакала или выбранила меня. Ну, да что объ этомъ говорить! Конечно, я понималъ, что сѣлъ между двухъ стульевъ, падаю, и уже ничто и никто не въ силахъ меня поднять...

XI.

Теперь разскажу, какъ я съ Таней прощался въ день отъѣзда.

Я очень боялся не застать ее дома, а еще больше мнѣ не хотѣлось встрѣтить у нея кого-нибудь изъ поклонниковъ. Поэтому я рѣшилъ пойти очень рано — въ одиннадцать часовъ утра.

Позвонилъ. Послѣ длинной паузы—быстрые шаги въ туфляхъ и вопросъ:

— Кто тамъ?

— Я.

— Мамы нѣтъ дома, она ушла въ городъ.

— Но я пришелъ не къ мамѣ, а именно къ вамъ—и въ послѣдній разъ. Я сегодня ѣду на Дальній Востокъ...

— Ммм... Я еще не поднялась съ постели.

— То-есть, какъ же это, если вы стоите у дверей?

— Но я еще совсѣмъ не одѣта... Вотъ что, я отопру и уйду въ спальную, а вы обождите меня въ большой комнатѣ.

— Хорошо,—отвѣтилъ я хриплымъ голосомъ. Отъ одной мысли, что меня и Таню, полуобнаженную, все еще прекрасную, раздѣляетъ только одна дверь, мнѣ стало трудно дышать.

Ключъ щелкнулъ. Я услыхалъ, какъ Таня пробѣжала и, стараясь владѣть собою, вошелъ въ первую комнату.

— Я не долго...—прозвенѣлъ довольно привѣтливо голосъ Тани.

— Хорошо, хорошо...

— Я позвоню горничную, она мнѣ поможетъ...

— Мнѣ кажется, что вы зовете ее не только для услугъ, а скорѣе на всякій случай...—сказалъ я.

— Вамъ всегда кажется... Я никого не боюсь, а тѣмъ

болѣе васъ,—отвѣтила Таня уже другимъ, холоднымъ тономъ, который всегда меня такъ мучилъ.

Не снимая кортика, я сѣлъ въ кресло и закурилъ папиросу.

„За то, что я произнесъ вслухъ настоящую причину вызова горничной, Таня сейчасъ захочетъ мнѣ отомстить"—подумалъ я. „Но какъ она это сдѣлаетъ?"

И вдругъ мнѣ стало до слезъ тяжело и досадно на самого себя, зачѣмъ я, почти умышленно, испортилъ послѣдній разговоръ съ Таней. Впрочемъ, я сейчасъ же утѣшился при мысли, что съ ней мнѣ все равно терять уже нечего.

Въ комнатѣ былъ порядокъ, только на одномъ изъ мягкихъ креселъ лежала голубая ночная кофточка.

Я взялъ ее и приложилъ тончайшій батистъ къ своей щекѣ. Повѣяло нѣжными духами, кажется, царскимъ верескомъ и тѣмъ неуловимымъ запахомъ дѣвичьяго тѣла, который способенъ одурманить самаго [illegible] человѣка, если онъ изъ живого существа еще не обратился въ машину... Я чувствовалъ, что нѣсколько минутъ назадъ эта матерія прикасалась къ обнаженной груди и плечамъ Тани.

Дверь изъ корридора скрипнула и черезъ первую комнату быстро прошла въ спальню пожилая горничная. Вѣроятно, она даже и не замѣтила меня. Все-таки я ужасно взволновался, будто пойманный воръ, и, самъ не знаю почему, тщательно сложилъ и спряталъ кофточку у себя на груди. Черезъ не совсѣмъ притворенную дверь мнѣ было видно зеркало и всю фигуру Тани.

Мнѣ думалось, что какой-то невѣдомой силѣ извѣстно, что я вижу Таню въ послѣдній разъ и что именно поэтому она пожалѣла меня и устроила такъ, что горничная не притворила двери, а главное внушила Танѣ мысль оставить ее непритворенной.

Не знаю, переживалъ ли ты когда-нибудь такіе полчаса? Это ужасъ, что такое!..

Прекрасное, удивительное, полуобнаженное тѣло, которое ты когда-то цѣловалъ все—съ ногъ до головы,—движется отъ тебя въ нѣсколькихъ шагахъ, но прикоснуться къ нему ты не можешь. Хотѣла ли Таня меня мучить, или хотѣла въ послѣдній разъ побаловать,—только она возилась слишкомъ долго и дѣлала такія движенія, что я видѣлъ слишкомъ много... Во всякомъ случаѣ, спасибо ей вѣчное за эти моменты, хотя тогда у меня чуть не пошла горломъ кровь...

Таня вышла ко мнѣ свѣжая, шумящая легкимъ пеньюаромъ, съ высокой прежней прической, которую я такъ

любилъ, но съ холодными, равнодушными, какъ у жандарма, глазами и ни разу не улыбнулась.

— Хотите кофе?—спросила она.

— Нѣтъ, но если вы будете пить, то могу...

Я почему-то засмѣялся, но сейчасъ же опустилъ голову и больше не находилъ словъ.

Таня на минутку вышла въ корридоръ,—вѣроятно, сказала, чтобы дали кофе,—вернулась и опять сѣла въ кресло...

— Когда ѣдете?

— Сегодня...

— Должно быть, это будетъ очень интересное путешествіе. Какъ я вамъ завидую!..

— Право, не знаю...

Горничная принесла кофе и поставила его на маленькомъ столикѣ. Таня сама подала мнѣ стаканъ, но сдѣлала это какъ-то особенно непривѣтливо. Глаза ея смотрѣли все такъ же холодно и жестоко. Я чувствовалъ, что, если бы я сейчасъ же началъ прощаться, Таня не стала бы меня удерживать. Впрочемъ, Тани уже не было,—былъ только портретъ дорогой покойницы, сдѣланный съ большимъ мастерствомъ, и я не могъ заставить себя не смотрѣть на него въ послѣдній разъ...

Сначала говорилось очень плохо, потомъ легче.

— Вы знаете, почему я туда ѣду?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не знаю.

— Чтобы не видѣть васъ.

— Да... Значитъ, это будетъ вашимъ первымъ благоразумнымъ поступкомъ.

— Скажите, Таня, какъ вы думаете устроить свою дальнѣйшую жизнь?

— Ничего я не думаю...

— Но вѣдь, рано или поздно, вамъ придется выйти замужъ.

— Врядъ ли.

— Почему?

— Я не умѣю быть ни рабой, ни любовницей, ни товарищемъ... Затѣмъ дѣти,—я не люблю ихъ... Я сама по себѣ. Если я позволяю иногда многое съ мужчинами, то исключительно затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ они себя въ это время ведутъ. Могу сказать, что всѣ на одинъ ладъ и очень смѣшно. Затѣмъ я не выношу ревности... Говорятъ, что у меня прекрасное тѣло,—это правда, но къ нему я бы могла позволить прикоснуться только тому, кто дѣйствительно поразилъ бы мой умъ и сердце—такихъ не находится... Вообще я слишкомъ требовательна, а разговоръ этотъ слишкомъ скученъ, а потому лучше прекратимъ его...

Нотки искренности, которыя я услыхалъ въ словахъ Тани, взволновали меня.

— Хорошо, прекратимъ; только отвѣтьте мнѣ еще на одинъ вопросъ и такъ же откровенно. Таня, вы любили меня когда-нибудь?

Она покраснѣла, но такъ же спокойно отвѣтила:

— Можетъ быть, но если и да, то всего нѣсколько дней. Вѣроятно, васъ одного... Теперь уже не люблю никого и буду дѣлать только то, что мнѣ пріятно. А затѣмъ объявляю, что на всѣ ваши вопросы объ этомъ не отвѣчу ни одного слова. Говорите о чемъ-нибудь другомъ.

— Хорошо, я не задамъ вамъ больше ни одного вопроса, но позвольте же и мнѣ высказаться. Я коротко... Я чувствовалъ себя счастливымъ съ вами только нѣсколько часовъ, но эти часы мнѣ дороже всей моей прошедшей, настоящей и будущей жизни...

Я замолчалъ и почувствовалъ, что у меня выступаютъ слезы. Таня тоже это замѣтила и коротко сказала:

— Выпейте воды. А затѣмъ, я сейчасъ ухожу, мнѣ нужно купить билетъ въ театръ...

Она снова позвонила горничную и стала надѣвать шляпу. Локти у нея чуть дрожали. На улицѣ я спросилъ:

— Мнѣ можно съ вами?

— Нѣтъ...

Настаивать я не умѣлъ, умолять не хотѣлъ.

Я прижался губами къ холодной кожѣ перчатки...

Дома время тянулось невыносимо. Ясно чувствовалось, какъ я и жена хотимъ заставить себя быть нѣжными, привѣтливыми, но, вмѣсто искренности, выходитъ комедія...

Оставшись одинъ у себя въ кабинетѣ, я вынулъ кофточку Тани и цѣловалъ ее. У меня слегка закружилась голова. Затѣмъ я сложилъ ее, завернулъ въ чистый платокъ и снова положилъ ее къ себѣ на грудь.

Вошла Люся. Я быстро вынулъ руку изъ-подъ сюртука,—она это замѣтила, но ничего не спросила, а только сказала:

— Иди пить чай.

Въ столовой было тихо. Мурлыкалъ потухающій самоваръ. Я взялъ на колѣни Борю, гладилъ его по головѣ и смотрѣлъ на жену. Ея глаза не выражали страданія,—они глядѣли въ одну точку. Я ничего ей не сказалъ, но былъ увѣренъ, что Люся чувствовала, гдѣ я сегодня былъ и также чувствовала, что это свиданье не дало мнѣ ничего, кромѣ тоски... Боря соскочилъ съ моихъ колѣнъ и побѣжалъ въ дѣтскую. Онъ еще не понималъ, куда и зачѣмъ я ѣду.

Молчаніе стало невыносимымъ.

— Все уложено?—спросилъ я.

— Все. Только послѣ чая надѣнь тужурку, вѣдь ты не поѣдешь въ сюртукѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я и добавилъ,—тяжело мнѣ сегодня!..

— Новыя впечатлѣнія тебя развлекутъ. Вѣдь ты радъ, что ѣдешь?

— Радъ. Дамъ тебѣ отдохнуть отъ моей особы и самъ отдохну отъ себя. Хотѣлось бы мнѣ быть другимъ, но это не въ моей волѣ...

— Я понимаю.

Въ восемь часовъ вечера я расцѣловалъ Борю, и мы съ женой поѣхали на вокзалъ. Старались шутить, но шутки выходили неостроумными.

Послѣ второго звонка мы крѣпко поцѣловались, но какъ будто по чьему-то приказанію. Хохлы говорятъ о такихъ поцѣлуяхъ: „якъ мертваго у лобъ".

Въ вагонѣ мнѣ все время, дѣйствительно, было легко. А здѣсь! не дай Богъ! Вѣдь это же невыносимо: чувствовать себя интеллигентнымъ человѣкомъ, а не скотомъ, и въ то же время сознавать, что единственная радость для тебя заключается въ женщинѣ, чужой и холодной. Строить всѣ свои переспективы на единственной мысли: „увижу ее еще или не увижу?"

Теперь я немного понялъ свою жену. Знаешь, почему она не презираетъ меня? Потому что я для нее то же, что для меня Таня. Ей самой видно, какой это ужасъ, если любишь только одного и не принадлежащаго тебѣ душевно, а все остальное на свѣтѣ—на второмъ планѣ. У докторовъ это, кажется, называется „monomania".

Охотинъ замолчалъ, поднялъ голову и попробовалъ улыбнуться.

Стельчинскій съ любопытствомъ и жалостью глядѣлъ на него широко раскрытыми глазами, какъ смотрятъ на улицѣ на человѣка, котораго только что переѣхалъ трамвай. Въ каютѣ было накурено и душно отъ парового отопленія.

Охотинъ всталъ съ койки и зашатался.

— Ногу отлежалъ,—сказалъ онъ и снова хотѣлъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла гримаса. Потомъ онъ подошелъ къ зеркальцу, увидалъ свою всклокоченную голову, вынулъ изъ кармана гребенку и сталъ причесываться.

— Все пройдетъ, все обойдется, — сказалъ, наконецъ, Стельчинскій.

— На томъ свѣтѣ,—отвѣтилъ Охотинъ.—Однако, пора и на квартиру, а то мой вѣстовой спитъ, какъ зарѣзанный, и легко можно не достучаться и до самаго утра. Да, братъ... А всѣ вы ужасно плохіе психологи. Я чувствовалъ, какъ

каждый изъ васъ думалъ: „Напился человѣкъ пьянымъ, ушелъ въ каюту и заснулъ“... А дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Въ эту ночь я видѣлъ Таню, видѣлъ ее такою, какою она была, но уже быть не можетъ... Проснулся въ два часа и больше не могъ закрыть глазъ... И днемъ не въ силахъ былъ лечь. Оттого я сегодня и задремалъ у тебя въ каютѣ...

Охотинъ вдругъ покраснѣлъ, засунулъ руку за бортъ сюртука и съ полъ-минуты возился и пыхтѣлъ, поправляя сорочку, затѣмъ снялъ съ вѣшалки пальто и началъ его надѣвать.

— Стой, я тебѣ помогу,—сказалъ Стельчинскій.

— Ну, помоги.

Охотинъ застегнулся на всѣ пуговицы.

— Прощай! Спасибо, голубчикъ... Все-таки легче стало, когда разсказалъ тебѣ про свою бѣду...

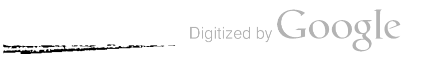
— Года черезъ два ты о ней и забудешь...

— Въ томъ-то и дѣло, что не забуду!.. Можно себя заставить не дѣлать чего-нибудь, не говорить о чемъ-нибудь, но нельзя заставить себя не думать и не желать... Въ этомъ—весь ужасъ... Ну, прощай, братъ!..

Молча вышли на палубу. Трапъ освѣтился электрическими лампочками, и внизу стало еще чернѣе. Дулъ и свистѣлъ по вантамъ нордъ-остъ. Стельчинскій былъ въ одной тужуркѣ. Онъ заложилъ руки въ карманы брюкъ, дрожалъ и весь согнулся. Стоявшій рядомъ вахтенный матросъ, въ длинномъ тулупѣ и въ заиндевѣвшей оленьей шапкѣ, казался великаномъ.

Лицо Охотина было спокойно, только глаза сильно блестѣли. Онъ еще разъ кивнулъ головою, подвинулъ фуражку и, придерживаясь за поручни трапа, началъ опускаться въ темноту, въ которой сейчасъ и потерялся.

Когда Охотинъ шелъ по льду, то ему казалось, что на свѣтѣ нѣтъ и никогда не было—ни его жены Люси, ни сына Бори, ни Тани, а есть только непроглядная ночь, иней, тишина и холодъ.

Жизнь.

Безликая, она забыла счетъ обличій:
Подсказываетъ роль любовнику въ бреду,
И коршуна влечетъ надъ нивами къ добычѣ,
И гидрѣ маленькой даетъ дышать въ пруду.

Въ пустынѣ выжженной встаетъ былинкой смѣлой,
Въ ничтожной капелькѣ селитъ безмѣрный міръ,
Рождаетъ каждый мигъ, вплетаетъ тѣло въ тѣло
И сѣмена существъ проноситъ чрезъ эѳиръ!

Отъ грозныхъ пирамидъ и гордыхъ библіотекъ
До горъ, воздвигнутыхъ изъ ракушекъ морскихъ,
Отъ криковъ дикаря, метнувшаго свой дротикъ,
До чернаго червя, который мудро тихъ,—

Сверкаетъ жизнь вездѣ, грохочетъ жизнь повсюду!
Бросаюсь въ глубь вѣковъ,— она горитъ на днѣ.
Бѣгу на высь временъ,—она кричитъ мнѣ: буду!
Она надъ всѣмъ, что есть; она—во всемъ, во мнѣ!

О, братья: человѣкъ! бацилла! тигръ! гвоздика!
И жители иныхъ непознанныхъ планетъ!
И духи тайные, не кажущіе лика!
Мы всѣ—лишь бѣглый блескъ на вѣчномъ морѣ лѣтъ!

Валерій Брюсовъ.

Жаръ-Птица.

Народныя повѣрья—
Неполныя страницы,
Разрозненныя перья
Отъ улетѣвшей птицы.

Она вотъ тутъ сидѣла
На камнѣ самоцвѣтномъ,
И пѣла здѣсь такъ смѣло
О снѣ своемъ завѣтномъ.

О томъ заморскомъ краѣ,
Гдѣ Море съ Небомъ слито,
Гдѣ дума, въ вѣчномъ маѣ,
Цвѣтами перевита.

Гдѣ свѣтовъ зарожденье,
Гдѣ завершенье мраковъ,
Гдѣ видитъ умъ сплетенье
Всего, какъ вѣщихъ знаковъ.

Пропѣла, улетѣла,
Предъ взоромъ лишь зарница,
Лишь видишь—здѣсь блестѣла
Воистину Жаръ-Птица.

К. Бальмонтъ.

Въ монастырѣ.

Разсказъ **Ив. Наживина**

Трапеза кончилась и монахини, шелестя черными одѣяніями, разошлись по кельямъ...

Мать Серафима, чистая, полная монахиня, съ круглымъ, благообразнымъ лицомъ, въ сопровожденіи двухъ послушницъ—кругленькой, краснощекой Аннушки, съ веселыми ямочками по миловидному лицу и болѣзненно-блѣдной и грустной, похожей на тѣнь Кати,—обходила и запирала всѣ ворота:—Нынче время-то вѣдь какое,—дня не проходитъ, чтобы не было грабежа. „Руки вверхъ!"—и готово... Ужъ въ городѣ на двѣ обители покушались, злодѣи, а тутъ далеко ли—всего четыре версты...

Тяжелыя воротины подъ усиліями послушницъ тихо стронулись съ мѣста и, точно негодуя на то, что нарушили ихъ мертвый, чугунный сонъ, со скрежетомъ и визгомъ поползли навстрѣчу одна другой.

— Ну, ну, налягъ!..—улыбаясь, подбодрила мать Серафима блѣдную Катю.—Запирайте крѣпче, смотрите!..

— Не влѣзутъ теперь!—улыбнулась всѣми своими ямочками розовая Аннушка, опуская заскрежетавшій тяжелый засовъ.—А и влѣзутъ — не возрадуются: насъ тутъ эва сколько! Отъ одного крика убѣгутъ.

— А я боюсь...—тихо проговорила Катя, и въ ея темныхъ обложенныхъ тѣнью глазахъ въ самомъ дѣлѣ отразился страхъ.

— Бояться грѣхъ,—назидательно сказала мать Серафима.—Ежели Богъ не оставитъ, бояться нечего, а оставитъ, такъ бойся, не бойся—не спасешься.. Ну, заперли?.. Ну, и слава Богу! Пойдемте...

Она торопливо, маленькими крестиками перекрестила, что-то шепча, снова заснувшія своимъ тяжелымъ сномъ ворота, перекрестилась сама и всѣ направились къ кельямъ въ окнахъ которыхъ, между стволами старыхъ деревьевъ парка, ярко отражалась горящая надъ тихими полями заря...

Все затихло...

Обнесенный своей высокой, красивой оградой по лицевой сторонѣ и высокимъ прочнымъ заборомъ съ натыканными наверху гвоздями—сзади и съ боковъ, монастырь этотъ, спрятавшійся въ тѣни огромнаго, вѣкового парка, казался какимъ-то прекраснымъ островкомъ среди мутно-сѣраго, безбрежнаго моря нужды, горя и безобразія, бурно плескавшагося за его высокой оградой. Все, что связывало его съ тѣмъ бурнымъ міромъ были, казалось, лишь ручейки золота и мѣдяковъ, лившіеся оттуда сюда и превращавшіеся здѣсь въ крѣпкіе, хрустящіе листы процентныхъ бумагъ, нѣжную семгу, золотыя ризы и малиновое, яркое, какъ рубинъ, душистое варенье: здѣсь очень много ѣли, а особенно сладкаго—благочестивые посѣтители никогда не забывали захватить сюда абрикосовскаго мармелада для матушекъ, маслянистой, вкусной халвы съ орѣхами, фруктоваго сахару, а лѣтомъ, когда наступалъ сезонъ ягодъ, всѣ окрестности были полны ароматомъ варенья и мужики принюхивались и говорили: „вотъ матушки варенье варятъ", а ребята—съ тонкими ножками, большими животами и блѣдными лицами,—прильнувъ къ щели въ высокомъ заборѣ, расширяли ноздри и облизывались... И, когда здѣсь ѣли... впрочемъ, здѣсь никогда не ѣли, а вкушали во славу Божію,—когда здѣсь вкушали во славу Божію бѣлорыбицу, то души переполнялись умиленіемъ, ибо всѣ знали, что, вкушая бѣлорыбицу, онѣ творятъ волю Бога, запретившаго имъ солонину и разрѣшившаго бѣлорыбицу...

Тамъ, въ грѣшномъ мірѣ, за оградой, ревѣли, обагряя землю кровью людской, пушки,—здѣсь съ высокихъ хоръ лились чудные, чистые звуки на диво подобранныхъ дѣвичьихъ голосовъ; тамъ, подъ взъерошенными, соломенными кровлями разоренныхъ деревень люди гнили въ сифилисѣ и паршѣ, тонули въ водкѣ,—здѣсь, среди великолѣпныхъ, ароматныхъ клумбъ гордо цвѣли рѣдкой красоты георгины: пунцовыя, снѣжно-бѣлыя, золотистыя, пестрыя, темно-лиловыя; тамъ слышались пьяная остервенѣлая ругань, дикія пѣсни, отчаянный вой бабъ по запаснымъ,—здѣсь, чудно переплетаясь съ ароматомъ ландышей, розъ, резеды, въ горячемъ трепетѣ солнечнаго свѣта среди листвы слышались серебряныя, свѣжія, чистыя трели зябликовъ, рыдали звѣздными ночами отъ счастья соловьи въ дальнихъ, пустынныхъ углахъ парка, надъ рѣкой, пѣли въ лазурной вышинѣ колокола, то весело и побѣдно, то строго и величаво, то грустно и задумчиво-нѣжно... Въ высокомъ, полномъ солнечнаго свѣта куполѣ, окруженный сіяніемъ и славословящими херувимами, здѣсь царилъ великій Богъ, а по сторо-

намъ, въ голубыхъ пахучихъ облакахъ кадильнаго дыма, пестрыми нарядными вереницами стояли благообразные, то умиленные, то строгіе святые. А выйдешь на широкую, чистую паперть—видишь широкій заоградный міръ, но не безобразіе его, а только красоту: золотыя нивы, задумчивыя синія, лѣсныя дали, зори, жемчужныя облака, звѣзды, а надъ полями—высокія трубы кирпичныхъ заводовъ, похожія на огромные каменные пальцы, указывающіе въ вѣчное небо, куда, навкушавшись до-сыта бѣлорыбицы и абрикосовскаго мармелада, ты отправишься подъ грустно-величавый гулъ колоколовъ...

Изрѣдка бывали и здѣсь моменты скорби—тогда, когда постригали какую-нибудь новую инокиню. Въ эти минуты ей казалось, что она умираетъ для міра, вступаетъ на какой-то новый скорбный путь. Вся блѣдная, сдерживая боль души, она надѣвала черный клобукъ и—сразу попадала на счастливый островокъ, гдѣ такъ пышно цвѣтутъ гордыя георгины, такъ дивно поютъ колокола, такъ привольно дышится подъ высокими солнечными сводами вѣковыхъ липъ, гдѣ свѣжія просфоры такъ вкусны съ душистымъ чаемъ и сливки отъ своихъ коровокъ такъ густы и сладки. А садили эти георгины, и доили тѣхъ коровокъ и пекли тѣ просвирки наемныя бабы, отъ которыхъ требовалось, чтобы онѣ были одѣты чисто и не воняли потомъ, причесаны какъ слѣдуетъ, не пѣли бы своихъ безобразныхъ, визгливыхъ пѣсенъ и, разговаривая, не орали бы во все горло: матушка игуменья превыше всего цѣнитъ покой, тишину, благообразіе...

Она и совсѣмъ бы закрыла доступъ за ограду безобразію грѣшнаго міра, но этого было нельзя и, кромѣ бабъ, міръ посылалъ сюда еще богомольцевъ,—въ опредѣленные часы, когда звалъ колоколъ,—которые для этого случая надѣвали лучшія одежды и всячески старались скрыть свое убожество и нищету; если же какой-нибудь сынъ человѣческій не имѣлъ хорошихъ одеждъ, если онъ былъ нищъ, босъ, вшивъ, безпріютенъ, то въ лучшемъ случаѣ его пускали только до паперти, не забывая при этомъ указать ему на всю грѣховность водки... Иногда изъ того міра приносили сюда почившихъ „благодѣтелей"—въ дорогихъ гробахъ, подъ парчевыми тяжелыми покровами, съ сверкающими на бархатныхъ подушкахъ орденами и медалями и съ великимъ почетомъ и чуднымъ пѣніемъ опускали въ землю, воздвигали пышный памятникъ и золотыми буквами родные выписывали на немъ и свою печаль, и надежду на то, что и на будущемъ свѣтѣ ему будетъ такъ же хорошо, какъ было хорошо и здѣсь; обсаживали памятникъ благоухающими цвѣтами и усыпали чистыя дорожки вокругъ золотымъ пе-

скомъ... Тѣ же, другіе—изъѣденные сифилисомъ и распухшіе то отъ голода, то отъ пьянства мужики, чахоточные фабричные,—тѣ клали своихъ покойниковъ на своемъ отдѣльномъ кладбищѣ, верстахъ въ двухъ отсюда, на голомъ песчаномъ бугрѣ, гдѣ было такъ скучно и безпріютно и росло такъ много крапивы и бурьяна..

Но, разумѣется, кромѣ золотыхъ ручейковъ, почившихъ благодѣтелей, бѣлорыбицы и мармелада, грѣшный, безобразный міръ, случалось, перебрасывалъ сюда, какъ ни высока была ограда, и нѣчто другое. Такъ, въ позапрошломъ году мутныя, грязныя волны моря житейскаго вынесли темной ночью къ чугуннымъ, наглухо запертымъ, воротамъ трупикъ недоношеннаго ребеночка, а въ прошломъ году, ночью же, загорѣлась Разгильдяевка, крайнія избы которой подходятъ къ самому парку. Вѣтеръ былъ прямо на обитель, и искры золотистымъ роемъ сыпались и на храмъ, и на кельи, и на черно-багровый отъ пожара паркъ. Часть сестеръ всю ночь простояла на паперти съ иконой Владычицы въ рукахъ, а другая до разсвѣта, охая, таскала съ одного мѣста на другое сперва сундучки, а потомъ банки съ вареньемъ и маринадами... Мать Агнія, игуменья, долго отчитывала мужиковъ за неосторожность, когда они на другой вечеръ, грязные, усталые, закоптѣлые, немного пьяные—съ горя—пришли къ ней просить помощи, но всетаки дала имъ по рублю на дворъ... Случалось тоже иногда, что пьяный мужикъ заоретъ нарочно у самой ограды безобразную пѣсню или дѣти дачниковъ, съѣзжавшихся въ окрестности въ маѣ, попортятъ въ саду клумбу или сорвутъ цвѣтокъ, а то, не дай Богъ, противъ оконъ матери Агніи шумѣть начнутъ...

Но, чтобы ни случалось, взволновавшаяся обитель скоро снова замирала въ своемъ солнечномъ, полномъ цвѣтовъ и музыки, покоѣ, снова пышно цвѣли георгины, снова пѣли колокола, снова въ тихихъ келіяхъ, подъ самодовольное ворчанье ярко вычищеннаго самовара, плелись, пересыпаемыя набожными вздохами, именемъ Божіимъ и нравоучительными изреченіями, всякія сплетни, а на столѣ благоухалъ розовый съ янтарнымъ жиркомъ балыкъ, блестѣла жирнымъ блескомъ черная икра, лежали въ своей раздражающей красотѣ всякіе маринованные грибочки, ярко горѣло на солнцѣ всякое варенье въ красивыхъ хрустальныхъ вазочкахъ...

И такъ шелъ годъ за годомъ...

И вдругъ скорбный, грѣшный заоградный міръ зашумѣлъ—смутно, зловѣще, грозно... Земскій докторъ, безбожникъ, вдругъ пріѣхалъ на той недѣлѣ въ Разгильдяевку и, созвавъ мужиковъ, завелъ съ ними рѣчь на счетъ всякихъ

непорядковъ, но, слава Богу, старики на смѣхъ его подняли—„мало вы, дескать, нашего-то брата объегоривали, нѣтъ, будя!"—а Митька Камолый, пьяный, какъ всегда, такъ даже на чаекъ потомъ попросилъ „за то, что слушали весь вечеръ!" Они, подгородные-то, охальники вѣдь, да и дипломаты,—ни на кривой, ни на прямой не объѣдешь... Такъ докторъ, не солоно хлебавши, и уѣхалъ ни съ чѣмъ, а на утро, какъ разсвѣтало, на чугунныхъ воротахъ листокъ поганый нашли—про царя, про начальство, про поповъ. Мать Софія голову на отсѣченье давала, что это Андрейка Безпаловъ налѣпилъ. Да и правда, озорной парень: сестеръ все пчелками зоветъ, матушку-игуменью—мигуньей, архіерея—архаріемъ, архимандрита—хандримандритомъ... И гдѣ только набрался всего этого!.. А въ храмъ Божій и носу никогда не покажетъ...

Мать Софья—бой-баба, не гляди, что инокиня!—листковъ откуда-то добыла, въ которыхъ андрейкиному-то листку все вразрѣзъ, насупротивъ пропечатано было: на счетъ жидовъ, докторовъ, студентовъ и всякой иной прочей сволочи. Въ воскресенье, послѣ поздней обѣдни, она вышла съ листочками своими на паперть и стала собственноручно раздавать ихъ и мужикамъ, и расквартированнымъ для порядка по окрестнымъ деревнямъ казакамъ. Узнавъ объ этомъ, мать игуменья тотчасъ же потребовала ее къ себѣ въ покои и, прочитавъ ей суровую нотацію, положила на нее, въ видѣ наказанія, особое послушаніе,—развѣ можно инокинѣ въ мірскія дѣла мѣшаться?!. Про себя же матушка, читавшая газеты, думала такъ: кто перетянетъ, еще Богъ вѣдаетъ, такъ нечего сердить ни тѣхъ, ни другихъ.

Правда, тѣ, старые-то, всячески покровительствуютъ, пекутся объ обителяхъ Божіихъ, а эти съ перваго же абцугу на монастырскія земли воззрились.

Ну, пусть ихъ берутъ землю, ея и всего-то двѣсти шестнадцать десятинъ да и тѣ матушка успѣла заложить, какъ слѣдуетъ,—на постройку новаго храма, молъ, поистратились; онѣ, слава Богу, и безъ земли проживутъ, однѣми молитвами. А ежели супротивъ *ихъ* больно-то пойдешь, да какъ *они* верха возьмутъ, такъ того и гляди, что, какъ у французовъ, и поразгонятъ всѣ обители. Нѣтъ, Богъ съ ними, наше дѣло сторона: отреклись, и шабашъ, и крышка,—дѣлайте, какъ хотите!..

Мать Софія—истинно, премудрая!—смириться-то смирилась, но все-таки не утерпѣла: листочки, что у нея остались, передала сестрицѣ Аннушкѣ съ веселыми ямочками, чтобы та,—дѣвка она ловкая!—сплавила ихъ какъ поаккуратнѣе въ Разгильдяевку. Сестрица Аннушка не безъ лукаваго умысла

передала ихъ Андрейкѣ Безпалову,—ужъ очень онъ ловко на тальянкѣ громыхалъ да и кудрявый, какъ баранъ,—а тотъ взялъ ихъ да и бросилъ въ печку, оглашенный. Впрочемъ, мать Софія объ этомъ ничего не узнала и радовалась, что здорово она все-таки доктору насолила...

Огоньки въ окнахъ потухали одинъ за другимъ и сестры погружались въ тихій, безмятежный сонъ... Мать Серафима уже тяжело храпѣла... Уставшая за день отъ безконечнаго вышиванья золотомъ шелковыхъ и бархатныхъ туфель, которыми славилась обитель, сестрица Аннушка уже давно спала и ей грезилось, что Андрейка забористо громыхаетъ передъ ней на тальянкѣ и зоветъ ее будто бы въ монастырскій садъ—этотъ сонъ снился ей каждую ночь, можетъ быть, потому, что за годъ она не могла еще достаточно отвыкнуть отъ родной Разгильдяевки. Отца ея убили японцы, мать померла вскорѣ послѣ него и мать Агнія взяла сиротку въ монастырь. Та пошла съ радостью—ужъ очень наголодалась она дома. Здѣсь она скоро очень поправилась, но все-таки скучала, такъ какъ цѣлые дни приходилось, почти не вставая, корпѣть надъ вышиваньемъ разныхъ штучекъ для благодѣтелей, а отъ варенья ей, увы, доставались только пѣнки, да и то мало, отъ бѣлорыбицы—запахъ, а отъ приношеній—двугривенные... Поэтому ей и снился, вѣроятно, заоградный міръ во образѣ Андрейки... Подруга ея, завядшая надъ вышиваньемъ, блѣдная Катя не спала, не могла заснуть и все съ тревожно-бьющимся сердцемъ прислушивалась: не лѣзутъ ли?.. Но вокругъ все было тихо: спали старыя липы, спали георгины, спали разукрашенныя могилки благодѣтелей, только вверху, въ темномъ бархатномъ небѣ, трепетали яркія звѣзды, проносились стремительные метеоры да надъ чугунными воротами не спали два бѣлокрылыхъ ангела, голубой и розовый: какъ всегда, они держали съ боковъ широкое бѣлое полотенце съ изображеніемъ блѣднаго лика Христа, съ темными, строгими глазами и слегка приподнятыми тонкими бровями, придававшими Ему немного удивленное выраженіе,—точно Христосъ недоумѣвалъ, что это такое вокругъ Него дѣлается и зачѣмъ Онъ сюда попалъ...

Въ темной липовой аллеѣ послышался долгій, сочный звѣвокъ—то мать Софія, въ полуснѣ, шла отбивать часы. Наложенное на нее матушкой, послушаніе это, въ ея годы, при ея полнотѣ было не изъ легкихъ,—ей хотѣлось спать, она немного озябла, а подъ ложечкой нестерпимо сосало: пользуясь ея усталостью, врагъ рода человѣческаго искушалъ ее жирной вареной говядиной съ крѣпкимъ хрѣномъ и солеными огурцами, которую она, грѣшница, страшно лю-

била и которой изрѣдка баловала себя, посѣщая городскихъ благодѣтелей и поддаваясь ихъ уговариваньямъ, что „одинъ разокъ-то можно и согрѣшить"...

— Тьфу-ты!.. Отступись, сатана!—съ сердцемъ, совсѣмъ проснувшись, пробормотала она, когда искуситель пустилъ ей въ носъ любимый запахъ жирнаго, дымящагося мяса.— Да воскреснетъ Богъ...

Вотъ и колокольня... Она сразу нащупала въ темнотѣ веревку и... что такое?!.

Среди красивыхъ зубцовъ ограды, на фонѣ ярко-звѣзднаго неба вдругъ тихо поднялся круглый, черный шаръ...

Голова!.. Человѣкъ!..

У матери Софьи подкосились ноги...

Глядь—внизу, уже внутри ограды, стоятъ еще двое! Она схватилась за холодную каменную стѣну, чтобы не упасть. А тотъ, первый, уже тихонько спускался по стѣнѣ внизъ, а на его мѣстѣ, на оградѣ, стоялъ еще человѣкъ!

Пятый!.! Шестой!.. Седьмой!..

Восемь человѣкъ!..

Они постояли немного, должно быть, совѣщаясь, потомъ четверо направились прямикомъ къ покоямъ игуменьи, а четверо къ кельямъ, прямо на мать Софью—черные, тихіе, страшные, какъ смерть!..

Мать Софья справилась съ собою, ожила. Еще мгновенье— и, подобравъ подолъ, она безшумно понеслась вокругъ церкви, забывъ года, усталость и свой большой животъ... Вотъ она уже у ограды...

А—а, веревка!

Мать Софья осторожно дернула ее, разъ, два, а потомъ сильно размахнулась и веревка повисла на одномъ изъ зубцовъ, высоко надъ землей...

И вотъ она, осторожно притворивъ за собой дверь и придерживая одной рукой подолъ, другой—пляшущій животъ, мчится уже по каменной лѣстницѣ вверхъ, на колокольню. Съ страшно выкатившимися глазами, съ раскрытымъ сухимъ ртомъ, блѣдная, какъ смерть, она выросла вдругъ среди спящихъ колоколовъ. Дрожащія ноги ея подгибались, грудь разрывалась подъ ударами сердца и, почти теряя сознаніе, она прижалась лбомъ къ огромному, холодному колоколу... Но вдругъ она вспомнила, что́ теперь тамъ, внизу, и злоба и страхъ разомъ снова окрылили ее...

И вдругъ темная, душная ночь вздрогнула, и колокольня завыла, завыла дико, страшно. Слившись съ колоколомъ въ одно, мать Софья точно вдохнула въ его мощное, мѣдное тѣло свою полную страха, пылающую злобой, жаждой мщенія душу и, весь содрогаясь и трепеща,—колоколъ вылъ

страшнымъ, потрясающимъ душу воемъ. Казалось, кто-то огромный, какая-то огромная утроба металась и ревѣла тамъ, въ звѣздной вышинѣ, надъ темной землей, обиженная, растревоженная, злобная...

При первомъ звукѣ набата земля точно сжалась вся и на ней стало точно еще тише. Потомъ въ окнахъ келій испуганно замелькали, забѣгали огоньки, маленькіе, тревожные, жалкіе въ этомъ бездонномъ ревѣ. Слабо освѣтились окна игуменьи... На деревнѣ послышались сонные, хриплые голоса...

Черныя тѣни тамъ, внизу, бросились къ оградѣ и, жадно, судорожно шаря руками по шероховатой каменной стѣнѣ, тоскливо заметались изъ стороны въ сторону, но напрасно: веревки не было! Гдѣ-то вдали, въ темнотѣ, вдругъ рѣзко и возбужденно зачастилъ рожокъ горниста, ему отозвался другой, потомъ третій—точно перекликались какіе-то большіе, страшные пѣтухи; за стѣной послышались сонные, недовольные и тревожные голоса разгильдяевцевъ и чугунныя ворота глухо загудѣли подъ ихъ кулаками. А мать Софья не видѣла и не слышала ничего. Она совершенно утратила сознаніе самой себя и, слившись съ воемъ колокола, судорожно металась во мракѣ во всѣ стороны, полная страха и злобы, и снова взлетала на колокольню и, какъ рой вѣдьмъ, злобно, очертя голову, снова бросалась внизъ, и снова, дрожа и воя, неслась надъ черной землей...

У стѣны было уже только трое... Остальные, потерявъ голову отъ страха, перебѣгали по саду съ мѣста на мѣсто—слышно было, какъ съ сухимъ трескомъ ломались подъ ихъ ногами зеленыя, красиво выструганныя палочки, поддерживающія цвѣты, и сочно хрустѣли георгины,—но всюду предъ ними молчаливо вставалъ высокій, утыканный гвоздями заборъ... И вдругъ—калитка! Оттолкнувъ желѣзный засовъ, совсѣмъ безумные отъ радости, они, тѣсня одинъ другого, рванулись вонъ, но въ то же мгновеніе въ темнотѣ раздался дробный и глухой по пыльной дорогѣ топотъ лошадей, смутные голоса, бряцанье оружія... Они бросились назадъ и, торопливо замкнувъ калитку, замерли...

А тамъ, у чугунныхъ воротъ, одинъ влѣзъ на плечи къ другому и досталъ, наконецъ, веревку. И вотъ они уже на стѣнѣ, среди звѣздъ, надъ темной, тревожно галдѣвшей толпой.

— Гляди, гляди!..—раздались голоса.—Вотъ они!.. Держи... Не пущай!..

Слабо блеснувъ, на стѣнѣ жидко щелкнулъ револьверный выстрѣлъ, толпа шарахнулась назадъ, но въ то же мгновеніе темнымъ, быстро плывущимъ пятномъ въ темнотѣ

обрисовалась злая, какъ зубами лязгающая, дурно пригнаннымъ второпяхъ оружіемъ, лавина казаковъ. Но тѣ, наверху, еще не видѣли ихъ... Опять жидкій хлопокъ... другой... третій... И вдругъ, молніей разорвавъ темноту, полно и гулко грянулъ съ земли выстрѣлъ и тотчасъ же торопливо, безпорядочно затрещали казачьи винтовки... Со стѣны, внутрь ограды, глухо упало что-то, потомъ еще... Третій зашатался, судорожно схватился за зубецъ, но не удержался, съѣхалъ внизъ и, безсильно свѣсивъ голову и руки, повисъ на оградѣ... Казаки палили и никакъ не могли остановиться—слишкомъ много злобы накопилось въ нихъ отъ этихъ постоянныхъ тревогъ, сверхсильной, день и ночь, гоньбы, а тутъ еще все усиливающіеся слухи, что жиды своего царя хотятъ поставить и что мужики хотятъ оттягать у казаковъ землю...

И они палили...

Изъ темноты быстро выплылъ еще отрядъ казаковъ.

— Окружай!..—послышался энергичный, властный голосъ.—Живо!..

И казаки, по одному, черной лентой понеслись вдоль ограды, оцѣпляя обитель...

А утроба все выла, обиженная, перепуганная, злая,—мать Софья не видѣла и не слышала ничего...

И вдругъ черная, бѣгущая лента казаковъ стала, точно наткнулась на какую-то преграду, сгрудилась...

— Вотъ они!.. Держи!..

Быстро свалившись съ сѣделъ, нѣсколько казаковъ съ замирающими сердцами—вѣдь дома жены, дѣти остались, разореніе!—бросились на людей, выскочившихъ изъ калитки. Четверо были смяты въ одно мгновенье, а пятый снова юркнулъ въ темный паркъ и, захлопнувъ за собой калитку, жалко и тоскливо заметался въ темнотѣ, какъ заяцъ...

— Оцѣпляй!.. Живо!..

И, лязгая зубами, черная змѣя снова быстро поползла вдоль забора, замыкая кольцо смерти...

Плѣнныхъ, обжигая нагайками по плечамъ, по головѣ, по лицу, повели назадъ, къ воротамъ. Они шли несгибающимися, одеревенѣвшими ногами и души ихъ были мертвы: сзади мѣсяцы страшной безработицы, страданій, голодныя жены и дѣти, впереди—смерть, въ настоящемъ—нестерпимый огонь нагаекъ,—нѣтъ правды на землѣ, нѣтъ Бога въ небѣ!..

Чугунныя ворота гудѣли подъ нетерпѣливыми ударами кулаковъ и прикладовъ—казаки дрожали отъ бѣшенства при мысли, что врагъ уйдетъ... Разгильдяевцы не отставали отъ нихъ и изъ всѣхъ силъ дубасили въ ворота, орали и ругались. Не проходило недѣли, чтобы они не стянули чего-

нибудь у монахинь; они тащили все, что только могли, и не считали этого большимъ грѣхомъ: „у ихъ много!.. Еще намолятъ“... Но теперь, при видѣ покушенія на этотъ чужой каравай со стороны другихъ, они лѣзли изъ кожи вонъ—не столько, впрочемъ, отъ жадности, сколько отъ пріятнаго сознанія, что и имъ выпало на долю принять участіе въ такомъ замѣчательномъ событіи. Они бросились было доставать убитаго со стѣны шестомъ, но есаулъ—онъ съ вечера былъ вдрызгъ пьянъ и, разбуженный тревогой, всталъ весь разбитый и злой, какъ чортъ,—велѣлъ ихъ отогнать „къ матери въ...“. Увидѣвъ плѣнныхъ, въ тупомъ, безжалостномъ любопытствѣ, они обступили было ихъ, но и тутъ ихъ встрѣтилъ огонь нагаекъ...

Цѣпь казаковъ вокругъ монастыря замкнулась, но ворота все не отворялись.

— Да что же онѣ смѣются, что ли, надъ нами?—вскипѣлъ есаулъ, загнувъ невозможное ругательство.—Ребята, тащи сюда старосту!.. Гдѣ пожарная лѣстница?..

Перепуганныя на-смерть монахини, прижимаясь, какъ овцы, одна къ другой и плача отъ страха, съ фонарями нерѣшительно подошли къ гудѣвшимъ подъ ударами воротамъ. Да то разгильдяевцы, казаки, спасеніе!.. Всей толпой онѣ бросились отпирать...

— Ахъ, Господи-Батюшка... Что же это такое?!. А?..—раздавались, образуя какую-то скверную кашу радости и страха, голоса.—Ахъ, Владычица... Да что же это мать Софья-то все звонитъ? Просто оглушила, не слыхать ничего!.. Сейчасъ, сейчасъ, не стучите!.. Бѣгите скорѣй къ ней кто-нибудь... Всѣ цвѣты поломали... Слава Тебѣ, Господи-Батюшка!.. Вотъ до чего дожили!.. Истинно, свѣтопреставленіе...

Нѣсколько казаковъ, едва не сбивъ ихъ съ ногъ, съ винтовками въ рукахъ ринулись въ паркъ, а двѣ сестры уже летѣли на колокольню. Запыхавшіяся, онѣ едва оторвали отъ тяжелаго языка мать Софью. Она пришла въ себя, выпустила веревку и повалилась въ обморокъ. Вой разомъ оборвался, но въ темнотѣ еще стоялъ нѣкоторое время, замирая, послѣдній дрожащій звукъ возбужденной мѣди, похожій на тихое, удовлетворенное, жирное ржаніе: го-го-го-го-го...

А у чугунныхъ, настежь раскрытыхъ воротъ, въ тускломъ, желтомъ свѣтѣ фонарей, галдѣла возбужденная толпа—монахини, мужики, бабы, ребята, казаки... Монахини старались взглянуть на убитыхъ и въ глазахъ ихъ былъ и ужасъ, и удовлетвореніе... Вотъ изъ воротъ показалась блѣдная и ослабѣвшая мать Софья. Всѣ обступили ее, требуя объясне-

ній, какъ и что, но она только устало замахала руками и прямо прошла къ оцѣпленнымъ казаками плѣннымъ. Чей-то фонарь услужливо поднялся въ уровень съ ихъ блѣдными, какъ у мертвецовъ, исхудалыми, исполосованными нагайками лицами, и мать Софья медленнымъ взглядомъ, отягченнымъ сдерживаемой злобой и полнымъ торжества, осмотрѣла ихъ всѣхъ, голодныхъ, оборванныхъ, жалкихъ.

— Обыскали ихъ?—громко спросилъ есаулъ, статный красавецъ въ ловко сидящемъ кафтанѣ и широчайшихъ штанахъ, съ жгучимъ румянцемъ на смугломъ лицѣ и черными кудрями подъ лихо заломленной фуражкой.

— Никакъ нѣтъ, вашескородіе...—послышались голоса и нѣсколько казаковъ бросились обыскивать плѣнныхъ.

Чрезъ минуту, двѣ есаулу поднесли трофеи: два плоскихъ, рыжихъ отъ старости, пустыхъ кошелька, старый, ржавый финскій ножъ, ржавый бульдогъ всего съ одной гильзой.

— Поймали леща!—раздался молодой насмѣшливый голосъ.

Мать Софья,—точно кто ее шиломъ кольнулъ,—живо обернулась. Слабо освѣщенное фонаремъ, на нее улыбалось задорно-курносое, опушенное бѣлымъ пухомъ лицо Андрейки, молодого парня въ фуражкѣ съ узкимъ донышкомъ и крѣпко подержаномъ сѣромъ пиджакѣ, видимо, съ какого-то барскаго плеча.

— Напрасно надсмѣхаетесь, молодой человѣкъ!—свистящимъ, сдавленнымъ голосомъ проговорила она.—Ваше бы дѣло теперь помалкивать, да... Вишь, картузикъ то вы какъ гдѣ-то вываляли,—вдругъ прибавила она.—Упали, что ли гдѣ? А?

Въ ея тонѣ было что-то такое, что заставило всѣхъ обратить глаза на Андрейку, который смутился и поблѣднѣлъ.

— Упалъ, какъ бѣжалъ... сюда... Вотъ у канавы...—отвѣчалъ онъ и улыбнулся кривой, жалкой улыбкой.

— Вишь-ты!..—отозвалась мать Софья.—Надо потише бѣгать, а то и совсѣмъ голову сломаешь...

Въ толпѣ что-то наростало,—мерзкое, липкое,— и Андрейка совсѣмъ растерялся.

— Взять его!—коротко сказалъ есаулъ, зорко всматривавшійся въ Андрейку, и тотчасъ же по обѣимъ сторонамъ парня выросли два казака въ синихъ кафтанахъ, подстриженные въ скобку и съ серебряной серьгой въ ухѣ.

— Да что вы, очумѣли?!—воскликнулъ трясущимися губами бѣлый, какъ снѣгъ, Андрейка, отлично знавшій, чѣмъ все это пахнетъ.—За что?.. Я тутъ... не причемъ...

— Это мы разберемъ потомъ...—насмѣшливо бросилъ есаулъ, пошептавшись о чемъ-то съ двумя другими офицерами.

— Грѣхъ тебѣ, мать Софья!..—сорвавшимся голосомъ проговорилъ Андрейка.—Помирать вѣдь будешь..

— Ну, и буду... Ну, и что жъ?..—вскипѣла вдругъ монахиня, точно ее плетью кто огрѣлъ.—Ну?.. Вишь, теперь, какъ запѣлъ! Пчелокъ-то забылъ, знать, да бумажки-то свои поганыя! То-то!..

Это вышло у нея такъ скверно, что симпатіи не только мужиковъ, но даже и всѣхъ казаковъ сразу перешли на сторону парня.

— Отпустите его...—прозвенѣлъ вдругъ молодой дѣвичій голосъ.—Я свидѣтельница, что его... тутъ не было...

Всѣ, какъ одинъ, обернулись къ Аннушкѣ. Лицо ея, подъ чернымъ платкомъ, было блѣдно, но ямочки все-таки смѣялись попрежнему.

— Какая хорошенькая, чертенокъ!.. — пробормоталъ есаулъ.—Ну, говори...

— Онъ... со мной въ саду былъ!..—торопливо бросила смущенная Аннушка, и въ глазахъ ея вдругъ задрожалъ смѣхъ и ямочки совсѣмъ расцвѣли.

Всѣ онѣмѣли. Монахини разинули рты, мать Софья ѣла дѣвушку горящими глазами... И вдругъ взорвался вихрь негодующихъ возгласовъ монахинь и сдержанный смѣхъ разгильдяевцевъ и казаковъ.

Всѣ немного повеселѣли—присутствіе трупа, висящаго головой внизъ на оградѣ, и блѣдныхъ плѣнниковъ не смущало: за годъ люди успѣли привыкнуть къ трупамъ и прекрасно могли продолжать кровавый фарсъ своей жизни даже среди висѣлицъ...

Есаулъ понялъ, въ чемъ дѣло, и восхитился,

— Ай да дѣвчонка, чортъ ее возьми совсѣмъ!—скаля свои бѣлыя зубы, засмѣялся онъ и громко сказалъ:—Ну, за это мы наказывать не имѣемъ права... Отпустить его!..

Казаки, смѣясь, отошли отъ пораженнаго Андрейки и онъ спрятался за спины разгильдяевцевъ.

Монахини продолжали негодовать... Другіе всѣ смѣялись, сдержанно и ехидно.

Вдругъ въ глубинѣ парка раздался страдальческій крикъ, и тотчасъ же коротко стукнула винтовка. Всѣ снова замерли, подавленные. Потомъ опять стали переговариваться вполголоса. За оградой послышались голоса и шаги и въ воротахъ показались казаки.

— Ну?—коротко спросилъ уже снова нахмурившійся есаулъ.

— Такъ что одного Хоменко убивъ, вашескородіе...— доложилъ высокій, рябой казакъ съ слегка косящимися глазами.— Полѣзъ было черезъ заборъ да за гвозди зацѣпився, Хоменко ударивъ и убивъ... А больше не оказалось...

Четыре убитыхъ и четыре плѣнныхъ—число вполнѣ согласовалось съ показаніемъ матери Софьи. Есаулъ рѣшилъ, однако, оставить у воротъ до утра часовыхъ, а вокругъ монастыря разъѣзды и звучно скомандовалъ:

— Садись!..

Казаки вскочили на сѣдла и вмѣстѣ съ плѣнниками отрядъ ушелъ. Разгильдяевцы и другіе прибѣжавшіе на шумъ мужики, возбужденно переговариваясь, довольные, что имъ пришлось быть свидѣтелями такого замѣчательнаго происшествія, расходились по домамъ. Аннушка пошла вмѣстѣ съ ними къ своей теткѣ,—мать Софія рѣшительно заявила, что безъ благословенія матушки пустить срамницу въ обитель нельзя, а матушку безпокоить теперь же не рѣшились—она захворала съ перепугу... Чугунныя ворота снова, скрежеща и визжа, тяжело затворились, точно радуясь, что послѣдняя—маленькая, блѣдная—искорка жизни ушла изъ за стѣнъ и тамъ, внутри, осталась только взволнованная, огромная утроба, полная варенья и тоски по вареной говядинѣ...

А на востокѣ уже черкнула нѣжной желтовато-зеленой полоской заря и изъ темноты все яснѣе и яснѣе выступали красивыя зубчатыя стѣны, сонныя фигуры казаковъ съ винтовками въ рукахъ внизу, черное, безжизненно перегнувшееся пополамъ тѣло вверху, и дряная узловатая веревка, тихо качавшаяся подъ легкимъ предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ...

Сонъ и смерть.

(Колыбельная пѣсня).

Много бѣгалъ мальчикъ мой.
Ножки голыя въ пыли.
Ножки милыя помой,
Мои ножки. Задремли,
Я спою тебѣ, спою:
Баю-баюшки-баю.

Тихо стукнулъ въ двери сонъ.
Я шепнула:—Сонъ, войди.
Волоса его, какъ ленъ,
Ручки дремлютъ на груди...
И тихонько я пою:
Баю-баюшки-баю.

— Сонъ, ты гдѣ былъ?—За горой.
— Что ты видѣлъ?—Лунный свѣтъ.
— Съ кѣмъ ты былъ?—Съ моей сестрой.
— А сестра пришла къ намъ?—Нѣтъ.
Я тихонечко пою:
Баю-баюшки-баю.

Дремлетъ блѣдная луна.
Тихо въ полѣ и въ саду.
Кто-то ходитъ у окна,
Кто-то шепчетъ:—Я приду.
Я тихохонько пою:
Баю-баюшки-баю.

Кто-то шепчетъ у окна,
Точно вѣтки шелестятъ:
— Тяжело мнѣ. Я больна.
Помоги мнѣ, милый братъ!
Тихо-тихо я пою:
Баю-баюшки-баю.

— Я косила цѣлый день.
Я устала. Я больна.
За окномъ шатнулась тѣнь,
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
Баю-баюшки-баю.

Ѳедоръ Сологубъ.

ДВА МІРА.

Романъ Корнеліи Гюигенсъ.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной.

(Продолженіе).

Наступила весна. Іоганнъ сдалъ свой докторскій экзаменъ и долженъ былъ теперь получить степень доктора. Лихорадочное ожиданіе, въ которомъ жила Карла уже нѣсколько мѣсяцевъ, достигло теперь своей высшей точки. Пріѣзжая домой, Іоганнъ все еще велъ себя попрежнему. Карла съ томительнымъ ожиданіемъ пыталась разгадать тонъ его голоса и значеніе его взора... и она ждала и молилась, молилась и ждала, то полная надежды, то снова съ тревогой и сомнѣніемъ, съ возрастающей отъ нетерпѣнія страстью, которая особенно захватила ее съ тѣхъ поръ, какъ онъ окончилъ свои экзамены.

— Іоганнъ, не зайдешь ли ты ко мнѣ въ рабочій кабинетъ?—спросилъ его однажды въ воскресенье, послѣ завтрака, отецъ,—или ты, можетъ быть, занятъ сейчасъ?

— Нѣтъ, папа, я весь въ твоемъ распоряженіи,—отвѣтилъ съ шутливой торжественностью Іоганнъ и послѣдовалъ за нимъ въ ту комнату, куда ребенкомъ онъ входилъ съ такимъ страхомъ, такъ какъ его тамъ обыкновенно ждалъ или выговоръ, или строгое порицаніе.

Теперь это чувство, довольно долго сохранявшееся у него, почти совершенно уже исчезло. Такъ какъ онъ окончилъ курсъ своего ученія, жизнь его принимала довольно опредѣленныя рамки и онъ скоро могъ почти совершенно освободиться отъ отцовской власти, то онъ чувствовалъ теперь пріятное сознаніе независимости,—сознаніе, проникавшее всю его душу и проявлявшееся во всемъ его поведеніи; онъ старался какъ можно развязнѣе держать себя со своимъ прежнимъ строгимъ менторомъ и съ плохо скрытой улыбкой ждалъ, что онъ скажетъ.

— Іоганнъ!..—заговорилъ своимъ стальнымъ тономъ его отецъ, сѣвъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ,—я хочу предложить тебѣ вопросъ, на который я прошу тебя отвѣтить мнѣ... Намѣренъ ли ты, какъ только сдѣлаешься самостоятельнымъ, сдѣлать предложеніе баронессѣ де-Мартиньель?

Іоганнъ улыбнулся, но ничуть не казался удивленнымъ; скорѣе онъ, какъ будто ожидалъ этого вопроса.

— Ни одной минуты я не думалъ объ этомъ,—отвѣтилъ онъ спокойнымъ, твердымъ тономъ.

— Такъ!..—Меріанъ на минуту остановился, весь блѣдный отъ негодованія на тотъ тонъ, какимъ отвѣтилъ ему его сынъ.—Итакъ, ты ни минуты не думалъ объ этомъ? Хорошо, тогда я запрещаю тебѣ, слышишь ли, запрещаю вести себя въ моемъ домѣ такъ... какъ будто ты намѣренъ это сдѣлать.

— Чѣмъ же я виноватъ, если дѣвушка, съ которой я болтаю и занимаюсь музыкой, воображаетъ себѣ такія вещи, которыя не существуютъ, — замѣтилъ молодой человѣкъ, пожимая плечами и пошло улыбаясь.

— Я очень прошу тебя не продолжать въ такомъ духѣ, такъ какъ я хотѣлъ бы сохранить иллюзію, что сынъ мой—порядочный человѣкъ.

Іоганнъ перестадъ улыбаться; слова отца задѣли его, какъ ударъ хлыстомъ. Онъ ясно почувствовалъ, что такъ онъ ничего не выиграетъ съ отцомъ. Поэтому онъ постарался овладѣть собой и спокойно замѣтилъ:

— Не будетъ ли совершенно излишнимъ для насъ обоихъ обмѣниваться подобными словами по поводу такой мелочи? Я вполнѣ согласенъ, что она необыкновенно хороша собой и что... если бы обстоятельства были иными, можетъ быть... Но во всякомъ случаѣ, я рѣшительно настаиваю, что мнѣ абсолютно не въ чемъ упрекать себя по отношенію къ ней.

— Тебѣ не въ чемъ больше упрекать себя, кромѣ того, что ты съ безконечнымъ эгоизмомъ и съ безконечнымъ тщеславіемъ злоупотребилъ своимъ положеніемъ, какъ сына хозяина дома, чтобы пріобрѣсть ея расположеніе. Мнѣ объ этомъ, конечно, нужно было позаботиться раньше, но я, дѣйствительно, нѣкоторое время думалъ, что намѣренія твои серьезны... и я съ своей стороны ничего не имѣлъ бы противъ этого брака.

Іоганнъ съ непритворнымъ удивленіемъ взглянулъ на отца.

Такой непрактичности онъ никакъ не ожидалъ отъ него. Итакъ, онъ ничего не будетъ имѣть противъ, если Іоганнъ

пойдетъ на такой неблагоразумный бракъ! Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣрилъ въ то, что говорилъ, или это была просто комедія, такъ какъ опасность уже миновала?

— Меня, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени удивляетъ, что ты такъ объ этомъ думаешь,—сказалъ Іоганнъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Признаюсь откровенно, что если бы я только могъ это предположить... то, можетъ быть, я бы...

— Ну, что же можетъ быть?

— Тогда я, можетъ быть, иными глазами смотрѣлъ бы на нее,—сказалъ Іоганнъ, нѣсколько наклонившись впередъ и играя пальцами на колѣняхъ.

— Мнѣ кажется, что еще ничего не потеряно; я даю тебѣ здѣсь полную свободу.

— Господи ты, Боже мой! Вѣдь онъ это говоритъ серьезно!—подумалъ съ удивленіемъ Іоганнъ и затѣмъ сказалъ вслухъ:—Но теперь это слишкомъ поздно... такъ какъ я уже рѣшился и скоро буду помолвленъ. Я какъ разъ собирался поговорить объ этомъ съ тобой.

— Кого же ты выбралъ себѣ?

— Алиду Мольтенъ.

Теперь пришла очередь удивиться Меріану.

— Алиду Мольтенъ... на которую ты до сихъ поръ не обращалъ никакого вниманія?

Іоганнъ самодовольно улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

— Ты думаешь, что она пойдетъ за тебя?

— Мы уже столковались между собой. Если ты даешь свое согласіе, то наша помолвка можетъ быть объявлена тотчасъ же послѣ того, какъ я получу степень доктора.

Наступило продолжительное молчаніе. Меріанъ былъ совершенно неподготовленъ къ этому извѣстію.

Негодованіе на холодную разсчетливость Іоганна и радость по поводу послѣдняго извѣстія настолько сильно потрясли его, что ему понадобилось нѣкоторое время для того, чтобы разобраться въ цѣломъ хаосѣ противорѣчивыхъ мыслей.

Іоганнъ, хорошо сообразившій, что происходило въ душѣ его отца, принялъ равнодушный видъ и внутренно торжествовалъ побѣду.

— Но еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Алида въ высшей степени холодно и равнодушно относилась къ тебѣ. Я опредѣленно знаю, что твой примѣрный образъ жизни въ университетѣ не былъ тайной для ея семьи, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы ея родители дали свое согласіе.

Іоганнъ снова улыбнулся. Отецъ казался ему на этотъ

разъ такимъ наивнымъ, что его уваженіе къ нему невольно стало падать.

— Я, право, не могу теперь припомнить, была ли она холодна со мной,—замѣтилъ онъ равнодушно.—Но во всякомъ случаѣ между нами теперь все улажено, а что касается до ея родителей... развѣ дѣло теперь въ нихъ, если сама Алида согласна?

Іоганну очень хотѣлось бы дать отцу урокъ въ знаніи людей, такъ какъ, очевидно, онъ очень мало былъ освѣдомленъ, особенно по отношенію къ женщинамъ. Ему очень хотѣлось разсказать ему, какъ онъ именно тѣмъ и завоевалъ Алиду съ ея страстной, индійской натурой, что на ея глазахъ ухаживалъ за Карлой и этимъ дразнилъ ее. Но въ концѣ концовъ все-таки было благоразумнѣе не высказывать ему этого, такъ какъ онъ показалъ себя слишкомъ дѣтски-наивнымъ, чтобы правильно взглянуть на дѣло.

— Какъ я уже раньше замѣтилъ,—продолжалъ Іоганнъ послѣ короткаго молчанія,—я считаю Карлу очень хорошенькой, но для брака нужно, конечно, гораздо больше. Алида,—совершенно независимо отъ ея состоянія,—представляетъ гораздо больше гарантіи для прочнаго счастія, особенно въ нашей строго-голландской обстановкѣ. Французскимъ же типомъ Карлы гораздо пріятнѣе любоваться на нѣкоторомъ разстояніи, но я считаю ее гораздо менѣе приспособленной, чтобы сдѣлаться хорошей хозяйкой и матерью моихъ дѣтей.

Іоганнъ сдѣлался разговорчивымъ и началъ самъ вѣрить тому, что говорилъ. Но такъ какъ онъ слишкомъ уже положился на добродушіе отца, то съ нимъ чуть опять не случилась бѣда.

Отецъ видѣлъ его насквозь, и Іоганну не удалось ни на минуту одурачить его. Однако, ради приличія, онъ счелъ за лучшее нѣсколько прикрасить отталкивающую правду событій.

Женитьба Іоганна на дѣвушкѣ, являвшейся единственной наслѣдницей милліоновъ, превосходила самыя смѣлыя его ожиданія, но, съ другой стороны, его мучило сознаніе моральной пропасти между нимъ и сыномъ. Поэтому онъ тщательно умолчалъ о томъ, что происходило въ его душѣ, и сказалъ ему усталымъ тономъ:

— Я не буду говорить съ тобой о томъ, что твоя помолвка съ Алидой Мольтенъ доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе, но тѣмъ не менѣе, я попрежнему осуждаю твое поведеніе по отношенію къ баронессѣ де-Мартиньель. И я тебя очень серьезно прошу, пока твоя помолвка не объявлена, вести себя съ ней все-таки такъ... какъ человѣкъ, помолвленный съ другой. Ея несчастіе даетъ ей право

ма большее вниманіе, и я настаиваю на томъ, чтобы его оказывали ей въ моемъ домѣ.

— Но вѣдь я же не могу сразу сдѣлаться невѣжливымъ съ ней,—возразилъ Іоганнъ, пожимая плечами.

— Ты достаточно развитъ, чтобы понять, что я хочу сказать,—возразилъ отецъ, вставая и давая этимъ понять, что онъ считаетъ разговоръ оконченнымъ.

Іоганнъ не сказалъ больше ни слова и удалился съ твердымъ рѣшеніемъ поступать теперь такъ, какъ этого отъ него требовали.

— Можетъ быть, и лучше будетъ, если вся исторія кончится теперь,—думалъ онъ. Онъ не могъ продолжать дольше своей пикантной забавы, и быстрая перемѣна красокъ въ хорошенькомъ личикѣ, и фосфорическій блескъ глазъ за тѣнью густыхъ рѣсницъ,—все это должно теперь сразу прекратиться, какъ только онъ измѣнитъ свое отношеніе.

Разумѣется, это было очень жаль.... тѣмъ болѣе, что, навѣрное, это долго еще не наскучило бы ему.

Былъ ли онъ когда-либо влюбленъ въ нее? Онъ не думалъ этого, такъ какъ побѣда слишкомъ ужъ легко далась ему въ данномъ случаѣ. Если бы она была изъ другого слоя общества, вродѣ какой-нибудь бонны или горничной, то онъ охотно сдѣлалъ бы ее своей любовницей.

Но жениться! Съ ума что ли сошелъ его отецъ! Для него всегда было непонятнымъ, какимъ образомъ экспансивные, сентиментальные люди такъ плохо понимали жизнь, что были способны на такую глупость. Онъ съ чувствомъ гордаго самодовольства вспоминалъ, что уже на шестнадцатомъ году рѣшилъ жениться на Алидѣ и никакія другія любовныя связи не могли отклонить его отъ принятаго имъ рѣшенія. Единственно, чего онъ боялся, это того, чтобы другой не предупредилъ его, но, къ счастью, этого не случилось. Кромѣ всего прочаго, Алида даже нравилась ему. Хорошенькой, конечно, ее нельзя было назвать, но она была добродушна, хотя и нѣсколько ревнива. Въ будущемъ она будетъ подчиняться его волѣ.

Изъ всѣхъ благоразумныхъ вещей на свѣтѣ, которыя только можетъ въ своей жизни сдѣлать мужчина, разумный бракъ, разумѣется, стоялъ на первомъ мѣстѣ.

Бѣдная Карла! Дѣйствительно ли она серьезно любила или новое положеніе вещей только слегка огорчитъ ее? И сколько простого разсчета можетъ присоединиться къ этому огорченію?

Во всякомъ случаѣ лучше, чтобы она сегодня же поняла, какъ обстоитъ дѣло, а затѣмъ, до своей оффиціальной помолвки, онъ не вернется больше домой.

За завтракомъ и за обѣдомъ отецъ изумлялся тому искусству, съ какимъ Іоганнъ измѣнилъ свое отношеніе къ Карлѣ, ничуть не нарушая обязательныхъ формъ учтивости. И такъ какъ Меріанъ былъ очень наблюдателенъ, то онъ сразу замѣтилъ болѣзненное изумленіе Карлы, съ какимъ она взглянула на Іоганна, сначала вопросительно, затѣмъ почти со страхомъ, когда на ея отказъ сыграть вмѣстѣ новую сонату для скрипки и рояля онъ замѣтилъ, что сегодня вечеромъ его ждутъ у Мольтеновъ. Ей стоило огромнаго труда скрыть свои чувства, но ея волненіе съ минуту все-таки было настолько очевидно, что Іоганнъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца обѣда.

Онъ не любилъ непосредственно доставлять кому-нибудь непріятности, и предпочиталъ видѣть кругомъ себя веселыя лица. Онъ держался возможно дальше отъ всего сентиментальнаго и ненавидѣлъ трагедію. Съ другой же стороны, онъ ничуть не опасался такихъ поступковъ, которые,—онъ впередъ зналъ,—должны вызвать неудовольствіе другихъ. Ему никогда не нравилась преувеличенная жизнь чувства. Вѣдь сама жизнь была такъ хороша и пріятна, если только умѣть устроиться и не заботиться о всевозможныхъ мелочахъ, которыя имѣютъ такъ мало значенія.

— Я думаю, что лучше будетъ ей тотчасъ же сообщить о помолвкѣ... Это—чистая пытка видѣть ея мученія,—думалъ Меріанъ, видя Карлу такой молчаливой и подавленной, но все-таки прилагающей всѣ усилія, чтобы казаться веселой. Она даже пыталась шутить съ Бэби, но выраженіе ея лица было такое страдальческое, что онъ все съ возрастающимъ участіемъ слѣдилъ за ней. Онъ не спрашивалъ себя, насколько далеко зашелъ Іоганнъ, чтобы оправдывать тѣ иллюзіи, которыя она, очевидно, питала. Она теперь невольно напоминала ему проколотую булавкой хорошенькую бабочку, осужденную на медленную смерть.

Въ этотъ вечеръ къ нему пришли нѣсколько пріятелей, чтобы сыграть съ нимъ партію въ вистъ. Хотя онъ былъ страстнымъ игрокомъ, но на этотъ разъ мысли его были далеко отъ игры; онъ все время обдумывалъ, какъ бы ему лучше всего передать ей свое печальное сообщеніе. Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія онъ разсказалъ о помолвкѣ женѣ и, слѣдовательно, могъ разсказать и ей какъ бы по секрету.

Случай ему благопріятствовалъ. Когда она пришла проститься къ нему, они на минуту оказались одни въ корридорѣ.

— Для васъ, навѣрное, было очень скучно провести вечеръ совершенно безъ музыки,—сказалъ онъ, стараясь ка-

заться веселымъ, чтобы избѣгнуть всякаго оттѣнка преднамѣренности.—И я очень опасаюсь, что мы на долгое время будемъ лишены нашихъ музыкальныхъ вечеровъ, такъ какъ... это, разумѣется, еще пока большая тайна, но вамъ, какъ члену семьи, я вполнѣ могу довѣрить ее: Іоганнъ почти окончательно помолвленъ съ другомъ своего дѣтства, Алидой Мольтенъ, и для искусства на нѣкоторое время будетъ, навѣрное, потерянъ. Затѣмъ, быстро пожавъ ей руку, онъ пожелалъ покойной ночи и спѣшными шагами прошелъ по корридору въ свою комнату, чувствуя, что съ него свалилась большая тяжесть и въ то же время напряженно ожидая слѣдующаго дня, когда выяснится, какъ, въ сущности, обстояло дѣло.

* * *

Карла пошла въ свою комнату и заперла за собой двери.

Съ минуту она стояла среди комнаты и безсознательно, съ выраженіемъ помѣшанной, смотрѣла кругомъ... Потомъ она бросилась на полъ и, какъ раненый звѣрь, стала метаться по ковру, рыдая подавленнымъ голосомъ и кусая дерево, желѣзо,—все, что попадалось ей въ руки, чтобы только не крикнуть громко отъ ярости, ненависти и безсильнаго бѣшенства. Она стискивала себѣ пальцы, такъ, что ногти врѣзались ей въ тѣло, и затѣмъ, въ безсмысленной жаждѣ разрушенія, рвала на себѣ платье. Золотыя волны ея волосъ безпорядочно разсыпались по ея плечамъ и по лицу, покрывшемуся ярко-красными пятнами. Минутами она дѣлалась неподвижной и съ дикой болью смотрѣла кругомъ, какъ будто ожидая защиты и помощи у окружавшихъ ее безжизненныхъ предметовъ.

Ненависть, охватившая ее, была ужасна... ненависть къ нему, къ ея покойному отцу, ко всѣмъ въ этомъ домѣ, ко всему, что носило имя Меріановъ.

Въ ней проснулось желаніе сдѣлать зло, причинить какое-нибудь несчастіе. Кому могло быть какое дѣло до нея? Чѣмъ инымъ была она, въ сущности, какъ не наемной машиной, накачивающей въ глупую дѣвчонку знаніе языковъ и музыки? Только потому онъ и посмѣлъ такъ играть ею, что она была вѣдь не что иное, какъ бонна или гувернантка!

Она не должна была разсчитывать сдѣлаться его женой... выйти за него замужъ, потому что она больше не была богата. Жениться могъ онъ только на этой безобразной, грубой Алидѣ, до которой ему нѣтъ никакого дѣла, рѣшительно никакого.

— Деньги... Деньги... Деньги...—какъ молотками сту-

чало въ ея мозгу, и въ припадкѣ безсильной ярости, она, какъ борющаяся со смертью змѣя, извивалась на полу. Да развѣ же нельзя украсть денегъ? Эта Алида съ коричневымъ лицомъ и ничего не говорящими, чернильными глазами, торжествовала теперь надъ Карлой, которая могла бы свести съ ума всѣхъ мужчинъ. И Іоганнъ, конечно, влюбленъ въ нее, а не въ Алиду.

Дикія, фантастическія мысли проносились въ ея головѣ. Она сначала подумала о томъ, нельзя ли какъ-нибудь помѣшать этому браку. Но это было невозможно безъ риска для нея самой и для ея положенія. Если же онъ обвѣнчается съ этой отвратительной, скучной женщиной, тогда то начнется ея мщеніе; тогда она еще разъ привлечетъ его къ себѣ и затѣмъ воспользуется всей своей властью, чтобы сдѣлать ее, а вмѣстѣ съ ней и его, несчастными.

Тогда она будетъ всѣми средствами мучить и пытать его, пока онъ окончательно не потеряетъ разсудка.

Но мщеніе все-таки оставитъ ее такой же бѣдной и безпомощной, какъ она и была. Мщеніе безъ денегъ, безъ власти, къ сожалѣнію, безполезно. Неужели же для нея все потеряно? Неужели же нигдѣ нѣтъ больше ни помощи, ни спасенія?

И она лежала такъ, измученная, неподвижная, вздрагивая только отъ нервнаго возбужденія, пока, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ безумныхъ, бѣшеныхъ плановъ, мозгъ ея опять мало-по-малу прояснился. Она тогда приподнялась, отвела волосы съ разгоряченнаго лица и оглядѣлась. Затѣмъ, оправляясь понемногу и собираясь съ мыслями, она снова пришла въ сознаніе. Потомъ она встала окончательно на ноги и быстрыми шагами принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, она остановилась передъ зеркаломъ, прямо подъ лампой и въ ужасѣ отскочила отъ своего собственнаго изображенія. Какія искаженныя черты! Какія отвратительныя пятна по всему лицу! Она едва могла узнать себя. Тутъ только взглянула она на часы... половина четвертаго.

По ея разсчетамъ, у нея оставалось еще достаточно времени, чтобы выспаться и явиться утромъ снова въ приличномъ видѣ, а все остальное какъ-нибудь уладится.

Она вынула изъ ящичка флаконъ хлорала, который прописалъ ей одинъ врачъ въ Лондонѣ, когда съ ней по такому же поводу случился нервный припадокъ, выпила довольно большую дозу, быстро раздѣлась, легла въ постель и такъ крѣпко заснула, что горничной, пришедшей будить ее утромъ, пришлось довольно долго стучаться, чтобы получить какой-нибудь отвѣтъ.

Она проснулась довольно освѣженной. Несмотря на свой хрупкій видъ, она обладала желѣзнымъ здоровьемъ, которое въ состояніи было выдерживать самыя сильныя потрясенія. Выкупавшись въ ледяной водѣ, она почувствовала себя совершенно оправившейся и, послѣ самаго внимательнаго изслѣдованія, съ удовольствіемъ убѣдилась, что за исключеніемъ темныхъ круговъ подъ глазами, не осталось ни малѣйшаго слѣда прожитой ночи. Ободрившись и даже почти утѣшившись, такъ какъ она составила себѣ новый планъ борьбы, Карла спустилась къ завтраку миловиднѣе, чѣмъ когда-либо и съ равнодушной улыбкой выслушала извѣстіе о томъ, что Іоганнъ уѣхалъ съ первымъ же поѣздомъ. Все это привело Меріана, ожидавшаго отъ нея хотя бы одинъ день „головной боли", въ такое смущеніе, что онъ невольно спрашивалъ себя, какимъ образомъ могъ онъ дойти до того, что при всемъ своемъ спокойствіи и разсудительности, при яркомъ, дневномъ свѣтѣ, сталъ видѣть привидѣнія.

* * *

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Іоганнъ въ іюнѣ получилъ степень доктора и на блестящемъ праздникѣ, устроенномъ по этому поводу, была объявлена его помолвка съ Алидой Мольтенъ. Впрочемъ, этой помолвки всѣ давно уже ждали среди знакомыхъ Меріановъ. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Меріаны переѣхали, по обыкновенію, въ свою лѣтнюю виллу около Гаарлема.

Теперь, по мнѣнію Карлы, наступило время начать приводить въ исполненіе ея планы. Только благодаря ея невѣроятной ненависти, поглотившей всѣ ея прежнія чувства и ощущенія, у ней хватило силъ такъ аккуратно выдержать съ самаго апрѣля свою тяжелую роль, что она ввела въ заблужденіе даже самого Іоганна. Она теперь уже не знала, любила ли она его когда-либо вообще. Въ настоящую минуту ей было ясно только одно, что она готова была мучить его всѣми орудіями пытки и собственноручно изрѣзать все его прекрасное лживое лицо, съ его влюбленными глазами и лживой улыбкой на губахъ, такъ нѣжно шептавшихъ теперь своей невѣстѣ... и даже больше... осмѣливавшихся безстыдно, по ея мнѣнію, ласкать Алиду въ ея присутствіи.

Ея бельгійско-французское воспитаніе возмущалось противъ этого безстыдства и вначалѣ она даже вообразила себѣ, что онъ намѣренно только передъ ней ведетъ себя... такъ неделикатно, пока, наконецъ, она не узнала, что это не только всѣми терпимо, но даже составляетъ обычай страны.

Она преслѣдовала Іоганна съ такой смертельной ненавистью, что не была способна ни на какое иное чувство. Горя и страха за будущее она теперь почти не чувствовала больше послѣ того, какъ первое страстное чувство ненависти подѣйствовало на нее, какъ впервые одурманивающій ядъ.

Молиться она окончательно перестала. Въ ея мозгу царило самое спутанное понятіе о религіи. Воспитанная ограниченной католичкой-матерью, Карла вѣрила въ силы ада и неба; и такъ какъ небесная сила осталась глуха къ ея мольбѣ, то подобно Фаусту, котораго она знала только изъ оперы Гуно, оно стала ввѣрять себя силѣ сатаны. Она была такъ же готова отдать свою душу чорту и затѣмъ пойти въ адъ, если это необходимо, лишь бы только быть въ состояніи отомстить въ этой жизни.

Ей, разумѣется, пріятнѣе было бы остаться доброй, чѣмъ поступать такимъ образомъ... и, вспоминая свое прежнее настроеніе, когда она любила Іоганна и всѣ обѣщанія, которыя она дѣлала Богу, она въ отчаяніи стискивала зубы. Но на этотъ разъ она рѣшила испробовать свои силы въ другомъ направленіи, и поэтому она призвала къ себѣ на помощь всѣ силы ада, о которыхъ ей такъ часто разсказывала мать.

Такъ дѣло шло до іюля мѣсяца, когда Меріаны переѣхали на дачу. На третій день послѣ ихъ переѣзда туда пріѣхалъ и Бертольдъ изъ Дельфта. Съ тѣхъ поръ, какъ Карла описывала въ одномъ изъ своихъ писемъ къ госпожѣ Кордуро меньшаго сына, она въ первый разъ снова съ нѣкоторымъ вниманіемъ отнеслась къ нему, и пришла къ тому выводу, что студенческая жизнь во многихъ отношеніяхъ благопріятно повліяла на него, но тѣмъ не менѣе, онъ все еще былъ некрасивымъ, неразговорчивымъ юношей, къ которому она могла питать только чувство отвращенія.

Отношеніе Карлы было вполнѣ понятно. Хотя Бертольдъ сталъ гораздо свободнѣе въ своихъ манерахъ, но онъ попрежнему держался очень тихо и сдержанно дома, гдѣ ему недоставало его обычныхъ развлеченій, а также и общества Роберта Конта, сдѣлавшагося для него почти необходимымъ.

Чувство возрастающаго недовольства самимъ собой было еще ново для Бертольда. Такъ какъ у него не было силъ приняться за работу, то онъ сталъ считать себя жалкимъ, никуда негоднымъ существомъ. Онъ не рѣшился даже сдать ни одного экзамена. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ, правда, старался немного заняться химіей, но работа плохо клеилась у него.

— Тебѣ слѣдовало бы влюбиться въ кого-нибудь! —

какъ-то разъ сказалъ ему Робертъ.—Если тебѣ непремѣнно нужно работать для *чего-нибудь*, то это помогло бы тебѣ.

— Влюбиться и работать для женщины! Почему нѣтъ!— отвѣтилъ ему Бертольдъ.—Если ты не знаешь лучшей цѣли въ жизни, то дѣла человѣчества обстоятъ довольно плохо.

— Не преувеличивай, пожалуйста, такъ, Меріанъ! Неужели ты будешь судить о женщинахъ, когда ты только что началъ жить, по тѣмъ немногимъ экземплярамъ, которыхъ ты зналъ?

Бертольдъ пожалъ плечами.—Женщинъ я умѣлъ понимать, когда былъ еще въ школѣ. Это—или Офелія, или лэди Макбетъ, или Екатерина... и ни одинъ изъ этихъ типовъ не пользуется честью нравиться мнѣ. Они или скучны и ничтожны, или сводятъ съ ума умныхъ людей.

— Все это—глупости... незрѣлыя теоріи, отъ которыхъ у тебя не останется и слѣда, когда ты больше будешь знать жизнь.

— Можетъ быть, но пока у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія попасть въ Мееренбергъ [1]).

Въ такомъ настроеніи дожилъ онъ до средины лѣта. Онъ чувствовалъ себя невесело и неудовлетворенно и напрасно искалъ какой-нибудь поддержки, какой-нибудь вѣрной точки опоры для своихъ спутавшихся мыслей. Въ такомъ настроеніи встрѣтился онъ съ Карлой, о которой онъ совсѣмъ не думалъ больше въ институтѣ, среди дикаго разгула своей просыпающейся юности, въ путаницѣ новыхъ взглядовъ, впечатлѣній и ощущеній, которыя бросали его изъ стороны въ сторону, при его посвященіи въ жизнь, какъ выражался Робертъ.

О любовной исторіи между Іоганномъ и Карлой и о всемъ завлекающемъ поведеніи своего брата онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Пріѣзжая домой, онъ не обращалъ на это никакого вниманія. Въ однотонномъ же покоѣ лѣтнихъ дней, когда онъ почти ежечасно встрѣчался съ Карлой, а Іоганнъ былъ исключительно занятъ гостившей у нихъ невѣстой, ему пришлось посвятить нѣсколько болѣе вниманія той, въ которой воплотились его первыя юношескія мечты вмѣстѣ съ наступившимъ вскорѣ разочарованіемъ. Онъ былъ даже отчасти вынужденъ къ этому тѣмъ, что она и сама постоянно думала о немъ.

Когда за семейнымъ обѣдомъ разговоръ становился общимъ, она всегда втягивала его въ разговоръ, спрашивала его мнѣнія о томъ, чего онъ не слушалъ, и заставляла его такимъ образомъ заниматься ею.

---

[1]) Заведеніе для душевно-больныхъ около Гаарлема.

Вначалѣ ему это было скучно и непріятно, но мало-по-малу онъ привыкъ принимать участіе въ разговорѣ, тѣмъ болѣе, что въ виду исключительнаго положенія Карлы онъ считалъ, что долженъ быть съ ней возможно болѣе учтивымъ. Какого онъ самъ былъ мнѣнія о ней, онъ себѣ не давалъ, въ сущности, отчета. Онъ находилъ ее хорошенькой, интересной и привлекательнѣй всѣхъ другихъ дѣвушекъ, но чего-то высокаго и недоступнаго, что прежде такъ поразило его въ ней, онъ теперь совсѣмъ не замѣчалъ. Наоборотъ, онъ чувствовалъ въ ней что-то низшее, чего онъ не пытался выяснить себѣ, но что невольно дѣлало его снисходительнымъ по отношенію къ ней. Онъ всегда былъ склоненъ быть добрымъ и ласковымъ съ безвредными существами, которыхъ онъ почему-нибудь считалъ слабыми и безпомощными и потому достойными сожалѣнія.

Къ немалому удивленію его знакомыхъ, онъ иногда могъ цѣлыми часами заниматься съ какимъ-нибудь ребенкомъ. Дѣтей онъ считалъ такими слабыми и безпомощными, въ такой полной зависимости отъ непониманія или нравственной грубости и безсердечія людей, на отвѣтственности которыхъ они находятся. Ему казалось, что онъ въ каждой дѣтской душѣ снова видитъ то же, что онъ раньше думалъ и чувствовалъ самъ, и это очень интересовало его.

Кто знаетъ, если бы тому или другому ребенку выпало бы счастье имѣть такого же отца, какого имѣлъ онъ, отца, который,—какъ онъ это гораздо лучше понималъ теперь,—съ неистощимой любовью давалъ пищу его дѣтскимъ духовнымъ потребностямъ, который никогда не повредилъ нѣжныхъ ростковъ развивающейся дѣтской души. Какъ радъ былъ бы онъ доставить всѣмъ дѣтямъ на свѣтѣ то, чѣмъ въ такомъ изобиліи пользовался онъ самъ. Онъ интересовался также и другими созданіями, которыхъ онъ считалъ еще слабѣе и безпомощнѣе дѣтей. Какъ жаль, что мы не можемъ дать себѣ отчета о томъ, что думаютъ и чувствуютъ животныя, всѣ тѣ существа, которыя иногда очень близко подходятъ къ людямъ, которыя рождаются, страдаютъ, любятъ и умираютъ такъ же, какъ и онъ самъ, и которыя все-таки отдѣлены отъ насъ цѣлой пропастью, такъ какъ у насъ не существуетъ никакого духовнаго соприкосновенія съ ними. Они еще могутъ сдѣлать понятнымъ для насъ сильныя проявленія ихъ радости или горя, но вся непрерывная цѣпь ихъ идей оставалась скрытой для насъ. Какъ мечталъ онъ въ дѣтскіе годы сдѣлаться естествоиспытателемъ, чтобы посвятить себя наукамъ, которыя сдѣлали бы для него ближе весь этотъ таинственный міръ! Вліяніе его отца удержало его отъ этого, но въ немъ навсегда осталась симпатія ко

всему слабому и безпомощному. Можетъ быть, на этомъ же основаніи онъ сталъ обращать больше вниманія на Карлу, и онъ съ радостнымъ изумленіемъ приходилъ къ выводамъ, которые въ общихъ чертахъ согласовались съ его прежними взглядами на женщинъ.

— Кто бы повѣрилъ, что мы снова такъ встрѣтимся съ ней!—думалъ онъ въ то время, какъ она слушала каждое его слово, какъ оракула, и разъ послѣ одного его отвѣта на поставленный ею вопросъ замѣтила, что онъ кажется ей „живой экциклопедіей“ и что онъ знаетъ буквально „все“. Онъ громко разсмѣялся бы теперь при одномъ только воспоминаніи о своемъ дѣтскомъ негодованіи, которое казалось ему такимъ же комичнымъ, какъ и его прежнее представленіе объ ея необыкновенномъ величіи. Онъ открылъ въ ней теперь другія „чудныя, женскія“ качества. Онъ любовался ея трогательной покорностью, умѣньемъ подчиниться своей судьбѣ и той почти неистощимой кротостью къ его сестрѣ, которая, послѣ того, какъ ея первая влюбленность въ свою новую подругу приняла болѣе спокойный характеръ, не разъ жестоко испытывала терпѣніе своей учительницы.

Въ одно чудное, теплое іюльское утро Бертольдъ вышелъ посидѣть на воздухѣ съ томикомъ Гейне, но не въ чудный тѣнистый паркъ передъ домомъ, а позади его, недалеко отъ огорода, напротивъ голубятни. Книга лежала еще нераскрытой на скамьѣ возлѣ него, а онъ заглядѣлся на парочку игравшихъ голубей. Одинъ изъ нихъ, невѣрный самецъ, всѣми средствами ухаживалъ за кокетливой самкой своего сосѣда, тогда какъ этотъ послѣдній казался такъ же взволнованнымъ, какъ обманутый супругъ.

Бертольдъ такъ погрузился въ свои наблюденія, что не слыхалъ приближенія шаговъ и только тогда поднялъ глаза, когда съ нимъ кто-то заговорилъ. Это была Карла съ сочиненіемъ Геккеля въ рукахъ. Онъ поспѣшно всталъ и извинился, что только теперь замѣтилъ ее.

— Я отнюдь не хотѣла бы вамъ мѣшать читать,—сказала она, бросая искоса взглядъ на его книгу.

— Я какъ разъ не читалъ,—отвѣтилъ онъ,—а просто наблюдалъ за этими прелестными созданіями, моими любимцами.

— Тогда вы мнѣ позволите присѣсть къ вамъ на минутку... я вѣдь тоже очень люблю голубей, а здѣсь я вижу такія красивыя породы, какихъ мнѣ никогда еще не приходилось встрѣчать раньше.

Чтобы освободить ей мѣсто, онъ взялъ свою книгу и затѣмъ снова сѣлъ.

— Развѣ вы вообще любите животныхъ? — спросилъ

онъ, нѣсколько смущенный ея присутствіемъ, которое помѣшало ему продолжать свои наблюденія. Онъ предложилъ ей этотъ вопросъ затѣмъ, чтобы завязать разговоръ, мало интересуясь ея отвѣтомъ.

— О, чрезвычайно люблю!..—съ жаромъ отвѣтила она,—особенно птичекъ, голубей, собакъ...

— И кошекъ!—добавилъ онъ, улыбаясь при воспоминаніи объ ея ужасѣ, когда въ комнату какъ-то забралась домашняя кошка и, по-кошачьи, приласкалась къ ней.

— Нѣтъ, кошекъ я, правда, не люблю.—Зная его симпатію къ этимъ отвратительнымъ животнымъ, она охотно сказала бы обратное, если бы слишкомъ часто не проявляла своего отвращенія къ нимъ.

— Я считаю кошекъ слишкомъ жестокими, потому что онѣ всегда охотятся за птичками,—сказала она, немного помолчавъ,—а птички—мои любимицы.

— Но онѣ охотятся также и на мышей... и за это ихъ очень хвалятъ.

— Разумѣется! Но вѣдь вы же не станете сравнивать птичекъ съ мышами?

— Нѣтъ, но кошки-то не понимаютъ этой разницы. Я боюсь, что имъ очень трудно понять, почему мышей имъ можно ѣсть, а птицъ нельзя.

— Какъ же глупы животныя! Мыши вѣдь на то и созданы, но пожирать хорошенькихъ пѣвчихъ птичекъ—это ужасно!

Бертольдъ улыбнулся. Когда она сидѣла такъ около него, вся залитая золотыми лучами утренняго солнца и своимъ милымъ ротикомъ болтала глупости, онъ находилъ ее необыкновенно хорошенькой. Тѣмъ не менѣе она все-таки нѣсколько взволновала его.

— Вѣчное взаимное пожираніе въ природѣ представляетъ собой, дѣйствительно, ужасное зрѣлище. Но, къ сожалѣнію, всѣ животныя вынуждены удовлетворять свой голодъ, и мы, люди, должны, по крайней мѣрѣ, стараться стать выше животныхъ въ этомъ отношеніи.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Вѣдь мы тоже ѣдимъ птицъ... и притомъ не столько для того, чтобы удовлетворить свой голодъ, но скорѣе для того, чтобы пріятно пощекотать свое нёбо. Есть даже люди,—ихъ называютъ охотниками,—которые изъ одной страсти убиваютъ птицъ, ловятъ ихъ сѣтями и душатъ цѣлыми сотнями... чижей, куропатокъ, дикихъ голубей, жаворонковъ, перепелокъ и дроздовъ. Видали ли вы когда-нибудь дрозда? Это—прелестная птичка съ очень хорошенькой головкой и большими глазами... глаза у ней, какъ у соловья.

Она взглянула на него, не зная, шутитъ ли онъ или

говоритъ серьезно. Желая сначала позондировать почву, она улыбнулась и сказала:

— Неужели же это такъ!

Онъ ничего не отвѣтилъ ей и снова сталъ смотрѣть на голубей, какъ будто бы ея и не было съ нимъ. Она же, напротивъ, проклинала его въ глубинѣ души и спрашивала себя, не идіотъ ли онъ, въ сущности, со всѣми своими такъ называемыми талантами и всей своей ученостью? По крайней мѣрѣ, говорилъ онъ совершенно въ такомъ духѣ.

Вдругъ онъ снова повернулся къ ней, посмотрѣлъ не на нее, а куда-то сверхъ нея.

— Въ тысячу разъ хуже всѣхъ пожирающихъ птицъ кошекъ и людей я считаю дамскую моду украшать шляпы трупами убитыхъ обитателей лѣсовъ.

Она вся вспыхнула и сняла свою шляпу, на которой красовалась золотисто-зеленая птичка съ распростертыми крыльями.

Полуразсердившись, полусмутившись, она посмотрѣла на птичку, онъ тоже смотрѣлъ на нее и затѣмъ они оба взглянули другъ на друга.

— И вы еще утверждаете, что такъ любите птицъ?— спросилъ онъ такимъ тономъ, въ которомъ, несмотря на все его желаніе быть учтивымъ, ясно слышалось презрѣніе.

Она снова покраснѣла, но на этотъ разъ отъ гнѣва на его неделикатность.

— Развѣ такъ нехорошо носить на шляпѣ птичку?— спросила она, пожимая плечами.—Я вѣдь ношу ее только потому, что я очень люблю птичекъ.

— Женщины, однако, совершенно неправоспособныя существа,—подумалъ Бертольдъ.—Съ ними, дѣйствительно, никогда не будешь достаточно снисходительнымъ.

— Я хотѣлъ сказать что вы утверждаете, что чрезвычайно любите птицъ...—началъ онъ еще разъ, снова заинтересовавшись голубями и съ удовольствіемъ замѣтившій, что обманутый самецъ сильно побилъ свою самочку, когда отлетѣлъ ухаживатель, и потащилъ ее по землѣ за крыло.

Карла вдругъ догадалась, что онъ хотѣлъ сказать.

— Если вы считаете такимъ дурнымъ, что я ношу на шляпѣ птичку, то я сейчасъ же сниму.—И лихорадочными, сердитыми движеніями она стала срывать со шляпы украшеніе и затѣмъ бросила смарагдо-зеленую бездѣлушку на траву.—Съ этихъ поръ на моихъ шляпахъ никогда не будетъ больше птицъ!

Удивленно взглянулъ на нее Бертольдъ и встрѣтилъ взоръ ея глазъ, которые тотчасъ же затѣмъ смущенно опустились, какъ бы опасаясь, что онъ что-нибудь прочтетъ въ нихъ.

Онъ тоже отвернулся и затѣмъ наступило молчаніе.

— Вы совершили настоящій геройскій поступокъ,—проговорилъ онъ, наконецъ, взглянувъ на разоренную шляпу.— И я благодарю васъ отъ имени всѣхъ убитыхъ ради безсмысленной моды жертвъ. Но развѣ вамъ не будетъ трудно и на будущее время отказаться отъ этого украшенія?

Онъ спросилъ это съ такимъ же любопытствомъ, съ какимъ онъ изслѣдовалъ бы мысли и чувства незнакомаго ему насѣкомаго.

— Нѣтъ, мнѣ пріятно будетъ дѣлать то, что кажется хорошимъ въ вашихъ глазахъ.

Онъ испугался и снова взглянулъ на нее, но она смотрѣла въ сторону и водила кончикомъ своего лаковаго ботинка по песку.

— Я думалъ, что вы сами убѣдились, какое, въ сущности, грубое варварство представляетъ собой та мода, которая предписываетъ носить трупы въ видѣ украшенія. При этомъ невольно вспоминаются сѣверо-американскія племена, которыя обвѣшивали себя скальпами своихъ враговъ. Развѣ это не тоже самое?

Онъ спросилъ это такъ кротко и ласково, какъ будто бы говорилъ съ малымъ ребенкомъ.

— Но вѣдь животныя и люди—не одно и то же,—рѣшилась она, наконецъ, возразить. Бертольдъ показался ей такимъ смѣшнымъ, что она чуть громко не расхохоталась надъ нимъ.

— Если бы вы мнѣ сказали, что ненавидите птицъ, тогда, разумѣется, мнѣ не пришло бы и въ голову удивиться на вашу шляпу. Но вѣдь вы называли птицъ своими любимцами и говорили, что ненавидите кошекъ за то, что онѣ охотятся за птицами. Развѣ вы думаете, что для птицъ не все равно, попадаютъ ли онѣ въ желудокъ кошки или на какую-нибудь шляпу?

Она ничего не отвѣтила, но подумала объ Іоганнѣ, который всегда былъ такъ милъ и интересенъ, и возроптала на свою судьбу, заставляющую ее ловить теперь этого противнаго чудака. Онъ же принялъ молчаніе за доказательство того, что она поняла свою непослѣдовательность, и заговорилъ снова:

— Недавно я читалъ, что одинъ молодой англійскій лордъ бросилъ свою невѣсту послѣ того, какъ онъ узналъ, что она приказала убить всѣхъ бѣлыхъ голубей въ своихъ владѣніяхъ, чтобы украсить ими свое вѣнчальное платье. Ему стало ясно, что женщина, способная на такое варварство, не можетъ имѣть добраго сердца. И вы, навѣрное, согласитесь съ этимъ, не правда ли?

— Да, само собой разумѣется!—сказала она на этотъ разъ вполнѣ искренно.—Можно только представить себѣ, что всѣ бѣлые голуби въ той мѣстности должны были погибнуть изъ-за одного только платья! Какъ можно бы только выдумать такую вещь!

— Сердце у ней все-таки доброе!—подумалъ Бертольдъ съ радостнымъ чувствомъ.—Она только совершенно не умѣетъ логически связать двухъ мыслей.

Онъ всталъ и поднялъ брошенную птицу, блестѣвшую на солнцѣ, точно драгоцѣнный камень.—Взгляните,—сказалъ онъ, обращаясь къ ней,—какъ хороша эта птичка съ своей изящной головкой и нѣжнымъ клювикомъ, изъ котораго, навѣрное, когда-то раздавались самыя радостныя, весеннія пѣсни! Какъ ужасно, что десятки тысячъ этихъ крылатыхъ цвѣточковъ ежегодно умираютъ медленной мученической смертью въ сѣтяхъ и западняхъ только затѣмъ, чтобы служить модными украшеніями!—Говоря это, онъ гладилъ рукой чудныя перышки птички. Потомъ, повинуясь внезапному желанію, онъ взялъ кирку, стоявшую подъ голубятней и вырѣзалъ ею кусокъ дерна.

— Похоронимъ ее; это единственное, что мы еще можемъ для нея сдѣлать. Иначе она можетъ еще попасть на шляпу жены садовника.

Онъ осторожно положилъ ее въ сырую землю, покрылъ кускомъ дерна и плотно придавилъ землю.

Карлѣ казался онъ невѣроятно смѣшнымъ, и она съ невольнымъ огорченіемъ смотрѣла на свою обезображенную шляпу. Онъ замѣтилъ этотъ взглядъ и приблизительно догадался, что происходило внутри ея, но это нисколько не смущало его; онъ еще больше, чѣмъ прежде, чувствовалъ, что она удалила птицу не на основаніи логическаго вывода, а только ради него. Это чувство было для него такъ ново и чуждо, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ не зналъ, что ему сказать. Она сидѣла съ обнаженной головой и съ разорванной шляпой на колѣняхъ, какъ наказанное дитя, которое даже не знаетъ, какое, въ сущности, преступленіе оно сдѣлало. Ему страшно хотѣлось снова встрѣтиться съ ней глазами, но она упорно отворачивалась.

— Вы сердитесь на меня за то, что я вамъ говорилъ?

Она кротко и печально покачала головой, не поднимая глазъ. Наконецъ-то, она услышала въ его тонѣ то... что она такъ надѣялась услышать.

— Я въ самомъ дѣлѣ очень жалѣю, что я въ такомъ тонѣ говорилъ съ вами.

Въ эту минуту ему вспомнился Робертъ. Какимъ смѣшнымъ показался бы онъ ему въ роли моралиста передъ

этой хорошенькой дѣвушкой! И развѣ онъ не былъ бы правъ? Онъ въ то же время ловилъ себя на всевозможныхъ нелѣпыхъ планахъ и желаніяхъ.

— Простите меня...—сказалъ онъ неувѣреннымъ тономъ.—Я хотѣлъ сказать нѣсколько иначе.

— Мнѣ не въ чемъ прощать васъ,—отвѣтила она, медленно вскидывая на него глаза, какъ бы желая на минуту приковать его взглядъ къ своему.—Я вамъ, напротивъ, очень благодарна за... ваше участіе, и я готова сдѣлать рѣшительно все, чтобы только заслужить у васъ лучшее мнѣніе обо мнѣ, чѣмъ вы, повидимому, имѣете.

При этихъ словахъ она быстро и пугливо отвернулась, какъ будто у ней нечаянно вырвалось то, чего она абсолютно не хотѣла говорить, затѣмъ она поспѣшно встала и сказала, что ее ждетъ Бэби... и въ ту же минуту скрылась, а Бертольдъ продолжалъ смотрѣть на голубей, не видя ихъ. Въ вискахъ у него стучало, и въ глазахъ стоялъ туманъ. Онъ видѣлъ передъ собой только чудные глаза съ золотистымъ блескомъ,—глаза, влившіе огонь въ его жилы. И снова ему слышался ея голосъ: „Я готова сдѣлать рѣшительно все, чтобы только заслужить у васъ лучщее мнѣніе обо мнѣ, чѣмъ то, которое вы, повидимому, имѣете".

Эти слова повторялъ онъ еще и еще разъ, какъ мелодію, которую не хочется потерять.

И ихъ произнесла Карла... мимолетная мечта его ранней юности... та же самая Карла и между тѣмъ иная... въ теперешнемъ своемъ видѣ гораздо болѣе обольстительная, чѣмъ прежде.

Какъ, вѣроятно, грубо и невоспитанно поступилъ онъ, если она произнесла эти слова дрожащимъ, чуть не плачущимъ голосомъ! Грубо и невоспитанно по отношенію къ ней, когда она перенесла столько несчастій и когда къ ней нужно быть особенно внимательнымъ, въ виду ея зависимаго положенія.

Какъ удивительна ея кротость, вполнѣ отвѣчающая необыкновенной деликатности всей ея натуры! И какъ прекрасенъ былъ ея порывъ, съ которымъ она сорвала птицу со своей шляпы! Это было нѣчто... достойное глубокаго уваженія, предъ чѣмъ онъ готовъ былъ просто преклониться. Кто знаетъ, какія сокровища скрыты въ этой женской душѣ,—сокровища, которыя никто не попытался вызвать на свѣтъ Божій! Надо надѣяться, что рѣзкость его не оскорбила ее и не оттолкнула ее навсегда отъ всякой откровенности съ нимъ и всякаго сближенія!

Мысль эта стала вдругъ такъ сильно мучить его, что онъ всталъ и пошелъ по саду, надѣясь гдѣ-нибудь увидѣть

ее, чтобы еще разъ извиниться передъ ней. Не найдя ее, однако, нигдѣ, онъ пошелъ въ самую уединенную часть парка и сталъ размышлять, какъ бы ему лучше всего извиниться, когда онъ слѣдующій разъ встрѣтитъ ее одну.

* * *

Но подходящаго случая ему не представлялось. Скоро онъ замѣтилъ, что она систематически стала избѣгать его. И въ присутствіи другихъ она теперь уже не говорила съ нимъ, какъ прежде. Вообще, она стала тише и сдержаннѣе, какъ будто ее давило что-то, чего она не хотѣла показывать другимъ. Она все время была очень ласкова и предупредительна, какъ съ Бэби, такъ и съ Алидой Мольтенъ,—къ этой послѣдней она, казалось, чувствовала даже особенную симпатію; по отношенію же къ Бертольду, напротивъ, она держала себя строго и сдержанно, что ему было особенно чувствительно послѣ ея прежняго поведенія.

— Такъ и нужно было ожидать послѣ того, какъ я такъ оскорбилъ ее въ саду,—думалъ онъ про себя. Его это огорчало больше, чѣмъ онъ самъ хотѣлъ себѣ сознаться. Но въ присутствіи постороннихъ онъ не могъ заговорить о происшествіи въ саду.

Въ это время къ Бэби пріѣхали на нѣсколько недѣль погостить двѣ подруги, двѣ сестры Варна,—шумныя, веселыя, живыя дѣвушки, съ которыми Бертольдъ шутилъ и игралъ въ теннисъ, поскольку этого требовало гостепріимство, но которыхъ онъ считалъ глупыми и скучными и втайнѣ сравнивалъ съ спокойной и сдержанной Карлой.

Всѣ онѣ носили птицъ на шляпахъ... Алида даже цѣлыхъ три,—точно кладбище,—думалъ Бертольдъ. Ему это было прямо противно, хотя онъ и не высказывался ни ей, ни двумъ другимъ дѣвушкамъ. Къ будущей своей невѣсткѣ онъ, вообще, чувствовалъ очень мало симпатіи. Она была для него слишкомъ велика, и слишкомъ черна, и его раздражало ея слѣпое поклоненіе Іоганну, относительно характера котораго онъ уже не дѣлалъ себѣ иллюзій. Оба брата ясно сознавали, что разстояніе между ними все увеличивалось, и потому они все меньше интересовались другъ другомъ. Отчасти Бертольдъ былъ доволенъ его выборомъ. Ему въ высшей степени было бы непріятно видѣть кроткое, симпатичное существо связаннымъ съ такой натурой, какъ Іоганнъ, представить себѣ, напримѣръ, чтобы его любила Карла; такая женщина должна будетъ разбиться о холодный мраморъ его эгоизма. Нѣжное, бѣлокурое личико Карлы было для него символомъ ея души. Онъ все больше и больше любовался ею.

Все въ ней представляло для него особенную прелесть. Даже цвѣтъ ея чернаго платья, которое она попрежнему продолжала носить, казался ему самымъ лучшимъ цвѣтомъ на свѣтѣ. Все, что не было чернымъ, онъ началъ теперь считать некрасивымъ и безвкуснымъ. Прозрачныя кружева изящными складками облегали ее, какъ будто имъ было пріятно охватывать ея милую фигуру. Но больше всего у ней ему нравилась простенькая шляпа, которую она теперь носила,—та самая незабвенная шляпа, украшенная теперь однимъ букетикомъ полевыхъ цвѣтовъ. Чтобы показать, что она не въ траурѣ, а добровольно одѣвается въ черное, Карла носила большей частью что-нибудь цвѣтное на шляпахъ. Бертольду казалось, что эта шляпа составляетъ тайную связь между нимъ и ею,—связь, невидимую для всѣхъ остальныхъ, но тѣмъ не менѣе имѣющую для него большее значеніе, чѣмъ все видимое отчужденіе.

Однажды, въ жаркій лѣтній день, они всѣ вмѣстѣ играли въ теннисъ, какъ вдругъ стала надвигаться гроза. При первыхъ же капляхъ дождя Карла сняла свою шляпу и постаралась укрыть ее отъ непогоды. Бэби, демонстрировавшая окружающимъ, что большая, круглая шляпа можетъ служить прекраснымъ дождевымъ зонтикомъ, дразнила ее и спрашивала, не боится ли она, что дождь испортитъ ея „прекрасную шляпу".

— Эта шляпа прекраснѣе для меня всего на свѣтѣ,— вполголоса отвѣтила Карла, но стоявшій по близости Бертольдъ хорошо это слышалъ, и у него мелькнула мысль, отъ которой у него кровь бросилась въ голову. Однако, онъ продолжалъ играть дальше, какъ будто ничего не слыхалъ, но волненіе его все-таки было такъ сильно, что, будучи вообще хорошимъ игрокомъ, онъ теперь дѣлалъ промахъ за промахомъ. Къ его счастью, отдѣльныя капли дождя превратились въ настоящій ливень, такъ что молодыя дѣвушки, съ крикомъ и визгомъ, побѣжали черезъ большую лужайку по направленію къ дому.

Іоганнъ тоже спасся бѣгствомъ, и Бертольдъ остался совершенно одинъ.

Проливной дождь выручилъ его, такъ какъ онъ не въ состояніи былъ играть дольше. Нисколько не обращая вниманія на дождь и почти даже не замѣчая его, онъ пошелъ по густой аллеѣ, не отдавая себѣ отчета, куда онъ, собственно, направлялся, и такимъ образомъ дошелъ до конца ихъ владѣній, гдѣ на самой границѣ стояла маленькая бесѣдка, сплетенная изъ дубовыхъ вѣтвей, и маленькая канавка отдѣляла ихъ владѣніе отъ сосѣдняго участка.

Бесѣдка стояла на небольшомъ холмикѣ; онъ поднялся

на нѣсколько ступенекъ, вошелъ въ нее и машинально сталъ прислушиваться къ шуму дождя, который скоро затихъ и, наконецъ, окончательно прекратился. Солнце снова засіяло такъ же внезапно, какъ и скрылось передъ дождемъ, и въ густыхъ купахъ деревьевъ его радостнымъ и веселымъ пѣніемъ привѣтствовали тысячи птичьихъ горлышекъ.

Бертольдъ облокотился о перила и почувствовалъ въ себѣ какую-то странную, интенсивную впечатлительность ко всему окружающему.

Чувства его, казалось, удваивали его способности, какъ будто онъ видѣлъ, слышалъ и ощущалъ природу такъ, какъ еще никогда въ жизни.

Сквозь просвѣтъ деревьевъ, справа, онъ видѣлъ похожія на окаменѣлыя волны моря, морскія дюны, облитыя горячими лучами, которые, подобно солнечнымъ крыльямъ гигантской птицы, простирались надъ землею всякій разъ, какъ раздвигались облака. Эти горячіе лучи мірового свѣтила находили также себѣ отраженіе и въ его душѣ.

Какъ много удивительнаго и чуднаго на свѣтѣ! Каждый листокъ, каждая былинка такъ и сіяютъ радостью жизни, и въ его жилахъ эта радость жизни кипитъ, какъ никогда еще до сихъ поръ. Почему человѣкъ не можетъ жить только для того, чтобы во всей полнотѣ наслаждаться своими ощущеніями? Вѣдь вѣчно мыслящій, вѣчно вопрошающій и ищущій, человѣкъ, въ сущности, слѣпъ и глухъ къ прелестямъ жизни, какъ таковымъ,—къ наслажденію дыханіемъ и движеніемъ, къ созерцанію прекраснаго, къ ощущенію легкаго лѣтняго вѣтерка, а въ этомъ вѣдь и заключается сущность данной намъ природой жизни. Такъ живутъ вѣдь миріады видимыхъ и невидимыхъ существъ кругомъ насъ и такъ долженъ бы научиться жить и человѣкъ,—болѣе впечатлительнымъ къ міру чувствъ и менѣе замкнутымъ въ мірѣ мыслей. Ему казалось даже, что онъ достигнетъ этого въ будущемъ, какъ будто бы въ немъ просыпалось какое-то новое чувство жизни,—чувство, котораго ему такъ недоставало до сихъ поръ, и которое онъ съ благодарностью принималъ теперь и надѣялся удержать навсегда.

Сколько времени стоялъ онъ такъ, наблюдая игру облаковъ и свѣтлые ряды дюнъ, по которымъ безпрерывно скользили тѣни, онъ и самъ не зналъ. Кругомъ постепенно все стихло, только въ верхушкахъ деревьевъ еще шелестѣлъ вѣтеръ, и среди тишины до него долетѣлъ теперь новый шумъ, какой-то шорохъ... какъ будто кто-то подходилъ къ бесѣдкѣ. Онъ обернулся и... увидѣвъ, кто приближался

къ нему, сразу понялъ, что происходило въ его душѣ. Она, очевидно, не замѣтила его и, подойдя къ самой бесѣдкѣ, очутилась прямо передъ нимъ и испуганно посмотрѣла на него.

— Вы здѣсь?

Онъ видѣлъ, съ какимъ испугомъ она откинулась назадъ, слышалъ ея ускоренное дыханіе, и его вдругъ охватило такое чувство, котораго онъ не могъ бы описать словами. Онъ хотѣлъ сказать что-нибудь очень обыкновенное и не могъ. Но, замѣтивъ, что она отшатнулась, онъ сталъ такъ, что она не могла уйти.

— Я не ожидала, что вы здѣсь...—еще разъ повторила она въ сильномъ смущеніи.

— Сядьте, пожалуйста, здѣсь... на одну только минутку; здѣсь такъ хорошо!—Голосъ его звучалъ такъ странно, что онъ самъ не узналъ его.

Но она не садилась и непремѣнно хотѣла уйти.

— Итакъ, вы все еще сердитесь на меня?—спросилъ онъ, загораживая ей выходъ.

— Я... сержусь?—тихо сказала она и молча посмотрѣла вдаль. Затѣмъ она отрицательно покачала головой и снова попыталась уйти, но онъ рѣшительно загородилъ ей дорогу.

— Я не пущу васъ... Съ самаго того утра, какъ я васъ такъ обидѣлъ, вы не хотите ни слова сказать со мной. Повидимому, это—настоящій смертный приговоръ. Развѣ я ничего не могу сдѣлать, чтобы добиться вашего прощенія?

Говоря это, Бертольдъ вполнѣ сознавалъ всю безнадежность своей просьбы, такъ какъ во всей ея взволнованной фигурѣ выражались только ненависть и раздраженіе.

— Вы ошибаетесь...—сказала она, наконецъ, подавленнымъ голосомъ,—мнѣ нечего вамъ прощать. Но я знаю... я чувствую, что... О, нѣтъ, такъ не можетъ больше продолжаться!—внезапно вырвалось у ней.—Я уйду; я не могу дольше оставаться. Я должна уйти, я...

Она остановилась, сложила руки и умоляюще обратилась къ Бертольду:

— Г. Меріанъ, пустите же меня... я прошу васъ... я требую!

— Вы хотите уйти?—смущенно повторилъ онъ.—Почему же вы хотите уйти?

Она молчала.

— Развѣ вы хотите довести меня до отчаянія? Вы не должны уѣзжать отъ насъ... Я не хочу этого. Вы хотите разстаться съ нами изъ ненависти ко мнѣ?

Карла подняла глаза и пристально посмотрѣла на него.

— Вамъ не слѣдовало бы предлагать мнѣ этого вопроса,—медленно проговорила она и затѣмъ энергично добавила:—Да, я ненавижу васъ—въ этомъ все и дѣло!

Онъ съ жаромъ схватилъ ея руки.

— Что ты хочешь сказать этимъ? Карла... Карла!

Но она вырвалась и упала на скамейку, закрывъ обѣими руками лицо.

— Какъ вы можете поступать такъ! Пустите меня уйти! Вѣдь этого никогда не можетъ быть... никогда!

— Чего не можетъ быть?—страстно спросилъ онъ. И, совершенно потерявъ власть надъ собой, онъ увлекся до того, что самъ недавно счелъ бы безуміемъ со стороны всякаго мужчины.

Онъ опустился на колѣни и поцѣловалъ край ея платья, отъ котораго пахло легкими духами; они хорошо были знакомы ему, такъ какъ ароматъ ихъ всегда окружалъ Карлу и теперь совершенно отуманилъ ему голову.

— Скажи же мнѣ, чего не можетъ быть! Все вѣдь можетъ быть! О, Карла! Не уходи, скажи же!

Онъ отвелъ ея руку отъ лица и теперь эта теплая, круглая, просвѣчивающая сквозь кружева рука спокойно и послушно лежала въ его рукахъ. Совершенно внѣ себя, онъ прижималъ ее къ своему лицу, ко лбу, къ губамъ, забывая все на свѣтѣ, пока, наконецъ, ея голосъ не привелъ его снова въ сознаніе:

— Лучше, если я уйду отъ васъ... ты слишкомъ богатъ... а я слишкомъ бѣдна. Поэтому я никогда не могу быть твоей женой.

— Богатый... бѣдный... что все это значитъ?—спросилъ онъ, тяжело переводя дыханіе.—Развѣ это можетъ быть причиной нашей разлуки?

Когда онъ при этомъ поднялъ на нее глаза, она увидѣла передъ собой полное страсти лицо и глаза, въ темной глубинѣ которыхъ свѣтилось такое пламя, которое ей сразу дало понять всю полноту ея побѣды.

— Поговоримъ спокойно и серьезно!—сказала она убѣдительнымъ тономъ, освобождая изъ его объятій свою руку, которую онъ снова прижалъ къ лицу. Она мягко заставила его встать и сѣсть рядомъ съ ней.—Выслушай меня! Мы постараемся забыть эти минуты! Я позволила себѣ увлечься... и это было ошибкой. Я всегда опасалась этого и потому намѣренно избѣгала тебя. Ты вѣдь не можешь же жениться на такой бѣдной дѣвушкѣ, какъ я. Твой отецъ, навѣрное, будетъ противъ.

— Не говори такъ, Карла! Даже думать только такъ было бы безбожно!

Бертольдъ всталъ въ какомъ-то странномъ смущеніи, подошелъ къ периламъ, гдѣ онъ стоялъ раньше, и взглянулъ на нее, какъ будто бы она была сномъ или видѣніемъ, какъ будто онъ только въ первый разъ видѣлъ ее.

— Карла... Мнѣ все еще такъ странно, такъ непонятно. Увѣрена ли ты, что ты, дѣйствительно, меня любишь?.. Вѣдь я знаю, что я некрасивъ, неловокъ и скученъ для себя самого и для другихъ. Какъ можетъ такая дѣвушка, какъ ты, полюбить меня?.. Не самообманъ ли это? Навѣрно ли ты знаешь?

Она молчала и долго тревожно и испытующе смотрѣла на него своими золотисто-темными глазами, полускрытыми темной тѣнью густыхъ рѣсницъ. Затѣмъ она отвернулась, встала и сказала:

— Ты совершенно правъ. Такъ и продолжай думать!

Дѣвушка направилась къ выходу, но онъ удержалъ ее.

— Нѣтъ, я не люблю тебя... Ты совершенно правъ,— говорила она, вырываясь отъ него.—Пусти же меня!—Слезы заглушили ея голосъ, такъ что послѣднія слова она произнесла почти шопотомъ.

— Твой голосъ выдаетъ, что ты думаешь иначе, чѣмъ говоришь. Поэтому я тебѣ не вѣрю и ты останешься здѣсь! Но какъ странно!.. Я никогда не повѣрилъ бы, что меня кто-нибудь можетъ полюбить.

— Почему же ты этому не вѣрилъ?—спросила она съ такимъ взглядомъ и улыбкой, которые вполнѣ могли бы поколебать его невѣріе.

— Потому что... потому что... я, право, не знаю. Я совсѣмъ не могу теперь думать и даже не знаю, что я говорю.—Онъ обнялъ ее и наклонился къ ея губамъ. Она не отвернулась. Вдругъ она вырвалась отъ него и оттолкнула его отъ себя.

— Какъ только я могла дойти до такой слабости! Какъ бы я ни любила тебя, я все равно не могу выйти за тебя замужъ!

— Ты опять начинаешь повторять то же самое? Мнѣ, рѣшительно непонятно, какъ тебѣ могутъ придти въ голову такія мысли.

И снова она глубоко заглянула ему въ глаза, смотрѣвшіе на нее съ такой наивной искренностью и съ такимъ горестнымъ удивленіемъ, что въ эту минуту, чувствуя всю полноту своей власти надъ нимъ, она въ самомъ дѣлѣ почти готова была полюбить его.

— Эти мысли придутъ въ голову другимъ. Твой отецъ, навѣрное, разсчитываетъ, что ты составишь себѣ хорошую партію и...

— Мой отецъ...—прервалъ онъ ее.—Если ты такъ о немъ думаешь, то ты не знаешь его. Онъ слишкомъ добръ и благороденъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы быть способнымъ на такія низменныя мысли.

Въ душѣ ея горѣлъ вопросъ, на который она все еще неустанно ждала отвѣта. Съ минуту она, впрочемъ, еще медлила... Но искушеніе было слишкомъ сильно.

— А Іоганнъ!.. Этотъ бракъ по разсудку съ... некрасивой дѣвушкой,—вѣдь это можетъ быть только его дѣломъ!

— Этотъ бракъ есть собственное дѣло Іоганна, и отецъ въ этомъ совершенно не причемъ,—это я тебѣ могу сказать навѣрное.

Бертольдъ говорилъ такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Карла ему тотчасъ же повѣрила.

Она невольно закрыла глаза. Жажда мести наполнила ея душу. Но она постаралась овладѣть собой и снова вернулась къ дѣйствительности; и съ той же ловкостью, съ какой она дѣйствовала до сихъ поръ, она сумѣла заставить его вынудить у ней, послѣ долгаго сопротивленія, торжественное обѣщаніе. Она поставила ему непремѣннымъ условіемъ абсолютную тайну, пока онъ не окончитъ своего курса. Такъ какъ она все точно обдумала и разсчитала заранѣе, а онъ едва соображалъ, что съ нимъ творилось, то ей нетрудно было заставить его обѣщать все, чего она хотѣла. Она сумѣла привести ему самыя убѣдительныя основанія, что необходимо пока скрывать отъ всѣхъ ихъ отношенія.

Хотя, разумѣется, въ ея интересахъ скорѣе было бы оффиціально считаться невѣстой сына хозяина дома, но она слишкомъ боялась прямого запрещенія со стороны его родителей и безчисленныхъ другихъ обстоятельствъ, которыя могли бы повліять на „дѣтскую слабость“ Бертольда, какъ она сама выражалась, и поэтому помолвка ихъ должна была оставаться тайной до его совершеннолѣтія. Такъ какъ ему было еще только двадцать лѣтъ, то ждать имъ оставалось цѣлыхъ три года [1]), но она отнюдь не хотѣла такъ скоро пускать въ ходъ свой послѣдній козырь, чтобы преждевременно не повредить своему будущему.

Въ то же время она приняла во вниманіе и особенную прелесть тайной связи для характера Бертольда, которая еще болѣе прикуетъ его неувѣренностью въ обладаніи. Когда, послѣ многихъ нѣжныхъ обѣщаній и переговоровъ о тайныхъ свиданіяхъ, Карла вышла, наконецъ, изъ бесѣдки, на

[1]) Въ Голландіи совершеннолѣтіе считается съ двадцати трехъ лѣтъ.

губахъ ея играла торжествующая улыбка, и она сознавала, что разумно использовала этотъ день.

Освободится ли она, наконецъ, теперь отъ ужасной тревоги за свое будущее? Можетъ ли она теперь же посчитаться съ тѣми дамами, которыя, несмотря на то, что она была поставлена на равной ногѣ у Меріановъ, все-таки нѣсколько свысока относились къ ней? Можетъ ли она теперь снова, какъ прежде, наслаждаться необходимой для нея роскошью и пользоваться всѣми преимуществами своей молодости и красоты, не спрашивая себя постоянно со страхомъ, что будетъ съ ней, когда Бэби выйдетъ замужъ, когда умретъ ея пріятельница и сама она сдѣлается старой и некрасивой?

— Дѣвочка, дѣвочка, что ты все думаешь о будущемъ!— говорила ей тогда госпожа Кордуро.—Когда человѣкъ молодъ и красивъ, счастье можетъ придти каждый день.

Госпожѣ Кордуро хорошо такъ говорить, но сколько горькихъ разочарованій пережила уже Карла! Всѣ прекрасныя предсказанія до сихъ поръ абсолютно не оправдывались для нея.

— Но какой все-таки страстный и непріятный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ этотъ Бертольдъ,—подумала она, поспѣшными шагами подходя къ дому и вспомнивъ, наконецъ, о главномъ дѣйствующемъ лицѣ ея плановъ—о будущемъ. Въ общемъ, онъ даже превзошелъ ея ожиданія. Повидимому, онъ былъ очень страннымъ. Въ такомъ случаѣ она можетъ впослѣдствіи вертѣть имъ, какъ хочетъ, и быть теперь еще болѣе увѣренной въ немъ.

Она уже почти совершенно успокоилась, когда, приближаясь къ дому, замѣтила Іоганна и Алиду, которые, обнявшись, гуляли по аллеѣ.

— Эта получила себѣ мужа за деньги!—подумала она, взглянувъ на Алиду съ сознаніемъ собственнаго превосходства.—Я сумѣла сдѣлать это и безъ денегъ! И неужели ты воображаешь, въ самомъ дѣлѣ, что онъ сколько-нибудь заинтересованъ тобой? Что за комедія? Какъ быстро онъ перемѣнится, какъ только твои деньги будутъ въ его рукахъ! А меня... хотя я и бѣдна, но передо мной будутъ стоять на колѣняхъ. Мужъ мой будетъ валяться въ моихъ ногахъ, когда мнѣ этого захочется. Будетъ ли это такъ съ тобой?

И, презрительно пожавъ плечами, она полными ненависти глазами еще разъ взглянула на свою соперницу и вошла въ домъ.

Между тѣмъ, женихъ и невѣста медленными шагами продолжали свою прогулку. Они тоже замѣтили вдали Карлу. И у Алиды вдругъ возникъ вопросъ... вопросъ, который ей

давно уже хотѣлось предложить, но она все еще не рѣшалась высказаться.

— Скажи мнѣ откровенно, Іоганнъ... не былъ ли ты раньше серьезно влюбленъ въ Карлу?—спросила она среди разговора о постороннихъ вещахъ.

— Я... въ Карлу? Какъ могла тебѣ придти въ голову такая идея, милочка? Можетъ быть, потому, что я раньше занимался съ ней музыкой?

— И потому еще, что она такая красивая.

— Красивая?—медленно проговорилъ онъ.—Она, правда, недурна, но не въ моемъ вкусѣ. Блѣдныя блондинки совсѣмъ не интересуютъ меня, и ты это давно знаешь.

Алида вся просіяла.—Какъ хорошо, что я рѣшительно спросила его!—подумала она.—Такъ пріятно знать опредѣленно, что я просто вообразила сѣбѣ это.

* * *

— Ты былъ совершенно правъ! — писалъ Бертольдъ своему другу Конту, когда онъ, спустя нѣсколько дней, освоился съ своимъ положеніемъ.—Ты совершенно правильно угадалъ, чего мнѣ недоставало и что единственно только и могло заставить меня серьезно работать.

Итакъ, импульсъ найденъ. Въ послѣднее время я сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ и въ состояніи буду творить просто чудеса, когда мнѣ можно будетъ открыто назвать своей невѣстой ту дѣвушку, которую я люблю. Но пока все это должно остаться тайной для всѣхъ и особенно для моихъ родителей. Хотя положеніе ея и не особенно благопріятно и открытая помолвка внесла бы въ него существенное улучшеніе, но такъ какъ я еще очень молодъ, то она настоятельно потребовала сохраненія тайны и уже однимъ этимъ доказала свою прекрасную натуру. Она обладаетъ всѣми тѣми чудными свойствами, которыя Шекспиръ увѣковѣчилъ въ своей Дездемонѣ, — типъ этотъ, кстати сказать, мнѣ очень не нравился, пока я не познакомился съ *ней*. Въ истинномъ смыслѣ слова, она—живое воплощеніе его чуднаго образа, и такъ какъ ты—не Яго, а я—не Отелло, то эта Дездемона можетъ во всей полнотѣ одарить меня своими нѣжными женскими ласками.

Кротость и наивность являются преобладающими чертами ея характера. Она съ истинно-ангельскимъ терпѣніемъ позволяетъ „неисправимому моралисту“, котораго ты достаточно знаешь, бранить себя, оспаривать и читать цѣлые выговоры; и она слѣдуетъ моему совѣту не потому, чтобы

она умомъ поняла его справедливость, а только потому, что это—*мой* совѣтъ. Она мало думаетъ, но зато много чувствуетъ. А что можетъ быть божественнѣе въ женщинѣ, какъ эта неотразимая логика чувства, которая такъ часто умѣетъ найти правильный путь тамъ, гдѣ мы со всѣмъ нашимъ разумомъ стоимъ, какъ быки на горѣ...

Здѣсь онъ остановился, перечелъ еще разъ послѣднюю фразу, вспомнилъ разговоръ у голубятни и колебался, продолжать ли въ томъ же духѣ. То, что онъ написалъ, не вполнѣ совпадало съ фактами... Но онъ уже такъ написалъ и, навѣрное, ея чувство выведетъ ее на правильный путь. Онъ снова обмакнулъ перо и сталъ писать дальше:

— Объ ея наружности я лучше не буду ничего писать тебѣ. Вкусы вѣдь бываютъ различны. Да и что, въ концѣ концовъ, значитъ наружность? Если же тебѣ это будетъ очень интересно, то я какъ-нибудь покажу ея портретъ.

Бертольдъ, улыбаясь, закончилъ свое письмо. Рядомъ съ нимъ лежалъ маленькій, сдѣланный на эмали портретъ, который отецъ Карлы, продолжавшій вести роскошный образъ жизни только ради своей избалованной дочки, за годъ до своей смерти заказалъ у одного изъ лучшихъ бельгійскихъ художниковъ. Юноша взялъ въ руки портретъ, любовался хорошенькой головкой и цѣловалъ его, представляя себѣ въ то же время изумленіе Роберта, когда онъ увидитъ его.

Онъ не помнилъ, говорилъ ли онъ когда съ Робертомъ о Карлѣ и о ея положеніи у нихъ въ домѣ? Ему доставляло удовольствіе скрыть пока отъ него всѣ ближайшія подробности, чтобы немного помучить его любопытство.—Изъ того, что я написалъ ему объ ея положеніи, онъ, можетъ быть, выведетъ заключеніе о мезальянсѣ съ какой-нибудь крестьянской дѣвушкой изъ окрестностей города,—думалъ онъ улыбаясь. Съ какимъ удивленіемъ раскроетъ онъ глаза, прочитавъ его письмо, и, судя по тому, что Бертольдъ раньше говорилъ и защищалъ, составитъ себѣ совершенно неправильное представленіе о немъ. И будетъ имѣть всѣ основанія на это, такъ какъ Бертольдъ и самъ теперь плохо понималъ себя.

Развѣ онъ не жилъ, точно во снѣ, эти послѣднія недѣли? Считая съ напряженіемъ часы и минуты до ихъ ежедневнаго свиданія, которое они устраивали въ самой отдаленной части парка, чтобы никто не могъ видѣть ихъ, онъ иногда невольно спрашивалъ себя, Бертольдъ ли онъ? И подумать только, что это была Карла,—та самая Карла, которая когда-то вселила въ него отвращеніе, смѣшанное со страхомъ противъ всего женскаго пола... а теперь, въ

тѣ часы, которые онъ проводитъ съ ней наединѣ, заставляетъ его забывать все на свѣтѣ!

Онъ жилъ, въ сущности, только этими часами. Онъ выучился лицемѣрить, притворяться и даже, въ случаѣ необходимости, лгать, чтобы только оставить въ своемъ распоряженіи то время, которое было назначено для ихъ ежедневныхъ свиданій.

Однако, это лицемѣріе и эта неискренность все-таки набрасывали нѣкоторую тѣнь на его счастье. Его постоянно раздражало то обстоятельство, что онъ долженъ былъ обманывать своего отца, питавшаго безграничное довѣріе къ нему, но онъ уже обѣщалъ это Карлѣ. По здравомъ размышленіи, онъ и самъ долженъ былъ, конечно, сознаться, что открытая помолвка въ первый же годъ его студенчества была бы безтактностью. Его стремленіе энергично работать все возрастало.

Теперь онъ уже болѣе не колебался и не спрашивалъ: „почему" и „зачѣмъ", послѣ того, какъ всѣ эти вопросы онъ обсудилъ вмѣстѣ съ Карлой. Никакое недовольство на банальность человѣческаго существованія не должно больше смущать его, онъ весь теперь отдавался своей любви. И только она одна можетъ сгладить безцѣльность повседневной жизни, идеализовать ее и опоэтизировать.

Но несмотря на всѣ эти размышленія по поводу его новаго счастья, онъ все-таки иногда возвращался къ своимъ прежнимъ идеямъ. Развѣ онъ не мечталъ о высшемъ идеалѣ для нашего жалкаго человѣческаго существованія, объ идеалѣ мыслей, чувствъ и ощущеній и, вообще, о невидимомъ, воображаемомъ мірѣ? Неужели онъ найдетъ себѣ замѣну этого идеала, этого величія жизни, ощущаемаго въ минуты духовнаго подъема, въ женщинѣ, во взаимной любви?

Ему хотѣлось такъ думать, и въ тѣ минуты, когда на него смотрѣли глаза Карлы и губы ея заставляли его забывать весь свѣтъ, онъ нисколько не сомнѣвался въ этомъ. Затѣмъ онъ снова вспоминалъ Роберта, вспоминалъ ихъ разговоры и раздраженіе товарища на его постоянное исканіе и стремленіе къ недостижимому.

— Если ты ужъ непремѣнно хочешь быть идеалистомъ,— замѣтилъ ему разъ Робертъ,—то не ищи, по крайней мѣрѣ, твоего идеала въ пустыхъ мечтаніяхъ, не ищи его, подобно вѣрующимъ, строящимъ себѣ своего бога за предѣлами этой жизни, по своимъ мелкимъ, человѣческимъ представленіямъ; но ищи его на самой землѣ, въ сущности вещей, въ существующемъ и чувственно-воспріемлемомъ. Для людей, одаренныхъ разумомъ, знаніе должно было бы быть,—по-

скольку мы, вообще, можемъ знать,—единственнымъ идеаломъ. Если ты хочешь иногда помечтать,—хорошо, мечтай вмѣстѣ съ нашими великими поэтами и наслаждайся пѣснями и образами этихъ геніальныхъ, младенческихъ душъ, но не зѣвай своей собственной жизни. Когда ты окончишь свое воздушное путешествіе въ облакахъ, тогда вернись къ намъ на землю, отвяжи свои крылья и будь снова человѣкомъ, который принимаетъ жизнь, какъ она есть!

По его совѣту, онъ въ послѣднюю зиму углубился въ произведенія великихъ естествоиспытателей этого столѣтія,—Спенсера, Дарвина, Геккеля и Молешотта, которыя должны были, какъ увѣрялъ Робертъ, на всю жизнь закалить его противъ фантастическихъ мечтаній, съ которыми онъ возился. Эти книги онъ сначала прочелъ съ наслажденіемъ. На порогѣ новаго для него міра онъ съ восторгомъ увидѣлъ раскрывающійся передъ нимъ широкій горизонтъ и получилъ отвѣтъ на многіе мучившіе его вопросы. Но эти отвѣты не удовлетворили его. Послѣ анализа великихъ явленій природы онъ тщетно искалъ ихъ синтезъ.

— Синтезъ! Глупости!—невольно вырвалось у Роберта.— Неужели ты будешь требовать отъ естественныхъ наукъ, чтобы онѣ дѣйствовали подобно талантливому проповѣднику, который поднимаетъ сразу своихъ слушателей на высоту своей риторики и затѣмъ, потихоньку опуская ихъ на твердую почву, утѣшенными отсылаетъ ихъ домой? Неужели ты окончательно неисправимъ? Развѣ знаніе уже само по себѣ не стоитъ того, чтобы изъ-за него прожить нѣсколько лѣтъ на нашей планетѣ и затѣмъ спокойно разстаться съ ней, съ благодарностью за то, что пережилъ пріятнаго на ней?

— А что ты будешь дѣлать съ тѣми, которые ничѣмъ не наслаждались и ничего не знали?—спросилъ онъ его тогда.

— Ровно ничего! Это меня такъ же мало безпокоитъ, какъ природу и науку. Неужели же ты хочешь, чтобы я, какъ какой-нибудь архангелъ, взялъ на свои плечи весь земной шаръ со всей его скорбью и страданіями? Премного благодаренъ. И я очень не совѣтую этого тебѣ, потому что ты этимъ никому не поможешь. Во всякомъ случаѣ, тебѣ будетъ это страшно трудно сдѣлать, гораздо труднѣе, чѣмъ восемнадцать вѣковъ тому назадъ.

Этотъ разговоръ съ Робертомъ часто вспоминался ему, и особенно теперь, въ первые дни своего счастья. Чувствовать такъ, какъ онъ, казалось ему теперь легче. Да и кромѣ того, ему не нужно было уже жить только для самого себя. Онъ могъ теперь думать о *ней*, о томъ, чтобы охранять слабую дѣвушку и наслаждаться сознаніемъ, что онъ можетъ

вознаградить ее впослѣдствіи за то, что она потеряла, и даже своими собственными силами и своими научными работами поставить ее еще выше, такъ какъ отблескъ отъ него всегда будетъ падать на его жену. Для такой цѣли, разумѣется, стоило жить.

Такъ проходила недѣля за недѣлей и, наконецъ, подошелъ сентябрь, украсившій своими чудными, осенними красками лѣса, подъ шумъ которыхъ этимъ лѣтомъ шепталось столько словъ любви, а подъ ихъ густой листвой находили себѣ пріютъ тѣ, кто искалъ уединенныхъ мѣстечекъ.

Благодаря необыкновенному таланту Карлы притворяться, никто въ семьѣ и среди гостей не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о разыгрывающемся на ихъ глазахъ романѣ. Молодая дѣвушка доходила до истинной виртуозности въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что ей нерѣдко приходилось покрывать и промахи Бертольда. Ея слишкомъ большое искусство въ этомъ отношеніи даже стѣсняло иногда юношу, но затѣмъ онъ снова успокаивался, принимая въ соображеніе ея умственную неразвитость. Вѣдь ея недостатки были только особенностями ея характера. Все слабое, робкое и податливое ея женской натуры, конечно, несоединимо съ самонадѣянной гордостью сильнаго мужчины... и вотъ онъ теперь требовалъ отъ своей бѣдной Карлы чуть не такихъ добродѣтелей, которыя,—даже если бы Карла обладала ими,—могли бы быть слѣдствіемъ только того, что какъ разъ непріятно ему въ женщинахъ!

Всѣ эти ребяческіе недостатки только еще болѣе возбуждали его чувство къ ней. Какъ нуженъ, какъ почти безусловно необходимъ будетъ онъ для нея! Какое наслажденіе будетъ для него формировать ея покорную натуру совершенно по своему желанію, такъ что она сдѣлается полнымъ подобіемъ его самого, и онъ, какъ древній Пигмаліонъ, станетъ поклоняться своему творенію!

— Ты, конечно, намѣренътеперь прилежно работать, не правда ли?—спросилъ его отецъ вечеромъ, нанакунѣ его отъѣзда въ Дельфтъ.

Въ теченіе цѣлаго года онъ тщательно избѣгалъ всякаго упрека сыну и всякаго принужденія его къ работѣ. Поэтому Бертольдъ былъ нѣсколько тронутъ тономъ его вопроса: въ немъ слышалась нѣкоторая озабоченность, но озабоченность, слишкомъ нѣжная и осторожная, чтобы выразиться въ словахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее, неизмѣнное довѣріе къ нему, которое съ ранней его юности всегда вызывало къ жизни все лучшее въ его натурѣ. Поэтому и его короткій отвѣтъ: „Да, папа!“—имѣлъ характеръ какого-то торжественнаго обѣщанія. Но особенно въ этотъ часъ, когда онъ въ послѣдній

разъ гулялъ со своимъ отцомъ по чуднымъ окрестностямъ, сознаніе того, что между ними лежала тайна и что тайна эта должна быть сохранена изъ чувства долга, причиняло ему острую душевную боль.

Между тѣмъ, быстро темнѣло, и они шли нѣкоторое время молча.

Размышляя о необыкновенныхъ обстоятельствахъ, заставлявшихъ его противъ его воли скрывать его внутреннюю душевную жизнь отъ единственнаго человѣка на свѣтѣ, котораго онъ любилъ съ самымъ глубокимъ уваженіемъ, онъ невольно спрашивалъ себя, почему же онъ не обсуждаетъ съ отцомъ, какъ, напримѣръ, съ Робертомъ тѣ многочисленныя задачи жизни, которыя за послѣдній годъ съ такимъ мучительнымъ упорствомъ осаждаютъ его? Онъ считалъ это явленіе неестественнымъ... но ему все-таки было совершенно невозможно измѣнить свое поведеніе въ этомъ отношеніи. Одна только возможность того, что отецъ приведетъ хотя бы одинъ изъ тѣхъ аргументовъ, которые онъ называлъ у Роберта эгоизмомъ, наводила на него страхъ.

Насмѣшки Конта надъ его „маніей морализировать" ничуть его не стѣсняли, но по отношенію къ отцу его природная чувствительность достигала своего высшаго пункта. Одна только мысль, что, можетъ быть, и отецъ недостаточно оцѣнитъ или даже вовсе станетъ отрицать то, что онъ въ глубинѣ своей души считалъ священнымъ, таинственнымъ огнемъ, составлявшимъ божественный элементъ въ его существованіи, безъ котораго онъ не могъ продолжать жить дальше,—одна эта мысль уже сковывала ему уста. Поэтому послѣ торжественнаго: „Да, папа!"—разговоръ принялъ обычный, будничный оборотъ. Бертольдъ съ притворной живостью болталъ о совершенно безразличныхъ для него вещахъ,—и въ то же время упрекалъ себя въ неискренности и въ неестественности. Во время этой продолжительной прогулки онъ въ первый разъ въ своей жизни почувствовалъ цѣлую пропасть между собой и своимъ отцомъ,—что-то холодное и чуждое, что вызвало въ немъ упреки совѣсти. Онъ поймалъ себя даже на томъ, что онъ тщательно обдумывалъ каждое слово, чтобы не высказать своихъ истинныхъ мыслей.

— Итакъ Бэби вообще не поступитъ въ пансіонъ?— не удержался онъ отъ вопроса, когда совсѣмъ стемнѣло.

— Нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ. Теперь все устроилось хорошо, и особенно во французскомъ языкѣ Бэби дѣлаетъ быстрые успѣхи.

— Значитъ, и фрейлейнъ де-Мартиньель должна будетъ остаться у насъ?

— Разумѣется... а почему же нѣтъ? Я неохотно разстался бы съ ней теперь. Гдѣ бѣдной дѣвушкѣ будетъ лучше, чѣмъ у насъ, когда мы съ ней обращаемся, какъ съ дочерью? Я нахожу, что ее очень пріятно имѣть въ домѣ, и меня очень радуетъ, что мама теперь тоже отлично сошлась съ ней. Вначалѣ это было иначе... но въ маленькой кокеткѣ есть что-то такое, что подкупаетъ, наконецъ, даже и женщинъ.

— Развѣ ты считаешь ее кокеткой?—спросилъ Бертольдъ.

— Считаю ли я ее...—Меріанъ отъ души расхохотался.—Желаніе нравиться прямо въ крови у нея. Развѣ ты самъ еще не замѣтилъ этого?

Онъ, улыбаясь, шагалъ въ темнотѣ по большой дорогѣ.

— Однако, Бертольдъ, несмотря на бурно проведенный имъ студенческій годъ, все еще много сохранилъ своей прежней наивности,—думалъ онъ. Самъ онъ былъ вѣдь совершенно инымъ въ этомъ возрастѣ.

Такая дѣвушка, какъ Карла, тотчасъ же превратила бы его въ пламя.

Но въ данномъ случаѣ было хорошо, что такъ не случилось съ Бертольдомъ, такъ какъ влюбленность среди университетскаго курса только помѣшала бы ему и не привела бы ни къ чему хорошему. Къ тому же Бертольду нужна совсѣмъ другая жена... кромѣ того, Карла и слишкомъ стара для него.

Бертольдъ осторожно обошелъ предложенный ему вопросъ и перевелъ разговоръ на другую тему. На него мало произвело впечатлѣнія, что отецъ считалъ Карлу кокеткой, такъ какъ онъ не понималъ этого названія въ дурномъ смыслѣ. Къ тому же, онъ очень успокоился, узнавъ, что Карла на неопредѣленное время еще останется у нихъ и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи не произойдетъ никакого внезапнаго осложненія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Я надѣлъ разноцвѣтныя перья,
Закалилъ мои крылья — и жду.
Надо мной, подо мной — недовѣрье.
Расплывается сумракъ. Я жду.

Вотъ сидятъ, погружаясь въ дремоту,
Птицы, спутники прежнихъ годовъ.
Все забыли, не вѣрятъ полету
И не видятъ, на что я готовъ.

Эти бѣдныя, сонныя птицы
Не взлетятъ онѣ стаей съ утра!
Не замѣтятъ мерцанья денницы!
Не поймутъ восклицанья: Пора!

Но сверкнутъ мои бѣлыя крылья,
И сомкнутся, сожмутся они,
Удрученныя снами безсилья,
Засыпая на долгіе дни.

Александръ Блокъ.

Безправная.

(„Una Donna“).

Романъ **Сибиллы Алерамо.**

Переводъ съ итальянскаго Е. Лазаревской.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

X.

Я простилась съ жизнью просто и твердо, хотя и въ часъ страшнаго разстройства, какъ бы слушаясь какого-то издалека пришедшаго повелѣнія больше, чѣмъ властной настоятельности минуты. Моя жизнь должна была окончиться въ тотъ моментъ: женщина, которой я была до той ночи, должна была умереть. Бываютъ періоды жизни, которые не могутъ найти себѣ исхода и словно замыкаются внезапно могильнымъ камнемъ.

Съ какихъ поръ развивался во мнѣ безъ моего вѣдома роковой процессъ? Въ тотъ день, когда бездушное существо звѣрски-грубо прервало расцвѣтъ моей юности, во мнѣ начался процессъ разложенія. Работа губительныхъ вліяній медленно проникала въ меня, отравляя мнѣ тѣло и душу. Но ничто изъ этой внутренней трагедіи не проникало мнѣ въ сознаніе до самой катастрофы. Я чувствовала себя печальной, утомленной, напуганной... И пораженіе пришло неожиданно, но логично; его не встрѣтило ни запоздалое возмущеніе, ни недоумѣніе. Кругъ событій замыкался, порядокъ возстанавливался.

Съ другого берега... Какъ въ ту минуту, когда я искала смерти, такъ и возвращаясь къ жизни, я взглянула на міръ и на себя самое совершенно новыми глазами. Сперва я вновь пережила дѣтство, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль была какъ бы ребенкомъ; младенчески отдавалась сладости „бытія“, растроганно улыбалась солнцу, вершинамъ деревьевъ, которыя видѣла со своего кресла, красотѣ моего сына, всему,

что сверкало, цвѣло, что призывало чувства, внимательно подчинявшіяся воздѣйствію жизни. Разсудокъ же былъ неподвиженъ. Я знала, что пыталась умереть, знала, что все мѣнялось кругомъ меня, и что я еще должна дальше идти свой путь; видѣла быструю смѣну тѣней и свѣта, но не испытывала ни опасеній, ни надеждъ, ни непріязней, ни сомнѣній; развѣ только какое-то смутное упованіе на что-то, какъ бы тихое преданіе себя на волю судьбы. На губахъ у меня все чувствовался горьковатый вкусъ яда, и голова была необычайно слаба; каждый легкій шумъ наполнялъ ее дрожаніемъ, лишалъ меня ясности мысли. Впрочемъ, физическое потрясеніе было не тяжелое, я только нѣсколько дней принуждена была провести въ постели. Никто, въ томъ числѣ и отецъ мой, не зналъ о происшедшемъ. Съ внѣшней стороны жизнь продолжала идти обычнымъ ходомъ, я занималась даже кое-какими домашними работами, ничего не упуская, заботилась о ребенкѣ, подчасъ даже взглядывала въ зеркало и замѣчала у себя выраженіе выздоравливающей, придававшее обострившемуся лицу новую привлекательность.

Не помню ясно, что произошло между мною и мужемъ въ самые первые дни. При видѣ моей спокойной попытки уйти изъ жизни, онъ испыталъ, вѣроятно, необычайное потрясеніе въ умѣ и въ сердцѣ и былъ имъ совершенно уничтоженъ. Раскаяніе? Страхъ? Стыдъ? Ревность? Все сливалось въ немъ въ одномъ общемъ ощущеніи горя: настоящаго горя, бывшаго въ значительной степени физическимъ страданіемъ, толкавшимъ его отъ крайняго упадка духа къ крайнему возбужденію.

Возможно, что докторъ намекнулъ ему на существованіе для меня опасности сойти съ ума. Представленіемъ того распаденія, которое я оставила бы въ его домѣ, покинувъ его, онъ былъ, вѣроятно, наведенъ на сознаніе, что я занимала въ немъ до сихъ поръ главное мѣсто, что я была душою его, что я молчаливо запечатлѣла въ немъ неизгладимый слѣдъ. И мнѣ казалось, что въ немъ начиналась медленная работа мысли... Думалъ ли онъ о томъ, что мало, или, вѣрнѣе, что ничего не внесъ въ нашъ союзъ, думалъ ли о надеждахъ, утраченныхъ мною за четыре года, о требованіяхъ моего еще не развившагося существа, о неразуміи, съ какимъ пренебрегалъ всякими признаками моего дурного самочувствія? Прозрѣвалъ ли онъ, можетъ быть, мое превосходство именно въ то время, когда его охватывалъ гнѣвъ на то, что онъ представлялъ себѣ, быть можетъ, моимъ преступленіемъ? Его самолюбіе еще страдало, и въ то же время онъ не могъ освободиться отъ страннаго, непреодолимаго обаянія, создававшагося въ немъ моей новой трагической и

рѣшительной личностью. Моя наружность,—я чувствовала это, содрогаясь,—пріобрѣтала для него болѣе острую, мучительную привлекательность. Воспоминаніе о моемъ непреодолимомъ отвращеніи къ супружеской близости не напоминало, можетъ быть, его совѣсти жестокость, совершенную надо мною, дѣвочкой, но, навѣрное, должно было вызывать у него смутное раскаяніе въ томъ, что онъ не проявилъ заботливо-чуткаго уваженія къ моему еще почти дѣтскому организму, что не сумѣлъ любовно пробудить во мнѣ женщину, окружить чистотой призывъ къ здоровымъ радостямъ. И онъ былъ одинъ со своей тревогой; онъ чувствовалъ, что никто не подозрѣвалъ глубины и обширности этой тревоги, что мать жалѣла его за гораздо болѣе простое страданіе, что докторъ судилъ о немъ со снисходительностью, не лишенной пренебреженія. И бывали минуты, что онъ рыдалъ, признавая себя достойнымъ осужденія.

Онъ уже больше не билъ меня. На колѣняхъ передо мною онъ просилъ у меня прощенья, что не былъ великодушенъ, что натолкнулъ меня на отчаянный шагъ. „Живи! Для нашего сына". Мольба на этихъ устахъ, столь неподатливыхъ для нѣжности, пріобрѣтала раздирающее душу выраженіе. И я соединяла съ его слезами мои, какъ ребенокъ плачетъ при видѣ чужихъ слезъ. Въ моей болѣзненной чувствительности я была расположена считать его собратомъ по несчастію, игрушкой и жертвой слѣпой судьбы, какъ и я; я говорила себѣ неопредѣленно, что мы нуждаемся одинъ въ другомъ, должны опираться другъ на друга, чтобы создать заново общую жизнь съ единственной цѣлью—благомъ нашего сына.

Потомъ случилась странная вещь. Однажды утромъ мужъ снова сталъ разспрашивать меня объ обстоятельствѣ, бывшемъ для обоихъ причиной столькихъ мукъ. Терпѣливо повторяя этотъ разсказъ съ мельчайшими подробностями, уже столько разъ изложенными ему, я увидѣла, что онъ былъ въ состояніи сохранить спокойствіе и размышлялъ, по долгу храня молчаніе послѣ моихъ отвѣтовъ. Наконецъ, грудь его поднялась глубокимъ вздохомъ, въ глазахъ засвѣтилась плохо сдерживаемая смѣсь радости и гордости. Значитъ, въ продолженіе всѣхъ терзаній, которымъ онъ подвергалъ меня, выпытывая, онъ ни разу не понялъ, ни разу, можетъ, быть, не заставилъ себя выслушать до конца, сдержать приливъ звѣрской ревности?.. И теперь все происшедшее сводилось для него къ незначительному эпизоду, которымъ можно пренебречь. Я поняла, что онъ чувствовалъ себя возвышающимся передъ тѣмъ человѣкомъ, наслаждаясь его посрамленіемъ; что онъ былъ благодаренъ мнѣ; что, наконецъ, къ нему воз-

вращались довѣріе, увѣренность, что я связана съ нимъ, что я его люблю, что я чувствую себя его собственностью.

Іюнь царилъ на позолотившихся поляхъ. Море было, должно быть,—одно сверканіе, ослѣпительный сонъ; я не видѣла этого, такъ какъ никогда не выходила изъ дому, изрѣдка только по вечерамъ: нѣсколько шаговъ съ мужемъ вдоль пустыннаго полотна желѣзной дороги. Несмотря ни на что, ревность его не исчезла; по утрамъ, благодаря присутствію прислуживавшей намъ женщины, я могла двигаться по дому, но не входить въ комнаты съ окнами на улицу. Послѣ завтрака, изъ опасенія, чтобы я не приняла кого-нибудь, я была запираема на ключъ до его возвращенія въ шесть часовъ, одна съ ребенкомъ въ жаркой и загроможденной спальнѣ, смотрѣвшей окнами въ запущенный садъ.

Ребенокъ спалъ часа два или три. Я вышивала около полуоткрытаго окна, забавляясь иногда движеніемъ моихъ худыхъ рукъ въ яркомъ лучѣ солнца, медленно тянувшихъ разноцвѣтныя нити. Это запиранье не оскорбляло меня: я испытывала словно какое-то наслажденіе въ этомъ полномъ уничтоженіи во мнѣ всякаго непокорнаго чувства, въ этомъ восточномъ рабствѣ. Въ сущности, это я еще отдыхала, еще возстанавливались мои силы. О тюремщикѣ моемъ я думала со все болѣе широкой жалостью, съ почти ясно-спокойной покорностью судьбѣ. Любовь? Я дала ему надежду на нее, и онъ сразу въ ней увѣрился. Въ объятіяхъ его я, правда, почувствовала себя каменѣющей; но это только побуждало меня вознаграждать инымъ образомъ того, кому я не могла полностью отдать своей личности. Несомнѣнно, я была рождена не для радостей, а для страданій любви...

Онъ казался удовлетвореннымъ моей спокойной покорностью. Если онъ вспоминалъ прошлое, то только для того, чтобы спрашивать меня, чего мнѣ не доставало, и откровенно упрекать себя за это. Мнѣ было тяжело отвѣчать ему, я хотѣла бы его щадить, но иногда желаніе высказаться становилось сильнѣе меня. Это служило провѣркой скорѣе для меня самой, чѣмъ для него. То были изліянія ума, нерѣшительно, колеблющимися шагами открывавшаго себѣ путь, медленно пріобрѣтая вновь свою силу и свою независимость. Тяжелыя, жалкія, отрывочныя воспоминанія о быломъ времени, уже затянувшемся туманомъ, о прошедшей и дѣйствительно законченной жизни. Говоря, я чувствовала, какъ мое лицо теряло постепенно выраженіе нѣжной кротости и складывалось въ холодную маску съ сухими глазами, устремленными въ одну неопредѣленную точку,—кто знаетъ, въ прошедшемъ, или въ будущемъ. И я должна была дѣлать усиліе, чтобы оторваться отъ этого минутнаго и самой

мнѣ невѣдомаго убѣжища, чтобы перевести на болѣе отрадныя мысли слушавшаго меня, видя, что онъ со своей стороны погруженъ въ видѣнія, вызывавшія у него на лбу горестную и наивную складку, какъ у человѣка, старающагося понять какое-нибудь значительное явленіе, и которому удается только усмотрѣть собственное недовѣрчивое безсиліе.

Сынъ нашъ растворялъ намъ сердца, заставлялъ насъ вѣрить во взаимныя обѣщанія поддерживать мирныя отношенія. Это именно сынъ мой, именно ощущеніе, что онъ еще есть у меня, маленькій и улыбающійся, непрестанное, хотя никогда и не высказанное воспоминаніе о томъ ночномъ прощаніи, когда я представила себѣ мое родное дитя однимъ на свѣтѣ, не знающимъ тайны матери,—а также, не менѣе того, сознаніе страстной заботливости, которой я никогда бы не отняла отъ него въ прежнее время,—несомнѣнно именно все это съ первыхъ же дней сдѣлало мнѣ отрадной возобновленную жизнь. Для него, для него, для него... Жить столько, чтобы создать себѣ вновь яркую душу, чтобы мочь быть матерью въ величайшемъ значеніи этого слова,—неужели это была только мечта? Я нагибалась надъ постелькой, смотрѣла на лицо спящаго сына съ очаровательными, чистыми и уже опредѣленными линіями, и покойная увѣренность проникала мнѣ въ душу. У него я только мысленно могла просить прощенья; я не чувствовала себя при этомъ приниженной; можетъ быть, это было отъ сознанія, что никогда не ослабѣвала моя любовь къ нему, что онъ всегда занималъ первое мѣсто въ моихъ мысляхъ, даже и въ часы безумія: это заставляло меня чувствовать себя всегда достойной его безсознательнаго благословенія. Можетъ быть, это былъ только законъ крови: я инстинктивно представляла себѣ эти рожденные мною члены оживляемыми и теперь, и всегда въ будущемъ однимъ и тѣмъ же общимъ со мною дыханіемъ; это *мое* дитя должно будетъ отражать въ жизни мои поступки, бороться вмѣстѣ со мною во имя стремленія къ высокому.

Въ первый разъ я вполнѣ сознала благодѣтельное вліяніе близости сына; моя любовь къ нему стала глубже и въ то же время проще, потерявъ то, что было въ ней дѣтскаго и болѣзненнаго. Его имя было мнѣ талисманомъ для настоящаго, девизомъ для будущаго; оно очерчивало новый горизонтъ своими немногими слогами.

Тѣмъ временемъ фактическая жизнь дома продолжала идти, нескладная и сѣрая. Сестры мои, ничего не знавшія о происшедшемъ, отправились провести нѣсколько недѣль къ роднымъ въ Туринъ, и я сидѣла взаперти подъ предло-

гомъ избѣжанія докучливыхъ, лукавыхъ или любопытныхъ взглядовъ. Свекровь и золовка, по счастью, были далеко. Иногда по утрамъ приходилъ на нѣсколько минутъ докторъ. Онъ былъ менѣе разговорчивъ, чѣмъ прежде. Здоровье мое его озабочивало. Если я упоминала съ подобіемъ улыбки о продолжавшемся затворничествѣ, онъ опускалъ голову, и по лицу его пробѣгала быстрая тѣнь; потомъ онъ, съ неускользавшимъ отъ меня усиліемъ, превращалъ сказанное въ шутку. Онъ только побуждалъ меня не позволять себѣ падать духомъ, требовать какого-нибудь развлеченія, проѣхаться куда нибудь въ ожиданіи болѣе ясныхъ дней. Онъ игралъ съ ребенкомъ, радуясь, что находилъ его безукоризненно здоровымъ и оживленнымъ, несмотря на то, что онъ былъ лишенъ воздуха и движенія. И съ каждымъ посѣщеніемъ обращеніе доктора со мною становилось все болѣе сердечнымъ и въ то же время болѣе сдержаннымъ, какъ будто въ него проникало новое чувство уваженія ко мнѣ, удивляя его и согрѣвая ему душу. Я была ему за это благодарна; его присутствіе приносило мнѣ тихій звукъ изъ обширнаго міра, который я считала умершимъ для меня, заставляло меня невольно чувствовать, что меня влекло еще къ этому міру, хотя я и страдала въ немъ столько.

Отъ него я узнала, что послѣдствія моего приключенія еще не были исчерпаны. Обвиненію повѣрили въ городкѣ лишь немногіе; большинство представляло себѣ, что все было не болѣе, какъ увлеченіе, прерванное въ самомъ началѣ; но вопросомъ этимъ завладѣла враждебная партія. Моя честь была въ ея власти, поэтому надо было отстаивать ее.

По существовавшимъ понятіямъ, это надлежало дѣлать моему мужу. Но тотъ человѣкъ, который былъ всему виною, держалъ себя, какъ непосредственно затронутый въ этомъ дѣлѣ, и дѣлалъ все, чтобы получить вызовъ на дуэль, чтобы показать свое превосходство, какъ бреттера, и, безъ сомнѣнія, чтобы заставить думать, что имѣетъ личныя причины для защиты моей чести...

Всѣ эти чудовищныя извращенія всякаго нравственнаго чувства не поразили бы меня глубоко, настолько хорошо я знала развращенность и лицемѣріе окружавшей среды, еслибы онѣ не открыли мнѣ новой черты въ характерѣ мужа. Я замѣтила, что онъ находилъ дуэль необходимой, но для того, чтобы защитить не меня,—а себя самого; страдало только его самолюбіе. И въ то же время онъ боялся.

Докторъ приложилъ всѣ усилія, чтобы уладить дѣло. Послѣ многихъ переговоровъ „адвокатикъ“ кончилъ тѣмъ, что выдалъ секундантамъ моего мужа напыщенное и вычур-

ное заявленіе, въ которомъ я была названа „заслуживающею совершеннѣйшсе уваженіе“.

Мужъ призналъ себя удовлетвореннымъ, и видимо были удовлетворены обѣ стороны, разбиравшія вопросъ о моемъ добромъ имени, какъ общественное дѣло.

Я не хотѣла признаться себѣ въ томъ,—но восторженность самоотверженія совершенно упала во мнѣ; исчезло наслажденіе покорностью, прекратилось молчаніе неудовлетворенной совѣсти.

Всѣ причиненныя мнѣ оскорбленія, вся низость, проползшая мимо меня, и компромиссы, и ложь, алчность тѣла и презрѣнность духа, чудовищныя и грустно-комичныя происшествія—вновь всплыли въ охваченной ужасомъ памяти, напрасно призывавшей миръ, забвеніе... То былъ самый напряженный часъ долгаго, полнаго ужаса дня: палящій полдень надъ опустошеннымъ полемъ. Ничто больше не скрывалось отъ меня обманчивыми завѣсами. Унижая себя, я не могла имѣть утѣшенія и въ оправданіи моего угнетателя. Ничто не стояло надо мною, обреченной приниженною идти своимъ путемъ. И мой сынъ,—мой сынъ былъ также жертвой при двухъ связанныхъ другъ съ другомъ осужденныхъ. Кто могъ бы спасти его, увести его далеко, гдѣ кто-нибудь передалъ бы ему качества, достойныя человѣка?

XI.

Съ прекращеніемъ этого отвратительнаго разбирательства мужъ сталъ спокойнѣе и совершенно оставилъ возвраты къ прошлому. Онъ поддерживалъ еще нѣсколько времени свои запреты, и я все еще не выходила, проводя дневные часы, запертая на ключъ, все еще были перенумерованы у меня листы почтовой бумаги, я все еще могла видѣть только родныхъ, доктора и служанку,—все это подъ внѣшностью широчайшей видимой свободы и съ наивными пріемами, которые забавляли бы меня, если бы мои двадцать лѣтъ не были непоправимо закрыты для смѣха. Я старалась устранять отъ него поводы къ озабоченности, даже предупреждать его требованія, но теперь уже болѣе изъ желанія охранять спокойствіе мое и моего сына, чѣмъ изъ состраданія къ нему. Онъ снова сталъ тупымъ, слѣпымъ и покойнымъ, какъ и прежде. Стремясь къ покойно благополучной жизни, онъ въ концѣ концовъ поздравлялъ себя съ происшествіемъ, отдавшимъ меня ему въ руки побѣжденной, смирившейся, пассивной. Я безъ негодованія наблюдала быстрое возстановленіе его нормальнаго облика. Я была теперь уже не въ силахъ что-либо сдѣлать ни для себя, ни для него.

Въ тѣ дни безконечнаго одиночества, въ молчаніи, куда не проникалъ никакой призывъ человѣка, дѣйствительно лишенная всякой надежды и всякой вѣры, я нашла точку опоры для своего спасенія въ одной книгѣ.

Это была первая книга, которую я брала въ руки послѣ многихъ мѣсяцевъ,—ее прислалъ мнѣ отецъ, съ которымъ мы видѣлись рѣдко, и который, вѣроятно, съ горечью считалъ меня молчаливой жертвой послѣ того, какъ я не приняла его предложенія перейти къ нему въ домъ въ тѣ критическіе дни.

Авторъ книги былъ молодой соціологъ, и это сочиненіе, недавно появившееся, разносило теперь его имя по всей Европѣ. Онъ говорилъ о своихъ путешествіяхъ въ молодыя страны и съ художественной живостью наводилъ незнающихъ и скептиковъ на размышленіе о важныхъ вопросахъ, вытекавшихъ изъ сопоставленія двухъ цивилизацій. Тонкая способность проникать въ смыслъ наблюдаемаго, положительная геніальность выводовъ придавали рѣдкую силу впечатлѣнія этому произведенію, нѣсколько поспѣшно написанному, но сильно и смѣло задуманному, каждая страница котораго оживлялась благороднымъ чувствомъ человѣчности.

Можетъ быть, если бы вмѣсто этой книги мнѣ въ руки попала въ ту минуту поэма, проникнутая духомъ языческаго міра, или какое-нибудь мистическое сочиненіе, моя судьба была бы иною, чѣмъ стала? А, можетъ быть, мнѣ не встрѣтилось бы и никакого подобнаго вліянія, и я погрузилась бы въ неисцѣлимое засыпаніе?

У меня не полились слезы, я не пришла въ восторженное возбужденіе, не почувствовала въ себѣ никакого переворота. Эти страницы своей сущностью соотвѣтствовали развивавшемуся во мнѣ съ дѣтства строю мыслей. Но именно потому, что онѣ не раскрывали передо мною невѣдомыхъ безднъ, именно потому, что онѣ съ осторожной, деликатной, почти незамѣтной силой вводили меня вновь въ области, заселенныя зарождающимися мыслями, словно нашептывая мнѣ о богатствѣ, слишкомъ долго бывшемъ въ пренебреженіи,—онѣ явились въ тотъ часъ рѣшающими мою судьбу.

Меня охватывало медленное очарованіе, когда я,—запертая въ комнатѣ, рядомъ съ занятымъ своими играми ребенкомъ,—размышляла о прочитанномъ, вспоминала давнишніе разговоры изъ дѣтскихъ еще временъ, добавляла прочитанное своими замѣчаніями и разсужденіями, участвовала безсознательно въ идеальномъ строительствѣ міра. И это очарованіе заставляло недавнія отчаянныя видѣнія молчаливо отступать, дѣлало одиночество благотворнымъ, охра-

няло меня среди мелочей дѣйствительности, выдвигавшихъ на видъ свое неисцѣлимое ничтожество и свою горестность.

Когда здравый разсудокъ побѣждалъ ревнивость моего мужа, и ему приходило въ голову пойти со мной погулять, я испытывала невыразимо гнетущее непріятное чувство отъ взглядовъ людей и отъ страха встрѣтиться лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, могшимъ вновь зажечь въ душѣ моего спутника первоначальную звѣрскую грубость. Замѣтивъ иногда вдали знакомую фигуру, одну или въ группѣ другихъ, и уклоняясь отъ встрѣчи съ нею въ молчаливомъ согласіи съ мужемъ, тоже проницательно оглядывавшимъ улицу,—я признавала себя презрѣнно малодушной. Зачѣмъ я не смотрѣла на существованіе того человѣка, какъ на обстоятельство, меня не касавшееся? Развѣ не испытывала я къ нему ненависть и не дрожала, какъ дрожатъ при имени болѣзни, приведшей насъ или кого-нибудь намъ дорогого на край могилы? И этотъ ужасъ охватывалъ меня также, когда я бывала съ моими сестрами, ставшими теперь цвѣтущими молоденькими дѣвушками. Возникнетъ ли у нихъ когда-нибудь подозрѣніе? И дойдетъ ли до нихъ клевета, хотя бы черезъ нѣсколько лѣтъ?

Старшая изъ дѣвушекъ уже нѣсколько времени была любима однимъ молодымъ инженеромъ изъ сосѣдняго городка, человѣкомъ пылкаго ума, съ порывистымъ темпераментомъ, рожденнымъ для борьбы, съ головой, полной новыхъ идеаловъ. Я побудила сестру,—ей было семнадцать лѣтъ,—глубоко заглянуть въ себя прежде, чѣмъ отнимать надежду у молодого человѣка. И теперь послѣ долгаго періода неувѣренности, дѣвушка объявила отцу, что отвѣчаетъ на эту любовь и будетъ ждать, когда женихъ найдетъ возможность упрочить свою карьеру, чтобы выйти за него; и такъ какъ отецъ въ виду предстоящей еще отсрочки, не сталъ дѣлать препятствій, показавъ только, что мало доволенъ,—то они переписывались, видѣлись на прогулкахъ, изучали другъ друга, и пылкая любовь одного перерождалась въ покровительствующую привязанность, расположеніе другой—въ признательную преданность; въ нихъ создавалось чувство взаимнаго уваженія, благодаря которому будущее рисовалось все болѣе прочнымъ передъ ихъ полными вѣры взорами. Такимъ образомъ, въ домъ, долгое время лишенный всякаго свѣта, проникало силою любви вѣяніе новой, болѣе высокой и болѣе серьезной жизни, проникало постороннее вліяніе, которое скоро должно было стать могущественнымъ и благотворнымъ. Радуясь этому, я покровительствовала ихъ любви, пламя которой казалось мнѣ

пламенемъ моей мечты, едва намѣтившейся когда-то и не осуществившейся.

Къ концу лѣта мужъ рѣшилъ предпринять путешествіе, чтобы отдохнуть и развлечься, поправить мои истощенныя нервныя силы и укрѣпить здоровье ребенка.

Недѣля, проведенная нами въ Венеціи, была печальна, несмотря на волшебное очарованіе города, несмотря на сладчайшую нѣгу, вливаемую имъ даже и въ наиболѣе отчаявшихся. Ребенокъ мѣшалъ намъ аккуратно посѣщать музеи и церкви; сверхъ того, мужъ, при отсутствіи прирожденнаго вкуса и полномъ невѣдѣніи искусства, не былъ пріятнымъ спутникомъ, портя мнѣ часто даже и самыя непосредственныя впечатлѣнія. Уѣхавъ оттуда, мы почувствовали себя точно облегченными; но и въ отдаленномъ уголкѣ Тироля, выбранномъ нами для остановки, печальность не исчезла.

Мѣсто было чудесное: узкая долина, шумящая водопадами, покрытая зеленью сосенъ и елей, заключенная въ раму гигантскихъ бѣлоснѣжныхъ вершинъ. Мое дѣтство, мое дѣтство, возвращавшееся съ этими суровыми пейзажами, съ дикими ароматами, съ широкими и простыми звуками! Съ какихъ поръ было оно погребено у меня въ памяти? О, быть одной съ моимъ сыномъ среди этихъ лѣсовъ, учить его въ школѣ природы, сдѣлать такъ, чтобы въ далекомъ будущемъ волна дѣтскихъ воспоминаній никогда не прилила къ нему съ такимъ раздираніемъ сердца, какъ коснулась она меня въ эту минуту,—чтобы вся жизнь его развилась гармонически, какъ жизнь благороднаго въ благородной странѣ!

Какъ доволенъ былъ малютка, отважно дѣйствуя своими ножонками по поросшимъ травой тропинкамъ, привѣтствуя стада съ серебристо звучавшими колокольчиками! Въ маленькой гостинницѣ, гдѣ мы жили, онъ былъ улыбкой, изящнымъ цвѣткомъ, ароматъ котораго всѣ стремились вдохнуть въ себя поцѣлуемъ,—еще и прибывшій откуда-то издалека, изъ какой-то мѣстности Италіи, которую эти тоскующіе, задумчивые и молчаливые братья наши не знали, гдѣ и искать на картѣ...

И мужъ мой, впервые знакомившійся съ горами, былъ также доволенъ и расточалъ восторженныя восклицанія и наивныя замѣчанія, какъ всегда, увѣренный въ своемъ сужденіи, гордый, что такимъ утонченнымъ образомъ тратитъ свои сбереженія, желавшій видѣть, чтобы и я выражала свое удовольствіе. И когда онъ замѣчалъ во мнѣ грусть, то возмущался этимъ, какъ преступленіемъ. Что я за женщина? Ничто меня не удовлетворяетъ!

Раскаявшись, онъ стремился потомъ побудить меня составлять какіе-нибудь планы на время нашего возвращенія домой, попробовать снова развлечься писаньемъ... Отчего я не вдохновляюсь въ этомъ дивномъ мѣстѣ?

Я устало слушала его, какъ слушаютъ прохожаго, говорящаго вамъ о вашемъ здоровьи, ничего о васъ не зная. Я и сама не знала въ ту минуту, что было мнѣ нужно. Я чувствовала только, какъ безмѣрно растетъ мое одиночество, мое душевное уединеніе; хотя я и ставила себѣ въ обязанность выражать мужу воспринимавшіяся мною впечатлѣнія, быть для него какъ бы открытой книгой,—я хорошо понимала, что глубочайшая сторона моей жизни оставалась неприкосновенной, что я даже и при желаніи не смогла бы дать ему возможность помочь мнѣ въ продолжавшейся во мнѣ работѣ самоизслѣдованія. И словно какой-то внутренній трепетъ непрестанно владѣлъ мною. Какъ припомнить подобный періодъ жизни? Иногда по утрамъ мы испытываемъ отчетливое ощущеніе, что проведенная ночь была полна величественныхъ видѣній, и въ бѣглыя минуты полусна пережита была нами глубокая жизнь; но намъ не удается возстановить видѣнія, ни возсоздать жившія ночью мысли; а потомъ мы замѣчаемъ, что каждый нашъ новый поступокъ, идущій дѣйствительно изъ глубины, не изумляетъ насъ самихъ, такъ какъ внутренняя, глубочайшая часть нашего существа уже имѣла предвѣстіе объ этомъ.

Послѣдній день, проведенный нами въ горахъ, остался у меня страннымъ образомъ запечатлѣннымъ въ зрительной памяти,—страннымъ образомъ для меня, запоминающей почти исключительно, я бы сказала, психическія черты мѣстностей, гдѣ мнѣ случается бывать; то есть, въ воспоминаніи я придаю каждой мѣстности ту физіономію, которую дала ей моя душа въ то мгновеніе, когда воспринимала ее въ себя, когда почувствовала ее рамой, окружившей ея чувства. Вижу широкую дорогу, по которой мы должны были на слѣдующее утро часами спускаться къ желѣзной дорогѣ, по направленію къ Бенако. Воздухъ былъ сѣрый и сырой. Тѣмъ не менѣе всѣ звуки и всѣ предметы обладали необыкновенной отчетливостью. Все казалось какъ-то болѣе широкимъ, и значительнымъ, и опредѣленнымъ. Мы, медленно шедшіе среди такого громаднаго количества свинцово-сѣраго воздуха,—что были мы такое, если не маленькія, преходящія точки, съ суровой любовью хранимыя Землею? Впервые, можетъ быть, въ жизни я охватывала эту Землю почтительной сыновней мыслью. Время и пространство становились, казалось мнѣ, текущими и уносили меня своимъ

потокомъ: я была движущимся Человѣчествомъ, Человѣчествомъ, не видящимъ цѣли, но, однако, воспламененнымъ идеаломъ, Человѣчествомъ—рабомъ установленныхъ законовъ, но побуждаемымъ мятежной волей разбивать ихъ и создавать себѣ существованіе выше этихъ законовъ...

Какъ разъ въ этотъ день я кончила перечитывать книгу, такъ захватившую меня нѣсколько недѣль передъ тѣмъ и бывшую мнѣ скромнымъ и постояннымъ спутникомъ все время пребыванія въ горахъ. Во мнѣ сливались два послѣдовательныя ощущенія: впечатлѣніе, вызванное во мнѣ мыслями, развернувшимися въ мозгу по поводу прочтеннаго, съ впечатлѣніемъ, творцомъ котораго была окружавшая меня природа, которую я готовилась покинуть. И изъ этого исходило тайное пламененіе, знакомое только глубоко вѣрующимъ или глубоко влюбленнымъ: тѣмъ, которые горячо любятъ жизнь внѣ себя самихъ. *Я* съ моей ничтожностью и моимъ горемъ исчезала; передъ моими глазами стояла только красота этого человѣческаго усилія, вздымающагося среди обширности міра.

Душа жадно воспринимала и сберегала это зрѣлище. То не было великое откровеніе, то была медленная подземная работа всходовъ, уже чувствующихъ тепло близкаго солнца и боящихся, и жаждущихъ полнаго его блеска.

По возвращеніи нашемъ домой докторъ сообщилъ мнѣ, что жена того человѣка умерла, и что онъ, оставивъ маленькаго сына ея родителямъ, уѣхалъ въ Америку, тѣмъ искателемъ приключеній, какимъ былъ по существу,—безо всякихъ плановъ и съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться. Это былъ послѣдній разъ, что я слышала о немъ. Я заплакала послѣ ухода доктора. Я была свободна, теперь жизнь станетъ болѣе легкой и болѣе дѣятельной, на благо моего сына; съ возвращеніемъ чувства увѣренности человѣку, который обладалъ мною, я получала обратно и всѣ мои права; не имѣя больше передъ собою никакого образа изъ прошлаго, я сама могла теперь стать болѣе покойной и ясной, могла мало-по-малу снова пріобрѣсти вѣру въ свои силы... Откуда же эти слезы? Словно кусокъ живого мяса разрывался во мнѣ около раны, отъ которой я освобождалась. Значитъ, не умерла во мнѣ вѣра въ любовь, въ существованіе могучей и свѣтозарной любви, если я плакала, прощаясь навѣки съ тѣнью, обманувшей меня на мгновеніе? Человѣкъ, съ которымъ я обмѣнялась обѣщаніями счастья, удалялся, навсегда исчезалъ въ водоворотѣ. Зналъ ли онъ, что воспоминаніе о немъ не могло исчезнуть у меня, такъ какъ его мимолетное пребываніе на моемъ пути отмѣтило мое превращеніе? Несомнѣнно, нѣтъ; и мое

имя, произнесенное передъ нимъ когда-нибудь, черезъ много лѣтъ, не пробудитъ въ немъ ничего, кромѣ чувства досады.

Горечь не просилась мнѣ на уста, но сердце снова отдалось смертельной печали, болѣзненному удовлетворенію безутѣшнымъ мракомъ и пустотой. И такъ днями, недѣлями. Мой мужъ, все болѣе успокоивавшійся, все тверже намѣревавшійся жить въ мирѣ, былъ озабоченъ, однако, непреодолимымъ гнетомъ, пригибавшимъ меня до земли, и настаивалъ, чтобы я занялась образовательнымъ чтеніемъ, чтобы писала, хотя бы свои воспоминанія, исторію моего заблужденія. Да, онъ былъ покоенъ и любовался собою; его доброта казалась ему заслуживающей быть воспѣтой въ какой-нибудь поэмѣ. Онъ принесъ мнѣ большую пачку бѣлой чистой бумаги, при взглядѣ на которую я почувствовала, что краснѣю. До такой степени можетъ доходить безсознательность?.. Но нѣсколько дней спустя, въ теплый осенній день, послѣ полудня, когда ребенокъ былъ у моихъ сестеръ, я оказалась съ перомъ въ рукахъ надъ первыми строками первой страницы тетради. О, сказать, сказать кому-нибудь мое горе, сказать это хотя бы даже самой себѣ, только самой себѣ, въ новой, опредѣленной формѣ, которая открыла бы мнѣ какой-нибудь еще темный уголокъ моей судьбы!

И я писала,—часъ? два? — не знаю. Слова лились, строгія, почти торжественныя; переживаемый мною психологическій моментъ развертывался передо мною; я спрашивала, можетъ ли стать мое горе плодотворнымъ, опредѣляла, что чувствую какъ бы странное какое-то броженіе въ умѣ, какъ бы предвѣстіе далекаго расцвѣта. Никогда, въ самомъ дѣлѣ, я не ощущала въ себѣ такой рѣшительной силы выраженія и такой проницательной способности къ анализу. Что могло ждать меня? Должна ли я собрать всю свою энергію, стараться завоевать себѣ миръ, участвуя въ работѣ человѣчества, единственной облагораживающей жизнь? Или никогда, никогда больше счастливая улыбка не украситъ меня передъ глазами сына?

Перо мое остановилось, я побѣжала въ спальню, упала на колѣни на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ той—далекой уже теперь—ночью, шептала маленькому спящему существу о моемъ рѣшеніи умереть. Какъ случилось, что изъ устъ моихъ съ рыданіемъ вырвалось имя моей матери? Какъ случилось, что меня охватила пронизывающая потребность молиться, призывать ту тайную Силу, къ которой столько разъ прибѣгало, должно быть, сердце моей матери, когда его переполняло горе? Не знаю. То былъ единственный

разъ въ моей жизни, что я жаждала вѣры въ Божественную Волю, что я со сжатыми руками ожидала ея. И въ этомъ призывѣ было все отчаяніе души, чувствующей себя слабой, обезсиленной въ ту самую минуту, когда увидѣла передъ собою длинный предстоящій путь... Я неудержимо, но сознательно простиралась душою; была ли то боязнь новой, иной чѣмъ прежде и болѣе жестокой ошибки моего сердца, воспламененнаго идеаломъ? Можетъ быть... Призывая заступничество матери, моей безумной матери, я, казалось, хотѣла отречься отъ гордости моего прошлаго, не только гордости въ будущемъ; я напоминала себѣ ея роковое пораженіе и тщетность всякаго возмущенія въ людяхъ, отмѣченныхъ, какъ она, несчастіемъ. Она желала, чтобы, по крайней мѣрѣ, дѣти ея были спасены, а я, въ свою очередь, чего просила бы я у Бога, который явился бы мнѣ? Удалить отъ головы моего ребенка горе, сдѣлать такъ, чтобы я могла вести его по свѣтлымъ путямъ... А если я не буду услышана? Если цѣпь будетъ тянуться такъ въ глубь вѣковъ?

Мужъ, приходившій иногда въ теченіе дня удостовѣриться, что я не злоупотребляю данной мнѣ крупицей свободы, засталъ меня на колѣняхъ. Я быстро вскочила, охваченная чувствомъ стыда: я представляла для него картину слабости! И я поняла, что поддалась припадку нервовъ, все еще будучи жалкой больной.

Онъ тревожно сталъ спрашивать, что со мной,—я успокоила его жестомъ, между тѣмъ какъ у меня хлынули обильныя облегчающія слезы. Благословенныя! Наконецъ, я вновь пріобрѣтала себя, наконецъ, принимала себѣ въ душу тяжелую задачу идти свой путь одной, бороться одной, извлекать на свѣтъ все, что во мнѣ было сильнаго, хорошаго, красиваго; наконецъ, я краснѣла отъ своихъ безполезныхъ раскаяній, отъ своего долгаго безплоднаго страданія, отъ заброшенности, въ которой оставляла свою душу, почти ненавидя ее. Наконецъ я снова чувствовала привлекательность и ароматъ жизни, какъ въ пятнадцать лѣтъ.

XII.

Послѣдовалъ странный, напряженный періодъ, въ продолженіе котораго я жила только чтеніемъ, размышленіями и любовью моего сына. Все остальное стало для меня совершенно безразличнымъ. Я испытывала только чувство отдохновенія, доставлявшееся мнѣ такой жизнью, однообразной, безъ ухищреній и безъ страховъ.

Молчаливый инстинктъ заставлялъ меня отстранять отъ себя вопросы чувства, а также держалъ меня далеко отъ романическихъ чтеній, такъ нравившихся мнѣ въ отрочествѣ. Вопросы же соціальные не заключали въ себѣ ничего опаснаго для моего воображенія. Я шла до сихъ поръ въ жизни, неся съ собой невообразимую путаницу гуманитарныхъ принциповъ, причемъ во мнѣ никогда не возникало желанія дать имъ какое бы то ни было обоснованіе. Съ дѣтскихъ лѣтъ я втайнѣ питала любовь къ малымъ и несчастнымъ, хотя и слушая въ то же время самодержавныя теоріи отца. Мои школьныя сочиненія содержали по этому вопросу риторическія поправки, удивлявшія меня и льстившія мнѣ, и вызывавшія у отца добродушную улыбку. Въ моемъ воспитаніи была странная смѣсь. Во мнѣ не было развиваемо чувство гармоніи. Никакихъ безсмертныхъ страницъ не было мнѣ дано для прочтенія впродолженіе моего дѣтства. Прошлое почти не существовало для меня, не шло дальше моихъ дѣдовъ, упоминаніе о которыхъ мнѣ приходилось иногда слышать; и исторія, которой меня учили въ школѣ, не представлялась мнѣ, какъ мое собственное существованіе, до безконечности продолженное назадъ въ прошлое, но стояла въ моемъ воображеніи, какъ какая-то декорація, какъ туманныя картины. Такъ что я могла теперь обращаться только къ непосредственно-современной дѣйствительности. И все стало для меня предметомъ изслѣдованія. Съ исключительной напряженностью влекло меня разсматривать человѣка, и я создавала себѣ безсознательными усиліями культъ человѣчества и не только теоретическій. Если семейныя обстоятельства не наводили меня на мысль всмотрѣться глубже въ явленіе соціальныхъ неравенствъ,—то, что я случайно замѣчала въ школѣ и на улицахъ, вкладывало мнѣ въ душу смутное желаніе дѣятельности, направленной на возстановленіе попраннаго равенства.

Уѣхавъ изъ города и попавъ въ некультурную страну, я очень скоро, подъ исключительнымъ вліяніемъ отца, утратила это ощущеніе широкаго братства, властнаго и плодотворнаго въ большихъ центрахъ, и стала представлять себѣ міръ, какъ небольшое количество развитыхъ умовъ, которымъ служатъ роковымъ образомъ невѣжественныя и почти безчувственныя массы. Но и этотъ взглядъ не замедлилъ быть разбитымъ, и первой причиной того былъ, если не ошибаюсь, незначительный случай, происшедшій, когда мнѣ было около четырнадцати лѣтъ. Какъ-то разъ у насъ завтракалъ владѣлецъ фабрики, титулованный милліонеръ. Перелистывая одинъ выписываемый отцомъ журналъ, онъ замѣтилъ, что журналъ хорошъ, но „слишкомъ дорогъ". Это

подняло въ моихъ глазахъ мою семью передъ богачемъ, державшимъ два выѣзда и не имѣвшимъ ни одного журнала... Я слишковъ расхрабрилась въ болтовнѣ и, говоря о своей службѣ, выразилась: „Наша фабрика“. И когда мать поправила меня, графъ замѣтилъ:

— Оставьте! Это какъ мой кучеръ, который говоритъ: „мои лошади“.

Мгновенно охватившее меня негодованіе поколебало и мое представленіе объ общественномъ строѣ.

Затѣмъ, замужество создало какъ бы перерывъ въ моемъ умственномъ развитіи.

И вотъ, наконецъ, въ меня проникало ощущеніе болѣе широкой жизни, моя внутренняя задача становилась менѣе темной, озарялась отблескомъ другихъ, болѣе широкихъ задачъ, и до меня доносился отголосокъ живыхъ интересовъ и стремленій другихъ людей. Благодаря книгамъ, я не была больше одна, я была человѣкомъ, понимающимъ, сочувствующимъ и содѣйствующимъ соединенному усилію многихъ. Я чувствовала, что человѣчество страдаетъ отъ своего невѣжества и своей тревожности, и что избранные призваны страдать болѣе другихъ, чтобы двигать впередъ завоеваніе.

Однажды, въ дѣтствѣ моемъ, отецъ говорилъ мнѣ о Христѣ. Онъ сказалъ, что то былъ лучшій изъ людей, учитель правды и любви, мученикъ своей совѣсти. Я заключила въ свое сердце это имя, ставшее для меня тайнымъ символомъ совершенства, хотя и не боготворя его, счастливая просто знаніемъ, что существовалъ такой *высшій*, что человѣческое существо могло, при хотѣніи, подняться до представленія идеала божественности, до порыва къ вѣчному. Мнѣ казалась наивной христіанская миѳологія. Христосъ былъ бы ничто, если бы Онъ былъ Богъ; но, если Онъ былъ человѣкъ, Онъ становился красою человѣчества,—не уменьшенный Богъ, но человѣкъ въ высшей степени возможности его силы. И Іисусъ, Іисусъ изъ Назарета, улыбающійся дѣтямъ, Іисусъ, благой къ раскаивающейся, неспособный на вражду и ясно свѣтлый въ ученіи и въ пророчествахъ, всегда стоялъ передъ моей душой, и идеальный образъ, казавшійся мнѣ отуманивавшимся каждый разъ, что я уклонялась отъ добра и правды.

Послѣ мѣсяцевъ,—можетъ быть, послѣ лѣтъ заблужденія, я вновь видѣла улыбку Христа на моемъ пути и обращалась къ нему, какъ къ вдохновляющему источнику. Впродолженіе нѣкотораго времени я мечтала объ ученіи, которое объединило бы дивную кротость заповѣдей Галилеянина, рожденныхъ изъ нѣдръ природы, съ могуществомъ современныхъ теорій, извлеченныхъ изъ знанія и опыта,—

свободу съ волей, любовь со справедливостью. Это было какъ бы внимательное исканіе вѣрнаго пути, какъ бы увѣренность въ существованіи гармоніи.

Между тѣмъ многое кругомъ меня пріобрѣтало значеніе, привлекало мое вниманіе. Я съ медленнымъ недоумѣніемъ замѣчала, что никогда раньше не спрашивала себя, есть ли на мнѣ какая-нибудь отвѣтственность за то, что возмущало меня и наполняло меня жалостью въ окружающемъ мірѣ. Взглянула ли я когда-нибудь серьезно на положеніе этихъ сотенъ рабочихъ на фабрикѣ у отца, этихъ тысячъ рыбаковъ, жившихъ скученно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего дома, тѣхъ отдѣльныхъ представителей буржуазіи, духовенства, педагогическаго міра, правительства, знати, которыхъ знала вблизи? Вся эта человѣческая масса никогда не возбуждала во мнѣ ничего кромѣ поверхностнаго любопытства. Не будучи ни гордой, ни склонной къ раболѣпству, я проходила до сихъ поръ между двумя крайними полюсами общественнаго строя, чувствуя себя не имѣющей съ ними ничего общаго.

Мнѣ никогда не приходила мысль, что я нахожусь въ неправильномъ положеніи, что наблюденіе мною міра обставлено исключительно благопріятными условіями. Мое отдаленіе отъ научныхъ книгъ было гораздо менѣе тяжелой виной, чѣмъ то, что я пренебрегала смотрѣть въ великую книгу жизни.

А теперь? Я не могла ни проникнуть въ народъ, ни вернуться въ ту среду, соприкосновеніе съ которой было для меня роковымъ; мое затворничество стало теперь путемъ привычки настолько естественнымъ, что не могло бы быть нарушеннымъ, совершенно не взволновавъ снова жизнь нашего дома. Я должна была ограничиваться улавливаніемъ отголосковъ, доносившихся съ улицы въ мои комнаты.

Молодой человѣкъ, любимый моей сестрой, принялъ этой зимой участіе въ борьбѣ, окончательно отвратившей отъ него душу моего отца: онъ организовывалъ рабочихъ на фабрикѣ, объединялъ ихъ для сопротивленія; соціализмъ проникалъ черезъ его посредство въ страну. Отецъ запретилъ дѣвушкамъ принимать его въ домѣ. Невѣста была разстроена и растеряна. Несмотря на сопротивленіе моего мужа, я пригласила молодого человѣка къ себѣ въ домъ. Какъ сіяли глаза дѣвушки въ первый разъ, когда она встрѣтила у меня безъ предупрежденія любимаго человѣка! Для нея, для другой дѣвочки и для брата моего, уже шестнадцатилѣтняго юноши, я не могла, къ сожалѣнію, сдѣлать ничего другого, какъ только обезпечить имъ эту поддержку. Я совершала слишкомъ большое усиліе для своего возрожде-

нія, чтобы у меня оставалась еще энергія плодотворно посвятить себя этимъ бѣднымъ заброшеннымъ роднымъ моимъ.

Молодой инженеръ съ точностью освѣдомлялъ меня о движеніи, поднимавшемъ рабочія массы во всемъ мірѣ и грозно противоставившемъ ихъ классу, къ которому я принадлежала.

Онъ учился въ Германіи, путешествовалъ и, вернувшись два года тому назадъ въ свои мѣста, гдѣ получивъ руководство работами по постройкѣ новой желѣзнодорожной вѣтви, почувствовалъ настоятельную потребность попытаться сдѣлать что-нибудь для этого жалкаго населенія, откуда и самъ происходилъ.

Моя сестра принимала все на вѣру и безъ разсужденій; эти идеи жили, трепетали въ молодомъ человѣкѣ, и она не могла отдѣлять ихъ отъ него. Я спорила, воспламенялась. Медлительная въ выраженіи своихъ мыслей, изъ любви къ искренности и точности, неопытная въ спорѣ, я пыталась потомъ вернуть себѣ свободу мысли за моимъ письменнымъ столикомъ и писала,—въ той же самой тетрадкѣ, въ которой изливала и свое горе. Мнѣ было пріятно отдаваться этому порыву, хотя я и краснѣла иногда, охваченная опасеніемъ, не становлюсь ли я жертвой зарождающагося глупаго честолюбія, не „играю ли я роль", какъ въ давнія времена, когда я, маленькой дѣвочкой, воображала себя передъ зеркаломъ какой-нибудь очаровательной дамой. Но тѣмъ не менѣе я съ жаромъ продолжала.

Мыслить, мыслить! Какъ могла я такъ долго обходиться безъ этого? Люди и вещи, книги и картины природы,— все вызывало во мнѣ теперь безконечныя размышленія. Изъ нихъ нѣкоторыя удивляли меня, другія заставляли меня улыбаться ихъ наивности; нѣкоторыя, наконецъ, обладали такой дѣйствительной внутренней красотой, что мнѣ хотѣлось любоваться ими, какъ будто бы я видѣла ихъ выраженными благородными начертаніями, предназначенными на то, чтобы волновать множества людей. Разнообразіе ихъ было безконечно. Столько было во мнѣ богатства? Я говорила себѣ, что, должно быть, всѣ люди содержатъ подобное же богатство въ тайникахъ своего ума, и что только обстоятельства являются препятствіемъ тому, чтобы всѣ участвовали въ увеличеніи общаго достоянія. Но убѣждена въ этомъ предположеніи я не была. Столько было кругомъ безсознательности и безпечности!

Докторъ могъ бы дать мнѣ своей наукой основу для моихъ занятій, но онъ не заботился больше о пищѣ для своего ума: не терпящія отлагательства потребности его профессіи слишкомъ занимали его, а его скептицизмъ за-

ставлялъ его считать слишкомъ гадательнымъ измѣненіе вѣками созданныхъ условій, устраненіе наслѣдственнаго физіологическаго убожества. Онъ далъ мнѣ, впрочемъ, нѣсколько книгъ,—трактаты по біологіи, руководства по гигіенѣ, естественной исторіи,—и доброжелательно, хотя не безъ добродушной насмѣшливости улыбался, когда я показывала ему сдѣланныя изъ нихъ выписки и конспекты.

Онъ былъ для меня печально интереснымъ явленіемъ. Я все еще задавалась вопросомъ, дѣйствительно ли существовали и существуютъ ли между нимъ и моей золовкой близкія отношенія, и одно это подозрѣніе казалось мнѣ унизительнымъ. Но какъ онъ жилъ холостымъ? Случай съ моимъ отцомъ заставлялъ меня обращать вниманіе на физіологическую сторону жизни, и я извлекала изъ этого горькія размышленія. Вотъ и этотъ молодой человѣкъ, другъ, относившійся ко мнѣ съ такимъ уваженіемъ и признававшій существованіе возвышенныхъ истинъ, ведшій примѣрную жизнь въ смыслѣ установившихся соціальныхъ понятій,—и у него была скрываемая жизнь,быть можетъ, недопускающая признанія...

Кто смѣлъ сознать и принять ту или другую истину и сообразовывать съ ней свою жизнь? Бѣдная жизнь, мелкая и темная, но сохраненіемъ которой всѣ такъ дорожили! Всѣ угождали себѣ: мой мужъ, докторъ, отецъ мой, какъ соціалисты, такъ и священники, дѣвушки, какъ и продажныя женщины. Каждый покорно несъ свою ложь, примирившись съ ней. Возмущенія отдѣльныхъ личностей были безплодны или гибельны; возмущенія коллективныя еще слишкомъ слабы и почти смѣшны по сравненію съ устрашающей величиной чудовища, которое надо было свергнуть.

И я начала думать, не должна ли быть приписана женщинѣ не малая доля соціальнаго зла? Какъ можетъ человѣкъ, у котораго была добрая мать, стать жестокимъ къ слабымъ, вѣроломнымъ по отношенію къ женщинѣ, которой отдаетъ свою любовь, тираномъ своихъ дѣтей? Но добрая мать не должна быть, какъ была моя, простымъ самоотверженнымъ существомъ: она должна быть *женщиной*,—человѣческой личностью.

А какъ можетъ она стать личностью, если родители отдаютъ ее, невѣдущую, слабую, незавершенную мужчинѣ, принимающему ее не какъ равную себѣ, обращающемуся съ нею, какъ съ предметомъ собственности, дающему ей дѣтей, съ которыми оставляетъ ее одну, въ то время какъ самъ исполняетъ свои общественныя обязанности, чтобы она продолжала играть, какъ въ дѣтствѣ?

Послѣ того, какъ я прочла одинъ трудъ о феминистскомъ движеніи въ Англіи и Скандинавіи, эти размышленія

съ настойчивостью развивались въ моемъ мозгу. Я сразу почувствовала неудержимое влеченіе къ этимъ ожесточеннымъ созданіямъ, возстававшимъ во имя достоинства всѣхъ женщинъ до заглушенія въ себѣ глубочайшихъ инстинктовъ, любви, материнства, привлекательности. Почти незамѣтно мысль моя изо дня въ день на минуту дольше останавливалась на словѣ „эмансипація", о которомъ я помнила, что слышала его раза два въ дѣтствѣ серьезно произнесеннымъ моимъ отцомъ, а потомъ всегда съ издѣвательствомъ всѣми классами мужчинъ и женщинъ. Затѣмъ я сопоставила съ этими революціонерками огромную толпу несознательныхъ, неподвижныхъ, смирившихся,—типъ женщины, сложившійся столѣтіями путемъ подчиненности, образчиками котораго были я, сестры мои, моя мать, всѣ женщины, какихъ я знала. И словно какой то религіозный ужасъ охватилъ меня. Я почувствовала, что прикасаюсь къ порогу *моей* правды, почувствовала, что близка къ открытію самой себѣ тайны моего долгаго, трагическаго и безплоднаго, тревожнаго страданія...

Торжественные часы моей жизни, которые воспоминаніе никогда не сможетъ твердо установить, и которые все же остаются безсмертными передъ очами души моей. Часы, открывшіе мнѣ болѣе высокій удѣлъ человѣчества, кроющійся въ глубинѣ временъ, достижимый усиліями маленькихъ существъ, несовершенныхъ, но столь же благородныхъ, какъ и будущіе властители жизни!

XIII.

Одинъ случай, происшедшій въ главномъ городѣ нашей провинціи, изъ тѣхъ, которые попадаютъ въ газетныя хроники, вызвалъ у меня неудержимое желаніе написать о немъ замѣтку; я послала ее въ одну римскую газету, та ее напечатала. Въ этой замѣткѣ было слово „феминизмъ". И когда я увидѣла его напечатаннымъ, мнѣ показалось, что это рѣзко звучащее слово пріобрѣло внезапно свое полное значеніе, дѣйствительно обозначило для меня новый идеалъ.

Между тѣмъ объемъ исписанной мною бумаги возрасталъ; разрозненныя попытки слѣдовали одна за другой. Наряду съ зрительными впечатлѣніями, съ бѣглымъ изображеніемъ какого-нибудь типа развертывалась сотней обрывковъ нить размышленій о жизни, стремившихся разобраться между собою и пріобрѣсти связь, образоваться въ организмъ. Скрытая пламенность пробѣгала по этимъ листамъ бумаги, и я начинала любить ихъ, какъ нѣчто *лучшее, чѣмъ я*, какъ будто бы они передавали мнѣ мой образъ уже очищеннымъ и убѣждали меня, что я могу жить сильной и полезной

жизнью. Жить! Я теперь хотѣла этого, и уже не только для сына, но и для себя, для всѣхъ.

Я считала себя благополучной въ своемъ одиночествѣ. Суровый путь страданій разстилался, правда, попрежнему передъ моими глазами; но, когда я думала о немъ, меня захватывала мысль о безсчетномъ количествѣ людей, подымавшихся на подобную же Голгоѳу, не находя на вершинѣ и креста, съ котораго ждали бы справедливости въ будущемъ. Тѣсныя толпы женщинъ и мужчинъ,—и каждый все-таки до такой степени лишенъ поддержки! Это—человѣчество? Кто можетъ смѣть опредѣлить его одной формулой? Въ дѣйствительности женщина,—и по настоящее время раба,—совершенно незнаема, и всѣ самонадѣянныя психологическія построенія романистовъ и моралистовъ такъ хорошо показываютъ несостоятельность основныхъ положеній, служившихъ для этихъ произвольныхъ построеній! И мужчина тоже не знаетъ себя самого; безъ своего довершенія, одинъ въ жизни при развитіи, при наслажденіи, при борьбѣ, неразумно отрекшись отъ непринужденной и сознательной радости, которую могло бы дать ему глубокое пониманіе всей красоты міра, онъ остается слабымъ или жестокимъ, и всегда несовершеннымъ. И та, и другой, хотя въ различной мѣрѣ, достойны сожалѣнія.

Никакая книга не могла бы поколебать моихъ новыхъ убѣжденій; и ни одна изъ книгъ, прочитанныхъ мною въ то время, не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія. Я убѣдилась, что критическая способность моя послѣ своего долгаго онѣмѣнія какъ бы расширилась и стала сильнѣе; и въ то же время я обнаруживала у себя въ душѣ горестную тоску по всему тому, что мое воспитаніе оставило во мнѣ въ непоправимомъ пренебреженіи. Поэзія, музыка, искусства красокъ и формы оставались для меня вещами почти неизвѣстными, между тѣмъ какъ все мое существо жаждало вызываемыхъ ими вдохновеній: мысль, которою я жила, стремилась въ иныя минуты стать крылатой, слиться съ лучами и звуками. Когда я писала, неумѣнье передать въ лирической формѣ мой темный внутренній міръ часто причиняло мнѣ острое страданіе: каждая вещь, которой мнѣ не удавалось выразить, падала навсегда обратно въ невѣдомую бездну, откуда выглянула на мгновеніе.

Домашнія обязанности, раньше цѣликомъ лежавшія на мнѣ, исполнялись теперь старой женщиной, взятой нами въ качествѣ постоянной прислуги. Высокая и сгорбленная, съ необыкновенно некрасивымъ, но выразительнымъ костистымъ лицомъ, она показалась мнѣ въ первую минуту

отталкивающе непріятною, но потомъ сразу же завоевала меня своимъ умомъ и своимъ тактомъ. Ея исторія не отличалась отъ исторіи многихъ женщинъ изъ народа, сначала истощаемыхъ материнствомъ, потомъ брошенныхъ эмигрировавшимъ мужемъ, и подъ конецъ эксплуатируемыхъ собственными дѣтьми. Она разсказывала о ней со смиреніемъ и обнаруживая стоическую привязанность къ жизни. Мое вниманіе было ей пріятно и льстило ей; дѣтская наружность моя съ длинной косой и лицомъ, такъ похожимъ на лицо моего ребенка, была для нея съ первыхъ же дней предметомъ удивленія; потомъ мой уединенный образъ жизни, содержаніе разговоровъ съ мужемъ за столомъ, когда онъ бывалъ въ расположеніи меня слушать, внушили ей робкую почтительность, въ которой перемѣшивались гордость, преданность, странныя надежды для себя и для своихъ дѣтей.

Я стала смотрѣть на нее, какъ на смиренную и скромную подругу. Другой у меня не было! Какъ трогательны бывали ея усилія понять меня, когда я пробовала чему-нибудь ее научить! Если приходилось отказаться отъ надежды сообразить что-либо, она пожимала своими сгорбленными плечами: „Ахъ, барышня моя, еслибъ мнѣ на тридцать лѣтъ меньше! Что бы вы изъ меня сдѣлали!“

Вмѣстѣ съ моей свекровью и другой старушкой, приходившей иногда шить у меня на дому бѣлье, она олицетворяла для меня высшую степень покорности моего пола, покорности не только бѣдствіямъ, но также и эгоизму мужчины. Сѣдыя головы, постоянно трясшіяся легкой дрожью, какъ будто отъ безсознательнаго воспоминанія о выстраданномъ, усталыя головы, на которыхъ взглядъ часто не смѣлъ останавливаться,—сколько разъ я мысленно цѣловала васъ! Не за васъ, не по мимолетному состраданію къ вашей судьбѣ, но за горячую волну намѣреній, которыя вы, не зная того, роняли мнѣ въ сердце!

Моя мать тоже руководила моими думами изъ своего страшнаго убѣжища. Я была убѣждена, что еслибы несчастная встрѣтила въ молодости основаніе для дѣятельности внѣ семейнаго круга, она не была бы уничтожена своей бѣдою. Не считала ли я въ двадцать два года, что могу примириться съ жизнью безъ любви? Не находила ли даже извѣстное спокойствіе въ убѣжденіи, что любовь никогда больше не коснется меня?

Я не могла еще ясно сознать всѣхъ недостатковъ и неправильностей моей жизни, продолжавшихъ быть глубокими. Еслибы это удалось мнѣ, это подорвало бы всѣ мои наивныя вдохновенія. Горе было бы мнѣ, если бы я разобрала свою каждодневную жизнь! Но я до такой степени

рвалась изъ границъ того, что должно было бы быть моимъ кругомъ, до такой степени полна была представленіемъ, что совершаю необыкновенное усиліе, что противорѣчіе между тѣмъ, что я думала, и тѣмъ, что переживала, не причиняло боли моей душѣ, создавая во мнѣ только легкое физическое безпокойство.

Въ серединѣ лѣта у меня явилась прямо потребность исполнить одну работу, о которой я размышляла съ нѣкотораго времени, и, принявшись, я окончила ее въ нѣсколько дней; это была маленькая монографія, посвященная соціальнымъ условіямъ той мѣстности, гдѣ я жила, переплетенная личными наблюденіями, проникнутая живымъ чувствомъ и волненіемъ. Я попросила доктора просмотрѣть ее, и когда онъ принесъ ее обратно, почувствовала, что онъ призналъ во мнѣ наличность новой способности, и поняла также чутьемъ,—не задаваясь вопросомъ о томъ, пріятно мнѣ это, или грустно,—что онъ видѣлъ бы въ этомъ охватившемъ меня дѣятельномъ настроеніи новое препятствіе для чувства, которое, можетъ быть, втайнѣ испытывалъ ко мнѣ... Такимъ образомъ, подымаясь нѣсколько выше, я становилась болѣе, чѣмъ когда-либо одинокой.

Что было мнѣ до того? Мое отдаленіе отъ міра было теперь искренно; несмотря на молодость и дарованную мнѣ судьбой красоту, я могла теперь, послѣ того, что пережила, считать себя навсегда свободной отъ всякаго желанія чувства. Мои отношенія съ мужемъ, съ которыми я примирялась съ тоскливой покорностью, не нарушали медленной работы моего сознанія. Когда при чтеніи или въ фантазіяхъ моихъ передо мною возникали древнія и современныя аскетическія фигуры женщинъ, сіяющія своей ледяной чистотой, я не могла не чувствовать себя на минуту ихъ сестрою.

Помню утро, когда я получила журналъ, гдѣ помѣщенъ былъ среди серьезныхъ статей мой очеркъ, въ окончательной отдѣлкѣ котораго докторъ помогъ мнѣ своими совѣтами и поправками. Мой сынъ тотчасъ же взялъ у меня номеръ, нашелъ мою подпись,—онъ не умѣлъ читать, но зналъ, какъ пишутся мои три имени,—и улыбнулся мнѣ умненькой и свѣтлой улыбкой. Эта улыбка была моей наградой, каждодневнымъ поощреніемъ моихъ усилій. Казалось, онъ говорилъ: „Я чувствую, что ты и для меня работаешь, мама, чувствую, что ты расцвѣтаешь, живешь и становишься поэтому доброй и сильной, и готовишь мнѣ сильную и добрую жизнь“...

Въ то утро я отвѣтила сыну такой же улыбкой. Я точно была на высотѣ, держа ребенка за руку и смотря на

безграничную дивную страну прежде чѣмъ вступить въ нее, увѣренная въ своихъ силахъ. Сзади и кругомъ—ничего. Въ смутномъ, но властномъ предчувствіи будущаго господствовали безусловный покой, забвеніе, дающее отдыхъ.

Нѣсколько недѣль спустя, мой мужъ пришелъ однажды домой крайне озабоченный. Какъ разъ въ этотъ день я получила письмо отъ одной извѣстной писательницы, приглашавшей меня сотрудничать въ женскомъ журналѣ, который она основывала по порученію одного новаго издательства. Мнѣ предлагалось скромное вознагражденіе. Я надѣялась, что это развеселитъ мужа; но вмѣсто того онъ сказалъ мнѣ, чтобы я молчала. Онъ узналъ, что у инженера, жениха моей сестры, былъ обыскъ. Въ ту минуту по Италіи катилась волна реакціи. Мужъ взялъ журналъ съ моей статьею и нѣсколько писемъ моихъ старыхъ и новыхъ корреспондентокъ, выражавшихъ мнѣ по поводу нея свое сочувствіе, и бросилъ все въ огонь, прибавилъ туда же кучку газетъ и журналовъ; затѣмъ сталъ рыться въ моихъ бумагахъ...

Тотъ часъ встаетъ въ моемъ воспоминаніи среди самыхъ горькихъ, и въ то же время наиболѣе глубокихъ часовъ моей жизни.

Когда прошла эта паника, я снова стала писать и печатать. Я начинала получать въ письмахъ и въ статьяхъ отзвуки моихъ мыслей. Одинъ итальянскій профессоръ, переселившійся недавно въ Швейцарію, сталъ вести со мной дѣятельную переписку. Черезъ него написала мнѣ также одна молодая венеціанка, женщина-врачъ, и у насъ съ нею путемъ переписки скоро завязалась дружба.

Мое воображеніе заселялось отдѣльными образами, имѣвшими своеобразныя физіономіи при всей неопредѣленности своихъ очертаній. Нѣкоторыхъ изъ моихъ корреспондентовъ, впрочемъ, я даже и не стремилась представить себѣ; одинъ генуэзскій ученый, напримѣръ, посвятившій себя нравственной пропагандѣ среди матросовъ, сталъ мнѣ дорогъ и сдѣлался для меня предметомъ поклоненія, причемъ мнѣ и не приходило въ голову желанія узнать что-либо изъ его частной жизни. У другихъ же, у нѣкоторыхъ молодыхъ людей, печатавшихъ статьи или стихи въ тѣхъ изданіяхъ, гдѣ сотрудничала и я,—я, наоборотъ, сразу представляла себѣ ихъ лица, иногда скромныя, иногда самоувѣренно тщеславныя. Женщины возбуждали во мнѣ больше любопытства: мнѣ хотѣлось, чтобы онѣ всѣ были прекрасны; нѣкоторыя прислали мнѣ свои фотографическія карточки и онѣ дѣйствительно, были привлекательны.

Сестры?

Кто знаетъ! Нѣсколько быстрыхъ разочарованій заставили меня быть осторожной. Мало-по-малу мнѣ начинало выясняться состояніе интеллигентныхъ женщинъ въ Италіи и мѣсто, занимаемое въ ихъ умахъ феминистскими идеями. Съ изумленіемъ удостовѣрялась я, что оно было почти ничтожно; и примѣръ, надо сказать, шелъ сверху, отъ двухъ или трехъ извѣстныхъ писательницъ, открыто враждебныхъ— о иронія противорѣчій! — движенію въ пользу возвышенія женщины.

Впрочемъ, вообще вся женская литературная дѣятельность страны казалась мнѣ лишенной какихъ бы то ни было идеаловъ: пустыя громкія фразы безъ связи и безъ убѣжденія. И въ практической дѣятельности какъ тоже были рѣдки женщины! И изъ этихъ рѣдкихъ большая часть были иностранки.

Наиболѣе молодыя, обладавшія учеными степенями, относились почти съ презрѣніемъ къ завоеванію соціальныхъ правъ. Въ ихъ числѣ была моя новая пріятельница венеціанка, человѣкъ своеобразнаго критическаго ума. Изъ пожилыхъ не одна давала мнѣ понять, что жизнь много терзала ее; и онѣ открыто убѣждали меня не бросаться въ борьбу, умѣрить мою пылкость, преслѣдовать какую-нибудь чистую мечту искусствомъ, если ужъ дѣйствительно меня не удовлетворяла любовь къ моему ребенку и моему гнѣзду. Онѣ несомнѣнно были искренни, и письма ихъ поселяли во мнѣ неувѣренность.

Мой сынъ, маленькій безсознательный философъ, схватывалъ у меня на лицѣ оттѣнки печали и веселости, молчалъ, когда видѣлъ меня погруженной въ мысли, хмурилъ брови, когда замѣчалъ размолвки между отцомъ и мною... Я представляла для него все, что онъ зналъ въ людяхъ лучшаго— была всѣхъ умнѣе и всѣхъ добрѣе; даже мои минуты гнѣва, рѣдкія минуты, за которыя я упрекала себя, и которыя вызывались не оставлявшей меня физической неуравновѣшенностью, не вызывали ни малѣйшей укоризны въ его маленькомъ сердечкѣ; онъ говорилъ себѣ, должно быть, что мама всегда права, и почти всегда просилъ у меня прощенья, разстроенный не понесеннымъ наказаніемъ, но видомъ моего горя... Бѣдный мой мальчикъ, бѣдное обожаемое дитя мое!

Втеченіе двухъ лѣтъ его дѣтство, дѣйствительно, было лучезарнымъ: онъ имѣлъ возможность скопить за это время столько жизненной силы, сколько обыкновенно ребенку не удается пріобрѣсти. Точно какая-то невѣдомая сила предвидѣла будущее и заготовляла въ немъ въ предѣлахъ возможнаго запасъ выносливости.

Два года. Какъ возсоздать по отрывкамъ этотъ свое-

образный періодъ. Я часто гуляла съ сыномъ за руку по пустыннымъ большимъ дорогамъ, похожимъ одна на другую, окаймленнымъ боярышникомъ, весною благоухающимъ, пыльнымъ втеченіе лѣта. Вдали тянулась двойная цѣпь высотъ: впереди холмы, сзади Аппенины. На вершинахъ голыхъ холмовъ выступали старинные укрѣпленные городки, напоминая о среднихъ вѣкахъ своими зубчатыми стѣнами и коричневыми домиками, тѣснившимися вокругъ остроконечной колокольни. Равнина и море иногда ослѣпительно сверкали, иногда были сѣры; въ иные дни царила странная нѣжная тишина, въ другіе—казалось, что каждая травка, каждая капля воды заявляли о своей жизни, и населенный звуками воздухъ остановился словно чувствительнымъ. Линіи этого пейзажа были уже много лѣтъ хорошо знакомы мнѣ; я, какъ въ дѣтствѣ, не анализировала того, что разстилалось у меня передъ глазами, не искала тайны гармоніи, приводившей меня въ умиленное или восторженное состояніе, создававшей во мнѣ ощущеніе отдохновенія или ощущеніе силы, захватывавшей и меня въ свое цѣлое. Я подчинялась этому таинственному и простому очарованію, и въ сердцѣ у меня расцвѣтала горячая признательность. Ко мнѣ шли изъ глубины проявленія жизни земли, шли ко мнѣ, наконецъ, цѣльныя и ясныя, способныя обозначать слезы, радость, любовь, смерть. Было еще не поздно.

Мое прошлое казалось мнѣ теперь какъ бы предопредѣленнымъ какой-то безжалостно мудрой волей. Дѣйствительно, не казалось ли все въ немъ устроеннымъ для подготовленія будущаго?

Я, впрочемъ, не видѣла ясно этого будущаго. И безпорядочно шли впередъ мои попытки при отсутствіи опредѣленной цѣли. Чѣмъ я хотѣла стать? Не журналистомъ: я начинала чувствовать почти полную безполезность такого разбрасыванія недодуманныхъ мыслей. Художникомъ? Объ этомъ я даже не смѣла и думать, преувеличивая свое необразованіе, недостатокъ фантазіи, свое непониманіе красоты...

Книгу... Я не надѣялась написать ее, нѣтъ! Но я рвалась иногда всей душой, воображая себѣ эту книгу, необходимость которой чувствовала,—книгу любви и страданія, которая потрясала бы души и была бы плодотворна, неумолима и полна милосердія, которая показала бы впервые всему міру современную душу женщины и впервые заставила бы затрепетать раскаяніемъ и стремленіемъ душу мужчины, печальнаго брата... книгу, которая выразила бы всѣ мысли, въ безпорядкѣ волновавшіяся во мнѣ впродолженіе двухъ лѣтъ и была бы живою, носила бы отпечатокъ страсти. Неужели никто никогда не напишетъ ее? Неужели

нѣтъ на свѣтѣ женщины, которая выстрадала то, что выстрадала я, которая восприняла отъ одушевленнаго и неодушевленнаго окружающаго остереженія, которыя были получены мною, и сумѣла бы извлечь изъ этого чистую сущность, твореніе стоющее жизни?

XIV.

Однажды послѣ полудня мужъ неожиданно вернулся домой, съ искаженнымъ лицомъ, такъ что на него непріятно было смотрѣть, какимъ онъ становился каждый разъ, когда въ его душѣ разражались первобытныя страсти. Онъ поссорился съ моимъ отцомъ и ушелъ изъ конторы, заявивъ, что никогда больше туда не вернется.

Передо мной пронеслось далекое воспоминаніе: отецъ мой въ тотъ день, когда онъ отказался отъ своего мѣста въ Миланѣ. Какъ онъ былъ радъ, онъ почти смѣялся, оказавшись лицомъ къ лицу съ неизвѣстнымъ но свободнымъ будущимъ!

То же почти радостное спокойствіе почувствовала теперь и я, между тѣмъ какъ мужъ плохо скрывалъ свое сожалѣніе,—не о томъ, что оскорбилъ отца своей жены, человѣка, которому былъ всѣмъ обязанъ, но о томъ, что погубилъ свое положеніе.

Дѣло было непоправимо. Отецъ несомнѣнно не простилъ бы. Его видимое равнодушіе къ дѣтямъ казалось съ нѣкотораго времени превращавшимся въ чувство все болѣе и болѣе горькаго озлобленія, постоянно рвавшагося наружу.

Можетъ быть, это было вліяніе той женщины, съ которой онъ проводилъ большую часть времени, свободнаго отъ занятій на фабрикѣ. Можетъ быть, онъ подозрѣвалъ, не считаемъ ли мы, что это отъ насъ отнимаются тѣ деньги, которыя онъ широко тратилъ на то семейство. Я, въ сущности, еще не рѣшалась судить его: я говорила себѣ, что и онъ въ свою очередь долженъ страдать, утративъ на всегда сердца своихъ дѣтей, что онъ еще не достаточно далекъ отъ своего прошлаго, полнаго умственнаго рвенія и сердечности, чтобы не было въ немъ тоски по этому прошлому. Иногда, когда я бывала у него въ саду, если почему нибудь упоминалось о моихъ статьяхъ, онъ пускался въ споры, переходя отъ растенія къ растенію, и вызывалъ во мнѣ мгновеніями воспоминанія о дѣтскихъ лѣтахъ, объ увлекательныхъ урокахъ среди травъ и цвѣтовъ. Онъ взглядывалъ на меня своими маленькими глазами, блестѣвшими металлическимъ блескомъ и, казалось, спрашивалъ,—развѣ я не нахожу въ немъ что то высшее, чѣмъ все, что я знала;

и у меня тревожно сжималось сердце, являлся какой-то неопредѣлимый страхъ... Какое таинственное, непостижимое предостереженіе представляла изъ себя жизнь этого человѣка!

Когда мужъ увидѣлъ, что ни по собственному почину, ни послѣ того, какъ онъ заявилъ, что беретъ обратно свои слова, отецъ мой не принималъ его обратно, на него нахлынула волна отчаянія. Очевидно, онъ никогда не предполагалъ возможности подобнаго происшествія.

Итакъ, я стояла у поворота пути?

Вопросъ о существованіи не безпокоилъ меня: я съ дѣтства привыкла думать, что у кого есть воля, тотъ всегда найдетъ, чѣмъ жить, и что всякій трудъ достоенъ уваженія. Но мужемъ съ трудомъ усваивалась мысль уѣхать изъ мѣстечка: онъ былъ безъ дипломовъ, почти безъ денегъ, и уже не особенно молодъ; не смотря на обнаруживавшееся имъ всегда высокое представленіе о себѣ, онъ боялся...

Но во всякомъ случаѣ я чувствовала, что мое освобожденіе изъ этой среды неизбѣжно. Кончено было мое молчаливое согласіе на эксплоатированіе, которое отецъ совершалъ надъ рабочими, и которое мой мужъ оправдывалъ, согласіе, за которое я уже нѣсколько времени укоряла себя! Мнѣ казалось, что я теперь вновь пріобрѣтаю уваженіе къ самой себѣ; и особенно мнѣ свободнѣе дышалось при мысли о сынѣ. Вдаль отсюда! Ему можно будетъ забыть это мѣсто, бывшее такимъ злополучнымъ для его матери, гдѣ столько было вредныхъ примѣровъ, противорѣчившихъ моимъ словамъ!

Я высказала отчасти свою радость моему другу доктору. Онъ посмотрѣлъ на меня и промолчалъ. Это молчаніе кольнуло меня въ сердце.

Онъ казался усталымъ, ослабѣвшимъ. Въ мѣстечкѣ былъ тифъ, и онъ, слегка сгорбившись, съ утра до вечера переходилъ изъ одного дома бѣдняковъ въ другой; голосъ его, всегда немного подернутый печалью, долженъ былъ, вѣроятно, вселять больнымъ надежду, долженъ былъ сливаться со звуками, вѣящими вокругъ того, кто умираетъ, или боится умереть. Ко мнѣ онъ приходилъ рѣдко.

Нѣсколько недѣль жили мы такъ, въ неопредѣленности. Искать какой нибудь службы въ томъ или иномъ городѣ казалось моему мужу унизительнымъ. У насъ оставались деньги, выдаваемыя мнѣ отцомъ, но съ уходомъ мужа изъ фабрики прекращалась моя работа по отчетности и мое мѣсячное вознагражденіе за нее. Я старалась придумать, какимъ образомъ мнѣ работать, чтобы поддержать семейный бюджетъ?

Поступила я по внезапному вдохновенію минуты. Однажды утромъ сынъ, подавая мнѣ почту, вынулъ изъ нея книжку

одного журнала и протянулъ ее прежде другихъ съ видомъ маленькаго человѣка, знающаго мои вкусы.

Это былъ, дѣйствительно, мой любимый миланскій журналъ. Его издатель, старый борецъ за свободу, великодушно далъ ходъ не одному интеллигентному работнику,—и мнѣ онъ отъ времени до времени дружелюбно совѣтовалъ, чтобы я заявила себѣ какимъ нибудь болѣе солиднымъ трудомъ, чѣмъ короткія статьи, которыя онъ съ предупредительностью помѣщалъ въ своемъ журналѣ.

Я написала ему, излагая возникшую у меня нужду.

Онъ отвѣтилъ черезъ нѣсколько дней, что въ Миланѣ для меня не найти занятія, но что онъ сразу же написалъ въ Римъ одному издателю, основавшему недавно женскій журналъ. Дѣйствительно, я очень скоро получила новое письмо отъ романистки, писавшей мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; она говорила въ немъ, что очень жалѣетъ, что я не получила перваго, такъ какъ тогда она предложила бы мнѣ мѣсто редакторши одного изъ отдѣловъ, теперь уже занятое. Тѣмъ не менѣе она могла назначить мнѣ небольшое постоянное вознагражденіе за второстепенную работу, требовавшую во всякомъ случаѣ моего присутствія въ Римѣ. Одновременно съ этимъ письмомъ были присланы и номера „Mulier“ [1]).

Журналъ производилъ симпатичное впечатлѣніе, но у него замѣтенъ былъ нѣкоторый отпечатокъ легкомыслія, и это меня огорчило. Въ программной статьѣ было нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ:

„Пусть наконецъ и женщины скажутъ что-нибудь про себя. Мужчины или превозносятъ ихъ неумѣренно, или говорятъ противъ нихъ обвинительныя рѣчи. Одни, — и среди нихъ люди высокаго ума и глубокой души,—преисполнены невольной враждебности, благодаря тому, что женщина, въ настоящее время мало развитая, не ищетъ ихъ и не восхищается ими, другіе утверждаютъ, что знаютъ женщину, потому что у нихъ было много опыта и много жертвъ. У послѣднихъ не могло быть времени узнать хотя бы одну женщину: они знаютъ относительно многихъ, какъ завладѣвать ихъ чувствами, и какъ изъ нихъ можно извлечь наибольшее количество наслажденія. И только.

„Въ дѣйствительности, *женщина* есть нѣчто, существующее только въ воображеніи мужчинъ; но на свѣтѣ существуютъ *женщины*, вотъ и все.“

Статья была не подписана, но несомнѣнно принадлежала перу знаменитой романистки. Она хотя и не создала до

---

[1]) „Женщина“.

сихъ поръ ни одного дѣйствительно индивидуальнаго женскаго типа, но, вѣроятно, могла бы изобразить какой-либо изъ этихъ типовъ, начинающихъ теперь встрѣчаться нерѣдко. Кончалась статья такъ: „Мы не обѣщаемъ много, больше того, что вы всегда видѣли передъ собою,—не требуйте отъ насъ слишкомъ многаго. Вы не найдете въ этомъ журналѣ идеала женщины, выработаннаго въ большей степени, чѣмъ встрѣчаете его въ жизни. Мы хотимъ только помочь извлечь его изъ за облаковъ утопій и поставить его передъ современными женщинами". .

Но въ дѣйствительности соотвѣтствующаго этому въ журналѣ было немного. Статья объ искусствѣ, профиль одной артистки въ различныхъ позахъ, портреты декольтированныхъ герцогинь, отчеты спортивныхъ событій, благотворительныхъ празднествъ, статья по гигіенѣ. Заграничный отдѣлъ былъ единственнымъ въ журналѣ, гдѣ шла рѣчь о женскомъ движеніи.

Я спокойно, безъ увлеченія, сообщила объ этомъ предложеніи мужу. Онъ тщательно перелисталъ номера и долго былъ въ сомнѣніи. Онъ не боялся окраски журнала, казавшагося ему достаточно умѣреннымъ, но думалъ, что мы будемъ чувствовать себя слишкомъ подавленными въ этой болѣе или менѣе свѣтской обстановкѣ. Онъ успокоился только, когда я обратила его вниманіе на то, что мнѣ можно будетъ работать дома и продолжать уединенный образъ жизни.

Рѣшать надо было немедленно. Что могъ бы онъ дѣлать въ Римѣ? Въ концѣ концовъ онъ остановился на рѣшеніи, казавшемся ему легко исполнимымъ. Онъ пошелъ къ нѣсколькимъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и предложилъ имъ проектъ устройства продажи ихъ продуктовъ въ Римѣ и за границей. Согласились многіе; для начала не надо было большого капитала, только нѣсколько тысячъ лиръ. Его мать, вздыхая и охая, пообѣщала ему ихъ.

Какъ разъ наканунѣ этого рѣшенія заболѣлъ и слегъ докторъ. Мы знали, что онъ изнуренъ усталостью; думали, что это, можетъ быть, у него разыгралось утомленіе, что это даже можетъ оказаться для него благотворнымъ, и никто не безпокоился. Я жалѣла только, что лишена его совѣта въ этотъ серьезный часъ, и думала о томъ, что кромѣ моихъ сестеръ, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ мнѣ будетъ больно разстаться при отъѣздѣ изъ городка.

Черезъ недѣлю онъ умеръ.

Внезапно обнаружившійся сильнѣйшій тифъ-менингитъ сломилъ некрѣпкаго человѣка, послѣднее время какъ-будто бы не разстававшагося съ мыслью о смерти. Съ сегодня на

завтра сознаніе померкло, и тѣло одно боролось нѣсколько дней противъ быстро шедшаго впередъ разрушенія... Никто не могъ повѣрить дѣйствительности. Агонія продолжалась сутки; при немъ была его семидесятилѣтняя мать, поспѣшившая пріѣхать, когда обнаружилась опасность болѣзни,—женщина, которой серебряные волосы придавали какое-то величіе, между тѣмъ какъ на губахъ ея часто появлялась простодушная дѣтская улыбка. Личность исключительнаго закала, она уже уложила въ послѣдній сонъ одного двадцатилѣтняго сына, солдата, постоянно ухаживала за мужемъ, которому грозилъ параличъ сердца, управляла сложными имущественными дѣлами разсѣянной по разнымъ мѣстамъ семьи; она была олицетвореніемъ дѣятельной и простой самоотверженности, не заботящейся о самооцѣнкѣ, довольствующейся твердой надеждой на загробную жизнь.

Какъ сейчасъ, вижу ее въ ту послѣднюю ночь моего бѣднаго друга; одной рукой она вытирала потъ съ прекраснаго, помертвѣвшаго теперь лба, другою отъ времени до времени подносила къ уже коченѣвшимъ устамъ, сквозь которыя едва можно было влить нѣсколько капель укрѣпляющаго лѣкарства, образокъ святого. Этотъ жестъ былъ такъ естественен и спокоенъ, что казалось почти невозможнымъ и намъ не ждать чуда.

Зловѣщее хрипѣніе уже началось, когда пришелъ священникъ для соборованія. Я хотѣла присутствовать при немъ изъ уваженія къ несчастной, но отказалась отъ этого послѣ первыхъ же минутъ. Моя душа возставала противъ этого обряда, къ которому отсутствующій уже теперь духъ съ непріязненнымъ чувствомъ относился при жизни. Я ушла въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ мужъ, доктора, нѣсколько друзей. Къ намъ доносились негромкіе голоса женщинъ,—неясный хоръ, сопровождавшій монотонный голосъ священнослужителя. Это производило на меня впечатлѣніе насилія, злоупотребленія; я попросила мужа уйти со мной, проводить меня домой, прочь отсюда, потому что ничего уже больше не оставалось для меня въ этомъ мѣстѣ отъ близкаго человѣка.

На разсвѣтѣ пришли сказать, что онъ умеръ. Мужъ всталъ и тотчасъ вышелъ. Мнѣ хотѣлось заплакать, но я не могла; тайна, эта чудовищая и величественная тайна конца, подавляла меня. Только черезъ часъ или больше побѣдило непосредственное личное чувство, я подумала о постигшей меня утратѣ, и жалость къ себѣ и ко всѣмъ, которые уже никогда не услышатъ больше этого твердаго и доброжелательнаго голоса, разрѣшилась отчаянными слезами.

Плача, я думала о томъ, что онъ былъ подлѣ меня со времени моей свадьбы шесть лѣтъ. Мы оба были такъ отличны отъ окружающаго, такъ одиноки! Была минута, когда его душа влеклась ко мнѣ, — я это почувствовала. Могла ли бы я полюбить его? Почему ничто не толкнуло насъ другъ къ другу, не соединило двухъ нашихъ энергій, не бывшихъ, можетъ быть, въ глубинѣ своей чуждыми другъ другу? Можетъ быть, не доставало одного слова, порыва?

Судьба! Онъ исчезъ, думая, вѣроятно, что унесъ съ собой свою тайну. Я оставалась, болѣе, чѣмъ когда-либо, одинокая; куда велъ мой путь? ради какой высшей цѣли была я оберегаема отъ ненависти и отъ любви?

Не представляю себѣ ясно послѣднихъ дней передъ отъѣздомъ...

Помню, какъ расплакался мой мальчикъ, когда я ему сказала, чтобы онъ простился съ комнатой, гдѣ родился, откуда уже была увезена мебель. Не забыла я ощущенія того, какъ у меня сжалось горло, когда я пошла къ своимъ, чтобы проститься съ отцомъ и вырвать у него доброе слово, и получила нѣсколько сухихъ фразъ, которыя онъ внезапно круто оборвалъ, повернувшись ко мнѣ спиною... Какъ въ туманѣ, рисуется другая мучительная сцена: золовка, осыпающая бранью пораженныхъ ужасомъ сестеръ моихъ, пришедшихъ къ ней въ домъ обнять меня въ послѣдній день; и свекровь, не перестающая стонать и плакать...

Послѣднее посѣщеніе моей матери: тщетный призывъ къ прошлому, мука видѣть эти глаза безъ взгляда, слышать этотъ немного хриплый голосъ, смѣявшійся...

Море, равнины, улицы мѣстечка въ эти послѣдніе сентябрьскіе дни выглядѣли, вѣроятно, тихо усталыми, давали лучшее выраженіе своей души... Черезъ одиннадцать лѣтъ со дня, когда я увидѣла ихъ впервые, я покидала ихъ, отправляясь навстрѣчу неизвѣстному. Одиннадцать трагическихъ лѣтъ, втеченіе которыхъ создавалась изъ слезъ моя сущность,—изъ слезъ возмущенія, слезъ покорности, а также и изъ слезъ благодарности къ непобѣдимой Тайнѣ... Я покидала ихъ, не бросая на нихъ ни взгляда, словно бѣжала, словно боялась подмѣтить въ ихъ полутѣняхъ насмѣшливый смѣхъ, предупрежденіе, чтобы я не считала себя слишкомъ скоро освобожденной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Коммунистическій Манифестъ" и его судьба въ Россіи.

I.

„Манифестъ имѣлъ свою исторію"—писалъ Ф. Энгельсъ въ 1890 г., отмѣчая роль, значеніе и распространеніе „Коммунистическаго Манифеста" въ Западной Европѣ. Если бы ветеранъ соціалъ-демократіи дожилъ до нашихъ дней, онъ могъ бы прибавить: „и одну изъ самыхъ замѣчательныхъ, но и самыхъ странныхъ страничекъ вписала въ эту исторію Россія". И сердце старика радовалось бы, глядя, какъ сотни тысячъ рукъ протягиваются за духовной пищей научнаго соціализма; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ обливалось бы кровью при видѣ той спекуляціи, жертвой которой стало идейное достояніе отцовъ современной соціалъ-демократіи.

Едва ли найдется другая книга, которая такъ полно и ярко отразила бы на себѣ всѣ сложныя перипетіи развитія соціалистической мысли въ Россіи.

Философія пролетарскаго движенія, плодъ долгаго развитія соціалистической мысли и конкретной борьбы рабочаго класса—„Коммунистическій Манифестъ" не могъ быть понятъ и оцѣненъ обществомъ, покоившимся на полукрѣпостномъ крестьянскомъ трудѣ, обществомъ, едва поднимавшимся на борьбу противъ абсолютизма во имя политическихъ требованій капиталистическаго строя. Задача „превращенія пролетаріата въ классъ" была чужда Россіи 60—70-хъ годовъ, когда настоящаго пролетаріата почти еще не было, когда самобытный соціализмъ строилъ свои теоріи на интересахъ мелкаго производителя—крестьянина, а на малочисленныхъ промышленныхъ рабочихъ смотрѣлъ, какъ на болѣзненное выдѣленіе прихварывающаго общества. Поэтому неудивительно, что первый русскій переводъ „Коммунистическаго Манифеста", сдѣланный М. Бакунинимъ въ 60-годахъ, не оказалъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на ходъ развитія соціалистической мысли въ Россіи. Онъ былъ понятъ и принятъ, какъ блестящій памфлетъ противъ общества эксплоататоровъ, какъ критика этого общества. Его творческое, созидающее значеніе программы

пролетаріата, борющагося за соціализмъ, осталось чуждымъ и непонятымъ.

Бакунинскій переводъ долженъ представлять безспорный историческій интересъ. Я говорю „долженъ", потому что, къ сожалѣнію, не могъ съ нимъ ознакомиться. Въ настоящее время это изданіе является библіографической рѣдкостью, недоступной, особенно въ Россіи, простымъ смертнымъ. Бакунинъ 60-хъ годовъ—это крайне характерный представитель ранняго полуанархическаго періода русскаго соціализма. Въ его головѣ Манифестъ не могъ не отразиться въ преломленномъ, субъективномъ видѣ, соотвѣтствующемъ всему пониманію общественныхъ отношеній, и въ частности, соціализма современной ему передовой интеллигенціей. Г. В. Плехановъ указывалъ въ 80-хъ годахъ, что въ переводъ Бакунина „закралось нѣсколько неточностей, мѣшавшихъ правильному пониманію мыслей автора". Вотъ эти именно „неточности" и представляютъ въ настоящее время самую цѣнную часть бакунинскаго перевода. Къ сожалѣнію, повторяю, приходится пока отказаться отъ ихъ разбора.

Насколько непонятенъ и чуждъ былъ Манифестъ русской интеллигенціи разсматриваемаго періода, видно уже по тому, что долгіе годы бакунинскій переводъ находился въ продажѣ, встрѣчая лишь ограниченный спросъ. И новый русскій переводъ Манифеста, появившійся въ Женевѣ въ 1882 г., былъ вызванъ не тѣмъ, что разошелся первый, а тѣмъ, что явилась потребность въ соціалъ-демократическомъ переводѣ, свободномъ отъ „неточностей, мѣшающихъ правильному пониманію мыслей автора". Этотъ новый переводъ принадлежалъ перу Г. Плеханова [1]). Онъ былъ снабженъ спеціально написаннымъ предисловіемъ Маркса и Энгельса.

Однако, и этотъ переводъ, при выходѣ въ свѣтъ, не встрѣтилъ богатой почвы, которая всосала бы сѣмена пролетарскаго ученія и дала обильные плоды. Рабочее движеніе въ Россіи 80-хъ годовъ еще только складывалось подъ спудомъ, въ подпольѣ, подобно скрытымъ подземнымъ силамъ. Оно прорвалось однажды съ дикой мощью въ знаменитой морозовской стачкѣ, въ 1885, вылившись въ примитивныя формы стихійной вспышки. И послѣ этого оно опять ушло въ подполье накоплять силы для будущаго грандіознаго выступленія. Въ свою очередь и интеллигентская мысль этой эпохи находилась всецѣло еще въ плѣну народническаго ученія. Народничество—но упадающее, разлагающееся народничество въ теоріи, народовольчество—но тоже упадающее, обезкровленное народовольчество въ практикѣ вотъ

[1]) Этотъ переводъ ошибочно приписывался, между прочимъ и Энгельсомъ, В. Засуличъ. Впослѣдствіи Г. Плехановъ разъяснилъ, что переводъ принадлежитъ ему.

пристанище передовой интеллигенціи 80-хъ годовъ. Только къ концу десятилѣтія начали появляться первые соціалъ-демократы, и только съ началомъ девяностыхъ годовъ число ихъ быстро увеличилось, придавъ соціалъ-демократизму (точнѣе, марксизму, ибо это было первоначально теоретическое интеллигентское движеніе) черты крупнаго общественнаго явленія.

„Коммунистическій Манифестъ“ превратился изъ „курьеза“— употребляя выраженіе Энгельса — въ необходимое руководство. Правда, преобладающій интересъ къ теоріи и толстымъ книгамъ, свойственный этой, чисто-интеллигентской эпохѣ въ развитіи соціализма въ Россіи, вытѣснялъ въ значительной мѣрѣ Манифестъ „Капиталомъ“ и другими болѣе пространными руководствами. Все-таки потребность въ Манифестѣ ощущалась весьма замѣтно. Въ это время (начало 90-хъ гг.) вышло въ Женевѣ второе изданіе плехановскаго перевода. Однако, невозможность переизданія его въ Россіи и трудность доставки изъ-за границы (въ то время „техника“ стояла еще очень низко) создавали необходимость довольно широко пользоваться нѣмецкимъ подлинникомъ, а также переводить его заново и пускать по рукамъ въ рукописномъ видѣ. Между тѣмъ рабочее движеніе въ Россіи начало развиваться все ускоряющимся темпомъ, кружково-пропагандистскій періодъ смѣнялся болѣе или менѣе широкой агитаціей въ массахъ, старые пріемы распространенія рукописныхъ или гектографированныхъ брошюръ стали уже недостаточны. Спросъ не печатную литературу сильно возросъ, требовалось планомѣрное и болѣе широкое издательство, необходимъ былъ правильный транспортъ. Наряду съ прежней „Группой Освобожденія Труда“, начали появляться новыя соціалъ-демократическія организаціи, и одной изъ главныхъ задачъ ихъ было изданіе и распространеніе литературы. Спросъ на „Коммунистическій Манифестъ“ увеличился, старое изданіе его приходило къ концу. Но вотъ наступилъ 1898 г.— 50-ая годовщина выхода въ свѣтъ Манифеста, — и организація „Соціалъ-демократъ“ пріурочила къ этому событію новое—третье— изданіе Манифеста въ переводѣ Г. Плеханова. Это изданіе было снабжено большимъ историческимъ предисловіемъ Г. Плеханова. Это изданіе отразило на себѣ всецѣло своеобразныя потребности движенія. Манифестъ не былъ еще настольной книгой рабочаго; онъ вообще былъ доступенъ только болѣе развитому, передовому рабочему. И по своему сильному, сжатому языку, и по той громадѣ мыслей, которая заключается въ двухъ листахъ маленькаго формата, Манифестъ требуетъ напряженной работы ума, другими словами, требуетъ извѣстной интеллектуальной подготовки. Въ силу этого, онъ по необходимости оставался главнымъ образомъ интеллигентской книжкой въ тотъ періодъ, когда изъ громадной волнующейся рабочей массы выдѣлялась только горсть сознательныхъ, читающихъ, развитыхъ личностей. Этой неподготовленностью мас-

соваго читателя слѣдуетъ объяснить самый характеръ изданія. Оно было отпечатано на хорошей бумагѣ (цѣна 1 фр. 50 сант.) и на простой бумагѣ (цѣна 1 фр.), т. е. разсчитано на платежеспособную интеллигентскую публику [1]). Правда, одновременно (или вскорѣ послѣ) вышло маленькое изданіе (безъ предисловія Г. Плеханова), но и оно по большей части разошлось среди учащейся молодежи. Для массоваго распространенія не было еще ни рынка, ни подходящаго издательскаго аппарата.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ третьяго изданія „Манифеста" въ переводѣ Г. Плеханова, за границей былъ изданъ Г. Куклинымъ новый переводъ, сдѣланный В. Поссе. Необходимость заново перевести „Коммунистическій Манифестъ" мотивировалась г. Поссе тѣмъ, что въ переводъ Плеханова тоже „закралось много неточностей, мѣшавшихъ правильному пониманію мыслей коммунистической партіи". И переводъ свой В. Поссе снабдилъ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ Плеханова. Въ дальнѣйшемъ мы еще вернемся къ этому документу.

Ростъ читателей-рабочихъ и улучшенные способы транспорта, дающіе возможность болѣе правильно доставлять въ Россію заграничныя изданія, скоро исчерпываютъ имѣющееся партійное изданіе Манифеста и требуютъ его повторенія. Правда, существуетъ уже дешевое изданіе въ переводѣ В. Поссе, но оно не носитъ партійнаго характера, а полемическое предисловіе переводчика затрудняетъ распространеніе его партійными организаціями. Въ цѣляхъ удовлетворенія назрѣвшей потребности, женевское издательство „Впередъ" выпускаетъ, въ 1905 г., въ свѣтъ четвертое изданіе Манифеста въ переводѣ Г. Плеханова,— одинъ текстъ безъ предисловій авторовъ и переводчика. Однако, и эта маленькая брошюра еще стоитъ 50 сант. (18 коп.).

Весною 1905 г. появилось это—послѣднее „нелегальное"— изданіе, а лѣтомъ начали уже выходить въ Россіи „дозволенныя цензурой" изданія. Намъ удалось установить шесть такихъ изданій. Они распредѣляются по времени разрѣшенія цензурой въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) первое изданіе Е. М. Алексѣевой (время разрѣшенія не удалось установить—повидимому, конецъ мая). 2) Второе изданіе Е. М. Алексѣевой, разрѣшенное одесской цензурой 15-го іюня 1905 г., подъ заглавіемъ „Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ". Переводъ анонимный, къ изданію приложено извѣстное уже намъ историческое предисловіе Г. Плеханова. 3) 30-го іюня, тоже въ Одессѣ, разрѣшается изданіе „Молота", въ переводѣ Г. Таубмана, подъ заглавіемъ „Философія исторіи". 4) Въ Одессѣ же 23-го іюля „Буревѣстнику" дозволяется къ печатанію Манифестъ въ переводѣ и съ тѣмъ же историческимъ пре-

[1]) Теперь тотъ же Манифестъ съ предисловіемъ Плеханова стоитъ въ продажѣ 20 и даже 15 коп.

дисловіемъ Г. Плеханова, подъ заглавіемъ „О коммунизмѣ“ 5) У виленской цензуры фирма „Разсвѣтъ“ получаетъ 3-го августа разрѣшеніе на печатаніе Манифеста подъ заглавіемъ „Общественные классы и коммунизмъ“; авторъ перевода не обозначенъ, редакція Чапинскаго. 6) Наконецъ, издательство „Колоколъ“ выпускаетъ въ свѣтъ Манифестъ, подъ названіемъ „Капитализмъ и коммунизмъ“, разрѣшенный въ Ростовѣ-на-Дону 4-го сентября 1905 г.; переводъ тоже анонимный. Этимъ перечнемъ, насколько мнѣ извѣстно, исчерпывается списокъ переводовъ „Коммунистическаго Манифеста“, вышедшихъ съ разрѣшенія предварительной цензуры. Такимъ образомъ за нѣсколько мѣсяцевъ, предшествовавшихъ 17-му октября, на книжный рынокъ было выброшено шесть изданій Манифеста, во много разъ превышающихъ по количеству экземпляровъ все то, что дало въ этомъ отношеніи предыдущее сорокалѣтіе. Намъ неизвѣстно точно это число экземпляровъ, но о немъ можно судить, косвенно, по продажнымъ цѣнамъ. Толстыя книжки, снабженныя предисловіемъ Г. Плеханова, (превосходящимъ самый Манифестъ болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза), были выпушены по 15 коп. (Алексѣева) и по 20 коп. („Буревѣстникъ“). Маленькія же изданія (безъ предисловія Г. Плеханова) продавались по 6 коп. („Разсвѣтъ“), 5 коп. („Молотъ“) и даже по 3 коп. („Колоколъ“). Если къ этому прибавить, что издательства дѣлаютъ продавцамъ скидку въ 30—40%, тогда ясно станетъ, что количество экземпляровъ, выпущенныхъ этими пятью фирмами, должно исчисляться сотнями тысячъ.

Но на этомъ исторія издательства „Коммунистическаго Манифеста“ не остановилась.

Фактическое уничтоженіе цензуры, явившееся слѣдствіемъ октябрьскихъ событій, упростило и облегчило издательское дѣло. Появился первый полный переводъ Манифеста — перепечатка заграничнаго изданія перевода г. Поссе („Библіотека рабочаго“, № 1). Въ издательствѣ „Новый Міръ“ былъ еще разъ перепечатанъ Плехановскій переводъ Манифеста—одинъ разъ съ историческими предисловіемъ переводчика, другой разъ—безъ него. На этомъ временно новыя изданія пріостановились. Въ октябрѣ текущаго года выпущенъ въ свѣтъ товариществомъ „Знаніе“ Манифестъ въ моемъ переводѣ. Въ самомъ концѣ 1906 г. появился въ свѣтъ переводѣ Вл. Шаха, подъ редакціей П. Берлина, въ изданіи Г. Ѳ. Львовича. Наконецъ, еще одинъ переводъ обѣщанъ журналомъ „Популярно-научная библіотека“.

Такимъ образомъ за полтора года такъ называемой „свободы“. „Коммунистическій Манифестъ“ былъ изданъ не менѣе, какъ въ десяти изданіяхъ и восьми различныхъ переводахъ. Если же сюда прибавить и предыдущій, нелегальный періодъ, то число переводовъ будетъ девять, число изданій—шестнадцать. Можно съ увѣренностью сказать, что ни одна страна не поглотила за все сорокалѣтіе

такого количества экземпляровъ „Коммунистическаго Манифеста". Ни на одномъ языкѣ, навѣрное, Манифестъ не продавался и по такой низкой цѣнѣ. Одно изъ самыхъ дешевыхъ (если не самое дешевое) изданій нѣмецкой партіи стоитъ все-таки 15 пфенниговъ (7 коп.). Между тѣмъ, какъ въ Россіи, какъ мы видѣли, ходовая цѣна—5 коп., а есть даже изданіе за три коп.

Но если Россія опередила другія страны дешевизной и количествомъ экземпляровъ Манифеста, она страшно отстала отъ нихъ въ дѣлѣ организаціи и характера издательства. Рѣзкій антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей на Западѣ давно уже монополизовалъ всю соціалъ-демократическую литературу въ рукахъ партійныхъ издательствъ. Такимъ образомъ, и „Коммунистическій Манифестъ" издается во всѣхъ европейскихъ странахъ партійными предпріятіями: поскольку онъ выходитъ въ переводѣ, этотъ переводъ является партійнымъ, утвержденнымъ, признаннымъ. Сама брошюра издается тогда, тамъ и такимъ образомъ, когда, гдѣ и какимъ образомъ это требуется интересами партіи. И переводъ, и издательство не служатъ цѣлямъ частной спекуляціи, не являются орудіемъ эксплоатаціи довѣрчиваго читателя рыночными воротилами. Къ сожалѣнію, у насъ дѣла обстоятъ какъ разъ наоборотъ. Партійный характеръ, гарантировавшій доброкачественность перевода, носили только заграничныя изданія. Съ тѣхъ поръ, какъ „свобода" открыла громадный рынокъ, жадно поглощавшій все печатное, цѣлый рой предпринимателей бросился на издательство соціалъ-демократической литературы. Люди, торговавшіе прежде веревками и копытной мазью, начали издавать Маркса и Энгельса, Бебеля и Каутскаго, авторитетно заявляя, что они издаютъ только соціалъ-демократическую, только партійную литературу. Они двинули комми-вояжеровъ къ первоисточникамъ этой литературы, разыскивая авторовъ и переводчиковъ заграничныхъ, нелегальныхъ, изданій, рекомендуясь имъ „товарищами", обѣщая отчисленія въ партійную кассу и пр., и пр. И дѣйствительно, цѣлый рядъ хорошихъ переводовъ и оригинальныхъ произведеній попалъ въ руки спекулянтовъ, успѣвшихъ сдѣлать быстрый и выгодный оборотъ. Одновременно съ этимъ въ Россіи засѣли за работу цѣлыя полчища переводчиковъ, сплошь да рядомъ неопытныхъ людей, которые чуть не въ 24 часа изготовляли переводы труднѣйшихъ вещей, шедшіе на рынокъ безъ тщательной редакціи, нерѣдко въ самомъ возмутительномъ внѣшнемъ видѣ. Эта издательская неурядица отразилась и на переводахъ „Коммунистическаго Манифеста". Новые переводы, изданные во второй половинѣ 1905 года, носятъ на себѣ всѣ слѣды своего происхожденія. Разобраться въ этихъ переводахъ, отдѣлить лучшіе отъ худшихъ, дать имъ сравнительную оцѣнку—вотъ задача настоящей статьи. Но мы не ограничимся только послѣдними переводами, а разсмотримъ также и два предыдущихъ—переводы т. Плеханова и г. Поссе.

II.

Переводъ Плеханова подвергся, какъ мы указывали, рѣзкой критикѣ со стороны г. Поссе. Этой критикѣ посвящена часть предисловія г. Поссе къ его переводу. Правда, въ послѣднемъ легальномъ изданіи („Библіотека рабочаго“) это предисловіе сокращено, изъ него выброшены нѣкоторыя частности и нѣкоторыя рѣзкости. Въ заграничномъ изданіи г. Поссе обвинялъ Плеханова въ пристрастіи къ крупной буржуазіи и въ недооцѣнкѣ революціонности мелкой буржуазіи. Въ новомъ изданіи онъ воздерживается отъ подобной квалификаціи, приводя примѣры неправильностей въ плехановскомъ переводѣ, лишь какъ доказательство того, что новый переводъ вполнѣ оправдывается недостатками стараго.

Посмотримъ же, какого рода „неточности“ нашелъ г. Поссе у Плеханова. Въ „Библіотекѣ рабочаго“ онъ приводитъ пять цитатъ. Вотъ главнѣйшіи изъ нихъ. „Въ концѣ перваго отдѣла,—пишетъ г. Поссе,—Манифестъ говоритъ, что буржуазія является „безвольнымъ и неспособнымъ къ сопротивленію носителемъ прогресса крупной промышленности“ (Der Fortschritt der Industrie, dessen willenloser und widerstandloser Träger die Bourgeoisie ist...) Плехановъ же, *выпуская столь нелестные для буржуазіи эпитеты*, заявляетъ, что носителемъ прогресса промышленности „не можетъ не быть буржуазія“ [1]).

Къ этой же категоріи „неточностей“ относится и то, что Плехановъ замѣнилъ слова: „безсовѣстная свобода торговли“—словами: „чуждая идеальныхъ соображеній“. Г. Поссе умозаключаетъ отсюда, что Плехановъ неравнодушенъ къ крупной буржуазіи и старается какъ-нибудь загладить непріятное впечатлѣніе отъ грубости Маркса.

Другое дѣло—мелкая буржуазія. Ее Плехановъ не любитъ и старается отнять у ней и ту долю революціонности, которую признаетъ за нею „Коммунистическій Манифестъ“. Вотъ что говоритъ г. Поссе по поводу соотвѣтствующаго мѣста брошюры. „Въ точномъ переводѣ оно гласитъ: „Если они (среднія сословія) революціонны, то это въ виду предстоящаго имъ перехода въ пролетаріатъ; такимъ образомъ, они защищаютъ не свои современные,

---

[1]) Курсивъ здѣсь и въ дальнѣйшихъ цитатахъ мой. Кстати, нападая на Плеханова за извращеніе текста, г. Поссе самъ его извращаетъ. Слово willenlos не всегда значитъ *без*вольный, оно имѣетъ еще значеніе *не*вольный. И здѣсь оно употребляется какъ разъ въ этомъ смыслѣ. Марксъ никогда не считалъ буржуазію безвольной, т. е. безхарактерной, неспособной на борьбу. Напротивъ, и здѣсь онъ указываетъ лишь объективную необходимость быть носителемъ прогресса *помимо воли* и вдобавокъ быть *не въ силахъ* противиться этой необходимости. А г. Поссе придаетъ этому мѣсту смыслъ субъективный, смыслъ обвиненія буржуазіи въ моральной дряблости. Это извращеніе текста.

но свои будущіе интересы, такимъ образомъ они оставляютъ свою собственную точку зрѣнія, чтобы стать на точку зрѣнія пролетаріата"; въ переводѣ Плеханова: „Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата". Быть „революціоннымъ" и „имѣть революціонное значеніе",—прибавляетъ г. Поссе,—не одно и тоже, а, главное, замѣна словъ „въ виду" и „такимъ образомъ" словами „постольку, поскольку" совершенно измѣняетъ смыслъ положенія, выставленнаго Манифестомъ".

Дѣйствительно, указанныя мѣста переведены не точно. Но толковать ихъ въ томъ смыслѣ, что Плехановъ стремится обѣлить крупную буржуазію и очернить мелкую—болѣе, чѣмъ, наивно. У Плеханова есть, напримѣръ, и такая „неточность": слово Hintere переведено „спина"—можетъ, и это г. Поссе поставитъ въ счетъ подмѣны „нелестныхъ для буржуазіи (въ данномъ случаѣ для феодаловъ) эпитетовъ?" Если всмотрѣться внимательно въ приведенныя г. Поссе цитаты, мы увидимъ, что, несмотря на несомнѣнную неточность, онѣ вѣрно передаютъ основную мысль подлинника. И это характерная черта плехановскаго перевода вообще. За исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, переданныхъ имъ безусловно невѣрно, о которыхъ мы будемъ говорить дальше,—а къ числу ихъ мѣста, цитированныя г. Поссе, не относятся—переводъ Плеханова въ общемъ очень вѣрно передаетъ мысли Манифеста. И это несмотря на сравнительно вольное обращеніе съ подлинникомъ, дѣлающее переводъ, вообще говоря, неточнымъ. Для примѣра приведемъ, какъ образецъ перевода, отрывокъ, могущій характеризовать самый типъ перевода, степень его вольности.

У Плеханова.

„Чудеса ея искусства существенно отличаются отъ египетскихъ пирамидъ, римскихъ водопроводовъ и готическихъ соборовъ, ея завоеванія не имѣютъ ничего общаго съ переселеніями народовъ и крестовыми походами".

Въ подлинникѣ [1]).

„Она создала совершенно иного рода чудеса искусства, чѣмъ египетскія пирамиды, римскіе водопроводы и готическіе соборы; она совершила совсѣмъ иные походы, чѣмъ переселеніе народовъ и крестовые походы".

---

[1]) Ссылаясь на подлинникъ, я буду цитировать его по своему переводу (изданному „Знаніемъ"), въ которомъ я старался сочетать документальную точность съ литературной формой. Насколько удовлетворительно исполнилъ я эту задачу—судить читателю. Кстати, въ это изданіе закралась досадная описка: на стр. 50, строка 17 снизу, напечатано „чистаго разума", вмѣсто—„практическаго разума".

Форма подлинника совершенно измѣнена, предложеніе построено иначе. И, тѣмъ не менѣе, мысль передана совершенно правильно, гораздо правильнѣе, чѣмъ въ буквальномъ, а потому весьма неуклюжемъ, переводѣ г. Поссе, гдѣ „чудеса искусства“ превратились просто въ „чудеса“: „Она сотворила чудеса совсѣмъ иныя, чѣмъ египетскія пирамиды и т. п... Она совершила походы совсѣмъ другіе, чѣмъ переселенія и пр.“...

Отдавая должное правильности передачи мыслей Манифеста Плехановымъ, можно все же критически отнестись къ формѣ перевода. „Коммунистическій Манифестъ“ представляетъ документъ, нерѣдко ведутся споры изъ-за правильности толкованія того или другого его положенія, а потому переводъ долженъ быть точенъ и возможно близокъ къ тексту. Мѣрило, принимаемое для обыкновенныхъ переводовъ, здѣсь недостаточно. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ забывать, что переводъ Плеханова сдѣланъ еще въ 1882 г., что это былъ *первый* соціалъ-демократическій переводъ, что въ то время Манифестъ еще не имѣлъ такого живогопр актическаго значенія для русскихъ марксистовъ,—напротивъ, представлялъ скорѣе теоретическое оружіе борьбы съ не-марксистскими ученіями. Эти обстоятельства объясняютъ самый типъ перевода, его, такъ сказать, недокументальный характеръ. Правда, они не оправдываютъ его воспроизведенія въ наши дни безъ соотвѣтствующихъ поправокъ.

Г. Поссе правильно отмѣтилъ, что въ переводъ Плеханова закрались „неточности“, но комичнѣе всего, что дѣйствительныхъ неточностей онъ не замѣтилъ; мало того, онъ самъ перенялъ у Плеханова рядъ неточныхъ выраженій, перенеся ихъ живьемъ въ свой переводъ. Тѣ мѣста, которыя привелъ г. Поссе въ своей критикѣ, какъ примѣръ искаженія подлинника, представляютъ сравнительно незначительныя неточности; они свидѣтельствуютъ только о великомъ желаніи критика вывести на чистую воду козни „главы россійской соціалъ-демократіи“, обидѣвшаго мелкихъ буржуа и возвеличившаго крупныхъ. Существенныхъ же недочетовъ перевода, имѣющихъ болѣе серьезное и болѣе глубокое значеніе г. Поссе въ своемъ рвеніи не замѣтилъ. Мы не будемъ останавливаться на мелкихъ, частныхъ неточностяхъ, вродѣ отмѣченныхъ г. Поссе—ими, надо отдать справедливость, кишитъ переводъ Плеханова—перечислять ихъ здѣсь было бы безполезно и скучно [1]). Мы перейдемъ къ неправильностямъ, имѣющимъ болѣе принципіальное значеніе.

[1]) Здѣсь укажемъ только нѣсколько выраженій, переведенныхъ Плехеновымъ неточно и—по какой-то странности—*совершенно такъ же* переведенныхъ г. Поссе. На стр. 15 нѣмецкаго подлинника (изд. 1904 г.) говорится, что рабочіе начинаютъ „Koalitionen gegen die Bourgeois zu bilden“. т. е. вступать въ соглашенія (союзы) противъ буржуа. Плехановъ переводитъ это неправильно: „устраивать стачки“. То же самое встрѣ-

Эти неправильности можно свести къ тремъ типамъ. Во-первыхъ, въ 1882 г., когда т. Плехановъ дѣлалъ свой переводъ, русская терминологія марксизма не была еще прочно установлена. Термины, выраженія, которыя въ наше время настолько прочно укоренились, что трудно сдѣлать ошибку, въ то время еще только складывались, отвоевывали себѣ право гражданства у расплывчатой терминологіи народническаго періода. Этимъ объясняется частое употребленіе Плехановымъ выраженій, теперь совершенно неупотребляющихся въ данномъ сочетанія марксистами. Такъ, напримѣръ, вмѣсто вполнѣ установившагося термина „рабочій“, въ переводѣ Плеханова систематически употребляется расплывчатое выраженіе „работникъ“. Arbeiterklasse переводится какъ „рабочее *сословіе*“ а, вмѣсто „средніе сословія“ (Mittelstände) встрѣчаемъ „средніе слои“ и т. д. Сюда же относится и указанная передача слова Koalition словомъ „стачка“. Стачка—особенно въ первоначальномъ смыслѣ, отъ глагола „стакнуться“—является, конечно, однимъ изъ видовъ соглашеній, но понятіе коалиціи не покрывается болѣе узкимъ понятіемъ стачки. Всѣ эти неточности вполнѣ объясняются исторической обстановкой перевода, неразвитостью марксистской терминологіи.

Неправильности второго типа заключаются въ невѣрномъ переводѣ отдѣльныхъ выраженій, благодаря чему извращаются мысли подлинника. Сюда нужно отнести слѣдующее мѣсто (стр. 22 нѣмецкаго подлинника):

У Плеханова.	*Въ подлинникѣ.*
„Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организоваться въ одинъ національный классъ, *устроиться въ предѣлахъ націи*, пролетаріатъ еще остается національнымъ“.	„Будучи вынужденъ сначала завоевать себѣ политическую власть, подняться до положенія національнаго класса, превратить себя самого въ націю (буквально: конституировать себя, какъ націю), пролетаріатъ и т. д.“

чаемъ мы и у г. Поссе. На стр. 18 говорится, что коммунисты не образуютъ особой партіи „gegenüber den andern Arbeiterparteien“. Плехановъ неправильно переводитъ это—„противостоящей другимъ рабочимъ партіямъ“, понимая слово gegenüber въ его первоначальномъ смыслѣ „противоположности“. Между тѣмъ это слово значитъ „по отношенію къ...“ И ту же неправильность повторяетъ Поссе. На стр. 24 Плехановъ, а за нимъ и Поссе, совершенно невѣрно переводятъ слово Urbarmachung der Ländereien—воздѣлываніе земель. Тамъ же слово öffentliche Gewalt—публичная (государственная) власть переводится Плехановымъ неточнымъ терминомъ „общественная власть“, и Поссе повторяетъ эту же неточность. Слово verschmähen въ концѣ брошюры, означающее отвергать, не считать нужнымъ, переводится обоими переводчиками буквально, но неправильно, словомъ „считаютъ позорнымъ“. И такихъ „совпаденій“ грѣховъ г. Поссе съ грѣхами т. Плеханова можно было бы отыскать еще немало.

Не говоря о томъ, что выраженіе „устроиться въ предѣлахъ націи“ вообще очень неопредѣленно, оно безусловно извращаетъ смыслъ цитаты, отклоняя читателя отъ основной мысли Маркса. Мысль эта слѣдующая. Завоеваніе власти пролетаріатомъ должно совершиться прежде всего въ національныхъ рамкахъ. „Пролетаріатъ каждой страны долженъ, конечно, прежде всего покончить съ своей собственной буржуазіей“,—говоритъ Манифестъ. Низвергая господство буржуазіи, пролетаріатъ сначала самъ превращается въ господствующій классъ, чтобы реорганизовать всю хозяйственную и общественную жизнь страны примѣнительно къ своимъ потребностямъ; являясь господствующимъ классомъ и притомъ господствующимъ большинствомъ, пролетаріатъ самъ становится выразителемъ и представителемъ націи, національныхъ интересовъ. Онъ конституируется, какъ нація, прежде чѣмъ уничтожить обособленное существованіе націй. Эта мысль совершенно затеряна въ переводѣ Плеханова. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, что пролетаріатъ „стремится... устроиться въ предѣлахъ націи“, а о томъ, что ходъ развитія вынуждаетъ его отождествить себя съ націей для того, чтобы перестроить общество на началахъ, отрицающихъ націи.

Другой ошибкой того же порядка является невѣрный переводъ слова Urbarmachung, который въ данномъ контекстѣ ведетъ къ грубому извращенію мысли авторовъ. Слово это встрѣчается въ Манифестѣ два раза. Первый разъ—на стр. 13 подлинника: перечисляя громадныя производительныя силы, созданныя буржуазіей, Манифестъ упоминаетъ и Urbarmachung ganzer Welttheile—расчистку подъ пашню, превращеніе въ пашню цѣлыхъ частей свѣта. Плехановъ переводитъ это мѣсто: „эксплоатація цѣлыхъ частей свѣта“. Это неточно. Манифестъ указываетъ, что капиталъ *сдѣлалъ возможной* эксплоатацію, въ этомъ его прогрессивная роль; онъ создалъ новыя производительныя силы, превративъ въ пашню лѣса, болота, дѣвственную почву, не подчинявшуюся усиліямъ мелкаго производителя. Эксплоатація не создаетъ новыхъ производительныхъ силъ,—она только пользуется уже существующими. Неточность перевода затемняетъ мысль подлинника, но она въ данномъ сочетаніи не создаетъ еще грубаго противорѣчія. Такое противорѣчіе встрѣчаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, именно, въ перечнѣ тѣхъ практическихъ мѣропріятій, которыя долженъ осуществить пролетаріатъ, завоевавшій политическую власть. Въ пунктѣ 7-мъ говорится: „Увеличеніе числа національныхъ фабрикъ, орудій производства, расчистка подъ пашню и улучшеніе качества земель по общему плану“ (Vermehrung der Nationalfabriken, Produktionsinstrumente. Urbarmachung und Verbesserung der Ländereien nach einem gemeinschaftlichen Plan). Въ переводѣ Плеханова слова Urbarmachung и дальнѣйшія переведены: „воздѣлываніе и улучшеніе полей по общему плану“. Переводъ Плеханова придаетъ этому мѣсту тотъ смыслъ, что пролетаріатъ, по

достиженіи политической власти, долженъ приступить къ обработкѣ земель по общему плану, т. е. къ введенію соціалистическаго хозяйства въ земледѣліи. Между тѣмъ ничего подобнаго въ Манифестѣ нѣтъ. 10-ти пунктамъ практическихъ мѣропріятій предпосланы слѣдующія строки, выясняющія цѣль и значеніе этихъ мѣропріятій:

„*Первый шагъ* рабочей революціи—это возвышеніе пролетаріата до положенія *господствующаго класса*, завоеваніе *демократіи.*

„Пролетаріатъ воспользуется своей политической властью, чтобы *постепенно вырвать у буржуазіи капиталъ*, централизовать всѣ орудія производства въ рукахъ государства, т. е. *пролетаріата, организованнаго, какъ господствующій классъ*, и возможно скорѣе *увеличить массу производительныхъ силъ*".

Это еще не соціализмъ, это только первые шаги къ соціализму, предпринимаемые пролетаріатомъ, достигшимъ диктатуры. И самый характеръ мѣропріятій всецѣло опредѣляется упомянутой задачей постепеннаго обобществленія средствъ производства и умноженія суммы производительныхъ силъ Такъ, напримѣръ, рекомендуется конфискація имущества, но только у эмигрантовъ и бунтовщиковъ; увеличеніе числа національныхъ фабрикъ, но не экспропріація всѣхъ фабрикъ. Такъ и въ агрономической области Манифестъ имѣетъ въ виду тѣ меліоративныя мѣропріятія, которыя способствуютъ „увеличенію массы производительныхъ силъ". Этимъ Манифестъ пока ограничивается. Объ отмѣнѣ частнаго хозяйства въ промышленности или земледѣліи и замѣнѣ его соціалистическимъ хозяйствомъ эти мѣропріятія не говорятъ ни слова. Поэтому, характеризуя ихъ, Манифестъ говоритъ, что они „съ экономической точки зрѣнія кажутся недостаточными и несостоятельными, но... въ ходѣ развитія идутъ дальше поставленной имъ цѣли". Такимъ образомъ, невѣрный переводъ слова urbar machen, которое буквально значитъ „дѣлать способнымъ, рождать (хлѣбъ)", приводитъ къ извращенію всего хода мысли даннаго мѣста Манифеста; мѣропріятіе, долженствующее облегчить переходъ къ соціализму, принимается за самый соціализмъ.

Наконецъ, неправильности третьяго типа сводятся, собственно говоря, къ одной большой неправильности. Весь Манифестъ проникнутъ своеобразнымъ и весьма интереснымъ ученіемъ о превращеніи пролетаріата въ классъ. Эта мысль красной нитью проходитъ черезъ все изложеніе: въ первой главѣ—очеркѣ развитія буржуазнаго общества въ соціалистическое—эта идея выступаетъ, какъ содержаніе объективнаго историческаго процесса; во второй главѣ, трактующей объ отношеніи коммунистовъ къ пролетаріямъ, идеологовъ къ классу, эта идея формулируется, какъ задача коммунистовъ. Двѣ стороны единаго историческаго процесса—стихійное развитіе пролетаріата и эволюція коммунистическихъ идей — сходятся на этомъ положеніи: въ ходѣ разви-

тія капиталистическаго общества разрозненная масса пролетаріата организуется въ классъ, превращается въ общественную группу, связанную единствомъ матеріальныхъ интересовъ, типичной психологіи и политическихъ задачъ [1]).

Эта мысль „Коммунистическаго Манифеста“ совершенно ускользнула отъ вниманія т. Плеханова. Потому ли, что въ то время (1882 г.) т. Плехановъ еще не проникся тѣмъ специфическимъ діалектическимъ мышленіемъ, которое такъ характерно для авторовъ Манифеста, или, быть можетъ, благодаря отрывочной формулировкѣ, сводящейся къ разрозненнымъ штрихамъ, эта мысль ускользнула отъ вниманія переводчика,—фактъ тотъ, что т. Плехановъ систематически извращаетъ соотвѣтствующія мѣста Манифеста, изгоняя изъ нихъ глубокій соціологическій смыслъ, сводя ихъ къ простому констатированію конкретныхъ явленій. Этихъ мѣстъ не такъ ужъ много—ихъ всего четыре—и они формулированы такъ кратко, что мы приведемъ ихъ полностью, чтобы не быть голословными.

На стр. 16 „Коммунистическій Манифестъ“, отмѣчая, какимъ образомъ процессъ развитія промышленности и путей сообщенія сближаетъ и объединяетъ рабочихъ, говоритъ: „Эта организація пролетаріевъ въ классъ и тѣмъ самымъ въ политическую партію (Organisation der Proletarier Zur Klasse, und damit zur politischen Partei) ежеминутно опять разрушается конкуренціей между самими рабочими“. Плехановъ останавливается передъ выраженіемъ „организація въ классъ“. Оно ему неясно, онъ хочетъ придать ему болѣе понятный смыслъ и—прибавляетъ слово „отдѣльный“; „эта организація пролетаріевъ въ *отдѣльный* классъ, а *вмѣстѣ съ тѣмъ* и въ политическую партію“. Мысль Манифеста получаетъ совершенно другое, гораздо менѣе глубокое толкованіе. Марксу и Энгельсу важно, что масса пролетаріевъ вообще только на извѣстной ступени развитія превращается въ классъ—аморфная масса кристаллизуется, если позволительны аналогіи; тутъ не то важно, что это будетъ „отдѣльный“ классъ, ибо само понятіе класса предполагаетъ „отдѣльность“—т. е. существованіе другихъ классовъ и различіе ихъ интересовъ. Прибавляя словечко „отдѣльный“, Плехановъ, во-первыхъ, совершаетъ плеоназмъ, а, во-вторыхъ, придаетъ данному мѣсту тотъ смыслъ, будто рѣчь идетъ объ отдѣленіи, отграниченіи пролетаріевъ на извѣстной ступени развитія отъ остальныхъ слоевъ общества, а не о превращеніи ихъ изъ массы разрозненныхъ пролетаріевъ въ классъ—пролетаріатъ. Цитированное нами мѣсто, быть можетъ, еще не совсѣмъ ясно показываетъ

---

1) См. объ этой идеѣ Маркса мою статью въ „Правдѣ“. Май 1904 г. „Представляетъ ли интеллигенція общественный классъ?“

различіе между идеей Манифеста и идеей Плеханова; это различіе станетъ яснѣе изъ другихъ цитатъ.

Въ главѣ „Пролетаріи и коммунисты“ авторы Манифеста формулируютъ задачи коммунистовъ: „Организація пролетаріата въ классъ, низверженіе буржуазіи, завоеваніе политической власти пролетаріатомъ“. Первая изъ этихъ задачъ выражена въ подлинникѣ даже болѣе рѣзко: Bildung des Proletariats zur Klasse—развитіе пролетаріата въ классъ, превращеніе пролетаріата въ классъ. Рѣчь идетъ о задачахъ рабочихъ партій, и Манифестъ ставитъ первой задачей внесеніе въ пролетаріатъ сознательности, въ цѣляхъ превращенія его въ классъ. Выше мы видѣли, что стихійный процессъ создаетъ объективныя условія созданія класса—объединеніе и сплоченіе пролетаріевъ на почвѣ борьбы съ буржуа; теперь указываются и функціи сознательныхъ элементовъ—идеологовъ: внесеніе сознательности въ пролетаріатъ, развитіе его до уровня класса. Но въ переводѣ Плеханова все это исчезаетъ. „Ближайшая цѣль коммунистовъ,—пишетъ онъ,—та же, что и у другихъ рабочихъ партій: организація *рабочаго класса* и т. д.“ Организація рабочаго класса и превращеніе пролетаріевъ въ классъ—это двѣ совершенно различныя вещи. Манифестъ имѣетъ въ виду соціальную роль идеологовъ по отношенію къ классу, Плехановъ сводитъ вопросъ къ политической задачѣ организаціи рабочаго класса. Идея Манифеста мельчаетъ.

И эта подмѣна глубокаго внутренняго процесса превращенія пролетаріевъ въ классъ, внѣшней организаціонной дѣятельностью, проводится т. Плехановымъ съ поразительной послѣдовательностью, чтобы не сказать, съ упорствомъ. Въ концѣ той же главы Манифестъ, резюмируя задачи пролетаріата въ его развитіи отъ зачаточнаго состоянія до диктатуры, говоритъ: „Когда пролетаріатъ въ борьбѣ противъ буржуазіи, по необходимости, объединяется въ классъ и т. д...“ И здѣсь опять мы встрѣчаемъ у Плеханова то же отрицаніе діалектики: „Пролетаріатъ,—пишетъ онъ,—въ борьбѣ своей противъ буржуазіи объединяется, *какъ классъ*“... Тамъ—объединеніе пролетаріевъ, дѣлающее изъ нихъ классъ; здѣсь—объединеніе пролетаріевъ внутри уже сложившагося класса. И еще разъ встрѣчаемъ мы ту же ошибку въ главѣ о „Критико-утопическомъ соціализмѣ и коммунизмѣ“. „Мѣсто постепенно складывающейся организаціи пролетаріата въ классъ,—говоритъ Манифестъ,—(должна занять) изобрѣтенная ими самими организація общества“. Плехановъ переводитъ: „Мѣсто постепенно подвигающейся впередъ *классовой организаціи* пролетаріата...“ Но классовая организація пролетаріата—это пролетарская партія, политическій союзъ, представляющій интересы пролетаріата, какъ класса, стремящійся къ завоеванію его диктатуры. Классовая организація, слѣдова-

тельно, предполагаетъ уже наличность сложившагося класса. Манифестъ же говоритъ о процессѣ образованія класса, создающемъ основу и для образованія партіи. Подмѣна одной идеи другою означаетъ лишь Verflachung мыслей Манифеста.

Итакъ, въ переводѣ Плеханова, дѣйствительно, имѣются „неточности, мѣшающія правильному пониманію мыслей автора“, но эти неточности вовсе не тамъ находятся, гдѣ ихъ искалъ г. Поссе. Строгій критикъ повылавливалъ изъ перевода всѣхъ букашекъ, мошекъ, таракашекъ, а слона—глубокихъ, серьезныхъ теоретическихъ промаховъ—онъ не примѣтилъ.

III.

Мы остановились подробнѣе на переводѣ т. Плеханова по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, это самый распространенный переводъ и притомъ считающійся, благодаря авторитету т. Плеханова, самымъ авторитетнымъ. Во-вторыхъ, ошибки переводчика такого свойства, что даютъ возможность затронуть нѣкоторые изъ интереснѣйшихъ вопросовъ теоріи. И разборъ этого перевода показалъ намъ его существеннѣйшіе недостатки; въ смыслѣ точности передачи подлинника, а также въ смыслѣ правильности передачи нѣкоторыхъ мѣстъ его, переводъ Плеханова оставляетъ желать многаго. Правда, зато онъ обладаетъ хорошей литературной формой; въ смыслѣ литературности это безспорно лучшій переводъ.

Прямымъ антиподомъ его является переводъ г. Поссе. Авторъ задался цѣлью дать возможно точный, даже буквальный, переводъ „Коммунистическаго Манифеста“. Онъ совершенно отстранилъ соображенія литературности и переводъ, дѣйствительно, мѣстами кажется какимъ-то чудовищемъ. Стремленіе возможно близко держаться буквы подлинника приводитъ иногда къ самому плачевному результату—къ безграмотному набору словъ. Если въ переводъ Плеханова „закралось много неточностей, мѣшавшихъ правильному пониманію мыслей коммунистической партіи“, то въ переводѣ г. Поссе есть мѣста, мѣшающія, по своей неуклюжести, вообще какому бы то ни было пониманію мыслей Манифеста. Какъ примѣръ переводнаго стиля г. Поссе, приведемъ слѣдующее мѣсто:

Подлинникъ.	*Переводъ.*	*Переводъ г. Поссе.*
„Sie bereitete so die Genugthuung vor, Schmählieder auf ihren neuen Herrscher singen und mehr	„Она подготовила себѣ такимъ образомъ то удовлетвореніе, что могла осыпать насмѣшками	„Она такимъ образомъ подготовила себѣ удовлетвореніе имѣть смѣлость распѣвать оскорбитель-

Подлинникъ.	*Переводъ.*	*Переводъ г. Поссе.*
oder minder unheilschwangere Prophezeiungen ihm ins Ohr raunen zu dürfen“.	своего новаго властителя и шептать ему на ухо пророчества, грозящія большими или меньшими бѣдствіями“.	ныя пѣсни на своего новаго владыку и нашептывать ему на ухо пророчества, чреватыя болѣе или менѣе тяжелыми злополучіями“.

Переводъ у Поссе дословный, но извольте выговорить однимъ духомъ это „удовлетвореніе имѣть смѣлость распѣвать!“ А приведенный отрывокъ весьма характеренъ для перевода г. Поссе и въ смыслѣ его буквальной точности, и въ смыслѣ тяжеловѣсности стиля. Но, какъ мы уже указывали, эта погоня за буквальной точностью не ограничивается неуклюжестью языка, а приводитъ нерѣдко къ затемненію смысла. Какъ позволите, напримѣръ, понять такое мѣсто: „Собственность, при ея современной формѣ, движется въ противоположности капитала и наемнаго труда“. Это буквальный переводъ съ нѣмецкаго, а нѣмецкій оригиналъ хочетъ сказать, что собственность въ ея современной формѣ движется, вращается въ рамкахъ противоположности между трудомъ и капиталомъ, что она ограничена этими рамками, не можетъ изъ нихъ выйти. То же затемненіе мыслей подлинника встрѣчаемъ мы и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Манифестъ отмѣчаетъ общественный характеръ капитала. Указавъ, что капиталъ является продуктомъ труда всего общества и можетъ быть приведенъ въ движеніе только этимъ коллективнымъ трудомъ, Манифестъ говоритъ: „Итакъ, капиталъ общественная, а не личная, сила. Слѣдовательно, если капиталъ будетъ превращенъ въ общую, всѣмъ членамъ общества принадлежащую собственность, то при этомъ не произойдетъ превращенія личной собственности въ общественную“. Смыслъ этого предложенія тотъ, что, прежде чѣмъ орудія производства станутъ собственностью соціалистическаго общества, они, еще въ качествѣ частнаго капитала, пріобрѣтаютъ свойства общественной силы. Такимъ образомъ, обобществленіе капитала сводится лишь къ измѣненію общественнаго характера собственности, къ превращенію ея изъ орудія классоваго господства въ средство освобожденія общества и личности. А г. Поссе, переводя и здѣсь не смыслъ, а букву, пишетъ: „Капиталъ, такимъ образомъ, не личная сила, онъ сила общественная. Если, *такимъ образомъ*, капиталъ *превращается* въ общественную, всѣмъ членамъ общества принадлежащую собственность, то здѣсь нѣтъ превращенія личной собственности въ общественную“. Получается такой смыслъ, будто капиталъ, уже въ силу того, что онъ общественный продуктъ и приводится въ

движеніе обществомъ, представляетъ и общественную собственность. Между тѣмъ рѣчь идетъ о томъ измѣненіи, которое произойдетъ, когда капиталъ *будетъ превращенъ* въ общественную собственность, т. е. будетъ экспропріированъ. Въ связи съ этимъ мѣстомъ стоитъ другое, которое въ Манифестѣ гласитъ: „Съ того мгновенья, когда трудъ не сможетъ болѣе быть превращенъ въ капиталъ, деньги, земельную ренту, короче говоря,—въ общественную силу, могущую быть монополизированной, т. е. съ того мгновенья, когда личная собственность не сможетъ болѣе превращаться въ буржуазную—съ этого мгновенья, заявляете вы, личность уничтожена“. Г. Поссе переводитъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: „Съ того момента, какъ работа (?) *не можетъ* болѣе превращаться въ капиталъ, деньги, поземельную ренту..., когда личная собственность *не можетъ* болѣе перевернуться (umschlagen) въ буржуазную, *съ этого момента вы заявляете, будто* личность уничтожена“. Различіе совершенно ясно: въ Манифестѣ говорится, что буржуазія уже теперь, въ борьбѣ съ коммунизмомъ, кричитъ, что, когда личная собственность утратитъ возможность превращаться въ буржуазную, а вмѣсто этого будетъ превращаться въ соціалистическую, личность погибнетъ. У г. Поссе эта мысль „перевернулась“, и получилось такое толкованіе, будто буржуазія начинаетъ вопить объ уничтоженіи личности *послѣ того*, какъ личная собственность утратила указанное свойство. Если сопоставить два разобранныхъ нами только что мѣста, то получается своеобразное толкованіе одной изъ идей Манифеста. Превращеніе капитала въ общественную собственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воображаемое уничтоженіе личности, по поводу котораго плачетъ буржуазія,—не пріурочиваются къ моменту переворота, сверженія господства буржуазіи и установленія диктатуры пролетаріата, какъ это имѣетъ въ виду Манифестъ, а изображаются, какъ одинъ изъ моментовъ нормальнаго, эволюціоннаго развитія капиталистическаго общества. Получается какъ бы иллюстрація къ ученію о постепенномъ вростаніи буржуазнаго общества въ соціалистическое—ученію, совершенно чуждому „Коммунистическому Манифесту“.

Погоня г. Поссе за буквальной точностью соединяется нерѣдко съ недостаточной внимательностью, и тогда получается просто безсмыслица. „Буржуазія,—говорится въ переводѣ г. Поссе,—создала болѣе громадныя, болѣе колоссальныя производительныя силы“. Читатель въ недоумѣніи: въ чемъ же тутъ разница—громадныя и колоссальныя; все различіе только въ томъ, что одно слово русское, а другое иностранное. Суть въ томъ, что Манифестъ говоритъ о „болѣе многочисленныхъ и болѣе могущественныхъ производительныхъ силахъ“ (massenhaftere und kolossalere — буквально: „болѣе массовыя и колоссальныя“). Точно также тамъ, гдѣ Манифестъ говоритъ, что положе-

нія коммунистовъ основываются не на „идеяхъ, изобрѣтенныхъ или открытыхъ (erfunden oder entdeckt)“ исцѣлителями міра, у г. Поссе говорится объ идеяхъ, „выдуманныхъ или изобрѣтенныхъ“. Выдуманныя и изобрѣтенныя—это ненужное повтореніе одного и того же понятія; изобрѣтенныя и открытыя—это два пути образованія идей. Не обходится и безъ курьезовъ. Такъ слова „profane französische Litteratur“ (свѣтская французская литература) г. Поссе переводитъ „литература французскихъ *профановъ*“. Это тѣмъ нелѣпѣе, что въ началѣ главы совершенно ясно говорится о „соціалистической и коммунистической литературѣ Франціи“, а „свѣтской“ называетъ ее Манифестъ потому, что проводитъ параллель съ духовной литературой—жизнеописаніями католическихъ святыхъ. Откуда тутъ взялись профаны и что это за профаны—остается тайной г. Поссе. Совсѣмъ ужъ пикантно вышло у г. Поссе то мѣсто, гдѣ говорится о разложеніи буржуазной семьи. „Наши буржуа, — говоритъ Манифестъ, — находятъ величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы соблазнять женъ другъ у друга“. Г. Поссе переводитъ: „Наши буржуа находятъ главное удовольствіе въ томъ, чтобы поперемѣнно соблазнять своихъ законныхъ женъ“. Не говоря уже о томъ, что довольно трудно соблазнить *свою* жену, да еще „законную“, интересно знать, что значитъ „поперемѣнно?“ По очереди, что ли? Въ оригиналѣ стоитъ wechselseitig—взаимно, т. е. другъ у друга; но г. Поссе думаетъ: wechseln—мѣнять, значитъ—поперемѣнно [1]).

Мы, конечно, не исчерпали всѣхъ ошибокъ и промаховъ разсматриваемаго перевода. Но и не въ этомъ суть. Намъ важно было показать на примѣрахъ, что цѣль, которой задался г. Поссе, недостигнута. Онъ имѣлъ въ виду дать документально точный переводъ „Коммунистическаго Манифеста“. Но въ погонѣ за буквальной точностью перевода онъ перешелъ ту грань, за которой кончается переводъ мыслей и начинается переводъ словъ. Къ тому же и переводъ словъ у него нерѣдко сводится чуть не къ переводу слоговъ, да и тотъ подчасъ дѣлался прямо невѣрно. Съ другой стороны, онъ тоже не избѣжалъ своеобразнаго извращенія мыслей Манифеста, не говоря уже о томъ, что многія ошибки плехановскаго перевода (Koalition — стачка; Urbarmachung—воздѣлываніе, öffentlich—общественный и т. п.) цѣликомъ

[1]) Такого рода курьезы, являющіеся слѣдствіемъ буквальнаго перевода отдѣльныхъ словъ, встрѣчаются довольно часто. Такъ, слово gleichmässig—въ равной мѣрѣ, г. Поссе переводитъ „равномѣрно“, и получается такая нелѣпость: „рабочіе .. *равномѣрно* подвержены... колебаніямъ рынка“. Der eintönigste Handgriff—самое однообразное (монотонное) движеніе руки, переводится „самое *однотонное* движеніе“. Durch den gewaltsamen Sturz der Bourgeoisie—путемъ насильственнаго низверженія буржуазіи—переведено: „могуче низвергнувъ буржуазію“. И такихъ примѣровъ множество.

перешли и въ переводъ г. Поссе. Полное игнорированіе литературной формы мы уже отмѣчали.

Изъ шести переводовъ, отмѣченныхъ нами въ началѣ статьи, только два указанныхъ—переводы Плеханова и Поссе—заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Несмотря на всѣ ихъ ошибки и недочеты, въ нихъ видно знаніе предмета, видны пониманіе и старательная работа; у Плеханова, пожалуй, больше пониманія, у Поссе—старательности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это безспорно оригинальная работа. Конечно, г. Поссе не могъ не пользоваться переводомъ Плеханова, и нѣкоторыя мѣста переведены имъ въ плехановскомъ духѣ. Но не въ этомъ дѣло; для оригинальности важно самостоятельно продумать переводимую вещь, и эта самостоятельность пониманія весьма рельефно сказывается на особо трудныхъ мѣстахъ. Переводъ „Коммунистическаго Манифеста“—не малая работа. Масса глубочайшихъ идей, вложенныхъ въ эту маленькую брошюрку, сжатая, строго логическая форма изложенія, наконецъ, своеобразный, сильный и образный языкъ—характерный языкъ Маркса 40-хъ годовъ—все это требуетъ большой вдумчивости и усидчивости отъ переводчика. Идеальнымъ переводомъ былъ бы тотъ, который соединялъ бы съ документальной точностью острый и сильный языкъ подлинника. Два разсмотрѣнныхъ нами перевода не достигаютъ этого совершенства. Не достигаетъ его и переводъ, изданный г. Львовичемъ. Еще дальше отстоятъ отъ него остальные изъ перечисленныхъ переводовъ: именно переводы, вышедшіе въ изданіи Алексѣевой, „Молота“, „Разсвѣта“ и „Колокола“.

Эти послѣднія изданія Манифеста—особенно три послѣднихъ—и по характеру переводовъ, и по внѣшнему виду относятся къ изданіямъ „средней руки“. Среди нихъ сравнительно выдѣляется по тщательности и самостоятельности переводъ, изданный Е. М. Алексѣевой [1]), но и онъ остается посредственнымъ. Правда, полнотѣ и точности этихъ переводовъ сильно мѣшали цензурныя условія—они всѣ вышли еще съ предварительной цензурой. Такъ, напримѣръ, ни одинъ изъ нихъ не носитъ подлиннаго названія: „Манифестъ Коммунистической Партіи“. Всѣ они изданы также безъ вступительной странички (введенія), начинающейся словами: „Призракъ бродитъ по Европѣ...“ Наконецъ, всѣ они—или почти всѣ—страдаютъ тѣми или другими пропусками. Однако, сличивъ эти переводы,—а всѣ они выходили при одинаково скверныхъ условіяхъ,—мы увидимъ, что ихъ внѣшніе недостатки въ значительной мѣрѣ происходятъ также отъ небрежности переводчиковъ или издателей. И здѣсь изданіе Алексѣевой стоитъ выше другихъ. Въ немъ выпущено нѣсколько предложеній въ самомъ концѣ Манифеста и введеніе („Призракъ бродитъ...“). Сокращенію и пере-

---

[1]) Такой же отзывъ можно было бы дать и о переводѣ г. Таубмана, если бы его не испортилъ издатель. Объ этомъ ниже.

дѣлкѣ подверглось также 3-ье предисловіе авторовъ. Изъ него выброшена вся часть, касающаяся Россіи (предисловіе къ русскому изданію 1882 г.) и кромѣ того сдѣланы „поправки", назначеніе которыхъ не совсѣмъ понятно. Самое названіе Манифеста изъ этого перевода вытравлено, фамиліи В. Засуличъ и Г. Плеханова обозначены только иниціалами, хотя въ то же время Плехановъ полностью проставленъ на обложкѣ; слово соціализмъ замѣнено словомъ коллективизмъ, хотя дальше, въ текстѣ, соціализмъ упоминается неоднократно; выброшены и заключительныя слова этого предисловія. Эти купюры тѣмъ страннѣе, что самый текстъ Манифеста напечатанъ почти безъ измѣненій—только слово революціонный замѣнено словомъ прогрессивный. Получается впечатлѣніе, будто это предисловіе взято изъ какого-то другого, еще болѣе „легальнаго", изданія. Тѣмъ не менѣе данный переводъ Манифеста самый полный и самый тщательный изъ четырехъ указанныхъ.

Хуже обстоитъ дѣло съ переводомъ г. Таубмана въ изданіи „Молота". Онъ изданъ вообще безъ всякихъ предисловій и безъ введенія. Заключительныя слова тоже выброшены. Это, конечно, можетъ быть объяснено желаніемъ дать дешевое агитаціонное изданіе, а также цензурными соображеніями. Но дальше идутъ уже пробѣлы, которые всецѣло должны быть отнесены насчетъ неряшливости изданія. Такъ, въ концѣ 2-й главы выпущенъ цѣлый абзацъ; на стр. 29 подстрочное примѣчаніе попало въ текстъ и притомъ въ текстъ не той главы, къ которой относится; на послѣдней же страницѣ прямо какой-то хаосъ. Глава III неожиданно прерывается передъ абзацомъ, начинающимся словами: „Значеніе критико-утопическаго соціализма..." Тутъ же вплотную, безъ всякихъ указаній, слѣдуетъ глава IV и притомъ сразу съ 3-го абзаца. Послѣ словъ „коммунисты поддерживаютъ повсюду всякое революціонное движеніе" вдругъ ставится точка, а продолженіе этого предложенія попадаетъ въ слѣдующій абзацъ, уже совершенно ни къ селу, ни къ городу. Послѣ предложенія: „Наконецъ, коммунисты стремятся повсюду къ соединенію и соглашенію между демократическими партіями всѣхъ странъ", въ которомъ „демократическія партіи" замѣняются почему-то „рабочими партіями", Манифестъ заканчивается. Чѣмъ объясняется подобное, болѣе чѣмъ странное, обращеніе съ историческимъ документомъ, понять трудно. Можетъ быть, съ коммерческой точки зрѣнія и выгоднѣе выбросить нѣсколько гранокъ, чтобы умѣстить брошюру на 32-хъ страницахъ, но выпускать Манифестъ въ подобномъ видѣ на рынокъ, значитъ—давать публикѣ завѣдомо негодный товаръ.

Переводъ, изданный „Разсвѣтомъ" подъ редакціей Чапинскаго, представляетъ еще одну ступень упрощенія. Кромѣ предисловій, введенія и заключительныхъ словъ, здѣсь выброшены между

прочимъ и всѣ примѣчанія. Къ чему, молъ, лишнія слова? Насчетъ терминологіи редакція г. Чапинскаго хромаетъ. На обложкѣ написано: „Общественные классы и коммунизмъ“. Во II главѣ слово коммунизмъ замѣняется словомъ коллективизмъ; въ III опять воскресаетъ коммунизмъ. Повидимому, брошюру редактировало, по крайней мѣрѣ, три гг. Чапинскихъ.

Буквально то же самое нужно сказать и объ анонимномъ переводѣ, изданномъ „Колоколомъ“. Онъ тоже освободился отъ всякихъ предисловій и примѣчаній и тоже не знаетъ, что выбрать: коммунизмъ или коллективизмъ.

Такимъ образомъ издательская и редакціонная внѣшность этихъ четырехъ переводовъ, особенно трехъ послѣднихъ, представляетъ очень печальную картину. Посмотримъ же, какова внутренняя цѣнность самихъ переводовъ.

IV.

Мы уже упоминали, что всѣ эти переводы болѣе или менѣе средней руки. Но изъ нихъ мы должны выдѣлить, какъ самостоятельные, переводъ въ изданіи Алексѣевой и переводъ г. Таубмана.

Переводъ, изданный Алексѣевой (для краткости будемъ называть его переводомъ Алексѣевой), передаетъ мысли подлинника довольно свободно, не придерживаясь близко текста, совершенно не отражая своеобразнаго языка оригинала. Въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ онъ по большей части слѣдуетъ переводу Плеханова. Но это не мѣшаетъ ему вносить въ свой переводъ и совершенно самостоятельныя ошибки. Приведемъ нѣсколько образцовъ, характеризующихъ самый типъ перевода.

Переводъ Алексѣевой.	*Подлинникъ.*
„Старый способъ производства не могъ уже удовлетворять потребностямъ, которыя съ открытіемъ новыхъ рынковъ стали возрастать. Ремесло, опутанное феодальными привилегіями, уступило свое мѣсто мануфактурѣ. Мелкая промышленная буржуазія вытѣснила цеховыхъ мастеровъ. Раздѣленіе труда между отдѣльными цехами исчезло и замѣнилось раздѣленіемъ труда внутри мастерской“.	„Существовавшій до тѣхъ поръ въ промышленности феодальный или цеховой способъ производства былъ не въ силахъ удовлетворить потребности, растущія вмѣстѣ съ новыми рынками. Его мѣсто заняла мануфактура. Цеховые мастера были вытѣснены промышленнымъ среднимъ сословіемъ; раздѣленіе труда между различными корпораціями исчезло передъ раздѣленіемъ труда внутри одной мастерской“.

Этотъ вольный переводъ мѣстами переходитъ въ простое переложеніе своими словами мыслей Манифеста. Напримѣръ:

Переводъ Алексѣевой.

„Французскій оригиналъ служилъ у нихъ надстройкой на фундаментѣ ихъ собственныхъ философскихъ безсмыслицъ“.

Подлинникъ.

„Они вписали свой философскій вздоръ подъ французскій оригиналъ“.

Эти примѣры показываютъ общій типъ перевода. Изъ нихъ ясно, что напрасно искали бы мы въ немъ документальной точности, а тѣмъ болѣе языка и настроенія оригинала. Подобный переводъ годится для популяризаціи идей Манифеста, но онъ совершенно не пригоденъ для основательнаго изученія ихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что переводъ сдѣланъ вполнѣ самостоятельно—нерѣдко даже, къ сожалѣнію, самостоятельно, такъ какъ въ ущербъ вѣрности. Однако, нѣкоторыя трудныя мѣста взяты у Плеханова или переведены по Плеханову. Сюда относится, прежде всего, та характеристика революціонности мелкой буржуазіи (среднихъ сословій), изъ-за которой ополчился на Плеханова г. Поссе. Читатель помнитъ еще, въ чемъ заключалась неправильность перевода Плеханова. Повторить ту же неправильность, не имѣя передъ глазами этого перевода, невозможно. А, между тѣмъ, въ переводѣ Алексѣевой онъ повторенъ полностью, несмотря на измѣненіе отдѣльныхъ выраженій.

Переводъ Алексѣевой.

„Если ихъ дѣятельность иногда получаетъ *прогрессивное*[1] *значеніе*, то лишь *постольку, поскольку* имъ угрожаетъ переходъ въ ряды пролетаріата, т. е. *поскольку* они защищаютъ свои будущіе интересы, а не настоящіе, *поскольку* они оставляютъ свою собственную точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата“.

Переводъ Плеханова.

„Если они имѣютъ *революціонное значеніе*, то лишь *постольку, поскольку* имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, *поскольку* они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, *поскольку* они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата[2])“.

Хотя здѣсь измѣнено очень много отдѣльныхъ выраженій, но конструкція періода цѣликомъ плехановская. Слѣдуетъ замѣтить, что въ подлинникѣ предложеніе построено иначе (см. выше кри-

---

[1]) Читай: революціонное. Слово „прогрессивное“ поставлено въ утѣшеніе цензора.

[2]) Подчеркнуты мѣста, отмѣченныя г. Поссе у Плеханова, какъ неправильныя.

тику г. Поссе). Другое затруднительное мѣсто, представляющее особенныя стилистическія трудности, слѣдующее: „Die Proletarier haben nichts von dem Ihrigen zu sichern, sie haben alle bisherigen Privatsicherheiten und Privatversicherungen zu zerstören“. Перевести это мѣсто такой же сильной и сжатой фразой крайне трудно. Оно значитъ: „У пролетаріевъ нѣтъ своей собственности для обезпеченія, они должны разрушить всякую существовавшую до сихъ поръ частную обезпеченность и всѣ прежніе способы частнаго обезпеченія“. Вотъ какъ переведено это мѣсто:

Переводъ Алексѣевой.	*Переводъ Плеханова.*
„Пролетаріямъ нечего упрочивать; они должны, напротивъ, разрушить всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія“.	„Пролетаріямъ нечего упрочивать, они должны, напротивъ, разрушить всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія“.

Случайное совпаденіе переводовъ такого труднаго мѣста, конечно, немыслимо.

Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ неточностяхъ и неправильностяхъ этого перевода; пришлось бы писать объ этомъ цѣлую брошюру [1]). Да это и не нужно. Мѣстами отдѣльныя выраженія, которыя у Плеханова переведены неточно, встрѣчаются здѣсь въ лучшей передачѣ. Такъ, напримѣръ, слово Urbarmachung въ первомъ случаѣ переводится „вовлеченіе въ обработку“ цѣлыхъ частей свѣта. Это еще не совсѣмъ точно, но гораздо вѣрнѣе, чѣмъ „эксплоатація“. Но зато въ другомъ случаѣ этотъ терминъ переводится вслѣдъ за Плехановымъ словомъ „обработка“, и это доказываетъ, что переводчикъ не вдумался въ идею „мѣропріятій“ побѣдившаго пролетаріата. То же самое происходитъ и съ пресловутой „организаціей пролетаріата въ классъ“. Одинъ разъ соотвѣтствующее мѣсто переведено вѣрно, но зато во второмъ случаѣ фигурируетъ уже „организація пролетаріевъ въ *классовую партію*“, т. е. ясно, что переводчикъ не усвоилъ этой идеи, а поскольку переводилъ вѣрно, дѣлалъ это случайно, исключительно благодаря тому, что строго придерживался въ данномъ мѣстѣ оригинала. Если переводчикъ мѣстами переводилъ неправильно или слишкомъ вольно, то въ одномъ онъ неповиненъ — онъ не присочинялъ ничего къ подлиннику. Но въ концѣ онъ все же не удержался и отъ этого грѣха. Въ

[1]) Отмѣчу только одинъ стилистическій цвѣтокъ; „нѣмецкіе соціалисты нарядили *пару* своихъ вѣчныхъ истинъ“. Пора бы переводчикамъ усвоить себѣ, что по-русски пара означаетъ *ровно два*, а не нѣсколько, какъ на нѣмецкомъ или польскомъ языкѣ. Можно говорить, поэтому, о парѣ лошадей, о парѣ сапогъ, но не о парѣ истинъ.

послѣднемъ абзацѣ онъ выбросилъ ради цензуры слѣдующее мѣсто: „Они (коммунисты) открыто заявляютъ, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь путемъ насильственнаго низверженія всего существующаго общественнаго строя. Пусть господствующіе классы дрожатъ передъ коммунистической революціей". Но когда онъ вычеркнулъ эти строки, ему стало жалко. И, ничто-же сумняшеся, онъ присочинилъ вмѣсто нихъ: „Они обращаются съ своимъ призывомъ къ пролетаріату"... Получилась холщевая заплата на бархатномъ кафтанѣ. Это уже отъ лукаваго.

Переводъ г. Таубмана, изданный „Молотомъ", въ общемъ подходитъ по типу къ переводу Алексѣевой. Если отвлечься отъ операціи, продѣланной издателемъ надъ концомъ перевода,—переводчикъ, вѣроятно, въ этомъ мало повиненъ, — то придется признать самый переводъ не ниже средняго. Взятый въ цѣломъ, онъ, пожалуй, даже точнѣе алексѣевскаго, но съ отдѣльными, болѣе трудными, мѣстами онъ справляется хуже. Вотъ, для примѣра, отрывокъ, характеризующій степень точности и литературности перевода:

Переводъ Таубмана.

„Современное буржуазное общество съ его буржуазной формой производства и международныхъ отношеній, съ его буржуазными имущественными отношеніями, общество, которое, словно по волшебству, создало столь грандіозныя средства производства и сообщенія, похоже на чародѣя, не могущаго болѣе справиться съ тѣми подземными силами, которыя онъ самъ вызвалъ своими заклинаніями".

Подлинникъ.

„Буржуазныя отношенія производства и обращенія, буржуазныя имущественныя отношенія, короче, современное буржуазное общество, создавшее, какъ бы по волшебству, такія могучія средства производства и обращенія, уподобляется тому волшебнику, который не въ силахъ болѣе заворожить вызванныя имъ подземныя силы".

Такой переводъ, конечно, нельзя назвать документально точнымъ, но онъ въ общемъ правильно передаетъ мысль оригинала и притомъ въ вполнѣ удовлетворительной литературной формѣ. Но въ отдѣльныхъ мѣстахъ встрѣчаются грубыя неправильности. „Открытіе Америки... предоставило въ распоряженіе буржуазіи *новыя земли*"—пишетъ переводчикъ. Между тѣмъ рѣчь идетъ о созданіи новаго поля дѣятельности (neues Terrain). Знакомая намъ уже Urbarmachung переводится—вслѣдъ за Плехановымъ—то „эксплоатаціей", то „обработкой", что, какъ мы видѣли уже, совершенно не вѣрно. Весьма грубую ошибку дѣлаетъ г. Таубманъ также въ слѣдующемъ мѣстѣ: на стр. 13 нѣмецкаго оригинала

говорится: „На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и обращенія, условія, въ которыхъ производило и обмѣнивало феодальное общество, феодальная организація земледѣлія и мануфактуры, однимъ словомъ — феодальныя имущественныя отношенія перестали соотвѣтствовать развившимся производительнымъ силамъ". Г. Таубманъ переставляетъ ходъ мысли авторовъ, и у него получается такое положеніе: „На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія, окрѣпшія уже производительныя силы не соотвѣтствовали болѣе тѣмъ условіямъ, въ рамкахъ которыхъ совершался процессъ производства и обмѣна въ феодальномъ обществѣ, феодальной организаціи земледѣлія и мануфактуры,—словомъ, всѣмъ феодальнымъ имущественнымъ отношеніямъ".

Здѣсь все перевернуто вверхъ ногами. Марксизмъ учитъ, что развивающіяся производительныя силы создаютъ опредѣленныя производительныя и имущественныя отношенія; въ дальнѣйшемъ развитіи онѣ перерастаютъ эти отношенія, „рынки" перестаютъ соотвѣтствовать производительнымъ силамъ. По Таубману же происходитъ совершенно наоборотъ: развитіе средствъ производства и обращенія приводитъ къ тому, что „окрѣпшія" (?) производительныя силы не соотвѣтствуютъ „болѣе" (!!) имущественнымъ отношеніямъ. Получается марксизмъ наизнанку. Весьма упрощенно переведено въ изданіи „Молота" уже знакомое намъ мѣсто, касающееся революціонности мелкой буржуазіи. Вотъ переводъ его: „Революціонны изъ нихъ только тѣ, которые прониклись сознаніемъ, что имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, и въ такомъ случаѣ они защищаютъ не свои настоящіе, а свои будущіе интересы, они оставляютъ свою собственную точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата". Это совершенно невѣрно. Во-первыхъ, Манифестъ одинаково говоритъ о всѣхъ „среднихъ сословіяхъ", не раздѣляя ихъ на „тѣхъ" и „не тѣхъ"; во-вторыхъ, г. Таубманъ подмѣниваетъ объективный, стихійный процессъ—субъективнымъ, сознательнымъ. Манифестъ вовсе не говоритъ, что они революціонны, *ибо* прониклись сознаніемъ и т. д.; напротивъ, онъ утверждаетъ, что они консервативны и даже реакціонны. Но *если* они становятся на революціонный путь, то это возможно лишь потому, что развитіе капитализма толкаетъ ихъ къ пролетаризаціи; они не сознаютъ — по крайней мѣрѣ не сознаютъ, какъ классъ (или группа)—неизбѣжности гибели, но въ нихъ стихійно побѣждаютъ элементы разложенія, пролетаризаціи надъ элементами самосохраненія, консерватизма, и они становятся революціонерами. Слѣдовательно, вся сложная задача сводится къ тому, чтобы объяснить источникъ революціонности консервативнаго по существу класса. Г. Таубманъ слишкомъ упростилъ задачу, и никакого объясненія не получилось. Вѣдь мелкіе буржуа, *сознав-*

шіе необходимость перехода въ пролетаріатъ, теряютъ тѣмъ самымъ характерныя черты мелкобуржуазной психологіи и приближаются къ психологіи пролетарской.

Что касается интересующаго насъ вопроса объ „организаціи пролетаріата въ классъ", то соотвѣтствующія мѣста перевода правильны, хотя въ началѣ II главы употреблено неопредѣленное выраженіе: „сплоченіе пролетаріата въ классъ". Оно позволяетъ думать, что переводчикъ самой идеи все-таки не усвоилъ. Вѣдь „организація въ классъ" имѣетъ въ виду не одно механическое объединеніе, сплоченіе, не количественный моментъ, а моментъ качественный, преобразованіе суммы разрозненныхъ единицъ въ высшую коллективную единицу. Превращеніе некласса въ классъ — это одна изъ иллюстрацій діалектическаго превращенія количества въ качество.

Встрѣчаются у г. Таубмана и курьезы. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: „Они (реакціонеры) размахивали, какъ знаменемъ, пролетарской сумой въ надеждѣ привлечь на свою сторону народъ. Но при каждой попыткѣ послѣдовать за ними, онъ, увидѣвъ *на оборотной сторонѣ этого знамени* старый феодальный гербъ, разбѣгался съ громкимъ и непочтительнымъ хохотомъ". На самомъ же дѣлѣ гербъ, оказывается, „на оборотной сторонѣ" не знамени, а самихъ феодаловъ—такъ-таки и сказано: auf ihrem Hintern.

Переводъ, изданный „Разсвѣтомъ" подъ редакціей г. Чапинскаго, производитъ сначала какое-то странное впечатлѣніе. Его „вольность" доходитъ до простого пересказа. Напримѣръ, то мѣсто, которое мы приводили, какъ образецъ перевода г. Таубмана, переведено, или, правильнѣе, изложено такъ: „Буржуазныя условія производства и обращенія, создавшія такія могучія средства производства и обращенія, походятъ на волшебника, который не можетъ справиться съ вызванными имъ самимъ подземными силами". И этотъ упрощенный переводъ кишитъ кромѣ того ошибками и пропусками. Однако, самостоятельное творчество г. Чапинскаго продолжается не долго. Убѣдившись, повидимому, на первой главѣ въ безуспѣшности своего труда, переводчикъ предпочелъ въ дальнѣйшемъ прямо обратиться за помощью къ существующимъ уже переводамъ. Но взять, напримѣръ, переводъ г. Поссе и просто переписать его переводчикъ и редакторъ считали, повидимому, неудобнымъ. Поэтому они берутъ отдѣльныя мѣста изъ двухъ переводовъ—Поссе и Алексѣевой, переплетая ихъ собственнымъ творчествомъ. Получается довольно забавная смѣсь. Вотъ для примѣра отрывокъ:

„Она (аристократія) такимъ образомъ находила себѣ удовлетвореніе въ томъ, что сочиняла *оскорбительные* куплеты *на* своего новаго господина, нашептывала ему на ухо пророчества о великихъ бѣдствіяхъ".

Алексѣева.

„Такъ *возникъ* феодальный соціализмъ, эта смѣсь *жалобъ* съ пасквилями, отголосковъ прошлаго съ лепетомъ будущаго.“

Алексѣева въ редакціи Чапинскаго.

„Если *онъ иногда поражалъ* буржуазію въ самое сердце ѣдкой критикой, то всегда вызывалъ комическое впечатлѣніе своей полной неспособностью понять ходъ новѣйшей исторіи.“

Смѣсь Алексѣевой, Поссе и Чапинскаго.

„Чтобы привлечь къ себѣ народъ, они выбирали себѣ знаменемъ нищенскую суму. Но какъ только народъ собирался слѣдовать за ними, онъ замѣчалъ, что у этихъ знаменосцевъ спины украшены старыми феодальными гербами, и онъ тотчасъ же разбѣгался съ громкимъ и непочтительнымъ смѣхомъ.“

Алексѣева.

„Лучше всего разыграли эту комедію часть французскихъ легитимистовъ и Молодая Англія“.

Поссе.

Мы отмѣтили курсивомъ тѣ мѣста, которыя г. Чапинскій измѣнилъ въ текстѣ Алексѣевой и Поссе. Какъ видитъ читатель, редакторская работа не была очень обременительной. Впрочемъ, справедливость требуетъ признать, что г. Чапинскій внесъ и коекакую отсебятину, „углубивъ“ Алексѣеву и Поссе, а тѣмъ самымъ и Манифестъ. Тамъ, гдѣ говорится, что феодалы „умѣютъ мѣнять свои рыцарскія доблести, честь, любовь и вѣрность на овечью шерсть, свекловицу и *водку*“, г. Чапинскій скромно замѣняетъ „водку“—„сахаромъ“. Причина этого непостижима: ужъ не принадлежитъ ли г. Чапинскій къ обществу трезвости? [1])

Если на разборъ перевода „Коммунистическаго Манифеста“ въ изданіи „Разсвѣта“ потребовалось немного словъ, то еще меньше нужно ихъ для характеристики изданія „Колокола“. Ибо этотъ переводъ представляетъ не что иное, какъ перепечатку перевода Алексѣевой. Добро бы еще была это простая, точная перепечатка. Времена были тогда свирѣпыя, захватныя. Считаться съ правами литературной собственности не приходилось—дай Богъ живу остаться, а собственность вообще уже упразднять собирались. Захватить чужой переводъ и перепечатать было вполнѣ въ по-

¹) Совершенно то же продѣлываетъ и анонимъ изъ „Колокола“. Это наводитъ на мысль, что г. Чапинскій пользовался не прямо переводомъ Алексѣевой, а лишь его извращеннымъ колоколовскимъ изданіемъ (объ этомъ смотри ниже). Но тогда непонятна одна хронологическая подробность: изданіе „Разсвѣта“ „дозволено“ 3-го августа, изданіе „Колокола“ только 4-го сентября, т. е. на мѣсяцъ позже. Или Чапинскіе изъ „Разсвѣта“ сносятся съ Чапинскими изъ „Колокола“ путемъ внушенія на разстояніи?

рядкѣ вещей; экспропріированному переводчику оставалось хоть то моральное утѣшеніе, что полезная книжка въ его переводѣ двинется въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ тысячъ экземпляровъ на завоеваніе умовъ. Но переводчику алексѣевскаго изданія Манифеста „Колоколъ" не оставилъ и этого утѣшенія. Онъ подыскалъ себѣ тоже Чапинскаго, хотя и не рѣшившагося выставить свою фамилію, и поручилъ ему „исправить" алексѣевскій переводъ, И дѣйствительно, послѣ каждыхъ 4—5 страницъ буквальной перепечатки вы натыкаетесь вдругъ на усердную и неуклюжую руку „редактора". Начинается чистка. Слово „сноровка" замѣняется „ловкостью", „заработная плата"— „фабричной (?) платой", „рантье"—„мелкимъ рантье" и т. д. Иногда переставляются цѣлыя фразы: „Они направляютъ свою борьбу не только противъ буржуазныхъ отношеній производства, но и противъ самихъ орудій производства"—совершенно правильно переводитъ Алексѣева. Нѣтъ, думаетъ себѣ „редакторъ" изъ „Колокола", не такъ надо сказать; надо сказать „стриганулся". И онъ пишетъ: „Они *не довольствуются* борьбою противъ *одного только* буржуазнаго способа производства, но и направляютъ свою борьбу противъ орудій производства". Неправда ли, углубилъ? Борьба противъ способа производства слишкомъ узкая задача, рабочіе расширяютъ ее и начинаютъ громить машины! И „выправивъ" такимъ образомъ переводъ въ одномъ мѣстѣ, „редакторъ" жаритъ дальше нѣсколько страницъ дословно изъ „оригинала"— оригиналомъ для него является переводъ Алексѣевой, ибо нѣмецкаго подлинника онъ, повидимому, и въ глаза не видалъ,— и такъ до новой остановки, до новой „редакторской работы". Нечего прибавлять, что въ результатѣ средній по качеству переводъ Алексѣевой превращается въ скверный переводъ анонима изъ „Колокола".

Нѣсколько особое мѣсто занимаетъ переводъ г. Шаха, изданный г. Львовичемъ. Это послѣдній изъ вышедшихъ переводовъ; онъ изданъ безъ помощи предварительной цензуры, а потому и принадлежитъ къ числу немногихъ безусловно полныхъ переводовъ (пока, кромѣ него, полнымъ является только изданіе „Знанія", ибо переводъ г. Поссе все-таки имѣетъ одинъ пропускъ). По своему характеру переводъ этотъ стоитъ выше средняго, онъ ближе къ переводамъ Плеханова и Поссе, чѣмъ къ остальнымъ. Онъ могъ бы быть даже лучшимъ изъ переводовъ, если бы онъ не повторялъ ряда неточностей, ставшихъ, повидимому, традиціонными, и если бы авторъ его не страдалъ потребностью комментировать текстъ, добавляя къ нему отдѣльные пояснительные или усиливающіе эпитеты. А эти мелочные придатки разсѣяны такъ густо, что придаютъ всему переводу нежелательный колоритъ.

Такъ „призракъ", появившійся въ Европѣ, кажется г. Шаху

„страшнымъ“, хотя Манифестъ объ этомъ умалчиваетъ (впрочемъ, честь изобрѣтенія этого „страха“ принадлежитъ еще Плеханову). „Естественные“ начальники, о которыхъ говоритъ Манифестъ (стр. 28 изд. „Знанія“), превращаются въ людей, поставленныхъ „волей Божіей“—хотя это ужъ совсѣмъ противоестественно. Переводчикъ вообще страдаетъ богословскими наклонностями; такъ знакомыя намъ уже „чудеса искусства“, созданныя буржуазіей, у него выступаютъ въ качествѣ „много чудесъ“, причемъ это „много“—полнѣйшая отсебятина. Вмѣсто словъ „безконечнымъ облегченіемъ сношеній“ (стр. 29) г. Шахъ вставляетъ „пояснительный“ текстъ — „созданіемъ чрезвычайно удобныхъ и доступныхъ путей сообщенія“. „Лишь только заканчивается эксплоатація рабочаго фабрикантомъ“,—пишетъ Манифестъ, а г. Шахъ прибавляетъ: „совершенная этимъ послѣднимъ по мѣрѣ силъ и умѣнія“. Эту безспорную истину переводчикъ нашелъ во всякомъ случаѣ не въ подлинникѣ, а въ самомъ себѣ. То, что вамъ понятно,—обращается, Манифестъ къ буржуазіи—относительно античной и феодальной собственности, „становится вамъ уже непонятнымъ“, когда рѣчь идетъ о собственности буржуазной. Переводчику кажется слишкомъ слабымъ это „становится непонятнымъ“, и онъ замѣняетъ его страстнымъ выкрикомъ: „вы не смѣете, не рѣшаетесь понять“. Нечего прибавлять, что это совершенно извращаетъ смыслъ Манифеста: тамъ говорится объ объективной неспособности буржуазіи приложить то же мѣрило къ ея строю, какое она прилагаетъ къ отжившему обществу. А г. Шахъ вкладываетъ чисто-субъективный смыслъ нежеланія, боязни понять. Тамъ, гдѣ выдвигается требованіе „конфискаціи имуществъ всѣхъ эмигрантовъ и мятежниковъ“, переводчикъ почему-то прибавляетъ: „возставшихъ противъ переворота“. Ужъ не опасается ли г. Шахъ, что безъ его добавленія конфискуютъ имущество революціонеровъ, эмигрировавшихъ до переворота?

Все это мелочи—частью курьезныя, частью досадныя,—но онѣ крайне характерны для даннаго перевода: онѣ неотъемлемая индивидуальная особенность переводчика. Ихъ такая масса, онѣ такъ густо разсѣяны по всей книгѣ, что нѣтъ страницы безъ такихъ „добавленій“, „разъясненій“ и „углубленій“. И это значительно понижаетъ цѣнность перевода.

Но, наряду съ этими особенностями, г. Шахъ перенесъ въ свой переводъ цѣлый рядъ традиціонныхъ извращеній, настолько, повидимому, укоренившихся въ передовой литературѣ Коммунистическаго Манифеста, что переводчикамъ даже въ голову не приходитъ возможность усомниться въ правильности этой традиціи. Такъ мы встрѣчаемъ здѣсь уже знакомую намъ Urbarmachung. Одинъ разъ она переводится, какъ вовлеченіе „въ промышленный оборотъ цѣлыхъ частей свѣта“, что, конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ *созданію* производительныхъ

силъ въ земледѣліи. Другой разъ это слово переводится—„разработка пахотныхъ земель“; это, какъ мы уже указывали, совершенно невѣрно. Извѣстный абзацъ съ революціонностью мелкой буржуазіи переведенъ—съ внѣшней стороны—какъ у Плеханова, но по содержанію совершенно невѣрно: „Если же они и революціонны,—переводитъ г. Шахъ,—то лишь постольку, поскольку они понимаютъ предстоящій имъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не нынѣшніе, а будущіе свои интересы, поскольку они оставляютъ свою точку зрѣнія, чтобы стать на точку зрѣнія пролетаріата“. Здѣсь революціонность мелкой буржуазіи изображена, какъ субъективное настроеніе, создающееся благодаря пониманію неизбѣжнаго перехода въ ряды пролетаріата. Это чистѣйшій вымыселъ переводчика. Мы уже отмѣчали выше, при разборѣ перевода г. Таубмана, что Манифестъ говоритъ объ объективныхъ, общественныхъ условіяхъ революціонизированія мелкой буржуазіи, а не о субъективномъ психологическомъ моментѣ.

Мы не будемъ останавливаться на многочисленныхъ мелкихъ неточностяхъ, которыми пестритъ этотъ переводъ. Эти мелочи тѣмъ и досадны, что портятъ работу, которая безъ нихъ могла бы быть поставлена на одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ литературномъ отношеніи это одинъ изъ лучшихъ переводовъ; серьезныхъ, крупныхъ ошибокъ въ немъ меньше, чѣмъ въ любомъ изъ остальныхъ; но всѣ эти мелкія вольности лишаютъ переводъ характера точнаго документа, на который можно положиться и на который можно ссылаться, не опасаясь попасть въ просакъ.

Итоги нашего разбора получились довольно плачевные. Изъ семи разсмотрѣнныхъ переводовъ два приходится совершенно отстранить, какъ рыночную макулатуру. Два другихъ—переводы, изданные Алексѣевой и „Молотомъ“—представляются средними по достоинству [1]); они были бы вполнѣ удовлетворительны, если бы рѣчь шла о средней, обыкновенной брошюрѣ. Но мы имѣемъ дѣло съ выдающимся произведеніемъ соціалистической литературы, историческимъ документомъ, отдѣльныя выраженія котораго цитируются въ спорахъ, разбираются, комментируются. И средній типъ перевода здѣсь неумѣстенъ. По той же причинѣ приходится признать неудовлетворительными и два лучшіе изъ перечисленныхъ переводовъ—переводъ Плеханова и Поссе, а также переводъ Вл. Шаха. Литературность перваго, его глубокая, мѣткая передача отдѣльныхъ мѣстъ не можетъ искупить грубыхъ и крайне серьезныхъ ошибокъ. Недостатки второго—отдѣльныя не-

[1]) Къ тому же переводъ г. Таубмана превращенъ издателемъ въ никуда негодную вещь, а потому тоже долженъ быть отнесенъ въ разрядъ макулатуры. Критика его имѣетъ только литературный интересъ.

правильности и передача мѣстами не смысла, а буквы подлинника—дѣлаютъ и его мало пригоднымъ для пользованія при серьезномъ изученіи вопроса. Масса мелкихъ неточностей заставляетъ признать неудовлетворительнымъ и третій переводъ. Только тщательная выправка переводовъ Поссе и Шаха, да основательная передѣлка перевода Плеханова могли бы сдѣлать изъ нихъ переводы, достойные подлинника.

П. Орловскій.

Карлъ Марксъ и его время.

Очерки.

II.

Политическое положеніе Германіи въ началѣ сороковыхъ годовъ.—Окончаніе Марксомъ университетскаго курса и мечты о профессорской дѣятельности. — Первыя литературныя произведенія Маркса и ихъ характеръ. — Сотрудничество въ „Рейнской Газетѣ“ и увлеченіе Гегелемъ. — Закрытіе „Рейнской Газеты“. — Увлеченіе Маркса Фейербахомъ. — Пессимистическое настроеніе нѣмецкой интеллигенціи и оптимизмъ Маркса. — „Нѣмецко-Французскіе Ежегодники“ и сотрудничество въ нихъ К. Маркса.

Царствованіе Фридриха-Вильгельма III († 1840 г.) было эпохой глухой реакціи. Мрачный король защищалъ неограниченный режимъ съ непримиримостью и неутомимостью своей ограниченной натуры. И, чѣмъ больше разгоралось оппозиціонное движеніе, тѣмъ мрачнѣе и суровѣе становилась реакція. Въ пылу національнаго увлеченія, вызваннаго освободительной войной съ французами, Фридрихъ-Вильгельмъ III торжественно обѣщалъ даровать нѣмецкому народу конституцію; онъ въ двадцатыхъ годахъ, въ виду стѣсненнаго финансоваго положенія государства, вновь повторилъ это обѣщаніе, но затѣмъ; онъ не только не приводилъ его въ исполненіе, но принялся ожесточенно преслѣдовать всякіе разговоры о конституціи; все конституціонное движеніе онъ принималъ чуть ли не за личное оскорбленіе и высказывалъ твердую увѣренность, что ему удастся арестовать все освободительное движеніе и засадить его въ тюрьму. Подобная надежда была, конечно, наивной утопіей, но, при мрачномъ реакціонномъ правительствѣ Фридриха-Вильгельма III, освободительное движеніе не получило въ Германіи особенно широкаго развитія. Имъ былъ охваченъ собственно лишь только тонкій верхній слой общественной пирамиды. Въ широкой массѣ народа уже началось глухое броженіе, но оно еще не получило сознательнаго политическаго характера. Рабочій классъ былъ еще очень малочисленъ и никакой самостоятельной политической роли еще не игралъ. Все освободительное движеніе выносили на своихъ пла-

были плечахъ лишь малочисленная либеральная буржуазія и, главнымъ образомъ, студенчество, да еще, конечно, литераторы.

И при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III освободительное движеніе разросталось и углублялось въ широкую народную массу, но суровыми реакціонными мѣрами этому правительству удавалось тормазить его и, главное, замкнуть въ тѣсныя рамки волненій интеллигенціи.

Въ 1840 году Фридрихъ-Вильгельмъ III умеръ, и вздохъ облегченія вырвался изъ тысячи грудей. Еще при жизни Фридриха - Вильгельма III либеральные слои общества, отчасти изъ трусости, а отчасти изъ-за реальнаго безсилія отказавшіеся отъ открытой борьбы съ правительствомъ, всѣ свои надежды и упованія перенесли съ короля на кронпринца. Съ наслажденіемъ передавались изъ устъ въ уста разсказы о либерализмѣ кронпринца, о его сочувствіи конституціонному движенію, о его просвѣщенномъ умѣ и мягкомъ характерѣ. И смирные бюргеры съ нетерпѣніемъ ждали смерти стараго мрачнаго короля, съ ожесточеніемъ топтавшаго всѣ полезные ростки жизни.

И когда умеръ Фридрихъ-Вильгельмъ III и 7-го іюня 1840 г. на престолъ вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, то все общество предалось необузданной радости, въ его настроеніи произошелъ рѣзкій переломъ отъ тяжелаго отчаянія къ бурной радости. Одинъ изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ публицистовъ такъ характеризуетъ эту перемѣну въ настроеніи тогдашняго общества. „До 1840 года,—говоритъ онъ,—настроеніе общества становилось все мрачнѣе, безнадежнѣе, не вѣря ни въ самое себя, ни въ свое время, ни въ свое призваніе, разочаровалось въ возможности свободы и высшаго человѣческаго счастья; безконечное число разбитыхъ сердецъ, испорченныхъ характеровъ, разбитыхъ стремленій, исковерканныхъ жизней наполняло наше отечество". Но съ восшествіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV все измѣнилось. „Весна въ каждомъ сердцѣ, давно похороненныя стремленія вновь оживаютъ, погибшія надежды возрождаются. Люди начинаютъ глядѣть бодрѣе, живѣе, опущенныя головы подымаются... Все, все измѣнилось, даже сами люди стали иными, походка ихъ стала быстрѣе, живѣе, заря надежды заблистала у всѣхъ на лицахъ; кажется, что вотъ-вотъ изъ груди всѣхъ вырвется крикъ неизмѣримой радости" [1]).

На первыхъ порахъ все шло гладко, и именинное настроеніе нѣмецкаго либеральнаго общества росло. Правда, когда нѣкоторые изъ собравшихся ландтаговъ, принеся новому королю присягу, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ напомнили ему о давнишнемъ обѣщаніи его отца дать народу конституцію и вы-

[1]) B. Bauer. Vollständige Geschichte der Parteikämpfe in Deutschland während der Jahre 1842—1846. Charlottenburg, 1847. Bd. I. Стр. 4—5.

разили глубокую увѣренность, что сынъ, конечно, не замедлитъ исполнить торжественное обѣщаніе отца, то Фридрихъ-Вильгельмъ IV отнюдь не отвѣтилъ утвердительно. Но въ то же время онъ и не разсердился и не закричалъ на депутатовъ за ихъ безсмысленныя мечтанія, а по тогдашнимъ жестокимъ временамъ и это уже было не мало. Король отвѣтилъ очень туманной рѣчью, никакихъ конституціонныхъ обѣщаній не содержавшей, но либеральное общество предпочло истолковать эту витіеватую рѣчь въ смыслѣ симпатій короля къ конституціонализму. Но король самъ поспѣшилъ разсѣять эти иллюзіи либераловъ. Опубликовавъ рѣчи депутатовъ отъ земствъ и отвѣтную рѣчь короля, правительственный органъ при этомъ выразительно присовокупилъ, что онъ предаетъ гласности эти оффиціальные документы съ тѣмъ, „чтобы положить конецъ превратнымъ толкамъ о томъ, будто король въ своей отвѣтной рѣчи высказалъ одобреніе петиціи депутатовъ о провозглашеніи конституціи на основаніи указа 22-го мая 1815 года".

Наконецъ, въ своей рѣчи, обращенной къ нѣмецкому дворянству, Фридрихъ-Вильгельмъ IV ясно и громогласно заявилъ во всеуслышаніе, что ни о какой конституціи онъ и не помышляетъ. „Я твердо помню,—сказалъ король въ этой рѣчи,—что получилъ свою корону отъ Всевышняго Господа и передъ нимъ я отвѣтственъ за каждый день и каждый часъ своего правленія. И кто требуетъ отъ меня гарантій на будущее, тому я адресую эти слова. Лучшей гарантіи ни я и никакой иной человѣкъ дать не могутъ. И эта гарантія прочнѣе, чѣмъ всѣ присяги, чѣмъ всѣ обѣщанія, закрѣпленныя на пергаментѣ, ибо она вытекаетъ изъ самой жизни и коренится въ ней... И кто хочетъ довольствоваться простымъ, отеческимъ, древне-христіанскимъ правленіемъ, тотъ пусть съ довѣріемъ взираетъ на меня".

Эти непосредственныя заявленія короля и правительства, а еще пуще репрессивныя мѣры, которыя оно энергично принимало противъ всякихъ, даже самыхъ умѣренныхъ и лойяльныхъ проявленій оппозиціоннаго движенія, очень скоро убѣдили передовое нѣмецкое общество, что нѣмецкое правительство было слишкомъ ограничено для того, чтобы догадаться самому ограничить себя и что, поэтому, даже самая умѣренная конституція не будетъ дарована добровольно, а будетъ взята съ бою.

За какихъ-нибудь 2—3 года со временъ восшествія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV оппозиціонное движеніе сдѣлало въ Германіи значительные шаги впередъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV своими постоянными колебаніями между либеральными уступками и реакціонными гоненіями какъ нельзя лучше служилъ росту оппозиціоннаго движенія, которое всегда выигрывало отъ подобныхъ растерянныхъ колебаній правительственнаго курса. Броженіе во всей странѣ росло и вширь, и вглубь, оно

все лучше политически организовывалось, оно захватывало все болѣе и болѣе широкіе слои. Отношенія между правительствомъ и народомъ благодаря этому все болѣе обострялись. Еще недавно провозглашенная новая эра взаимнаго довѣрія быстро отходила въ прошлое, а борьба между правительствомъ и народомъ ярко разгоралась. Уступки, которыя время отъ времени съ злобой правительство бросало въ угоду ненасытному времени, конечно, не только не останавливали, но еще усиливали оппозиціонное движеніе.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ серьезно увѣренъ въ божественности своей власти, а между тѣмъ въ странѣ „божественный авторитетъ“ королевской власти находилъ все менѣе и менѣе вѣрующихъ. Народъ начиналъ все болѣе и болѣе скептически относиться къ увѣреніямъ правительства. „Самой характерной чертой переживаемой эпохи,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—является упадокъ вѣры въ правдивость правительства. Даже дѣлались всѣ усилія, чтобы открыто заявить объ этомъ недовѣріи. Такъ, напр., въ Берлинѣ появилась книга „Рѣчи и тосты короля“, представляющая простое сопоставленіе различныхъ рѣчей короля и на этомъ примѣрѣ иллюстрирующая, насколько оффиціальныя рѣчи не отвѣчаютъ истинѣ. Ореолъ власти Божьей Милостью уже не ослѣплялъ глазъ, пурпуръ уже не скрывалъ человѣка“ [1]).

Какъ глубоко понимало правительство характеръ оппозиціоннаго движенія, хорошо показываетъ заявленіе кёнигсбергскаго оберъ-президента, увѣрявшаго, что онъ „вполнѣ точно знаетъ, что кенигсбергскіе либералы находятся *на жалованіи у русскаго правительства*“ (er, der Königliche Oberpräsident ganz genau wisse, dass die königsberger Liberalen im *russischen Sold* Ständen. Курсивъ подлинника [2]).

Такова была общая атмосфера политической жизни Германіи той эпохи, когда Карлъ Марксъ, сдавъ свой государственный экзаменъ, собирался вступить на поприще профессорской дѣятельности. Мы уже видѣли, что реакціонныя гоненія, предпринятыя нѣмецкимъ правительствомъ противъ ближайшаго друга Маркса, Бруно Бауера, и лишеніе послѣдняго каѳедры, ясно показали Марксу, что съ каѳедръ тогдашней Германіи свободная наука не могла преподаваться. Оставивъ окончательно мысль о профессорской дѣятельности, Марксъ рѣшилъ отдаться публицистикѣ.

Къ публицистикѣ его давно тянуло, и еще на университетской скамьѣ онъ уже дѣлалъ—неудавшіяся—попытки литературной дѣятельности. Переписываясь съ Бруно Бауеромъ о своей преподавательской дѣятельности по каѳедрѣ философіи, Карлъ Марксъ

---

[1]) Ср. Ernst Dronke. Berlin. Erster Bd. Frankfurt am Main. 1846. 252 стр.
[2]) Ibid. 356 стр.

въ то же время планируетъ со своимъ другомъ изданіе радикальнаго журнала. И какъ только при первомъ же столкновеніи съ суровою жизнью разбились его мечты объ университетской каѳедрѣ, Марксъ принялся за литературу.

Въ то время литература служила вообще единственнымъ проводникомъ общественнаго мнѣнія и неудивительно, что литературное поприще стягивало къ себѣ всѣ наиболѣе яркія и боевыя силы страны. Конечно, правительство, въ виду этого, свирѣпствовало на литературномъ поприщѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо. Писателей штрафовали, засаживали въ тюрьмы, высылали, запрещали имъ литературную дѣятельность, закрывали газеты, журналы и цѣлыя издательскія фирмы, но толку отъ этого выходило мало, такъ какъ разъ проснувшуюся вольную человѣческую мысль такъ же нельзя задушить, какъ нельзя задушить воздухъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV у либеральнаго общества появилась надежда, что теперь печать, наконецъ, вздохнетъ свободно, и дѣйствительно новый король не скупился на комплименты по адресу печати, а черезъ нѣкоторое время появились новыя инструкціи цензорамъ, обѣщавшія въ „разумныхъ предѣлахъ“ водворить свободу печати. Въ высочайшемъ посланіи по поводу подготовляемыхъ новыхъ законовъ о печати говорилось: „Для того, чтобы уже теперь избавить прессу отъ неумѣстныхъ, не соотвѣтствующихъ Высочайшимъ видамъ ограниченій, Его Величество въ Высочайшемъ посланіи къ государственному министерству твердо высказалъ свое неудовольствіе неумѣстными притѣсненіями литературной дѣятельности и призналъ значеніе и необходимость свободной и приличной публицистики“.

По поводу этихъ-то сборовъ правительства соединить цензуру со свободою прессы и напечаталъ свою первую статью Карлъ Марксъ.

Обѣщаніе дать свободу печати нисколько, конечно, не мѣшало правительству Фридриха-Вильгельма IV на дѣлѣ продолжать все ту же старую политику свирѣпаго преслѣдованія малѣйшаго намека на дѣйствительно свободное слово.

Марксъ предназначалъ свою статью для журнала „Deutsche Jahrbücher“, но статья эта еще не была закончена, когда свирѣпствующая цензура сдѣлала невозможнымъ ея появленіе въ этомъ журналѣ. Редакторъ этого журнала Руге по поводу цензурныхъ преслѣдованій писалъ Марксу отъ 25-го февраля 1842 г.: „Дорогой другъ, одновременно съ Вашей критикой цензуры прусская тенденціозная цензура активно принялась за нашъ „Ежегодникъ“. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ цензоръ вычеркиваетъ нашу „вредную тенденцію“. Можете себѣ представить, что изъ этого выходитъ. Ваша статья не можетъ появиться; все, что напоминаетъ о Бауерѣ, Фейербахѣ и обо мнѣ, не пропускается.

Благодаря этому въ моемъ распоряженіи оказался подборъ прекрасныхъ и пикантныхъ вещей, уготовляющихъ цензурѣ оглушительную пощечину. Не согласитесь ли Вы, чтобы и Ваша статья вмѣстѣ съ другими запрещенными статьями была напечатана въ Швейцаріи въ сборникѣ „Anecdota philosophica“ Фейербаха, Бауера, Руге и др., если Вы не захотите, чтобы было названо Ваше имя“ [1]).

Марксъ, конечно, согласился. Въ началѣ марта появились два тома сборника „Anekdota“, въ которыхъ была помѣщена статья Карла Маркса. Сборникъ носилъ названіе „Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik“ Herausgegeben von Arnold Ruge“. Въ первомъ томѣ напечатаны были прежде всего любопытные документы по исторіи борьбы между „Нѣмецкими Ежегодниками“ и цензурой. Въ одномъ изъ своихъ отношеній королевскій цензоръ сообщаетъ, что до сихъ поръ начальство кое-какъ терпѣло вольнодумство этого журнала, имѣя въ виду, что онъ распространяется среди узкаго круга ученыхъ людей. „Но теперь мы убѣдились,—говоритъ цензоръ,—что этотъ журналъ завоевываетъ все болѣе широкій кругъ читателей и притомъ читателей не изъ чисто-ученаго круга, что этотъ журналъ, далѣе, стоитъ на чисто-революціонной почвѣ отрицанія, въ особенности въ области религіи и политики... Безусловно разсчитывая на круги читателей, не получившихъ настоящаго образованія, этотъ журналъ идетъ впередъ, безъ мѣры и удержу ведетъ свою войну со всѣмъ существующимъ“ [2]).

Вслѣдъ за этими документами идетъ статья Карла Маркса (подписанная псевдонимомъ „Житель Рейна“): „Замѣчанія по поводу новѣйшей прусской инструкціи о цензурѣ“.

Статья эта тогда же обратила вниманіе на начинающаго литератора. И дѣйствительно, чуждая всякой декламаціи и фразы, эта статья мастерски разбираетъ по косточкѣ всю цензурную инструкцію прусскаго правительства, спокойною и твердою рукой вскрываетъ всѣ ея замаскированныя внутреннія противорѣчія и доказываетъ, что нѣмецкимъ писателямъ не приходится надѣяться, что подобныя инструкціи могутъ улучшить ихъ положеніе. Обнаруживая въ авторѣ глубокій, анализирующій умъ, эта статья, однако, еще не носитъ ни малѣйшихъ слѣдовъ чего-либо специфически-марксистскаго.

Въ этой статьѣ, по всѣмъ видимостямъ, Карлъ Марксъ еще не стоялъ не только на соціалистической, но и на крайней радикальной точкѣ зрѣнія. Онъ начинаетъ свою статью съ заявленія: „Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ недовольныхъ, которые еще до выхода новаго цензурнаго эдикта восклицали:

---

[1]) Cp. Aus dem literarischen Nachlass. I Bd. Stuttgart. 1902. Стр. 140.

[2]) Anekdota zur neusten deutschen Philosophie und Publicistik. Heraus von A. Ruge. Zürich und Winterthur, 1843. 12 стр.

Timeo Danaos et dona ferentes" [1]). Но по отношенію къ прусскому самодержавному правительству подобное авансированное недовѣріе было, конечно, какъ нельзя болѣе умѣстно.

Заканчиваетъ свою статью Марксъ тоже слѣдующими скромными словами: „Единственнымъ радикальнымъ излеченіемъ цензуры является ея устраненіе. Самое учрежденіе плохо, а учрежденія сильнѣе людей. Но окажется ли нашъ взглядъ правильнымъ или ошибочнымъ, во всякомъ случаѣ прусскіе писатели выиграютъ благодаря новой цензурной инструкціи, выиграютъ,— получивъ или реальную свободу или идеальную: сознаніе" [2]).

Сотрудничество Маркса въ „Anekdota" ограничилось всего вышеупомянутой статьею о цензурѣ, да и сами „Anekdota" вышли всего въ двухъ выпускахъ, а затѣмъ прекратились. Въ это время для Маркса открылось уже въ его родной Рейнской провинціи новое, болѣе широкое и болѣе отвѣтственное поприще литературной дѣятельности: сотрудничество во вліятельной „Рейнской Газетѣ", а затѣмъ и редактированіе ея.

И въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ Рейнская провинція была наиболѣе передовою частью Германіи. Въ то время, какъ въ остальной Германіи лишь начинала развиваться крупная промышленность, въ Рейнской провинціи она уже сдѣлала крупныя завоеванія.

Въ политическомъ же отношеніи Рейнская провинція обогнала всю Германію благодаря тому, что со временъ наполеоновскаго завоеванія въ ней остался кодексъ Наполеона, который, по сравненію съ политическими порядками остальной Германіи, казался „революціоннымъ".

Вслѣдствіе этого въ Рейнской провинціи оппозиціонное движеніе противъ абсолютизма развилось сильнѣе, чѣмъ во всей остальной Германіи, и нашло себѣ вліятельную и внушительную опору въ лицѣ богатой и довольно многочисленной либеральной буржуазіи. Ея руководителями являлись два крупныхъ промышленныхъ дѣятеля Кампгаузенъ и Ганземаннъ. Ганземаннъ для проведенія въ жизнь либеральной политической программы крупной буржуазіи испробовалъ раньше излюбленный тогдашними нѣмецкими либералами и радикалами путь — черезъ голову бюрократіи обращаться непосредственно къ королю. Въ своемъ докладѣ королю Ганземаннъ очень краснорѣчиво и убѣдительно доказывалъ нѣмецкому самодержцу необходимость введенія хотя бы умѣреннѣйшей конституціи. Изъ этой записки ничего, конечно, не вышло, кромѣ непріятностей для самого Ганземанна, который былъ немедленно внесенъ въ списки неблагонадежныхъ и постоянно привлекалъ къ себѣ немилостивое вниманіе администраціи.

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass. Stuttgart. 1902. I Bd. Стр. 142.

[2]) Ibid. Стр. 166.

Ганземманъ и Кампгаузенъ рѣшили тогда для борьбы съ абсолютизмомъ и проведенія конституціонныхъ идей основать ежедневный органъ „Рейнскую Газету".

Если въ соціально-политическомъ смыслѣ „Рейнская Газета" была органомъ либеральной крупной буржуазіи, то въ обще-идейномъ отношеніи она явилась органомъ радикальныхъ лѣвыхъ гегельянцевъ. Лѣвые гегельянцы—въ противоположность правымъ—выводили изъ ученія Гегеля чрезвычайно радикальные соціально-политическіе взгляды, и въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ лѣвые гегельянцы стояли въ передовыхъ рядахъ освободительнаго движенія.

Нѣмецкое правительство первое время возвело гегелевскую философію въ придворный санъ, признало ее философіей предержащихъ властей, но когда молодые лѣвые гегельянцы, завоевывая все болѣе широкія симпатіи, стали доказывать революціонный смыслъ гегелевской философіи, то правительство начало смотрѣть на гегельянство совершенно иными глазами. Когда, напр., старые профессора гегельянцы Ото, Фатке и Бенари обратились къ министру Эйхгорну съ просьбою о разрѣшеніи имъ издавать газету, то они получили отказъ, мотивированный тѣмъ, что, „не располагая практическими, жизненными знаніями церковныхъ и государственныхъ вопросовъ, они будутъ руководить газетой съ точки зрѣнія гегелевской философіи, которая, по мнѣнію министра и всѣхъ высшихъ прусскихъ государственныхъ людей, находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ церковью и государствомъ" [1]).

Но понятно, что если прусское правительство запрещало изданіе органа старыхъ гегельянцевъ, ссылаясь на неблагонадежный характеръ Гегелевской философіи, то рейнская радикальная буржуазія, основывая радикальный политическій органъ, постаралась привлечь къ участію въ немъ всѣхъ выдающихся лѣвыхъ гегельянцевъ. Къ сотрудничеству въ „Рейнской Газетѣ" были привлечены Бауеръ, Максъ Штирнеръ, Рутенбергъ, Кöппенъ, Гессъ и др.

Въ то время, когда была въ Кельнѣ основана „Рейнская Газета" (въ январѣ 1842 г.), Марксъ съ Бауеромъ жили въ Боннѣ, куда ему была послана просьба о сотрудничествѣ, и онъ принялъ это приглашеніе съ радостью.

Программа „Рейнской Газеты" сводилась къ требованію введенія всеобщаго избирательнаго права, свободы печати, совѣсти и т. д., словомъ, къ обычнымъ конституціонно-демократическимъ требованіямъ. Въ соціальной области „Рейнская Газета" выдвигала требованіе прогрессивнаго подоходнаго налога,—отмѣны налога на предметы первой необходимости и т. д. Наконецъ, га-

---

[1]) Ср. Er. Dronke. Berlin. Frankfurt am Main. Erster Band. 1846. Стр. 281.

зета требовала роспуска постояннаго войска. „Если бы не постоянная армія,—говоритъ „Рейнская Газета“,—то насколько бы выше и шире распространено было бы благосостояніе, настолько бы больше можно сдѣлать добраго и хорошаго. Ссылка на то, что одно государство не можетъ разоружиться, пока не разоружится другое, не можетъ быть признана состоятельной. Если только какое-либо государство строго рѣшитъ ограничить свои предѣлы лишь политическою организаціей своихъ членовъ, если оно рѣшитъ опираться на своихъ свободныхъ и сильныхъ гражданъ, то оно спокойно можетъ ввѣрить свою прочность сердцу и рукамъ всѣхъ своихъ гражданъ“.

Марксъ принялъ самое дѣятельное сотрудничество въ „Рейнской Газетѣ“. Его первыя же статьи (о преніяхъ рейнскаго ландтага по поводу свободы печати) обратили на него вниманіе и выдвинули его въ первые ряды тогдашнихъ нѣмецкихъ публицистовъ. „Ваши статьи о свободѣ печати,—писалъ ему Юнгъ,—необыкновенно хороши“. „Никогда еще не было написано ничего болѣе глубокаго и не можетъ быть написано ничего болѣе глубокаго о свободѣ печати“, писалъ Арнольдъ Руге по поводу этихъ первыхъ статей Маркса въ „Рейнской Газетѣ“ [1]). Неудивительно, что Марксъ быстро занялъ первое мѣсто среди блестящаго состава сотрудниковъ новой газеты, и съ осени 1842 года онъ былъ приглашенъ редактировать „Рейнскую Газету“.

Статьи Маркса въ „Рейнской Газетѣ“, обнаруживая въ авторѣ блестящаго и глубокаго публициста, показываютъ, однако, что Марксъ въ то время еще совсѣмъ не былъ марксистомъ, и его мысль еще всецѣло находилась подъ вліяніемъ чаръ гегелевской философіи. Это сказалось прежде всего въ манерѣ изложенія, характерѣ аргументаціи, всемъ ходѣ мышленія. На каждомъ шагу въ этихъ публицистическихъ статьяхъ мы наталкиваемся на чисто-гегелевское „развертываніе“ понятій. Перечитывая статьи Маркса изъ „Рейнской Газеты“, невольно каждый разъ вспоминаешь слова Герцена о московскихъ лѣвыхъ гегельянцахъ.

Наши московскіе философы, разсказываетъ Герценъ, шли гулять въ Сокольники „для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ“, и если имъ попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, то философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту“ „или къ трагическому въ сердцѣ“.

Этою же перегонкой живыхъ общественныхъ явленій въ безплотныя абстракціи и категоріи страдаютъ въ значительной

---

[1]) Aus dem literar. Nachlass. 1 Bd. Стр. 182.

степени первыя статьи Карла Маркса. Напримѣръ, въ статьѣ по поводу преній ландтага о правѣ крестьянъ на сборъ хвороста въ лѣсахъ—вопросѣ, очень волновавшемъ, какъ мы ниже увидимъ, всю Рейнскую провинцію,—Марксъ, между прочимъ, пишетъ, защищая крестьянъ: „Разумъ, такимъ образомъ, путемъ примѣненія существующихъ категорій абстрактнаго частнаго права, вскрываетъ переходный колеблющійся характеръ формъ собственности. А законодательствующій разумъ чувствуетъ себя тѣмъ болѣе вправѣ отмѣнить обязательства этой колеблющейся собственности по отношенію къ бѣдному классу... но при этомъ онъ забываетъ, что передъ нами здѣсь, даже съ чисто частноправовой точки зрѣнія, двойственное частное право,—частное право владѣнія и частное право невладѣнія и что, далѣе, законодательство не уничтожаетъ государственно-правовыхъ привилегій собственности, а только лишаетъ ихъ авантюристскаго характера и придаетъ имъ буржуазный характеръ“ и т. д Наконецъ, переходя къ доказательству права крестьянъ на сборъ хвороста въ лѣсу, Марксъ пишетъ: „Хворостъ такъ же мало органически связанъ съ живымъ деревомъ, какъ сброшенная кожа со змѣею. Сама природа здѣсь представляетъ контрастъ между бѣдностью и богатствомъ въ видѣ контраста между сухими, отдѣленными отъ органической жизни, согнутыми вѣтками и сучьями, съ одной стороны, и крѣпкими, сочными, органически перерабатывающими въ свою сущность воздухъ, свѣтъ, воду и землю, деревьями и стволами—съ другой стороны. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою физическое представленіе о бѣдности и богатствѣ. Человѣческая бѣдность чувствуетъ свое родство съ этою физическою бѣдностью и изъ этого чувства родства выводитъ свое право собственности и если поэтому физически органическое богатство она виндицируетъ собственнику, то физическую бѣдность она виндицируетъ своей потребности и всѣмъ ея случайностямъ“ [1]).

Такъ защищалъ Марксъ на страницахъ ежедневной газеты право крестьянъ на сборъ хвороста! Тогда всѣ гегельянцы не успокаивались до тѣхъ поръ, пока изъ живого явленія не были высосаны плоть и кровь и безплотныя абстракціи не были насажены на соотвѣтствующую философическую булавку.

Но гегельянство Маркса въ его первыхъ статьяхъ не ограничивалось этою внѣшнею „гегельянскою“ аргументаціей, оно шло гораздо глубже и опредѣлило собою основную исходную точку зрѣнія Маркса на государство и право.

Гегель, какъ извѣстно, смотрѣлъ на государство, какъ на высшій нравственный организмъ, воплощающій въ себѣ полноту добра и истины. Государство проникнуто единой и нераздѣльной великой идеей, растворяющей эгоизмъ отдѣльныхъ людей въ

[1]) Ср. „Aus dem literar. Nachlass“. Bd. I. Стр. 290.

единый „духъ государства". Въ государствѣ находятъ свое примиреніе тѣ разнородныя начала, которыя борются въ человѣкѣ и человѣческихъ группахъ. Государство стоитъ надъ этой борьбой, выше ея.

На этомъ отвлеченно-идеалистическомъ взглядѣ на государство стоитъ въ своихъ первыхъ статьяхъ Карлъ Марксъ. Въ уже знакомой намъ статьѣ о цензурѣ, напечатанной въ „Anecdota", Марксъ доказываетъ, что новый прусскій законъ о цензурѣ различаетъ между лицами тѣхъ или иныхъ убѣжденій, а подобнаго рода законы „опираются на безсовѣстность, на безнравственное, матеріальное представленіе о государствѣ" [1]). И въ своихъ первыхъ статьяхъ Марксъ выступаетъ противникомъ „безнравственнаго, матеріальнаго представленія о государствѣ" [2]).

Въ своей полемической противъ „Кельнской Газеты" статьѣ Карлъ Марксъ подробно излагаетъ свой взглядъ на государство. Этотъ взглядъ оказывается всецѣло проникнутымъ ученіемъ Гегеля.

Марксъ доказываетъ здѣсь ненужность религіозной санкціи государства. „Одно изъ двухъ,—говоритъ онъ,—или христіанское государство соотвѣтствуетъ понятію государства: *быть воплощеніемъ разумной свободы*, тогда достаточно *обосновать государство на разумѣ человѣческихъ отношеній*, а это и дѣлаетъ философія. Или же государство, какъ разумная свобода, не можетъ быть выведено изъ христіанства, а тогда вы сами должны признать, что государство не можетъ быть обосновано на тенденціи христіанства, ибо христіанство, конечно, не желаетъ имѣть дурное государство. Государство же, которое не является воплощеніемъ разумной свободы, есть дурное государство.

Вы можете какъ угодно разрѣшать эту дилемму, но вы должны признать, что государство должно быть конструировано не изъ религіи, а изъ разума свободы" [3]).

Новѣйшая философія, говоритъ Марксъ въ заключеніи этой статьи, „разсматриваетъ государство, какъ цѣльный организмъ, въ которомъ воплотились правовая, нравственная и политическая свобода, и отдѣльный гражданинъ, подчиняясь государственнымъ законамъ, подчиняется этимъ самымъ лишь естественнымъ законамъ своего собственнаго разума" [4]).

Изъ этихъ словъ Маркса ясно видно, что въ своихъ первыхъ статьяхъ онъ всецѣло стоялъ на гегелевской теоріи государства, какъ „воплощеніи разумной свободы", какъ нравственномъ организмѣ, въ себѣ поглощающемъ и примиряющемъ всѣ расхожденія и столкновенія частныхъ интересовъ. Такой идеалистическій взглядъ на государство мѣшалъ Марксу на первыхъ шагахъ его

[1—2]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 290.
[3—4]) Ibid.

литературной дѣятельности дать широкую и обобщающую картину борьбы общественныхъ силъ въ тогдашней Германіи. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна его статья о правѣ крестьянъ на сбираніе хвороста въ частновладѣльческихъ лѣсахъ. Марксъ съ самаго начала выступилъ убѣжденнымъ и краснорѣчивымъ защитникомъ крестьянъ и блестящимъ обличителемъ каннибальскихъ инстинктовъ лѣсовладѣльцевъ. Но въ то время, какъ эти лѣсовладѣльцы, руководимые вѣрнымъ соціальнымъ инстинктомъ, увѣренно обращались къ государству и просили его законодательнымъ и административнымъ путемъ преградить крестьянамъ возможность собирать въ лѣсахъ сучья, хворостъ, ягоды и т. д., въ это самое время миражи гегелевской философіи государства застилали лѣвымъ гегельянцамъ глаза и заставляли ихъ вмѣстѣ съ Карломъ Марксомъ доказывать, что государство не можетъ и не должно стать на сторону лѣсовладѣльцевъ, ибо государству чужды какія бы то ни было эгоистическія цѣли.

„Истинный законодатель,—говоритъ по этому поводу Марксъ,—долженъ бояться безправія, въ противоположность этому, законодательствующій интересъ боится послѣдствій, вытекающихъ изъ права, боится тѣхъ злыхъ силъ, противъ которыхъ существуютъ законы“. Въ противоположность частнымъ лицамъ и группамъ, для государства „и собственникъ лѣса, и крестьянинъ, таскающій изъ лѣса хворостъ, являются гражданами. Если мелкій и крупный собственникъ лѣса имѣютъ одинаковое право на защиту со стороны государства, то развѣ не располагаютъ въ еще большей степени этимъ же правомъ всѣ крупные и мелкіе граждане?“ Государство должно отнестись къ тяжбѣ между крестьянами и помѣщиками, какъ учрежденіе, стоящее надъ этою борьбою. Помѣщики, не могущіе подняться до государственной точки зрѣнія, добиваются того, чтобы государство упало до частновладѣльческой точки зрѣнія. По отношенію ко всѣмъ домогательствамъ превратить государство въ представительство частныхъ, сословныхъ интересовъ „всякое современное государство, если оно хотя сколько-нибудь соотвѣтствуетъ своему понятію, должно при первой же практической попыткѣ подобнаго рода громко заявить: вашъ путь не мой путь и ваши намѣренія не мои намѣренія“ [1]).

Эти слова Маркса непререкаемо показываютъ, что въ своихъ первыхъ литературныхъ произведеніяхъ онъ еще всецѣло стоялъ на чисто-идеалистической, гегельянской точкѣ зрѣнія на государство и право. Но работа въ „Рейнской Газетѣ“, поставившая его лицомъ къ лицу съ практическими вопросами государственной дѣятельности, заставила Маркса признать, что изъ одной гегелевской философіи нельзя „выводить“ рѣшеніе все острѣе становившихся на очередь дня соціально-политическихъ вопросовъ.

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 293—299.

Марксъ по мѣрѣ своей редакторской и публицистической дѣятельности все осязательнѣе чувствовалъ необходимость заняться серьезнымъ изученіемъ соціально-политическихъ вопросовъ и выработкой соціально-политическаго міросозерцанія. Въ частности, во время работы въ „Рейнской Газетѣ“ Марксъ столкнулся впервые съ необходимостью внимательно изучить соціализмъ и занять къ нему опредѣленную позицію. Въ „Рейнской Газетѣ“ сотрудничало, правда, въ качествѣ второстепенныхъ сотрудниковъ, нѣсколько соціалистовъ, за что умѣренныя охранительныя газеты еще больше на нее косились, а когда „Рейнская Газета“ перепечатала одну статью изъ „Юнаго Поколѣнія“ Вейтлинга, то охранительная „Аугсбургская Всеобщая Газета“ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы обвинить ненавистную ей „Рейнскую Газету“ въ сочувствіи коммунизму. Марксъ на страницахъ „Рейнской Газеты“ отвѣтилъ на это „обвиненіе“ и въ своемъ отвѣтѣ открыто призналъ и заявилъ, что редакція „Рейнской Газеты“ (а ея редакторомъ былъ Марксъ) еще не выяснила своего отношенія къ коммунизму, она еще недостаточно его изучила, и только послѣ основательнаго ознакомленія съ нимъ она сумѣетъ занять по отношенію къ нему ту или иную позицію.

„Рейнская Газета“,—писалъ Марксъ въ 1843 г.,—никогда не заявляла сочувствія теоретической истинности коммунистическихъ идей въ ихъ современной формѣ, и, конечно, еще менѣе стремилась къ ихъ практическому осуществленію и даже не считаетъ его возможнымъ. Она подвергнетъ эти идеи основательной критикѣ. Но если бы „Аугсбургская Газета“ способна была бы къ чему-нибудь большему, чѣмъ вылощенныя фразы, то она бы тогда поняла, что сочиненія такихъ людей, какъ Леру, Консидеранъ и прежде всего такія глубокія сочиненія, какъ книги Прудона, могутъ подвергаться критикѣ не на основаніи поверхностныхъ скоропалительныхъ сужденій, а только послѣ продолжительныхъ и глубокихъ изслѣдованій“ [1]).

Такимъ образомъ въ 1843 г. Марксъ, какъ онъ это открыто заявилъ, только начиналъ знакомиться съ соціализмомъ и только уяснять самому себѣ отношеніе къ коммунизму. Еще на студенческой скамьѣ Марксъ, какъ мы уже видѣли въ первомъ очеркѣ, никогда не высказывалъ опредѣленныхъ сужденій по тому или другому вопросу общаго міросозерцанія, не занявшись предварительно долгимъ, основательнымъ и всестороннимъ изученіемъ этого вопроса. И теперь, когда полемика съ „Аугсбургской Газетой“ еще разъ показала ему необходимость отдаться серьезному изученію соціально-политическихъ вопросовъ, его вновь потянуло съ поприща публицистики въ тишь кабинета.

Въ это же время въ „Рейнской Газетѣ“ начались оживленныя

---

[1]) Aus dem literarischen Nachllass. Bd. I. Стр. 278.

пренія по уже знакомому намъ вопросу о правѣ крестьянъ на сборъ хворосту въ лѣсахъ. Пользуясь сохранившимся съ далекихъ временъ общиннаго землевладѣнія правомъ, крестьяне всегда безпрепятственно собирали въ лѣсахъ мелкія упавшія деревья, хворостъ, ягоды и т. д. Но теперь лѣсовладѣльцы увидѣли въ этомъ нарушеніе своего священнаго права собственности и потребовали отъ государства самыхъ жестокихъ мѣръ по отношенію крестьянъ.

Вопросъ этотъ очень волновалъ общественное мнѣніе, и „Рейнская Газета" должна была занять по отношенію къ нему опредѣленное положеніе. Марксъ написалъ по поводу этого вопроса длинную статью въ „Рейнской Газетѣ", но здѣсь онъ снова почувствовалъ недостаточность своихъ соціально-политическихъ познаній и невозможность разрѣшать сложные соціальные вопросы съ помощью „разворачиванія" основныхъ понятій гегелевской философіи [1]).

Въ то время, какъ Марксъ разрѣшалъ текущіе вопросы на основаніи анализа „понятія" частной собственности, „понятія" государства, „понятія" права, помѣщики и чиновники, не имѣя никакого понятія обо всѣхъ этихъ „понятіяхъ", успѣшно практически разрѣшали вопросъ въ свою пользу. Помѣщики проявили при этомъ чисто каннибальскую жестокость, рѣшивъ „разъ навсегда" уничтожить у крестьянъ „коммунистическія замашки". Лѣсничимъ былъ отданъ приказъ стрѣлять во всѣхъ безъ позволенія охотящихся въ помѣщичьихъ лѣсахъ; лѣсничіи усердно

---

[1]) Марксъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ предисловіи „Къ критикѣ политической экономіи". „Моею спеціальностью,—говоритъ онъ,—была юриспруденція, которую, однако, я проходилъ, какъ подчиненную науку, наряду съ изученіемъ философіи и исторіи. Въ 1842—1843 году, состоя редакторомъ „Rheinische Zeitung", я впервые поставленъ былъ въ затрудненіе, такъ какъ долженъ былъ высказывать сужденія о такъ называемыхъ матеріальныхъ интересахъ. Постановленія рейнскаго ландтага по поводу лѣсныхъ порубокъ и дробленія земельной собственности, оффиціальная полемика, въ которую г. фонъ-Шаперъ, тогдашній оберъ-президентъ Рейнской провинціи, вступилъ съ „Rheinische Zeitung" по вопросу о положеніи мозельскихъ крестьянъ, наконецъ, дебаты о свободной торговлѣ и покровительственныхъ пошлинахъ—послужили первымъ толчкомъ для моихъ занятій экономическими вопросами. Съ другой стороны, въ то время, когда благое желаніе „идти впередъ" во много разъ превышало пониманіе вещей, въ „Rheinische Zeitung" отражалось эхо французскаго соціализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался противъ этого кропанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ полемикѣ съ „Allgemeine Augsburger Zeitung" откровенно признался, что мои тогдашнія знанія не позволяли мнѣ составить самому себѣ опредѣленное сужденіе о французскихъ направленіяхъ. Я охотно поспѣшилъ воспользоваться иллюзіей руководителей „Rheinische Zeitung", которые думали, что болѣе умѣреннымъ веденіемъ газеты они смогутъ отклонить висѣвшій надъ ней смертный приговоръ, чтобы удалиться съ публичной арены для научныхъ занятій" (К. Марксъ. „Къ критикѣ политической экономіи". Пер. П. Румянцева. Спб. 1907. Стр. 12.

исполняли это приказаніе и чтобы избѣгать судебной волокиты, предавали сожженію трупы убитыхъ порубщиковъ лѣса и браконьеровъ.

Марксъ изъ гегелевскаго понятія о государствѣ, какъ о „нравственномъ организмѣ“, „выводилъ“, что государство не можетъ стать на сторону помѣщиковъ, но на самомъ дѣлѣ государство изъ своихъ интересовъ „вывело“, что оно должно стать на защиту помѣщиковъ и рѣшительно стало.

Это еще разъ убѣдило Маркса въ необходимости заняться внимательнымъ изученіемъ реальныхъ соціальныхъ отношеній существующаго общества, его еще сильнѣе начинало тянуть изъ редакторской комнаты въ библіотеку.

Нѣмецкое правительство превратило это желаніе Маркса въ необходимость,—„Рейнская Газета“ была закрыта.

Яркій радикальный тонъ этой газеты, ея большой успѣхъ, ея сильное вліяніе уже давно обратили на себя тревожное вниманіе нѣмецкаго правительства. Раньше оно пробовало усмирить газету внушеніями, совѣтами, предостереженіями, но ничего не помогало. Тогда правительство назначило для газеты спеціальнаго цензора, двойную цензуру, но и цензура оказывалась безсильной, такъ какъ ловко переодѣтыя въ гегелевскія абстракціи неблагонамѣренныя мысли проходили черезъ цензурныя рогатки. Тогда правительство 1-го января 1843 г. постановило, что къ 1-му апрѣля 1843 г. газета должна прекратить свое существованіе. Правительство при этомъ заявило, что оно до сихъ поръ не прекращало газеты и теперь оттягиваетъ смертный приговоръ до 1-го апрѣля, имѣя при этомъ въ виду матеріальные интересы акціонеровъ и подписчиковъ; а пока, до наступленія 1-го апрѣля, къ газетѣ былъ приставленъ спеціально выдрессированный цензоръ. Давленіе со стороны акціонеровъ, умиленныхъ заявленіемъ правительства, и гоненія со стороны цензора заставили редакцію „Рейнской Газеты“ прекратить свое участіе раньше назначеннаго газетѣ срока запрещенія. Въ номерѣ отъ 18-го марта 1843 г. появилось заявленіе Карла Маркса: „Нижеподписавшійся заявляетъ, что *наступившія цензурныя условія* заставляютъ его выйти изъ состава редакціи“.

Въ лицѣ „Рейнской Газеты“ Марксъ сумѣлъ создать самый замѣчательный органъ той эпохи.

Эта газета сыграла, несмотря на свое очень кратковременное существованіе, значительную роль въ дѣлѣ политическаго развитія нѣмецкаго общества. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отзывы о ней ея современниковъ. Одинъ изъ самыхъ проницательныхъ ея современниковъ, Эрнстъ Дронке, въ своей интересной хроникѣ той эпохи (съ 1840—1845 г.) „Берлинъ“, нѣсколько разъ отмѣчаетъ глубокое вліяніе этой газеты.

„Новый годъ,—говоритъ Дронке о 1842 г.,—ознаменовался вы-

ходомъ новаго органа общественнаго мнѣнія, одной основанной на акціяхъ „Рейнской Газеты“ въ Кельнѣ. По своей рѣшительности эта газета скоро перегнала всѣ другія и безусловно заслужила въ исторіи нѣмецкой прессы первое, самое выдающееся мѣсто“ [1]). Нѣсколькими страницами далѣе онъ отмѣчаетъ „общія симпатіи страны, завоеванныя этою газетою въ самое короткое время“.

Во второмъ томѣ Дронке, говоря о зарожденіи соціалистическаго движенія въ Германіи, отмѣчаетъ, что этому движенію предшествовала борьба за свободныя права человѣка, а эта борьба нашла своего перваго выразителя въ „Рейнской Газетѣ“, „этомъ метеорѣ, который внезапно такъ высоко и ярко вспыхнулъ во тьмѣ нѣмецкой жалкой прессы и такъ же внезапно исчезъ“ [2]).

Когда „Рейнская Газета“ была закрыта, то значительное количество кельнскихъ гражданъ обратилось къ королю съ петиціей о снятіи запрещенія. Къ королю даже была отправлена для этого спеціальная депутація, но, конечно, изъ этого ровно ничего не вышло, а адвокаты и нотаріусы, подписавшіе эту петицію, получили черезъ министра юстиціи высочайшій выговоръ и имъ было внушительно предложено „озаботиться пріобрѣтеніемъ болѣе зрѣлыхъ воззрѣній“...

Марксъ воспользовался прекращеніемъ „Рейнской Газеты“ для того, чтобы исполнить свое настойчивое желаніе — погрузиться въ изученіе соціально политическихъ вопросовъ и выясненіемъ своего соціально-политическаго міровоззрѣнія. Эта глубокая внутренняя работа, прерываемая лишь личными дѣлами и переговорами объ основаніи новаго журнала, длилась цѣлый годъ и Марксъ вышелъ изъ нея съ значительно обновленнымъ міровоззрѣніемъ—онъ сдѣлался горячимъ послѣдователемъ философіи Людвига Фейербаха.

Философія Фейербаха какъ нельзя лучше шла навстрѣчу затаеннымъ желаніямъ передовой нѣмецкой интеллигенціи, стосковавшейся на холодныхъ высотахъ гегелевскихъ абстракцій по живомъ и дѣйствующемъ человѣкѣ. Марксъ, какъ мы видѣли, во время своей публицистической дѣятельности въ „Рейнской Газетѣ“ освѣщеніе соціально-политическихъ вопросовъ „выводилъ“ изъ гегелевскихъ понятій, но очень скоро убѣдился, что многообразная и все усложнявшаяся соціальная жизнь не укладывается въ эти понятія. Марксъ былъ слишкомъ глубоко проникнутъ вѣрою во всесильную власть философіи, прошелъ слишкомъ основательную философскую школу, чтобы, убѣдившись въ недостаточности гегелевской философіи, отбросить вообще всякую философію и отдаться соціально-политической дѣятельности, не освѣ-

---

[1]) Cp. Er. Dronke. Berlin. Frankfurt am Main. 1846. Erster Band. 216 стр.
[2]) Cp. Ibid. Zweiter Band, 113 стр.

щенной, не осмысленной общимъ философскимъ міровоззрѣніемъ. Такое стремленіе въ живой, жизненной философіи испытывала тогда вообще радикальная нѣмецкая интеллигенція. И когда Л. Фейербахъ выступилъ съ проповѣдью этой живой, жизненной философіи, когда, на мѣсто гегелевской абстракціи, Фейербахъ торжественно воздвигъ въ центрѣ философской системы живого и дѣйствующаго человѣка, то понятенъ былъ тотъ неописуемый энтузіазмъ, съ которымъ нѣмецкая передовая интеллигенція и въ ея числѣ Марксъ встрѣтили ученіе Фейербаха.

Еще въ своемъ сочиненіи „Критика гегелевской философіи" (1839 г.) Фейербахъ говоритъ: „Если прежняя философія учила: лишь разумное—истинно и дѣйствительно, то новая философія говоритъ: лишь человѣческое—истинно и разумно, ибо разумно только человѣческое, человѣкъ есть мѣра разума".

Въ 1841 г. вышло знаменитое сочиненіе Фейербаха „Сущность христіанства", въ которомъ авторъ не только разрушалъ теологическіе предразсудки, но и провозгласилъ свою гуманитарную философію, какъ нельзя болѣе отвѣчавшею настроенію тогдашней радикальной интеллигенціи Германіи.

Въ 1841 г. вышло главное сочиненіе Фейербаха „Сущность христіанства". Въ предисловіи къ этому сочиненію (ко второму изд.) Фейербахъ такъ характеризовалъ сущность развитаго въ ней обще-философскаго міровоззрѣнія: „Я совершенно не похожъ на тѣхъ философовъ, которые умышленно закрываютъ свои глаза, чтобы легче было мыслить, напротивъ, въ процессѣ мышленія я прибѣгаю къ помощи всѣхъ чувствъ и, прежде всего, глазъ, я строю свои мысли и идеи на такомъ *матеріалѣ*, который мы усваиваемъ себѣ только посредствомъ дѣятельности чувствъ, я создаю не предметы изъ идей, а, наоборотъ, идеи *изъ предметовъ*, а предметомъ я считаю только то, что существуетъ *внѣ моей головы*. Я идеалистъ лишь въ области *практической* философіи, т. е. грани настоящаго и прошедшаго я не дѣлаю гранью для будущаго, для человѣчества, а, напротивъ, я вѣрую непоколебимо, что многое и даже очень многое изъ того, что близорукіе, малодушные практики нынѣ считаютъ фантазіей, неосуществимою идеею или химерою, завтра, т. е. въ слѣдующемъ столѣтіи, предстанетъ передъ нами во всей своей реальности. Однимъ словомъ, идея для меня есть вѣра въ историческую будущность, въ торжество истины и добра, и она имѣетъ для меня лишь *политическое* и *моральное* значеніе, но въ области собственно теоретической философіи я, въ противоположность гегелевской философіи, высказываюсь за реализмъ и матеріализмъ" [1]).

„Моя книга,—говоритъ далѣе Фейербахъ,—представляетъ обра-

---

[1]) Людвигъ Фейербахъ. „Сущность христіанства". Пер. съ нѣм. Спб. 1906 г. Стр. 20.

зецъ именно такой философіи, которая признаетъ своимъ началомъ не субстанцію Спинозы, не „я“ Фихте, не абсолютное тождество Шеллинга, не абсолютный духъ Гегеля,—словомъ не что-нибудь абстрактное, измышленное или воображаемое, а существо дѣйствительное, истинное ens realissimum *человѣка*, слѣдовательно, начало положительное и вполнѣ *реальное*, и которая выводитъ мысль изъ ея противоположности, изъ матеріи, изъ сущности, изъ чувствъ“ [1]).

Въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ началъ свою литературную дѣятельность Карлъ Марксъ, другъ Маркса и редакторъ журнала, Арнольдъ Руге, помѣстилъ восторженную статью о „Сущности христіанства“ Фейербаха.

Разсужденія Фейербаха, говоритъ А. Руге, изъ гегельянца сразу превратившись въ фейербахіанца, „столь же новы и неожиданны, сколь неопровержимо-истинны и просты. Фейербахъ смѣло идетъ навстрѣчу будущему, и, благодаря отрицанію всего прежняго воззрѣнія, передъ нимъ вырастаетъ все разнообразіе новыхъ и положительныхъ взглядовъ на религію, образованіе и исторію. Онъ поступаетъ при этомъ вполнѣ въ духѣ исторіи; корабль, который провелъ его къ новымъ берегамъ, онъ не тащитъ за собою внутрь страны; онъ сбросилъ со своихъ рукъ и своей памяти цѣпи Прометея: онъ сжигаетъ злые духи прошлаго въ чистомъ эфирѣ современнаго самосознанія“ [2]).

Руге дальше показываетъ, что философія Фейербаха есть не что иное, какъ философское благословленіе на смѣлую политическую борьбу съ реакціей. Философія, говоритъ онъ, теперь „втянута въ практическую борьбу, въ текущую исторію; поднимаются крики о ея „неблагонамѣренности“, объ ея „разрушительныхъ стремленіяхъ“, пытаются поднять противъ нея всю массу человѣческой глупости и ограниченности, и почему? Потому, что эта философія завоевываетъ теперь въ наукѣ то, что уже отвоевала исторія, потому что она является послѣдней и высшей санкціей новой эпохи; потому что она не шутитъ съ такими вещами, какъ свобода духа и жизни, и потому, что это серьезное отношеніе, хотя бы оно и носило чисто-теоретическій характеръ и не сходило съ высотъ науки, по необходимости является *фактическимъ* отрицаніемъ господствующаго практическаго направленія, или, скажемъ прямо, *реакціонной партіи*, въ принципѣ отрицающей реформацію и французскую революцію и низвергающей духовную и политическую свободу“ [3]).

---

[1]) Людвигъ Фейербахъ. „Сущность христіанства“. Пер. съ нѣм. Спб. 1906 г. Стр. 21.

[2]) Ср. Ar. Ruge. „Neue Wendung der deutschen Philosophie“. „Anekdota zur neuste deutschen Philosophie und Publicistik.“ Her. von Arnold Ruge. Zweiter Band. Zurich und Winterthur. 1843. Стр. 20.

[3]) Ibid. Стр. 50.

И Фейербахъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ статью, въ которой онъ въ афористической формѣ излагаетъ основные принципы своей философіи. „Философія,—говоритъ онъ,—есть познаніе того, что существуетъ. Познавать вещи и ихъ сущность таковы, каковы они суть,—таковъ высшій законъ, такова высшая задача философіи" [1]).

Ниже, говоря о соціалистическихъ теоріяхъ нѣмецкой интеллигенціи, намъ придется еще говорить о томъ, какъ сильно и прочно философія Фейербаха окрасила собою все міросозерцаніе нѣмецкихъ передовыхъ писателей, а здѣсь мы отмѣтимъ лишь, что и Марксъ беззавѣтно увлекся этою философіею, очевидно, послѣ того, какъ, поневолѣ прекративъ свою публицистическую дѣятельность (въ виду запрещенія „Рейнской Газеты"), онъ погрузился въ разработку вопросовъ соціально-философскаго міровоззрѣнія. И Марксъ съ увлеченіемъ воспринялъ гуманистическую философію Фейербаха, какъ превосходное духовное орудіе въ жестокой практической борьбѣ со старымъ порядкомъ. Если изъ гегелевской философіи нѣмецкая интеллигенція въ лицѣ лѣвыхъ гегельянцевъ дѣлала самые радикальные соціально-политическіе выводы, то по отношенію къ философіи Фейербаха подобные выводы не только сами собою напрашивались, но и указывались самимъ же Фейербахомъ. Въ лицѣ Фейербаха жизнь и философія нашли себѣ полное и гермоничное объединеніе. „Намъ говорятъ,—писалъ Фейербахъ,—что наука не разрѣшаетъ загадки жизни, но что же изъ этого слѣдуетъ? Необходимость обратиться къ вѣрѣ? Но это бы значило—бросаться изъ огня да въ полымя. Нѣтъ, изъ этого слѣдуетъ лишь то, что ты долженъ перейти къ жизни, къ практикѣ. Сомнѣніе, котораго не разрѣшаетъ теорія, разрѣшитъ тебѣ практика".

И мы видѣли изъ приведенныхъ выше словъ Арнольда Руге, что передовая нѣмецкая интеллигенція съ самаго начала поняла систему Фейербаха, какъ философское благословленіе, какъ философскій апоѳеозъ смѣлой политической борьбы съ реакціей во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ.

Въ своей извѣстной книжкѣ „Людвигъ Фейербахъ" Энгельсъ разсказываетъ о томъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на него и Маркса книга Фейербаха „Сущность христіанства": „Кто не пережилъ,—говоритъ Энгельсъ,—освободительнаго вліянія этой книги, тотъ не можетъ представить его себѣ. Мы всѣ были въ восторгѣ, и всѣ мы стали на время послѣдователями Фейербаха" [2]).

---

[1]) Ср. L. Feuerbach. „Vorläufige Thesen zu einer Reform der Philosophie" „Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik". Zürich und Winterthur 1843. 2 Bd.. стр. 72.

[2]) Фр. Энгельсъ. „Людвигъ Фейербахъ". Пер. съ предисл. Г. Плеханова. Спб. 1906. Стр. 39.

Но если міросозерцаніе Фейербаха и примиряло практическую политическую борьбу съ философскою совѣстью, если оно звало на эту борьбу, то, однако, само по себѣ оно не давало сколько-нибудь надежнаго практическаго руководства для этой борьбы. Соціально-политическія воззрѣнія самого Фейербаха отличались большою путанностью и въ частности по своему воззрѣнію на государство онъ еще твердо стоялъ на идеалистической точкѣ зрѣнія. А между тѣмъ соціально-политическая жизнь Германіи все усложнялась и приходилось, вмѣсто отвлеченныхъ философскихъ формулъ, обратиться къ изученію соціальной дѣйствительности, ея силъ и отношеній. Прежде всего, къ половинѣ сороковыхъ годовъ уже и для умѣренныхъ нѣмецкихъ либераловъ выяснилась необходимость сбросить со своихъ политическихъ счетовъ надежду на то, что абсолютизмъ самъ себя ограничитъ, добровольно дастъ конституцію. Для тѣхъ умѣренныхъ либераловъ, вся политическая платформа которыхъ исчерпывалась подобнымъ упованіемъ, крушеніе этой надежды означало политическое банкротство и не удивительно, что они впали въ глубокую апатію, тоскливое уныніе. Но и болѣе радикальные слои чувствовали себя въ эту эпоху не весело. Они знали, что добровольное самоубійство нѣмецкій абсолютизмъ, въ лицѣ такого короля, каковымъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ, не совершитъ, но гдѣ тѣ реальныя силы, которыя бы заставили его это сдѣлать? Какъ ни сильно негодовала, волновалась и рвалась въ бой нѣмецкая интеллигенція, но все-таки было ясно, что ей одной не по плечу историческій переворотъ, что всѣ ея волненія представляютъ собой лишь легкую рябь на тихомъ океанѣ тогдашней народной жизни, что эта рябь безсильна вынести освободительное движеніе въ обѣтованную гавань конституціонализма. И только тогда, когда грозно всколыхнулся до сель тихій океанъ народной массы, только тогда могущественно ожили надежды, а въ эпоху закрытія „Рейнской Газеты“ народъ, за рѣдкими исключеніями, еще политически безмолвствовалъ и уныніе и апатія охватывали ряды либеральной и радикальной интеллигенціи.

Берлинскій корреспондентъ „Кельнской Газеты“ сообщаетъ въ № 61 за 1843 г., что „наша публика, повидимому, снова постепенно перестаетъ интересоваться текущими вопросами отечественной жизни. Повидимому, безплодность стремленій породила какое-то безразличное настроеніе и заставила отказатся отъ всякихъ дальнѣйшихъ стремленій... И не только Берлинъ, но и другія мѣстности, обнаруживавшія прежде интересъ къ политической жизни, по словамъ мѣстныхъ наблюдателей и судя по внѣшнимъ проявленіямъ, снова впадаютъ въ прежнюю бездѣятельность и апатію“ [1]). „„Мангаймская Вечерняя Газета“ отъ 22-го

[1]) Ср. B. Bauer. „Vollständige Geschichte der Partei kämpfe in Deutschland während der Jahre 1842—1846“. Bd. I. Charlottenburg. 1847. Стр. 284.

октября 1843 г. отмѣчаетъ тотъ же ростъ апатіи и политическаго индифферентизма среди либераловъ и прибавляетъ, что теперь всѣ пришли къ заключенію, что „нѣмцы совершенно не пригодны для политики“ [1]).

Что эта политическая апатія и разочарованіе охватили собою не только умѣренныхъ либераловъ, но и крайнихъ радикаловъ, свидѣтельствуетъ относящаяся къ этому времени переписка между Марксомъ и Руге, напечатанная впослѣдствіи въ „Deutsch-Französische Jahrbücher“ [2]).

Отвѣчая на письмо Маркса, Руге пишетъ въ мартѣ 1843 г.: „Мы переживемъ политическую революцію? Мы, современники этихъ нѣмцевъ? Мой другъ, вы вѣрите въ то, что желаете. Мнѣ знакомо это состояніе! Очень сладко питать надежды и очень горько отказаться отъ всякихъ иллюзій. Надо обладать бо̀льшимъ мужествомъ для того, чтобы разочароваться, чѣмъ для того, чтобы подняться“... „Нѣмцевъ надо считать не по числу борцовъ, а по количеству душъ, которыхъ продаютъ“. Правда, говоритъ Руге, „нѣмцы раздражены и обозлены, друзья и знакомые разговаривая другъ съ другомъ, постоянно поминаютъ о судьбѣ Стюартовъ... Но все это только разговоры .. Существуетъ ли такой глупецъ, который бы не позналъ нашихъ мѣщанъ и ихъ безграничнаго овечьяго терпѣнія? Прошло пятьдесятъ лѣтъ послѣ французской революціи и мы дожили только до возобновленія всѣхъ безстыдствъ стараго деспотизма. И не говорите, что XIX вѣкъ не перенесетъ его. Нѣмцы разрѣшили эту задачу. Они не только переносятъ его, но переносятъ съ патріотизмомъ и мы, краснѣющіе за нихъ, именно мы знаемъ, что они его заслуживаютъ“ [3]).

И Руге заканчиваетъ свое письмо словами: „Нашъ народъ не имѣетъ никакой будущности“. К. Марксъ изъ кратковременнаго періода своего редакторства „Рейнской Газеты“ вынесъ жгучую ненависть къ нѣмецкому правительству, но эта ненависть только содѣйствовала разрушенію его иллюзій насчетъ государства, какъ „нравственнаго организма“, но не привела его къ пессимизму.

---

[1]) Ibid. Стр. 285—286.

[2]) Подлинность этихъ писемъ была подвергнута рѣшительному отрицанію со стороны Трейчке, утверждающему, что ихъ выдумала редакція „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ“. Редакторъ этихъ „Ежегодниковъ“, Ар. Руге, въ своихъ воспоминаніяхъ тоже говоритъ, что всю эту переписку между нимъ, Марксомъ и Бакунинымъ, онъ, Руге, самъ „придумалъ“. Но Руге при этомъ очень неясно выражается и во всякомъ случаѣ прибавляетъ, что въ основѣ напечатанныхъ писемъ лежатъ подлинныя письма. По всей вѣроятности, Руге нѣсколько „отдѣлалъ“ эти подлинныя письма, прежде чѣмъ ихъ печатать. Основныя идеи этихъ писемъ, во всякомъ случаѣ—что признаетъ и Руге,—взяты изъ подлинной переписки.

[3]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass Bd. I. Стр. 361—365.

Жгучая ненависть къ реакціи сплелась у него съ горячей вѣрой въ близкое освобожденіе Германіи.

Прусское самодержавное правительство, писалъ Марксъ, отвѣчая Руге, „наглядно показало необходимость для деспотизма всего свѣта жестокости и невозможность для него быть гуманнымъ... Вы говорите, что я слишкомъ высоко оцѣниваю дѣйствительность, но если я не отчаиваюсь въ ней, то только благодаря тому, что ея собственное безнадежное состояніе наполняетъ меня надеждой. Я не говорю уже о неспособности господъ и о филистерствѣ слугъ и подданныхъ, предоставляющихъ всему идти такъ, какъ Господь велѣлъ, хотя и этихъ двухъ явленій достаточно, чтобы вызвать катастрофу. Я уже обращаю ваше вниманіе на то, что враги филистерства, т. е. всѣ думающіе и страдающіе люди, пришли теперь ко взаимному соглашенію, тогда какъ прежде они это сдѣлать не могли, и что даже простой процессъ размноженія старыхъ подданныхъ съ каждымъ днемъ создаетъ новыхъ рекрутъ на службу новому человѣчеству. Система промышленности и торговли, владѣнія и эксплоатаціи еще быстрѣе, чѣмъ ростъ населенія, ведетъ къ разрушенію современнаго общества, которое не можетъ спасти старая система, ибо эта система вообще ничего не излечиваетъ и ничего не творитъ,—она лишь существуетъ и потребляетъ. Существованіе страдающаго человѣчества, которое мыслитъ, и мыслящаго человѣчества, которое угнетаютъ, и необходимости должно сдѣлать для пассивнаго и безсознательно потребляющаго зоологическаго міра филистеровъ непотребимымъ и непереваримымъ“ [1]).

Погрузившись въ изученіе вопросовъ соціально-философскаго міровоззрѣнія, Карлъ Марксъ въ то же время не оставлялъ и мыслей о дальнѣйшей публицистической пропагандѣ своихъ идей. Опытъ съ „Рейнской Газетой“ показалъ ему, что подцензурный органъ въ тогдашней Германіи обреченъ, какимъ бы темнымъ и рабскимъ языкомъ онъ ни говорилъ, или на насильственную смерть, или же на безсиліе, если онъ согласится подчиниться. Да и, кромѣ того, душная атмосфера тогдашней Германіи и годъ мелкой, изнуряющей, ежедневной борьбы съ цензурой утомили Маркса и раздергали его нервы. Онъ поэтому и лично мечталъ о поѣздкѣ за границу и, кромѣ того, въ интересахъ дѣла считалъ необходимымъ перенести печатный станокъ за границу.

Въ письмѣ къ Руге (отъ 25-го января 1843 г.), опубликованномъ впервые Бернштейномъ въ „Dokumente des Socialismus“, Марксъ пишетъ, что онъ больше не въ силахъ работать подъ цензурнымъ надзоромъ. „Скверно, — говоритъ онъ, — даже для свободы выполнять службу батрака и вести борьбу, вмѣсто ду-

[1]) Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 370.

бинъ, булавками. Я усталъ отъ лицемѣрія, глупости и грубаго авторитета, я усталъ отъ нашего подлаживанія, приспособленія, выворачиванія, пустословія". И въ другомъ письмѣ онъ рѣшительно заявляетъ: „Я не могу писать подъ прусской цензурой и жить въ прусской атмосферѣ".

Это настроеніе раздѣлялъ и Руге, рѣшивъ основать за границей радикальный журналъ. Послѣ долгихъ совѣтовъ и колебаній было рѣшено остановиться на Парижѣ.

Марксъ получилъ, наконецъ, свободное время, чтобы жениться. Въ 1843 г. онъ женился на Женни Вестфаленъ, оффиціальнымъ женихомъ которой онъ состоялъ въ теченіе семи лѣтъ. Тотчасъ же послѣ женитьбы Марксъ уѣхалъ съ женою за границу, а въ ноябрѣ 1843 года поселился въ Парижѣ, гдѣ первое время съ головою ушелъ въ работу для новаго журнала.

Роль, которую призванъ былъ выполнить этотъ журналъ, рисовалась Руге въ чрезвычайно увлекательныхъ краскахъ; онъ мечталъ, ни болѣе ни менѣе, какъ о томъ, что журналъ этотъ создастъ духовный союзъ между Франціей и Германіей. Руге собирался привлечь къ ближайшему уча тію въ журналѣ тогдашнихъ выдающихся французскихъ писателей—Леру, Прудона, Луи Блана. Руге предполагалъ придать журналу интернаціональный характеръ, но при этомъ дѣло шло не о соціалистическомъ, а о радикальномъ журналѣ, и вначалѣ Руге далъ ему названіе „Радикальнаго Обозрѣнія". И въ письмѣ къ Фейербаху Руге пишетъ, что его журналъ будетъ органомъ интернаціональнаго *радикализма* [1]).

Въ 1844 г. появилась первая (двойная) книжка новаго журнала подъ заглавіемъ „Нѣмецко-Французскій Ежегодникъ" („Deutsch-Französische Jahrbücher"). Составъ сотрудниковъ былъ блестящъ. Ни одинъ изъ французскихъ писателей, правда, не принялъ участія въ журналѣ, но зато нѣмецкіе писатели были представлены блестяще. Въ первой двойной книжкѣ журнала были напечатаны статьи Гейне, Гервега, Бакунина, Фейербаха, Якоби, Энгельса, Гесса и Карла Маркса.

Изъ произведеній Маркса здѣсь были напечатаны его три письма къ Руге, о которыхъ намъ выше уже приходилось говорить и двѣ статьи: „Къ критикѣ гегелевской философіи права" и „Къ еврейскому вопросу".

Эти статьи Маркса представляютъ громадную цѣнность для изученія хода его умственнаго развитія, для изученія вопроса: какъ Марксъ сдѣлался марксистомъ. Три письма Маркса написаны раньше, чѣмъ его статьи, и въ нихъ онъ еще всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія Фейербаха. Онъ твердо вѣритъ, что не

---

[1]) Ср. Grünk. „Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass". Bd. I. Стр. 357.

за горами освобожденіе Германіи, но еще ждетъ это освобожденіе отъ „страдающаго человѣчества, которое мыслитъ, и отъ мыслящаго человѣчества, которое угнетено". Онъ ждетъ переворота отъ чувства глубокаго *стыда*, охватившаго нѣмецкую интеллигенцію, стыда за свое правительство, за свою отсталость. Онъ пишетъ Руге: „Стыдъ есть уже революція, благодаря ему французская революція побѣдила нѣмецкій патріотизмъ, и, наоборотъ, нѣмецкій патріотизмъ въ 1813 г. побѣдилъ французскую революцію. Стыдъ есть своего рода гнѣвъ, обращенный внутрь себя. И если вся нація истинно стыдится, то она является львомъ, готовящимся къ прыжку".

Особенный интересъ для интеллектуальной біографіи Маркса представляетъ его третье письмо къ Руге. Какъ мы уже знаемъ, на страницахъ „Рейнской Газеты" Марксъ заявилъ въ отвѣтъ на вызывающій запросъ „Всеобщей Газеты", что онъ еще не выяснилъ своего отношенія къ соціализму. Но то свободное время, которое оказалось въ его распоряженіи послѣ закрытія „Рейнской Газеты", Марксъ употребилъ, между прочимъ, и на ознакомленіе съ тогдашними соціалистическими ученіями. Но эти ученія въ ихъ тогдашней утопически-догматической формѣ его не удовлетворили. Его критическій и творческій умъ не могъ увлечься догматическими ученіями, и въ своемъ третьемъ письмѣ къ Руге Марксъ рѣзко возстаетъ противъ догматизма тогдашнихъ соціалистовъ. „Мы не провозглашаемъ догматически,— пишетъ Карлъ Марксъ,—новый міръ, а выводимъ его изъ критики стараго. До сихъ поръ философы разрѣшеніе всѣхъ задачъ оставляли подъ спудомъ, и глупому экзотерическому міру оставалось только раскрывать ротъ, чтобы жареные рябчики абсолютной науки летѣли ему туда. Философія стала свѣтской, и самымъ яркимъ доказательствомъ этого является то, что философское сознаніе не только внѣшне, но и внутренне втянулось въ мученія борьбы. Если построеніе будущаго и разъ навсегда изготовленныя формулы не являются нашимъ дѣломъ, то тѣмъ яснѣе вырисовывается наша нынѣшняя задача: безпощадная критика всего существующаго, безпощадная, какъ въ томъ смыслѣ, что она не боится ни своихъ результатовъ, ни конфликтовъ съ существующими властями.

Я не стою поэтому за то, чтобы мы выставили какое-либо догматическое знамя. Наоборотъ, мы должны стараться, чтобы догматики уяснили себѣ свои собственныя основныя положенія. Такъ коммунизмъ является догматической абстракціей, причемъ я говорю здѣсь не о какомъ-либо воображаемомъ или мыслимомъ коммунизмѣ, а о коммунизмѣ, дѣйствительно существующемъ, какъ его излагаютъ Кобе, Дозами, Вейтлингъ и т. д. Подобный коммунизмъ является лишь особымъ видомъ, порожденнымъ его противоположностью—частною собственностью,—проявленія гума-

нистическаго принципа. Однако, отмѣна частной собственности отнюдь не означаетъ коммунизма и на ряду съ коммунизмомъ по необходимости должны возникнуть другія соціалистическія ученія, напримѣръ, Фурье, Прудона и т. д.“ [1]).

Такимъ образомъ, уже съ самаго начала своего занятія изученіемъ соціалистическихъ системъ Марксъ рѣшительно возсталъ противъ догматическаго соціализма. Большинство тогдашнихъ соціалистическихъ системъ было насквозь проникнуто догматическимъ утопизмомъ. Творцы этихъ системъ наивно полагали, что все человѣчество до сихъ поръ заблуждалось, бродило по ложному пути, но теперь, когда „придумана“ новая увлекательная общественная организація, всему человѣчеству остается только съ восторгомъ протереть глаза, сбросить съ себя старый обветшалый міръ, какъ сбрасываютъ старое, изношенное платье, и забыть о немъ.

Противъ подобнаго наивнаго утопизма большинства тогдашнихъ соціалистовъ Марксъ долженъ былъ рѣшительно возстать не только какъ „марксистъ“,—онъ таковымъ еще тогда не былъ,— но какъ вѣрный и послѣдовательный сторонникъ Гегеля и Фейербаха. Школа Гегеля-Фейербаха научила Маркса понимать всѣ явленія, проникнувъ во внутреннюю логику ихъ объективнаго развитія, а не противопоставляя имъ свои субъективныя пожеланія. „Выведенная“ изъ философіи Гегеля-Фейербаха, программа общественной дѣятельности только и могла опираться на изученіе внутренней закономѣрности объективнаго развитія, а это заранѣе отвергало догматизмъ и доктринерство.

И на первыхъ порахъ дѣятельность Маркса была ничѣмъ инымъ, какъ мастерскимъ переложеніемъ философіи Гегеля-Фейербаха на соціально-политическій языкъ. „Мы не выступаемъ доктринерами передъ міромъ, — писалъ Марксъ въ этомъ же письмѣ,—съ новымъ принципомъ: вотъ тебѣ истина, преклони колѣни... Мы не говоримъ: брось свою борьбу, все это глупыя затѣи, мы провозгласимъ тебѣ истинный пароль борьбы. Мы лишь разъяснимъ, въ чемъ состоитъ сущность этой борьбы, и мы лишь покажемъ, что міръ долженъ, хотя бы онъ и не хотѣлъ этого, выработать самосознаніе“.

Программа Маркса, развиваемая въ этомъ письмѣ, сводится къ требованію критики „мистическаго“ сознанія людей, выясненія „самосознанія“, разрушающаго „самообманъ“, т. е. это та же программа, которую ставилъ въ своей критикѣ религіи Фейербахъ. Марксъ самъ заявляетъ, что „вся наша цѣль представляетъ то же самое, что и фейербаховская критика религіи, т. е. она

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 378—383.

приводитъ къ сознательной человѣческой формѣ религіозные и политическіе вопросы" [1]).

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ и изъ заявленія самого Маркса ясно, что въ 1843 году Марксъ еще не стоялъ на „марксистской" точкѣ зрѣнія, а всецѣло раздѣлялъ воззрѣнія Фейербаха и давалъ имъ широкое соціальное примѣненіе. Эти чисто специфически-марксистскія ноты впервые зазвучали у Маркса въ статьѣ „Къ критикѣ гегелевской философіи права", напечатанной въ 1844 г. въ „Deutsch-Französische-Jahrbücher". Въ этой статьѣ у Маркса впервые сквозь волнистые туманы гегелевской и фейербаховской философіи начинаетъ проглядывать соціальный реализмъ. Въ этой же статьѣ впервые мы встрѣчаемъ у Маркса слово „пролетаріатъ" и въ этой же статьѣ впервые у Маркса ярко вспыхнула идея о великой исторической миссіи пролетаріата, о томъ, что пролетаріатъ призванъ совершить коренной общественный переворотъ. До сихъ поръ въ своихъ статьяхъ Марксъ никогда не употреблялъ слова пролетаріатъ, онъ говорилъ о бѣдныхъ классахъ населенія, онъ говорилъ о страдающемъ человѣчествѣ, которое мыслитъ, и о мыслящемъ человѣчествѣ, которое угнетаютъ, но не о пролетаріатѣ. Марксъ впервые заговорилъ о пролетаріатѣ и съ самаго начала заговорилъ съ энтузіазмомъ въ статьѣ „Къ критикѣ гегелевской философіи права".

Въ этой статьѣ причудливо смѣшиваются уже умирающіе, но еще мощные отзвуки увлеченія Гегелемъ и Фейербахомъ съ еще слабыми, но крѣпнущими нотами рождающагося реализма.

Марксъ уже заявляетъ въ этой статьѣ, что „главною проблемою настоящаго времени является вопросъ объ отношеніи промышленности и вообще міра богатства къ политическому міру".

„Орудіе критики,—говоритъ далѣе Марксъ,—не можетъ замѣнить критики орудія, матеріальная власть можетъ быть низвергнута только съ помощью матеріальной же власти, а теорія становится матеріальною властью, когда она охватываетъ массы".

Въ духѣ же реализма Марксъ говоритъ здѣсь: „Революціи нуждаются въ пассивномъ элементѣ, матеріальной основѣ. Всякая теорія воплотится въ народѣ лишь постольку, поскольку она является воплощеніемъ его потребностей... Недостаточно, чтобы мысль стремилась къ воплощенію, необходимо, чтобы и самая дѣйствительность стремилась навстрѣчу этой мысли" [2]).

Блестяще рисуетъ здѣсь Марксъ величавое историческое призваніе пролетаріата и его союзъ съ новой философіей. „Какъ философія,—говоритъ онъ,—находитъ въ пролетаріатѣ свое матеріальное орудіе, такъ пролетаріатъ находитъ въ философіи свое

---

1) Ibid. Стр. 382.

2) Aus dem liter. Nachlass. 1. Bd. Стр. 393.

духовное орудіе. И когда молнія мысли основательно ударитъ въ эту наивную народную почву, то совершится освобожденіе нѣмцевъ въ человѣка“ [1]).

Головою эмансипаціи человѣка является философія, а ея сердцемъ—пролетаріатъ, говоритъ Марксъ, заканчивая свою блестящую статью.

Ниже, въ главѣ о нѣмецкихъ „истинныхъ соціалистахъ“, мы еще увидимъ, что въ этой статьѣ Марксъ уплатилъ извѣстную дань соціальному утопизму, но здѣсь мы отмѣтимъ, что, даже перейдя на точку зрѣнія реализма, Марксъ, однако, не измѣнилъ Фейербаху, а лишь углубилъ, расширилъ и пополнилъ его ученіе.

Заключительный аккордъ статьи Маркса: философія явится головой, а пролетаріатъ сердцемъ человѣческаго освобожденія, звучитъ совершенно въ духѣ фейербаховской философіи. Противопоставленіе между сердцемъ и головой и тщательная формулировка соотносительной роли перваго и второй играли очень важную роль въ философской теоріи Фейербаха.

Сердце, доказываетъ Фейербахъ, есть женское начало конечнаго, средоточіе матеріализма, оно настроено на французскій духъ, а голова есть мужское начало, средоточіе идеализма, оно настроено на нѣмецкій ладъ. Голова создаетъ вещи, а сердце приводитъ ихъ въ движеніе [2]).

И Фейербахъ призываетъ къ объединенію сердца и головы, къ галло-германскому принципу, какъ онъ выражается.

Этимъ ученіемъ Фейербаха о „сердцѣ“ и „головѣ“ всецѣло проникнута статья Маркса; его восклицаніе: „философія есть голова освобожденія человѣка, а пролетаріатъ—его сердце“, представляетъ собою соціальное примѣненіе обще-философскаго ученія Фейербаха. И заключительныя слова Маркса: „Когда всѣ внутреннія условія будутъ выполнены, наступленіе дня германскаго воскрешенія будетъ возвѣщено громкимъ крикомъ галльскаго пѣтуха“, отлично показываютъ, какъ сильно здѣсь вліяніе ученія Фейербаха. У Фейербаха „нѣмецкое начало“, „голова“ („философія“) создаетъ условія, а „сердце“, „французское начало“, приводитъ ихъ въ движеніе. И у Маркса въ полномъ согласіи съ этимъ, философія („голова“) нѣмцевъ создаетъ въ Германіи внутреннія условія воскрешенія, а крикъ „галльскаго пѣтуха“ („французское начало“, „сердце“, „пролетаріатъ“) приводитъ въ исполненіе. Такимъ образомъ, роли между нѣмецкимъ и французскимъ началомъ, между головой и сердцемъ, Марксъ располагаетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіемъ Фейербаха.

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass. B. I. Стр. 398.

[2]) Ср. L. Feuerbach. „Vorläufige Thesen zur Reformation der Philosophie“ въ „Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik“. Herausg. von A. Ruge. Zürich und Winterthur. 1843. 2 Bd. Стр. 76—77.

Въ этомъ же „Нѣмецко-французскомъ Ежегодникѣ“ началъ свою литературную дѣятельность и Фридрихъ Энгельсъ, напечатавъ „Очеркъ критики политической экономіи“. Этотъ очеркъ показываетъ, что Энгельсъ раньше Маркса занялся экономическими вопросами, хотя и ему еще въ то время были незнакомы труды Рикардо и онъ еще въ значительной степени стоялъ на морализирующей точкѣ зрѣнія. Трудовая теорія цѣнности носитъ у него здѣсь еще совершенно зачаточный характеръ; онъ опредѣляетъ еще цѣнность, какъ „отношеніе между издержками производства и полезностью“ и горячо протестуетъ противъ игнорированія „духовнаго элемента цѣнности“ („духа изобрѣтеній“) и т. д.

П. Берлинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Коллективный договоръ

и тарифныя соглашенія между предпринимателями и рабочими въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи.

Несмотря на всѣ злобныя преслѣдованія, которымъ подвергается еще очень молодое профессіональное движеніе въ Россіи, оно все-таки развивается. Борьба между трудомъ и капиталомъ въ Россіи, конечно, не новость—она имѣетъ свою уже 35-ти лѣтнюю исторію. Характерной чертой настоящаго времени является лишь широкое стремленіе къ организаціи силъ. Сознаніе необходимости этого и завоеваніе—хотя еще очень жалкой—„свободы" стачекъ и союзовъ является однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній рабочаго класса за время революціи, которыя не отдаются обратно. Профессіональные союзы уже и теперь составляютъ у насъ извѣстную силу, въ ближайшемъ же будущемъ ростъ ихъ будетъ совершаться ускореннымъ темпомъ. А тамъ, гдѣ крѣпнутъ профессіональные союзы, самъ собою возникаетъ вопросъ о коллективномъ договорѣ и о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя существуютъ для разрѣшенія *организованныхъ* столкновеній труда и капитала. Въ виду этого для русской соціалъ-демократіи очень важно съ самаго же начала занять правильную позицію по отношенію къ этому вопросу, а для дѣятелей профессіональнаго движенія—ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ другихъ странахъ [1]).

Коллективный договоръ и тарифныя соглашенія суть продукты новаго времени съ его свободою конкурренціи, развитіемъ крупнаго производства и обостреніемъ классовой борьбы между трудомъ и капиталомъ.

Послѣ паденія цехового строя въ Западной Европѣ и крѣпостного права въ такихъ странахъ, какъ Россія, всѣ условія найма

---

[1]) Богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи собранъ отдѣленіемъ рабочей статистики при королевск. статистическомъ бюро въ Германіи—Der Tarifvertrag im Deutschen Reich. 3. B. 1906.

стали опредѣляться взаимнымъ соглашенiемъ сторонъ, т. е. на основанiи такъ называемаго свободнаго договора. Но этотъ договоръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальнымъ, т. е. заключался каждымъ рабочимъ отдѣльно. Сталкиваясь же съ капиталистомъ одинъ на одинъ, рабочiй всегда оказывается стороной слабѣйшей, слѣдовательно всегда и безусловно проигрываетъ. Существуя лишь продажей своей рабочей силы и находясь подъ постояннымъ страхомъ, что его мѣсто будетъ занято другимъ такимъ же, какъ и онъ, пролетарiемъ, онъ не можетъ выставлять своихъ условiй найма, а вынужденъ принимать тѣ, которыя ему предлагаетъ хозяинъ-предприниматель. О „свободномъ“ соглашенiи сторонъ при такомъ положенiи дѣлъ не можетъ быть и рѣчи: одна сторона диктуетъ условiя, а другая молча, затаивъ въ себѣ безсильный гнѣвъ, принимаетъ ихъ. Такое подневольное положенiе рабочихъ измѣняется нѣсколько лишь тогда, когда развиваются профессiональные союзы, объединяющiе ихъ разрозненныя силы; тогда индивидуальный договоръ замѣняется коллективнымъ: капиталисту противопоставляется не отдѣльный рабочiй, а совмѣстныя усилiя всѣхъ.

Не всѣ, конечно, отрасли промышленности одинаково благопрiятны для широкаго примѣненiя коллективнаго договора и тарифныхъ соглашенiй; въ этомъ отношенiи требуются, чтобы условiя производства не подвергались слишкомъ рѣзкимъ колебанiямъ въ зависимости отъ мѣста и времени, т. е. чтобы они предоставляли возможность общаго урегулированiя условiй труда. Это наблюдается прежде всего, конечно, въ современныхъ крупныхъ индустрiяхъ съ ихъ нивеллирующей тенденцiей; поэтому, напр., въ Англiи и Соединенныхъ Штатахъ методъ коллективнаго договора наиболѣе развитъ именно здѣсь—въ текстильной, желѣзодѣлательной, машиностроительной и каменноугольной промышленности. Наоборотъ, въ Германiи мы видимъ, что тарифныя соглашенiя ранѣе всего появляются и получаютъ наибольшее распространенiе въ тѣхъ отрасляхъ, которыя носятъ болѣе или менѣе рѣзко выраженный *ремесленный* характеръ. Точно также въ Россiи наибольшее участiе въ профессiональномъ движенiи принимаютъ пока именно ремесленники. Это объясняется тѣмъ, что въ ремеслѣ техника производства отличается болѣе консервативнымъ характеромъ и, слѣдовательно, здѣсь легче подвергнуть условiя труда общему урегулированiю; кромѣ того, сопротивленiе предпринимателей тутъ значительно слабѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ господствуютъ „короли“ капитала.

Въ какомъ отношенiи стоитъ коллективный договоръ къ классовой борьбѣ пролетарiата и какъ должна соцiалъ-демократiя относиться къ разнымъ видамъ его,—объ этомъ будетъ сказано въ заключенiи, теперь же познакомимся съ положенiемъ дѣлъ въ разныхъ странахъ.

Англія.

Какъ извѣстно, въ Англіи раньше всѣхъ другихъ странъ Европы развился капитализмъ, поэтому неудивительно, что именно здѣсь мы встрѣчаемъ наиболѣе раннія попытки со стороны правительства и буржуазныхъ круговъ какъ-нибудь помирить двѣ враждующія стороны—трудъ и капиталъ—или разрѣдить нѣсколько насыщенную электричествомъ атмосферу общественной жизни. Для странъ молодыхъ небезполезно будетъ узнать, какъ мало результатовъ имѣли эти попытки затушевать фактъ антагонизма между этими классами и вытекающую отсюда необходимость особаго рабочаго движенія, проникнутаго идеей соціализма.

Еще въ 1824 г. издается законъ, согласно которому при возникновеніи разногласія между рабочими и предпринимателями стороны могли требовать образованія при мировомъ судѣ особой камеры соглашенія или третейскаго суда. Эти учрежденія имѣли своей задачей не окончательное разрѣшеніе споровъ, а главнымъ образомъ предварительные переговоры; третейскому суду было даже запрещено касаться въ своемъ постановленіи самаго существеннаго пункта—высоты заработной платы. Стремленіе къ устройству примирительныхъ учрежденій не для каждаго случая въ отдѣльности, а въ качествѣ постояннаго института—нашло себѣ практическое осуществленіе въ 1849 г. въ промышленности по обработкѣ шелка, но и этотъ опытъ оказался недолговѣчнымъ: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего основанія камера соглашенія (board of conciliation) распалась. Затѣмъ въ 60-хъ годахъ судья Кеттле и членъ парламента Мунделла предприняли систематическую кампанію въ пользу учрежденія камеръ соглашенія. Эти послѣднія состояли, по системѣ Мунделла, изъ 10 членовъ, поровну отъ рабочихъ и капиталистовъ, которые выбирали предсѣдателя изъ своей среды съ правомъ перевѣшивающаго голоса въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣнія раздѣляются поровну. По системѣ же Кеттле, камеры состояли изъ 6 членовъ, и избирали предсѣдателя не изъ своей среды, а изъ посторонней: мировыхъ судей, чиновниковъ, духовенства и др. Обращеніе къ этимъ третейскимъ судьямъ было необязательно, но рабочіе и предприниматели должны были заключать договоры о томъ, чтобы передавать на ихъ разрѣшеніе споры, вытекающіе изъ существующихъ условій найма, а также урегулированіе будущихъ. Въ 1867 г. англійское правительство назначаетъ королевскую комиссію для изысканія средствъ къ улучшенію отношеній между предпринимателями и рабочими, и результатомъ дѣятельности ея было изданіе двухъ законовъ: 1867 г.—о камерахъ соглашенія и 1872 г.—о третейскомъ судѣ. Однако, и на долю этихъ оффиціальныхъ попытокъ выпалъ не лучшій успѣхъ; законы не получили широкаго практическаго примѣненія и въ 80-хъ и 90-хъ гг. подвергались

измѣненію. Актъ 1867 г. былъ замѣненъ новымъ закономъ 1889 г., а актъ 1872 г.—закономъ 1896 г. Правда, и теперь, какъ и раньше, обращеніе къ камерамъ соглашенія и третейскому суду остается необязательнымъ для сторонъ: онѣ могутъ лишь включать въ условія найма пунктъ о передачѣ возникающихъ между ними разногласій на разрѣшеніе этихъ учрежденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ создаетъ въ составѣ министерства торговли особое центральное учрежденіе (board of trade), на которое возложена задача содѣйствовать и поощрять образованіе камеръ соглашенія и третейскихъ судовъ. При немъ ведется регистрація существующихъ примирительныхъ учрежденій, и оно обязано при возникновеніи коллективныхъ споровъ предпринимать первые шаги къ ихъ улаживанію,—напр., изслѣдовать причины разногласія, назначить по просьбѣ рабочихъ или предпринимателей одно или нѣсколько лицъ въ качествѣ посредниковъ, а по просьбѣ обѣихъ сторонъ—третейскаго судью. Число камеръ соглашенія, основанрыхъ въ силу закона, равнялось въ 1900 г. 54, въ 1901 г.—58, въ 1902 г.—67 и въ 1903 г.—73. О дѣятельности ихъ можно судить по слѣдующей таблицѣ:

	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Число конфликтовъ . .	648	642	442	3873	34
Число камеръ соглашенія	32	41	29	26	23
На 100 конфликтовъ приходится улаженныхъ при помощи камеръ	4,9	6,4	6,6	6,7	6,9

Какъ видно отсюда, дѣятельность этихъ примирительныхъ учрежденій, несмотря на поощреніе закона и продолжительность существованія, остается очень и очень скромной.

Но независимо отъ этихъ оффиціальныхъ установленій, въ Англіи существуютъ другія, которыя развились, такъ сказать, сами собой, въ силу потребностей промышленной жизни, ибо являются естественнымъ послѣдствіемъ коллективнаго договора. Этотъ же послѣдній пользуется здѣсь широкимъ распространеніемъ и имѣетъ уже свою исторію, причемъ коллективныя соглашенія охватываютъ иногда всю промышленность страны или же опредѣленный округъ.

Что касается самаго механизма, который выработанъ съ цѣлью урегулированія заработной платы и другихъ условій найма, примѣненія заключеннаго договора къ отдѣльнымъ случаямъ жизни и улаживанія возникающихъ при этомъ разногласій, то онъ представляетъ большое разнообразіе, смотря по особенностямъ и степени развитія той или другой отрасли промышленности. Наиболѣе простой случай—это тотъ, когда отдѣльный предприниматель ведетъ переговоры съ депутаціей представите-

лей отъ своихъ собственныхъ рабочихъ. На слѣдующей ступени переговоры ведутся уже между предпринимателемъ и секретаремъ профессіональнаго союза, а третью ступень представляетъ тотъ случай, когда въ сношенія вступаютъ представители рабочаго союза и организаціи предпринимателей. Наконецъ,—и это представляетъ наиболѣе сложную форму,—устраиваются постоянные такъ называемые „соединенные комитеты" (joint committees), состоящіе при профессіональныхъ союзахъ и организаціяхъ предпринимателей, причемъ собранія ихъ происходятъ въ однихъ случаяхъ систематически, а въ другихъ—по тому или иному вопросу.

Отдѣльныя отрасли промышленности переходятъ даже къ тому, что изъ своей среды образовываютъ палаты соглашенія поровну изъ представителей той и другой стороны, которыя собираются черезъ извѣстные промежутки времени. Если такимъ путемъ соглашеніе не достигается, то нерѣдко дѣло передается на разрѣшеніе „безпартійнаго" третейскаго судьи. Если мы возьмемъ такія, напр., важнѣйшія отрасли, какъ текстильная, желѣзная и каменноугольная промышленность, то увидимъ, что здѣсь общій уровень заработной платы устанавливается національными (т. е. охватывающими данную промышленность *всей* страны) организаціями рабочихъ и предпринимателей. При этомъ здѣсь устанавливаются только общія основныя положенія, а ихъ затѣмъ приспособляютъ къ отдѣльнымъ округамъ и предпріятіямъ низшіе подчиненные органы. Существенныя же измѣненія въ этихъ основныхъ положеніяхъ могутъ производить только крупныя организаціи, которыя ихъ вырабатывали.

Для улаживанія столкновеній, которыя возникаютъ при истолкованіи указанныхъ соглашеній, здѣсь выработанъ цѣлый рядъ учрежденій. Такъ, напр., въ желѣзной промышленности наиболѣе характерными являются камера соглашенія для сталепрокатныхъ заводовъ сѣверной Англіи и камера для урегулированія платы въ сталелитейной и желѣзодѣлательной промышленности центральнаго района. Оба учрежденія обладаютъ „постоянными комитетами" для разрѣшенія всѣхъ случаевъ, кромѣ общихъ измѣненій уровня заработной платы; сами же камеры вмѣшиваются въ дѣло въ качествѣ второй инстанціи, а третьей является третейскій судья.

Урегулированіе заработной платы какъ въ томъ, такъ и въ другомъ учрежденіи основывается на примѣненіи такъ называемой „скользящей скàлы" [1]). Въ хлопчатобумажной промышленности Ланкашира заработная плата почти исключительно по-

[1]) Сущность „скользящей скàлы" заключается въ томъ, что заработная плата повышается или понижается предпринимателями въ зависимости отъ рыночныхъ цѣнъ на данный продуктъ. Этотъ методъ противорѣчитъ интересамъ рабочаго класса, и въ заключеніи мы остановимся еще на немъ.

штучная и опредѣляется особыми списками или листами, которые представляютъ не что иное, какъ разработанный до мельчайшихъ подробностей тарифъ. Наибольшей извѣстностью и распространенностью пользуются списки Oldham'a и Bolton'a съ окрестностями—для прядильщиковъ и списки ткачей сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Ланкашира. Высота заработной платы выражается здѣсь въ процентной надбавкѣ или скидкѣ съ тѣхъ ставокъ, которыя обозначены въ этихъ листахъ. Сбавка и надбавка, а равно и самые списки устанавливаются соглашеніемъ между союзами рабочихъ и предпринимателей. При этомъ принимается во вниманіе количество веретенъ и быстрота станка для каждой отдѣльной фабрики, и вычисленіе производятъ особые, такъ сказать, чиновники отъ этихъ союзовъ. При обсужденіи разногласій относительно платы они являются первой инстанціей, потомъ собирается мѣстный „соединенный комитетъ" и, наконецъ, если все-таки соглашеніе не достигается, то прибѣгаютъ къ стачкѣ. Такимъ образомъ, всѣ эти учрежденія возможности и необходимости стачекъ вовсе не исключаютъ, но все же сокращаютъ и упорядочиваютъ ихъ и тѣмъ предотвращаютъ стороны отъ напрасной траты силъ и средствъ. Общую картину стачечнаго движенія въ Англіи рисуетъ намъ слѣдующая таблица:

	Число стачекъ.	Число затронут. рабочихъ.	Число потерян. дней.
Въ 1901 г. . . .	642	179,546	4,142,287
„ 1902 „ . . .	442	256,667	3,479,255
„ 1903 „ . . .	387	116,901	2,338,668
„ 1904 „ . . .	355	87,208	1,484,220
„ 1905 „ . . .	358	93,503	2,470,189

Интересно отмѣтить, что самыя большія стачки имѣли мѣсто въ угольной промышленности, гдѣ методъ коллективнаго договора и тарифныхъ соглашеній, какъ уже указано было раньше, разработанъ наиболѣе совершеннымъ образомъ. Этотъ фактъ разрушаетъ, конечно, иллюзіи теоретиковъ соціальнаго мира, но нисколько не опровергаетъ того положенія, что методъ коллективнаго договора составляетъ прогрессивное явленіе, устраняя множество безпорядочныхъ и случайныхъ стачекъ.

Подавляющая часть всѣхъ конфликтовъ разрѣшается посредствомъ переговоровъ между представителями рабочихъ и предпринимателей, не прибѣгая къ помощи какихъ-либо правительственныхъ учрежденій.

Въ 1905 г. такимъ образомъ было улажено 220 стачекъ, что составляетъ 61% всего ихъ числа и 71% по отношенію къ числу заинтересованныхъ рабочихъ. Что касается третейскаго суда, то

при помощи его было окончено всего лишь 3% изъ общаго количества стачекъ.

Въ общемъ надо признать, что идея коллективнаго договора широко распространена въ Англіи, но только аппаратъ для приведенія выработанныхъ соглашеній въ исполненіе далеко не совершененъ и страдаетъ тяжеловѣсностью.

Исключеніе составляютъ лишь немногія крупнѣйшія организаціи, каковы, напр., союзы углекоповъ, прядильщиковъ и ткачей въ хлопчато-бумажной промышленности, котельщиковъ и др.

Что касается юридической стороны вопроса, то она урегулирована крайне недостаточно.

Законъ о промышленныхъ союзахъ 1871 г. признаетъ право коалицій, но дѣлаетъ тутъ же оговорку, что соглашенія членовъ относительно, напр., вступительныхъ взносовъ, штрафовъ, поручительства, а также соглашенія союзовъ между собою не имѣютъ юридически обязательной силы: жаловаться въ судѣ на неисполненіе всѣхъ этихъ постановленій нельзя.

Ненормальность такого положенія вещей признается въ самой Англіи. Такъ, напр., герцогъ Девонширскій, предсѣдатель королевской комиссіи по рабочему вопросу 1893 г., представилъ ей докладъ, въ которомъ указывалъ на необходимость дать союзамъ рабочихъ и предпринимателей права юридической личности и возможность вступать въ соглашенія, имѣющія строго обязательный характеръ. Точно также и комиссія 1906 г. въ своемъ послѣднемъ отчетѣ рекомендуетъ отмѣну ограничительныхъ постановленій закона 1871 г., дабы облегчить профессіональнымъ союзамъ возможность заключать какъ со своими членами, такъ и съ третьими лицами такія соглашенія, которыя имѣли бы юридически законную силу. Однако, нужно замѣтить, что пристрастныя рѣшенія судей отбивали охоту у англійскихъ трэдъ-юніоновъ добиваться пріобрѣтенія правъ юридической личности. Такъ, напр., по случаю стачки въ долинѣ Таффъ 1901 г. судья постановилъ, что профессіональный союзъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ за дѣйствія своихъ агентовъ, и на этомъ основаніи желѣзнодорожная кампанія получила съ трэдъ-юніона, объявившаго стачку, 50,000 ф. ст., т. е. болѣе 450,000 руб. „за убытки" и т. д. Лишь въ 1906 г., благодаря давленію рабочей партіи, парламентъ принялъ законъ, согласно которому нельзя взыскивать съ трэдъ-юніона убытки, причиненные предпринимателю дѣйствіями секретаря или членовъ союза.

Соединенные Штаты.

По распространенности коллективнаго договора Соединенные Штаты Америки занимаютъ второе мѣсто послѣ Англіи. Правда, соглашеній, которыя распространялись бы на всю страну, существуетъ пока не особенно много, всего въ 10—12 отрасляхъ

промышленности, и развились они лишь за послѣднія 20 лѣтъ, но зато мѣстное урегулированіе условій труда путемъ коллективнаго договора широко распространено здѣсь. Сюда относятся, главнымъ образомъ, такія отрасли, какъ строительное дѣло, сапожное, хлѣбопекарное, металлическая промышленность, транспортъ, промышленность по обработкѣ дерева и отчасти по изготовленію одежды.

Писаные договоры, постоянные комитеты (joint committees) или совѣты для этихъ мѣстныхъ соглашеній встрѣчаются въ Америкѣ рѣже, чѣмъ въ Англіи, гдѣ все дѣло успѣло уже сложиться въ болѣе прочныя и опредѣленныя формы. Впрочемъ, какъ исключеніе, они попадаются и сдѣсь, напр., постояные комитеты въ строительномъ дѣлѣ Бостона.

Отличительной чертой американскихъ учрежденій является проведеніе того принципа, что при коллективномъ договорѣ дѣло идетъ не о соглашеніи или третейскомъ судѣ, а только о простыхъ переговорахъ. Вслѣдствіе этого, принципъ большинства голосовъ, какъ общее правило, здѣсь не примѣняется. Стороны ведутъ переговоры до тѣхъ поръ, пока не придутъ къ соглашенію, и всѣ рѣшенія принимаются единогласно. Поэтому также при заключеніи новыхъ договоровъ участіе постороннихъ „безпартійныхъ“ лицъ обычно не допускается. Конечно, бываютъ исключенія, какъ, напр., въ строительномъ дѣлѣ Бостона. Здѣсь существуютъ постоянные комитеты изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей въ равномъ числѣ, дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, а при заключеніи новаго договора спорные вопросы могутъ быть переданы на разрѣшеніе „безпартійнаго“ лица... Но обычно въ Америкѣ прибѣгаютъ къ третейскому суду только для изъясненія существующаго договора, а не при заключеніи новыхъ.

За послѣднія 15 лѣтъ въ Америкѣ стали усиленно развиваться такія коллективныя соглашенія, которыя регулируютъ условія труда на пространствѣ всего Союза или нѣсколькихъ Штатовъ.

На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ стальная и желѣзная промышленность, гдѣ начало соглашенія въ формѣ „скользящей скалы“ между предпринимателями и амальгамированной (т. е. объединенной) ассоціаціей рабочихъ по обработкѣ желѣза, стали и жести относится къ 1865 г. Затѣмъ идетъ стекляная и керамическая промышленность.

Но въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ эта система примѣняется, получивъ при этомъ самую совершенную разработку, въ каменноугольной промышленности.

Здѣсь предприниматели и рабочіе 4 конкуррирующихъ Штатовъ—Пенсильванія, Огіо, Индіана и Иллинойсъ — заключили между собою тарифъ, дѣйствующій на всемъ этомъ пространствѣ.

Послѣ стачки 1902 г. въ антрацитныхъ копяхъ коллективное

урегулированіе условій труда было распространено и на остальныхъ углекоповъ.

Далѣе слѣдуетъ назвать печниковъ, формовщиковъ и типографщиковъ, но здѣсь, впрочемъ, мы встрѣчаемъ уже черты „соглашенія и третейскаго суда“ въ собственномъ смыслѣ слова; принципъ переговоровъ въ чистомъ видѣ утрачиваетъ здѣсь свое значеніе, тогда какъ въ другихъ отрасляхъ онъ выступаетъ на первый планъ. Вообще въ американскомъ коллективномъ договорѣ можно отмѣтить пять характерныхъ чертъ, которыя придаютъ ему, такъ сказать, національный характеръ и отличаютъ отъ англійскаго. Во-первыхъ, все производство носитъ въ общемъ менѣе формальный характеръ. Организаціи, создаваемыя для переговоровъ,—но не для соглашенія или третейскаго суда,—не всегда принимаютъ форму постоянныхъ учрежденій. Одинаково ли число представителей отъ той и другой стороны, или нѣтъ—на это не обращается большого вниманія, ибо рѣшенія принимаются не большинствомъ голосовъ, а единогласно. Какъ уже было указано относительно мѣстныхъ соглашеній, при заключеніи или возобновленіи договора здѣсь не любятъ обращаться къ внѣпартійнымъ лицамъ, исходя изъ того воззрѣнія, что для того, чтобы условія соблюдались въ точности, они должны устанавливаться самими заинтересованными сторонами, а не навязываться извнѣ кѣмъ-то постороннимъ. Соглашенія въ Америкѣ заключаются, далѣе, почти исключительно на одинъ годъ и ежегодно должны возобновляться. Полномочія представителей обыкновенно довольно ограничены, и заключаемыя соглашенія должны быть прежде всего одобрены союзами, что увеличиваетъ срокъ продолжительности переговоровъ и затрудняетъ заключеніе договора.

Число представителей бываетъ отчасти больше, чѣмъ въ Англіи, и спеціальные вопросы затѣмъ передаются въ комиссію.

На каменноугольной промышленности Пенсильваніи, Огіо, Индіаны и Иллинойсъ мы остановимся нѣсколько подольше.

Коллективныя соглашенія заключались здѣсь еще 30 лѣтъ тому назадъ, хотя, впрочемъ, сомнительно, насколько тутъ существуетъ связь между прошлымъ временемъ и настоящимъ. Послѣ стачки 1894 г. положеніе рабочихъ ухудшилось, заработная плата настолько упала и организація рабочихъ такъ пострадала, что въ 1897 г. вспыхнула всеобщая стачка углекоповъ. Во время ея число членовъ союза сильно возросло. Въ виду большого значенія этой стачки и ея вліянія на народное хозяйство, третейскіе суды указанныхъ 4 штатовъ рѣшили совмѣстно уладить вопросъ; при этомъ оказалось, что главное затрудненіе состоитъ въ различіи платъ и способовъ вознагражденія по разнымъ округамъ, которые конкуррировали другъ съ другомъ. Наконецъ, даже собраніе шахтовладѣльцевъ въ Питсбургѣ высказалось за третей-

скій судъ и выработало основныя положенія для соглашенія, которое и было заключено въ сентябрѣ 1897 г.

Въ концѣ же этого года состоялась конференція изъ представителей союза углекоповъ и союза предпринимателей, на основаніи рѣшенія которой было созвано 17-го января 1898 г. первое общее собраніе уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ. Съ тѣхъ поръ эти ежегодныя собранія регулируютъ взаимныя отношенія между рабочими и предпринимателями въ каменноугольной промышленности. Каждый изъ участвующихъ Штатовъ имѣетъ одинаковое число голосовъ—именно 4 со стороны рабочихъ и 4 со стороны предпринимателей. Указанное собраніе передаетъ работу особому „соединенному комитету“, который въ свою очередь опредѣленіе ставокъ заработной платы поручаетъ комиссіи изъ 16 членовъ. Соединенный комитетъ время отъ времени дѣлаетъ доклады общему собранію, и если вопросы послѣ дискуссіи остаются спорными, то ихъ опять передаютъ въ комиссію. Когда въ концѣ концовъ соединенный комитетъ представитъ общему собранію свое окончательное мнѣніе, то его доклады обыкновенно принимаются единогласно, безъ измѣненій. Такимъ образомъ, эта система построена всецѣло на принципѣ обсужденія (переговоровъ), третейскій же судъ постороннихъ лицъ исключается.

Со времени возникновенія указаннаго соглашенія дѣйствіе ея успѣло распространиться на цѣлый рядъ сосѣднихъ Штатовъ. Такъ, подобные договоры заключены теперь въ Алабамѣ, Контукахъ, Тенессѣ, Миссури, Канзасѣ, Іовѣ, Мичиганѣ, Центральной Пенсильваніи, причемъ рабочій день удалось сократить въ общемъ до 8 часовъ въ сутки при одновременномъ повышеніи заработной платы. Въ виду того, что совмѣстныя соглашенія между Штатами Пенсильванія, Огіо, Индіана и Иллинойсъ ограничиваются только нѣкоторыми, наиболѣе важными пунктами, то рядомъ съ этимъ существуютъ частныя соглашенія по отдѣльнымъ штатамъ или округамъ, касающіяся подробностей условій труда. Въ наиболѣе развитомъ видѣ подобное урегулированіе существуетъ въ Иллинойсѣ, гдѣ оно распространяется на 40,000 рабочихъ. Что касается желѣзной и стальной промышленности, то, какъ уже было указано, методъ коллективнаго договора здѣсь началъ примѣняться съ 1865 г., когда была введена въ Пенсильваніи „скользящая скáла“ между рабочими желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводовъ, организованными въ союзъ подъ названіемъ „Сыны Вулкана“, и ихъ хозяевами. Въ 1875 г. разрозненные союзы объединились въ „амальгамированную ассоціацію рабочихъ желѣзодѣлательнаго, сталелитейнаго и жестяного производства“. И въ настоящее время заработная плата почти всѣхъ обученныхъ рабочихъ (поскольку дѣло касается членовъ амальгамированной ассоціаціи) опредѣляется письменными тарифами, заключаемыми или съ отдѣльными предпринимателями, или съ

союзами ихъ. Правда, до сихъ поръ еще существуетъ не малочисленная группа предпринимателей, которые не признають указанной ассоціаціи и по принципу не даютъ работы ея членамъ. Но тамъ, гдѣ союзъ признается, всюду примѣняется коллективный договоръ и „скользящая скáла". Въ отдѣльныхъ отрасляхъ, какъ, напр., по выдѣлкѣ бѣлой жести, почти всѣ рабочіе принадлежатъ къ союзу. Впрочемъ, нужно замѣтить, что среди совершенно *необученныхъ рабочихъ* вся эта система ни въ одной отрасли желѣзодѣлательной и сталелитейной промышленности не находитъ примѣненія. Переходя къ самому производству дѣла, нельзя не поражаться его сложностью. Предложенія относительно измѣненія скáлы только тогда представляются рабочими на конференцію, когда получатъ $^2/_3$ голосовъ на ихъ собственномъ ежегодномъ собраніи. Разъ это большинство получено, то тогда образуются различные комитеты, гдѣ ведутъ между собою переговоры представители рабочихъ и предпринимательскихъ союзовъ. Если хозяева безусловно отвергаютъ какой-нибудь пунктъ требованій, то представители рабочихъ должны еще разъ предложить его своимъ союзамъ на референдумъ. Въ этомъ случаѣ опять-таки получить $^2/_3$ всѣхъ голосовъ. Если рабочіе продолжаютъ настаивать, а соглашеніе не достигается, тогда слѣдуетъ всеобщая забастовка. Обыкновенно сторонамъ удается прійти къ соглашенію, однáко, крупная стачка „амальгамированной ассоціаціи" въ 1900 г. доказываетъ, что такимъ образомъ далеко не всегда можно достигнуть примиренія противоположныхъ интересовъ.

Кромѣ этихъ учрежденій, которыя выросли, такъ сказать, изнутри самой промышленности, въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ и государственныя учрежденія, преслѣдующія цѣли соглашенія или третейскаго суда. Впрочемъ, въ Америкѣ они имѣютъ еще меньшее значеніе, чѣмъ въ Англіи, и на нихъ не стоитъ много останавливаться, тѣмъ болѣе, что къ коллективному договору они имѣютъ лишь косвенное отношеніе. На пространствѣ всей страны дѣйствуетъ только одинъ третейскій судъ, именно въ транспортной промышленности. Но зато въ отдѣльныхъ Штатахъ существуетъ не мало постоянныхъ или случайныхъ учрежденій для улаживанія столкновеній. Въ Массачузетсѣ и Нью-Іоркѣ они существуютъ съ 1886 г. и пользуются наибольшимъ успѣхомъ. Въ настоящее время семнадцать штатовъ учредили у себя постоянныя камеры соглашенія или третейскіе суды. Кромѣ того, по своей частной инициативѣ „національная гражданская федерація" распространяетъ свою примирительную дѣятельность на всю страну. Впрочемъ, и при всемъ томъ знатоки американской жизни очень сомнѣваются въ томъ, удалось ли указаннымъ путемъ улучшить взаимныя отношенія между трудомъ и капиталомъ...

Въ заключеніе коснемся нѣсколько правовой стороны дѣла. Здѣсь

нужно отмѣтить, что рѣшенія третейскихъ судовъ въ Америкѣ,— все равно государственныхъ или частныхъ, — не имѣютъ принудительной силы. Проведеніе ихъ въ жизнь зависитъ отъ доброй воли или экономической силы сторонъ. Выйти за эти предѣлы американское законодательство до сихъ поръ не рѣшалось. Что касается гражданско-правового значенія и силы тѣхъ коллективныхъ соглашеній, которыя устанавливаются путемъ переговоровъ, то оно стоитъ въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о регулированіи юридическаго положенія профессіональныхъ союзовъ. Въ этомъ отношеніи въ Соединенныхъ Штатахъ дѣло обстоитъ такъ: согласно закону 29-го мая 1886 г., каждый національный профессіональный союзъ можетъ требовать занесенія себя въ регистръ и тогда получаетъ право приносить жалобы и отвѣчать на судѣ. Если же этого нѣтъ, то по законамъ федераціи и большинства отдѣльныхъ Штатовъ, профессіональный союзъ разсматривается тогда, какъ простое соединеніе лицъ, преслѣдующее опредѣленныя цѣли: за дѣйствія членовъ отвѣчаютъ только сами они. Впрочемъ, и для союза, не занесеннаго въ регистръ, статутами иногда устанавливается отвѣтственность, какъ, напр., въ штатѣ Нью-Іоркъ. Въ такомъ случаѣ можно приносить жалобы на союзъ въ лицѣ его президента; отвѣчаетъ тутъ фактически союзъ. Подобныя постановленія существуютъ такъ же въ Коннектикутѣ, Мичиганѣ и Нью-Джерсеѣ. Впрочемъ, жалобы на нарушеніе договоровъ встрѣчаются въ Америкѣ рѣдко, ибо послѣдніе, какъ мы уже видѣли, заключаются обыкновенно не большинствомъ голосовъ, а единогласно.

К. Пажитновъ.

Новый Финляндскій Парламентъ.

Сеймовый Уставъ 1906 года.

Выборы въ Финляндіи закончены. Блестящая побѣда „лѣвыхъ" элементовъ общества—соціалъ-демократіи—превзошла всѣ наиболѣе радужныя ожиданія. Изъ 200 депутатскихъ мѣстъ 72 оказываются въ рукахъ соціалъ-демократической рабочей партіи. Побѣду „лѣвыхъ" создала атмосфера повышеннаго интереса къ политикѣ и жажда поспѣшнаго строительства жизни послѣ только что пережитыхъ годовъ тяжелой, вынужденной бездѣятельности. Наглядному проявленію истиннаго настроенія массъ способствовала новая демократическая избирательная система, смѣнившая собою несовершенную, устарѣлую форму народнаго представительства.

Политическій моментъ, переживаемый сейчасъ Финляндіей, представляетъ несомнѣнный интересъ съ различныхъ точекъ зрѣнія: острая классовая борьба, не прикрытая болѣе идеалистическими туманами и не затушевываемая общностью ближайшихъ „національныхъ цѣлей", новая группировка общественныхъ элементовъ, выпуклое обрисовываніе истинныхъ вожделѣній той или иной партіи,—все это служитъ цѣннымъ матеріаломъ для теоретическихъ выводовъ.

Но событія въ Финляндіи имѣютъ не только самодовлѣющій интересъ,—судьба финляндскаго народа тѣснѣйшимъ образомъ связана съ жизнью и будущимъ народа русскаго; его задачи, его стремленія неотдѣлимы отъ желаній и цѣлей той части русскаго общества, которая борется за освобожденіе своей родины, за утвержденіе въ ней дѣйствительныхъ началъ народнаго представительства. Если финляндцамъ удалось вернуть утраченную было самостоятельность, если они вышли побѣдителями изъ пережитаго остраго политическаго кризиса, то обязаны они этимъ въ значительной мѣрѣ той мощной борьбѣ, какую уже не первый годъ ведетъ со старымъ режимомъ русскій рабочій, крестьянинъ, интеллигентъ...

Да и для исхода русской революціи далеко не безразлично, какое направленіе приметъ политика Финляндіи и какіе общественные элементы очутятся у руля ея общественной жизни. Политическая атмосфера Финляндіи не можетъ не оказывать давленія на ходъ событій въ Россіи. Отъ твердости и послѣдовательности поведенія новоизбраннаго Сейма въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть не только утвержденіе и укрѣпленіе завоеванныхъ самой Финляндіей началъ конституціонныхъ свободъ, но и поддержка обще-освободительнаго движенія Россіи. Обѣимъ сторонамъ слѣдуетъ постоянно помнить о той связи, о томъ взаимоотношеніи, какое неоспоримо существуетъ между Имперіей и ея „автономной" окраиной.

Но крупныя, захватывающія все русское общество событія, начало новаго думскаго періода, заслонили собою и отодвинули на задній планъ всѣ остальныя историческія явленія. Финляндія, занимавшая умы въ періодъ господства надъ ней „русскаго режима", перестала привлекать къ себѣ участіе русскаго общества послѣ пережитаго ею октябрьскаго переворота. Даже столь существенный фактъ, какъ утвержденіе въ Финляндіи новой конституціи и введеніе въ высшей степени демократическаго народнаго представительства, былъ отмѣченъ лишь бѣглыми частными замѣтками; самый же законъ, утвердившій новую финляндскую конституцію, до сихъ поръ не подвергался внимательному разбору.

Критики новый Сеймовый Уставъ $^{20}/_{7}$ іюля 1906 г. удостоился лишь со стороны проф. Сергѣевскаго, предпославшаго спеціальному изданію основного конституціоннаго закона Финляндіи свой краткій обзоръ въ видѣ предисловія. Критика эта носитъ, однако, специфическій характеръ: ея задача—не научная оцѣнка новаго конституціоннаго уложенія страны съ точки зрѣнія государствовѣда, а подчеркнутое желаніе еще разъ отличить зловредность сепаратическихъ стремленій „коварной" Финляндіи, столь ненавистной „Новому Времени" и его приспѣшникамъ.

Вслѣдствіе поверхностнаго знакомства съ финляндской конституціей 1906 г. сложилось неправильное представленіе о ея широкомъ демократизмѣ и о послѣдовательно проведенномъ въ ней началѣ истиннаго народовластія, т. е. томъ началѣ, которое одно только и можетъ гарантировать незыблемость обѣщаній, брошенныхъ имперскими властями въ минуту ихъ вынужденнаго отступленія. Когда въ октябрьскіе дни финляндскій народъ показалъ свою готовность помѣряться силами съ незаконными вершителями его судебъ и бюрократія бросила взволнованному краю свои широковѣщательныя обѣщанія, финляндскій народъ молча отложилъ оружіе въ сторону. Онъ рѣшилъ выжидать. Но вотъ все ближе и ближе тотъ моментъ, когда передъ новыми избранниками финляндской земли встанетъ трудная и отвѣтственная

задача: расширить и укрѣпить за народомъ его конституціонныя права. Послѣднее рѣшающее слово въ Финляндіи еще не сказано. Истиннаго народовластія здѣсь еще не существуетъ, такъ какъ предѣлы вмѣшательства монархической власти во внутреннее управленіе края весьма и весьма растяжимы...

Въ томъ видѣ, въ какомъ основные законы Финляндіи сейчасъ установлены, они едва ли отвѣчаютъ даже относительно скромнымъ демократическимъ требованіямъ. Бьющимъ въ глаза диссонансомъ является, съ одной стороны, широкое демократическое представительство съ одно-палатной системой, всеобщей „безъ различія пола“, равной, тайной и прямой подачей голосовъ, съ другой— урѣзанность и половинчатость полномочій парламента. Духъ „лойяльности“, присущій финляндской буржуазіи, приверженность къ монархическому началу, витали надъ составителями новаго уложенія и заставляли ихъ съ большой осторожностью заносить руку надъ испытанными положеніями стараго конституціоннаго кодекса.

Новый Сеймовый Уставъ 1906 г. по общему своему духу, по ширинѣ полномочій, даваемыхъ народному представительству, мало разнится отъ прежнихъ законоположеній 1869 г., съ дополненіями 1879, 1886 и 1897 гг. Внесенныя поправки носятъ преимущественно частичный характеръ и не касаются въ большинствѣ случаевъ кардинальныхъ пунктовъ конституціи, а если и измѣняютъ ихъ, то въ крайне осторожной, неполной формѣ. Единственнымъ существеннымъ нововведеніемъ Устава 1906 г. слѣдуетъ считать коренную реформу представительной системы. Въ этомъ пунктѣ составители новыхъ законовъ, подталкиваемые радикальными требованіями „низовъ“, въ самомъ дѣлѣ рискнули посягнуть на завѣтные устои финляндскаго представительства: сословность, множественность голосовъ и цензовое право. Быть можетъ, гг. сенаторы, творцы новаго устава, надѣялись тогда, что трезвый, не увлекающійся „пустыми бреднями“ умъ финляндскаго „простолюдина“ всегда сумѣетъ обезпечить численный перевѣсъ въ Сеймѣ умѣреннымъ и „благоразумнымъ“ элементамъ. Теперь же, когда на самыхъ первыхъ порахъ эта сладкая надежда безжалостнымъ образомъ разбилась, смѣлыхъ реформаторовъ, вѣроятно, охватываетъ позднее раскаяніе, что и въ этомъ вопросѣ они не дѣйствовали съ той же осмотрительностью, съ какой позволяли себѣ измѣнять остальныя части конституціонныхъ законоположеній.

Сеймовый Уставъ 1906 г. формально дѣлится на двѣ части: во-первыхъ, положенія, опредѣляющія конституціонныя основы государственнаго строя,—собственно „Сеймовый Уставъ“; во-вторыхъ, основанія для проведенія въ жизнь новой избирательной системы—„законъ о выборахъ“.

Остановимся прежде всего на „Сеймовомъ Уставѣ“ и посмо-

тримъ, насколько рѣзко отличается онъ отъ конституціонныхъ принциповъ, ведущихъ свое начало отъ исторической эпохи, не знававшей еще революціонныхъ бурь конца XVIII столѣтія. Въ основу Сеймоваго Устава 1869 г. положенъ былъ законъ о „Формѣ Правленія“ шведскаго государства 1772 г. и служившій къ нему дополненіемъ „Актъ соединенія и безопасности“ 1789 г. Новый Уставъ 1906 г., измѣнивъ лишь частности основного положенія 1869 г., унаслѣдовалъ отъ него „духъ законовъ“, умилявшій, быть можетъ, передовыя свободолюбивыя головы XVIII вѣка, но едва ли могущій отвѣчать въ XX вѣкѣ требованіямъ даже умѣренныхъ демократовъ.

Основой новой финляндской конституціи служитъ признаніе верховной власти за Императоромъ Русскимъ и Великимъ Княземъ Финляндскимъ. Верховенство это сказывается, какъ въ предоставленіи Монарху исключительнаго права иниціативы по нѣкоторымъ вопросамъ, такъ и въ правѣ *утвержденія*, *обнародованія* и *отклоненія* законовъ, въ снабженіи его особыми полномочіями по вопросамъ, касающимся финансоваго хозяйства страны, наконецъ, въ правѣ созыва или распущенія народнаго представительства. Правда, власть Монарха подвергается ограниченіямъ, и высочайшая воля приводится въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ волей народныхъ представителей, но эти ограниченія носятъ боязливый, половинчатый характеръ. Предполагается, что во всѣхъ случаяхъ изданія, отмѣны, поясненія или дополненія законовъ воля Монарха и мнѣніе народныхъ представителей должны приходить къ соглашенію (см. § 29 и 80 Сеймоваго Устава 1906 г.). Этотъ принципъ „согласнаго рѣшенія“ двухъ властей—монархической и парламентской—не является новостью для Финляндіи. Мы находимъ его въ § 75 Сеймоваго Устава 1869 г. и даже въ „Формѣ Правленія“ 1772 г. (статьи 40 и 41), утверждавшей, что „Монархъ не можетъ издавать закона, ниже стараго уничтожить безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ“, но и эти послѣднія не могутъ „издавать новый законъ, ниже старый уничтожить безъ вѣдома и согласія Монарха“.

Хотя Сеймъ, какъ по новой, такъ и по старымъ конституціямъ признается учрежденіемъ законодательнымъ, тѣмъ не менѣе всякій, касающійся общихъ узаконеній, законопроектъ, внесенный на основаніи правительственнаго предложенія или возбужденный путемъ моцій самими депутатами, „подвергается на Высочайшее его Государя Императора и Великаго Князя благовоззрѣніе, на предметъ утвержденія и изданія закона“. Если Монархъ не признаетъ возможнымъ утвердить проектъ „безъ измѣненій“, онъ остается цѣликомъ „безъ послѣдствій“, и въ такомъ случаѣ объ этомъ, „по воспослѣдованіи повелѣнія“ Государя, сообщается на слѣдующемъ ближайшемъ Сеймѣ. Этотъ существенный параграфъ, дающій въ руки верховной власти такое серьезное оружіе, какъ

право налагать свое veto, всецѣло перенесенъ изъ стараго Устава 1869 г. [1]).

На благовоззрѣніе Монарха подвергаются, въ видѣ представленій, не только законопроекты, но и всѣ прочія „рѣшенія и заключенія, содержащія отвѣты на переданные Сейму предложенія и запросы Государя Императора, равно какъ и тѣ ходатайства на Высочайшее Имя, относительно которыхъ состоялось опредѣленіе Сейма“ (см. § 75).

Но что всего характернѣе для новаго Сеймоваго Устава, это—намѣренное облеченіе основныхъ законовъ въ форму „неподатливой“, застывшей конституціи. Вмѣсто того, чтобы придать новому уставу форму „растяжимости“ и измѣняемости при помощи чисто-парламентской процедуры, составители новой конституціи поспѣшили признать ея незыблемость и пресѣчь заранѣе всякія попытки ее измѣнить, хотя бы ради приведенія въ большее соотвѣтствіе съ жизненными потребностями самого народа. По § 80, Сеймовый Уставъ 1906 г. почитается основой государственнаго строя и „во всѣхъ частяхъ своихъ остается въ силѣ, какъ незыблемый основной законъ, впредь до измѣненія или отмѣны его по согласному рѣшенію Монарха и Сейма Финляндіи“. Но для того, чтобы проектъ объ изданіи, отмѣнѣ или поясненіи основного закона почитался принятымъ Сеймомъ, онъ долженъ подвергнуться троекратному обсужденію въ парламентѣ въ установленномъ § 57 порядкѣ: законопроектъ считается принятымъ въ томъ случаѣ, если послѣ третьяго чтенія рѣшено будетъ простымъ большинствомъ голосовъ перенести его на слѣдующій очередной Сеймъ и если тамъ онъ будетъ одобренъ „безъ измѣненія“ большинствомъ двухъ третей поданныхъ голосовъ (см. § 60). Утвердить проектъ основного закона безъ отсрочки до слѣдующаго Сейма возможно лишь въ томъ случаѣ, если при второмъ чтеніи пять шестыхъ голосовъ признаютъ его не терпящимъ отлагательства и если при третьемъ обсужденіи онъ получитъ одобреніе двухъ третей голосовъ. Само собою разумѣется, что при сложности партійной группировки, разнородности политическихъ теченій добиться такого единодушія, какого требуетъ этотъ параграфъ устава, является задачей едва ли выполнимой. Прохожденіе законопроекта, посягающаго на измѣненіе или даже „поясненіе“ основного закона, не только поставлено въ двойную зависимость отъ согласованной воли Монарха и народнаго представительства, но и затруднено еще относительно высокой численностью одобряющихъ его голосовъ.

Однако, самымъ существеннымъ недостаткомъ этой части новой конституціи Финляндіи является предоставленіе исключительно одной лишь монархической власти права *иниціативы* въ

---

[1]) См. § 51.

вопросахъ пересмотра конституціи. Параграфомъ 29 признается за сеймовыми депутатами право вносить моціи, касающіяся измѣненій, изданія или отмѣны всѣхъ тѣхъ общихъ законовъ, какіе зависятъ отъ согласнаго рѣшенія Монарха и парламента. „Не разрѣшается, однако, вносить на Сеймъ моціи, касающіяся *основныхъ законовъ* или *законовъ* объ *организаціи сухопутной* или *морской обороны*". О значеніи этого двоякаго ограниченія для политической жизни страны распространяться не приходится: право возбуждать вопросъ о пересмотрѣ основныхъ положеній вставлено для народныхъ представителей въ узкія стѣснительныя рамки; наоборотъ, то же право принадлежитъ Монарху въ полной и неограниченной мѣрѣ. Именно сейчасъ, при наличности текущаго политическаго момента, право возбужденія вопроса о пересмотрѣ „основныхъ законовъ" явилось бы неоцѣнимымъ оружіемъ въ рукахъ наиболѣе передовыхъ элементовъ финляндскаго общества. Весьма существеннымъ является и второе ограниченіе—лишеніе Сейма иниціативы въ вопросахъ организаціи вооруженныхъ силъ страны, что равносильно отнятію у него половины его реальнаго значенія; не одна держава отстаивала прочность своего верховнаго монархическаго начала лишь благодаря существованію аналогичныхъ пунктовъ конституціи. Оставить неограниченную законодательную власть въ области военнаго дѣла въ рукахъ монархическаго правительства—значитъ добровольно признать себя обязаннымъ повиноваться власти штыковъ...

Всѣ указанныя ограниченія полномочій парламента ни болѣе, ни менѣе, какъ пережитокъ древности, заботливо перенесенный со столбцовъ отмѣненной конституціи 1869 г. Въ § 71 стараго Сеймоваго Устава сказано, что „изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ *по предложенію* Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій. Положеніе это дополнилось измѣненіемъ § 51 [1]), по которому опредѣлялось, что Сейму разрѣшается вносить моціи по вопросамъ общаго законодательства, но что право это не принадлежитъ ему въ области основныхъ законовъ, законовъ, касающихся сухопутной и морской обороны и законоположеній, относящихся къ прессѣ. По сравненію со старымъ Уставомъ, полномочія, предоставляемыя сейчасъ народному представительству, расширены, слѣдовательно, лишь по вопросу о печати.

Не измѣненъ и порядокъ внесенія моцій на разсмотрѣніе Сейма. Впрочемъ, техника этой процедуры относительно простая: моціи вносятся депутатами въ парламентъ въ четырнадцатидневъ-

---

[1]) Въ § 51 Устава 1869 г. Манифестомъ 1886 г. внесено было измѣненіе, расширявшее полномочія Сейма и допускавшее внесеніе моцій со стороны народныхъ представителей; до того времени право иниціативы принадлежало исключительно Монарху.

ный срокъ по открытіи Сейма въ формѣ законопроектовъ съ приложеніемъ соотвѣтствующихъ соображеній. По истеченіи этого срока разрѣшается вносить только тѣ моціи, которыя „вызываются непосредственно состоящимся рѣшеніемъ Сейма или другимъ происшедшимъ во время Сейма случаемъ“ (§ 30).

Одно изъ древнѣйшихъ правъ народнаго представительства Финляндіи—право петицій—подтверждено новымъ Уставомъ. Петиціи, представляемыя Государю, Сеймомъ принимаются имъ, однако, въ уваженіе „лишь настолько, насколько онъ находитъ ихъ для края полезными“ (§ 28). Отмѣненнымъ уставомъ право петицій опредѣлялось нѣсколько шире. Сейму или сословіямъ предоставлялось право возбуждать въ видѣ петицій всѣ тѣ вопросы, по которымъ земскіе чины не могли вносить соотвѣтствующихъ моцій (§ 51, измѣненіе 1886 г.). Давать ли дальнѣйшій ходъ петиціи предоставлялось, какъ и теперь, благоусмотрѣнію Монарха. Въ свое время финляндскій народъ не разъ пользовался этимъ правомъ подачи петицій съ многочисленными подписями, возбуждая вниманіе къ тому или иному неустройству соціальной и политической жизни родины и вынуждая правительство рано или поздно проявлять свою инициіативу въ разрѣшеніи волнующихъ общество вопросовъ. Неясно, чѣмъ руководствовались составители нынѣшняго Сеймоваго Устава, пропуская прежнее, во всякомъ случаѣ полезное и широкое, опредѣленіе петиціоннаго права.

Русскому Монарху, по конституціоннымъ уложеніямъ Финляндіи, какъ старому, такъ и новому, предоставлено еще одно существенное право: распускать Сеймъ и назначать новые выборы до истеченія законнаго трехлѣтія (§§ 3 и 18). Сессіи Сейма длятся по уставу 90 дней, но если Монархъ по личному своему усмотрѣнію постановитъ, то Сеймъ имѣетъ быть закрытымъ раньше или позже означеннаго срока. Впрочемъ, и Сейму предоставляется право „ходатайствовать“ передъ Императоромъ о продленіи или сокращеніи срока засѣданій. Созваніе чрезвычайнаго Сейма принадлежитъ почину исключительно Монарха; на этотъ Сеймъ поступаютъ лишь тѣ дѣла, какія послужили поводомъ для его созыва.

Прерогативы монархической власти относительно изданій, рѣшеній и постановленій по цѣлому ряду вопросовъ, не подлежавшихъ въ прежней конституціи одобренію Сейма, повидимому, сохранены и новымъ уставомъ; по крайней мѣрѣ, никакихъ указаній на ограниченіе власти Монарха въ этой области законъ 7-го іюля 1906 г. не отмѣчаетъ. По конституціоннымъ актамъ еще 1772 г. рядомъ съ предоставленными законодательному вліянію Сейма областями гражданскаго и уголовнаго правъ и судопроизводства существовала весьма обширная область такъ называемаго *экономическаго законодательства*, въ которой воля Монарха не стѣснялась никакими ограниченіями. Самыя разнообразныя по-

становленія и распоряженія, фактически касавшіяся не только экономической жизни страны, но и ея административнаго строя, подводились подъ растяжимую рубрику „экономическаго законодательства“ и получали силу, равную съ остальными законами. Съ 1809 г. по 1863 г., за финляндскій междусеймовый періодъ, насчитывается 235 постановленій подобнаго рода, имѣвшихъ цѣлью отвѣтить на растущіе запросы края, не прибѣгая къ законодательной санкціи земскихъ чиновъ. Само собою разумѣется, что съ созывомъ Сейма въ 1863 г. практика изданія распоряженій, исходящихъ отъ исполнительныхъ органовъ и приравниваемыхъ по значенію къ законамъ, значительно сократилась; тѣмъ не менѣе, уставъ 1869 г. не ставитъ никакихъ новыхъ границъ законодательной иниціативѣ правительства. Также глухо обходитъ этотъ существенный вопросъ и современный уставъ, заново устанавливающій компетенцію правительственной власти и ставящій опредѣленныя границы ея законодательнаго права. Въ § 31 сказано лишь, что „если Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ затребовано заключеніе Сейма по дѣлу, о которомъ Государь Императоръ и Великій Князь можетъ постановить безъ согласія Сейма, то Сейму надлежитъ въ таковыхъ видахъ разсмотрѣть дѣло и представить по оному заключеніе“, т. е. еще разъ подтверждено право Монарха по нѣкоторымъ вопросамъ выносить единоличныя рѣшенія, не входя въ соглашеніе съ Сеймомъ. Насколько широка сфера дѣятельности правительственной власти, опредѣляемая этимъ параграфомъ, можно судить по тому толкованію, какое даетъ ей знатокъ финляндской конституціи—сенаторъ Мехелинъ: „Административное законодательство обнимаетъ тѣ постановленія, какія Монархъ найдетъ нужнымъ выработать, чтобы обезпечить точное выполненіе и соблюденіе законовъ, надзоръ за правильностью дѣйствій общественной власти и вообще добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей со стороны правительства. Постановленія и распоряженія, относимыя къ этой категоріи законодательства, не должны противорѣчить ни тексту, ни духу законовъ, одобренныхъ Сеймомъ“. Новый Уставъ ни единымъ словомъ не посягнулъ на возможность такого рода толкованій и такимъ образомъ сохранилъ цѣликомъ унаслѣдованный отъ прежняго законодательства принципъ смѣшенія двухъ властей—законодательной и исполнительной.

Исполнительная власть въ Финляндіи сосредоточена въ рукахъ финляндскаго Сената, члены котораго назначаются Монархомъ на трехлѣтній періодъ; срокъ этотъ, впрочемъ, можетъ быть продленъ по произволенію. Сенатъ дѣлится на 2 основныхъ департамента: *юстиціи*, являющейся высшей судебной инстанціей края, и *администраціи*, вѣдающей всѣ дѣла по управленію государствомъ. Административный департаментъ состоитъ изъ 9 отдѣловъ, соотвѣтствующихъ различнымъ отраслямъ хозяйственной и

политической жизни страны, предсѣдатели которыхъ—сенаторы—собственно говоря исполняютъ министерскія функціи. Но хотя по своему назначенію Сенатъ является учрежденіемъ исполнительной власти, мы видѣли, что старо-шведская конституція предоставляла ему относительно широкія законодательныя полномочія, которыя новый Уставъ не позаботился хотя-бы отчасти нормировать и ограничить, избавивъ такимъ образомъ народъ отъ тягостныхъ и вредныхъ для жизни націи столкновеній между двумя властями: народныхъ представителей и правительства.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ крупнымъ недостаткомъ Сеймоваго Устава существуетъ еще другой чувствительный пробѣлъ въ финляндской конституціи, низводящій широкое демократическое представительство страны до роли безсильнаго свидѣтеля административнаго произвола. Фактически отвѣтственности исполнительной власти въ Финляндіи еще *не существуетъ*. Старая конституція даже съ принципіальной точки зрѣнія не допускала подсудности администраціи народному представительству. Закономѣрность дѣйствій исполнительной власти Сената и генералъ-губернаторовъ контролировалась не народными представителями, а высшимъ судебнымъ чиномъ—генеральнымъ прокуроромъ; ему, этому ставленнику бюрократіи, плоть отъ плоти ея, поручалось наблюдать за исполненіемъ законовъ со стороны чиновъ администраціи и предоставлялось дѣлать имъ запросы въ случаѣ правонарушеній или отклоненій ихъ отъ прямыхъ обязанностей. Въ Уставѣ 1906 г. несомнѣнно заключается шагъ впередъ въ постановкѣ этого важнаго для правильнаго теченія государственной жизни вопроса. Въ *принципѣ* новая конституція Финляндіи признаетъ отвѣтственность исполнительныхъ властей передъ народнымъ представительствомъ. § 33 предоставляетъ депутатамъ право обращаться съ соотвѣтствующимъ запросомъ къ подлежащимъ административнымъ властямъ и разрѣшаетъ Сейму входить въ обсужденіе „закономѣрности служебныхъ дѣйствій членовъ правительства“, причемъ порядокъ разсмотрѣнія этихъ дѣлъ опредѣляется особымъ закономъ. Но такъ какъ пока еще не выработанъ законъ, опредѣляющій порядокъ разсмотрѣнія подобныхъ дѣлъ, то самое право запроса, предоставляемое членамъ Сейма, пока не имѣетъ ничего общаго съ формой интерпелляціи, принятой во Франціи, и обращается въ пустую формальность.

Въ § 32 говорится, что „Сеймовый депутатъ, желающій сдѣлать запросъ члену Сената по дѣламъ его вѣдомства, съ цѣлью разсмотрѣнія его, въ видѣ отдѣльнаго вопроса, въ общемъ собраніи, долженъ представить тальману точно формулированный запросъ въ письменномъ изложеніи. Отложивъ слушаніе запроса до одного изъ слѣдующихъ засѣданій, Сеймъ постановляетъ, безъ предварительнаго обсужденія, можетъ ли быть сдѣланъ данный

запросъ или нѣтъ. Въ утвердительномъ случаѣ запросъ сообщается распоряженіемъ тальмана подлежащему члену сената, который, *буде онъ не признаетъ запросъ подлежащимъ отклоненію,* входитъ въ соглашеніе съ тальманомъ относительно времени сообщенія разъясненій по этому запросу". Этой послѣдней оговоркой торжественно даруемое право запроса обращается по существу въ простое *„освѣдомленіе"* депутатовъ Сейма относительно извѣстныхъ обстоятельствъ или намѣреній правительства и не влечетъ за собой тѣхъ послѣдствій для административной власти, которыя только и дѣлаютъ цѣннымъ право интерпелляціи, предоставляемое народному представительству. Въ этомъ случаѣ демократическіе элементы финляндскаго общества могутъ сочувственно пожать руку своимъ русскимъ товарищамъ, борцамъ за освобожденіе всего россійскаго государства: положеніе ихъ одинаково, и безсиліе ихъ передъ произволомъ исполнительныхъ властей— мало чѣмъ разнятся между собою.

По сравненію съ прежнимъ Сеймовымъ Уставомъ 1869 г., новый законъ имѣетъ въ данномъ вопросѣ лишь преимущество *принципіальнаго* признанія *контроля народнаго представительства* надъ администраціей.

Но внесенная въ основной законъ оговорка, что административный чинъ можетъ „признать запросъ подлежащимъ отклоненію", даетъ исполнительной власти полную возможность избѣжать, въ случаѣ необходимости, народнаго суда. Конечно, новый Сеймъ будетъ имѣть возможность до нѣкоторой степени исправить этотъ пробѣлъ, занявшись прежде всего разработкой „особаго закона", регламентирующаго во всѣхъ деталяхъ дѣятельность администраціи и опредѣляющаго степень подсудности ея передъ лицомъ народныхъ представителей. Но внести коррективъ въ основной законъ, уничтоживъ зловредную оговорку, можно лишь тогда, когда весь уставъ подвергнется пересмотру, что потребуетъ, во всякомъ случаѣ, наличности совершенно особой политической атмосферы.

Въ данномъ случаѣ мы снова наталкиваемся на то громадное значеніе, какое имѣетъ право иниціативы, дарованное исключительно Монарху въ столь кардинальномъ вопросѣ, какъ пересмотръ конституціонныхъ основъ края. Достаточно было бы сдѣлать хотя бы этотъ единственный пунктъ болѣе растяжимымъ, чтобы дать финляндскому народу возможность постепенно, исподволь привести и все сложное конституціонное зданіе въ большее соотвѣтствіе, какъ съ запросами края, такъ и съ новой демократической системой представительства.

Однако, всѣ перечисленныя „упущенія" не должны насъ удивлять. Достаточно вспомнить, кто собственно являлся составителемъ законопроекта современной конституціи. Новый Сеймовый Уставъ это—дѣло рукъ „почтенныхъ" сенаторовъ, ставлен-

никовъ все той же бюрократической власти, ограничить которую они были призваны. Правда, высоко-справедливые и нелицепріятные господа-сенаторы пригласили на свои совѣщанія, въ качествѣ „свѣдующихъ лицъ“, трехъ соціалъ-демократовъ; но голосъ этихъ людей иного политическаго склада и соціальнаго міровоззрѣнія естественно заглушался авторитетнымъ мнѣніемъ заслуженныхъ и опытныхъ сенаторовъ. Послѣдній, сословноклассовый, чрезвычайный Сеймъ, созванный со спеціальной цѣлью „одобрить“ работу почтенныхъ сенаторовъ, являлся наиболѣе подходящей инстанціей для возложенной на него миссіи; законопроектъ половинчатой конституціи былъ признанъ „подходящимъ“ и получилъ одобреніе всѣхъ сословій... Отсутствовалъ на Сеймѣ лишь пролетаріатъ—тотъ самый пролетаріатъ, который вызвалъ новую конституцію въ жизнь и своими усиліями создалъ необходимыя условія для осуществленія новыхъ основныхъ законоположеній. Отсутствіе этихъ „буйныхъ“ общественныхъ элементовъ принималось, однако, сеймовыми представителями, какъ явленіе, не только нормальное, но и благопріятное для „мирнаго теченія“ государственныхъ дѣлъ.

Многіе изъ депутатовъ послѣдняго Сейма, конечно, съ прискорбіемъ соображали, что новая конституція, съ ея демократическимъ представительствомъ, является и безъ того слишкомъ крупной, слишкомъ великодушной уступкой ненасытнымъ требованіямъ „низовъ“, и, что уступая въ этомъ пунктѣ, слѣдуетъ тѣмъ тверже отстаивать классовыя прерогативы, такъ или иначе заботливо охранявшіяся старыми конституціонными уложеніями. Составители новаго Устава тщательно переливали старое вино въ новые мѣха, боясь расплескать малѣйшую часть драгоцѣннѣйшей влаги—классоваго господства. Съ одной стороны—широко распахнуть двери парламента для всѣхъ общественныхъ слоевъ, показавъ себя радикалами „dernier cri“, съ другой—по возможности лишить народное представительство его широко организаторской и законодательной роли, подчинивъ его мудрому руководительству бюрократіи, такова была вожделѣнная задача правящихъ классовъ, страшившихся упустить изъ своихъ рукъ цѣпко ухваченныя ею бразды правленія. Отсюда—половинчатость въ вопросахъ отвѣтственности исполнительной власти, отсюда—неполнота, урѣзанность и бюджетнаго права.

Финансовое хозяйство Финляндіи только частью находится подъ контролемъ парламента, и полномочія, даваемыя монархической власти въ этомъ отношеніи, остаются въ новыхъ законахъ столь же широкими, какими они являлись и въ старой конституціи края. Бюджетное право Финляндіи имѣетъ черты, общія съ германскимъ: въ обоихъ государствахъ существуетъ болѣе или менѣе постоянная часть бюджета, которая не поступаетъ на ежегодное утвержденіе народныхъ представителей,

чѣмъ ограничивается вмѣшательство Сейма въ сферу финансоваго хозяйства страны. Правда, еще по ст. 45 „Формы правленія" Монархъ не имѣлъ права налагать на подданныхъ „какіе-либо военные налоги, новые поборы и подати безъ вѣдома и добровольнаго государственныхъ чиновъ согласія, исключая только тѣхъ несчастныхъ случаевъ, когда нечаянное нападеніе непріятеля на государство учинено будетъ; тогда онъ имѣетъ право принимать мѣры, съ пользою и безопасностью государства согласующіяся, также и съ выгодами его подданныхъ". Но это ограниченіе по существу касается лишь чрезвычайныхъ налоговъ и поборовъ съ населенія и не опредѣляетъ предѣловъ власти Монарха въ вопросѣ, касающемся постоянныхъ государственныхъ поступленій. Дѣло въ томъ, что государственный бюджетъ распадается на двѣ части: бюджетъ общихъ, ординарныхъ доходовъ и расходовъ и бюджетъ поступленій и расходовъ чрезвычайныхъ. Къ бюджету ординарныхъ фондовъ и доходовъ относятся всѣ изъ года въ годъ повторяющіяся поступленія отъ казенныхъ имуществъ, пошлинъ, таможенныхъ сборовъ и т. п.; въ ординарные расходы включаются, какъ обычныя государственныя издержки управленія краемъ, такъ и расходы, вызываемые требованіями общественнаго благоустройства. Эта постоянная часть бюджета устанавливается самимъ Монархомъ, безъ участія народныхъ представителей, и лишь другая часть бюджета, подвижная, опредѣляемая чрезвычайными поступленіями и расходами, подлежитъ одобренію и утвержденію Сейма [1]). Въ § 26 устава 1906 г. сказано: „Въ началѣ каждаго очередного Сейма ему передается предложеніе о доставленіи средствъ на тѣ потребности, для покрытія которыхъ ординарные статные доходы являются недостаточными; для разъясненія сего къ предложенію прилагается расчетъ ординарныхъ средствъ и потребностей казны на слѣдующій финансовый годъ".

Открытіе государственнаго кредита, разрѣшеніе государственныхъ займовъ, назначеніе чрезвычайныхъ налоговъ и утвержденіе предметовъ расходованія чрезвычайныхъ поступленій, такова, область финансоваго хозяйства Финляндіи, подлежащая вотуму Сейма. Всякія измѣненія существующей системы, уменьшеніе или повышеніе размѣра обыкновенныхъ налоговъ, назначаемыхъ на срокъ или взимаемыхъ постоянно, также подлежитъ компетенціи народнаго правительства (см. §§ 61 и 43). Однако,

---

[1]) Соотношеніе между обѣими частями бюджета таково: ординарные доходы казны составляли по росписи 1904 г. 103.130.620 ф. мар., чрезвычайные 27.357.442 ф. м. Обыкновенные расходы въ томъ же году равнялись 86.494.644 ф. м., чрезвычайные же, вмѣстѣ съ перечисленіемъ между фондами, достигали 57.654.272 ф. м. (см. Статистическій Ежегодникъ Финляндіи, 1905 г., изд. Центр. Статист. Бюро).

и въ этой области допускается весьма серьезное исключенiе: правительственной властью не только устанавливаются, но и измѣняются *таможенныя пошлины*, безъ испрашиванiя на то согласiя Сейма. Чтобы уяснить себѣ, каково значенiе этого косвеннаго налога для экономической жизни Финляндiи, достаточно указать, что поступленiя съ таможенныхъ сборовъ составляютъ самую крупную статью ординарныхъ доходовъ казны, равнявшуюся въ 1904 г. 36.443.593 ф. м., что при общей суммѣ государственныхъ ординарныхъ доходовъ въ 103.130.620 ф. м. составляетъ $35^1/_3\%$ всѣхъ казенныхъ сборовъ, и что каждое измѣненiе таможеннаго тарифа отражается самымъ чувствительнымъ образомъ на хозяйственныхъ отношенiяхъ всей страны. Нельзя забывать при этомъ, что Финляндiя обладаетъ весьма скромнымъ количествомъ естественныхъ богатствъ и что вся ея быстро развивающаяся промышленность зиждется на ввозномъ сырьѣ. Повышенiе таможеннаго тарифа, съ цѣлью пополнить опустѣвшую государственную казну, отражается въ высшей степени неблагопрiятнымъ образомъ на карманѣ потребителей и задерживаетъ дальнѣйшее развитiе промышленности, отчего страдаетъ несомнѣнно въ первую голову рабочiй классъ,—и въ качествѣ производителя, лишеннаго заработка, и въ качествѣ потребителя, при повысившихся цѣнахъ на предметы необходимости.

По новой конституцiи, бюджетное право народныхъ представителей въ Финляндiи совершенно не подвергалось расширенiю. Параграфъ 36 устава 1869 г., опредѣлявшiй бюджетныя права Сейма, по существу заключаетъ тѣ же полномочiя, какiя мы встрѣчаемъ и въ новомъ уставѣ. Сейму, въ лицѣ статной комиссiи, вмѣнялось въ обязанность „давать отзывы о способѣ доставленiя средствъ на покрытiе потребностей края, въ случаѣ недостаточности ординарныхъ статей доходовъ, и въ особенности разсматривать, какимъ образомъ были употреблены ассигновки для опредѣленныхъ цѣлей на послѣднемъ Сеймѣ". Комиссiя же чрезвычайныхъ податей должна была разсматривать „всѣ переданныя ей отъ сословiй дѣла, касающiяся измѣненiя постановленiй объ отбыванiи чрезвычайныхъ податей, составлять примѣрныя исчисленiя доходовъ отъ отдѣльныхъ чрезвычайныхъ податей и, по опредѣленiи количества сихъ податей, представлять объ основанiяхъ и способѣ раскладки оныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заготовлять для Земскихъ Чиновъ проекты Уставовъ о чрезвычайныхъ податяхъ" (§ 37). Эти оба параграфа стараго устава исчерпываютъ полномочiя, даваемыя и новымъ Уставомъ народному представительству.

Старый уставъ отличается отъ новаго въ бюджетномъ вопросѣ лишь техникою разсмотрѣнiя этого вопроса, порядкомъ и способомъ внесенiя предложенiй и обсужденiя дѣлъ. Прежнее раздѣленiе бюджетнаго вопроса на двѣ части, подлежащiя каждая раз-

смотрѣнію особой комиссіи (статной и чрезвычайныхъ налоговъ) [1]), въ новомъ уставѣ отсутствуетъ, и всѣ относящіеся къ области государственныхъ финансовъ вопросы отнесены въ одну общую бюджетную комиссію, за исключеніемъ дѣлъ, касающихся непосредственно государственнаго банка. Правительственныя предложенія о назначеніи чрезвычайныхъ налоговъ, равно какъ и всякія иныя предложенія, относящіяся къ области государственныхъ финансовъ, передаются непосредственно въ эту бюджетную комиссію [2]). Принятыми Сеймомъ считаются тѣ узаконенія объ отбываніи временныхъ или постоянныхъ налоговъ, о заключеніи государственныхъ займовъ и т. п., которые послѣ троекратнаго чтенія одобрены общимъ собраніемъ народныхъ представителей. Для проектовъ финансоваго характера, однако, не допускается отсрочки ихъ до слѣдующаго ближайшаго Сейма, какъ это принято для остальныхъ дѣлъ, и, если законопроекты о „новыхъ или увеличенныхъ временныхъ налогахъ, о новыхъ постоянныхъ налогахъ или о заключеніи статнаго займа" не приняты большинствомъ двухъ третей голосовъ при третьемъ чтеніи, то эти предложенія или проекты считаются оставленными безъ послѣдствій (§ 61).

По сравненію съ фактическимъ отсутствіемъ бюджетнаго права въ нашемъ русскомъ уложеніи о Государственной Думѣ и съ правилами порядка разсмотрѣнія бюджетной росписи, бюджетное право, предоставляемое новымъ Сеймовымъ Уставомъ финляндцамъ, обладаетъ нѣкоторыми несомнѣнными преимуществами. Какъ-никакъ, финляндскому народному представительству даровано право контроля надъ государственными доходами и расходами [3]); государственные займы, наложеніе временныхъ и постоянныхъ налоговъ, сверхъ существующихъ (за указанными выше

---

[1]) Статная комиссія, съ одной стороны — провѣряла ассигновки, отпущенныя предыдущимъ Сеймомъ, съ другой — изыскивала способы полученія чрезвычайныхъ средствъ на покрытіе экстраординарныхъ расходовъ; комиссія чрезвычайныхъ налоговъ вѣдала раскладкой налоговъ и способомъ ихъ взиманія.

[2]) Въ бюджетную комиссію передаются также упомянутое въ пунктѣ 2 § 26 предложеніе Государя Императора и Великаго Князя и предложенія о чрезвычайныхъ налогахъ, а равно и прочія предложенія и возбужденные на Сеймѣ проекты, касающіеся финансовыхъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію Сейма. Въ заключеніи комиссіи по первопомянутому предложенію сводятся всѣ вопросы объ ассигнованіяхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и одобренію Сейма, въ томъ числѣ и такіе, по коимъ представлены особыя заключенія. Въ томъ же заключеніи комиссія представляетъ предположенія относительно изысканія средствъ на покрытіе расходовъ, поскольку ординарные доходы казны оказываются для сего недостаточными (§ 43 Сейм. Уст. 1906 г.).

[3]) „Немедленно послѣ открытія очередного Сейма ему должно быть сообщено о состояніи статнаго вѣдомства, дабы Сеймъ могъ удостовѣриться, какимъ образомъ доходы казны употреблены на пользу и благо Края" (§ 27).

исключеніями), открытіе государственнаго кредита—все это подлежитъ вѣдѣнію и санкціи Сейма. Управленіе фондами Государственнаго Банка также подлежитъ контролю народныхъ представителей, которые сами же и назначаютъ банковыхъ уполномоченныхъ для надзора и завѣдыванія дѣлами банка, избирая ихъ на каждомъ очередномъ Сеймѣ въ числѣ шести человѣкъ. Тѣмъ же порядкомъ избираются четыре ревизора для ревизіи банковыхъ дѣлъ за истекшій отчетный годъ (§ 74). Наконецъ, законодательная иниціатива въ вопросахъ народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ принадлежитъ въ Финляндіи не только Монарху, но и народному представительству,—право, незнакомое нашей Государственноя Думѣ...

Въ виду непрерывнаго экономическаго роста страны, расширенія ея потребностей, какъ культурныхъ, такъ и хозяйственныхъ, съ каждымъ годомъ повышаются чрезвычайные расходы, требующіе и чрезвычайныхъ поступленій. Такимъ образомъ, та область бюджета, которая обнимаетъ подвижную его часть, постепенно разрастается на счетъ консолидированной, ставя все большую часть государственныхъ финансовъ въ зависимость отъ одобренія или неодобренія народныхъ представителей. Благодаря этому явленію, рамки бюджетнаго права Финляндіи фактически расширяются, независимо отъ застывшихъ уставныхъ формъ, облюбованныхъ осторожными буржуазными „конституціоналистами“ края.

Для полноты картины конституціоннаго уклада Финляндіи намъ придется еще бросить хотя бы бѣглый взглядъ на внѣшнее устройство народнаго представительства.

Парламентъ Великаго Княжества относится къ типу представительныхъ учрежденій съ „комитетской системой“; дѣлопроизводство сосредоточивается преимущественно не въ общемъ собраніи, а въ 5 комиссіяхъ, избираемыхъ на очередномъ Сеймѣ въ пятидневный срокъ по его открытіи. Въ каждую изъ комиссій: *основныхъ законовъ*, *общихъ законовъ*, *хозяйственную*, *бюджетную и банковую*, входятъ: въ первыя четыре—не менѣе какъ по шестнадцати, въ послѣднюю—не менѣе двадцати человѣкъ. Разрѣшается, въ случаѣ надобности, назначать и другія комиссіи. Кромѣ того, существуютъ еще двѣ малыя комиссіи, такъ называемыя—*экспедиціонная* и *повѣрочная*, вѣдающія исходящими бумагами Сейма и кодифицирующія его опредѣленія, а также „большая комиссія“ изъ шестидесяти членовъ, предназначенная для обсужденія особыхъ дѣлъ. Сенаторы и лица, служебная дѣятельность которыхъ можетъ подлежать повѣркѣ данной комиссіей, не имѣютъ права состоять ихъ членами (§ 38).

Къ вѣдѣнію комиссіи основныхъ заноновъ относятся: подготовка переданныхъ въ нее законопроектовъ объ изданіи, измѣненіи, поясненіи или отмѣнѣ основныхъ законовъ. Эгой же комиссіи предоставлено подготовлять вопросы, „возникающіе вслѣд-

ствіе права Сейма провѣрять закономѣрность служебныхъ распоряженій чиновъ правительства“ (§ 40).

Комиссія общихъ законовъ вырабатываетъ заключенія по переданнымъ въ нее проектамъ относительно измѣненія, отмѣны изданія или поясненій законовъ общаго характера; эти заключенія поступаютъ на утвержденіе общаго собранія Сейма (§ 41).

Задачей хозяйственной (экономической) комиссіи является подготовка законопроектовъ, касающихся промысловой дѣятельности и другихъ сторонъ народнаго хозяйства страны (§ 42).

Бюджетная комиссія собираетъ свѣдѣнія о состояніи государственныхъ финансовъ и требуетъ представленія ей на разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ и счетовъ, относящихся къ этой области. Комиссіи вмѣняется въ спеціальную обязанность высказываться объ употребленіи ассигновокъ, назначенныхъ прошлымъ Сеймомъ на опредѣленныя цѣли; по этому поводу Сейму предлагается входить съ обстоятельнымъ представленіемъ къ Великому Князю. Въ бюджетную комиссію на разсмотрѣніе передаются всѣ предложенія, какъ исходящія отъ правительства, такъ и возбужденныя Сеймомъ; точно также на заключеніе бюджетной комиссіи поступаютъ всѣ вопросы объ ассигнованіяхъ, подлежащихъ одобренію Сейма, включая и тѣ, „по коимъ представлены особыя заключенія“. Способъ изысканія средствъ для покрытія расходовъ, не могущихъ быть удовлетворенными ординарными поступленіями, также предоставляется этой отвѣтственной комиссіи. При наложеніи новыхъ временныхъ чрезвычайныхъ налоговъ комиссія обязана представить о нихъ свои заключенія съ исчисленіемъ ожидаемыхъ отъ нихъ поступленій (§ 43).

Банковая комиссія производитъ повѣрку управленія дѣлами Финляндскаго Банка и фондами, состоящими подъ гарантіей и въ вѣдѣніи Сейма; она представляетъ Сейму отчетъ объ истекшемъ срокѣ дѣятельности банка и проектъ намѣченныхъ измѣненій въ завѣдываніи банковыми фондами.

Порядокъ поступленія дѣлъ на разсмотрѣніе Сейма остается въ новомъ Сеймовомъ Уставѣ почти безъ измѣненій: предложенія, вносимыя правительствомъ, и моціи, возбуждаемыя самими депутатами, не могутъ быть принимаемы къ окончательному рѣшенію, пока по нимъ не поступятъ заключенія соотвѣтствующихъ комиссій (§§ 54 и 55). Всѣ заключенія комиссій подлежатъ двукратному, а если о необходимости отсрочки будетъ заявлено хотя бы двумя членами, то и троекратному обсужденію. Послѣ третьяго чтенія заключенія комиссіи не подлежатъ дальнѣйшей отсрочкѣ. Когда заключеніе комиссіи касается законодательнаго вопроса, возбужденнаго предложеніемъ Государя Императора и Великаго Князя или внесенною на сеймъ моціею, то дѣло подлежитъ троекратному чтенію въ общемъ собраніи народныхъ представителей (§ 57). При первомъ чтеніи докладывается заклю-

ченіе соотвѣтствующей комиссіи и предоставляется членамъ Сейма право высказать свое мнѣніе; при второмъ обсужденіи сообщаются заключенія, а также предположенія большой комиссіи, куда дѣло переносится послѣ перваго чтенія въ общемъ собраніи. Чтеніе законопроекта при второмъ обсужденіи производится по статьямъ. Если проектъ большой комиссіи не подвергается измѣненію, второе чтеніе считается законченнымъ; если же общимъ собраніемъ вносятся поправки, то законопроектъ снова передается въ общую комиссію для новыхъ обсужденій и измѣненій и для новаго поступленія на второе чтеніе. При третьемъ чтеніи законопроектъ подлежитъ либо утвержденію, либо отклоненію, если до поступленія его на третье обсужденіе не было заявлено требованіе объ острочкѣ дѣла; если это требованіе поддержано $^1/_3$ всѣхъ сеймовыхъ депутатовъ, то законопроектъ откладывается до ближайшаго Сейма новаго состава. Отклоненію не подлежатъ лишь вопросы, переданные Монархомъ на разсмотрѣніе чрезвычайнаго Сейма. Отсроченный проектъ какъ-бы заново поступаетъ на слѣдующій Сеймъ, но уже не подлежитъ вторичной отсрочкѣ (§ 58).

Вопросы на Сеймѣ должны быть формулированы такъ, чтобы можно было отвѣтить на нихъ однимъ словомъ: положительнымъ или отрицательнымъ. Закрытое голосованіе производится билетами, на которыхъ напечатано слово „да“ или „нѣтъ“, вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ (за исключеніемъ указанныхъ выше случаевъ); чтобы избѣжать раздѣленія голосовъ поровну, одинъ билетъ откладывается тальманомъ (предсѣдателемъ) до подсчета и вскрывается только въ случаѣ равенства голосовъ, причемъ рѣшаетъ дѣло.

Закрытое голосованіе возбуждаетъ рѣзкое осужденіе со стороны наиболѣе сознательной части финляндскаго общества, такъ какъ лишаетъ избирателей непосредственнаго контроля надъ дѣйствіями своихъ уполномоченныхъ; но и этотъ пунктъ вошелъ въ составъ „основныхъ законовъ“ и, слѣдовательно, можетъ быть измѣненъ лишь по почину его Императорскаго Величества...

Преніями на общемъ собраніи руководитъ тальманъ, избираемый на второй день открытія Сейма; онъ же созываетъ общее собраніе, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы „не поступало на обсужденіе ничего такого, что противорѣчитъ законамъ“. Въ помощники ему избираются два вицетальмана [1]).

Депутатскихъ мѣстъ имѣется на Сеймѣ 200. Каждый депутатъ получаетъ за время парламентскихъ сессій жалованье въ размѣрѣ

---

[1]) Всѣ трое при вступленіи въ исполненіе своихъ обязанностей даютъ слѣдующее обѣщаніе: „охранять права, какъ Государя Императора и Великаго Князя, такъ и Сейма и финскаго народа, согласно основнымъ законамъ“.

тысячи четырехсотъ марокъ за каждую сессію съ продолжительностью въ 90 дней и, кромѣ того, вознагражденіе за проѣздъ на Сеймъ и обратно (§ 14). Личность депутата неприкосновенна: онъ не можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности или лишенъ свободы за выраженное мнѣніе или вообще за его поведеніе во время преній, если, однако, на то не послѣдуетъ изъявленіе согласія пяти шестыхъ присутствующихъ членовъ. Депутатъ во время Сейма не можетъ быть заключенъ подъ стражу, кромѣ случаевъ, когда о задержкѣ его состоялось опредѣленіе суда или же когда онъ застигнутъ при самомъ совершеніи преступленія, влекущаго за собою тюремное заключеніе, не менѣе чѣмъ на шесть мѣсяцевъ (§ 12).

Сеймовому депутату вмѣняется въ обязанность „соблюдать серьезное и достойное поведеніе, не позволять себѣ оскорбительныхъ, насмѣшливыхъ или иныхъ непристойныхъ выраженій о правительствѣ или частныхъ лицахъ“. За нарушеніе этого постановленія депутатъ можетъ получить выговоръ отъ тальмана, быть устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ въ Сеймѣ срокомъ не свыше 2-хъ недѣль или привлеченъ къ судебной отвѣтственности (§ 48). Такимъ образомъ, и въ новомъ уставѣ депутатъ подвергается „административному“ взысканію въ установленномъ закономъ порядкѣ. Точно также подвергается депутатъ и денежному штрафу, если не прибудетъ своевременно на Сеймъ или не явится на засѣданіе, не имѣя на то причины, признаваемой Сеймомъ уважительной. „При неявкѣ, несмотря на денежное взысканіе, Сеймъ можетъ объявить сеймоваго депутата лишеннымъ сего званія“ (§ 15).

Такова техническая сторона парламентской дѣятельности, установленная новымъ Сеймовымъ уставомъ. Какъ видно, даже и въ этой области надъ составителями новой конституціи виталъ духъ буржуазной аккуратности и взыскательности, опирающейся на „строго-законную“ почву. Буржуазные творцы финляндскаго Сеймоваго Устава сдѣлали свое дѣло: они сумѣли и при широко-демократическомъ представительствѣ обезпечить главенство имущихъ классовъ, предоставивъ широкія полномочія исполнительной власти, которая еще на долгіе годы будетъ служить оплотомъ буржуазіи.

На первомъ же новоизбранномъ Сеймѣ предстоитъ жестокая схватка двухъ міровъ: буржуазнаго и пролетарскаго, „лѣвыхъ“ и „правыхъ“; правые, съ надеждой скашивая взоръ въ сторону русской столицы, будутъ отстаивать свои привычныя привилегіи; лѣвые станутъ бороться за расширеніе и укрѣпленіе представительныхъ началъ въ странѣ и за проведеніе въ жизнь длиннаго ряда намѣченныхъ соціальныхъ реформъ. Залогомъ побѣды „лѣвыхъ“ элементовъ несомнѣнно служитъ исходъ только что закончившихся выборовъ, обезпечившихъ соціалъ-демократіи треть де-

путатскихъ мѣстъ. Но не слѣдуетъ закрывать глаза и на то, что современный Сеймовый Уставъ поставитъ не одну преграду проведенію желательныхъ преобразованій и не разъ послужитъ наиболѣе удобнымъ способомъ наложить узду на слишкомъ „пылкіе" лѣвые элементы... Буквою современнаго „основного закона" съ одинаковой охотой воспользуются и финляндская буржуазія, и имперская бюрократія. Только въ корнѣ преобразованный на началахъ широкаго демократизма „основной законъ" вырветъ изъ рукъ исполнительной власти право распоряжаться судьбою народа, и только дѣйствительное укрѣпленіе конституціонныхъ основъ въ предѣлахъ русскаго государства сможетъ предотвратить вмѣшательство русской бюрократіи въ дѣла внутренняго управленія „автономной" окраины. Пока же абсолютизмъ пользуется всѣми преимуществами въ самомъ сердцѣ Россіи, до тѣхъ поръ никакой законъ, какимъ бы „основнымъ" его ни почитали, не обезопаситъ лойяльныхъ финляндцевъ отъ неожиданныхъ и прискорбныхъ полицейско-чиновничьихъ набѣговъ съ „востока"... Дальнѣйшая судьба финляндскаго народа—въ рукахъ всероссійскаго освободительнаго движенія...

А. Коллонтай.

Строители будущаго.

I.

Къ веснѣ 1902 года въ нашей соціалъ-демократической партіи взяло рѣшительный перевѣсъ теченіе, выразителемъ котораго была группа, издававшая газету „Искра“. Я былъ въ это время членомъ Союза Русскихъ Соціалъ-Демократовъ заграницей, органомъ каторага было „Рабочее Дѣло“. Въ теченіе всего 1901 года между „Искрою“ и „Рабочимъ Дѣломъ“ велась литературная полемика и словесная борьба на митингахъ въ Женевѣ, Бернѣ и Парижѣ; книжка Ленина „Что дѣлать“, вышедшая въ мартѣ 1902 г., ярко и опредѣленно формулировала „новую методу“ и доставила „искризму“ побѣду въ его борьбѣ противъ такъ называемаго экономизма.

Критикуя всѣ позиціи „рабочедѣльцевъ“, „искристы“ обобщали свои доводы и высказывали взглядъ, что ихъ фракціонные противники отступаютъ отъ самыхъ основъ марксизма и являются буржуазнымъ крыломъ соціалъ-демократіи, демократами, примкнувшими къ соціалъ-демократіи лишь въ силу особенностей момента русской политической жизни. „Рабочедѣльцы“—по словамъ „искристовъ“—являлись оппортюнистами соціалъ-демократіи, такъ какъ въ качествѣ демократовъ вынуждены въ своей дѣятельности постоянно отступать отъ принциповъ марксизма и приспособлять ихъ къ своему буржуазному пониманію задачъ рабочаго движенія. Ихъ тактикѣ и программѣ „искристы“ противополагали свою тактику и свою программу, которыя они называли революціонными и ортодоксально-марксистскими.

Я относился рѣзко отрицательно къ программѣ и тактикѣ „Искры“ съ самыхъ первыхъ ея шаговъ. Мнѣ казалась глубоко-ошибочной позиція „Искры“, потому что она отрывала соціалъ-демократію отъ широкихъ круговъ рабочаго класса, превращала ее изъ партіи въ секту. Кромѣ того, „революціонная“ тактика „искристовъ“ по отношенію къ ихъ фракціоннымъ и партійнымъ

противникамъ мнѣ была ненавистна и казалась позорною. Эти взгляды раздѣлялись всѣми моими товарищами по организаціи.

Однако, фактъ былъ на-лицо: то, что намъ казалось позорнымъ и было ненавистно, принималось огромнымъ большинствомъ товарищей по партіи, какъ вполнѣ допустимое или даже необходимое для соціалъ-демократа, „истинно" революціонное; а то, что казалось мнѣ обязательнымъ и самымъ дорогимъ въ нашемъ движеніи, осмѣивалось, какъ оппортюнизмъ, какъ буржуазные предразсудки; къ намъ относились наши товарищи по партіи въ лучшемъ случаѣ снисходительно, къ нашимъ противникамъ—восторженно. Тѣ самые товарищи, которые еще недавно были участниками нашей работы, которые признавали нашъ органъ выразителемъ ихъ взглядовъ, теперь отшатнулись отъ насъ и спѣшили демонстративно отречься отъ своихъ прежнихъ „заблужденій" или дѣлали видъ, что никогда не одобряли ихъ. И то, что намъ казалось пагубнымъ и дурнымъ, было принято партіей съ энтузіазмомъ, точно панацея отъ всѣхъ бѣдъ.

Предъ этимъ фактомъ преклонились многіе изъ моихъ ближайшихъ товарищей по работѣ и рѣшились, хотя съ оговорками, съ резервами, но примкнуть къ рядамъ побѣдителей. Насъ осталось, непримиримыхъ, маленькая горсточка.

Тогда предо мною всталъ вопросъ, не правы ли мои противники, называя мои идеи буржуазнымъ демократизмомъ? Вопросъ этотъ былъ тѣмъ болѣе естественнымъ, что мелочная черная работа отрывала меня уже много лѣтъ отъ собственныхъ занятій и теоретическаго самообразованія; только въ тюрьмѣ я могъ заниматься, но этого было недостаточно, да къ тому времени я уже нѣсколько лѣтъ не сидѣлъ въ тюрьмѣ. Можетъ быть, я и дѣйствительно ошибался, называя себя соціалъ-демократомъ и революціонеромъ?

Теченіе „искризма" было мнѣ настолько противно, что мнѣ и въ голову не приходило спрашивать себя, не долженъ ли я примкнуть къ нему? Мои собственныя инстинктивныя убѣжденія были настолько прочны во мнѣ, что я сомнѣвался только въ одномъ,—въ правѣ называться тѣмъ именемъ, которымъ я до тѣхъ поръ очень дорожилъ.

Это было самое тяжелое время въ моей жизни; болѣе тяжелое, чѣмъ когда мнѣ пришлось отказаться отъ религіозныхъ вѣрованій. Неужели же, думалось мнѣ, соціализмъ и революціонное движеніе есть совсѣмъ не то, что я въ нихъ видѣлъ, и моя десятилѣтняя работа была лишь „ошибкой молодости?" Въ такомъ случаѣ мнѣ хотѣлось выяснить это себѣ до конца и, если это окажется такъ, открыто и рѣзко порвать со всѣмъ прошлымъ. Явилось даже какое-то болѣзненное желаніе безжалостно уничтожить въ себѣ все, чему поклонялся, разъ оно оказалось заблужденіемъ.

Съ этимъ чувствомъ приступилъ я къ пересмотру моего теоретическаго багажа. Казалось, я искалъ и желалъ найти подтвержденіе мысли, что мои фракціонные противники правы съ точки зрѣнія научнаго соціализма, а я неправъ и, расходясь съ ними, я тѣмъ самымъ расхожусь со всѣмъ международнымъ соціалъ-демократическимъ движеніемъ и долженъ это чистосердечно признать и объявить.

Я принялся за работу, которая взяла три года. Это было потому возможно, что, въ силу указанныхъ обстоятельствъ, я все равно былъ вынужденъ отстраниться отъ непосредственной революціонной дѣятельности.

Прежде всего я изучилъ западно-европейскія соціалъ-демократическія программы и тщательно сличилъ ихъ между собой и съ программою „Искры". Я убѣдился при этомъ, что программа „Искры" отступаетъ отъ всѣхъ программъ въ цѣломъ рядѣ очень важныхъ пунктовъ, которыхъ я насчиталъ болѣе двадцати въ одной только принципіальной части программы, въ такъ называемой программѣ-максимумъ. Тогда я обратился къ комментаріямъ западно-европейскихъ программъ, къ теоретическимъ сочиненіямъ наиболѣе авторитетныхъ товарищей нашей международной партіи и убѣдился, что программа „Искры" есть выраженіе соціалистическихъ идей, уже четверть вѣка тому назадъ изжитыхъ западно-европейскимъ соціализмомъ. Сравнивая далѣе эту программу съ программою Народной Воли, я пришелъ къ заключенію, что недостатки русской соціалъ-демократической программы являются лишь историческимъ пережиткомъ прошлаго русскаго соціалистическаго движенія.

Одновременно съ этимъ я изучалъ исторію развитія соціалъ-демократіи въ Россіи. Я былъ самъ участникомъ этого движенія, и въ моемъ распоряженіи имѣлся довольно богатый—по тому времени—матеріалъ, прокламаціи и письма, поступавшія со всѣхъ концовъ Россіи въ Союзъ Русскихъ Соціалъ-Демократовъ, членомъ администраціи котораго я состоялъ. Многихъ товарищей просилъ я разсказывать мнѣ объ ихъ дѣятельности и записывалъ тутъ же при нихъ ихъ слова. У меня составился такимъ образомъ рядъ разсказовъ; сгруппировавъ весь этотъ матеріалъ, я нашелъ, что отсталость принциповъ и тактики русской соціалъ-демократіи, ясно видимая въ ея программѣ, становится еще болѣе понятной изъ исторіи ея развитія.

При такихъ условіяхъ я рѣшилъ, что „искризмъ" есть стадія въ развитіи нашего отсталаго движенія, и что бороться противъ него можно и должно, не отступая отъ основъ научнаго соціализма. Поэтому весною 1903 года я прочиталъ рефераты въ Женевѣ, Лозаннѣ, Бернѣ, Цюрихѣ, Фрейбургѣ, Карлсруэ, Гейдельбергѣ и Мюнхенѣ, излагая исторію нашего движенія и критикуя программу „Искры", бывшую тогда проектомъ программы

партіи. Авторы и сторонники программы нигдѣ не выступали противъ меня—они бойкотировали мои рефераты. Такъ какъ на нихъ всегда присутствовало много молодежи, то я считалъ, что представители господствующаго въ нашей партіи теченія *обязаны* были явиться и раскритиковать мои мнѣнія, если они считали ихъ ошибочными. Но на этотъ разъ ихъ отношеніе къ критикѣ лишь утвердило во мнѣ отрицательный взглядъ на дѣятелей этой школы соціалъ-демократіи.

Осенью того же года состоялся второй съѣздъ нашей партіи, организованный группою „Искры". Въ нашей литературѣ твердо установленъ фактъ, никѣмъ даже неоспариваемый, что съѣздъ этотъ былъ грубымъ искаженіемъ партійнаго представительства въ интересахъ господствовавшей фракціи. Я былъ тамъ, какъ делегатъ Союза Русскихъ Соціалъ-Демократовъ, и пытался внести поправки въ программу, но мнѣ не дали возможности защищать ихъ, какъ это видно изъ протоколовъ съѣзда.

Въ виду этого я приступилъ къ обработкѣ собраннаго мною матеріала для защиты въ печати того теченія соціалъ-демократіи, къ которому я принадлежалъ и которое считалъ наиболѣе правильнымъ. Въ разультатѣ этой работы явилась сначала моя книжка о программѣ, вышедшая лѣтомъ 1904 г. подъ заглавіемъ „Къ вопросу о работахъ второго съѣзда Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи", а затѣмъ, въ февралѣ 1905 г., „Матеріалы для характеристики развитія Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи" [1]). Обѣ книжки изданы подъ заголовкомъ партіи и приняты въ партійный складъ, однако же, совершенно не были распространяемы.

Въ тотъ самый день, какъ вышла изъ печати моя вторая книжка, я выѣхалъ изъ Женевы, направляясь въ Россію, желая испытать на практикѣ, какимъ образомъ мои взгляды могли бы быть проведены въ жизнь. Я посѣтилъ двѣнадцать аванпостовъ революціоннаго движенія: Петербургъ, Москву, Кіевъ, Харьковъ, Екатеринославъ, деревню Области Войска Донского, деревни двухъ уѣздовъ Воронежской губерніи, Лодзь, Варшаву, Гродно, Ригу. Впечатлѣнія этой поѣздки и работы въ Петербургѣ съ сентября по февраль 1906 года въ профессіональныхъ союзахъ и Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ заставили меня существенно измѣнить мои выводы, сдѣлавши дальнѣйшее логическое ихъ развитіе.

Въ настоящей статьѣ я постараюсь подвести итоги этимъ впечатлѣніямъ и этимъ выводамъ; думается, что они не являются лишь моими субъективными и диктуются всѣмъ ходомъ развитія нашего движенія.

---

[1]) Переиздана въ Россіи въ томъ же году въ издательствѣ О. Н. Поповой подъ именемъ „Очеркъ развитія с.-д. въ Россіи", но конфискована полиціей.

II.

Переѣхавъ съ чужимъ паспортомъ границу, я направился въ Кіевъ къ моему бывшему товарищу по организаціи инженеру Б. Когда мы работали съ нимъ вмѣстѣ, мы всегда были солидарны; но съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, мы жили въ совершенно различной обстановкѣ, и я не зналъ, какъ теперь онъ отнесется къ моимъ взглядамъ.

Когда я пріѣхалъ, онъ былъ занятъ дѣлами союза инженеровъ. Его очень затрудняла позиція, которую заняли его товарищи по профессіи и по партіи: онъ ее находилъ ошибочной, но не могъ идти противъ нея въ силу партійной дисциплины. Мы подѣлились нашими соображеніями о тактикѣ нашей партіи, и оказалось, что мы исходимъ изъ одной точки зрѣнія при рѣшеніи совершенно различныхъ вопросовъ тактики: онъ—въ вопросѣ объ отношеніи соціалъ-демократіи къ интеллигентскимъ профессіональнымъ союзамъ, я — объ отношеніи къ стихійному массовому рабочему движенію. То обстоятельство, что мы, противники группы „Искра", будучи совершенно обособленными, все же остались солидарными, утвердило во мнѣ увѣренность, что мы являлись выразителями особаго теченія русской соціалъ-демократіи. То же случилось и при встрѣчахъ съ другими моими товарищами въ другихъ городахъ.

Затрудненія тов. Б. заключались въ слѣдующемъ. Возникшіе за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, послѣ „періода банкетовъ", интеллигентскіе союзы быстро разрослись и охватили собою до 40 тысячъ человѣкъ. Будучи организаціями лишь одной профессіи, они по существу своему были, однако, политическими клубами, пріобрѣтшими сразу огромное значеніе.

„Создалось положеніе,—писала впослѣдствіи „Искра" [1],—которое еще два-три года тому назадъ многимъ показалось бы немыслимымъ: „половинчатая" демократія не только организуетъ безъ нашего благосклоннаго содѣйствія свой интеллигентный авангардъ, но собирается еще оспаривать у насъ нашу исконную политическую вотчину — народныя массы и, въ частности, пролетаріатъ. На нашихъ глазахъ происходитъ небывалый по своей интенсивности процессъ сплоченія либерализма и демократіи, быстро обгоняющихъ насъ въ дѣлѣ организаціи". Неизбѣжно возникалъ вопросъ, какъ должна отнестись къ этому явленію соціалъ-демократія, тѣмъ болѣе, что значительная часть ея сторонниковъ и даже дѣятелей по своему происхожденію и общественному положенію принадлежала къ этой организующейся демократіи.

[1]) „Искра", № 103, 21-го іюня 1905 г. „Организація буржуазной демократіи".

Группа „Искра" выступала въ борьбу противъ такъ называемаго экономизма съ лозунгомъ, что соціалъ-демократія должна являться арангардомъ „всей и всяческой оппозиціи", что она должна „посылать отряды въ всѣ слои' общества". Мы—„рабочедѣльцы"—возражали, что роль эту не можетъ взять на себя соціалъ-демократія, но что авангардомъ она будетъ являться лишь въ томъ смыслѣ, что въ освободительной борьбѣ она сама будетъ всюду впереди. Поэтому можно было ожидать, что господствующее въ партіи теченіе—обѣ фракціи „искризма"—отнесутся активно сочувственно къ этому явленію. Но этого не случилось.

„Меньшевики" рѣшили не вступать въ эти союзы. „Очередная задача профессіональныхъ союзовъ,—писала „Искра" въ той же статьѣ,—политическая организація и мобилизація народныхъ массъ подъ знаменемъ буржуазной демократіи. Мы не должны принимать участіе въ этомъ дѣлѣ, мы не должны вступать въ „Союзы". Вступленіе въ политическую организацію—это полное раствореніе въ ней. Правда, это — раствореніе не цѣлыхъ соціалъ-демократическихъ организацій, а отдѣльныхъ соціалъ-демократовъ; но тѣмъ хуже, ибо такой индивидуальный отборъ могъ бы только внести полное разложеніе въ среду нашихъ организацій, развращая политически отдѣльныхъ членовъ ихъ".

„Большевики" не примирились на этомъ пассивномъ отношеніи и организаціи буржуазной демократіи. Они соглашались вступить въ „Союзы", но требовали, чтобы эти послѣдніе отказались отъ всякой политической роли. Выразителемъ этого взгляда явился тов. Рожковъ, написавшій въ отвѣтъ г. Милюкову статью въ № 60 „Сына Отечества". „Необходимо, —говоритъ онъ,— чтобы эти профессіональные союзы были не политическими въ широкомъ смыслѣ, а дѣйствительно профессіональными, т. е. преслѣдующими интересы юридической, нравственной и матеріальной взаимопомощи лицъ, принадлежащихъ къ составу данной профессіи, равно какъ и интересы того профессіональнаго дѣла, которому члены даннаго союза служатъ". Такимъ образомъ соціалъ-демократіи рекомендовалось пропагандировать политическій индифферентизмъ интеллигентскихъ союзовъ!

Эти взгляды не остались лишь теоретическими разсужденіями. Такъ, напримѣръ, когда Петербургскій Союзъ Учителей заявилъ въ своемъ уставѣ, что его цѣлью является „борьба за политическое освобожденіе Россіи и за широкія соціально-экономическія реформы", то учителя-соціалъ-демократы сочли эту цѣль непріемлемой и вышли изъ союза.

Какъ инженеръ, какъ интеллигентъ, такъ гражданинъ, мой товарищъ такъ же хорошо, какъ и всѣ, сознавалъ всю огромную важность этихъ союзовъ. Какъ человѣкъ съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, онъ могъ оказать имъ существенное содѣйствіе, но... именно то, что онъ былъ соціалъ-демократомъ, мѣшало

ему быть прогрессивнымъ дѣятелемъ, мало того, заставляло его быть реакціоннымъ, настаивать, чтобы союзы отказались отъ своихъ политическихъ задачъ!

Мой товарищъ не поступилъ такъ и продолжалъ свою работу въ союзѣ. „Его, навѣрное, за это выключили бы изъ партіи,—подумалъ я,—если бы партія не была теперь внутренне-безсильною поддерживать дисциплину въ средѣ своихъ членовъ изъ-за царящей въ ней фракціонной борьбы"... И новый, такой же тяжелый, вопросъ выдвигался: какъ можетъ быть, что безсиліе соціалъ-демократической партіи имѣло для прогрессивнаго движенія положительное значеніе? Развѣ соціалъ-демократія не есть партія прогресса прежде всего? Значитъ, ея сила не всегда есть сила прогрессивнаго движенія, и ея слабость не всегда—слабость революціонныхъ элементовъ народа?

Это—абсурдъ! Но наша партія стояла передъ этимъ абсурдомъ, и это ясно доказывало, что она стоитъ на ложномъ пути.

Конечно, не одинъ только мой товарищъ вынужденъ былъ отступить отъ лозунговъ нашей партіи въ этомъ вопросѣ; но всѣ поступившіе такъ должны были раздвоиться: казалось, что они дѣйствовали въ качествѣ гражданъ и бездѣйствовали въ качествѣ соціалъ-демократовъ, были въ отпуску у ихъ партіи!

Между тѣмъ, соціалъ-демократы, какъ крайніе демократы-республиканцы, могли имѣть, и на самомъ дѣлѣ имѣли очень важное значеніе въ этихъ союзахъ; отстоявъ лозунги, настолько общіе, чтобы они не могли стѣснять республиканцевъ, наши товарищи составили лѣвое крыло союзовъ въ политическомъ отношеніи и, кромѣ того, поддерживали и защищали значеніе профессіональныхъ союзовъ, какъ таковыхъ.

Для кадетовъ эти союзы были лишь суррогатомъ партіи. „Форма союзовъ наиболѣе подходитъ для временной группировки пробуждающихся политически элементовъ", говоритъ г. Милюковъ 5-го мая въ „Сынѣ Отечества" и еще раньше, 21-го апрѣля, въ той же газетѣ заявлялъ: „Союзы мы сами признали за временныя и случайныя соединенія, вызванныя къ существованію лишь ненормальными условіями современной политической жизни. Расколоться эти союзы рано или поздно все равно должны". Имѣя въ виду „такого рода союзы, которые были бы болѣе или менѣе близки къ понятію партія", г. Милюковъ и его единомышленники стремились централизировать эти ячейки будущей партіи и при этомъ, дѣйствуя отъ центра, развивали центробѣжную силу, которая должна была отбросить въ концѣ концовъ отъ союзовъ ихъ лѣвые элементы и „выдѣлить и сгруппировать въ болѣе широкія партіи элементы однородные".

Приступая къ строительству партіи „сверху", черезъ посредство союзовъ, руководители будущей кадетской партіи естественно приняли архитектурный планъ, въ значительной степени

соотвѣтствовавшій планамъ строительства „Искрою“ нашей соціалъ-демократической партіи. Г. Милюковъ говорилъ, что „союзы образовались немногочисленными группами очень опредѣленныхъ людей“ и „при спокойной и систематической работѣ могутъ дать матеріалы для созданія кадровъ, могутъ покрыть всю страну сѣтью организованныхъ группъ“. И такъ какъ въ центрѣ всего этого движенія стояли элементы однородные съ г. Милюковымъ, то всѣ выгоды отъ этой тактики доставались на пользу партіи, впослѣдствіи назвавшейся конституціонно-демократической.

Мой товарищъ и его единомышленники противоставляли этому плану другой планъ, строительство „снизу“, на строго демократическихъ началахъ. При такихъ условіяхъ союзы, оставаясь „политическими по цѣли и профессіональными по формѣ организаціи“, какъ того хотѣлъ и г. Милюковъ, могли бы развиваться „не въ сторону программнаго и тактическаго уплотненія, потому что союзъ не является суррогатомъ партіи, а въ сторону освобожденія отъ всякой программы, признаніе которой являлось бы условіемъ вступленія въ союзъ, потому что союзъ есть суррогатъ свободнаго общества“ (Ландау. „Сынъ Отечества“, № 61).

Въ этихъ тактическихъ принципахъ мы вполнѣ сошлись съ товарищемъ Б., и мнѣ было странно, что я, „рабочедѣлецъ“, оказался болѣе сочувствующимъ и болѣе готовымъ поддержать радикальные союзы, чѣмъ тѣ, кто стремился быть вожаками „всей и всяческой оппозиціи“. Невольно напрашивалась мысль, что, можетъ быть, и я, и мои фракціонные противники оказались непослѣдовательными, въ конкретной обстановкѣ отступили отъ нашихъ абстрактныхъ принциповъ и помѣнялись мѣстами. Я старался найти мою логическую ошибку и не находилъ ее; кромѣ того, я видѣлъ, что правильнымъ или неправильнымъ логическимъ путемъ, но я обошелъ тотъ, очевидно, абсурдный выводъ, къ которому пришли обѣ фракціи „искризма“.

Вопросъ объ отношеніи къ интеллигентскимъ союзамъ былъ первымъ, который поставила предъ мною жизнь по пріѣздѣ моемъ въ Россію. Послѣдніе мѣсяцы и даже годы мысль моя работала надъ совершенно другими вопросами, а потому эта задача встала совершенно неожиданно, и хотя я разрѣшилъ ее для себя въ согласіи съ товарищемъ Б., однако же, это рѣшеніе не было ничѣмъ связано съ общимъ моимъ міровоззрѣніемъ, кромѣ развѣ того общаго положенія, что соціалъ-демократъ вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ долженъ быть и оставаться самымъ передовымъ и активнымъ борцомъ за прогрессъ, и если онъ при какихъ-нибудь условіяхъ отступаетъ отъ этой борьбы, то этимъ обнаруживается, что онъ отступилъ также и отъ своего міровоззрѣнія. Связать это рѣшеніе теоретически съ остальными моими взглядами такъ, чтобы оно и логически непосредственно выте-

кало изъ общихъ принциповъ, мнѣ удалось лишь позже, порвавши ту единственную нитку, которая еще меня связывала съ моими фракціонными противниками.

III.

Въ серединѣ апрѣля я пріѣхалъ въ Москву со специальною цѣлью познакомиться лично съ „Союзомъ Московскихъ Типографскихъ Рабочихъ". Мнѣ представлялось, что дѣло нашей партіи можетъ быть поставлено на путь правильнаго развитія, если къ партіи примкнутъ новые элементы, чисто рабочія организаціи. Ихъ присоединеніе къ партіи и ихъ вліяніе на ея дѣятельность могли бы быть обезпечены, какъ мнѣ казалось, широко-демократическими принципами организаціи. Уже на второмъ съѣздѣ партіи я защищалъ эти принципы по порученію моей организаціи и требовалъ „республиканской организаціи для нашей республиканской партіи". Въ „Матеріалахъ для характеристики развитія Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи" я изложилъ въ заключеніе планъ организаціи, который, какъ мнѣ думается, намѣчался всѣмъ ходомъ развитія нашей партіи и выполненіе котораго было очередною задачею.

„Союзъ Московскихъ Типографскихъ Рабочихъ" представлялъ для меня въ этомъ отношеніи крайній интересъ. Онъ являлся чисто-пролетарскою организаціей и признавалъ основныя положенія международной соціалъ-демократіи; мнѣ хотѣлось поэтому именно на немъ испытать правильность и примѣнимость моихъ взглядовъ, попытаться убѣдить Союзъ объявить себя партійной организаціей и добиваться реорганизаціи партіи.

Я имѣлъ три бесѣды съ товарищами изъ „Центра" Союза, но встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Товарищи настаивали на томъ, что, не вступая въ партію, принципы которой они, однако, вполнѣ раздѣляютъ, они лучше смогутъ содѣйствовать дѣлу пролетаріата. Мнѣ показалось это вопіющимъ противорѣчіемъ, и я старался убѣдить ихъ въ обратномъ. Они обѣщали снова обсудить этотъ вопросъ со своей организаціей и просили меня для этой цѣли письменно изложить то, что я имъ говорилъ. Я это сдѣлалъ недѣли черезъ двѣ въ письмѣ къ Союзу. Такъ какъ въ немъ отмѣчена отправная точка всѣхъ моихъ тогдашнихъ разсужденій, то я приведу его здѣсь въ томъ видѣ, какъ по памяти записалъ его, когда мой черновикъ попалъ въ руки полиціи и погибъ.

„Товарищи! Я выѣхалъ изъ Петербурга, направляясь на югъ Россіи, какъ разъ въ тотъ день, когда были получены первыя вѣсти о положеніи русскаго флота при Цусимѣ. Я ѣхалъ нѣсколько дней; въ вагонъ входили и выходили десятки людей; около меня и противъ меня сидѣли сначала какая-то старая дама и студентъ, затѣмъ смѣняли другъ друга купецъ, офицеръ, кур-

систка, священникъ, помѣщикъ, опять студентъ, опять дамы, молодыя и старыя; всѣ они только и говорили, что о бѣдствіяхъ войны, бранили тѣхъ, кто затѣялъ ее, тѣхъ, кто неумѣло руководилъ ею, кто вводилъ въ заблужденіе русскій народъ относительно состоянія нашихъ вооруженій.

„Только я одинъ молчалъ и непріязненно смотрѣлъ на говорившихъ. Можетъ быть, они считали меня отчаяннымъ реакціонеромъ, неспособнымъ понять негодность стараго строя и возмущеннымъ ихъ прогрессивными взглядами. Я дѣйствительно возмущался въ душѣ ихъ рѣчами. Мнѣ хотѣлось крикнуть имъ: это вы виноваты въ томъ, что случилось! вашей инертностью, вашимъ постыднымъ равнодушіемъ къ судьбамъ вашего народа держалось и крѣпло самодержавіе, разорявшее нашу родину!

„Я, впрочемъ, не сказалъ имъ этого и молчалъ. Это потому, что я сознавалъ, что и на мнѣ лежитъ отвѣтственность за совершавшееся въ Россіи. Правда, я не служилъ старому режиму, и вмѣстѣ съ моими товарищами уже много лѣтъ боролся противъ него. Но мы оказались такими же неумѣлыми русскими революціонерами, какъ были неумѣлы русскіе солдаты, матросы, офицеры, полководцы, строители крѣпостей и дорогъ. Мы не только не умѣли разбудить нашъ народъ къ борьбѣ за свободу и народоправство,— это мы могли объяснять хоть отчасти трудностью дѣла, непропорціональною нашимъ силамъ,—но мы не умѣли даже сохранить въ собственной своей средѣ единство дѣйствій и единство нашей организаціи; это безсиліе наше было также одною изъ причинъ, приведшихъ къ бѣдствіямъ войны.

„У меня въ карманѣ лежали ваши изданія, товарищи, „Вѣстникъ Союза Московскихъ Типографскихъ рабочихъ“ и письмо ваше въ редакцію „Искры“; я вспомнилъ наши съ вами бесѣды, мое обѣщаніе вамъ изложить письменно соображенія относительно вашего невступленія въ партію и сталъ обдумывать снова этотъ вопросъ.

„Въ номерѣ пятомъ вашей газеты вы объявляете себя солидарными съ программою партіи, но признаете присоединеніе свое и организаціи преждевременнымъ, вы подтверждаете это въ номерѣ седьмомъ газеты, упоминаете объ этомъ и въ письмѣ въ „Искру“. Въ этомъ рѣшеніи вашемъ я не согласенъ съ вами и первое, на чемъ я настаивалъ въ нашихъ бесѣдахъ, было: вашъ Союзъ долженъ признать себя частью партіи.

„Въ защиту этой мысли я прежде всего приводилъ то соображеніе, что мы являемся членами соціалъ-демократической партіи, независимо отъ формальнаго присоединенія нашего къ ея организаціи. Вы раздѣляете соціалъ-демократическіе принципы, вы ведете среди московскихъ типографщиковъ ту самую работу, которую ведетъ Московскій Комитетъ и Московская Группа меньшевиковъ среди рабочихъ другихъ профессій, а потому вы являе-

тесь такими же членами нашей партіи, какъ и всѣ активные соціалъ-демократы. Но только вы уклоняетесь отъ одной очень трудной, но важной обязанности: разобраться въ сложномъ организаціонномъ вопросѣ и содѣйствовать его разрѣшенію въ интересахъ всей партіи. Вы называете „высшими дрязгами" разногласія, терзающія теперь нашу партію. Но вѣдь эти „дрязги" созданы дѣйствительно существующими разногласіями, и вашъ Союзъ, какъ организація чисто-пролетарская, можетъ и долженъ оказать содѣйствіе разрѣшенію этихъ разногласій именно въ пролетарскомъ духѣ. Для этого недостаточно высказывать добрыя пожеланія товарищамъ, какъ вы это дѣлаете въ вашемъ письмѣ „Искрѣ",—для этого необходимо активное участіе въ общей работѣ, какъ бы она ни была тяжела.

„Вы возражали мнѣ на это, что, примкнувъ къ партіи и обязуясь подчиняться ея уставу и Центральному Комитету, Союзъ рискуетъ поставить себя въ невозможность существовать. Вы ссылались на то, что партія закрыла существовавшіе долго и пользовавшіеся популярностью соціалъ-демократическіе органы—Рабочее Дѣло, Южный Рабочій—и что, быть можетъ, она закроетъ также Вѣстникъ вашего Союза; что партія разрушила своимъ вмѣшательствомъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ рабочихъ организацій, перетащивъ въ организацію „профессіональныхъ революціонеровъ" небольшое число участниковъ старыхъ рабочихъ союзовъ и оттолкнувъ отъ себя остальныхъ; что, наконецъ, руководящіе центры партіи, какъ органы совершенно изолированные отъ рабочихъ массъ, не могутъ быть популярны среди рабочихъ, составляющихъ вашъ Союзъ.

„Соглашаюсь съ вами, что организація нашей партіи является въ высшей степени неудачной и совершенно не приспособленной къ задачамъ рабочей партіи. Но, добиваясь формальнаго организаціоннаго объясненія съ партіей, къ которой фактически вы уже принадлежите, вы, конечно, должны добиваться такихъ условій, которыя бы не ослабили, а, наоборотъ, усилили вашу организацію.

„Для этого, на мой взглядъ, было бы достаточно, если бы, съ одной стороны, вы требовали отъ партіи, чтобы она допустила вашего делегата въ составъ ея мѣстнаго Московскаго Комитета и, съ другой стороны, отстаивали автономныя права вашего Союза внутри партіи. Черезъ посредство вашего делегата вы будете вліять на общее направленіе дѣятельности партіи и отстаивать ваши взгляды, при автономности же вашей организаціи Мѣстный Комитетъ и даже Центральный Комитетъ партіи не будетъ вмѣшиваться во внутреннюю работу вашей организаціи; наоборотъ, они будутъ приходить вамъ на помощь въ вашихъ задачахъ. Это—второе, что я вамъ доказывалъ въ нашихъ бесѣдахъ.

„Но—возражали вы мнѣ—Мѣстный и Центральный Комитеты

партіи будутъ принимать рѣшенія, относящіяся къ дѣятельности нашей партіи, во всей данной мѣстности или во всей нашей странѣ. Въ этихъ общихъ рѣшеніяхъ, имѣющихъ огромное практическое значеніе, кромѣ нашего делегата, будутъ принимать участіе такъ же, и даже, главнымъ образомъ, и даже почти исключительно—не делегаты такихъ же рабочихъ Союзовъ, какъ Союзъ Московскихъ Типографскихъ Рабочихъ, а „профессіональные революціонеры", которые уже доказали свою неспособность руководить борьбою рабочаго класса.

„Товарищи, пока это будетъ такъ, до тѣхъ поръ Московскій Комитетъ и Центральный Комитетъ не согласятся допустить вашего делегата въ центральный органъ дѣятельности соціалъ-демократіи вашей мѣстности, не согласятся дать вамъ автономныя права внутри нашей партіи. Поэтому третье мое вамъ предложеніе состояло въ томъ, чтобы вашъ союзъ добивался для себя этихъ правъ, не какъ привилегіи, а какъ проведенія въ жизнь этого демократическаго принципа; это же можетъ сдѣлать вашъ Союзъ, лишь признавъ себя частью единой соціалъ-демократической рабочей партіи. Если бы вы поступили такъ, то тотчасъ же вашему примѣру послѣдовалъ бы цѣлый рядъ другихъ рабочихъ организацій и намъ удалось бы построить нашу партію такъ, чтобы она дѣйствительно была партіей рабочаго класса.

„Въ этомъ заключается насущная задача не только рабочаго движенія, но и всего освободительнаго движенія въ Россіи, авангардомъ котораго является пролетаріатъ. Если мы, соціалъ-демократы, не сумѣемъ исполнить эту нашу задачу, то долго еще не удастся нашей странѣ освободиться отъ ига самодержавія, а горе и позоръ Цусимы, ложащійся на весь народъ Россіи, будутъ прежде всего ложиться на насъ, взявшихъ на себя великія задачи, но безсильныхъ ихъ осуществить".

Въ этомъ письмѣ къ Союзу я упустилъ одинъ доводъ членовъ „Центра" Союза: „если бы мы рѣшили присоединиться къ партіи, говорили они, масса типографскихъ рабочихъ не приняла бы этого нашего рѣшенія". Если бы мое предложенію было бы тогда принято, то Союзъ Московскихъ Типографскихъ Рабочихъ превратился бы въ Союзъ Типографовъ-Соціалъ-Демократовъ; организація лицъ по признаку ихъ принадлежности къ опредѣленному соціальному подклассу превратилась бы въ организацію людей опредѣленныхъ политическихъ воззрѣній; изъ ячейки организаціи класса Союзъ сталъ бы группою сектантовъ. Я не замѣчалъ этой моей ошибки и, борясь съ господствующимъ въ нашей партіи теченіемъ—обѣими фракціями „искризма"—въ сущности стоялъ на одной съ ними почвѣ. И дѣйствительно, организаціонные планы такъ называемыхъ экономистовъ выдержали не только всѣ насмѣшки противниковъ, но и суровую критику жизни; „искризму" пришлось отказаться отъ своего плана организаціи и цѣликомъ

принять планъ своихъ противниковъ; сначала это сдѣлали „меньшевики“ на своей апрѣльской конференціи 1905 г., а затѣмъ и большевики. Въ настоящее время въ нашей партіи безусловно принятъ демократическій принципъ организаціи, бывшій основнымъ требованіемъ „Рабочаго Дѣла“; но этого оказалось далеко недостаточнымъ для того, чтобы наша партія изъ заговорщицкой стала дѣйствительно-классовой. Мы ошибались, надѣясь, что измѣненіе формы организаціи обезпечитъ измѣненіе содержанія старой тактики отъ бланкизма къ организованной массовой классовой борьбѣ. Оказывается, что для достиженія этой цѣли нужны болѣе глубокія перемѣны въ самомъ существѣ веденія нашего дѣла.

Эта ошибка выяснилась для меня постепенно въ теченіе моего полугодового путешествія и я постараюсь здѣсь изложить этотъ процессъ работы мысли и его итоги.

Въ Москвѣ я сдѣлалъ первую попытку убѣдить стоящую внѣ партіи рабочую организацію примкнуть къ партіи на демократическихъ началахъ и потерпѣлъ неудачу. Я видѣлся такъ же съ меньшевистскою группою. Группа предложила мнѣ написать прокламацію по поводу событій на театрѣ войны; я отказывался тѣмъ, что моя манера писать не можетъ быть принята „искровской“ организаціей. Товарищи не согласились съ этимъ и упрекали въ нежеланіи помочь имъ. Поэтому я остался спеціально для этой цѣли еще на два дня въ Москвѣ и составилъ прокламацію, но она, какъ я это зналъ, не была принята группою. Мнѣ было грустно снова убѣдиться, что я не могу быть полезнымъ партійнымъ организаціямъ.

Въ Москвѣ я провелъ такъ же первое мая и былъ въ Сокольникахъ. Событія этого дня произвели на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Но этого я коснусь сообщая о видѣнномъ мною въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что характеръ и значеніе маевки 1905 г. въ Россіи подробно изученъ и описанъ мною въ статьѣ „Первое Мая въ Россіи, въ „Быломъ“ за октябрь—декабрь прошлаго года.

IV.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ 5-го мая, когда тамошніе товарищи были подъ сильнымъ впечатлѣніемъ полной неудачи майской демонстраціи и горячо обсуждали ея причины. Однако, тѣ вопросы, которые теперь ставились на очередь, тѣ рѣшенія, которыя теперь напрашивались сами собою, отнюдь не являлись случайными, какъ не являлось случайностью разрушеніе „майскихъ“ надеждъ. Наоборотъ, хотя новые планы и были выдвинуты событіями перваго мая, все же они самымъ тѣснымъ образомъ связаны со всѣмъ ходомъ развитія движенія въ Петербургѣ

и, въ частности, съ фактами зимы 1904—1905 года и составляютъ лишь дальнѣйшее законосообразное движеніе партійной жизни въ Петербургѣ. Я постараюсь вкратцѣ напомнить здѣсь ходъ этого движенія.

Въ моихъ „Очеркахъ“ я изложилъ событія до весны 1901 года, до начала стадіи „искризма“ въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ во всей Россіи, потому что къ этому времени соціалистическое рабочее движеніе въ различныхъ городахъ приняло единообразный характеръ и стало всероссійскимъ. Послѣ того, какъ на второмъ съѣздѣ партіи появились первые симптомы наступленія новой стадіи, массовое петербургское движеніе по инерціи еще въ теченіе года продолжало развиваться въ прежнемъ направленіи и во главѣ его стоялъ „большевистскій“ комитетъ, хотя уже и создались въ Петербургѣ элементы для новаго теченія. Здѣсь было бы неумѣста описывать эту уже изжитую стадію движенія, и я ограничусь тѣмъ, что отмѣчу ея конецъ.

Условною границею между этой стадіей и тою, которую переживаетъ движеніе въ настоящее время, можетъ быть 28-ое ноября 1904 г.: назначенная Комитетомъ на этотъ день манифестація не удалась и окончательно подорвала вліяніе „твердаго“ Комитета, обнаруживъ полную оторванность его отъ рабочаго класса. Но если у оффиціальнаго Комитета порвались всѣ связи, то революціонная работа все же очень напряженно велась цѣлой серіей маленькихъ группъ въ два-три человѣка. Комитетъ посылалъ къ нимъ своихъ „оффиціальныхъ организаторовъ“, но ихъ никто не хотѣлъ признавать. Къ началу декабря между многими изъ этихъ группъ установились сношенія, и было устроено общее собраніе тайно отъ Комитета. Это собраніе основало объединенную группу подъ именемъ „собранія организаторовъ районовъ“, Комитету пришлось помириться съ этимъ уже совершившимся фактомъ, но онъ не признавалъ за группой никакихъ формальныхъ правъ, по этому между Комитетомъ и группою скоро возникъ конфликтъ.

Пріѣхалъ членъ Центральнаго Комитета, тов. М-нъ, и старался помирить спорящихъ; Группа настаивала на томъ, чтобы ей было предоставлено право выпускать прокламаціи, Комитетъ на это не соглашался; тогда Группа потребовала отъ Центральнаго Комитета, чтобы онъ призналъ за нею право на самостоятельное существованіе, иначе угрожала начать свою дѣятельность на свой собственный страхъ и рискъ. Центральный Комитетъ колебался. Группѣ помогъ самъ Комитетъ: онъ заявилъ, что намѣренъ давать работу только „настоящимъ“ соціалъ-демократамъ, иначе говоря, только „твердымъ“. При такихъ условіяхъ члены Группы должны были выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ революціонной работы, или отдѣлиться отъ Комитета и создать новую организацію; они избрали, конечно, послѣднее, и Централь-

ный Комитетъ санкціонировалъ ихъ существованіе подъ именемъ „Петербургской Группы при Центральномъ Комитетѣ". Изъ шести районовъ Петербурга (за Невской заставой, за Нарвской заставой, на Петербургской Сторонѣ, на Выборгской Сторонѣ, на Васильевскомъ Островѣ и Городской) четыре цѣликомъ перешли на сторону Группы, въ пятомъ силы раздѣлились пополамъ между Комитетомъ и Группою.

Такимъ образомъ, во главѣ движенія стала „меньшевистская" группа и ея побѣда обозначала этапъ въ цѣломъ движеніи. Группѣ представлялся случай радикально измѣнить тактику и организацію, несостоятельность которыхъ уже достаточно обнаружилась; но она на это не рѣшалась и ограничилась палліативами.

Тов. С. И. предложилъ внести выборное начало въ организаціонную систему, но это предложеніе было отклонено: противъ него высказались не только члены группы, но и рабочіе кружки. Впрочемъ, въ Группу вошли товарищи изъ всѣхъ районовъ. На каждомъ заводѣ, гдѣ только имѣлись связи, былъ устроенъ „Заводской Комитетъ", на которомъ лежала вся работа; его составъ опредѣлялся „сверху". Представители „Заводскихъ Комитетовъ" (не выбранные, а отобранные Группою) составляли „Районное Собраніе". Построивши такимъ образомъ „сверху" всю организацію, Группа, однако, положила въ основу своей дѣятельности принципъ полнѣйшей освѣдомленности всѣхъ организованныхъ товарищей во всѣхъ дѣлахъ партіи, т. е. всѣ партійныя дѣла и всѣ дѣла Группы передавались на обсужденіе въ „Районныя Собранія" и „Заводскіе Комитеты". Это былъ —хотя и очень робкій—поворотъ въ сторону демократизма, который до тѣхъ поръ, со временъ такъ называемаго экономизма, подвергался рѣзкимъ насмѣшкамъ, но который впослѣдствіи получилъ санкцію на „меньшивистской" конференціи въ Женевѣ въ апрѣлѣ слѣдующаго года.

Представители „Заводскихъ Комитетовъ" въ Районныхъ собраніяхъ въ моментъ построенія новой организаціи фактически были выразителями взглядовъ своихъ комитетовъ, ими самими составленныхъ; поэтому въ организаціи установилось равновѣсіе, доставившее ей вліяніе, котораго не было у „большевистскаго" комитета. Но это было неустойчивое равновѣсіе: новая система должна была рано или поздно привести къ новому конфликту между Центральною Группою и заводскими комитетами.

Кромѣ того, скоро обнаружилось, что и „меньшевистская" группа не смогла отвѣтить на запросы массы. Неудовлетворенные соціалъ-демократіей, петербургскіе рабочіе искали себѣ помощи внѣ ея и встрѣтились съ Гапоновской организаціей. Къ концу декабря 1904 г. Гапонъ стоялъ во главѣ петербургскаго рабочаго движенія. Сознавая это, Группа начала прилагать усилія, чтобы пріобрѣсти вліяніе на Гапоновскихъ собраніяхъ. Долго ея усилія были безу-

спѣшными, и самъ Гапонъ рѣшительно выступалъ противъ с.-д. на публичныхъ собраніяхъ.

2-го января вспыхнула стачка на Путиловскомъ заводѣ, казалось, самомъ отсталомъ къ Петербургѣ. 3-го января за Нарвской заставой произошло огромное собраніе въ 2.000 чел. рабочихъ. Гапонъ произнесъ первую рѣчь, выставляя очень умѣренныя экономическія требованія. Тогда выступилъ с.-д., тов. X.; онъ говорилъ о 8-ми-часовомъ днѣ, объ уничтоженіи штрафовъ и сверхурочныхъ работъ, о повышеніи платы черворабочимъ до одного рубля въ день; рѣчь его была встрѣчена очень сочувственно: „наконецъ-то, и о насъ вспомнили!" крикнулъ кто-то изъ толпы, очевидно, чернорабочій. Далѣе говорилъ второй с.-д. о правахъ личной и общественной свободы, которыхъ надо добиваться рабочимъ; его слушали сочувственно. Но когда третій товарищъ заговорилъ о низверженіи самодержавія, его стали перебивать крики: „довольно!", „долой!", „жидъ!".

Часто и послѣ въ отвѣтъ на рѣчи нашихъ товарищей слышались возгласы: „въ пропасть ты насъ тащишь!", „повѣсить тебя надо!" С.-д. ораторовъ стали окружать кольцомъ товарищи-рабочіе, чтобы защитить ихъ отъ нападенія со стороны слушателей, и они продолжали говорить; успѣхъ ихъ рѣчей замѣтно росъ. Во многихъ районахъ вліяніе с.-д. настолько возросло, что Гапону приходилось заранѣе совѣтоваться съ нашими товарищами и дѣлать имъ уступки, чтобы заручиться ихъ поддержкою.

Организованные рабочіе противились желанію Группы поддержать гапоновское движеніе, но „Группѣ удалось убѣдить ихъ, что было бы вредно для дѣла, если бы рабочіе-с.-д. оказались въ сторонѣ отъ массоваго движенія; и дѣйствительно, какъ только движеніе вывело рабочихъ на улицу, преобладающее вліяніе на толпу пріобрѣла именно с.-д.

Послѣ 9-го января Группа при Центральномъ Комитетѣ организовала цѣлый рядъ массовокъ по поводу пріема государемъ „делегаціи" отъ рабочихъ; затѣмъ началась кампанія противъ комиссіи Шидловскаго; она была проведена очень успѣшно, и вліяніе с.-д. на широкіе слои рабочихъ невѣроятно возросло. Казалось, что масса готова идти по указаніямъ с.-д.; казалось, что масса возбуждена и готова къ возстанію. Это настроеніе охватило нашихъ товарищей и увлекло ихъ; была сдѣлана ошибка въ разсчетѣ силъ; было бы необходимо прекратить вовремя побѣдоносную стачку и беречь силы, иначе стачка грозила тянуться безконечно, безрезультатно, и она дѣйствительно довела рабочихъ до изнеможенія. На Путиловскомъ заводѣ, съ его 13.000 рабочихъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ бастовали 6 недѣль! Неудивительно, что въ концѣ концовъ сказалось утомленіе, поэтому

кампанія по поводу комиссіи Коковцова и Булыгина прошла уже гораздо болѣе вяло.

Наряду съ этимъ шли приготовленія къ празднованію перваго мая: пропаганда идеи возстанія и, отчасти, приготовленія къ возможному возстанію. Къ этому времени и „большевистскій" Комитетъ ожилъ и усилено велъ свою работу. Мнѣнія раздѣлились по вопросу, выставить ли исключительно очередныя политическія требованія или же формулировать ихъ лишь, какъ частность программы международной рабочей партіи. Группа стала на эту послѣднюю точку зрѣнія и дала слѣдующій лозунгъ: мы зовемъ петербургскихъ рабочихъ на митинги, которые въ случаѣ удачи превратятся въ рабочую демонстрацію и, можетъ быть, въ возстаніе. Такимъ образомъ, и принципіально, во взглядѣ на характеръ и значеніе демонстраціи перваго мая, и практически „меньшевики" въ сущности, стояли на иной же позиціи, что и, большевики", хотя они и подходили къ этому вопросу съ другой стороны—я это показалъ въ статьѣ „Первое Мая въ Россіи". Инстинктивно они избрали новую тактику, но принципіально не смогли ее себѣ обосновать и потому сбивались на старый путь.

Уже во время подготовительныхъ къ маевкѣ работъ становилось очевиднымъ, что существующая организація партіи совершенно недостаточна, чтобы вызвать массовое рабочее движеніе; но товарищи преувеличивали подъемъ настроенія массы и надѣялись на успѣхъ. Было назначено 7 митинговъ, роздано оружіе, распространено 8 прокламацій въ количествѣ около 100.000 экземпляровъ, въ легальныхъ газетахъ помѣщенъ рядъ статей о могущемъ быть избіеніи манифестантовъ: интеллигенція призывалась оказать содѣйствіе пострадавшимъ, организовать медицинскую помощь, предавать гласности акты насилія...

Первое мая приноситъ страшное разочарованіе! На улицу вышли только организованные рабочіе, да и то не всѣ. Организованныхъ было въ это время въ Петербургѣ около трехъ тысячъ; тѣ, которые вышли на демонстрацію, раздѣленные на 7 митинговъ, не произвели никакого впечатлѣнія и создали демонстрацію безсилія!

Эта неудача показала, что въ настоящей своей формѣ организація не только не способна вызвать массовое рабочее выступленіе, но не даетъ даже возможности ознакомиться съ истиннымъ настроеніемъ массы. Уже во время предмайской агитаціи, на собраніяхъ лучшихъ рабочихъ отдѣльныхъ заводовъ проявлялось сильное недовольство с.-д., стало ясно, что всѣ споры Группы съ Комитетомъ — „меньшинства" съ „большинствомъ" — были и оставались совершенно безплодными: на практикѣ Группа очень мало внесла новаго въ тактическомъ и организаціонномъ отношеніи. Принципъ, который Группа считала основнымъ въ своей организаціонной дѣятельности—передавать на обсужденіе

всѣхъ организованныхъ рабочихъ предположенія руководящей группы—оставался пустою фразою и будетъ оставаться ею до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ обусловленъ формальными правами периферійныхъ организацій влiять на рѣшенія центральной группы. Обнаружилось, что значительная часть партійныхъ работниковъ живетъ внѣ партійныхъ организацій и недовольна ими.

Точно также и тактическіе принципы остались не проведенными въ жизнь: массовая агитація, которую Группа желала сдѣлать исходнымъ пунктомъ своей дѣятельности, осталась не осуществленной и агитація Группы не вышла изъ подполья.

Повторяю: усиленные толки шли объ этомъ уже и до перваго мая. Первое мая только демонстрировало вѣрность этихъ соображеній. Послѣ этого началась рѣзкая нервная самокритика, явилось настойчивое желаніе немедленно провести въ жизнь тѣ измѣненія, которыя уже раньше намѣчались; они были формулированы въ резолюціи, предложенной тов. С. И., принятой городскимъ райономъ и затѣмъ очень сочувственно встрѣченной въ другихъ районахъ. Привожу здѣсь ея текстъ:

„Неудача празднованія перваго мая въ нынѣшнемъ году показала разобщенность между партійной организацій и рабочей массой. Этотъ печальный фактъ заставилъ собраніе агитаторовъ Городского района болѣе подробно остановиться на методахъ нашей работы. Обсудивъ этотъ вопросъ, собраніе пришло къ слѣдующимъ выводамъ.

„1. До сего времени борьба пролетаріата за свои непосредственныя нужды велась при слабомъ участіи с.-д., отрывавшейся благодаря этому отъ жизни широкихъ массъ.

„2. Въ виду того, что въ настоящее время одна подпольная работа не обезпечиваетъ массѣ достаточнаго участія ея въ партійной жизни и отчасти ведетъ къ противопоставленію массы, какъ таковой—партіи, какъ нелегальной организаціи, необходимо послѣдней взять въ свои руки веденіе рабочими профессіональной борьбы на легальной почвѣ, строго связывая эту борьбу съ соціалъ-демократическими задачами.

„3. Для этой цѣли партіи необходимо не только принимать самое дѣятельное непосредственное участіе въ существующихъ уже профессіональныхъ рабочихъ союзахъ, кассахъ и тому под., но и брать на себя иниціативу въ дѣлѣ созданія такихъ организацій, дающихъ возможность объединять болѣе широкія массы на почвѣ ихъ классовыхъ интересовъ.

„4. Въ связи съ этимъ собраніе считаетъ нужнымъ подчеркнуть настоятельную необходимость сдѣлать новые дальнѣйшіе шаги на пути демократизаціи нашей партіи, обезпечивающей большую самостоятельность ея членовъ“.

Эта резолюція была принята 3-го мая, причемъ изъ одиннадцати членовъ собранія за нее вотировали девять и двое воз-

держались отъ голосованія. Уже было сказано, что другіе районы поддержали ее. Она была тотчасъ же напечатана въ „Искрѣ“, въ номерѣ отъ 15-го мая (№ 100). „Петербургскіе товарищи переварили свою неудачу,—говорилось въ длинной передовой статьѣ, посвященной этому вопросу,—они изслѣдовали ея причины и извлекли изъ нея въ высшей степени важный для всей партіи урокъ“.

Въ чемъ же заключалось значеніе этого урока-резолюціи? Вѣрно ли были поняты причины неудачи и вѣрно ли намѣченъ путь къ ихъ устраненію?

V.

Значеніе резолюціи товарища С. И. заключалось въ томъ, что она, разбирая причины майской неудачи, дѣлала выводы, характеризующіе точку зрѣнія, на которую становилось все „меньшевистское“ теченіе нашей партіи; иначе говоря, въ томъ, что она характеризуетъ новую стадію въ развитіи соціалъ-демократіи въ Россіи.

Это не было первымъ проявленіемъ новаго теченія, возникшаго въ партіи осенью 1903 г., во время второго съѣзда, и, въ частности, въ Петербургѣ осенью 1904 г., ко времени ноябрьской демонстраціи. Въ описываемое время эта точка зрѣнія уже ясно сознавалась и лишь была выражена въ резолюціи товарища С. И. Это подтверждаетъ и цитированная уже передовая статья „Искры“ отъ 15-го мая.

„Въ ноябрѣ 1904 г.,—сказано тамъ,—Комитетъ „впередовцевъ“ назначилъ демонстрацію, а „искровцы“—будущая Группа—воспротивились противъ нея и—оказались правы: рабочія массы не пришли на демонстрацію... а въ январѣ 1905 года сотни тысячъ петербургскихъ пролетаріевъ показали, что ихъ можно „поднять“ на демонстрацію“.

„Предмайскую агитацію 1905 года,—продолжаетъ статья,—въ Петербургѣ партія вела съ невиданнымъ до тѣхъ поръ размахомъ; эта агитація, опираясь на предыдущую работу соціалъ-демократіи, наполнила собою всю общественную жизнь столицы за время, предшествующее пролетарскому празднику“. На этотъ разъ къ демонстраціи призывали искровцы, но „на сборные пункты явились почти только организованные рабочіе. Сотни тысячъ политически возбужденныхъ рабочихъ, десятки тысячъ вчера еще рукоплескавшихъ нашимъ ораторамъ на предмайскихъ митингахъ и—всего полторы-двѣ тысячи явившихся на призывъ организаціи демонстрировать свои чувства!“

Эти два событія, въ связи съ фактомъ гигантскаго выступленія петербургскаго пролетаріата 9-го января, привели „Искру“ къ совершенно правильному, на мой взглядъ, заключенію.

„Фактъ на-лицо: и до 9-го января, и послѣ него соціалъ-демократія въ Петербургѣ терпитъ неудачу, когда самостоятельно призываетъ пролетаріатъ къ активнымъ дѣйствіямъ. Она терпитъ неудачу, когда пытается это сдѣлать, опираясь на одинъ голый фактъ охватившаго массы политическаго возбужденія; и она снова терпитъ неудачу, когда, приступая къ организаціи новаго массоваго выступленія, опирается уже на энергичную агитаціонную работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ознаменовавшуюся такими успѣхами, какъ провалъ комиссіи Шидловскаго".

Такъ какъ это случилось не въ одномъ только Петербургѣ, но и „въ Москвѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Кіевѣ—почти вездѣ, гдѣ были устроены майскія манифестаціи", то „Искра" обобщила петербургскія неудачи и признала, что „мы плохо умѣемъ привлекать массы къ дѣйствіямъ: массы слушаютъ насъ очень сочувственно, онѣ учатся очень охотно, но онѣ не идутъ за нами по нашему призыву".

Итакъ, фактъ былъ констатированъ. Его признала также и конференція меньшевистскихъ комитетовъ и организацій, собравшаяся совсѣмъ незадолго до 1-го мая и заявившая: „Растущее политическое вліяніе соціалъ-демократіи не находитъ своего отчетливаго выраженія въ соотвѣтствующемъ развитіи партіи" [1]).

Что же было дѣлать, чтобы измѣнить это печальное положеніе вещей? „Широкая организація—въ этомъ спасенье!", писалъ одинъ изъ петербургскихъ товарищей въ „Искру" и редакція находила, что, выдвигая этотъ лозунгъ, „Петербургская группа пришла къ выводамъ, подтверждающимъ ту точку зрѣнія, на которую стала первая общерусская (меньшевистская) конференція. Въ резолюціяхъ конференціи о возстаніи, о профессіональныхъ союзахъ, о неоформленныхъ организаціяхъ, и другихъ рѣзко сказалась эта точка зрѣнія общая всей меньшевистской части партіи".

Слѣдовательно, не только въ діагнозѣ, но и въ прогнозѣ резолюція тов. С. И. характерна для современной стадіи развитія нашего движенія. Разсмотримъ же ближе, какія мѣры считались раціональными меньшевистскимъ теченіемъ вообще и резолюціей тов. С. И. въ частности.

Въ резолюціяхъ конференціи мы находимъ слѣдующія строки:

„Руководящіе органы партіи, мѣстные и центральные, при настоящемъ положеніи дѣлъ съ большимъ трудомъ и въ очень несовершенной степени могутъ поддерживать необходимую постоянную политическую связь съ передовыми слоями рабочихъ. Это обстоятельство само по себѣ является тормазомъ дальнѣйшаго развитія с.-д., какъ признанной пролетаріатомъ выразительницы его классовыхъ интересовъ. Съ одной стороны, с.-д. не

---

[1]) См. Особое прилож. къ № 100 „Искры." „Первая общерусская конференція партійныхъ работниковъ". Женева. 1905.

может всегда въ своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ увѣренно разсчитывать на то, что пролетарскія массы за нею пойдутъ, съ другой стороны, она лишается возможности провѣрять свою политику отношеніемъ къ ней передовой части пролетаріата".

„Въ нынѣшній моментъ общаго революціоннаго подъема въ массахъ пролетаріата сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ классахъ, проявляется характерное для этого момента стремленіе къ организаціи на почвѣ защиты своихъ политическихъ и профессіональныхъ интересовъ. Необходимо, чтобы с.-д. овладѣла этимъ могучимъ движеніемъ, чтобы она включила въ себя и политически воспитывала въ своихъ рядахъ всѣ выдѣляемые пролетаріатомъ сознательные элементы".

Точно также смотрѣла на дѣло и Петербургская меньшевистская организація. Въ письмѣ, приводимомъ въ передовицѣ „Искры", петербургскій товарищъ говоритъ: „Серьезной постановкой руководства профессіональной борьбой, необходимость объединенія для которой уже сознана рабочими массами, создадимъ прочную основу для роста вліянія нашей партіи; на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересующіе рабочаго, будемъ отбирать элементы, выдвигающіеся и годящіеся въ нашу боевую партійную политическую организацію, которая пусть представляетъ собою не хаотическое сборище полусознательныхъ, просто революціонно-настроенныхъ рабочихъ, а сплоченіе рабочихъ соціалъ-демократовъ, организовавшихся для подобной агитаціи, руководящихъ профессіональными союзами и заводскими кассами и опирающихся на нихъ".

Цитируя это письмо, „Искра" отъ себя добавляетъ: „Можно съ увѣренностью сказать, что только работа въ направленіи, намѣченномъ въ этомъ письмѣ, позволитъ соціалъ-демократіи справиться съ той стихіей, которая до сихъ поръ порабощала ее себѣ".

Какъ видно изъ всѣхъ этихъ цитатъ, резолюція тов. С. И. дѣйствительно выражала въ формѣ инструкціи очередную задачу „меньшевиковъ": создать широко-демократическую организацію и приноровить свою тактику къ запросамъ стихійнаго массоваго рабочаго движенія.

Оно и не удивительно: эти принципы были основными лозунгами „Рабочаго Дѣла"; тов. С. И. былъ однимъ изъ основателей и однимъ изъ самыхъ упорныхъ сторонниковъ „Рабочаго Дѣла", а слѣдовательно и этихъ принциповъ, онъ ихъ и выразилъ въ своей резолюціи; новая стадія соціалъ-демократическаго движенія, какъ всякій синтезисъ, явилась отрицаніемъ отрицанія „рабочедѣльчества" и въ этомъ смыслѣ есть возвратъ къ нему, обогащенный всѣмъ сложнымъ опытомъ организованной политической борьбы періода „искризма".

Резолюція тов. С. И. формулировала очередную задачу „мень-

шевиковъ". Но выражала ли она *всѣ* тѣ взгляды, которые характерны для „меньшевистскаго" теченія, и которые такъ ярко выражены въ вышеприведенныхъ цитатахъ изъ резолюцій конференціи и изъ „Искры"? Конечно, нѣтъ. Она не является типично „меньшевистской", напротивъ, она таитъ въ себѣ тенденціи, рѣзко расходящіяся съ тенденціями „Искры".

Прочитавши мою послѣднюю книжку, тов. С. И. вполнѣ согласился съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое я придалъ борьбѣ теченій въ нашей партіи, но замѣтилъ, что не можетъ присоединиться къ моимъ надеждамъ на демократизацію организаціи партіи. Сначала это меня очень удивило, но онъ пояснилъ, что такая демократизація теперь уже запоздала: „Партія слишкомъ долго выяливала, какъ воблу, своихъ членовъ и теперь въ нашихъ кружкахъ собраны далеко не лучшіе элементы рабочаго класса [1]); для того, чтобы передать „демосу" партіи самоуправленіе, надо бы было, чтобы къ ней примкнули тѣ, кто отъ нея ушелъ. Конечно, если бы къ нашей партіи могъ примкнуть каждый желающій служить дѣлу освобожденія своего класса рабочій, то широкій демократизмъ организаціи былъ бы необходимъ... Если бы внѣ нашей партіи сорганизовалась партія, охватывающая широкіе круги рабочаго класса, для меня не было бы вопроса, въ какихъ рядахъ быть!"

Странное дѣло! Тогда я не отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ этимъ словамъ. Я очень цѣнилъ мнѣнія тов. С. И., кромѣ того, онъ уже болѣе полугода работалъ тогда нелегально въ Петербургѣ, соприкасаясь съ самыми широкими слоями рабочаго класса; но такъ какъ у меня не было никакого представленія о томъ, какимъ образомъ могла бы быть осуществлена его мысль, то я только запомнилъ, но не вдумался въ его слова; впослѣдствіи же мнѣ часто приходилось ихъ вспоминать.

Мои соображенія были направлены исключительно на то, какимъ образомъ обезпечить присоединеніе къ существующей теперь организаціи нашей партіи всѣ сознательные элементы рабочаго класса; самые крайніе представители „меньшевизма" [2]) и теперь цѣликомъ стоятъ на этой точкѣ зрѣнія. Мнѣ кажется, теперь, послѣ моей

[1]) Этотъ пессимистическій взглядъ тов. С. И. на составъ нашей партіи отнюдь не принадлежитъ ему одному. „Искра" помѣстила въ цитируемой статьѣ безъ всякихъ оговорокъ такой же отзывъ ея петербургскаго корреспондента; „хорошіе рабочіе гапоновцы-соціалъ-демократы говорятъ: зачѣмъ я къ вамъ пойду? я и такъ все это знаю"; въ итогѣ—у насъ самый молодой, самый невліятельный элементъ среди рабочихъ. „У васъ все молодяшникъ,—говорилъ рабочій-гапоновецъ,—вы его раскаляете, а онъ васъ; масса же на рабочую партію, которая ея должна быть, смотритъ, какъ на чужую".

[2]) Напр., тов. Ю. Ларинъ; см. его брошюру „Широкая Рабочая партія и рабочій Съѣздъ". Позиція П. Б. Аксельрода въ этомъ вопросѣ остается неясною.

поѣздки, что никакія реформы организаціи не помогутъ дѣлу нашей партіи. Если бы 4 года тому назадъ интеллигентская организація соціалъ-демократовъ не задушила первые. тогда еще молодые побѣги пролетарской партіи, первыя, еще не развитыя формы пролетарскихъ организацій, онѣ были бы теперь сильными, крѣпкими и соотвѣтствовали бы гигантскому развитію стихійнаго пролетарскаго движенія; если бы *тогда* былъ принятъ демократическій принципъ организаціи, ей былъ бы обезпеченъ путь непрерывнаго развитія въ полномъ соотвѣтствіи съ ходомъ развитія самаго движенія. Но этого не случилось. Пролетарское движеніе не умѣстилось въ узкихъ рамкахъ интеллигентской соціалъ-демократіи и прокладываетъ себѣ русло въ сторонѣ отъ нея. Теперь уже недостаточны реформы внутри партіи,—необходимо измѣнить самое нутро ея.

Эти мысли не были выражены въ резолюціи тов. С. И., но онѣ потенціально заключались въ ней, тогда какъ резолюціи конференціи и передовица „Искры“ противорѣчили имъ. Въ самомъ дѣлѣ, резолюція т. С. И. желала „обезпечить участіе массы въ партійной жизни“, а „Искра“ смотрѣла на эту массу, какъ на „хаотическое сборище полусознательныхъ, просто революціонно настроенныхъ рабочихъ“. Естественно поэтому, что „Искра“ стремилась *„отбирать“* „элементы, выдвигающіеся на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересующіе рабочаго“, отбирать ихъ „въ боевую политическую партійную организацію, руководящую профессіональными союзами и опирающуюся на нихъ“, а резолюція тов. С. И. видитъ зло „въ противопоставленіи массы. какъ таковой, партіи, какъ нелегальной организаціи“. У „Искры“ рабочая масса для партіи, а у тов. С. И.—партія для рабочей массы!

Это противорѣчіе должно явиться исходнымъ пунктомъ для возникновенія новаго теченія въ нашей партіи, когда стадія неоискризма будетъ изжита. До сихъ поръ въ „меньшевистскомъ“ лагерѣ еще не сознано это.

VI.

Далѣе я направился въ Ригу и на западную границу съ цѣлью получить контрабанднымъ путемъ изъ-за границы мои книжки. Я торопился на югъ Россіи и въ мои цѣли не входило изучать еврейское и латышское движеніе; но хлопоты о транспортѣ задержали меня здѣсь на цѣлый мѣсяцъ и я побывалъ, кромѣ Риги, въ Гроднѣ, Лодзи и Варшавѣ. Я могъ бы поэтому поучиться на опытѣ латышскихъ и еврейскихъ товарищей, но одно обстоятельство лишило меня критеріума для изученія ихъ дѣлъ.

Я писалъ въ моей книжкѣ, что Бундъ подобенъ сердцу въ

единомъ соціальномъ организмѣ еврейскаго пролетаріата. Побывавши въ районѣ дѣятельности Бунда, я вынесъ впечатлѣніе, что такое сравненіе совершенно правильно; я не ошибался въ оцѣнкѣ вліянія Бунда на всю общественную жизнь Западнаго Края. Въ чемъ же заключается тайна силы Бунда? Такъ какъ для меня былъ тогда центральнымъ вопросъ организаціонный, то я объяснялъ это демократизмомъ организаціи Бунда.

Однако, какъ оказалось, это было ошибочно. Я убѣдился, что за послѣдніе годы избирательныя права периферійныхъ организацій Бунда окончательно исчезли, и вся организація строится „сверху".

Это обстоятельство настолько меня удивило, что я не могъ оріентироваться въ томъ механизмѣ, который приводилъ въ движеніе все вокругъ меня. Я бесѣдовалъ съ членами комитетовъ Бунда и самъ прочиталъ три реферата объ очередныхъ задачахъ и о ходѣ развитія нашего движенія. Товарищи изъ Бунда не указали мнѣ, въ чемъ ошибка моихъ сужденій, а ошибка, очевидно, была: то, что вытекало логически изъ моихъ сужденій, не соотвѣтствовало реальной дѣйствительности.

Я уѣхалъ изъ Западнаго Края, не разрѣшивъ себѣ моего недоумѣнія; только теперь оно мнѣ разъяснилось.

Уѣзжая, я замѣтилъ, что вопреки обыкновенію почти ничего не записалъ ни о Ригѣ, ни о Лодзи, ни о Варшавѣ; только о гродненскихъ событіяхъ были сдѣланы небольшія наброски. Мнѣ кинулись въ глаза нѣкоторые факты, и я записалъ ихъ, не думая, каково ихъ значеніе. Но теперь мнѣ кажется, что это дѣйствительно характерные факты, и характерно, что ихъ вспомнили мои разсказчики, и именно ихъ я записалъ, хотя вокругъ меня ежедневно совершались несравненно болѣе эффектныя событія: буквально каждый день приходили вѣсти о террористическихъ убійствахъ и однажды въ Варшавѣ убили околоточнаго у воротъ сосѣдняго дома съ тѣмъ, гдѣ я жилъ; въ Лодзи я былъ за два дня до революціонной вспышки, можно сказать возстанія, 5-го іюня; въ Гроднѣ я провелъ время всеобщей забастовки, организованной съ цѣлью протеста противъ варварскаго усмиренія Лодзи. А между тѣмъ только нижеслѣдующее сохранилось въ моихъ записках изъ всѣхъ этихъ воспоминаній.

Гродно представляетъ собою типичный непромышленный городъ. Тѣмъ не менѣе въ числѣ 57 тысячъ жителей онъ насчитываетъ около 5 тысячъ рабочихъ; вотъ главнѣйшія ихъ группы и распредѣленіе по фабрикамъ и мастерскимъ: фабрика Шерешевскаго—1.800; переплетная Харина—200; переплетная Лангборша—80; чугунно-литейная мастерская Фаингольда—75; слесарная мастерская Шерешевскаго — 40; мельница Ландау—50; лѣсопильня—60; портныхъ—250; столяровъ—150; портнихъ и бѣлошвеекъ—250; пекарей—120; приказчиковъ—350; прислуги—350;

типографскихъ рабочихъ—300; строительныхъ рабочихъ—150; кожевниковъ—50; сапожниковъ—110. Всего—4.475; сверхъ того, имѣются въ небольшомъ числѣ слесаря, извозчики, мясники, шапочники и др.

Уже въ серединѣ 90-хъ годовъ въ Гродно существовала соціалъ-демократическая группа, которая вела пропаганду среди рабочихъ. Когда, осенью 1897 г., создался Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ, въ Гродненской соціалъ-демократической группѣ возникъ вопросъ о присоединеніи къ Союзу. Послѣ долгихъ обсужденій программы и тактики Бунда часть членовъ соціалъ-демократической группы объявила себя Комитетомъ Бунда, другая же часть находила Бундъ „экономической" организаціей и потому отдѣлилась отъ Комитета и основала „Еврейскій Рабочій Союзъ". О взглядахъ этого союза трудно судить, потому что онъ не оставилъ никакихъ программныхъ заявленій; сначала онъ призналъ свою солидарность съ Петербургскою Группою „Рабочаго Знамени", съ которой соединилась тогда и Бѣлостокская группа оппозиціи Бунда, носившая имя „Группы Рабочихъ-Революціонеровъ", а затѣмъ примкнулъ къ „Польской Соціалистической Партіи" (P. P. S.).

Комитетъ Бунда занялся распространеніемъ бундовскихъ изданій и изданіемъ собственныхъ прокламацій преимущественно экономическаго характера. Майское празднество впервые организовано въ Гродно въ 99 г., когда собралось человѣкъ 60, было поднято красное знамя и произнесены рѣчи, между прочими и о низверженіи самодержавія. Въ 1900 г. на майскомъ собраніи было уже около 200 человѣкъ.

Среди рабочихъ Камитетъ организовалъ около десятка фаховыхъ кассъ, состоявшихъ изъ 10—20 человѣкъ каждая. Фаховыя сходки пополнялись кооптаціей, но объявляли себя дѣйствующими именемъ всего фаха, а потому всѣ, даже и неорганизованные рабочіе, обсуждали ихъ дѣйствія и иногда подъ давленіемъ ихъ критики дѣйствій кассы приходилось измѣнять ея составъ. Каждая фаховая сходка избирала своего представителя въ „Центральную Кассу", которая имѣла значеніе теперешней Агитаторской сходки. Въ нее же входили, какъ полноправные члены ея, и члены Комитета Бунда. Послѣ четвертаго съѣзда Бунда эти организаціонныя начала были постепенно вытѣснены и теперь во главѣ всего движенія стоитъ невыборная Агитаторская сходка и невыборный Комитетъ.

Въ тактическомъ отношеніи переходъ отъ кружковой пропаганды къ агитаціи совершился въ Гродно въ 98 г., когда началось массовое стачечное движеніе. Первую стачку въ Гродно устроили въ 98 г. столяры. Сюда пріѣхалъ одинъ сознательный столяръ изъ Бѣлостока и велъ очень усиленно пропаганду въ своемъ фахѣ: вспыхнувшая стачка нашла сознательныхъ руково-

8*

дителей и прошла удачно. Требовали сокращенія рабочаго дня до 12 ч. (въ томъ числѣ двухчасового перерыва), увеличенія заработной платы и вѣжливаго обращенія. Въ стачкѣ участвовало 200 человѣкъ, успѣхъ былъ полный. Были ли арестованные и сколько длилась стачка—мнѣ неизвѣстно. Объ этомъ успѣхѣ заговорили рабочіе всѣхъ фаховъ и стачки стали возникать одна за другою, причемъ требованіе 12-ти часового рабочаго дня было общимъ лозунгомъ.

Этотъ стачечный періодъ закончился съ 1900 годомъ. Послѣ этого стачки были сравнительно рѣдко. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить стачки на табачной фабрикѣ Шерешевскаго, описанные въ свое время въ „Послѣднихъ Извѣстіяхъ".

Новое стачечное движеніе проявилось послѣ 9-го января 1905 г. Повсюду было выставлено требованіе 11-ти часового рабочаго дня (въ томъ числѣ 2 часа на отдыхъ), кромѣ приказчиковъ и булочниковъ, которые требовали 12-ти часового дня. Бастовали заготовщики-кожевники („валкеры"), сапожники, типографщики, портные, папиросники, паковщики, ломовые и легковые извозчики, фонарщики, пожарные; булочники закончили эту кампанію: ихъ стачка началась 8-го іюня и кончилась 17-го того же мѣсяца.

Такимъ образомъ за эти два стачечныхъ періода продолжительность рабочаго дня сократилась съ 12—13-ти часовъ эффективной работы до 9—10-ти часовъ, т. е. на 25%. Высота заработной платы колеблется въ гораздо большей степени по ремесламъ, чѣмъ продолжительность рабочаго дня; особенно низка она у женщины: подростки-портнихи получаютъ по 50 коп. въ недѣлю; средній заработокъ портнихи и бѣлошвейки можно принять за 6—8 руб. въ мѣсяцъ; на папиросной фабрикѣ Шерешевскаго плата сдѣльная: вырабатываютъ въ ручномъ папиросномъ отдѣленіи отъ 90 к. въ недѣлю до 3 р. 50 к., тамъ работаютъ 320 папиросницъ; въ машинно-папиросномъ отдѣленіи вырабатываютъ отъ 1 до 4 руб. въ недѣлю; до введенія машинъ заработокъ былъ выше; мужчины получаютъ отъ 4 до 8 руб. въ недѣлю. Типографы, переплетчики и слесаря зарабатываютъ 30—40 руб. въ мѣсяцъ, кожевники столько же. Стачечное движеніе 1905 г. повсюду подняло плату на 25%, въ отдѣльныхъ случаяхъ завоеванія колебались отъ 10 до 60%; точно также отозвалось на заработной платѣ и прошлое стачечное движеніе 1898—1900 гг., впрочемъ, движеніе 1905 г. принесло, пожалуй, даже большіе результаты. Слѣдовательно, съ 98 г. заработная плата въ среднемъ уполуторилась; у кожевниковъ она удвоилась!

Итакъ, заработокъ и продолжительность работы за эти семь лѣтъ очень значительно измѣнились въ пользу рабочаго, экономическая борьба принесла существенные результаты: движеніе, свя-

ванное съ событіемъ 9-го января, подняло на 25% уровень благосостоянія гродненскихъ рабочихъ!

И точно такъ же, какъ въ Гродно повсюду у Бунда базою борьбы въ организаціонномъ и политическомъ отношеніи были экономическіе интересы пролетаріата. Революціонная энергія еврейскихъ соціалъ-демократовъ выливалась въ формы борьбы, доступныя широкимъ кругамъ рабочаго класса. По какимъ-то причинамъ организованные и сознательные соціалъ-демократы жили и дѣйствовали въ униссонъ со стихійнымъ рабочимъ движеніемъ и поэтому масса признавала ихъ своими вожаками.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что еврейская с.-д. интеллигенція стоитъ гораздо ближе по своему соціальному происхожденію и положенію къ рабочей массѣ, чѣмъ въ русскомъ движеніи. Кромѣ того, у Бунда нерѣдко цѣлые комитеты были составлены исключительно изъ рабочихъ. Бундъ не выдвинулъ своихъ теоретиковъ; всѣ его споры съ Польской Соціалистической Партіей, съ соціалистами-революціонерами, съ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіей носили чисто практическій характеръ. Глубоко интересенъ фактъ, что эта старѣйшая и сильнѣйшая въ Россіи соціалъ-демократическая организація до сихъ поръ ни разу не попыталась формулировать свою программу или хотя бы въ отдѣльныхъ теоретическихъ резолюціяхъ обосновать свою практическую дѣятельность.

Это отнюдь не можетъ быть объяснено національными чертами еврейскаго характера, давшаго человѣчеству столько глубокихъ мыслителей. Еврейскіе соціалисты въ Россіи (не говоря уже о Западной Европѣ) выдвинули изъ своей среды не мало теоретиковъ научнаго соціализма и въ частности нашей тактики; но эти товарищи не были въ организаціи Бунда, или, если даже получали въ его рядахъ политическое воспитаніе, удалялись въ другія организаціи.

Само собою разумѣется, что это составляетъ крупный недостатокъ Бунда, который я уже неоднократно отмѣчалъ въ другихъ моихъ статьяхъ и книжкахъ; но цѣною этого опрощенія с.-д. стала всего на одинъ шагъ впереди еврейской рабочей массы и была признана массою. Равновѣсіе с.-д. было неустойчивымъ, безъ теоретическихъ основъ, но она эмпирически находила всегда своевременно, благодаря своимъ связямъ съ массою, какъ надо переместить свой центръ тяжести, чтобы снова быть впереди. Бундъ представляетъ въ международномъ движеніи рѣдкій примѣръ организаціи рабочихъ *массъ*, построенной „сверху". Такую гармоничную, цѣльную, всестороннюю организацію рабочаго класса создала лишь одна Бельгійская Рабочая Партія, но она вся вплоть до Центральнаго Комитета построена на строго-демократическихъ началахъ, снизу вверхъ.

Указывая на экономическіе интересы пролетаріата, какъ на

основу дѣятельности Бунда, я вовсе этимъ не говорю, что сфера вліянія Бунда была ограничена экономической борьбой рабочихъ; въ моихъ очеркахъ по исторіи соціалъ-демократіи въ Россіи и въ изслѣдованіи о первоемъ мая я достаточно уже отмѣтилъ, что Бундъ былъ и остается выразителемъ лучшихъ тенденцій пролетарскаго движенія; въ борьбѣ поднялась, сдѣлалась выше самая личность еврейскаго рабочаго; мало того, организованный еврейскій рабочій классъ или—что то же—Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ безусловно были авангардомъ въ дѣлѣ національнаго возрожденія и обновленія еврейскаго народа...

Но я спрашивалъ себя: что если бы наше русское движеніе стало бы, какъ двѣ капли воды, похоже на дѣятельность Бунда, чувствовалъ ли бы я себя удовлетвореннымъ? И каждый разъ, не колеблясь ни минуты, я отвѣчалъ себѣ: нѣтъ!

Какъ агитаторъ, какъ пропагандистъ, какъ дающій, я бы имѣлъ полный просторъ моей дѣятельности; но какъ личность, какъ участникъ движенія, какъ ищущій, я былъ бы въ гораздо худшей обстановкѣ, чѣмъ теперь. Тогда у насъ внѣ дѣйствующихъ соціалистовъ возникъ бы особый кругъ соціалистовъ ищущихъ и снова исканіе отдѣлилось бы отъ дѣйствія, теорія, философія, этика и эстетика опять должны были бы уйти и ушли бы изъ жизни, потому что жизнь игнорировала бы ихъ, чуралась бы, какъ докучливаго ментора.

Мы дѣлали бы свое дѣло въ народной жизни, организуя разрушительную силу пролетаріата, но творческихъ силъ не было бы въ насъ и они искали бы себѣ пріюта внѣ нашей партіи.

Но это—отчасти въ значительной степени—уже и случилось теперь, отсюда—историческое оправданіе существованія прогрессивныхъ партій, иныхъ, чѣмъ наша партія. Если бы наша партія побѣдила всѣ другія при данныхъ условіяхъ и стала бы у власти, она не смогла бы исполнить своей миссіи и потому она, при данныхъ условіяхъ, не побѣдитъ или, побѣдивъ, приведетъ страну къ катастрофѣ и вернетъ ее снова въ эпоху политической и общественной реакціи. Отсюда—объективная необходимость борьбы противъ насъ со стороны этихъ по существу своему прогрессивныхъ силъ и возможность или даже неизбѣжность нашего временнаго пораженія.

Вл. Акимовъ-Махновецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Неурожаи въ Россіи и ихъ соціально-экономическія причины.

I.

За послѣднее время значительная часть крестьянскаго населенія въ Россіи изъ года въ годъ переживаетъ состояніе хронической голодовки благодаря „недородамъ", „недоборамъ" и т. д. Еще большая часть живетъ на границѣ голода и все чаще и чаще принуждена бываетъ выходить изъ этого неустойчиваго равновѣсія. Теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что „недороды" эти и сопряженныя съ ними голодовки милліоновъ населенія отнюдь не представляютъ мѣстнаго, а тѣмъ болѣе случайнаго явленія; они коренятся во всемъ строѣ нашей жизни. Въ хроническихъ голодовкахъ значительной массы населенія, какъ въ зеркалѣ, отражаются соціально-политическія условія страны, развитію производительныхъ силъ которой поставлены преграды въ видѣ пережитковъ крѣпостничества.

Исторія даетъ намъ много примѣровъ того, какъ временами въ жизни той или другой страны наступали потрясенія, сопровождавшіяся учащенными неурожаями, голодовками и т. п. Такъ было, напр., во Франціи въ періодъ, предшествовавшій Великой революціи; такъ было, затѣмъ, въ XIII в. въ Англіи, въ XIV в. въ Германіи и т. д. Это же явленіе имѣетъ мѣсто въ настоящее время и въ Россіи.

Неурожаевъ и голодовокъ и раньше бывало у насъ не мало,—среднимъ числомъ около 8 болѣе или менѣе крупныхъ неурожаевъ въ столѣтіе. Низкій уровень техники натуральнаго хозяйства не могъ предохранить населеніе отъ разрушительнаго дѣйствія періодически повторявшихся засухъ и т. под. неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій. Населеніе каждой отдѣльной мѣстности, изолированное отъ населенія сосѣднихъ об-

ластей, подвергалось въ такихъ случаяхъ всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ неурожая, голодало, вымирало и т. д. [1]).

Наши предки менѣе всего были склонны искать объясненія періодическихъ голодовокъ въ соціальныхъ отношеніяхъ и обращали свои взоры на небо, оттуда ожидали себѣ всего хорошаго и всего плохого. Благодаря низкому уровню техники, отъ нихъ ускользалъ самый фактъ основной зависимости тогдашнихъ голодовокъ отъ низкой степени развитія производительныхъ силъ. Въ настоящее время эта зависимость никѣмъ давно уже не оспаривается, но, съ другой стороны, нельзя и сказать, чтобы ей давалась въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе полная оцѣнка. Вспомнимъ, напримѣръ, тѣ толки, которые возникли и въ печати, и въ ученыхъ обществахъ, и въ земскихъ собраніяхъ по поводу неурожая 1891 г. Одни винили тогда нашу податную систему, другіе корень зла усматривали въ общинѣ или въ семейныхъ раздѣлахъ, третьи ставили на видъ низкій уровень техники крестьянскаго хозяйства и т. д., и т. д., но *общую оцѣнку* явленія, какъ продукта всего строя соціальныхъ отношеній того времени, мы нигдѣ почти не встрѣчаемъ тогда. Такимъ образомъ, сплошь и рядомъ изъ-за деревьевъ не видѣли лѣса и, пытаясь свести все къ тому или другому отдѣльному фактору (обременительности налоговъ, низкому уровню техники сельскаго хозяйства и пр.), упускали изъ виду общую зависимость между участившимися неурожаями, голодовками и всѣмъ строемъ отношеній, порождавшихъ ихъ. Въ настоящее время, когда „недороды“ и обусловленныя ими голодовки на пространствѣ многихъ губерній до крайности обострились и приняли прямо-таки разрушительный характеръ, связь ихъ съ общими соціальными условіями, переживаемыми страной, стала слишкомъ очевидной, чтобы можно было ограничиваться ссылкой на ту или другую частную причину, сколь бы важна сама по себѣ она ни была.

Если бы мы проанализировали „недороды“ въ различныхъ странахъ, въ разныя эпохи, мы увидѣли бы тогда, какой своеобразный характеръ получаетъ это явленіе при различныхъ историческихъ условіяхъ. Будучи всегда и вездѣ симптомомъ задержки, а иногда и регресса въ ростѣ производительныхъ силъ страны, „недороды“, а затѣмъ и массовыя го-

---

[1]) Чтобы составить понятіе о томъ, въ какія условія попадало населеніе при этихъ мѣстныхъ неурожаяхъ въ сравнительно недавнее еще время, достаточно указать, напр., на такой фактъ. Во время сильнаго неурожая 1833 г. цѣны на рожь колебались отъ 3 р. 70 к. (весной) до 31 р., а мѣстами и до 61 р. за четверть (зимой). (См. П. Л. Корфъ. По поводу неурожая нынѣшняго года. „Труды вольно-экономическаго общества“, 1891 г., № 6, стр. 205). Чтобы оцѣнить значеніе этихъ колебаній, укажемъ, напр., что въ 1891 году, т. е. въ наиболѣе тяжелый за послѣднее время, цѣна ржи колебалась лишь въ предѣлахъ отъ 60 к. до 1 р. 70 к. за пудъ.

лодовки земледѣльческаго населенія неизмѣнно носятъ на себѣ печать эпохи, служатъ отраженіемъ экономическихъ и политическихъ отношеній, господствующихъ въ данной странѣ. Не вдаваясь глубоко въ исторію, мы остановимся въ настоящей статьѣ на неурожаяхъ и голодовкахъ пореформеннаго времени въ Россіи и прослѣдимъ на нихъ процессъ отмиранія стараго крѣпостническаго строя, не закончившійся, къ сожалѣнію, и нонынѣ.

II.

Въ 60-ые годы, вскорѣ же послѣ отмѣны крѣпостного права, многія губерніи были охвачены крупными неурожаями. Наиболѣе значительные изъ нихъ были въ 1863, 1865 и 1867 гг. То обстоятельство, что Россія порядочное время до этого не знала серьезныхъ неурожаевъ [1]), давало крѣпостникамъ поводъ къ разсужденіямъ на тему о „добромъ старомъ времени“ и къ обвиненіямъ реформы 19-го февраля. Это указаніе связи между актомъ 1861 г. и послѣдовавшей хозяйственной дезорганизаціей деревни, однимъ изъ первыхъ симптомовъ которой явились участившіеся неурожаи, по существу своему было справедливо, но въ иномъ смыслѣ, чѣмъ думали крѣпостники. Именно, незаконченность реформы явилась одной изъ основныхъ причинъ, дезорганизовавшихъ жизнь русской деревни и продолжающей тяготѣть надъ страной до сихъ поръ.

Неурожаи 1863, 65 и 67 гг. въ общемъ не привлекли къ себѣ такого вниманія, какого они въ дѣйствительности заслуживали. Угаръ „великихъ реформъ“ разсѣивался лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ голодовки, неурожаи и т. п. явленія наглядно демонстрировали шаткость экономической основы освободительной реформы и ея недодѣланный характеръ.

Особенно рѣзко выдвинулся этотъ вопросъ по поводу самарскаго голода 1873 г., явившагося хорошимъ предостереженіемъ пореформенной Россіи и показавшимъ настоятельную необходимость дальнѣйшаго развитія реформъ. Констатируя это, извѣстный самарскій земецъ А. Хардинъ писалъ тогда, между прочимъ, слѣдующее: „Разореніе и голодъ почти половины Самарской губерніи не есть вовсе случайный результатъ 2—3-хъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, какъ думаютъ многіе“. Причина его кроется въ томъ, что „даже въ годы, вполнѣ благопріятные, крестьянинъ имѣетъ весьма слабую возможность сводить концы съ концами въ своемъ скудномъ бюджетѣ“, — и вообще, какъ полагалъ г. Хардинъ, неурожай 1873 г. „не произвелъ особенно существеннаго ухудшенія въ положеніи крестьянъ“ по той простой причинѣ, что ухудшить его значительно уже нельзя было [2]).

[1]) Послѣдніе изъ нихъ были въ 1833, 1839—40 гг.

[2]) „Голосъ“, 1873 г., № 258.

Предостереженіе, данное неурожаями 60-хъ и 70-хъ годовъ, прошло для правящихъ сферъ совершенно безслѣдно. Правда, въ 1872 г. была учреждена такъ называемая Валуевская комиссія, имѣвшая цѣлью „разъяснить вопросъ объ увеличеніи или уменьшеніи въ общемъ итогѣ производительнаго труда населенія Россіи“, но комиссія эта болѣе стремилась не къ объективному изслѣдованію, а лишь къ тому, чтобы опровергнуть „неопровергаемые изъ среды правительственныхъ учрежденій толки печати и общества о бѣдственномъ положеніи народа“, и никакихъ практическихъ результатовъ она не имѣла. Наоборотъ, съ этого именно времени крѣпостническая реакція поднимаетъ голову выше и стремится отнять у крестьянъ даже и то, что было оставлено за ними „великой реформой“ 1861 г.: непомѣрно увеличивается тягость обложенія, санкціонируются невыгодныя для крестьянъ выкупныя сдѣлки и т. д., и т. д.

Неурожаи 70-хъ годовъ, прошедшіе безслѣдно для правительства, дали толчокъ къ разработкѣ вопроса въ литературѣ, причемъ былъ произведенъ рядъ цѣнныхъ работъ, имѣвшихъ въ виду разобраться въ причинахъ разоренія деревенскихъ массъ.

Высказывавшіеся по этому поводу взгляды сводились, въ сущности, къ двумъ основнымъ: одни, во главѣ съ проф. Янсономъ, видѣли главную причину обнищанія массъ въ недостаточности надѣловъ, въ несоотвѣтствіи ихъ основнымъ потребностямъ крестьянина,—а другіе, вмѣстѣ съ кн. А. И. Васильчиковымъ, подчеркивали обременительность крестьянскихъ платежей. Оставляя въ сторонѣ этотъ споръ о первопричинѣ, мы должны констатировать, что обѣ названныя точки зрѣнія дополняли одна другую и въ то же время онѣ, вмѣстѣ взятыя, лишь отчасти объясняли кризисъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Крестьянство, снабженное сильно уменьшенными надѣлами и лишенное достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, было запряжено везти колесницу помѣщичьяго государства. Условія, при которыхъ совершалось ликвидированіе натуральнаго хозяйства и форсированное водруженіе буржуазно-крѣпостническаго строя подъ эгидой самовластной бюрократіи, тяжело отзывались на массахъ и являлись непосредственной причиной дезорганизаціи экономической жизни деревни, а также и участившихся въ то время „недородовъ“, голодовокъ и т. п.

Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ, послѣ самарскаго голода, болѣе или менѣе сильные неурожаи повторялись въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, преимущественно тамъ, гдѣ по естественнымъ условіямъ производительность земли должна была бы быть наилучшей, именно въ среднемъ Поволжьѣ, въ восточныхъ и центрально-черноземныхъ губерніяхъ. Изъ данныхъ, приводимыхъ, между прочимъ, комиссіей „объ оскудѣніи центра“, видно, что за сорокъ лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ, т. е. съ 1861 по 1900 г.,—только въ 10 губерніяхъ (Архангельской, Волынской, Калужской, Оренбургской, Уфимской, Ярославской и др.) число урожаевъ „выше

средняго" преобладало надъ неурожаями „ниже средняго". Въ четырехъ губерніяхъ число тѣхъ и другихъ уравновѣшивается, а въ остальныхъ 33— неурожайные годы болѣе или менѣе значительно преобладаютъ надъ урожайными. Такъ, изъ сорока лѣтъ приходится на урожаи:

Черноземъ. полоса.	Ниже средн.	Выше средн.	Нечерноземъ. полоса.	Ниже средн.	Выше средн.
Въ Донской Области . .	26	11	Въ Вятской губ.	18	9
„ Казанской губ. . .	24	10	„ Вологодской „	18	9
„ Воронежской „ . .	23	16	„ Московской „	18	15
„ Тамбовской „ . .	22	14	„ Псковской „	17	15
„ Таврической „ . .	21	10	„ Владимірской „	15	9
„ Пензенской „ . .	20	10	„ Смоленской „	14	12
„ Подольской „ . .	19	15	„ Костромской „	13	10
„ Бессарабской „ . .	18	13	„ Минской „	12	4
„ Харьковской „ . .	18	15	„ Олонецкой „	12	9
„ Симбирской „ . .	18	14	„ Пермской „	12	8
„ Самарской „ . .	17	15	„ Могилевской „	11	8
„ Кіевской „ . .	17	10	„ Витебской „	10	6
„ Херсонской „ . .	16	12	„ Петербургской „	10	8
„ Рязанской „ . .	16	12			
„ Полтавской „ . .	15	11			
„ Курской „ . .	15	13			
„ Орловской „ . .	15	14			
„ Тульской „ . .	14	13			

Разсмотрѣніе этой таблицы [1]) хорошо подчеркиваетъ экономическую подкладку нашихъ неурожаевъ. Мы видимъ отсюда прежде всего, что урожаи ниже средняго значительно чаще бываютъ въ черноземней полосѣ, чѣмъ въ нечерноземной. Больше тамъ, хоть и въ небольшой степени, число урожаевъ выше средняго. Ясно, такимъ образомъ, что крестьянское хозяйство нечерноземной полосы является болѣе устойчивымъ, чѣмъ въ черноземныхъ губерніяхъ, т. е. въ тѣхъ, которыя производятъ хлѣбъ на рынокъ. Крестьяне нечерноземной полосы располагаютъ, несмотря на большіе относительно платежи (выкупные и т. п.), большими средствами для веденія хозяйства и поэтому ихъ хозяйство болѣе интенсивно, чѣмъ у крестьянъ черноземной полосы [2]). Къ нимъ судьба была снисходительнѣе и вмѣстѣ съ дорогими надѣлами плохой земли „великая реформа" открыла имъ возможность болѣе широкаго приложенія своего труда въ сферѣ не-

---

[1]) Данныя этой таблицы, равно какъ и двухъ послѣдующихъ, объединяютъ и помѣщичье, и крестьянское хозяйство. Если расчленить то и другое и взять крестьянское хозяйство, то картина получится еще болѣе рельефной. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, насколько крестьянское хозяйство страдаетъ отъ неурожаевъ больше помѣщичьяго.

[2]) „Матеріалы высоч. учрежд. 16 ноября 1901 г. комиссіи", стр. 272. Вып. III.

земледѣльческихъ промысловъ. Объ этихъ неодинаковыхъ условіяхъ веденія крестьянскаго хозяйства въ черноземной и нечерноземной полосѣ намъ придется далѣе говорить подробнѣе; здѣсь же мы хотѣли лишь отмѣтить самый фактъ большей устойчивости хозяйствъ въ послѣднемъ случаѣ.

Дальше мы увидимъ, что и въ другомъ отношеніи преимущество находится на сторонѣ нечерноземной полосы: производительность крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства въ ней прогрессируетъ относительно быстрѣе. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ слагаемыхъ оказывается, что средній урожай, вычисленный для продолжительнаго періода времени, въ общемъ не меньше въ нечерноземной полосѣ, чѣмъ въ черноземной „хлѣбородной“. Дѣйствительно, урожайность одной десятины составляетъ въ среднемъ столько (въ пудахъ) [1]:

Черноземная полоса:	Озимь.	Ярь.	Нечерноземная полоса:	Озимь.	Ярь.
Самарская губ. . .	37	34	Владимірская губ. .	39	39
Орловская „ . .	37	36	Новгородская „ .	39	43
Саратовская „ . .	39	37	Тверская „ .	41	42
Тульская „ . .	39	47	Калужская „ .	42	38
Курская „ . .	42	40	Костромская „ .	42	42
Рязанская „ . .	44	49	Московская „ .	45	44
Харьковская „ . .	46	45	Олонецкая „ .	43	47
Воронежская „ . .	47	47	Псковская „ .	41	43
Пензенская „ . .	48	43	Вологодская „ .	44	43
Тамбовская „ . .	48	45	Нижегородск. „ .	47	43
Полтавская „ . .	48	47	Смоленская „ .	47	51
Черниговская „ . .	49	46	Ярославская „ .	55	49

Предыдущая таблица показываетъ намъ, что неурожаи для огромнаго большинства губерній давно уже стали, въ сущности, нормой. Къ такому заключенію приходитъ, между прочимъ, г. Лохтинъ, анализируя урожайность за 1883—1898 гг. по отдѣльнымъ категоріямъ хлѣбовъ. Изъ его данныхъ видно, что въ теченіе 16 лѣтъ „недородъ“ всѣхъ хлѣбовъ (въ 50 губерніяхъ) имѣлъ мѣсто 9 разъ,—„недородъ“ ржи—7 разъ, озимой пшеницы—6, яровой—8, овса—9, проса 9, ячменя 7, картофеля 9 разъ и т. д. [2]).

Не входя пока въ подробности относительно степени колебаній неурожаевъ, приведемъ для иллюстраціи одну весьма характерную таблицу. Если принять средній сборъ хлѣбовъ, за вычетомъ сѣмянъ, за 100, то урожаи отдѣльныхъ годовъ выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ (по 50 губерніямъ) [3]):

---

[1]) „Матеріалы комиссіи 16 ноября 1906 г.“

[2]) Лохтинъ. „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи“, стр. 164.

[3]) Тамъ же, стр. 168—169.

Годы.	Проц.	Годы.	Проц.	Годы.	Проц.
1880	83,7	1887	109,9	1894	147,8
1881	103,7	1888	110,7	1895	129,6
1882	96,6	1889	84,1	1896	126,0
1883	90,1	1890	95,2	1897	81,1
1884	97,7	1891	73,6	1898	110,9
1885	82,4	1892	99,4		
1886	96,2	1893	146,1	въ среднемъ	100

Изъ этой таблицы мы видимъ, что за исключеніемъ 3—4 лѣтъ весь періодъ 1880—1892 гг. отличается сплошь болѣе или менѣе крупными неурожаями, сильно подорвавшими и безъ того расшатанное крестьянское хозяйство. Наиболѣе сильными неурожаями за это время были неурожаи 1880, 1885 и 1891 гг.

Пониженіе числа урожайныхъ годовъ (въ 80-ые гг.) совпало съ рѣзкимъ пониженіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, и это обстоятельство еще болѣе усугубило тяжесть кризиса, переживавшагося крестьянскимъ хозяйствомъ со времени „освобожденія". Несомнѣнно, что отъ кризиса страдало также и дворянское землевладѣніе, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, находило сильную поддержку со стороны правящихъ сферъ, со стороны казны. Въ 1885 г. былъ учрежденъ Дворянскій Банкъ, замедлившій ликвидацію дворянскаго землевладѣнія; затѣмъ были изданы законы 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы и законъ 1886 г. объ ограниченіи переселенія,—оба имѣвшіе цѣлью удешевить для помѣщиковъ рабочую силу. Мѣропріятія въ пользу крестьянъ носили болѣе показной характеръ. Таковымъ было, напр., пониженіе въ 1881 г. выкупныхъ платежей на 12 мил. р. за счетъ чистой прибыли государства отъ выкупной операціи; затѣмъ отмѣна 28 мая 1885 г. подушной подати, съ переложеніемъ ея, подъ видомъ выкупныхъ платежей, на бывшихъ государственныхъ крестьянъ и повышеніемъ акциза на спиртъ. Не болѣе этого въ интересахъ широкихъ слоевъ крестьянства дѣйствовалъ и Крестьянскій Банкъ, учрежденный въ 1883 г. [1]) и т. д. Словомъ, „народная политика" правительство 80-хъ гг., прилагавшаго всѣ усилія къ тому, чтобы повернуть колесо исторіи обратно, къ временамъ крѣпостного права, — окончательно подрывала благосостояніе массъ, дѣлала хозяйство ихъ въ высшей степени неустойчивымъ и открывала, такимъ образомъ, просторъ для опустошительнаго дѣйствія неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій.

И дѣйствительно, „народная политика" запечатлѣлась участившимися неурожаями, отъ которыхъ болѣе всего страдали крестьяне центрально-черноземныхъ и особено средне-приволжскихъ губерній. Голодъ 1891 г.

[1]) См. нашу статью „Соціально-политическая роль Крестьянскаго Банка". „Образованіе", 1907 г., № 2.

явился достойнымъ завершеніемъ всей крѣпостнической политики пореформеннаго времени. Мы видѣли уже, что неурожай этого года былъ въ общемъ на 26% ниже средняго [1]). Неурожай слѣдующаго года былъ также ниже средняго; затѣмъ урожаи 1893—96 гг. должны были бы, казалось, поправить крестьянское хозяйство, если бы причины предшествовавшихъ „недородовъ" были случайны и крылись въ неблагопріятныхъ условіяхъ погоды. Въ дѣйствительности, однако, было не такъ: засухи, мглы и т. п. напастей не было въ эти годы, а между тѣмъ крестьянское хозяйство подтачивалось все болѣе и такимъ образомъ подготавливалась почва для новаго „недорода".

Голодъ 1891 г., какъ и предыдущія предостереженія, прошли для правительства безслѣдно. Поговорили, образовали бюрократическія комиссіи, передали на обсужденіе земскихъ собраній вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства и на этомъ успокоились.

Но мало того, что ничего не было сдѣлано для облегченія общаго положенія крестьянъ. Молохъ „отечественной промышленности" требовалъ себѣ на алтарь все новыхъ и новыхъ жертвъ, и крѣпостническое государство приносило ему ихъ въ изобиліи,—именно съ начала 90-хъ гг. начинается особенно усиленный ростъ государственнаго бюджета, питаемаго главнымъ образомъ на счетъ обложенія предметовъ потребленія массъ. Нечего удивляться поэтому, что голодъ 1897 г. засталъ насъ опять врасплохъ. Неурожай этого года въ общемъ приближается къ сбору голоднаго 1891 г., превышая его не болѣе, чѣмъ на 5%. При этомъ особенно пострадали какъ разъ тѣ губерніи, гдѣ и тогда неурожай былъ сильнѣе,—приволжскія и черноземный центръ [2]).

Тяжесть неурожая попрежнему легла на плечи малосостоятельнаго крестьянства, а помѣщики и болѣе зажиточная часть населенія не только не остались въ убыткѣ, но, благодаря повышенію хлѣбныхъ цѣнъ, даже выиграли [3]). Въ дальнѣйшемъ намъ придется остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе и тамъ мы увидимъ, насколько тяжело „недороды" отзываются именно на низшихъ слояхъ населенія и въ какой мѣрѣ голодовки, обусловленныя неурожаями, имѣютъ подъ собой соціальную почву.

---

1) Особенно великъ неурожай былъ въ слѣдующихъ губерніяхъ: Воронежской—ниже средняго на 75%; Казанской—67%; Тамбовской—65%, Симбирской—64; Оренбургской—58; Пензенской, Рязанской и Тульской 50—55; Нижегородской, Самарской, Донской области 40—45; Саратовской—34; Курской 29 и т. д. (См. А. С. Ермоловъ. „Неурожай и народное бѣдствіе". 1892 г., стр. 16).

2) Н. Г. Кулябко-Корецкій. Къ исторіи продовольственнаго дѣла въ Россіи. „Труды вольно-экономич. общества", 1897 г., V.

3) А. Е. Лосицкій. Размѣры неурожая 1897 г. „Труды вольно-экон. общества", 1898 г., III.

Оцѣнивая общіе итоги голода 1891 г., И. Красноперовъ писалъ, между прочимъ, что необходимо „не менѣе четверти столѣтія, прежде чѣмъ население оправится отъ такого потрясенія“ [1]). Какъ извѣстно, населенію оправиться не пришлось, потому что „недороды“ не только не прекратились, но, начиная съ 1897 г., даже участились, по крайней мѣрѣ для крестьянскихъ земель. Такъ, въ 1898 г. сильный неурожай имѣлъ мѣсто въ губерніяхъ: Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Оренбургской, Нижегородской, Уфимской, Самарской и въ Области Войска Донского [2]). Въ 1899 г. многія мѣстности снова были постигнуты огромнымъ неурожаемъ, такъ что въ общемъ этотъ годъ „можетъ быть отнесенъ лишь къ числу среднихъ“ [3]). Въ 1900 г. урожай былъ „болѣе или менѣе удовлетворительнымъ“, и министерство земледѣлія утѣшало себя тѣмъ, что этотъ годъ „не понизитъ по крайней мѣрѣ благосостоянія населенія“ [4]). Урожаи 1901—03 гг. характеризуются, какъ „въ лучшемъ смыслѣ посредственные“ и „вполнѣ благопріятные“. Урожай 1904 г. былъ выше средняго; наконецъ, годы 1905 и 1906 характеризуются сильнѣйшимъ неурожаемъ, не уступающимъ во многихъ мѣстахъ неурожаю 1891 г. [5]).

Характеризуя неурожай того или другого года, офиціозъ министерства земледѣлія неизмѣнно прибавляетъ: „урожай пестрый“, „неодинаковый въ предѣлахъ не только одной и той же губерніи, но нерѣдко въ районѣ одного и того же уѣзда и даже волости“ и т. д.

Указаніе это чрезвычайно характерно для нашихъ „недородовъ“, являющихся симптомомъ разложенія крестьянскаго хозяйства.

Изъ этого бѣглаго обзора мы видимъ, что неурожаи за послѣднія десятилѣтія стали у насъ нормой, а урожаи—лишь счастливымъ исключеніемъ. Государству изъ года въ годъ приходится расплачиваться все большими и большими ассигновками на кормленіе голодающихъ крестьянъ, на поддержанія населеніе на границѣ вымиранія. Такъ, лишь изъ средствъ

---

1) „Юридическій Вѣстникъ“, 1892 г., стр. 465.

2) „Въ очерченномъ районѣ нужда въ продовольственномъ хлѣбѣ стала ощущаться въ началѣ осени“ (См. „1898 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“, вып. V, стр. XI).

3) „1899 годъ“, вып. 4, стр. XII.

4) „1900 годъ“, вып. 5, стр. IX.

5) Въ 1890 г. полнымъ неурожаемъ охвачено въ общемъ 130 уѣздовъ въ 29 губерніяхъ, при этомъ для 88 уѣздовъ онъ является повторнымъ. Затѣмъ въ 23 губерніяхъ неурожай хотя и не такъ великъ, но все-таки ниже средняго, и лишь въ 19 губерніяхъ урожай нѣсколько выше средняго. Особенно пострадали губерніи: Самарская (ниже средняго на 93%); Казанская (88%); Симбирская (86); Уфимская (79); Пензенская (73); Саратовская (70); Оренбургская (69); Нижегородская (66); Астраханская (64); Тургайская обл. (63); Донская обл. (56); Тульская (55); Калужская и Костромская (51).

имперскаго продовольственнаго капитала на помощь голодающимъ было израсходовано [1]):

	Всего	Въ среднемъ ежегодно.
1868— 70 гг.	2.391.672 р.	800.000 р.
1871— 80 гг.	17.803.775 р.	1.780.000 р.
1881— 90 гг.	9.966.230 р.	996.000 р.
1891— 900 гг.	195.569.606 р.	19.670.000 р.
1901—1906 гг.	251.629.831 р. [2])	41.938.305 р.

Слишкомъ рѣзко бросается въ глаза основная связь нашихъ прогрессирующихъ и все болѣе опустошительныхъ „недородовъ" съ соціальной структурой, чтобы можно было ее не замѣтить, въ общихъ хотя бы чертахъ. И предыдущее бѣглое изложеніе, надъ думается, оттѣнило эту связь въ общихъ чертахъ. Теперь мы должны перейти къ болѣе детальному анализу „неурожаевъ", чтобы убѣдиться, *въ какой мѣрѣ отражаются* тѣ или другіе *соціально-экономическіе факторы.*

III.

Сами по себѣ колебанія урожаевъ неизбѣжны всегда и вездѣ. Наивно думать, что какіе-то заморозки, засухи, вымачиванія хлѣба созданы только для Россіи, дѣйствуютъ губительно въ одной Россіи. Климатическія условія Россіи не представляютъ рѣшительно ничего, рѣзко отличающаго ее отъ многихъ другихъ странъ. Дѣло вовсе не въ значительныхъ колебаніяхъ урожаевъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій погоды, а въ томъ, что эти *рѣзкія колебанія всецѣло обусловлены экономическими факторами.*

Въ этомъ намъ не трудно будетъ убѣдиться.

Какъ ни странно можетъ показаться на первый разъ, но приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что урожайность какъ на крестьянскихъ такъ въ особенности и на частныхъ земляхъ непрерывно возрастаетъ. Проф. Фортунатовъ, однимъ изъ первыхъ произведшій обстоятельное изслѣдованіе движенія урожаевъ въ Европейской Россіи, пришелъ къ тому выводу, что съ отмѣной крѣпостного права урожайность не только не понизилась, но все время возрастала, причемъ этотъ ростъ былъ значительнѣе въ нечерноземной полосѣ и въ періодъ до 1880 г. [3])

Позднѣйшія изслѣдованія вполнѣ подтвердили указанный выводъ. Общее повышеніе средней урожайности хлѣбовъ по десятилѣтіямъ (для 50 губерній

---

[1]) С. С. Бехтѣевъ. „Хозяйственные итоги истекшаго 45-лѣтія". Томъ II, стр. 169, а также „Извѣстія общеземской организаціи". 1906 г., № 6.

[2]) Сюда включены 36 м. р., еще неассигнованные въ 1907 г., но потребные, по разсчету правительства, для ликвидаціи кампаніи 1906/7 г.

[3]) „Урожаи ржи въ Европейской Россіи". 1893 г., стр. 80—89.

Европейской Россіи) можно выразить въ слѣдующихъ цифрахъ („самъ сколько“) [1]):

Годы.	Частное хозяйство. Озим.	Ярь.	Всѣ хлѣба.	Крестьянское хозяйство. Озим.	Ярь.	Всѣ хлѣба.
1861—70	4,0	3,6	3,8	3,5	3,3	3,4
1871—80	4.5	4,1	4,3	3,9	3.5	3,7
1881—90	5,5	4,6	5,0	4,3	3,7	3.8
1891—900	6,0	5,7	5,8	4,8	4,4	4,6

Мы видимъ, такимъ образомъ, что урожаи, какъ на помѣщичьихъ, такъ и на крестьянскихъ земляхъ все время возрастали, причемъ въ первомъ случаѣ это возрастаніе было больше. Особенно насъ должны интересовать два послѣднихъ десятилѣтія, которыя, несмотря на постоянныя „засухи“ и т. п. напасти, отличаются, какъ показываетъ таблица, замѣтнымъ повышеніемъ урожайности. Детальное изслѣдованіе урожайности за это именно время произвелъ, между прочимъ, саратовскій статистикъ В. М. Обуховъ, и намъ не безполезно остановиться на его данныхъ [2]). Оказывается, что за время съ 1881 г. по 1900 г. средніе урожаи повысились на столько процентовъ:

	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Ячмень.
На частныхъ земляхъ . . .	10.0	10.0	20.7	14.4
„ крестьянскихъ „ . . .	7.1	6.8	10.6	9.8

Несмотря на сильные, часто повторявшіеся „недороды“, общая урожайность, какъ видимъ, возросла для надѣльныхъ земель на 7—10%, а для частныхъ на 10—20%.

Общее превышеніе владѣльческихъ урожаевъ надъ крестьянскими составляетъ для 80-хъ годовъ отъ 16 до 20% (по различнымъ вычисленіямъ); въ 90-ые годы эта разница значительно увеличилась. Въ наиболѣе плохой, напр., 1891-й годъ соотношеніе между помѣщичьими и крестьянскими урожаями выразилось цифрами 100:182; затѣмъ въ годъ наивысшаго урожая (1893 г.) они относились, какъ 100:125; въ 1897 г.—100:151; въ 1898 г.—100:140 и т. д. Такимъ образомъ, сборы хлѣба (чистый остатокъ) съ единицы площади у владѣльцевъ лучше на 20—25% въ урожайные годы и на 40—80% въ неурожайные. „Поэтому,—какъ справедливо говоритъ г. Лохтинъ,—утвержденіе, что владѣльцы одинаково страдаютъ отъ неурожаевъ, какъ и крестьяне, рѣшительно опровергается цифрами. Напротивъ, получая въ неурожайные годы значительно болѣе хлѣбнаго остатка и соломы, чѣмъ крестьяне, и пользуясь болѣе высокими

1) „Матеріалы комиссіи 16 ноября 1901 года“.

2) См. „Саратовская Земская Недѣля“. 1903 г., №№ 2 и 6—7.

цѣнами голодающихъ мѣстностей, *владѣльцы въ большинствѣ случаевъ получаютъ выгоду и въ неурожайные годы"* [1]).

Рѣзкая разница въ сборѣ хлѣба въ неурожайные и урожайные годы у владѣльцевъ и крестьянъ доказываетъ полную несостоятельность утвержденія о якобы гибельномъ засушливомъ климатѣ Россіи. Ясно, что существуютъ какія-то особыя причины, заставляющія крестьянскій хлѣбъ гибнуть при такихъ метеорологическихъ условіяхъ, при которыхъ владѣльцы получаютъ еще сносные урожаи. Объясненіе этого факта надо искать во всемъ строѣ хозяйственныхъ отношеній, и нельзя приписывать его тому или другому отдѣльному фактору. Часто, напр., указываютъ на то, что качество земель у помѣщиковъ и крестьянъ не одинаково, чѣмъ будто бы и объясняется различіе въ урожаяхъ. Отрицать вліяніе этого обстоятельства, конечно, не приходится, но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ и переоцѣнивать его значеніе. Въ пользу того, что въ данномъ случаѣ первенствующую роль играютъ не физическія причины (въ томъ числѣ и качество почвы), а экономическія,— особенно рельефно говоритъ тотъ фактъ, что и надѣльныя земли отличаются далеко не одинаковой урожайностью: *сборы хлѣба съ десятины тѣмъ выше въ крестьянскомъ хозяйствѣ, чѣмъ хозяйство зажиточнѣе.*

Вопросъ о степени урожайности надѣльныхъ земель, въ зависимости отъ той или иной состоятельности хозяйства, не подвергался такому изученію, какого онъ по праву заслуживаетъ. Проф. Фортунатовъ, если мы не ошибаемся, затронулъ этотъ вопросъ и попытался разобраться въ немъ. Онъ полагалъ, какъ извѣстно, что „крестьянскія надѣльныя земли показываютъ обратное вліяніе размѣровъ надѣла на урожаи" [2]). Мы не можемъ признать, однако, этотъ выводъ правильнымъ и сколько-нибудь обоснованнымъ, да и самъ проф. Фортунатовъ не претендовалъ, въ сущности, на точность, такъ какъ оперировалъ съ матеріаломъ слишкомъ недостаточнымъ. Удивительнѣе то, что къ подобному же выводу пришелъ А. В. Пѣшехоновъ при изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства въ Калужской губерніи [3]). По даннымъ его изслѣдованія оказывается, что въ 1895 г. было собрано крестьянами названнаго уѣзда столько мѣръ съ каждой десятины:

Группы хоз.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Картофель.	Конопля.	Гречиха.
Мелкія	37,0	58,2	52,0	472	54,1	24,9
Среднія	32,6	52,4	49,5	428	49,6	27,2
Крупныя . . .	29,8	48,0	48,3	402	43,7	31,8

1) Лохтинъ. „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи", стр. 186.
2) „Урожаи ржи", стр. 156.
3) „Труды вольно-экономическаго общества", 1898 г., № 5.

Какъ видимъ отсюда, по всѣмъ категоріямъ хлѣбовъ (кромѣ гречихи) замѣчается обратная зависимость между размѣрами надѣла и урожайностью. По поводу этого слѣдуетъ, однако, замѣтить слѣдующее. Группировка хозяйствъ *только* по количеству засѣваемой земли является механической и потому недостаточной. Урожайность въ томъ или другомъ хозяйствѣ не зависитъ лишь отъ одного фактора,—большаго или меньшаго пространства посѣвной площади. Гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ общая мощь хозяйства, и, чтобы ее учесть хотя бы отчасти, необходимо ввести еще другіе признаки или хотя бы одинъ изъ нихъ, напр., степень обезпеченія хозяйства скотомъ. Особенно важно принять это во вниманіе въ нечерноземной полосѣ, къ какой принадлежитъ, между прочимъ, и Козельскій у. Здѣсь *особенную роль* играетъ удобреніе земли, а, слѣдовательно, и то или иное количество скота въ хозяйствѣ. Наконецъ, въ нечерноземной полосѣ, какъ это говоритъ и А. В. Пѣшехоновъ, зажиточныя хозяйства отпускаютъ на сторонніе заработки болѣе значительную часть своихъ членовъ, чѣмъ менѣе зажиточные. И въ результатѣ этого здѣсь „чѣмъ меньше крестьянское хозяйство, тѣмъ больше труда вкладываетъ оно въ свою землю".

Если бы г. Пѣшехоновъ учелъ роль этихъ двухъ факторовъ, то мы увѣрены, что выводы его получились бы иные. Что это такъ, мы можемъ видѣть, напр., изъ анализа, произведеннаго г. Я. Бляхеромъ для Вологодской губерніи, т. е. тоже нечерноземной. Обработавъ данныя 3191 записи добровольныхъ корреспондентовъ, онъ составилъ слѣдующую таблицу урожаевъ ржи (самъ сколько):

Группы хоз. по посѣву.	I безъ скота.	II до 3-хъ штукъ.	III до 6 штукъ.	IV свыше 6 штукъ.	V итого по губ.
	П	о	с к	о т	у.
I Съ посѣвомъ до 2 дес. . . .	5,5	5,[illegible]	5,9	7,2	5,9
II „ „ 3 дес. . . .	—	4,6	5,3	6,2	5,6
III „ „ 6 дес. . . .	—	2,9	4,5	5,4	5,1
IV „ „ 9 дес. . . .	—	—	3,8	4,8	4,7
V „ свыше 9 дес. . . .	—	—	—	3,9	5,[illegible]
	5,5	4,6	5,2	5,4	5,3

Изъ этой таблицы мы видимъ, что увеличеніемъ посѣвной площади урожайность понижается. Пока, такимъ образомъ, заключеніе г. Пѣшехонова подтверждается. Но стоитъ только всмотрѣться въ приведенную таблицу внимательнѣе, чтобы прійти къ иному выводу. Такъ, совершенно ясно бросается въ глаза ростъ урожайности съ повышеніемъ группы по количеству скота, и если мы разсмотримъ наши данныя объ урожаѣ не

по посѣвнымъ только и не по скотнымъ только, а по комбинаціоннымъ граппамъ хозяйствъ, то найдемъ слѣдующее:

Группы хозяйствъ. По посѣву.	Группы хозяйствъ. По скоту.	На 1000 пуд. посѣва навознаго скота.	Урожай „самъ-сколько".
I	II	480	5,0
II	III	511	5,3
III	IV	567	5,4
I	III	811	5,9
II	IV	856	6,2
III	III	347	4,5
IV	IV	425	4,8

Эти цифры говорятъ, что при извѣстной пропорціональности между размѣромъ посѣва и количествомъ скота, урожай ржи тѣмъ выше, тѣмъ хозяйства крупнѣе, какъ по величинѣ посѣвной площади, такъ и по богатству скотомъ [1]).

Сказанное относится къ урожаямъ ржи, но примѣнимо также и къ урожаямъ остальныхъ хлѣбовъ. Вообще необходимо признать, что „тѣмъ выше экономическая мощь хозяйства, тѣмъ лучшихъ результатовъ достигаетъ оно, т. е. тѣмъ выше у него урожай хлѣбовъ, и наоборотъ" [2]).

Такъ обстоитъ дѣло не только въ нечерноземной полосѣ, но и въ черноземной,—причемъ въ этой послѣдней связь между размѣрами хозяйства и урожайностью болѣе непосредственна, такъ сказать, въ силу того, что удобреніе и т. п. играютъ здѣсь меньшую роль, а, слѣдовательно, и количество скота не представляетъ такого рѣшающаго значенія. Мощь хозяйства, какъ правило, можно измѣрять тутъ размѣрами запашки. Посмотримъ же, что говорятъ намъ цифры урожайности въ черноземной полосѣ.

Для выясненія интересующей насъ зависимости, мы находимъ любопытныя данныя, между прочимъ, въ матеріалахъ по Курской и Саратовской губерніямъ.

По даннымъ курскаго статистическаго бюро (для 1896 г.) оказывается, что средній сборъ ржи, за вычетомъ сѣмянъ, колеблется такимъ образомъ (въ пудахъ на десятину):

У частн. влад. [3])	Зажит. крест.	Сред. крест.	Бѣд. кр.
40,6	34,9	31,7	28,4

---

[1]) „Саратовская Земская Недѣля", 1904 г., № 8, стр. 69.

[2]) Тамъ же, стр. 72.

[3]) При 50—200 дес. запашки урожай ржи 52,2 пуда, при 200—400 дес.—60,3 пуда и свыше 400 дес.—65,4 пуда. См. „Курская губернія. Статистическій обзоръ 1896 г."

Урожаи въ зажиточныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, а также въ частновладѣльческихъ, являются не только выше, но и болѣе устойчивыми по отдѣльнымъ годамъ,—по территоріи губерніи и при разныхъ качествахъ почвы.

Соотвѣтствующее изслѣдованіе для Балашовскаго у. Саратовской губ. произвелъ въ 1903 г. В. М. Обуховъ, причемъ оказалось, что средняя урожайность главныхъ хлѣбовъ въ каждой отдѣльной группѣ хозяйствъ выражается слѣдующими цифрами (въ пудахъ на десятину посѣва [1]):

Группы по посѣву.	Сѣв.	Районы. средн.	Уѣзды. южн.
25 и болѣе десятинъ	—	62,4	49,3
15—25 „	66,3	52,3	41,4
5—15 „	56,8	50,2	38,0
менѣе 5 „	56,1	49,6	33,6

Можно было бы привести еще и другія данныя, подтверждающія непосредственную зависимость между урожайностью и зажиточностью крестьянскаго хозяйства [2]), но и сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы видѣть, насколько затемняется экономическая подкладка всѣхъ этихъ „недородовъ“, „недоборовъ“ и т. д., благодаря обычному сваливанію въ одну кучу всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Мы видѣли, что въ предѣлахъ крестьянскаго хозяйства существуютъ чрезвычайно крупныя различія въ урожайности, въ зависимости отъ степени общей обезпеченности хозяйствъ. Если бы было

---

1) См. „Саратовская Земская Недѣля“, 1904 г., № 1.

2) Интересное изслѣдованіе, напр., было произведено Херсонской казенной палатой для 1897—1900 гг. Оказывается, что средніе урожаи страшно сильно колеблются по отдѣльнымъ обществамъ. Такъ, напр., предѣльныя колебанія сбора хлѣба по селеніямъ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ (въ пудахъ на десятину):

Уѣзды.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.
Александрійскій	37,5— 9,5	57,7—13,1	47,7—6,8	52,8—3,1
Ананьевскій	38,4— 6,5	53,4—12,7	22,9—0,4	18,8—2,9
Елисаветградскій	77,0—10,9	66,5—11,8	29,0—0	35,4—2,9
Одесскій	71,9— 9,2	74,2—25,1	25,2—0	36,5—6,6
Тираспольскій	86,1—19,5	94,2—23,0	21,4—3,3	51,5—6,4
Херсонскій	50,0— 9,3	51,2— 6,1	37,4—0,1	50,9—5,3

Аналогичныя данныя мы имѣемъ и по др. губерніямъ. См., напр., „Таблицы урожая главныхъ хлѣбовъ въ 1899 г. на земляхъ крестьянскихъ обществъ въ Тамбовской губерніи“. Выключая чрезвычайныя обстоятельства (градобитіе и т. п.), можно подмѣтить и тутъ несомнѣнную связь между степенью урожая въ томъ или другомъ селеніи, съ одной стороны, и размѣрами земельнаго обезпеченія—съ другой.

Интересное изслѣдованіе было произведено также рязанскимъ земствомъ (См. „Результаты обслѣдованія“, изд. 1899 года).

произведено массовое обслѣдованіе урожаевъ въ указанномъ выше направленіи, мы несомнѣнно увидѣли бы конкретно, какъ „неурожаи“ выносятся, въ сущности, на плечахъ малосостоятельной, малоземельной части населенія, „дарственниковъ“ и т. п. категорій крестьянъ, а также и то, насколько расширеніе крестьянскаго землевладѣнія въ настоящее время составляетъ необходимое условіе для устраненія „неурожаевъ“ и голодовокъ.

Все сказанное нами въ этой главѣ наглядно свидѣтельствуетъ, въ какой мѣрѣ наши неурожаи стоятъ въ связи съ обнищаніемъ деревни. Частновладѣльческое хозяйство страдаетъ отъ неблагопріятныхъ условій погоды несравненно меньше, чѣмъ крестьянское; въ свою очередь, зажиточное крестьянское — значительно менѣе, чѣмъ малосостоятельное. Притомъ для частновладѣльческаго и зажиточнаго крестьянскаго хозяйствъ недоборъ хлѣбовъ въ неурожайные годы въ значительной мѣрѣ компенсируется высокими цѣнами на хлѣбъ; малосостоятельное же населеніе страдаетъ отъ неурожаевъ вдвойнѣ: не добирая хлѣбъ и затѣмъ покупая его по сильно повышенной цѣнѣ.

Чѣмъ зажиточнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе стойко выдерживаетъ оно неблагопріятное стеченіе метеорологическихъ условій, и въ этомъ смыслѣ обнищаніе, малоземелье и пр. являются несомнѣнно одной изъ существенныхъ причинъ „недородовъ“, все чаще и чаще посѣщающихъ нашу страну, точнѣе, крестьянское населеніе ея.

Мы видѣли выше, что увеличеніе урожайности наблюдается не только на помѣщичьихъ, но и на надѣльныхъ земляхъ. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что повышеніе это, какъ и вообще ростъ другихъ составныхъ элементовъ крестьянскаго хозяйства (количества скота, пашни и т. п.), не шло въ уровень съ ростомъ населенія и увеличенія налоговъ. Такъ, за время 1870—1900 гг. различные элементы возросли въ такой пропорціи (въ %% [1]):

Крестьянское землевлад. (Въ томъ числѣ и купчее)	+ 20,5
Пашня	+ 40,5
Населеніе	+ 56,9
Число хозяйствъ	+ 57,2
Урожайность	+ 24,3
Количество скота	+ 9,5

Еще быстрѣе, внѣ всякаго соотвѣтствія съ ростомъ доходности земли, возрастали всевозможные платежи, падающіе на крестьянскую землю.

[1]) „Матеріалы комиссіи 16 ноября 1901 г.“

Уже однѣ вышеприведенныя цифры показываютъ намъ, въ какихъ ненормальныхъ условіяхъ находится крестьянское хозяйство. Обремененное различными платежами, лишенное необходимаго капитала для интенсификаціи земледѣлія, крестьянство жадно набрасывается на покупку земель черезъ Банкъ, на кабальную аренду помѣщичьихъ земель, до крайности распахиваетъ свои земли, и все-таки повышеніе урожайности и сборы хлѣба, достигаемые такими неимовѣрными усиліями, слишкомъ незначительны по сравненію съ ростомъ всевозможныхъ поборовъ, съ ростомъ, наконецъ, земледѣльческаго населенія. Благодаря такому хищническому подрыванію благосостоянія массъ земледѣльческаго населенія, промышленное развитіе страны крайне затрудняется и получаетъ уродливыя, паразитическія формы, сводясь больше всего и прежде всего къ безшабашному высасыванію изъ населенія соковъ кучкой „отечественныхъ" промышленниковъ и заграничныхъ; дивиденды ихъ растутъ, но не въ такой мѣрѣ расширяется промышленность, а, слѣдовательно, и производительныя силы страны. Благодаря этому избыточное земледѣльческое населеніе не находитъ приложенія для своего труда внѣ сельскаго хозяйства.

Совокупность всѣхъ этихъ условій до крайности обостряетъ положеніе крестьянскаго хозяйства и является основной причиной русскихъ „недородовъ", „неурожаевъ" и т. д. Пора признать, что *наши* неурожаи—это вопросъ не метеорологическій, а соціальный. Конечно, колебанія урожаевъ, какъ извѣстно, бываютъ всегда и вездѣ, независимо отъ уровня развитія производительныхъ силъ страны, но амплитуда этихъ колебаній, размѣръ ихъ всегда находится въ тѣсной связи съ той или другой соціальной структурой [1]). Въ этомъ именно смыслѣ и можно утверждать, что наши „неурожаи" порождены соціальными причинами, по сравненію съ которыми метеорологическіе факторы играютъ болѣе, чѣмъ второстепенную роль.

Установивъ это основное положеніе, мы должны попытаться теперь разобраться *конкретнѣе* въ тѣхъ соціально-экономическихъ причинахъ, совокупность которыхъ и порождаетъ наши неурожаи, а затѣмъ и голодовки громадныхъ массъ крестьянскаго населенія.

IV.

Выше мнѣ приходилось уже отмѣчать, что обнаружившееся вскорѣ же послѣ „великой реформы" 19-го февраля разореніе значительныхъ слоевъ крестьянства, однимъ изъ симптомовъ чего явились участившіеся неурожаи, привлекло къ себѣ вниманіе изслѣдователей и общества. Всякій на свой ладъ стремился объяснить явленіе, выдвигая то обременительность

---

[1]) Само собой разумѣется, что о чрезвычайныхъ метеорологическихъ условіяхъ тутъ нѣтъ и рѣчи. Я говорю лишь о длительныхъ, хроническихъ колебаніяхъ урожаевъ.

налоговъ, то недостаточность надѣловъ и пр. и пр. Во всѣхъ подобныхъ сужденіяхъ было много истины, но все же ни одно изъ нихъ не освѣщало *всего* вопроса. Чтобы обнять все явленіе, въ цѣломъ, необходимо освѣтить тѣ условія, при которыхъ совершалась тогда перестройка крѣпостническаго натуральнаго хозяйства на европейско-азіатскій ладъ. Однимъ изъ основныхъ условій, опредѣлившихъ собой характеръ процесса этой перестройки, являлась, безъ сомнѣнія, реформа 1861 г., которая снабдила крестьянъ недостаточными надѣлами и огромными выкупными платежами, поставивъ ихъ тѣмъ самымъ въ необходимость вступать въ кабальныя отношенія къ помѣщикамъ. Мы не станемъ указывать тутъ на частности, усиливавшія эту кабальную зависимость и обострявшія до крайности положеніе вещей (отрѣзки и т. п.). Для насъ важно отмѣтить тотъ основной фактъ, что въ недостаточности надѣловъ съ самаго начала лежала одна изъ основныхъ причинъ быстраго упадка крестьянскаго хозяйства, особенно въ черноземной полосѣ Россіи. Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному былъ, благодаря этому, особенно тяжелъ для крестьянъ черноземной полосы, въ которой благосостояніе массъ опиралось почти исключительно на земледѣльческіе промыслы. Крестьяне нечерноземной полосы, несмотря на то, что они были сравнительно сильнѣе обременены выкупными и т. п. платежами, легче приспосабливались къ новымъ условіямъ жизни благодаря побочнымъ, неземледѣльческимъ заработкамъ. Доходами отъ нихъ они восполняли дефицитъ въ своемъ земельномъ хозяйствѣ. Обстоятельная работа проф. Янсона („Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“ 1877 г.), а затѣмъ и цѣлый рядъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій наглядно обнаружилъ, въ какія неблагопріятныя условія былъ поставленъ русскій крестьянинъ при происходившей въ то время ломкѣ хозяйственныхъ отношеній. „Великая реформа“ не только не помогла ему справиться съ этой трудной задачей, но еще значительно усложнила ее, понизивъ уровень зажиточности, по крайней мѣрѣ, большинства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. На это послѣднее обстоятельство, какъ на одну изъ ближайшихъ причинъ „неурожаевъ“, указалъ, между прочимъ, г. Хардинъ по поводу самарскаго голода 1873 г.

Причина этого голода, а также и „неурожая та,—писалъ онъ,—что даже въ годы вполнѣ благопріятные крестьянинъ имѣетъ весьма слабую возможность сводить концы съ концами въ своемъ скромномъ бюджетѣ“. Въ сравненіи съ этой основной причиной, „вліянія физическія, независящія отъ воли человѣка“, имѣли очень малое вліяніе на неурожай [1]).

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что недостаточность надѣловъ (принимая во вниманіе тогдашній уровень техники сельскаго хозяйства) для удовле-

1) „Голосъ“, 1873 г., № 258.

творенія привычныхъ насущныхъ потребностей массы населенія явилась съ самаго начала основной причиной, которая дезорганизовала хозяйственную жизнь деревни и повлекла за собой хроническіе „недороды" на земляхъ обезсиленнаго крестьянства. Тяжесть налоговъ и несоотвѣтствіе ихъ съ доходностью земли усугубляла, конечно, кризисъ еще болѣе. Государство, высасывая изъ населенія все, что только можно было высосать, подъ видомъ выкупныхъ и пр. платежей,—производило это вдобавокъ еще такъ, что крестьянское хозяйство теряло значительно больше, чѣмъ собирала казна. На способъ собиранія или, точнѣе, „выколачиванія" податей указывалось уже давно, какъ на одинъ изъ факторовъ разоренія деревни. Были даже попытки учесть размѣры ущерба, наносимаго такимъ путемъ населенію. По разсчетамъ, напр., П. А. Голубева (для 1885 г.) крестьяне ежегодно теряютъ около 115 мил. р., продавая хлѣбъ осенью для уплаты податей и потомъ покупая его весной по дорогой цѣнѣ [1]). „Происходитъ,—говоритъ онъ,—собственно не торговля, а заемъ денегъ подъ залогъ хлѣба". Чтобы оцѣнить значеніе этихъ потерь, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ томъ же 1885 году всѣ выкупные платежи, оброчная и подушная подать равнялись 116 м. р., т. е. составляли почти столько же, сколько теряли крестьяне въ видѣ уплаты „процентовъ" при продажѣ и покупкѣ хлѣба.

Указывая на это, П. А. Голубевъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что „даже высокій урожай всѣхъ хлѣбовъ у крестьянъ, даже одинаковый съ помѣщичьими землями, не можетъ вывести крестьянское хозяйство изъ фатальнаго положенія убыточности. Отъ степени урожая зависитъ лишь колебаніе потерь".

Мы не будемъ здѣсь говорить о другихъ пріемахъ, съ помощью которыхъ бюрократія, собирая съ населенія рубли, косвенно вырывала у него десятки рублей и окончательно подрывала, такимъ образомъ, благосостояніе. Чѣмъ неблагопріятнѣе складывались для сельскаго хозяйства метеорологическія условія и чѣмъ выше былъ неурожай *вслѣдствіе этого*, тѣмъ ожесточеннѣе взыскивались недоимки, шла распродажа скота и проч. имущества и т. д. Такимъ образомъ одинъ неурожай, вызванный, быть можетъ, тѣми или другими неблагопріятными атмосферическими условіями, неизбѣжно сопровождался другими „недородами", на возникновеніе которыхъ вліяли уже прежде всего экономическіе факторы.

Мы указали на малоземелье и финансовую систему пореформеннаго времени, какъ на основныя причины крестьянскаго разоренія, и eo ipse россійскихъ неурожаевъ, принявшихъ съ теченіемъ времени хроническій характеръ. Эти обстоятельства—и крестьянское малоземелье, и финансовая система—являлись крупнымъ тормазомъ для развитія производительныхъ

---

[1]) „Къ вопросу о причинахъ упадка сельскаго населенія и помѣщичьяго хозяйства". „Юридическій Вѣстникъ", 1892 г., стр. 219, 228 и др. См. также. „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ". Т. I, стр. 52.

силъ въ земледѣліи и вообще въ странѣ. Они задерживали ростъ капитализма, развитіе городской и земледѣльческой промышленности и порождали ростовщическія формы эксплоатаціи населенія, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ.

Непрекращавшіеся неурожаи и угрожающій характеръ разоренія крестьянскихъ массъ вызвали въ 80-хъ гг. снова многочисленные толки по поводу оцѣнки этого явленія, для освѣщенія котораго накапливалось съ теченіемъ времени все больше и больше матеріала благодаря земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, подворнымъ переписямъ, производившимся въ 80-хъ гг. во многихъ губерніяхъ, и т. д. Въ свою очередь правительство, побуждаемое фискальными и политическими соображеніями, сочло необходимымъ, какъ мы уже говорили, пойти какъ бы навстрѣчу интересамъ страны. Но крѣпостническая клика не могла, да и не хотѣла, порвать рѣшительно крѣпостныя путы, тяготѣвшія надъ народомъ, и вмѣсто облегченія получилось еще большее закабаленіе. Мы указывали уже, какое значеніе имѣло пониженіе выкупныхъ платежей въ 1881 году, затѣмъ учрежденіе Крестьянскаго Банка, законъ о сельскихъ рабочихъ, переселеніяхъ, семейныхъ раздѣлахъ, введеніе института земскихъ начальниковъ и пр. „реформы“ 80-хъ годовъ.

Однимъ словомъ, весь арсеналъ правительственныхъ мѣропріятій былъ направленъ въ сторону закрѣпленія и упроченія пережитковъ крѣпостничества, а отнюдь не къ ликвидаціи устарѣвшихъ формъ жизни, чего такъ настоятельно требовали интересы всего хозяйственнаго развитія страны. Огромный неурожай 1891 г., равно какъ и сильные неурожаи 1885, 1886 и 1889 гг. являлись хорошимъ показателемъ того, насколько вся эта „народная политика“ подрывала благосостояніе массъ. Въ этомъ смыслѣ про названные неурожаи съ полнымъ правомъ можно сказать, что они были порождены прежде всего и главнымъ образомъ крѣпостническими эксцессами власть имущихъ. Эти неурожаи были расплатой и за „великую реформу“ и за послѣдующіе шаги въ сторону реставраціи крѣпостного строя. Чтобы учесть роль этого политическаго фактора въ явленіи, именуемомъ россійскими „недородами“, достаточно, напр., указать на разницу въ урожаѣ у владѣльцевъ и крестьянъ въ наиболѣе пострадавшихъ въ 1891 г. губерніяхъ. Оказывается, что сборъ чистаго остатка ржи выразился въ такихъ цифрахъ (въ пудахъ на десятину [1]). (См. слѣд. стр.).

Комментаріи, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ, излишни. Грянулъ громъ, и снова началось усиленное обсужденіе вопроса о причинахъ неурожая въ различныхъ обществахъ, земскихъ собраніяхъ и т. д. Одни корень зла усматривали въ метеорологическихъ условіяхъ, рѣзко якобы ухудшившихся въ Россіи, другіе винили общину, третьи нападали на косность

---

[1]) См. Лохтинъ. „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи“, стр. 178.

Губерніи.	Влад.	Крест.	Губерніи.	Влад.	Крест.
Тамбовская	30,9	2,1	Уфимская	34,4	19,0
Казанская	15,1	2,9	Тульская	19,9	12,9
Воронежская	6,4	1,0	Вятская	19,3	13,2
Самарская	21,0	5,6	Рязанская	15,2	10,4
Симбирская	14,8	5,8	Харьковская	20,3	15,0
Пензенская	13,5	5,9			
Саратовская	21,6	10,9	въ среднемъ	20,0	9,3
Курская	27,6	15,5	отношеніе	215 : 100	

крестьянъ, не удобряющихъ даже своихъ полей навозомъ и пр. и пр. [1]). Въ той или другой комбинаціи трепались всѣ эти частности, а общая картина въ большинствѣ случаевъ ускользала изъ виду [2]). А между тѣмъ вопросъ все болѣе обострялся и настоятельно нуждался въ разрѣшеніи. Пора уже было перестать валить все на отсталость крестьянскаго хозяйства, на инертность населенія и т. п.; надо было вникнуть въ суть дѣла и разобраться въ совокупности условій, поддерживающихъ крестьянское хозяйство на уровнѣ, несоотвѣтствующемъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись къ крестьянству новымъ укладомъ жизни. Требованія эти сильно росли, росли несравненно быстрѣе, чѣмъ средства для удовлетворенія ихъ. И вотъ, послѣ многолѣтняго затяжного кризиса приходилось констатировать, что крестьянская масса живетъ на границѣ голода и что это именно обстоятельство и вызываетъ „недороды", повторяющіеся изъ году въ годъ на крестьянскихъ земляхъ, „недороды" съ ихъ разрушительными для всего народнаго организма послѣдствіями и въ особенности для крестьянина, такъ какъ „бюджетъ нашего крестьянина настолько низокъ, что... малѣйшая брешь, произведенная въ этомъ бюджетѣ неурожаемъ, ...неизбѣжно

[1]) См. „Труды вольно-экономическаго общества", 1892 г., № 1, стр. 45—103.

[2]) Чтобы имѣть понятіе о распространенныхъ въ то время въ широкихъ кругахъ взглядахъ, можно указать, напр., на работу А. С. Ермолова „Неурожаи и народное бѣдствіе". Причину „бѣдствія авторъ видитъ, конечно, въ засушливомъ климатѣ и т. п., затѣмъ виновата, по его мнѣнію также и косность населенія, низкій уровень техники крестьянскаго хозяйства, передѣлы, семейные раздѣлы, наконецъ, пожары и пьянство. Для предотвращенія на будущее время подобныхъ явленій имъ предлагались, между прочимъ, переселенія и разселенія, образованіе крестьянами хуторскихъ хозяйствъ, усиленіе власти земскихъ начальниковъ и т. п. каша. Земскія собранія, на обсужденіе которыхъ былъ переданъ вопросъ о „нуждахъ сельскаго хозяйства" (1894 г.), взглянули въ общемъ не съ такой казенной точки зрѣнія на дѣло и отмѣтили нѣкоторые существенные факторы крестьянскаго обнищанія (напр., финансовую систему), но и они вращались лишь въ сферѣ частностей и не охватывали вопроса въ его цѣломъ.

вызываетъ сначала недоѣданіе, а затѣмъ и настоящій голодъ со всѣми его ужасами" [1]).

Брешь, произведенная въ бюджетѣ рядового крестьянина неурожаемъ 1891 г., была, какъ мы видѣли, очень велика. Во многихъ мѣстахъ урожаи на надѣльныхъ земляхъ были ниже средняго на 60—70%. Вполнѣ естественно, что такой годъ сильно подорвалъ крестьянское хозяйство. „Можетъ пройти не менѣе четверти столѣтія,—писалъ тогда г. Красноперовъ,—прежде чѣмъ населеніе оправится отъ такого экономическаго потрясенія" [2]).

Однако, оправиться ему не пришлось, такъ какъ продолжали дѣйствовать все тѣ же причины, которыя и вызвали неурожай 1891 г. такъ же, какъ и предшествовавшіе. Незыблемымъ оставался весь полукрѣпостническій укладъ жизни,—попрежнему выколачивались подати съ обнищавшихъ, пользующихся продовольственными пайками крестьянъ [3]), и выколачивались такъ, что это выколачиваніе по своимъ послѣдствіямъ можетъ быть приравнено къ той же засухѣ и другимъ вещественнымъ невзгодамъ [4]); такъ же, какъ и прежде, усиленно выколачивались гроши изъ народнаго кармана во славу гг. промышленниковъ. Отъ страны брали все, но взамѣнъ ничего положительнаго не давали ей. Все рѣзче и рѣзче, такимъ образомъ, обострялся конфликтъ между запросами страны, ея потребностью въ развитіи производительныхъ силъ и тѣми формами, въ которыя усиленно втискивалась „пореформенная" Россія. Въ этомъ смыслѣ неурожаи, особенно участившіеся съ 90-хъ гг., являются мѣриломъ того, насколько крѣпостническій укладъ политической надстройки перестапъ соотвѣтствовать нуждамъ страны.

Неурожай 1891 г. сильно подорвалъ устойчивость крестьянскаго хозяйства, обезсилилъ его еще больше и открылъ путь для разрушительнаго дѣйствія „засухъ", „заморозковъ" и т. п. невзгодъ [5]). Колебанія урожаевъ

---

[1]) Н. Е. Кулябко-Корецкій. „Къ исторіи продов. дѣла въ Россіи". „Труды в.-эк. общества", 1897 г., V, стр. 91.

[2]) „Юридическій Вѣстникъ", 1892 г., стр. 465.

[3]) См., напр., А. С. Ермоловъ. „Неурожаи и народное бѣдствіе", стр. 167.

[4]) Статья Н. В. Верещагина въ „Трудахъ вольн.-эк. общества" за 1891 г., № 5, стр. 184.

[5]) „Если,—писалъ М. А. Энгельгардтъ,—непріятныя метеорологическія условія все чаще и чаще начинаютъ обижать наше земледѣліе, если опустошительная дѣятельность паразитовъ усиливается до того, что грозитъ гибелью цѣлымъ культурамъ, то значитъ хозяйство ухудшается" („Письмо о земледѣліи", стр. 20). „Благодаря низкой производительности земли у насъ колебанія урожаевъ,—говоритъ г. Лохтинъ,—происходятъ на минимальныхъ сборахъ, въ другихъ странахъ—на максимальныхъ, и въ

стали больше, больше сдѣлалась также и разница между крестьянскими и помѣщичьими неурожаями.

Самаго бѣглаго взгляда на происшедшія пертурбаціи въ крестьянскомъ хозяйствѣ (со времени 1861 г.) достаточно, чтобы оцѣнить „неурожаи". Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ показателей крестьянскаго благосостоянія является, какъ извѣстно, степень обезпеченія хозяйства скотомъ. Что же мы имѣемъ въ данномъ случаѣ?

Оказывается, что количество скота у крестьянъ все время сильно и непрерывно сокращалось, и наиболѣе значительнымъ это сокращеніе было послѣ неурожайныхъ годовъ. Въ 1870 г., напр., на каждые 1000 дворовъ приходилось 9,329 головъ скота, а въ 1900 г. уже только 6474. Особенно значительное сокращеніе было: въ Новороссіи, Малороссіи, на юго-востокѣ, юго-западѣ, въ средневемледѣльческой и среднеприволжской полосѣ. По отдѣльнымъ категоріямъ скота сокращеніе представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	На 1000 хозяйствъ.		
	1870 г.	1900 г.	Менѣе на ск. %%
Крупнаго скота вообще .	3.860	3.015	$21,_9$
Рабочихъ людей	1.329	920	$30,_8$
Мелкаго скота	5.469	3.459	$36,_8$

Разсматривая ближе измѣненія въ количествѣ рабочихъ лошадей, мы видимъ, какъ съ теченіемъ времени прогрессировало это пониженіе. Такъ, въ 1870 г. на 1000 дворовъ (въ 50 губерніяхъ Европ. Россіи) приходилось рабочихъ лошадей 1329; въ 1880 г.—1220; въ 1890 г.—1180 и въ 1900 г.—920. Каждый новый неурожай давалъ сильный толчокъ къ сокращенію количества лошадей въ крестьянскомъ хозяйствѣ къ соотвѣтственному росту числа безлошадныхъ дворовъ. Дѣйствительно, по даннымъ военно-конскихъ переписей средній % безлошадныхъ дворовъ составлялъ: въ 1882 г. — $26,_9$%; въ 1888 — 1891 гг. 28% и въ 1893—96 гг.—32%. Какъ видимъ, особенно сильное возрастаніе безлошадныхъ дворовъ приходится на время послѣдняго неурожая 1891 г. Наибольшее возрастаніе безлошадныхъ дворовъ наблюдается за все время въ средне-приволжской и средне-черноземной полосѣ [1]).

Въ какой мѣрѣ означенное явленіе отражается на крестьянскихъ хозяйствахъ различнаго типа, различной зажиточности? Для отвѣта на этотъ вопросъ въ земской статистической литературѣ имѣется немало весьма краснорѣчиваго матеріала. Чтобы не загромождать чрезмѣрно статьи, мы

этомъ вся разница нашихъ неурожаевъ отъ неурожаевъ въ странахъ съ болѣе высокой техникой и культурой хозяйства" (Состояніе сельскаго хозяйства, стр, 172).

[1]) „Матеріалы комиссіи 16 ноября 1901 г.", т. I, стр. 216.

приведемъ лишь немногія, но типичныя данныя, относящіяся къ Херсонской губерніи. Херсонское земство произвело обслѣдованіе вліянія неурожаевъ 1899 — 1900 гг. на благосостояніе населенія, опросивъ свыше 19,000 хозяйствъ или около $5,_5\%$ общаго ихъ числа по губерніи [1]).

Согласно этому изслѣдованію, измѣненіе въ количествѣ рабочаго скота въ 1901 г. уменьшилось по сравненію съ 1900 г. настолько %% и настолько головъ:

	Рабоч. скота.	Кор.	Гулевого скота.	Десят. посѣва.
Въ среднемъ въ 1900 г. . . .	$2,_3$	$1,_1$	$1,_1$	$9,_1$
На 1 хозяйство 1901 г. . . .	$1,_8$	$0,_9$	$0,_8$	$8,_9$
	$17,_5\%$	20%	$20,_8\%$	$1,_3\%$

По отдѣльнымъ категоріямъ хозяйствъ происшедшая перемѣна выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

I—имѣющія до 5 десятинъ:

Число описан. хозяйствъ		6354
Рабочаго скота на 1 хоз. въ 1900		$1,_0$
Уменьшилось въ 1901 г.		$28,_7\%$
Коровъ на 1 хозяина въ 1900 г.		$0,_5$
Уменьшилось въ 1901 г.	на	$27,_3\%$
Гулевого въ 1900 г.		$0,_4$
Уменьшилось въ 1901 г.	на	$20,_7\%$

II—имѣющія 5—15 десятинъ:

Число описан. хозяйствъ		6541
Рабоч. скота на 1 хоз. въ 1900 г.		$2,_6$
Уменьшилось въ 1901 г.	на	$20,_8\%$
Коровъ на 1 хоз. въ 1900 г.		$1,_2$
Уменьшилось въ 1901 г.	на	$22,_4\%$
Гулевого въ 1900 г.		$1,_2$
Уменьшилось въ 1901 г.	на	$29,_7\%$

III—свыше 15 десятинъ:

Число описан. хозяйствъ		2291
Рабочаго скота на 1 хоз. въ 1900 г.		$5,_1$
Уменьшилось въ 1901 г.	на	$14,_6\%$
Коровъ на 1 хоз. въ 1900 г.		$2,_5$

[1]) Число богатыхъ и среднихъ хозяйствъ среди описанныхъ больше средняго по губерніи. Надо замѣтить при этомъ, что 1896 годъ былъ для губерніи неурожайнымъ; 1897 г. — почти среднимъ; 1898 г. — выше средняго; 1899 и 1900 гг. неурожайными.

См. „Опытъ изученія вліянія неурожая на благосостояніе населенія“. Приложеніе къ отчету Херсонской губ. управы о продов. операціяхъ 1900—1901 гг.

Уменьшилось въ 1901 г.	на	17,6%
Гулевого въ 1900 г.		2,4
Уменьшилось въ 1901 г.	на	17,5%

Отсюда ясно, что „чѣмъ богаче хозяйство и чѣмъ больше у него гулевого скота, тѣмъ меньше оно вынуждено уменьшать число рабочаго скота“ и тѣмъ основы его меньше подкашиваются неурожаемъ.

То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ элементахъ крестьянскаго благосостоянія.

Можно было бы привести массу данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько гибельно отражаются неурожаи именно на менѣе зажиточныхъ слояхъ населенія: растутъ недоимки, распродается все, что только можно продать, закладываются надѣльныя земли и т. д. и т. д. Каждый неурожай давалъ сильный толчокъ къ дальнѣйшему разоренію деревни, къ пауперизаціи низовъ и выдѣленію зажиточныхъ кулаковъ, къ росту числа безземельныхъ, распродавшихъ или заложившихъ свои надѣлы болѣе зажиточнымъ односельчанамъ. Весь процессъ этотъ совершался и совершается въ условіяхъ, наименѣе выгодныхъ для пролетаризирующейся части населенія, порождаетъ страшное ростовщичество и кулацкую эксплоатацію массъ. Въ результатѣ—благосостояніе широкихъ слоевъ земледѣльческаго населенія, особенно въ мѣстахъ слабаго развитія побочныхъ промысловъ, быстро понижается и такимъ образомъ подготовляется почва для новыхъ и новыхъ неурожаевъ. Сильнѣе всего страдаютъ, конечно, малоземельные низы населенія, затѣмъ значительно теряютъ также относительно многоземельныя хозяйства, но не обладающія достаточнымъ капиталомъ, и наконецъ, выигрываютъ состоятельные многоземельные верхи [1]).

---

[1]) Для иллюстраціи этого процесса приведемъ такую характерную таблицу. По упоминавшемуся уже нами статистическому обслѣдованію въ Херсонской губерніи, оказывается, что среднее количество наемныхъ рабочихъ на одно крестьянское хозяйство (наиболѣе характерный признакъ зажиточности хозяйства) послѣ неурожайнаго 1900 года измѣнилось такъ:

	У крестьянъ вообще	и богатыхъ.	У нѣмцевъ-колонистовъ
Въ 1900 г. на 1 хоз.	0,04	0,17	0,52
Наемн. рабочихъ + или—въ 1901 г. .	9,8%	8%	+12,5%

„Неурожаи двухъ лѣтъ, — говорится по этому поводу въ докладѣ управы,—не нарушили въ хозяйствахъ нѣмцевъ-колонистовъ общаго нормальнаго теченія. Циклъ работъ у нихъ не сократился, а, напротивъ, явилась потребность въ новыхъ работахъ“. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что хозяйственная устойчивость есть результатъ не одного только богатства, выражающагося размѣромъ запашки (какъ у „богатыхъ“ крестьянъ), а всей совокупности условій, отличающихъ нѣмцевъ-колони-

„Недородъ", вызванный первоначально неблагопріятнымъ стеченіемъ условій погоды, вырастаетъ на этой почвѣ въ голодовку массъ населенія, голодъ порождаетъ новое и новое разореніе низовъ населенія, и подорванное такимъ образомъ хозяйственное благосостояніе по инерціи несетъ въ себѣ залогъ новаго и болѣе крупнаго неурожая. Въ такомъ круговоротѣ вращается, все болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ, колесо экономическаго развитія деревни. Крестьянство, въ массѣ своей, обезсиленно все повышающимися требованіями, которыя предъявляетъ къ нему крѣпостническое государство, налоги непомѣрно и прогрессивно растутъ, капиталъ для крестьянина обходится все дороже и дороже. Стоитъ указать, напр., на то, что за послѣдніе 25 лѣтъ государственный бюджетъ утроился а за послѣднія 10 лѣтъ—удвоился. Особенно значителенъ ростъ государственнаго бюджета былъ въ то именно время, когда деревня усиленно голодала, подвергалась „недородамъ" и т. п. Дѣйствительно, возрастаніе расходнаго (обыкновеннаго) бюджета было въ %% таковымъ:

съ 1974 по 1882 г. онъ увеличился на 32,2%
„ 1883 „ 1891 г. „ „ „ 25,8%
„ 1892 „ 1901 г. „ „ „ 82,8%

Параллельно съ этимъ отъ населенія требовались все большія и большія жертвы для поддержанія паразитическаго существованія „отечественныхъ" промышленниковъ. Огромныя переплаты въ пользу сахарозаводчиковъ, желѣзопромышленниковъ и пр. отвлекали всякую копейку, ускользнувшую отъ бдительнаго фиска, изъ деревни. Росли также мірскіе и земскіе сборы; жизнь становилась дороже по мѣрѣ того, какъ натуральное хозяйство отмирало. Усиленныя денежныя требованія, предъявлявшіяся къ крестьянскому хозяйству, какъ въ видѣ всевозможныхъ налоговъ, такъ и въ видѣ покупки того, что производилось прежде въ собственномъ хозяйствѣ,—не стояли ни въ какомъ соотвѣтствіи съ ростомъ доходнаго бюджета рядового крестьянина. Особенно это слѣдуетъ сказать, какъ мы видѣли, о крестьянствѣ черноземной полосы, почти совсѣмъ лишенномъ

стовъ отъ крестьянъ, хотя бы и богатыхъ (стр. 16—18). Это, а также цѣлый рядъ другихъ изслѣдованій, относящихся къ различнымъ мѣстностямъ и періодамъ, показываетъ, что болѣе зажиточныя крестьянскія хозяйства, а также частновладѣльческія, въ большинствѣ случаевъ увеличиваютъ въ годы послѣ неурожая и число скота, и размѣры запашки. Такъ, напр., голодный 1891 г., заставившій крестьянъ распродать массу лошадей, сразу поднялъ частновладѣльческое коневодство на 6,6% для Саратовской губерніи (Сборникъ Саратовскаго земства, 1893 г., № 12, стр. 311). Какъ отразился вообще голодъ 1891 г. на крестьянскомъ хозяйствѣ, хорошо иллюстрируютъ данныя, приводимыя Н. А. Карышевымъ— „Матеріалы по русскому народному хозяйству", А. И. Скворцовымъ— „Экономическіе этюды" и мн. др.

побочныхъ неземледѣльческихъ заработковъ. Крестьянское хозяйство нечерноземной полосы поставлено въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныя условія: населеніе имѣетъ здѣсь не только большее поле для приложенія своего труда, но и больше средствъ, благодаря стороннимъ заработкамъ, для интенсификаціи своего сельскаго хозяйства. Въ черноземной же полосѣ съ теченіемъ времени обстоятельства складывались все болѣе и болѣе невыгодно: меньшее повышеніе заработной платы [1]); затѣмъ непомѣрное увеличеніе арендныхъ цѣнъ, особенно съ середины 90-хъ годовъ [2]); пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, сказавшееся особенно сильно съ середины 80-хъ гг. и тяжело отразившееся на „житницѣ" Россіи, вывозящей хлѣбъ [3]), и т. д. и т. д.

---

[1]) Не вдаваясь въ подробности, я приведу для иллюстраціи этого слѣдующее характерное сопоставленіе изъ цѣнной работы г. Челинцева „Заработная плата поденщику въ Европейской Россіи" (См. „Саратовская Земская Недѣля", 1903 г., № 4.).

Оказывается, что средняя плата поденщику (на хозяйскихъ харчахъ) измѣнилась за 20 лѣтъ слѣдующимъ образомъ:

Районъ.	1882—1891 гг.	1892—1901 гг.	+ въ %
Черноземный . .	$42_{,1}$ коп.	$43_{,4}$	$3_{,09}$
Нечерноземный .	$42_{,4}$ „	$46_{,7}$	$10_{,14}$
	$42_{,3}$ коп.	$44_{,9}$	$6_{,14}$

Въ цѣломъ рядѣ черноземныхъ губерній (Таврической, Бессарабской, Херсонской, Воронежской, Подольской, Волынской, Самарской и Донской Области) плата понизилась, изъ нечерноземныхъ губерній пониженіе наблюдается лишь въ Псковской губерніи.

[2]) По даннымъ земскихъ статистическихъ обслѣдованій мы имѣемъ въ среднемъ такое соотношеніе между размѣромъ арендной платы и чистой доходностью земли (для конца 90-хъ гг.):

Районы.	Ар. плата въ %% къ доходн.	Районы.	Ар. плата въ %% къ доходн.
Сѣв.-восточный .	$55_{,1}$	Средн.-приволжск.	$108_{,8}$
Восточный	$57_{,6}$	Новороссійскій . .	$128_{,3}$
Средн.-промыш. .	$75_{,8}$	Малороссійскій . .	$121_{,6}$
Сѣверный	$96_{,4}$		
Сред.-землед. . .	$89_{,8}$	Въ средн. по 27 губ.	$81_{,1}$

[3]) Цѣны на главный хлѣбъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ—рожь—измѣнялись съ 1871 по 1900 г. такимъ образомъ (коп. за пудъ):

Районы.	1871—1885 г.	1886—1900 г.
Сѣверный	97	81
Прибалтійскій . .	91	78
Сред.-промыш . .	84	68
Сѣв.-западный. .	84	66
Юго-восточный .	71	61

Мы указали тутъ, что всѣ условія особенно неблагопріятно складывались для крестьянства черноземной полосы Европейской Россіи, но это отнюдь не значитъ, что населеніе и остальныхъ мѣстностей находится въ сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ [1]). Своимъ сравненіемъ мы хотѣли *лишь оттѣнить* роль соціально-экономическихъ факторовъ въ томъ явленіи, которое именуется на казенномъ языкѣ „недородами" и т. п. Несомнѣнно, что и тамъ, и тутъ дѣйствуютъ общія причины, которыя дезорганизуютъ хозяйственную жизнь, однимъ изъ симптомовъ чего являются хроническія голодовки массъ населенія. Все наше изслѣдованіе и преслѣдовало именно эту цѣль: мы стремились показать, въ какой мѣрѣ наши „неурожаи" являются прямымъ порожденіемъ не одного какого-нибудь фактора, сколь бы значителенъ самъ по себѣ онъ ни былъ (напр., ненормальность нашей финансовой системы, или малоземелье, или отсутствіе у крестьянъ капитала для веденія хозяйства и слабое развитіе неземледѣльческихъ промысловъ и т. д.),—а всей совокупности указанныхъ условій:—и политическаго строя, давно переставшаго соотвѣтствовать хозяйственнымъ интересамъ страны, и пережитковъ крѣпостничества въ деревенскомъ укладѣ жизни, и уродливаго хищническаго развитія „отечественной промышленности", и нашей общей хозяйственной (и, конечно, культурной) отсталости, что неминуемо отражается во всемъ экономическомъ строѣ страны. Благодаря совокупному дѣйствію всѣхъ этихъ причинъ, низы крестьянскаго населенія должны считаться съ тѣмъ, что „недороды" все болѣе входятъ въ обиходъ нашей жизни. Всякому теперь ясно, что мы

Районы.	1871—1885 г.	1886—1900 г.
Новороссійскій . .	71	59
Юго-западный . .	67	56
Ср.-приволжскій .	65	57
Ср.-землед.	59	52
Малороссійскій . .	58	52
Сѣв.-восточный .	56	50
Въ средн. по 50 г.	75	63

Колебаніе по годамъ перваго 15-лѣтія выражается въ копейкахъ 61—111, а во второе 45—104.

[1]) Особое „оскудѣніе" черноземной полосы привлекло въ серединѣ 90-хъ гг. вниманіе правительственныхъ сферъ и частныхъ изслѣдователей. Дѣлались попытки признать это „оскудѣніе" лишь привилегіей черноземнаго центра и доказать процвѣтаніе проч. мѣстностей.

Назначенная по этому поводу комиссія 16 ноября 1901 г. выполнила большую работу и въ результатѣ пришла къ такому заключенію, что „не вполнѣ благопріятное положеніе нашего крестьянства" кроется въ „относительномъ малоземельѣ" и что оно присуще не только „центру", но и прочимъ мѣстностямъ Европейской России,—особенно же центру, востоку и части юга (См. матеріалы, вып. III, стр. 279).

не избавимся отъ „недородовъ“, нашихъ русскихъ недородовъ и голодовокъ, до тѣхъ поръ, пока крестьянское хозяйство не перейдетъ на высшую ступень, не станетъ болѣе интенсивнымъ. Точно также и то обстоятельство, что „интенсированіе хозяйства слѣдуетъ за подъемомъ благосостоянія, а не предшествуетъ ему“ [1]), пользуется теперь, кажется, всеобщимъ признаніемъ. Разногласія начинаются лишь съ того момента, когда рѣчь заходитъ о томъ, какимъ именно путемъ можетъ быть осуществленъ этотъ „подъемъ благосостоянія“.

Когда предлагаютъ увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія или облегченіе налоговаго бремени, падающаго на массы, или пониженіе таможенныхъ пошлинъ и т. д. въ качествѣ мѣръ, которыя должны, что называется, поставить крестьянское хозяйство на рельсы и толкнуть его по пути интенсификаціи, въ соотвѣтствіи съ растущими потребностями страны,—то сплошь и рядомъ упускаютъ изъ виду, что въ данномъ случаѣ передъ нами вопросъ не того или другого частичнаго реформаторства,—аграрнаго, финансоваго и т. д.,—а вопросъ перехода *къ новому строю хозяйства*, къ иной стадіи экономическаго развитія, къ новымъ формамъ жизни. Этотъ переходъ находится въ самой тѣсной связи съ перестройкой всего соціально-политическаго уклада страны. Чтобы оживить истощенныя силы земли, чтобы парализовать пагубное вліяніе неблагопріятныхъ метеорологическихъ и т. п. условій, писалъ 15 лѣтъ тому назадъ Г. В. Плехановъ,—„надо поставить русское земледѣліе въ новыя общественныя условія, а это будетъ возможно только тогда, *когда измѣнятся экономическія отношенія Россіи*“ [2]). Само же по себѣ измѣненіе налоговой системы, или дополнительная нарѣзка крестьянамъ земли и т. п. не мѣняетъ еще „экономическихъ отношеній“. Нужно, чтобы и увеличеніе крестьянскаго надѣла, и измѣненіе финансовой системы и пр. совершилось *такимъ* именно образомъ, чтобы эти измѣненія послужили базисомъ для коренного переустройства хозяйства и политическихъ отношеній, давно уже переставшихъ удовлетворять потребностямъ страны. Передъ нами—вопросъ не техническій, а вопросъ экономическій и притомъ *непосредственно* касающійся не только крестьянскаго хозяйства, но и всей соціальной структуры страны, и должны быть приложены всѣ усилія, чтобы сбросить, наконецъ, тяготѣющія надъ ней крѣпостныя путы.

Б. Веселовскій.

---

[1]) М. А. Энгельгардтъ. „Письма о земледѣліи“, стр. 41.

[2]) Г. В. Плехановъ. „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, стр. 19.

Кадеты, буржуазная и соціальная демократія.

По поводу одной моей газетной статьи по вопросу о бюджетной тактикѣ разныхъ партій возгорѣлась полемика, которую, къ сожалѣнію, пришлось оборвать какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она была перенесена на весьма интересную почву: на почву отношеній между кадетами, буржуазной и соціальной демократіей. Эта полемика показала мнѣ, насколько важно сейчасъ фиксировать тѣ новые моменты, которые внесены въ отношенія между различными флангами нашей оппозиціи новымъ „курсомъ" конституціонно-демократической партіи. Это я и хочу попытаться сдѣлать въ предлагаемой замѣткѣ.

Можно сказать, что, начиная съ момента созыва первой Думы вплоть до Гельсингфорскаго съѣзда кадетовъ, у соціалъ-демократовъ (я говорю, конечно, о „меньшевикахъ") было вполнѣ опредѣленное отношеніе къ конституціонно-демократической партіи. Сознавая, что до поры до времени имъ по пути, соціалъ-демократы постоянно поддерживали кадетовъ, хотя порою и рѣзко критиковали ихъ отдѣльные шаги. Гельсингфорскій съѣздъ нѣкоторыхъ изъ насъ заставилъ серьезно призадуматься о томъ, возможно ли будетъ дальше вести ту же политическую линію. И произошло это не потому, что кадеты отказались отъ практическаго проведенія лозунговъ выборгскаго воззванія. Всѣ, серьезно взвѣшивающіе факты окружающей политической жизни, понимающіе, насколько безплодна и вредна политика фразъ и самообольщенія, насколько необходимо приспособленіе политическихъ дѣйствій къ дѣйствительному соотношенію силъ,—словомъ, всѣ стоящіе на почвѣ *реалистической* политики, не могли не отдавать себѣ отчета въ томъ, что выборгское воззваніе было выраженіемъ настроенія политическихъ „верховъ" въ опредѣленный моментъ, настроенія, нашедшаго лишь очень слабый, до ужаса слабый откликъ въ населеніи страны. Поэтому одинъ только отказъ отъ практическаго проведенія лозунговъ выборгскаго воззванія не свидѣтельствовалъ еще о радикальной перемѣнѣ

курса к.-д. партіи. Фактически всѣ партіи и группы, вплоть до наиболѣе склонныхъ тѣшить себя иллюзіями и отвѣчать ничего не говорящими отписками на властныя требованія жизни, вынуждены были занять ту же позицію. Выборгское воззваніе предполагало наличность настроенія, котораго фактически не существовало.

Но Гельсингфорскій съѣздъ, если не своими резолюціями, то рѣчами и настроеніемъ довольно значительной группы вліятельныхъ ораторовъ показалъ, что правый флангъ кадетской партіи поднимаетъ голову, пріобрѣтаетъ вѣсъ, что, быть можетъ, наступаетъ моментъ, когда кадеты, во время первой думской сессіи шедшіе, въ общемъ, въ ногу со всей демократіей, направятся по пути, который ихъ отъ демократіи отдѣлитъ и приведетъ къ союзу съ мирнообновленцами и октябристами.

Но это было только предположеніе. Твердыхъ, опредѣленныхъ данныхъ, на которыхъ можно было бы построить опредѣленные выводы, а, слѣдовательно, опредѣленную тактику по отношенію къ к.-д. партіи, не было.

Дальнѣйшій ходъ событій принесъ новыя, нѣсколько болѣе опредѣленныя данныя. Кадеты заговорили о томъ, что „героическій періодъ"— періодъ первой Думы—прошелъ, что нужно отказаться отъ политики „штурма" и перейти къ политикѣ „правильной осады". Эта „осада" должна была выражаться въ томъ, что Дума, какъ учрежденіе законодательное, должна, избѣгая конфликтовъ во что бы то ни стало, заниматься исключительно лишь законодательной работой. Такая позиція, сама по себѣ, какъ бы ложна она ни была по существу, еще тоже не могла служить опредѣленнымъ даннымъ для сужденія о политикѣ, которую поведетъ к.-д. партія въ Думѣ. Невѣрно было, конечно, утвержденіе, что Дума является уже нормальнымъ законодательнымъ учрежденіемъ—при существованіи основныхъ законовъ, сковывающихъ ее желѣзнымъ кольцомъ предупредительныхъ и исправительныхъ ограниченій, при той „конституціонной" практикѣ, которая установилась въ періодъ междудумья. Легкомысленно и ошибочно было увѣрять въ этомъ населеніе, ибо такимъ образомъ рисковали дискредитировать въ его глазахъ не только Думу, но даже и самую идею народнаго представительства.

Но—повторяю—это еще тоже не могло служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы соціалъ-демократія радикально измѣнила свое отношеніе къ к.-д. партіи. Прежде всего, всѣ помнятъ, что и передъ открытіемъ первой думской сессіи кадетскій съѣздъ принялъ, по предложенію г. Милюкова, очень умѣренную тактическую „платформу", въ основу которой легло то же стремленіе всѣми силами избѣгать конфликтовъ, что не помѣшало тому, что всѣ семьдесятъ два дня первой думской сессіи были сплошнымъ конфликтомъ съ правительствомъ. А затѣмъ—въ излишне крикливомъ возвѣщеніи новаго „курса" можно было видѣть черезчуръ сильное подчеркиванье самой необходимости измѣнить тактику въ виду

новаго, несомнѣнно гораздо болѣе неблагопріятнаго для народнаго представительства, положенія.

А что тактика первой Думы не годится для второй, что ее нужно сильно „смягчить“ и приспособить къ новой политической конъюнктурѣ, что сейчасъ не приходится разсчитывать на активное вмѣшательство народа и на то, что онъ своимъ активнымъ вмѣшательствомъ разрѣшитъ конфликтъ между народнымъ представительствомъ и самодержавной бюрократіей, если бы такой конфликтъ возникъ,—что небходимо, словомъ употребляя кадетскій терминъ, замѣнить „штурмъ“ „правильной осадой“ это одинаково признавалось всѣми флангами крайней лѣвой оппозиціи. Одни изъ нихъ открыто и недвусмысленно признавали эту необходимость. другіе окутывали свое признаніе въ болѣе или менѣе „революціонныя“ фразы, но ихъ готовность приспособляться къ новой политической конъюнктурѣ стояла внѣ сомнѣнія. Только слѣпой или нарочно представляющійся слѣпымъ могъ этого не видѣть.

Тѣмъ болѣе обращало на себя вниманіе то обстоятельство, что какъ разъ въ это время кадеты, по крайней мѣрѣ въ лицѣ ихъ оффиціоза, усиленно нападали на крайнихъ лѣвыхъ, главнымъ образомъ—соціалъ-демократовъ. Они не только взваливали на нихъ вину въ разгонѣ первой Думы, но приписывали имъ намѣреніе идти во вторую Думу съ одной лишь цѣлью—„взорвать ее извнутри“. Свой лозунгъ—заниматься въ Думѣ исключительно законодательной работой—они толковали такъ широко, что малѣйшій намекъ на то, что Дума должна видѣть свою главную опору во все болѣе и болѣе сознательной поддержкѣ населенія, что, поэтому, и черезъ представленныя въ ней партіи, и какъ учрежденіе въ цѣломъ, она должна связывать себя съ населеніемъ—кадеты объявляли преступленіемъ, актомъ, въ корнѣ противорѣчащимъ самымъ основамъ парламентаризма. Преувеличенныя нападки на лѣвыхъ, излишнее, совершенно несоотвѣтствующее дѣйствительному характеру Думы и, казалось даже, дѣйствительно намѣчаемой кадетами новой тактикѣ, подчеркиванье законодательнаго характера учрежденія, которое фактически законодательными правами еще не пользовалось, свидѣтельствовали только объ одномъ, а именно, что кадетамъ нужно, въ цѣляхъ укрѣпленія своей новой позиціи, возможно рѣзче отмежеваться отъ крайней лѣвой.

Не менѣе ярко свидѣтельствовала о томъ же и позиція, занятая кадетами по вопросу объ избирательныхъ соглашеніяхъ. Несмотря на все свое отрицательное отношеніе къ проявленіямъ новаго „курса“ кадетовъ, соціалъ-демократы - меньшевики высказались за необходимость избирательныхъ соглашеній съ кадетами на мѣстахъ—повсюду, гдѣ предполагалась наличность „черносотенной опасности“, т. е. въ огромномъ большинствѣ избирательныхъ округовъ. Извѣстно, что постепенно меньшевикамъ удалось склонить къ такому же рѣшенію и всѣ фракціи крайней лѣвой, за

исключеніемъ лишь „большевиковъ“, которые, впрочемъ, въ провинціи во многихъ мѣстахъ слѣдовали той же дерективѣ, принятой общерусской конференціей соціалъ-демократической партіи. Какое же положеніе заняли въ этомъ вопросѣ кадеты? Они шли на соглашенія лишь въ крайнихъ случаяхъ, à contre coeur, и, въ общемъ, вели свою избирательную кампанію въ такомъ агрессивномъ тонѣ, что, казалось порою, главнѣйшею ихъ цѣлью является возможно больше дискредитировать крайнихъ лѣвыхъ, даже съ рискомъ лишить себя и лишить будущую Думу всякой моральной связи съ массами населенія. Бросалось въ глаза, что если бы мирнообновленцы оказались нѣсколько сильнѣе, или если бы у октябристовъ хватило политическаго такта не дискредитировать себя союзомъ съ правыми и сдѣлать попытку хотя бы нѣсколько вернуться къ манифесту 17-го октября, то кадеты охотно вступили бы съ ними въ союзъ противъ крайней лѣвой и на борьбѣ съ послѣднею сосредоточили бы всѣ усилія, не считаясь съ правыми, которые тогда представляли бы собою въ полномъ смыслѣ слова quantité négligeable.

Кульминаціоннымъ пунктомъ въ этомъ стремленіи рѣзко, демонстративно отдѣлить себя отъ крайнихъ лѣвыхъ былъ умышленный, обдуманно-разсчитанный вызовъ, брошенный г. Милюковымъ, когда онъ въ надѣлавшемъ шума письмѣ, обращенномъ къ московскимъ избирателямъ, сталъ издѣваться надъ „красной тряпкой“.

Кадетскіе лидеры—люди осторожные и разсчетливые. И ихъ систематическое стремленіе показать, кому слѣдуетъ, что они ничего общаго не имѣютъ съ этими „революціонерами“ изъ крайней лѣвой, показывало, что они подготовляютъ рѣзкую перемѣну фронта. И это предположеніе становилось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, какъ выясняли заканчивавшіеся выборы, кадеты лишились своего большинства первой Думы и должны были себѣ искать поддержки—направо или налѣво.

Предъ лицомъ выясняющагося, такимъ образомъ, новаго „курса“ кадетовъ—какую позицію должны были занять по отношенію къ нимъ соціалъ-демократы и внѣ Думы, и въ самой Думѣ?

Политическое положеніе было чрезвычайно сложно, неизмѣримо сложнѣе, чѣмъ оно было передъ открытіемъ первой думской сессіи. Мы теперь уже не переоцѣнивали своихъ силъ и не недооцѣнивали силы правительства. Активное вмѣшательство народныхъ массъ уже не учитывалось нами, какъ факторъ, могущій въ каждый данный моментъ измѣнить соотношеніе силъ борющихся сторонъ. Наоборотъ, наша дѣятельность и внѣ Думы, и, главнымъ образомъ, въ Думѣ должна была имѣть своей главной цѣлью содѣйствовать пробужденію массъ, вызывать въ нихъ интересъ къ политической жизни страны, будить въ нихъ активность. Съ этой точки зрѣнія, лозунгъ *беречь Думу* былъ и нашимъ лозунгомъ. Самый фактъ существованія народнаго представительства послѣ семимѣсяч-

ной безграничной диктатуры и безмѣрнаго произвола былъ огромной важности явленіемъ, которое необходимо было использовать въ полномъ объемѣ,—но использовать для укрѣпленія въ народныхъ массахъ идеи народнаго представительства. Ни въ какомъ случаѣ формулу „беречь Думу" нельзя было развертывать въ формулу „беречь Думу для Думы". Чѣмъ меньше Дума была дѣйствительнымъ, нормальнымъ законодательнымъ учрежденіемъ, чѣмъ больше мы должны были дорожить ею, какъ орудіемъ для завоеванія властнаго народнаго представительства, тѣмъ больше мы должны были настаивать, чтобы Дума сочетала въ своей дѣятельности осторожность съ твердостью, чтобы она, „не зарываясь", не устраивая ненужныхъ демонстрацій, использовала во всемъ объемѣ всѣ принадлежащія ей права. Мы не должны были пренебрегать ни одной изъ сторонъ дѣятельности Думы—ни въ области „законодательной" работы, ни въ области контроля надъ „закономѣрностью" дѣйствій администраціи, ни въ области бюджетныхъ „правъ" Думы. Больше всего мы должны были бояться довести Думу до такого состоянія, при которомъ самодержавная бюрократія могла бы или совсѣмъ поработить ее, превративъ ее въ совѣщательный департаментъ при чиновничьемъ министерствѣ, или разогнать ее, когда для населенія обнаружится ея полная безполезность, когда она лишится, слѣдовательно, всякаго довѣрія со стороны народныхъ массъ.

Очевидно, что наши отношенія къ разнымъ партіямъ и теченіямъ оппозиціи должны были, прежде всего, опредѣляться позиціею, которую каждая изъ этихъ партій займетъ въ этомъ основномъ для даннаго момента вопросѣ.

Что представляли собою эти разныя партіи и группы оппозиціи?

Прежде всего нужно замѣтить, что всѣ онѣ далеко еще не опредѣлились окончательно, что онѣ находятся еще въ процессѣ образованія. Вообще говоря, если въ нашемъ „парламентѣ" исключить два крайніе полюса,—крайнюю правую, представляющую воинствующихъ аграріевъ, и крайнюю соціалъ-демократическую лѣвую, представительницу пролетаріата (впрочемъ, и относительно избирателей этихъ крайнихъ фланговъ намъ придется ниже сдѣлать нѣкоторыя существенныя оговорки),—то остальныя группы и по составу своихъ избирателей, и по своимъ программамъ указываютъ лишь тенденцію, по которой идетъ у насъ распредѣленіе общественно-политическихъ силъ, вырисовываютъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ тотъ путь, по которому направляются у насъ различные слои населенія. Даже и въ странахъ съ долгимъ политическимъ опытомъ, гдѣ политическія партіи опредѣлились довольно отчетливо и точно, гдѣ можно ясно опредѣлить, интересы какихъ соціальныхъ слоевъ каждая изъ нихъ отстаиваетъ, это можно дѣлать не столько на основаніи анализа состава избирателей каждой партіи, сколько на основаніи ея программы и реальныхъ проявленій ея дѣятельности, по тому мѣсту, которое она занимаетъ

на аренѣ соціально-политической борьбы. Да это и понятно. Если бы классовое самосознаніе и политическое воспитаніе зашли уже такъ далеко, что каждый общественный классъ группировался бы вокругъ своей партіи, то были бы уничтожены уже самыя основы классоваго дѣленія общества.

Но если это вѣрно даже по отношенію къ странамъ, гораздо раньше насъ начавшимъ жить болѣе или менѣе сознательной политической жизнью, то тѣмъ болѣе это приходится признать по отношенію къ нашей родинѣ, еще только выходящей изъ состоянія политическаго рабства. Мы живемъ, правда, въ періодъ ломки „стараго порядка", процессъ расчлененія „единой оппозиціи" идетъ у насъ поразительно быстро, въ исторіи трудно указать примѣръ такого быстраго политическаго самоопредѣленія разныхъ группъ населенія. Но не забудемъ, что съ октябрьскихъ дней, когда мы стали дѣлать первые шаги по пути національной политической жизни, прошло всего полтора года, что это слишкомъ малый срокъ для того, чтобы наши политическія партіи вполнѣ опредѣлились, тѣмъ болѣе, что политическія партіи, вообще говоря, опредѣляются, главнымъ образомъ, въ процессѣ приспособленія ихъ стремленій къ условіямъ ихъ осуществимости въ данный періодъ.

Но, при всемъ томъ, нужно признать, что общая тенденція распредѣленія политическихъ силъ вырисовывается у насъ довольно опредѣленно— и только объ этой тенденціи мы сейчасъ будемъ говорить.

Если съ этой точки зрѣнія прослѣдить эволюцію конституціонно-демократической партіи, напр., съ момента передъ открытіемъ первой думской сессіи до настоящаго времени, то можно замѣтить очень любопытную картину. Благодаря разнымъ причинамъ (охотно признаемъ, что среди нихъ были и причины временнаго, преходящаго характера), передъ открытіемъ первой думской сессіи кадеты представляли почти все, что было дѣйствительно оппозиціоннаго въ странѣ,—за исключеніемъ развѣ пролетаріата, который они дѣлали тщетныя попытки, если не привлечь на свою сторону, то, по крайней мѣрѣ, примирить съ собою. Съ тѣхъ поръ они почти потеряли крестьянство, которое имъ удается иногда улавливать только въ свои парламентскія сѣти, какъ это, повидимому, случилось передъ самымъ разгономъ первой Думы, когда, по увѣренію г. Петрункевича, нѣсколько десятковъ крестьянъ рѣшили перейти отъ трудовой группы къ кадетамъ, какъ это можетъ случиться и во второй Думѣ. Они потеряли весь такъ назыв. „третій элементъ" и, вообще, болѣе или менѣе опредѣленно - демократическую интеллигенцію, т. е. какъ разъ тотъ классъ населенія, который могъ бы ихъ связывать съ народными массами. Они лишились поддержки значительной доли мелкой и даже средней буржуазіи.

Г-нъ М., полемизируя съ пишущимъ эти строки въ „Рѣчи" (№ 76) и доказывая, что кадеты и представляютъ собою „буржуазную демократію", указывалъ, между прочимъ, съ торжествомъ на то, что въ Думѣ засѣ-

даетъ 112 соціалистовъ (64 с.-д., 34 с.-р. и 14 н.-с.). Допустимъ на минуту, что все это, дѣйствительно, „соціалисты". Но неужели, г. М. не понимаетъ, какой злой насмѣшкой надъ самимъ собою звучитъ въ его устахъ это „торжествующее" указаніе? Кто голосовалъ за всѣхъ этихъ соціалистовъ? Пролетаріатъ? Но г. М. прекрасно знаетъ, что едва пятая часть изъ нихъ избрана пролетаріатомъ. Остальные посланы въ Думу крестьянами, интеллигенціей, мелкой и средней буржуазіей. Но почему же всѣ эти избиратели голосовали не за буржуазно-демократическую" партію—кадетовъ, которые, казалось бы, болѣе призваны при настоящихъ условіяхъ выступать защитниками ихъ интересовъ, а за „соціалистовъ"? Да потому, что они потеряли вѣру въ „конституціонность" и „демократичность" нашей конституціонно-демократической партіи, потому что кадетскіе кандидаты во многихъ мѣстахъ мало, чѣмъ отличались отъ мирнообновленцевъ и болѣе или менѣе порядочныхъ октябристовъ.

Ну, а, помимо соціалистовъ, что представляютъ собою крестьянскій союзъ, часть трудовиковъ, часть „безпартійныхъ лѣвыхъ", что представляетъ собою часть лѣвыхъ кадетовъ, частенько голосующихъ съ крайней лѣвой противъ к.-д.?

Г-нъ Милюковъ говорилъ въ Калашниковской биржѣ, объясняя успѣхъ на выборахъ элементовъ, стоящихъ влѣво отъ кадетовъ, что избиратели были обмануты крайними лѣвыми, ихъ лживыми обѣщаніями и пр. Но вѣдь это объясненіе имѣетъ такую же силу, когда г. Милюковъ выставляетъ его противъ крайнихъ лѣвыхъ, какъ когда „Новое Время", „Московскія Вѣдомости" или „Русское Знамя" выдвигаютъ его противъ собственной партіи г. Милюкова.

Фактъ тотъ, что по мѣрѣ того, какъ одинъ слой буржуазной демократіи за другимъ начинаютъ политически самоопредѣляться, они складываются въ самостоятельныя группировки или пристаютъ къ уже существующимъ партіямъ и группамъ, но не только не остаются у кадетовъ или не только не присоединяются къ нимъ, но становятся по отношенію къ нимъ въ болѣе или менѣе антагонистическія отношенія. Но чѣмъ же объясняется этотъ фактъ? Долженъ же онъ имѣть свои причины?

Кадеты охотно утверждали,—да и теперь продолжаютъ это дѣлать, хотя и рѣже,—что они партія надклассовая, что имъ одинаково дороги интересы всѣхъ классовъ, что они ихъ съ одинаковымъ рвеніемъ и усердіемъ защищаютъ. Но вѣдь мы знаемъ, что даже при самомъ искреннемъ желаніи,—допустимъ, что у кадетовъ такое желаніе было и есть,—удержаться на такой позиціи невозможно. Ибо—говоря словами Каутскаго—„понятіе класса необходимо включаетъ въ себѣ понятіе классовой противоположности. Но если это такъ, то утвержденіе партіи, что она блюдетъ интересы всѣхъ классовъ, является пустой фразой, хуже того—демагогическимъ обманомъ. Оно равносильно утвержденію, что эта партія

одновременно охраняетъ интересы жильцовъ, стараясь понизить квартирную плату, и интересы домохозяевъ, стараясь поднять квартирную плату; что она желаетъ для рабочихъ добиться высокой заработной платы, для капиталистовъ—дешевыхъ рабочихъ рукъ; что она для потребителей стремится къ низкимъ цѣнамъ на жизненные припасы, для производителей—къ высокимъ и т. д. [1]).

Извѣстно, что именно это желаніе объять необъятное, собрать подъ своей сѣнью всѣ классы и группы населенія и привело кадетовъ къ тому, что ихъ стали покидать, одинъ за другимъ, тѣ классы, интересы которыхъ сильнѣе всего страдали отъ этого стремленія примирить непримиримое. Компромиссъ долженъ являться результатомъ борьбы разныхъ партій. Но партія, желающая олицетворять компромиссъ, устраняя борьбу партій, политически невозможна. Она заранѣе осуждена на то, чтобы потерпѣть крахъ. Она или совсѣмъ исчезнетъ, или станетъ партіей какого-нибудь опредѣленнаго класса.

Политическое положеніе имѣетъ свою логику. Когда кадетскую партію, одинъ за другимъ, покидаютъ разные слои буржуазной демократіи и становятся къ ней въ болѣе или менѣе антагонистическія отношенія, то ее лишь по недоразумѣнію можно называть еще буржуазно-демократической партіей: она или уже перестала ею быть, или очень близка къ тому, чтобы перестать ею быть.

Но кого же представляютъ кадеты? Кто за ними идетъ, кто ихъ выбираетъ? Я отвѣчу на этотъ вопросъ тѣмъ, на что уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ: такой же вопросъ можно поставить и по отношенію къ либерально-буржуазнымъ партіямъ любой другой страны, гдѣ соціально-политическая дифференціація гораздо глубже и рѣзче, чѣмъ у насъ. Развѣ о германской національно-либеральной партіи, этой типичнѣйшей партіи крупнаго промышленнаго капитала, можно сказать, что за нею идутъ только крупные промышленные капиталисты? Развѣ могла бы существовать и пользоваться хоть какимъ-нибудь вліяніемъ въ странѣ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ партія, за которую голосовала бы ничтожная, по сравненію съ общимъ числомъ избирателей, кучка крупныхъ капиталистовъ? Развѣ мы не знаемъ, что за націоналъ-либераловъ голосуютъ и крупная, и средняя, и мелкая буржуазія, и даже часть пролетаріата,—вѣдь насчитываютъ же они въ своихъ рабочихъ профессіональныхъ союзахъ свыше ста тысячъ пролетаріевъ? Развѣ могла бы существовать во Франціи и даже править страной (избранная на то всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ) въ теченіе ряда лѣтъ аграрно-крупно-капиталистическая мелинистская партія, если бы за нее голосовали только аграріи и крупные промышленные капиталисты?

---

[1]) К. Каутскій. „Классовые интересы", стр. 6.

Нѣтъ, и за нее голосовали крупная, средняя и мелкая буржуазія и пролетаріатъ. И, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что германскіе націоналъ-либералы являются партіей крупнаго капитала, а мелинисты—партіею объединившихся на почвѣ защиты общихъ интересовъ аграріевъ и крупныхъ капиталистовъ.

Гдѣ же „буржуазная демократія“, если это не мы? — восклицаетъ г. М. Буржуазно-демократическіе слои населенія представляютъ собою наиболѣе туго поддающіеся опредѣленной политической группировкѣ элементы даже въ странахъ съ гораздо болѣе обширнымъ политическимъ опытомъ, политическимъ воспитаніемъ и традиціями, чѣмъ у насъ. Всѣмъ извѣстно, какую жалкую политическую роль играютъ они въ Германіи; извѣстно также, что даже въ демократическо-республиканской Франціи, захваченной въ свои руки представителями аграрно-капиталистической коалиціи, нагло цинично подавлявшей интересы наиболѣе многочисленнаго во Франціи мелкобуржуазнаго класса, понадобились десятки лѣтъ, чтобы появилась, наконецъ, огранизованная буржуазно-демократическая партія; въ Италіи можно и теперь наблюдать мучительный процессъ зарожденія и первоначальной организаціи такой партіи; въ Англіи буржуазная демократія почти даже не пытается освободиться отъ политической гегемоніи либеральной буржуазіи. А вы хотите, чтобы у насъ, только вчера начавшихъ жить политической жизнью—да еще при какихъ условіяхъ!—уже была обособленная, вполнѣ организованная буржуазно-демократическая партія?

Нѣтъ, у насъ ея еще нѣтъ. Но элементы ея, и притомъ находящіеся внѣ рядовъ конституціонно-демократической партіи, на лицо. Прежде всего, что представляетъ собою часть безпартійныхъ лѣвыхъ, что представляютъ собою трудовики? Я хорошо знаю, что трудовики второй Думы сильно отличаются отъ трудовиковъ первой Думы. Ослабленіе вѣры въ близкое, революціонное или мирное, общегосударственное разрѣшеніе аграрнаго вопроса, очевидность затяжного характера нашего политическаго кризиса не остаются безъ вліянія на настроеніи крестьянства. Вслѣдъ за городской оппозиціей дифференцируется и деревенская. Но даже если часть трудовиковъ, по настроенію своему, примыкаетъ, повидимому, къ кадетамъ,—иные говорятъ, что она стоитъ даже правѣе кадетовъ,—то все же значительная часть ихъ стоитъ, несомнѣнно, лѣвѣе кадетовъ и въ важныхъ случаяхъ, рѣзко отмѣчающихъ новую тактику к.-д. партіи, голосуетъ противъ нея. Но вѣдь это не соціальная демократія, надѣюсь, а буржуазная, руководимая буржуазно-демократической интеллигенціей. И при этомъ чрезвычайно характерно, что и всѣ видные вожаки трудовиковъ, и рядъ другихъ членовъ этой группы посланы въ Думу городскими буржуазно-демократическими элементами.

Перейдемъ къ „соціалистамъ“. Я уже указалъ выше, что едва пятая

часть изъ нихъ избрана пролетаріатомъ,—остальные получили свои полномочія отъ буржуазно-демократическихъ слоевъ населенія. Что касается народныхъ соціалистовъ, то это утвержденіе не подлежитъ даже оспариванію. Несмотря на ихъ симпатіи къ соціализму, народные соціалисты, меньше всѣхъ другихъ народниковъ, кажется, повинные въ приверженности къ народническимъ утопіямъ, являются объективно теченіемъ чисто буржуазно-демократическимъ; такимъ являются они и по своей программѣ, и по составу своихъ избирателей, и по своей тактикѣ. Если не сейчасъ уже, то черезъ нѣкоторое время наши н.-с ы займутъ въ партійныхъ группировкахъ въ Россіи мѣсто, которое во Франціи занимаютъ такъ назыв. „радикалы-соціалисты". Если они утвердятся въ своихъ реалистическихъ взглядахъ и меньше будутъ вспоминать о своемъ недавнемъ народническомъ прошломъ, они могутъ стать центромъ большой буржуазно-демократической партіи, которой въ Россіи, въ виду выясняющейся эволюціи кадетовъ, принадлежитъ блестящая будущность.

Соціалисты-революціонеры? Но меньше всего, думается мнѣ, сами вожаки этой „партіи" тѣшатъ себя иллюзіями и насчетъ теперешняго положенія, и насчетъ неизбѣжнаго будущаго своей „партіи". Едва родившись на свѣтъ, они выдвинули универсальную программу и еще болѣе универсальную тактику. Не было, кажется, того слоя населенія, за исключеніемъ развѣ аграріевъ и крупныхъ капиталистовъ, представителями интересовъ котораго они не желали бы выступать. Эта „универсальность" не даетъ и не дастъ имъ никогда стать дѣйствительной политической партіею. Не создавая себѣ никакихъ глубокихъ корней ни въ одномъ слоѣ населенія, они въ разное время стремятся присосаться къ движенію различныхъ классовъ, и иногда, пользуясь замѣшательствомъ, временными затрудненіями и внутренними кризисами, они имѣютъ нѣкоторый успѣхъ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, всегда и всюду оставаясь, однако, не больше, какъ пришельцами, отъ которыхъ безслѣдно отдѣлываются при благопріятныхъ условіяхъ.

Къ кому только не присасывались они въ теченіе своего короткаго существованія? Присасывались они и къ освобожденскому либерально-демократическому движенію, какъ только послѣднее стало пользоваться нѣкоторымъ вліяніемъ; извѣстно, какъ скоро и легко отдѣлались здѣсь отъ нихъ, отдѣлались безслѣдно, потому что даже самый типъ наиболѣе антипатичнаго либерала, либерала „эсерствующаго", вызванъ къ жизни не эс-эрами, а старой симпатіей либераловъ къ сильно дѣйствующимъ средствамъ народовольческой тактики. Пробовали наши „универсалисты" примоститься и къ гапоновскому движенію, но ничего, кромѣ „конфуза", изъ этого не вышло.

Пытаются они теперь примоститься и къ пролетарскому движенію, и кое-гдѣ имѣли нѣкоторый успѣхъ. Но что *своего*, кромѣ демагогическихъ

пріемовъ агитаціи, внесли они въ это движеніе? Отмѣчено ли ихъ гастролированіе здѣсь какой-нибудь новой чертой въ движеніи, какимъ-нибудь новымъ типомъ организаціи, какой-нибудь оригинальной идеей? Нѣтъ, и отсюда они исчезнутъ безслѣдно и такъ же уйдутъ, какъ и пришли, оставаясь чужими, поскольку часть составляющихъ ихъ элементовъ не растворится цѣликомъ въ пролетарскомъ движеніи. Былъ, однако, слой населенія, гдѣ они могли, если бы способны были къ органической работѣ, пустить глубокіе корни: мы говоримъ о крестьянствѣ. Но для этого нужно было стать открыто крестьянской партіей, стать на почву реалистической политики, основательно отдѣлаться отъ своихъ утопій и предразсудковъ. На такую упорную органическую работу ихъ не хватило. И вотъ, мы видимъ, что по мѣрѣ того, какъ крестьянство опредѣляется, оно слагается въ особыя отъ эс-эровъ группировки: крестьянскій союзъ, трудовую группу. И не подлежитъ сомнѣнію, что предстоящее разрѣшеніе аграрнаго вопроса, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ пойти по намѣченной эс-эрами линіи, отмѣтитъ собою крахъ этой „партіи", которая разложится на сожительствующіе рядомъ, но нисколько не слившіеся въ органическое цѣлое элементы.

Кто ихъ выбиралъ? Отчасти крестьяне, вѣрящіе въ таинственную незнакомку, называемую „соціализаціею", отчасти „эс-эрствующіе" элементы буржуазной демократіи. Ни одинъ депутатъ этой „соціалистической" партіи не посланъ въ Думу пролетаріатомъ.

Перейдемъ, наконецъ, къ соціалъ-демократіи. Какъ соціалъ-демократъ, я, конечно, горжусь тѣмъ, что моя партія одержала на первыхъ же выборахъ, въ которыхъ она принимала участіе, такую блестящую побѣду. Но я думаю, что ни одинъ серьезный соціалъ-демократъ не тѣшитъ себя на этотъ счетъ иллюзіями. Добрая половина нашихъ депутатскихъ мѣстъ получена нами не потому, что мы соціалъ-демократы, а потому, что мы— послѣдовательные демократы. И если бы у насъ существовала во время выборовъ пользующаяся довѣріемъ населенія буржуазно-демократическая партія, мы бы, навѣрное, не одержали такой побѣды.

Такимъ образомъ, произведенный анализъ приводитъ насъ къ тому выводу, что буржуазно-демократическіе элементы разсѣяны по всѣмъ партіямъ и группамъ крайней оппозиціи. Буржуазная демократія не имѣетъ еще своей партіи. Она во всѣхъ странахъ крайне туго слагается въ *свою* опредѣленную политическую партію. У насъ намѣчается уже центръ, вокругъ котораго она можетъ группироваться. Конституціонно-демократическую партію она постепенно покидаетъ, по мѣрѣ того, какъ различные слои ея начинаютъ политически самоопредѣляться,—и не только покидаетъ, но часто ей себя противопоставляетъ.

Теперь мы можемъ вернуться къ поставленному выше вопросу о томъ, какія отношенія могутъ установиться въ настоящее время между соціальной и буржуазной демократіей и кадетами.

Еще задолго до октябрьскихъ дней соціалъ-демократы-меньшевики заняли въ своемъ органѣ „Искра“ вполнѣ опредѣленную позицію по отношенію къ слагавшейся у насъ либерально-демократической партіи. Исходя изъ того положенія, то у насъ предстоитъ буржуазная революція, они предлагали пролетаріату, сохраняя свою политическую самостоятельность, поддерживать, въ борьбѣ за свободу, оппозиціонное и революціонное движеніе буржуазной демократіи, стараясь использовать каждую побѣду на предстоявшемъ пути, какъ опору для дальнѣйшей борьбы, для привлеченія въ свои ряды все новыхъ и новыхъ элементовъ, для организаціи дѣйствительно пролетарской партіи, которая способна была бы заставлять („толкать“) буржуазную демократію расширять и углублять свою борьбу со старой властью. Предвидѣлось, конечно, что неизбѣжно наступитъ моментъ, когда либерально-демократическая партія остановится, пути разойдутся, но до наступленія этого момента надлежало „врозь идти, но вмѣстѣ бить“.

Съ этой, вполнѣ правильной по существу, позиціи соціалъ-демократы, въ томъ числѣ и меньшевики, сошли въ періодъ, непосредственно послѣдовавшій за октябрьскими днями. Пораженія, понесенныя въ ноябрѣ и декабрѣ, вернули ихъ на прежнюю позицію, правильность которой была блестяще, хотя и слишкомъ дорогой цѣной, подтверждена опытомъ. Для всѣхъ, способныхъ анализировать дѣйствительное положеніе вещей, отдавать себѣ ясный отчетъ въ реальномъ соотношеніи силъ, было очевидно, что отнынѣ, въ теченіе всего періода ломки стараго строя, пролетаріатъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ выставлять такихъ лозунговъ непосредственной борьбы, которые бы его оставляли изолированнымъ, что до тѣхъ поръ, пока существуетъ революціонное и оппозиціонное движеніе другихъ общественныхъ классовъ, онъ долженъ его поддерживать, что только такая тактика можетъ обезпечить ему осуществленіе его демократическихъ требованій.

Съ тѣхъ поръ меньшевики неуклонно проводили эту тактику. Критикуя—иной разъ очень рѣзко—отдѣльные шаги нашей единственной либерально-демократической партіи, они постоянно ее поддерживали и не выставляли такихъ непосредственныхъ лозунговъ, которые прорывали бы пропасть между различными флангами оппозиціоннаго и революціоннаго движенія. Были, конечно, ошибки, но вѣдь ихъ не дѣлаетъ только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Бывали и моменты, когда кадеты своей слишкомъ большой „трезвенностью“, слишкомъ практическимъ оппортюнизмомъ чрезвычайно затрудняли для меньшевиковъ неуклонное проведеніе ихъ тактики. Но послѣ рѣзкихъ нападокъ они все же возвращались на свою твердо

установленную позицію, тѣмъ болѣе, что до поры до времени кадеты, противъ своей воли, вынужденные необходимостью не утерять связи съ широкими слоями демократіи, въ общемъ, вели настолько опредѣленную демократическую политику, что поддерживать ихъ можно и необходимо было.

Такая позиція устанавливалась соціалъ-демократами, конечно, совершенно независимо отъ того, какъ относятся кадеты къ „поддержкѣ“ со стороны соціалъ-демократіи, которая, къ тому же, нисколько не обманывалась насчетъ истинной природы либерально-демократическихъ кадетовъ. Кадеты рѣзко отмежевывали себя отъ соціалъ-демократовъ и принципіально, и тактически,—это было ихъ право, даже ихъ обязанность, какъ опредѣленной политической партіи; они порою очень рѣзко критиковали позиціи соціалъ-демократіи,—и это было въ порядкѣ вещей: обѣ партіи оставались принципіально враждебными другъ другу, и если соціалъ-демократы поддерживали кадетовъ, то только потому, что они считали это выгоднымъ съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата. И они оставались на этой позиціи даже тогда, когда кадетовъ, желавшихъ показать свою лойяльность, свою полную готовность пользоваться исключительно парламентскимъ путемъ, даже въ тѣхъ рамкахъ, которыя отведены россійскому „парламенту“, явно шокировала поддержка такой „революціонной партіи“; они не сходили съ этой позиціи даже и тогда, когда кадеты прямо и открыто отталкивали ихъ поддержку. Ибо цѣною такой „поддержки“ соціалъ-демократія, иногда вмѣстѣ съ другими элементами крайней демократіи, заставляла кадетовъ переходить, даже противъ своей воли, границы того, что они себѣ заранѣе намѣчали.

Бываютъ моменты въ политической жизни, когда поддержка демократовъ со стороны соціалъ-демократіи можетъ, главнымъ образомъ, выражаться въ безпощадной, послѣдовательной критикѣ; бываютъ моменты,— и такой моментъ переживали мы,—когда *одна только* критика, безъ положительной поддержки, можетъ дать результаты, какъ разъ противоположные тѣмъ, которыхъ отъ нея ждутъ.

Соціалъ-демократы поддерживали кадетовъ только потому, что они это считали выгоднымъ для себя. И то же соображеніе разсчета должно было опредѣлить моментъ, когда соціалъ-демократы отъ этой поддержки откажутся. Какъ обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло *въ настоящій моментъ?*

Прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, я считаю нужнымъ выяснить одно недоразумѣніе, вызванное указанною выше моей газетной статьею, совсѣмъ неправильно истолкованною г-номъ М. изъ „Рѣчи“ и не совсѣмъ правильно толкуемой нѣкоторыми другими моими оппонентами. Впрочемъ, быть можетъ, я неудачно выразился.

Рѣчь идетъ объ опредѣленіи роли соціальной и буржуазной демократіи

въ Думѣ, какъ роли „безотвѣтственнаго меньшинства“. Я говорилъ въ этой статьѣ: „Кадеты охотно опредѣляютъ роль соціалъ-демократовъ и даже истинныхъ демократовъ въ Думѣ, какъ роль „безотвѣтственнаго меньшинства“. *Въ извѣстномъ степени* это вѣрно. Ни соціальная, ни болѣе или менѣе послѣдовательная буржуазная демократія не можетъ, не должна брать на себя отвѣтственность за то „положительное государственное строительство“, которое *сейчасъ объективно возможно*. Они обязаны напрягать всѣ свои усилія къ тому, чтобы тѣ компромиссы, которые сейчасъ могутъ быть достигнуты, были наиболѣе выгодны для демократіи; они обязаны использовать въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы за демократическій строй каждый компромиссъ, который, такимъ образомъ, будетъ достигнутъ. Они обязаны, слѣдовательно, принимать самое дѣятельное участіе во всѣхъ стадіяхъ борьбы, форма и содержаніе которой не ими выбираются, а повелительно диктуются имъ исторіей. Но они не могутъ, не должны, отъ имени демократіи, по своей инициативѣ, выставлять тѣ слишкомъ недостаточные, покупаемые слишкомъ дорогою цѣною, ничтожные компромиссы, которые, при данномъ соотношеніи силъ, одни только имѣютъ шансы на практическое осуществленіе“.

Повторяю, охотно готовъ признать, что я, быть можетъ, не совсѣмъ удачно подобралъ пущенный кадетами съ полемическими цѣлями терминъ, но мысль, развитую здѣсь, я отстаиваю цѣликомъ. Не только соціальная, но и послѣдовательная буржуазная демократія *не должна брать на себя иниціативу* тѣхъ компромиссовъ, которые одни, при данномъ соотношеніи силъ, могутъ быть достигнуты. Но значитъ ли это, что я предлагаю демократіи *умыть руки* и „ждать“ болѣе благопріятныхъ условій? Ограничиваю ли я хотя бы въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи всю ту разнообразную плодотворную работу, которую демократія может теперь дѣлать? Нѣтъ, я предлагаю только демократіи помнить, что она находится въ непримиримой оппозиціи къ существующему режиму, что она ни въ какомъ случаѣ не должна вступать съ нимъ въ торгъ, а вести постоянную борьбу, пользуясь каждой побѣдой или полупобѣдой для дальнѣйшей борьбы съ нимъ. Пусть, въ области основныхъ вопросовъ, стоящихъ теперь на очереди, врагъ, отступая, даетъ тѣ или другіе, хотя бы самые недостаточные, ничтожные компромиссы,—берите ихъ и продолжайте борьбу дальше, но не берите вы на себя иниціативу такихъ компромиссовъ. Не учитывайте заранѣе равнодѣйствующую: дайте борьбѣ общественныхъ силъ опредѣлять и прокладывать ее. Ибо иначе вы до крайности ослабляете свою позицію, суживаете свой размахъ, ослабляете и деморализуете свою армію.

Поясню это примѣромъ. По вопросу объ отношеніи къ проекту бюджета были выдвинуты, если оставить частности, три различныя тактики: 1) отказъ отъ голосованія бюджета, съ предварительною всестороннею критикою государственнаго хозяйства и правительственной политики и по-

пыткою внести въ бюджетъ всѣ необходимыя поправки; 2) согласиться на голосованіе бюджета, если отмѣнятъ правила 8-го марта 1906 г., фактически лишающія Думу почти всякихъ бюджетныхъ правъ; 3) заранѣе обязаться голосовать бюджетъ, попытавшись внести въ него нѣкоторыя поправки.

Первая тактика была предложена соціалъ-демократами, къ которымъ присоединились соціалисты-революціонеры. Это есть тактика *борьбы*, разсчитанная на то, что, *быть можетъ*, въ ходѣ борьбы будутъ достигнуты тѣ или другіе компромиссы, которые—это заранѣе извѣстно—будутъ, при данномъ соотношеніи силъ, слишкомъ ничтожны сами по себѣ, и которыми необходимо будетъ воспользоваться, какъ опорными пунктами, для дальнѣйшей борьбы. Это тактика непримиримой съ настоящимъ режимомъ *оппозиціи*, которая заранѣе знаетъ, повторяю, что достижимые въ настоящій моментъ компромиссы ее ни въ какомъ случаѣ удовлетворить не могутъ, которая не можетъ и не желаетъ брать на себя за нихъ *отвѣтственность*. Она, какъ всякая непримиримая съ даннымъ режимомъ оппозиція, *безотвѣтственна за то „положительное государственное строительство“*, которое сейчасъ возможно, не можетъ и не желаетъ быть отвѣтственной. Значитъ ли это, что она „умываетъ руки“, „отходитъ въ сторонку“, „ждетъ“ болѣе благопріятныхъ для себя временъ, отказывается отъ всякаго вліянія на *текущій* моментъ, на *текущую* борьбу? Ни въ какомъ случаѣ. Больше того—совсѣмъ наоборотъ. Давно уже было замѣчено, что самая принципіальная тактика бываетъ обыкновенно и самой практической, самой плодотворной результатами. И это положеніе блестяще оправдалось въ разбираемомъ нами случаѣ. Никто не станетъ отрицать теперь, что принципіально-непримиримая, самостоятельная тактика соціалъ-демократовъ въ бюджетномъ вопросѣ одна лишь вырвала у г. Коковцова, по крайней мѣрѣ, тѣнь объясненія правительственной политики и болѣе ясное признаніе за Думою хотя бы нѣкоторыхъ бюджетныхъ правъ, признаніе, котораго не было въ отвѣтныхъ рѣчахъ министра, когда онъ возражалъ гг. Кутлеру и Струве. Соціалъ-демократы принимаютъ, такимъ образомъ, самое дѣятельное *участіе* въ „государственномъ строительствѣ“, оказываютъ на него самое активное вліяніе, но никогда они, *по своей иниціативѣ*, не могутъ вырабатывать и предлагать демократіи тѣ компромиссы, которыхъ они добиваются въ борьбѣ. Всѣмъ извѣстно,—и это было признано самимъ канцлеромъ,—что все современное германское соціальное законодательство обязано своимъ существованіемъ борьбѣ соціалъ-демократической партіи. Конкретные законодательные акты явились компромиссомъ, достигнутымъ въ процессѣ борьбы, но никогда соціалъ-демократы не выдвинули бы такой тактики, которая, заранѣе учтя достижимый при данныхъ условіяхъ компромиссъ, брала бы на себя иниціативу и отвѣтственность за его предложеніе. Г-нъ М. видитъ теперь,

что меньше всего я предлагалъ соціальной и буржуазной демократіи отойти въ сторону и ждать, меньше всего я предлагалъ имъ отказаться отъ борьбы въ Думѣ и перенести ее всецѣло за предѣлы Думы. Я предостерегалъ ихъ только отъ тактики *соглашеній* со старымъ режимомъ, которая неизбѣжно предполагается объективно возможнымъ, при настоящихъ условіяхъ, „положительнымъ государственнымъ строительствомъ".

Вторая тактика, выдвинутая по бюджетному вопросу и предлагавшая демократіи согласиться на голосованіе бюджета при условіи отмѣны бюджетныхъ правилъ 8-го марта въ той ихъ части, которая не включена въ основные законы, была предложена газетою „Товарищъ". Это, въ лучшемъ случаѣ, тактика фикціи и самообмана („демократія соглашается на голосованіе бюджета, *если* всѣ ея поправки будутъ приняты"), въ худшемъ— тактика торга и соглашеній, тактика, въ сущности, тоже построенная на фикціи, потому что соглашеніе предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, *двѣ* договаривающіяся стороны, между тѣмъ, какъ въ данномъ случаѣ одна сторона „предлагала", а другая и слушать не хотѣла. Лишенная, такимъ образомъ, всякаго реальнаго содержанія, эта тактика никакихъ результатовъ не дала и дать не могла. Это, въ полномъ смыслѣ слова, тактика безсилія. И на такую тактику безсилія демократія осуждена до тѣхъ поръ, пока она захочетъ вести свою политику чисто-кадетскими методами, т. е. пока она будетъ стремиться *сейчасъ же, только* парламентскимъ путемъ разрѣшить стоящіе на очереди политическіе вопросы. Соціальная демократія, думается мнѣ, обязана предостерегать демократію буржуазную отъ такой тактики.

Наконецъ, третья тактика была предложена кадетами. Въ этой тактикѣ, какъ солнце въ каплѣ воды, отразилась вся теперешняя политика кадетовъ. Она состояла въ томъ, чтобы *пока* голосовать бюджетъ на 1907 годъ, оставаясь на почвѣ правилъ 8-го марта и стараясь провести тѣ нѣкоторыя поправки, проведеніе которыхъ этими правилами допускается, одновременно внести законопроектъ объ измѣненіи той части этихъ правилъ, которая не включена въ основные законы, и, если законопроектъ успѣетъ до осенней сессіи Думы пройти черезъ всѣ законодательныя инстанціи и стать закономъ, сосредоточить всю бюджетную борьбу при разсмотрѣніи росписи на 1908 годъ. Эта тактика была тѣмъ болѣе неожиданна со стороны кадетовъ, что и во время избирательной кампаніи, и передъ самымъ открытіемъ думской сессіи они развивали ту мысль, что бюджетъ представляетъ собою главную почву, на которой борьба возможна и необходима.

Тактика эта, какъ и вся, вообще, теперешняя политика кадетовъ, характеризуется одной общей чертой. Заранѣе учтя возможный въ данномъ случаѣ компромиссъ, они выдвигаютъ его, какъ свое рѣшеніе вопроса. Этимъ, правда, устраняется возможность конфликтовъ, но, вмѣстѣ

съ конфликтами, устраняется и всякая борьба народнаго представительства со старой властью [1]). Это тактика партіи, которая во что бы то ни стало стремится къ соглашенію со старой властью, которая непремѣнно желаетъ раздѣлить съ этой властью отвѣтственность за его политику. Стремленію сохранить представительное учрежденіе она подчиняетъ все, рискуя дискредитировать въ глазахъ народныхъ массъ самую идею народнаго представительства.

Такова и, вообще, тактика кадетовъ въ настоящее время. Мы видѣли, какова была ихъ политика по отношенію къ крайнимъ лѣвымъ до открытія думской сессіи. Какъ же они вели себя по отношенію къ нимъ въ самой Думѣ? „Парламентское" положеніе характеризовалось тѣмъ, что изъ господствующаго большинства въ первой Думѣ кадеты превратились въ меньшинство—во второй. Мирнообновленцевъ и октябристовъ было слишкомъ мало, чтобы ихъ поддержка оказалась достаточной, даже при тѣсномъ союзѣ кадетовъ съ національными группами (польскимъ коло и мусульманами). Необходимо было, слѣдовательно, искать поддержки со стороны крайнихъ лѣвыхъ группъ, и это было тѣмъ легче, что, какъ мы уже выше отмѣтили, эти группы сейчасъ тоже отказывались отъ тактики „штурма" и готовы были принять тактику „правильной осады", что онѣ, слѣдовательно, склонны были, сохраняя полную самостоятельность каждой изъ нихъ, поддерживать кадетовъ, пока они будутъ вести дѣйствительно конституціонную и дѣйствительно демократическую политику. Но они, зная это, стремились, однако, прежде всего, возможно болѣе рѣзко отмеже-

---

[1]) Г-нъ М. изъ „Рѣчи" приводитъ еще одинъ „убійственный" аргументъ въ пользу такой тактики. Вслѣдъ за г. Фридманомъ онъ увѣряетъ, что тѣ, кто отказывается отъ голосованія бюджета, молчаливо санкціонируютъ заключеніе „займа въ прошлогодней цифрѣ"—и дѣлаютъ они это „по невѣжеству или непониманію". Mes compliments, г. М., за такой блестящій аргументъ! Я еще понимаю, когда г. Фридманъ, „спеціально занимающійся финансами", заслоняющими передъ нимъ политическую сторону вопроса, приводитъ такіе аргументы, но когда г. М. повторяетъ ихъ вслѣдъ за нимъ, то мнѣ остается только приписать это— онъ мнѣ позволитъ употребить его элегантное выраженіе благовоспитаннаго кадета? — его „непониманію или невѣжеству". Почему онъ остановился на займѣ? Почему онъ не пошелъ дальше и не прибавилъ, что мы санкціонируемъ кредиты на всѣ военно-полицейскія репрессіи, на все, что творитъ существующее правительство на выколачиваемыя изъ народа деньги? Онъ такъ скоро освоился со своей новой „тактикой", что забываетъ такую простую вещь, что народное представительство, лишенное бюджетныхъ правъ, только отказомъ отъ голосованія бюджета и можетъ сложить съ себя всякую отвѣтственность за правительственную политику. А еще такъ недавно онъ, казалось, такъ твердо это зналъ...

ваться отъ крайней лѣвой, демонстративно противопоставляя свою позицію позиціи крайней лѣвой (вспомнимъ дебаты по вопросу о помощи безработнымъ). Зачѣмъ?

Формально они ставили вопросъ такъ: „Мы ведемъ *свою* политику,—присоединяется къ ней, кто хочетъ“. Это знаменитая формула Бисмарка, который „ставилъ свое знамя посреди рейхстага“ и звалъ группироваться вокругъ него, кому это желательно и выгодно. Но если на такой позиціи могъ удерживаться Бисмаркъ, обладавшій „всею полнотою власти“, въ полуабсолютистской Германіи, то партія, еще властью не обладающая, на такой позиціи устоять не можетъ. Политическое положеніе имѣетъ свою логику, и между крайней лѣвой и кадетами постепенно начали устанавливаться враждебныя отношенія.

Въ сущности, кадеты противъ этого ничего не имѣли. У нихъ былъ свой „планъ“. Усиленно нападая на соціальную демократію и стараясь искусственно ее изолировать (полемика по вопросу объ отвѣтѣ на декларацію Столыпина и пр.), они хотѣли постепенно привлечь къ себѣ элементы, стоящіе между ними и соціальной демократіей. Осуществленіе этого „плана“ встрѣчало затрудненія,—крайнія лѣвыя группы не „зарывались“ и на „штурмъ“ не переходили. Но, въ общемъ, надо сказать, что нѣкоторыхъ успѣховъ кадеты достигли. Трудовая группа, насчитывающая около сотни членовъ, представляетъ собою тотъ слишкомъ неопредѣленный, слишкомъ неустойчивый резервъ, изъ котораго кадеты перетягиваютъ къ себѣ новыхъ сторонниковъ.

Для чего имъ нужно было самостоятельное большинство? Если бы они хотѣли вести борьбу, хотя бы самую умѣренную, самую осторожную,—они знали, что въ большинствѣ случаевъ они будутъ поддержаны крайними лѣвыми: не разъ могли они убѣдиться въ этомъ на практикѣ. Но они хотѣли не борьбы, а соглашенія со старой властью. Какъ намъ нужно отнестись къ этому?

Если бы мы могли этому воспрепятствовать, мы обязаны были бы это сдѣлать. Но сейчасъ, при данномъ настроеніи страны, мы этого сдѣлать не можемъ. Мы обязаны считаться съ этимъ, какъ съ объективнымъ даннымъ, и учитывать политику кадетовъ цѣликомъ при выработкѣ нашей тактики, при рѣшеніи вопроса о нашемъ дальнѣйшемъ отношеніи къ кадетамъ.

Даже политику соглашенія кадеты могли бы вести двоякимъ путемъ. Они могли бы, умѣряя свои требованія, но продолжая борьбу и не стремясь сейчасъ же, какою угодно цѣною, стать руководителями судебъ Россіи, выжидать послѣдовательныхъ шаговъ къ себѣ со стороны старой власти. Въ этомъ случаѣ они могли бы, хотя и съ трудомъ, сохранить контактъ, если не съ соціальной, то, по крайней мѣрѣ, съ частью буржуазной демократіи. Но этому пути они, очевидно, предпочитаютъ путь непосред-

ственнаго соглашенія—и возможно скорѣе. При такихъ условіяхъ соціальная демократія, которая должна смотрѣть гораздо дальше и глубже, чѣмъ кадеты, которая знаетъ, что судьбы русской демократіи вовсе не обязательно связаны съ судьбами второй Госуд. Думы, должна напречь всѣ усилія, чтобы не дать кадетамъ увлечь за собою колеблющуюся часть буржуазной демократіи по избранному ими для себя пути.

Значитъ ли это, что мы сами будемъ, такимъ образомъ, толкать кадетовъ въ объятія старой власти? Нѣтъ. Но мы должны имъ сказать: не меньше васъ мы дорожимъ Думою, самимъ фактомъ существованія представительнаго учрежденія. Но Дума есть для насъ только средство. Мы хотимъ избѣгать преждевременныхъ конфликтовъ, которые могли бы дать самодержавной бюрократіи предлогъ разогнать Думу, но Дума есть для насъ, должна быть въ глазахъ народныхъ массъ учрежденіемъ, гдѣ ведется борьба между безправнымъ народомъ и полновластной бюрократіей. Въ тотъ день, когда эта борьба прекратится, Дума потеряетъ всякій интересъ въ глазахъ народа. И тогда будетъ дискредитирована въ его глазахъ самая идея народнаго представительства. И этотъ день будетъ крахомъ демократіи на долгое время. Угодно вамъ пойти по этому пути? Ступайте. Если вы чего-нибудь достигнете, мы используемъ это въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы за демократическій строй. Наша армія останется съ нами.

Но для того, чтобы она осталась съ нами, чтобы демократія не была ослаблена и деморализирована, мы должны, если только выяснится, что кадеты, дѣйствительно, направляются по этому пути, круто порвать съ ними. Пусть идутъ одни. Съ ними, въ странѣ, пойдутъ сознательно только крупная и часть средней буржуазіи. Пусть они открыто станутъ политическими выразителями этихъ общественныхъ слоевъ.

Поскольку это зависитъ отъ насъ, мы должны сдѣлать все, чтобы не дать демократическимъ элементамъ слѣпо плестись за ними. Борьба за демократическій строй будетъ вестись противъ кадетовъ, если они идутъ на соглашеніе *сейчасъ*, при возможныхъ въ настоящій моментъ условіяхъ. Не дадимъ же деморализировать часть той арміи, вмѣстѣ съ которой намъ, по необходимости, придется вести эту борьбу.

Е. Смирновъ.

Купринъ, какъ выразитель эпохи.

(Соч., т. I, II и III [1]).

А. И. Купринъ—самый крупный писатель нашего времени. Онъ является лучшимъ украшеніемъ новой литературы, и она, по справедливости, можетъ имъ гордиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—ея надежда, такъ какъ, несмотря на уже сдѣланный этимъ яркимъ художникомъ значительный вкладъ въ литературу, онъ, несомнѣнно, еще писатель будущаго: талантъ его обѣщаетъ дать гораздо больше, чѣмъ далъ до сихъ поръ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и богатое содержаніе его творчества, и быстрый, могучій, какой-то стихійный ростъ его художественнаго развитія. Въ его сочной и смѣлой, но не всегда одинаково выдержанной и не всегда одинаково сильной, кисти чувствуются здоровье и мощь великана, который еще не вполнѣ выразилъ себя,—можетъ быть, даже не вполнѣ нашелъ себя, хотя и опредѣлился.

О произведеніяхъ Куприна — немногочисленныхъ, собранныхъ въ трехъ небольшихъ томикахъ—уже выросла цѣлая литература; въ ней есть одна своеобразная черта: это—противорѣчивое разнообразіе отзывовъ о Купринѣ, при общемъ признаніи его таланта. Одни, какъ основное свойство, отмѣчаютъ въ немъ „реализмъ“, другіе называютъ его идеалистомъ и романтикомъ, третьи обсуждаютъ вопросъ: бытописатель ли Купринъ, или по призванію чистый лирикъ? Одинъ молодой критикъ недавно назвалъ его „анархистомъ“ и, горячась, доказывалъ, что иначе и быть не могло... Подобная пестрота и разноголосица объясняется основнымъ свойствомъ Куприна—удивительнымъ узорчатымъ разнообразіемъ письма и богатствомъ его тоновъ. Очевидно, каждый черпаетъ изъ его сокровищъ то, что ему наиболѣе сродственно, и по-своему правъ въ его оцѣнкѣ. Все, написанное о Купринѣ, очень субъективно и отличается необычнымъ лиризмомъ. Чувствуется, что каждому, говорящему о немъ, хочется говорить и о себѣ, найти для этого убѣдительныя, вну-

[1]) Томы I и II изданы „Знаніемъ“, а III—книгоизд. „Міръ Бож.“.

тренія слова и вложить въ нихъ *свое,* самое сокровенное и цѣнное. Это лучшая похвала художнику—его чуткости, искренности и силѣ, признаніе за нимъ способности каждаго разбудить и заставить быть самимъ собою...

Когда читаешь Куприна, почти всегда ощущаешь приливъ странной—безотчетной и непонятной жизнерадостности; обыкновенно испытываешь двойной, даже тройной токъ мыслей: читаешь его внимательно и въ то же время незамѣтно мечтаешь о чемъ-то неуловимо-пріятномъ, что трудно даже опредѣлить словами—о яркомъ морѣ, залитомъ солнцемъ, о душистыхъ южныхъ ночахъ, о таинственныхъ звѣздахъ, въ которыхъ свѣтятся загадочные міры... И всѣ эти смутныя грезы постоянно тонутъ въ одномъ всепоглощающемъ чувствѣ: радостной увѣренности въ силѣ, значеніи и красотѣ жизни.

Куприна больше всего цѣнятъ—и въ этомъ сходятся всѣ—за необыкновенную, почти классическую красоту языка и выпуклую яркость описаній и изображеній жизни. Дѣйствительно, онъ большой мастеръ слова, онъ удивительно описываетъ. Но это—совершенно особенныя описанія. Въ нихъ нѣтъ прозаической точности и утомительнаго протоколизма, встрѣчающихся у самыхъ выдающихся изъ старыхъ писателей. Отъ нихъ уже вѣетъ гибкостью, легкой подвижностью и синтетической законченностью модернистскихъ пріемовъ. Авторъ не дѣлаетъ детальныхъ систематическихъ описаній, не анализируетъ вмѣстѣ съ нами явленій (эти процессы совершаются въ немъ внутренно), а даетъ намъ уже готовый синтезъ. Двумя, тремя, иногда даже однимъ штрихомъ, онъ вскрываетъ передъ читателемъ сокровенную сущность вещи, и она становится ему совершенно понятной. Сравненія его мѣтки, образы свѣжи и выразительны. „*Согнутая, узкая, жосткая* спина" землемѣра („Болото") „безъ словъ, но съ *мрачною* выразительностью говорила о *нелѣпо* и *жалко* проволоченной жизни, о нескончаемомъ рядѣ *пошлыхъ* обидъ судьбы, объ *упрямомъ* и озлобленномъ самолюбіи"... Развѣ такой, какъ будто нечаянно - брошенный, штрихъ не болѣе значителенъ, чѣмъ была бы обстоятельная повѣсть о разныхъ лишеніяхъ и щелчкахъ судьбы, выпадающихъ на долю неудачника? А „странная, *скромная, нѣжная* и въ то же время *сладострастная* улыбка" подростка Алички („Рѣка жизни")— не создаетъ развѣ для нея вполнѣ опредѣленную физіономію, говорящую и о средѣ, и о воспитаніи, и о натурѣ? Вотъ такъ же рельефно выступающія фигуры ея братьевъ, *здоровыхъ* мальчугановъ „со щеками, *пестрыми* отъ грязи, отъ лишаевъ, отъ размазанныхъ слезъ и ранняго весенняго загара"... (тамъ же). Или: „вода и небо", похожія на „*игру перламутра,* съ его неуловимыми розовыми и голубыми оттѣнками" („Бѣлыя ночи"); „голубой свѣтъ", который „лился снопами" изъ глазъ молодой дѣвушки („Пустыя дачи") и т. д.

Примѣровъ можно бы привести множество, но и этихъ достаточно, чтобы признать за Купринымъ право на первое мѣсто среди молодыхъ писателей, ищущихъ для литературы новыхъ путей. Всякое исканіе законно, но не всегда плодотворно; и на результатахъ его иногда лежитъ такая рѣзкая печать искусственности, что мы, теоретически примиряясь съ ними, не способны принять ихъ сердцемъ. Таковъ грѣхъ большинства новѣйшихъ писателей. У Куприна, напротивъ, совсѣмъ не чувствуется процесса исканій, но его творчество дѣйствительно проникнуто новою жизнью: она сверкаетъ въ немъ радугой цвѣтовъ, какъ струи фонтана въ солнечный день. Отсюда—свѣжесть, законченность и убѣдительность его образовъ и символовъ. Также выгодно для Куприна сравненіе его языка—красиваго, точнаго и свободнаго, съ тѣмъ вычурнымъ, оригинальничающимъ и какимъ-то худосочнымъ языкомъ, которымъ написано большинство произведеній этой переходной, „ищущей“ литературы.

Говоря о новыхъ пріемахъ Куприна, слѣдуетъ замѣтить, что они у него встрѣчаются не вездѣ, а иногда чередуются со старыми, особенно въ болѣе ранній періодъ творчества. Между ранними и позднѣйшими его произведеніями вообще замѣтна такая громадная разница, какъ будто они написаны двумя разными авторами, что особенно подчеркиваетъ быстроту, съ которой совершается художественное развитіе Куприна. Вѣдь между появленіемъ блѣднаго и растянутаго разсказа „Молохъ“ и такого законченнаго шедевра, какъ „Конокрады“, прошло всего 2—3 года!

Формы творчества стоятъ въ тѣсной связи съ его содержаніемъ, съ индивидуальностью автора и его философіей. Послѣдняя является самымъ важнымъ, опредѣляющимъ то новое слово, которое ему суждено повѣдать міру. Я говорю, конечно, не о міровоззрѣніи въ теоретическомъ смыслѣ, которое можетъ и не быть опредѣленнымъ, а именно о философіи—объ отношеніи автора къ жизни, о его жизненной правдѣ. Ея у писателя не можетъ не быть; и чѣмъ онъ крупнѣе, тѣмъ она опредѣленнѣе, тѣмъ прочнѣе его связь съ жизнью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнѣе его зависимость отъ своей эпохи; воплотить въ художественные образы онъ можетъ только то, чѣмъ она его кормила и поила въ главную пору жизни, когда формировались и крѣпли его душевныя силы.

Въ отсутствіи такой внутренней, всеобъединяющей философіи и жизненной правды когда-то обвиняли покойнаго Чехова. А между тѣмъ именно Чеховъ необыкновенно вѣрно и тонко передалъ намъ правду о своемъ поколѣніи—да иначе и быть не могло съ такимъ чуткимъ, искреннимъ наблюдателемъ, съ такимъ вѣрнымъ сыномъ своей эпохи. Не у Чехова не было своей художественной правды, а у всего его поколѣнія, которое онъ такъ ярко изобразилъ, не было „правды жизни“—въ широкомъ смыслѣ; не было цѣльности и опредѣленности ни въ чувствахъ, ни въ идеяхъ.

Чтобъ представить себѣ безнадежное уныніе той эпохи и понять больныхъ, безвольныхъ, изломанныхъ людей, которыхъ она породила, нужно вчитаться въ Чехова. Ни общественная хроника, ни другіе историческіе документы болѣе близкаго знакомства съ ними не дадутъ. Чеховскіе герои, всѣ эти безчисленные „хмурые" и „тяжелые" люди,—истинные герои своего времени. По большей части, это лучшіе люди, умѣющіе особенно тонко чувствовать и разбираться въ окружающемъ, наиболѣе тяготившіеся жизненнымъ гнетомъ, мракомъ и пошлостью. Но у нихъ словно кѣмъ-то невидимымъ подрѣзаны крылья. Они неизлечимо отравлены гнилыми міазмами своего времени. У нихъ нѣтъ никакого аппетита къ жизни, никакого желанія ее устраивать, словно они только случайные и непрочные постояльцы на землѣ. Въ области общественной—они безнадежные пессимисты. Они не только не вѣрятъ въ близость разсвѣта, они не могутъ себѣ его представить своимъ больнымъ воображеніемъ; у нихъ нѣтъ ни руководящей идеи въ міросозерцаніи, ни стихійнаго чувства, которое оправдывало бы жизнь. Не ушелъ отъ общей заразы и Чеховъ, несмотря на свой богатый талантъ и исключительную многогранную натуру. Напомню вскользь только его характерную „Скучную исторію" и ея героя, талантливаго профессора Николая Степаныча, такъ томившагося въ жизни, несмотря на то, что внѣшнимъ образомъ она сложилась вполнѣ благопріятно и принесла ему больше, чѣмъ онъ ожидалъ.

„...Сколько бы я ни думалъ, и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго. Въ моемъ пристрастіи къ наукѣ, въ моемъ желаніи жить и стремленіи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ, и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или Богомъ живого человѣка.

„*А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего*".

Воспитанница профессора, Катя, долго и безсильно изнемогавшая отъ такой же рефлексіи и апатіи, вдругъ загорается бурнымъ протестомъ противъ нея и настойчиво, неотступно требуетъ у своего воспитателя отвѣта на явившійся у нея вопросъ: что дѣлать?

— Что же я могу сказать?—недоумѣваетъ профессоръ.—Ничего я не могу.

— Говорите же, умоляю васъ!—продолжаетъ она, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.—Клянусь вамъ, что я не могу дольше такъ жить!

Но у профессора одинъ только отвѣтъ, который онъ можетъ ей дать по совѣсти—„*не знаю*".

Какова судьба тѣхъ молодыхъ силъ, которыя пытались бунтовать противъ безсилія своей эпохи и ея бездорожья, мы у Чехова нигдѣ не видимъ. Онъ намѣтилъ ихъ, онѣ не ускользнули отъ его наблюдательнаго взора, но онѣ чужды его собственному настроенію. Въ его творческихъ глубинахъ отразилось только то старшее поколѣніе, надъ головой котораго непосредственно разразилась гроза реакціи. Нужно было быть совсѣмъ *одинокими* интеллигентами среди безпробудно-спавшей снѣжной русской равнины, чтобъ такъ пасть духомъ подъ вражескими ударами и позволить ненавистному вампиру до дна изсушить ихъ сердце!

Эпоха, хоть на мигъ озаренная солнцемъ, не могла бы создать такихъ людей. Вотъ, молодое поколѣніе, вырастающее на нашихъ глазахъ, не сдѣлается пессимистическимъ, какія бы пораженія ему ни пришлось вынести. Эти молодые люди, почти дѣти, были свидѣтелями самаго величаваго общественнаго момента, какой только можно себѣ вообразить,—почти внезапнаго пробужденія цѣлаго народа; они уже испытали минуту вѣры и полнаго нравственнаго удовлетворенія. Пусть потомъ были ошибки, разочарованія, это не можетъ уничтожить тѣхъ чувствъ, отъ которыхъ у нихъ выросли крылья! Можетъ быть, эти бурные, слишкомъ бурные люди ничего не сумѣютъ создать, но они сами будутъ жить и бороться. Они не боятся ни жизни, ни борьбы и, во всякомъ случаѣ, далеко разгонятъ отъ себя атмосферу унынія и скуки.

Имъ, этимъ вступающимъ теперь въ жизнь юношамъ, чеховская эпоха бездорожья, вѣроятно, совсѣмъ чужда. У насъ же, людей средняго возраста, младшихъ сестеръ и братьевъ чеховскихъ героевъ, несомнѣнно большая съ ней связь. Мы ею воспитаны и до извѣстной степени отравлены. Но мы росли и крѣпли при другихъ, болѣе благопріятныхъ, условіяхъ и потому мы не культивируемъ въ себѣ полученныхъ отъ нея свойствъ, а проклинаемъ, объявляемъ имъ войну. Мы жадно протягиваемъ руки къ молодой манящей насъ жизни, стараемся связать себя съ нею, но часто у насъ недостаетъ для этого силъ. Мы постоянно колеблемся между экзальтированнымъ порывомъ къ жизни и мрачнымъ скептицизмомъ.

Куприну суждено было стать пѣвцомъ этой странной переходной эпохи, непосредственно примыкающей къ чеховской. Въ литературѣ было мелькомъ отмѣчено „вліяніе“ Чехова на ранніе купринскіе разсказы. Мнѣ кажется, что это даже не вліяніе, а нѣчто большее—глубокое сродство. Сродство, конечно, не индивидуальное,—и писательскіе облики и свойства письма у нихъ совсѣмъ различны, даже противоположны,—а сходство общественное, являющееся результатомъ близости эпохъ. По содержанію творчество Куприна непосредственно примыкаетъ къ чеховскому. Въ нѣкоторыхъ его разсказахъ фигурируютъ герои почти чеховскаго облика, съ едва уловимыми новыми чертами. И тѣ, и другіе схожи, дѣйствительно,

какъ члены одной семьи. Въ другихъ разсказахъ это новое звучитъ болѣе явственно и дѣлается болѣе сознательнымъ и опредѣленнымъ. Но борьба двухъ эпохъ чувствуется въ любомъ изъ произведеній Куприна.

Вотъ вамъ характерный герой красиваго, сочнаго разсказа „Жидовка", врачъ Кашинцевъ, въ которомъ больше всего чеховскаго. Это типичный, рефлектирующій интеллигентъ, у котораго впереди „ничего нѣтъ", который тонко разбирается во всемъ окружающемъ, но не знаетъ, куда себя дѣть. Однако, это незнаніе носитъ у него гораздо болѣе теоретическій характеръ, чѣмъ у чеховскихъ героевъ: въ немъ сразу звучатъ иныя ноты, отъ него вѣетъ здоровьемъ, и кажется, что вотъ-вотъ этотъ здоровякъ отодвинетъ отъ себя прочь какую-то душную завѣсу, и передъ нимъ откроется вольный просторъ жизни. Вспомните, какое властное обаяніе производитъ на него красота еврейки на постояломъ дворѣ, какъ отъ нея вспыхиваетъ, а затѣмъ „въ священномъ трепетѣ" замираетъ все его впечатлительное существо. „Когда Кашинцевъ повернулся къ ней лицомъ, ему показалось что какая-то невидимая сила внезапно толкнула его въ грудь и чья-то холодная рука сжала его затрепыхавшееся сердце". А въ томъ, какъ этотъ герой у Куприна описываетъ удивительную красоту еврейки, нѣтъ ничего чеховскаго,—нѣтъ его стыдливой сдержанности, мягкости и задумчивой грусти; изъ-подъ яркой, увѣренной, мѣстами грубоватой кисти словно рвется жизнь, властная и торжествующая. „Глаза огромные, черные, до того огромные и черные, что кажутся подрисованными, и въ нихъ, около зрачковъ, сіяютъ живыя, прозрачныя золотыя точечки, точно свѣтлые блики въ желтомъ топазѣ... Губы полныя, красныя и хотя въ настоящую минуту сомкнуты, но кажутся раскрытыми, отдающимися"...

— Въ чемъ же счастье?—спрашиваетъ себя герой Куприна, любуясь красавицей, и тотчасъ отвѣчаетъ себѣ:—Единственное счастье—обладать такой женщиной, знать, что эта божественная красота—твоя"...

— „Почемъ знать,—продолжаетъ спустя немного, уже рефлектируя онъ,—не заключается ли весь смыслъ, вся радость моей жизни въ томъ, чтобы всѣми правдами и неправдами завладѣть вотъ такой женщиной, какъ эта, украсть, отнять, соблазнить—не все ли равно?"

Но Кашинцевъ не только не дѣлаетъ никакихъ попытокъ для знакомства съ красавицей, а не даетъ себѣ насладиться созерцаніемъ ея и торопливо уѣзжаетъ, раньше чѣмъ предполагалъ.

Такъ любопытно чередуются Купринъ и Чеховъ въ этомъ разсказѣ.

Въ заключеніе еще одинъ характерный штрихъ.

Какъ и свойственно всего боящимся, во всемъ сомнѣвающимся и на что-то смутно надѣящимся чеховскимъ героямъ, Кашинцевъ, уѣзжая, задумываетъ: если она (красавица-еврейка) еще разъ поглядитъ, то что-то исполнится... Но „что должно было исполниться, онъ самъ не зналъ,

такъ же, какъ не зналъ имени той скуки, усталости и чувства неопредѣленнаго разочарованія, которыя его угнетали"...

Красавица не оглянулась. И Кашинцевъ съ грустью отправился въ ожидавшую его неопредѣленную даль.

Такую же борьбу двухъ противоположныхъ настроеній мы встрѣчаемъ въ превосходномъ разсказѣ „Болото". Здоровякъ-студентъ Сердюковъ, сопровождавшій землемѣра при межеваніи, тоже въ сильной степени склоненъ къ интеллигентскому рефлектированію и недовѣрію къ жизни; но эти черты ему еще менѣе свойственны, чѣмъ Кашинцеву. Удручающія впечатлѣнія въ избѣ лѣсника, обреченнаго съ семьей на медленное умираніе среди болота, глубоко волнуютъ его впечатлительную душу. Ему кажется, что разъ на свѣтѣ существуетъ такое беззыходное, незаслуженное страданіе, ничто не имѣетъ смысла. Онъ плачетъ и бредитъ во снѣ. Ему снится, будто бы онъ съ жаромъ допрашиваетъ неуязвимаго, прозаическаго землемѣра:—Къ чему эта жизнь? Кому нужно это жалкое, нечеловѣческое прозябаніе? Какой смыслъ въ болѣзняхъ и смерти милыхъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, у которыхъ высасываетъ кровь болотный вампиръ? Какой отвѣтъ, какое оправданіе можетъ дать судьба въ ихъ страданіяхъ?"

Но утромъ отъ этихъ страшныхъ грезъ не остается и слѣда. Нашего героя охватываетъ одно неудержимое желаніе поскорѣе выбраться изъ удушливаго тумана. Ему вдругъ „жадно, до страданія, захотѣлось увидѣть солнце и вздохнуть яснымъ, чистымъ воздухомъ лѣтняго утра". И когда онъ, выкарабкавшись изъ болота, наконецъ, добрался до высокаго песчанаго бугра, онъ едва не задохнулся отъ „прилива невыразимой радости".

„Туманъ лежалъ бѣлой, колыхающейся безконечной гладью у его ногъ, но надъ нимъ сіяло голубое небо, шептались душистыя зеленыя вѣтви, а золотые лучи солнца звенѣли ликующимъ торжествомъ побѣды".

Эта заключительная полусимволическая картина могла бы служить хорошимъ эпиграфомъ ко всему творчеству Куприна. Какъ выразитель нашей переходной эпохи, онъ тоже стоитъ на рубежѣ... Позади него туманъ, окутавшій всѣ дороги, и общее уныніе, а передъ нимъ яркій солнечный путь, ослѣпительная панорама надеждъ, способныхъ согрѣть даже сердца тѣхъ, кому не суждено видѣть ихъ осуществленіе...

Чувство жизнерадостности, озарившее младшихъ современниковъ Чехова, далеко не носило чисто-стихійнаго, безсознательнаго характера, а нашло себѣ идейное обоснованіе. Чеховскіе герои страдали отъ отсутствія основной нити, объединяющей міросозерцаніе и „живого Бога". Людямъ послѣдующей эпохи удалось обрѣсти такую руководящую нить. Это была идея индивидуализма, идея самосознанія пробудившейся человѣческой личности. Временно она затмила и оттѣснила все другое. Всѣ по-

мнять, какимъ индивидуалистическимъ настроенiемъ ознаменовался конецъ 90-хъ годовъ. Оно прежде всего выразилось въ увлеченiи ницшеанствомъ. Увлеченiе потомъ нѣсколько стихло и улеглось, но Ницше все-таки вошелъ въ общественное сознанiе и незамѣтно очень многое въ немъ измѣнилъ, отчасти сыгралъ роль оздоровляющаго душа для больной расслабленной психики интеллигентовъ. Его знаменитая поэма о Заратустрѣ для многихъ даже сдѣлалась настольною книгою — впрочемъ, главнымъ образомъ, для тѣхъ, кто нуждается въ поддержкѣ для своего неокрѣпшаго, воскресшаго духа... Для того же, кто самъ внутренно увѣренъ въ своей правотѣ, Ницше слишкомъ *свой* и потому *постоянно* ненуженъ; прiятно только помнить, что онъ былъ и не побоялся одиноко встать во весь свой ростъ передъ чужими, могущими не понять людьми...

Другимъ проявленiемъ индивидуализма было яркое, сверкнувшее, какъ метеоръ, творчество Горькаго. Но Горькiй пришелъ къ намъ изъ чужого мiра—свободныхъ, особенныхъ людей, ничѣмъ не связанныхъ съ нашимъ интеллигентскимъ прошлымъ и не знакомыхъ съ нашими отравленными муками. Романтическiй индивидуализмъ его анархическихъ героевъ волновалъ и восхищалъ, какъ все новое, прекрасное и свободное, но не воспринимался, какъ нѣчто родственное, близкое и вполнѣ возможное. Въ обывательско-интеллигентской средѣ они внушали чувство, близкое къ зависти и восторженному поклоненiю, но все-таки оставались чужими. Казалось, что между смѣлыми, зовущими къ свободѣ босяками и чахлыми интеллигентами лежитъ бездна. Горькiй словно приходилъ лишь затѣмъ, чтобъ насмѣшливо и гнѣвно сказать интеллигентамъ:—Какъ вы живете!—и показать волшебное царство своихъ грезъ.

Купринъ же впервые отмѣтилъ пробужденiе той самой индивидуалистической идеи въ средѣ обыденныхъ, среднихъ, понятныхъ людей, главнымъ образомъ, въ психологiи интеллигентовъ, почему его творчество своимъ содержанiемъ и примыкаетъ непосредственно къ чеховскому.

Наиболѣе полное воплощенiе индивидуалистическая идея нашла себѣ въ самомъ крупномъ произведенiи Куприна „Поединкѣ". Объ этой талантливой повѣсти въ свое время много писали, но, главнымъ образомъ, объ одной ея сторонѣ—общественной. По своему сюжету, взятому изъ военной среды и затрагивающему одинъ изъ острыхъ наболѣвшихъ вопросовъ, она глубоко соотвѣтствовала тому моменту, въ который появилась,—въ разгаръ несчастной русско-японской войны. Но въ ней не менѣе интересна и сторона другая—чисто внутренняя, такъ сказать, авторская. Она весьма характерна для творчества Куприна и для той эпохи, которая дала ему пищу. Это сплошной гимнъ проснувшейся человѣческой личности, гимнъ величiю и красотѣ жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокая трагедiя тѣхъ „прошлыхъ" людей безсильной переходной эпохи, въ уста которыхъ авторъ вложилъ этотъ гимнъ.

И молоденькій, наивный подпоручикъ Ромашевъ, имѣвшій привычку думать о себѣ въ третьемъ лицѣ, и страдавшій запоемъ офицеръ Назанскій—оба крайніе индивидуалисты: одинъ робкій, ощупью идущій по пути къ новой вѣрѣ, другой—убѣжденный ея фанатикъ. Для нихъ нѣтъ ничего дороже и значительнѣе своего „я“, имъ все опредѣляется и заканчивается.

Въ Ромашевѣ это гордое сознаніе своей личности впервые является, когда онъ сидитъ подъ арестомъ за нарушеніе военной дисциплины и удивленно прислушивается къ своему собственному, несмѣлому, внутреннему голосу.

„— ...Дверь открыта, мнѣ хочется идти, куда хочу, дѣлать, что хочу говорить, смѣяться, а я сижу... Это *я* сижу. Я. Вѣдь это—Я!..

„...Я!—Ромашевъ остановился среди комнаты и съ разставленными врозь ногами, опустивъ голову внизъ, крѣпко задумался.—Я! Я! Я!—вдругъ воскликнулъ онъ громко, съ удивленіемъ, точно въ первый разъ понявъ это короткое слово.—Кто же это стоитъ здѣсь и смотритъ внизъ на черную щель въ полу? Это—Я! О, какъ странно! Я—а,—протянулъ онъ медленно,—вникая всѣмъ сознаніемъ въ этотъ звукъ.

Радуясь своему открытію, Ромашевъ старается разграничить все, что есть „я“, отъ того, что—„не я“; впервые взвѣшиваетъ и сравниваетъ эти два міра. Зачѣмъ ему подчинять себя чужой волѣ, дѣлать сотню ненужныхъ вещей, нести ненавистную военную службу, когда все внѣшнее существуетъ лишь въ связи съ его внутреннимъ „Я“? И родина, которую будто бы нужно защищать, и честь, и враги... „Они живутъ, пока живетъ мое сознаніе. Но исчезни родина и честь, и мундиръ, и всѣ великія слова,—мое Я останется неприкосновеннымъ. *Стало быть, все таки, мое „я“ важнѣе всѣхъ этихъ понятій о долгѣ, о чести, о любви...*“

Вслушайтесь въ послѣднія слова. Какая глубокая противоположность съ лозунгомъ предшествующей идейной эпохи—60-хъ—70-хъ годовъ, требовавшимъ отъ личности полнаго подчиненія интересамъ общества, полнаго отреченія и самозакланія! (Въ гуманномъ, но больномъ творчествѣ Гаршина личность съ своимъ „я“ приравнивается къ „пальцу отъ ноги“...) Какой протестъ противъ всякаго посягательства на личность и ея возвеличеніе!

Тѣмъ, что индивидуализмъ былъ именно протестомъ, реакціей на крайности прошлаго, и объясняется слишкомъ рѣзкая и сухая его формулировка на первыхъ порахъ. Мы встрѣчаемъ ее у того же Ромашева въ послѣдней бесѣдѣ его съ Назанскимъ.

— *Когда меня не станетъ, то и весь міръ погибнетъ?* Вѣдь вы это говорите?—спрашиваетъ онъ своего учителя.

Въ отвѣтъ проповѣдникъ индивидуализма произноситъ одну изъ характернѣйшихъ своихъ рѣчей.

„— Это самое. И вотъ, говорю я, любовь къ человѣчеству выгорѣла и вычадилась изъ человѣческихъ сердецъ. На смѣну ей идетъ новая божественная вѣра, которая пребудетъ безсмертной до конца міра. Это любовь къ себѣ, къ своему прекрасному тѣлу, къ своему всесильному уму, къ безконечному запасу своихъ чувствъ. Нѣтъ, подумайте, подумайте, Ромашевъ: кто вамъ дороже и ближе себя?—Никто. Вы—царь міра, гордость и украшеніе. Вы—богъ всего живущаго. Все, что вы видите, слышите, чувствуете, принадлежитъ только вамъ. Дѣлайте, что хотите. Берите все, что вамъ нравится. Не страшитесь никого во всей вселенной, потому что надъ вами никого нѣтъ"...—И т. д. въ такомъ же родѣ—много красивыхъ и интересныхъ, но неполныхъ и одностороннихъ мыслей.

Кто помнитъ всѣ утрированные и прямолинейные выводы, которые въ свое время дѣлались изъ философіи Ницше, и въ литературѣ, и въ практической жизни, тотъ согласится, что Купринъ не погрѣшилъ противъ художественной правды. Въ голомъ видѣ формула примитивнаго индивидуализма именно такова. Она вполнѣ соотвѣтствуетъ штирнеровской—этой холодной вершинѣ индивидуализма. „Ничего нѣтъ выше моего „я"... ...„Все, что я дѣлаю,—дѣлаю не изъ любви къ Богу, не изъ любви къ человѣчеству, а изъ любви къ себѣ" [1])...

Но человѣчество не склонно довольствоваться сухими формулами, а стремится вдохнуть въ нихъ свое живое содержаніе, приблизить ихъ къ жизни.

Человѣкъ не можетъ помириться на ограниченной мысли: „Когда меня не станетъ, то и весь міръ погибнетъ"—и вытекающемъ отсюда выводѣ о пользованіи жизнью во всю, не задумываясь надъ ея смысломъ. Напротивъ, ему свойственно вѣрить въ то, что міръ и все прекрасное въ мірѣ будетъ существовать и тогда, когда его, временнаго и конечнаго, не станетъ; свойственно желать включить себя въ звенья вѣчности, оставить послѣ себя какой-нибудь слѣдъ. Въ этомъ—высшая красота человѣка! Это для него насущная потребность, составляющая неотъемлемую часть того священнаго внутренняго „я", которое такъ дорого всѣмъ индивидуалистамъ.

Все сказанное, въ особенности, примѣнимо къ намъ, русскимъ славянамъ, въ исторіи которыхъ эта идеалистическая струя проходитъ яркой огненной нитью и для которыхъ индивидуализмъ со всѣми плюсами и минусами все же является чужеземнымъ растеніемъ.

Повидимому, не довольствуется сухой формулой и Купринъ, быть мо-

[1]) M. Stirner. Der Einzige und sein Eigentum.

жетъ, потому, именно, особенно щедро надѣлившій обоихъ своихъ героевъ идеалистическими вкусами и склонностями. Оба они люди не только мягкосердные, но и въ высшей степени чуткіе и чистые, съ громадными душевными запросами. Ихъ сокровенную индивидуальную сущность можно передать совершенно обратною формулой:—Пусть погибну я, лишь бы существовало прекрасное въ мірѣ, лишь бы не было осквернено мое понятіе о немъ!—И они дѣйствительно готовы всѣмъ ради него жертвовать, а Назанскій склоненъ даже предпочитать состояніе запоя трезвости, потому что оно удаляетъ его отъ обыденной пошлости и открываетъ ему новые, свѣтлые міры...

Фигура Ромашева—болѣе живая и естественная, болѣе одухотворена авторомъ, но для характеристики авторскаго міросозерцанія Назанскій еще интереснѣе. Вслушайтесь въ восторженныя рѣчи Назанскаго объ идеальной любви, о грандіозной красотѣ міра, о приближающейся переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, о будущей прекрасной, свободной жизни человѣчества, когда люди отрѣшатся отъ всего вульгарнаго, пошлаго и научатся свято чтить другъ въ другѣ свѣтлаго бога,—въ этихъ рѣчахъ звучатъ аналогичныя ноты, что и вездѣ въ творчествѣ Куприна. Жизнь, жизнь, прежде всего и важнѣе всего жизнь! И самое цѣнное въ жизни это—человѣкъ, новый—гордый, свободный, прекрасный человѣкъ,—вотъ его ликующій девизъ!

Это послѣднее—высокое понятіе о человѣкѣ—еще разъ выгодно выдѣляетъ Куприна изъ среды новѣйшихъ писателей.

Отличительной чертой молодой литературы является проникновенное и чуткое отношеніе къ природѣ. Въ этомъ ея несомнѣнное достоинство и большая заслуга. Спящую волшебницу, такъ щедро одарявшую древній міръ, давно пора разбудить. Современные люди такъ далеко ушли отъ природы, такъ охладѣли къ ней, такъ долго заглушали въ себѣ ея голосъ и мудрили надъ жизнью! Но всякій большой шагъ впередъ, всякое откровеніе неизбѣжно связано съ односторонностью и преувеличеніемъ. Поэтому-то новое широкое пантеистическое отношеніе къ природѣ у большинства новыхъ авторовъ носитъ характеръ расплывчатости и ограниченности. Среди одухотворенныхъ травокъ и букашекъ у нихъ какъ-то совсѣмъ теряется человѣкъ. Когда я читаю поэтичные, но однообразные этюды Бориса Зайцева, я тоскую, потому что не нахожу у него человѣка. Я испытываю такое чувство, какъ будто попала на какую-то планету, гдѣ выродился настоящій человѣкъ или, вѣрнѣе, еще не народился, не выдѣлился изъ общаго міра природы.

У Куприна вѣнецъ природы, человѣкъ, стоитъ во весь свой ростъ...

Новое индивидуально-идеалистическое сознаніе купринскихъ героевъ не было для нихъ пустыми словами. Одни слова ровно ничего бы не значили! Оно у нихъ опиралось на новыя чувства, на свѣжій запасъ жизненной энергіи. Бѣда только въ томъ, что этотъ запасъ невеликъ и новыя

чувства въ нихъ неустойчивы, не могутъ измѣнить ихъ жизни по существу. Потому и новое сознаніе даетъ имъ мощь только мгновеньями, какъ, напр., у Ромашева во время разговора съ командиромъ, подъ вліяніемъ остраго оскорбленія. Но вѣдь это было только настроеніе, изъ котораго въ повседневную жизнь не переходило ничего. Въ жизни это былъ безвольный, слабый человѣкъ, о чемъ такъ жалѣла его героиня, Шурочка Николаева.

— Зачѣмъ вы такой слабый... Зачѣмъ вы такой жалкій! Вѣдь жалость—сестра презрѣнія. Подумайте: я не могу уважать васъ...

Это была не просто слабость, а какая-то наслѣдственная надорванность и глубокая раздвоенность. Ромашевъ недаромъ имѣлъ привычку думать о себѣ въ третьемъ лицѣ. Между его мечтами и дѣйствительностью была бездна. Онъ воображалъ себя сильнымъ, властнымъ, изящнымъ и обаятельнымъ, а на дѣлѣ это былъ совсѣмъ незамѣтный человѣкъ, болѣзненно-самолюбивый и робкій передъ жизнью, даже внѣшнимъ образомъ неловкій и неуклюжій, не умѣвшій себя въ отношеніяхъ съ людьми поставить,—вообще, человѣкъ „съ куцымъ хвостомъ“, по мѣткому выраженію Тургенева. И вина въ томъ была не его, а той эпохи, которая его создала. Усвоить новыя мысли, развить въ себѣ новое сознаніе еще можно искусственно. Но что подѣлать съ наслѣдственной хронической нервностью и дряблостью, съ дрожащими отъ трусливой робости колѣнями (какъ у Ромашева во время разговора съ командиромъ), съ тоскливой безсонницей по ночамъ, требующей брома... съ роковымъ влеченіемъ къ алкоголю, какъ у Назанскаго?.. Борьба неравная!

Какой грустной, трогающей ироніей звучитъ проникновенное (и вполнѣ искреннее) славословіе жизни въ устахъ алкоголика Назанскаго! По словамъ его, если бъ даже онъ, въ концѣ концовъ, очутился подъ колесами поѣзда, и его въ послѣдній моментъ сознанія спросили: „Ну, что, и теперъ жизнь прекрасна?“—онъ сказалъ бы съ благодарнымъ восторгомъ: „Ахъ, какъ она прекрасна! Сколько радости даетъ намъ одно только зрѣніе! А есть еще музыка, запахъ цвѣтовъ, сладкая женская любовь! А есть безмѣрнѣйшее наслажденіе—золотое солнце жизни—человѣческая мысль!“..

Тутъ нѣтъ ни преувеличенія, ни противорѣчія. Это новое чувство, обожаніе жизни, почти влюбленность въ нее, очень цѣнно и знаменательно въ людяхъ. Оно—признакъ воскресенія человѣчества и залогъ его торжества въ жизни; безъ него невозможны ни прогрессъ, ни культура, ни творчество. И оно такъ естественно въ герояхъ Куприна! Присутствіе меланхолика всегда пробуждаетъ въ его сосѣдѣ весь запасъ его жизнерадостности. Младшіе современники Чехова были измучены безнадежнымъ пессимизмомъ своихъ старшихъ братьевъ, и, какъ реакція, въ нихъ родилось это новое гордое самосознаніе и жажда жизни. И они ухватились

за него, какъ утопающій за соломинку. Но новое бурное вино нельзя вливать въ старые мѣхи! Новые люди, вмѣстѣ съ старшими братьями, унаслѣдовали, какъ проклятье, обезсиливающіе недуги бездорожной эпохи, и потому не призваны *творить* новую жизнь, не призваны воплотить въ конкретныя формы своя новыя стремленія и мысли... Герои Куприна искренно проникнуты сознаніемъ значенія и красоты жизни, искренно поютъ ей гимнъ, но сами отъ нея мучительно страдаютъ и едва ли способны доплачить ее благополучно до конца—даже при помощи брома и алкоголя... У нихъ есть признаніе жизни, есть любовь къ ней, но нѣтъ таланта жить, нѣтъ никакой выносливости и гибкости... Между теоріей и практикой—постоянный, непримиримый разладъ; большія идеальныя требованія, предъявляемыя къ жизни,—и никакихъ силъ для ихъ осуществленія.

Возьмемъ хотя бы военную службу. И Ромашевъ, и Назанскій—горячіе противники ея и критики. Они ненавидятъ ея сухой формализмъ, безжизненность и безсмысленность и сильно тяготятся пустотой и грубостью военной среды. Они сознаютъ, что первое условіе ихъ спасенія—уходъ оттуда, куда угодно, хоть въ босяки, если они ни на что больше негодны. Назанскій настойчиво совѣтуетъ это своему младшему товарищу.

— Въ васъ есть какой-то свѣтъ... въ нашей берлогѣ его погасятъ...

Но исполнимъ ли этотъ совѣтъ? Вѣдь и Назанскій пробовалъ „уходить", но затѣмъ опять вернулся въ свою „загаженную клѣтку". Въ словахъ его есть намекъ, что къ этому привела его несчастная любовь, подрѣзавшая его крылья. Великая и свѣтлая любовь, которая, по его словамъ, даже безъ взаимности должна открывать новые горизонты!.. Можно ли было ждать чего-нибудь другого отъ Ромашева? Сдѣлалъ ли бы онъ что-нибудь для своего обновленія, если бъ не погибъ на дуэли? Можно усомниться. Вспомните, какъ и почему онъ погибъ. Онъ погибъ изъ-за коварства любимой женщины Шурочки, которая послѣ точнаго подсчета рѣшила, что для ея карьеристическихъ плановъ нелюбимый мужъ будетъ полезнѣе Ромашева и упросила послѣдняго выстрѣлить въ воздухъ... Ромашевъ своимъ тонкимъ чутьемъ даже почти угадалъ жестокій смыслъ ея просьбы, отъ которой его обдало холодомъ. Почему жъ онъ не запротестовалъ? Гдѣ въ это время было его гордое „я", и жадная любовь къ жизни, и свѣтлые планы на будущее?..

Нѣтъ, Шурочка была права въ своихъ грустныхъ приговорахъ надъ Ромашевымъ:—Вы только хотите... вы ничего не сдѣлаете...

Полную противоположность нашимъ героямъ представляетъ сильная, стильная, словно выкованная изъ стали, Шурочка Николаева, въ которую оба они влюблены. Эта странная и сложная натура, съ ея двойственностью—„сухимъ, разсудочнымъ умомъ и страстнымъ, нѣжнымъ сердцемъ" съ ея удивительною гибкостью и смѣлостью—самый интересный образъ,

въ повѣсти. Авторъ очертилъ его немногими, но очень яркими штрихами и какъ будто внесъ въ него самыя интенсивныя ноты своего настроенія. И образъ получился совсѣмъ живой, пугающій своимъ дерзкимъ эгоизмомъ, почти отталкивающій и въ то же время обаятельный. Это—одно изъ наиболѣе любопытныхъ воплощеній индивидуализма, примитивнаго, лишеннаго всякой идеалистической окраски, но рѣзко выраженнаго. Съ моральной точки зрѣнія, это типъ, разумѣется, отрицательный, даже „преступный“. Но чтобъ понять его, чтобъ оцѣнить то *новое*, что въ немъ дѣйствительно заключается, нужно отрѣшиться отъ односторонней оцѣнки и умѣть отличать форму отъ содержанія. Шурочка узка и пуста, какъ вся окружающая ее среда; у нея ограниченные, мѣщански-практическіе идеалы: ей просто надоѣла провинціальная пошлость съ полковыми вечерами, полковыми дамами и скучными, недалекими или пьяными кавалерами; ее угнетаетъ бѣдность офицерскаго существованія: захотѣлось болѣе широкаго бассейна для плаванія—столицы, „блестящаго положенія, умныхъ собесѣдниковъ, тонкаго поклоненія“. Вотъ и все. Но вглядитесь, какая у нея сила и самостоятельность въ преслѣдованіи этихъ незатѣйливыхъ цѣлей! Она способна принести имъ въ жертву все, даже самую дорогую для каждой женщины мечту о гармонической любви... Вѣдь она встрѣтила возможность такой любви въ Ромашевѣ и даже сумѣла, въ короткіе моменты ихъ близости, такъ много отъ него взять и такъ много дать ему въ свою очередь... Но у Шурочки нѣтъ и тѣни обычной для женщины рабской зависимости отъ мужчины и собственныхъ чувствъ. Послѣднія въ ней сильны, цвѣтисты и разнообразны, но играютъ второстепенную роль и всегда могутъ быть подчинены тому, что для нея болѣе важно,—ея жизненнымъ планамъ. Для достиженія ихъ Ромашевъ не кажется ей подходящимъ спутникомъ, и она сосредотачиваетъ свои усилія на „грубоватомъ, добромъ маломъ“, ея мужѣ, къ которому она совершенно равнодушна. Вспыхнувшая ссора между офицерами неожиданно грозитъ крушеніемъ ея планамъ, и она обрекаетъ Ромашева на гибель съ спокойной, циничной жестокостью...

Жестокость вообще является настолько распространенной чертой новаго времени и новыхъ людей, что невольно заставляетъ надъ собой задуматься. Жестокость къ врагамъ... жестокость къ окружающимъ, къ своимъ близкимъ, къ своимъ собственнымъ чувствамъ, во имя преслѣдованія одной цѣли, даже рисовка жестокостью—не есть ли это какой-нибудь предохранительный клапанъ для носителей новаго сознанія жизни? Не есть ли это неизбѣжная переходная ступень? Доказательство ихъ слабости и неустойчивости и вмѣстѣ съ тѣмъ залогъ ихъ будущаго торжества—укрѣпленія индивидуальной мощи и силы?

У Шурочки всѣ черты новаго человѣка и новой женщины. Она любитъ жизнь, но не экзальтированною любовью, а здоровою и спокойною, какъ

всякое живое существо, какъ низшія твари,—любитъ *для себя*. Всѣ ея желанія, вкусы и потребности опредѣляются внутренно, собою, поэтому ей не грозитъ опасность потонуть въ другомъ человѣкѣ, измѣнить ради него свой путь. На всѣхъ ея поступкахъ—рѣзкая печать ея индивидуальности. Въ ней рѣдкое и удачное сочетаніе стихійности натуры съ огромною выдержкою и волей. Отъ всей ея маленькой упругой фигурки вѣетъ здоровьемъ и силой. Нѣтъ въ ней только одного—одухотворяющаго, нравственнаго начала, которое бы эту силу цѣлесообразно направляло. Но вѣдь Шурочка—только переходная ступень къ будущему...

Какъ хороши и поэтичны въ „Поединкѣ" страницы, посвященныя роману Ромашева съ Шурочкой, особенно сцена въ лѣсу, на пикникѣ! Купринъ выказалъ себя большимъ художникомъ въ обрисовкѣ страсти, сдержанной, но глубокой и непреодолимой, заставляющей людей вѣрить легендѣ о двухъ роковыхъ „половинахъ", ищущихъ другъ друга на землѣ... Молодые писатели, любящіе щеголять словомъ „тѣло", могли бы ему позавидовать. Щегольство это, напоминающее чувства дѣвушекъ-подростковъ, впервые надѣвшихъ длинное платье, или гимназиста, закурившаго запрещенную папиросу, впрочемъ, вполнѣ понятно и объясняется долго сдерживаемымъ протестомъ противъ всякаго униженія плоти. Но для того, чтобы противопоставить христіанскому аскетизму нѣчто обратное, нужно самому обладать мощью, нужно умѣть добывать ключи отъ тайнъ жизни, а проповѣдники новыхъ истинъ отличаются этимъ не всегда... Куприна, я думаю, никто не заподозритъ въ пренебреженіи къ плоти; напротивъ, воспитанные цѣломудренной русской музой, критики иногда упрекаютъ его въ излишнемъ специфическомъ „реализмѣ". Какъ художникъ и индивидуалистъ, Купринъ влюбленъ въ жизнь, въ природу, во всѣ ея конкретныя формы и проявленія, а, значитъ, и въ красивое человѣческое тѣло. Но это послѣднее является для него именно только конкретной формой—проявленіемъ сложнаго и загадочнаго человѣческаго существа, которое неустанно, какъ чуткій музыкальный инструментъ, реагируетъ на всевозможныя, не поддающіяся учету, внѣшнія вліянія. Тамъ, гдѣ-то въ таинственныхъ глубинахъ этого существа, рождаются страсти, рождаются какъ будто случайно, невѣдомо, какъ и почему, а на самомъ дѣлѣ по естественнымъ, почти математически-точнымъ законамъ. „Вы мнѣ милы *всѣмъ*"... „Я вижу васъ во снѣ, я... васъ чувствую"... „У насъ все общее и любимое и нелюбимое, и мысли, и сны, и желанія... мы понимаемъ другъ друга съ полуслова"... Какъ это мало похоже на взаимное тяготѣніе самцовъ и самокъ, или уродливое „изнасилованіе", которое заполонило новую литературу! Неужели, чтобы обновиться, человѣку непремѣнно нужно погасить себя и урѣзать, отправиться вспять, къ обезьянамъ?..

Въ послѣднее время много спорятъ о бытѣ. Кто-то назвалъ по этому поводу Куприна „лирикомъ сквозь бытъ". Опредѣленіе оригиналь-

ное и красивое, но едва ли съ нимъ можно согласиться. Отношеніе Куприна къ „быту“ сложное и не вполнѣ опредѣлившееся, или, вѣрнѣе, не вполнѣ еще законченное. Какъ достойный наслѣдникъ, Купринъ солидно реализировалъ богатство, полученное отъ старой литературной школы, погруженной въ бытъ. Его сочная, смѣлая кисть, при соприкосновеніи съ бытомъ, даетъ отчетливый, выпуклый и яркій рисунокъ. Но такой гибкій, впечатлительный талантъ, какъ Купринъ, едва ли на этомъ остановится. Въ его послѣднихъ произведеніяхъ есть на это указанія. „Бытъ“ въ нихъ все больше стушевывается и отодвигается на второй планъ, уступаетъ мѣсто чисто-внутреннему, лирическому, интенсивному изображенію жизни. Характерно, что педантичная критика даже упрекала автора за нѣкоторыя бытовыя „неестественности“ и промахи именно въ этихъ произведеніяхъ („Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ“, „Рѣка жизни“),—первый и вѣрный признакъ того, что у художника начался разладъ съ „бытомъ“, недовольство старыми творческими пріемами. Иначе и быть не можетъ. На мой взглядъ, такой разладъ вполнѣ естественен, неизбѣженъ...

Я не собираюсь преждевременно хоронить бытъ, разъ онъ еще существуетъ, да еще такъ ослѣпительно сверкаетъ въ Купринѣ. Я хочу только напомнить, что такое „бытъ“, и разобраться въ причинахъ, почему его господство теперь пошатнулось.

„Бытъ“ это—повседневный укладъ жизни, ея кристаллизовавшіяся формы, точный внѣшній обликъ, по которому можно безошибочно судить о ея содержаніи. У старой, вполнѣ сложившейся и выразившейся жизни эти внѣшнія формы тоже вполнѣ отлились и опредѣлились; онѣ не только находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ,—онѣ его опередили: въ то время, какъ создавшая ихъ жизнь одряхлѣла, выдохлась и постепенно разрушается, уходитъ, формы ея продолжаютъ существовать и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о прошломъ, какъ пирамиды Египта... Но гдѣ же эти опредѣлившіяся, устойчивыя формы у новой жизни, когда вся она состоитъ изъ броженія и исканія?.. Чеховскій „человѣкъ въ футлярѣ“ долго останется типичнымъ отраженіемъ школьнаго быта и того общественнаго строя, который съ нимъ неразрывно связанъ. Когда уже не останется никакой памяти объ этихъ страшныхъ временахъ, онъ будетъ свидѣтельствовать о запуганныхъ, деморализованныхъ и заживо погребенныхъ людяхъ. А попробуйте нарисовать образъ современнаго педагога! У васъ не получится ничего типично-бытоваго. Вы увидите только картину современнаго, пестраго движенія жизни и на ея фонѣ педагога, не профессіонала, а внутренняго человѣка, со всѣмъ многообразіемъ его запросовъ и интересовъ, жадно ищущаго правды и живущаго сложною ускоренною жизнью. У новой бурной жизни нѣтъ своего быта, своего внѣшняго застывшаго облика. Она вездѣ ютится и отовсюду насильно льется, неожиданно и обильно, какъ весенніе лучи солнца. У нея одинъ только рѣзко обозначившійся неиз-

мѣнный признакъ—непримиримая вражда къ стѣснительному укладу старой жизни, во имя своихъ индивидуальныхъ человѣческихъ правъ,—вражда, которая чувствуется вездѣ: въ семьѣ, въ школѣ, въ общественной жизни.

Натискъ новой жизни и постоянная борьба двухъ противоположныхъ теченій вездѣ отражается въ произведеніяхъ Куприна. Этимъ и объясняется своеобразная волнующая игра контрастовъ въ нихъ, которая всѣмъ такъ нравится: чередованіе смѣшного и трагическаго, жалкаго и героическаго, пошлаго и прекраснаго, внѣшне-вульгарнаго и внутренно-утонченнаго, напр.: сочетаніе въ одномъ человѣкѣ какой-нибудь низменной профессіи и благородной личности. Но игра контрастами у Куприна отнюдь не представляетъ искусственнаго писательскаго пріема, а объясняется указанной борьбой двухъ началъ, двухъ міровъ. Старая бытовая литература не знала „игры контрастами", потому что ихъ не было въ самой жизни: все въ ней носило характеръ опредѣленности и законченности, полнаго соотвѣтствія формы и содержанія. Глядя на фуражку съ военнымъ или чиновничьимъ околышемъ, всегда можно было приблизительно знать, каковы ихъ обладатели и что у нихъ за укладъ жизни, даже каковы у нихъ дѣти и отношенія съ ними. А попробуйте погадать объ этомъ теперь, когда даже полицейскій можетъ васъ поразить сюрпризомъ, когда военные отказываются повиноваться начальству, выходятъ въ отставку и даже кончаютъ съ собой, вслѣдствіе разлада между внѣшнимъ строемъ жизни и своими личными требованіями!.. Контрасты всецѣло порождены новой жизнью, которая постепенно производитъ переоцѣнку всѣхъ цѣнностей и создала бездну между содержаніемъ и старой формой.

Поворотъ отъ бытописательнаго творчества къ болѣе внутреннему, лирическому, особенно чувствуется у Куприна въ разсказѣ „Рѣка жизни", вызвавшемъ столь разнообразныя оцѣнки. Прежніе ярко-бытовые штрихи здѣсь встрѣчаются только въ изображеніи той плоской житейской обстановки, среди которой разыгралась драма. Сторонники „быта" въ литературѣ только эту часть разсказа и признаютъ художественной, а предсмертная исповѣдь невѣдомо откуда явившагося студента кажется имъ искусственной, абстрактной и потому для нихъ неубѣдительной... Мнѣ же яркая, бытовая обстановка разсказа представляется только великолѣпной рамкой, удачно оттѣняющей и углубляющей значеніе того, что тамъ произошло. А исповѣдь студента меня глубоко трогаетъ каждымъ своимъ словомъ, какъ откровеніе новой жизни, и вселяетъ въ меня радостную увѣренность: Купринъ-лирикъ не слабѣе Куприна-бытописателя! Наше время настойчиво требуетъ отъ писателя лиризма...

Предсмертная исповѣдь студента это—философскій выводъ изо всего до сихъ поръ сказаннаго Купринымъ, или, вѣрнѣе, его произведеніями. Это лебединая пѣснь такъ хорошо изображенныхъ имъ безвольныхъ, надломленныхъ людей переходной эпохи.

То, что у Ромашева и Назанскаго было едва намѣчено, у героя „Рѣки жизни“ вполнѣ опредѣлилось. Первые чувствовали безсиліе передъ жизнью и пассивно ее созерцали, послѣдній пришелъ къ горестному, но твердому рѣшенію: такимъ, какъ я, не надо жить... Ромашевъ и Назанскій только предчувствовали приближеніе освободительной бури, которая пронесется надъ землей: студентъ въ „Рѣкѣ жизни“ уже былъ свидѣтелемъ ея перваго взрыва, поставившаго его лицомъ къ лицу съ требованіями новой жизни... требованіями, которымъ онъ, слабосильный выходецъ прошлаго, не можетъ удовлетворить. „Въ теперешнее великое, огненное время позорно, и тяжело, и прямо невозможно жить такимъ, какъ я“... Это правдивое горькое сознаніе и было причиной самоубійства.

А поводъ былъ другой. Поводомъ послужило случайное, но очень характерное обстоятельство, окончательно открывшее студенту глаза на самого себя. Онъ „предалъ“ на допросѣ своихъ товарищей. Предалъ не изъ подлости, конечно, даже не отъ трусости, а отъ какой-то странной внезапной робости (той самой, которая вызывала дрожаніе колѣней у Ромашева)—подъ вліяніемъ грубаго окрика жандарма. Онъ не трусъ, не робѣетъ передъ опасностью—даже теперь передъ смертью, а между тѣмъ „боится людей“. Онъ „на всю жизнь испуганъ чѣмъ-то, что есть въ большинствѣ людей“. Онъ ненавидитъ всѣхъ „опредѣленныхъ, самодовольныхъ, шаблонныхъ, трезвыхъ людей, знающихъ все напередъ“, „людей, души которыхъ мертвы и мысли окоченѣли въ прямыхъ, твердыхъ линіяхъ“. Ненавидитъ и въ то же время трепещетъ передъ ними, ловитъ себя на отвратительныхъ, заискивающихъ улыбкахъ. Отъ всякаго проявленія грубости съ ихъ стороны у него болѣзненно сжимается сердце. Онъ робѣетъ и отступаетъ даже передъ такими невинными носителями шаблона и самоувѣренной обыденности, какъ „мордатые швейцары и барышни въ редакціяхъ“...

Студентъ анализируетъ причины, которыя создали его такимъ, и передъ нами въ его словахъ встаетъ не только послѣдняя, ближайшая къ намъ эпоха реакціи, но и огромная полоса всей старой жизни. Вѣрнѣе, передъ нами въ немногихъ характерныхъ штрихахъ весь обликъ этой жизни съ ея семейнымъ и школьнымъ формальнымъ воспитаніемъ, основаннымъ на почтеніи къ авторитетамъ, на суровой дисциплинѣ и полицейскомъ дозорѣ, съ общественной опекой, не оставлявшей никакого простора для самодѣятельности личности и все изсушившей и опошлившей,—жизни, которая, вмѣстѣ съ рушащимся теперь политическимъ строемъ, ждетъ полнаго упраздненія.

Въ университетѣ на нашего героя повѣяло новыми молодыми мечтами и пламенными мыслями. „Мой умъ съ жадностью рванулся имъ навстрѣчу, но моя душа была уже навѣки опустошена, мертва и опозорена,—говоритъ онъ въ своемъ прощальномъ письмѣ. — Низкая, неврастеническая боязливость впилась въ нее, какъ клещъ въ собачье ухо“...

Аналогичныя жалобы раздавались и въ устахъ чеховскихъ героевъ. Вспомните жалкаго человѣка, которому суждено было „нигдѣ ничего не понимать“ и его признаніе: „мнѣ страшна главнымъ образомъ обыденщина, отъ которой никто изъ насъ не можетъ спрятаться“ („Страхъ“)... Но тогда „обыденщина“ безпросвѣтными сумерками окутывала всю жизнь и безсильные, ропщущіе люди были ея законными владѣльцами; можно было только неопредѣленно мечтать, но не съ чѣмъ было сравнивать. Передъ героемъ же Куприна уже сверкнула ослѣпительная, какъ молнія, заря новой жизни. Онъ произнесъ ей свой восторженный привѣтъ и рѣшаетъ вò-время отступить—уничтожиться, сознавая, что эта начинающаяся героическая драма не для него, молчаливаго статиста...

Застрѣлившійся студентъ, подобно другимъ типичнымъ героямъ Куприна, не только проникнутъ сознаніемъ величія и красоты жизни, но и одаренъ большою чуткостью къ окружающему—къ природѣ, съ ея тайнами и къ тѣмъ страннымъ нитямъ, которыя невидимо связываютъ человѣка съ другими людьми и ихъ существованіемъ въ настоящемъ, прошломъ, а можетъ быть, и будущемъ. Въ лицѣ его—предъ нами прообразъ дѣйствительно новаго человѣка (у котораго пока нѣтъ только силъ для проявленія себя въ жизни), человѣка, который, рѣзко порвавъ со всякимъ шаблономъ и скороспѣлымъ рѣшеніемъ жизненныхъ проблемъ, видитъ въ жизни не примитивную теорему, а великую загадку...

Предсмертныя размышленія студента подъ вой собаки, „уже почуявшей покойника“, полны такими настроеніями.

„...Мнѣ думается, что когда человѣкъ уходитъ, сознаніе его уже потухло, но мысль его еще остается, еще дрожитъ въ прежнемъ мѣстѣ. Можетъ быть, мысли и сны всѣхъ людей, бывшихъ до меня въ этой длинной, мрачной комнатѣ, еще рѣютъ вокругъ меня и тайно направляютъ мою волю? И, можетъ быть, завтра случайный посѣтитель этого номера задумается внезапно о жизни, о смерти, о самоубійствѣ, потому что я оставлю здѣсь послѣ себя мою мысль? И, почемъ знать, можетъ быть, не завися ни отъ вѣса, ни отъ времени, ни отъ преградъ матеріи, мои мысли въ одинъ и тотъ же моментъ ловятся таинственными, чуткими, но безсознательными пріемниками въ мозгу обитателя Марса такъ же, какъ и въ мозгу собаки, лающей на дворѣ? Ахъ, я думаю, что ничто въ мірѣ не пропадаетъ—ничто!—не только сказанное, но и подуманное. Всѣ наши дѣла, слова и мысли—это ручейки, тонкіе подземные ключи. Мнѣ кажется, я вижу, какъ они встрѣчаются, сливаются въ родники, просачиваются наверхъ, стекаются въ рѣчки—и вотъ уже мчатся бѣшено и широко въ стройной Рѣкѣ Жизни“...

Тѣ же ноты осторожнаго полу-мистическаго проникновенія въ тайны жизни звучатъ въ другомъ мѣстѣ—въ небольшомъ очеркѣ: „Вечерній гость“. Весь этотъ разсказъ съ его тонкимъ и сложнымъ, какъ дорогая

мозаика, рисункомъ сотканъ изъ такихъ смутныхъ, едва уловимыхъ, но краснорѣчивыхъ настроеній. Они характерны для героевъ Куприна, но еще болѣе характерны для него самого, какъ настоящаго выразителя новаго сознанія.

Герои всегда носятъ на себѣ печать индивидуальности автора. Съ другой стороны, въ созданіи героевъ авторъ бываетъ ограниченъ эпохой, т. е. долженъ создать ихъ на основаніи своихъ впечатлѣній отъ дѣйствительности. Между Купринымъ и его героями чувствуется большое духовное сродство; при этомъ онъ создалъ ихъ правдиво, соотвѣтствующими основному фону той жизни, которая ихъ породила. Но, безъ сомнѣнія, Купринъ сильнѣе и богаче своихъ героевъ; они въ немъ, а не онъ въ нихъ... какъ часто случается съ авторами. И онъ долженъ пойти дальше ихъ, отдавши имъ долгъ родства и дружбы. Когда онъ имѣетъ дѣло съ своими „прошлыми людьми“, въ немъ иногда ощущается нетерпѣніе, какъ будто ему душно и тѣсно въ окружающихъ его рамкахъ и хочется далеко шагнуть впередъ.

Въ этомъ смыслѣ я и считаю его писателемъ будущаго.

Е. Колтоновская.

Журнальное обозрѣніе.

(Литерат.-художеств. „Альманахъ“, изд. „Шиповника“, книга первая. „Современный Міръ“ — февраль 1907 г. „Русское Богатство“ — январь 1907 г.).

Недавно вышедшій литературно-художественный альманахъ, изд. „Шиповника“, за исключеніемъ „Жизни Человѣка“ Л. Андреева, во всемъ остальномъ матеріалѣ, къ сожалѣнію, не представляетъ большой цѣнности.

Несмотря на то, что разсказы, помѣщенные въ этомъ сборникѣ, принадлежатъ авторамъ, имена которыхъ пользуются извѣстностью,—во всемъ беллетристическомъ отдѣлѣ сборника нѣтъ ни одной вещи, которую можно было бы признать выше уровня самой скромной посредственности.

Разсказы тусклы и томительно-скучны, какъ только бываютъ скучны часы безплоднаго ожиданія.

Ожиданіе при всякихъ условіяхъ можетъ отравить бодрость духа и повергнуть человѣка въ величайшую скуку; но ожиданіе, которое въ заключеніе оказывается напраснымъ, бываетъ особенно досадно; въ большихъ дозахъ—оно можетъ отравить существованіе.

Книга, украшенная рядомъ литературныхъ именъ, уже не является обыкновенною книгой, которую всякій воленъ читать или не читать, не рискуя обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, — такая книга, независимо отъ ея содержанія, уже является тенденціозною: она должна быть прочитана.

Едва ли можно привѣтствовать развитіе такихъ изданій, какими являются отдѣльные литературные сборники.

Дѣлать ихъ для всѣхъ одинаково доступными; печатать въ нихъ, наряду съ извѣстными именами, имена совершенно новыя,—это значило бы сузить до крайней возможности программу періодическихъ изданій и не внести въ область литературно-художественнаго развитія ничего новаго.

Ограничивать же доступъ въ сборники нарождающимся новымъ силамъ, по меньшей мѣрѣ, неразумно.

Всякое ограниченіе, которое всею своею тяжестью направлено въ какую-нибудь одну сторону, въ другомъ мѣстѣ неминуемо создаетъ облегченіе, — и въ данномъ случаѣ можетъ произойти только то, что самыя заурядныя произведенія, подписанныя именами авторовъ, пользующихся извѣстностью, безпрепятственно будутъ находить себѣ мѣсто въ печати, въ то время, когда еще вслѣдствіе чисто-техническихъ условій, естественное право каждаго на печатное слово далеко отъ своего осуществленія.

Насколько альманахъ „Шиповника" въ этомъ смыслѣ можетъ служить яркимъ примѣромъ, могутъ показать разсказы, составляющіе сборникъ, къ обзору которыхъ мы и переходимъ.

Разсказъ Серафимовича „У обрыва" представляетъ изъ себя не что иное, какъ написанный мягкимъ, ровнымъ тономъ широкій пейзажъ, на которомъ всѣ рѣзкія очертанія жанра расплылись и утонули въ густомъ, но еще прозрачномъ сумракѣ лѣтней ночи. Если художникъ и рисуетъ нѣсколько живыхъ силуэтовъ, то только для того, чтобы заставить говорить темноту ночи и разбудить въ природѣ тотъ трепетъ жизни, который присущъ ей, но остается для художника неуловимымъ внѣ обыденныхъ человѣческихъ переживаній.

Было тихо. На берегу, у самой воды, горѣлъ костеръ, то вспыхивая, то снова угасая. У костра двое рабочихъ съ баржи варили кашу, чутко прислушиваясь къ тишинѣ и стараясь уловить звуки приближающагося парохода, который долженъ былъ подойти и снять остановившуюся въ обмелѣвшей рѣкѣ баржу; въ ожиданіи, они изрѣдка обмѣнивались короткими замѣчаніями. Третій, бѣжавшій изъ города наборщикъ, лежалъ въ сторонѣ неподвижнымъ чернымъ пятномъ.

> „Уже потонулъ въ темнѣющей синевѣ и не сталъ видимъ лѣсъ, и поворотъ рѣки, и дальніе пески, только вода попрежнему поблескивала, но уже чернымъ, вороненымъ блескомъ, и звѣзды въ ней бездонно повисли, яркія и безчисленныя".

Ночь уснула. Каша упрѣла, и всѣ трое придвинулись къ костру. Разговорились. Но не было въ словахъ людей того спокойствія, какимъ была проникнута тишина темной ночи. Въ городѣ были волненія; многіе бѣжали, и теперь, гдѣ-то въ глубинѣ темной степи, бродили патрули, кого-то преслѣдовали, ловили.

> „Въ неумолкаемый ропотъ бѣгущей воды, который забывался, сливаясь со стоявшей вокругъ тишиной, грубо и непрошенно ворвался совершенно чуждый звукъ".

Всѣ трое насторожились. Нельзя было надолго забыть людскую жизнь.

> „И костеръ, дрожа и колеблясь отсвѣтомъ, безпокойно взглядывалъ красными очами на выступившій на секунду изъ темноты обрывъ. Тѣни торопливо и испуганно сновали по песку, ища чего-то

и не находя, съ усиліемъ вытянулись, перегнулись и заглянули черезъ обрывъ въ степь. Оттуда, все приближаясь, неслись дробные, мѣрно-топочущіе звуки".

Надъ обрывомъ показались фигуры двухъ казаковъ. Раздался грубый окрикъ, враждебный отвѣтъ, грянулъ угрожающій предостерегающій выстрѣлъ, и всадники исчезли въ темнотѣ такъ же скоро, какъ и появились. Вмѣсто спокойствія синей ночи воцарилась тревога.

„И уже не было тихой ночи, ни темной рѣки съ дрожащими звѣздами, ни дремотнаго шопота, ни обрыва, ни смутной степи, откуда неслись крики перепеловъ и медвяные запахи скошенныхъ травъ. Стояло что-то тяжелое и жестокое въ своей безсмысленности".

Снова всѣ трое усѣлись у костра и принялись за прерванный ужинъ, и снова заговорили. Но больше было досады въ словахъ, больше было ропота и вражды.

„Было тихо, но ночь все не могла успокоиться, и тихій покой, и сонную дрему, которыми все было подернуто, точно сдунуло; стояла только темнота, съ безпокойной чуткостью ждущая чего-то".

И не напрасно. Вскорѣ казаки снова прискакали, но подъѣхали уже прямо къ костру. Не долго имъ пришлось разбираться, что за люди были у костра. Они скоро отличили городского рабочаго и, завязавъ ему на шеѣ петлю, уже готовы были тронуться въ путь. Но за ними напряженно слѣдили сторожа баржи, ловя моментъ для нападенія. Закипѣла тяжелая, неожиданная мгновенная борьба сцѣпившихся горячихъ человѣческихъ тѣлъ.

„Ночь невозмутимо и мрачно стояла надъ ними, дожидаясь, и въ ея тяжелой тишинѣ лишь слышалось хриплое дыханіе да задавленные стоны, а проклятія и брань застревали въ бѣшено-стиснутыхъ зубахъ".

Казаковъ связали и оставили. Пока казаки пришли въ себя отъ всего, что случилось такъ неожиданно, въ костеръ снова бросили хворосту, огонь снова выглянулъ, сторожа баржи и наборщикъ опять взялись за ложки, и заговорили о грозахъ прошлаго лѣта, точно ничего, ровнымъ счетомъ, и не происходило. Опомнившись, одинъ изъ казаковъ, чернобородый, заговорилъ первый, угрожая и требуя, чтобы ихъ развязали тотчасъ-же. Ироническій отвѣтъ уяснилъ ему возможный исходъ его положенія, и онъ удивленно, угрюмо притихъ.

„Замолчали. Ночь надъ казаками стояла густая, черная, полная предсмертнаго ожиданія и не ждущая пощады"...

Не долго тянулась молчаливая, мучительная драма.

Рабочіе, покончивъ съ ужиномъ, отпустили казаковъ и расположились ко сну,—и авторъ снова говоритъ о тишинѣ въ степи и надъ рѣкою; о густой синевѣ, сѣющей мерцаніе звѣздъ; о спокойствіи ночи, среди кото-

раго почти незамѣтно возмутилась людская жизнь и такъ же расплылась и исчезла, какъ дымъ костра, сгорѣвшаго у обрыва. Чернобородый казакъ скоро вернулся, и предупредилъ сторожей баржи о томъ, что другой поѣхалъ докладывать о случившемся командиру сотни.

Художникъ не рѣшился нарушить колоритъ своей картины инымъ возможнымъ исходомъ людскихъ столкновеній; но жизнь упорно подсказываетъ другой исходъ ночной драмы, и мысль не вѣритъ картинѣ художника, написанной въ тонѣ густой, прозрачно-синей дали, спокойно сливающейся съ близкими тѣнями ночи.

Когда художникъ ставитъ цѣлью выразить свое міросозерцаніе, онъ выхватываетъ изъ жизни только тѣ явленія, которыя наиболѣе ярко отражаютъ его взглядъ на жизнь. И всѣ художественные образы въ этомъ случаѣ бываютъ отмѣчены печатью широкой мысли, которая не можетъ найти своего выраженія въ одномъ обособленномъ образѣ, но стремится придать ему значеніе символа. Это даетъ особую одухотворенность и широту захвата.

Если-же художникъ, остановивъ свое вниманіе на какомъ-либо явленіи, рисуетъ его, какъ случайный предметъ наблюденія,—такое произведеніе въ самомъ возникновеніи своемъ обречено на безжизненность, и какъ бы ни было оно совершенно по формѣ,—форма не замѣнитъ его внутренняго убожества.

Провести рѣзкую границу между произведеніями того и другого характера почти невозможно, да и ненужно. Но художнику всегда можетъ быть поставленъ вопросъ,—говоритъ ли онъ о жизни вообще, или только воспроизводитъ отдѣльныя ея проявленія,—въ томъ случаѣ, когда разработанный имъ сюжетъ самъ по себѣ затрагиваетъ вопросъ, который еще далекъ отъ всесторонняго полнаго истолкованія.

Въ данномъ случаѣ вопросъ этотъ возникаетъ самъ собою при чтеніи разсказа А. Куприна „Бредъ“.

Сюжетъ разсказа слѣдующій. Въ полуразрушенной фермѣ остановилась на ночевку рота солдатъ, составлявшая часть карательнаго отряда. Капитанъ Марковъ, командиръ роты, подъ непосредственнымъ руководительствомъ котораго уже совершился рядъ убійствъ, одиноко проводитъ безсонную ночь,—онъ страдалъ болотной лихорадкой,—и въ его утомленномъ сознаніи смѣшалось все: дѣйствительность и бредъ.

Пережитые дни могли оставить по себѣ въ душѣ кого-угодно сильное впечатлѣніе.

> „Рота не могла обременять себя плѣнными, и потому всѣхъ подозрительныхъ и даже просто беспаспортныхъ людей, захваченныхъ, по дорогѣ, немедленно разстрѣливали“.

Близкое будущее также не внушало спокойныхъ думъ и настроеній.

> „Онъ былъ увѣренъ, что его ротѣ завтра придется принять участіе въ серьезномъ и продолжительномъ дѣлѣ, и потому хотѣлъ, чтобы люди хоть немного отдохнули, успокоились и подкрѣпились“.

И прежде, чѣмъ остаться одному, капитанъ Марковъ отдаетъ приказаніе о разстрѣляніи завтра, на разсвѣтѣ, нѣсколькихъ человѣкъ, и между прочимъ, какого-то неизвѣстнаго, пойманнаго утромъ старика. Въ недостаточной красочности момента, взятаго для художественной разработки, нельзя упрекнуть автора.

Освѣтить то отношеніе одного человѣка къ другимъ людямъ, слѣдствіемъ котораго является безпрерывный рядъ холодныхъ, однообразныхъ убійствъ; нарисовать притупленность въ этомъ направленіи однихъ чувствъ и обостренность—другихъ, и пролить такимъ образомъ свѣтъ въ одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ человѣческаго духа—было бы величайшей заслугой художника и, несомнѣнно, привело бы къ болѣе широкимъ познаніямъ жизненныхъ фактовъ,—но г. Купринъ, къ сожалѣнію, ничего этого не сдѣлалъ, несмотря на то, что сюжетъ его разсказа имѣетъ всѣ данныя для разработки въ этомъ именно смыслѣ, и слишкомъ бѣденъ для всякаго иного освѣщенія.

Въ бреду Маркова авторъ проводитъ параллель между современной инертной дѣятельностью людей, имѣющей кровавый исходъ, и древней легендой, рисующей образъ Каина, и на этомъ заканчиваетъ весь свой разсказъ.

Образъ Каина слишкомъ ясенъ, чтобы не видѣть той глубокой разницы, которая лежитъ между нимъ и тѣмъ лицомъ, какое намѣчено авторомъ въ разсказѣ „Бредъ“. Каинъ, совершая убійство, не зналъ ужаса смерти, и увидѣлъ смерть только тогда, когда совершившееся стало уже непоправимымъ. Капитанъ Марковъ раньше зналъ смыслъ и значеніе своей дѣятельности, и смерть не только не являлась въ его глазахъ неожиданною, но, наоборотъ, была цѣлью всѣхъ его заботъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣ дни, въ какіе мы его видимъ въ разсказѣ г. Куприна.

Всякій, кто причиняетъ смерть и насиліе и не сознаетъ того, что онъ дѣлаетъ,—рабъ; ибо если и самъ подпадаетъ подъ гнетъ насилія, то приметъ его покорно, такъ какъ не будетъ знать, откуда оно приходитъ. Тотъ же, кто знаетъ силу страданія и ужасъ смерти, и все-таки причиняетъ ихъ,—тотъ палачъ; ибо только палачъ причиняетъ страданія именно потому, что знаетъ мученія жертвы.

Ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи авторомъ не разработанъ избранный имъ сюжетъ, и потому разсказъ „Бредъ“ врядъ ли можетъ быть отнесенъ къ числу удачныхъ произведеній г. Куприна.

Нельзя обойти молчаніемъ странный вымыселъ Сергѣева-Ценскаго, названный повѣстью и носящій названіе „Лѣсной топи".

Это не повѣсть, а какая-то безконечная путаница словъ и образовъ, утратившихъ между собою всякую логическую связь.

Рядъ выдержекъ послужитъ яркимъ доказательствомъ того, какъ мысль художника, пораженная вначалѣ, быть можетъ, совершенно случайно мелькнувшимъ уродливымъ образомъ, не только не отшатнулась отъ нарождающейся въ ней извращенности простѣйшихъ представленій, но, наоборотъ, послушно направилась въ сторону этого извращенія, и, не находя границъ въ туманѣ слѣпыхъ блужданій, наложила свою печать на все, что доступно ея больному созерцанію.

> „Заквакала вдругъ лягушка раскатисто и звучно на цѣлый лѣсъ, *точно лошадь заржала*, потомъ какъ-то сразу оборвалась, и опять стало тихо".
>
> „Онъ душилъ ее жесткими руками,—догоралъ и тухъ огарокъ, и въ комнату сразу со всѣхъ сторонъ, *точно спущенная свора черныхъ собакъ*, врывалась ночь".
>
> „Скользили тайны, *невидныя и неслышныя*, но полныя *говора и блеска*".
>
> „По зеленой только что недавно распустившейся яркой листвѣ ползало *желторукое* солнце, качалось на вѣткахъ, незамѣтно прыгало съ дерева на дерево, и опять ползало и купалось въ мягкомъ ароматѣ".
>
> „Лѣсъ съ обѣихъ сторонъ капалъ зеленымъ дождемъ, плылъ зелеными тучами, смѣялся беззвучнымъ смѣхомъ надъ желторукимъ солнцемъ, которое все хотѣло улечься на землю и не могло", и т. д.

Не ради шутки и не ради веселья и смѣха надуманы всѣ эти странныя сравненія,—въ нихъ чувствуется мятежная мысль, оказавшаяся безсильною овладѣть живымъ языкомъ, передающимъ просто и ясно и разнообразіе внѣшняго міра, и силу впечатлѣній, которыми человѣкъ воспринимаетъ все, что доступно ему.

Вся сущность этого творчества укладывается въ два пріема: не называть описываемыхъ вещей ихъ собственными именами и говорить о нихъ, какъ о предметахъ, о которыхъ не существуетъ никакихъ представленій, такъ, напр., г. Сергѣевъ-Ценскій, избѣгая самаго слова—лучъ, замѣняетъ его прилагательнымъ—желторукій, и о солнцѣ говоритъ, какъ о древесной лягушкѣ,—выходитъ весьма оригинально, но мало убѣдительно! Второй пріемъ заключается въ томъ, чтобы при образныхъ сравненіяхъ ни въ какомъ случаѣ не останавливаться на такихъ вещахъ, которыя могутъ имѣть какое-нибудь, хотя самое отдаленное, сходство, а подбирать такія, между которыми нѣтъ рѣшительно ничего общаго; напримѣръ, ночь и свора со-

бакъ; можно прибѣгать еще при сравненіяхъ къ вещамъ совершенно противоположнымъ по своему значенію, но говорить о нихъ, какъ имѣющихъ прямое сходство,—напримѣръ, для уясненія понятія о невидимомъ—говорить о блескѣ; неслышное—хорошо выражается шумомъ говора,—но послѣдній пріемъ должно признать устарѣвшимъ и не подходящимъ для эффекта.

Это новѣйшее творчество, вѣроятно, найдетъ немало послѣдователей. Оно имѣетъ то неоспоримое преимущество, что, пользуясь названными пріемами, можно писать вещи совершенно не вразумительныя и выдавать ихъ за откровенія глубочайшей мудрости. Кто не пойметъ, легко можетъ отнести причину непониманія на счетъ недостатка собственнаго глубокомыслія; а кто отвергнетъ плоды этого творчества и сочтетъ его полной нелѣпостью, тому можно возразить на это тѣмъ, что всякое новое вѣяніе, какъ бы оно жизненно ни было, вначалѣ всегда встрѣчаетъ жестокій протестъ.

Скучная, тягучая и однообразная повѣсть Сергѣева-Ценскаго заставляетъ вспомнить съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія могущественную силу—забвеніе.

Рядъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, заканчивается небольшимъ разсказомъ Бор. Зайцева „Полковникъ Розовъ“.

Начинается этотъ разсказъ такъ:

> „Наконецъ-то, свернули съ шоссе, городъ остался сзади, за рѣкой и колеса телѣжки сразу въѣхали въ землю,—теплую, чуть пыльную. Вотъ онъ и вѣтеръ—въ лицо пышетъ, подъ нимъ такъ чудесно летѣть впередъ, все впередъ, къ милому Розову. „Ходу, ходу, Скромная! Наддай!“
>
> А конецъ его такой:
>
> „О, шуми, шуми, вѣтеръ, говори о просторахъ, дальнихъ звѣздахъ, радости.—Прощайте, полковникъ, привѣтъ!“

Чѣмъ же богатъ разсказъ между этимъ радостнымъ началомъ и восторженнымъ концомъ?

Разсказчикъ скоро пріѣхалъ къ полковнику и засталъ его на крыльцѣ. Полковникъ, сидя на корточкахъ, раздувалъ самоваръ.

Восклицанія, объятія, поцѣлуи. Затѣмъ—чай. Сбѣжались деревенскіе мальчуганы. Послѣ чая пускали змѣя—змѣй леталъ высоко. Смотрѣли охотничью собаку Розова. Поздно вечеромъ ужинали; кажется, при этомъ что-то пили. Затѣмъ—сонъ. Когда на утро поднялись, солнце стояло высоко и уже успѣло растопить воздухъ. Становилось жарко. Время охоты проспали, но все-таки отправились къ лѣсу съ собаками и ружьями. Дичи не было. Какая еще держалась въ рощѣ, и ту разогналъ песъ, метаясь въ порывѣ неудержимаго веселья. Но дальновидный полковникъ, снаряжаясь на охоту, прихватилъ флягу „огненной воды“. Выпили и по-

завтракали. „Вода жизни“ сразила полковника—онъ погрузился въ дремоту. Такъ свечерѣло; время и домой. Пора!

„Пріятно ѣхать съ чуть затуманенной головой“...

— Ну, это какъ-когда!—можно отвѣтить автору.

— Если васъ
Мой безыскусственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость,—
Я буду счастливъ; а не такъ,—
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: чудакъ...

Лермонтовъ.

Отдѣльно отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ разсказовъ помѣщено „представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ“ Леонида Андреева—„Жизнь Человѣка“.

Чтобы вполнѣ оцѣнить художественную сторону этого новаго произведенія, его надо видѣть въ постановкѣ на сценѣ. Картины созданы для сцены, и только тамъ можно найти полное освѣщеніе какъ всей пьесы, такъ и отдѣльныхъ ея образовъ, которые въ чтеніи не производятъ того впечатлѣнія, какое можетъ дать сцена, вслѣдствіе чего и самые образы остаются неясными. Ихъ главное значеніе заключается въ томъ впечатлѣніи, какое они могутъ дать зрителю. Поэтому, оставляя въ сторонѣ все, что составляетъ художественную цѣнность „картинъ“ Л. Андреева, мы остановимся лишь на томъ взглядѣ на жизнь, въ духѣ котораго создана „Жизнь Человѣка“. Взглядъ этотъ наиболѣе ясно выраженъ въ прологѣ,—на немъ мы и остановимся.

Почти всѣ опредѣленія жизни правильны сами по себѣ и также, почти всѣ они, при сравненіи одного съ другимъ, оказываются односторонними и даже ложными.

До сихъ поръ существовалъ общій пріемъ, которымъ пользовался художникъ,—это воспроизведеніе индивидуальной человѣческой личности. Леонидъ Андреевъ въ своей новой пьесѣ сдѣлалъ попытку нарисовать драму жизни человѣка внѣ индивидуальности.

Но возможно ли на мѣстѣ безличнаго человѣка Андреева представить образъ какого угодно человѣка, безъ того, чтобы образъ этотъ не утратилъ своей жизненности,—вотъ тотъ вопросъ, рѣшеніе котораго явится оцѣнкой всего произведенія.

„Родившись, онъ пріиметъ образъ и имя человѣка и во всемъ станетъ подобенъ другимъ людямъ, уже живущимъ на землѣ. И ихъ жестокая судьба станетъ его судьбою, и его жестокая судьба станетъ судьбою всѣхъ людей“.

Такъ говоритъ въ прологѣ Тотъ, кто отъ начала и до конца жизни человѣка, со дня его рожденія и до самой смерти, все время остается неизмѣннымъ рядомъ съ человѣкомъ, который, наоборотъ, переходя разнообразныя ступени своей жизни, постоянно мѣняется. Въ рукѣ неизмѣннаго спутника человѣка горитъ и гаснетъ свѣча, и пламень ея—это жизнь человѣка. Кто этотъ спутникъ, именуемый Онъ,—неизвѣстно; но Ему напередъ извѣстна вся будущность человѣка и Онъ, повидимому, знаетъ и самыя силы, съ которыми человѣкъ пойдетъ навстрѣчу тому, что должно совершиться въ его жизни.

Онъ говоритъ, и всѣ слова его относятся только къ человѣку, но не выясняютъ сущности Его самого.

О человѣкѣ-же и о его силахъ Онъ говоритъ такъ:

„Ограниченный зрѣніемъ, онъ никогда не будетъ видѣть слѣдующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его; ограниченный знаніемъ, онъ никогда не будетъ знать, что несетъ ему грядущій часъ—минута. И въ слѣпомъ невѣдѣніи своемъ, томимый предчувствіями, волнуемый надеждами и страхомъ, онъ *покорно* совершитъ кругъ желѣзнаго предначертанія“.

Смыслъ этихъ желѣзныхъ словъ былъ бы ужасенъ, если бы въ нихъ дѣйствительно выражалось то, что уже знаютъ люди.

Человѣкъ не видитъ слѣдующей ступени своей,—но и то, что онъ видитъ, уже открываетъ предъ взоромъ его безграничность міра. Человѣкъ не знаетъ, что совершится въ ближайшій моментъ его жизни, но и изъ того, что онъ знаетъ, у человѣка создается представленіе о вѣчности. И если это зрѣніе и это знаніе могутъ быть условно названы ограниченными, то они съ такимъ же правомъ могутъ считаться и безграничными.

Минусъ и плюсъ одной и той же величины даютъ нуль. Такимъ образомъ, всѣ слова объ ограниченности человѣческаго знанія имѣютъ только внѣшній блескъ и звукъ желѣза, но въ нихъ нѣтъ той внутренней силы, которая заставила бы вѣрить, что знаніе человѣка дѣйствительно ограничено, и доказать, что всякій человѣкъ неминуемо „*покорно* совершитъ кругъ желѣзнаго предначертанія“.

Наблюдая все, что доступно мысли, человѣкъ не можетъ не размышлять о жизни въ самыхъ широкихъ границахъ. И если умъ человѣческій и останавливается передъ такими вопросами, разрѣшеніе которыхъ въ переживаемый моментъ находится внѣ познанія, то человѣку извѣстна и самая граница, предъ которой знаніе его останавливается. И такимъ образомъ, невѣдѣніе это является сознательнымъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо слѣпымъ невѣдѣніемъ. Ибо слѣпымъ невѣдѣніемъ можно назвать только такое незнаніе, когда представленія человѣческаго разума противорѣчатъ жизни; если же человѣкъ, не зная сущности

чего-либо, видитъ и понимаетъ свое незнаніе, то въ этомъ случаѣ оно является сознательнымъ, и не только не ограничиваетъ человѣка, но, наоборотъ, дѣлаетъ его способнымъ отрѣшаться отъ ложныхъ представленій, навѣянныхъ пережитыми впечатлѣніями, и не останавливаться ни передъ какими выводами, какъ бы они ни противорѣчили всему, что уже сложилось въ его сознаніи прежде.

То наблюденіе міроздания и тѣ знанія, которыми владѣетъ человѣкъ, даютъ ему возможность составить представленіе о безконечности и вѣчности міра, и это представленіе даетъ полную волю человѣческому разуму рисовать самыя широкія картины относительно своего личнаго существованія. И если для человѣка тайна его индивидуальной жизни и смерти не можетъ служить доказательствомъ въ пользу его идей, то эта же самая тайна не можетъ быть признана неопровержимымъ доказательствомъ и противъ вѣрности ихъ.

Такимъ образомъ, та ограниченность знанія, о которой говоритъ Андреевъ, вовсе не имѣетъ того рокового характера, какой онъ ей придаетъ.

> „Придя изъ ночи, онъ возвратится къ ночи и сгинетъ безслѣдно въ безграничности временъ, немыслимый, нечувствуемый, незнаемый никѣмъ“.

Отъ этихъ словъ вѣетъ холодомъ только потому, что жизнь, въ ея „безграничныхъ“ законахъ, никѣмъ еще не познанныхъ, безапеляціонно названа ночью, тьмой.

Взглядъ этотъ—чисто-субъективный.

Человѣку же вообще болѣе свойственно идти навстрѣчу всему неизвѣстному, стремиться къ новымъ познаніямъ и, обогащая этими познаніями свою индивидуальную жизнь, искать свободнаго и полнаго развитія всѣхъ своихъ силъ и способностей.

„И познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ *свободными*“ (Іоан. VII, 32).

Въ февральской кн. „Современнаго Міра“ продолжается печатаніе романа М. Арцыбашева „Санинъ“.

Романъ въ самомъ началѣ своего появленія ужъ вызвалъ самые разнорѣчивые толки въ печати и продолжаетъ также привлекать къ себѣ вниманіе новизной постановки вопросовъ, разрабатываемыхъ Арцыбашевымъ въ его новомъ произведеніи. Всѣ появившіеся отзывы о „Санинѣ“ свидѣтельствуютъ только о томъ, что романомъ заинтересованъ широкій кругъ читателей и что критики достаточно легкомысленно торопятся высказать свои сужденія. Мы воздержимся отъ какой бы то ни было оцѣнки, пока романъ не будетъ вполнѣ законченъ, чтобы не впасть въ ошибочныя и одностороннія сужденія, возможныя при неполномъ ознакомленіи съ такимъ крупнымъ произведеніемъ, какимъ является „Санинъ“ М. Арцыбашева.

Въ этой же кн. „Современнаго Міра“ обращаетъ на себя вниманіе, какъ и всегда, ярко написанный разсказъ А. Куприна „Гамбринусъ“.

Слово—самое капризное орудіе человѣка.

Художникъ воленъ въ выборѣ словъ, но они не всегда подчиняются ему, и образы художника нерѣдко пріобрѣтаютъ гораздо болѣе глубокій смыслъ и болѣе широкое значеніе, чѣмъ все то, что хотѣлъ выразить въ своихъ образахъ самъ авторъ. Яркимъ примѣромъ въ этомъ смыслѣ можетъ служить разсказъ г. Куприна „Гамбринусъ“.

Гамбринусъ — это пивная самаго низшаго разбора. Ея дверь и денно, и нощно открыта для всѣхъ безъ исключенія посѣтителей, общехарактерную черту которыхъ составляли, съ одной стороны, полная готовность мириться съ какимъ бы то ни было нарушеніемъ комфорта, и съ другой—непобѣдимая слабость ко всему спиртному.

Пивная помѣщалась въ одной изъ самыхъ людныхъ улицъ торговаго города, и среди портоваго люда, грузчиковъ, рыбаковъ, матросовъ и просто пропоицъ всякаго вида, — пользовалась громкой извѣстностью и самыми широкими симпатіями.

Симпатіи эти коренились, конечно, въ самой гостепріимности Гамбринуса, но не послѣднюю роль игралъ въ поддержаніи этихъ симпатій и музыкантъ Сашка, увеселявшій хмѣльную и бурную публику, дававшую жизнь подвальному заведенію.

„Здѣсь каждый вечеръ уже много лѣтъ подрядъ игралъ на скрипкѣ для удовольствія и развлеченія гостей музыкантъ Сашка—еврей,—кроткій, веселый, пьяный, плѣшивый человѣкъ съ наружностью облѣзлой обезьяны неопредѣленныхъ лѣтъ“.

И если къ этому прибавить еще то, что Сашка, повидимому, съ любовью относился къ своей игрѣ на скрипкѣ и разыгрывалъ не только излюбленные посѣтителями Гамбринуса марши, танцы и бурныя пѣсни, — но нерѣдко и свои собственныя грустныя мелодіи, въ часы, когда пивная пустовала и когда единственными цѣнителями искусства являлись лишь старая буфетчица да собачонка Бѣлочка,—портретъ Сашки можно будетъ признать вполнѣ законченнымъ.

Неизмѣнными поклонниками таланта Сашки были безпрестанно мѣняющіеся гости Гамбринуса, кипучая жизнь которыхъ, постепенно и незамѣтно разрушаясь подъ гнетомъ непосильнаго труда и лишеній, разливалась въ притонахъ порта самыми мутными волнами своими.

„Всѣ эти люди—матросы разныхъ націй, рыбаки, кочегары, веселые юнги, портовые воры, машинисты, рабочіе, лодочники, грузчики, водолазы, контрабандисты—всѣ они были молоды, здоровы и пропитаны крѣпкимъ запахомъ моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужасъ ежедневнаго риска, цѣнили выше всего силу, молодечество, задоръ и хлесткость крѣпкаго слова; а на сушѣ

всѣ предавались съ дикимъ наслажденіемъ разгулу, пьянству и дракамъ".

Что было общаго между всѣми этими людьми и личностью скрипача Сашки?

Эти люди были людьми двухъ разныхъ міровъ,—жизни желѣзнаго труда и смертельной борьбы за каждый день лишеній,—и жизни, надолго застывшей въ своемъ неподвижномъ спокойствіи и уже утратившей всякое стремленіе къ какимъ бы то ни было перемѣнамъ.

Какъ ни была ненастна и тяжела жизнь портоваго люда, но въ нѣдрахъ самаго разложенія ея скрыто бродили живыя силы, закалявшія все, что могло быть жизнеспособнымъ, и ускорявшія смерть всего отживающаго. И какъ ни была жизнь Сашки спокойна сама по себѣ, самое спокойствіе ея свидѣтельствовало о томъ, что жизнь была не по плечу этому человѣку.

Всѣ случайные посѣтители Гамбринуса—матросъ и рыбакъ, лодочникъ и водолазъ, воръ и контрабандистъ,—только со стороны видѣли и наблюдали неизмѣннаго скрипача хмельного притона, какъ, въ свою очередь, и скрипачъ могъ наблюдать ихъ только въ этомъ притонѣ. Они оставались совершенно чужды другъ другу, какъ только могутъ быть чужды существа, которыя, и встрѣтившись, не могутъ взаимно стать на дорогѣ другъ друга.

Но Сашка все-таки не былъ совершенно равнодушенъ къ кипѣвшей вокругъ него жизни и, несмотря на свое многолѣтнее пребываніе въ Гамбринусѣ, онъ сохранилъ въ себѣ живое чувство интереса ко всему, что происходило изо дня въ день въ этомъ заведеніи. Когда хмельное веселье поднималось выше обычной нормы, Сашка неизмѣнно приходилъ въ возбужденіе—„готовъ былъ играть, что угодно", когда пѣли и плясали подвальные гости, и „не переставая играть, становился на стулъ, чтобы лучше видѣть".

Гдѣ совершенно нѣтъ и не можетъ быть никакихъ взаимныхъ столкновеній, но гдѣ не утраченъ взаимный интересъ къ жизни, тамъ нѣтъ мѣста и для вражды. А гдѣ нѣтъ вражды, тамъ простое чувство терпимости можетъ легко перейти въ чувства привязанности и симпатіи. Случайно приставшая къ полку собака можетъ надолго стать предметомъ общаго вниманія, многочисленныхъ ласкъ и даже заботъ, и оставить по себѣ у многихъ яркое воспоминаніе, наряду съ другими воспоминаніями о пережитыхъ тревогахъ и лишеніяхъ походной жизни.

„...Если не его имя, то его живое обезьянье лицо и его скрипка вспоминались изрѣдка въ Сиднеѣ и въ Плимутѣ такъ же, какъ въ Нью-Іоркѣ, во Владивостокѣ, въ Константинополѣ и на Цейлонѣ, не считая уже всѣхъ заливовъ и бухтъ Чернаго моря, гдѣ води-

лось множество почитателей его таланта изъ числа отважныхъ рыбаковъ".

Весьма вѣроятно, что истинные почитатели Сашки, тѣ, которые дѣйствительно хорошо знали скрипача, никогда и не бывали ни въ какихъ приморскихъ городахъ, кромѣ того, гдѣ они обитали сами; и весь міръ ихъ, всѣ заморскіе города и чудеса заключались для нихъ исключительно лишь въ Гамбринусѣ, и въ другихъ смежныхъ притонахъ того же характера. Но Плимутъ, Сидней, Нью-Іоркъ, Цейлонъ и пр., и все побережье Чернаго моря,—это тѣ смѣлые мазки живописи, которые не могутъ быть названы тонкими штрихами, но которыми А. Купринъ такъ умѣетъ придавать красочность и выразительность своимъ картинамъ. Его манера письма, какъ веселый смѣхъ лихой служанки на улицѣ большого города въ ясный солнечный день, поражаетъ глаза наблюдателя, и даетъ картинамъ художника ту особую простоту и красочность, которая дается немногимъ и которая составляетъ отличительную черту творчества г. Куприна.

На-лету схватить и передать какое-либо явленіе жизни, не вдаваясь въ анализъ скрытыхъ психологическихъ переживаній; нарисовать натурщицу-жизнь, не снимая съ нея ея будничныхъ лохмотьевъ,—въ этомъ заключается главное, и дѣйствительно важное, значеніе таланта А. Куприна. И онъ напрасно пытается иногда, какъ и въ своемъ послѣднемъ разсказѣ, перерядить натуру въ несвойственныя ей одежды; это наноситъ лишь ущербъ той отличительной простотѣ языка и образовъ, которая отводитъ Куприну одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ современныхъ художниковъ слова. Изъ скрипача Сашки вовсе не надо было создавать незауряднаго, талантливаго музыканта, чтобы нарисовать картину тѣхъ взаимныхъ отношеній людей между собою, благодаря которымъ возникли симпатіи портоваго трудового люда къ безобидному музыканту. Толпа цѣнила не игру скрипача, а его индивидуальную личность, самого Сашку, сумѣвшаго сохранить въ себѣ живой интересъ и участіе къ жизни людей, съ которыми у него не было ничего общаго; безъ скрипки и окарино Сашка, навѣрно, овладѣлъ бы не меньшими симпатіями окружающихъ. Входя въ среду людей и не ожидая отъ нихъ благъ, онъ не предъявлялъ къ нимъ никакихъ требованій, и потому общеніе съ нимъ не стѣсняло ничьей свободы и люди платили за эту свободу своимъ вниманіемъ къ личности Сашки, и охотно дѣлили съ нимъ досугъ, веселье и пиво.

Значеніе этого разсказа гораздо шире, чѣмъ то, которое выводитъ самъ авторъ изъ своихъ образовъ, заканчивая разсказъ словами: „Человѣка можно искалѣчить, но искусство все перетерпитъ и все побѣдитъ".

Въ „Русскомъ Богатствѣ" печатаются записки Вл. Короленко „Исторія моего современника".

Въ январьской кн. помѣщены воспоминанія о городѣ Ровно. И все,

что рисуетъ Вл. Короленко въ своихъ воспоминаніяхъ,—общая картина уѣзднаго города съ его удивительными „заставами“; такія забытыя учрежденія, какъ высшій уѣздный судъ; гимназія того времени съ „учительскимъ автоматизмомъ“,—все настолько художественно-правдиво нарисовано, что въ этой исторической картинѣ вы видите не однѣ только формы минувшей эпохи, но чувствуете и самый трепетъ жизни, никогда не умирающій и всегда одухотворяющій тѣ формы жизни, которыми отмѣчается всякая эпоха. Это достигнуто замѣчательно типичной обрисовкой всѣхъ лицъ, о которыхъ авторъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Самое же цѣнное въ воспоминаніяхъ Вл. Короленко—это то, что онъ отмѣчаетъ наиболѣе яркіе моменты, когда подъ впечатлѣніемъ, какъ будто самихъ по себѣ ничтожныхъ фактовъ, въ сознаніи возникаютъ понятія, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и слагается все дальнѣйшее интеллектуальное развитіе человѣка.

Въ этомъ сказывается большой художникъ.

Рисуя чаепитіе въ домѣ отца, которымъ прервалась карточная игра; накуренную комнату; свѣтлую лѣтнюю ночь и то настроеніе „безъ опредѣленныхъ мыслей“, которое родилось подъ впечатлѣніемъ разговора за чаемъ, авторъ говоритъ:

> „Изъ того, что я такъ запомнилъ именно этотъ вечеръ изъ многихъ другихъ, когда у насъ играли въ карты, я заключаю, что я вышелъ тогда изъ накуренной комнаты съ чѣмъ-то новымъ въ душѣ, смутнымъ, но способнымъ къ дальнѣйшему росту“...

Говорить такъ—это не значитъ говорить только о минувшемъ; значеніе воспоминаній Вл. Короленко выходитъ далеко за узкіе предѣлы случайной автобіографіи.

П. Дмитріевъ.

Критика и библіографія.

С. А. Савенкова. *Годы скорби (Воспоминанія матери).* Спб. 1906 г. Изд. журнала „Русское Богатство“. Ц. 15 к.

Побольше бы такихъ воспоминаній!

Разсказъ ведется отъ лица интеллигентной матери, испившей полную чашу скорби въ наше нелегкое для матерей время. „Такихъ, какъ я, несчастныхъ матерей, тысяча... И потому мой искренній разсказъ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе...“—говоритъ героиня повѣсти. Конечно, можетъ имѣть значеніе, еще бы нѣтъ! Это живая характеристика нашей предразсвѣтной эпохи,—своеобразный историческій документъ—эти воспоминанія матери средней интеллигентской семьи нашего времени.

„Первый громъ для моей семьи грянулъ въ 1897 году. До тѣхъ поръ мы жили, какъ всѣ *тогда* (курсивъ нашъ) жили въ провинціи: безъ особыхъ заботъ, безъ особыхъ общественныхъ интересовъ, безъ запросовъ... такъ себѣ, изо дня въ день, какъ живутъ чиновники... „Съ 1897 года начинается эпопея мытарствъ семьи. Только что пріѣхали на Рождество въ отпускъ два сына студента, какъ ихъ тутъ же въ первую ночь подъ родительскимъ кровомъ „забираютъ“. Для матери наступаетъ пора паломничества ко всякаго рода инстанціямъ. Живо и типично переданы подробности такого паломничества—наши инстанціи безъ всякихъ подчеркиваній, въ простомъ, правдивомъ разсказѣ являются во всей красѣ. И это еще сравнительно легкія условія, въ которыхъ находилась вспоминающая свои муки мать. У нея были кое-какія средства, кое-какія связи. А у скольких нѣтъ ни того, ни другого! Но тѣмъ-то и хороша эта маленькая книжка, что она, такъ сказать, описываетъ средній, типичный случай.

Правда, ко времени объявленія „конституціи“ у матери одинъ сынъ застрѣлился въ ссылкѣ, другой эмигрировалъ и пропалъ безъ вѣсти, мужъ сошелъ съ ума и умеръ, но... то ли еще бываетъ! Могли бы обоихъ сыновей безъ вины разстрѣлять, могли бы самое госпожу Савенкову за любовь къ преступнымъ дѣтямъ посадить въ тюрьму—бывало вѣдь и это и проходилось молчаніемъ и незнаніемъ такъ называемаго русскаго общества.

Скорбная повѣсть г-жи Савенковой написана просто и искренно, безъ особыхъ литературныхъ достоинствъ, но и безъ обычныхъ особенностей такого рода повѣстей т. е. излишней аффектированности чувствъ самой разсказчицы. Прочтя исторію хожденія по мукамъ этой матери, не одна изъ тысячи скорбящихъ русскихъ матерей скажетъ: „Да, да, именно такъ, и со мной то же было".

За подробностями отсылаемъ читателя къ самой повѣсти. Повторяемъ только, что въ ней не надо искать особыхъ литературныхъ достоинствъ и всего того, что составляетъ предметъ такъ называемаго чистаго искусства. Это есть живая и правдивая иллюстрація къ трагедіи нашей общественной жизни, иллюстрація, характерная почти для цѣлыхъ десяти послѣднихъ лѣтъ—отъ 1897 года и до „конституціонной" эры.

Е. Херсонская.

Берделей. Книгоиздательство „Шиповникъ". Спб. 1906 г.

Тонкій болѣзненный профиль съ глубокой складкой у рта и розной бахромкой волосъ, низко спускающейся на лобъ; загадочный „потусторонній" взглядъ, какъ бы провидѣвшій иные міры; глубоко ввалившіеся глаза и нервныя, чахоточныя руки—таковъ портретъ, которымъ украшена только что вышедшая книжка съ рисунками Берделея. Этотъ портретъ, можетъ быть, лучше всякихъ комментаріевъ, объясняетъ странное, причудливое творчество рано угасшаго художника, и нельзя не похвалить книгоиздательство „Шиповникъ" за тотъ тактъ, съ которымъ оно не предпослало этимъ рисункамъ обычнаго въ такихъ случаяхъ объяснительнаго текста. Ибо, примѣняя къ нему выраженіе вѣнскаго писателя-импрессіониста Петера Альтенберга, можно сказать, что рисунки Берделея—это „экстракты, которые каждый долженъ распустить своими собственными силами"; экстракты его утонченной болѣзненной души, фантастическія видѣнія одинокаго человѣка, стоящаго на краю могилы и оттуда посылающаго свои проклятія и благословенія, живущему въ радостяхъ, порокахъ и страданіяхъ, міру... Можетъ быть, подчасъ его ѣдкая, бичующая сатира, его насмѣшка надъ жизнью и людьми—была лишь озлобленіемъ человѣка, уже не принадлежащаго этому міру; можетъ быть, наоборотъ, ему—больному, одинокому человѣку,—жизнь, которой онъ не извѣдалъ, подчасъ казалась необыкновенно прекрасной и онъ тогда всюду разсыпалъ розы, наполнялъ ими сказочные сады, сплеталъ ихъ въ причудливыя гирлянды... Его нѣжныя, вытянутыя фигурки съ маленькими, граціозными головками, съ длинными ногами и тонкими руками, такъ сильно напоминающія стройныя созданія прерафаэлитовъ, какъ будто обвѣяны губительнымъ дыханіемъ того недуга, отъ котораго онъ самъ такъ быстро сгорѣлъ. Его женщины живутъ въ какой-то нездоровой пряной

атмосферѣ и вокругъ нихъ вырастаютъ тѣ экзотическіе цвѣты, порхаютъ тѣ удивительныя бабочки. о которыхъ онъ такъ красиво разсказываетъ въ своемъ фантастическомъ романѣ „Under the Hill". Есть что-то болѣзненно-меланхолическое въ ихъ любви къ жизни, въ ихъ пристрастіи къ роскоши, къ необычайнымъ нарядамъ и вычурнымъ украшеніямъ... Глядя на нихъ, кажется, что онѣ спѣшатъ изжить возможно больше въ тотъ короткій періодъ времени, который имъ остался жить и что-то глубоко грустное и трогательное чувствуется въ томъ сладострастіи, съ которымъ женщина въ рисункѣ „Осень" (стр. 26-ая и варіантъ „Обложка" стр. 52-ая) вдыхаетъ въ себя ароматъ плодовъ, съ которымъ Изольда подноситъ къ губамъ смертельный кубокъ, какъ будто божественный нектаръ...

Искусство Берделея—это искусство „избранныхъ", но тотъ, кто рѣшится подойти къ нему поближе, кто сумѣетъ понять и полюбить его причудливость и утонченность, тонъ откроетъ въ немъ цѣлый міръ сложныхъ и глубокихъ ощущеній.

Берделей былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ своего времени, который страстно стремился къ идеалу, но оставался во власти своихъ чувствъ. Мысль о злѣ выростала въ его воображеніи, принимая чудовищныя формы, и онъ создавалъ образы и сцены, въ которыхъ, сквозь утонченную извращенность, ясно пробивается странная смѣсь мистицизма съ самымъ острымъ сладострастіемъ. Человѣкъ съ рѣзко-выраженнымъ религіознымъ настроеніемъ, Берделей жилъ въ мірѣ своихъ фантастическихъ чудовищъ, фавновъ и сатировъ съ козлиными ногами: въ этой глубокой раздвоенности какъ будто чувствуется желаніе удовлетворить двумъ различнымъ свойствамъ своего существа—въ непосредственной вѣрѣ искавшаго отвѣтъ на простые, дѣтски-ясные запросы своей души и топившаго въ капризно-утонченномъ аффектированномъ творчествѣ дикую жажду исключительныхъ и жгучихъ ощущеній.

Эта вѣчная неудовлетворенность, это трагическое одиночество и болѣзненное исканіе идеальной и безпорочной красоты, сквозившее во всѣхъ самыхъ ужасныхъ сюжетахъ, въ самыхъ рискованныхъ символахъ, близко роднитъ Берделея съ тѣмъ литературнымъ теченіемъ, которое такъ тѣсно связано съ именемъ Бодлэра и начало котораго теряется въ безумныхъ фантасмагоріяхъ Эдгара По...

Въ исторіи европейскаго искусства имя Берделея стоитъ одиноко. Если у японцевъ онъ заимствовалъ капризную вычурность рисунка, если по приверженности къ фантастическимъ и сказочнымъ сюжетамъ онъ приближается къ прерафаэлитамъ, все же въ его эклектизмѣ такъ много своеобразнаго, такая оригинальная утрированность стиля, что причислить его къ какой-нибудь опредѣленной школѣ не представляется никакой возможности. Берделей не имѣлъ школы и не слѣдовалъ слѣпо никакимъ учителямъ: онъ творилъ wie der Vogel singt, безъ долгой томительной

подготовки, не изучая модели, пренебрегая природой и законами перспективы,—и цѣлой паутиной тончайшихъ линій, цѣлымъ фейерверкомъ пятенъ, точекъ и штриховъ воплощалъ свои идеи въ фантастическіе, утонченно-изысканные и граціозно-шаловливые образы, въ которыхъ не оставалось почти ничего реальнаго. Его фантазія, казалось, не знала удержу: онъ намѣренно искажалъ строеніе человѣческаго тѣла и создавалъ анахронизмы въ убранствѣ комнатъ и одеждѣ—во всѣхъ тѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, которыя придаютъ такую вычурность и странность его рисункамъ: люди и аксессуары сплетаются у него въ удивительные прихотливые орнаменты, волосы женщинъ змѣятся, какъ ползучія тропическія растенія, а ихъ платья напоминаютъ цвѣтники райскихъ садовъ—все смѣшивается словно въ горячечномъ бреду—люди и гномы, цвѣты и птицы, деревья и фонтаны—все принимаетъ сверхъестественную аффектированную форму.

Подборъ рисунковъ, сдѣланный художникомъ Сомовымъ для настоящаго изданія, вполнѣ удаченъ, такъ какъ даетъ достаточно ясное представленіе объ оригинальномъ дарованіи молодого англійскаго рисовальщика. Жаль только, что передавая нѣкоторые рисунки Берделея, которые характерны не только сами по себѣ, но главнымъ образомъ, какъ иллюстраціи къ различнымъ литературнымъ произведеніямъ, издатели почему-то не привели относящагося къ нимъ текста, какъ это обыкновенно дѣлалось въ другихъ изданіяхъ. Этотъ недостатокъ особенно чувствителенъ по отношенію къ циклу прелестныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ комическую поэму Попа „The Rape of the Lock", которая такъ привлекала Берделея романтизмомъ и манерностью своей эпохи, и въ иллюстраціяхъ къ „Pierrot of the Minute", такъ какъ трогательныя и сентиментальныя слова текста еще больше подчеркиваютъ меланхолическую грацію и своеобразную прелесть этихъ рисунковъ. По формату и по внѣшнему виду книжка отчасти напоминаетъ изданія изъ серіи „Die Künst", выходящія въ Берлинѣ у Барда подъ общей редакціей Рихарда Мутера. Рисунки выполнены тщательно и вѣрно передаютъ всю удивительную скалу чернаго, сѣраго и бѣлаго тоновъ, которая составляетъ такую исключительную особенность Обри Берделея.

Евг. Брикъ.

Русская Историческая Библіотека. 1906 г. №№ 3, 4 и .
Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь".

Первый изъ трехъ названныхъ выпусковъ „Русской Ист. Библіотеки" представляетъ собою отчетъ о процессѣ „шестнадцати террористовъ" (1880 г.); два другіе выпуска воспроизводятъ журналъ „Былое", издававшійся за-

границей подъ редакціей В. Л. Бурцева и посвященный преимущественно изученію народовольческой эпохи русскаго революціоннаго движенія. Такимъ образомъ, всѣ три выпуска „Библіотеки“ являются естественнымъ дополненіемъ къ тѣмъ матеріаламъ объ эпохѣ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, которые въ теченіе 1906 года привлекали вниманіе публики къ журналу „Былое“, издающемуся и въ нынѣшнемъ году.

Передъ грандіозными событіями русской революціи 1905 и 1906 годовъ поблѣднѣли тѣ проявленія недовольства и борьбы, которыя когда-либо раньше переживала Россія. И все-таки движеніе 70-хъ и 80-хъ годовъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія и изученія. Во многихъ отношеніяхъ нынѣшнія политическія партіи являются продолжателями дѣла, начатаго въ 70-хъ и отчасти 60-хъ годахъ. И въ тоже время движеніе закончившееся пораженіемъ и разложеніемъ народовольчества, представляетъ собою законченный циклъ явленій.

Теоретическія основы народничества и выросшаго изъ него народовольчества настолько расшатаны и научной марксистской критикой, и самой жизнью, что ихъ уже можно считать окончательно отошедшими въ область исторіи. Даже нынѣшнія партіи или фракціи, иногда называемыя „соціалъ-народническими“, разстались со многими иллюзіями, очистились отъ многихъ предразсудковъ старо-народничества.

Поэтому было бы безплоднымъ занятіемъ вступать въ полемику съ дѣятелями давно минувшихъ дней. Другое дѣло—дать оцѣнку движенія въ цѣломъ и указать причины, почему рѣзко и быстро оборвался ростъ политической организаціи, выступившей такъ блестяще на арену исторіи. Дать въ короткой рецензіи сколько-нибудь полную оцѣнку цѣлаго движенія, конечно, невозможно. Но и воздержаться совершенно отъ попытки освѣтить нѣкоторыя стороны явленія я не считаю возможнымъ въ виду того, что редакторъ заграничнаго „Былого“ не ограничивается ролью простого собирателя матеріаловъ: онъ съ своей стороны пытается оцѣнивать, сопоставлять, опровергать... Онъ горячо возстаетъ противъ „глубоко-печальнаго и несправедливаго отношенія къ серьезному вопросу“ со стороны, напримѣръ, Аксельрода. Послѣднему вмѣняется въ вину слѣдующая характеристика дѣятелей 70-хъ годовъ:

„Дѣятельность наша среди рабочихъ, помимо ея случайнаго характера,—такъ какъ по нашимъ воззрѣніямъ въ 70-хъ годахъ только крестьяне составляли „чистый народъ“,—отличалась безсистемностью и сводилась не то къ „занятіямъ“, т. е. чтеніямъ или лекціямъ по исторіи и т. п., не то къ абстрактной проповѣди великихъ, далеко не ясныхъ, идеаловъ будущаго. Впослѣдствіи (во времена народовольчества, хочетъ сказать Аксельродъ. *Ред.* [1]) и эта пропагандистско-проповѣдническая дѣя-

[1]) Это и дальнѣйшія замѣчанія въ скобкахъ, восклицанія и вопросы сдѣланы редакціей „Былого“.

тельность все болѣе и болѣе суживалась и превратилась (?) преимущественно (!!) въ орудіе вербовки (!) въ средѣ рабочихъ подходящихъ для террористической борьбы лицъ. Но о сознательномъ (?) и систематическомъ стремленіи вызвать среди рабочихъ самостоятельное политическое броженіе у насъ (и у народовольцевъ ? *Ред.*) никогда и рѣчи не было по той (?) простой причинѣ, что мы сами не имѣли сколько-нибудь ясныхъ понятій ни о научномъ соціализмѣ вообще, ни объ условіяхъ завоеванія „свободъ пропаганды“ соціализма въ частности“ („Р. Ист. Библ“. № 4. Стр. 60—61).

Какъ видитъ читатель уже изъ замѣчаній, восклицаній и вопросовъ, заключенныхъ въ скобки, споръ идетъ о слѣдующемъ: суживалась ли и превратилась ли преимущественно въ орудіе вербовки среди рабочихъ лицъ для террора дѣятельность революціонеровъ 80-хъ годовъ? Было ли стремленіе вызвать среди рабочихъ самостоятельное политическое броженіе? Имѣли ли дѣятели того времени ясныя понятія о научномъ соціализмѣ? Отвѣчая на эти вопросы, ограничимся разсмотрѣніемъ эпохи народовольчества, хотя Аксельродъ, говоря о томъ, что было „впослѣдствіи“ могъ имѣть въ виду и тѣ теченія, которыя возникли на развалинахъ народовольчества. Замѣтимъ только, что въ числѣ этихъ теченій несомнѣнно фигурировалъ и чистый терроризмъ, для котораго дѣятельность и среди рабочихъ, и въ другихъ слояхъ населенія дѣйствительно превратилась въ „орудіе вербовки“ лицъ для террористическихъ предпріятій. Но были ли повинны въ такомъ пониманіи своихъ задачъ въ рабочей средѣ сами народовольцы?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего установить тотъ фактъ, что народовольчество не родилось на свѣтъ совсѣмъ готовымъ и законченнымъ. Оно развивалось,—и потому вопросъ долженъ ставиться въ такой формѣ: въ чемъ заключалась эволюція народовольческихъ идей по отношенію къ задачамъ дѣятельности среди рабочихъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ можно почерпнуть цѣнныя и, на мой взглядъ, достаточныя данныя въ матеріалахъ, опубликованныхъ въ заграничныхъ сборникахъ „Былое“ и теперь перепечатанныхъ въ „Р. Ист. Библіотекѣ“.

Отъ предшествующаго землевольческаго періода движенія народовольцы несомнѣнно сохранили не одно только принципіальное признаніе роли „народной массы“ въ революціи. Наиболѣе видные дѣятели перваго періода „Н. В.“ дѣйствительно посвящали много силъ на созданіе широкой рабочей организаціи: они агитировали устно, издавали газету для рабочихъ и т. д. Въ 1880 г. осенью въ № 4 „Народной Воли“ читаемъ:

„Для народа важно достигнуть лучшихъ общественныхъ формъ, но еще важнѣе—достигнуть этого *самому*; для него всего важнѣе пережить такой историческій моментъ, въ теченіе котораго онъ, народъ, былъ бы дѣйствительнымъ распорядителемъ своихъ судебъ... („Р. Ист. Б.“ № 4. Стр.

129). Воздѣйствіе со стороны партіи на массы, тѣсная связь съ ними составитъ, такимъ образомъ, для насъ главное условіе успѣха, и только необходимость сообразоваться со средствами заставляетъ насъ всегда указывать на извѣстную экономизацію силъ... Главнаго вниманія требуютъ болѣе важные пункты. Таковы, вообще, крупные городскіе центры... Мы часто указывали на дѣятельность среди городского рабочаго населенія"... (Тамъ же. Стр. 130).

Относительно этого періода и Аксельродъ указывалъ еще на международномъ конгрессѣ въ Хурѣ (1881 г. Октябрь), что „фракція „Н. В.". на дѣлѣ давно уже энергично принялась за организаціонную работу среди городскихъ рабочихъ и взываетъ къ молодежи о необходимости приняться за агитацію въ крестьянствѣ". („Р. Ист. Б." № 5. Стр. 98).

Въ декабрѣ 1881 года, въ № 7 „Н. В." заявляется: „Основные принципы народовольцевъ проникнуты сознаніемъ значенія массъ и уваженіемъ къ нимъ. Практическая дѣятельность среди рабочихъ всегда составляла очень видную задачу нашей партіи"... (Тамъ же, стр. 102). Однако, въ альнѣйшемъ забота о подготовкѣ „народныхъ массъ", о связи съ массами все болѣе отодвигается на задній планъ. Газета „Народная Воля" продолжаетъ выходить (№ 8—9), но „Рабочая Газета" уже погибла. Въ сентябрѣ 1884 г. въ № 10 „Н. В." на мѣсто „тѣсной связи съ массами" ставится уже нѣчто иное.

Оказывается, что въ крестьянствѣ „о групповой организаціи не можетъ быть и рѣчи",—и рекомендуется поэтому „удовольствоваться выработкой лишь отдѣльныхъ личностей". Вообще „мы" уже „считаемъ прямо вредными, несбыточными мечты о широкой народной организаціи"... Задачи сводятся въ настоящее время лишь „къ *подготовкѣ* возможности такой организаціи, какая необходима будетъ въ эпоху революціи, т. е. организаціи, охватывающей одновременно и насъ, и значительныя массы народа". По отношенію къ рабочимъ ставится задача—„прежде всего создать нѣкоторые небольшіе, но испытанные революціонные кадры", съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы эти группы обезпечили себя связями съ массою.

Нужно помнить, что статья въ № 10 направлена противъ „строгихъ критиковъ", и въ ней указываются не средніе, а максимально-мыслимыя задачи дѣятельности въ массахъ,—и тогда читатель полнѣе оцѣнитъ тенденцію въ развитіи народовольческихъ взглядовъ относительно дѣятельности „въ массахъ". А между тѣмъ авторъ статьи въ № 10 цитируетъ прежніе №№ „Н. В." и думаетъ, что стоитъ на прежней точкѣ зрѣнія...

Перехожу къ второму вопросу: было ли у народовольцевъ стремленіе вызвать среди рабочихъ самостоятельное политическое броженіе? Изъ приведенныхъ мною цитатъ читатель уже могъ замѣтить, что народовольцы говорятъ обыкновенно о „народной" массѣ, не различая политическихъ задачъ пролетаріата и крестьянства и дѣлая различіе только въ методахъ

дѣятельности партіи въ той и другой средѣ. Однако, и по отношенію къ „народу“ партія „Н. В.“ является только „вѣрнымъ союзникомъ“, что же касается рабочихъ, то имъ „слѣдуетъ помнить“, что отдѣльно отъ крестьянства они *всегда* будутъ подавлены, потому что „главная народная сила не въ нихъ, а въ крестьянствѣ“. (Программа рабочихъ членовъ партіи „Н. В“. „Р. Ист. Б“. № 4. Стр. 161 и 163). „Рабочая организація“ входитъ въ партію, „какъ часть“ (тамъ же стр., 164). Такимъ образомъ *самостоятельное* политическое движеніе среди рабочихъ прямо отрицается. О самостоятельныхъ классовыхъ задачахъ пролетаріата не сказано ни слова.

По поводу постановки вопроса въ „Рабочей Газетѣ“ редакторъ заграничнаго „Былого“ замѣчаетъ (№ 4, стр. 64), что до сихъ поръ ни одно изъ изданій для рабочихъ не превзошло „Р. Газеты“ вѣрностью постановки вопроса. Это какъ посмотрѣть! Съ точки зрѣнія партій, не признающихъ за пролетаріатомъ права на самостоятельную борьбу за свои классовые интересы, замѣчаніе В. Л. Бурцева, можетъ быть, и справедливо.

Послѣ всего сказаннаго читатель, надѣюсь, не потребуетъ еще новыхъ доказательствъ факта, отмѣченнаго Аксельродомъ, что у русскихъ революціонеровъ 70-хъ и начала 80-хъ гг. не было „сколько-нибудь ясныхъ понятій“ о научномъ соціализмѣ.

Повторяю: не для полемики противъ дѣятелей прошлаго счелъ я нужнымъ выяснить справедливость утвержденій, сдѣланныхъ Аксельродомъ и опровергаемыхъ редакціей заграничнаго „Былого“. Народовольчество, какъ таковое, отошло въ область исторіи и подлежитъ только исторической оцѣнкѣ. Воевать противъ него теперь—значило бы ломиться въ открытую дверь. Но точно также неумѣстной была бы теперь всякая попытка навязать дѣйствующему поколѣнію міросозерцаніе и тактику, отошедшія въ исторію. И если я счелъ нужнымъ опровергать утвержденія редакціи заграничнаго „Былого“, то только въ виду того, что эта редакція считаетъ нужнымъ защищать и оправдывать движеніе, которое не нуждается ни въ защитѣ, ни въ оправданіи, которое, какъ историческое явленіе, стоитъ *выше* всякихъ упрековъ и обвиненій.

Перехожу къ содержанію отдѣльныхъ книжекъ „Р. Ист. Библіотеки“. Подзаголовокъ № 3 не вѣренъ: это не процессъ 16 „террористовъ“, а процессъ 16 народовольцевъ. Заглавіе, данное редакціей „Р. Ист. Б.“, тѣмъ болѣе странно, что какъ разъ обвиняемые по этому процессу протестовали на судѣ противъ пониманія ихъ дѣятельности, какъ дѣятельности исключительно террористической. Укажу на рѣчи наиболѣе видныхъ участниковъ процесса—Квятковскаго и Ширяева.

Квятковскій говорилъ: „По мнѣнію прокурора, главное отличіе партіи „Народной Воли“ отъ „народнической“ заключается въ террористическихъ актахъ, именно въ политическихъ убійствахъ. Это совершенно не такъ.

Я не отрицаю того, что въ программу Н. В. входитъ часть террористическая, но она входитъ очень несущественной частью, составляя второстепенную и даже третьестепенную ея часть". Вслѣдъ за Квятковскимъ, Ширяевъ указываетъ, что террористическая часть „не составляла принципіальной части программы" (Стр. 214—6).

Въ числѣ обвиненій по процессу 16-ти народовольцевъ фигурируютъ и обвиненія въ крупнѣйшихъ покушеніяхъ того времени,—отъ убійства кн. Кропоткина до взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ. Поведеніе обвиняемыхъ на судѣ носитъ характерныя для того времени черты: главные подсудимые не оправдывались, не выгораживали себя,—они мужественно шли на смерть и въ тоже время старательно выясняли подробности своей собственной дѣятельности. Такое поведеніе вытекало изъ признанія важности судебнаго разбирательства съ точки зрѣнія агитаціонной и исторической. Въ силу этого отчеты о процессахъ того времени имѣютъ большой историческій интересъ, но поведеніе обвиняемыхъ на судѣ уже не можетъ служить предметомъ слѣпого подражанія въ наши дни, когда наиболѣе умѣстнымъ признается правило: „никакихъ фактическихъ указаній—даже о себѣ".

Въ слѣдующихъ двухъ книжкахъ „Р. Ист. Б." читатель найдетъ много интересныхъ и важныхъ матеріаловъ для выясненія политической и психологической сторонъ движенія 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Кромѣ статей и документовъ, о которыхъ мнѣ уже приходилось упоминать, отмѣчу еще слѣдующія: Статьи изъ Рабочей Газеты, разсказъ П. Кропоткина о пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, о Сѣверно-Русскомъ рабочемъ союзѣ, о первой русской соціалистической рабочей газетѣ („Работникъ" 1875—6 гг.), о пропагандѣ среди рабочихъ въ Ростовѣ на-Дону въ 1882—4 гг., о Южно-Русскомъ рабочемъ союзѣ (1880—1 гг.), о пребываніи Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ и многое другое.

Особо слѣдуетъ отмѣтить сообщеніе редакціи относительно Программы Рабочихъ Членовъ партіи „Н. В.". Она воспроизведена съ экземпляра, присланнаго въ 1880 году К. Марксу и хранящагося въ настоящее время въ библіотекѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, въ Берлинѣ. Этотъ экземпляръ „съ начала до конца испещренъ замѣчаніями" Маркса. Многія мѣста Марксъ зачеркнулъ, иныя особо отмѣтилъ, какъ заслуживающія вниманія („Р. И. Б." № 4, стр. 167); есть вставки, сдѣланныя рукой К. Маркса. Было бы очень желательно, чтобы русскіе, живущіе въ Берлинѣ, обратили вниманіе на это сообщеніе и приняли мѣры къ полному и точному воспроизведенію берлинскаго экземпляра Программы со *всѣми* отмѣтками и указаніями К. Маркса.

П. Ольминскій.

Даніэль Стернъ. *Исторія революціи 1848 года.* Переводъ съ франц., подъ редакціей Н. Е. Кудрина, со 2-го изданія. Томъ первый. Спб. 1907. in 8-vo. Стр. 390. Ц. 75 коп.

Революція 1848 года—одно изъ поучительнѣйшихъ явленій европейской исторіи XIX вѣка. Основательное знакомство съ ея происхожденіемъ, развитіемъ и ближайшими результатами представляется въ наши дни и практически цѣннымъ, и совершенно неизбѣжнымъ. Русское общество черезчуръ склонно къ быстрымъ разочарованіямъ, къ поискамъ дутой лойяльности при первомъ энергичномъ окрикѣ, къ стремленіямъ жадно беречь то, чему цѣна—одинъ мѣдный грошъ. Здѣсь сказывается не одна черта міровой буржуазности, а что-то свое, мѣстное, что надо еще выловить, изучить, отлить въ доступную для всѣхъ фигурку божка реакціи.

Такое изученіе должно быть поставлено очень широко и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ доступно для проникновенія въ общественное сознаніе массъ. Посмотрите, въ какое отчаяніе приходитъ послѣ іюньскихъ дней 1848 года А. И. Герценъ и какую дивную, полную надеждъ и увѣренности статью пишетъ въ „Neue Rheinische Zeitung“ Карлъ Марксъ. Для него въ пораженіяхъ революціи 1848—1849 года зарождалась настоящая побѣда: „не непосредственныя траги-комическія завоеванія пролагали дорогу революціоннымъ успѣхамъ, а, наоборотъ, возникновеніе сплоченной, сильной контръ-революціи, выступленіе противника, въ борьбѣ съ которымъ партія переворота созрѣла въ настоящую революціонную партію“. Прочныя побѣды всегда принадлежатъ организованнымъ силамъ, а эта организованность народныхъ массъ является результатомъ долгой и упорной борьбы съ нечистымъ на руку противникомъ, какимъ вездѣ и всегда бываетъ буржуазно-бюрократическая реакція. Унынію не можетъ быть мѣста въ тѣхъ странахъ, гдѣ были іюньскіе или декабрьскіе дни; „общество 10 декабря“, аналогіи которому можно подыскать въ XX вѣкѣ, не можетъ одержать верхъ. Основная нить для изученія европейской революціи половины XIX вѣка дана Марксомъ, и отъ нея не отойдешь въ наше время. Читая любую работу по исторіи революціи 1848 года, невольно сопоставляешь основные взгляды автора съ принципами творца „Капитала“. Даніэль Стернъ (псевдонимъ графини д'Агу, написавшей „Опытъ о свободѣ“), какъ и Марксъ, современница революціи 1848 г.; первый томъ исторіи этой послѣдней она напечатала еще въ 1851 г., а въ 1862 г. выпустила въ свѣтъ его второе изданіе. Книга писалась въ моментъ, когда „на улицахъ гремѣло возстаніе“, „подъ живымъ впечатлѣніемъ событій“, „среди страшнаго политическаго возбужденія“. Двѣнадцать лѣтъ спустя авторъ не вспоминалъ о 48-мъ годѣ ни съ ненавистью, ни съ презрѣніемъ, скорѣе, съ вѣрой въ поступательный ходъ революціи. Къ концу XIX вѣка умы стали не менѣе революціонны, чѣмъ при его началѣ:

и авторъ, давно обратившій свои взоры къ прогрессу демократическихъ идей, а послѣ революціи сблизившійся съ побѣжденною партіей, съ удовольствіемъ подчеркиваетъ этотъ фактъ. „Революція,—пишетъ Д. Стернъ въ 1862 г.,—ушла изъ подпольнаго міра заговоровъ и тайныхъ обществъ: она уже не возбуждаетъ народъ на площадяхъ; она не волнуетъ воображенія... мракъ и тайна исчезли. И при яркомъ свѣтѣ общественнаго разума, обдуманными шагами идетъ впередъ революція съ открытымъ лицомъ. Въ реальной дѣйствительности, въ наукѣ, въ промышленности, въ математической точности положительныхъ истинъ нашла она свою силу, и на нихъ она основала свое могущество“. Симпатіи Д. Стерна, связанной фамильными узами съ принцами орлеанскаго дома, на сторонѣ революціи, демократической республики, униженныхъ массъ населенія. Посвящая книгу „молодымъ скептическимъ умамъ“, враждебнымъ индифферентизму въ общественныхъ вопросахъ, авторъ вкладываетъ „въ свои изысканія, вмѣстѣ съ самой тщательной добросовѣстностью, искреннее желаніе безпартійности“. Пересматривая въ 1862 г. свою книгу для второго изданія, авторъ нашелъ возможнымъ измѣнить въ ней очень немногое, отнюдь не передѣлать, дабы сохранить ея „главную цѣнность—характеръ непринужденной искренности и живого свидѣтельства“. Книга Д. Стерна является одновременно въ роляхъ историческаго источника, обработаннаго мемуара, частью—историческаго изслѣдованія, отсюда ея особенный интересъ для читающей публики и неудача нѣкоторыхъ ея страницъ съ вѣяніями вѣры въ „свободную волю“ человѣка, интереса къ Людовику-Филиппу и стремленія къ деталямъ захолустья революціи. Характеристику первыхъ вѣстниковъ соціализма на французской почвѣ авторъ представляетъ въ такихъ очертаніяхъ, которыя не отличаются достаточною ясностью, зато являются цѣнными для нашего знакомства съ впечатлѣніями отъ него людей, благожелательныхъ демократіи. „Соціализмъ,—философствуетъ авторъ,—родился изъ истинной и глубокой нужды, краснорѣчиво отражалъ то нравственное и физическое состояніе, терпѣть которое дольше было бы преступленіемъ, но которое съ каждымъ днемъ ухудшалось по винѣ правительства, даже и не старавшагося отыскать противъ него какой-нибудь палліативъ. Народъ, не имѣющій ни времени, ни знаній, необходимыхъ для того, чтобы анализировать и критиковать людей и принципы, шелъ къ новымъ апостоламъ и группировался вокругъ нихъ сначала изъ любопытства, а затѣмъ съ энтузіазмомъ и признательностью; онъ привѣтствовалъ радостными криками вождей соціализма, уважалъ ихъ и слушался“. Въ половинѣ XIX вѣка, съ точки зрѣнія нашего автора, старое общество уступало свое мѣсто новому, преклонявшемуся передъ своими законодателями. Оцѣнивая революцію 48-го года, авторъ склоненъ утверждать, что „никогда, быть можетъ, неожиданность, случай и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ не играли столь незначительной роли въ низверженіи существующаго порядка

вещей“, что революція „создалась не заговорами, не послабленіями, не внезапнымъ переворотомъ“ и что прежде всего „грубая сила играла въ ней самую второстепенную роль“. Само временное правительство, объявляя подъ давленіемъ парижскаго народа демократическую республику, совершало непроизвольный поступокъ, оно поступить иначе не могло и не смѣло. Вслѣдъ за *введеніемъ* (стр. 12—48) авторъ въ первой части перваго тома (стр. 48—256) изображаетъ политическія настроенія Парижа и банкетную оппозицію наканунѣ взрыва, низвергшаго династію (стр. 48—126) и затѣмъ три дня революціи (т. е. 22, 23 и 24 февраля 1848 г.); во второй части (стр. 257—372) описываются первые дни работы временнаго правительства и первые шаги новыхъ министерствъ. Читается книга съ неослабѣваемымъ интересомъ, читать ее надо съ особымъ вниманіемъ: многія детали трехдневной борьбы глубоко поучительны. Характеристики отдѣльныхъ лицъ, описанія отдѣльныхъ сценъ, оцѣнки тѣхъ или другихъ явленій придаютъ книгѣ особенное настроеніе, порою живо передающееся читателю.

Менѣе живо и стройно изложеніе во второй части перваго тома, которая требовала бы, несомнѣнно, большей выразительности. Описывая поведеніе народа въ Палатѣ депутатовъ, Д. Стернъ ядовито вспоминаетъ о о Палатѣ перовъ (для насъ нынѣ это очень интересно!): „Ни король, ни министры не подумали о Палатѣ перовъ въ минуту опасности, ее не удостоили предупредить о совершившихся событіяхъ; никому не пришло на умъ попросить у нея политическаго совѣта, законной поддержки, какого-нибудь усилія храбрости или патріотизма. Ни монархія въ своихъ послѣднихъ конвульсіяхъ, ни республика въ своей первой борьбѣ не подумали объ этомъ инертномъ собраніи; никто не взялъ на себя труда распустить его; оно исчезло, оно вернулось къ ничтожеству, въ которомъ оно прозябало“ (ср. стр. 205 и 245). Перечитывая этотъ отзывъ, невольно вспоминаешь наивно-жалкія рѣчи М. М. Ковалевскаго о роли Верхней палаты въ Россіи, рѣчи, раздававшіяся въ засѣданіяхъ первой Думы, какъ будто только и дѣла въ Россіи, что перебирать труху безвременья и непониманія. Защита Верхней палаты—своего рода призывъ къ могильному покою и... но не стоитъ припоминать близкія къ намъ пародіи на парламентскія рѣчи, лучше рекомендовать нашему читателю разбираемую книгу въ изданіи А. А. Иванчинъ-Писарева и Н. Е. Кудрина, книгу, авторъ которой патетически восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 156), что „народъ—это вѣчный поэтъ, которому страсть и природа самобытно внушаютъ ту патетическую красоту, величественные эффекты которой даются искусству лишь съ большимъ трудомъ“.

В. Сторожевъ.

Р. Гаммеджъ. *Исторія чартизма.* Переводъ съ англійскаго А. В. Погожевой. Изданіе книгоиздательства „Дѣло". Спб. 1907. in 8-vo. Стр. VIII + 506. Ц. 2 руб.

Предъявляя усиленный спросъ на серьезную историческую книгу, современный русскій читатель даетъ настойчивое указаніе на темы, которыя преимущественно его интересуютъ. Этотъ интересъ весьма естественно опредѣляется наличностью острыхъ вопросовъ, волнующихъ текущій моментъ русской дѣйствительности. Переживая революцію и желая выбраться на путь мирной культурной жизни, каждый чуетъ необходимость воспользоваться опытомъ прошлаго и заглянуть въ революціонныя эпохи западноевропейскихъ государствъ. Названной потребности стремятся удовлетворить разнообразныя вновь народившіяся у насъ книгоиздательства и притомъ главнымъ образомъ черезъ посредство переводовъ книгъ и брошюръ, гораздо рѣже путемъ самостоятельныхъ компиляцій. Книжный рынокъ съ изумительною быстротой наполняется публикаціями по части исторіи революцій и общественныхъ движеній: здѣсь найдется въ достаточномъ количествѣ безграмотный хламъ, наряду съ серьезными работами; здѣсь наблюдается литература, преслѣдующая исключительно агитаціонныя цѣли, цѣли рѣзкой партійной пропаганды, наряду съ трудами научнаго или научно-популярнаго характера. Тѣмъ осторожнѣе и придирчивѣе должна быть критика, таящая внутри себя мотивы общественнаго характера, но выдвигающая безусловный принципъ держаться на безпартійномъ уровнѣ истинной научности. Истинная научность—коренное основаніе серьезной революціонности; широкое образованіе—единственная твердая почва, которая въ силахъ питать могучіе порывы демократіи. И не даромъ авторъ „Исторіи чартизма" въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 240) высказываетъ такую мысль: „Требовать единенія можно только тогда, когда достаточно распространено *образованіе*, дѣлающее его возможнымъ, но настоящая демагогія всегда стремится достигнуть цѣли, не соображаясь со средствами. Покуда *образованіе* не распространится въ достаточной мѣрѣ среди народа, нельзя ожидать, чтобы онъ вошелъ въ какую бы то ни было организацію, необходимую для осуществленія его правъ". Гаммеджъ— не ученый по спеціальности; онъ—участникъ чартистскаго движенія, внимательный его наблюдатель, человѣкъ, искренно къ нему расположенный, но отнюдь не чуждый рѣшительнаго осужденія его недостатковъ. Считая себя безпартійнымъ историкомъ чартистскаго движенія, Гаммеджъ охотно признаетъ, что его книга—историческая хроника, въ которой обзоръ внѣшнихъ фактовъ движенія въ хронологическомъ порядкѣ переплетается съ біографическими и критическими замѣчаніями; авторъ захватываетъ 1838—1854 годы и въ четырнадцати главахъ излагаетъ свой матеріалъ, описывая митинги, ораторовъ, рѣчи, процессіи, аресты лидеровъ чартизма, судебные процессы,

стачки, тактику и раздоры партіи, множество бытовыхъ мелочей и проч. Мѣстами изложеніе Гаммеджа носитъ протокольный характеръ или характеръ серьезнаго газетнаго отчета; мѣстами сквозитъ въ изложеніи болтливость, лиризмъ, морализированіе, историческая наивность, хроникерство, религіозность. Все это было бы для читателя скучновато, если бы не чрезвычайный интересъ темы и не наличность цѣлаго ряда удивительно цѣнныхъ замѣчаній современника-наблюдателя, участника движенія и критика послѣдняго съ практической точки зрѣнія. Нѣкоторыми страницами невольно зачитываешься, проникая въ конкретную бытовую обстановку событій и сопоставляя ее съ недавними фактами отечественнаго прошлаго. Сколько нибудь глубокаго анализа явленій нѣтъ, авторъ безмятежно скользитъ по ихъ поверхности и поражаетъ читателя своей искренней ненавистью къ деспотизму и пониманіемъ житейской стороны народныхъ домогательствъ. Зато Гаммеджъ не даетъ намъ разгадки того факта, который можно назвать пораженіемъ чартизма. Пожалуй, можно подумать, что все погибло отъ раздора въ семьѣ чартистскихъ лидеровъ, отъ частичныхъ ошибокъ въ тактикѣ партіи и тираннических пріемовъ англійскаго правительства... Авторъ погнался прежде всего за „истиной" и въ погонѣ за ней размѣнивается иногда на такія замѣчанія: „Безъ сомнѣнія, наступитъ когда-нибудь свѣтлый день, когда всемірный духъ братства сплотитъ всѣ земныя націи въ одну общину съ одной душой, съ однимъ сердцемъ, съ одними интересами; но всемірное единеніе должно быть результатомъ взаимнаго пониманія, а не побѣды, такъ какъ духъ любви не можетъ быть созданъ грубою силой. *Всемірная исторія* есть не что иное, какъ исторія завоеваній и соединенія нѣсколькихъ націй въ одну жестокой и алчной силой не въ интересахъ человѣчества, а въ угоду безсердечнымъ деспотамъ" (стр. 82). Вопросъ о примѣненіи моральной или физической силы долженъ былъ занимать автора очень много, ибо имъ очень много занимался чартизмъ: стоять ли исключительно на почвѣ петицій и воспитанія соціально-политическаго сознанія массъ или ринуться путемъ революціоннаго переворота къ достиженію завѣтной цѣли Народной Хартіи. По мнѣнію Гаммеджа, спорить о превосходствѣ той или другой силы—значитъ попусту терять время, ибо „обѣ эти силы тѣсно связаны между собою". „Если,—говоритъ Гаммеджъ,—большинство обнаружитъ желаніе измѣнить систему правленія, классъ узурпаторовъ, въ своемъ жадномъ стремленіи сохранить власть, отнесется съ пренебреженіемъ къ моральному воздѣйствію и никогда не уступитъ, если не будетъ знать, что эта моральная сила опирается на другую, гораздо болѣе могущественную. Мы можемъ взять въ свидѣтели *всемірную исторію* для доказательства того, что всегда и вездѣ правительство деспотическаго характера отказывалось отъ своей узурпаторской власти только подъ вліяніемъ физической силы или изъ страха передъ нею. Говорить о физическомъ насиліи противъ правительства народу, ко-

торый ничѣмъ не выразилъ своего желанія пойти хотя бы на малыя жертвы, не только не оказываетъ пользы народному движенію, но, напротивъ, наноситъ ему неисчислимый вредъ. Народъ, не подготовленный даже къ малымъ жертвамъ, никогда не захочетъ принести самую большую изъ жертвъ—свою жизнь. Поэтому надо избѣгать всякихъ угрозъ до тѣхъ поръ, пока въ народѣ не созрѣетъ глубокое сознаніе своихъ соціальныхъ и политическихъ нравъ". А тогда, тогда онъ будетъ знать, что ему дѣлать (стр. 102). Мы остановились на этомъ пунктѣ потому, что здѣсь—ключъ къ пониманію всей книги Гаммеджа и его тяжелыхъ настроеній, какъ лица, которое пережило время радужныхъ надеждъ, расцвѣтъ чартизма и его рѣшительное пораженіе.

Поставилъ чартизмъ и вопросъ о всеобщей забастовкѣ (см. стр. 152 и слѣд., стр. 174). Авторъ внимательно остановился и на обсужденіи этого вопроса чартистскими лидерами, и на попыткахъ практическаго осуществленія всеобщей забастовки. Въ Англіи начала сороковыхъ годовъ она совершенно не удалась, авторъ обвиняетъ за эти попытки чартистскихъ вождей. Подавляющее большинство или не желало всеобщей стачки, или вовсе ею не интересовалось... „Забастовка ради великой національной идеи,—пишетъ Гаммеджъ,—чтобы имѣть успѣхъ, должна быть національной". Вѣдь „если рабочій классъ бросаетъ работу, лишь уступая насилію своихъ многочисленныхъ товарищей, богатому классу стоитъ только выдержать, и забастовщики поневолѣ снова примутся за работу, какъ только высшая власть гарантируетъ имъ сравнительную безопасность" (стр. 288—289). Не забудемъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ представителемъ чартизма, потерпѣвшаго крушеніе, съ историкомъ-современникомъ явленія, не сумѣвшимъ объяснить истинныхъ причинъ смерти чартистской партіи. Признавая, что чартисты немало ошибались въ своей тактикѣ и порою были „безразсудны" въ своихъ пріемахъ революціонныхъ угрозъ и опытахъ провести „священный мѣсяцъ", Гаммеджъ въ разсказѣ о резолюціи 1846 года, предложенной „Шекспировскимъ генераломъ" Томасомъ Куперомъ, категорически порицаетъ доктрину „мира во что бы то ни стало"; онъ говоритъ, что если бы эта доктрина „была принята порабощеннымъ классомъ, то она навсегда увѣковѣчила бы систему рабства", что она возможна „лишь при полномъ измѣненіи человѣческой природы" (стр. 316—317). Обозрѣвая работу чартистской агитаціи, авторъ склоняется къ меланхолическому мнѣнію, что, слѣдуя по пути соціальнаго и политическаго прогресса, народъ долженъ разсчитывать только на самого себя (стр. 9) и что при нѣкоторомъ соціальномъ благополучіи онъ мало будетъ интересоваться „политической абстракціей". Достаточно припомнить основные пункты Народной Хартіи, чтобы представить себѣ, почему чартистская партія при энергичномъ сопротивленіи парламента и кабинета должна была замереть. Хартія требовала всеобщее *мужское* избирательное право,

ежегодный парламентъ, тайную подачу голосовъ, уничтоженіе избирательнаго ценза, вознагражденіе членовъ парламента и равномѣрное распредѣленіе избирательныхъ правъ по округамъ. Въ конечномъ счетѣ такою программой нельзя было увлечь въ переворотъ рабочій классъ Англіи около половины XIX вѣка; ея осуществленіе далеко не обезпечивало рабочаго въ ближайшіе дни или по крайней мѣрѣ она не могла казаться ему достаточно конкретной въ дѣлѣ спасенія его отъ ужасовъ капитализма. Петиція чартистовъ дважды попадала въ парламентъ: въ *первый* разъ предложеніе [1]) было внесено 12 іюля 1839 г. Томасомъ Атвудомъ и отвергнуто большинствомъ 189 противъ 48 голосовъ; петиція была подписана 1.280.000 лицами; во *второй* разъ внесъ предложеніе Фиргусъ О'Коннор 10 апрѣля 1848 г. и петиція была подписана 1.975.496 лицами... но не обсуждалась парламентомъ, ибо съ подписями вышелъ рядъ недоразумѣній! Страницы книги Гаммеджа, посвященныя разсказу о подачѣ этихъ петицій въ парламентъ, представляютъ для русскаго читателя очень своеобразный интересъ. Страна, не давшая, вопреки ожиданіямъ чартистовъ, большаго количества подписей, не заволновалась съ крушеніемъ надеждъ петиціонеровъ, рабочій пролетаріатъ не предпринялъ никакого активнаго выступленія даже въ революціонный 1848-ой годъ, и послѣ этого года чартистская партія умираетъ вѣрною смертью въ теченіе пятишести лѣтъ. Вмѣстѣ съ партіей гибнетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ ея вождей О'Коннор, которому въ книгѣ Гаммеджа отведено очень видное мѣсто. Въ приложеніи къ книгѣ напечатанъ текстъ Всенародной Хартіи, т. е. билля объ установленіи справедливаго представительства британскаго и ирландскаго народовъ въ палатѣ общинъ (стр. 470—492). Хартія желаетъ „вѣрнаго и точнаго представительства народныхъ желаній, чувствованій, интересовъ", она требуетъ, чтобы „тѣ, въ чьихъ рукахъ находится право изданія законовъ, подлежали дѣйствительной и точно опредѣленной отвѣтственности передъ тѣми, кто обязанъ подчиняться этимъ самымъ законамъ, когда они изданы". Лозунгъ, ею выставленный, не оказался достаточно привлекательнымъ для рѣшительной борьбы, для тяжкихъ жертвъ — рабочій классъ въ Англіи пошелъ для достиженія *своихъ* цѣлей иными путями, агитація чартистовъ окончательно замерла и Гаммеджъ заканчиваетъ свою книгу, работа надъ которой порою была для него „очень тягостной", замѣчаніями о судьбѣ руководителей чартистскаго движенія, начиная съ Ф. О'Коннора, умершаго въ больницѣ для душевно-больныхъ въ 1855 г. Итакъ, книга Гаммеджа, не будучи ученой работой въ собственномъ смыслѣ этого слова, все-таки представляетъ для русскаго читателя большой интересъ, читается безъ особеннаго напряженія и цѣнна

---

[1]) На стр. 102—106 полностью приведенъ текстъ „Національной петиціи" 1839 г.

еще тѣмъ, что по-русски о чартизмѣ ничего нѣтъ, и, стало быть, настоящимъ переводомъ восполняется очень существенный пробѣлъ. Переводъ удовлетворителенъ, хотя изданъ не безъ опечатокъ.

Василій Сторожевъ.

Годфридъ Кохъ. *Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія.* Переводъ съ нѣмецкаго О. Вольвенштейнъ. Редакція З. Авалова.

Исторія политическихъ ученій долгое время была дѣломъ преимущественно философовъ и юристовъ, которые главнымъ образомъ стремились къ тому, чтобы открыть въ излагаемыхъ ими идеяхъ внутреннюю связь и преемственность въ развитіи. При этомъ нерѣдко упускалось изъ вида та политическая жизнь, на почвѣ которой слагалось то или иное ученіе, игнорировались тѣ политическія событія, которыя единственно могли выяснить настоящій внутренній смыслъ даннаго ученія и сдѣлать вполнѣ понятнымъ то, какими обстоятельствами было обусловлено самостоятельное появленіе близкихъ, почти тожественныхъ идей въ головахъ политическихъ мыслителей самыхъ различныхъ странъ. Подчеркивая извѣстную преемственность и внутреннюю связь разныхъ политическихъ ученій, излагавшіе ихъ историки нерѣдко строили весьма искусственныя классификаціи и системы, которыя только запутывали дѣло и ровно ничего не выясняли.

Лишь появленіе историческаго матеріализма и недавно начавшееся развитіе обществознанія заставили сознать всю неудовлетворительность прежнихъ способовъ изученія политическихъ ученій и для объясненія ихъ обратиться къ той политической жизни, которая обусловливала ихъ возникновеніе. Этотъ переломъ въ наукѣ былъ отмѣченъ появленіемъ сочиненій, въ которыхъ политическія ученія стали уже излагаться въ связи съ развитіемъ политическаго строя общества, какъ его отраженіе. Одну изъ подобныхъ попытокъ представляетъ собою работа Готфрида Коха, написанная и изданная въ Берлинѣ 15 лѣтъ тому назадъ.

Кохъ ограничилъ свою задачу изложеніемъ политическихъ идей, возникшихъ на почвѣ политической жизни Франціи, Англіи и англо-американскихъ колоній въ теченіе XVII и XVIII столѣтій. Для достиженія намѣченной цѣли, кромѣ наличности необходимаго запаса знаній, требовалось отъ автора еще и извѣстное дарованіе. Насколько можно судить по многочисленнымъ выпискамъ и ссылкамъ на первоисточники, знаній у г. Коха было достаточно. Но, къ несчастью, у него не оказалось достаточной способности воспользоваться должнымъ образомъ своими знаніями. Когда читаешь его книгу, то невольно приходитъ въ голову сравненіе ее съ тѣмъ, что могло бы получиться, если бы взять двѣ различныя книги, и отдѣльные листы ихъ сброшюровать вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы

они чередовались другъ съ другомъ, и за листомъ изъ исторіи политическихъ ученій слѣдовалъ бы листъ изъ исторіи политическихъ учрежденій и наоборотъ.

Книга Коха открывается изложеніемъ идей французскихъ обоснователей королевскаго самодержавія. За этимъ слѣдуетъ описаніе соотвѣтствующаго по времени крѣпостническаго строя Франціи XVII ст. Установивъ разложеніе стараго монархическаго порядка Франціи, авторъ совершенно неожиданно переходитъ къ борьбѣ англійскаго парламента со Стюартами. За этимъ слѣдуетъ глава, излагающая какъ теоретиковъ англійскаго королевскаго абсолютизма, такъ и взгляды обоснователей верховныхъ правъ народнаго представительства. Причемъ Локкъ естественно противопоставляется Фильмеру. Послѣ чего авторъ переходитъ къ литературной оппозиціи противъ абсолютизма Людовика XIV. Остановившись нѣсколько на политической оппозиціи во времена регентства, послѣдовавшаго за смертью Людовика XVI, авторъ начинаетъ описывать господство парламента въ Англіи послѣ окончательнаго изгнанія Стюартовъ. Посвятивъ слѣдующую главу главнымъ образомъ краткому изложенію политическихъ идей Болинброка, Кохъ снова принимается за описаніе состоянія Франціи при Флери. Далѣе идетъ глава, заключающая въ себѣ недурной критическій очеркъ ученія Монтескье. Этимъ заканчивается изложеніе первой части, озаглавленной „Абсолютизмъ и Парламентаризмъ“.

Вторая часть работы, носящая общее названіе „Демократія и Конституція“, открывается эпохою Людовика XV. За интереснымъ историческимъ очеркомъ оппозиціи мѣстныхъ парламентовъ королевскому самодержавію слѣдуетъ изложеніе ученія Руссо. Послѣ чего авторъ снова переносится въ Англію, въ атмосферу личнаго управленія Георгія III и политической оппозиціи его абсолютистскимъ стремленіямъ. За этимъ идетъ ученіе Блекстона, изложивъ которое, Кохъ переходитъ къ англо-американскимъ колоніямъ и къ борьбѣ ихъ за независимость. Описавъ возникновеніе американской союзной конституціи, Кохъ снова возвращается къ предреволюціонной Франціи и господствовавшимъ въ нея идеямъ, и заключаетъ свою книгу изложеніемъ конституціи 1791 г.

Въ результатѣ этого изложенія не получается должнаго представленія ни о парламентаризмѣ, ни о демократіи. Борьба классовъ остается все время совершенно въ тѣни, и даже трудно выяснить самую точку зрѣнія автора. Повидимому, онъ примыкаетъ къ тѣмъ либеральнымъ писателямъ, которые считаютъ себя прогрессистами, но вмѣстѣ съ тѣмъ видятъ въ народовластіи „самую страшную тираннію“ и готовы обвинять „чернь“ въ какой-то особой „любви къ смутамъ“.

Отдѣльныя главы книги Коха могутъ кое-что дать русскому читателю. Таковы, напр., въ первой части глава X (о Монтескье), а во второй ч. глава I, рисующая картину оппозиціи парламентовъ правительству Людо-

вѣка XV. Но какъ исторія политическихъ ученій въ связи съ развитіемъ государства, книга Коха не можетъ быть рекомендована; тѣмъ болѣе, что на русскомъ языкѣ имѣется въ данной области большая самостоятельная работа М. Ковалевскаго, выясняющая несравненно полнѣе и лучше отраженіе развитія государства въ исторіи политическихъ идей.

К. Тахтаревъ.

Б. Веселовскій. *Крестьянскій вопросъ и крестьянское движеніе въ Россіи* (1902—1906). Книгоизд. „Зерно". Ц. 55 к. Спб. 1907 г. 172 стр.

Заглавіе новой работы г. Веселовскаго нѣсколько не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Въ сущности, это матеріалы по исторіи крестьянскаго движенія и правительственной политики въ крестьянскомъ вопросѣ. Матеріалы эти относятся къ періоду съ 1902 года до конца 1906 г. Изложеніемъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ крестьянскому движенію и, параллельно этому, описаніемъ „дѣйствій правительства" исчерпывается содержаніе книжки г. Веселовскаго. Болѣе общій характеръ носитъ лишь начало книги, гдѣ указываются авторомъ общія условія крестьянскаго движенія, да еще заключеніе. Все остальное, повторяемъ, представляетъ фактическій матеріалъ, извлеченный изъ сообщеній періодической печати, хорошо и интересно подобранный.

Отношеніе самого автора къ жгучимъ вопросамъ деревенской жизни, а соотвѣтственно съ этимъ и освѣщеніе всего матеріала опредѣляется его общими теоретическими взглядами. Взгляды же эти достаточно извѣстны читателямъ „Образованія", гдѣ авторомъ „Крестьянскаго вопроса" помѣщено было не мало статей.

Стоитъ обратить вниманіе лишь на отсутствіе у автора иллюзій какъ народнической, такъ и близкой ей по духу бланкистской окраски. „Всякая революція,—пишетъ г. Веселовскій,—избираетъ свои пути, свои средства для достиженія цѣли, и средства эти находятся въ зависимости отъ самыхъ различныхъ условій... Въ Россіи мы имѣемъ въ настоящее время такое сочетаніе условій, такую комбинацію пролетарской революціи и революціи крестьянской, какихъ не знала ни одна страна; поэтому рисовать себѣ предстоящее „выступленіе" по типу извѣстныхъ уже историческихъ переворотовъ—значитъ обнаруживать схематизмъ и рутинность мышленія, прилагать старыя мѣрки къ сильно усложнившимся условіямъ жизни" (стр. 172).

Къ существеннымъ недостаткамъ книги, намъ кажется, надо отнести то, что г. Веселовскій мало остановился на изученіи общественныхъ условій, опредѣляющихъ различіе *формъ* крестьянскаго движенія какъ во времени, такъ и въ пространствѣ. Въ этомъ отношеніи интересно со-

поставить съ книжкой Веселовскаго брошюру проф. А. Скворцова, вышедшую въ прошломъ году подъ заглавіемъ „Аграрный вопросъ и Государственная Дума". Г. Скворцовъ основательно настаиваетъ на необходимости разсматривать аграрный вопросъ (а, слѣд., и аграрное движеніе) въ соотвѣтствіи съ мѣстными различіями, опредѣляющими его различный характеръ на черноземѣ и въ Прибалтикѣ, на юго-востокѣ и въ Привислиньѣ. У г. Веселовскаго эти различія не подчеркнуты съ достаточной рѣзкостью и не отразились на группировкѣ матеріала.

Б. В—нъ.

С. Н. Прокоповичъ. *Аграрный вопросъ въ цифрахъ.* Изд. „Общественной Пользы". Стр. 126. Ц. 25 к.

Попытка г. Прокоповича дать картину „аграрнаго вопроса въ цифрахъ" является какъ нельзя болѣе своевременной. Широкая публика нуждается именно въ такого рода фактическомъ матеріалѣ, освѣщающемъ современное положеніе у насъ земельнаго вопроса. Къ сожалѣнію, въ работѣ г. Прокоповича имѣются весьма существенные пробѣлы. Задаваясь цѣлью освѣтить „аграрный вопросъ въ цифрахъ", г. Прокоповичъ долженъ былъ бы, во-первыхъ, болѣе детализировать матеріалъ (привести погубернскія или, по крайней мѣрѣ, порайонныя данныя), а во-вторыхъ, остановиться, напр., на такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о роли и характерѣ частновладѣльческаго, особенно дворянскаго, хозяйства; затѣмъ на арендѣ помѣщичьей и проч. земли крестьянами; на дифференціація въ крестьянской средѣ и т. п. Всѣ эти вопросы въ брошюрѣ г. Прокоповича, однако, не затронуты. То же слѣдуетъ сказать и о налогахъ, натуральныхъ повинностяхъ и пр., падающихъ на сельское населеніе. Двѣ главы посвящены аграрному движенію въ 1905—06 г. Въ нихъ приведенъ общій учетъ количества уѣздовъ (по районамъ), затронутыхъ той или другой формой движенія. Пробѣлы, и весьма существенные, имѣются и тутъ. Такъ, напр., слабо обрисована картина погромнаго движенія осенью 1905 г., совершенно опущенъ цѣлый родъ „движенія", выразившійся, во-первыхъ, въ столкновеніяхъ съ полиціей и администраціей, а, во-вторыхъ, въ попыткахъ установить организованныя формы для всего движенія въ его цѣломъ („крестьянскій союзъ" и пр.). Наиболѣе полной является глава, трактующая о крестьянскомъ банкѣ. Въ заключеніи авторъ даетъ общую постановку аграрной реформы. Онъ вполнѣ основательно полагаетъ что „крайне ошибочно разсчитывать, будто аграрная реформа можетъ разрѣшить аграрный вопросъ. Нашъ аграрный вопросъ—не только и даже не столько вопросъ соціальный, сколько вопросъ политическій". Г. Прокоповичъ рѣзко возстаетъ противъ національзаціи и муниципализаціи земли, а также противъ возвѣщаемаго с.-р—ами „права на

землю". Въ этомъ послѣднемъ онъ справедливо усматриваетъ „не частичное воплощеніе принципа коллективизма, а идеализацію устарѣлыхъ формъ хозяйственной жизни". Относительно того, по какому плану должно быть осуществлено увеличеніе земельнаго фонда нуждающихся крестьянъ, г. Прокоповичъ не даетъ прямого отвѣта въ разсматриваемой нами брошюрѣ. Въ этомъ вопросѣ онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что націонализаціи и муниципализаціи слѣдуетъ предпочесть „дополнительный надѣлъ на правѣ частной или общинной собственности", смотря по тому, „на какомъ правѣ крестьяне владѣютъ кореннымъ надѣломъ" (См. „Безъ заглавія." № 5, стр. 175). Мы не можемъ не присоединиться къ этой точкѣ зрѣнія съ нѣкоторой оговоркой. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ крестьяне фактически уже пользуются помѣщичьей землей, *арендуя* ее, тамъ возможно только такое рѣшеніе вопроса. Но гдѣ имѣются „культурныя хозяйства", ведущіяся главнымъ образомъ *наемнымъ* трудомъ, тамъ должна быть отстаиваема муниципализація земли.

Б. Веселовскій.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. *Изъ эпохи освободительнаго движенія* (18 октября 1905 г.—8 іюля 1906 г.) Стр. 426. Ц. 2 р.

Настоящая книга представляетъ сборникъ статей, помѣщавшихся ранѣе въ „Руси" и „Вѣстникѣ Европы", а также включаетъ главнѣйшія рѣчи г. К. К. въ первой Госуд. Думѣ. Часть статей—меньшая—посвящена анализу различныхъ юридическихъ вопросовъ (объ „административныхъ разстрѣлахъ" и т. п.), большая же часть ихъ написана по поводу текущаго политическаго момента, его оцѣнки и перспективъ. О достоинствахъ статей первой категоріи намъ нечего здѣсь распространяться: г. К.-К. давно уже пользуется заслуженной извѣстностью въ этой области. Для насъ сейчасъ гораздо интереснѣе остановиться на политическихъ статьяхъ г. Кузьмина-Караваева.

Вѣчныя колебанія между страхомъ передъ развитіемъ революціи и надеждой на успокоеніе, связанной съ полученіемъ власти въ руки „Мининовъ" общества,—таковъ общій тонъ статей „конституціоналиста" г. К.-К. Октябрьское движеніе 1905 г. еще не было ликвидировано, а г. К.-К. мечтаетъ о томъ, что „правительство дастъ несомнѣнныя доказательства искренности своихъ намѣреній" и тогда „страстность борьбы, наконецъ, уступитъ мѣсто вдумчивому творчеству" (22 октября). Вотъ прокатилась погромная волна, правительство дало „несомнѣнныя доказательства", а г. К.-К. все еще не видитъ положенія дѣла и убаюкиваетъ себя мыслью, что „за данной минутой—для конституціоналистовъ „мирный прогрессъ", что нужно размежеваться имъ съ непримиримыми с.-д.

„Конституціоналисты,—пишетъ онъ,—добились того, къ чему стремились".

(9 ноября). Какой же цѣли они добились? Оказывается, что „была Дума совѣщательная—она получила рѣшающій голосъ" и т. д. Получила Дума и право „наблюдать за закономѣрностью" министровъ. И вотъ г. К.-К. спѣшитъ убѣдить „общество принять протянутую ему 17-го октября руку и оказать правительству поддержку" (15 ноября). Предвидя, что тутъ встрѣтится много препятствій, г. К.-К. пытается доказать, что всѣ эти препятствія должны быть обойдены. Вопросъ о полной амнистіи не такъ уже простъ, чтобы изъ-за него расходиться съ правительствомъ (21 ноября). Программа партій? Но вѣдь это „расплывчатыя диссертаціи" (29 ноября). Словомъ, больше уступчивости со стороны „общества", скорѣе нужно протянуть руку правительству... погромовъ, аграрныхъ усмиреній и т. д.

Борьба продолжала расти, мы стояли наканунѣ московскаго возстанія, а г. К.-К. пребывалъ въ полной увѣренности, что „мы имѣемъ обособленное отъ монарха правительство, отвѣтственное передъ будущей Думой за закономѣрность своихъ дѣйствій" (8 декабря). Можно догадываться, какимъ гомерическимъ смѣхомъ отвѣтили бы на такія притязанія тогда гг. Мины, Дурново, Дубасовы и пр. „усмирявшіе" движеніе во всѣхъ углахъ Россіи.

Начинаются выборы въ Думу при сильномъ давленіи администраціи, при разгулѣ карательныхъ экспедицій и г. К.-К. настраивается, наконецъ, на пессимистическій ладъ и признаетъ, что „октябрьскія обѣщанія" постигла плохая участь (конецъ февраля). Оппозиціонный составъ депутатовъ и вообще исходъ выборовъ поднимаетъ барометръ самочувствія г. К.-К. и настраиваетъ его на прежній ладъ. „26 марта,—восклицалъ онъ наивно,—приказный строй побѣжденъ безвозвратно. Побѣдила идея народной свободы. На этотъ разъ побѣда достигнута не бумажная, какъ было 17-го октября, а живая, реальная" (1 апрѣля). Противопоставленіе силы идеѣ чрезвычайно характерно для всего строя мышленія либеральной буржуазіи и особенно для г. К.-К. Здѣсь кроется основа для непониманія положенія вещей, въ этой двойственности слѣдуетъ искать причины расплывчатости „конституціоналистовъ".

Черезъ 26 дней послѣ восторженной статьи о „реальной" побѣдѣ г. К.-К. снова впадаетъ въ меланхолическій тонъ по поводу того, что министры, которыхъ онъ считалъ отвѣтственными передъ Думой, наканунѣ Думы законодательствуютъ и отмѣняютъ „пунктъ третій манифеста 17-го октября" (стр. 278).

Мѣсяцъ спустя (28 мая) онъ все еще продолжаетъ не понимать положенія вещей. Болѣе, какъ юристъ, чѣмъ, какъ политикъ, онъ восклицаетъ: „Надо же кончить съ той юридической нелѣпостью, которая явилась слѣдствіемъ провозглашенія незыблемыхъ основъ гражданской свободы безъ одновременнаго облеченія этихъ основъ въ формулѣ закона". Кончается циклъ статей заунывнымъ: „у насъ нѣтъ именъ—ни въ Думѣ, ни за ея

стѣнами...; нѣтъ и идейнаго авторитета". Г. К.-К., какъ послѣ октябрьской волны, такъ и затѣмъ, никакъ не можетъ разобраться въ соотношеніи борющихся силъ; клеймитъ революцію „силы" и превозноситъ революціи „идей"; за первой отрицаетъ творческую силу, боится ея сокрушающаго характера тогда, когда старый строй еще „незыблемъ", когда для демократа не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы подать правительству руку, г. К.-К. клеймитъ неуступчивость к.-д. и с.-д. и призываетъ ихъ къ совмѣстному съ Витте творчеству. Политическая наивность, легковѣрность и желаніе поскорѣе приступить къ „творчеству", къ облеченію „обѣщаній" въ „законодательныя формулы" показываютъ, что г. К.-К. настолько же плохой политикъ (въ средѣ даже „конституціоналистовъ"), насколько хорошъ онъ, какъ юристъ.

Б. Веселовскій.

В. Θ. Тотоміанцъ. *Формы аграрнаго движенія.* Стр. 205. Ц. 80 к. Изд. Н. Глаголева.

Въ своей работѣ г. Тотоміанцъ останавливается почти исключительно на движеніи сельскихъ рабочихъ, упоминая о др. типахъ „аграрнаго движенія" лишь вскользь. Наиболѣе обстоятельные очерки движеніи сдѣланы авторомъ относительно Италіи и Венгріи, значительно поверхностные обзоры движенія въ Англіи, Франціи и Испаніи, причемъ для Франціи— г. Тотоміанцъ останавливается лишь на движеніи и организаціи дровосѣковъ и виноградарей. Объ Испаніи сказано 2—3 слова.

Очерку движенія въ каждой странѣ предшествуетъ общая характеристика сельскаго хозяйства, формъ землевладѣнія и т. п. Обстоятельно выполнена эта часть работы относительно Италіи и слишкомъ бѣгло для Англіи. Особенное вниманіе, какъ я сказалъ, посвящено г. Тотоміанцомъ аграрному движенію, собственно движенію сельскихъ рабочихъ, въ Италіи (100 страницъ),—и эта часть книги является наиболѣе интересной и содержитъ массу цѣннаго матеріала. Живо и обстоятельно написанъ также очеркъ движенія въ Венгріи. И въ томъ, и въ др. случаяхъ авторъ подробно останавливается на роли соціалистической пропаганды въ движеніи и вообще на отношеніи соціалъ-демократіи къ движенію сельскихъ рабочихъ, къ его типамъ (профессіональному, кооперативному и т. д.). Приводятся, между прочимъ, тексты постановленій соціалистическихъ конгрессовъ, крестьянскихъ съѣздовъ и т. д., въ части, касающейся движенія сельскихъ рабочихъ, въ приложеніи даны уставы итальянскихъ „крестьянскихъ лигъ". Наиболѣе слабой частью работы г. Тотоміанца является часть, посвященная движенію сельскихъ рабочихъ въ Россіи (26 страницъ). Слѣдуетъ указать на то, что авторъ не далъ достаточно полнаго анализа этого движенія у насъ; не указалъ, какое мѣсто и какую роль имѣетъ это движеніе въ Россіи наряду съ др. формами аграрнаго движенія.

Кромѣ этихъ частныхъ пробѣловъ, можно указать, напр., и на то, что законодательства о сельскихъ рабочихъ авторъ касается лишь вскользь. Въ общемъ, однако, слѣдуетъ признать за работой г. Тотоміанца большую цѣнность, особенно въ настоящій моментъ, когда мы стоимъ наканунѣ выдѣленія у насъ спеціально рабочаго движенія (въ сельскомъ хозяйствѣ) изъ „аграрнаго". Наши условія во многомъ сходны съ аграрными отношеніями въ Италіи и Венгріи, и опыту этихъ странъ намъ придется учиться въ данномъ случаѣ еще немало.

Б. Веселовскій.

Евгеній Лозинскій. *Итоги парламентаризма. Что онъ далъ, и можетъ ли онъ что-либо дать рабочимъ массамъ?* Книгоиздательство „Новый Голосъ". С.-Петербургъ. 1907.

Новая книжка г. Лозинскаго въ одномъ отношеніи выгодно отличается отъ его предыдущей работы объ интеллигенціи: она написана значительно скромнѣе, а, если сдѣлать поправку на амбиціозность и претенціозность г. Лозинскаго, то она написана даже попросту скромно. Это не „откровеніе въ грозѣ и бурѣ", какимъ являлась книга: „Что же, наконецъ, такое интеллигенція?", не титаническая работа героя, очистившаго, наконецъ, авгіевы конюшни соціалистической мысли,—это просто довольно живо написанная, хотя и поверхностная, сводка имѣющихся въ западноевропейской литературѣ обвиненій противъ парламентаризма. Конечно, и здѣсь г. Лозинскій не можетъ обойтись безъ фразъ вродѣ: „мы подвели ему (парламентаризму) здѣсь итоги за всю его вѣковую дѣятельность въ такъ наз. „свободныхъ" странахъ, положивши въ основу нашей критики критическую и сатирическую литературу, существующую по данному вопросу на Западѣ" (с. 5). Но, вообще говоря, это державное „мы" г. Лозинскаго мало выпячивается въ теперешней его работѣ, ибо слишкомъ ужъ очевидно, что подводимый имъ „итогъ" является лишь пересказомъ прочитанныхъ въ заграничныхъ книжкахъ мыслей.

Попрежнему оригинальной,—если, конечно, забыть о работахъ г. Вольскаго,—является теорія о дьявольско-хитромъ заговорѣ интеллигенціи, методически стремящейся „путемъ парламентаризма къ торжеству своихъ классовыхъ, своихъ эксплоататорскихъ интересовъ" (с. 6). Но объ этой самобытной теоріи заговора мы ужъ говорили въ февральской книгѣ „Образованія", и поэтому, не касаясь ея болѣе, мы обратимся прямо къ итогамъ.

Подъ общимъ именемъ „кризиса парламентаризма", которымъ занятъ г. Лозинскій, понимаютъ двѣ различныхъ, хотя и соприкасающихся между собой вещи: во-первыхъ, критику парламентаризма съ точки зрѣнія его соотвѣтствія чистой идеѣ демократіи, народоправства. Эта критика, восходящая еще къ Руссо, у котораго, однако, не выходитъ изъ круга чисто

теоретическихъ, абстрактныхъ разсужденій, принимаетъ послѣ неудачъ революціи 48 года конкретный характеръ въ работахъ Риттингаузена и Прудона, а за послѣднія два десятилѣтія—въ эпоху расцвѣта буржуазнаго парламентаризма—пріобрѣтаетъ совсѣмъ актуальное значеніе. Всеобщее избирательное право не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Выражаемая имъ, согласно теоріи, воля народа (т. е. воля большинства націи, неимущихъ классовъ) фактически расходится съ интересами и нуждами этого самаго народа. Народное представительство, оказывается, не представляетъ интересовъ народа, а превращается въ органъ власти надъ нимъ буржуазіи и проникается всей присущей буржуазному обществу деморализаціей. Изъ констатированія этихъ фактовъ вытекли разнообразныя теоретическія и практическія попытки приблизить народное представительство къ народу, приблизить его къ народоправству: таковы требованія референдума, инниціативы, пропорціональнаго представительства и пр. Все это очень сложныя и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи проблемы, рѣшеніе которыхъ потребуетъ еще огромной и продолжительной работы мысли. Критика парламентаризма въ настоящее время особенно легка—легче всякой другой критики,—но зато и искусство здѣсь особенно трудно. И если для своей критики г. Лозинскій могъ черпать полными пригоршнями изъ богатой сокровищницы европейской литературы, вплоть до обличительныхъ романовъ Вогюэ, Додэ, Борреса, зато собственнаго „искусства“ онъ отнюдь не обнаружилъ. Какъ и въ книгѣ объ интеллигенціи, все сводится къ простому отрицанію: вѣдь хорошіе русскіе мальчики такъ любятъ широкій размашистый жестъ, которымъ проводится знакъ минусъ. Но, можетъ быть, и здѣсь г. Лозинскій „не раскрылъ передъ воявами сейчасъ же всѣхъ своихъ картъ“? (См. его журналецъ „Противъ теченія“, № 2).

Такова одна сторона дѣла. Но въ кризисѣ парламентаризма есть и другая, болѣе важная съ соціалистической точки зрѣнія, сторона: именно все усиливающееся теперь разочарованіе въ значеніи для рабочихъ массъ парламентской дѣятельности. Пролетарскія массы и выразители ихъ интересовъ, различныя соціалистическія партіи Запада, начинаютъ все болѣе убѣждаться въ томъ, что слишкомъ большія надежды были ими возложены на парламентскую дѣятельность соціалъ-демократическихъ фракцій. Возникшая на почвѣ этого разочарованія реакція противъ „парламентскаго кретинизма“ успѣла ужъ мѣстами совершить полную амплитуду отрицанія и приблизиться къ анархистскимъ и полуанархистскимъ формамъ игнорированія политической борьбы. На полюсѣ этого отрицанія стоитъ и г. Лозинскій; хотя въ неизмѣнномъ стремленіи подчеркнуть свою самостоятельность онъ и пишетъ: „Наше отношеніе къ такой самостоятельной борьбѣ рабочаго класса за свое освобожденіе не имѣетъ ничего общаго съ action directe совершенныхъ революціонныхъ синдикалистовъ и анархистовъ“

(с. 107). Имѣетъ, почтеннѣйшій г. Лозинскій, имѣетъ, и ровно столько, сколько, напримѣръ, общаго у вашей теоріи заговора интеллигенціи съ теоріей г. Вольскаго. Но это, конечно, не важно. Важнѣе то, что хоть на одну минуту г. Лозинскій перестаетъ быть „духомъ отрицанія" и произноситъ, наконецъ, какое-нибудь „да". Вотъ въ чемъ, по мнѣнію нашего автора, заключается выходъ пролетаріата изъ его рабскаго положенія: „Въ освобожденіи пролетаріата отъ цѣлаго ряда дурачащихъ и эксплоатирующихъ его политикановъ, въ возвращеніи его къ своей собственной *искони начатой, самостоятельной классовой борьбѣ за улучшеніе своего экономическаго положенія. Не въ сотрудничествѣ въ парламентѣ (не посылая въ парламентъ „своихъ" представителей), а въ предъявленіи ему, этой центральной власти господскаго общества, во время своихъ выступленій,—конкретныхъ, подлежащихъ немедленному осуществленію, экономическихъ требованій"* (с. 47; см. также сс. 107—109). Непосредственную экономическую борьбу пролетаріата (т. е. борьбу его съ отдѣльными или объединенными въ союзы капиталистами) г. Лозинскій дополняетъ нѣкоторымъ *политическимъ* моментомъ,—именно *предъявленіемъ пролетаріатомъ своихъ требованій* органу буржуазнаго господства—парламенту (для того, чтобы, поясняетъ онъ на с. 107, завоеванія, сдѣланныя передовой частью рабочаго класса, могли быть распространены и на отсталые слои его). Но разрѣшая пролетаріату предъявлять свои требованія, онъ запрещаетъ ему *защищать* ихъ въ парламентѣ. Онъ забываетъ, что политическое дѣйствіе имѣетъ свою логику, и что разъ допущено—и даже возведено въ принципъ—давленіе на парламентъ извнѣ, то оно неизбѣжно приведетъ и къ внутри парламентскому дѣйствію. Кто не игнорируетъ значенія парламента, кто не обходитъ этой крѣпости буржуазнаго владычества, тотъ долженъ стремиться завладѣть ею. Непосредственное экономическое дѣйствіе пролетаріата всегда упирается въ политическое дѣйствіе и должно быть сознательно и планомѣрно дополнено имъ. Но принимая участіе въ парламентской борьбѣ, не слѣдуетъ преувеличивать значенія ея и требовать отъ нея то, чего она дать не можетъ. Не въ парламентѣ, конечно, будетъ разрѣшена тяжба между пролетаріатомъ и буржуазіей. Между крайностью парламентаризма, съ одной стороны, и противоположными крайностями антипарламентаризма и апарламентаризма, съ другой, проходитъ истинная линія пролетарскаго дѣйствія.

П. Ю.

Кампфмейеръ. *Соціалъ-демократія при свѣтѣ исторіи культуры.* Книгоиздательство „Колоколъ". 1906 г.

Великъ былъ экономическій путь, который совершилъ современный пролетарій, развившись изъ цехового подмастерья. Но не менѣе зна-

чительна та умственная и нравственная работа, которая совершена имъ за этотъ періодъ. Руководителемъ этой работы явилась, конечно, больше всего соціалъ-демократія. Книжка Кампфмейера и ставитъ своей задачей прослѣдить эту роль соціалъ-демократіи. Онъ видитъ заслуги соціалъ-демократіи въ томъ, что она пробудила въ пролетаріатѣ классовое самосознаніе, организовала классовое движеніе пролетаріата, научно обосновала соціализмъ, политически воспитала рабочія массы, воспитала его научно и художественно. Наконецъ, создала новыя общественныя рабочія учрежденія. Каждому изъ этихъ пунктовъ авторъ посвящаетъ по главѣ. Переводъ страдаетъ шероховатостями.

Л. К.

Возникновеніе партійной организаціи германской соціалъ-демократіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Дьяконова. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1907 г. Ц. 25 к.

„Намъ нужно стать не кучкой пропагандистовъ, но политической силой первой степени“. Этотъ лозунгъ, впервые высказанный К. Каутскимъ, горячо обсуждался въ настоящее время, примѣнительно къ русской дѣйствительности, въ партійной соціалъ-демократической литературѣ и дискуссируется на рабочихъ собраніяхъ. Съ цѣлью дать посильное освѣщеніе организаціонныхъ вопросовъ Р. С. Д.-Р. Партіи, выпустилъ г. Н. Дьяконовъ свою брошюру, составленную изъ рѣчей А. Бебеля, Либкнехта, Зингера, Ауэра Фольмара и др. германскихъ соціалъ-демократовъ, произнесенныхъ на Галльскомъ партейтагѣ въ 1890 году и посвященныхъ выясненію вопроса о возникновеніи германской соц.-дем. партіи. Рѣчь Бебеля—это отчетъ правленія партіи, въ которомъ излагается исторія борьбы соціалъ-демократовъ, въ періодъ исключительнаго закона противъ соціалистовъ, въ Германіи и выясняется значеніе избирательной кампаніи и дѣятельности парламентской фракціи для развитія партіи и для отмѣны исключительнаго закона. Злободневнымъ для Россіи вопросомъ: о соглашеніи съ буржуазными партіями и роли парламентаризма—дается отчасти отвѣтъ въ рѣчахъ Либкнехта, Зингера, Бебеля и др., посвященныхъ полемикѣ съ анархизмомъ „молодыхъ“ и защитѣ необходимости голосованія за кандидатовъ демократическихъ партій при перебаллотировкахъ

И, наконецъ, спеціально организаціонные вопросы разсматриваются въ докладѣ Ауэра и рѣчахъ Фольмара, Кесслера, Штоле и др., принципіально признающихъ вредъ формальной организаціи, запрещенной закономъ.

На основаніи приведенныхъ рѣчей, дебатовъ и резолюцій Галльскаго партейтага г. Дьяконовъ, въ предисловіи къ брошюрѣ, приходитъ къ выводу, что „партійная организація соціалъ-демократіи строится, какъ всѣ политическія партіи, на основаніи и въ цѣляхъ избирательной агитаціонной

борьбы, партія—аппаратъ для непрерывной агитаціонной борьбы съ другими партіями, въ опредѣленные періоды выбирающій депутатовъ и всегда связанный съ ними, всегда составляющій основаніе парламентской фракціи. Это главное. Во-вторыхъ: „ни въ какомъ случаѣ партійная организація не должна состоять изъ тайныхъ обществъ и до тѣхъ поръ, пока она не имѣетъ силы заставить признать свою формальную организацію... она и не должна имѣть ея".

Съ примѣненіемъ этихъ выводовъ къ русской жизни нельзя, конечно, согласиться. Не слѣдуетъ забывать, что наканунѣ 21-го октября 1878 г., когда вошелъ въ силу исключительный законъ противъ соціалистовъ, германская соц.-дем. партія представляла сильную организацію: она имѣла 42 политическихъ и 14 профессіональныхъ органовъ, безчисленное множество политическихъ и профессіональныхъ союзовъ, разныхъ кассъ и обществъ.. Въ Россіи нѣтъ и тѣни подобнаго, и намъ приходится еще только выходить изъ подполья на свѣтъ Божій. Затѣмъ, переоцѣнка парламентаризма и роли соц.-дем. фракціи въ рейхстагѣ дала въ Германіи отрицательные результаты и привела въ настоящее время къ переоцѣнкѣ взаимоотношеній партіи и профессіональныхъ союзовъ.

Поэтому, рекомендуя брошюру „Возникновеніе партійной организаціи германской соціалъ-демократіи", какъ интересный историческій матеріалъ, мы должны предупредить читателя, что къ предисловію г. Н. Дьяконова слѣдуетъ относиться очень и очень критически.

Д. М. З.

Письма К. Маркса къ члену Интернаціонала Кугельману. Съ предисловіемъ Карла Каутскаго. Перев. съ нѣм. А. Гойхбарга. Спб. 1907. 104 стр. Ц. 40 коп.

Письма К. Маркса къ Кугельману были впервые опубликованы года три тому назадъ въ журналѣ „Neue Zeit". Они представляютъ чрезвычайно большой интересъ для научной біографіи Карла Маркса и въ частности для исторіи Интернаціонала.

Между прочимъ, изъ этихъ писемъ вырисовываются тѣ чрезвычайно тяжелыя условія, при которыхъ Марксу приходилось создавать „Капиталъ". Первыя письма переполнены тяжелыми вздохами Маркса по поводу стѣсненныхъ матеріальныхъ условій, не дававшихъ ему возможности погрузиться въ научную работу; по поводу постоянныхъ болѣзней.

„Мои финансовыя дѣла,—пишетъ Марксъ 13 окт. 1866 г.,—вслѣдствіе моей долгой болѣзни и вызванныхъ ею большихъ расходовъ, настолько ухудшились, что мнѣ въ ближайшемъ будущемъ грозитъ финансовый кризисъ—обстоятельство, которое, не говоря уже о его прямомъ вліяніи на меня и на мою семью, именно здѣсь, въ Лондонѣ, гдѣ не-

обходимо сохранять *декорумъ*, погубило бы меня и въ политическомъ отношеніи. Отъ Васъ я хотѣлъ узнать слѣдующее: знаете ли Вы такое лицо или немногихъ лицъ, которыя бы могли мнѣ одолжить минимумъ на два года примѣрно 1000 талеровъ по 5—6%. Я теперь плачу 20—50% за тѣ мелкія суммы, которыя я одалживаю, но при всемъ томъ я не могу уже дольше сдерживать своихъ кредиторовъ и поэтому мнѣ грозитъ опись имущества“ (22 стр.).

Эти жалобы на тяжелое матеріальное положеніе то и дѣло повторяются въ первыхъ письмахъ Маркса, который рѣшилъ даже поступить на частную службу, но изъ-за плохого почерка его не приняли. Только широкая дружеская помощь, оказанная Марксу Энгельсомъ, позволила первому забыть о матеріальныхъ невзгодахъ.

Въ письмахъ Маркса мы находимъ чрезвычайно интересныя данныя о томъ, какъ создавался первый томъ „Капитала“. Матеріальныя заботы, постоянныя болѣзни сильно мѣшали Марксу заниматься и все-таки поражаешься, откуда онъ бралъ столько времени и дѣлалъ столько дѣла.

Работа въ Интернаціоналѣ поглощала у него массу времени, ему приходилось вести, сверхъ того, обширную переписку, встрѣчаться и бесѣдовать съ массою людей и въ то же время онъ пишетъ свой „Капиталъ“, умудряется откуда-то взять время для изученія русскаго языка и продолжаетъ слѣдить за развитіемъ естественныхъ наукъ!

Вскорѣ послѣ появленія перваго тома „Капитала“ одинъ петербургскій издатель предложилъ Марксу выпустить русскій переводъ этой книги. Это предложеніе до крайности удивило Маркса и нельзя сказать, чтобы очень обрадовало. Въ письмѣ къ Кугельману отъ 12-го окт. 1898 г. Марксъ пишетъ по этому поводу: „Нѣсколько дней тому назадъ какой-то петербургскій книгоиздатель поразилъ меня извѣстіемъ о томъ, что „Капиталъ“ печатается въ настоящее время въ русскомъ переводѣ. Онъ просилъ мою фотографическую карточку для его обложки, и въ такомъ пустякѣ я не могъ отказать „моимъ хорошимъ друзьямъ“ русскимъ. Иронія судьбы заключается въ томъ, что русскіе, противъ которыхъ я вотъ уже 25 лѣтъ выступалъ не только на нѣмецкомъ, но и на французскомъ и на англійскомъ языкѣ, всегда были моими „доброжелателями“. Въ 1843—1844 г. въ Парижѣ тамошніе русскіе аристократы меня на рукахъ носили. Мое сочиненіе противъ Прудона (1847 г.), а также и вышедшее у Дункера (1859 г.) нигдѣ не нашли большаго сбыта, чѣмъ въ Россіи. И первая чужая нація, переведшая „Капиталъ“, — это русская. Но все это нельзя очень высоко цѣнить. Русская аристократія въ юности своей воспитывается въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она всегда гонится за самымъ крайнимъ изъ того, что даетъ Западъ. Это чистая гастрономія, какой занималась часть французской аристократіи въ XVIII вѣкѣ“ (51 стр.).

Однако, уже въ этихъ письмахъ Марксу пришлось отмѣтить нарожденіе въ Россіи его новаго читателя изъ среды, никакой гастрономіи никогда не вѣдавшей. Въ концѣ 1867 г. Марксъ получилъ изъ Петербурга отъ „мастера владимірской фабрики кожевенныхъ издѣлій. Васильевскій Островъ“ Іосифа Дицгена замѣчательное посьмо. „Мастеръ владимірскаго кожевеннаго завода“ писалъ Марксу: „Вы впервые въ ясной, неопровержимой научной формѣ высказали то, что отнынѣ станетъ *сознательной* тенденціей историческаго развитія, а именно—тенденцію подчинить человѣческому сознанію бывшую до сихъ поръ слѣпою естестественную силу общественнаго процесса производства“.

Длинное и глубокое письмо русскаго рабочаго произвело на Маркса очень сильное впечатлѣніе и привело его въ восторгъ.

Ознакомленіе съ очень цѣнными письмами Маркса къ Кугельману необходимо для всякаго интересующагося исторіей марксизма. Къ сожалѣнію, русскій переводъ кишмя-кишитъ ужасающими корректорскими ошибками. Собственныя имена почти повсюду перепутаны. Издатель „Капитала“ Мейснеръ превратился въ Гейснера, Іоганнъ Беккеръ почему-то вездѣ именуется Ж. Беккеромъ, газета „Reveil“ превращается въ „Beveil“; дочь Маркса Лауара—въ Ваура; газета „Eastern Post“—въ „Pastern Eost“; изъ фразъ и названій на иностранныхъ языкахъ переданныя вѣрно составляютъ рѣдкое исключеніе.

П. Берлинъ.

Э. Вандервельде. *Соціализмъ и сельское хозяйство*. СПБ. 1907 г. изд. „Прометей“. Цѣна 50 к.

Э. Вандервельде. *Соціализмъ и земледѣліе*. Пер. съ французскаго З. Кочетковой. Изд. редакціи журнала „Образованіе“. Цѣна 40 к.

Оба вышеприведенныя изданія представляютъ переводъ одного и того же курса, читаннаго Эмилемъ Вандервельде въ 1906 г. въ Новомъ Университетѣ въ Брюсселѣ.

Темой новаго труда этого выдающагося вождя бельгійской с.-демократіи служитъ изслѣдованіе эволюціи, совершающейся въ области сельскаго хозяйства. Для насъ, современниковъ нынѣшняго соціально-политическаго кризиса, во главу угла котораго исторія ставитъ вопросъ аграрный, такого рода изслѣдованіе должно имѣть особый интересъ, такъ какъ даетъ возможность подвести итоги тому великому спору, который ужъ не первый годъ ведется, съ одной стороны, марксистами, а съ другой—реставраторами народничества.

Оперируя съ богатымъ статистическимъ матеріаломъ, относящимся къ положенію сельскаго хозяйства и преимущественно крестьянскаго землевла-

дѣнія почти во всѣхъ странахъ Стараго и Новаго свѣта, авторъ приходитъ къ выводу, что „за изъятіями, которыя можно объяснить исключительными обстоятельствами, крестьянская собственность преобладаетъ въ бѣдныхъ районахъ, между тѣмъ какъ сдача въ наймы развивается, напротивъ, въ районахъ богатыхъ", что владѣніе землей повсюду ускользаетъ изъ рукъ тѣхъ, кто ее обрабатываетъ и „даже въ томъ случаѣ, когда крестьяне сохраняютъ свою собственность, они теряютъ всякую независимость по отношенію къ коммерческому и промышленному капиталамъ". Т. е., иными словами: земледѣліе прямо или косвенно становится капиталистическимъ.

Вопросу о концентраціи въ области сельскаго хозяйства посвящена отдѣльная глава. Авторъ признаетъ, что почти во всѣхъ странахъ существуютъ два противоположныя теченія—нѣкоторыя области характеризуются концентраціей, другія—раздробленіемъ хозяйствъ, но, анализируя причины послѣдняго явленія, онъ подчеркиваетъ ихъ ограничительный характеръ и далекъ отъ мысли, что преимущество мелкой культуры продолжало бы существовать, если бы ей пришлось конкуррировать съ крупными эксплоатаціями, обрабатываемыми обществами рабочихъ". Впрочемъ въ этой области Вандервельде не даетъ исчерпывающей критики; онъ, напримѣръ, почему-то умалчиваетъ о блестящемъ анализѣ Каутскаго роста въ Германіи мелкой собственности, данномъ въ предисловіи къ послѣднему изданію Эрфуртской программы.

Касаясь затѣмъ соціализаціи сельскохозяйственныхъ производствъ и перехода самой земли въ общественную собственность, авторъ выпукло подчеркиваетъ всѣ преимущества подобнаго общественнаго устройства, но онъ въ то же время далекъ отъ иллюзій, что современное кооперативное движеніе приближаетъ васъ къ этому будущему. По его мнѣнію, „большая часть сельскохозяйственныхъ производительныхъ обществъ, повидимому, представляютъ скорѣе переходную ступень къ капитализму, чѣмъ къ соціализму". Не менѣе энергично возстаетъ онъ и противъ всякихъ экспериментовъ въ области націонализаціи земли тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ неограниченнымъ правительствомъ, какъ, напр., у насъ въ Россіи. „Ни одинъ соціалистъ,—говоритъ по этому поводу Вандервельде,—не можетъ и думать о расширеніи общественныхъ владѣній, которое дало бы новое оружіе въ руки... правительства".

Повторяемъ, въ книжкѣ Э. Вандервельде русскій читатель найдетъ много цѣннаго, что поможетъ ему разобраться въ постановкѣ этого вопроса у насъ и отличить реальное его разрѣшеніе отъ утопическихъ ламентацій.

Оба перевода книжки вполнѣ удовлетворительны въ литературномъ отношеніи; цѣна же обоихъ изданій нѣсколько высока.

А. Е.

Политическое положеніе и тактическія проблемы. *Сборникъ статей.* Книгоиздательство „Рабочій". Москва. 1906 г.

Настоящему сборнику нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія прежде всего среди московскихъ рабочихъ.

К.-д. лишь отчасти были вправѣ, послѣ послѣднихъ выборовъ, объявить Москву своей „вотчиной". Если въ той части населенія, которая не была лишена избирательнаго права по городской куріи ни самимъ избирательнымъ закономъ, ни его „разъясненіями", кадетское вліяніе велико, то едва ли оно такъ велико, какъ въ остальной части московскаго населенія — среди московскаго пролетаріата — велико значеніе соціалъ-демократіи... только не с.-д. вообще, а именно с.-д.-скихъ большевиковъ. Какъ это ни печально, но значеніе т. н. меньшевиковъ, по сравненію съ послѣдними, было и до сихъ поръ незначительно въ московской рабочей организаціи. Сборникъ знаменуетъ, наконецъ, нарожденіе въ Москвѣ *сильной*, наконецъ, литературной группы, которая, въ противовѣсъ всѣмъ этимъ „Вопросамъ дня", „Текущимъ моментамъ" и пр., пытается проводить въ слои сознательнаго московскаго пролетаріата то марксистское единство, ту марксистскую опредѣленность, которымъ—среди тактическихъ колебаній нашего времени—остались вѣрны одни меньшевики...

Мы находимъ здѣсь имена Череванина, Валентинова, Ленскаго, Меча, Горна—эта группа, беря въ свои руки послѣднія книжки „Правды", пыталась сообщить еще ей фракціонную выдержанность. Она заняла даже независимое положеніе по отношенію къ тогдашнему моменту, высказавшись уже тогда не только противъ бойкота, но и противъ тѣхъ колебаній, которыя еще были у петербургскихъ меньшевиковъ, стоявшихъ въ началѣ за участіе лишь въ первыхъ стадіяхъ выборной кампаніи... Когда „Правда" была закрыта, московскіе товарищи выпустили нѣсколько сборниковъ, которые, впрочемъ, мало отличались отъ журнальныхъ книжекъ по своему составу. Наконецъ, объединившись около своего еженедѣльнаго органа „Наше Дѣло", „Дѣло Жизни" и пр., они рѣшили обобщить всѣ свои тактическіе взгляды въ своего рода программномъ сборникѣ.

Дѣйствительно, здѣсь выдвинуты и подвергнуты анализу всѣ вопросы, такъ волнующіе партійную, по преимуществу, меньшевистскую мысль съ тѣхъ поръ, какъ разогнана первая Дума. Онъ вышелъ въ свѣтъ въ то время, когда вопросъ о соглашеніяхъ еще только намѣчался въ соціалъ-демократической и кадетской печати, и мы прежде всего находимъ въ сборникѣ обширную статью, посвященную этому, въ сущности, до сихъ поръ жгучему вопросу. Прежде чѣмъ перейти къ самому вопросу, Н. Валентиновъ останавливается на томъ взглядѣ, согласно которому „теперь какъ разъ" наступилъ моментъ, когда революціонные соціалъ-демократы должны перестать быть бойкотистами. „Мы этого понять не можемъ,—

пишетъ авторъ.—Но полагаемъ потому, что минувшіе уроки жизни научили кое-чему даже и бойкотистскія головы".

Показавъ затѣмъ, почему нельзя ждать *полнаго* разгрома кадетизма, авторъ рѣзко критикуетъ слабыя стороны той позиціи, которая впослѣдствіи бросила часть с.-д. партіи въ объятія соціалистическаго блока, вступивъ, такимъ образомъ, въ конфликтъ съ постановленіемъ ноябрьской конференціи, признавшей основой для соглашеній съ другими партіями лишь черную опасность. Правда, въ то время, къ которому относится статья Валентинова, большевики стояли еще не на томъ, къ чему они пришли впослѣдствіи, — наоборотъ, они съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія, въ то время высказываясь принципіально противъ соглашеній съ к.-д., въ то же время отстаивали лишь самостоятельное выступленіе. Однако, уже тогда можно было предвидѣть, что подъ этимъ кроется; въ подлежащей нашему вниманію статьѣ мы находимъ это предвидѣніе. Справедливую оцѣнку даетъ она и тѣхъ теченій, которыя характеризовали тогда кадетскую мысль, и того, которое одержало, наконецъ, верхъ, согласно которому для новой побѣды кадеты не нуждаются въ поддержкѣ ни справа, ни слѣва, и теченія Трубецкого, предлагавшаго соединеніе лишь правѣе, и теченіе лѣвыхъ кадетовъ, наоборотъ, обращавшихъ свои взоры налѣво. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ лозунгъ полновластной Думы, въ которомъ онъ сходится съ Плехановымъ. Нельзя не согласиться съ нимъ. Л. Мартовъ, въ своемъ отзывѣ о „Политическомъ положеніи и тактическихъ проблемахъ", высказывается противъ него на томъ основаніи, что кадеты со времени разгона сдѣлали поворотъ направо, что мы это должны не забывать и пр. Но самъ же онъ указываетъ, что они „будутъ наказаны". Теперь же—послѣ выборовъ—мы можемъ уже прямо формулировать, что наказаніе началось... Если же такъ, я не думаю, что эволюціи кадетовъ вправо можно придавать хотя бы такое значеніе, какъ, напр., прошлогодней эволюціи ихъ же налѣво...

Не менѣе основательно трактуются темы другихъ статей, касающіяся положенія с.-д. партіи, ея внутреннихъ разногласій, тѣхъ элементовъ стихійности, которые подъ вліяніемъ временнаго отлива разъѣдаютъ ея сердцевину, тѣхъ задачъ, которыя стоятъ передъ ней. Въ этомъ отношеніи статьи С. Семенова „Общія и частичныя массовыя выступленія", Т. Бѣльскаго „Объ элементахъ анархіи въ русской революціи" и З. Ленскаго „Условія образованія массовой соціалъ-демократіи" дополняютъ другъ друга. Онѣ даютъ правильный анализъ того, что получится въ результатѣ, если точка зрѣнія „Пролетарія" на то „достоинство партизанской войны", что она „можетъ тянуться безконечно", одержитъ верхъ въ партіи с.-д. И если люди, можетъ быть, ни въ чемъ такъ не упорны, такъ не склонны къ тенденціозности, какъ въ оцѣнкѣ своихъ *партійныхъ* заслугъ, то нельзя не признать: этотъ поистинѣ проклятый вопросъ

ставится не только съ той вдумчивостью, какой онъ заслуживаетъ, но даже мужественно...

Важнѣйшей задачѣ, вотъ уже полгода стоящей передъ партійными работниками, вопросу о рабочемъ съѣздѣ, возбужденному П. Б. Аксельродомъ, посвящены двѣ статьи: Череванина и Мирова. Череванинъ разсматриваетъ его съ точки зрѣнія того трагическаго положенія, которое создалось въ партіи, Мировъ намѣчаетъ конкретно условія, въ которыхъ съѣздъ могъ бы быть осуществленъ. Вопросъ этотъ до сихъ поръ блуждаетъ, какъ извѣстно, въ туманѣ. Это не могло не отразиться на статьяхъ, посвященныхъ ему въ сборникѣ.

Л. Кл.

Кампфмейеръ. *Измѣненія въ теоріи и практикѣ соціалъ-демократіи.* Переводъ съ нѣм. Шутякова. СПБ. 1906.

П. Кампфмейеръ извѣстенъ русской читающей публикѣ, какъ авторъ „Очерковъ изъ исторіи нѣмецкой культуры", гдѣ онъ даетъ сжатый анализъ новѣйшаго общественнаго развитія Германіи съ соціалъ-демократической точки зрѣнія. Надо надѣяться, что и эта его работа проложитъ себѣ дорогу къ читателю. Теперь, когда вся Россія переживаетъ моментъ небывалой политической ломки, такъ называемый „кризисъ марксизма" поневолѣ отступилъ у насъ куда-то назадъ. Между тѣмъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ онъ не менѣе волновалъ ряды русской соціалъ-демократіи, чѣмъ германской. Мало того, какъ извѣстно, чисто тактическія разногласія въ нашей партіи не менѣе существенны, чѣмъ разногласія общаго характера, которыхъ пока еще *внутри партіи* не существовало. Былъ даже моментъ, когда партія прямо раскололась на самостоятельныя фракціи, не будучи въ состояніи выработать единыхъ рѣшеній по самымъ важнымъ пунктамъ тактики. Очевидно, какой интересъ при такихъ условіяхъ должна представлять работа, аналогичная брошюрѣ Кампфмейера, дающей сжатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно полное представленіе объ измѣненіяхъ въ теоріи и практикѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Задача ея не полемическая. Авторъ просто разсказываетъ, каковы были вопросы, по которымъ волновалась соціалъ-демократическая мысль, каковы были рѣшенія, которыя она принимала. Сужденіе предоставляется сдѣлать самому читателю. Наименѣе полно авторъ характеризуетъ отношеніе соціалъ-демократіи къ аграрной и торговой политикѣ. Дѣло въ томъ, что, хотя разныя теченія партіи уже нашли себѣ достаточно всестороннее развитіе въ трудахъ Каутскаго и Давида, но партія, какъ таковая, все же еще не опредѣлила достаточно ясно своего взгляда. Она оставляла до сихъ поръ эти вопросы въ сторонѣ...

Издана книжка прилично, хотя за 100 стр. 25 к. нельзя не признать цѣной высокой при расцѣнкахъ послѣдняго времени.

Л. К.

М. Б—овъ и Ф. Данъ. *Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ.* Складъ изданій при книгоиздательствѣ Н. Глаголева. С.-Петербургъ. 1906 г.

Бойкотисты серьезно помѣшали организаціи пролетаріата въ первой думской кампаніи. Литва, Польша, Прибалтійскій край, Петербургъ, Москва—кажется, наиболѣе промышленные центры, тѣмъ не менѣе тактика, разсчитанная на преобладаніе элемента стихійности въ массахъ,—тактика бойкота—была принята пролетаріатомъ даже здѣсь. Конечно, и до апрѣльскаго съѣзда партіи были районы, высказавшіеся противъ бойкота, но до съѣзда это серьезнаго практическаго значенія имѣть не могло. Только тогда, когда бывшее большинство стало меньшинствомъ, въ Думѣ могли появиться первые соціалъ-демократы, какъ прямые ставленники партіи. Это и отразилось на развитіи и организаціи той рабочей группы, которой посвящена книга М. Б—ова и Ф. Дана. Въ то время, какъ нынѣшняя думская рабочая фракція начинаетъ прямо со ставленниковъ партіи и затѣмъ уже привлекаетъ въ свои ряды „сочувствующихъ“, въ прошломъ году еще до того, когда центральный комитетъ Р. С.-Д. Р. П. былъ уполномоченъ освѣдомлять партійныя организаціи о томъ, кого именно, когда именно и на какихъ условіяхъ призналъ онъ представителемъ партіи въ Государственной Думѣ, имѣя спеціальный надзоръ за этими депутатами, образовалась рабочая группа, большинство членовъ которой прошли даже такъ, что неизвѣстно было, въ качествѣ ли кадетовъ или соціалъ-демократовъ прошли они. Если то здѣсь, то тамъ она выражала явное стремленіе стать соціалъ-демократической, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не всегда дѣлала то, что вправѣ отъ нея былъ требовать рабочій классъ. Лишь послѣ того, какъ они отдѣляются отъ трудовой группы, революціонность которой не столько въ ея политическихъ требованіяхъ, сколько въ требованіи земли (протестъ ея былъ по своей природѣ протестомъ мелкихъ хозяевъ), вступаютъ въ соціалъ-демократическую фракцію, образовавшуюся всего за 22 дня до разгона Думы, т.-е. въ партію, а вмѣстѣ съ ней въ тѣсное личное общеніе съ рабочими массами, она начинаетъ все болѣе обогащаться указаніями жизни, становиться лицомъ къ лицу къ дѣлу освобожденія рабочаго класса. Авторы такъ и расположили имѣвшійся въ ихъ рукахъ матеріалъ. Давъ краткую характеристику политическаго положенія передъ вторыми выборами, тѣхъ задачъ, которыя сознательно ставило себѣ въ первой Думѣ рабочее представительство, и только оно одно, они даютъ намъ обстоятельный обзоръ того, какъ функціонировала рабочая группа вначалѣ, когда она не могла еще считаться самостоятельной, и какъ она выступала потомъ, послѣ образованія соціалъ-демократической фракціи. Первыя двѣ главы, посвященныя выборамъ рабочихъ депутатовъ въ рабочей куріи въ Сибири и на Кавказѣ и первымъ шагамъ въ Думѣ, принадлежатъ М. Б—ву, остальныя—Ф. Дану.

Что могъ дать рабочимъ депутатамъ опытъ ихъ дѣятельности въ Думѣ, долженъ ли онъ былъ убѣдить ихъ въ томъ, что путь единенія съ трудовой группой есть единственно правильный для нихъ путь?—спрашиваетъ авторъ и вѣрно отвѣчаетъ: вступленіе въ нее могло быть сколько-нибудь прочнымъ лишь для немногихъ рабочихъ, столь же неопредѣленныхъ въ своихъ требованіяхъ, какъ и сама рабочая группа, и уже съ первыхъ дней этого вступленія рабочіе не могли не почувствовать тяготѣнія къ самостоятельной позиціи, тѣхъ противорѣчій, которыя становились неизбѣжными всякій разъ, когда слово переходило въ дѣло; въ безформенной массѣ „трудового“ народа они теряются, стушевываются, отрываются отъ рабочаго класса, какъ такового. И вотъ—еще до образованія соціалъ-демократической фракціи—наступаетъ моментъ, когда рабочіе-депутаты становятся во главѣ пролетарскаго движенія, независимо отъ сочувствія или несочувствія трудовиковъ. Въ то время, какъ послѣдніе увлекаются агитаціей, пропагандой, задачей,—правда, тѣсно связанной съ организаціей народныхъ силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не разрѣшающейся внѣ конкретной связи, непосредственно ведущей къ дѣйствіямъ,—рабочая группа одна обращается съ открытымъ призывомъ къ народу, въ которомъ показываетъ все безсиліе Думы одной бороться за народныя права, все значеніе того, насколько „освобожденіе народа, какъ выразился тогда д. Михайличенко, можетъ быть только дѣломъ рукъ самого народа“. Исходя изъ этого положенія, М. Б—овъ освѣщаетъ всѣ соотвѣтствующіе факты. Заканчиваетъ онъ свой очеркъ организаціей фракціи. Ф. Данъ, разсматривающій не только работы фракціи въ Думѣ, но и внѣ ея, и даже послѣ разгона ея, даетъ не менѣе полную обработку матеріаловъ. Разъяснивъ все значеніе деклараціи, съ которой фракція и выступила тотчасъ послѣ ея образованія, онъ рисуетъ, каково было ея принципіальное отношеніе ко всѣмъ наиболѣе яркимъ моментамъ, выдвинутымъ думскими днями. Здѣсь и полицейская организація погромовъ, и свобода собраній, и смертная казнь, и продовольственный вопросъ, и обращеніе къ народу. Какой бы вопросъ ни поднимался, вы съ очевидностью видите, какъ въ самомъ дѣлѣ вѣрно то положеніе, согласно которому лишь одна соціалъ-демократія идетъ до конца въ защитѣ интересовъ народа. За все это время былъ только одинъ моментъ, когда с.-д. могла отказаться отъ внутренней борьбы въ Думѣ, моментъ, когда обсуждался вопросъ о смертной казни. Зато припомните кадетскіе проекты, продовольственный вопросъ и пр. Чрезвычайно интересенъ проектъ новаго обращенія къ рабочимъ, уже было принятый фракціей, но не поставленный на очередь въ виду разгона Думы. Заканчиваетъ Ф. Данъ свойо черкъ судьбой рабочихъ депутатовъ послѣ разгона Думы, которая, конечно, является „судьбой всѣхъ россійскихъ гражданъ—кто въ ссылкѣ, кто—въ тюрьмѣ, кто—въ бѣгахъ“.

Нельзя не пожелать книгѣ М. Б—ова и Ф. Дана широкаго распро-

страненія особенно въ настоящій моментъ,—моментъ, когда уже образовалась соціалъ-демократическая фракція второй Государственной Думы.

Л. Кл.

Джонъ Митчель. *Рабочіе союзы въ Америкѣ.* Пер. съ нѣм. А. Розенштейнъ, подъ ред. и съ предисловіемъ В. Канеля. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1907. Ц. 50 коп.

Для того, кто читалъ книгу Зомбарта „Судьбы американскаго пролетаріата“, сочиненіе Джона Митчеля явится очень цѣнной иллюстраціей къ характеристикѣ рабочаго движенія въ Америкѣ, сдѣланной Зомбартомъ. При всемъ богатствѣ матеріала, обработаннаго Митчелемъ, интересная фактическая сторона его книги густо пропитана специфическимъ духомъ „здраваго смысла“ на американскій ладъ. Это именно тотъ „духъ“, который дѣлаетъ соціализмъ американскаго рабочаго столь непохожимъ на европейскій соціализмъ и даетъ политически почти безразличную реакцію на взаимоотношеніе труда и капитала. Зомбартъ изслѣдуетъ причины этого своеобразнаго соціальнаго явленія и находитъ, что такое положеніе вещей должно вскорѣ измѣниться: соціализму, въ европейскомъ его значеніи, предстоитъ рѣшительный и пышный расцвѣтъ на американской почвѣ. Факты послѣдняго времени несомнѣнно подтверждаютъ это заключеніе Зомбарта (кое-какія данныя въ этомъ направленіи приводитъ редакторъ русскаго перевода книги Митчеля г. Канель въ своемъ сжатомъ и интересномъ предисловіи). Но Митчель и его книга стоятъ внѣ этихъ новыхъ теченій. Здѣсь мы находимъ во всей неприкосновенности ту точку зрѣнія на цѣли и формы рабочаго движенія, которая въ условіяхъ американскаго капитализма кажется весьма страннымъ, оригинальнымъ явленіемъ, хотя для европейскихъ общественныхъ отношеній она ужъ давно пріобрѣла прочную окраску шаблоннаго либерализма.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не странно слышать въ устахъ одного изъ представителей американскаго пролетаріата, взрощеннаго безпримѣрнымъ ростомъ крупнаго капитала, что „нѣтъ неизбѣжной и основной противоположности между рабочимъ и капиталистомъ. И тотъ и другой—люди съ обычными людскими добродѣтелями и недостатками, и оба они часто не довольствуются только справедливой долей, а желаютъ большаго?“ Такъ говоритъ Митчель въ предисловіи къ своей книгѣ, и такихъ положеній въ его книгѣ—множество. Наивная подмѣна отношеній между капиталомъ и трудомъ, отношеніемъ между людьми съ средними недостатками и средними достоинствами вѣнчаетъ соціальный „анализъ“ Митчеля. Правда, кое-гдѣ онъ пытается продвинуться дальше, онъ знаетъ, что рабочій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ гуманностью предпринимателей, что наемный рабочій всю жизнь вынужденъ оставаться наемнымъ рабочимъ

и пр. Но подобныя положенія остаются у него какъ бы для книжнаго употребленія. Въ жизни онъ видитъ возможность, если не счастливаго, то справедливаго выхода изъ тѣснинъ соціальныхъ противорѣчій. Его книга стремится доказать, что справедливое (не гуманное) отношеніе другъ къ другу вполнѣ достижимо въ мірѣ капиталистическаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможно устроить и пролетарскія судьбы „по справедливости", безъ вражды и насилій. Ибо „нормальнымъ для промышленности слѣдуетъ признать мирное состояніе". А стачки?—сейчасъ же вспоминаетъ читатель. Стачка, возражаетъ авторъ, не влечетъ за собою непремѣнно вражду: „стачка совершенно напоминаетъ тотъ случай, когда покупатель хочетъ купить килограммъ сахару за 50 пфен., а купецъ требуетъ 55 пфен. за кило. Въ то время, какъ идетъ торгъ при покупкѣ, теряется время; такъ и во время торга между рабочими и капиталистомъ на фабрикѣ работы прекращаются". И дальше Митчель снова выводитъ на сцену борьбы „несовершенство человѣческой природы" (въ смыслѣ его недостаточной мудрости, добродѣтельности и т. д.), чтобы обвинить ее за возникновеніе стачекъ. Митчель упорно не хочетъ прибавить здѣсь, что кромѣ несовершенства „природы" въ „совершенно такой же случай" торга или замедленнаго договора властно вмѣшивается и совершенно опредѣленное отношеніе правительства къ бастующимъ рабочимъ и судебные приговоры противъ стачекъ и пр. Все это авторъ отлично знаетъ и приводитъ на этотъ счетъ много фактовъ, но—это ужъ въ другомъ мѣстѣ. Чисто буржуазная наивность открываетъ ему глаза только для того, чтобы увидѣть въ стачкѣ проволочку времени при мирномъ торгѣ свободнаго капиталиста и свободнаго рабочаго: оба—грѣшные люди и одному естественно сорвать побольше за свой... сахаръ, а другому естественно желать побольше этого сладкаго.

Понятно теперь, что максимумъ общественныхъ усилій для достиженія справедливости Митчель видитъ въ коллективномъ договорѣ рабочихъ и капиталистическихъ организацій. Въ этомъ заключается самое важное значеніе рабочихъ союзовъ. Мы не будемъ останавливаться на этой идеѣ Митчеля, а подчеркнемъ здѣсь одну сторону, которая блестяще подтверждаетъ анализъ Зомбарта. Послѣдній, указывая на политическое безразличіе американскаго соціализма, приводитъ тому одну изъ причинъ,—демократическій строй и особый характеръ двухъ господствующихъ партій. И республиканская, и демократическая партія по формѣ своей организаціи, по отсутствію рѣзко выраженныхъ принциповъ, смѣшанному составу и и основной, одинаковой для обѣихъ цѣли „погонѣ за должностями"— „сильно способствуютъ вступленію въ ихъ ряды пролетаріата". Всѣ эти отличительные признаки и, дѣйствительно, служатъ плюсомъ для представителей американскихъ рабочихъ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Митчеля. Ограничивая форму и дѣятельность рабочихъ союзовъ вышеука-

занной задачей, онъ считаетъ необходимымъ для профессіональныхъ союзовъ оставаться политически нейтральными и вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ ненужнымъ существованіе „третьей", рабочей партіи. Ибо „профессіональные союзы могутъ получить въ настоящее время болѣе значительныя выгоды, пользуясь услугами существующихъ партій, чѣмъ путемъ образованія третьей партіи: обѣ партіи такъ нуждаются въ голосахъ рабочихъ, что онѣ вносятъ въ видѣ законопроектовъ и отстаиваютъ различныя желательныя мѣры въ защиту труда, причемъ въ одномъ штатѣ больше усердія проявляютъ въ этомъ отношеніи республиканцы, а въ другомъ—демократы". Эта цитата достаточно ясно говоритъ о томъ, что понимаетъ Митчель подъ политической нейтральностью профессіональныхъ союзовъ и насколько это пониманіе отличается отъ европейской нейтральности подобныхъ же организацій. И въ то же время рекомендуемая Митчелемъ тактика кладетъ послѣдній чисто-американскій штрихъ на общую картину рабочаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Эта картина, повторяемъ, стала ужъ измѣняться. На ней появляются новыя фигуры въ новомъ движеніи. Но для недавно господствовавшей ситуаціи книга Митчеля можетъ дать много любопытныхъ данныхъ, и съ этой стороны, какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ перевода, она имѣетъ немалый интересъ.

Л. Б.

Проф. Эд. Дженксъ. *Происхожденіе верховной власти.* Пер. съ англ. Э. Серебрякова. Спб. 1907. 152 стр. Ц. 60 к.

Заглавіе книги проф. Дженкса не совсѣмъ точно соотвѣтствуетъ ея содержанію. Судя по заглавію, можно было ожидать, что проф. Дженксъ выяснитъ намъ зародышевыя формы правительства и общественной власти, выработанныя первобытной исторіей человѣчества.

Но именно эта-то сторона дѣла остановила на себѣ наименьшее вниманіе проф. Дженкса. Правда, въ началѣ книги онъ посвящаетъ особую главу „дикарскому обществу", но въ этой главѣ о происхожденіи верховной власти Дженксъ говоритъ очень бѣгло.

Въ дальнѣйшихъ же главахъ онъ имѣетъ уже дѣло не съ *происхожденіемъ* верховной власти, а съ уже вполнѣ сформировавшейся верховною властью, ея эволюціей и классификаціей.

Въ началѣ своей книги проф. Дженксъ устанавливаетъ три историческихъ типа человѣческаго общества: дикарскій, патріархальный и „военной вѣрности" (?).

Эта классификація удивляетъ своею полною произвольностью и хаотичностью.

Прежде всего и понятіе „дикарскій" -есть совершенно произвольное и неопредѣленное понятіе, но уже совсѣмъ непонятно отнесеніе нынѣшняго общества къ типу „военной вѣрности".

„Въ настоящее время,—утверждаетъ авторъ,—главною связью въ обществахъ современнаго типа служитъ „военная вѣрность“. Въ государствахъ, имѣющихъ общую воинскую повинность, это вполнѣ очевидно уже изъ того, что наиболѣе тяжкимъ политическимъ преступленіемъ со стороны француза или нѣмца считается уклоненіе отъ военной службы, а еще болѣе тяжкимъ, если возможно, поступленіе на военную службу къ непріятелю“ (2 стр.).

Произвольность подобнаго рода классификаціи настолько ясна, что на нее достаточно просто указать. Если классифицировать общества сообразно съ такого рода чисто внѣшними признаками, то съ такимъ же правомъ можно было бы назвать нынѣшнее общество типомъ общества съ обязательнымъ оспоприививаніемъ.

Безусловно вѣрно, что нынѣшнее общество требуетъ обязательности оспоприививанія, а въ прежнія времена никакое другое общество этого не требовало. Но этотъ примѣръ лишь показываетъ, куда можно зайти, останавливаясь лишь на чисто формальныхъ и внѣшнихъ особенностяхъ того или иного типа общества.

Но если *классификація* типовъ общества, сдѣланная проф. Дженксомъ, страдаетъ чрезвычайною произвольностью, то самое *описаніе* различныхъ типовъ общества отличается у него большою содержательностью и опирается на рядъ новѣйшихъ изслѣдованій и данныхъ.

П. Б—инъ.

НОВЫЯ КНИГИ ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Н. М. Михайловъ. Стихотворенія. Съ 1895—1904. Ц. 45 к.

Владиміръ Радомскій. Сынъ народа. Ц. 1 р. 50 к.

И. М. Аничкова. Моимъ внучатамъ. Изд. т-ва „Книговѣдъ“. Спб 1906 г. Ц. 1 р.

Айтонъ Синклеръ. Дебри (The Jungle). Пер. съ англ. съ предисл. Эд. Евг. Риттера. Изд. книжн. магаз. С. И. Иванова и К°. Кіевъ. 1906 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

А. А. Черкасовъ. Стихотворенія. Т. I. Ц. 50 к.

Проф. Ѳ. Зѣлинскій. Соперники христіанства. Изъ жизни идей. Т. III. Ц. 1 р. 80 к.

Марія Афанасьева-Уральская. Сказка о свободной. Ц. 40 к.

Генрихъ Шато. Оселъ, обезьяна и философъ. Пер. съ франц. Михаила Маликова. Ц. 50 к.

Д. А. Деворъ. Слѣпое поклоненіе—безуміе. Трагокомедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 20 к.

Эрвинъ Бяльцъ. О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніи къ смерти. Пер. съ нѣмецк. съ примѣч. П. Ларенко. Изд. П. А. Артемьева. Спб. 1906 г. Ц. 50 к.

Николай Трубицынъ. Общественная роль женщины въ изображеніи новѣйшей русской литературы. Ц. 40 к.

В. В. Половцовъ. Основы общей методики естествознанія. Ц. 1 р. 25 к.

А. В. Сперанскій. Краткій курсъ химіи. Ц. 1 р. 25 к.

Юрій Битовтъ. Книга о книгахъ. Толковый указатель книгъ для самообразованія по всѣмъ отраслямъ знанія. Изд. В. С. Спиридонова. Москва. 1907 г. Ц. 80 к.

В. Самсоновъ. Методическое руководство для веденія школьныхъ сочиненій. Изд. Фену и Ко. Спб. 1907 г. Ц. 60 к.

В. Чернышевъ. Законы и правила русскаго произношенія. Ц. 30 к.

Проф. Пл. Тиховъ. О госпитальныхъ клиникахъ Императорскаго Томскаго Университета.

Р. Гаммеджъ. Исторія чартизма. Пер. съ англ. А. В. Погожевой. Изд. Кн-ва „Дѣло". Спб. 1907 г. Ц. 2 р.

Изданія Т-ва „Молодая Россія".

Ж. Ренаръ. Мысли о будущемъ. Пер. съ франц. О. С. Минора. Ц. 12 к.

П. Вихляевъ. Конституціонно-демократическая партія и земельная реформа. Ц. 10 коп.

Изданія Книг-ва Е. Д. Мягкова „Колоколъ".

Г. Іеккъ. Образованіе Интернаціонала. Исторія международнаго общества рабочихъ. Пер. Бронштейна и Гродзинскаго. Ц. 80 коп.

Лассаль. Косвенные налоги. Ц. 25 коп.

К. Каутскій. Американскій и русскій рабочій. Пер. съ нѣм. М. И. Батырева. Ц. 15 коп.

Вильгельмъ Либкнехтъ. Знаніе есть сила, сила есть знаніе. Пер. съ нѣм. Лидіи Мандельштамъ. Ц. 15 к.

Ф. Наумовъ. Какъ французы добывали себѣ волю и землю. Изд. К-ва Е. Д. Мягкова „Народная Мысль". Ц. 3 коп.

Изданія Кн-ва „Трудъ и Борьба".

Ю. Делевскій. Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи. Ц. 20 к.

К. Фортунатовъ. Національныя области Россіи. Ц. 8 к.

И. Анинъ. Національное освобожденіе и соціалистическія партіи. Ц. 8 коп.

А. Веселовъ. Знамя „Земли и воли" и россійская соціалъ-демократія. Ц. 25 к.

В. Вадимовъ. Аграрная программа россійской соціалъ-демократіи. Ц. 25 к.

Изданія Книго-ва „Зарница".

М. Энгельгардтъ. Задачи момента. Ц. 10 коп.

С. Я. Свѣтловъ. Задачи грядущаго. Ц. 10 коп.

Гартъ. Революція и наши партіи. Ц. 25 коп.

Н. П. Васильевъ. Правда о к.-д. Ц. 10 к.

С. Варшавскій. Жизнь и труды первой Государственной Думы. Ц. 1 р.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. „Революціонное выступленіе" Думы и земельный вопросъ. Ц. 25 к.

И. Левитовъ. О необходимости опійной реформы на Дальнемъ Востокѣ.

А. Микулинъ. Рабочій вопросъ и пути къ его рѣшенію. Ц. 15 к.

П. Россовъ. Національное самосознаніе корейцевъ. Изд. П. А. Артемьева. Ц. 30 к.

Ив. П. Сахаровъ. Невѣжество и голодъ. Ц. 5 коп.

Его же. Ненормальное состояніе современной церковно-народной школы и попытка учащихъ раскрѣпоститься. Ц. 30 коп.

Ем. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія. Ц. 25 к.

А. Котельниковъ. Нужна ли и зачѣмъ нужна статистика. Ц. 10 к.

А. К. Семья и женщина. Ц. 10 к.

Старый земецъ. Мечты избирателя. Ц. 5 коп.

С. Пантелѣева. Трудовая самопомощь. Кооперативныя Общества Бельгіи. Ц. 7 коп.

А. Т. Снарскій. Автономія или федерація? Ц. 25 к.

Ф. Каумовъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и въ Италіи. Ц. 4 к.

Эд. Бернштейнъ. Анархизмъ. Ц. 25 к.

Н. Н. Шульговскій. Идеалъ человѣческаго поведенія. Ц. 30 коп.

В. В. Производство и потребленіе въ капиталистическихъ обществахъ. Ц. 30 коп.

Дж. Г. Маккай. Максъ Штирнеръ, его жизнь и ученіе. Переводъ съ нѣм. подъ ред. А. Даманской. Ц. 60 к.

В. Чарнолускій. Соціализмъ и народное образованіе. Ц. 20 коп.

Д. 1905 и 1906 годъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Изд. И. Балашова. Ц. 40 коп.

П. Ж. Прудонъ. Что такое собственность? Изд. Е. и И. Леонтьевыхъ, Ц. 75 коп.

А. Коллонтай. Финляндія и соціализмъ. Изд. кн-ва Маріи Малыхъ. Ц. 20 к.

М. В—уръ. О партіи Мирнаго Обновленія (Русскіе угодовцы). Ц. 10 к.

Поль Луи. Послѣдствія русской революціи. Изд. „Прометей". Ц. 10 коп.

П. А. Голубевъ. Удѣльныя имущества. № 2-й журн. „Общество". Ц. 10 к.

С. И. Сомовъ. Профессіональные союзы и соціалъ-демократическая партія. Изд. Е. Д. Кусковой. Ц. 20 к.

В. Щегло. Крестьянское хозяйство и сельско-хозяйственные рабочіе въ Россіи. Под. ред. и съ пред. П. Маслова. Изд. „Б-ки для всѣхъ" О. Н. Рутенбергъ. Ц. 20 к.

Его же. Работа партій въ первой Думѣ. 1906 г. 27 апрѣля—9 іюля. № 1 журн. „Звено". 1907 г. Ц. 7 к.

Прямо къ цѣли. № 1. Книг-ва „Максималистъ". Ц. 3 к.

Евгеній Лозинскій. Что же такое, наконецъ, интеллигенція? Изд. К-ва „Новый Голосъ". Ц. 1 р.

С. Шниецръ. Не по той дорогѣ. Эскизъ

памяти „Чернаго“ октября. Изд. „Прибой“. Ц. 5 коп.

Бой-Котъ. На темы дней свободы. Изд. Книжн. Магаз. „Наша Жизнь“. Ц. 50 коп.

Октавъ Мирбо. Стачка избирателей и прелюдія. Изд. Кн-ва „Просторъ“. Ц. 6 коп.

Б. Торгашевъ. Профессіональное движеніе и соціалъ-демократія. Изд. Кн-ва „Союзъ“. Ц. 10 коп.

Проф. Г. Еллинекъ. Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Пер. съ нѣм. подъ ред. и со вступ. статьей за 1903 годъ. Изд. Владимірской Губ. Земск. Управы. Ц. 1 р.

9-й Отчетъ Музея Гигіены и Санитарной Техники въ Москвѣ за 1905—1906 годъ.

Отчетъ о дѣятельности Московскаго Городского Работнаго Дома и Дома Трудолюбія за 1905 г.

Н. А. Рубакинъ. Исторія Русской земли. Книга II-я. Люди въ незапамятную старину. Изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь“. Ц. 18 коп.

„Мірское Дѣло“. Смертная казнь. Сборникъ, составленный Л. П. Никифоровымъ. Изд. А. Суратъ. Ц. 6 к.

Изданія Кн-ва „Къ свѣту“.

Л. Загаровъ. Партія правового порядка. Ц. 7 коп.

Впередъ. Сборникъ стихотвореній и пѣсенъ. Сост. Михаилъ Львовичъ. Ц. 20 коп.

Лейтенантъ С. (К. К. Случевскій). Стихотворенія. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія книгоиздательства „Слово и Жизнь“.

М. Бальфуръ. Электрическая теорія матеріи. Пер. съ франц. А. Цѣхановичъ. Ц. 20 к.

Langenscheidts Taschenwörterbücher. Russisch. I. Preis 3 m. 50 pf.

Звено. Международное соціалистическое обозрѣніе. № 4—августъ и № 5—сентябрь 1906 г. Ц. кажд. № 20 к.

Нова Громада. Літературно-науковий місячникъ. № 8, Серпень. 1906 г.

Популярная Библ-ка подъ ред. А Рудина и С. Нечетнаго. К-во „Новое Товарищество“.

П. Вихляевъ. Какъ уравнять пользованіе землей. Ц. 6 коп.

Г. Новоторжскій. Національный вопросъ, автономія и федерація. Ц. 6 к.

Его же. Земельный вопросъ въ Россіи. Ц. 10 коп.

Библіотека по общественно-экономическимъ вопросамъ.

Проф. И. Х. Озеровъ. Что должны имѣть въ виду рабочіе. Ц. 5 к. Б. А. Кистяковскаго. Изд. Юридич. кн. Склада „Право“. Ц. 30 коп.

Николай Бухъ - Полтевъ. Закономѣрность развитія и будущность человѣчества. Изд. Н. К. Бухъ. Ц. 30 к.

Ау (С. Патрашкинъ). Народъ и Правительство. Изд. Т-ва „Поволжье“. Саратовъ. Ц. 30 коп.

Ачадовъ. Муниципализація промышленныхъ предпріятій, земельныхъ площадей, изготовленія и доставки главнѣйшихъ предметовъ потребленія и пр. (Муниципальный соціализмъ). Изд. Б-ки „Самоуправленіе“. Ц. 15 к.

Библіотека „Свѣточа“.

М. К. Цебрикова. Каторга и ссылка. Ц. 20 коп.

Эдвинъ Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Пер. А. М. Өедорова, съ предисл. и примѣч. С. Ө. Ольденбурга. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Мартовъ. Пролетарская борьба въ Россіи. Съ предисл. П. Аксельрода. Изд. Н. Глаголева. Ц. 30 коп.

А. Богдановъ. Изъ психологіи общества. Изд. „Паллада“. Ц. 80 коп.

Н. А. Рубакинъ. Чистая публика и интеллигенція изъ народа. Изд. Кн-ва „Паллада“. Ц. 80 коп.

„Отклики“. Вып. I.

И. К. Гудзь. Законы о выборахъ въ Государственную Думу съ постатейными разъясненіями. Изд. Тверской Губернской Земской Управы. Ц. 50 коп.

Отклики русской жизни.

Отказъ въ бюджетѣ.

I.

Передъ нами—бюджетная комиссія съ ея одиннадцатью подраздѣленіями для предварительнаго изученія и разбора смѣтъ... Соціалъ-демократія съ самаго начала отнеслась отрицательно къ сдачѣ вопроса въ комиссію. Какъ бы ни радовались такому отношенію кадеты или нововременцы, сейчасъ, когда фактъ на лицо, т. е. предложеніе отвергнуть бюджетъ безъ сдачи въ комиссію не принято, отрицательно относиться къ комиссіи можно лишь постольку, поскольку она является симптомомъ противоположнаго рѣшенія. Но отрицаніемъ, конечно, все не исчерпывается, такъ какъ кто поручится за то, что произойдетъ, если бюджетъ доживетъ до второго чтенія...

Сейчасъ можно лишь говорить о тѣхъ дебатахъ, которые предшествовали детальному обсужденію росписи, значеніе которыхъ такъ велико, безотносительно къ комиссіи.

Дума увидѣла лицомъ къ лицу тѣхъ, въ чьихъ рукахъ сосредоточены народныя деньги, бюджетъ, возраставшій съ быстротой, прямо безпримѣрной въ исторіи, вопреки нищетѣ народа, превосходящій по своимъ размѣрамъ бюджеты такихъ богатыхъ странъ, какъ Англія, Франція, Германія, въ полтора и болѣе раза. Прежде всего рѣчи самихъ министровъ, откровенныя, высокомѣрныя, съ ихъ ироніей насчетъ „послѣдней копейки"—„енъ достанетъ!"—съ ихъ ссылками на „смуту", вынуждающую платить высокіе проценты, на дополнительный счетъ по ликвидаціи войны [1]) сдѣлали не мало для политическаго развитія массъ. Но, разумѣется, эти рѣчи сдѣлали бы свое дѣло наполовину, если бы онѣ тутъ же не встрѣтили ножа безпощадной критики, той, которая не только вскрыла источники и назначенія болѣе чѣмъ двухмилліарднаго бюджета съ цифрами въ рукахъ, но и поставила вопросъ на ту принципіальную высоту, съ которой только и можно придти къ болѣе или менѣе правильному выводу.

---

[1]) См., напр., засѣданіе 20 марта.

Послѣ долгихъ лѣтъ финансоваго самодержавія, когда взимались налоги и производились государственные расходы—какъ выражается „Россія"—„не на основаніи вотума Государственной Думы, а на основаніи подлежащихъ узаконеній", за ограду которыхъ не могъ проникнуть ничей „посторонній" взглядъ, когда въ лучшемъ случаѣ признавалось необходимымъ ознакомленіе европейскихъ банкировъ со взглядами оффиціальныхъ сферъ, страна, наконецъ, заглянула въ то темное царство, которое создала бюрократія въ самомъ сердцѣ народнаго хозяйства.

Для того, чтобы понять значеніе этихъ дней, вспомните, какое значеніе имѣетъ бюджетный вопросъ въ думской тактикѣ. Едва ли нуженъ болѣе ясный, болѣе постоянный показатель развитія свободы, чѣмъ исторія контроля надъ бюджетными деньгами. Самодержавное правительство, въ сущности, готово въ критическія минуты удовлетворить какіе угодно общественные интересы, лишь бы обойти бюджетный вопросъ. Оно понимаетъ, что до тѣхъ поръ, пока народъ является лишь дойной коровой, лишенъ какого бы то ни было дѣйствительнаго участія въ распоряженіи государственнымъ хозяйствомъ, до тѣхъ поръ по существу усмотрѣніе гг. Гурко не можетъ быть ограничено, какія бы бумаги оно ни подписывало, что вопросъ о бюджетѣ есть вопросъ смысла и содержанія внутренней политики вообще [1]). Вотъ почему Лассаль, стоя на стражѣ свободы, въ періодъ бюджетнаго конфликта прусскаго парламента съ старой властью, не находилъ иного выраженія для акта отказа въ бюжжетѣ, какъ „рукой за горло и колѣномъ на грудь!"

Право это тѣмъ отличается отъ другихъ конституціонныхъ правъ, что оно бьетъ непосредственно по желудку, а ни для кого, конечно, не тайна, какую роль играетъ этотъ органъ въ жизни государственныхъ людей. Бюджетное право становится такимъ могучимъ средствомъ въ рукахъ народныхъ избранниковъ, что все направленіе внутренней и внѣшней политики начинаетъ имъ прямо подчиняться... Такъ повсюду, такъ и у насъ.

Бюджетъ, только бюджетъ въ состояніи вывести и русскій „парламентъ" изъ того страха за завтрашній день, изъ того тупика, въ которомъ онъ пребываетъ съ самаго появленія своего на свѣтъ. Если, несмотря на то, что еще передъ первой Думой было отнято все, завоеванное въ октябрьскіе дни, все-таки Дума была созвана, избирательная кампанія, которая вездѣ является факторомъ революціонизированія массъ, допущена, то это потому, что денегъ не было. Ни для кого не были тайной тѣ поистинѣ чудовищные планы, которые проникали изъ невѣрныхъ стѣнъ бюрократическихъ кабинетовъ. Если и послѣ опыта съ выборгскимъ воззваніемъ, кабинетъ разгона опять-таки отразился отъ заключительнаго акта—объявить самодержавіе возстановленнымъ въ томъ видѣ, какъ оно су-

[1]) См. объ этомъ рѣчь деп. Алексинскаго.

ществовало искони, какъ его отстаивалъ совѣтъ объединеннаго дворянства или истинно-русскіе молдаване, а, напротивъ, опять назначило выборы и созвало Думу, то опять-таки потому отчасти, что денегъ неоткуда взять безъ тѣхъ „общественныхъ дѣятелей“, по которымъ министры—при всѣхъ ихъ военно-полевыхъ аппетитахъ—такъ склонны вздыхать по дорогѣ въ Берлинъ.

Бюджетные дебаты этихъ дней и показали странѣ, какъ выраститъ, можетъ вырасти бюджетное право, не урѣзанное и сокращенное, не разсчитанное на безсиліе, а то, какое существуетъ въ странахъ Европы, какое диктуется реальными условіями и нашей животрепещущей дѣйствительности: лишь то бюджетное право достигло высокой степени развитія, которое носитъ на себѣ прямую печать революціоннаго происхожденія, говорили ораторы.

Посмотримъ же, насколько это дѣйствительно такъ.

II.

Вопросъ, стоящій передъ Думой, въ сущности, свободенъ отъ классовыхъ противорѣчій, раздѣляющихъ соціалъ-демократовъ отъ буржуазныхъ партій. Ограничиться ли тѣми заплатами, которыхъ можно добиться, не выходя изъ рамокъ закона, забывъ, что въ моменты, когда старый порядокъ рушится, наивысшая практичность есть наивысшая чистота программы, мѣнять ли золотую голову на копеечную иголку въ надеждѣ получить ее послѣзавтра назадъ, или отвергнуть и заплаты—этотъ вопросъ, одинаково должна была рѣшить вся оппозиція. Тѣмъ досаднѣе, что на дѣлѣ это противорѣчіе создалось.

Вопросъ сталъ на принципіальную высоту только благодаря постановкѣ соціалъ-демократовъ,—фактъ—признаваемый даже такой газетой, какъ „Товарищъ“. За соціалъ-демократами пошли только соціалисты-революціонеры. Остальныя же буржуазныя партіи съ партіей к.-д. во главѣ стали именно на точку зрѣнія копеечныхъ иголокъ. Онѣ съ самаго начала оставили въ тѣни вопросъ о бюджетѣ, какъ орудіи борьбы за политическія права. Наоборотъ, вскрывая отдѣльныя злоупотребленія, начиная съ главнаго управленія по дѣламъ печати и кончая штутгартскимъ посольствомъ, анализируя всевозможныя детали и частности, кадетскіе ораторы не только не дали общей оцѣнки антинародной и антикультурной дѣятельности нашихъ финансистовъ, но покрыли своимъ голосованіемъ безконтрольное хозяйничанье крѣпостнически-бюрократической камарильи.

Итакъ, въ бюджетномъ вопросѣ, значитъ, к.-д. не менѣе измѣняютъ тѣмъ завѣтамъ, которые дали имъ ихъ избиратели, чѣмъ въ тѣхъ вопросахъ, которые я разбиралъ въ предыдущей статьѣ [1]). Конечно, к.-д. не могутъ

[1]) Мартъ. „Лѣвая Дума“.

занять *точно* такую же позицію по отношенію къ бюджету, какъ соціалъ-демократы. Но я этого и не думаю.

Соціалъ-демократія въ парламентахъ Западной Европы, какъ извѣстно, не совѣтуетъ буржуазнымъ партіямъ отвергнуть бюджетъ, хотя она принципіально отвергаетъ всякій бюджетъ, какъ выраженіе господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ; и „Новое Время“ не ошибается, предполагая, что лидеры соціалъ-демократіи должны произносить въ Думѣ такія рѣчи, которыя „убѣждали бы рабочихъ въ томъ, что они составляютъ обособленный классъ, не имѣющій ничего общаго съ другими классами и нуждающійся въ совершенно новомъ, доселѣ не испытанномъ, способѣ веденія государственнаго хозяйства“. Лишь въ томъ и дѣло, что русскимъ соціалъ-демократамъ недостаточно говорить только это, какъ соціалъ-демократамъ съ установившимся буржуазнымъ строемъ, гдѣ государственный бюджетъ—буржуазный бюджетъ, гдѣ борьба идетъ всецѣло противъ буржуазіи. Лишь потерявъ окончательно принципіальный критерій, запутавшись въ отдѣльныхъ разоблаченіяхъ, которыя сами по себѣ, внѣ той системы, продуктъ которой они составляютъ, никакого значенія не имѣютъ, можно заявлять, подобно г. Струве, что въ общемъ нашъ бюджетъ построенъ на тѣхъ же основаніяхъ, что и бюджетъ Англіи, не считая „язвъ стараго режима“. Нѣтъ, разница именно въ томъ, что у насъ нѣтъ буржуазнаго бюджета, что нашъ бюджетъ—крѣпостнически-бюрократическій.

Конечно, землевладѣльческій классъ пользуется у насъ не всѣмъ вѣсомъ. Промышленная буржуазія приспособленнѣе даже въ дѣлѣ отстаиванія своихъ нуждъ. Но это доказываетъ только, что буржуазія—носитель высшей производственной фазы, что нѣтъ ни одной отрасли, подчиненной буржуазіи, въ которой такъ или иначе не замѣчено подъема производительныхъ силъ. Быстрое преобразованіе способовъ производства, громадная концентрація, обобществленіе, подвижность населенія, ростъ крупныхъ центровъ развитія—конечно, если борьба общественныхъ классовъ сводится къ смѣнѣ производственныхъ фазъ, гдѣ одерживаетъ верхъ высшая, болѣе прогрессивная фаза, то необходимость, въ лицѣ общественнаго носителя этой фазы, не можетъ не вести за собой, такъ или иначе, представителей государственной власти. Но это не значитъ еще, что „оболочка лопнула“, что тѣ учрежденія, которыя связывали у насъ назрѣвшія отношенія, уступили новымъ европейскимъ. Наоборотъ, старыя учрежденія никогда еще такъ упорно не цѣплялись за существованіе, какъ сейчасъ, при послѣднемъ издыханіи... То же съ бюджетомъ. Очевидно, при такихъ условіяхъ повторять *только* то, что говорятъ европейскіе соціалъ-демократы, мы не можемъ, такъ какъ это значило бы повторить вмѣстѣ съ тѣмъ слова г. Струве, изъ которыхъ, конечно, вытекаетъ, что разъ англійская буржуазія одобряетъ свой бюджетъ, то его должна одобрить и русская. Совершенно наоборотъ. Если положеніе нашихъ буржуазныхъ партій въ данномъ отношеніи аналогично положенію буржуаз-

ныхъ партій Англіи, то такъ было развѣ въ Англіи въ 1784 г., когда у власти стояло *непарламентское* министерство Питта, и когда онѣ, отвергая тѣ или иныя ассигновки, видѣли въ этой мѣрѣ средство борьбы за преобладаніе законодательной власти надъ властью исполнительной [1]). Такъ и французская палата отказалась въ 1876 г. поставить на очередь обсужденіе бюджета, когда Макъ-Магонъ распустилъ палату депутатовъ съ открытымъ намѣреніемъ произвести государственный переворотъ; прусссій ландтагъ въ 1862 г. вычеркнулъ изъ бюджета кредиты, назначенные на военныя реформы... Буржуазная демократія и во Франціи, и въ Пруссіи находилась тогда въ положеніи нашей... поскольку она боролась со старой властью.

Вотъ почему и партія к.-д. обязана была поддерживать ту постановку вопроса, которую дали соціалъ-демократы. И партія к.-д., и трудовики, и народно-соціалисты—всѣ буржуазныя партіи должны были отвергнуть бюджетъ, равно какъ и заемъ.

Насколько это такъ, доказываетъ даже прошлое к.-д., прежде всего тотъ „героическій періодъ", отъ котораго они теперь такъ открещиваются. Настоящими революціонерами к.-д. никогда не были, ихъ оппозиція всегда была достаточно гибка и осторожна. Но все же тогда они покоряться не думали. Сознавая всю безвыходность старой власти, они, по крайней мѣрѣ, пытались вырвать себѣ кой-какія уступки. Не то теперь, хотя европейскій капиталъ ничуть не измѣнился: какъ прежде, такъ и теперь требуетъ онъ утвержденія бюджета Думой. Какъ рѣшаютъ теперь вопросъ кадеты? Они рѣшаютъ служить прикрытіемъ для безконтрольнаго хозяйничанья бюрократіи. Во-первыхъ „Дума, наконецъ, настроилась для нормальной законодательной работы", чего, конечно, не было въ прошломъ году, во-вторыхъ, роспись „врядъ ли возможно использовать, какъ орудіе политической борьбы", въ третьихъ, видите ли, русскій крестьянинъ еще не научился признавать лишь тѣ налоги, которые одобрены его избранниками,—словомъ, причинъ много [2]). Кадеты даже какъ будто и на этотъ разъ было думали поторговаться: они собирались внести проектъ объ измѣненіи правилъ 8 марта и въ зависимости отъ того, какъ будетъ принятъ законопроектъ, такъ или иначе, отнестись къ займу и къ „наиболѣе сомнительнымъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности отдѣльнымъ статьямъ бюджета"... Но, увы, не успѣли чернила просохнуть на перѣ, чертившемъ законопроектъ, какъ оказалось, что правила эти, въ главныхъ своихъ частяхъ, тѣ же „основные законы"... предѣлъ, который не прейдеши...

Все это такъ пусто, что едва ли нуждается въ критикѣ. Буржуазный либерализмъ жаждетъ примиренія со старой властью и ведетъ политику преклоненной головы вообще, въ бюджетномъ вопросѣ въ частности. Надо ли это критиковать? Обратимся же лучше къ существу вопроса.

---

[1]) „Народная Дума", № 8. См. „Отказъ въ бюджетѣ".

[2]) Мнѣніе г. Фридмана.

III.

Вопросъ о томъ, утверждать ли Думѣ бюджетъ, въ сущности, не вопросъ у насъ. Это не совсѣмъ то, чѣмъ былъ даже отказъ въ бюджетѣ въ Англіи въ XVIII ст. или нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ во Франціи.

„Неоспоримо,—говорилъ тогда вождь оппозиціи въ англійской палатѣ общинъ Фоксъ,—что конституція даетъ палатѣ право отказывать въ средствахъ... Это—борьба между прерогативами короны и народа... Если бы министры продолжали упорствовать и довели дѣло до крайности, было бы справедливо воспользоваться правомъ отказа въ бюджетѣ, какъ правомъ, проводящимъ различіе между свободнымъ народомъ и рабами абсолютной монархіи". Еще рѣзче та позиція, какую заняла французская палата въ 1876 г., когда Макъ-Магонъ распустилъ палату. „Мы не выпустимъ изъ рукъ,—говорилъ докладчикъ,—того, что составляетъ послѣднее прибѣжище, послѣднюю гарантію свободныхъ народовъ. Мы дадимъ согласіе на четыре прямыхъ налога только дѣйствительно парламентскому министерству".

Какъ видите, дѣло шло о правѣ, о дѣйствительной гарантіи, а не о какой-то альтернативѣ—старый бюджетъ, новый бюджетъ,—благодаря которой, если парламентъ „отказываетъ правительству въ новой шляпѣ, то правительство въ силу основныхъ законовъ одѣваетъ старую шляпу и говоритъ: au revoir, messieurs" [1])! Каковы бы ни были аппетиты маршала Макъ-Магона или Питта, они не могли предложить съ высоты своего величія собранію депутатовъ разсмотрѣть бюджетъ „внѣ всякихъ очередей", „и вовсе не потому, что безъ утвержденія внесенной государственной росписи трудно своевременно выполнить тѣ или иные расходы государства", „такой, молъ, трудности на самомъ дѣлѣ въ настоящее время не существуетъ, ибо въ распоряженіи правительства имѣются всѣ необходимые къ тому законные способы", а потому, что этого требуютъ какіе-то „насущные интересы всего государства". Для такого парламента вопросъ о томъ, утвердить или не утвердить бюджетъ—при всемъ сходствѣ въ положеніи по отношенію къ старой власти въ данный моментъ—не могъ быть безсодержательнымъ, такъ какъ все равно, молъ, ничего не оставалось, какъ констатировать фактъ своего безсилія, т. е. отказаться отъ одобренія того, въ чемъ его роль сводится къ нулю. Нѣтъ, драгоцѣнное право отказа уже было средствомъ парламентской борьбы, рука народа уже, по выраженію Лассаля, хватала „рукой за горло", ступала „колѣномъ на грудь", и вопросъ объ отказѣ становился мало-по-малу изъ вопроса о выборѣ между новой шляпой или старой—вопросомъ о прямомъ лишеніи правительства средствъ, о прямой пріостановкѣ правительственной дѣятельности...

Если же уже тогда европейскіе парламенты отнюдь не являлись по

[1]) „Россія" отъ 15 марта.

отношенію къ имперскому бюджету простыми механическими передаточными инстанціями, какихъ и безъ того не мало около бюрократическаго ствола, то тѣмъ болѣе, конечно, вопросъ, который сейчасъ стоитъ передъ Думой, полонъ содержанія, связанъ тысячами нитей и страстей съ самой основой народнаго творчества въ европейскихъ странахъ сейчасъ. Вѣдь тотъ порядокъ, безъ котораго установленіе и исполненіе бюджета, какъ дѣйствительной части конституціоннаго права страны, немыслимо, еще болѣе подвинулся и вглубь и вширь съ тѣхъ поръ. О томъ хозяйствѣ, историческій смыслъ котораго сводится къ поговоркѣ—„послѣ насъ хоть потопъ"—хозяйничаньѣ шайки авантюристовъ, ни единымъ словомъ не упоминающихъ о самыхъ колоссальныхъ доходахъ, поощряемыхъ молчаніемъ народа,—не осталось даже воспоминанія сейчасъ.

Для того, чтобы понять, какъ полонъ содержанія сейчасъ вопросъ объ одобреніи бюджета, напр., въ такой странѣ, какъ Бельгія, какая серьезная отвѣтственность легла бы на тѣхъ ея депутатовъ, которые, вопреки привычкѣ послѣднихъ лѣтъ (въ настоящее время буржуазныя партіи, конечно, всегда одобряютъ вносимый правительствомъ бюджетъ, останавливаясь развѣ на отдѣльныхъ деталяхъ), сдѣлали бы шагъ впередъ, достаточно посмотрѣть хотя бы основныя положенія бельгійской конституціи, опредѣляющія сферу финансовыхъ отношеній. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Никакой налогъ и никакой сборъ въ пользу государства не можетъ быть установленъ иначе, какъ закономъ.

2) Налоги въ пользу государства вотируются ежегодно; законы, ихъ установившіе и вторично не возобновленные, имѣютъ силу только одинъ годъ.

3) Не можетъ быть установлено никакихъ налоговыхъ привилегій. икакое освобожденіе отъ налога или уменьшеніе его не можетъ быть установлено иначе, какъ по закону.

4) Никакая пенсія, никакая награда изъ средствъ государственнаго казначейства не могутъ быть пожалованы иначе, какъ въ силу закона.

5) Каждый годъ палаты утверждаютъ счетный законъ и вотируютъ бюджетъ. Всѣ приходы и расходы государства должны быть внесены въ бюджетъ и отчеты.

6) Счетная палата [1]) производитъ повѣрку и ликвидируетъ счета общей администраціи и всѣхъ учрежденій, обязанныхъ отчетностью государственному казначейству. Она наблюдаетъ, чтобы ни одна статья расхода въ бюджетѣ не была превышена, и чтобы не было никакихъ переносовъ изъ одной статьи въ другую. Она утверждаетъ отчеты различныхъ административныхъ учрежденій и обязана собирать по этому предмету всякія

---

[1]) Члены ея назначаются парламентомъ.

свѣдѣнія и всѣ необходимые документы. Общій государственный отчетъ представляется палатамъ съ замѣчаніями счетной палаты.

Порядокъ заключенія займовъ, достигающихъ у насъ такой колоссальной цифры въ 9 милліардовъ, прусская конституція опредѣляетъ такъ: „Заключеніе займовъ въ пользу государственнаго казначейства можетъ имѣть мѣсто только на основаніи закона; то же распространяется и на принятіе на себя государствомъ какихъ-либо гарантій". Что же касается самихъ законовъ, то они, конечно, какъ и государственные бюджеты, представляются сначала палатамъ въ видѣ проектовъ [1]).

Могутъ ли при такихъ условіяхъ даже соціалъ-демократы относиться къ вопросу объ утвержденіи бюджета такъ, какъ будто все еще даже ничтожная деталь его находится внѣ ихъ воли, какъ бы они принципіально ни осуждали бюджетъ, какъ выраженіе интересовъ капитала, видѣть въ немъ лишь приходо-расходную книгу центральнаго правительства, которая изъята изъ ихъ вѣдѣнія? Отнюдь нѣтъ.

Безспорно, современный бюджетъ западно-европейскихъ странъ отражалъ въ себѣ интересы господствующаго класса. Все же гг. Гурки и Лидвали не выглядываютъ у него изъ каждаго угла, все же это не фальшивое счетоводство, не издѣвательство надъ налогоплательщиками, не хаотичная система подачекъ то одному, то другому классу населенія, имѣющая цѣлью заставить и тотъ, и другой видѣть въ самодержавіи опору всяческаго своего благополучія, а не въ собственной солидарности, организаціи собственныхъ силъ (вѣдь всякій классъ, независимо отъ своего экономическаго положенія, неизмѣнно становится въ оппозицію самодержавію, какъ только начинаетъ сознавать себя, какъ классъ). Каково бы ни было буржуазное правительство буржуазнаго государства, соціалъ-демократъ не можетъ сказать: „ни копейки безотвѣтственному правительству" по той простой причинѣ, что оно не безотвѣтственно, что предоставленное ему право наравнѣ съ представителями буржуазныхъ круговъ населенія отнюдь не сводится къ праву прикрывать своимъ голосованіемъ безконтрольное хозяйничанье, давать косвенную конституціонную гарантію займовъ, дѣлающихся не только противъ воли народа, но еще укрѣпляющихъ позицію его враговъ. Буржуазный бюджетъ съ извѣстной точки зрѣнія не менѣе, конечно, противорѣчивъ, чѣмъ бюджетъ крѣпостнически-бюрократическій, но его творитъ не кучка, стоящая надъ общественными партіями, а само заинтересованное населеніе, и ни одна изъ этихъ партій не можетъ сказать, что вопросъ о томъ, одобрить ли бюджетъ, для нея даже не вопросъ...

---

[1]) См. Ренэ Штурмъ. „Бюджетъ", переводъ А. С. Изгоева съ приложеніемъ статьи доцента М. И. Фридмана—„Наше законодательство о бюджетѣ". Библіотека „Общественной Пользы". С.-Петербургъ. 1907.

IV.

Совершенно иное у насъ.

Въ предложеніи соціалъ-демократической фракціи, излагающей, почему, по ея мнѣнію, бюджетъ долженъ быть безусловно отвергнутъ, приводятся разные мотивы. Но едва ли какое-либо изъ этихъ указаній—на то, на кого падаетъ все бремя налоговъ, на что идутъ собранныя такимъ образомъ средства, вообще, на характеръ экономической политики,—такъ характерно для принятаго рѣшенія, какъ именно то, которое изложено въ послѣдней части. Принимая во вниманіе, говорилъ деп. Алексинскій отъ лица фракціи,—что „правила 8 марта и основные законы лишаютъ Государственную Думу всякой возможности фактически контролировать расходованіе народныхъ средствъ и существенно измѣнить представленную роспись, что при такихъ условіяхъ представляя ее на разсмотрѣніе Думы, правительство имѣетъ цѣлью лишь прикрыть авторитетомъ народнаго представительства свое разорительное для страны хозяйничанье и возстановить свой кредитъ на Западѣ, чтобы получить средства для дальнѣйшей борьбы съ народомъ", соціалъ-демократическая фракція, не желая „брать на себя отвѣтственность за финансовую политику правительства, предлагаетъ Думѣ отказать въ утвержденіи росписи доходовъ и расходовъ на 1907 г. безъ передачи ея въ комиссію" [1]).

Этимъ, все сказано; разъ вотума самаго существованія бюджета Думѣ не представлено, то ей остается лишь подчеркнуть этотъ фактъ, тотъ фактъ, что до тѣхъ поръ, пока Дума въ области распоряженія финансами является простой механической инстанціей, какихъ такъ много около тѣхъ тайныхъ совѣтниковъ, которые дѣйствительно держатъ въ своихъ рукахъ „тайну финансовъ, какъ главнаго нерва государства", не можетъ быть вопроса объ утвержденіи росписи, фабрикуемой этими совѣтниками и ими же реализируемой.

Если обсужденіе бюджета есть не болѣе, какъ формальность, если Дума не можетъ имѣть никакого вліянія на то, что предлагаютъ ей одобрить въ „высшихъ государственныхъ интересахъ", то отвѣтъ возможенъ одинъ: правительство можетъ поддерживать свой карманъ безъ санкціи Думы, пусть поддерживаетъ; а засимъ ни копейки безотвѣтственному правительству. Отвѣтъ передъ народомъ и передъ заграницей...

Г. Коковцову, такъ быстро потерявшему ту снисходительную словоохотливость, которую навѣяли на него гг. Кутлеръ и Струве своими истинно „парламентскими" разоблаченіями, какъ только соціалъ-демократы перевели пренія на принципіальную почву, не понравилась такая постановка. „Былъ ораторъ, кажется, членъ Думы Алексинскій,—оправдывался

---

[1]) „Товарищъ", отъ 23 марта.

г. Коковцовъ, вопреки обидѣ [1]) и вопреки ожиданію, тономъ скромнаго дѣльца,—который сказалъ, обращаясь къ Государственной Думѣ: „Ваши бюджетныя права равны нулю". Нѣтъ, господа, не нулю равняются ваши права, и не такъ, какъ здѣсь хотѣлось нѣкоторымъ доказать, поступило правительство въ изданіи бюджетнаго закона, чтобы передать вамъ одинъ только нуль. Правительство дало вамъ не нуль, оно дало вамъ въ руки нѣчто весьма положительное" [2]).

Безспорно, эта попытка—попытка увѣрить представителей народа, что правительство не имѣло въ виду „передать имъ одинъ только нуль" бюджетный—заслуживаетъ больше вниманія, чѣмъ то, въ чемъ такъ высокомѣрно предупреждалъ министръ депутатовъ за нѣсколько дней до того, что „въ распоряженіи правительства имѣются всѣ необходимые законные къ тому способы", чтобы обойтись безъ нихъ—особенно, конечно, послѣ рѣчи деп. Алексинскаго, но заглянемъ все же въ конституцію г. Коковцова, какія статьи росписи можно именемъ ея урѣзывать, какія увеличить, какія вычеркнуть, какія вновь ввести,—словомъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ то „нѣчто положительное", въ силу чего права Думы не „одинъ только нуль".

Проникновенности ради, такъ сказать, возьмемъ и критерій, любезный сердцу министра, ну, хотя бы права финансовыя, какъ они были еще опредѣлены булыгинскимъ закономъ. Смѣемъ думать, насколько эти права были призрачны, не подлежитъ сомнѣнію даже въ глазахъ г. Коковцова. Итакъ, въ чемъ состояли эти права до правилъ 8 марта 1906 года и послѣ правилъ? По закону шестого августа участіе Думы въ области финансовъ представляло „одинъ только нуль" потому, что Дума могла лишь обсуждать бюджетъ, какъ лишь законосовѣщательная инстанція, что даже въ этой области не всѣ дѣла были „подвѣдомственны" Думѣ: стоило любой вопросъ перенести изъ области финансоваго управленія въ такъ наз. „финансовый комитетъ", чтобы онъ былъ изъятъ изъ „вѣдѣнія" народныхъ представителей. По закону шестого августа Дума представляла нуль потому, что она не имѣла никакого отношенія къ вопросу о займахъ, если не считать тѣхъ случаевъ, которые касаются покрытія смѣтныхъ дефицитовъ. Что ужъ говорить объ опредѣленіи размѣровъ доходовъ и расходовъ, составляющемъ столь характерную черту бюджетнаго права всѣхъ странъ Запада... Словомъ, „нѣчто весьма положительное" въ булыгинскомъ дѣтищѣ, можетъ быть, самъ г. Булыгинъ затруднился бы найти. Но, если такъ, что же измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ власть опубликовала свой законъ 20 февраля, свои правила 8 марта,

---

1) Г. Коковцовъ обидѣлся на... г. Родичева.

2) „Народная Дума", № 16.

свой указъ 28 марта, всю ту „законность", исправляющую, разъясняющую, пополняющую, къ которой она питаетъ такое пристрастіе?

Ничего не измѣнилось. Правда, законъ 20 февраля отнесъ къ „вѣдѣнію" Государственной Думы „государственную роспись доходовъ и расходовъ съ финансовыми смѣтами министерствъ и главныхъ управленій и не предусмотрѣнныя росписью денежныя ассигнованія изъ казначейства", но все это имѣетъ силу постольку, поскольку трактуется въ правилахъ 8 марта. Правила же устанавливаютъ слѣдующія изъятья.

Не подлежатъ обсужденію кредиты на расходы императорскаго двора съ состоящими въ его вѣдѣніи учрежденіями въ суммѣ, не превышающей ассигнованій по государственной росписи на 1906 г., равно какъ такія измѣненія этихъ кредитовъ, которыя обусловлены постановленіями учрежденія и императорской фамиліи. Эта сумма составляетъ шестнадцать милліоновъ рублей.

Не подлежатъ исключенію или сокращенію платежи по государственнымъ долгамъ и „по другимъ, принятымъ на себя россійскимъ государствомъ обязательствамъ"—по росписи на 1907 г., 384 мил. процентовъ.

Чрезвычайные сверхсмѣтные кредиты на потребности военнаго времени и „на особыя приготовленія, предшествующія войнѣ", открываются безъ участія народнаго представительства, въ порядкѣ верховнаго управленія. Что понимать подъ этими „приготовленіями", извѣстно, конечно, однимъ воюющимъ.

Займы, не только произведенные на нужды военнаго времени, но и дѣлаемые правительствомъ *при неутвержденіи Думой росписи*, опредѣляются лишь въ „порядкѣ верховнаго управленія". Только тѣ государственные займы восходятъ на разрѣшеніе Думы, которые идутъ для покрытія смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ, да и то время и условія совершенія государственныхъ займовъ не требуютъ разрѣшенія.

Кредиты на расходы собственной Е. И. В. канцеляріи, какъ и расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, идущіе на „извѣстное Его Величеству употребленіе" или на выдачу различныхъ наградъ, на усиленіе личныхъ охранъ, на субсидіи рептиліямъ и пр., обсуждаются Думой въ тѣхъ лишь частяхъ, въ которыхъ эти кредиты испрашиваются съ превышеніемъ противъ назначеній по росписи 29 декабря 1905 года. Сумма въ 11 мил. 200 тыс.

Бюджеты военнаго и морского вѣдомствъ, поглощающіе четвертую часть всего бюджета, не подлежатъ сокращенію Думой до 1908 г., какъ уже установленные.

Но всѣ эти ограниченія еще детали сравнительно съ знаменитыми „дѣйствующими законами, положеніями, штатами, росписями, а также вы-

сочайшими повелѣніями“ ст. 8-й мартовскихъ правилъ [1]), которые Дума, конечно, вездѣ встрѣчаетъ, гдѣ она пытается сдѣлать какой-нибудь активный шагъ... помимо перечисленныхъ ограниченій..

Мало того, правительство не было увѣрено, что даже при всѣхъ этихъ ограниченіяхъ бюджетъ въ безопасности. Для того, чтобы обезопасить себя со всѣхъ сторонъ, оно не только предоставило одинаковое право Думѣ и государственному совѣту, палатѣ Стишинскихъ и Игнатьевыхъ—вопреки всѣмъ конституціоннымъ порядкамъ въ аналогичныхъ случаяхъ,—но и записало: „если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная, роспись, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній“[2]).

Итакъ, или новую шляпу, или мы обойдемся со старой, или ваше одобреніе, или мы обойдемся безъ него: ну, чѣмъ же „нѣчто весьма положительное“ г. Коковцова не что-то весьма отрицательное г. Булыгина? Элементарное требованіе конституціонализма состоитъ въ томъ, что—въ случаѣ отказа утвердить бюджетъ—или кабинетъ подаетъ въ отставку, или объявляются новые выборы. Но гг. министрамъ нѣтъ дѣло до элементарныхъ требованій. Они чувствуютъ одно... Нуль, одинъ только нуль... да еще основные законы...

Можетъ ли въ такомъ случаѣ быть даже вопросъ объ утвержденіи? „Нѣчто весьма положительное“ сводится къ одному, къ праву принять на себя отвѣтственность за всѣ финансовыя манипуляціи правительства, поднять своимъ голосованіемъ авторитетъ его, который такъ упалъ за послѣднія десятилѣтія, но то, что въ глазахъ г. Коковцова есть „нѣчто положительное“, еще не значитъ, что оно на самомъ дѣлѣ таково. На самомъ дѣлѣ единственный выходъ изъ создавшагося положенія—это подтвердить то, что есть, что никакого контроля надъ финансами нѣтъ, и никакого утвержденія не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока Дума остается безправной. Правда, изъ того факта, что бюджетныя права Думы суть „одинъ только нуль“, можно сдѣлать обратный выводъ, тотъ, напр., который дѣлаютъ кадеты, т. е. разъ все равно бюджетнаго права нѣтъ, то не дать ли правительству санкцію съ тѣмъ, чтобы оно сдѣлало хотя „уступочки“... Но... такъ могутъ разсуждать только тѣ, у кого нѣтъ *фактической* силы, чтобы использовать причины, заставляющія бюрократію какъ-ни-какъ кидаться отъ Думы къ Думѣ, вопреки всему ея

---

[1]) Буквально статья гласитъ: „при обсужденіи проекта государственной росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ“ и пр.

[2]) Правила 8 марта, ст. 13

безправію; тѣ же, кто не умѣетъ складывать руки въ зависимости отъ того, желаетъ или не желаетъ бюрократія дѣлать „уступочки", понимаютъ, что борьба за бюджетное право Думы только начинается...

V.

Отказъ утвердить бюджетъ является началомъ борьбы за измѣненіе законовъ въ томъ направленіи, чтобы Дума получила дѣйствительно бюджетное право, прежде всего потому, что европейскіе банкиры даютъ деньги русскому правительству отнюдь не изъ простой готовности поддержать „устои", а ради извлеченія той прибыли, во имя которой рискуетъ каждый капиталистъ, и, будь они увѣрены, что въ одно прекрасное утро народъ можетъ открыто и прямо заявить, что не будетъ признавать долговъ, заключаемыхъ правительствомъ безъ его согласія, заключеніе новыхъ займовъ стало бы невозможнымъ.

Трудно указать страну, гдѣ бы зависимость отъ иностраннаго капитала въ такой степени опредѣляла политическое положеніе, какъ у насъ. Для того, чтобы взвѣсить, насколько все, что сдѣлано у насъ въ области бюджета, даже по внѣшности, сдѣлано именно подъ давленіемъ Европы, достаточно вспомнить, что даже самое опубликованіе росписи было введено не вслѣдствіе уступки общественному движенію внутри. Вотъ что читали мы въ тогдашнемъ докладѣ комитета министровъ: „Малый успѣхъ послѣднихъ нашихъ займовъ, паденіе курса на наши фонды, печатныя сужденія въ нашихъ и иностранныхъ журналахъ, частныя корреспонденціи банкировъ,—все это слишкомъ ясно доказывало, что недовѣріе къ нашему финансовому положенію вкоренилось въ общественное мнѣніе. Довѣріе же можетъ быть возстановлено не иначе, какъ полной откровенностью правительства относительно своихъ финансовъ. Слѣпое довѣріе по преданію, основанное на неопредѣленныхъ, но общепринятыхъ понятіяхъ о рессурсахъ Россіи, не имѣетъ уже прочной силы; возстановить его въ нашъ вѣкъ публичности невозможно, но оно можетъ быть возстановлено на другихъ основаніяхъ, конечно, не вдругъ, а постепенно. Первый шагъ къ этому есть опубликованіе росписи" [1]). Если же таковы были мотивы, по которымъ правительство впервые опубликовало роспись, то что сказать о европейскихъ банкирахъ въ исторіи тѣхъ событій, продуктомъ которыхъ явились финансовыя права Думы? Какъ сообщалъ лондонскій „Economist", органъ англійскихъ биржевыхъ сферъ, русское правительство наканунѣ займа, правда, не публично, но вполнѣ опредѣленно обязалось передъ Ротшильдами и Мендельсонами, что финансы Россіи будутъ подчинены „представительному

---

[1]) Цит. по книгѣ М. И. Боголѣпова: „Финансы, правительство и общественные интересы". Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1907 г., стр. 58.

учрежденію", т. е. что Дума будетъ вооружена бюджетнымъ правомъ, и авантюрамъ, подобнымъ авантюрамъ на Дальнемъ Востокѣ, будетъ положенъ конецъ. Недаромъ—тотчасъ послѣ роспуска Думы—„Economist" писалъ: „Вѣроломство еще разъ обнаружено русскимъ правительствомъ. До сихъ поръ было много иллюстрацій фальши русскихъ министровъ". Онъ прямо называлъ роспускъ Думы „актомъ вѣроломства" [1]).

Такъ каялся органъ, который, кажется, могъ быть бы освѣдомленъ по своимъ связямъ о положеніи русскихъ дѣлъ... Но въ томъ-то и дѣло, что даже крупные банкиры обладаютъ малой возможностью провѣрить состояніе русскихъ финансовъ. Что ужъ говорить о буржуазной массѣ, совершенно сознательно обманываемой продажными газетами всѣхъ странъ! Кто не знаетъ, что даже Жорэсу предлагали 200.000 франковъ за то, чтобы онъ прекратилъ агитацію противъ русскаго займа.

Отсюда очевидно, какое значеніе имѣетъ прежде всего отказъ Думы для той борьбы за бюджетныя права, которая у насъ только начинается. Если заемъ необходимъ; если согласіе Думы необходимо, хотя права ея ничтожны, и правительство юридически нисколько не связано съ этимъ согласіемъ; если отъ рѣшенія Думы зависитъ поддержать вѣру въ платежеспособность тѣхъ, кто ни одной пядью не желаетъ поступиться въ дѣлѣ распоряженія народными деньгами, то отвѣтъ ея, который узнаетъ вся европейская биржа тотчасъ, какъ только онъ будетъ данъ, можетъ быть одинъ: ни копейки безотвѣтственному правительству, ибо это значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ—черезъ голову русскихъ министровъ—сказать магнатамъ европейскаго капитала: и вамъ никакихъ гарантій до тѣхъ поръ, пока за спиной народныхъ представителей—даете займы врагамъ народа.

Какое значеніе имѣло бы обратное рѣшеніе, достаточно выяснила уже биржа, какъ извѣстно,—самый чуткій барометръ политической жизни. Стоило кадетамъ отказаться отъ того взгляда на бюджетъ, который они выдвигали еще во время предвыборной агитаціи, что бюджетъ есть именно орудіе, посредствомъ котораго безъ „всякихъ" внѣдумскихъ давленій удастся заставить правительство уступить, чтобы западно-европейская биржа опять заговорила объ усиленіи правительства, его кредитѣ, его престижѣ. „Бюджетъ, въ концѣ концовъ, вѣроятно, будетъ принятъ,—писала нѣмецкая газета „Börsenzeitung",—*тѣмъ болѣе, что представленныя статсъ-секретаремъ Коковцовымъ объясненія къ бюджету встрѣтили одобреніе и со стороны ка-детовъ"* [2]). „Несомнѣнно, что к.-д. нынѣ воздерживаются отъ утопическихъ плановъ,—писала другая газета [3])! Въ этомъ можно видѣть извѣстный прогрессъ, позволяющій надѣяться, что молодой конституціонный режимъ окажется благотворнымъ для великаго рус-

---

[1]) Ibid, стр. 64.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) „Сѣверо-Германская Всеобщая Газета".

скаго государства“ и прежде всего, конечно, для „высшихъ соображеній“, о которыхъ говорилъ г. Коковцовъ. Словомъ, европейская пресса уже послѣ первыхъ шаговъ партіи „народной свободы“ стала заявлять, что если она будетъ себя держать такъ дальше, то почва для займа почти обезпечена. Если же европейскій денежный капиталъ такъ обрадовался первымъ шагамъ ка-детовъ, то сдача росписи приходовъ и расходовъ въ комиссію вызвала у него прямыя надежды на такія денежныя субсидіи правительству, за проценты съ которыхъ поручится само народное представительство. Онъ прямо отвѣтилъ повышеніемъ курса на русскія бумаги на постановленіе Думы передать вопросъ на разсмотрѣніе комиссіи, истолковывая его, очевидно, какъ скрытое до времени одобреніе [1])...

Вотъ отвѣтъ тѣмъ, кто не желаетъ разстраивать союзъ международныхъ банкировъ съ нашей бюрократіей. Если Дума вступитъ на этотъ путь, она отрѣжетъ себя отъ драгоцѣннѣйшаго изъ конституціонныхъ правъ—права контроля надъ правительственными финансами, такъ какъ та истина, что бюрократія, постольку вынуждена считаться съ Думой, поскольку она дорожитъ довѣріемъ банкировъ, вѣрна лишь до ближайшаго займа, до первой крупной суммы, извлеченной изъ биржевыхъ кубышекъ Европы, безъ которой невозможны ни новыя висѣлицы, ни новыя ...разъясненія сената.

Кадеты держатся того мнѣнія, что — съ согласія или безъ согласія Думы—правительство все равно заключитъ заемъ, какъ оно заключило его въ прошломъ году въ аналогичныхъ условіяхъ, что, молъ, по этому одному раціональнѣе утвердить заемъ, чѣмъ не утвердить, такъ какъ онъ, по крайней мѣрѣ тогда будетъ заключенъ не по такимъ каторжнымъ процентамъ, какъ это имѣло мѣсто въ прошломъ году. Аргументація эта очень характерна для кадетовъ. Вмѣсто того, чтобы говорить о томъ, какое значеніе имѣетъ актъ утвержденія самъ по себѣ, какъ актъ потворства европейскимъ ростовщикамъ, и впредь такъ же мало считаться съ народомъ, какъ раньше, какъ извѣстная санкція для правительственнаго произвола безотносительно къ тому, можетъ или не можетъ онъ еще проявляться свободно, защитники „народной свободы“ заботятся о томъ, какъ бы деньги, которыя требуются для поддержки режима крови, обошлись... дешевле...

Дѣйствительнѣе другой аргументъ, что въ случаѣ отказа въ утвержденіи Дума, конечно, будетъ распущена. Но, во-первыхъ, если бы это и произошло, то еще вопросъ, съ чѣмъ скорѣе примирится народъ— съ позорнымъ ли займомъ за скрѣпой Думы, или съ разгономъ. Всѣ данныя говорятъ за то, что народъ пойметъ, что есть положенія, изъ которыхъ не можетъ быть два выхода, что можно разогнать первую, вторую

---

[1]) См., напр., „National-Zeitung“.

Думу, но это не значитъ, что самимъ же министрамъ разгона не придется вновь собирать третью, четвертую и т. д. Вѣдь то, что лежитъ въ основѣ русскаго „парламентаризма", диктуется не столько отвлеченными соображеніями, сколько реальной необходимостью... Во-вторыхъ,—разгонять ли? Разгонять Думу по поводу военно-полевыхъ дебатовъ, аграрному конфликту, вопросу о террорѣ, по какому угодно вопросу гораздо легче, чѣмъ по вопросу о бюджетѣ. Если, вообще, чѣмъ далѣе развиваются фазисы думской жизни, тѣмъ болѣе, повидимому, министры начинаютъ убѣждаться, какая это нелегкая вещь взять да разогнать—такъ, какъ взяли и разогнали въ прошломъ году, то это прежде всего относится къ атмосферѣ, окружающей бюджетный вопросъ. Недаромъ „Новое Время", обычно въ своихъ правокаторскихъ выходкахъ идущее впереди черносотенной прессы, послѣ бюджетныхъ преній говоритъ: „въ раздирающихъ душу вопляхъ о „разгонѣ Думы" вѣрно лишь то, что со стороны власти не было пока ни одного намека на склонность къ этому акту, а наоборотъ—были настойчивыя, чрезмѣрныя, даже опасныя для страны доказательства желанія сохранить Думу" [1]): говорятъ, что изъ Парижа получены были извѣстія отъ агентовъ, командированныхъ туда, чтобы заключить немедленно заемъ въ 100 милліоновъ, что эта операція безъ санкціи Дума ни на какихъ условіяхъ совершена быть не можетъ. Значитъ, не только страна завѣщала депутатамъ беречь Думу, чутко прислушивается къ тому, насколько серьезно проводится эта задача, но и заграничная биржа диктуетъ тотъ же лозунгъ... г. Столыпину...

Отказъ есть прежде всего требованіе, чтобы за разрѣшеніемъ займа къ народу правительство обращалось не только тогда, когда оно не въ состояніи устроить его безъ него. Это требованіе, чтобы—разъ бюрократія все болѣе и болѣе теряетъ почву въ глазахъ заграничной биржи и, наоборотъ, разъ Дума, рожденная въ борьбѣ и въ ней закаленная, пріобрѣтаетъ все больше авторитета въ ея мнѣніи—чтобы это соотношеніе силъ получило свое выраженіе въ конституціонномъ законѣ. Или коренная реформа, или никакой гарантіи гг. Мендельсонамъ и Ротшильдамъ, въ сѣтяхъ у которыхъ русское правительство уже столько лѣтъ путается и готово путаться—будетъ прямымъ преступленіемъ противъ правъ народа, противъ задачъ всего освободительнаго движенія, если Дума послушается думскихъ мудрецовъ и выберетъ третій путь. Дума должна сказать это Европѣ, каковы бы ни были ближайшіе шаги и виды правительства, каковы бы ни были собственныя ея судьбы, если она хочетъ быть голосомъ страны, а не оффиціознымъ подголоскомъ, если она не хочетъ вмѣсто разъясненія правды Европѣ корыстнаго примиренія съ реакціей цѣною новыхъ висѣлицъ и новыхъ погромовъ.

---

1) „Новое Время" отъ 10 марта.

VI.

Такъ Дума должна сказать Европѣ.

Однако, было бы глубоко ошибочно думать, что отказъ бюджета, главнымъ образомъ, долженъ быть разсчитанъ на банкировъ. Въ дѣлѣ завоеванія бюджета такъ же мало можно полагаться на банкировъ, какъ на другія привходящія обстоятельства. Только самъ народъ своей борьбой, своими силами въ состояніи завоевать себѣ права, гарантировать себя отъ тѣхъ случайностей, какія такъ возможны, такъ неизбѣжны въ дѣлѣ, лишенномъ внутренней опоры... И если агитація, какъ была, такъ и остается главной задачей Думы, то въ этомъ отношеніи отказъ бюджета, конечно, сопряженный съ тщательнымъ дѣловымъ обсужденіемъ его, разоблаченіемъ всей системы, начиная съ ея основъ и кончая ея верхами, долженъ прежде всего раскрыть глаза народу на то, что онъ выражаетъ, какъ основа внутренней политики.

Для того, чтобы понять, насколько неизбѣжно отказъ вытекаетъ изъ этой основной задачи, стоящей передъ Думой, основной обязанности передъ народомъ, подойдемъ поближе къ предмету.

Какіе расходы правительство предлагаетъ Думѣ утвердить? Вотъ нѣсколько такихъ „обязательныхъ для государственнаго казначейства" добавленій [1]):

На улучшеніе быта нижнихъ чиновъ пограничной стражи	1.215.499	руб.
На увеличеніе окладовъ содержанія, улучшеніе быта и увеличеніе штатовъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ	1.595.728	"
На содержаніе бакинскаго градоначальства . .	399.240	"
На содержаніе московскаго градоначальства .	39.220	"
На увеличеніе состава конно-полицейской стражи	3.428.571	"
На увеличеніе состава земской стражи въ Царствѣ Польскомъ	624.410	"
На содержаніе общей полиціи и другіе расходы министерства внутреннихъ дѣлъ	533.943	"

Можетъ ли утвержденіе подобныхъ статей не нанести ударъ Думѣ въ ея основѣ? Какъ долженъ будетъ взглянуть на нее послѣ него пролетарій, тотъ самый, который собственными руками вырвалъ изъ рукъ бюрократіи манифестъ 17 октября, всѣ, кто проливалъ кровь за свободу, кто до сихъ поръ томится въ тюрьмахъ и казематахъ за великое дѣло — вѣдь это тѣ самые „расходы", безъ которыхъ не было бы ни этихъ висѣлицъ, ни казематовъ, за счетъ которыхъ у пролетаріата отнималось и отнимается все то, что было завоевано въ дни свободы...

---

[1]) См. „Роспись доходовъ и расходовъ на 1907 г."

Но, можетъ быть, это „специфическіе“ расходы, которые не только революціонеръ, но ни одинъ либералъ не можетъ не отвергнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ безъ того, чтобы не слыть врагомъ народа? Можетъ быть, помимо этого мы находимъ еще кое-что? Заглянемъ. Главную часть расходовъ, оказывается, составляетъ все то же. Одинъ милитаризмъ, претендующій въ текущемъ году на смѣту въ 489.459.253 руб., требуетъ прибавки противъ прошлаго года почти въ 4 милл.—кажется, достаточно, чтобы всю Россію превратить въ одинъ сплошной Шлиссельбургъ и всѣхъ гражданъ въ тюремныхъ узниковъ, томящихся подъ игомъ нѣсколькихъ палачей? Такъ нѣтъ же—съ перваго января Россія платитъ еще заграницу на 44 милл. больше противъ прошлаго года. Ни для кого, конечно, не тайна, на что тратилось и тратится, главнымъ образомъ, заграничное золото... Все то же...

Какимъ-то пятномъ на этомъ фонѣ является развѣ... расходъ на народное образованіе. Да, цѣлыхъ 2,8 проц. идетъ на... просвѣщеніе. Но это недоразумѣніе, впрочемъ, разсѣивается, какъ только вы припоминаете, какъ рѣшается вопросъ о просвѣщеніи на практикѣ. Объ этомъ очень хорошо говорилъ деп. Алексинскій въ своей рѣчи. „Если ты пьешь водку и приносишь государству доходы“... говорилъ онъ... Не вѣрите? Вотъ образчикъ — комиссія о свободѣ совѣсти, засѣдавшая подъ предсѣдательствомъ графа Игнатьева. Какъ-то мусульманскимъ обществомъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, чтобы государство дало вспомоществованіе на устройство мусульманскихъ школъ. Что же по этому поводу отвѣтилъ такой крупный воротило, какъ гр. Игнатьевъ? „Желаніе это исходитъ изъ соображенія,—отвѣтилъ онъ,—что мусульмане несутъ тѣ же государственные налоги, какъ и прочее населеніе имперіи, и поэтому государственная касса должна удѣлить необходимыя средства на образованіе мусульманскаго юношества. Въ данномъ случаѣ мусульмане заблуждаются, будто они вносятъ въ государственную кассу сумму, равную пропорціонально контингенту христіанскаго населенія. Мусульмане, слѣдуя каноническому предписанію, не употребляютъ спиртныхъ напитковъ... Въ общественной экономіи мусульманъ сберегается этимъ путемъ до 70 милліоновъ рублей... Сообразуясь съ такой необходимостью, казна поступила бы въ высшей степени неосторожно, если бы, не дополучая съ мусульманскаго населенія десятки милліоновъ рублей, расходовала бы въ то же время полученія съ христіанскаго населенія на нужды мусульманъ“ [1]).

Итакъ, армія, полиція, жандармы, подавляющіе народную волю, съ одной стороны, пенсіи, аренды, награды защитникамъ отечества—съ другой, „образованіе—водка“,—какъ, спрашиваю, отнесется рабочій къ тѣмъ депутатамъ, которые, вмѣсто того, чтобы обрушиться на всю эту бухгалтерію всей силой своей критики и своего гнѣва, взяли бы ее и утвердили!..

[1]) „Товарищъ“ отъ 23 марта.

Не измѣнятъ ли они тому дѣлу, на которое пошли по порученію избирателей...

Если такъ обстоитъ съ „оборонительной" стороной бюджета, то еще выше значеніе отказа, какъ средства агитаціи, въ области т. н. экономики. Когда въ первый бюджетный день было указано, что изъ двухмилліарднаго бюджета только 300 милл. падаетъ на состоятельные классы, остальное же вносится въ казну малосостоятельными, г. Коковцовъ съ восклицаніемъ отвѣтилъ: „какъ мало у насъ состоятельныхъ, и какъ много несостоятельныхъ" [1]). Безъ сомнѣнія, надо быть очень низкаго мнѣнія о противникѣ для того, чтобы бросить ему въ условіяхъ нашего обложенія подобный отвѣтъ. Какъ будто все дѣло въ томъ, что помѣщиковъ такъ мало, что въ то время, какъ на 120 милл. десятинъ крестьянскихъ обществъ приходится 188 милл. рублей, на частное землевладѣніе, обнимающее 101 милл. десятинъ, не можетъ падать больше 23 милл. руб., т. е. что крестьянскія земли не могутъ не быть обложены мѣстами въ десять разъ выше, чѣмъ помѣщичьи. Какъ будто дѣло въ томъ, что, если и возможенъ подоходный налогъ, то лишь какъ „дополненіе" къ этого рода обложенію домовъ, земель и пр., которое, конечно, имѣло бы своей задачей „кромѣ привлеченія къ обложенію свободныхъ еще отъ прямыхъ налоговъ доходовъ, распредѣлить неизбѣжное по современнымъ финансовымъ условіямъ увеличеніе прямого обложенія по возможности ближе къ силамъ налогоплательщиковъ, выражающимся въ общей суммѣ получаемаго каждымъ изъ нихъ отъ различныхъ источниковъ дохода"! Всегда такъ „выражаются", когда идутъ на помощь капиталистамъ или помѣщикамъ—съ одной стороны, дополненіе, съ другой—облегченіе, а, въ общемъ, всё тотъ же „енъ"...

И „енъ достаетъ". „Енъ" даетъ и тѣ 7, 3 проц., которые составляютъ прямые налоги, и 56, 9% косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ доходовъ отъ водки, которые составляютъ треть всѣхъ доходовъ вообще, и нѣтъ того средства, которое казна не употребила бы на то, чтобы выкачать всю эту дань до послѣдней копейки, какъ только мужикъ начинаетъ голодать или рабочій впадаетъ въ безработицу. Всѣ помыслы его сосредоточены на нихъ, этихъ средствахъ, и это отразилось не менѣе рѣзко на росписи доходовъ и расходовъ, чѣмъ его политическая подкладка.

Опять представьте, что за систему беретъ на себя отвѣтственность Дума? Что скажетъ на это крестьянинъ? Я отнюдь не склоненъ идеализировать крестьянства, но что оно сдѣлало послѣдніе годы крупный шагъ впередъ въ политическомъ отношеніи, что на фонѣ деревни выдѣлился особый типъ, человѣкъ, познакомившійся съ городской жизнью,

[1]) „Народная Дума" отъ 12 марта.

свободнѣе и смѣлѣе глядящій вокругъ себя, который уже не такъ легко поддается вліянію начальства,—не можетъ подлежать сомнѣнію. Это именно и есть ядро той мужицкой демократіи, которая составляетъ приговоры, посылаетъ телеграммы своимъ депутатамъ, то и дѣло бросается съ одного метода борьбы на другой. И вотъ что скажетъ такой человѣкъ, полный чувствъ, несомыхъ въ деревню волной новой жизни, для котораго всѣ пружины финансоваго механизма правительства уже не та тайна, какой она была для него еще, можетъ быть, вчера, котораго такъ давитъ отсутствіе прочнаго правопорядка, и потому такъ влечетъ Дума, рожденная въ борьбѣ и опирающаяся на нее; что долженъ сказать, если вдругъ староста къ нему придетъ съ тѣмъ, чтобы продать его послѣднюю лошаденку за долги не именемъ кабинета Столыпина, а... именемъ Думы? Между тѣмъ, разъ бюджетъ одобренъ, Дума ничего не можетъ имѣть противъ, если бы бюрократія вздумала сдѣлать хоть аналогичное употребленіе изъ высказаннаго ей одобренія...

Отвѣтъ ясенъ: крестьянинъ отвернется отъ Думы съ тѣмъ же презрѣніемъ, съ какимъ онъ отвернулся отъ самодержавія [1]). Вѣдь какъ онъ ни ищетъ выхода душой, какъ ни ушелъ впередъ въ смыслѣ политическаго самосознанія, онъ еще весьма далекъ отъ того, чтобы сумѣть понять и оцѣнить по достоинству всѣ точности кадетскаго благонравія.

Совершенно обратное дѣйствіе произведетъ отказъ утвердить бюджетъ: онъ дастъ серьезный толчокъ тому, что уже и безъ того назрѣло въ крестьянствѣ, направитъ его мысли въ болѣе конкретномъ направленіи, вызоветъ, быть можетъ, рядъ опредѣленныхъ выступленій. Конечно, для этого отказъ не долженъ быть простымъ отказомъ, а такъ обставленъ, такъ мотивированъ, чтобы каждая деталь, каждая подробность говорили сами за себя, за тотъ принципъ, во имя котораго отказъ произведенъ...

Но... подождемъ. Какъ ни ликуютъ тѣ, кому это надлежитъ по поводу передачи вопроса въ комиссію, трудно сказать, что будетъ съ бюджетомъ, если онъ доживетъ до второго чтенія. Какъ еще откликнется сама жизнь на стоящую передъ нами проблему!..

VII.

Отказъ въ утвержденіи есть начало борьбы. Разъ это такъ, само собой разумѣется, нельзя ограничиться однимъ провозглашеніемъ лозунга, но необходимо также намѣтить тѣ требованія, во имя которыхъ идетъ и будетъ идти борьба сейчасъ.

Въ своей статьѣ, приложенной къ книгѣ „Бюджетъ“, г. Фридманъ намѣчаетъ рядъ мѣръ, близкихъ къ проведенію въ жизнь въ „конкрет-

[1]) Ср. 48 г. во Франціи.

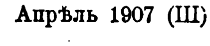
ныхъ условіяхъ“ текущей дѣйствительности. „Прежде всего,—пишетъ онъ,—необходима безотлагательная отмѣна правилъ 8 марта. Сдѣлать это болѣе или менѣе легко, такъ какъ постановленія правилъ не цѣликомъ вошли въ основные законы, и тѣ статьи, которыя не включены въ основные законы, могутъ быть отмѣнены обычнымъ порядкомъ, по иниціативѣ Государственной Думы. Выгоды отъ отмѣны правилъ 8-го марта выразятся въ слѣдующемъ: во-первыхъ, отпадутъ ограниченія, установленныя относительно сокращенія смѣтъ на собственную его величества канцелярію и канцелярію по принятію прошеній; во-вторыхъ, ассигнованіе на экстренныя въ теченіе года надобности будутъ цѣликомъ подлежать компетенціи народныхъ представителей; въ-третьихъ, задѣлана будетъ та брешь, которая пробита въ бюджетныхъ правахъ Государственной Думы ст. 16 правилъ, трактующей о неотложныхъ расходахъ. Наконецъ,—что чрезвычайно важно,—устранена будетъ двусмысленная ст. 8, которая можетъ быть истолкована въ чрезвычайно невыгодномъ для народнаго представительства смыслѣ“ [1]).

Этихъ частныхъ измѣненій недостаточно съ точки зрѣнія г. Фридмана. Для этого, говоритъ онъ, необходимо „измѣненіе и дополненіе основныхъ законовъ указаніями западно-европейскаго бюджетнаго права“, и приводитъ изъ бельгійской конституціи тѣ именно положенія, которыя слѣдовало бы позаимствовать.

Имѣя въ виду, что авторъ говоритъ о конкретныхъ условіяхъ текущаго момента, едва ли, разумѣется, можно возразить здѣсь что-либо противъ. Трудно надѣяться, чтобы въ *этой* Думѣ было достигнуто что-либо большее. Для меня одно непонятно, почему г. Фридманъ такъ щадитъ основные законы; вѣдь безъ ихъ измѣненія, по крайней мѣрѣ, въ той части, какая касается бюджетнаго вопроса, и тѣ положенія бельгійской конституціи, которыя онъ перечисляетъ, осуществимы лишь на бумагѣ, и я думаю, что въ ближайшемъ или никакихъ перемѣнъ не будетъ, или, если будутъ, то они въ той же мѣрѣ коснутся основныхъ законовъ, какъ и правилъ 8 марта, ибо это будетъ плодомъ борьбы, а не подаркомъ. Бюрократія съ легкимъ сердцемъ отъ правилъ 8 марта не откажется...

Но есть еще вопросъ, котораго г. Фридманъ, къ сожалѣнію, не касается, вопросъ о самомъ содержаніи финансовой политики, каковы бы ни были формальныя права. Что должно быть убавлено, что прибавлено чисто матеріально для того, чтобы тѣ реформы, которыя намѣчаются формально, могли быть осуществлены—вотъ къ чему сводится этотъ вопросъ.

Напрашивается мысль о средствахъ, которыя потребуются для реформъ. Подоходный налогъ? Но интересы капитала лежали и будутъ лежать въ основѣ нашей политики въ значительной мѣрѣ, того капитала, благодаря

[1]) Ренэ Штурмъ. „Бюджетъ“. М. И. Фридманъ. „Наше законодательство о бюджетѣ“, стр. 596.

которому въ архи-буржуазной Франціи до сихъ поръ нѣтъ подоходнаго налога, хотя такихъ проектовъ обсуждалось въ парламентѣ не менѣе 46, благодаря которому введенный было въ Соединенныхъ Штатахъ налогъ на доходы былъ вскорѣ признанъ противорѣчащимъ конституціи и отмѣненъ. Если же такъ, то съ увѣренностью можно сказать: каковъ бы ни былъ составъ Думы, каковы бы ни были узы, связывающія власть предержащую съ господами помѣщиками, въ извѣстномъ смыслѣ заинтересованными въ подоходномъ налогѣ, многочисленные доводы противъ налога, тѣ самые, которые выдвигаются буржуазными партіями другихъ капиталистическихъ странъ, возымѣютъ свою силу. Для того, чтобы торгово-промышленныя партіи, какъ извѣстно, въ своихъ программахъ вовсе умалчивающія о своемъ отношеніи къ подоходному налогу, не могли помѣшать радикальной реформѣ, нужно было бы перемѣстить центръ политической власти. Если что-нибудь можетъ еще согласовать буржуазію съ правительствомъ, то именно сохраненіе буржуазнаго statu quo съ дополнительнымъ подоходнымъ налогомъ. Конечно, и въ дополнительномъ налогѣ на доходъ для буржуазіи не одна непріятная сторона, напр., нарушеніе института „торговой тайны", только при наличности которой она можетъ изображать изъ себя роль недоступной крѣпости. Но все же такой налогъ очень мало будетъ содѣйствовать уменьшенію доходовъ, т. е. и овцы будутъ цѣлы, и волки сыты. Такимъ образомъ, если эта реформа и состоится, то ожидать отъ нея сколько-нибудь солидныхъ средствъ для всякаго рода политическихъ и соціальныхъ перестроекъ, даже когда право распоряженія финансами окажется въ рукахъ народа, едва ли возможно [1]). Пусть старая форма обложенія быстрымъ шагомъ идетъ къ разложенію, пусть новая приближается съ неизбѣжностью историческаго процесса — нужны источники, помимо подоходнаго налога. Будемъ искать ихъ въ сокращеніяхъ.

Прежде всего—сокращенія на такія учрежденія, какъ полиція, жандармскія или охранныя управленія, на пенсіи, пособія, награды и пр. Они не очень будутъ значительны. По преимуществу, сокращенія, конечно, коснутся главныхъ статей бюджета. Конечно, въ ближайшемъ будущемъ нельзя еще говорить объ отмѣнѣ постояннаго войска, но вопросъ долженъ стать на очередь. Вмѣстѣ съ тѣмъ расходы по государственной оборонѣ должны все болѣе и болѣе сокращаться до тѣхъ поръ, пока они не будутъ сокращены до минимума. То же относится къ процентамъ по долгамъ, составляющимъ не менѣе значительную статью, чѣмъ расходы по военному и морскому вѣдомству. Должны быть сокращены расходы на церковь, на судъ и тюрьмы.

Но если преимущественно велико значеніе сокращеній для тѣхъ

---

[1]) Ср. мою книжку „Подоходный налогъ". Дешевая библіотека товарищества „Знаніе". Спб. 1906 г.

соціальныхъ и политическихъ реформъ, которыя должны быть осуществлены, то благодаря имъ можетъ быть совершена и операція, не менѣе важная, чѣмъ эти реформы—сокращеніе самаго бюджета. Дѣло въ томъ, что ни въ одной странѣ ростъ бюджета не совершался съ такой неимовѣрной быстротой, какъ у насъ. Уже это свидѣтельствуетъ о ненормальности, такъ какъ при нормальныхъ условіяхъ ростъ бюджета является прямымъ показателемъ роста общаго благосостоянія. Но уже a priori можно сказать, что промышленный ростъ Россіи не могъ и не можетъ превышать промышленное развитіе Европы. Присматриваясь же къ самымъ цифрамъ, мы убѣждаемся въ этомъ воочію. Вотъ приблизительныя данныя:

	Обыкновенныхъ расходовъ.	Ежегоднаго возрастанія въ %.
1863 г.	348 м. руб.	—
1873 „	514 „ „	4,7
1883 „	715 „ „	3,9
1893 „	948 „ „	3,2
1903 „	1880 „ „	9,8
1907 „	2173 „ „	15,5

Правда, промышленное развитіе за это время сдѣлало весьма солидные успѣхи, но, во-первыхъ, не нужно забывать, что вотъ уже 6—7 лѣтъ, какъ мы не выходимъ изъ затяжного кризиса; во-вторыхъ, о какой бы то ни было пропорціональности здѣсь не можетъ быть рѣчи. Между тѣмъ, правительство настолько было упоено своими успѣхами, что рѣшило, что оно имѣетъ право даже на „прибыль“ [1]). Такъ, въ то время, какъ мужикъ годъ за годомъ голодалъ, а рабочій скитался безъ работы, составленіе смѣты обыкновенныхъ доходовъ съ сильнымъ преуменьшеніемъ вошло у насъ въ систему. Такъ годъ за годомъ и копилась та „золотая наличность“, которая затѣмъ шла на авантюры вродѣ японской войны.

Подобному авантюризму долженъ быть положенъ конецъ; только страна, достигшая высшаго капиталистическаго развитія, можетъ себѣ позволить такой бюджетъ, какой существуетъ въ Россіи. При индустріальной же незрѣлости это признакъ самаго ужаснаго напряженія народныхъ силъ, возмутительной ихъ эксплоатаціи, тѣмъ болѣе возмутительной, чѣмъ выше избытки. Словомъ, если средства, идущія на соціально-политическія реформы, должны быть возможно болѣе широки, то, въ общемъ, бюджетъ Россіи долженъ быть значительно сокращенъ.

Таковы условія, которыя могутъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ лечь въ основу русскихъ финансовъ. Если одинъ отказъ въ утвер-

---

[1]) Избытокъ поступленій.

жденіи есть начало борьбы, то, когда данныя условія будутъ на лицо, въ рукахъ общества уже будетъ бюджетное право, дальнѣйшее развитіе котораго (не только путемъ полной отмѣны постояннаго войска, но и свободы національнаго самоопредѣленія, безъ которой такая отмѣна невозможна, и прекращенія постройки военнаго флота [1]) будетъ зависѣть уже лишь отъ характера и качества избирательнаго закона. Чувствительный ударъ старому режиму будетъ уже нанесенъ, его святая святыхъ поколеблена, „кирка и лопата строительства" дѣйствительно вырваны изъ рукъ врага...

Сколько крови еще прольется, сколько разочарованій придется пережить, прежде чѣмъ давленіе народнаго гнѣва, съ одной стороны, финансовыя замѣшательства,—съ другой подготовятъ этотъ моментъ, моментъ буржуазнаго финансоваго закона, кто знаетъ? Но, повторяемъ, прежде всего борьба, прежде всего принципъ. Каково бы ни было сегодня, каково ни будетъ завтра, повторяемъ, будьте увѣрены: лишь та программа можетъ разсчитывать на успѣхъ, которая останется на высотѣ, лишь тотъ политическій дѣятель окажется наипрактичнымъ, кто скажетъ себѣ разъ навсегда: наивысшая чистота принципа есть наивысшая необходимость. Если можно пожелать чего-нибудь депутатамъ, вырабатывающимъ сейчасъ бюджетный лозунгъ, то именно это. Это ничуть не идетъ вразрѣзъ съ дѣловой стороной. Какое бы рѣшеніе ни было вынесено ими, оно должно быть такъ же основательно, серьезно, полно положительнаго содержанія съ дѣловой стороны, какъ со стороны принципіальной. Дѣло лишь въ томъ, чтобы не смѣшивать „два эти ремесла", одинаково прямо смотря въ глаза и сухому факту, и непримиримому принципу.

Л. Клейнбортъ.

---

[1]) Ср. Л. Мартовъ. „Принципіальная демократическая политика въ бюджетномъ вопросѣ". „Народная Дума", № 1.

Редакторъ-издатель **Ал. Острогорскій.**

Опечатки.

1. Въ ст. г. *Е. Смирнова* на 45 стр., 19-ая строка снизу, ошибочно напечатано слово „вспышка", слѣдуетъ читать *„тактика"*.

2. На стр. 91 пропущено, по недосмотру, слѣд. примѣчаніе къ ст. „Строители будущаго": „Редакція не раздѣляетъ нѣкоторыхъ взглядовъ автора, но тѣмъ не менѣе даетъ мѣсто этой статьѣ въ виду ея интереса".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на

литературный и общественно-политическій журналъ

„ОБРАЗОВАНІЕ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами въ 25 листовъ,

при редакціонномъ участіи:

М. Арцыбашева, Л. Клейнборта, А. Луначарскаго и В. Львова.

Особое вниманіе обращено на развитіе публицистическаго отдѣла, на освѣщеніе важнѣйшихъ вопросовъ текущей общественной жизни.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Въ художественномъ отдѣлѣ: **Л. Андреевъ, Л. Андрусонъ, М. Арцыбашевъ, К. Бальмонтъ, В. Башкинъ, Валерій Брюсовъ, И. Бунинъ, Л. Василевскій, А. Вербицкая, В. Вересаевъ, Г. Галина, А. Гольдебаевъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, В. Дмитріева, О. Дымовъ, Борисъ Зайцевъ, А. Каменскій, А. Крандіевская, Маркъ Криницкій, А. Купринъ, Б. Лазаревскій, О. Миртовъ, В. Муйжель, И. Наживинъ, А. Рославлевъ, И. Рукавишниковъ, А. Серафимовичъ, Скиталецъ, Н. Танъ, Е. Тарасовъ, Н. Тимковскій, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ** и др.

Въ научномъ отдѣлѣ: **С. Ашевскій, В. Базаровъ, П. Берлинъ, М. Бернацкій, А. Богдановъ, М. Боголѣповъ, Б. Веселовскій, В. Величкина, Н. Воробьевъ, Г. Гроссманъ, Д. Зайцевъ, П. Звѣздичъ, А. Ершовъ, А. Ельницкій, И. Жилкинъ, Л. Клейнбортъ, А. Коллонтай, Е. Колтоновская, А. Лосицкій, І. Любарскій, А. Луначарскій, В. Львовъ, Л. Мартовъ, В. Мачинскій, П. Масловъ, П. Мижуевъ, А. Налимовъ, М. Ольминскій, В. Ольховскій, Е. Орловъ, П. Орловскій, П. Румянцевъ, Е. Смирновъ, И. Степановъ, П. Стрѣльскій, В. Сторожевъ, В. Тотоміанцъ, А. Чеботаревская, А. Яблоновскій** и др.

Въ ближайшихъ книжкахъ журнала будутъ напечатаны

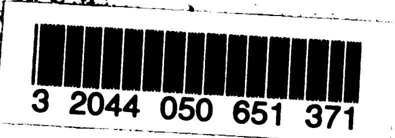
слѣд. беллетристическія произведенія: Разсказъ **Леон. Андреева**, Милліоны. **М. Арцыбашева**, Тихій городъ. **В. Башкина**, Духъ времени. **А. Вербицкой**, Дѣло № 17. **С. Гусева-Оренбургскаго**, Безсонница. **О. Дымова**, Люди. **А. Каменскаго**, Нервный. **Марка Криницкаго**, Женщина. **А. Куприна**, Амнистія. **Н. Тана**. Неприкосновенность. **Н. Тимковскаго**, Неизвѣстный. **С. Юшкевича** и др.

Цѣна на годъ 7 рублей съ пересылкой, на полгода— 3 руб. 50 к., на мѣсяцъ—60 коп., заграницу—9 руб.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: **СПБ. Моховая, 33**. Въ Москвѣ при книжн. магаз. „Трудъ“, „Весна“ и у Н. Печковской, въ Кіевѣ у А. Соколовскаго, въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образованіе“ (Ришельевская).

Редакторъ-издатель *Ал. Острогорскій.*

ТИПО-ЛИТ. Б. М. ВОЛЬФА. СПБ., НЕВСКІЙ, 126.

ТИПО-ЛИТ. Б. М. ВОЛЬФА. СПБ., НЕВСКІЙ, 126.

